РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ТОМЪ XXXVI.
1882.
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ГЛАВНОЕ
въ 1753 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ тринадцатый. ОКТЯБРЬ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ императрицы Анны Іоанновны, геліографическій снимокъ съ гравюры, исполненный художникомъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерингофскій проспектъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № [illegible]
1882.

Княжія и царскія грамоты Ярославской губерніи, издал. членомъ корреспонд. Москов. Археологич. общ. И. А. Вахромѣевымъ. М. 1881. безъ цѣны.

Настоящее изданіе есть лишь археографическій опытъ болѣе обширнаго труда, предпринимаемаго тѣмъ же издателемъ, на основаніи мѣстныхъ архивовъ (Ярослав. городской думы, собственной библіотеки и др. собраній) и имѣющаго вполнѣ мѣстный историческій интересъ— это «Историческіе акты Ярославской губерніи». Нельзя не привѣтствовать подобнаго предпріятія, которое значительно восполнитъ имѣющіяся уже въ распоряженіи отечественныхъ изслѣдователей собранія матеріаловъ подобнаго рода (акты рязанскаго, воронежскаго края, города Шуи и др.), въ особенности въ виду неоднократныхъ заявленій объ исчезновеніи мѣстныхъ матеріаловъ, отчасти въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, отчасти въ слѣдствіе беспечности хранителей и издателей (см. заявленія въ ист. городовъ Россіи, Дитятина, въ Нижегород. Сборникѣ и т. п.).

«Опытъ», полное заглавіе котораго мы выписали выше, изданъ съ цѣлью вызвать «въ виду предпринятаго капитальнаго археографическаго изданія со стороны опытныхъ археографовъ, указанія, отвѣчающія современнымъ требованіямъ исторической науки». Въ составъ «археографическаго опыта» вошли слѣдующіе акты: 1) жалованная грамота князя Андрея Васильевича Угличскаго въ Покровскій Паисіевскій монастырь на села и вотчинныя права, 1416 года; 2) безсудная грамота вел. князя Василія Іоанновича московскаго и всея Руси въ Углицкій монастырь, 1531 года; 3) правая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Толгскому монастырю по тяжбѣ его съ крестьянами Шаховской волости о землѣ Хиновской, 1501 г.; 4) уставная грамота ц. Алексія Михайловича о проѣзжихъ и торговыхъ пошлинахъ, присланная въ Ярославскую земскую избу, 1654 года; 5) грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и государыни царевны Софіи Алексѣевны о привозѣ торговыхъ и промышленныхъ людей Спасскаго монастыря въ Ярослав къ посаду.

Большой интересъ изданныхъ актовъ заставляетъ желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ предпринятаго собранія актовъ Ярославской губерніи.

Источники русской агіографі Спб. 1892. 616 (столбцевъ) Ц. 3 р.

Изданіе этого полезнаго справочнаго сло варя русскихъ святыхъ сдѣлано Обще ствомъ любителей древней письменност и составленіе его принадлежитъ Н. П Барсукову. Въ основаніе его принятъ а фавитный порядокъ, а послѣ общихъ хро нологическихъ данныхъ о каждомъ лиц указаны біографическіе источники о нем находящіеся какъ въ печатныхъ, такъ въ рукописныхъ матеріалахъ. Въ пред словіи къ этому труду поименовано до коллекцій (государственныхъ, монасты скихъ, церковныхъ и частныхъ), предс вляющихъ матеріалы для русской агіогр фіи; впрочемъ въ числѣ ихъ называютъ и такія, которыя давно уже вошли другія собранія. Трудъ г. Барсукова до женъ служить настольною книгою для вс каго интересующагося вопросами въ обл сти русской агіографіи.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Біогр фіи и характеристики. Спб. 1882 358. Ц. 2 р. 50 к.

Изданіе подобныхъ сборниковъ, какъ с чиненія Соловьева, Забѣлина, Максимови и настоящій, мы всегда привѣтствова а также указывали не разъ и слова повторяемъ, что необходимы сборники тр довъ нашихъ ученыхъ, какъ старыхъ, ум шихъ, такъ и тѣхъ, которые еще д ствуютъ, но труды которыхъ разсѣян во множествѣ ученыхъ и литературны періодическихъ изданіяхъ, каковы нап труды Надеждина, Кудрявцева, Срезне скаго, Аѳанасьева, Бѣляева и други Они напоминали бы о старыхъ забытыхъ и вновь возникшихъ вопросахъ; о спора существовавшихъ нѣкогда въ наукѣ; д ставляли бы возможность многимъ позн комиться съ тѣмъ, что не всегда имъ ступно, такъ какъ наша ученая прои дительность въ прежнее время долго

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

1730 — 1740

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1883 г.

четырнадцатый годъ изданія.

„Русская Старина“ будетъ выходить въ **1883** году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „Русской Старины“ **1883** г. награвированы, по заказу редакціи, г. Панемакеромъ въ Парижѣ.

Между многими другими Записками, Воспоминаніями, очерками историческими и біографическими — „Русская Старина“ представитъ на своихъ страницахъ въ **1883** г. много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія Александра II Освободителя.

Каждая изъ 12 книгъ „Русской Старины“ будетъ выходить и разсылаться подписчикамъ, какъ и прежде, ежемѣсячно, непремѣнно перваго числа.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ 9 руб. за доставку 2 рубля.

☞ Подписка принимается для **иногороднихъ** ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „Русской Старины“ на Большой Подъяческой, д. 7.

Для городскихъ подписчиковъ: въ магазинахъ Мамонтова—въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 12; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

[*См. на оборотъ*].

ВЫСЕЛЕНІЕ ГОРЦЕВЪ СЪ КАВКАЗА.

V [1]).

Стремленія къ переселенію въ Турцію у кубанскихъ горцевъ. — Перемѣна во взглядѣ на это дѣло у главнокомандующаго. — Категорическое заявленіе горцамъ объ окончательномъ прекращеніи выселенія. — Движеніе между горцами Майкопскаго и Баталпашинскаго уѣздовъ. — Движеніе между бжедухами. — Всеподданнѣйшая записка главнокомандующаго и резолюція императора Александра II.

1867 — 1874 гг.

Послѣ выселенія черкесовъ между горцами, поселившимися на земляхъ долины р. Кубани, все еще продолжало проявляться, по временамъ, стремленіе къ уходу въ Турцію. Хотя на увольненіе ихъ туда съ половины 1865 до 1867 года и не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ, но мѣстное начальство всѣми мѣрами затрудняло ихъ выѣздъ и дозволяло переселеніе только въ крайнихъ случаяхъ. Вотъ что, между прочимъ, въ сентябрѣ 1867 года, писалъ главнокомандующій къ генералъ-адъютанту Игнатьеву:

«Военныя соображенія, руководившія мною въ 1863 году и заставившія не только не препятствовать переселенію горцевъ, но и поощрять въ нихъ тотъ фанатизмъ, который побудилъ все населеніе черноморскаго прибрежья къ поголовному выселенію, нынѣ не могутъ болѣе имѣть вліяніе на дальнѣйшій взглядъ мой на этотъ предметъ. Если въ 1863 году, въ виду могущей возникнуть европейской коалиціи, быстрое окончаніе кавказской войны было всѣмъ понятною необходимостью и для достиженія этой цѣли выбора не предстояло, то теперь наискорѣйшее развитіе края и административное его благо-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр. 161—176; февраль, стр. 337—363.

устройство побуждают меня препятствовать дальнѣйшему выселенію кавказских мусульманъ, мало по малу начинающихъ пріучаться къ нашему управленію и обѣщающихъ со временемъ сдѣлаться трудолюбивыми поселянами. Вслѣдствіе этихъ соображеній я не желаю содѣйствовать Портѣ въ дальнѣйшемъ переселеніи абхазцевъ и абадзеховъ, будто бы заявленной Портѣ мнимыми депутатами».

Въ томъ же 1867 году великій князь Михаилъ Николаевичъ, совершая объѣздъ Кубанской области, лично объявилъ горцамъ, что переселеніе ихъ въ Турцію должно прекратиться окончательно. Вслѣдствіе такого заявленія всѣ просьбы о дозволеніи уйти въ Турцію отдѣльнымъ семействамъ или цѣлымъ обществамъ, поданныя съ конца 1867 до 1873 года, были оставлены безъ разрѣшенія, за исключеніемъ одного случая, въ 1871 году, въ отношеніи Крымъ-Гирея Ханахукова, который съ нѣсколькими семействами тогда же переселился въ Турцію. Тѣмъ не менѣе горцы не отказывались отъ своихъ замысловъ. Особенно настойчиво стали домогаться разрѣшенія на выселеніе жители Майкопскаго и Баталпашинскаго уѣздовъ, къ чему главными подстрекателями ихъ явились Келемет-Унароковъ и Эльмурза Джанхотовъ, такъ что осенью 1873 года выѣхало въ Турцію 420 сем. или 3,400 душъ обоего пола; изъ нихъ 271 семейство сѣло на пароходы въ Керчи, а 149 въ Туапсе.

Примѣру ихъ рѣшились послѣдовать и бжедухи, которые выжидали только возвращенія своихъ депутатовъ, отправленныхъ для предварительныхъ переговоровъ по этому предмету еще въ концѣ 1873 года въ Константинополь. Намѣренію ихъ, однако же, не суждено было осуществиться.

Чтобы положить предѣлъ дальнѣйшимъ домогательствамъ горцевъ къ выселенію, главнокомандующій арміею представилъ государю императору 5-го апрѣля 1874 года докладную записку слѣдующаго содержанія:

«Осенью 1872 года, получивъ свѣдѣніе о томъ, что оставшіеся на западномъ Кавказѣ горцы Кубанской области, изъ племенъ бжедуховъ и абадзеховъ, вознамѣрились просить весною 1873 г. разрѣшенія выселиться поголовно въ Турцію и находя это намѣреніе пагубнымъ для самихъ выселяющихся и вреднымъ въ томъ отношеніи, что примѣру этому могли бы послѣдовать и другіе Кавказскіе горцы, какъ Кубанской области, такъ въ особенности Дагестанской и Терской областей,—я призналъ нужнымъ, дабы затруднить переселеніе, на первый разъ подчинить выѣздъ въ Турцію просящихся цѣлыми семействами нѣкоторымъ ограниченіямъ и условіямъ. Это распоряженіе, хотя и остановило общее движеніе горцевъ, тѣмъ не менѣе

не успѣло воспрепятствовать выѣзду въ Турцію довольно значительнаго количества отдѣльныхъ семействъ.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ минувшаго года было замѣчено, что бжедухи, жители Екатеринодарскаго уѣзда, начали усиленно сбывать свой скотъ и прекратили посѣвы хлѣба. Когда же мѣстное начальство обратило на это вниманіе, то горцы открыто заявили, что, намѣреваясь переселиться въ Турцію, для чего отправили депутатовъ въ Константинополь, они уже не признаютъ надъ собою русскихъ властей. Столь дерзкое заявленіе вынудило мѣстное начальство арестовать и отправить въ г. Ейскъ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ. Послѣ сего бжедухи выслали въ г. Екатеринодаръ толпу депутатовъ, съ требованіемъ освобожденія арестованныхъ. Изъ среды сей толпы были вновь арестованы еще 7 человѣкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы въ тѣхъ аулахъ, гдѣ старшины служили покорными орудіями обществъ и не соотвѣтствовали своему назначенію,—опредѣлить старшинъ по назначенію мѣстнаго главнаго начальства. Четыре аула Екатеринодарскаго уѣзда отказались признавать старшинами лицъ, имъ назначенныхъ. Впослѣдствіи, однако, три изъ этихъ ауловъ перестали сопротивляться распоряженіямъ старшинъ; но аулъ Хатлукай продолжалъ враждебно относиться къ властямъ, заявивъ, что общество считаетъ себя въ Россіи гостемъ и не намѣрено подчиняться распоряженіямъ правительства. Хатлукаевцы, оставивъ свои сакли, вышли изъ аула и расположились частію въ окрестностяхъ его, а частію въ прилегающемъ къ нему лѣсѣ. Такой образъ дѣйствій заставилъ направить противъ неповинующихся военную силу, съ прибытіемъ которой бжедухи изъявили готовность покориться всѣмъ требованіямъ правительства и выдали 10 человѣкъ главныхъ виновниковъ. Спокойствіе водворено безъ всякаго употребленія силы».

Въ заключеніе великій князь признавалъ необходимымъ всякій выѣздъ въ Турцію, въ теченіи текущаго года, бжедухамъ воспретить; а главныхъ зачинщиковъ настоящихъ безпорядковъ выслать изъ края во внутреннія губерніи имперіи административнымъ порядкомъ. Ходатайство это было высочайше одобрено съ собственноручною помѣткою покойнаго государя на докладной запискѣ: весьма желательно, чтобы оно (выселеніе) не возобновлялось.

Послѣ послѣднихъ распоряженій между горцами водворилось полное спокойствіе.

Съ береговъ Кубани перенесемся на берега Терека и Сунжи.

VI.

Выселеніе горцевъ съ восточнаго Кавказа.—Чечня.—Населеніе.—Экспедиціи въ Чечню.—Наше положеніе на восточномъ Кавказѣ въ эпоху, предшествовавшую выселенію горцевъ.—Предположеніе гр. Евдокимова къ обезпеченію спокойствія въ Чечнѣ.—Возстаніе въ Ичкеріи и въ Аргунскомъ округѣ.—Князь Святополкъ-Мирскій и его система дѣйствій.—Ученіе зикръ.—Станица Датыхская.—Два способа разрѣшенія чеченскаго вопроса.

1864 г.

Обращаясь къ выселенію горцевъ съ восточнаго Кавказа, мы должны остановиться прежде всего на Чечнѣ, какъ на томъ именно районѣ, который лишился наибольшаго процента своего населенія.

Подъ именемъ Чечни, составляющей, по послѣднему административному дѣленію сѣвернаго Кавказа, часть Терской области, подразумѣвается все пространство между теченіемъ рѣки Аксая, горами Малой Чечни (послѣдними террасами главнаго хребта) и рѣкою Терекомъ. Раздѣляясь рѣкою Гойтою на Большую и Малую, она представляетъ мѣстность частью плоскую, частью покрытую горами и обширными дѣвственными лѣсами. Плоскость ея имѣетъ приблизительно длины отъ подошвы Качалыковскаго хребта на западъ до аула Газин-юрта, на р. Фартангѣ, 70 верстъ; ширина, отъ конечныхъ уступовъ Черныхъ горъ съ юга до р. Сунжи на сѣверъ, среднимъ числомъ 40 верстъ, а всего 2,800 кв. верстъ. Все это пространство населено чеченскимъ народомъ, заключающимъ въ себѣ слѣдующія племена:

а) Назрановцевъ или Ингушей (они сами себя называютъ Ламур, отъ слова лам—гора), обитавшихъ на низменныхъ мѣстахъ, орошаемыхъ рѣками Камбилейкой, верхней Сунжей и Назрановкою, по теченію этихъ рѣкъ до впаденія рѣки Яндырки въ Сунжу и на Терской долинѣ.

б) Карабулаковъ. Они населяли равнину, орошаемую рѣками Ассою, Сунжею и Фартангою, по теченію которыхъ и были расположены ихъ аулы.

в) Галашевцевъ—по рѣкамъ Ассѣ и Сунжѣ.

г) Джераховъ—по обоимъ берегамъ Макалдона.

д) Кистовъ—по ущельямъ рѣкъ Макалдона и Аргуна.

е) Галгаевъ—у верховьевъ рѣки Ассы и по берегамъ рѣки Тоба-чочъ.

ж) Цоринцевъ—въ верховьяхъ восточнаго истока рѣки Ассы.

з) Ако или Акинцевъ—по берегамъ Ассы, Сунжи и Гехи.

и) Пшхоевъ или Шопоти—около истоковъ рѣки Мартанъ.

і) Шубузовъ или Шатой—по Аргуну.

к) Шаро или Кіалалъ — по верховью Шаро-Аргуна.

л) Джан-Бутри, Чабирлой и Тат-Бутри — по Аргуну.

м) Ичкеринцевъ (Нахчой-мохкхой) — по верховьямъ рѣкъ Аксая и Хулхулау.

н) Качалыковъ — по сѣверному скату Качалыковскаго хребта.

о) Мичиковцевъ — по Мичику.

п) Ауховцевъ — по верховьямъ рѣкъ Акташа и Ярык-су.

р) Сунженскихъ чеченцевъ — по Сунжѣ, между Аргуномъ, Гудермесомъ и Ассою.

с) Брагунскихъ чеченцевъ — по правому берегу Терека, при впаденіи въ него Сунжи.

Но дѣленіе это самимъ чеченцамъ неизвѣстно. Они называютъ себя нахчуй (въ единственномъ числѣ нахчуо, т. е. народъ), и это относится до всего народа, говорящаго на чеченскомъ языкѣ. Упомянутыя же названія перешли къ нимъ отъ ауловъ или отъ рѣкъ и горъ, по которымъ расположены ихъ аулы.

Въ нашей отечественной исторіи имя чеченцевъ впервые встрѣчается въ 1708 году, а именно въ «договорной статьѣ калмыцкаго Аюки-хана, учиненной на рѣкѣ Ахтубѣ съ ближнимъ министромъ, казанскимъ и астраханскимъ губернаторомъ Петромъ Апраксинымъ о вѣчномъ и вѣрномъ Россійскому государю со всѣми улусами подданствѣ, о всегдашнемъ при Волгѣ кочеваніи, о защищеніи низовыхъ городовъ отъ всѣхъ непріятелей, о неперехожденіи ему на горную сторону рѣки Волги, объ удержаніи Чеметя и Мункотемиря отъ набѣговъ и о преслѣдованіи чеченцевъ и ногайцевъ» [1]).

Для усмиренія чеченцевъ предпринимаемы были еще со временъ Петра Великаго экспедиціи, изъ которыхъ особенно замѣчательны походы 1718 и 1722 годовъ донскихъ казаковъ на Сунжу и Аргунъ; въ 1758 году ходили къ нимъ и регулярныя войска, а въ 1770 г. генералъ де-Медемъ покорилъ сунженскихъ чеченцевъ, взявъ у нихъ аманатовъ. Движеніе отряда нашего въ 1785 году, предпринятое для усмиренія чеченцевъ, взволнованныхъ тогда Шейх-Мансуромъ, не имѣло успѣха. Генералу Булгакову удалось покорить нѣкоторыя ихъ общества, а А. П. Ермолову привести ихъ къ покорности, но въ 1840 году они снова возстали и въ теченіи почти 20-ти лѣтъ вели противъ насъ ожесточенную борьбу, пока, наконецъ, въ 1859 году сложили окончательно оружіе.

Съ дальнѣйшимъ положеніемъ Чечни и вообще всего восточнаго

---

[1]) См. „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи". Т. IV, ст. 2207.

Кавказа въ эпоху, предшествовавшую выселенію горцевъ, мы познакомимся изъ помѣщаемой вслѣдъ за симъ записки, представленной въ 1864 году помощникомъ главнокомандующаго кавказскою арміею военному министру и составляющей часть бывшаго въ моемъ распоряженіи матеріала, которымъ я воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

«Западный Кавказъ заселеніемъ горъ русскими станицами былъ поставленъ въ положеніе, совершенно обезпеченное. На 100,000 горцевъ, выселенныхъ на плоскость и разобщенныхъ другъ отъ друга, мы имѣли 220,000 казаковъ, также вооруженныхъ и также воинственныхъ; слѣдовательно при нуждѣ можемъ вовсе обойтись безъ войскъ.

Совершенно въ иномъ положеніи находимся мы на Кавказѣ восточномъ. Восьми сотъ тысячное горское населеніе Терской и Дагестанской областей составляетъ тутъ почти сплошную массу. Масса эта занимаетъ мѣстность самую неприступную изъ всѣхъ, какія только обитаемы человѣкомъ Проникнутая мусульманскимъ фанатизмомъ, распаленнымъ продолжительной войной, она продолжала ненавидѣть насъ, какъ недавнихъ еще заклятыхъ враговъ, какъ невѣрныхъ, и будетъ сохранять это чувство до тѣхъ поръ, пока мы останемся въ ея глазахъ гяурами [1]). Чтобы мы ни дѣлали для горцевъ, какъ бы ни благодѣтельствовали ихъ нашимъ управленіемъ, всякое добро, имъ сдѣланное, они будутъ принимать, какъ ненавистный даръ гяура. Никакіе самые мудрые законы, никакая самая искусная администрація не въ состояніи измѣнить этихъ отношеній до тѣхъ поръ, пока цивилизація не ослабитъ фанатизма горцевъ и экономическое развитіе не разовьетъ въ нихъ новыхъ потребностей жизни. Мы должны стремиться къ этому и стремиться сколько можемъ. Но до тѣхъ поръ, пока цѣль эта не достигнута, мы только силою можемъ сдерживать вражду. Дороги, которыя мы прокладываемъ, укрѣпленія и штабъ-квартиры, которыя строимъ, все это служитъ только для удобнѣйшаго приложенія силы къ мѣсту дѣйствія, для того, чтобы въ случаѣ нужды войска наши могли удобнѣе проникнуть въ ту или другую часть края. Безъ войскъ, достаточныхъ для дѣйствія, всѣ эти средства останутся мертвыми и война, пять лѣтъ назадъ оконченная, можетъ возобновиться въ прежнихъ размѣрахъ, съ прежнею силою.

Управляя горцами человѣколюбиво, принимая всѣ мѣры къ постепенному образованію ихъ и къ улучшенію матеріальнаго быта, мы

---

[1]) Гяуръ — невѣрный.

должны зорко слѣдить за ними и держать въ постоянной готовности такія силы, которыя могли бы подавить при самомъ началѣ всякую попытку къ возстанію. Малѣйшая неудача и даже промедленіе въ наказаніи виновныхъ можетъ отразиться на всемъ краѣ самымъ гибельнымъ образомъ.

Но не всѣ части восточнаго Кавказа одинаково намъ враждебны, и одинаково для насъ опасны, слѣдовательно, и не всѣ онѣ требуютъ одинаково строгихъ мѣръ предосторожностей. Въ западномъ отдѣлѣ Терской области разноплеменность населенія, давняя привычка къ русскому управленію, а частію и разность религій населенія, дѣлаютъ власть нашу почти упроченною; тутъ возможны только частные мелкіе безпорядки. Въ округѣ Кумыкскомъ и свойство мѣстности, повсюду ровной, и матеріальный бытъ народа, достигшій подъ нашимъ управленіемъ весьма значительной степени благосостоянія, также устраняютъ опасность возстанія.

Дагестанъ уже находится въ иномъ положеніи. Искони воинственное и фанатическое населеніе его ненавидитъ насъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто нибудь. Скудная, суровая природа страны подаетъ мало надежды на развитіе матеріальнаго быта населенія и на смягченіе нравовъ его. Но эта же природа и сложившійся подъ ея вліяніемъ бытъ народа облегчаетъ намъ управленіе этимъ краемъ и удерживаетъ его въ повиновеніи. Она пріучила дагестанцевъ къ труду. Здѣсь на скалистыхъ безлѣсныхъ горахъ, каждый клочекъ земли, способный къ обработкѣ, добытъ трудами поколѣній, передается изъ рода въ родъ и составляетъ единственное обезпеченіе существованія семьи. Дагестанецъ дорожитъ этимъ достояніемъ и мѣстомъ, въ которомъ родился, болѣе всего на свѣтѣ. По ограниченности мѣстъ, сколько нибудь удобныхъ для жизни, дагестанцы искони привыкли жить большими аулами, привыкли дорожить семейными связями и общественными отношеніями, сознали необходимость порядка и власти. По всѣмъ этимъ причинамъ, никакъ не расчитывая на преданность намъ дагестанскаго народонаселенія, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что безъ важныхъ побудительныхъ причинъ, безъ видимыхъ вѣроятностей успѣха, возстанія въ Дагестанѣ не произойдетъ.

Къ сожалѣнію, ни одной изъ тѣхъ причинъ, которыя упрочиваютъ нашу власть въ Дагестанѣ и въ двухъ крайнихъ отдѣлахъ Терской области, не существуетъ въ среднемъ отдѣлѣ сей послѣдней, населенномъ чеченскимъ племенемъ. Тутъ все сложилось противъ насъ: и характеръ народа, и общественный бытъ его, и мѣстность. Отъ природы воспріимчивый и до крайности легкомысленный характеръ этого народа при всякихъ, даже благопріятныхъ обстоятельствахъ,

представлялъ бы большія затрудненія для того, чтобы управлять имъ. Продолжительная война, которую чеченцы вели съ нами, не возвысила и не улучшила ихъ характера; поставленные между ударами нашихъ войскъ и деспотическою властью Шамиля, не имѣя силъ ни защищаться отъ насъ, ни свергнуть иго шамилевскаго управленія, чеченцы въ теченіи 20-ти лѣтъ старались только о томъ, чтобы увертываться отъ грозившихъ опасностей, употребляя и свое оружіе, и разныя ухищренія то противъ одной, то противъ другой стороны и всегда другъ противъ друга. Въ этой двойной войнѣ и усобицѣ они утратили почти всякое понятіе о долгѣ, объ уваженіи къ собственности, о святости даннаго слова. Привычка къ опасностямъ и къ хищничеству развилась въ нихъ до такой степени, что сдѣлалась почти потребностью. Въ теченіи 20-ти лѣтъ ни одинъ изъ чеченскихъ ауловъ не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ останется на мѣстѣ до слѣдующаго дня; то наши колонны истребляли ихъ, то Шамиль переселялъ на другія мѣста по мѣрѣ нашихъ движеній. Благодаря необычайному плодородію почвы, народъ не погибъ отъ голода, но потерялъ всякое понятіе объ удобствахъ жизни, переталъ дорожить своимъ домомъ и даже своимъ семействомъ. Къ жизни общественной чеченцы и прежде были мало способны. Демократизмъ у нихъ всегда былъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ; не только понятія о сословіяхъ и власти наслѣдственной, но и понятія о какой бы то ни было власти почти не имѣли. Даже въ языкѣ чеченцевъ нѣтъ слова «приказать». Шамиль, не смотря на важную опору, которую представлялъ ему религіозный фанатизмъ, никогда не считалъ свою власть въ Чечнѣ довольно прочною и поддерживалъ ее только страхомъ казней, періодически повторявшихся противъ всѣхъ, кто навлекалъ на себя малѣйшее его подозрѣніе.

При такомъ характерѣ и такомъ отсутствіи общественныхъ связей, чеченцы занимали и мѣстность, наиболѣе благопріятствующую всякаго рода безпорядкамъ и мятежническимъ предпріятіямъ. Въ теченіи продолжительной войны противъ нихъ, мы отняли у нихъ много земли, но такой, которая теперь не имѣетъ важности ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи, а именно: открытыя и плоскія возвышенности лѣваго берега рѣки Сунжи; на той же мѣстности, гдѣ находятся лѣса и другія естественныя преграды, чеченцы остались и доселѣ. Они владѣютъ всѣми лѣсистыми ущельями Черныхъ горъ, имѣющими значеніе крѣпостей, опираются на горныя трущобы округовъ Аргунскаго и Ичкеринскаго, и черезъ нихъ входятъ въ непосредственную связь съ Дагестаномъ. Здѣсь находятъ безопасное

убѣжище всѣ ихъ абреки [1]), чрезъ эти же трущобы проникаютъ въ Чечню изъ Дагестана и тѣ проповѣдники фанатизма, которые періодически волнуютъ край и возбуждаютъ народъ разными враждебными намъ ученіями.

Сознавая всю опасность для насъ такого положенія въ Чечнѣ, графъ Евдокимовъ, вслѣдъ за покореніемъ восточнаго Кавказа, предположилъ отдѣлить ее отъ горъ линіей нашихъ станицъ и укрѣпленныхъ штабъ-квартиръ, расположенныхъ у выходовъ ущельевъ Черныхъ горъ. Для того же, чтобы при этомъ не произошло стѣсненія въ довольствіи землею, полагалъ часть чеченцевъ и карабулаковъ переселить въ Малую Кабарду, жители которой въ то время изъявили желаніе переселиться въ Турцію. Вслѣдствіе этихъ предположеній, въ 1860 году, поселены были въ предгоріяхъ Малой Чечни станицы 2-го Владикавказскаго полка,—и часть мало-кабардинцевъ выселилась. Чеченцы поняли, къ чему клонились эти мѣры и рѣшились имъ противудѣйствовать силою; произошло возстаніе въ Ичкеріи и въ Аргунскомъ округѣ; во всѣхъ лѣсахъ появились значительныя шайки абрековъ. Но возстанія эти были подавлены; наиболѣе виновныя въ нихъ общества Акинское и Беноевское выселены на плоскость; карабулакамъ приказано переселиться въ Кабарду. Нѣтъ сомнѣнія, что энергическое продолженіе принятой системы дѣйствій привело бы къ цѣли, хотя и не безъ затрудненій, можетъ быть не маловажныхъ. Но, къ сожалѣнію, графъ Евдокимовъ, по причинѣ назначенія его командующимъ войсками Кубанской области, не могъ лично заняться исполненіемъ предложенныхъ имъ мѣръ. Назначенный вмѣсто него командующимъ войсками Терской области ген.-л. кн. Мирскій не раздѣлялъ его убѣжденій; онъ полагалъ, что уже настала пора дѣйствовать въ Чечнѣ мѣрами кротости, и что достаточно внушить горцамъ довѣріе къ намъ для того, чтобы прекратить навсегда враждебные ихъ замыслы. Онъ, отклонивъ мало-кабардинцевъ отъ переселенія въ Турцію, объявилъ чеченцамъ, что дальнѣйшее водвореніе станицъ отмѣняется, и что земли, которыя для станицъ предназначались, останутся ихъ собственностью; акинцамъ и карабулакамъ дозволилъ водвориться на прежнихъ мѣстахъ. Озадаченные крутымъ поворотомъ системы, чеченцы въ первое время дѣйствительно были обрадованы этими распоряженіями и оказали ревностное содѣйствіе къ уничтоженію гнѣздившихся тогда въ горахъ шаекъ Уммы и Атабая. Но вскорѣ они стали объяснять дѣйствія новаго начальника

[1]) Абрекъ—горецъ, лихой наѣздникъ (джигитъ), не щадящій головы; также бѣглецъ, участвующій въ шайкѣ грабителей. Ад. В.

инымъ образомъ. Они приписали снисхожденіе и уступки слабости и боязни нашей общаго съ ихъ стороны восстанія. Снова появились абреки, возникло ученіе зикръ [1]) и вся Чечня приняла положеніе вовсе не свойственное покоренному передъ побѣдителемъ. Урокъ, данный зикристамъ въ Шаляхъ и покореніе западнаго Кавказа образумили чеченцевъ, заставили ихъ присмирѣть, но никакъ нельзя ручаться, чтобы это было надолго, тѣмъ болѣе, что мѣры, начатыя гр. Евдокимовымъ и прерванныя его преемникомъ, поставили и чеченцевъ, и казаковъ 2-го Владикавказскаго полка въ такое положеніе, въ которомъ ни тѣ, ни другіе долго существовать не могутъ.

Начавъ приводить свой планъ въ исполненіе, гр. Евдокимовъ, какъ выше сказано, выселялъ чеченцевъ изъ горъ на плоскость; земли же, оставшіяся свободными, занялъ казачьими станицами, въ намѣреніи водворить чеченцевъ въ Кабардѣ. Но какъ кабардинцы остались, то все населеніе Чеченскаго округа, состоящее изъ 81,360 душъ, стѣснилось на пространствѣ 76 квад. миль; такимъ образомъ на каждое семейство приходится въ аулахъ отъ 5 до 10-ти десятинъ, т. е. не болѣе двухъ десятинъ на душу. При такой тѣснотѣ не только развитіе хозяйства, но даже существованіе народа не можетъ считаться обезпеченнымъ. Теперь не проходитъ весны, чтобы аулы во время начала полевыхъ работъ не начинали споровъ между собою изъ-за 2—3 десятинъ,—споровъ, кончавшихся всегда схватками и убійствами. Многіе изъ нуждающихся въ землѣ тайкомъ уходятъ въ горы и водворяются въ трущобахъ, откуда были выселены и гдѣ присутствіе ихъ положительно признано вреднымъ для безопасности края; приходится изгонять ихъ оттуда силою оружія.

Съ другой стороны и наши казачьи станицы, водворенныя на Ассѣ, и Датыхская станица, поселенная на Фартангѣ, выдвинутыя впередъ, расположенныя на мѣстахъ, крайне стѣсненныхъ, лѣсистыхъ, и со всѣхъ сторонъ окруженныя населеніемъ, которое считаетъ казаковъ главною причиною своего стѣсненія, поставлены въ положеніе крайне невыгодное и даже опасное. Онѣ не только не усиливаютъ насъ, но ослабляютъ, требуя постоянныхъ гарнизоновъ отъ регулярныхъ войскъ. Датыхская станица положительно не можетъ существовать въ настоящемъ положеніи [2]).

---

[1]) Зикръ — воспоминаніе, упоминаніе, чтеніе громкимъ голосомъ корана и произнесеніе именъ Бога.

[2]) По проэкту гр. Евдокимова предполагалось на Фартангѣ водворить еще другую станицу у Булата, и тогда эти двѣ станицы могли бы взаимно поддерживать одна другую. Ад. Б.

Бывшій начальникъ чеченскаго округа ген.-маіоръ Кундуховъ, и по службѣ своей, и по своему происхожденію близко знакомый съ положеніемъ горцевъ, въ запискѣ, представленной имъ командующему войсками, говоритъ о Чеченскомъ округѣ слѣдующее:

«Оставляя горцевъ въ настоящемъ положеніи, не слѣдуетъ вѣрить въ будущее спокойствіе. При настоящемъ положеніи нельзя не смотрѣть на нихъ и на правительство, какъ на двѣ воевавшія стороны, стоящія другъ противъ друга, изъ коихъ побѣжденная выжидаетъ случая возобновить ожесточенную борьбу».

Чтобы выйти изъ этого неопредѣленнаго, но тяжкаго для насъ положенія, представлялось два способа дѣйствій: рѣшительный — переселеніе всѣхъ чеченцевъ, силою оружія, если окажется необходимымъ, на лѣвый берегъ Терека и Сунжи, съ водвореніемъ на мѣстахъ ихъ жительства станицъ 1-го и 2-го Сунженскаго казачьихъ полковъ, или же болѣе медленный—постепенное ослабленіе чеченскаго населенія въ горахъ добровольнымъ выселеніемъ его на плоскость и поощреніемъ переселенія въ Турцію.

Выборъ главнокомандующаго кавказскою арміею, согласно выраженной высочайшей волѣ, остановился на разрѣшеніи чеченскаго вопроса мирнымъ путемъ, а именно разселеніемъ части населенія Большой и Малой Чечни въ Малой Кабардѣ и по auламъ Надтеречнаго наибства (при размежеваніи котораго въ составъ аульныхъ надѣловъ была включена запасная земля съ цѣлью доселенія ауловъ этого наибства 1,000 семействами переселенцевъ изъ Большой и Малой Чечни), а также склоненіемъ нѣкоторой части чеченскаго народа къ переселенію въ Турцію.

VII.

Ген.-м. Кундуховъ и его переговоры въ Константинополѣ. — Возбужденіе чеченцевъ къ переселенію. — Саад Уллахъ, наибъ Мало-Чеченскій и Алихо-Цуговъ, старшина Карабулакскій. — Начало переселенія и содѣйствіе оному правительства. — Расходы. — Командированіе въ Азіятскую Турцію капитана Зеленого и затрудненія, противупоставленныя ему тамошними властями. — Нусретъ-паша. — Положеніе чеченцевъ и попытка ихъ возвратиться на родину. — Эмин-паша Эрзерумскій. — Противудѣйствіе чеченцевъ турецкимъ властямъ и ихъ безчинства въ Мушѣ. Движеніе Чеченцевъ на Арпачай и ихъ обезоруженіе. — Затрудненія турецкаго правительства. — Выселеніе чеченцевъ въ Месопотамію. — Новая попытка ихъ возвратиться на Кавказъ и прорывы нѣкоторыхъ партій въ наши границы. — Нищета и бѣдствія чеченцевъ. — Водвореніе нѣкоторыхъ партій въ Терской области. — Стремленіе дагестанскихъ горцевъ къ выселенію. — Предположеніе о водвореніи возвращающихся переселенцевъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ Лабинскаго округа. — Усиленіе бдительности на кордонахъ. — Появленіе на Кавказѣ эмиссаровъ изъ выселившихся горцевъ. — Новое появленіе чеченскихъ партій въ Закавказскомъ краѣ.

1864—1871 гг.

Но еще до полученія въ Тифлисѣ высочайшаго повелѣнія по чеченскому вопросу, великій князь Михаилъ Николаевичъ поручилъ ген.-м. Кундухову [1]), въ бытность его лѣтомъ 1864 года въ Константи-

[1]) Кундуховъ Муса-Алхасъ, изъ тагаурскихъ алдаръ, родился въ 1820 г. и воспитывался въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1836 г. корнетомъ, съ состояніемъ по кавалеріи при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Въ 1837 г. ему пожалованъ голубой мундиръ, а въ слѣдующемъ — чинъ поручика. Въ 1839 г. Кундуховъ былъ прикомандированъ къ горскому казачьему полку и за отличіе противъ горцевъ произведенъ въ шт.-ротмистра; въ 1841 г. ему пожалованъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и чинъ ротмистра; въ 1844 г. онъ былъ прикомандированъ къ владикавказскому казачьему полку; въ 1847 г. произведенъ въ маіоры; въ 1849 г. назначенъ начальникомъ команды горцевъ, отправленныхъ на службу въ Варшаву и командующимъ Кавказскимъ конно-горскимъ дивизіономъ; въ 1850 г. произведенъ въ подполковники; въ 1852 г. назначенъ состоять при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ; въ 1853 г. награжденъ золотою шашкою съ надписью „за храбрость"; въ 1857 г. произведенъ въ полковники; въ 1858 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й ст. съ мечами; въ 1859 г. назначенъ начальникомъ военно-осетинскаго округа и предсѣдателемъ коммисіи, учрежденной при томъ округѣ; въ 1860 г. назначенъ и. д. начальника чеченскаго округа и произведенъ въ ген.-маіоры; въ 1861 г. утвержденъ въ послѣдней должности и награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й ст.; въ 1862 г. онъ удостоился полученія ордена Св. Анны 1-й ст., а въ 1863 г. былъ отчисленъ отъ должности начальника чеченскаго округа, съ состояніемъ по армейской кавалеріи при Кавказской арміи.

нополѣ, войти въ негласное сношеніе съ турецкимъ правительствомъ относительно того, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ могла бы быть осуществлена мысль о переселеніи въ Турцію части чеченскаго населенія. Кундуховъ, по возвращеніи своемъ изъ Константинополя, объяснилъ, что турецкое правительство, соглашаясь на переселеніе 5 т. чеченскихъ семействъ, предполагаетъ водворить ихъ на пространствѣ отъ Саганлугскаго хребта черезъ Топрак-кале, Мелезгиръ и Патносъ до озера Вана.

Водвореніе враждебнаго намъ чеченскаго населенія на вышеозначенныхъ мѣстахъ, сопредѣльныхъ съ нашею границею, было-бы неминуемо сопряжено въ будущемъ съ самыми серьёзными невыгодами. При врожденной склонности чеченцевъ къ хищничеству, прорывы ихъ чрезъ пограничную линію и грабежи въ нашихъ предѣлахъ должны были-бы неминуемо усилиться и для огражденія спокойствія и безопасности нашихъ пограничныхъ жителей наше правительство принуждено было бы даже и въ мирное время значительно усиливать пограничную стражу; въ военное-же время, пришлось бы отдѣлять значительно бо́льшее противъ прежняго число войскъ для прикрытія нашей турецкой границы. Независимо отъ этого, водвореніе 5 т. семействъ чеченцевъ въ санджакахъ, населенныхъ преимущественно курдами, неминуемо отразилось-бы и на успѣхѣ будущихъ военныхъ дѣйствій нашихъ въ случаѣ войны съ Турціею.

Муса Кундуховъ принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ и войнахъ; такъ онъ находился въ 1837 г. въ экспедиціи для покоренія Цебельды и при занятіи мыса Адлера; въ 1838 г. въ экспедиціи ген.-м. Симборскаго для занятія пункта на восточномъ берегу Чернаго моря и сооруженія форта Александріи; въ 1839 г. въ движеніи ген. Головина въ Дагестанъ; въ 1840 г. въ отрядѣ подполковника Нестерова въ Чечнѣ; въ 1841 г. въ движеніи противъ Чиркея и взятіи Хубарскихъ высотъ, въ Аухѣ, при взятіи Кишень-ауха и въ движеніи къ Ахты; въ 1842, 1843, 1844 и 1847 гг. въ Чечнѣ; въ 1849 участвовалъ въ походѣ противъ венгерцевъ; въ 1853 г. въ экспедиціи въ землю егерукаевцевъ и въ дѣлахъ съ Магомед-Аминомъ; въ войну 1853—1856 гг. состоялъ въ Александропольскомъ отрядѣ; въ 1857, 1858, 1860 и 1861 гг. въ походахъ въ Чечнѣ.

Впослѣдствіи, по выѣздѣ Кундухова изъ Россіи, онъ въ первые два или три года не имѣлъ въ Турціи никакого оффиціальнаго положенія и только по истеченіи этого срока былъ пожалованъ въ чинъ лива (ген.-маіора), съ назначеніемъ членомъ совѣта (меджлиса) 4-го Анатолійскаго корпуса, котораго штабъ находился въ Эрзерумѣ. Но такое положеніе далеко не удовлетворило ожиданіямъ Кундухова, а потому онъ до самой войны 1877—1878 гг. удалялся отъ всякаго участія въ дѣлахъ и жилъ въ г. Сивасѣ, гдѣ была поселена часть выселившихся съ нимъ чеченцевъ. По открытіи войны онъ былъ

Въ этихъ соображеніяхъ, главнокомандующій, считая совершенно невозможнымъ согласиться на водвореніе чеченцевъ въ пограничныхъ съ нами областяхъ Азіятской Турціи, поручалъ послу нашему въ Константинополѣ употребить всѣ старанія къ тому, чтобы склонить турецкое правительство на отводъ для чеченцевъ земель за Эрзерумскимъ пашалыкомъ, въ окрестностяхъ Эрзингіана и Діарбекира, или въ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, по отдаленности отъ нашихъ предѣловъ, переселенцы эти не могли-бы быть опасны для насъ.

Вслѣдствіе сношенія по этому предмету, ген.-адъют. Игнатьевъ увѣдомилъ въ декабрѣ 1864 г., что послѣ долгихъ настояній, министръ иностранныхъ дѣлъ, Али-паша, согласился, наконецъ, на то, чтобы вышеупомянутыя 5 т. семействъ чеченцевъ были поселены въ Турціи вдали отъ нашихъ границъ, а именно въ Алеппо, съ тѣмъ, чтобы выходцы эти были пропущены сухимъ путемъ, по дорогѣ чрезъ Ахалцыхъ, и съ тѣмъ еще непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не вошли въ турецкіе предѣлы одновременно всею массою, а по частямъ—незначительными партіями.

Будучи извѣщенъ о такомъ отвѣтѣ нашего посла, начальникъ

назначенъ командиромъ кавалерійской дивизіи, составленной бо́льшею частью изъ Кавказскихъ горцевъ, которой въ маѣ 1877 г., подъ дер. Бегли-Ахмедомъ, было нанесено сильное пораженіе, повлекшее за собою столь стремительное отступленіе турокъ, что палатки Кундухова и весь его обозъ остались въ нашихъ рукахъ.—Затѣмъ Кундуховъ участвовалъ въ сраженіи на Аладжинскихъ высотахъ, находясь въ той части турецкаго отряда, которая была окружена нашими войсками. Такъ какъ конецъ сраженія 3-го октября и сдача турецкихъ войскъ послѣдовали поздно вечеромъ, то Кундуховъ, Кази-Магома, сынъ Шамиля, и др., пользуясь темнотою, а также знаніемъ русскаго языка и сходствомъ ихъ костюма съ казачьимъ, обманнымъ образомъ прошли ночью, пробираясь черезъ Кагизманъ, къ Эрзеруму.—Такимъ образомъ Кундуховъ избѣгъ плѣна и поэтому не былъ судимъ турецкимъ правительствомъ въ числѣ пашей, плѣненныхъ нашими войсками на Аладжинскихъ высотахъ.

Послѣ войны Кундуховъ командовалъ дивизіей 4-го корпуса, расположенной въ Ванѣ и дѣйствовавшей въ Курдистанѣ.—По послѣднимъ свѣдѣніямъ онъ оставилъ эту должность и выѣхалъ въ Сивасъ.

Когда спрашивали мнѣнія турецкихъ военныхъ людей о Кундуховѣ, то они обыкновенно отвѣчали: „онъ уменъ и хорошъ для службы, но не по насъ“.—Это не по насъ, въ сущности, значило, что онъ хотѣлъ ввести въ службу порядки русской дисциплины, что, само собою разумѣется, не могло нравиться турецкимъ военнымъ людямъ, выработавшимъ въ теченіи времени нѣсколько своеобразныя отношенія между высшими и низшими чинами.

Нынѣ Муса-паша, какъ называютъ Кундухова, состоитъ въ чинѣ ферика, т. е. ген.-лейтенанта. Ад. В.

Терской области ген.-адъют. (въ послѣд. графъ) М. Т. Лорисъ-Меликовъ вызвалъ во Владикавказъ ген.-м. Кундухова и предложилъ ему приступить къ возбужденію въ средѣ чеченскаго населенія стремленія къ уходу въ Турцію и, кромѣ того, въ поѣздку свою затѣмъ въ Чечню, принялъ и съ своей стороны негласныя мѣры къ успѣшному началу этого переселенія. Кундуховъ принялъ предложеніе, но при этомъ заявилъ, что въ случаѣ неуспѣшности дѣйствій его, онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, а именно объявить чеченцамъ, что и онъ самъ съ семействомъ своимъ переселяется въ Турцію и, въ подтвержденіе этого, съ открытіемъ навигаціи, отправить свое семейство въ Константинополь. Къ этому Кундуховъ прибавилъ просьбу о томъ, чтобы правительство, въ случаѣ изъявленія согласія на его переселеніе, вмѣстѣ съ чеченцами, пріобрѣло у него отведенную ему землю, 2,800 дес., въ Осетинскомъ округѣ, и выстроенный имъ на этой землѣ домъ (имѣніе Скут-кохъ, въ 50-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Владикавказа), все за 45 т. руб. сер., и кромѣ того выдало ему единовременно 10 т. руб. на расходы по первоначальному возбужденію переселенія. Условія эти были приняты. Кромѣ Кундухова, главными дѣятелями по предположенному переселенію чеченцевъ явились Мало-Чеченскій наибъ Саад-Уллахъ и главный Карабулакскій старшина Алико Цуговъ, которые присягнули на коранѣ уйти въ Турцію, если только Кундуховъ покажетъ собою примѣръ переселенія. Цуговъ, не дождавшись начала переселенія, умеръ.

По полученіи въ мартѣ 1865 г. увѣдомленія начальника Терской области о томъ, что переселеніе чеченцевъ въ Турцію можетъ начаться въ самомъ непродолжительномъ времени, помощникъ главнокомандующаго арміею обратился къ ген.-адъют. Игнатьеву съ просьбами согласить турецкое правительство: 1) къ немедленнымъ распоряженіямъ по безпрепятственному принятію въ турецкіе предѣлы до 5 т. семействъ чеченцевъ и по дальнѣйшему слѣдованію ихъ до мѣстъ, предназначенныхъ къ ихъ водворенію; 2) къ высылкѣ въ распоряженіе Кавказскаго начальства визиріальныхъ писемъ къ мѣстнымъ пограничнымъ турецкимъ властямъ, какъ относительно пропуска чеченцевъ черезъ границу и дальнѣйшаго ихъ направленія къ Эрзингіану и Діарбекиру, такъ и относительно вмѣненія имъ въ обязанность по всѣмъ могущимъ возникнуть частнымъ вопросамъ входить въ ближайшія сношенія съ Кавказскимъ начальствомъ, и 3) къ тому, чтобы въ означенныхъ визиріальныхъ письмахъ были изложены положительныя приказанія мѣстнымъ турецкимъ властямъ относительно того, что чеченцы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть водворяемы въ пограничныхъ съ нами пашалыкахъ, но что они, въ силу заявлен-

наго Портою согласія, должны быть безотлагательно направляемы къ Эрзеруму и далѣе для водворенія въ окрестностяхъ Эрзингіана и Діарбекира. Одновременно съ тѣмъ дано было начальнику области разрѣшеніе приступить къ отправленію изъ предѣловъ Терской области всѣхъ тѣхъ чеченцевъ, кои изъявили желаніе переселиться.

По полученіи такого разрѣшенія, положено было мѣстнымъ начальствомъ приступить къ переселенію во—1-хъ, всѣхъ карабулаковъ, въ числѣ до 1,500 семействъ, которые всегда слыли за отъявленныхъ разбойниковъ, и которые при томъ, будучи стѣснены поселеніемъ на ихъ земляхъ 2-го Владикавказскаго казачьяго полка, почти не имѣли другихъ средствъ къ существованію кромѣ хищничества, и во 2-хъ— изъ другихъ частей Чечни, всѣхъ тѣхъ чеченцевъ, которые отличались особенною враждебностію къ русскимъ и закоренѣлымъ фанатизмомъ, - каковыхъ набралось болѣе 3,500 семействъ. Карабулаки всѣ заявили желаніе уйти въ Турцію; изъ другихъ же частей Чечни явилось желающихъ переселиться 3,502 семейства;—всего же 22,491 душа карабулаковъ и чеченцевъ, что составляло почти 20°/₀ бывшаго въ то время населенія чеченскаго племени. Людямъ, заявившимъ желаніе переселиться, предоставлена была возможность забрать съ собою свое имущество; скотъ и продовольствіе, а равно сдѣлано распоряженіе объ отводѣ имъ, по пути ихъ слѣдованія въ нашихъ предѣлахъ, пастьбищъ—о выдачѣ сѣна безплатно. Сдѣлано было также распоряженіе о выдачѣ имъ дровъ на ночлегахъ, а въ случаѣ надобности и подводъ. Для предоставленія-же имъ возможныхъ удобствъ при слѣдованіи и съ цѣлью предотвращенія какихъ-бы то ни было столкновеній чеченцевъ съ жителями и на границѣ, они были направлены отдѣльными эшелонами, каждый численностью около 150 семействъ, по заранѣе опредѣленному маршруту и при томъ подъ надзоромъ нашихъ офицеровъ и при конвоѣ.

Благодаря этимъ мѣрамъ, чеченцы, въ числѣ болѣе 5 т. семействъ, раздѣленныхъ на 28 партій, прослѣдовали безостановочно по Кавказскому и Закавказскому краю. Первая партія переселенцевъ выступила изъ Владикавказа (сборнаго пункта) 28-го мая 1865 г. и чрезъ Мцхетъ, Боржомъ, Ацхуръ и Ахалкалаки прибыла на нашу границу у Хазапинской заставы 17-го іюня того-же года, а послѣдняя, 28-я партія, двинулась изъ Владикавказа 16-го августа и перешла нашу границу у названной заставы 11-го сентября. Въ теченіи всего періода слѣдованія партіи по означенному пути не было ни одного серьёзнаго безпорядка, не было ни одного случая воровства, совершеннаго чеченцами, и они, по прибытіи на границу, неоднократно выражали признательность за удивлявшую ихъ заботливость о нихъ кав-

казскаго начальства. Затѣмъ, на обязанности уже мѣстныхъ турецкихъ властей должны были лежать заботы къ направленію чеченцевъ къ предназначеннымъ для поселенія ихъ мѣстамъ.

Нашему правительству поощреніе чеченцевъ къ переселенію въ Турцію, передвиженіе ихъ до границы, а также и принятіе нѣкоторыхъ мѣръ по движенію ихъ по Азіатской Турціи обошлось въ 130,582 р. 72 к.

По принятому на себя Портою передъ началомъ переселенія обязательству, чеченцы не могли быть водворены въ ближайшихъ къ нашимъ предѣламъ пашалыкахъ. Считая буквальное выполненіе этого обязательства дѣломъ весьма важнымъ и предвидя со стороны мѣстной турецкой администраціи возможность образа дѣйствій, не соотвѣтствующаго взаимному соглашенію обоихъ правительствъ, главнокомандующій, при самомъ началѣ переселенія, призналъ полезнымъ командировать въ Азіатскую Турцію генеральнаго штаба капитана (нынѣ ген.-маіора) А. С. Зеленого, для ближайшаго надзора за ходомъ дальнѣйшаго прослѣдованія партіи отъ нашихъ предѣловъ въ глубину Анатоліи и съ правомъ настоянія предъ турецкими властями о точномъ выполненіи данныхъ Портою обѣщаній.

Турецкія власти съ самаго начала стали уклоняться отъ принятія надлежащихъ мѣръ къ безотлагательному удаленію чеченскихъ партій отъ нашихъ предѣловъ, и капитанъ Зеленой, подозрѣвая турецкую администрацію въ намѣреніи дозволить чеченцамъ, весьма того желавшимъ, водвориться въ окрестностяхъ Вана и Муша, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1865 года обратился къ завѣдывавшему переселеніемъ турецкому коммисару Нусрет-пашѣ съ настоятельнымъ требованіемъ принять мѣры къ дальнѣйшему отправленію чеченцевъ, для водворенія ихъ, какъ было условлено, не ближе Діарбекира и Эрзингіана. Изъ возникшихъ вслѣдствіе этого письменныхъ сношеній и словесныхъ объясненій, капитанъ Зеленой убѣдился, что данныя Нусрет-пашѣ центральнымъ правительствомъ инструкціи вовсе не соотвѣтствовали смыслу состоявшагося съ нашей миссіей соглашенія и что въ этихъ инструкціяхъ ни Ванскій, ни Мушскій пашалыки не были исключены изъ числа мѣстностей, дозволенныхъ для поселенія чеченцевъ. Видя безуспѣшность своихъ настояній предъ коммисаромъ и мѣстнымъ начальствомъ, капитанъ Зеленой донесъ объ этомъ по телеграфу нашему посланнику въ Константинополѣ. Порта, хотя и показала видъ, что не одобряетъ дѣйствій своего коммисара и послала ему предписаніе, отъ имени верховнаго визиря, о строгомъ соблюденіи состоящихся условій, но цѣлый мѣсяцъ лучшаго времени, для прослѣдованія

чеченцевъ къ предназначеннымъ для поселенія ихъ мѣстамъ, былъ потерянъ. Первымъ послѣдствіемъ этого было то, что почти половина всѣхъ переселенцевъ сосредоточилась въ окрестностяхъ Муша, а остальныя вновь прибывающія партіи стали располагаться на Эрзерумской равнинѣ. Хотя по энергическому настоянію нашего коммисара, Нусрет-паша, еще до полученія приказаній изъ Константинополя, сдѣлалъ распоряженіе о движеніи партіи отъ Эрзерума къ Харпуту, но бывшій Эрзерумскій вали Исмаил-паша полнымъ равнодушіемъ своимъ по приведенію въ исполненіе какъ этого, такъ равно и всѣхъ послѣдующихъ распоряженій Нусрета, совершенно парализировалъ дѣйствія этого послѣдняго и дозволилъ чеченцамъ дождаться возвращенія изъ Эрзингіана Муса Кундухова. Пользуясь отсутствіемъ Нусрета и капитана Зеленого изъ Эрзерума, отправившихся въ Карсъ, онъ вмѣсто Харпута направилъ бывшія у Эрзерума партіи къ Мушу. Конечно, послѣ этого, не смотря на всѣ старанія самаго Нусрета, при слабости мѣстныхъ турецкихъ властей, ни одна партія чеченцевъ не хотѣла уже идти иначе, какъ на Мушъ. Въ это время получены были вышеупомянутыя новыя приказанія Порты; согласно ихъ слѣдовало направить чеченцевъ изъ Муша въ Діарбекиръ. Мѣстныя власти отговаривались неимѣніемъ къ Діарбекиру аробной дороги. Настояніями капитана Зеленого и Нусрета были присланы рабочіе и порохъ для проложенія дороги черезъ Чубакчурскія горы (дорога эта выходитъ на большую дорогу между Эрзерумомъ и Діарбекиромъ, близъ Палу). Но это проложеніе дороги потребовало опять около цѣлаго мѣсяца времени.

Тѣмъ не менѣе мѣстныя власти продолжали оказывать полное равнодушіе и даже противудѣйствіе успѣху движенія партій, бо́льшая часть которыхъ, 18-го сентабря, была въ Мушѣ, 8-мь партій въ Эрзерумѣ, и ни одна не двинулась къ мѣстамъ назначенія.

Подобныя дѣйствія турецкой администраціи вынудили Нусрет-пашу просить увольненія отъ должности коммисара; увольненіе состоялось и всѣ распоряженія по переселенію были возложены непосредственно на новаго Эрзерумскаго вали, Эмин-Мухлис-пашу, только что передъ тѣмъ назначеннаго. Этотъ послѣдній, хотя и высказалъ на словахъ полную готовность дѣйствовать согласно принятымъ его правительствомъ обязательствамъ, но дѣло все таки не приняло лучшаго вида.

Чеченцы, оставаясь на открытомъ полѣ, стали страдать отъ холода и жалѣть о покинутой ими родинѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, часть ихъ направилась по дорогѣ къ Александрополю съ намѣреніемъ возвратиться въ наши предѣлы.

Побуждаемыя, наконецъ, изъ Константинополя, мѣстныя турецкія власти пробудились отъ бездѣйствія; но тогда чеченцы, въ свою очередь, начали оказывать сопротивленіе къ оставленію Муша и Эрзерума. Они потребовали предварительной посылки нѣкоторыхъ своихъ старшинъ для осмотра предназначенныхъ для поселенія ихъ мѣстъ. Вали согласился на эту посылку; но старшины, доѣхавъ только до Чубакчура, возвратились, не видавъ назначенной для нихъ земли, и объявили, что земля плоха. Впечатлѣніе было произведено и партіи, двинувшіяся чрезъ Чубакчуръ къ Палу, возвратились въ Мушъ; нѣкоторые изъ достигшихъ уже Эрзингіана самовольно прибыли обратно къ Эрзеруму. Послѣ этого, на новыя требованія турецкихъ властей двинуться изъ Мушскаго округа, чеченцы, число которыхъ возрасло тамъ до 18—20 т. человѣкъ, не смотря на то, что изъ Муша до Чубакчура всего 18 часовъ ѣзды, что дорога аробная была готова и что по выходѣ изъ Чубакчура ихъ ждали 3 т. войскъ, посланныхъ Діарбекирскимъ генералъ-губернаторомъ, съ провіантомъ для нихъ, отказались оставить Мушъ и ознаменовали пребываніе свое тамъ воровствами, грабежомъ, убійствами и разореніемъ христіанскихъ деревень.

Въ довершеніе всего они дважды пытались атаковать самый Мушъ, и только благодаря распорядительности мѣстнаго начальника войскъ, предупрежденъ былъ открытый бой населенія Муша съ чеченцами. Не смотря на это положеніе дѣлъ, вали употреблялъ тѣ же полумѣры, въ которыхъ прежде обвинялъ своихъ предмѣстниковъ. Такъ прошло время до начала октября и только на категорическій запросъ, сдѣланный капитаномъ Зеленомъ Эмин-пашѣ, намѣренъ-ли послѣдній или нѣтъ вывести горцевъ изъ окрестностей Муша, вали обратился къ великому визирю за разрѣшеніемъ употребить противъ чеченцевъ силу оружія. 7-го октября вали получилъ просимое имъ разрѣшеніе и приказаніе водворить главную массу переселенцевъ въ Діарбекирской области, а остальныхъ расположить на зиму въ Ванѣ, Мушѣ, Эрзингіанѣ, Бейбуртѣ, Эрзерумѣ и Чилдырѣ. Капитанъ Зеленой протестовалъ противъ занятія Вана, Карса и Чилдыря.

Между тѣмъ, 17-го октября 1865 г., прибыли на нашу границу къ Арпачаю, близъ Александрополя, 200 душъ чеченскихъ переселенцевъ съ просьбою о пропускѣ ихъ обратно въ наши предѣлы на какихъ-бы то ни было условіяхъ, причемъ даже изъявляли готовность принять православіе, а вслѣдъ затѣмъ число прибывшихъ къ Арпачаю переселенцевъ возрасло до 2,600 человѣкъ [1]). Узнавъ о движеніи

---

[1]) Изъ числа этихъ переселенцевъ 5 чел. явились къ главнокомандующему

чеченцевъ къ нашей границѣ, Эрзерумскій вали послалъ Муса Кундухова съ кавалеріею для отклоненія переселенцевъ отъ предпринятаго ими намѣренія, но Кундуховъ не могъ остановить ихъ. Хотя переселенцы эти находились въ крайне бѣдственномъ положеніи, но имѣя въ виду, что пропускъ чрезъ границу даже нѣсколькихъ семействъ повлекъ-бы за собою обратное движеніе къ намъ всей массы чеченскихъ переселенцевъ, главнокомандующій не счелъ возможнымъ изъявить согласіе на выполненіе просьбы переселенцевъ и приказалъ усилить пограничный надзоръ и притянуть къ Арпачаю ближайшія части войскъ для воспрепятствованія самовольному прорыву чеченцевъ въ предѣлы имперіи.

При первомъ извѣстіи о движеніи чеченскихъ партій къ нашимъ границамъ, капитанъ Зеленой заявилъ Эрзерумскому вали, что очищеніе нашей границы должно быть произведено въ теченіи недѣльнаго срока, вслѣдствіе чего турецкія власти двинули войска для удаленія чеченцевъ отъ Арпачая и только пушечными выстрѣлами заставили ихъ оставить нашу границу и направиться къ Карсу подъ конвоемъ турецкихъ войскъ.

Къ концу 1865 года всѣ эти переселенцы прослѣдовали обратно чрезъ Саганлугъ, за исключеніемъ 180 семействъ самыхъ бѣдныхъ и больныхъ, не имѣвшихъ возможности продолжать движеніе до наступленія теплаго времени, и потому оставленныхъ на зиму, съ согласія нашего коммисара, въ Карскомъ и Олтинскомъ пашалыкахъ.

Одновременно съ посылкой войска для возвращенія переселенцевъ отъ нашей границы, турецкія власти, вслѣдствіе упомянутыхъ выше грабежей и своеволія переселенцевъ, рѣшились приступить къ обезоруженію ихъ. По полученному отъ нашего коммисара донесенію, это обезоруженіе исполнено было турецкими войсками въ Эрзерумѣ и Хасан-кале безъ сопротивленія со стороны чеченцевъ; но обезоруженіе карабулаковъ, возлѣ Муша, послѣдовало только послѣ нѣсколь-

---

въ Тифлисъ съ просьбою о дозволеніи всѣмъ переселившимся чеченцамъ возвратиться на родину. Какъ въ то время Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ лично смотрѣлъ на дѣло переселенія чеченцевъ и на ихъ прошедшее положеніе, видно изъ резолюціи Его Высочества, положенной на запискѣ ген.-адъют. Карцова:

«Кровопролитіе мнѣ крайне прискорбно и сожалѣю, что не нашли возможнымъ предупредить оное. Если бы возможно было мнѣ слѣдовать влеченію моего сердца, я бы немедленно впустилъ несчастныхъ чеченцевъ въ наши предѣлы». Ад. Б.

нихъ картечныхъ выстрѣловъ и стычки, въ которой убито 15 карабулаковъ и нѣсколько турокъ.

Весною 1866 года коммисару нашему предстояло снова возобновить настояніе объ удаленіе чеченцевъ въ назначенныя для нихъ мѣстности, причемъ должно было быть обращено особенное вниманіе на Ванъ, гдѣ у турокъ были готовыя для чеченцевъ жилища и гдѣ они охотно поселили бы переселенцевъ навсегда; а потому главнокомандующій призналъ необходимымъ оставить капитана Зеленого въ Эрзерумѣ и впредь, для ближайшаго наблюденія за распоряженіями турецкаго правительства при разселеніи чеченцевъ и для настоянія къ выполненію принятыхъ Портой въ этомъ отношеніи обязательствъ.

Одновременно съ извѣстіями о событіяхъ въ Мушѣ и близъ нашей границы, помощникомъ главнокомандующаго было получено письмо по этому же предмету отъ ген. Игнатьева, изъ котораго видно было, что Порта крайне обезпокоена этими событіями, что къ Мушу и Эрзеруму отовсюду двинулись войска, даже изъ столицы, и что для устраненія вреднаго вліянія Кундухова на переселенцевъ, онъ вызванъ былъ въ Константинополь, и, наконецъ, что по случаю такого неудачнаго исхода послѣдняго переселенія, Порта не считала возможнымъ согласиться на новое переселеніе въ Турцію въ 1866 году массами, чеченцевъ или какихъ-либо другихъ кавказскихъ горцевъ. Вслѣдствіе чего, по приказанію главнокомандующаго, тогда-же было сообщено ген. Игнатьеву, что еще до полученія послѣдняго письма его, было уже отмѣнено предположеніе о новомъ переселеніи въ 1866 г. въ Турцію чеченцевъ и что если таковое и состоится, то развѣ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

Капитанъ Зеленой оставался въ Анатоліи въ 1866 и 1867 годахъ для наблюденія за точнымъ выполненіемъ мѣстными турецкими властями условій касательно водворенія переселенцевъ въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, кои были предназначены для ихъ поселенія.

Самоволіе переселенцевъ, личные интересы нѣкоторыхъ изъ ихъ предводителей и, главное, безсиліе мѣстныхъ турецкихъ властей были причиною, что только въ концѣ лѣта 1867 г., и то при самыхъ энергическихъ настояніяхъ ген. Игнатьева въ Константинополѣ и капитана Зеленого въ Эрзерумѣ, вся масса чеченскихъ переселенцевъ (за исключеніемъ лишь ниже показанныхъ 15-ти семействъ) удалена была отъ нашей границы и поселена внутри Анатоліи, за Эрзингіаномъ и Діарбекиромъ, причемъ весь Эрзерумскій вилайетъ совершенно очищенъ отъ переселенцевъ.

Главная масса чеченцевъ, 13,648 душъ, поселена по границѣ

части Курдистана и Месопотаміи, южнѣе г. Мардина (Діарбекирскаго санджака), по истокамъ западнаго Хабура, имѣя центромъ поселенія вновь возникшее изъ развалинъ мѣстечко Расъ-эль-аинъ. Вторая, по численности своей, часть переселенцевъ, 7,196 душъ, поселена на горныхъ Яйлахъ Сивасскаго пашалыка, за Сивасомъ. Затѣмъ, 621 душа отправлена для поселенія въ санджакъ Бига, 300 душъ въ санджакъ Альбистанъ (Марашкаго пашалыка) близъ Хозандага, и только 15 семействъ, въ числѣ 155 душъ, преимущественно сиротъ, вдовъ и родственниковъ прежнихъ переселенцевъ, согласно просьбѣ турецкихъ начальствъ и послѣдовавшему по этому поводу разрѣшенію главнокомандующаго, оставлены въ Карсскомъ пашалыкѣ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ умершихъ и бѣжавшихъ переселенцевъ, изъ числа ушедшихъ въ 1865 г. въ Турцію 5,000 семействъ, въ числѣ 22,491 души, поселены были въ вышеозначенныхъ пунктахъ Анатоліи 21,920 душъ.

Поселеніе чеченцевъ въ Месопотаміи, гдѣ они находились между арабами, и въ Сивасѣ, гдѣ были разбросаны между курдами и кизилбашами, исполняя, относительно удаленія отъ нашей границы, условія, требовавшіяся кавказскимъ начальствомъ и выраженныя въ состоявшемся соглашеніи съ турецкимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворило и видамъ императорскаго посла ген. Игнатьева, по указаніямъ котораго кап. Зеленой озаботился, чтобы чеченцы, по мѣрѣ возможности, не были поселены между совершенно сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ.

Исполнивъ отлично возложенное на него порученіе и доложивъ предварительно генералу Игнатьеву въ Константинополѣ о подробностяхъ водворенія переселенцевъ въ Анатоліи, капитанъ Зеленой возвратился окончательно изъ командировки въ октябрѣ мѣсяцѣ 1867 г.; дальнѣйшій же надзоръ за переселенцами, относительно недопущенія ихъ возвращаться съ вышепомянутыхъ мѣстъ водворенія въ Эрзерумскій пашалыкъ и вообще въ сосѣдство нашей границы, по указаніямъ генерала Игнатьева, порученъ былъ консульству нашему въ Эрзерумѣ.

Вскорѣ послѣ перехода своего въ предѣлы Турціи, а именно съ октября 1865 года многіе изъ чеченскихъ переселенцевъ, узнавъ, что земли, предназначенныя турецкимъ правительствомъ для ихъ поселенія, весьма неудобны и на значительное разстояніе удалены отъ нашей границы, начали заявлять желаніе возвратиться на родину. Когда же имъ было объявлено, что кавказское начальство не согласно принять обратно людей, которые однажды рѣшились оставить

отечество, они въ довольно большихъ партіяхъ начали появляться на нашихъ границахъ, преимущественно въ Арпачаѣ, съ цѣлью добиться пропуска въ Закавказскій край. Обращаясь съ просьбами о пропускѣ, они заявили, между прочимъ, что согласны поселиться гдѣ бы то ни было на Кавказѣ и даже внутри Россіи; что готовы принять православіе, лишь бы ихъ пропустили на Кавказъ; что если не добьются разрѣшенія на то, то скорѣе всѣ погибнуть на границѣ, чѣмъ пойдутъ въ назначенныя имъ въ Турціи мѣста для поселенія и т. п. Получивъ и послѣ такихъ заявленій отказъ, они дѣлали было попытку прорваться силою чрезъ нашу границу, но принятыми энергическими мѣрами, какъ со стороны кавказскаго начальства, которое немедленно распорядилось усиленіемъ кордоновъ регулярными войсками, такъ и со стороны мѣстныхъ властей въ Карсѣ, которыя, по настоянію нашего коммисара, поддержанному изъ Тифлиса и Константинополя, выслали войска для удаленія чеченцевъ отъ границы,—успѣхъ такой попытки предотвращенъ былъ во-время. Такимъ образомъ, случаевъ произвольнаго возвращенія чеченскихъ переселенцевъ изъ Турціи—до конца 1865 года не было.

Съ послѣднихъ чиселъ декабря 1865 года начали появляться въ Тифлисѣ, Гори, Лорійскомъ приставствѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Тифлисской и Эриванской губерній, незначительныя партіи чеченцевъ, въ составѣ отъ 5—20 душъ каждая, пробиравшіяся чрезъ нашу границу и проходившія далѣе, будучи не замѣченными ни кордонною стражею, ни мѣстною земскою полиціею. Такихъ перебѣжчиковъ появилось въ послѣднихъ числахъ декабря 1865 г. и съ января по октябрь 1866 г. не болѣе 80—100 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ виду бѣдственнаго ихъ положенія, а также и въ тѣхъ соображеніяхъ, что появленіе ихъ въ Терской области въ таковомъ положеніи можетъ способствовать къ разсѣянію, въ средѣ тамошнихъ горцевъ, твердо укоренившагося въ нихъ убѣжденія о преимуществахъ жизни въ Турціи, всѣмъ этимъ перебѣжчикамъ было дозволено возвратиться на родину и даже оказано пособіе на слѣдованіе до Владикавказа. Кромѣ того, по представленіямъ начальника Терской области, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по ходатайствамъ нашего коммисара въ Турціи, разрѣшено возвратиться на родину нѣкоторымъ изъ числа такихъ переселенцевъ, коихъ мѣстное начальство считало вполнѣ благонадежными. Изъ дѣлъ кавказскаго горскаго управленія видно, что до конца 1866 г. какъ главное кавказское начальство, такъ и ген.-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ считали полезнымъ возвращеніе въ Чечню, негласно, нѣсколькихъ десятковъ семействъ чеченскихъ переселенцевъ.

Только въ октябрѣ 1866 г., когда во Владикавказѣ появилась, совершенно неожиданно, партія въ 162 человѣка, пробравшаяся чрезъ границу и далѣе ни кѣмъ не замѣченною, вслѣдствіе ходатайства начальника Терской области, было сдѣлано сношеніе съ гражданскимъ вѣдомствомъ и съ кордоннымъ начальствомъ объ усиленіи надзора на кордонахъ и въ тѣхъ частяхъ Закавказскаго края, чрезъ кои проходили возвращавшіяся изъ Турціи тайно чеченскія семейства. Такимъ образомъ, до исхода 1867 года возвратилось изъ Турціи и водворено на прежнихъ мѣстахъ жительства, считая и тѣхъ, коимъ разрѣшено было возвратиться, никакъ не болѣе 300 человѣкъ чеченскихъ эмигрантовъ, и до того времени кавказское начальство не считало эту обратную эмиграцію особенно вредною для края.

Съ начала 1867 года дѣло приняло другой оборотъ. Не считая значительнаго числа партій, не пропущенныхъ чрезъ границу, прорвались тайно въ наши предѣлы и затѣмъ задержаны въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ Александропольскомъ и Тифлисскомъ уѣздахъ и въ гор. Тифлисѣ, по военно-грузинской дорогѣ и въ самомъ Владикавказѣ: въ 1867 г. 7 партій, въ составѣ 162 душъ; въ 1868 г.—22 парт., въ составѣ 663 душъ; въ 1869 г.—20 парт., въ составѣ 369 душъ, и въ 1870 г.—25 партій, въ составѣ 1,263 души мужчинъ, женщинъ и дѣтей [1]).

Всѣ эти люди пребывали въ крайней нищетѣ, не имѣя рѣшительно никакого имущества, никакихъ перевозочныхъ средствъ и никакихъ средствъ къ пропитанію; они были прикрыты, въ большинствѣ случаевъ, только лохмотьями, дѣти являлись не рѣдко совершенно нагими; между ними бывало довольно много больныхъ, а слѣды крайняго изнуренія отъ скуднаго продовольствія и долгихъ лишеній были замѣтны почти на всѣхъ; огнестрѣльнаго оружія при нихъ обыкновенно не было. Изъ опросовъ ихъ дознано, что они возвращались или изъ сопредѣльныхъ съ Закавказскимъ краемъ турецкихъ пашалыковъ (до 1867 г.), или изъ окрестностей Діарбекира, Эрзингіана и Сиваса (послѣ 1866 г.); что мѣста, назначенныя турецкимъ правительствомъ для ихъ поселенія, вовсе неудобны для какого бы то ни было хозяйства, такъ какъ почва на этихъ мѣстахъ каменисто-песчанная и мало или вовсе не орошается водою; что климатъ въ тѣхъ мѣстахъ крайне знойный и вредный для здоровья; что очень много

[1]) Въ 1871 году 6 партій, въ составѣ 341 души.

изъ ихъ единоплеменниковъ погибло уже отъ климатическихъ болѣзней и отъ изнуренія; что они не заводились ни жилищами, ни какакимъ бы то ни было хозяйствомъ, а кочевали подъ открытымъ небомъ и снискивали себѣ кое-какое пропитаніе или чрезъ продажу бывшаго у нихъ имущества, или выпрашиваніемъ подаянія у сосѣднихъ кочевниковъ; что рѣшились возвратиться въ Россію, не видя другаго исхода для спасенія отъ гибели себя и своихъ семействъ и разсчитывая на милосердіе русскаго правительства; что разрѣшенія на обратное слѣдованіе въ Россію не получали отъ турецкихъ властей, а слѣдовали какъ въ турецкихъ, такъ и въ русскихъ предѣлахъ безъ всякихъ письменныхъ видовъ; что въ пути находились отъ 3—5 мѣсяцевъ (прибывшіе послѣ 1867 г.) и во все время слѣдованія не имѣли никакихъ собственныхъ средствъ для продовольствія себя и семействъ своихъ, а довольствовались только тѣмъ, что, изъ сожалѣнія къ ихъ бѣдственному положенію, удѣляли имъ жители тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя они проходили; что турецкія власти не препятствовали ихъ обратному слѣдованію; что чрезъ границу нашу они проходили обыкновенно ночью, не замѣченные кордонною стражею, что въ Закавказскомъ краѣ проходили, въ большинствѣ случаевъ, по проселочнымъ тропинкамъ, скрываясь днемъ въ лѣсахъ или оврагахъ; при слѣдованіи по закавказскому краю, они получали иногда отъ сельскихъ жителей подаяніе хлѣбомъ, сыромъ и другими продуктами, но большею частью или голодали, или довольствовались употребленіемъ въ пищу лѣсныхъ плодовъ или корешковъ растеній; что единственная ихъ просьба разрѣшить имъ остаться въ Россіи; что они готовы принять какія угодно начальству условія: согласны поселиться въ Сибири, идти въ солдаты (такъ обыкновенно выражались представители партій), лишь бы не возвращаться въ Турцію; что они убѣдились горькимъ опытомъ въ преимуществахъ жизни въ Россіи и постараются убѣдить въ этомъ другихъ горцевъ и т. д.

По полученіи увѣдомленія о прибытіи партіи эмигрантовъ, правительство наше или возвращало ихъ обратно въ Турцію, или же водворяло въ Терской области.

Въ большинствѣ случаевъ, прибывшимъ чеченцамъ, въ виду ихъ крайней нищеты, выдавалось пособіе въ размѣрѣ отъ 5 до 10 коп. въ день на каждаго, за время отъ задержанія ихъ до прибытія во Владикавказъ, или обратно до границы; производились на нихъ иногда и другіе расходы, такъ—въ зимнее время нанималось помѣщеніе для прибывшихъ въ Тифлисъ, родильницамъ покупалась улучшенная пища, нагимъ дѣтямъ пріобрѣтались рубахи и другое прикрытіе, больные и

прибывшіе зимою съ отмороженными членами отправляемы были во Владикавказъ на нанятыхъ арбахъ, выдавалось пособіе на похороны умершихъ въ Тифлисѣ и т. д.

Съ конца 1866 года до послѣдняго времени главное кавказское начальство и особенно начальство Терской области придерживались того мнѣнія, что всѣхъ прибывающихъ въ наши предѣлы чеченскихъ переселенцевъ надлежитъ немедленно удалять обратно въ Турцію, и ни въ какомъ случаѣ не допускать водворенія ихъ въ Терской области,—но отступленія отъ такой системы дѣйствій дѣлались постоянно, но не вслѣдствіе, однако, перемѣны взгляда на дѣло, а изъ сожалѣнія къ крайне бѣдственному положенію прибывавшихъ переселенцевъ.

Въ 1868 году нѣсколько небольшихъ партій отправлено было изъ Тифлиса въ Чечню не по военно-грузинской дорогѣ, а очень окружнымъ путемъ—чрезъ Закатальскій округъ и Дагестанъ, въ тѣхъ предположеніяхъ, что появленіе въ этихъ частяхъ края,—гдѣ въ то время проявилось фатаческое стремленіе къ переселенію въ Турцію, — бѣдствующихъ переселенцевъ — разсѣетъ такое стремленіе. Мѣра эта однако же не произвела ожидаемаго эфекта; фанатическіе закатальцы и дагестанцы взглянули на прослѣдовавшихъ чеченцевъ, какъ на агентовъ правительственныхъ, а не какъ на людей, могущихъ своимъ примѣромъ ослабить въ нихъ стремленіе къ добровольной гибели.

Въ томъ-же 1868 году явилось предположеніе о направленіи прибывающихъ партій въ Кубанскую область, для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ Лабинскаго округа, и уже сдѣланы были надлежащія распоряженія по приведенію такой мѣры въ исполненіе. Нѣсколько изъ прибывшихъ въ Тифлисъ партій направлены были въ Кубанскую область, но при слѣдованіи туда онѣ всѣ были задержаны во Владикавказѣ и затѣмъ, по распоряженію начальника Терской области, водворены въ Чечнѣ, на прежнихъ мѣстахъ жительства.

Въ виду принятой системы и постояннаго прорыва новыхъ партій, были сдѣланы сношенія съ походнымъ атаманомъ казачьихъ войскъ, состоящихъ при кавказской арміи, и съ губернаторами эриванскимъ, тифлисскимъ и елисаветопольскимъ, съ первымъ—объ усиленіи бдительности на кордонахъ, а съ послѣдними — о болѣе тщательномъ надзорѣ за появляющимися въ краѣ изъ Турціи беспаспортными людьми и о направленіи всѣхъ такихъ людей обратно въ Турцію. Въ отвѣтъ на такія сношенія, походный атаманъ заявлялъ обыкновенно, что случаи тайнаго прохода чрезъ границу турецко-подданныхъ слѣдуетъ приписывать не столько слабости надзора на кордонахъ, сколько тому,

что наши пограничные кочевники способствуютъ такому переходу, что такой переходъ едва-ли возможно предупредить во всѣхъ случаяхъ, при малочисленности кордонной стражи и при томъ удобствѣ, которое представляетъ для тайнаго перехода наша граница съ Турціею; губернаторы же, съ своей стороны, сообщали, что ими дѣлаются постоянныя подтвержденія о соблюденіи всѣхъ установленныхъ правилъ въ отношеніи появляющихся изъ заграницы въ краѣ беспаспортныхъ людей, но что появленіе такихъ людей, даже въ значительныхъ партіяхъ, уѣздная и сельская полиціи, при имѣющихся у нихъ средствахъ, не въ состояніи предупредить, если только не будетъ соблюдаема должная бдительность на кордонахъ.

Съ сентября 1870 года начали поступать къ кавказскому начальству отъ нашихъ консуловъ въ Азіятской Турціи конфиденціальныя заявленія, что въ виду натянутыхъ въ то время отношеній нашего правительства къ Портѣ, турецкіе администраторы въ Азіятской Турціи заботятся о высылкѣ, и выслали уже на Кавказъ нѣсколькихъ эмиссаровъ изъ переселившихся въ Турцію въ разное время кавказскихъ горцевъ,— съ тою цѣлью, чтобы подготовить въ мусульманскихъ частяхъ Кавказа возмущеніе на случай войны Турціи съ Россіею. Въ виду такихъ свѣдѣній, о коихъ въ свое время поставлены были въ извѣстность начальники главныхъ отдѣловъ края, было сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи всѣмъ тѣмъ кавказскимъ горцамъ, кои когда либо переселились въ Турцію, съ разрѣшенія или безъ разрѣшенія кавказскаго начальства,— подъ какимъ бы то ни было предлогомъ возвращаться на Кавказъ, и о немедленномъ отправленіи въ Турцію тѣхъ изъ нихъ, кои появятся въ Закавказскомъ краѣ.

Хотя отношенія наши къ Портѣ впослѣдствіи приняли иной оборотъ и хотя затрудненія, могущія возникнуть отъ появленія на Кавказѣ турецкихъ эмиссаровъ частью были устранены распоряженіями мѣстныхъ начальниковъ, тѣмъ не менѣе распоряженіе это оставлено въ своей силѣ.

Въ 1871 году начали вновь появляться въ Тифлисѣ чеченскія партіи, пробравшіяся чрезъ нашу границу съ Турціею и по Закавказскому краю, не будучи замѣченными при слѣдованіи ни кордонною стражею, ни мѣстными полицейскими властями. Первая партія, въ 25 душъ, прибыла въ Тифлисъ 4-го мая и чрезъ нѣсколько дней послѣ того отправлена во Владикавказъ; вторая партія, въ 72 души, прибыла въ Тифлисъ 15-го мая и отправлена во Владикавказъ 22-го; въ обоихъ случаяхъ—изъ сожалѣнія къ крайне бѣдственному ихъ положенію.

Прибывшие показали, что вслѣдъ за ними слѣдуетъ еще нѣсколько партій, и что всѣ безъ исключенія чеченскіе эмигранты стремятся возвратиться въ Россію. Показаніе ихъ не замедлило отчасти оправдаться: 23-го и 24-го мая явились въ Тифлисъ двѣ новыя партіи, одна въ 127, другая въ 99 человѣкъ.

VIII.

Положеніе и размѣщеніе чеченцевъ въ Турціи. — Разсказъ Дарбишъ Джордіева и донесеніе консула нашего въ Эрзерумѣ. — Смертность между чеченцами.

1871 г.

Такимъ образомъ переселеніе въ Турцію значительной части жителей Большой и Малой Чечни было окончено въ теченія трехъ съ половиною мѣсяцевъ и Терская область избавилась самой безпокойной части ея населенія.

Что касается дальнѣйшей участи чеченцевъ въ Турціи, то положеніе ихъ тамъ было крайне печальное. Вотъ что, между прочимъ, разсказывалъ Дарбишъ Джордіевъ, уроженецъ сел. Назрань, служившій прежде въ Назрановской милиціи, человѣкъ бывалый и толковый, возвратившійся на Кавказъ въ 1871 году.

«Первоначально всѣ переселенцы были направлены верстъ на 200 южнѣе Діарбекира и Эрзингіана, гдѣ имъ отведены были для поселенія мѣста каменистыя, песчаныя, безводныя и потому негодныя для какого бы то ни было хозяйства. Вскорѣ послѣ прибытія ихъ туда, весь скотъ, бараны и лошади погибли отъ недостатка корма. Сами-же переселенцы, въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ, получали отъ турецкаго правительства муку, а иногда рисъ, но все это въ крайне недостаточномъ для пропитанія ихъ семействъ количествѣ. Наконецъ, въ послѣдніе 4 года, они были лишены и этого пособія. Недостатокъ пищи и другаго рода лишенія, при весьма знойномъ и вредномъ для здоровья климатѣ, развили между переселенцами болѣзненность, отъ которой бо́льшая половина ихъ погибла. Никто изъ чеченцевъ не заводился ни жилищемъ, ни хозяйствомъ. Всѣ эти бѣдствія заставили ихъ покинуть отведенныя имъ мѣста и потянуться на сѣверъ. Въ настоящее время нѣтъ уже ни одного чеченскаго семейства южнѣе Діарбекира.

«Изъ чеченцевъ, по распоряженію турецкаго правительства, былъ сформированъ въ Діарбекирѣ конный полкъ изъ 1,000 чел. Полковымъ командиромъ былъ назначенъ Шамхал-бекъ Цуговъ, человѣкъ

дѣтъ 40, племянникъ Алико Дугова, бывшаго Карабулакскаго старшины. Каждый всадникъ полка получалъ въ мѣсяцъ 7 рублей и, кромѣ того, провіантъ для себя и продовольствіе для лошадей: урядники-же и офицеры по 10 до 30 рублей въ мѣсяцъ. При подавленіи вспыхнувшаго въ то время въ Аравіи возмущенія участвовалъ и Діарбекирскій чеченскій полкъ.

«Кромѣ того нѣкоторые чеченцы состоятъ на службѣ въ пѣхотныхъ войскахъ, расположенныхъ въ Карсѣ; остальные затѣмъ проживаютъ временно въ окрестностяхъ Муша, Эрзерума и Карса, гдѣ жители имъ уступаютъ брошенныя конюшни и другія постройки и оказываютъ пособіе продуктами; многіе добываютъ себѣ пропитаніе заработками. Вообще же чеченцы, за исключеніемъ развѣ состоящихъ на службѣ или обезпеченныхъ какимъ либо другимъ образомъ, собираются оставить Турцію и выжидаютъ только удобнаго случая для возвращенія на Кавказъ».

Это показаніе Джордіева, во многомъ справедливое, грѣшитъ только въ показаніяхъ о размѣщеніи чеченцевъ въ Азіатской Турціи. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія, что къ югу отъ Діарбекира нѣтъ ни одного семейства горцевъ—не вѣрно. Изъ донесенія нашего консула въ Эрзерумѣ [1]) оказывается, что переселенцы находятся въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

въ Расъ-аль-айнѣ. . . .	1,200 сем.
въ горныхъ яйлахъ Сивасскаго вилаіета:	
въ Сивасскомъ санджакѣ .	47
въ казѣ Бертак-Джака . . .	43
» » Абхаліэ	51
» » Гавитіэ . . .	52
въ санджакѣ Амасіэ. . .	25
въ Халепскомъ вилаіетѣ:	
въ казѣ Джардакли . . .	90
» » Ибн-эль-Гази . .	50
» » Сырбык-Джаріэ. .	40
въ санджакѣ Адана. . .	41
въ Эрзерумскомъ вилаіетѣ:	
въ санджакѣ Мушъ . . .	14
» » Хынызъ. .	24

[1]) Отношеніе эрзерумскаго консула Оберъ-Миллера, отъ 25-го октября 1871 года, № 272.

въ санджакѣ Карсъ		. 47
» »	Кыгы.	. 30
въ Діарбекирскомъ вилаіетѣ:		
въ санджакѣ Діарбекиръ.	. .	. 55
» »	Сыиртъ	. 15

Итого . . 1,824 сем. или 10,000 душъ.

Такимъ образомъ, изъ переселившихся въ 1865 году въ Турцію слишкомъ 22 т. душъ, въ 1871 году осталось лишь 10 т.; многіе умерли отъ зловреднаго климата сѣверной и средней Месопотаміи

IX.

Дагестанъ. — Война наша съ лезгинами. — Выселеніе горцевъ въ Турцію и противупоставляемыя ему затрудненія.—Политика кн. Барятинскаго.

1859—1873 гг.

За Андійскимъ хребтомъ, составляющимъ южную границу Чечни, лежитъ Дагестанъ, примыкающій восточною стороною къ Каспійскому морю, а на югѣ и западѣ замыкающійся главнымъ кавказскимъ хребтомъ. Площадь его, имѣющая видъ прямолинейнаго треугольника, занимаетъ пространство въ 519 кв. миль или 23,113 кв. верстъ. Это самая дикая, суровая и неприступная часть Кавказа. Среди почти полумилліоннаго ея населенія, извѣстнаго подъ именемъ лезгинъ, съ съ давнихъ временъ образовалось множество обществъ (Анди, Салатау, Гумбетъ и др.), союзовъ (Даргинскій, Анкратльскій, Ункратльскій) и даже владѣній (Аварія, ханства Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, Кубинское и Дербентское, шамхальство Тарковское, уцмійство Кайтагское и маасумство Табасаранское), перенесшія свои названія на самихъ горцевъ, которыхъ начали называть Аварцами, Даргинцами, Казикумухами (или Лаками), Кюринцами и т. д.

Лезгины, сохранивъ въ общественномъ устройствѣ первобытныя формы, всегда отличались воинственностію и любили независимость, а если въ былое время подпадали подъ иноплеменное владычество, то только благодаря раздробленности на множество мелкихъ племенъ, весьма рѣдко сливавшихся въ одну сплоченную общими интересами массу. Въ исторической нашей лѣтописи за прошедшее столѣтіе въ особенности замѣчательны два похода русскихъ въ Дагестанъ: Петра I въ 1722 году и графа Валеріана Зубова въ 1796 году. Съ водвореніемъ же нашимъ въ Грузіи, при Георгіи XII, война съ лезгинами почти не прекращалась и только А. П. Ермолову, наводившему

ужасъ своими экспедиціями, удалось смирить горцевъ и удержать ихъ въ повиновеніи. При ближайшихъ же его преемникахъ, когда среди лезгинъ началъ распространяться мюридизмъ, принявшій скоро политическій характеръ, Дагестанъ снова возсталъ, имѣя на этотъ разъ во главѣ своего движенія людей, столько-же замѣчательныхъ умомъ, сколько проникнутыхъ фанатизмомъ и безграничнымъ честолюбіемъ. Такими поборниками за свободу явились Кази-Мулла (убитъ въ 1832 году), отчасти Гамзадъ (убитъ въ 1834 году) и въ особенности Шамиль (умеръ въ Мединѣ въ 1871 году), успѣвшій въ 1843 году вырвать изъ рукъ нашихъ почти весь Дагестанъ и уничтожить, такимъ образомъ, плоды нашихъ лучшихъ экспедицій за время съ 1832 по 1842 годъ. Экспедиція, предпринятая кн. Воронцовымъ въ 1845 году въ Дарго (сухарная экспедиція), также кончилась для насъ полною неудачею; вліяніе-же Шамиля, уже упроченное, видимо начало усиливаться и съ перемѣннымъ счастіемъ удержалось имъ до плѣненія его кн. Барятинскимъ на Гунибѣ. Здѣсь, въ центрѣ Дагестана, завершилась 25-го августа 1859 года почти 60-ти лѣтняя борьба наша съ племенами восточнаго Кавказа, и въ жизни ихъ наступила новая эпоха.

Съ утвержденіемъ нашего владычества въ Дагестанѣ, въ прежнихъ вольныхъ обществахъ, а особенно въ приморской его части, также не разъ проявлялось среди туземнаго населенія стремленіе къ уходу въ Турцію, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ мы это видѣли у черкесовъ и чеченцевъ. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что правительство разрѣшало увольнять ежегодно только опредѣленное число семействъ, которыя получали паспорты подъ видомъ отправленія на богомолье въ Мекку, съ уплатою за себя повинностей впередъ за десять лѣтъ, при чемъ имъ объявлялось, что послѣ ухода ихъ за границу имъ возбраняется возвращеніе на родину. Такая мѣра давала возможность самымъ крайнимъ фанатикамъ выселяться въ Турцію безпрепятственно и тѣмъ освобождала остальное населеніе области отъ возбужденія съ ихъ стороны къ выселенію массами. Въ предшествовавшее до 1872 года время разрѣшалось увольнять такимъ способомъ изъ Дагестана до 150-ти семействъ ежегодно; въ 1872 году было разрѣшено уволить 250, а въ 1873 году 300 семействъ; выселилось, однако, въ 1872 году только 120, а въ 1873 году 179 семействъ.

Но, скажемъ мы, въ заключеніе нашей статьи, если выселеніе Дагестанскихъ горцевъ не приняло громадныхъ размѣровъ, то единственнымъ объясненіемъ этого факта должно признать политику кн. Барятинскаго, никогда не сочувствовавшаго этому выселенію и потому,

придавая только наружный видъ полной готовности ему содѣйствовать, на самомъ дѣлѣ ставилъ ему непреодолимыя преграды, къ числу которыхъ относится требованіе уплаты податей впередъ за десять лѣтъ. Невозможность исполнить такое требованіе и объясняется приведенными выше цифрами изъявившихъ желаніе выселиться и дѣйствительно выселившихся.

Ад. П. Берже.

г. Тифлисъ.
1882 г.

Примѣчаніе. Помѣщенная выше монографія принадлежитъ предсѣдателю Кавказской Археографической Коммисіи Адольфу Петровичу Берже. Съ удовольствіемъ и чувствомъ глубокой признательности замѣтимъ здѣсь, что уважаемый ученый въ теченіи десяти уже лѣтъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ „Русской Старины". На страницахъ нашего изданія имъ напечатанъ рядъ слѣдующихъ, весьма интересныхъ и совершенно новыхъ по матеріаламъ, статей и сообщеній:

I. Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе, томъ XXVIII, стр. 1. 159, 363.
II. Завоеванія Россіи въ Гилянѣ, томъ XXXII, стр. 452.
III. Графъ Войновичъ въ Персіи, томъ XXXII, стр. 450.
IV. Посольство А. П. Ермолова въ Персію, томъ XIX, стр. 255, 382.
V. Молитва для мусульманъ, сочиненная А. П. Ермоловымъ, томъ XXXII, стр. 454.
VI. Землянка А. П. Ермолова, томъ VIII, стр. 999.
VII. Грибоѣдовъ какъ дипломатъ, томъ XI, стр. 516, 746 и т. XVII, стр. 727.
VIII. Грибоѣдовъ въ Персіи, томъ XVII, стр. 276.
IX. Смерть Грибоѣдова, историческое изслѣдованіе, томъ VI, стр. 163.
X. Самсонъ-ханъ Макинцевъ, историческій очеркъ.—Т. XV, стр. 770.
XI. Восточная поэма на смерть Пушкина.—Т. XVII, стр. 76.
XII. Хозровъ-Мирза, біографическій очеркъ.—Т. XXV, стр. 333, 401.
XIII. Исторія Россіи изложенная персіяниномъ, томъ XXIV, стр. 163.
XIV. Пребываніе А. А. Бестужева въ Пятигорскѣ, томъ XXIX, стр. 417.
XV. Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ, томъ XIX, стр. 275.
XVI. Письма А. П. Ермолова къ кн. Бебутову.—Т. V, стр. 431.
XVII. Письма кн. М. С. Воронцова къ кн. В. О. Бебутову.—Т. VII, стр. 103, 254 и 691.
XVIII. Н. Н. Муравьевъ, историческо-біографическій очеркъ и письма къ князю Василію Осиповичу Бебутову, томъ VIII, стр. 599, 619.
XIX. Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ вел. кн. Михаилу Павловичу.—Т. XVII, стр. 851.
XX. Командующіе Кавказской арміей въ ихъ приказахъ.—Т. XVII, стр. 633.
XXI. Н. П. Колюбакинъ, томъ XVII, стр. 317.
XXII. Письма Шамиля и его женъ къ кн. А. И. Барятинскому. Примѣчанія къ нимъ Ад. П. Берже.—Т. XXVII, стр. 806.
XXIII. Выселеніе горцевъ съ Кавказа, историческое изслѣдованіе, томъ XXXIII стр. 161, 337 и томъ XXXVI, стр. 1 и слѣдующ.

ОПИСАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГА И КРОНШЛОТА

въ 1710-мъ и 1711-мъ гг. [1])

[Перев. нѣмецкой книжки, изд. H. G въ 1713 г. въ Лейпцигѣ].

ПРЕДИСЛОВІЕ НѢМЕЦКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Любопытствующимъ читателямъ предлагается здѣсь небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: Точное описаніе новопостроенныхъ его царскимъ величествомъ, у рѣки Невы, города и крѣпости С.-Петербурга, а также крѣпостцы Кроншлота, съ разными къ тому примѣчаніями. Въ этомъ сочиненіи заключаются такія новыя извѣстія, которыя не легко добыть другимъ путемъ, особенно въ нашихъ мѣстахъ; содержаніе же ихъ столь достовѣрно, что книжка нисколько не нуждается ни въ пространномъ предисловіи, ни въ просмотрѣ ея какими либо лицами, пользующимися особымъ авторитетомъ, ни въ одобреніи критика. Каждый, кому случилось недавно быть въ С.-Петербургѣ и которому книжка попадется въ руки, вѣроятно не найдетъ въ ней ничего, что могло бы вызвать порицаніе. Все здѣсь описано коротко, но правдиво, а приложенный авторомъ трудъ и его точность тѣмъ болѣе достойны похвалы, что у него нигдѣ нѣтъ слѣда какого нибудь пристрастія или предубѣжденія и, напротивъ, онъ говоритъ обо всемъ съ приличною умѣренностію и скромностію.

Для лучшаго уразумѣнія нижеслѣдующаго описанія и чтобы знать въ какой именно сторонѣ лежитъ новый городъ, почтенный читатель долженъ обратиться къ наилучшимъ изъ числа самыхъ новѣйшихъ картъ, потому что на старыхъ онъ не отыщетъ Петербурга. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что и между новѣйшими

[1]) Съ весьма обязательнаго разрѣшенія г. Директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова, перепечатываемъ изданный Библіотекой въ 1860 г. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, переводъ перваго по времени Описанія Петербурга, (1710—1711 гг.). Ред.

землеописателями и картографами еще ни одинъ правильно не опредѣлилъ положенія этого важнаго мѣста; почему публика тѣмъ болѣе имѣетъ основанія благодарить автора за сообщаемыя имъ свѣдѣнія.

Должно еще замѣтить что онъ, по зрѣломъ обсужденіи, названіе „Москвитянинъ" вездѣ замѣнилъ названіемъ „Русскій", потому что и въ самомъ томъ краѣ принято говорить Русскій— отъ Россіи, точно также какъ говорится Испанецъ отъ Испаніи, а не Мадритецъ, Англичанинъ отъ Англіи, а не Лондонянинъ, Германецъ отъ Германіи, а не Вѣнецъ, Гамбуржанинъ и пр.

Вышесказаннаго довольно для предисловія, а впрочемъ каждый на опытѣ убѣдится, что купить экземпляръ этой книжки стоило и что прочесть ее можно съ удовольствіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

О КРѢПОСТИ И ГОРОДѢ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Послѣ продолжающихся уже нѣсколько лѣтъ толковъ, словесныхъ и письменныхъ, о С.-Петербургѣ и на обращенный ко мнѣ многими вопросъ: не есть ли это тотъ самый городъ, что прежде назывался Шанцеръ-Ніе, или Ніеншанцъ, потому что С.-Петербурга на старыхъ картахъ не значится, да послужитъ въ отвѣтъ

любопытствующему міру слѣдующее: послѣ взятія 12 октября 1702 года лежащей у Ладожскаго озера крѣпости Нотебургъ [1]), что нынѣ именуется Шлиссельбургомъ, его царское величество въ слѣдующемъ 1703 году двинулся съ своею арміею внизъ по большой рѣкѣ Невѣ и, по маломъ сопротивленіи, овладѣлъ другою шведскою крѣпостью Ніеншанцомъ [2]). Затѣмъ, спустившись еще далѣе по сказанной рѣкѣ, онъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится С.-Петербургъ, расположился большимъ лагеремъ, въ которомъ пѣхота стояла на Финляндской, а конница на Ингерманландской сторонѣ [3]).

Питая неодолимую страсть къ кораблеплаванію и вслѣдствіе того чрезвычайно желавъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ, его царское величество, по устроеніи сперва на мѣстѣ, гдѣ теперь С.-Петербургъ, небольшаго шканца [4]), началъ, какъ самолично, такъ и черезъ другихъ, тщательно обозрѣвать на шлюпкахъ рѣку Неву до самаго моря [5]); а какъ тамъ замѣчено было нѣсколько крейсирующихъ судовъ, то отрядилъ около 1000 человѣкъ для занятія самаго крайняго къ морю острова Ретусари [6]). Господа

---

[1]) Нотебургъ, прежде называвшійся Орѣшкомъ, былъ взятъ дѣйствительно 12-го октября, а не 11-го, какъ пишетъ Голиковъ. 12-е число показано и въ „Книгѣ Марсовой“, а въ „Юрналѣ“ 1702 года записано: „противъ 11-го числа пошли на приступъ; въ 12-й день городъ сдали“.

[2]) Ніеншанцъ (по русски Канцы), находившійся почти на самомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ Охты въ Неву, былъ построенъ Шведами въ 1617 году, вблизи лежавшаго нѣкогда около этихъ мѣстъ города Ландскроны. Петръ Великій, по взятіи этой крѣпости 1-го мая 1703 года, переименовалъ ее въ Шлотбургъ.

[3]) У насъ эта сторона именовалась Ингріею, или Ижорскою землею, а противуположная—Карельскою.

[4]) При заложеніи Петербургской крѣпости была построена въ 1703 году батарея на той оконечности Васильевскаго острова, которая теперь называется Стрѣлкою.

[5]) Впервые Петръ Великій отправился осматривать Невское устье и взморье, въ сопровожденіи четырехъ ротъ Преображенскаго полка и трехъ Семеновскаго, 18-го апрѣля 1703 года, и при этомъ случаѣ, чтобы отнять у шведскихъ судовъ возможность войти въ рѣку и подать помощь осажденнымъ въ Ніеншанцѣ, оставилъ на островѣ Витссари, или Пруговомъ (нынѣ Гутуевскій), три роты.

[6]) На Ретусари, или по русски Котлинъ островъ, Петръ Великій ѣздилъ, въ октябрѣ 1703 года, уже между шедшимъ по Невѣ льдомъ. Прибывъ на мѣсто, царь самъ вымѣрилъ фарватеръ, отдѣлявшій островъ отъ находившейся противъ него мели, и положилъ на ней построить крѣпость, о которой будетъ сказано ниже. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

Шведы, узнавъ о томъ, всячески усиливались вытѣснить съ острова непріятельскій отрядъ, для чего и начали сильную по немъ пальбу съ одного изъ своихъ судовъ; но господа Русскіе, съ своей стороны, тихо стянувшись, такъ укрылись за окружающими морской берегъ каменьями, что совсѣмъ исчезли изъ вида у Шведовъ; когда же послѣдніе, въ предположеніи, что непріятель уже весь истребленъ, подошли къ острову, чтобы спустить десантъ и посмотрѣть какъ лежатъ тамъ тѣла погибшихъ, то Русскіе изъ за камней открыли сильный огонь и прогнали Шведовъ съ большимъ урономъ; вслѣдствіе чего остальные изъ нихъ отступили съ своими судами и ушли въ море [1]).

Послѣ такой удачи его царское величество старался удержаться на сказанномъ островѣ, въ чемъ и успѣлъ. А какъ его величеству особенно полюбилось это мѣсто, то онъ рѣшился заложить при рѣкѣ Невѣ крѣпость. И хотя первоначально онъ было думалъ построить ее ниже устья рѣки, не постигая отъ чего Шведы свой укрѣпленный Ніеншанцъ не возвели ближе къ морю; но потомъ, при ближайшемъ соображеніи, оказались къ тому важныя препятствія, и царь, по разнымъ причинамъ, рѣшился на среднюю мѣру, именно выбралъ подъ упомянутую свою крѣпость тотъ пунктъ, гдѣ теперь С.-Петербургъ. Для приведенія этой мысли въ исполненіе тотчасъ наряжено было изъ пространнаго его государства огромное число рабочихъ, какъ-то: русскихъ, татаръ, калмыковъ и проч., частію жившихъ за сотни миль, а также Финскихъ и Ингерманландскихъ крестьянъ, которые и приступили къ работамъ 3-го мая 1703 года [2]). Крѣпость была построена непостижимо скоро [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не

---

[1]) Судя по описаннымъ подробностямъ, авторъ говоритъ здѣсь о блистательномъ отраженіи, въ 1704 году, полковникомъ Толбухинымъ десанта, высаженнаго шведскимъ контръ-адмираломъ Спарре на Котлинскую косу (носящую съ того времени названіе Толбухиной), съ намѣреніемъ устроить на островѣ батареи противъ Кроншлота.

[2]) С.-Петербургская крѣпость была заложена не 3-го, а 16-го мая, въ самый праздникъ св. Троицы, послѣ побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ Шведами 6-го числа, при устьѣ Невы, у деревни Калинкиной. Неточность здѣсь свѣдѣній нашего автора объясняется тѣмъ, что о началѣ Петербурга онъ писалъ только по наслышкѣ. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

[3]) Успѣшность крѣпостныхъ работъ объясняется тѣмъ, что надзоръ за ними былъ раздѣленъ между разными лицами; такъ постройку перваго болверка государь взялъ подъ свое личное смотрѣніе, второй поручилъ Меншикову,

дивиться, что, при такомъ множествѣ народа, всю землю къ строенію рабочіе носили (какъ меня положительно въ томъ увѣряли, и какъ я также и самъ въ мое тамъ пребываніе видѣлъ) въ полахъ своей одежды, или на плечахъ въ небольшихъ рогожныхъ мѣшкахъ. А какъ люди были непривычны къ такой работѣ, да и содержаніе имъ шло самое скудное, то очень много изъ нихъ, говорятъ даже будто бы свыше ста тысячъ, при этомъ погибло.

Такимъ образомъ въ четыре лѣтніе мѣсяца 1703 года крѣпость была вчернѣ окончена, а потомъ дальнѣйшія по ней работы продолжались изъ года въ годъ, пока довели ее до нынѣшняго удивительнаго состоянія [1]); принадлежащій же къ ней кронверкъ на Финляндской сторонѣ начатъ былъ постройкою, какъ мнѣ сказывали, двумя годами позже [2]) и тоже очень скоро поспѣлъ.

Крѣпость находится на островѣ Газенгольмѣ, или по фински Енниссари [3]), лежащемъ въ упомянутой большой рѣкѣ Невѣ, ближе къ Финляндской сторонѣ. Въ этой крѣпости, которая имѣетъ въ длину болѣе, чѣмъ въ ширину—6 бастіоновъ и къ Финляндской сторонѣ кронверкъ съ нѣсколькими наружными верками, а на противуположной сторонѣ небольшой равелинъ. Внутри крѣпости построены въ четыре ряда деревянные дома, изъ которыхъ большая часть покрыта черепицею, или же дерномъ, настланнымъ по драницамъ или берестѣ. Проведенный изъ Невы каналъ проходитъ посереди крѣпости, такъ что въ ней никогда не можетъ быть недостатка въ водѣ [4]); у канала стоитъ небольшая, но кра-

---

третій Головкину, четвертый Зотову, пятый князю Трубецкому, шестой Нарышкину; всѣ эти болверки были наименованы по фамиліямъ строителей. 29-го іюня 1703 года на Меншиковскомъ болверкѣ, уже почти совершенно оконченномъ, была устроена деревяльная зала, въ которой государь угощалъ обѣдомъ не только непосредственныхъ участниковъ въ своихъ трудахъ, но также солдатъ и работниковъ.

[1]) Крѣпость была первоначально земляная, а каменнымъ строеніемъ начата 30-го мая 1706 года, на праздникъ св. Исаакія Далматскаго, бывшій, какъ извѣстно, днемъ рожденія Петра Великаго.

[2]) Это справедливо: земляный кронверкъ былъ построенъ въ 1705 году.

[3]) По русски Заячій островъ.

[4]) Этотъ каналъ имѣлъ въ длину 200 саженъ, а въ ширину $2^1/_2$ сажени, „котогой, для прибылыхъ водъ, отвнѣ тоя крѣпости землею засыпанъ, имъ же водою теченія свободности не имѣется“ (См. рукоп. Погод. Древлехр. № 1751). Примѣч. изд. Пуб. Библ.

сивая деревянная русская церковь, объ одномъ, на голландскій манеръ, шпицѣ [1]). На башнѣ подъ шпицомъ виситъ нѣсколько колоколовъ, на которыхъ приставленными людьми каждый часъ разыгрывается, тоже по голландскому обычаю, небольшая прелюдія, а въ слѣдъ за нею часы возвѣщаются звономъ колокола, приводимаго въ движеніе, за неимѣніемъ часоваго механизма, тѣми же людьми. Неподалеку оттуда, въ линіи домовъ по каналу, находится нѣмецкая церковь [2]), небольшой деревянный домъ для коменданта и нѣсколько другихъ для офицеровъ гарнизона.

Валы вокругъ крѣпости обстроены казармами и другими зданіями. Пороховой магазинъ и аптека каменные со сводами. Посерединѣ главной площадки у воротъ (въ крѣпости только однѣ ворота, кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ въ кронверкъ) сложены въ большихъ кучахъ бомбы, ядра и гранаты. Въ 1710 году начали срывать прежніе земляные бастіоны и возводить, въ замѣнъ ихъ, толстые и массивные каменные, внутри которыхъ устроиваются казематы и крытыя батареи. Изъ послѣднихъ можно обстрѣливать не только окрестность и рѣку, но и самый кронверкъ, и въ сказанномъ 1710 году два бастіона, къ сторонѣ Васильевскаго острова, были совершенно окончены, отчасти съ помощью шведскаго гарнизона, взятаго въ плѣнъ при покореніи Выборга.

На валахъ и крѣпостныхъ веркахъ разставлены чугунныя и мѣдныя пушки, числомъ, говорятъ, до 300, которыя передвигаютъ по валу, не имѣющему амбразуръ.

---

[1]) По словамъ Богданова (Описаніе Санктпетербурга, стр. 34) и по приложенному къ его книгѣ рисунку (V, 2)—не объ одномъ, а о трехъ шпицахъ (нашъ авторъ, вѣроятно, говоритъ только о главномъ, подъ которымъ висѣли колокола); на этихъ шпицахъ по воскресеньямъ и праздникамъ поднимались корабельные вымпелы. Церковь, о которой идетъ здѣсь рѣчь, была соборная, во имя св. апостолъ Петра и Павла; основаніе ей положено въ одинъ день съ крѣпостью, а освященіе ея совершено 1-го апрѣля 1704 года новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ.

[2]) Эта первая нѣмецкая кирка была вскорѣ потомъ перенесена изъ крѣпости на Петербургскій островъ и поставлена около нынѣшней церкви св. апостола Матѳея. Въ виду неудобства для лютеранъ, жившихъ на правомъ берегу Невы, посѣщать свой приходъ, вице-адмиралъ Крюйсъ испросилъ у царя позволеніе построить новую деревянную для иностранцевъ церковь (о ней скажется ниже), которая, бывъ окончена въ 1708 году, освящена во имя св. апостола Петра; мѣсто, гдѣ находилась эта церковь, занято теперь зданіемъ Эрмитажа. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

Отъ крѣпости ведетъ къ Финляндской сторонѣ прекрасный, въ двухъ мѣстахъ подъемный, деревянный мостъ, имѣющій около 300 шаговъ длины. Крѣпостныя ворота деревянныя [1]), очень красивой рѣзной работы, сдѣланы нѣмецкимъ мастеромъ. Надъ ними возвышается статуя св. Петра въ человѣческій ростъ, съ двумя большими ключами въ рукѣ, тоже деревянная. Внизу выставленъ годъ, именно 1703-й, а на портикѣ по правую руку вдѣлана жестяная доска съ русскою надписью, гласящею объ основаніи крѣпости.

Внутри крѣпости надъ воротами прикрѣпленъ рѣзанный изъ дерева и выкрашенный черною краскою русскій орелъ, съ коронами на обѣихъ главахъ и съ скипетромъ и державою въ когтяхъ. Нѣсколько ниже—писанный образъ святителя Николая, передъ которымъ Русскіе творятъ, по своему обычаю, крестное знаменіе и земные поклоны, въ особенности по утрамъ. На одномъ изъ бастіоновъ, по правую руку отъ воротъ (разумѣя, когда я стою внутри крѣпости), развѣвается, на длинномъ шестѣ, пестрый флагъ, который, въ праздники и при торжественныхъ случаяхъ, замѣняется большимъ желтымъ, съ русскимъ орломъ, держащимъ въ когтяхъ и имѣющимъ на крыльяхъ изображенія четырехъ большихъ морей: Бѣлаго, Чернаго, Каспійскаго и Балтійскаго, безъ сомнѣнія въ знакъ того, что его царскому величеству желалось бы имѣть въ своемъ обладаніи тѣ четыре моря: къ сѣверу, востоку, западу и югу.

Еще надо замѣтить, что съ этого бастіона ежедневно, зимою и лѣтомъ, дѣлается по три пушечныхъ выстрѣла: утромъ на разсвѣтѣ, потомъ въ 11-ть часовъ передъ полуднемъ и, наконецъ, вечеромъ на солнечномъ закатѣ, при чемъ бьютъ, какъ заведено въ другихъ мѣстахъ, утреннюю и вечернюю зорю. Тоже самое исполняется и во флотѣ, на адмиральскомъ кораблѣ.

Между крѣпостью и кронверкомъ протекаетъ рукавъ Невы, въ который на зиму вводится флотъ, какъ въ безопасную гавань.

Полюбивъ очень эту новопостроенную крѣпость, царь заложилъ при ней, по обѣимъ сторонамъ рѣки, и довольно большой городъ.

---

[1]) Эти ворота, первыя отъ востока, называвшіяся и теперь называемыя, Петровскими, начаты были строиться каменнымъ зданіемъ уже только въ 1717 году. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

ОПИСАНІЕ ФИНЛЯНДСКОЙ СТОРОНЫ ГОРОДА.

На Финляндской сторонѣ [1]), отъ крѣпости вверхъ по рѣкѣ, стоитъ нѣсколько значительныхъ (по понятіямъ Русскихъ) домовъ, въ которыхъ живетъ вдовствующая супруга царя Ивана съ своими принцессами [2]); далѣе одинъ изъ домовъ князя Меншикова, деревянный, съ виду похожій на церковь, гдѣ жилъ по-

---

[1]) Эта Финляндская, или Карельская сторона (нынѣ именуемая Петербургскою), занимаетъ островъ, котораго старинное финское названіе было Койвусари и который въ нашихъ оффиціальныхъ документахъ, начиная съ конца XV вѣка, былъ извѣстенъ подъ именемъ Ѳомина острова. Настоящее устроеніе и процвѣтаніе Петербурга начались собственно со времени Полтавской битвы, утвердившей, въ своихъ послѣдствіяхъ, владычество Россіи надъ этимъ краемъ. Въ постскриптѣ письма къ генералъ-адмиралу Апраксину отъ 27-го іюня 1709 года, съ поля сраженія, Петръ Великій писалъ: „Нынѣ уже совершенно камень во основаніе Санктпетербурга положенъ съ помощію Божіею". Царь тогда же велѣлъ министрамъ и прочимъ вельможамъ переселиться въ новый свой городъ, который съ тѣхъ только поръ сталъ истинною столицею Россіи.

[2]) Вдовствовавшая царица Парасковья Ѳеодоровна (супруга царя Іоанна Алексѣевича) съ дочерьми своими Екатериною, Анною и Парасковьею, вдовствовавшая царица Марѳа Матвѣевна (супруга царя Ѳеодора Алексѣевича) и сестры Петра Великаго Наталья, Марья и Ѳеодосья впервые пріѣхали въ Петербургъ, вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ, Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ и другими министрами, 25-го апрѣля 1708 года; царь ѣздилъ ихъ встрѣчать въ Шлиссельбургъ. Вотъ какъ „Юрналъ 1708 года" описываетъ пріѣздъ ихъ въ новую столицу... „и пришли сперва въ губернаторскія старыя хоромы, которыя были у города; и когда изъ буеровъ стали выходить, тогда изъ города стрѣляли изо всѣхъ пушекъ; и веселилися въ томъ домѣ довольно и потомъ уже въ самую полночь по своимъ домамъ разъѣхались. И во ономъ губернаторскомъ домѣ изволила стать царица Парасковья Ѳедоровна съ дѣтьми своими государынями царевнами. И на другой день то есть 26-го дня, оной домъ загорѣлся въ 10-мъ часу дни и большая половина верхнихъ житей сгорѣло". Бывшій царскій деньщикъ Нартовъ въ своихъ „Достопамятныхъ повѣствованіяхъ и рѣчахъ Петра Великаго" (Москвитянинъ 1842 года, ч. VI, № 11, стр. 117 и 118), разсказывая о встрѣчѣ царицъ и царевенъ, говоритъ, что когда, верстахъ въ четырехъ отъ Петербурга, генералъ-адмиралъ Апраксинъ принялъ ихъ на яхтѣ съ пушечною пальбою, то Петръ Великій сказалъ ему въ ихъ присутствіи: „Я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобы не боялись впредь моря и чтобы понравилось имъ положеніе Петербурга, который окруженъ водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ". Примѣч. изд. Пуб. Библ.

койный герцогъ Курляндскій [1]); наконецъ нѣсколько еще домовъ и обширныхъ хоромъ, въ которыхъ, въ мое время, жили знатнѣйшіе министры, какъ то великій канцлеръ и вице-канцлеръ [2]), нѣкоторые русскіе генералы и разные офицеры, Русскіе и Нѣмцы.

На Финляндской сторонѣ, внизъ отъ Ладожскаго озера, тамъ, гдѣ отъ рѣки отходитъ правый ея рукавъ, построено тоже немало русскихъ домовъ, между которыми находится принадлежащій князю Черкасскому [3]); далѣе слѣдуютъ два длинныхъ госпиталя для солдатъ, евангелическое кладбище и пр. По ту сторону этого рукава виднѣется русскій монастырь [4]) и пр.

У Невской набережной нерѣдко видишь сотни, даже тысячи струговъ, приходящихъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ русскихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Неподалеку отъ крѣпости находился прежде большой гостиный дворъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько сотенъ брусчатыхъ лавокъ, грубо обтесанныхъ на русскій ладъ; но въ одну іюльскую ночь 1710 года онъ, въ какой нибудь часъ времени, весь сгорѣлъ до

---

[1]) О герцогѣ Курляндскомъ будетъ сказано ниже. Вѣроятно, это тотъ домъ, о которомъ Богдановъ, называя его посольскимъ, говоритъ, что онъ былъ построенъ въ 1703 году на С.-Петербургскомъ островѣ близъ маленькаго первоначальнаго царскаго домика и принадлежалъ князю Меншикову, и который послѣ сломали (стр. 149). О палатахъ вдовствовавшей царицы Парасковьи Θеодоровны на Петербургской сторонѣ Богдановъ не зналъ, упоминая только о томъ ея дворцѣ, который въ 1720 году начатъ былъ постройкою на Васильевскомъ островѣ и потомъ отданъ подъ Академію Наукъ (стр. 61).

[2]) Мазанковый домъ великаго канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина находился между домами вице-канцлера барона Шафирова и графа Остермана и не отличался блистательною наружностію; въ 1710 году на мѣсто мазанковаго Головкинъ выстроилъ каменный. Домъ барона Петра Павловича Шафирова былъ первоначально также мазанковый. Каменныя палаты были имъ выстроены въ 1713 году и въ нихъ, въ 1726 году, происходило первое засѣданіе Академіи Наукъ. Домъ этотъ славился обширною залою, которой подобной не было въ то время въ Петербургѣ.

[3]) Здѣсь должно разумѣть князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, бывшаго впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ.

[4]) По запискамъ монастырскаго лѣтописца начало Свято-Троицкой Александро-Невской лавры полагается въ 1701 году (Исторія рос. іер. т. II, стр. 185), а по журналу Петра Великаго значится, что начало монастырю положено въ 1710 году, на устьѣ рѣки Черной, на томъ мѣстѣ, которое издревле называлось Викторы, въ память побѣды, одержанной здѣсь, по преданію, Александромъ Невскимъ. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

тла [1]); при чемъ не обошлось и безъ большаго грабежа и купцы понесли значительныя, по размѣрамъ ихъ торга, потери. Вскорѣ затѣмъ по угламъ площади, занятой до пожара лавками, были поставлены крестообразно четыре висѣлицы, на которыхъ, во время прибытія покойнаго герцога Курляндскаго, повѣсили по жребію четверыхъ изъ числа 12-ти человѣкъ, принадлежавшихъ частію къ гарнизону и уличенныхъ въ воровствѣ; новый же гостиный дворъ отодвинутъ ближе къ Финляндской границѣ.

Вблизи кронверка нѣсколько улицъ занято маленькими дрянными хижинами или лавченками, въ которыхъ пирожники и разнощики торгуютъ своимъ печеньемъ и всякимъ старымъ тряпьемъ и другимъ хламомъ [2]).

Нѣсколько ниже, по теченію рѣки, находится русское предмѣстье или слобода, гдѣ живетъ преимущественно черный народъ. За кронверкомъ вдоль Невы тянется еще нѣсколько продолговатыхъ строеній, гдѣ на зиму помѣщаются галерные арестанты. Наконецъ Финляндская сторона заключается Татарскою слободою, заселенною исключительно татарами, калмыками, казаками, турками и тому подобными инородцами и представляющею повсюду слѣды ихъ обычнаго отвратительнѣйшаго хозяйства [3]).

ОПИСАНІЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ СТОРОНЫ ГОРОДА.

По ту сторону рѣки, насупротивъ крѣпости, расположена Нѣмецкая слобода, называемая иначе Адмиралтейскимъ островомъ, гдѣ въ мое время жили преимущественно Нѣмцы и Гол-

---

[1]) Деревянныя лавки и около нихъ большіе торговые ряды были построены въ 1705 году, по близости царскаго домика и дома Меншикова. Пожаръ произошелъ 28-го іюля 1710 года.

[2]) Послѣ пожара 1710 года мелочные торгаши, какъ-то: ветошники, пирожники и пр., воспользовались уцѣлѣвшими досками и брусьями и выстроили изъ нихъ противъ кронверка, въ два ряда, шалаши. Это былъ первый въ Петербургѣ толкучій рынокъ, который народъ называлъ Татарскимъ таборомъ.

[3]) „На Санктпетербургской сторонѣ—пишетъ Богдановъ (въ 1750 году)—есть урочище, именуемое Татарская, то мѣсто, что противъ кронверка, гдѣ нынѣ качели стоятъ отъ Большой Никольской къ Мытному двору, на томъ мѣстѣ были Татарскія юрты, почему Большая Никольская и Малая назывались Татарскія улицы“ (стр. 1́9). Примѣч. изд. Пуб. Библ.

ландцы, служащіе во флотѣ, и иностранные посланники, а также и многіе изъ русскихъ.

По набережной этой стороны, начинающейся внизъ отъ Ладожскаго озера, идетъ длинный рядъ, на разстояніи около полумили, домовъ, которые всѣ, за очень немногими изъятіями, выстроены на мѣстный ладъ. Вверхъ по рѣкѣ находится нѣсколько кирпичныхъ заводовъ и русскихъ домовъ, за которыми въ лѣтнее время, и особенно когда царь живетъ здѣсь, стоитъ лагеремъ часть войскъ; потомъ въ Неву впадаетъ небольшая рѣчка или канава. Вплоть у этой рѣчки—царская резиденція, то есть небольшой домикъ въ саду, голландскаго фасада, пестро раскрашенный, съ золочеными оконными рамами и свинцовыми орнаментами [1]. Возлѣ—небольшой птичникъ, въ которомъ щебечутъ разнаго рода пташки.

Далѣе изрядная бесѣдка изъ плетеня и близъ нея большой домъ для придворной прислуги, а также походная кухня его величества. Сзади, въ саду же, другой большой домъ съ фонтаннымъ снарядомъ, приводимымъ въ движеніе посредствомъ большаго колеса, а подлѣ небольшой звѣринецъ, въ которомъ находятся цапли, журавли, широконоски и тому подобная птица. За фонтаннымъ снарядомъ еще домъ для остальной прислуги и караульня, въ которой впрочемъ стоитъ малочисленный пикетъ. Наконецъ слѣдуетъ круглая оранжерея, съ разными небольшими при ней строеніями.

Садъ самъ по себѣ довольно великъ и хорошо разбитъ, но я не нашелъ въ немъ ничего особенно примѣчательнаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, изъ которыхъ въ особенности хороши изображающіе короля польскаго Іоанна Собіескаго и его супругу, также королеву Христину Шведскую и другихъ.

---

[1]) Очевидно, что здѣсь разумѣется тотъ лѣтній дворецъ при истокѣ Фонтанки изъ Невы, который донынѣ сохранился; но Богдановъ говоритъ, что этотъ домъ (каменный) начатъ строиться въ 1711 году (стр. 55); а какъ нашъ путешественникъ, оставившій Петербургъ въ началѣ того года, упоминаетъ о немъ, какъ объ уже существующемъ: то ясно, что или тутъ былъ прежде другой, или что хронологія Богданова невѣрна. Въ „Юрналѣ“ 1710 года записано: „въ 18-й день (августа) въ Петербургѣ на лѣтнемъ дворѣ его величества почали бить сваи подъ каменное зданіе“. Примѣч. изд. Пуб. Библ

По серединѣ сада большой выложенный плитою водоемъ и, въ центрѣ его, гротъ, изъ котораго бьетъ фонтанъ. Въ оранжереѣ выставлено нѣсколько померанцовыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ, также гвоздичныхъ кустовъ и пр., что все, какъ говорятъ, привезено изъ Польши [1]).

Садовниками были, въ мое время, при садѣ нѣмецъ, а при оранжереѣ голландецъ.

За садомъ большой домъ съ дворомъ, гдѣ собственно магазинъ или запасная кладовая всякихъ припасовъ для царской кухни [2]). Возлѣ обширный огородъ, за которымъ присматриваетъ шведъ, очень хорошо его устроившій и содержащій. Вокругъ видны еще слѣды укрѣпленія, возведеннаго при подступленіи, въ 1708 году, шведскаго генерала Любекера, про котораго я не разъ слышалъ отъ лицъ, заслуживающихъ полное довѣріе, что если бы онъ разумно и своевременно взялся за свое дѣло, то могъ бы не только сжечь весь городъ, но и овладѣть крѣпостью, или даже совсѣмъ ее разрушить [3]).

Отсюда путь лежитъ къ набережной слободѣ, которая отстоитъ отъ царскаго сада въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ и отдѣляется отъ него лугомъ или поляною. Въ началѣ, насупротивъ крѣпости, деревянный двухъ-этажный питейный домъ съ двумя идущими вокругъ галлереями. Издали это зданіе имѣетъ красивый видъ; но въ мое время всего меньше можно было допроситься въ немъ вина, хотя царь иногда устроиваетъ тамъ ассамблеи, или пиршества, и, напримѣръ, лѣтомъ 1710 года праздновалъ тутъ свои иманины и годовщину полтавской побѣды [4]). На верхней

---

[1]) Садовыя деревья доставляла не одна Польша; такъ государь присылалъ, ихъ изъ Митавы и выписывалъ изъ Голландіи и Англіи; цвѣты же, сколько извѣстно, неоднократно привозили въ Петербургъ изъ Алексѣевскаго.

[2]) Запасный дворъ находился противъ лѣтняго дворца, нѣсколько наискось, на другомъ берегу Фонтанки; онъ былъ деревянный, довольно большой, въ одинъ этажъ съ мезониномъ.

[3]) Нападеніе Любекера послѣдовало въ августѣ 1708 года, въ отсутствіе Петра Великаго, и дѣйствительно угрожало Петербургу величайшею опасностію; но, по ошибкѣ самаго Любекера, не принявшаго мѣръ къ обезпеченію продовольствія своего отряда, эта экспедиція имѣла самый несчастный исходъ для Шведовъ. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

[4]) Если подъ тѣмъ, что нашъ авторъ называетъ „Weinhaus", разумѣть старинное кружало, или позднѣйшую австерію, то на этомъ мѣстѣ такихъ у

галлереѣ играетъ по временамъ, въ полдень, по примѣру нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, хоръ изъ 12-ти обученныхъ нѣмецкихъ трубачей и литаврщиковъ.

Отъ этого зданія идутъ все деревянные дома, выстроенные на русскій образецъ; между ними, въ той же улицѣ, находится маленькій домикъ голландской архитектуры, въ которомъ его величество живетъ зимою [1]).

Нѣсколько далѣе живетъ, въ той же улицѣ, вице-адмиралъ, его превосходительство господинъ Корнелисъ Крюйсъ, родомъ голландецъ, или по крайней мѣрѣ воспитанный въ Голландіи [2]). Онъ занимаетъ обширный домъ и у него же во дворѣ находится реформатская церковь, которой приходъ наиболѣе состоитъ изъ служащихъ во флотѣ и нѣкоторыхъ другихъ, водворившихся въ С.-Петербургѣ, или временно тамъ пребывающихъ нѣмцевъ. За неимѣніемъ при этой церкви колоколовъ, время богослуженія возвѣщается поднятіемъ, на углу двора, выходящемъ къ набережной, присвоеннаго г. вице-адмиралу флага, на которомъ изображенъ голубой крестъ въ бѣломъ полѣ. Первымъ пасторомъ при этой церкви состоялъ одинъ геттингенскій уроженецъ, скончавшійся

Богданова не показано. Онъ говоритъ только объ одной „торжественной" австеріи, передъ которою Петръ Великій по часту сжигалъ фейерверки и отправлялъ торжества; но мѣсто ея означаетъ „на Санктпетербургской сторонѣ на Троицкой пристани у Петровскаго мосту" (стр. 153). Впрочемъ, во 2-мъ изданіи нѣмецкой книжки, нами перев. прибавлено, что упоминаемый въ 1-мъ „Weinhaus" перестроенъ потомъ въ почтовый дворъ, а объ этомъ дворѣ у Богданова сказано, что въ немъ Петръ Великій „многократно отправлялъ нѣкоторымъ праздникамъ и викторіямъ торжества" (стр. 449); находился же онъ тамъ, гдѣ теперь мраморный (Константиновскій) дворецъ.

[1]) Эти дома были небольшія палатки съ фронтисписомъ, находившіяся въ Милліонной, въ то время еще не застроенной отъ Невы. На ихъ мѣстѣ въ 1711 году начатъ строеніемъ старый зимній дворецъ, занимавшійся впослѣдствіи разными придворными вѣдомствами и въ которомъ теперь помѣщается 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Странно, что ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ нѣмецк. изданіи переведенной здѣсь книжки не сказано ни одного слова о первоначальномъ дворцѣ на Петербургской сторонѣ, извѣстномъ „домикѣ Петра Великаго", выстроенномъ въ 1703 году и до сихъ поръ такъ тщательно сберегаемомъ. Вѣроятно, царь въ это время въ немъ уже болѣе не жилъ.

[2]) Адмиралъ Корнелій Ивановичъ Крюйсъ былъ родомъ изъ норвежскаго мѣстечка Ставангера и началъ службу на голландскомъ флотѣ. У Голикова и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ писателей онъ является подъ фамиліею Крейцъ. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

осенью 1710 года, къ общему сожалѣнію всего своего прихода, довольно многолюднаго. Этотъ пасторъ, по имени Вильгельмъ Толле, былъ благочестивый и ученый человѣкъ, знавшій четырнадцать языковъ и проповѣдывавшій обыкновенно по нѣмецки или по голландски, а иногда и по фински, для прихожанъ изъ Финновъ [1]). Онъ замѣщенъ двумя уроженцами нѣмецкаго города Галле, прибывшими оттуда, моремъ, черезъ Гамбургъ и Архангельскъ: одинъ получилъ назначеніе сопровождать г. вице-адмирала съ флотомъ въ Азовъ [2]), а другой оставленъ въ Петербургѣ для тамошнихъ прихожанъ.

Послѣ жилища вице-адмирала слѣдуетъ красивый домъ одного греческаго или итальянскаго богатаго купца, выстроенный на итальянскій манеръ, однако деревянный.

Возлѣ живетъ генералъ-адмиралъ, его превосходительство графъ Апраксинъ [3]), изъ русскихъ, въ собственномъ, въ нѣмецкомъ вкусѣ построенномъ, большомъ и хорошемъ, но тоже деревянномъ домѣ. По сосѣдству съ нимъ—адмиралтействъ-совѣтникъ Кикинъ, равномѣрно изъ русскихъ, у котораго также большой дворъ [4]). Далѣе находится морской арсеналъ, или адмиралтейство, обширное четыреугольное зданіе, окруженное рвомъ и валомъ, вооруженнымъ пушками большаго калибра; четверо крестообразно расположенныхъ воротъ ведутъ въ это зданіе. Здѣсь строятся и оснащиваются всѣ большія суда и припасены въ значительномъ количествѣ нужные для того матеріалы.

Рядомъ съ адмиралтействомъ маленькая русская церковь, или часовня [5]), а возлѣ кабакъ (кабаками называются царскіе питей-

---

[1]) Этотъ Толле былъ приглашенъ Крюйсомъ, въ началѣ 1704 года, изъ Амстердама.

[2]) Въ исходѣ 1710 года Крюйсъ былъ отправленъ, по случаю предстоявшаго разрыва съ Турціею, въ Азовъ, Таганрогъ и Воронежъ, для принятія начальства надъ находившимся тамъ флотомъ.

[3]) Графъ Ѳедоръ Андреевичъ. Онъ былъ пожалованъ графомъ въ 1710 году.

[4]) „Кикины палаты, набережныя близъ адмиралтейства“, по словамъ Богданова, построены въ 1711 году (стр. 161). Настоящее свидѣтельство оказываетъ, что онѣ были уже ранѣе.

[5]) Вѣроятно Исаакія Далматскаго, которая сперва была деревянная на лугу, противъ адмиралтейской башни. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

ные дома). Близъ него большой канатный дворъ, въ нѣсколько сотъ шаговъ длины, на которомъ изготовляются якорные и мачтовые [1]) канаты и все необходимое для корабельной оснастки. Еще дальше—рускіе дома, занимаемые корабельными и шлюпочными матросами, и напослѣдокъ, на оконечности острова, срытый шканецъ.

За описанными домами на большомъ пространствѣ, омываемомъ маленькою рѣчкою, есть еще много другихъ; но всѣ они построены на русскій ладъ. Нѣмцы и голландцы живутъ здѣсь по правую, а русскіе, для которыхъ тутъ устроенъ и особый рынокъ, по лѣвую руку. Замѣтить надо, что при всѣхъ домахъ, и по сю и по ту сторону рѣки, имѣются свои дворы и огороды, потому что здѣсь на мѣсто полное раздолье.

Насупротивъ сказаннаго острова, позади крѣпости, находится еще другой, по имени Васильевскій [2]), гдѣ имѣетъ свою резиденцію князь Меншиковъ. Домъ его, двухъ-этажный съ флигелями, выстроенный по образцу итальянскихъ и очень красивый, обошелся не дешево, но къ сожалѣнію и онъ тоже не каменный, а деревянный. Передъ домомъ вырытъ, сквозь садъ, каналъ, въ который вода проведена изъ Невы, такъ что его свѣтлость можетъ прямо изъ дверей садиться въ шлюпку. Лицомъ къ рѣкѣ недавно начатъ строеніемъ каменный домъ [3]) и тутъ еще нѣсколько другихъ домовъ, а равно и кухня его свѣтлости. За дворцомъ же его находится большой садъ съ огородомъ, который, однако, далеко еще не устроенъ. Садовникомъ при немъ нѣмецъ.

На стрѣлкѣ Васильевскаго острова, противъ крѣпости, сверхъ нѣсколькихъ маленькихъ домовъ, три прекрасныя, новопостроен-

---

[1]) То есть кабельтовы.

[2]) Называвшійся прежде Хирвисари, или Лосьій. Извѣстное преданіе о причинѣ наименованія этого острова Васильевскимъ оказывается теперь не имѣющимъ никакого основанія. Изъ найденной писцовой книги Ижорской земли 1640 года мы узнаемъ, что этотъ островъ уже гораздо ранѣе Петра Великаго носилъ названіе Васильевскаго (см. Жур. М. Н. Просв. ч. CIV, отд. III, стр. 38)

[3]) Этотъ домъ, начатый постройкою въ 1710 году, въ 1730-мъ былъ отданъ подъ кадетскій корпусъ. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

ныя голландскія вѣтреныя мельницы, преимущественно для пилки бревенъ и досокъ.

На всемъ остальномъ пространствѣ этотъ островъ, имѣющій до двухъ миль протяженія, еще покрытъ кустарникомъ, наиболѣе олешникомъ, между которымъ пасутся коровы, лошади и мелкій скотъ, а иногда попадаются также и олени.

Возлѣ Васильевскаго острова другой—Петровскій, на которомъ нѣтъ ничего кромѣ мелкой поросли, пасущагося скота и тоже нѣсколькихъ оленей. За ними смотрятъ самоѣды, пришлые изъ Лапландіи. Его царское величество въ прежнее время иногда тѣшился на этомъ островѣ, отъ чего онъ и прозванъ Петровскимъ [1]).

За Петровскимъ островомъ лежитъ еще одинъ, по имени Рессель, болотистый и малообработанный, на которомъ живетъ нѣсколько финскихъ мужиковъ [2]).

Проѣхавъ мимо этого и нѣсколькихъ другихъ немалыхъ острововъ, лежащихъ на той же большой рѣкѣ Невѣ, приплываешь наконецъ къ острову Ретусари, или называемому по нѣмецки Крысьимъ (Ratzen-Insel).

ОПИСАНІЕ ОСТРОВА РЕТУСАРИ.

Онъ довольно великъ, но имѣетъ болѣе протяженія въ длину, чѣмъ въ ширину, и лежитъ уже на самомъ Балтійскомъ морѣ, или, какъ иначе его здѣсь называютъ, Финскомъ заливѣ. Это тотъ островъ, который, какъ выше сказано, былъ занятъ русскими при самомъ первомъ ихъ здѣсь утвержденіи. На южномъ его берегу находятся разные дома, какъ-то: царскіе запасный дворъ и кабакъ, домà генералъ-адмирала, вице-адмирала и нѣкоторыхъ флотскихъ офицеровъ. На этомъ же берегу двѣ батареи о 10-ти или 12-ти пушкахъ. На сѣверо-западномъ берегу построенъ

---

[1]) Прежде онъ назывался Потсесари, или Столбовымъ. Для упоминаемыхъ здѣсь самоѣдовъ, по повелѣнію царя, были выстроены на этомъ островѣ двѣ хижины или юрты. Нынѣшній аптекарскій островъ назывался Карписари.

[2]) Подъ „Рессель" должно, кажется, разумѣть островъ Ристисари, нынѣшній Крестовскій. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

шканецъ, называемый, по имени князя Меншикова, Александровскимъ и защищающій островъ съ сѣверной стороны [1]).

Еще замѣчательны на берегу два огромные старые дуба—большая рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Его царское величество съ первой минуты своего утвержденія на островѣ содержитъ ихъ въ особомъ почетѣ и приказалъ обнести полисадникомъ, а въ тѣни ихъ устроить маленькую сквозную бесѣдку, откуда прекрасный видъ на море и въ которой онъ пируетъ лѣтнимъ временемъ. На тотъ же конецъ въ одномъ изъ дубовъ вырубленъ, по приказанію царя, небольшой створчатый поставецъ, для стакановъ и тому подобнаго. Все это со временемъ, если будетъ сохранено, составитъ достопамятную рѣдкость [2]).

О крѣпостцѣ Кроншлотъ.

Отъ этого мѣста, какъ уже упомянуто, начинается открытое море, или финскій заливъ; въ слѣдствіе чего его царское величество и назначилъ быть здѣсь морской крѣпостцѣ, которая заложена, если не ошибаюсь, въ 1704 году [3]), подъ именемъ Кроншлота. Этотъ Кроншлотъ выстроенъ между Ингерманландскою стороною и сказаннымъ островомъ Ретусари, на песчаной отмели середи моря, съ цѣлью преградить свободный доступъ въ Неву рѣку. Онъ имѣетъ видъ круглой башни въ три яруса, которая вооружена снизу до верха пушками, и въ немъ, какъ лѣтомъ,

---

[1]) „Кронштатъ земляная фортеція, построена на Котлиномъ острову, которая пространствомъ не малой величины, и оттуду началъ зваться Кронштатъ, а не Кроншлотъ, или Котлинъ островъ, какъ прежде именованъ былъ“ (Богд. стр. 516).

[2]) Существованіе двухъ дубовъ и вокругъ нихъ круглаго стола съ перилами и скамейками, на которыхъ Петръ, въ лѣтніе свои пріѣзды, сиживалъ съ тамошними начальниками и корабельщиками, подтверждается и въ извѣстныхъ „Анекдотахъ“ Штелина (№ 50-й); но въ 1750 году уже ничего этого не было; по крайней мѣрѣ Богдановъ въ описаніи „достопамятностей“ Кронштадта о дубахъ не упоминаетъ (стр. 522).

[3]) Въ 1703 году. Примѣч. изд. Пуб. Библ.

такъ и зимою, находится постоянный гарнизонъ. Мнѣ сказывали, что этотъ фортъ сооруженъ русскими [1]) и что фундаментъ его сложенъ изъ ящиковъ съ каменьями, которые были погружены въ воду зимою. Строеніе въ немъ деревянное и земляное; на вершинѣ башни развѣвается большой флагъ. Мысль форта не дурна; однако смышленныя головы толкуютъ, что непріятельское судно, которое вздумало бы двинуться на всѣхъ парусахъ къ рѣкѣ, немного встрѣтитъ въ томъ помѣхи отъ упомянутой крѣпостцы, потому что съ круглой башни нельзя дѣлать по кораблю за разъ болѣе двухъ или трехъ выстрѣловъ, тогда какъ, если бъ крѣпостца имѣла форму треугольника, то съ нея можно было бы, залпами, изъ десяти или двадцати выстрѣловъ, успѣшнѣе задерживать проходящія суда, или даже и совсѣмъ ихъ истреблять.

Ставъ такимъ образомъ твердою ногою какъ на Невѣ рѣкѣ, имѣющей въ ширину у С.-Петербургской крѣпости по крайней мѣрѣ тысячу шаговъ, а ниже еще болѣе, такъ и на устьѣ ея у взморья, царь, для отвращенія всякой попытки шведовъ снова тамъ утвердиться, приказалъ разрушить до основанія завоеванный имъ въ 1703 году Ніеншанцъ и самъ присутствовалъ при этомъ зрѣлищѣ, въ верстѣ разстоянія. Когда все было взорвано и истреблено, то онъ велѣлъ поставить на томъ мѣстѣ, для памяти, четыре изъ самыхъ высокихъ тутъ отысканныхъ мачтовыя дерева, которыя еще и теперь стоятъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ приступилъ къ построенію флота и повелъ это дѣло такъ быстро и успѣшно, что по истинѣ нельзя тому не изумляться.

О ФЛОТѢ.

Этотъ флотъ лѣтомъ стоитъ обыкновенно у Кроншлота и какъ его царское величество, такъ равно генералъ-адмиралъ и вице-адмиралъ, въ свое тамъ пребываніе, бо́льшую часть времени проводятъ на судахъ. Въ сентябрѣ 1710 года я самъ былъ свидѣтелемъ морскихъ маневровъ, произведенныхъ цѣлымъ флотомъ въ

---

[1]) Извѣстно, что проектъ укрѣпленія былъ составленъ самимъ Петромъ въ Воронежѣ, а исполнителемъ его былъ князь Меншиковъ.
Примѣч. изд. Пуб. Библ.

честь герцога Курляндскаго; при чемъ съ бомбардирскихъ кораблей было пущено его величествомъ нѣсколько бомбъ, а въ заключеніе отданы въ жертву Вулкану два брандера [1]). Между зрителями находились, сверхъ герцога, весь дворъ, дамы, голландскіе министры [2]) и другіе посланники; маневры продолжались нѣсколько часовъ.

Мнѣ часто доводилось слышать, что, по особенной выгодности положенія С.-Петербурга для судоходства и торговли, царь желаетъ привлечь всю коммерцію черезъ балтійское море въ этотъ городъ, въ особенности же торгъ персидскимъ шелкомъ. Онъ намѣренъ также устроить, и въ Кроншлотѣ и въ С.-Петербургѣ (разстоянія между ними 8 миль), значительное число подвальныхъ кладовыхъ и разныхъ домовъ и пакгаузовъ, приспособленныхъ для склада товаровъ; а какъ послѣдній городъ состоитъ изъ многихъ острововъ, то со временемъ думаетъ преобразить его въ другую Венецію, проведя по всѣмъ улицамъ, какъ въ Амстердамѣ, каналы. Есть слухъ, что его величество уже вошелъ въ сношеніе съ иностранными державами о томъ, чтобы впредь купеческія суда, вмѣсто отдаленнаго Архангельска, направлялись, по Балтійскому морю, въ С.-Петербургъ, а равно старается о переселеніи въ этотъ же городъ, для сосредоточенія въ немъ торговли, знатнѣйшихъ и зажиточнѣйшихъ архангельскихъ, московскихъ и другихъ купцовъ.

Впрочемъ осенью 1710-го года только еще одинъ англійскій корабль съ товарами отважился придти къ новому порту и, по выгрузкѣ ихъ, тотчасъ же снова пошелъ въ море.

---

[1]) На этихъ маневрахъ начальствовалъ надъ флотомъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, а царь, въ качествѣ контръ-адмирала, состоялъ съ своею эскадрою подъ его командою.

[2]) Голландскимъ резидентомъ былъ Генрихъ фанъ деръ Гульстъ, заступившій съ 1693 года мѣсто барона Келлера. Говоря во множественномъ числѣ, нашъ авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ и свиту резидента.

Примѣч. изд. П-уб. Библ.

О СВОЙСТВѢ ПОЧВЫ И КЛИМАТА, О ВѢРѢ, ЯЗЫКѢ И ОБРАЗѢ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ, О ПЛОДАХЪ, ДИЧИ И ПРОЧ.

Что касается почвы новаго города и его окрестностей, то она вообще очень холодная, какъ отъ множества воды, болотъ и пустырей, такъ и отъ самой сѣверной широты, въ которой онъ лежитъ. На Ингерманландской сторонѣ земля однако же нѣсколько плодороднѣе чѣмъ на Финляндской.

До основанія С.-Петербурга, на мѣстѣ, имъ занимаемомъ, жилъ шведскій помѣщикъ, съ немногими финскими крестьянами и рыбаками, которые довольно, по своему, порядочно обработывали эту землю, такъ что еще и теперь, на пустыряхъ въ городѣ и вокругъ его, остались слѣды бороздъ, поднятыхъ ихъ сохами.

Впрочемъ за городомъ не растетъ почти ничего, кромѣ моркови, да и той немного, бѣлой капусты и травы для скота.

Домашнюю скотину, какъ-то рогатый скотъ, овецъ, свиней и проч., прежде можно было покупать за бездѣлицу, но теперь, когда, при большомъ стеченіи народа въ С.-Петербургъ, потребленіе чрезвычайно увеличилось, бѣднымъ людямъ очень трудно пропитываться, такъ что они употребляютъ въ пищу больше коренья и капусту, хлѣба же почти въ глаза не видятъ. Поэтому легко себѣ представить сколь тяжело ихъ существованіе, и если бы не подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Ладоги, Новгорода, Пскова и другихъ мѣстъ, то всѣ скоро перемерли бы съ голода. А между тѣмъ, какъ почти всѣ жизненные припасы доставляются сюда издалека, въ зимнее время иногда за двѣсти и триста миль, на тысячахъ подводахъ, то и цѣны на все нынѣ очень высоки.

Въ здѣшнихъ садахъ, не смотря на стараніе, прилагаемое въ особенности голландцами, тоже немного чего разводится, частію по причинѣ холоднаго грунта, частію же потому, что зима продолжительнѣе лѣта. Что̀ природа и въ силахъ произвести, то должно поспѣть въ два мѣсяца: іюнь и іюль, да развѣ еще въ августѣ, а что̀ въ это время не созрѣетъ, то должно считать погибшимъ. Фруктовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ и хотя осенью приходятъ изъ Новгорода цѣлыя барки съ яблоками, но съ очень незавидными; о сливахъ же и грушахъ, даже о вишняхъ, и слу-

хомъ не слыхать. Но за-то дичь водится въ большомъ количествѣ, кромѣ зайцовъ, которыхъ, по неимѣнію обширныхъ пахатныхъ полей, мало, и то все только бѣлые. Дикихъ свиней и козъ, равно и оленей, совсѣмъ не видать, но въ медвѣдяхъ, волкахъ, лисицахъ, рысяхъ и тому подобномъ недостатка нѣтъ. Тетеревей, куропатокъ, куликовъ, бекасовъ и т. п. такъ много, что крестьяне, ловящіе этихъ птицъ большею частію силками, предлагаютъ ихъ часто почти за ничто. Между тетеревами и куропатками есть нѣкоторые ростомъ съ курицу; послѣднія, большею частію совершенно бѣлыя и очень вкусныя, отыскиваютъ себѣ кормъ на землѣ и въ снѣгу, для чего, въ защиту отъ холода, природа обула ихъ въ родѣ шершавыхъ сапожковъ, и мнѣ ни въ Германіи, ни въ Голландіи, ни въ Брабантѣ нигдѣ не случалось видѣть птицъ такой породы.

Рѣки здѣсь обилуютъ всякою рыбою; при всемъ томъ, какъ у русскихъ нѣтъ никакихъ порядочныхъ снастей для рыболовства, а, при множествѣ установленныхъ постовъ, они тотчасъ съ жадностію скупаютъ весь уловъ, то рыба вообще довольно дорога. За то вонючей соленой рыбы бездна; ее привозятъ цѣлыми бочками и барками изъ Ладоги и другихъ мѣстъ и хотя отъ нея уже издалека доносится такой запахъ, что надо затыкать носъ, однако русскіе, въ особенности же простолюдины, ѣдятъ ее съ невѣроятною алчностію и также охотно, какъ свѣжую.

Дрова еще можно доставать съ нуждою, хотя постепенно все тоньше и мельче, но и тѣ сплавляются водою изъ дальнихъ мѣстъ, потому что царемъ запрещено, подъ тѣлеснымъ наказаніемъ и лишеніемъ живота, рубить въ С.-Петербургѣ, особенно же на островѣ Ретусари, хоть бы одинъ сучекъ, уже не говоря о цѣлыхъ деревьяхъ. По островамъ и вообще въ тамошнихъ лѣсахъ растутъ многоразличные хорошіе злаки; въ гербаріумѣ покойнаго флотскаго пастора Вильгельма Толле я нашелъ ихъ свыше 300 видовъ, собранныхъ имъ въ этихъ мѣстахъ. Обыкновенный лѣсъ здѣсь ель, сосна, пихта, береза и орѣшникъ; снимаемые съ послѣдняго орѣхи крестьяне приносятъ на рынокъ цѣлыми кулями. Дубъ и букъ попадались мнѣ очень рѣдко, или, лучше сказать, не встрѣчались никогда, кромѣ тѣхъ двухъ дубовъ, которые, какъ я выше упомянулъ, растутъ у взморья на Ретусари. Отъ того

и суда здѣсь строются всѣ изъ еловаго и сосноваго лѣса, очень недолго держащагося въ водѣ.

Климатъ въ этомъ краѣ и зимою и лѣтомъ очень суровъ и холоденъ; вслѣдствіе частыхъ вѣтровъ, тумановъ и дождей или снѣга, а также болотистой мѣстности, онъ притомъ и очень нездоровъ. Обыкновенно болѣе полугода продолжается лютая зима (нѣмецкая зима показалась бы здѣсь лѣтомъ), а все прочее время, за исключеніемъ іюня и іюля, стоитъ апрѣльская или осенняя погода. Отъ того жителямъ необходимо запасаться шубами, теплымъ платьемъ и такою же обувью.

Когда одинъ только день идетъ дождикъ, то уже нигдѣ нѣтъ прохода и на всякомъ шагу вязнешь въ грязи. Въ прошломъ 1710 году, по распоряженію его царскаго величества, начали мостить камнемъ улицы на финляндской сторонѣ, подъ руководствомъ нѣмецкихъ мостовщиковъ; но чтобы вездѣ настлать такую мостовую потребуется не мало времени, да и много камня, котораго здѣсь не въ изобиліи.

Любопытнѣе всего показалось мнѣ тамъ солнечное теченіе. Наравнѣ со многими другими иностранцами и пріѣзжими я былъ пораженъ, видя, какъ въ іюнѣ и іюлѣ солнце почти совсѣмъ не садилось и всего на какіе нибудь полчаса наставалъ родъ сумерекъ, въ продолженіе которыхъ можно было, впрочемъ, тоже свободно читать и писать; часто я нарочно наблюдалъ, какъ, сѣвъ на западѣ и едва немножко спрятавшись часа на три (11, 12 и часъ по полуночи) за горизонтъ или окраину земнаго шара, солнце снова появлялось на востокѣ, такъ что простому глазу кажется, будто бы между точкою, гдѣ оно закатилось, и тою, гдѣ опять взошло, всего какихъ нибудь двѣсти шаговъ. Въ этомъ заключалась и главная причина значительнаго урона въ людяхъ, понесеннаго русскими при осадѣ Выборга, такъ какъ они не имѣли возможности пользоваться для подступа ночною темнотою [1]). За то въ другіе мѣсяцы, и особенно въ серединѣ зимы, дни такъ коротки, что почти совсѣмъ не видать солнца и едва съ небольшимъ два часа бываетъ свѣтъ, а все остальное время ночь или сумерки.

---

[1]) Выборгъ сдался, какъ извѣстно, 12-го іюня 1710 года.

Примѣч. изд. Пуб. Библ.

Еще надо замѣтить, что при низменности мѣста, на которомъ выстроенъ С.-Петербургъ, каждый сильный вѣтеръ съ моря угрожаетъ большою опасностію и несчастіями. Въ мою бытность такая морская погода случилась два раза, и какъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ острова покрываются водою и часто приходится спасаться на шлюпкахъ, то покойному герцогу Курляндскому, жившему у самой рѣки, едва удалось сберечь свою жизнь [1]). Особенно опасны и причиняютъ много изъяна эти бури въ ночное время (какъ тоже однажды при мнѣ случилось), когда людей, еще не опомнившихся отъ сна, вдругъ понесетъ быстрина съ ихъ домами и скотомъ.

Что касается мѣстныхъ жителей, то они, большею частію, здоровый и отъ природы дюжій народъ, говорящій особымъ, финскимъ языкомъ, очень труднымъ и едва ли имѣющимъ сродство съ какимъ нибудь другимъ. Къ тому же они говорятъ такъ скоро, что чужому невозможно ихъ понять.

Одѣваются они почти какъ Лифляндцы и носятъ такую же лыковую обувь, плоскія шапки и за поясомъ небольшой топоръ, но переселившіеся въ города ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

Живущіе въ Финляндіи почти всѣ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и въ богослуженіи, церковномъ пѣніи и молитвахъ слѣдуютъ шведскому обычаю; однако мнѣ часто казалось, что между ними таится еще много привязанности къ прежнимъ суевѣрнымъ языческимъ обрядамъ и колдовству.

Жители Ингерманландіи частію исповѣдуютъ еще евангелическую вѣру, частію уже русскую.

Хозяйство у нихъ всѣхъ очень скудное и дурное, такъ что оно не можетъ быть сравниваемо съ бытомъ даже бѣднѣйшаго нѣмецкаго крестьянина. Избы въ деревняхъ срублены всѣ на русскій ладъ, изъ брусьевъ, крестообразно одинъ на другой положенныхъ, и состоятъ большею частію изъ одной комнатки, въ которой и печь для варева.

---

[1]) Въ „Юрналѣ“ 1710 года записано· „Противъ 10-го дня декабря въ ночи на рѣкѣ Невѣ прибыла великая вода и той же ночи сошла вся; а на другой день, противъ 11 го числа въ ночь, также прибывала противъ прежней въ полы. И въ тотъ день былъ зѣло великой вѣтръ съ моря“.

Примѣч. изд. Пуб. Библ.

Вмѣсто оконъ—маленькое четыреугольное отверстіе, съ задвижной дощечкою. У тѣхъ, которые позажиточнѣе, встрѣчается, впрочемъ, иногда и крошечное окошечко, ладони въ двѣ, изъ слюды (замѣняющей нерѣдко стекло и у самихъ бояръ, и другихъ знатныхъ господъ), или бумажное, или же изъ пропитанной масломъ холстины. Постели въ деревняхъ совсѣмъ не извѣстны и жители покрываются, вмѣсто одѣялъ, какою нибудь старою рухлядью, или лохмотьями; большею же частію, точно также какъ и русское простонародье, жарко натопивъ комнату, ложатся, совсѣмъ нагими, на печь, похожую на хлѣбенную, или на доски (скамьи), придѣланныя къ стѣнамъ, или же прикрѣпленныя къ потолку (полати), нисколько не обращая вниманія на то, что такимъ образомъ лежатъ вмѣстѣ въ повалку мужъ и жена, работникъ и дѣвка, дѣти, собаки, кошки, свиньи, куры и пр. Можно однако себѣ представить какое ощущеніе эта гадость и вонь должна производить въ непривыкшемъ къ ней путешественникѣ, тѣмъ болѣе что изба обыкновенно вся наполнена чадомъ, за которымъ, если стать прямо, не видно верхней части тѣла. Ночью для проѣзжаго присоединяется еще другая мука отъ множества гадинъ, особенно отъ клоповъ, сидящихъ въ невѣроятномъ множествѣ между брусьями и въ щеляхъ деревянныхъ стѣнъ и мѣшающихъ часто сомкнуть глаза хоть бы на минуту. Комаровъ въ этихъ мѣстахъ тоже несчетное число и мнѣ не разъ случалось, переѣзжая черезъ Неву, зачерпывать полную шляпу ихъ труповъ, плывшихъ изъ Ладожскаго озера [1]).

Вмѣсто свѣчей жители употребляютъ тонко-наколотыя еловыя лучины, которыя втыкаютъ, одну за другою, въ желѣзный свѣтецъ, подставляя подъ него ведро съ водою; иногда же они суютъ такія горящія лучины и прямо въ деревянную стѣну, нисколько не заботясь о томъ, что отъ этого можетъ сгорѣть вся изба.

Ихъ дѣтскія зыбки тоже очень мудреныя. Къ гибкому шесту, укрѣпленному, какъ у токарей, въ потолокъ, привязываютъ, тесьмою или веревкою, продолговатую корзину, въ которую кладутъ младенца, обложивъ его старымъ лохмотьемъ, какими нибудь об-

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ разумѣетъ здѣсь не собственно комаровъ, а особый видъ мошекъ или мотыльковъ, нѣчто въ родѣ ночныхъ бабочекъ.
Примѣч. изд. Пуб. Библ.

щипанными перьями, или соломою; потомъ корзину то тянутъ внизъ, то отпускаютъ вверхъ, приводя ее такимъ образомъ въ качательное движеніе; когда же мать хочетъ дать ребенку груди, то она, не вынимая его, наклоняется для этого надъ корзиною.

При постройкѣ своихъ избъ они довольствуются небольшимъ топоромъ съ прибавкою развѣ еще угломѣра, а вмѣсто скобеля употребляютъ кривой крюкъ, какимъ въ Германіи мясники очищаютъ и соскребываютъ чурбанъ, на которомъ рубится мясо или готовятся колбасы. Этихъ орудій имъ, какъ и русскимъ, стаетъ на все и избы ихъ поспѣваютъ въ самое короткое время. Двери въ послѣднихъ обыкновенно такъ не высоки, что входящему надо очень низко наклоняться, и когда ихъ отворяютъ, изъ избы валитъ такой дымъ и чадъ, что можно упасть въ обморокъ, или задохнуться; но жителямъ ни до этого, ни вообще до какой нибудь чистоплотности нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Изъ всего сказаннаго легко себѣ представить, какой жалости достойны эти бѣдняки, когда промыслъ насылаетъ на нихъ голодъ, войну и повальныя болѣзни, особливо же чуму.

Въ проѣздъ мой этими краями къ С.-Петербургу я находилъ еще кое-кого по деревнямъ; но на возвратномъ пути на какихъ-нибудь 30, 40, 60 и болѣе миль уже не было ни одной живой души: все погибло и перемерло, и если бы царь, овладѣвъ Лифляндіею, не устроилъ по дорогѣ отъ Нарвы черезъ Дерптъ (теперь этотъ городъ—одна груда камней) до Риги, т. е. на разстояніи почти 100 миль, для собственнаго своего удобства и для порядочныхъ путешественниковъ, нѣсколькихъ почтовыхъ домовъ, черезъ каждыя 3 или 6 миль, то проѣзжему въ суровое зимнее время пришлось бы погибнуть отъ стужи и голода.

Война и моровая язва въ конецъ разорили плодоносную и богатую Лифляндію и Курляндію. Въ деревняхъ почти не видать жителей, хлѣбъ стоитъ на поляхъ несжатый, скотъ разбрелся и съѣденъ волками, дома въ совершенномъ запустѣніи; помѣщичьи имѣнія и большія общины, въ которыхъ было по нѣскольку тысячъ крестьянъ, такъ вымерли, что мѣстами осталось не болѣе трехъ, четырехъ или шести душъ [1]).

---

[1]) Чума, появившаяся въ Лифляндіи въ 1709-мъ году, продолжалась до весны 1710-го и постепенно проникла во всѣ сосѣдственныя страны.

Примѣч. изд. Пуб. Библ.

Городъ Ригу, въ прежнее время столь многолюдный, такъ опустошили голодъ и чума, что отъ находившихся тамъ нѣсколькихъ сотъ портныхъ и сапожниковъ, въ мой проѣздъ зимою 1711-го года, оставалось уже не болѣе трехъ, и дрянная пара сапогъ стоила 3 талера. Въ церквахъ, во время богослуженія, присутствовали однѣ женщины, всѣ въ траурѣ, а мущинъ я не видѣлъ почти ни одного. Нѣкоторые утверждали даже, что въ одной Ригѣ, во время ея осады, къ которой присоединились голодъ и чума, погибло слишкомъ 60,000 душъ; изъ чего можно заключить какъ сильно должна была свирѣпствовать болѣзнь въ Пруссіи, Польшѣ, Литвѣ, Курляндіи и Лифляндіи, изъ которыхъ въ одной первой умерло болѣе 300,000 человѣкъ.

О дѣйствіи чумы въ Данцигѣ, гдѣ ею истреблено до 36,000 душъ, стóитъ прочесть любопытный трактатъ, изданный знаменитымъ тамошнимъ пасторомъ докторомъ Вихманомъ, подъ заглавіемъ: Богословско-историческое разсужденіе о чумѣ.

Еще пришло мнѣ на память, что, при множествѣ волковъ въ Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ они ходятъ цѣлыми стаями и забѣгаютъ даже иногда въ крестьянскія избы, два изъ нихъ, ворвавшись во дворъ, гдѣ люди лежали въ чумѣ, хотя и подошли къ бродившему тамъ скоту, но, обнюхавъ его, тотчасъ побѣжали прочь, не дотронувшись: явленіе довольно любопытное въ отношеніи къ скотскому падежу.

Упомяну также, что чума хотя доходила до Нарвы и, какъ говорятъ, до Копорья, однако въ С.-Петербургъ не проникла; но такъ какъ и здѣсь недостатокъ продовольствія имѣлъ слѣдствіемъ большую смертность, то вывели заключеніе, будто бы въ этомъ городѣ тоже чума, вслѣдствіе чего были приняты разныя мѣры предосторожности [1]).

Съ умирающими изъ бѣдныхъ классовъ здѣсь не много, впрочемъ, церемонятся: трупъ, завернувъ въ рогожку, привяжутъ веревками къ шесту и такимъ образомъ несутъ его два человѣка,

---

[1]) Отъ Нарвы по дорогѣ къ Петербургу и Новгороду были поставлены заставы, съ повелѣніемъ не пропускать никого, подъ смертною казнью, а также оцѣпили и все теченіе рѣки Луги. Въ Петербургъ моровое повѣтріе дѣйствительно не дошло, но многіе люди гибли („пухли“) отъ голода.

Примѣч. изд. Пуб. Библ.

а много что везутъ на дровняхъ (какъ мнѣ самому случалось видѣть), совсѣмъ нагой на кладбище, гдѣ зарываютъ его въ землю безъ всякаго дальнѣйшаго обряда.

Въ заключеніе этой главы передамъ еще читателю слѣдующій любопытный случай. Въ бытность мою въ осадномъ лагерѣ подъ Ригою, за столомъ въ палаткѣ у одного генерала, когда, подъ акомпаниментъ пушечныхъ выстрѣловъ, подали намъ жаренаго лося, возникъ вопросъ: водится ли еще гдѣ нибудь это животное кромѣ Пруссіи, въ которой будто бы только въ одной есть лоси и янтарь? Генералъ увѣрялъ, что оно водится также въ Литвѣ, Курляндіи и Лифляндіи и что самаго того лося, котораго мы ѣдимъ, застрѣлили его люди подъ Ригою. При продолженіи разговора объ этомъ звѣрѣ и въ особенности о падучей болѣзни, которой его считаютъ подверженнымъ, тотъ же генералъ подробно разсказалъ, какъ у убитаго подъ конецъ зимы лося нашли въ головѣ нѣсколько большихъ мухъ, или слѣпней, которыми у него съѣденъ былъ почти весь мозгъ. А какъ и вообще замѣчено, что въ большихъ лѣсахъ, передъ наступленіемъ зимы, разныя насѣкомыя, въ особенности же слѣпни, жестоко преслѣдуютъ это бѣдное животное, стараясь проползть ему черезъ уши въ голову на зимнія квартиры, то очень естественно, что отъ производимаго ими постояннаго шума и жужжанія, особливо когда они еще примутся ѣсть мозгъ лося, онъ поневолѣ приходитъ въ изнеможеніе и, въ такой безпрестанной пыткѣ, падаетъ на землю какъ бы въ падучей болѣзни. Предоставляю это дальнѣйшему обсужденію глубокомысленныхъ естествоиспытателей.

Еще скажу, что вышеназванный пасторъ Вильгельмъ Толле, человѣкъ очень любознательный, ѣздилъ однажды, кое съ кѣмъ, за Шлиссельбургъ и Новую Ладогу для поиска древностей, и съ этою цѣлью разрылъ нѣсколько древнихъ языческихъ кургановъ; часть найденныхъ въ нихъ разныхъ старинныхъ рѣдкихъ монетъ и медалей онъ и описалъ, но карандашемъ и очень нечетко; по смерти же его эти вещи, какъ и нѣкоторыя другія, имъ же прежде собранныя, купилъ, чтобы, по приведеніи ихъ въ порядокъ и по изготовленіи имъ объяснительной записки, поднести высокой особѣ, хорошій мой пріятель, магистръ Паули, родомъ изъ Пруссіи, состоявшій русскимъ генералъ-штабсъ-пасторомъ при господинѣ

генералъ-фельдмаршалѣ баронѣ Гольцѣ и находившійся, въ одно время со мною, также въ С.-Петербургѣ. Этому собранію я составилъ, на пользу и удовольствіе господъ антикваріевъ, нижеслѣдующее описаніе.

(Слѣдуетъ за этимъ, на 10-ти страницахъ, реестръ найденныхъ въ Польшѣ, Россіи и Ингерманландіи монетъ, медалей, колецъ, пряжекъ, сосудовъ и пр., не представляющій для нашего предмета ничего любопытнаго. Въ немъ, между прочимъ, упоминается о кладѣ, найденномъ въ курганѣ, вблизи старой Ладоги, и заключавшемъ въ себѣ монеты: восточныя, лифляндскія и языческія, а также жертвенныя орудія, и объ арабской монетѣ, найденной близъ Кіева).

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ МАСОНСТВА ВЪ РОССІИ.

[Переводъ съ нѣмецкой неизданной рукописи].

VII [1]).

Поразительный контрастъ между составомъ масонства, процвѣтавшаго во время гросмейстерства брата Елагина, съ составомъ его по возобновленіи ⊡, вполнѣ оправдывалъ опасенія братьевъ масоновъ прежняго времени и ихъ старанія избѣгнуть несвойственныхъ масонству началъ при возобновленіи □ Александра подъ предсѣдательствомъ ихъ несчастнаго мастера стула фонъ Девеля.

Орденъ былъ возстановленъ на бурномъ основаніи (Grunde) поэтому для него не могло явиться никакихъ иныхъ послѣдствій, какъ только таковыхъ, которыя происходятъ отъ возбужденныхъ страстей; и лишь надежда на лучшее будущее, воодушевлявшая старыхъ братьевъ ордена и ищущихъ (die Suchenden), могла ихъ побудить остаться твердыми и вѣрными дѣлу послѣ такого кризиса, и ожидать лучшаго времени; при чемъ они дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы добромъ достигнуть прежняго мира и согласія, хотя и вполнѣ чувствовали свое безсиліе въ борьбѣ съ всесильнымъ рокомъ. Но насколько осуществились надежды болѣе проницательныхъ, что угаснутъ наконецъ свѣточи, чуждые Божеству, это будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

Послѣ того какъ высокопочтенный братъ фонъ Бёберъ оста-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г. т. XXXV, сентябрь, стр. 533—560.

вилъ □, намѣстный мастеръ стула, братъ Шубертъ, занялъ его мѣсто, и приступилъ къ продолженію прерванныхъ работъ. Рѣшено было еще разъ письменно просить мастера стула снова принять молотокъ; при чемъ однако, выразивъ ему сожалѣніе □ относительно его рѣшенія отказаться отъ предсѣдательства въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему, что □ не видитъ возможности, да и не желаетъ, отказаться отъ своего единогласнаго и полезнаго для нея рѣшенія.

Въ послѣдовавшей затѣмъ совѣщательной ложѣ (Consultations-Loge), бывшей 14-го октября, былъ прочитанъ отвѣтъ высокопочтеннаго брата фонъ Бёбера на это письмо □ (dieses Schreiben), въ которомъ онъ, выразивъ свою благодарность □ за изъявленное къ нему расположеніе, все же подтверждалъ свое рѣшеніе отказаться отъ предсѣдательства въ ней, и выйти изъ нея; причемъ просилъ вычеркнуть его имя изъ матрикулы □ (Matrikel), такъ какъ онъ намѣренъ вступить въ одну изъ другихъ Іоанновскихъ ложъ. Примѣру его впослѣдствіи послѣдовали только очень немногіе изъ членовъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые заявили, что дѣлаютъ это потому, что они особенной клятвой связаны съ шведскою системою.

Такъ какъ остальныя ⊞ союза—шведской системы—не захотѣли одобрить и принять ни предложенія о лучшемъ устройствѣ экономической части, ни предложенія, касающагося свободы выборовъ должностныхъ лицъ и возобновленія великой □, вслѣдствіе приказанія высшаго правительства; а поэтому союзъ не представлялъ никакой гарантіи для преуспѣванія □, то собравшимися на этотъ разъ въ полномъ числѣ мастерами □ Александра къ вѣнчанному пеликану, было рѣшено, чрезъ формальное и единогласное постановленіе □ (Logen-Beschluss), отложиться отъ шведскаго союза и подчиниться великой □ Астреи посредствомъ особаго, за подписью этой великой □, присоединительнаго акта (Beitrits-Aktes).

Между тѣмъ, такъ какъ двое изъ должностныхъ братьевъ (Brüder Beamten), избранныхъ въ мастера стула, отказались принять это званіе (Würde), то бывшій первый настоятель □ (der erste Vorsteher), братъ фонъ Тевесъ (von Tewes), былъ единогласно избранъ мастеромъ стула □ Александра къ вѣнчанному Пеликану, и торжественно введенъ (installiert) въ эту должность.

Сверхъ того, съ полнаго согласія всѣхъ братьевъ □, рѣшено было, чтобы, во избѣжаніе вредныхъ для □ стѣсненій, могущихъ и впредь возникнуть чрезъ удержаніе шведской масонской системы, отказаться отъ нея, и снова принять утвержденную правительствомъ (sanctionirt), и особенно имъ покровительствуемую Іоркскую ново-англійскую масонскую систему, для которой, въ славное царствованіе великой государыни императрицы Екатерины II, прежде бывшему провинціальному гросмейстеру, брату Елагину, изъ Англіи выданъ былъ великій конституціонный патентъ (das grosse Constitutions-Patent) для VII степеней; и по этой масонской системѣ образовать □, работающую въ VII степеняхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ великая □ Астреи во всѣхъ пунктахъ признала и утвердила этотъ присоединительный актъ почтенной □ Александра къ вѣнчанному Пеликану, и съ полною готовностью и удовольствіемъ приняла подъ свое покровительство эту □, одну изъ старѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ ложъ, и мать □ столькихъ другихъ ⧉, отпраздновано было присоединительное торжество (das Beitrits-Fest).

Переходъ въ другой союзъ старѣйшей изъ здѣшнихъ ⧉, и то, что событіе это было сопряжено съ такою борьбою, съ столькими затрудненіями, и такими большими непріятностями, возбудило во всемъ здѣшнемъ масонскомъ мірѣ еще никогда не бывалое движеніе. Шаткое до того времени положеніе великой □ Астреи было, чрезъ это присоединеніе, упрочено. Многочисленная □ Александра стала главною ея опорою, и въ той же мѣрѣ, какъ чрезъ это выиграла въ значеніи, основанная на либеральныхъ началахъ, великая □ Астреи, въ той же мѣрѣ старый шведскій союзъ потерялъ свое значеніе. Но вмѣсто того, чтобы послѣ этого поучительнаго урока, обратиться къ истинному духу масонства, союзъ этотъ, напротивъ, вызвалъ страшную невзгоду надъ □ Александра, и особенно надъ тѣми изъ ея должностныхъ лицъ, которыя при этихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе обязанностей своей должности, дѣятельнѣе всего дѣйствовали. Ихъ старались выставить передъ высшимъ правительствомъ какъ мятежниковъ и подстрекателей, и ихъ нѣкоторое время стращали ужасной перспективой, что за ихъ законныя, почтительныя и твердыя дѣйствія, они печально окончатъ свою жизнь въ той отдаленной странѣ ссылки, одно имя которой возбуждаетъ ужасъ,* и куда,

нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, другіе изъ братьевъ были сосланы, цѣли и дѣйствія которыхъ если и не были вполнѣ согласны съ законами, то все же имѣли извинительныя причины.

Но, къ счастію, □ Александра была съ хорошей стороны извѣстна г. генералъ-губернатору и кавалеру (впослѣдствіи, и не задолго до его смерти, графу) Вязмитинову (Wiasmitinow), а равно ему были подробно извѣстны и всѣ событія, бывшія въ □ за послѣднее время. Его любовь къ правосудію заставила его усумниться въ истинѣ поступившихъ къ нему жалобъ, и отложить исполненіе требуемыхъ наказаній до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено самое тщательное разслѣдованіе всего случившагося. И послѣ того, какъ разслѣдованіе это было сдѣлано, г. генералъ-губернаторъ вполнѣ убѣдился, что члены □ Александра къ вѣнчанному Пеликану дѣйствовали вполнѣ законно, справедливо и почтительно. Поэтому онъ оказалъ полную справедливость и поддержку □, и одобрилъ причины, побудившія ее соединиться съ великою □ Астреи, и поставивъ на видъ отвѣтственность за неправильные навѣты, совѣтовалъ сторонамъ примириться, (и это непосвященному пришлось внушать истиннымъ масонамъ!). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго запретилъ всякія дальнѣйшія жалобы по этому дѣлу на □ Александра, и такимъ образомъ □ эта на этотъ разъ была спасена.

Чрезъ принятіе Іоркской или ново-англійской масонской системы, которой изъ числа здѣшнихъ □□ пока слѣдовала только □ Александра къ вѣнчанному Пеликану, она начала работать во всѣхъ VII степеняхъ, а именно: въ трехъ Іоанновскихъ, степени избранныхъ мастеровъ (dem Auserw. Mstr. Grade), въ шотландскихъ мастеровъ св. Андрея (im Schott. St. Andreas Mstr. Grade), въ степени посвященныхъ въ таинства (im Initiaten Grade); а VII ея степень составлялъ капитулъ для этой системы, въ который намѣстникомъ (Vicarius) избранъ былъ высокопочт. братъ Земанъ (Seeman).

Хотя чрезъ обстоятельства, побудившія □ Александра принять Іоркскую ново-англійскую масонскую систему, почтенная эта □ и стала матерью □ всей этой системы, и власть ея, какъ □ матери, распространилась неограниченно на всѣ высшія степени, но относительно Іоанновскихъ степеней власть эта пока была еще не полная, и состояла въ одномъ только научномъ

масонскомъ вліяніи; такъ какъ, по существовавшей организаціи, эти три Іоанновскія степени были подчинены великой □ Астреи, которая, какъ уже упомянуто выше, слѣдовала шведской системѣ. Хотя всѣ братья почтенной □ Александра, (а слѣдовательно и братья Іоанновскихъ степеней), и составляли одну общую □, состоящую изъ VII степеней, связанныхъ между собою и составляющихъ одно нераздѣльное цѣлое, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ □, все же пока невозможно было иначе организовать свой конституціонный уставъ (ihre constitutionellen Vesfassungen) и надо было выжидать не представятся ли впослѣдствіи болѣе благопріятныя обстоятельства.

Послѣ того какъ 1-ое декабря, того же 1815 года, истекъ срокъ контракта на наемъ общаго помѣщенія для ⊡ шведскаго союза, □ Александра, до времени, начала для своихъ работъ собираться въ помѣщеніи почтенной □ Петра къ истинѣ, обязательно, и истинно по братски, предложившей ей пользоваться ея помѣщеніемъ; и 24-го мая (по старому стилю) 1816 года, при очень многочисленномъ собраніи ея членовъ, а равно и братьевъ всѣхъ здѣшнихъ ⊡ и многихъ посѣтителей, она отпраздновала тамъ тройное торжество:

1) Открытаго и торжественнаго введенія у себя (der öffentlichen und feierlichen Einführung) Іоркской или ново-англійской масонской системы, утвержденія (Constituirung) □ по этой системѣ, чрезъ высокопросвѣщ. ея намѣстника (Vicarius) и высокопросвѣщ. членовъ капитула (Capitularen), и открытія ея подъ молоткомъ (der Hammerführung) ея мастера стула высокопочт. брата Оттона фонъ Тевеса (Otto von Tews).

2) Праздникъ устройства новаго храма (des neuen Tempels) и

3) Перенесенный на этотъ день праздникъ въ память десять лѣтъ предъ тѣмъ бывшаго возстановленія этой почтенной, справедливой и совершенной □.

Въ этотъ столь памятный для □ Александра день, вмѣстѣ съ тѣмъ, при самомъ началѣ собранія, объявлено было высокопросвѣщ. гросмейстеромъ великой □ Астреи, въ качествѣ сочлена капитула, что новая конституція (Constituirung) [1]) почтенной □ Александра къ вѣнчанному пеликану по Іоркской или ново-ан-

[1]) Конституція—формальное утвержденіе ложи.

глійской системѣ формально признана; при чемъ бывшими тогда еще въ живыхъ, и присутствовавшими въ этомъ собраніи, прежними братьями великой □ скромности (der Verschwiegenheit), □ матери союза, существовавшаго при блаженной памяти гросмейстерѣ братѣ Елагинѣ, и которые въ настоящее время были членами капитула, ей переданы были всѣ права и привилегіи, присвоенныя □ скромности великимъ конституціоннымъ патентомъ (das grosse Constitutions-Patent), и права эти торжественно и оффиціально были утверждены за нею; такъ что □ Александра, какъ преемница великой □ скромности, стала чрезъ это утвержденной русской великой □ матерью Іоркскаго или ново-англійскаго гросмейстерства и этой системы.

Въ этотъ же день □ Александра была обрадована полученнымъ ею официальнымъ извѣщеніемъ, что высшее правительство утвердило ея ритуалъ (ihre Rituale) и Іоркскую или ново-англійскую масонскую систему, пользовавшуюся при гросмейстерствѣ брата Елагина особымъ покровительствомъ правительства, и что оно снова принимаетъ подъ свою высокую защиту эту систему.

18-го марта 1817 года были основаны ⧉:

□ Сѣверныхъ друзей (les amis du Nord), на востокѣ С.-Петербурга; работала по шведской системѣ на французскомъ языкѣ.

□ Александра къ тройственному спасенію (Alexander zum dreifachen Segen), на востокѣ Москвы, которая работала по системѣ Вильгельмбадскаго конвента (Wilhelms-bader Convents), на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ первой изъ нихъ мастеромъ стула былъ бывшій гросмейстеръ высокопочт. братъ Жеребцовъ (Gerebzow), генералъ-маіоръ; а во второй высокопочт. братъ Розенштраухъ (Rosenstrauch), купецъ; обѣ эти ⧉ вступили въ союзъ великой □ Астреи.

Въ 1818 году, 12 марта, послѣдовало учрежденіе слѣдующихъ новыхъ ⧉:

□ Ключа къ добродѣтели (der Schlüssel zur Tugend), на востокѣ Симбирска; она работала по старо-шведской системѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ, и ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ князь Баратаевъ (Baratajw), предводитель дворянства.

12-го же марта □ Орла Россійскаго (des Russichen Adlers), на востокѣ С.-Петербурга, она работала по старо-шведской си-

стемѣ и на русскомъ языкѣ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ князь Гагаринъ (Gagarin), шталмейстеръ русскаго императорскаго двора.

□ Соединенныхъ славянъ (der Vereinigten Slaven), на востокѣ Кіева; работала по системѣ великаго востока Варшавы (des grossen Orients von Warschau), и на русскомъ и французскомъ языкахъ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ Росцишевскій (Roscicsewsky), предводитель дворянства.

30-го апрѣля □ Любви къ истинѣ (Liebe der Wahrheit), на востокѣ Полтавы; работала по старо-англійской (Шредеровской) системѣ, на русскомъ языкѣ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ Новиковъ (Nowikow), надворный совѣтникъ русской службы (Russisch. kaiserl. Hofrath).

24-го іюня □ Бѣлаго Орла (zum weissen Adler), на востокѣ С.-Петербурга; работала по ритуалу великаго востока Варшавы (nach dem Ritus des grossen Orients von Warschau) и на польскомъ языкѣ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ графъ Ржевускій (Rzewursky), тайный совѣтникъ и сенаторъ.

27-го іюля, на востокѣ Бѣлостока была возобновлена □ Золотаго кольца (zum goldenen Ring); работала по системѣ великой областной □ Германіи (der grossen Landes □ von Deutschland) и на польскомъ, и нѣмецкомъ языкахъ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ Михелисъ (Michelis), надворный совѣтникъ русской службы (Russisch. kaiserl. Hoffrath) и членъ прусской врачебной управы (Preussischer Medicinalrath).

□ Александра къ пчелѣ (Alexander zur Biene), на востокѣ Ямбурга, уѣзднаго города петербургской губерніи, была основана 27-го іюля, работала на нѣмецкомъ языкѣ по ново-англійской системѣ, которой слѣдовали въ Россіи при гросмейстерствѣ высокопочт. брата Елагина; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ Либъ (Lieb), купецъ.

□ Восточнаго свѣтила (zum Licht im Osten), была учреждена 30-го августа на востокѣ Томска, въ Сибири, работала по староанглійскому ритуалу (Ritus), на русскомъ языкѣ; ея мастеромъ стула былъ высокопочт. братъ Горловъ (Gorlow), статскій совѣтникъ и вице-губернаторъ.

Всѣ эти □□ вступили въ союзъ высокопочт. великой □ Астреи.

Примѣчаніе Н. С. Иваниной: Кромѣ этихъ ложъ А. Н. Пыпинъ, въ статьѣ „Русское масонство до Новикова", упоминаетъ еще о слѣдующихъ ложахъ:

Ложа Сѣверная звѣзда (zur Nordstern); въ Ригѣ.

— Постоянства (zur Beständigkeit); въ Петербургѣ.

— Фениксъ; въ Петербургѣ.

— Истиннаго постойнства (der wahren Beständigkeit); вѣроятно это таже ложа, какъ упомянутая выше петербургская ложа Постоянства.

— Гиппократа; въ Петербургѣ.

— Гаруса; въ Петербургѣ.

— Латоны.

— Немезиды; въ Петербургѣ.

— Кліо; въ Москвѣ.

— Совершеннаго постоянства (Parfaite Union); въ Петербургѣ.

— Озириса; сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ.

— Благотворительности (zur Wohlthätigkeit); въ Петербургѣ.

— Zum Schwert; въ Ригѣ.

— Apollo.

— Castor.

— Pollux; въ Дерптѣ.

— Трехъ мечей (zu den drei Degen); въ Москвѣ.

— Трехъ (христіанскихъ) добродѣтелей; въ Москвѣ.

— Аписа; въ Москвѣ.

Военная ложа въ Кинбурнѣ.

Н. И.

Въ числѣ рукописей покойнаго брата масона Л....ра имѣется и слѣдующая:

Достопримѣчательныя масонскія сочиненія (Schriften), извлеченныя преимущественно изъ бумагъ, оставшихся послѣ умершаго друга Карла Генриха Кнаппе, ритора высокопочт. великой ложи союза (der S. E. G. und Vn. Fr. Loge), ложи Александръ Вѣнчаннаго Пеликана, на востокѣ С.-Петербурга, собранныя всѣ съ разрѣшенія многихъ друзей и братьевъ въ 1827 г.

Содержаніе.

„ Докладъ высокопочтенному гросмейстеру фонъ Веберу, 7-го октября 1815 г.
„ Мысли о цѣли шотландскаго масонства.
Беккеръ, Иванъ Кондратъ. Докладъ въ день основанія ложи Александра къ Вѣнчанному Пеликану, читанный 11-го октября 1817 г.
Второй докладъ 7-го октября 1820 г.
Третій докладъ 13-го октября 1821 г.
Кнаппе, Иванъ Ѳедоръ. Статья о важности масонства.
„ Рѣчь прежняго времени.
„ Основные законы соединенныхъ ложъ на востокѣ С.-Петербурга.

I.

Старые основные законы Елагинской системы

одной изъ высокопочт. ложъ союза, □ скромности (einer S. E. V. □ der Verschwiegenheit).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Объ обязанностяхъ масоновъ противъ Бога, правительства, отечества и масонскаго союза.

Пунктъ 1-й.

Кто богохульствуетъ, того мы гнушаемся какъ позорнаго пятна природы. Мы смотримъ на него какъ на неблагодарнаго къ своему Творцу и благодѣтелю, премудрость Котораго онъ не признаетъ, и благостью Котораго онъ пренебрегаетъ. Любовь и согласіе суть лучшіе дары Создателя; кто не чтитъ Создателя, тотъ оскорбляетъ братьевъ, которые смотрятъ на эти чувства какъ на даръ Всемогущаго Бога и съ смиреніемъ благодарятъ Его за нихъ.

Пунктъ 2-й.

Всѣ общественныя обязанности должны ставиться выше частныхъ, личныхъ выгодъ. Это прежде всего обязываетъ насъ вѣрно и добросовѣстно служить нашему правительству и отечеству, и затѣмъ нашему братству. Кто свои личныя выгоды предпочитаетъ этимъ обязанностямъ, у того нѣтъ любви къ отечеству и въ немъ недостаетъ великодушія брата; а въ комъ нѣтъ этихъ качествъ, тотъ клятвопреступникъ и не можетъ быть терпимъ въ братствѣ, такъ какъ онъ содѣлалъ себя недостойнымъ имени брата и масона.

Пунктъ 3-й.

Измѣнникъ есть самый позорный изъ всѣхъ преступниковъ. Онъ по природѣ вѣроломенъ, коваренъ и склоненъ къ клятвопреступленію.

Порокъ, въ которомъ онъ становится виновенъ, такъ противенъ характеру брата, и гнусность его столь велика, что измѣнникъ не можетъ быть терпимъ ни въ какомъ обществѣ, а тѣмъ менѣе въ такомъ почтенномъ союзѣ, какъ нашъ орденъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Объ обязанностяхъ къ братству.

Права мастера стула.

1) Самому избирать своихъ должностныхъ лицъ, за исключеніемъ братьевъ судей, которые избираются большинствомъ голосовъ.

2) Назначать для исполненія особыхъ порученій братьевъ особой коммисіи (des engen Ausschlusses), за исключеніемъ братьевъ судей.

3) По собственному усмотрѣнію и совѣсти повышать братьевъ въ высшія степени, какъ то: избранныхъ мастеровъ (auserwählten Meister), шотландскихъ рыцарей (Schottischen Ritter) и посвященныхъ въ таинства (Initiaten), не стѣсняясь при этомъ степенью (Rang) и старшинствомъ братьевъ; но по предварительной баллотировкѣ.

4) Созывать въ собранія членовъ почтенной □.

Пунктъ 1-й.

Такъ какъ почтенный мастеръ стула для того избранъ, чтобы управлять почт. □ и просвѣщать ее, то онъ чрезъ это есть представитель всей почтен. □. Поэтому всѣ обязаны повиновеніемъ, какъ лично ему, такъ равно и его напоминаніямъ (Erinnerungen). Тотъ, кто отнесется къ этимъ обязанностямъ небрежно или окажетъ неповиновеніе, тотъ не столько нанесетъ личное оскорбленіе почтенной особѣ мастера стула, какъ всей □, избравшей его; поэтому онъ будетъ ею судимъ и наказанъ.

Пунктъ 2-й.

Исполненіе приказаній почтеннаго мастера поручено обоимъ высокопочт. братьямъ настоятелямъ (Vorstehern); поэтому къ нимъ тоже обязаны имѣть должное уваженіе. Кто не оказываетъ имъ таковаго, тотъ значитъ не оказываетъ его почтенному мастеру и всей □.

Пунктъ 3-й.

Такъ какъ и прочія высокопочт. должностныя лица (Beamten) тоже поставлены для того, чтобы заботиться о благоденствіи почтенной □, то и въ отношеніи къ нимъ всѣ братья обязаны сохранять уваженіе, чего они не могутъ упустить изъ вида, не оскорбивъ этимъ почтеннаго мастера стула и всей □.

Пунктъ 4-й.

Братья высшихъ степеней, за свое усердіе и прилежаніе, заслуживаютъ почета и уваженія.

Пунктъ 5-й.

Всякій обязанъ относиться съ снисхожденіемъ и братскою любовью къ братьямъ низшихъ степеней.

Пунктъ 6-й.

Каждому брату, который безъ вины съ своей стороны окажется въ стѣсненномъ положеніи, должно оказывать помощь; и всякій тѣмъ охотнѣе долженъ быть готовъ это сдѣлать, что, вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, и съ нимъ можетъ случиться то же самое.

Пунктъ 7-й.

Когда братъ узнаетъ, что другой братъ несчастливъ или бѣденъ, и причиною этому не было ничего такого, что роняло бы его честь, то онъ долженъ сообщить объ этомъ брату собирателю милостыни (dem Almosenpfleger), чтобы нуждающемуся брату такъ оказана была помощь, чтобы онъ не зналъ откуда помощь эта явилась.

Пунктъ 8-й.

Когда умретъ братъ, и послѣ него останутся въ бѣдности вдова или дѣти, то почтенной □ слѣдуетъ стараться по мѣрѣ силъ помогать имъ.

Пунктъ 9-й.

Никто изъ братьевъ не долженъ подвергнуться тяжкому наказанію, какъ-то исключенію изъ □, разжалованію, или большому денежному штрафу, безъ предварительнаго къ тому приговора особой коммисіи (eines besonderes Ausschlusses), и приговоръ этотъ, сверхъ того, долженъ еще быть утвержденъ большинствомъ голосовъ членовъ ложи.

Пунктъ 10-й.

Каждый братъ въ □ можетъ быть представителемъ только одной изъ степеней, и именно той, въ которой онъ утвержденъ □.

Пунктъ 11-й.

Когда кто нибудь изъ членовъ посѣтитъ постороннюю □, и найдетъ, что почтенныя работы тамъ профанируются, то присяга обязываетъ его сообщить объ этомъ братьямъ судьямъ, дабы они воспрепятствовали этому пагубному безчинству, и приняли бы мѣры, чтобы члены ихъ □ избѣгали такихъ собраній.

Пунктъ 12-й.

Братья должны въ □ соблюдать полное приличіе, необходимое для нашихъ торжественныхъ работъ. Кто будетъ вести себя иначе, то, судя по обстоятельствамъ и причинамъ (nach Bewandniss und Umständen), подвергнется наказанію.

Пунктъ 13-й.

Ѣдкія насмѣшки, необдуманныя (unbesonnen) и дерзкія рѣчи, нарушили бы доброе согласіе, господствующее между нами. Кто окажется виновнымъ въ чемъ нибудь подобномъ, тотъ не можетъ быть терпимъ въ ☐, и онъ предъ исключеніемъ своимъ изъ ☐ долженъ еще будетъ внести штрафъ въ кружку для бѣдныхъ.

Пунктъ 14-й.

Чтобы тѣмъ легче сохранить согласіе между членами, и предотвратить всякій раздоръ, въ ☐ строго воспрещается говорить дурно о религіозныхъ и государственныхъ дѣлахъ, а также о присутствующихъ или отсутствующихъ. Кто поступитъ противъ этого, тотъ будетъ наказанъ почтеннымъ мастеромъ стула.

Пунктъ. 15-й.

Каждый братъ долженъ заступаться за другаго брата, на сколько это возможно сдѣлать приличнымъ образомъ; и защищать его, если объ немъ будутъ дурно говорить. Если кто нибудь узнаетъ, что братъ подвергается хитрымъ кознямъ, то онъ долженъ увѣдомить объ этомъ братьевъ судей, дабы зло, угрожающее сочлену ☐, могло быть предотвращено.

Пунктъ 16-й.

Если братъ разгласитъ что либо довѣренное ему подъ условіемъ тайны, то онъ—если бы даже это въ сущности касалось и не важнаго обстоятельства—долженъ быть призванъ къ суду, какъ нарушитель обязанности скромности (Verschwiegenheit), и, по мѣрѣ виновности, строго быть наказанъ.

Пунктъ 17-й.

Если кто нибудь будетъ обвиняемъ въ низкомъ поступкѣ, то онъ долженъ воздерживаться отъ посѣщенія ☐ пока дѣло не будетъ разъяснено; а для изслѣдованія его назначена будетъ коммисія (Ausschluss). Если обвиняемый окажется невиновнымъ, то ему доставятъ удовлетвореніе; но если его найдутъ виновнымъ, то онъ навсегда будетъ исключенъ изъ ☐.

Пунктъ 18-й.

Если два брата поссорятся, то они должны о своемъ раздорѣ сообщить братьямъ настоятелямъ (Vorstehern), дабы тѣ могли разобрать кто изъ нихъ правъ, и примирить ихъ. Если же это имъ не удастся, то братья должны обратиться къ почтенному мастеру стула, который или самъ рѣшитъ дѣло, или передастъ его на обсужденіе ☐, чтобы можно было или найти средство къ примиренію братьевъ, или по закону окончить ихъ ссору.

Пунктъ 19-й.

Если окажется, что ссора произошла отъ ничтожной причины, а братья тѣмъ не менѣе ни подъ какимъ видомъ не захотятъ примириться; то имъ

должно быть воспрещено посѣщеніе □, такъ какъ въ ней должно господствовать полное согласіе.

Пунктъ 20-й.

Если между двумя братьями произойдетъ горячій споръ, и третій услышитъ это, то онъ имѣетъ право, во имя □, приказать имъ прекратить споръ, если предвидитъ, что ихъ несогласіе можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Они, въ этомъ случаѣ, обязаны его послушаться, и о спорѣ своемъ сообщить братьямъ надзирателямъ (Vorstehern).

Кто этого не исполнитъ, тотъ будетъ наказанъ по всей строгости законовъ.

II.

Клятвенное обязательство всѣхъ членовъ. (Eidliche Verbindung der sämtlichen Mitglieder).

Мы клянемся Богомъ и нашею масонскою честью, что въ точности будемъ соблюдать всѣ наши законы, и исполнять распоряженія (Vorderungen) нашего почтеннаго мастера стула, котораго мы добровольно и единогласно избрали; поэтому мы будемъ оказывать ему и его должностнымъ лицамъ (seinen Beamten), подобающее имъ почтеніе, и въ точности будемъ исполнять всѣ обязанности масоновъ.

Если кто нибудь изъ насъ нарушитъ сіе клятвенное обязательство, то онъ подвергнется суду всей почтенной □ и строгой отвѣтственности по закону.

Въ подтвержденіе произнесенной нами клятвы (unsers körperlichen Eides), цѣлуемъ драгоцѣннѣйшія (die theuersten) слова нашего Спасителя.

III

Докладъ (Vortrag).

бывшему высокопочт. гросмейстеру почтенной □ Александръ къ вѣнчанному Пеликану, высокопросвѣщ. брату фонъ Бёберу, касающійся двухъ представленій (Schriften), поданныхъ ему 7-го октября 1815 года въ семейной □ (Familien □), и написанныхъ, отъ имени всѣхъ членовъ этой почтен. □, ея риторомъ Карломъ Генрихомъ Кнаппе (C. H. Knappe).

Высокопочтенный мастеръ стула! Не по собственному побужденію, но отъ имени всѣхъ братьевъ имѣю честь доложить вамъ, что доселѣ бывшее состояніе финансовъ нашей □ уже долгое время есть предметъ всеобщаго негодованія всѣхъ братьевъ нашей □.

Должностныхъ ея лицъ (die Beamten) уже давно и много разъ настоятельно просили ходатайствовать о томъ, чтобы управленіе финансами было преобразовано цѣлесообразно для пользы □, а такъ какъ и вы, высокопочт., неоднократно сами выражали ваше неудовольствіе настоящимъ положеніемъ экономической части, то прошлогоднія должностныя лица видѣли себя вынуж-

денными въ открытомъ (öffentlicher □) засѣданіи □ письменно, настоятельно, просить васъ о вашемъ посредничествѣ между ⊡ союза, относительно столь желаннаго измѣненія въ управленіи финансами, и получили отъ васъ обнадеженіе, что это измѣненіе вскорѣ воспослѣдуетъ. Но такъ какъ это не было исполнено, то нынѣшними должностными лицами □ поручено было высокопочтен. намѣстному мастеру еще разъ обратиться къ вамъ и словестно заявить, что если это обѣщанное скорое измѣненіе не будетъ исполнено, то воспослѣдуетъ вторичное письменное о томъ представленіе.

Но такъ какъ и это осталось безуспѣшно, то должностныя лица □ не могли отказать почтен. братьямъ □ въ справедливомъ и умѣренномъ ихъ требованіи принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и совмѣстно съ ними новое подать представленіе (Schrift) касательно этого измѣненія. Это обстоятельство вызвало необходимость общаго совѣщанія въ частномъ собраніи; и хотя частныя собранія (Privatversammlungen), въ которыхъ братья совѣщаются о пользахъ своей □, не могутъ быть запрещены, но желая отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, братья все же не захотѣли приступить къ такому совѣщанію безъ вашего вѣдома, и поэтому просили высокопочтеннаго намѣстнаго мастера, брата Шуберта, сдѣлать вамъ, высокопочт., сообщеніе объ этомъ; послѣ чего онъ вскорѣ передалъ намъ ваше обѣщаніе всѣми силами содѣйствовать осуществленію этого предпріятія—обѣщаніе, высокопочтенному, которое вскорѣ затѣмъ дано было вами и другимъ нашимъ братьямъ. Затѣмъ какъ скоро, послѣ общаго совѣщанія, относящіяся до этого дѣла представленія (Aufsatze) были написаны, но еще до подписи ихъ членами, 3 главныя должностныя лица □ сочли своею обязанностью передать вамъ, высокопочт., копіи съ нихъ, и они одновременно представили бы вамъ и подлинники для подписи ихъ вами, если бы, какъ мы уже имѣли честь доложить вамъ, намъ не пришлось бы принять во вниманіе желанія нашихъ братьевъ убѣдить васъ, высокопочт. мастеръ стула, чрезъ подпись этихъ документовъ всѣми братьями, въ единодушіи ихъ требованія (Verlangen), и ихъ общемъ участіи въ составленіи этихъ бумагъ. А такъ какъ подписи эти въ настоящее время уже имѣются и состоятъ изъ подписей 56 братьевъ мастеровъ, то мы и будемъ имѣть честь передать вамъ эти подлинныя бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте заявить вамъ: 1) что эти представленія (Schriften) написаны не на имя вашей высокопочт. особы, но на имя ложъ нашего союза; 2) что въ той формѣ, въ которой изложено это вызванное обстоятельствами рѣшеніе (Beschluss) относительно устройства экономической части, оно не касается компетентности высокаго орденскаго совѣта, и принято и изложено (gefasst und ausgedrückt) въ томъ предположеніи (Veraussetzung), что сами вы, высокопочт., не одобряя доселѣ существовавшаго финансоваго управленія (Finanz-Verwaltung), чрезъ вашу подпись дадите утвержденіе справедливымъ и умѣреннымъ требованіямъ братьевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ и вашего милостиваго посредничества для склоненія □ нашего союза къ исполненію нашихъ справедливыхъ требованій. Къ этому нашему представленію (Schrift), относящемуся до устройства экономической части, присоединено еще другое представленіе, которое мы тоже просимъ васъ, какъ высокопочтеннаго мастера стула нашей □, утвердить вашею подписью.

Въ немъ заключается просьба о двухъ предметахъ, и оно вызвано слѣдующими обстоятельствами:

Такъ какъ при существованіи нѣсколькихъ ⊡, онѣ по закону непре-

мѣнно должны быть управляемы (dirigirt) великой ложей, почему наши ложи, по утвержденному высокимъ правительствомъ орденскому уставу, искони непрерывно находились подъ таковымъ управленіемъ. А такъ какъ намъ недавно сообщено нашимъ доселѣ бывшимъ, и правильно избраннымъ представителями, высокопочтеннымъ директоріальнымъ гросмейстеромъ (Direktorial Grossmeister), братомъ графомъ Мусиномъ-Пушкинымъ-Брюсомъ, что онъ почелъ своею обязанностію сложить съ себя эту должность въ директоріальной □, вслѣдствіе сдѣланнаго тамъ заявленія, утвержденнаго его превосходительствомъ г. главнокомандующимъ (Oberbefelshaber), что впредь всѣ признанныя системы будутъ пользоваться терпимостью (Toleranz), и что каждая изъ здѣсь находящихся двухъ системъ должна имѣть свою отдѣльную великую ложу; при чемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ письменно предложилъ представителямъ преждебывшей директоріальной □ приступить къ учрежденію (Constituirung) новой великой □ для нашей старой системы; то представители нашей □, а равно и всѣ мы, тотчасъ же, какъ это подобаетъ вѣрнымъ и покорнымъ подданнымъ его императорскаго величества, рѣшили, что для поддержанія нашего орденскаго устава, утвержденнаго нашимъ августѣйшимъ монархомъ. и требующаго постояннаго существованія великой □, необходимо немедленно исполнить предписаніе его превосходительства г. главнокомандующаго,—какъ это, въ силу долга, уже и сдѣлано союзомъ другой системы,—и дать такимъ образомъ работающимъ по старой системѣ Іоанновскимъ ⧉, для прочности ихъ союза и устраненія всякихъ могущихъ возникнуть безпорядковъ, законно учрежденную и постоянно дѣйствующую великую □, въ которой интересы наши обезпечивались бы не нѣсколькими лишь представителями (Representanten), а 4-мя законными представителями отъ каждой изъ ⧉ нашего союза и законно избраннымъ гросмейстеромъ; такъ какъ великая □, какъ центральная власть (Central-Autorität), одна только имѣетъ право непосредственнаго управленія (Direction) Іоанновскими ⧉ и право суда надъ ними. Въ виду всего этого, мы просимъ васъ, высокопоч. мастеръ стула, убѣдить ⧉ нашего союза безотлагательно, и не ожидая возвращенія августѣйшаго нашего монарха, возстановить нашу великую □, существованіе которой не должно прерываться, а равно и приступить къ избранію новаго гросмейстера; такъ какъ таковое наше требованіе (Forderung) столь же справедливо какъ и безусловно необходимо въ силу существующихъ законовъ.

Другой предметъ второй просьбы касается права свободы выборовъ И такъ какъ извѣстно, что по шведской системѣ, которую теперь предположено ввести, братья мастера, имѣющіе право избирательства (wahlfähigen), потеряютъ право избирать для своей □ должностныхъ лицъ, и вы, высокопочт. мастеръ стула, сообщили намъ, что высокій орденскій совѣтъ намѣренъ и впредь присвоить себѣ право назначать въ ⧉ пожизненнаго мастера стула, предоставивъ ему право, по собственному усмотрѣнію, выбирать должностныхъ лицъ □, то мы вынуждены замѣтить, что опытъ положительно доказалъ, что во всѣ періоды существованія ордена, высокій орденскій совѣтъ не всегда состоялъ изъ однихъ истинно просвѣщенныхъ членовъ, глубоко проникшихъ въ знанія масонства, вполнѣ обладающихъ способностью понимать людей (Menschenkenntniss), а главное вполнѣ добросовѣстныхъ и справедливыхъ (rechtschaffenen),—а слѣдовательно для Іоанновскихъ ⧉ выборъ должностныхъ лицъ предполагаемымъ способомъ не можетъ служить

прочнымъ и вѣрнымъ ручательствомъ для ихъ благосостоянія (Wohl).—Поэтому мы, въ силу этого обстоятельства, при всемъ высокомъ уваженіи къ нашему высокомудрому (hochweisen) орденскому совѣту, все же обязаны, какъ лично для себя, такъ равно и для нашихъ преемниковъ, настаивать на томъ, чтобы избраніе должностныхъ лицъ для нашихъ Іоанновскихъ ⊞ лучше оставалось бы таковымъ, какимъ оно было доселѣ, и чтобы оно и впредь было предоставлено усмотрѣнію имѣющихъ право избирательства членовъ Іоанновскихъ ⊞, которые, ближе зная членовъ своей ложи, вѣрнѣе могутъ обсудить ихъ способность къ занятію извѣстной должности, по крайней мѣрѣ относительно ихъ добросовѣстности и ума; и мы скорѣе согласны на то, чтобы для □ избранъ былъ такой мастеръ стула и такія должностныя лица, которыя, если бы онѣ даже и не обладали вполнѣ высокими познаніями масонства, (что вообще вездѣ встрѣчается очень рѣдко), то были бы по крайней мѣрѣ признаны за людей съ истинно честными масонскими убѣжденіями, и которые предоставили бы попеченіе о распространеніи свѣта (des Lichts) между братьями независящимъ отъ этихъ выборовъ мудрымъ членамъ высокаго орденскаго совѣта, личнымъ стараніямъ братьевъ, и главнымъ образомъ милости всемогущаго Провидѣнія, которому лучше извѣстно сколько каждая □, и каждый изъ членовъ, способны воспринять таковаго, и которое цѣлесообразнѣе всего умѣетъ все такъ устроить, чтобы величественный (отрадный и спасительный) свѣтъ, который (во мракѣ) озаряетъ путь всякому честно ищущему, не угасъ бы никогда, но все болѣе и болѣе распространялся бы.

Если высоко-мудрый орденскій совѣтъ, который безусловно необходимъ для охраненія и управленія (Dirigirung) и для поддержанія всего ордена, его степеней и достиженія его цѣлей, вполнѣ убѣжденъ въ этой истинѣ, то онъ не станетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, и не захочетъ нанести намъ оскорбленія въ нашихъ правахъ, которыя онъ самъ прежде призналъ справедливымъ дать намъ братьямъ Іоанновскихъ степеней. Онъ защититъ нашу свободу выборовъ, и поможетъ намъ безотлагательно достигнуть возстановленія нашей законной власти, великой ложи, а также предоставитъ намъ законное право самимъ управлять нашею □ и нашими денежными средствами, и мы несомнѣнно никогда не откажемъ ему въ должномъ со стороны нашей глубокомъ почтеніи и послушаніи.

Прочитанъ въ почт. □ Александръ къ вѣнчанному Пеликану.
7-го октября 1815 года, въ семейной □.

Перев. съ нѣмец. и сообщ. Н. С. Иванина.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1]).

1829 г.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Айдосъ, 25-го іюля.

(Перев. съ франц.). Со времени отправки послѣдняго курьера, ничего важнаго не случилось. Извѣстія, сообщенныя болгарами, будто турки, еще 1-го числа, оставили Ямболь, оказались ложными. Они даже получили тамъ подкрѣпленіе изъ двухъ полковъ регулярной кавалеріи, которые, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ иррегулярной конницы, посланы были, подъ начальствомъ Халиля-паши, изъ Шумлы въ Чаликавакъ, а оттуда, узнавъ, что Карнабадъ уже занятъ, пошли въ Ямболь. Съ остатками того, что̀ вернулось съ Камчика, изъ Мисемвріи и, особенно — изъ Айдоса, это могло составить, пожалуй, около 10 т. челов., при 5-ти пушкахъ. Ген.-м. Шереметьевъ, посланный на рекогносцировку, съ 2-ю уланскою бригадою, 4 орудіями и нѣсколькими казаками, т. е. имѣя всего около 1000 коней, тѣмъ не менѣе атаковалъ непріятельскіе аванпосты, оттѣснилъ ихъ, и храбрые наши уланы, поддержанные дѣйствіемъ артиллеріи, опрокинули турецкую конницу и про-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409-428; т. XXIX, стр. 891-934. Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 105-130; т. XXXII, стр. 287—302, 705—720. Изд 1882 г., т. XXXIV, стр. 155—176.

никли въ самый городъ; но тогда ген.-м. Шереметьевъ, видя слишкомъ большое превосходство непріятельскихъ силъ, особенно пѣхоты, рѣшился отступить,—что̀ и исполнилъ, не будучи преслѣдуемъ непріятелемъ, который, напротивъ, въ то же время началъ поспѣшно отступать къ Енизагрѣ и въ теченіи ночи совершенно очистилъ городъ, гдѣ оставилъ весьма значительные склады. За это дѣло, уланы и артиллерія заслуживаютъ величайшей похвалы; они повсюду отражали всѣ атаки въ десятеро сильнѣйшаго противника и нанесли ему уронъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Плѣнныхъ они взяли только 8 человѣкъ, изъ коихъ два офицера. Наша потеря не доходитъ до 50 человѣкъ, убитыми и ранеными; но 7 офицеровъ (изъ нихъ одинъ маіоръ и одинъ капитанъ), занесшихся слишкомъ далеко впередъ, было ранено и взято въ плѣнъ, равно какъ 2 казака и 2 улана. Въ настоящее время, Ямболь занятъ казаками, а ген. Шереметьевъ двинулся въ Сливно, гдѣ часть непріятеля, должно быть, остановилась. Я приказалъ также занять полкомъ егерей м. Ченга (въ Балканахъ) и сегодня г.-м. Набель произведетъ концентрическое наступленіе отъ Ченги и Добрала (занятаго егерями 19-й дивизіи), чтобы овладѣть Чаликавакомъ, гдѣ у турокъ стоитъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ то же время Красовскій произведетъ усиленную рекогносцировку на Марачь, посредствомъ которой (если то окажется возможнымъ) откроется сообщеніе черезъ Эски-Стамбулъ или, по крайней мѣрѣ, черезъ Снядово.

В. В. усмотрите изъ этого, что я старался воспользоваться временемъ ожиданія резервовъ, для того, чтобы очистить Балканы; спокойствіе тамъ полное; всѣ болгарскія деревни и бо̀льшая часть турецкихъ снова населились; послѣднія выдали свое оружіе и представили аманатовъ.

Со стороны Факи, казаки наши доходили до Ковчака и Буюкъ-Дербенда. Абдурахманъ-паша, съ 4—5 т. чел., отступилъ на Кирклиссу. Обыватели турецкихъ деревень начинаютъ приходить даже изъ незанятыхъ еще областей, чтобы просить у насъ охраны.

Одинъ болгаринъ, котораго я посылалъ въ самый Адріанополь, принесъ оттуда самыя удовлетворительныя извѣстія, которыя безусловно подтверждаются письмомъ, полученнымъ Ахіольскимъ епископомъ изъ этой второй столицы Оттоманской имперіи. Тамъ находится всего нѣсколько тысячъ бѣглецовъ, подъ начальствомъ двухъ пашей; самый дурной духъ и общее уныніе господствуютъ повсюду. Обыватели всѣ заявили, что они не станутъ драться противъ русскихъ. Войска, равно какъ и жители, выѣхавшіе отсюда, расположены внѣ города и находятся въ величайшей нищетѣ. Изъ Константинополя нѣтъ ни приказаній, ни извѣстій. Надъ укрѣпленіями не работаютъ, и есть

лишь плохая цитадель и старый сераль, которыя вооружены всего 12—15-ю полевыми орудіями.

Адмиралъ Грейгъ только что занялъ Василико отрядомъ изъ Сизепольскаго гарнизона и послалъ баталіонъ Курскаго полка, для занятія Агатополиса. Кромѣ того, я далъ ему вторую бригаду 12-й дивизіи, для овладѣнія Иніадою и Самаковскими заводами, въ то время какъ мои казаки приблизятся со стороны Кирклиссы.

Прибытіе головныхъ колоннъ маршевыхъ баталіоновъ резерва замедлилось на 8 дней противъ маршрута, первоначально доставленнаго мнѣ гр. Виттомъ. Это весьма чувствительная остановка для моего движенія, которое я думалъ начать, какъ только прибудутъ баталіоны 7-го корпуса. Я еще хорошенько не знаю причинъ этого замедленія. Извѣстія же, получаемыя мною о состояніи здоровья сихъ войскъ и, вообще, о порядкѣ ихъ движенія, весьма удовлетворительны.

Вообще, санитарное положеніе самой арміи не представляетъ ничего устрашающаго; огромнымъ количествомъ больныхъ мы, почти всецѣло, обязаны зимѣ и веснѣ; смертность же происходила преимущественно отъ заразительной болѣзни. Однако, сильныя жары повліяли на нее и она повсюду ослабѣваетъ. Мы принимали и будемъ принимать всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать ея возврату въ менѣе благопріятное время года; но одинъ лишь Господь Богъ можетъ насъ отъ нея обезпечить, потому что условія слишкомъ сложны.

Въ настоящее время я занятъ вооруженіемъ нѣсколькихъ сотенъ болгаръ, и надѣюсь, что вооруженіе это можетъ усилиться; мнѣ хочется испытать, нельзя ли будетъ употребить часть ихъ вмѣстѣ съ нашими, наиболѣе ослабѣвшими, полками, подобно тому какъ въ 1812 г. мы употребляли петербургское ополченіе. Это я имѣю въ виду лишь на случай третьей кампаніи, отъ которой, надѣюсь, милость Божія насъ избавитъ;—хотя до сихъ поръ никакихъ миролюбивыхъ признаковъ со стороны Константинополя не видно.

Въ послѣдніе дни я былъ сильно напуганъ серьёзною болѣзнію нашего храбраго Толля; всѣ симптомы тѣ же, что въ моей прошлогодней болѣзни; но, благодаря Бога, опасность отвращена стараніями и искусствомъ Шлегеля, и онъ надѣется, что параксизмовъ болѣе не будетъ.

Осмѣливаясь просить В. И. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея В. И—цы, имѣю счастіе пребыть...

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Елагинъ, (6) 18 августа [1]).

Курьеръ вашъ, любезный другъ, отъ 24 іюля, прибылъ ко мнѣ вчера вечеромъ. Хотя письмо мое, написанное третьяго дня вечеромъ, было предварительнымъ отвѣтомъ на всѣ ваши запросы и желанія, я полагаю полезнымъ еще болѣе облегчить васъ въ сообщеніи вашихъ приказаній Гейдену, (потому что, какъ скоро вы будете имѣть возможность сообщаться съ нимъ непосредственно, то, конечно, онъ поступаетъ подъ ваше начальство и вы должны предписывать ему что̀ слѣдуетъ дѣлать). На сей конецъ Нессельроде посылаетъ вамъ дупликатъ отданныхъ ему приказаній, которыя отправлены третьяго дня съ курьеромъ, ѣдущимъ черезъ Италію.—И такъ, вы возьмете у Грейга какого нибудь сметливаго офицера, съ условленнымъ сигналомъ, и пошлете его, какъ можно скорѣе.—Замѣчательно, и весьма пріятно для насъ обоихъ, что наши съ вами мысли такъ хорошо сходятся: экспедиція Грейга къ Иніадѣ—новый тому примѣръ; я не сомнѣваюсь, что она будетъ удачна и, можетъ быть даже, что̀ это заставитъ выйдти турецкій флотъ (если только не случится того, о чемъ Красовскій вамъ сообщаетъ, и что̀ довольно сходно съ извѣстіями, полученными нами изъ Константинополя).

Дѣло Шереметьева приноситъ ему честь. — Ваша прокламація къ населенію и послѣдствія оной—превосходны.—Не постигаю и не имѣю никакого понятія, почему резервы опоздали!—впрочемъ, при настоящемъ ходѣ дѣлъ, одна недѣля еще не составляетъ несчастія. Сегодня мы служили молебенъ въ новой церкви Преображенскаго полка и вашъ новый титулъ впервые былъ провозглашенъ въ храмѣ Божіемъ. Да послужитъ это вамъ на счастіе! Послѣ молебна, кавалергардскій и конно-гвардейскій полки принесли туда трофеи обѣихъ кампаній, въ числѣ 562-хъ. То было прекрасное и величественное зрѣлище.

Уповаю, что Господь Богъ даруетъ быстрое и счастливое выздоровленіе достойному помощнику вашему, храброму Толлю. Кланяйтесь ему, а равно и Палену. Прощайте, любезный другъ. Вашъ навсегда Н.

Жена моя вамъ кланяется.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 25 іюля. (Перев. съ франц.).

Yélagin, le 6 (18) Août.

C'est hier soir, mon cher ami, que votre courrier du 25 Juillet m'est arrivé; quoique ma lettre d'avant hier soir aye été une réponse par avance de toutes vos demandes et vos désirs, je crois utile de vous donner une facilité de plus de communiquer, peut être plustôt que par toute autre vois, vos ordres à Heyden (car dès que vous serez à portée de pouvoir correspondre directement avec lui, il est entendu qu'il est à vos ordres et que vous devez lui préscrire ce qu'il a à faire); pour cet effet, Nesselrode vous envoy un duplicata pour lui des ordres partis avant hier par un courrier qui passe par l'Italie.—Vous prendrez donc un officier intelligent de chez Greig, avec le signal convenu, et l'enverrez le plustôt que vous pourrez. Il est particulier et bien satisfaisant pour nous — de part et d'autre—de ce que nos idées avec vous se rencontrent si juste: l'éxpédition de Greig sur Iniada en est un nouvel exemple; je ne doute pas qu'elle ne réussisse; et peut-être même, ça fera-t-il sortir la flotte Turque,—à moins que ce que Krassofsky vous mande ne soit realisé—ce qui correspond assez à nos nouvelles de Constantinople.—L'affaire de Scheremetef lui fait honneur. Votre proclamation aux habitans, et ses suites sont parfaites. Je ne comprends, ni aye aucune idée du retard des réserves!—au reste, de la manière dont vont les affaires, huit jours ne sont pas désastreux. Aujourd'hui nous avons chanté le Tedeum à la nouvelle église de Préobrajensky et votre nouveau surnom a été proclamé pour la première fois dans le temple de Dieu. Que cela vous porte bonheur! Après la messe et le Tedeum, les régimens de Chevaillegarde et de la Garde à cheval y ont portés le trophées des deux campagnes, au nombre de 562 pièces; c'était un beau et imposant spectacle.

Je me flatte que le bon Dieu accordera un prompt et heureux rétablissement à votre digne aide, le brave Toll; dites lui mille choses, ainsi qu'à Pahlen. Adieu, cher ami; à vous pour la vie, votre affectionné N.

Ma femme vous dit mille choses.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Селимно, 1-го августа.

(Перев. съ франц.). Имѣю счастіе донести В. И. В. о взятіи города Селимно и о совершенномъ пораженіи войскъ Халиля-паши, носившаго званіе сераскира въ отсутствіе великаго визиря и имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ трехъ-бунчужныхъ пашей: Ибрагима, Сулеймана и Кеветъ-Мехмета, 13 пѣшихъ полковъ и 2 конныхъ (правда, очень ослабленныхъ предшествовавшими потерями), и 5—6 т. иррегулярныхъ албанскихъ войскъ, отчасти притянутыхъ изъ окрестностей Филиппополя. Непосредственные плоды этого счастливаго дѣла, стоившаго побѣдоноснымъ войскамъ В. И. В. менѣе

100 человѣкъ, суть: 6 знаменъ (которыя имѣю честь представить Вамъ, Государь), 9 полевыхъ орудій, нѣсколько сотъ плѣнныхъ и довольно значительные склады продовольствія.

Халилъ-паша, приведя изъ Шумлы 5 регулярныхъ полковъ (изъ коихъ два конные) и 5 орудій, и будучи затѣмъ подкрѣпленъ, оттуда же, двумя полками регулярной пѣхоты съ 4 пушками, занялъ позицію у г. Селимно или Сливно и сталъ тамъ окапываться. Получивъ о семъ извѣстіе, я счелъ за долгъ воспользоваться вынужденнымъ отдыхомъ, происшедшимъ вслѣдствіе замедленія на 7 дней въ прибытіи головныхъ колоннъ резерва, дабы выбить непріятеля изъ помянутой позиціи и отбросить его въ горы. Я двинулся туда со всѣми свободными войсками 6-го и 7-го корпусовъ, тотчасъ же по окончаніи экспедиціи, которая, по взятіи Чаликавака ген. Набелемъ и по разрушеніи турецкихъ редутовъ и постовъ на дорогѣ изъ Шумлы въ Карнабадъ, вполнѣ обезпечивала мои сообщенія; а такъ какъ я получилъ извѣстіе, что сынъ вел. визиря, трехъ-бунчужный паша Гуссейнъ двинулся изъ Шумлы тоже въ Селимно, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ албанцевъ, то подкрѣпилъ себя еще 5-ою дивизіею и тремя гусарскими полками, подъ начальствомъ гр. Палена. Генер. Будбергъ, съ частью 2-го корпуса, остался между Факи и Карабунаромъ, для наблюденія за дорогами въ Адріанополь и Кирклиссу, гдѣ находятся остатки войскъ сераскира Абдурахмана и нѣсколько тысячъ новобранцевъ. Ген. Красовскій, которому я приказалъ поддержать экспедицію Набеля на Чаликавакъ, посредствомъ усиленной рекогносцировки на Эски-Стамбулъ, энергически отразилъ вылазку, предпринятую противъ него вел. визиремъ, во главѣ 5—6 т., и, положивъ у непріятеля 500 человѣкъ, принудилъ его вернуться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрядилъ кн. Горчакова съ 5 баталіонами къ Джумаѣ; нѣсколько плѣнныхъ, которые тамъ захвачены, показывали, что изъ Шумлы вышли войска (это тѣ 2 полка, 4 пушки и албанцы Гуссейна-паши, о которыхъ я упомянулъ выше) и что вел. визирь, по повелѣнію Сулеймана, долженъ былъ немедленно послѣдовать за ними, но, повидимому, остановленъ былъ лишь движеніемъ Горчакова.

Тотъ же курьеръ привезъ мнѣ письмо вел. визиря, отъ 25-го числа, посланное въ Енибазаръ. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что „такъ какъ англійскій и французскій посланники прибыли въ Константинополь и дѣло по вопросу о Греціи (или о Мореѣ, какъ онъ выражается) почти уже окончено, и что такъ какъ, поэтому, самый затруднительный пунктъ условій, предъявленныхъ В. И. В-омъ, оказывается улаженнымъ, то онъ надѣется на несомнѣнность мира и потому

долгомъ считаетъ предложить мнѣ перемиріе, прося вмѣстѣ съ тѣмъ указать мѣсто, куда я желаю, что бы прибыли коммисары, назначаемые для переговоровъ". Я отвѣтилъ ему (какъ В. В. подробнѣе усмотрите изъ моей депеши къ графу Нессельроде), что весьма радъ узнать, что Порта, повидимому, возвращается къ чувствамъ, болѣе соотвѣтствующимъ собственнымъ ея интересамъ; что такъ какъ я, до 29-го іюля, не получалъ отвѣта на заявленія, которыя поспѣшилъ сдѣлать послѣ побѣды при Кулевчѣ, то мнѣ весьма дозволительно не считать себя отвѣтственнымъ за ту кровь, которая была пролита и, можетъ быть, еще прольется; — что непредвидѣннымъ и непонятнымъ молчаніемъ съ турецкой стороны я былъ вынужденъ перейти за Балканы, гдѣ, по милости Божіей, владѣю теперь всѣми приморскими крѣпостями, выдвинувъ аванпосты къ Адріанополю; — что при подобныхъ обстоятельствахъ, долгъ мой не дозволяетъ мнѣ останавливаться вслѣдствіе предложенія перемирія, если не представятъ мнѣ гарантій, соотвѣтствующихъ нашему взаимному положенію; — но что, во всякомъ случаѣ, это никакъ не можетъ помѣшать начатію переговоровъ, и что я предлагаю ему, для сего, Бургасъ, или Ахіоло, или любой изъ городовъ Румилійскихъ, занятыхъ нашими войсками.

Отвѣтъ этотъ я послалъ въ Сливно 30-го числа, вечеромъ, прося переслать его вел. визирю, а раннимъ утромъ 31-го числа я двинулся къ названному городу. Самымъ движеніемъ этимъ отрѣзавъ противнику дорогу на Казанъ, я послалъ ген. Ридигера, со всею кавалеріею и 28 орудіями конной артилеріи, на дорогу въ Ямболь и Енизагру, такъ что бы отрѣзать непріятелю всѣ пути, кромѣ лишь ведущаго на Казанлыкъ, который идетъ отъ самаго города по долинѣ, окруженной неприступными утесами, такъ какъ здѣсь Балканы имѣютъ очертанія гораздо болѣе рѣзкія, нежели въ окрестностяхъ Айдоса. — Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ со стороны генер. Ридигера опрокинули непріятельскую конницу, которая поспѣшно отступила за свою окопавшуюся пѣхоту. Тогда конная артилерія обратила весь свой огонь противъ укрѣпленій. Въ то же время я двинулъ на городъ пѣхоту. 18-я дивизія и егеря 13-й (которая, наканунѣ, только что сдѣлала переходъ въ 50 верстъ, двукратно въ теченіи трехъ дней перейдя главный хребетъ Балкановъ, по случаю экспедиціи въ Чаликавакъ), устремились впередъ бѣглымъ шагомъ, не смотря на дневной зной. Огонь конной артилеріи, весьма хорошо направленный, уже привелъ въ безпорядокъ ряды противника; первые же выстрѣлы пѣшихъ батарей и приближеніе нашихъ войскъ къ городу обратили это разстройство въ настоящее бѣгство. Первые подали тому примѣръ

сами наши, и все бѣжало горною дорогою, ведущею на Казанлыкъ и Ставоркъ. При первомъ признакѣ разстройства, храбрые Харьковскіе уланы атаковали непріятельскіе окопы и захватили тамъ двѣ пушки, которые оставлены были въ городѣ, а пятая взята 36-мъ егерскимъ полкомъ. Зная, что у непріятеля должна была еще быть артиллерія, которую онъ, при нѣкоторомъ усиліи, могъ бы увезти, хотя бы и по горнымъ дорогамъ, я приказалъ, что бы ген. Ротъ велѣлъ пѣхотѣ сбросить ранцы и что бы, вмѣстѣ съ нею, двинуты были для преслѣдованія казаки Жирова и 2-я бригада 4-й уланской дивизіи. Это преслѣдованіе доставило намъ еще 4 пушки. Повидимому,—то были послѣднія, потому что орудійныхъ слѣдовъ болѣе не оказалось, а войска наши уже перешли черезъ гребень горъ.

Селимно (по болгарски: Сливно),—городъ весьма значительный; въ немъ болѣе 3 т. домовъ, изъ коихъ 1600 болгарскихъ; онъ красивъ и даже довольно опрятенъ. Жители—болгары встрѣтили насъ, какъ братьевъ. Пока турки не обратились въ бѣгство, они сидѣли по домамъ, запершись; но затѣмъ всѣ мужчины, женщины и дѣти вышли и встрѣтили нашихъ молодцевъ съ хлѣбомъ и солью. Значительная часть турецкаго населенія тоже осталась въ городѣ и повидимому успокоилась на счетъ нашего поведенія. Благодаря отличному духу нашихъ войскъ, не произошло ни малѣйшихъ безпорядковъ, хотя городъ взятъ былъ штыками. Одни только болгаре начали было мстить туркамъ за ихъ притѣсненія; но Фонтонъ, (который отмѣнно хорошъ вездѣ, а особенно въ подобныхъ случаяхъ), съумѣлъ тотчасъ же образумить ихъ.

Здѣсь проживаетъ довольно много болгарскихъ оружейниковъ; я, изъ подъ руки, попытаюсь убѣдить ихъ переселиться; хотя не надѣюсь успѣть въ этомъ, потому что они, вопреки турецкимъ притѣсненіямъ, кажется, весьма привязаны къ своей землѣ; да и надо признаться, что окрестная страна въ высшей степени прекрасна. Мы нашли здѣсь нѣсколько провіантскихъ магазиновъ и воспользуемся ими, хотя и не имѣемъ въ томъ надобности, потому что эта часть идетъ отлично.

По предложенію старшаго священника арміи—человѣка весьма достойнаго—я приказалъ совершить сегодня богослуженіе съ водосвятіемъ. Присутствовало болѣе 4 т. болгаръ, и старики вспоминали, что, по разсказамъ ихъ предковъ, церемонія эта совершалась здѣсь болѣе 400 лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ ея болѣе не бывало.

Толль, къ счастію, оправился отъ своей болѣзни, но еще очень

слабъ. Это не воспрепятствовало ему, вчерашній день, выказать обычныя свои усердіе и дѣятельность.

Здоровье Безроднаго, Обручева и Чевкина было весьма плохо, но теперь имъ лучше, равно какъ гр. Палену, Ридигеру и Горчакову (18-й дивизіи), которые, не смотря на сильную лихорадку, постоянно находились во главѣ своихъ войскъ.—Движеніе и дѣятельность оказываются полезными для всѣхъ, и состояніе здоровья младшихъ чиновъ арміи довольно удовлетворительно. Въ дѣйствующихъ войскахъ, благодаря Бога, нѣтъ никакихъ слѣдовъ заразы, и резервы тоже, кажется, не тронуты ею, по милости Господней. Всѣ извѣстія, которыя о нихъ получаю, весьма удовлетворительны. Резервы 7-го корпуса уже прибыли въ Айдосъ, 28 и 29-го іюля.

Завтра думаю двинуться въ Ямболь, гдѣ сдѣлаю остановку, что бы забрать партію сухарей, которую турки соблаговолили тамъ оставить намъ. Черезъ 2 перехода я буду въ Буюкъ-Дербендѣ, гдѣ соединю всѣ свои силы и резервы, передъ тѣмъ, что бы начать мое движеніе къ Адріанополю.

Графы Толль и Паленъ повергаются къ стопамъ В. И. В-ва.

P. S. Знамена и ключи я посылаю съ моимъ адъютантомъ Андро (Andrault), черезъ Одессу, во избѣжаніе карантина.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Елагинъ островъ, 12 го августа [1]).

Вчера утромъ я получилъ письмо ваше, любезный другъ, отъ 1-го числа, и благословляю Бога за новые успѣхи, которые Онъ вамъ даровалъ. Честь вамъ и слава за прекрасное дѣло, которое вы имѣли и которое было отлично соображено вами. Предварительныя ваши движенія, равно какъ и сосредоточеніе силъ—все это превосходно. Примите мою полную благодарность.—Очень радъ, что резервы начали подходить къ вамъ; тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ не могъ понять, почему они запоздали. Теперь, значитъ, вы достаточно усилены и можете повести дѣла энергично,—не переставая, вмѣстѣ съ тѣмъ, вести ихъ осмотрительно.

Мнѣ очень пріятно, что 12-я дивизія прибыла такъ кстати; теперь вы имѣете возможность снабдить гарнизонами тѣ пункты, ко-

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 1-го августа. (Перев. съ франц.).

торые вы завоевали и еще завоюете; надѣюсь, что и 9-й бригадѣ можно будетъ вскорѣ подоспѣть къ вамъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о результатахъ вашего движенія на Адріанополь. Хотя турки, послѣ того какъ вы справлялись съ ними во всѣхъ дѣлахъ, должны бы были потерять охоту снова тягаться съ вами, —я все таки полагаю, что они постараются еще собрать армію на сѣверѣ, дабы угрожать вашему флангу и тылу. И такъ, если вы пойдете далѣе Адріанополя, то благоразуміе требовало бы наблюдать, какъ можно тщательнѣе, что бы ничего подобнаго не появилось внезапно; потому что, если васъ предупредить во-время, то вы всегда будете имѣть возможность разбить ихъ. Повторяю опять, что въ такомъ случаѣ мнѣ казалось бы полезнымъ, что бы Гейсмаръ перешелъ въ наступленіе.—Плохой фарсъ, выкинутый визиремъ, жалости подобенъ, и вы удивительно хорошо отвѣтили ему. Впрочемъ, можетъ быть, что они пришлютъ уполномоченныхъ; а Орловъ, вѣроятно, уже привезъ вамъ послѣднія инструкція. Сомнѣваюсь однако, что бы султанъ уступилъ,—развѣ только, если въ Константинополѣ вспыхнетъ революція.—Третьяго дня Хозревъ-Мирза имѣлъ извинительную аудіенцію (audience de pardon); это имѣло очень положительный характеръ и было весьма красиво и величественно.—Въ Парижѣ, дѣлами управляетъ г. Полиньякъ: это истинное несчастіе; а безъ васъ, любезный другъ,—безъ всего, что́ вы сдѣлали и что́, при помощи Божіей, еще сдѣлаете,—это было бы несчастіемъ непоправимымъ. Хотя меня увѣряютъ, что это не должно произвести никакихъ перемѣнъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Франціи, я не могу сему повѣрить и не повѣрю, пока не испытаю въ дѣйствительности. А пока, я приказалъ произвести наборъ, по 3 человѣка съ 500, что бы доказать нашимъ друзьямъ и недругамъ, что я окончу то, что́ счелъ своимъ долгомъ начать. Богъ довершитъ остальное.

Рекомендую вамъ подателя сего письма (?): онъ прекрасный малый и отличный офицеръ. Онъ выкинулъ большую глупость, которую теперь можетъ искупить, находясь у васъ,—что́, надѣюсь, и сдѣлаетъ; удержите его при себѣ и дайте ему случай для этого.—Жена моя вамъ кланяется.—Очень радъ узнать, что Толлю лучше; кланяйтесь ему и Палену. Надѣюсь, что и прочіе здоровы. Прощайте, любезный другъ. Вашъ навсегда Н.

Yélagin Ostrof, le 12 Août.

J'ai reçu hier matin, mon cher ami, votre bonne lettre du 1-r et bénis Dieu des nouveaux succés, qu' Il vous a accordé; honneur vous soit rendu pour la belle affaire que vous venez d'avoir et que vous avez parfaitement combiné; tous les mouvemens qui l'ont précedés et la manière dont vous avez réuni vos forces disponibles, est parfait; recevez en tous mes remerciemens. Je suis heureux de voir que les réserves ont commençé à vous joindre, et d'autant plus que personne de nous n'a rien pu comprendre à leur retard. Vous voilà considérablement renforcé et en état de pousser vigoureusement, tout en le faisant prudement.

L'arrivée si opportune de la 12-me divis. me fait grand plaisir; vous voila en mesure de fournir des garnisons à vos conquêtes passées et futures; et j'éspère que la 3-me brigade pourra aussi vous arriver bientôt. J'attends avec impatience des nouvelles du résultat de votre marche sur Andrinople. Quoique de la façon dont vous traitez les Turcs dans toutes les affaires, ils doivent perdre l'envie de se mesurer de nouveau, je suppose toujours qu'ils essayeront encore de réunir une armée dans le Nord, pour vous menacer dans le flanc et à dos. Si vous poussez audelà d'Andrinople, il serait donc prudent de veiller le plus possible à ce que rien de pareil ne vienne vous surprendre; car si vous en êtes prévenu à temps, vous pourrez toujours les battre. Je répéte que dans ce cas il serait bon, je crois, que Geismar puisse prendre l'offensive. La mauvaise farce du wizir est pitoyable, et vous avez admirablement répondu. Peut être, cependant, enverront ils des plénipotentiaires, et Orloff vous aura déja porté vos dernières instructions. Je doute cependant—à moins d'une révolution à Constantinople,—que le Sultan céde.—Avant-hier Hozrev-Mirza a eu l'audience de pardon; c'était très réel et fort beau et imposant. M. Polignac est à Paris à la tête des affaires; c'est un malheur réel, et sans vous, mon cher ami, et tout ce que vous avez fait et, avec l'aide de Dieu, ferez encore—un malheur irréparable. Quoique l'on m'assure que ça ne doit apporter aucun changement à nos rélations avec la France, je ne puis le croire et ne le croirai que quand l'expérience me l'apprendra. En attendant j'ai fait faire un recrutement de 3 sur 500, pour prouver à nos amis et ennemis que je finirai ce que j'ai cru devoir commencer. Dieu fera le reste.

Je vous recomande le porteur de cette lettre, excellent officier et garçon; il a fait une sottise très forte,—il peut l'éxpier près de vous, er le fera, j'éspère; gardez le près de vous et donnez lui en l'occasion. Ma femme vous dit mille choses. Je suis charmé de savoir Toll mieux; dites lui et à Pahlen mille choses; j'éspére que les autres vont bien aussi. Adieu, cher ami; à vous pour la vie N.

Отъ Ред. Слѣдующая за симъ переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ относится къ эпохѣ Адріанопольскаго мира и помѣщена была г. Н. К. Шильдеромъ въ журналѣ „Древняя и новая Россія" (декабрь 1879 и мартъ 1880 г.). Нѣкоторыя письма однако не вошли въ сборникъ г. Шильдера. Представляемъ ихъ здѣсь вниманію читателя.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Адріанополь, 24 августа.

Дозвольте принести В. И. В-ву и Ея В-ву Императрицѣ мои, столь же искреннія, сколько вѣрноподданническія поздравленія по случаю празднованія счастливаго дня 22-го августа. Всевышній да услышитъ молитвы столькихъ тысячъ людей, возсылаемыя днесь къ престолу Его, съ бо̀льшимъ, противъ обыкновеннаго, усердіемъ!

Въ радостный день сей, богослуженіе совершалось у насъ при 7-мъ корпусѣ, посреди громаднаго двора адріанопольской казармы.

Такъ какъ офиціальныя бумаги, касающіяся переговоровъ, не могли быть окончены ранѣе сегодняшняго дня, то я долженъ былъ отложить и посылку фельдъегеря. Общій очеркъ хода этого дѣла В. В. усмотрите изъ прилагаемой краткой записки, подробности же—изъ моихъ депешъ къ графу Нессельроде. Предлогъ совершеннаго безденежья, со стороны турокъ, повидимому искрененъ: бѣдность ихъ очевидна и обнаруживается повсюду. Кажется, что и разсказы о скрытыхъ, будто бы, сокровищахъ вымышлены, или же—султаны съумѣли покрыть ихъ непроницаемою тайною. Предложеніе турецкихъ уполномоченныхъ, о замѣнѣ денежнаго вознагражденія территоріальными уступками, касается, повидимому, скорѣе Дунайскихъ княжествъ, нежели азіатскихъ провинцій. Послѣднія они считаютъ своимъ настоящимъ наслѣдіемъ, а на власть свою въ Европѣ смотрятъ, разумѣется, какъ на вещь довольно непрочную. Осмѣливаюсь признаться В. И. В-ву, что не могу раздѣлять мнѣнія гр. Паскевича относительно пользы увеличенія имперіи со стороны турецкой Арменіи. Мысль о созданіи себѣ союзниковъ изъ многочисленныхъ азіатскихъ племенъ—блестяща; но, если подобныя войска могутъ быть полезными при войнахъ счастливыхъ и при гораздо меньшей численности, то исторія доказываетъ намъ, что они могутъ сдѣлаться весьма вредными, если числомъ своимъ превышаютъ число войскъ національныхъ, особенно же—при несчастливой войнѣ.—Одни лишь завоеватели, опирающіеся на успѣхи мимолетные, вынуждены ловко пользоваться всевозможными ресурсами; законные же государи, помышляющіе болѣе о прочномъ благѣ своихъ подданныхъ, нежели о мимолетномъ блескѣ, должны сообщать какъ можно болѣе основательности всему, создаваемому ими.

Основываясь на примѣрѣ римлянъ и англичанъ, я убѣжденъ, что завоеванія въ Азіи невольно увлекаютъ отъ одной области къ другой. Расширеніе нашихъ границъ, идущее далѣе того, что крайне необходимо для ихъ обезпеченія, конечно повело бы и насъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ и, по малой мѣрѣ, принудило бы содержать въ нездоровомъ климатѣ армію, болѣе сильную, нежели та, которая уже находится тамъ.

Напротивъ того, пріобрѣтеніе обѣихъ Дунайскихъ княжествъ, особенно же Молдавіи, до Серета, казалось бы мнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе, если бы турки, а, главное—если бы самъ султанъ добровольно предложилъ такую замѣну. Но, въ виду имѣющихся у меня инструкцій и, особенно, въ виду различныхъ заявленій В. И. В-ва, я, не смотря на таковыя убѣжденія, не считаю себя въ правѣ заводить объ этомъ рѣчь. Напротивъ того, я соглашусь на уступку азіатскихъ провинцій, если онѣ будутъ предложены въ видѣ замѣны; но, по мѣрѣ возможности, буду стараться о полученіи денегъ, уплачиваемыхъ въ опредѣленные сроки, и о занятіи Силистріи и княжествъ, до полной расплаты; потому что это фактически отдаетъ власть въ наши руки и воспрепятствуетъ султану уклоняться отъ своихъ обѣщаній, особенно—въ отношеніи дарованія амнистіи проживающимъ въ занятыхъ областяхъ многочисленнымъ христіанамъ, которые всѣ болѣе или менѣе скомпрометтированы передъ Оттоманскимъ правительствомъ, вслѣдствіе той радости—столь естественной,—съ которою они насъ принимали.

Здѣшніе наши дипломаты думаютъ, что удастся окончить переговоры въ назначенный уполномоченнымъ 10-ти дневный срокъ, оканчивающійся 1-го сентября. Я тоже питаю надежды, но думаю, что придется еще двинуться къ самому Константинополю. Это я и сдѣлаю, когда истечетъ срокъ; Паленъ уже получилъ приказаніе занять Визу и Сарай, которые оставлены турецкими войсками, а намъ нужны для обладанія дорогою въ Мидію. Между тѣмъ я надѣюсь получить извѣстіе отъ Гейдена, такъ какъ послалъ въ Эносъ генер. Сиверса съ 1000 чел. кавалеріи и 4 пушками. Другіе отряды займутъ Ипсалу и Люле-Бургасъ, а черезъ 2 или 3 дня генер. Ротъ отправится занять послѣдній пунктъ и выдвинетъ казаковъ до Чурлу, но не далѣе,—пока я самъ не пріѣду.

Одинъ австрійскій офицеръ (поручикъ Эйзенбахъ), который былъ здѣсь проѣздомъ изъ Константинополя въ Вѣну и который, кажется, очень интересовался нашими успѣхами, говорилъ намъ, что адмиралъ Грейгъ, должно быть, уже занялъ Риву,—что смущеніе въ

Константинополѣ дошло до крайнихъ предѣловъ и что тамъ даже не видятъ настоящихъ средствъ для обороны,—что завѣдующій сообщеніями по проливу намѣревался открыть его для прохода нашего флота, но что посланное имъ письмо перехватили, а его самаго приказали обезглавить, равно какъ болѣе 500 человѣкъ изъ прежнихъ янычаръ;—что, за всѣмъ тѣмъ, умы нисколько не успокоены;—что всѣ иррегулярныя войска отправляютъ въ Азію, а оставляютъ лишь регулярныя, коихъ насчитываютъ 18 т.—Кромѣ того Порта разсчитываетъ—хотя весьма нетвердо—на 80 т. вооруженныхъ обывателей столицы.

Вчера я получилъ еще два письма отъ Мюфлинга; въ одномъ изъ нихъ онъ передаетъ мнѣ желанія Рейсъ-Эфендія, что бы въ случаѣ подписанія мира я тотчасъ же послалъ одного офицера прямо къ Паскевичу, для прекращенія враждебныхъ дѣйствій, а другаго черезъ Константинополь, для проѣзда черезъ Анатолію, съ тою же цѣлью. Полагаю, что я могу исполнить это желаніе,—чѣмъ можетъ быть предотвращено напрасное пролитіе крови.—Второе письмо извѣщаетъ меня, что султанъ отослалъ къ Грейгу плѣнныхъ, взятыхъ на „Рафаилѣ", и спрашиваетъ также: куда я желаю, что бъ были отосланы 20 офицеровъ и 1000 сухопутныхъ солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ, въ продолженіе обѣихъ кампаній? Я отвѣтилъ, что бы ихъ тоже послали къ Грейгу, который доставитъ ихъ ко мнѣ, въ Иніаду, или въ Бургасъ. Въ то же время я соберу всѣхъ остающихся у меня плѣнныхъ по сю сторону Балкановъ, для того, что бы отправить ихъ въ Родосто; но полагаю, что число ихъ не превыситъ 7—800, потому что остальные, либо отправлены въ Севастополь, или же, частію, оставлены на своей родинѣ, въ занятыхъ областяхъ, гдѣ они мирно обработываютъ свои поля.

18-го числа, Красовскій началъ нѣчто въ родѣ осады Шумлы: построилъ редутъ и повелъ траншеи на укрѣпленіе, лежащее противъ бывшаго редута №12. Если ему (какъ я надѣюсь) удастся черезъ нѣсколько дней овладѣть этимъ укрѣпленіемъ, то Селиктарскій редутъ, оставшись совершенно изолированнымъ, падетъ самъ собою, и мнѣ кажется, что затѣмъ уже не представится большихъ трудностей для веденія осадныхъ работъ противъ выдающейся части городской стѣны, представляющей самый лучшій пунктъ для атаки.

Толль повергаетъ къ стопамъ В. И. В-ва свою благодарность за то, что Вы удостоиваете вспоминать о немъ; онъ продолжаетъ поправляться, однако все еще очень слабъ.

Паленъ, находящійся еще въ Кирклиссѣ, опять въ лихорадкѣ,

равно какъ Левенштернъ и Ридигеръ. Ротъ поправляется. Эти несчастныя лихорадки очень часто появляются и въ войскахъ; но смертность, благодаря Бога, незначительна.

Въ нашей главной квартирѣ, бо̀льшая часть больныхъ всѣхъ чиновъ, съ помощію Божіею, спасается, благодаря—въ особенности—достойному и неутомимому Шлегелю, который самымъ похвальнымъ образомъ посвящаетъ имъ все свое время. Виттъ тоже весьма усерденъ, но здоровье его слабо и онъ самъ долго былъ боленъ. По части чумы онъ надѣлалъ ошибокъ; но онъ никогда и ни въ чемъ не пренебрегалъ своими обязанностями.—Могу увѣрить В. В., что, насколько обстоятельства военныхъ передвиженій то дозволяли, всѣ мѣры строгости были приняты; но я считалъ бы противнымъ моему долгу останавливать столь необходимыя движенія арміи для того, что бы употреблять ее для оцѣпленія подозрительныхъ селеній,—тѣмъ болѣе, что опытъ доказалъ намъ, что единственное средство для спасенія войскъ отъ этой жестокой болѣзни состоитъ въ передвиженіи ихъ. Внезапное появленіе и невѣроятное развитіе болѣзни въ болгарскихъ портахъ не могло дозволить мѣстнымъ властямъ принимать всѣ предписанныя мѣры, потому что множество предметовъ, нужныхъ для карантина, нельзя было добыть въ этой пустынѣ прежде, нежели ихъ привезли моремъ. Хотя распоряженія о ихъ доставкѣ были сдѣланы гораздо ранѣе появленія чумы въ этихъ мѣстахъ, но ихъ—само собою разумѣется—надо было направить въ пункты, уже зараженные; а между тѣмъ, болѣзнь проникла уже и въ другія мѣста.

Нашъ достойный князь Лобановъ также заболѣлъ опасно, въ Бургасѣ, возвращаясь изъ Сизеполя; говорятъ однако, что ему нѣсколько лучше,—хотя горячки въ здѣшнихъ мѣстахъ всегда очень жестоки. Я послалъ къ нему его племянника Нарышкина, который тоже только что оправился отъ лихорадки.

Адріанополь, 3 сентября.

Представивъ Вамъ, съ уѣзжающимъ сегодня фельдъегеремъ, всѣ подробности Адріанопольскаго мира, я заблагоразсудилъ въ то же время отправить Чевкина въ Одессу, такъ какъ Вы можете распросить у него всѣ подробности, какъ о ходѣ переговоровъ, такъ о настоящемъ нашемъ положеніи и будущихъ намѣреніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь поручить отеческимъ милостямъ В. И. В-ва этого достойнаго офицера: онъ нуждается въ нихъ, для возстановленія своего здоровья. Зная сколь милостивы В. В. всегда къ нему были, я смѣю надѣяться, что Вы соблаговолите оказать ему помощь, безъ

коей онъ не будетъ имѣть возможности поправиться въ такой степени, что бы продолжать быть дѣятельнымъ служивымъ, насколько можно ожидать отъ его усердія и способностей.

(На этомъ письмѣ надписано рукою государя, по французски: „Если Чевкинъ не имѣетъ Владиміра 3-й степени, то вы ему дадите; что касается вспомоществованія, то надо узнать, какое ему нужно").

Адріанополь, 3 сентября.

Съ живѣйшими чувствами счастія и благодарности къ милостямъ Всевышняго, столь щедро благословившаго Ваше оружіе въ Европѣ и Азіи, извѣщаю В. И. В. о подписаніи мира, согласно предписаннымъ Вами условіямъ. Подробности сего В. В. усмотрите изъ другаго моего письма и изъ депешъ къ Нессельроде; но я не могъ отказать себѣ въ счастіи сказать Вамъ, Государь, со всею искренностію вѣрнаго сердца, насколько я осчастливленъ надеждою, что, при благословеніи Господнемъ, окончилъ согласно Вашимъ августѣйшимъ желаніямъ то великое дѣло, которое благостію и довѣріемъ В. В-ва мнѣ было поручено,—и что до конца войны, достойнымъ образомъ несъ тотъ мечъ, который рука Ваша удостоила вручить мнѣ и который—вполнѣ для меня неожиданно—получилъ благословеніе отъ епископа г. Яссъ, въ минуты нашего выступленія оттуда. Къ несчастію, во время переговоровъ было еще пролито нѣсколько крови, въ окрестностяхъ Шумлы; въ ночь съ 25 на 26 августа, отраженный нами турецкій отрядъ былъ слишкомъ горячо преслѣдуемъ полковникомъ Желтовскимъ и маіоромъ Римскимъ-Корсаковымъ, которые, вмѣстѣ съ бѣгущими, ворвались въ непріятельскій редутъ и на минуту овладѣли имъ; но такъ какъ это движеніе не было подготовлено, то они сдѣлались жертвами своего увлеченія, равно какъ и человѣкъ сто храбрецовъ, послѣдовавшихъ за ними. Въ отмщеніе за это, вел. визирь, предпринявшій 29 числа большую вылазку къ сторонѣ Буланлыка, былъ энергически отраженъ, съ урономъ въ 400 чел. (дезертиры говорятъ даже, что втрое болѣе); наша потеря состояла всего въ десяткѣ людей, потому что непріятель обращенъ былъ въ бѣгство нашими пушками, а бѣглецовъ поражали картечью и пиками.—Я повсюду разсылаю приказанія о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Теперь осмѣливаюсь повторить Вамъ мою просьбу касательно отпуска Толля. Насколько я буду опечаленъ, лишаясь столь прекраснаго и достойнаго помощника, равно какъ близкаго моему серд-

цу друга, настолько же вижу, что одна только надежда уйдти изъ опротивѣвшаго ему климата поддерживаетъ его пошатнувшееся здоровье, нуждающееся въ быстромъ возстановленіи.

Но, такъ какъ и при полнѣйшей готовности, я одинъ не въ состояніи буду продолжительное время заниматься дѣлами, и такъ какъ, хотя на случай болѣзни моей, надо бы было имѣть человѣка, посвященнаго во всѣ дѣла, дабы онъ, въ подобномъ случаѣ, могъ быть полезнымъ и необходимымъ помощникомъ гр. Палену, старшему по всей арміи генералу,—то я и долженъ просить В. В., что бы Вы благоволили назначить кого либо на мѣсто Толля. Осмѣливаюсь предложить Нейдгардта; онъ былъ бы особенно полезенъ для внутренней реорганизаціи арміи, чему я посвящу, въ продолженіи зимы, всѣ мои старанія.

Послѣ всего, что̀ я видѣлъ и слышалъ по части европейской дипломатіи, льщу себя надеждою, что блистательныя доказательства великодушія политики В. В-ва обезпечатъ за Европою и, въ особенности, за Россіею продолжительный миръ. Ложныя мѣры Англіи и Франціи, посягательства Австріи,—всѣ разрушены, и еще болѣе прямодушіемъ В. В-ва, нежели побѣдоносными Вашими арміями. Простите меня, Государь, если, руководясь этимъ убѣжденіемъ, я осмѣлюсь, съ обычною моею искренностію, выразить передъ Вами мысль, что можно было бы сократить наборъ 1829 г. съ трехъ на одного или, по крайней мѣрѣ, на два человѣка съ пятисотъ. Мнѣ кажется, что мы можемъ безъ всякаго неудобства, еще въ теченіи зимы, уменьшить 4-й и 5-й корпуса и всѣ 3-и баталіоны (не исключая корпусовъ: Грузинскаго, Литовскаго и даже гвардейскаго), доведя ихъ до кадровъ въ 400 чел. на баталіонъ; тоже и въ кавалеріи можно уменьшить число лошадей до 13 рядовъ, сохраняя комплектное число людей на 6 эскадроновъ; 7-е эскадроны, въ этомъ случаѣ, дѣлаются ненужными, потому что, если начнется война, то выступятъ 4 эскадрона, по 20 рядовъ, а 2 эскадрона резервные, оставаясь съ ремонтомъ и закупленнымъ комплектомъ, легко подготовятъ, какъ лошадей для нихъ, такъ и рекрутовъ для новаго эскадрона. Тоже правило должно бы было быть соблюдаемо и въ артилеріи, въ ротахъ которой оставалось бы по 8 орудій и по 3 ящика запряженными, а комплектъ людей—на 12 орудій и на 36 или 24 ящика, смотря по калибру. Вслѣдствіе прошлогодняго опыта, эта система кадровъ кажется мнѣ лучше предшествовавшей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признаюсь Вамъ, что я полагалъ бы болѣе выгоднымъ, въ мирное время, присоединять 3-и баталіоны къ ихъ полкамъ, а посылать на работы въ военныя поселенія полки

и дивизіи въ полномъ составѣ, по примѣру того, какъ 2-я и 10-я пѣхот. дивизіи командированы были въ инженерное вѣдомство.

Есть еще одинъ вопросъ, весьма щекотливый, но слишкомъ важный въ человѣческомъ смыслѣ, для того, что бы я осмѣлился скрыть его отъ В. И. В-ва. Здѣсь, въ Адріанополѣ, находится болѣе 1000 грековъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, проданныхъ въ рабство послѣ рѣзни въ Сціо. Относительно ихъ, я, разумѣется, не могъ входить ни въ какіе переговоры, ни принимать какихъ либо мѣръ; но полагаю, что достойнымъ было бы великодушія В. В-ва, и что никто не могъ бы возвысить голосъ противъ этого, если бы въ городѣ, гдѣ Господь благословилъ насъ миромъ, купили свободу этимъ несчастнымъ. Сумма, потребная для выкупа всей этой массы, въ 1000—1300 чел., не превыситъ 100—150 т. рублей,—можетъ быть дойдетъ до 200 т.— Ихъ можно было бы перевезти въ Балаклаву, или въ Одессу. Я убѣжденъ, что можно было бы здѣсь собрать большую сумму изъ пожертвованій нашихъ молодцевъ, но не думаю, что бы это было пристойно и никогда не осмѣлюсь сдѣлать такого предложенія безъ позволенія, по крайней мѣрѣ секретнаго, отъ В. В-ва. Можно даже все это дѣло повести въ глубочайшей тайнѣ, и никто не будетъ о немъ знать, кромѣ графовъ Толля и Орлова, которымъ я обязанъ этою мыслію.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ИРИНЕЙ НЕСТЕРОВИЧЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ.

1805—1864.

V [1]).

Объясненіе преосвященнаго Иринея.

1831 года декабря 23 дня въ открытомъ при вологодскомъ архіерейскомъ домѣ присутствіи, составленномъ по указу Св. Правит. Синода ноября 6 дня сего года, бывшій Иркутской епархіи архіепископъ Ириней, по объявленіи ему упомянутаго Св. Синода указа, по всѣмъ обстоятельствамъ, въ немъ изложеннымъ, былъ вопрошаемъ и объяснилъ слѣдующее:

1. Объ удаленіи меня отъ управленія Иркутскою епархіею я всегда судилъ въ связи съ моимъ преемникомъ, преосвященнымъ Мелетіемъ. Обстоятельство, что я не былъ распубликованъ печатнымъ указомъ, считалъ я за величайшую милость; но въ то же время имѣлъ долгъ требовать, по силѣ указа отъ 2 мая 1783 г., коимъ письменные государственные указы называются пасквилями, краткаго печатнаго циркулярнаго указа о моемъ преемникѣ, преосвященномъ Мелетіѣ, каковъ мнѣ и присланъ высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ, митрополитомъ С.Петербургскимъ и Новгородскимъ, уже послѣ, отъ 20 октября сего года. Я бы и тогда не усумнился въ истинѣ письменнаго указа, ежели бы хотя въ консисторію былъ присланъ таковый печатный циркулярный указъ, или увидѣлъ оный напечатаннымъ хотя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Да сіе нужно и для сношенія въ потребныхъ случаяхъ, какъ всѣхъ епархіальныхъ, такъ и

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1832 г., т. XXXV, сентябрь, стр. 561—586.

другихъ присутственныхъ мѣстъ и властей. Таковый печатный циркулярный указъ приложенъ былъ къ письменному и на переведеніе мое изъ Пензы въ Иркутскъ, а потому и повода къ сомнѣнію никакого не было. Оный почтеннѣйше представляю сему присутствію.

Относительно печати я тоже имѣлъ случай сомнѣваться, ибо съ почтою, предшествовавшею полученію указовъ объ удаленіи меня отъ управленія Иркутскою епархіею, получены таковые же изъ Св. Синода то на мое имя съ изъясненіемъ словъ: Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій, то на имя консисторіи, подъ одною и тою же печатью, безъ словъ, вдвойнѣ налѣпленною, заставлявшею меня думать о какихъ либо неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ неблагонамѣренныхъ людей. Конвертъ съ таковою печатью я велѣлъ хранить въ консисторіи за замкомъ.

Подпись бывшаго оберъ-секретаря Журихина показалась мнѣ сумнительною по буквѣ заглавной Г. въ словѣ Гаврило. На всѣхъ указахъ, ко мнѣ адресованныхъ, и на прочихъ, кои я сличалъ, она писалась такъ: ɩ. Какъ будто въ опроверженіе сего моего сумнѣнія, кое и объявлялъ присутствующимъ Иркутской консисторіи, присланъ Пензенскою консисторіею Св. Синода указъ о томъ же предметѣ, о коемъ значилось въ прежнихъ указахъ, но уже съ требуемою мною буквою: ɩ, и притомъ послѣ произшествія 20 сентября мнѣ плацъ-маіоромъ Шушковскимъ доставленный. Сей указъ вмѣстѣ съ отношеніемъ Пензенской консисторіи и конвертомъ почтеннѣйше представляю сему присутствію. Кромѣ сего и поддѣльные почерки бываютъ очень вѣрны.

2. Коль скоро представлены были мнѣ членами консисторскими, 3-го сентября ввечеру около 9 часовъ, указы изъ Св. Синода объ удаленіи меня отъ управленія Иркутскою епархіею, то въ то же почти время получено мною отъ г. генералъ-губернатора письмо на молдавскомъ языкѣ изъ С.-Петербурга, въ коемъ служащій переводчикомъ молдавскаго языка при иностранной коллегіи по азіатскому департаменту, бывшій нѣкогда моимъ ученикомъ въ Бессарабіи, Яковъ Гинкуловъ, между прочимъ написалъ: «блаженны изгнанные правды ради, такъ изгоняли и пророковъ». Я показывалъ сіе письмо присутствующимъ, принесшимъ указы, изъявлялъ недовѣрчивость мою къ онымъ, и заключалъ, что письмомъ бывшаго ученика моего, въ одно почти время съ указами принесеннымъ, хотятъ разстроить справедливость моихъ сомнѣній, съ давняго уже времени мною обнаруживаемыхъ.

Изъявлялъ я мое сомнѣніе вскорѣ за симъ предъ тѣми же присутствующими, а особливо предъ каѳедральнымъ протоіереемъ Фортунатомъ Пѣтуховымъ и исправляющимъ должность секретаря консисто-

ріи Любославовымъ. Ихъ отвѣтъ былъ: не мы будомъ виноваты, а тотъ, кто составилъ сіи указы.

Сомнѣніе мое въ подлинности тѣхъ указовъ я письменно изъяснялъ предъ г. комендантомъ, генералъ-маіоромъ Покровскимъ, 9-го сентября, и получилъ отвѣтъ, что военная часть въ сіе дѣло не вмѣшивается.

Указъ отъ 14 марта 1764 г., коимъ повелѣвается письменнымъ указамъ, до всенароднаго свѣдѣнія относящимся, не вѣрить. Примѣняя оный къ преосвященному Мелетію, а не къ себѣ, былъ мною прочитываемъ какъ предъ присутствующими, такъ и предъ исправляющимъ должность секретаря консисторіи, и вслѣдствіе сего одинъ изъ присутствующихъ, протоіерей Василій Конаровскій, не подписывалъ бумагъ, относящихся до моего удаленія.

19 сентября, когда казачій чиновникъ, начальникъ надъ ссыльными иркутскаго рабочаго дома, Кривогорницынъ объявилъ мнѣ поутру того дня, что экипажи мои готовы, я требовалъ настоятельно, дабы онъ тотчасъ отправился къ г. генералъ-губернатору и къ г. коменданту и объявилъ имъ рѣшительно, что указы о высылкѣ меня подложны.

3. 19-го сентября поутру, какъ выше сказано, я рѣшительно объявилъ казачьему чиновнику, начальнику надъ ссыльными Иркутскаго рабочаго дома, Кривогорницыну, чтобы онъ не доставлялъ ко мнѣ экипажей, т. е. моей собственной коляски, по повелѣнію г. генералъ-губернатора починенной, и тарантаса (дроги крытыя, долгуши), и немедленно бы явился къ нему, г. генералъ-губернатору и коменданту, съ объявленіемъ, что я ни моего собственнаго экипажа, ни тарантаса не приму, поелику совершенно удостовѣренъ, что указы о высылкѣ меня подложны. Сей чиновникъ далъ слово, что тотчасъ отправится и исполнитъ мое порученіе. Отвѣта отъ него я не имѣлъ, но экипажи не были доставлены. На другой день, 20 сентября, когда вышелъ я отъ ранней обѣдни изъ Крестовой архіерейскаго Иркутскаго дома церкви въ воскресный день, спустя около четверти часа мнѣ сказано было келейникомъ, что явился отъ г. генералъ-губернатора чиновникъ. Я надѣлъ рясу съ орденскимъ знакомъ, т. е. звѣздою, панагію и клобукъ, и встрѣтилъ его въ пріемной залѣ учтиво. Онъ объявилъ, что присланъ отъ г. генералъ-губернатора и что по именному указу долженъ я слѣдовать съ нимъ въ Вологодскій монастырь. Я доказывалъ, что именной указъ, яко непечатный, есть подложный, поставляя ему, Голубеву, на видъ преемника моего, преосвященнаго Мелетія, а не себя. Голубевъ горячился, повторяя непрерывно: «Вы должны ѣхать!» Я указалъ на его шпагу и мундиръ и говорилъ, что онъ лишится ихъ, ежели отважится подложный указъ

привести въ дѣйствіе. Голубевъ никакимъ моимъ убѣжденіямъ не внималъ, но приходилъ въ ярость, повторяя одно и тоже: „Вы должны ѣхать!"

Сдавъ уже почти весь домъ іеромонахамъ: эконому Варлааму и казначею Владиміру, а именно, составивъ описи имуществу онаго, передавши имъ мою библіотеку, съ намѣреніемъ учинить ее собственностію Иркутскаго архіерейскаго дома, удовлетворивъ всѣхъ жалованьемъ, а монаховъ наградивъ и пособіемъ изъ неокладной суммы, ввѣривъ для окончанія построекъ значительное количество денегъ онымъ эконому іеромонаху Варлааму и казначею Владиміру, я занимался съ ними разборомъ документовъ и окончательными денежными расчетами, дабы вскорѣ безъ дальнѣйшаго затрудненія все имущество дома, всѣ документы и всѣ суммы передать консисторіи по надлежащему. Сіе тѣмъ болѣе нужно было, что, вступивъ въ управленіе Иркутскою епархіею, ничего подобнаго не нашелъ я, и что убѣжденъ былъ въ ожидавшей меня на пути насильственной кончинѣ.

Хотя я совершенно былъ увѣренъ въ подлогѣ указовъ, видя однако-же настояніе генералъ-губернаторскаго чиновника, я рѣшился, предвидя даже неминуемую смерть, ѣхать съ нимъ. Но при семъ все же не терялъ надежды, думая, что истина вскорѣ раскроется и я спасенъ буду, и кромѣ того полагая, что въ сіе наипаче время, когда и въ самыхъ столицахъ С.Петербургѣ и Москвѣ происходятъ и распространяются смуты, жизнь моя нужна не для меня одного, но для всей ввѣренной мнѣ епархіи и для самаго моего отечества Россіи, какъ сіе ниже объяснено будетъ мною.

По указу, послѣдовавшему въ консисторію, я долженствовалъ сдать все, даже ризничныя вещи, не взирая, что слово ризничныя превращали въ различныя. А посему я объявилъ чиновнику Голубеву, что мнѣ осталось еще сдать соборъ.

«Вы его не принимали, вы его не обязаны сдавать!» отвѣтствовалъ онъ съ нахальствомъ, свойственнымъ осужденнымъ и безотвѣтнымъ колодникамъ, а не человѣку духовнаго званія, посвятившему всего себя съ самыхъ первыхъ лѣтъ юности на служеніе церкви и отечеству и непрерывно пользовавшемуся во всю свою жизнь отличными похвалами своего начальства и высокими наградами своихъ монарховъ, да и теперь еще при сдачѣ святыни дома Господня стремящемуся оправдать свою заботливость о благѣ общемъ не словами, но самимъ дѣломъ.

Сіе рѣшительно и окончательно утвердило меня въ мысли, что чиновникъ Голубевъ есть мой будущій неумолимый убійца, ибо онъ

не только къ людямъ, но и къ мѣсту славы Царя Царей не имѣетъ уваженія.

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, дабы послѣдующее было очевиднѣе.

Вступивъ въ предѣлы Восточной Сибири, на границу ввѣренной мнѣ епархіи, и посѣщая всѣ церкви по пути до самаго Иркутска, примѣтилъ я, что новые святые антиминсы въ нѣкоторыхъ церквахъ, судя по матеріи, на которой напечатаны, и по самой формѣ, не имѣютъ сходства съ получаемыми изъ московской Святѣйшаго Синода конторы. Прибывъ въ Иркутскъ, я замѣтилъ то-же. Спрашивалъ ключаря о причинѣ, но отвѣты были сумнительные. Когда уже всѣ антиминсы разошлись, то одинъ изъ Иркутскаго рабочаго дома ссыльный привесъ ко мнѣ мѣдную доску, имъ выгравированную для печатанія антиминсовъ. Ссыльнаго сего я тотчасъ узналъ. Онъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій сосланъ изъ Одессы въ Сибирь. Знакомъ мнѣ потому, что Бессарабской области въ городѣ Кишиневѣ, гдѣ я былъ ректоромъ семинаріи, онъ золотилъ иконостасы и гравировалъ на мѣди. Имя и прозваніе его Григорій Золотарь. Его знаетъ и іеродіаконъ Паисій, прибывшій вмѣстѣ со мною изъ Бессарабской области въ С.Петербургъ, а затѣмъ перемѣстившійся со мною же изъ Пензы въ Иркутскъ и нынѣ тамъ остающійся.

Примѣтилъ я также, что въ Иркутскѣ печатаются грамоты ставленическія, тогда какъ въ консисторіи я нашелъ ихъ много готовыхъ, напечатанныхъ при Московской Св. Синода конторѣ и принесенныхъ мнѣ изъ консисторіи повытчикомъ Вагановымъ. Одну изъ таковыхъ грамотъ почтеннѣйше представляю сему присутствію.

На вопросъ мой: довольно-ли св. мура? ключарь собора отвѣтствовалъ мнѣ, что онаго станетъ на сто лѣтъ.

Не буду здѣсь говорить о чудесахъ, кои долженствовали бы подлежать розысканію.

Сіе и кромѣ сего нижеизлагаемое приводило меня къ страшной мысли: нѣтъ-ли или не было-ли какого злоумышленія или законопреступныхъ отдаленнѣйшихъ связей на счетъ цѣлости государства, особливо здѣсь, гдѣ столь много отличнѣйшихъ и самыхъ отчаянныхъ ссыльныхъ и такъ мало войскъ, да и между сими есть ссыльные, когда уже и самая церковь отдѣляется, печатая такіе документы въ Иркутскѣ, кои зависятъ только отъ высшаго начальства. По долгу присяги и совѣсти я долженствовалъ сіе обнаружить.

Въ соборѣ хранилась и сумма Камчатская 13,000 р., въ вѣдѣніе архіерея, а не консисторіи отпущенная, но коею безъ моего вѣдома распоряжались, какъ сіе и документъ свидѣтельствуетъ, изъ Камчат-

ки мною отъ г. попечителя Голенищева незадолго до сего полученный и у сего прилагаемый, и другія мои свѣдѣнія обнаружили-бы.

Не стану говорить о другихъ злоупотребленіяхъ по собору, на кои слѣдовало мнѣ указать, дабы преемникъ мой могъ увидѣть все въ настоящемъ положеніи и прекратить злоупотребленія, а я оправдать себя, ежели-бы живъ остался, предъ Св. Синодомъ, а чрезъ то заслужить и монаршее благоволеніе.

Къ сему присовокупить должно 24 августа и 4 сентября.

Происшествіе 24 августа, со мною случившееся, состоитъ въ слѣдующемъ:

Наканунѣ сего дня, т. е. 23 авг., объявлено мнѣ повытчикомъ консисторіи Вагановымъ, представлявшимъ мнѣ бумаги съ почты, относившимъ оныя въ консисторію и наоборотъ, что какой-то сказывавшійся предъ нимъ пріѣзжимъ, впрочемъ опознанный тутошнимъ, человѣкъ предварилъ его, что его ищетъ чиновникъ, прибывшій изъ С.Петербурга и записавшій его имя, квартиру имѣетъ близь Кабрита, правителя канцеляріи г. генералъ-губернатора, и будетъ къ нему въ 7 часовъ утра на другой день, т. е. 24 августа. По сему случаю я послалъ его, Ваганова, и эконома іеромонаха Варлаама къ г. коменданту. Даны были солдаты, дабы схватить онаго чиновника, безъ сомнѣнія, мошенника. 7 часовъ утра 24 августа пришло, а мошенникъ не явился. Но вскорѣ Вагановъ, находившійся уже у меня, извѣщенъ былъ, что оный мнимый С.-Петербургскій чиновникъ пришелъ къ нему. Вагановъ, увидя его, примѣтилъ, что это Метоксъ, извѣстный ему по нѣкоторому происшествію въ маскарадѣ Иркутскомъ, но притворился не знающимъ его. Сей Метоксъ объявилъ ему, что вскорѣ будутъ получены указы объ удаленіи меня отъ управленія епархіею, но потому замедляютъ, что идутъ чрезъ митрополію московскую; что я болѣе ему, Ваганову, ненуженъ; что генералъ-губернаторъ предлагаетъ ему 200 руб. и требуетъ, чтобы онъ, Вагановъ, (выдалъ) копіи тѣхъ бумагъ, кои я секретно съ почтою отъ 11 и 18 іюля послалъ въ собственныя руки г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа, и что кромѣ денежнаго награжденія онъ, г. губернаторъ, будетъ умѣть наградить его. Отвѣтъ Ваганова былъ, что онъ сего никогда не исполнитъ, да кромѣ того и ничего не знаетъ. Метоксъ далѣе говорилъ Ваганову: вашъ архіерей знаетъ законы, онъ былъ въ Бессарабіи долго присутствующимъ консисторіи. Нынѣ онъ запретилъ вѣнчать браки ночью; не знаю, позволитъ-ли сегодня ввечеру быть свадьбѣ княжны, прибывшей изъ Москвы. Напомнилъ и о Парняковѣ, священникѣ приходскомъ селенія, недалеко отстоящаго отъ Иркутска, гдѣ имѣется винный заводъ, родственникѣ запрещеннаго мною и отрѣшеннаго отъ собора, бывшаго каѳедральнаго протоіерея Парнякова.

День прошелъ, настаъ вечеръ 24 августа. Было около 9 или болѣе часовъ. Я занимался спокойно чтеніемъ въ пріемной залѣ. Ночь была самая темная, такъ что трудно было различить человѣка отъ человѣка. Внезапно раздались выстрѣлы на подобіе залпа изъ ружей. Мнѣ показалось, что сіе произошло предъ домомъ генералъ-губернатора въ знакъ радости, что бракъ княжны, изъ Москвы прибывшей, совершился. (Послѣ сказывали мнѣ, что выстрѣлы происходили въ оградѣ польскаго костела, а нѣкоторые, что въ самомъ костелѣ, дабы болѣе придатѣ выстрѣламъ гулу). Я спокойно продолжалъ свое чтеніе. Но вскорѣ какъ-бы возлѣ самой каменной стѣны архіерейскаго дома, противъ окошекъ, гдѣ я читалъ, раздались какіе-то глухіе выстрѣлы, будто-бы изъ мортирокъ. Опрометью я бросился изъ залы съ намѣреніемъ унять стрѣляющихъ, думая, что этотъ безпорядокъ происходитъ отъ служителей архіерейскаго дома; но какъ-бы нарочно готовы были для встрѣчи экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ Варлаамъ и исправляющій должность секретаря консисторіи Любославовъ. Они взяли меня подъ руки, не допустили до того мѣста, куда я стремился, но повели меня въ огородъ и велѣли мнѣ прилечь на землѣ. Я слышалъ еще кое-гдѣ выстрѣлы и одинъ близъ московской заставы, за семинаріею, гдѣ держатъ караулъ военные.

Возвратясь съ тѣми-же Варлаамомъ и Любославовымъ въ келью, я велѣлъ имъ справиться, что происходитъ на проспектѣ близъ собора. Они донесли мнѣ, что тамъ ключарь и что около 10 человѣкъ мужиковъ пробѣжали около собора и ограды архіерейскаго дома. Спустя нѣкоторое время они взяли у меня ключъ отъ спальни и отвели меня по темнымъ переходамъ и лѣстницамъ на верхъ дома, обѣщавъ всю ночь бодрствовать и удалить всякую опасность на случай какихъ либо новыхъ происшествій. Предъ заутренею 25 августа они же свели меня съ чердака.

Поутру сего-же 25 августа явился ко мнѣ голова градской Константинъ Петровъ сынъ Трапезниковъ, мужъ отличнѣйшихъ добродѣтелей и необыкновенной твердости характера. Первое мое къ нему слово было: «что? бунтъ?» — «Бунтъ! отвѣтствовалъ онъ,—но не созрѣлъ. Дай Богъ управиться нашему государю поскорѣе съ поляками, управиться и съ сими».

Затѣмъ говорилъ мнѣ о многихъ важныхъ предметахъ, посматривая, дабы не забыть какого, въ свою записку, и между прочими, что въ нѣкоторомъ домѣ, гдѣ находился и бывшій градоиркутскимъ благочиннымъ протоіерей Василій Шастинъ, чиновникъ, служащій при генералъ-губернаторѣ, человѣкъ очень честныхъ правилъ, Воиновъ произнесъ съ силою духа: «Муравьевъ хочетъ быть сибирскимъ принцемъ, онъ раздаетъ офицерамъ деньги; я имѣю данное мнѣ отцемъ

моимъ двухствольное ружье, я первый застрѣлю его и не допущу до сего».

На вопросъ: „кто Метоксъ?“ (о коемъ выше мною упомянуто), градскій голова отвѣтствовалъ: „это генеральскій сынъ, сосланный въ Сибирь за то, что въ 1812 году собиралъ въ Грузіи войска, ложно представляя себя флигель-адъютантомъ; что кромѣ его есть здѣсь Раевскій, и что, когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевскаго, въ Сибирь, что онъ проводитъ часто время у Муравьева, покупаетъ водку на заводѣ близъ города, и развозитъ оную для продажи по селеніямъ, и что онъ подъ чужимъ именемъ держитъ гоньбу почтовую. При семъ я вспомнилъ, что еще когда былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мною первоначально было открыто зловредное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда маіоромъ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ Бессарабскомъ лицеѣ. Тогда дивизіоннымъ генераломъ въ Кишиневѣ былъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, а корпуснымъ Сабанѣевъ. Раевскій найденъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь. Съ головою, съ симъ, можно сказать, истинно великимъ мужемъ-патріотомъ, я разставался въ слезахъ и симъ возбудилъ и въ немъ слезы. При послѣднемъ прощаніи я сказалъ ему: «мы оба пострадаемъ». —«Остается цѣлая вѣчность, тамъ будемъ награждены, отвѣтствовалъ онъ,—но не должно еще терять надежды: на нашей сторонѣ Богъ».—«Насъ немного, возразилъ я, да притомъ за нами смотрятъ». —«О! чрезвычайно много», сказалъ онъ съ какою-то необыкновенною впечатлительностію и умиленіемъ, и, откланявшись, ушелъ.

Выше мною сказано о 4 числѣ сентября.

По удаленіи меня отъ управленія, на другой день, т. е. 4 сент. ввечеру, ключарь градо-иркутскаго каѳедральнаго собора протоіерей Масюковъ, съ причетниками собора, мною изъ Урики переведенными, занимался во время торжественнаго всенощнаго бдѣнія выноскою изъ колокольни каѳедральнаго собора какихъ-то вещей и покрылъ ихъ холстомъ на очень большое пространство между архіерейскимъ домомъ и соборомъ. На другой день, 5-го сентября, каѳедральный протоіерей Фортунатъ Пѣтуховъ объявилъ мнѣ, что во время всенощнаго бдѣнія некому было пѣть, потому что ключарь съ причетниками занимался выноскою желѣзныхъ шестовъ, бывшихъ подъ крышею собора, и что купецъ Николай Баснинъ припѣвалъ, стоя между народомъ, отчего происходилъ безпорядокъ въ церкви. Шесты-ли желѣзные, или другое что либо было покрыто холстомъ, мнѣ неизвѣстно, но сіе видѣли многіе, яко публично выставленное. На 6 сентября ночью все было прибрано.

Присовокупляю къ сему слова г. коменданта, говоренныя мнѣ од-

нажды: „дойдетъ до пушекъ“, и случившіяся смуты въ обѣихъ столицахъ и возлѣ Новгорода, укрощеніе первыхъ самимъ государемъ императоромъ и высочайшій по сему случаю манифестъ. Носилось письмо объ истребленіи якобы корпуса Ридигера поляками и слухи о буйствахъ французовъ и объ имѣющей быть въ пользу поляковъ войнѣ ихъ съ Россіею, начавшейся якобы уже посредствомъ бельгійцевъ и принца Оранскаго.

При семъ взявъ еще въ соображеніе:

а) Дѣйствія г. генералъ-губернатора, губернатора, бывшаго городничаго Муравьева и губернскаго правленія, по коимъ я съ подвѣдомыми постоянно лишался законной защиты и получалъ всегда противные письменные отзывы, между тѣмъ какъ невинные страдали, на мѣстѣ святѣ водворялась мерзость запустѣнія и буйство дерзновенныхъ торжествовало, подавая опасный примѣръ, что можно ненаказанно ругаться надъ законною властію.

б) Отдѣленіе гражданскихъ чиновниковъ и почтеннѣйшихъ гражданъ отъ собора и разстройство духовенства чрезъ то, что генералъ-губернаторъ устроилъ какъ-бы новый соборъ въ Воскресенской Тихвинской церкви, завелъ тамъ соблазнительную по театральному напѣву казачью пѣвческую, отдѣлилъ для себя особое мѣсто, устроилъ возвышенное со ступенями сѣдалище и принималъ особенную отъ священнодѣйствующихъ честь.

в) Покровительство ламизма между монголами и чрезъ то умноженіе ихъ ламъ и кумирень, распространеніе ихъ заблужденій даже между добрыми, готовыми цѣлыми тысячами принять св. крещеніе бурятами или братскими, и неуваженіе тѣхъ изъ нихъ, кои обращаеми были, или уже обратились. Вмѣсто Христа Спасителя нынѣ ознакомливаются они съ Шигимуни-китайскій фоэ, и явилось изображеніе его. Добродѣтельнѣйшій и неутомимый въ обращеніи ихъ подвижникъ миссіонеръ іеромонахъ Нифонтъ со скорбію о семъ преждевременно сошелъ въ могилу.

г) Свиданіе мое, по секретному совѣту г. коменданта, съ г. генералъ-губернаторомъ въ его г. генералъ-губернатора домѣ 10 сентября, при коемъ никого не находилось и при коемъ г. генералъ-губернаторъ непонятныя для меня или двусмысленныя рѣчи говорилъ и даже намекалъ, что по сибирскому учрежденію онъ можетъ перемѣнять самыя опредѣленія высшей власти.

д) Замки, устроенные, по повелѣнію г. генералъ-губернатора, въ моемъ экипажѣ и распространившіеся по сему ужасные слухи.

е) Присылку незнакомаго мнѣ чиновника Голубева.

ж) Веревку на куполѣ подъ крестомъ каѳедральнаго собора, которую ключарь, по повелѣнію моему, снять не хотѣлъ, и которая не-

прерывно напоминала мнѣ его слова, слышанныя имъ отъ священника, крайне неблагонадежнаго, Іоанна Шергина. Онъ говорилъ ихъ предъ народомъ тогда, когда при звонѣ во всѣ колокола возвышали на главы собора позолоченные кресты, и когда народъ спрашивалъ его, Іоанна Шергина: «зачѣмъ звонятъ?» Слова тѣ заключались въ слѣдующемъ его отвѣтѣ народу: «въ знакъ, что увезутъ нашего архіерея».—«Куда?»—«Вонъ туда за Ангару». Слова сіи произнесъ онъ задолго еще до моего удаленія. Веревку сію я показывалъ секретно и г. плацъ-маіору Шушковскому послѣ 20 сентября. Оная снята уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

з) Рѣчь, бывшую въ большомъ собраніи: архіерея увезутъ при колоколахъ, и насмѣшки по сему священника Алексѣя Шергина, сына вышесказаннаго священника Іоанна Шергина. О семъ мнѣ сказывалъ каѳедральнаго собора священникъ изъ бурятъ Николай Конаровскій. Сіи насмѣшки сбылись.

Голубевъ тогда пришелъ ко мнѣ и требовалъ, дабы я ѣхалъ съ нимъ, когда звонили къ поздней обѣднѣ въ воскресный день во всѣ колокола, между тѣмъ какъ я ни въ моемъ домѣ, ни на пути не слышалъ отъ него, что мнѣ дается какой либо срокъ для приготовленія, кромѣ словъ: вы должны ѣхать.

и) Гробъ, видѣнный мною въ Нижнеудинскѣ, протоіерея, пострадавшаго отъ гражданской власти, и таковый же архіерея, пострадавшаго тоже отъ гражданской власти, отстоящій недалеко отъ перваго и находящійся въ Братскомъ острогѣ, о которомъ мнѣ разсказывалъ при осмотрѣ Нижнеудинской церкви и ея погоста протоіерей Нарциссовъ, переведенный мною затѣмъ въ губернскій городъ Красноярскъ.

Взявъ все сіе въ соображеніе, я заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязанность вѣрноподданнаго его императорскаго величества, носящаго на себѣ званіе архіепископа и не имѣющаго никакого свѣдѣнія о своемъ преемникѣ, между тѣмъ какъ въ С.-Петербургѣ нападали на врачей, и возлѣ Новгорода, и въ Москвѣ по случаю колодцевъ произошли смуты, есть не спѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы, а вмѣстѣ избѣгнуть мученической смерти, которую искусно и безотвѣтно умѣлъ бы для меня приготовить въ ономъ экипажѣ съ замками Голубевъ, и что на сей конецъ мнѣ слѣдуетъ ввѣрить себя коменданту; но какъ сей письменно отказался брать во мнѣ участіе, Голубевъ же не внималъ никакимъ моимъ представленіямъ, а твердилъ токмо: вы должны ѣхать,—то достигнуть сего посредствомъ гауптвахты, а потому я и сказалъ Голубеву спокойно, а не въ изступленіи: «пойдемъ». Онъ пошелъ. Мы вышли изъ дома. Тутъ же вблизи насъ при соборѣ находился часовой (болѣе ихъ здѣсь не

положено, и не было). Приближаясь къ нему, я взялъ Голубева, не касаясь вовсе шпаги его, за бортъ мундира и отдалъ тому часовому, а вмѣстѣ и себя, приказывая ему не отпущать его, а между тѣмъ велѣлъ позвать изъ московской заставы, недалеко отъ собора находящейся, другихъ часовыхъ. Служителей при мнѣ и казначея вовсе не было, а находился мальчикъ, который сіе и исполнилъ. Голубевъ въ сіе время произносилъ: «Кабритъ! Кабритъ!» Но Кабритъ не являлся. Пришли часовые изъ Московской заставы, тоже вблизи находящейся. Я велѣлъ насъ обоихъ отвести туда. Мы пришли. Тутъ Голубевъ очень горячился и много говорилъ. Я сказалъ: «Солдаты! вы обязаны исполнить долгъ вашей присяги въ вѣрности вашему государю и отвести насъ на гауптвахту». Имя государя сильно потрясло ефрейтора. Онъ тотчасъ обезоружилъ двухъ солдатъ и велѣлъ отвести. По церквамъ звонили во всѣ колокола къ поздней обѣднѣ. Словъ моихъ кромѣ солдатъ никто слышать не могъ. Ежели кто встрѣчался, то я издали благословлялъ его. Возвышенныхъ словъ: «Православные воины!» я не говорилъ, а просто: «солдаты!» ибо ихъ было очень немного: при соборѣ одинъ, и на заставѣ нѣсколько. Идучи на гауптвахту, въ душѣ моей молился, страшась, дабы Голубевъ не увлекъ меня къ генералъ-губернатору, а не подло кричалъ: «защитите меня, вашего пастыря; Голубевъ меня хотѣлъ зарѣзать». и тому подобное. Сіе я келейно и условно говорилъ въ видѣ повѣствованія послѣ происшествія 20 сентября: «зарѣзалъ-бы, умертвилъ-бы», и предъ тѣми, коихъ считалъ себѣ благопріятствующими, по случаю вышеупомянутаго съ замками экипажа, предполагая, что меня въ немъ, яко сумасшедшаго, заковалъ-бы Голубевъ по рукамъ и по ногамъ и умертвилъ-бы или голодомъ, или затрясъ-бы въ дурное осеннее время по дурной погодѣ, или зарѣзалъ-бы, приписавъ сіе дѣйствію припадка моего сумасшествія; ибо по онымъ указамъ отъ 27 іюля отдаваемъ я былъ чиновнику Голубеву, на случай разстройства ума моего въ пути, въ полное распоряженіе. Сіе говорилъ я еще и потому келейно, что послѣ происшествія 20 сентября дошли до меня слухи, что генералъ-губернаторъ предварительно, съ отходившею 19 сентября почтою, послалъ донесеніе, якобы я въ припадкѣ сумасшествія зарѣзался на пути, и что потому Голубевъ на второй день, т. е. 20 сентября, не допускалъ меня до сдачи собора, предполагая непремѣнно въ сей день рано или поздно увезти меня, имѣя на сей конецъ уже все изготовленнымъ и отчаянныхъ соумышленниковъ въ видѣ казаковъ, которыхъ послѣ никто бы отыскать не могъ, яко не состоящихъ въ спискѣ, и что сіе было причиною необыкновенной настойчивости его, Голубева, и словъ: вы должны ѣхать. Мои рѣчи, говоренныя келейно и переданныя тотчасъ, подали случай написать, что я ихъ го-

ворилъ всенародно и предъ солдатами. И въ приложеніяхъ при всеподданнѣйшемъ письмѣ къ государю императору отъ 29 сент. я о семъ выразился.

Мы пришли на гауптвахту. Я просилъ взять насъ. Не было никакихъ дѣйствій. Голубевъ тотчасъ ушелъ, а я подъ столбомъ строенія стоялъ и плакалъ. Вообще отъ самаго дома до гауптвахты по большей части я былъ въ чувствѣ умиленія и кротости, какъ спасающійся, а Голубевъ въ чувствѣ ярости и преобладанія, какъ преслѣдующій, такъ что и моимъ домашнимъ, и всѣмъ въ городѣ показалось, что меня Голубевъ хочетъ то заколоть шпагою своею, за которую онъ хватался, то якобы наноситъ мнѣ своими руками удары.

Стоя при столбѣ строенія на обахтѣ и плача, я увидалъ генералъ-губернатора, стремящагося съ Кабритомъ въ шинели и фуражкѣ. На гауптвахтѣ забили ему дробь. Позади фронта я требовалъ, чтобы онъ передалъ меня коменданту, но вмѣсто того онъ своими руками старался втащить меня въ сѣни. Вскорѣ однако послалъ за комендантомъ. Отвѣтъ былъ: боленъ. Меня опять тащилъ онъ, генералъ-губернаторъ, въ сѣни; я вторично просилъ, чтобы послалъ за комендантомъ. Послалъ, но отвѣтъ былъ тотъ же: боленъ.

Замѣтивъ, что ярость г. генералъ-губернатора умножается, и видя движенія его, при усиліи втащить меня въ сѣни, крайне неблагопристойными (отъ сего послѣ распространилась молва въ городѣ, что онъ мнѣ наносилъ удары), а притомъ увидѣвъ тутъ же Муравьева, Рыкачева и другихъ чиновниковъ, мнѣ неблагопріятствовавшихъ, я въ послѣдній разъ попросилъ его, г. генералъ-губернатора, дабы послалъ за комендантомъ. Онъ послалъ, а я между тѣмъ пробрался къ офицеру передъ фрунтъ. Офицеръ изъявилъ мнѣ знакъ почтительности. Подходившихъ тутъ ко мнѣ я благословлялъ. Подлѣ меня тотъ же часъ сталъ и г. генералъ-губернаторъ.

Позади фронта, а не передъ фронтомъ, и въ сѣняхъ, куда до прибытія еще г. генералъ-губернатора я вошелъ однажды, говорилъ солдатамъ, чтобы они любили своего государя императора Николая 1-го. Я готовъ былъ первый умереть и не допустить въ городѣ или епархіи, мнѣ ввѣренной, произойти злу, по связямъ какимъ либо законопреступнымъ, которыя я предполагалъ, какъ выше мною изъяснено, и о чемъ я писалъ къ г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 11 и 18 іюля. Я хотѣлъ оправдать слова государя императора: «избрать самаго твердаго и надежнаго и перевесть въ Иркутскъ». Сверхъ сего ссылаюсь на всю мою жизнь, съ самой первой юности посвященную на служеніе церкви и отечеству. И въ Иркутскѣ каждый поступокъ и каждая бумага моя тѣ же свидѣтельствовали. Мнѣ очень пріятно повторять, что въ Иркутскѣ, ежели бы потребовала надобность,

я первый желалъ умереть за царя, толико меня облагодѣтельствовавшаго.

Окончиваю. Послѣ третьяго приглашенія комендантъ немедленно явился. Я ту же минуту отдалъ себя въ руки его. Насъ окружили солдаты и отвели въ архіерейскій домъ.

И здѣсь г. генералъ-губернаторъ, при многочисленномъ собраніи почетнѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, бросался на меня съ яростію и повелѣвалъ свести на низъ, мокраго, усталаго, въ дурную и холодную комнату, которую заблаговременно приготовили, а между тѣмъ консисторскіе принялись опечатывать домъ. Комендантъ и новый городничій Тюменцевъ, человѣкъ честныхъ правилъ, испросили дозволеніе остаться мнѣ въ тѣхъ же комнатахъ, кои до сего были занимаемы мною, и прекратили опечатываніе. Такимъ образомъ, подъ вѣдѣніемъ коменданта, плацъ-маіора и нижнихъ военныхъ чиновъ, находился я съ 20 сентября по 21 ноября, а съ сего числа поступилъ въ вѣдѣніе г. жандармскаго подполковника Брянчанинова, который, отправясь со мною изъ Иркутска 26 ноября, прибылъ благополучно въ Вологодскій Спосоприлуцкій монастырь 18 декабря. Я ссылаюсь на него и на всѣхъ бывшихъ съ нимъ, замѣтили-ли они во мнѣ какой либо безпорядокъ въ денноношномъ продолжительномъ пути.

Послѣдствія оправдали мое дѣйствіе, приписываемое сумасшествію, а не вѣрноподданнической пламенной любви къ своему государю. Открыты въ городѣ гражданскіе чиновники, уготовлявшіеся на убійство съ какими-то необыкновенными ножами. Прекращены сигналы городскихъ часовъ. Потушенъ благополучно пожаръ. Не допущены до зажигательства во время наступавшей бури два ссыльные въ архіерейскомъ домѣ. Учинилось недѣйствительнымъ слово «арсеналъ», которое произнесъ архитекторъ Васильевъ при солдатахъ и унтеръ-офицерѣ, содержавшихъ караулъ вокругъ Иркутскаго архіерейскаго дома, о чемъ мнѣ донесъ служитель Андріанъ и протоіерей Василій Конаровскій, членъ консисторіи, прикомандированный ко мнѣ, и что должно быть не безъизвѣстно и гг. плацъ-маіору и коменданту. Наконецъ раздалось въ городѣ: „Варшава у ногъ вашего императорскаго величества“, и все затихло. Буйство на колокольняхъ города, производившее безвременный и неприличный звонъ въ теченіи августа и сентября, умолкло; явился преосвященный Мелетій; уѣхалъ и я мирно, и достигъ благополучно мѣста своего. Не все я могу здѣсь объяснить, но вѣрую, что, ставъ предъ судомъ Божіимъ, не буду постыжденъ.

4. Чрезъ недѣлю посѣтилъ меня г. губернаторъ и г. комендантъ. Когда я принесъ бумаги къ нимъ, обѣщая доказать по онымъ, что я здоровъ и неповрежденъ умомъ, то цѣль моя была обратить ихъ вниманіе не на меня, а на преосвященнаго Мелетія. Между прочимъ

представлялъ я имъ и краткій печатный циркулярный обо мнѣ указъ, напечатанный по случаю перемѣщенія моего изъ Пензы въ Иркутскъ, и утверждалъ, что такой-же циркуляръ былъ-бы и о преосвященномъ Мелетіи, ежели-бы истинно было мое удаленіе, а его перемѣщеніе; но сего нигдѣ не имѣется. Г. гражданскій губернаторъ не хотѣлъ понимать меня и говорилъ не отъ сердца, а софистически; софизмы я и называлъ софизмами, а свою рѣчь, ссылаясь на указъ 1773 года отъ 19 октября, подкрѣплялъ тѣмъ, что безъ печатаемыхъ, и то не губернскими правленіями, а высшимъ правительствомъ, указовъ появлялись-бы самозванцы и Пугачевы. Они ничему не внимали и хотѣли уйти съ тѣмъ-же обо мнѣ предубѣжденіемъ. Я сдѣлалъ видъ, сидя впрочемъ на канапэ и держась за столъ, будто хочу опуститься на колѣни и просить ихъ выслушать меня, дабы убѣдиться въ истинѣ. Симъ способомъ я успѣлъ представить г. гражданскому губернатору еще самое важное измѣненіе формы, подкрѣплявшее мое сомнѣніе, а именно, что даже въ письменномъ указѣ о преосвященномъ Мелетіи въ рѣчи: «для свѣдѣнія дать знать» пропущены слѣдующія слова: «Московской и грузино-имеретинской Св. Синода конторамъ»; при словахъ «Епархіальнымъ архіереямъ» пропущено слово: «и прочимъ», а также пропущены слова «Ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ и типографской конторѣ».

«Мнѣ извѣстно было мое удаленіе въ маѣ мѣсяцѣ». Сіи слова говорилъ по слѣдующимъ причинамъ. Есть въ Иркутскѣ Баснины, купцы кяхтинскіе, богатые люди. Они пользуются особенною милостію г. генералъ-губернатора. О Николаѣ Басниинѣ разсказывалъ мнѣ самъ г. комендантъ, что сей человѣкъ былъ причиною наказанія шпицрутеномъ по чину болѣе нежели унтеръ-офицера артиллериста Дементьева, и сдѣлалъ другихъ несчастными, не признавъ подписи руки своей, дабы не уплатить 5,000 руб.; хотя, говоря по совѣсти, она его была. Братъ сего Николая Баснина, Петръ Баснинъ, обратилъ на меня все свое мщеніе за то, что родную сестру его игуменію Иларію удалилъ я, послѣ многихъ напоминаній, отъ управленія монастыремъ, поелику вовсе безграмотна и допустила управлять онымъ брата своего, сего Петра Баснина, содѣлавшагося причиною всѣхъ соблазновъ и злоупотребленій по оному. О чемъ я донесъ Св. Синоду. Сей Петръ Баснинъ распространилъ еще въ маѣ мѣсяцѣ молву, что меня скоро не будетъ, что онъ для сего отправляется въ Россію, и неизвѣстно почему и для чего говорилъ: „ежели я напишу въ мое защищеніе пять словъ, то у него готовы 5,000 рубл.; ежели десять, то 10,000 руб.; ежели сто, то 100,000 рубл. И дѣйствительно онъ взялъ съ собою все свое семейство, отправился въ Россію. Въ Иркутскѣ получены письма изъ Пензы, писанныя тамъ 17

іюня (за полтора мѣсяца до высочайшаго утвержденія доклада Св. Синода о моемъ удаленіи), что меня постигло величайшее несчастіе. И нынѣ сей Петръ Баснинъ со всѣмъ своимъ семействомъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, къ удивленію многихъ, что не безъизвѣстно и г. жандармскому полковнику Александру Петровичу Маслову, встрѣтившемуся со мною недалеко отъ Перми.

О 15,000, яко адресованныхъ на мое имя, я имѣлъ право говорить предъ г. губернаторомъ, и онъ, признавая справедливость моей рѣчи, прощаясь со мною, очень благосклонно отвѣтствовалъ: «отыщемъ», а не говорилъ: «вы шутите»; не упрекалъ и я тоже г. губернатора за дружбу съ архимандритомъ Иларіемъ.

«Я собиралъ всѣхъ священниковъ». Никогда! не должность епархіальнаго архіерея меня занимала, но долгъ мой по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ и глубочайшая увѣренность, что указы подложны, и что слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, исполнивши долгъ мой, я останусь при должности.

«Я дарилъ ихъ». Дарилъ, желая нѣкоторыхъ изъ духовенства способнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ возбудить дѣйствовать со мною во благо церкви святой.

Прочія рѣчи, приписываемыя мнѣ г. губернаторомъ и комендантомъ, считаю или превращенными, или ужасными и крайне для меня обидными, по неприкосновенности и мыслію къ какому-либо злому преднамѣренію.

Въ заключеніе осмѣливаюсь изъясниться:

Въ необыкновенныя времена между необыкновенными людьми на предѣлахъ отдаленнѣйшаго края обширнѣйшей въ мірѣ имперіи всѣми моими силами старался я распространить добро, руководствуясь правилами Господа нашего Іисуса Христа и исполняя въ точности указы Его Императорскаго Величества и Св. Прав. Синода. Въ краткое время я успѣлъ ввести во многомъ надлежащій порядокъ. Всѣ добрые меня любили.

То, что признавалъ указы подложными, не было во мнѣ притворствомъ ни на одну минуту,

Наказаніе отъ моего начальства всегда принималъ и буду принимать до послѣдняго издыханія моего, ежели-бы оно и усилено было напредь до возможной степени,—какъ сладость закона. Одни ужасы беззаконія были для меня несносны. Но я былъ-бы гордъ, ежели бы терялъ надежду.

А потому всесмиреннѣйше прошу Св. Прав. Синодъ ходатайствовать обо мнѣ предъ правосуднѣйшимъ, но вмѣстѣ и милосерднѣйшимъ монархомъ нашимъ.

Въ свидѣтельствѣ о состояніи здоровья архіепископа Иринея, произведенномъ инспекторомъ Вологодской врачебной управы Энгельмейеромъ и акушеромъ Карпинскимъ утверждалось, что «архіепископъ Ириней, при хорошемъ видимомъ тѣлосложеніи, пользуется довольно постояннымъ тѣлеснымъ здоровьемъ. Относительно его умственныхъ способностей наблюдено: въ разговорахъ, объясняющихъ случившіяся съ нимъ, архіепископомъ Иринеемъ, произшествія, соблюдаетъ тождество и одинаковую послѣдовательность оныхъ съ припамятованіемъ даже самыхъ мелкихъ подробностей. Въ самомъ образѣ изложенія видна должная связь идей предшествующихъ съ послѣдующими. Въ произношеніи выраженій не замѣчается порывовъ страсти, столь обыкновенной у потерявшихъ равновѣсіе мыслящихъ способностей. А посему заключаемъ, что архіепископъ Ириней во дни наблюденія, при хорошемъ состояніи физическаго здоровья, находится въ здоровомъ состояніи и душевныхъ способностей. На вопросъ же: не замѣчается ли въ архіепископѣ Иринеѣ слѣдовъ бывшаго разстройства ума, отвѣчать ни утвердительно, ни отрицательно наблюденіемъ не пріобрѣтено основанія, доколѣ повтореніе подобнаго припадка (если дѣйствительно онъ былъ), или совершенное онаго отсутствіе впослѣдствіи времени не поведетъ къ рѣшительно вѣрному на сей предметъ заключенію».

Синодъ, получивъ объясненіе преосвященнаго Иринея и массу другихъ бумагъ, соприкасающихся съ его дѣломъ, прежде чѣмъ постановить какое нибудь рѣшеніе объ Иринеѣ, составилъ 13-го января 1832 года секретный особый журналъ, которымъ для того, чтобы «безсомнительно опредѣлить качество предлежащихъ сужденію поступковъ архіепископа Иринея», постановлялось сдѣлать строгое разслѣдованіе на мѣстѣ въ Иркутскѣ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, какіе указаны были въ письменномъ объясненіи преосвященнаго Иринея и въ другихъ документахъ, полученныхъ изъ Восточной Сибири. Въ смыслѣ этого журнала отправленъ былъ въ Иркутскъ, на имя новаго иркутскаго архіепископа Мелетія, синодальный указъ. Вслѣдствіе этого указа въ Иркутскѣ началось длинное и сложное дѣло, тянувшееся не одинъ годъ.

Прежде другихъ обратило на себя вниманіе дѣло протоіерея Конаровскаго. Извѣстно уже, что ему синодъ запретилъ священнослуженіе. Во исполненіе синодальнаго указа, онъ былъ отправленъ въ Иркутскій Вознесенскій монастырь подъ строжайшій надзоръ настоятеля этого монастыря. Протоіерей Конаровскій былъ подвергнутъ допросу, на которомъ онъ показалъ, что онъ былъ убѣжденъ сомнѣваться въ подлинности синодальныхъ указовъ потому, что увѣрился на убѣдительныя слова преосвященнаго Иринея. «Осмѣливаюсь въ до-

полненіе объяснить, такъ писалъ о. Конаровскій на предложенны ему вопросные пункты, что по убѣдительнымъ увѣреніямъ преосвященнаго Иринея, хотя я и возымѣлъ сомнѣніе о справедливости означенныхъ указовъ, но никакъ не хотѣлъ о семъ представить св. правительствующему синоду, какъ наконецъ, преосвященнѣйшій архіепископъ Ириней различными увѣреніями и даже устращиваніемъ, что ежели я о семъ не донесу, то долженъ буду лишиться сана и чести, чего я болѣе устрашившись принужденъ былъ ему повиноваться. Написанный же мною черновый рапортъ преосвященный Ириней самъ перечеркивалъ своею рукою и который рапортъ остался у него, преосвященнаго Иринея». По дѣлу Конаровскаго иркутская консисторія, имѣя въ виду то, что сомнѣніе его въ подлинности указовъ синода о удаленіи архіепископа Иринея отъ управленія иркутской епархіей внушено было увѣреніями архіепископа Иринея, особенною его довѣренностію къ архіепископу Иринею, и наконецъ, страха ради,—постановила: «его, Конаровскаго, лишивъ сана протоіерейскаго, отослать въ губернское правленіе на его разсмотрѣніе». Такой жестокій приговоръ консисторіи надъ Конаровскимъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторые члены ея были замѣшаны въ личныхъ счетахъ съ нимъ. Преосвященный Мелетій не согласился съ опредѣленіемъ консисторіи и ходатайствовалъ предъ синодомъ о томъ, чтобы ограничить наказаніе о. Конаровскому посылкою его на годъ или болѣе на причетническую должность къ какой нибудь сельской церкви и затѣмъ опредѣлить его на священническое мѣсто къ какой нибудь сельской церкви. Синодъ вполнѣ согласился съ гуманнымъ предложеніемъ иркутскаго архіепископа Мелетія.

Синодъ поручалъ архіепископу Мелетію потребовать по секрету отъ причта Воскресенской Тихвинской церкви объясненіе противъ навѣта архіепископа Иринея, якобы «генералъ-губернаторъ устроилъ въ сей церкви какъ бы новый соборъ, завелъ тамъ соблазнительную по театральному напѣву казачью пѣвческую, отдѣлилъ для нея собственное мѣсто, устроилъ со ступенями возвышенное сѣдалище и принималъ отъ священнодѣйствующихъ особенную честь». Показанія преосвященнаго Иринея до нѣкоторой степени соотвѣтствовали дѣйствительности, что видно изъ слѣдующаго показанія причта Воскресенской церкви, написаннаго протоіереемъ Прокопіемъ Громовымъ. О. Громовъ писалъ слѣдующее: «1) онъ ни самъ не допускалъ и не замѣчалъ въ означенной церкви ничего отличающагося отъ обыкновенныхъ приходскихъ церквей, кромѣ можетъ быть нѣкотораго преимущественнаго благолѣпія, зависящаго отъ прихожанъ, изъ которыхъ многіе значительные купцы, и кромѣ хожденія въ оную г. генералъ-губернатора, по примѣру котораго въ сію церковь собираются и всѣ

почти чиновники. 2) Пѣвчіе, по распоряженію бывшаго иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина, набранные изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей, и при настоящемъ генералъ-губернаторѣ, по его распоряженію, въ сей церкви во всѣ воскресные и праздничные дни поютъ протяжно; ничего соблазнительнаго въ пѣніи ихъ не замѣчалъ. Сіи самые пѣвчіе неоднократно пѣвали литургію и въ соборѣ при архіепископѣ Михаилѣ, а преосвященнымъ Иринеемъ генералъ-губернаторскіе пѣвчіе приняты были въ образецъ архіерейскимъ, такъ что надзирающій за генералъ-губернаторскимъ хоромъ надворный совѣт. Константиновъ, съ регентомъ сего хора, бывали по вечерамъ въ покояхъ архіепископа Иринея и руководствовали въ сихъ же покояхъ пѣвчихъ его высокопреосвященства. 3) Означенные генералъ-губернаторскіе пѣвчіе, дѣйствительно, по согласію покойнаго архіепископа Михаила, имѣли помѣщеніе, и то большею частію для приготовленія къ пѣнію, а не для постояннаго жительства, въ каменномъ, принадлежащемъ къ Воскресенской церкви, ни кѣмъ тогда не занимаемомъ, домѣ. Но вскорѣ пѣвчіе изъ сего дома высланы. 4) Генералъ-губернаторъ Лавинскій никакого возвышеннаго со ступенями сѣдалища не устроялъ. А хотя въ холодной Воскресенской церкви и есть подъ хорами близъ арки, на двухъ сторонахъ, два возвышенныя мѣста, но мѣста сіи устроены губернаторомъ Трескинымъ, и на сихъ мѣстахъ генералъ-губернаторъ Лавинскій, всегда занимающій мѣсто подлѣ праваго клироса, никогда въ его, Громова, бытность не стоялъ. Бывало, что для дочери его, фрейлины Лавинской, поставлялись, впрочемъ безъ всякаго со стороны ихъ предварительнаго распоряженія, единственно по предосторожности старосты церковнаго, кресла, но она никогда на оныя не саживалась, а только въ случаяхъ ослабленія иногда облакачивалась. 5) Никогда и никакой особенной чести генералъ-губернаторъ отъ священнодѣйствующихъ не требовалъ и таковой ему не оказывалось, кромѣ того, а) что по приказанію покойнаго архіепископа Михаила, начало обѣдни до прибытія генералъ-губернатора въ церковь дѣлаемо не было, впрочемъ и генералъ-губернаторъ, приходомъ своимъ болѣе четверти часа не замедливалъ, и сіе дѣлалось для того, чтобы по приходѣ генералъ-губернатора въ церковь не найти священнослужителей еще неготовыми къ началу литургіи (??). Онъ, протоіерей Громовъ, по прибытіи архіепископа Иринея, докладывалъ его высокопреосвященству и не получилъ запрещенія на сей порядокъ. в) При выходѣ съ евангеліемъ, генералъ-губернаторъ имѣетъ обыкновеніе священнодѣйствующему поклониться, чѣмъ и сей долженъ былъ ему отвѣтствовать. Посему случалось и то, что священнодѣйствующій иногда и предварялъ поклономъ своимъ генералъ-губернатора. с) Предъ отпѣваніемъ литургіи,

генералъ-губернатору чрезъ діакона подносима была просфора и красное вино, такъ какъ сію почесть оказывалъ ему и преосвященный Михаилъ. Сверхъ сего генералъ-губернатору никакихъ особенныхъ почестей оказываемо не было».

Синодъ, особымъ указомъ на имя архіепископа Мелетія, запретилъ оказывать генералъ-губернатору въ церкви какія-либо почести.

И многія другія показанія преосвященнаго Иринея оправдались на дѣлѣ. Онъ, напримѣръ, писалъ объ отпечатаніи въ Иркутскѣ ставленныхъ грамотъ. По этому поводу преосвященный Мелетій рапортовалъ синоду отъ 26-го марта 1832 года, что имъ дознано, что «таковыя при архіепископѣ Михаилѣ въ 1826 году, дѣйствительно, были отпечатаны въ 25-ти экземплярахъ въ Иркутской губернской типографіи, по отношенію консисторіи, въ подтвержденіе чего прилагается при семъ подлинное увѣдомленіе иркутскаго губернскаго правленія». Другимъ рапортомъ архіепископъ Мелетій извѣщалъ синодъ, что діаконскія грамоты, печатанныя въ иркутской губернской типографіи, оказались у восьми діаконовъ иркутской епархіи. Эти грамоты были выдаваемы въ 1826 и 1827 годахъ. Нѣкоторые изъ членовъ консисторіи печатаніе грамотъ объяснили неимѣніемъ тогда на лицо грамотъ, напечатанныхъ въ синодальныхъ типографіяхъ, для споспѣшествованія, чтобъ не оставались на долгое время вновь произведенные въ 1826 году въ діаконскій санъ безъ надлежащихъ видовъ.

Относительно антиминсовъ преосвященный Мелетій писалъ въ синодъ слѣдующій рапортъ. «Что касается до мѣдной доски для печатанія антиминсовъ, то вырѣзаніе таковой, дѣйствительно, отъ архіепископа Михаила поручено было рабочему Григорію Золотареву за 300 рублей, что подтверждается собственнымъ показаніемъ сего рабочаго. Но съ какими предположеніями сдѣлано было сіе порученіе, изъ дѣлъ епархіи не видно. Данный по сему случаю Золотареву, для образца, неосвященный антиминсъ при семъ на благоусмотрѣніе въ св. синодъ представляю съ таковымъ донесеніемъ, что отобранная нынѣ отъ Золотарева, неоконченная вырѣзкою, мѣдная доска положена для храненія въ соборную ризницу, и что отъ послѣдней выписки антиминсовъ, бывшей въ 1828 году, остается 21 антиминсъ».

Показаніе рабочаго иркутскаго ремесленнаго дома Григорія Золотарева.

Онъ говорилъ, что «доску онъ получилъ отъ покойнаго преосвященнаго Михаила, въ 1830 году, который поручилъ ему гравировку оной за 300 рублей съ тѣмъ, чтобы, по отдѣлкѣ, въ городѣ Иркутскѣ печатать антиминсы, на каковой конецъ тогда-же врученъ

былъ ему антиминсъ, печатанный въ москов. син. типографіи. А какъ преосвященный Михаилъ того-же 1830 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался, по сей причинѣ и гравированіе мѣдной доски, назначенной для напечатанія антиминсовъ, въ половинѣ работы, имъ, Золотаревымъ, было остановлено. За означенную же работу получилъ онъ отъ преосвященнаго Михаила денегъ сто пятьдесятъ рублей».

Изъ позднѣйшаго разслѣдованія дѣла стало извѣстно, что въ одной изъ церквей иркутской епархіи (Алмазаевской Иннокентіевской церкви) оказался антиминсъ не печатанный, а рисованный.

О событіи 24 августа 1831 г., на которомъ долго останавливается преосвященныйИриней въ своемъ объясненіи, и въ которомъ онъ видѣлъ признаки какого-то особеннаго движенія, похожаго на бунтъ, нужно сказать также, что въ основаніи его находятся нѣкоторыя дѣйствительныя обстоятельства. Это видно изъ показанія эконома архіерейскаго дома іеромонаха Варлаама, и бывшаго иркутскаго городскаго головы Трапезникова.

Показаніе эконома архіерейскаго дома іеромонаха Варлаама.

Іеромонахъ Варлаамъ показалъ: 1) что «онъ слышалъ, а числа и мѣсяца не припомнитъ, часу примѣрно въ девятомъ, два выстрѣла какъ будто изъ ружья (что впрочемъ случалось не въ одинъ вечеръ), но не подлѣ самой архіерейской ограды, а около католической церкви; а движенія, похожаго на бунтъ, никакого не было. АрхіепископъИриней, встревожившись сими выстрѣлами, когда вышелъ, въ чрезвычайно смущенномъ видѣ, въ сѣни архіерейскаго дома, то онъ, экономъ, предварительно уже чрезъ мальчика извѣщенный о встревоженіи архіепископа Иринея, встрѣтился съ нимъ въ означенныхъ сѣняхъ. АрхіепископъИриней просилъ его, эконома, гдѣ либо прикрыть себя. Экономъ просилъ его къ себѣ въ келью; онъ вошелъ въ экономскую келью, посылалъ его слушать представлявшуюся ему стрѣльбу и звонъ въ колокола. Несмотря на всѣ увѣренія эконома, что ни стрѣльбы, ни звона нѣтъ, архіепископъИриней не хотѣлъ остаться въ его кельи и приказалъ провожать себя куда либо; потомъ онъ стремился скрыться въ семинарію, а наконецъ, когда съ нимъ, экономомъ, пошелъ въ огородъ, то около деревяннаго флигеля встрѣтился съ ними исправляющій должность секретаря Любославовъ, который и пошелъ съ ними-же. Пришедши въ огородъ, архіепископъИриней стремился было чрезъ огородъ пройти въ семинарскій корпусъ, но они, экономъ и Любославовъ, для предотвращенія дальнѣйшихъ происшествій, убѣдили его остаться въ огородѣ, гдѣ онъ, архіепископъ, легши между грядами, послалъ его, эконома, за ворота узнать о предстоящей опасности. Возвратившись оттуда, экономъ увѣрилъ его, что никакой опасности не предстоитъ. Потомъ всѣ трое пошли въ архіерейскій домъ, гдѣ

онъ опять началъ, подобно прежнему, тревожиться и приказалъ имъ отвести себя на чердакъ. И когда они обѣщались надъ нимъ всю ночь бодрствовать, то онъ остался въ чердакѣ одинъ, гдѣ и пробылъ до разсвѣта, и сошелъ уже съ чердака покойнымъ. Положеніе его, архіепископа Иринея, во время описаннаго происшествія представляло человѣка, чрезвычайно испуганнаго, такъ что онъ дрожалъ и даже отдавалъ имъ, Варлааму и Любославову, деньги ассигнаціями, въ неизвѣстномъ имъ количествѣ, которыя, когда они не приняли, то онъ положилъ ихъ за шкафъ въ вышеупомянутомъ чердакѣ».

Показаніе градского головы Константина Трапезникова.

«За давнопрошедшимъ временемъ, съ архіепископомъ Иринеемъ, какъ съ архипастыремъ своимъ производя въ разныя времена разговоръ, содержаніе онаго припомнить не можетъ. Но то, что въ разсужденіи бывшаго здѣшняго городничаго Александра Никол. Муравьева, слышанный имъ, Трапезниковымъ, кажется отъ совѣтника Елисеева разговоръ о томъ, что совѣтникъ Воиновъ, по прибытіи въ Иркутскъ городничаго Александра Муравьева, дѣйствія сего послѣдняго признаетъ подозрительными, между прочими разговорами (а котораго числа не помнитъ) преосвященному Иринею пересказывалъ; а словъ, что Муравьевъ (бывш. декабр.) можетъ быть сибирскимъ принцемъ и раздаетъ офицерамъ деньги, не говорилъ. Также иногда въ разговорахъ изъявлялъ и желаніе свое, чтобъ возмутители отечества были усмирены. А начинался-ли когда разговоръ между ними словами: «что? бунтъ?»—не помнитъ. Словъ «бунтъ, но не созрѣлъ» онъ, Трапезниковъ, не говорилъ. Касательно готовности Воинова застрѣлить всякаго измѣнника отечества, хотя бы въ томъ числѣ и Муравьева, архіепископу Иринею кажется говорилъ, пересказывая ему вышеописанный слышанный разговоръ. О уповании и надеждѣ на Бога и о покровительствѣ Его за всѣ добрыя дѣла разговоръ у нихъ былъ не рѣдко».

Чрезъ нѣсколько дней Трапезниковъ дополнилъ свое первое показаніе слѣдующими дополнительными объясненіями. Трапезниковъ писалъ, что онъ «вспомнилъ, что въ 1831 года въ августѣ мѣсяцѣ по утру (а котораго числа не помнитъ) пришедъ я въ домъ его высокопреосвященства, и когда дозволено было онымъ явиться мнѣ въ залъ, въ которомъ увидѣлъ архіепископа весьма блѣднымъ, и получа его благословеніе замѣтилъ прерывающійся его голосъ, показывающій великую слабость силъ, такъ что онъ съ большимъ трудомъ могъ на вопросъ мой о его здоровьѣ сказать слова, заключающія въ себѣ смыслъ, что онъ всю ту прошедшую ночь не спалъ, что былъ встревоженъ сильными выстрѣлами, около его архіерейскаго дома въ ночи производимыми, что онъ, архіепископъ, опасался, чтобы быть не уби-

тымъ, скрывался въ разныхъ мѣстахъ архіерейскаго дома, что онъ полагалъ не произошло-ли въ городѣ бунта и не произошло-бы покушенія на его жизнь людьми злонамѣренными. Упоминалъ мнѣ въ продолженіи того разговора о городничемъ А. Муравьевѣ и о Медоксѣ; но о точности разговора о Муравьевѣ и о Медоксѣ припомнить не могу. Я же, съ своей стороны, желая привести въ сколь возможно спокойное положеніе, архіепископу объяснялъ, что онъ, какъ архипастырь, опасаться сего не можетъ, и что граждане здѣшняго города, по милости Божіей, не совращены еще съ пути въ вѣрѣ къ Богу и вѣрности своему монарху. Касательно же объясненія моего архіепископу Иринею о разговорѣ Воинова, то объ ономъ имѣю честь пополнить: въ то ли время было пересказано о слышанномъ мною отъ чиновника Елисѣева разговорѣ или ранѣе—я не упомню, а равно не упомню и точности словъ, мною сказанныхъ, но вѣрно знаю только то, что я пересказывалъ разговоръ чиновника Воинова точно такъ, какъ слышалъ отъ г. совѣтника Елисѣева».

Въ то время, когда тянулось дѣло преосвященнаго Иринея, послѣдній уже жилъ на покоѣ въ Вологодскомъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ. Вологодскій епископъ Стефанъ весьма сочувственно относился къ положенію Иринея и отлично отзывался объ образѣ его жизни въ своихъ донесеніяхъ синоду. «Въ образѣ жизни преосв. Иринея, я, писалъ о немъ епископъ Стефанъ, неприличнаго и несвойственнаго сану его никогда не замѣчалъ, и изъ разговоровъ его всегда замѣчаемы были въ немъ твердость духа и мыслей къ благочестію и подражанію правиламъ св. отецъ, а изъ обращенія—благонравіе, кротость и во всякомъ случаѣ покорность».

Въ засѣданіяхъ, происходившихъ 16 мая и 24 октября 1832 года, св. синодъ постановилъ слѣдующее окончательное рѣшеніе по дѣлу архіепископа Иринея: «поступки архіепископа Иринея, а именно непризнаніе подлинными указовъ св. прав. синода безъ достаточной на то причины, и подъ предлогомъ опасности жизни отъ чиновника Голубова, публичное порученіе себя защитѣ военной стражи,—оказываются сдѣланными не въ здравомъ состояніи ума по слѣдующимъ признакамъ: 1) Предъ вышеозначенными поступками съ 24 на 25 августа 1831 года вечеромъ архіепископъИриней по случаю двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ не вблизи архіерейскаго дома, не смотря на то, что таковые случались и въ другіе вечера, представлялся чрезвычайно испуганнымъ, такъ что дрожалъ, просилъ эконома гдѣ либо прикрыть себя; представлялось ему, архіепископу, продолжающаяся стрѣльба и звонъ, чего совсѣмъ не было; хотѣлъ онъ скрыться въ семинаріи, съ тою же цѣлію ложился въ огородъ между грядами, а потомъ до конца ночи скрывался на чердакѣ; даже и

тогда, когда ночь прошла благополучно, архіепископъ не увѣрился въ ничтожности вечерняго приключенія, но, какъ самъ показываетъ, поутру 25 августа пришедшему градскому главѣ Трапезникову первое слово его, архіепископа, было: «что, бунтъ?» 2) Въ показаніи архіепископа Иринея встрѣчаются такія соединенія понятій, какихъ здраворазсуждающій человѣкъ употребить не можетъ, напримѣръ: «взявъ онъ, архіепископъ, въ соображеніе между прочимъ веревку на куполѣ подъ крестомъ каѳедральнаго собора, которую ключарь по повелѣнію его не хотѣлъ снять, заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязанность вѣрноподданнаго есть не спѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы». Онъ прибавляетъ, что веревку сію секретно показывалъ плацъ-маіору Шушковскому послѣ 20 сентября, и что она снята была уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ. Хотя изъ того же самаго показанія видна простая причина повѣшенія сей веревки, а именно поднятіе позолоченныхъ крестовъ на главы собора, но архіепископъ, не смотря на то, давалъ и продолжаетъ давать сей веревкѣ какое-то таинственное значеніе, соединенное будто бы съ опасными для общественнаго спокойствія предпріятіями. 3) Подобное разстройство мыслей обнаруживается и въ способѣ, какимъ оправдываетъ преосвящ. Ириней свое сомнѣніе о подлинности синодскаго указа. Человѣкъ, находящійся въ состояніи полнаго здравомыслія, не извлекъ бы важнаго сомнѣнія изъ употребленія одной буквы Г вмѣсто *Г* въ подписи бывшаго оберъ-секретаря Гаврилы Журихина, тогда какъ сомнѣнія разрѣшали всѣ прочія буквы его подписи, почерка довольно оригинальнаго и по долговременной службѣ сего чиновника извѣстнаго по всему вѣдомству духовному. Если же предположить, что архіепископъ притворно взводилъ подозрѣніе на подлинность указа, чтобъ имѣть предлогъ не исполнить онаго, то и въ семъ случаѣ только не здравомыслящему можно увѣрить себя, что онъ удержится на мѣстѣ, увѣривъ подчиненныхъ въ подложности указа, какъ будто правительство и не свѣдаетъ о семъ и не употребитъ мѣръ для выполненія своего подлиннаго указа. 4) Изреченіе архіеп. Иринея, что Мелетія нѣтъ и быть не можетъ, также не иначе могло быть произнесено какъ въ состояніи нездравомыслія, ибо онъ не могъ не знать о существованіи Мелетія, какъ епископа одной изъ ближайшихъ епархій, и о возможности переведенія его въ Иркутскъ. Посему, хотя поступки архіепископа Иринея, какъ противные подчиненности и соединенные съ явнымъ соблазномъ, подвергали бы его строгой отвѣтственности, но пріемля въ разсужденіе, что архіепископъ Ириней сдѣлалъ оные въ припадкахъ нездравомыслія, что симъ обстоятельствомъ сколько уменьшается виновность

его дѣйствій, столько же увеличивается потребность снисхожденія къ его лицу и по возможности кроткаго съ нимъ обращенія, въ предосторожность возврата припадковъ умоповрежденія, приключившихся, какъ примѣтно, отъ излишней мнительности, духоподозрѣнія и опасенія бѣдственныхъ происшествій; что наконецъ, при всей несообразности его поступковъ, не обнаружилъ онъ въ нихъ никакой (не) благонамѣренности, а напротивъ того оказывалъ намѣренія въ опасностяхъ, хотя впрочемъ погрѣшительно предполагаемыхъ, соблюсти долгъ вѣрноподданнической присяги его императорскому величеству. По всѣмъ симъ соображеніямъ св. синодъ полагаетъ учинить слѣдующее: 1) архіепископа Иринея, какъ уже изъ иркутской епархіи удаленнаго, въ сдѣланныхъ поступкахъ, припадками умоповрежденія извиняемыхъ, отъ дальнѣйшей по сему дѣлу отвѣтственности освободить. 2) Въ предосторожность могущихъ вновь послѣдовать публичныхъ безпорядочныхъ поступковъ, отъ возврата припадковъ умоповрежденія, содержать его въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ безъисходно и не допускать до священнодѣйствія впредь до усмотрѣнія и особеннаго разрѣшенія св. синода. 3) Впрочемъ, какъ по донесеніямъ вологодскаго епископа, въ поведеніи архіепископа Иринея въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ ничего предосудительнаго и безпорядочнаго не замѣчается, то для собственнаго душевнаго блага не возбранять ему при священнослуженіи другаго пріобщаться св. таинъ въ св. алтарѣ, въ маломъ облаченіи. 4) Вологодскому епископу предписать, чтобы при бдительномъ смотрѣніи за образомъ жизни и мыслей архіепископа Иринея доносимо было о семъ св. синоду по третямъ года».

12 ноября того же 1832 года императоръ Николай утвердилъ настоящее опредѣленіе св. синода относительно преосвященнаго Иринея.

Изъ дальнѣйшей судьбы преосвященнаго Иринея извѣстно, что онъ въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ велъ жизнь строго подвижническую и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе со стороны жителей г. Вологды. Впослѣдствіи онъ получилъ разрѣшеніе на архіерейское служеніе и потомъ переведенъ былъ въ ярославскій Толгскій первоклассный монастырь и даже съ правомъ управленія послѣдняго.

Преосвященный Ириней умеръ 18 мая 1864 года.

КРАТКІЯ ВЫПИСКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Записки Софіи Кудрявцевой,

дочери короля Станислава Понятовскаго.

[Посвящено 16 марта 1829 г. Ольгѣ Троцинской].

I.

Посвящая тебѣ эти строки, единственный мой другъ, одна цѣль моя есть та, чтобы тебя совершенно познакомить съ твоею матерью, и чтобы черезъ то облегчить душу свою; знаю твои правила, чувства и любовь ко мнѣ; не имѣя другаго способа тебѣ доказать нѣжность свою, чѣмъ могу инымъ удовлетворить порывы сердца своего, какъ не совершенною къ тебѣ откровенностью?—и такъ съ радостью берусь за слабое свое перо, будучи увѣрена, что дочерняя твоя любовь украситъ недостатки краснорѣчія, которое я почитаю излишнимъ тамъ, гдѣ одна истина должна быть вожатымъ руки твоей матери и друга.

Начало моего существованія есть для меня загадка—родясь, такъ сказать, на развалинахъ моего отечества, дѣтскіе мои годы протекали въ ужасѣ и слезахъ, тогда даже, когда еще и не умѣла понять настоящій источникъ оныхъ. Отецъ [1]) и мать мои, въ глазахъ коихъ я воспитывалась, были иностранцы; имѣя въ столичномъ городѣ Варшавѣ свой домъ, на выѣздѣ города, они жили въ совершенномъ уединеніи; повидимому они были недостаточны, но я была содержана отлично, и воспитаніе мое было тщательно наблюдаемо; я росла въ уединеніи—не имѣла ни съ кѣмъ никакого сношенія, даже не знала раздѣлять невинныя дѣтскія игры съ подобнымъ моего возраста ребенкомъ; семейство наше составляло отецъ мой—весьма умной, но угрюмой и молчаливой человѣкъ, мать—тихая, добрая и чувствительная женщина, два его сына—прекрасные юноши съ отличнымъ воспитаніемъ, но которые одинъ меня старѣе 12, а другой 10 годами, и трое служителей. Весьма

---

[1]) Авторъ называетъ отцомъ—своего воспитателя. Ред.

рѣдко кто изъ чужихъ насъ посѣщалъ, но ежели это и случалось, то всегда меня удаляли и одно мое удовольствіе, въ свободные часы, былъ мой садикъ, который я сама обработывала и усаживала цвѣтами; лѣтомъ, каждую субботу, меня отецъ мой возилъ въ наемной каретѣ въ загородной дворецъ несчастнаго короля Станислава, гдѣ, прогуливаясь по прелестному саду, всегда его встрѣчала, иногда одного, часто съ прекрасною молодою женщиною, къ которой онъ всегда относился на англинскомъ языкѣ: каждой разъ они меня осыпали ласками, и дарили разными дѣтскими подарками—и юное моё сердце билось, сама не понимая отъ чего, глядя на нихъ. Зимою же онъ пріѣзжалъ къ намъ въ домъ, безъ всякой свиты, съ однимъ арапомъ, и каждой разъ имѣлъ тайные разговоры съ отцомъ моимъ, послѣ чего меня всегда призывали, и спрашивалъ о моихъ успѣхахъ. Мать моя мнѣ часто говаривала о монастыряхъ, и нечувствительно меня пріучала къ мысли, что монашеская жизнь есть самая лучшая—хотя живой и веселой мой нравъ и не сходствовалъ съ оной; но не имѣя никакого понятія о свѣтѣ и его удовольствіяхъ, я ее слушала съ любопытствомъ и удовольствіемъ; такъ протекали дѣтскіе мои годы—братья мои пустились въ вояжъ, большой поѣхалъ въ Венецію, а меньшой черезъ Петербургъ—въ Англію и Голландію.

Мнѣ минуло десять лѣтъ, и я готовилась въ первый еще разъ къ исповѣди и причастіи святыхъ таинъ (это было на страстной недѣли въ среду); уснувши наканунѣ сего дня спокойнымъ сномъ невинности, я въ полночь вдругъ была пробуждена глухимъ шумомъ и стрѣльбою—вскорѣ весь домъ нашъ былъ въ тревогѣ, и мнѣ сказали, что это революція, и что жители Варшавы убиваютъ русскихъ; первое мое движеніе было сказать: „папенька, спасите бѣдныхъ нашихъ двухъ солдатъ, которые у насъ постоемъ“, отецъ мой это исполнилъ—и за то на другой день буйный народъ насъ разграбилъ, и чуть было не убили отца моего—я же цѣлый день просидѣла въ бесѣдкѣ въ саду, и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, смотрѣла на сцены ужасовъ, представлявшіяся глазамъ моимъ—пули сверхъ головы моей летали, но я, будучи защищаема заборомъ, все смотрѣла на столь новую для меня картину; подъ вечеръ того дня русскіе въ большомъ количествѣ пробѣжали мимо меня, защищаясь; громъ пушекъ, крикъ народа, суматоха нашихъ домашнихъ—все это сдѣлало надо мной такое впечатлѣніе, что я была какъ въ оцѣпенѣніи; наконецъ

все утихло, но въ семействѣ нашемъ сдѣлалась большая перемѣна: отецъ мой сталъ еще мрачнѣе и часто отлучался, мать моя была въ безпрестанныхъ слезахъ, учителя мои одинъ за другимъ изчезали, и я продолжала одну музыку, французскій и нѣмецкій языки. Въ теченіи этого лѣта вокругъ города дѣлали укрѣпленія, прусскія войска приступили и стояли лагеремъ, каждую ночь пугали жителей, бросая въ воздухъ огненные вѣнки, но все не зажигали и не нападали, и такимъ образомъ простоявъ мѣсяца два удалились. Наконецъ въ ноябрѣ съ другой стороны пришли русскіе—тутъ уже никакое перо не въ силахъ выразить всѣхъ ужасовъ! Прагу взяли штурмомъ, никого не щадили, и улицы были покрыты трупами какъ мущинъ, такъ и женщинъ и младенцевъ — все было предано истребленію и жители Варшавы, будучи отдѣлены одною Вислою, ожидали съ отчаяніемъ подобной же участи. Звонъ колоколовъ, бой барабановъ, крикъ и вопль бѣгущихъ женщинъ и дѣтей раздирали душу; въ сію ужасную ночь мать моя лежала безъ чувствъ передъ нами, отецъ мой въ нѣмомъ отчаяніи, старшій братъ мой, передъ симъ возвратившійся изъ путешествія —въ слезахъ подлѣ бездыханной матери, а я на колѣняхъ передъ распятіемъ; въ семъ то положеніи насъ засталъ польскій генералъ Скильски, который называясь моимъ дядею (и котораго прежде того не знали) взялъ меня съ отцемъ, въ самую полночь, и увезъ изъ города; меня одѣли мальчикомъ и мчали нѣсколько дней по раззоренныымъ мѣстамъ; наконецъ, остановились по близости Кракова, гдѣ стоялъ полкъ генерала; онъ лишь только прибылъ, то готовился меня съ отцомъ отправить въ свое помѣстье—какъ вдругъ прискакалъ генералъ Денисовъ [1]) съ своими казаками—начали рубиться (ибо нашъ полкъ былъ кавалерійскій), но что могла одна горсть противъ множества казаковъ и егерей, которые пришли въ секурсъ! Сраженіе продолжалось часа два, насъ всѣхъ взяли въ плѣнъ—и я, видя какъ отдавая саблю, слезы орошали сѣдые усы почтеннаго старца, сама рыдала—и проклинала русскихъ. Тотъ же день дядя мой съ нами распростился, а насъ въ конвоѣ казачьяго офицера и трехъ казаковъ отправили въ Варшаву, куда мы благополучно прибыли; городъ пощадили и русскія войска уже его заняли—мать моя

[1]) См. записки этого атамана Денисова въ „Русской Старинѣ", изд. 1874 г. томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г. т. XII, стр. 27, 237 и 457.

выздоровѣла, и я опять съ появившеюся весною начала прыгать по своему садику и сажая цвѣты, припѣвать радостныя пѣсни.

Противъ нашего сада былъ большой домъ въ нѣсколько этажей, который былъ занимаемъ русскими офицерами; я была ими примѣчена, и каждый разъ, какъ я появлялась въ саду, начинала играть роговая музыка, или слышны были звуки флейты или скрипки—это мнѣ понравилось, и я чаще стала бѣгать въ садъ—къ намъ начали являться офицеры, но отецъ мой велѣлъ запирать ворота; наконецъ къ намъ въ домъ поставили квартировать ранепаго артиллерійскаго подполковника Сычевскаго—тутъ ужъ, подъ предлогомъ посѣщенія, къ намъ на дворъ являлось множество лицъ, которыя и къ намъ начинали приходить съ визитомъ, въ томъ числѣ и отецъ твой; это продолжалось съ мѣсяцъ, а меня уже хотѣли отправить въ монастырь пансіонеркою, какъ отецъ твой это узнавши, изъявилъ свое желаніе получить мою руку—отецъ мой призадумался. Сказалъ ни да, ни нѣтъ, но позволилъ ему посѣщать нашъ домъ; я-же, узнавши о томъ, ужасно испугалась, и бросясь на шею къ отцу моему, сказала, что я не хочу замужъ, и что я русскихъ боюсь—тутъ-то въ первый разъ онъ сказалъ мнѣ: „я разоренъ, ты все потеряла—ты безъ родни, бѣдна, хороша и неопытна; я долженъ отсюдова удалиться и ты можешь погибнуть; онъ человѣкъ благородный, имѣетъ состояніе—и такъ привыкай къ нему и успокой нашу старость". Мнѣ было 12 съ половиною, и не знала любви. Несчастье научило меня думать и разсуждать уже не по дѣтски—отецъ твой былъ 40 лѣтъ, опытенъ и нѣженъ, говорилъ мнѣ безпрестанно о моихъ родителяхъ, объ участіи, которое онъ принимаетъ въ ихъ судьбѣ, льстилъ дѣтскому моему самолюбію, и утѣшалъ въ прихотяхъ моихъ—словомъ, я начала привыкать къ нему, а мысль, что я могу быть подпорою моимъ родителямъ, рѣшила меня вручить ему участь свою. Давши слово, я вскорѣ занемогла горячкою, тутъ-то онъ совершенно доказалъ мнѣ любовь свою, не отходя почти отъ меня, и я его полюбила какъ отца; по выздоровленіи моемъ насъ обвѣнчали.

Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы отецъ мой уѣхалъ, а намъ черезъ 8 сказанъ былъ походъ—разлука съ отцомъ, матерью и родиною, съ человѣкомъ, котораго еще не знала—въ сторону мнѣ чуждую—была такая опала въ моей жизни, что я не въ силахъ выразить всѣхъ моихъ горестныхъ ощущеній, съ коими я выѣхала изъ Варшавы!

Въ теченіи времени моего замужества и пребыванія въ сей

столицѣ, я познакомилась съ твоимъ другомъ—онъ былъ тоже молодъ, веселъ, и я каждый разъ, когда онъ насъ посѣщалъ, радовалась, будучи весьма далека отъ мысли, что онъ нѣкогда будетъ моимъ сыномъ.

Прибывъ на Волынь въ мѣстечко Домбровицы—мѣсто глухое и скучное, я грустила—не о удовольствіяхъ жизни свѣтской, кои мнѣ не были знакомы, но о родителяхъ и родинѣ. Мужъ мой меня любилъ, но не занимался мною, и все мое занятіе была музыка и въ писаніи писемъ къ моей матери. Здѣсь мы также бывали вмѣстѣ съ твоимъ другомъ, котораго съ моимъ мужемъ черезъ годъ перевели въ Петербургъ, куда мы въ маѣ 1798 году прибыли: тутъ-то совершенно новый свѣтъ открылся моимъ глазамъ!— Я всему удивлялась, восхищалась; не зная еще ни языка, ни обычаевъ, я дѣлала тысячу дурачествъ, сама того не зная—молода, неопытна, окружена мотыльками моднаго свѣта, коимъ казалась необыкновеннымъ и новымъ для ихъ жадности цвѣткомъ; они порхали около меня—болтали—я ихъ слушая смѣялась, часто не понимала—и сердце мое оставалось спокойнымъ. Будучи откровенна и безъ хитростей, я всѣ ихъ слова пересказывала мужу моему съ дѣтскимъ простодушіемъ, - но онъ, будучи отъ природы нетерпѣливъ, озабоченъ службою и ревнивъ, дѣлалъ мнѣ тысячу непріятностей, и тѣмъ, кто у насъ бывалъ—это заставило меня быть скрытною, и я была несчастна! Одна, безъ друга, коему бы могла излить горести сердечныя, съ чувствами пылкими, душою любящею, я ощущала несносную пустоту въ семъ хаосѣ большаго свѣта, блуждая одна безъ подпоры. Одинъ мой маленькой сынъ, коего я сама кормила, составлялъ все мое утѣшеніе. Мнѣ минуло 16 лѣтъ; отъ отца моего не имѣла съ самаго его отъѣзда никакого извѣстія; мать моя умерла—и мнѣ казалось, что всѣ связи въ жизни моей уже для меня прервались на вѣки! и часто, часто въ веселыхъ бесѣдахъ, когда вокругъ меня все радовалось, я пряталась—и проходя мысленно всѣ обстоятельства моей жизни, проливала слезы; задумчивость въ моихъ лѣтахъ была многими замѣчена—и явились утѣшители. О мой другъ!—не всѣ мущины таковы, каковъ былъ и есть сопутникъ твоей жизни!—Все, что только можетъ выдумать хитрость и коварство, было употребляемо къ моей погибели. Случай меня познакомилъ съ Нарышкиной, и я у ней была нѣсколько разъ; государь меня увидѣлъ—и я перестала къ ней ѣздить; у ней въ домѣ жила одна

дѣвушка, которая съ большимъ познаніемъ свѣта пріобрѣла и хитрости онаго—она бывала у меня, старалась выиграть мою довѣренность и предложила мнѣ то, о чемъ и подумать страшилась—и могу сказать не краснѣя, что никогда тщеславіе, богатство и блестящее пострамленье не колебало души моей и не очернило имяни моего—одна чистая, непорочная любовь могла ее тронуть, я была любима—любима страстно, сама любила—и это гибельное чувство нѣкоторымъ образомъ было мнѣ и полезно, но борьба и горесть души моей были сверхъ силъ моихъ; къ тому присоединилась неизвѣстность объ отцѣ моемъ, многія семейственныя непріятности, о коихъ должна умолчать—безпрерывные упреки коихъ я не заслуживала, словомъ, я изнемогла подъ бременемъ скорби; одна предана самой себѣ—и Богъ знаетъ куда бы не вовлекло меня отчаяніе, если бы ангелъ хранитель не пришелъ ко мнѣ на помощь! - Это была женщина умная, строгихъ правилъ, старѣе меня десятью годами, равно и опытностью; одна дальная наша родственница Глѣбова, которая меня полюбила, и то доказала заступя мнѣ мѣсто матери; такимъ образомъ протекло пять лѣтъ моего пребыванія въ сей столицѣ. Въ теченіи этого времени, еще при царствованіи государя Павла, злополучный изгнанникъ Станиславъ былъ тутъ, но горести мои, неизвѣстность, и какой то ложный стыдъ меня удерживали ему напомнить о себѣ—наконецъ я получила письмо отъ отца своего изъ Ольденбурга, въ коемъ онъ изъявилъ свое желаніе меня еще разъ увидѣть, но такъ какъ тогда очень затруднителенъ былъ въѣздъ иностранцевъ въ Россію (это было въ италіянскую войну), то онъ просилъ меня выхлопотать ему заграничный паспортъ, и такъ я со всею дѣтскою горячностью поспѣшила объ общемъ желаніи нашемъ, но пока я получила столь желаемый паспортъ, пока достигъ цѣли своей—король кончилъ жизнь. Свиданіе мое съ отцомъ было смѣшано съ горестью, ибо я въ немъ нашла одинъ образъ человѣческій—время и несчастье положили ужасную печать на лицѣ его—онъ былъ мраченъ, убѣгалъ людей и одинъ мой маленькій Александръ могъ его иногда извлекать изъ задумчивости и заставлялъ его говорить и улыбаться, но не на долго—жестокая смерть втеченіи 30 дней у меня его похитила, и послѣднихъ двухъ его братьевъ—прекрасныхъ, какъ ясное утро; за ними вслѣдъ черезъ три дня и отца моего, а черезъ 8 дней, въ жестокихъ мученіяхъ, я дала жизнь брату твоему Александру—никакое перо не въ силахъ

выразить тогдашняго моего положенія! Но я осталась жива; твое рожденіе, милый мой другъ, была первая радость, которую я ощутила съ того горестнаго часа; увидѣвъ тебя, я со слезами тебя благословя, препоручила Всемогущему; чувства мои совершенно перемѣнились — и нѣмое отчаяніе мое превратилось въ тихое уныніе; я посвятила себя для тебя, сама тебя кормила, наблюдала за каждымъ твоимъ движеніемъ, и невинная улыбка и ангельскій голосъ твой были мнѣ наградою и отголоскомъ счастія; съ твоимъ рожденіемъ фортуна намъ улыбнулась: государь Александръ пожаловалъ мужу моему аренду и сдѣлалъ его шефомъ артилерійскаго полка, стоящаго въ Вильнѣ; дядя и благодѣтель нашъ отдалъ намъ по духовной имѣніе свое въ калужской губерніи, и состояніе наше очевидно поправилось. Мнѣ было 21 годъ; никакое преступленіе не отягчало совѣсти моей; дружба поддерживала и подкрѣпляла слабое сердце мое—и я была спасена.

Мы пріѣхали въ Вильну; подъ предлогомъ, что я сама кормлю, я ни съ кѣмъ не знакомилась, желая убѣгать людей; первая твоя болѣзнь меня такъ поразила, что я занемогла нервною горячкою, и принуждена была тебя отнять; тебѣ было 9 мѣсяцевъ, ты выздоровѣла, и я принуждена была показаться въ обществѣ, гдѣ вездѣ была принята съ отличнымъ вниманіемъ; заснувшія мои дарованія пробудились—мы давали концерты для бѣдныхъ, кругъ знакомыхъ моихъ былъ лучшій, и я мало по малу начинала забывать прошедшее—но вскорѣ намъ сказанъ былъ походъ въ Брестъ-Литовскій, и я оставя все лишнее, въ одной каретѣ съ вами послѣдовала за мужемъ моимъ; прибывши въ назначенное мѣсто, и будучи только 20 миль отъ родины своей, мнѣ захотѣлось еще тамъ побывать; мужъ мой на то согласился, и я взявъ заграничный паспортъ поскакала съ вами въ Варшаву; не стану описывать чувства свои при взглядѣ на сей городъ — на опустѣвшій домъ моихъ родителей—скажу только, что образъ брата моего, въ цвѣтѣ еще лѣтъ увядшаго, поразилъ мои глаза! Нечаянное мое появленіе его такъ обрадовало, что кровь полилась у него изъ горла, и онъ чуть было не испустилъ духъ въ моихъ объятіяхъ. Отдавъ слезами дань на гробѣ моей матери, побывавши вездѣ, гдѣ въ дѣтствѣ проводила немногія счастливыя дни свои—я захотѣла помолиться въ домовой церкви того, чей образъ въ душѣ моей остался незабвеннымъ; и такъ мы съ братомъ поѣхали въ Лазеньки, гдѣ такъ часто ребенкомъ бѣгала

по красивымъ цвѣтникамъ, глядя на фонтаны, окружавшіе маленькій, но съ отличнымъ вкусомъ построенный дворецъ на острову; проходя всѣ комнаты, гдѣ все еще было на своемъ мѣстѣ, и остановясь въ Соломоновой залѣ, отличающейся изящными картинами, я вдругъ была поражена, увидя списокъ съ моего пятилѣтняго портрета, съ тою только разницею, что онъ былъ изображенъ въ видѣ генія; при семъ видѣ слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ, и братъ мой почти насильно меня оттащилъ, посадилъ въ карету, и увезъ домой. Пробывши съ нимъ двѣ недѣли, не имѣя писемъ отъ отца твоего, я поспѣшила къ нему, и разсталась съ братомъ юности моей на вѣки. Войска наши уже выступили за границу, и я миль за 30 за Варшаву догнала мужа моего. Мое желаніе было слѣдовать за нимъ, но это была глубокая осень, во всемъ большой недостатокъ по причинѣ стѣснившихся войскъ, а ваши милыя дѣти имѣли столь нѣжный возрастъ, что я должна была уступить просьбѣ мужа моего и возвратиться въ Вильну; разлука наша была горька, но необходима; и такъ по опасному и мучительному четырехнедѣльному путешествію, я прибыла на прежнія наши квартиры, и жила тихо и уединенно, видя въ васъ одних все мое утѣшеніе. Въ теченіе 8 мѣсячнаго моего тутъ пребыванія, я имѣла многія непріятности, какимъ подвергается молодая женщина, одна въ чуждой сторонѣ; долго не получала никакого извѣстія отъ мужа моего—и наконецъ слухъ пронесся, что онъ убитъ. Это отъ меня скрывали, но мучительныя догадки терзали мою душу до тѣхъ поръ, пока я къ большому моему утѣшенію получила отъ него извѣстіе, что онъ возвращается, но не въ Вильну, а въ Рогачевъ Могилевской губерніи. И такъ продавши всѣ мебели и лишнія пожитки, я къ нему отправилась въ маѣ;—прибывши туда, радость моя была помрачена, узнавши, сколь худо онъ былъ награжденъ за службу, по причинѣ его непріятностей съ начальникомъ—не только награды не получа, но даже по несправедливымъ и ложнымъ доносамъ преданъ суду, что его совершенно убило, а меня терзало. Вторичная кампанія, и желаніе мое быть ему полезной, заставили меня отправиться въ Москву, отвудова хотѣла, оставя васъ, ѣхать въ Петербургъ и дойти до царя. Заѣхавъ для отдыху въ Калужскую свою деревню, я была тамъ удержана около шести недѣль вашею болѣзнію; вы занемогли оба оспою, а братъ твой очень долго страдалъ; но я и

тутъ дѣйствовала—написала къ государю, объясня ему сколько могла всѣ обстоятельства, писала къ Аракчееву, который къ намъ всегда былъ хорошо расположенъ, и наконецъ, получила отъ него утѣшительный отвѣтъ, что мужъ мой оправданъ, что ему дана арт. бригада, и что отъ него самаго теперь зависитъ поддержать хорошее о себѣ мнѣніе государя.

Хотя я его знала въ опасности, но радовалась сему счастливому переходу и уповая на благость всемогущаго Творца, надѣялась на Его милосердіе; вѣра и надежда моя меня не обманули: мужъ мой былъ пожалованъ генераломъ, получилъ Св. Анны на шею, и золотую шпагу за храбрость, что я узнавши, отъ радости плакала.

Въ теченіи года и девяти мѣсяцевъ, которые я была въ разлукѣ съ нимъ, я жила въ домѣ дяди твоего Ив. Ив.; тебѣ отчасти знакомъ образъ ихъ мыслей и связи семейныя, слѣдовательно можешь себѣ представить, что время мое нерадостно текло, но я это единственно терпѣла для того, чтобъ не дать пищу злословію—хотя бы и могла жить отъ нихъ и отдѣльно въ Москвѣ, нанимая себѣ домъ, или въ деревнѣ; двѣ зимы я съ ними жила въ Москвѣ, а лѣто ѣздила по богомольямъ и степнымъ деревнямъ. Мужъ мой квартировалъ въ Ревелѣ болѣе уже полугода, но все еще не звалъ меня къ себѣ - наконецъ я потеряла терпѣніе, и сама поскакала къ нему въ исходѣ февраля 1808 года. Проѣзжая Петербургъ, я имѣла радость прижать къ своему сердцу друга и благодѣтельницу мою Глѣбову, и полна радостными ощущеніями и надеждою прибыла въ Ревель въ началѣ марта. Старинный сей небольшой городъ окруженъ прелестными окрестностями, море и виды очаровательные восхищаютъ зрѣніе!—общество жителей, и кругъ военныхъ былъ единодушной, дружеской, и веселой—всѣ меня полюбили, наперерывъ стараясь меня развлекать и утѣшать, но я несмотря на веселую маску, которую носила, была несчастна во всемъ смыслѣ этого слова; о причинѣ онаго должна умолчать, скажу только, что не моя въ томъ была вина. Мужъ мой, желая оставить настоящую свою службу, просился въ департаментные командиры, надъ всѣми здѣшними крѣпостями, что по его просьбѣ исполнили, и его назначили въ Ригу. Сдача бригады намъ стоила болѣе десяти тысячъ, ибо его собственной роты лошади были всѣ больны: не имѣя столько наличныхъ денегъ, мы должны были занимать,—это насъ немного

поразстроило. Переселясь въ Ригу, и желая себя развлечь, познакомилась со всѣми лучшими домами, и ежелибъ только не была спокойна душою, то могла бы сказать, что здѣсь провела пріятнѣйшіе часы моей жизни: я была въ виду, замѣтна въ лучшихъ обществахъ и музыкальныхъ вечерахъ, была очень обласкана прусскою королевою, съ коей два вечера провела очень пріятно—словомъ, я играла роль, которая льстила моему самолюбію, и чувствовала, что того не недостойна. Вы подростали—меня утѣшали, и я хотѣла быть счастливой! Но и тутъ жестокая и долговременная болѣзнь пресѣкла сіи краткіе часы моего удовольствія—болѣе полугода я боролась съ смертью, наконецъ молодость и здоровое сложеніе взяли верхъ, и я начала выздоравливать; между тѣмъ мужъ мой подалъ въ отставку и мы въ 1810 году въ мартѣ пріѣхали въ Москву, гдѣ въ маѣ родился твой братъ Ростиславъ, а въ іюнѣ мы отправились въ деревню, избравъ своимъ жилищемъ Панское. Отецъ твой пристрастился къ строенію, а я начала учиться хозяйству, и занималась вашимъ ученьемъ; зимою мы ѣздили на три мѣсяца въ Москву, и опять весну встрѣчали въ деревнѣ — такимъ образомъ насталъ 12-ый годъ. Это лѣто насъ природа щедро наградила своими дарами; мы устроились, завелись, и уже переселились въ милое Панское, какъ вдругъ новая и столь неожиданная бѣда насъ изгнала—мы должны были все отдать на жертву непріятелю и сами спастись въ Тамбовскую губернію къ дяди твоему; тамъ, горестно и печально, мы пробыли съ сентября того года до марта 1813, и возвратились въ опустошенныя наши мѣста. Двоюродный твой дядя Никитинъ помогъ намъ деньгами, что намъ дало возможность помочь бѣднымъ нашимъ крестьянамъ, кои опять собрались въ свои пепелища. Понемногу мы опять завелись и устроились; я опять принялась за свое хозяйство, пристрастилась къ саду и цвѣтамъ, продолжала ваше ученье, и время летѣло не чувствительно; ты знаешь какъ отецъ твой любилъ общество и веселую жизнь, помнишь, какъ всѣмъ бывало весело въ нашемъ домѣ, знаешь и то, кѣмъ поддерживались согласіе и порядокъ въ нашемъ домѣ; видѣла ту же особу, поутру въ кухнѣ, за обѣдомъ веселую съ гостями, вечеру на сценѣ, а распрощавшись со всѣми, съ одной тобою въ моемъ кабинетѣ, — но не была свидѣтельницею тѣхъ слезъ кои были оною же проливаемы тогда, когда все покоилось безпечнымъ и покойнымъ сномъ! Но оставимъ это. — Вы подростали, братъ

твой былъ въ университетѣ, а ты 13 лѣтъ вступила въ пансіонъ; первая сія разлука съ тобою мнѣ дорого стоила, но она была для твоей пользы, и я успокоилась. Черезъ полтора года, отецъ твой сдѣлался боленъ и захотѣлъ тебя взять домой; братъ вступилъ въ службу; меньшой, Ростиславъ, и двѣ маленькія твои сестры учились дома; болѣзнь отца твоего усиливалась; и такъ желаніе ему помочь и усовершенствовать твои таланты заставила меня докучать отцу твоему ѣхать на зиму въ Москву, что мнѣ и удалось. Тебѣ, мой другъ, извѣстно остальное: судьба насъ свела тутъ съ твоимъ другомъ, о которомъ болѣе десяти лѣтъ ничего не знали; мы увидѣлись—и образъ юныхъ моихъ лѣтъ живо предсталъ моимъ глазамъ! Каждый разъ при взглядѣ на него я чувствую какую-то радость, смѣшанную съ горестью, но все еще далека была отъ мысли, что онъ мнѣ будетъ такъ близокъ; замѣтивъ его чувства, я начала обдумывать, тебя испытывать, и наконецъ, мнѣ показалось, что ты можешь быть съ нимъ счастливой. Здоровое его сложеніе, умъ образованный, пріятное обращеніе, но болѣе всего, благородныя и честныя его правила мнѣ въ томъ ручались, но разница лѣтъ и отдаленность его пребыванія меня пугали. Будучи сама не такъ-то счастлива своей судьбою, я страшилась, молилась, проливая слезы, и наконецъ рѣшилась, поруча судьбу твою Всемогущему—отдать на твою собственную волю. Богъ свидѣтель, что ни алчность къ богатству, ни тщеславіе и суетность были моими предметами,—одно ваше счастіе и надежда быть вами любимой, и неразлучной были моей цѣлью. Богъ услышалъ мои молитвы—ты счастлива!—и ежели были нѣкоторые оттѣнки въ теченіи этихъ 8-ми лѣтъ, то ты теперь вполнѣ награждена! — ибо я увѣрена въ добротѣ сердца друга твоего и любви его къ тебѣ, что мнѣ порукою и за будущность нашу!—Такъ какъ я это пишу только для тебя, то мнѣ ненужно распространяться о томъ, что тебѣ извѣстно — долговременное страданіе отца твоего, коего прахъ теперь вамъ принадлежитъ, смерть сестеръ твоихъ, и мои мученія тебѣ знакомы, но твои радости были и моими. И такъ въ эти восемь лѣтъ солнце свѣтило и для меня, а надежда, что вечеръ бурныхъ моихъ дней я проведу тихо, спокойно, и закрою вѣчнымъ сномъ глаза свои въ объятіяхъ милыхъ дѣтей—есть цѣлительный источникъ, коимъ живу.

На счетъ моего происхожденія все, что могла узнать отъ брата,

въ пріѣздъ мой въ Варшаву, есть то, что меня маленькимъ ребенкомъ отдали къ нимъ на воспитаніе, что я ему не сестра, что онъ меня полагаетъ дочерью несчастнаго Станислава, который будто секретно былъ обвѣнчанъ съ одной благороднаго происхожденія англичанкою, которая во время революціи умерла, но что онъ дѣтей своихъ скрытно воспитывалъ, зная мятежный духъ народа и партіи вельможъ. Отецъ же мой, пріѣхавъ въ Петербургъ, никогда не хотѣлъ мнѣ обстоятельно говорить о томъ; онъ былъ жестокой ипохондріи, и когда я ему дѣлала вопросы, то онъ мнѣ сердито отвѣчалъ: „на что это? уже все кончилось!“ Смерть его была скоропостижна, а послѣ въ его бумагахъ ничего не нашла, какъ пустые билеты на 20 тысячъ червонныхъ, кои давно были ничтожны и на его имя. Такъ-то все обратилось для меня въ вѣчную ночь!—жизнь же моя было непрестанное сцѣпленіе борьбы и горести; зависть, злословіе и клевета меня преслѣдовали, за искренность мнѣ платили недовѣрчивостью, за дружбу — неблагодарностію, за добро — зломъ, и лучшія благороднѣйшія мои намѣренія почти всегда мнѣ обращались во вредъ, отъ чего характеръ мой сдѣлался подозрителенъ и недовѣрчивъ, что соединясь съ нѣкоторою гордостью души моей—часто мнѣ причиняетъ весьма горькія минуты, но твердое упованіе на благость Всевышняго есть мой щитъ. Я васъ всѣхъ троихъ люблю всею горячностью матери, но твое бытіе съ моимъ кажется связано неразрывнымъ узломъ, — безъ надежды окончить жизнь мою съ тобою мнѣ бы оная была въ тягость, — одно уваженіе, любовь и довѣренность дѣтей моихъ могутъ усладить горестныя воспоминанія прошедшаго, а чувства мои къ вамъ, правила и образъ жизни мнѣ льстятъ, что я оное заслуживаю, и надежда сія есть единая цѣль, которая меня привязываетъ еще къ жизни.

Софія Кудрявцева.

Кибинцы, марта 10-го 1829 г.

Примѣчаніе. Софья Кудрявцева имѣла 12 дѣтей, умерла она въ 1834 г.
С. Л.

Сообщ. изъ бумагъ Д. А. Трощинскаго С. Ц. Лопацкая.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава шестая [1]).

Губернскіе дворянскіе комитеты по устройству быта крестьянъ.

I.

Повсемѣстное открытіе комитетовъ. — Большинство и меньшинство. — Оппозиціонное движеніе въ комитетахъ.—Губернаторы.—Путешествіе и разговоры Муравьева и Буткова.

Выше я подробно указалъ, какъ послѣдовательность представленія адресовъ, такъ и открытіе губернскихъ комитетовъ. Изъ приведенныхъ мною свѣдѣній было видно, что въ первую половину 1858 года было открыто 8 комитетовъ, а во вторую 35, въ томъ числѣ одна общая виленская коммиссія. Затѣмъ въ первые мѣсяцы слѣдующаго года (до 19 апрѣля) открыли свои дѣйствія остальные 5 комитетовъ, въ томъ числѣ одна общая коммиссія кіевская. Поэтому вторая половина 1858 и начало 1859 годовъ, отличались особенной почти повсемѣстной дѣятельностью по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ. Повсемѣстное открытіе губернскихъ комитетовъ было явленіемъ до тѣхъ поръ у насъ небывалымъ. Дворянскія собранія занимались только выборами, которые не требовали словесныхъ обсужденій; другіе предметы занятій этихъ собраній составляли незначительное исключеніе и касались

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февр., стр. 319—362; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; т. XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., т. XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426.

только нуждъ мѣстнаго дворянства. Съ открытіемъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ, въ первый разъ на обсужденіе выборныхъ коллегіальныхъ собраній передавался вопросъ государственный и при томъ первостепенной важности. Надо было многому учиться; учиться говорить, молчать и слушать, когда другіе говорятъ; защищать свое собственное мнѣніе, доказывая его, а не требуя безпрекословнаго принятія; слѣдовало учиться не оскорблять напрасно самолюбія при опровершеніи чужихъ мнѣній, и противупоставлять мыслямъ другихъ свои собственныя, ясно выраженныя; необходимо было выучиться помнить, что защищая свои собственныя права на свободу выраженія мнѣній, надлежало уважать тѣ-же самыя права другихъ; наконецъ для того, чтобы быть вліятельнымъ членомъ комитетовъ, нельзя было не умѣть письменно излагать свои мнѣнія. До тѣхъ поръ все это неизвѣстно было въ Россіи, не говорившей и не писавшей, усвоить-же все это было весьма трудно, при первомъ приступѣ къ работѣ по такому дѣлу, которое касалось матеріальныхъ интересовъ, разрушало вѣковыя преданія и привычки и уничтожало политическія права того самаго сословія, представителямъ котораго самое это дѣло было отдано на обсужденіе.

Изъ приведенныхъ выше офиціальныхъ донесеній и частныхъ свѣдѣній, по поводу представленія адресовъ, можно было усмотрѣть, что по крестьянскому вопросу въ губерніяхъ образовались два противуположныя мнѣнія: большинство, не сочувствующее предпринятому преобразованію, и меньшинство, которое въ иныхъ мѣстахъ шло далѣе обнародованныхъ правительствомъ началъ освобожденія крестьянъ. Можно было думать, что изъ людей, принадлежавшихъ меньшинству, никто не попадетъ въ члены комитетовъ, выбранные дворянствомъ. Но на дѣлѣ вышло иначе, какъ это отчасти было видно изъ свѣдѣній, приведенныхъ выше о послѣдствіяхъ выборовъ, а еще болѣе будетъ видно изъ разсказа о ходѣ работъ въ комитетахъ. Это либеральное меньшинство увеличивалось во многихъ комитетахъ двумя членами отъ правительства, хотя нѣкоторые изъ правительственныхъ членовъ примкнули къ большинству,—явленіе, которое можетъ встрѣчаться только въ обществѣ мало развитомъ въ политическомъ отношеніи. Собственно борьбу вели крайніе представители двухъ противуположныхъ мнѣній, бо́льшая-же часть членовъ составляла середину, но

не тотъ центръ, который въ западныхъ представительныхъ собраніяхъ рѣшаетъ дѣло, а крайнія партіи остаются въ меньшинствѣ. У насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣтилъ С. С. Ланской [1]), большая часть членовъ „безсознательно покорялась вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ“; изъ такого положенія выходило, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, оппозиціонное направленіе правительству одерживало верхъ до такой степени, что поглощало не только всѣхъ дворянскихъ членовъ, но и правительственныхъ,—въ другихъ, хотя въ весьма немногихъ, либеральный взглядъ на крестьянское дѣло усвоивался всѣми членами, не исключая предсѣдателей—предводителей дворянства. Наконецъ, въ значительной части комитетовъ, образовалось ретроградное большинство и прогрессивное меньшинство. При такомъ составѣ комитетовъ, при разнообразіи умственныхъ и нравственныхъ качествъ, при разной степени развитія, при неодинаковомъ общественномъ положеніи и при свойствѣ самаго дѣла, затрогивающаго личные интересы и возбуждающаго страсти,—пререканія, недоразумѣнія и столкновенія были неизбѣжны. Трудность положенія увеличивалась тѣмъ, что предсѣдателями довольно многочисленныхъ комитетовъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть имѣли около 30 членовъ, были предводители дворянства, люди не безпристрастные по самому характеру своей должности. При неимѣніи писаннаго регламента и при совершенномъ недостаткѣ укоренившихся обычаевъ, принятыхъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, выступавшія наружу страсти и самолюбія не встрѣчали для себя ни препонъ къ крайнему ихъ проявленію, ни началъ, направляющихъ ихъ къ цѣли скорѣйшаго разрѣшенія заданной задачи. Надо было ожидать, что ретроградная партія, проигравъ дѣло при представленіи адресовъ, возобновитъ оппозиціонное движеніе въ губернскихъ комитетахъ. Средствъ къ тому и людей, сочувствующихъ такому движенію, было не мало. Программа занятій губернскихъ комитетовъ могла послужить надежной опорой для оппозиціи. Предсѣдателями комитетовъ были губернскіе предводители дворянства, изъ которыхъ всѣ, кромѣ двухъ, трехъ человѣкъ были въ то же время представителями партіи, противной обнародованнымъ правительствомъ началамъ освобожденія крестьянъ. Большинство,

[1]) См. конецъ II-й главы.

а въ нѣкоторыхъ комитетахъ всѣ безъ исключенія члены, были согласны съ мнѣніемъ своихъ предсѣдателей. Представители несочувствующей крестьянскому дѣлу партіи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не ограничились одной нравственной поддержкой изъ Петербурга. Двое изъ нихъ: Муравьевъ и Бутковъ, какъ я выше упомянулъ, отправились въ губерніи, гдѣ въ разговорахъ съ предсѣдателями и членами комитетовъ укрѣпили ихъ въ томъ направленіи, которому они сочувствовали.

Вотъ та оппозиціонная сила, съ которой приходилось въ 1858 году бороться министерству внутреннихъ дѣлъ. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, ѣздившій въ то время по губерніямъ, потерялъ присутствіе духа, и, при несомнѣнномъ сочувствіи дѣлу освобожденія крестьянъ, поддался вліянію дворянскихъ предводителей и высшихъ правительственныхъ лицъ, враждебныхъ предпринятому правительствомъ преобразованію. Представителями правительственной власти въ губерніяхъ были губернаторы и генералъ-губернаторы. Изъ сихъ послѣднихъ дѣйствія московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго были положительно враждебны крестьянскому дѣлу. С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ Игнатьевъ спрашивалъ министра внутреннихъ дѣлъ: что слѣдуетъ дѣлать въ томъ случаѣ, если крестьяне сами не захотятъ воспользоваться свободой? Изъ всѣхъ остальныхъ никто не выдѣлялся впередъ, ни по своему сочувствію къ дѣлу, ни по умѣнью вести его.

Затѣмъ непосредственными помощниками министерства внутреннихъ дѣлъ были губернаторы и приглашенные ими члены отъ правительства. О правительственныхъ членахъ я уже говорилъ, объяснивъ разнообразный характеръ лицъ, занявшихъ эти должности, и указалъ на имена тѣхъ изъ нихъ, которые займутъ почетныя мѣста въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи. Что же касается до губернаторовъ, то у насъ какъ прежде слышалось, такъ и теперь слышатся постоянныя жалобы на неудачный выборъ губернаторовъ. Жалобы эти потому особенно многочисленны, что они происходили и происходятъ отъ разныхъ, очень часто совершенно противуположныхъ, требованій. Нынѣ требованія эти, не потерявъ своего разнообразія, существенно измѣнили свой характеръ. Я буду говорить о томъ взглядѣ на личныя свойства губернаторовъ, который высказывался передъ и во время

освобожденія крестьянъ. Помѣщики желали видѣть въ губернаторахъ: людей представительныхъ, богатыхъ, любезныхъ и исполняющихъ просьбы дворянъ, въ особенности вліятельныхъ изъ нихъ. При этомъ: знаютъ-ли они дѣло, понимаютъ-ли свои обязанности, способны-ли они къ административной дѣятельности—считались вопросами второстепенными. Само собой разумѣется, что такіе губернаторы не могли нравиться прогрессивной части нашего общества, которая требовала губернаторовъ дѣятельныхъ, развитыхъ и либеральныхъ, и если такіе люди попадались въ губернаторы, то они не нравились дворянамъ и очень часто заслуживали немилость высшихъ правительственныхъ лицъ. Министерскіе директора департаментовъ и чиновники особенно цѣнили покойныхъ губернаторовъ, которые не тревожили ихъ бюрократическую лѣнь. Наконецъ желаемыя разными категоріями людей свойства могли являться въ разныхъ комбинаціяхъ, такъ что въ сущности не было ни одного губернатора, который могъ бы быть признанъ общимъ голосомъ соотвѣтствующимъ своей должности.

Несмотря на все это, справедливость заставляетъ сказать, что дѣйствительно нельзя было назвать выборъ губернаторовъ удовлетворительнымъ, даже принимая въ соображеніе тогдашній недостатокъ въ людяхъ. Причинъ такой неудовлетворительности было много; я не буду исчислять ихъ здѣсь, скажу только о томъ: какихъ губернаторовъ застали высочайшіе рескрипты объ освобожденіи крестьянъ. Изъ 46 начальниковъ губерній и областей, въ которыхъ были крѣпостные крестьяне, я насчиталъ 15 человѣкъ, несомнѣнно начавшихъ службу по гражданской части и достигшихъ должности губернатора; человѣка два или три такихъ, о которыхъ я не знаю навѣрно гдѣ они начали свою карьеру, въ гражданской или въ военной службѣ, скорѣе въ послѣдней; наконецъ всѣ остальные, слѣдовательно ²/₃ всего числа губернаторовъ: или были военные генералы, или лица, перешедшія въ гражданское вѣдомство изъ военнаго. Въ числѣ 15 губернаторовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, 9 были воспитанниками александровскаго лицея или училища правовѣдѣнія, изъ остальныхъ едва-ли было много людей съ университетскимъ образованіемъ; по крайней мѣрѣ я, безъ справокъ, не могу припомнить ни одного. Что касается до образованія губернаторовъ изъ военныхъ, то всѣ они,

безъ исключенія, были воспитаны: бо̀льшая часть въ кадетскихъ корпусахъ и гвардейской юнкерской школѣ, меньшая часть—дома.

Предварительной практической подготовки для занятій губернскихъ мѣстъ почти никто не имѣлъ. Не говоря уже о военныхъ, которые очень часто прямо изъ командировъ разныхъ частей войскъ или изъ свиты назначались начальниками губерній, но изъ гражданскихъ чиновниковъ почти никто не занималъ предварительно какой либо должности въ губерніяхъ.

Исключенія дѣлали только человѣка два или три, назначенныхъ въ губернаторы изъ предводителей дворянства; эти люди, какъ заинтересованные въ дѣлѣ судьи, особенно были неудобны для крестьянскаго дѣла. Большинство же гражданскихъ чиновниковъ, получившихъ губернаторскія мѣста, принадлежали къ числу лицъ, исполнявшихъ въ разныхъ центральныхъ петербургскихъ учрежденіяхъ легкія обязанности чиновниковъ особыхъ порученій или тому подобныхъ должностей и имѣвшихъ бо̀льшею частію придворныя званія камеръ-юнкеровъ или камеръ-геровъ. Поэтому и губернаторы изъ гражданскихъ чиновниковъ, пріѣхавши въ свои губерніи, начинали учиться исполнять нелегкія губернаторскія обязанности; такимъ образомъ поступали подъ опеку правителей своихъ канцелярій, изъ подъ которой нѣкоторые никогда не выходили. Что же касается до малаго знакомства военныхъ съ губернаторскими обязанностями, то оно простиралось до того, что многіе изъ нихъ, послѣ ихъ назначенія, спрашивали въ департаментахъ министерства внутреннихъ дѣлъ: какія существуютъ учрежденія въ губерніяхъ? Я былъ свидѣтелемъ какъ вновь пріѣхавшій въ губернію губернаторъ, при представленіи ему чиновниковъ, когда очередь дошла до коммиссіи народнаго продовольствія, обратился къ вице-губернатору съ вопросомъ: „развѣ въ здѣшней губерніи голодъ?“ Исчисливъ тѣ разряды людей, изъ которыхъ назначались губернаторы, и обрисовавъ общій ихъ характеръ, я далекъ отъ мысли утверждать, чтобы во всѣхъ этихъ категоріяхъ не было дѣльныхъ и полезныхъ людей, но къ несчастію должно сказать, что такихъ людей было немного; кромѣ того, губернаторамъ не могло не быть извѣстно, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ нѣтъ единства въ направленіи по крестьянскому вопросу; до нихъ не могли не доходить слухи, что личное положеніе министра внутреннихъ дѣлъ Ланского по временамъ колеба-

лось. Это не могло не отразиться на дѣятельности губернаторовъ по крестьянскому дѣлу, не говоря уже о тѣхъ, которые едва скрывали свое нерасположеніе къ предпринятому преобразованію; многіе другіе предпочитали держаться нѣсколько въ тѣни, съ тѣмъ, чтобы, смотря по обороту дѣла, примкнуть къ той партіи, которая одержитъ верхъ. Слѣдовательно, министерство внутреннихъ дѣлъ могло только расчитывать на полное содѣйствіе тѣхъ только губернаторовъ, которые горячо сочувствовали освобожденію крестьянъ, понимали крайнюю необходимость этой мѣры и не входили въ мелочныя соображенія личныхъ своихъ интересовъ. Такихъ губернаторовъ было только три или четыре: Нижегородскій—А. Н. Муравьевъ; Самарскій—К. К. Гротъ; Калужскій—В. А. Арцимовичъ и Оренбургскій—Е. И. Барановскій, хотя послѣдній, при несомнѣнномъ сочувствіи къ крестьянскому дѣлу, не такъ выдавался впередъ, какъ три первые. Изъ остальныхъ нѣкоторые, хотя болѣе скромно, но помогали министерству, а нѣкоторые желали помочь, но не умѣли приняться за дѣло: Казанскій — Козляиновъ, Владимірскій — Тиличовъ, Тверской—гр. Барановъ, Таврическій—Жуковскій и друг.;— наконецъ были такіе губернаторы, которые показывали только видъ, что они сочувствуютъ крестьянскому вопросу и усердно исполняютъ требованія правительства, но тайно они были враждебны дѣлу, или боялись за свое будущее положеніе. Нельзя пройти молчаніемъ также того, что были такіе губернаторы, которые явно становились на сторону партіи, враждебной дѣлу.

При такомъ личномъ составѣ защитниковъ и руководителей крестьянскаго дѣла на мѣстахъ, министерству внутреннихъ дѣлъ приходилось бороться съ той сильной и громадной оппозиціей, которая въ губернскихъ комитетахъ проявилась въ новомъ видѣ и съ новой силой. Прежде всего по докладу земскаго отдѣла, министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ отъ губернаторовъ представленія два раза въ мѣсяцъ отчетныхъ вѣдомостей о ходѣ занятій въ губернскихъ комитетахъ. При этомъ распоряженіи предполагалось, что губернаторы, слѣдя за работами комитетовъ по отчетнымъ вѣдомостямъ, и представляя эти отчеты въ министерство, въ то же время будутъ доносить о тѣхъ мѣрахъ, которыя они приняли или на которыя испрашиваютъ разрѣшенія для устраненія медленности въ работахъ или неправильнаго ихъ на-

правленія. Но нѣкоторые губернаторы исполняли эту обязанность какъ простую формальность, такъ что министерство принуждено было напоминать такимъ губернаторамъ, что „высочайшими рескриптами на нихъ возложено способствовать, надлежащими и своевременными наставленіями, успѣшному выполненію возложенныхъ на комитеты обязанностей".

Если высочайшими рескриптами губернаторамъ поручалось не только „главное наблюденіе и направленіе дѣла", но и предоставлялось имъ дѣлать комитетамъ „надлежащія наставленія", то о правахъ и обязанностяхъ членовъ отъ правительства не упоминалось ни въ рескриптахъ, ни въ дополнительныхъ къ нимъ отношеніямъ. Я выше привелъ какъ нападки нѣкоторыхъ представителей дворянства на самый принципъ назначенія правительственныхъ членовъ, такъ и защиту этого принципа со стороны Земскаго Отдѣла.

Но это было недостаточно, надо было положительно опредѣлить отношенія правительственныхъ членовъ какъ къ комитету, такъ и къ начальникамъ губерній. Вслѣдствіе этого состоялся циркуляръ по земскому отдѣлу, которымъ опредѣлялось правило и обязанности упомянутыхъ членовъ слѣдующимъ образомъ:

1) „Члены, назначенные вами", писалъ министръ губернаторамъ, „имѣютъ совершенно тѣ же права и обязанности, какъ и остальные члены губернскаго комитета".

2) „Какъ представители правительства, члены эти непремѣнно участвуютъ во всѣхъ комитетскихъ работахъ". По возникшему о семъ вопросѣ въ одномъ губернскомъ комитетѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе, что тѣ постановленія комитета, кои состоялись въ отсутствіе обоихъ членовъ отъ правительства, считать недѣйствительными.

3) „Но чтобы неприсутствіе ихъ не останавливало занятій комитета, вы будете, въ случаѣ болѣзни обоихъ членовъ, поручать исправленіе ихъ обязанностей кому либо изъ дворянъ-помѣщиковъ ввѣренной вамъ губерніи";

и 4) „Въ мнѣніяхъ своихъ члены отъ правительства особенно должны развивать высочайше указанныя начала устройства крестьянскаго быта. Еслибы постановленія комитета уклонились отъ сихъ началъ, то члены эти обязаны: прилагать къ журналамъ свои особыя мнѣнія; въ случаѣ же недоразумѣній,

обращаться за разъясненіемъ и руководствомъ къ вашему превосходительству. О чемъ вы имѣете сообщить для руководства дворянскому комитету ввѣренной вамъ губерніи".

На основаніи данной комитетамъ программы ихъ занятій, при каждомъ губернскомъ комитетѣ образовалась особая редакціонная коммисія, изъ трехъ или четырехъ членовъ, по выбору самаго комитета, для составленія комитетскихъ журналовъ и самаго проекта положеній. При томъ значеніи, какое имѣли въ комитетахъ члены отъ правительства, невозможно было допустить, чтобы въ составѣ редакціонныхъ коммисій не было ни одного члена отъ правительства. Вслѣдствіе сего было испрошено высочайше утвержденное постановленіе главнаго комитета, чтобы „въ составѣ редакціонной коммисіи находился одинъ изъ членовъ отъ правительства, по назначенію начальника губерніи, въ качествѣ непремѣннаго члена".

При открытіи занятій губернскихъ комитетовъ, первые признаки движенія, направленнаго противъ освобожденія крестьянъ, обнаружились сверху; кажется Муравьевъ и его единомышленники, по внушенію Позена, при содѣйствіи Буткова, и, вѣроятно, съ одобренія князя Орлова, рѣшили покончить дѣло безъ комитетовъ, придумавъ какую нибудь комбинацію, похожую на нѣкоторое измѣненіе отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Во время своихъ разъѣздовъ, Муравьевъ, а въ особенности болѣе болтливый Бутковъ, распространили слухи между дворянами и членами комитетовъ, что крестьянскій вопросъ рѣшенъ правительствомъ окончательно, и что потому въ предположеніяхъ по сему предмету губернскихъ комитетовъ не настоитъ надобности. Впослѣдствіи намѣренія ихъ вполнѣ разъяснятся, но теперь положительно неизвѣстно чего они хотѣли достигнуть распространеніемъ подобныхъ слуховъ. Дальнѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ предстоитъ рѣшить: дѣйствительно-ли противная освобожденію крестьянъ партія имѣла въ виду покончить начатое дѣло какой-либо полумѣрой, или цѣль этой партіи была та, чтобы достигнуть полнаго фіаско въ работахъ комитетовъ, а затѣмъ поставить защитниковъ освобожденія крестьянъ въ такое положеніе, при которомъ имъ пришлось бы или писать положеніе безъ матеріаловъ изъ губерній и безъ содѣйствія дворянства, или отказаться отъ мысли объ освобожденіи. Въ этомъ случаѣ они могли привести въ испол-

неніе планъ окончить дѣло полумѣрой, укрѣпившись при томъ въ глазахъ государя, котораго они вывели бы изъ затруднительнаго положенія, придуманнаго для него защитниками освобожденія крестьянъ.

Но какъ бы ни было, слова и дѣйствія Муравьева и Буткова сдѣлались извѣстными министру внутреннихъ дѣлъ. С. С. Ланской довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя и представилъ на его одобреніе заготовленный циркуляръ по этому предмету. По возвращеніи въ Петербургъ, государь сдѣлалъ замѣчаніе Муравьеву и Буткову [1]) за слухи, которые они распространяли въ губерніяхъ во вредъ дѣла, а представленный циркуляръ былъ немедленно одобренъ Государемъ и подписанъ Ланскимъ 29 августа (1858 г.), слѣдовательно во время пребыванія того и другаго въ Москвѣ. Въ этомъ циркулярѣ министръ пишетъ губернаторамъ: „До меня дошли свѣдѣнія о распространяемомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слухѣ будто бы вопросъ о предстоящемъ устройствѣ крестьянскаго сословія правительствомъ уже рѣшенъ окончательно и что затѣмъ, постановленія губернскихъ комитетовъ касательно развитія главныхъ началъ устройства крестьянскаго быта, указанныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ, составляютъ трудъ излишній. Принимая въ соображеніе, что такой слухъ можетъ помѣшать успѣшному и правильному ходу занятій губернскихъ комитетовъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, при всякомъ случаѣ, объяснять всю неосновательность подобныхъ разглашеній и стараться внушать членамъ комитета, что Государь Императоръ изволитъ ожидать отъ ихъ усердія, что они оправдаютъ высокое довѣріе его величества постоянными своими трудами въ испол-

---

[1]) Вѣроятно одно изъ этихъ двухъ лицъ императрица имѣла въ виду, когда при представленіи ей Н. А. Милютина, не задолго до назначенія его товарищемъ министра, сказала: «Même pendant que l'empereur faisait des discours à la noblesse, pour l'engager à travailler, il y avait en province un personnage officiel, qui tripottait contre nous». Въ другой разъ, нѣсколько прежде, на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны императрица подошла къ графу Бобринскому и Н. А. Милютину и узнавъ, что они говорятъ о крестьянскомъ дѣлѣ, отозвалась неодобрительно о дѣйствіяхъ членовъ главнаго комитета, при чемъ прибавила: «De tous ces messieurs il n'y avait que le comte Kissilef qui avait étudié cette question et qui la désirait sincerement».

Я. С.

ненія возложеннаго на нихъ порученія, не упуская изъ вида высочайше утвержденныя начала, не подлежащія измѣненіямъ и толкованіямъ. То же самое государю императору благоугодно было изустно объявить дворянству губерній, осчастливленныхъ въ нынѣшнемъ году высочайшимъ посѣщеніемъ".

Оппозиціонное движеніе со стороны губернскихъ предводителей ретроградной партіи съ особеннымъ упорствомъ и ожесточеніемъ выразилось въ стремленіи: или вовсе избавиться отъ тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые явно выражали свое сочувствіе дѣлу освобожденія крестьянъ, или сдѣлать ихъ безгласными. О нижегородской попыткѣ въ этомъ родѣ я уже разсказалъ. Для болѣе полнѣйшаго представленія положенія крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ, я здѣсь сообщу тѣ современныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ комитетовъ, которыя сохранились въ моихъ бумагахъ, преимущественно въ видѣ частныхъ писемъ ко мнѣ и къ другимъ лицамъ.

II.

Оппозиція въ комитетахъ: самарскомъ, владимірскомъ, симбирскомъ, черниговскомъ, орловскомъ, калужскомъ и казанскомъ.—Увольненіе изъ четырехъ комитетовъ нѣсколькихъ членовъ большинства.

О самарскомъ комитетѣ мнѣ писали два корреспондента. Одинъ изъ нихъ писалъ ко мнѣ въ концѣ октября 1858 года: „самарскій комитетъ открытъ 25 сентября и дѣйствуетъ весьма усердно и даже довольно успѣшно.... Разумѣется, что главная заслуга принадлежитъ Самарину [1]), который ведетъ комитетъ весьма умно, твердо и обдуманно. Вы знаете составъ нашего комитета, и потому можете себѣ представить, кто въ главѣ оппозиціи... Самарину содѣйствуютъ Дмитрій Рычковъ, Шишковъ и одинъ изъ Лазаревыхъ. Комитетъ дѣлится на двѣ равныя партіи, но голосъ предсѣдателя даетъ часто перевѣсъ партіи благомыслящихъ людей. Не трудно вамъ вообразить, какую роль играетъ тутъ нашъ..... глава дворянства, особенно когда кто изъ членовъ, не желая отвѣ-

---

[1]) Юрій Ѳедоровичъ, который былъ членомъ отъ правительства въ Самарскомъ комитетѣ. Я. С.

чать прямо кому либо изъ своихъ сочленовъ, обращается къ лицу предсѣдателя,—онъ тогда мечетъ взгляды на всѣ стороны и не знаетъ что̀ дѣлать и что̀ сказать. Партія Самарина, кажется, увеличивается и понятія проясняются, принимая человѣческія формы. Двѣ главы обработаны довольно хорошо, но теперь завязывается жаркій споръ о выкупѣ личнаго труда и личности. Многіе никакъ не понимаютъ, чтобы возможно было обойтись безъ этого. Самаринъ убѣждаетъ ихъ и можетъ быть его знаніе и краснорѣчіе убѣдятъ упорныхъ. Теперь привыкаютъ немного къ преніямъ, но сначала пускались въ личности, и надо имѣть твердость Самарина, чтобы не потерять терпѣнія съ людьми, которые, за неимѣніемъ другаго оружія, прибѣгаютъ къ грубостямъ и къ дерзостямъ. Секретаря удалось комитету пріобрѣсти прекраснаго— ставропольскаго дворянина Бабкина, отличнаго и образованнаго молодаго человѣка".

Надежды моего корреспондента на миролюбивый ходъ занятій комитета не сбылись. Письмо, изъ котораго я сейчасъ сдѣлалъ выписку, было отправлено ко мнѣ 20 октября; а отъ 12 ноября я получилъ письмо отъ другаго моего самарскаго корреспондента слѣдующаго содержанія: „Теперь въ Самарѣ всѣ члены заняты неурядицей, возникшей въ здѣшнемъ комитетѣ, о которой вѣроятно и до васъ дошли кое-какія свѣдѣнія... При самомъ открытіи комитета возникли двѣ партіи: такъ называемая либеральная, во главѣ которой сталъ Самаринъ, и консервативная, подъ предводительствомъ И. П. Рычкова. Возгорѣвшаяся между ними вражда, какъ это обыкновенно бываетъ, вскорѣ перешла въ личности; только недоставало случая для окончательнаго между ними разрыва; но и случай этотъ не замедлилъ представиться. Въ одномъ изъ засѣданій дѣлопроизводитель комитета, Бабкинъ (либералъ), на требованіе Рычкова записать его мнѣніе по какому то вопросу въ журналъ, сказалъ своему сосѣду потихоньку: „дѣйствительно надо записать, а то всѣхъ глупостей не упомнишь". Слова эти были подслушаны консерваторами и оглашены передъ комитетомъ. Само собой разумѣется, что это произвело страшное смятеніе; всѣ члены перессорились и дѣло дошло до вызововъ на дуэль. Какъ ни старался губернаторъ примирить ихъ, но старанія его были тщетны и, наконецъ, долженъ былъ донести объ этомъ Катенину (генералъ-губернатору) и закрыть комитетъ. Вче-

ранняго дня исторія эта кончилась; Катенинъ заставилъ всѣхъ членовъ помириться и просить другъ у друга прощенія". Подробностей объ этомъ дѣлѣ, въ сохранившихся у меня письмахъ, нѣтъ, вѣроятно потому, что въ то время мнѣ все было извѣстно изъ оффиціальныхъ бумагъ, полученныхъ какъ отъ губернатора, такъ и отъ генералъ-губернатора. Подробностей о самомъ происшествіи нѣтъ и въ письмахъ Ю. Ѳ. Самарина къ Н. А. Милютину (они задолго до крестьянскаго дѣла были въ дружескихъ отношеніяхъ); но изъ письма, писаннаго въ октябрѣ 1858 года, слѣдовательно передъ самой ссорой, можно видѣть до какой степени доходило раздраженіе большинства противъ Самарина и меньшинства. Юрій Ѳедоровичъ писалъ слѣдующее:

„Дѣла самарскаго комитета идутъ, не знаю какъ вамъ сказать: какъ четыре противъ 11-ти или 12-ти, но сознательность убѣжденій, безукоризненность образа дѣйствій, даръ слова, грамотность и согласіе между собой—на нашей сторонѣ. Разумѣется, баллотировка всегда противъ насъ и всегда затѣмъ нѣкоторые члены являются къ намъ съ извиненіями. Ожесточеніе консерваторовъ ростетъ со дня на день: интригъ, клеветъ, дерзостей, грубостей, лганья, притворства, недоброжелательности столько, что, при всемъ желаніи не поддаваться ежедневнымъ впечатлѣніямъ, не выходить изъ себя,—каждое засѣданіе отнимаетъ годъ жизни и прибавляетъ клокъ сѣдыхъ волосъ. Чтобы дать вамъ понятіе о характерѣ комитета, вотъ вамъ образчикъ: мое предложеніе, чтобы члены, въ обсужденіи вопросовъ, не выходили изъ предѣловъ высочайшаго рескрипта, прошло большинствомъ одного голоса, послѣ ожесточенной розни, продолжавшейся три дня. Другое мое предложеніе, чтобы свѣдѣнія о положеніи имѣній, представленныя помѣщиками, хранились при дѣлахъ комитета, прошло большинствомъ двухъ голосовъ. Было намѣреніе уничтожить эти документы, и чрезъ это отнять всякую возможность при введеніи новаго положенія судить о томъ: улучшилось или ухудшилось положеніе крестьянъ. Мое опредѣленіе сущности переходнаго состоянія отвергнуто большинствомъ шести голосовъ, потому что въ немъ сказано, что цѣль преобразованія — освобожденіе крестьянъ... Тяжело, прибавляетъ Самаринъ въ своемъ письмѣ, а въ то же время лучше, въ тысячу разъ лучше прежней спячки, тишины и неподвижности".

Через мѣсяцъ послѣ происшедшей въ самарскомъ комитетѣ ссоры, корреспондентъ мой спрашивалъ меня въ письмѣ изъ Самары: „какъ вы довольны нашимъ комитетомъ и его отчетомъ? Кажется идетъ до сихъ поръ порядочно, не знаю, что будетъ далѣе. Повздорили, какъ вамъ извѣстно, да и успокоились. Разумѣется, что все дѣло ведетъ Самаринъ; недовѣріе къ нему прочихъ членовъ теперь уменьшилось и дѣло идетъ легче; но за всѣмъ тѣмъ хлопотъ много: при оцѣнкѣ усадьбъ, опредѣленіи повинностей и надѣлѣ землей встрѣтится еще много споровъ, возраженій и шуму". Далѣе онъ пишетъ, что „не увѣренъ вполнѣ, но не теряетъ еще надежды, что строенія самарскій комитетъ предоставитъ крестьянамъ безплатно, но состоявшееся постановленіе комитета о безденежномъ пользованіи усадьбами до выкупа, вѣроятно, отмѣнится,—поручиться за это нельзя". „Партія Н. И. Рычкова значительно ослабѣла, но все еще держится и дѣлаетъ разныя вещи, чтобы остановить и испортить дѣло".

Изъ того же письма видно, что тогда же было рѣшено составить не одинъ, а два проэкта: одинъ консервативнаго большинства, которое въ концѣ концовъ все-таки составилось въ самарскомъ комитетѣ, при томъ весьма значительное, и либеральное меньшинство, состоявшее вмѣстѣ съ Самаринымъ только изъ четырехъ членовъ.

Таковъ былъ характеръ дѣятельности не одного самарскаго, а почти всѣхъ безъ исключенія комитетовъ. Въ подтвержденіе этого я еще сдѣлаю выписки изъ частныхъ писемъ о дѣйствіяхъ нѣсколькихъ другихъ комитетовъ. О выборахъ въ члены владимірскаго комитета я привелъ уже выписки изъ писемъ ко мнѣ Д. П. Гаврилова. Изъ той же моей переписки видно, что Гавриловъ находилъ: „выборъ правительственныхъ членовъ губернаторомъ удачнымъ: оба люди ученые и образованные и, какъ слышно, съ современнымъ направленіемъ—графъ Толь и нѣкто Смирновъ", (впослѣдствіи приглашенный въ редакціонныя коммисіи съ совѣщательнымъ голосомъ); послѣдній, говорятъ, можетъ дѣло дѣлать. Въ первое свое засѣданіе, продолжаетъ Гавриловъ, комитетъ сдѣлалъ одну умную вещь: выбралъ вице-предсѣдателемъ Николаева, а правителемъ дѣлъ Н. Я. Дубенскаго" (очень способнаго, молодого тогда, человѣка), „и одну крайне несообразную: рѣшили сейчасъ же разъѣхаться по уѣздамъ для собранія якобы нужныхъ

вѣдѣній на 2½ мѣсяца. Протестовали противъ этого только Николаевъ и два коронныхъ члена [1]). Большой надежды, какъ видите, на комитетъ положить нельзя: общее его направленіе до крайности непріязненно дѣлу". Въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ мнѣ: „въ комитетѣ дѣла идутъ плохо: все личности, возбуждаемыя чрезвычайной задорностью коронныхъ членовъ и безтолковостію выборныхъ. Еще вчера произошла, какъ здѣсь выражаются, катастрофа: одинъ изъ выборныхъ членовъ прочелъ мнѣніе, правду сказать, весьма пустое, но не имѣвшее ничего особенно рѣзкаго; одинъ изъ коронныхъ членовъ всталъ и объявилъ, что это мнѣніе есть ложь и подлогъ. Мы, какъ видите, безъ церемоніи. Члены объявили, что послѣ этого не хотять съ нимъ, т. е. короннымъ членомъ, сидѣть; тотъ поѣхалъ жаловаться губернатору; этотъ за него, не захотѣлъ даже выслушать объясненій членовъ и пошло и пошло. Не знаемъ что будетъ. Желательно только, чтобы передъ казнью, вѣроятно намъ предназначенною, спросили у насъ объясненій". Изъ этой выписки уже видно, что Гавриловъ былъ не съ короннымъ членомъ, а противъ него. Они не могли сойдтись. Отъ этого во владимірскомъ комитетѣ образовалось не одно, а два меньшинства, а отъ этого составлено было три проекта положенія.

По симбирскому комитету былъ моимъ корреспондентомъ мой старшій братъ Николай. Онъ былъ выборнымъ членомъ отъ Ардатовскаго уѣзда. Онъ старше меня 18-ю годами, и тогда уже былъ 56 лѣтъ, слѣдовательно по лѣтамъ и потому, что бо̀льшую часть жизни провелъ въ деревнѣ, онъ не могъ быть особенно горячимъ эмансипаторомъ, но, по честной своей натурѣ, и, частію, по моему вліянію, братъ мой, какъ онъ мнѣ самъ писалъ, „усвоилъ себѣ начала, данныя въ руководство комитетовъ, принялъ за правило, не отступая отъ нихъ, дѣйствовать добросовѣстно, съ соблюденіемъ, по возможности, обоюдныхъ выгодъ. Между тѣмъ, писалъ мнѣ братъ, какъ нашъ комитетъ дѣй-

---

[1]) Самъ Гавриловъ въ то время былъ кандидатомъ члена и поступилъ въ составъ комитета на мѣсто одного изъ выбывшихъ членовъ отъ Шуйскаго уѣзда. Я. С.

ствуетъ односторонне—его надобно назвать: комитетомъ объ улучшеніи быта помѣщиковъ". Къ мнѣнію брата присоединялся одинъ изъ членовъ отъ правительства **Ланской** (сынъ министра); другой правительственный членъ былъ съ большинствомъ, во главѣ котораго стоялъ губернаторскій предводитель. Подъ конецъ комитета изъ большинства выдѣлилось другое меньшинство, пять членовъ. Болѣе сильное столкновеніе моего брата съ большинствомъ было по поводу оцѣнки усадьбъ. Большинство положило, что одна десятина усадьбы даетъ ежегодно доходу 22 р., что составитъ капиталъ въ 440 р. и, кажется, сверхъ того, за строенія на каждой усадьбѣ по 100 р. Братъ мой противъ такого постановленія выставилъ, какъ примѣръ—примѣненіе принятой министромъ оцѣнки въ собственномъ его имѣніи, при чемъ выходило, что онъ получилъ бы до сорока тысячъ рублей, на которые могъ бы купить, вмѣсто уступленныхъ крестьянамъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ усадебной земли, цѣлое имѣніе въ 1000 десятинъ. Большинство, за исключеніемъ Ланского и 5-ти членовъ будущаго другаго меньшинства, обидѣлись этимъ мнѣніемъ и постановили сдѣлать брату замѣчаніе. Братъ протестовалъ противъ права комитета дѣлать замѣчанія за мнѣнія; кромѣ того онъ требовалъ, чтобы его мнѣнія прилагались къ журналамъ, чего предсѣдатель комитета не дѣлалъ, такъ что его мнѣнія не доходили до губернатора.

Братъ жаловался министру, что̀ еще болѣе раздражило большинство. Я не помню всѣхъ подробностей, что̀ было сдѣлано съ жалобою брата; знаю, что она была препровождена на заключеніе губернатора, который просилъ оставить дѣло безъ послѣдствій; но что ходатайство его не было уважено и послѣдовали какія-то распоряженія, состоявшія, кажется, въ общемъ распоряженіи о томъ, чтобы отдѣльныя мнѣнія прилагались къ постановленіямъ комитета; а предсѣдателю и десяти членамъ симбирскаго комитета сдѣланъ, по высочайшему повелѣнію, выговоръ.

Братъ мой, живши постоянно въ деревнѣ, страдалъ рѣзкостію выраженій; но симбирское большинство было такого рода, что оно могло раздражить и болѣе хладнокровнаго человѣка. По поводу этого губернаторъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Представленіемъ моимъ, отъ 15-го ноября за № 482, я про-

силъ г. министра оставить безъ послѣдствій претензію на предсѣдателя и комитетъ вашего брата Николая Александровича, чтобы не давать ходу и послѣдствіямъ возникшимъ личностямъ. Почему считаю долгомъ увѣрить васъ въ личномъ уваженіи моемъ къ Николаю Александровичу и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить не увѣдомлять его о моемъ ходатайствѣ, если вы не признаете возможнымъ оставить безъ послѣдствій, то по крайней мѣрѣ задержать разрѣшеніе г. министра, чтобы комитетъ успѣлъ окончить составленіе „положенія". Въ противномъ случаѣ послѣдуетъ большая остановка, такъ какъ многіе члены имѣютъ намѣреніе даже оставить комитетъ, если его претензія будетъ уважена начальствомъ. Присемъ позвольте принести вамъ истинную благодарность за сообщенныя мнѣ Николаемъ Александровичемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя совершенно согласны съ моими убѣжденіями. Но, къ сожалѣнію, здѣсь увлечены выгодою отъ хлѣбопашества на благодатной почвѣ Симбирской губерніи, и желаніе сколько возможно продлить эти выгоды не допускаетъ ихъ обсудить безпристрастно послѣдствія обязаннаго труда. А кажется исторія открыта для всѣхъ, но никто не хочетъ убѣдиться въ томъ, что во всѣ времена и вѣка упорство и отказъ въ малой жертвѣ на то, чтобы отвратить грозу въ будущемъ, доводило людей до раззоренія и потери своего состоянія. Впрочемъ я надѣюсь, что и у васъ составится мнѣніе меньшинства, подобно нижегородскому".

На это письмо отъ 16-го ноября 1858, я отвѣчалъ 30-го ноября: „Содержаніе письма вашего превосходительства,—писалъ я,—я докладывалъ господину министру. Вы получите отъ его высокопревосходительства конфиденціальное письмо, изъ котораго вы увидите, что о сдѣланномъ по симбирскому комитету распоряженіи доложено государю императору. Въ виды министерства не входитъ, чтобы кто нибудь изъ большинства членовъ комитета оставилъ комитетскія занятія, но несправедливо было бы оставлять безъ всякой защиты тѣхъ членовъ, которые своими мнѣніями помогаютъ правительству въ рѣшеніи трудной государственной задачи. Отъ васъ будетъ зависѣть устроить дѣло такъ, чтобы обѣ стороны остались въ комитетѣ. Лично о себѣ скажу только, что въ симбирскомъ дѣлѣ я дѣйствую несвободно, потому что несправедливо

обиженный—мой братъ, котораго я не могу защищать такъ, какъ бы я защищалъ всякаго другаго. Я при докладахъ представляю одни только факты и скорѣе лично ему дѣлаю вредъ, чѣмъ помощь".

Изъ Черниговской губерніи я имѣлъ свѣдѣнія отъ Г. П. Г. отъ 27-го января 1859 года. Г. П. писалъ мнѣ: „Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы работаемъ въ нашемъ черниговскомъ комитетѣ, проводя по возможности мысли, согласныя съ нашими убѣжденіями, стараясь всѣми силами преодолѣвать всевозможныя препятствія. Въ нашихъ трудахъ не достаетъ одной отрады—знать въ какой степени наши дѣйствія имѣютъ къ себѣ сочувствіе тамъ, гдѣ все окончательно должно рѣшиться. Нашъ черниговскій комитетъ, по составу своему, подобно многимъ другимъ комитетамъ Россіи, есть довольно вѣрное отраженіе состава всего общества дворянскаго. Оппозицію составляетъ большинство, въ которомъ два, три изъ членовъ умныхъ и съ нѣкоторымъ лоскомъ образованности ловко владѣютъ остальными и умѣютъ придать своимъ экономическимъ стремленіямъ обыкновенный видъ современныхъ идей. Меньшинство состоитъ изъ людей, извѣстныхъ своими убѣжденіями, но которые своимъ образомъ дѣйствій, предшествовавшимъ настоящему преобразованію, потеряли между дворянами популярность. Если вы имѣете время прочитывать нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ, то вы, можетъ быть, уже познакомились съ составомъ нашего комитета и съ образомъ мыслей нѣкоторыхъ изъ членовъ. Мы прошли до сихъ поръ пять главъ и скоро окончимъ шестую, и уже введены въ этой главѣ такія начала, которыя, по моему убѣжденію, совершенно вредны и противоположны тому, къ чему мы должны стремиться. Я думаю, что вы уже познакомились съ направленіемъ нашего большинства. Разнообразіе нашей губерніи страшно усложняетъ дѣло и помогаетъ большинству доказывать свои доводы разными условіями, въ которыхъ истину скрыть весьма легко. Меньшинство наше состоитъ только изъ нѣсколькихъ человѣкъ; изъ нихъ мой сочленъ отъ правительства — В. В. Тарновскій, о которомъ вы вѣроятно уже много слышали, и П. А. Васильчиковъ неутомимо дѣйствуютъ въ пользу добра. Изъ остальныхъ нашихъ сочленовъ С. и М.—люди, давно извѣстные въ краѣ своимъ благородствомъ

и независимымъ образомъ дѣйствій,—мало выставляютъ себя въ комитетскихъ преніяхъ.... Мы съ В. В. Тарновскимъ, какъ члены отъ правительства, находимся тѣмъ болѣе въ затруднительномъ положеніи, хотя и выгодномъ лично для насъ, что въ здѣшнемъ губернаторѣ встрѣчаемъ человѣка совершенно противоположныхъ съ нами мнѣній. Но скажите, какую мы можемъ имѣть надежду? Губернаторъ увѣряетъ, что̀ нашимъ комитетомъ у васъ очень довольны. Неужели довольны постановленіями нашего комитета? Какъ, напримѣръ, нормой усадебной земли, оцѣнкой усадьбы, безгласностію крестьянъ, крайне малымъ надѣломъ земли и тому подобнымъ? Мы не знаемъ, что̀ объ насъ пишутъ въ Петербургъ, мы не знаемъ: не жалуются-ли на насъ, не называютъ ли насъ, чтобы поколебать довѣріе, людьми, увлеченными непростительными фантазіями?"

Другое письмо Г. П. Гаврилова, отъ 20-го февраля, начиналось благодарностію за отвѣтъ.

„Я имѣлъ истинное удовольствіе,—писалъ онъ,—получивъ ваше письмо... Оно даетъ мнѣ надежду, что не всуе мы здѣсь трудились и что мы будемъ имѣть поддержку въ людяхъ, сочувствующихъ нашимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ"....

Членъ отъ правительства ярославскаго комитета, послѣ личныхъ со мной разговоровъ въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ изъ Ярославля отъ 5-го февраля 1859 года: „Сожалѣю, что не имѣю сказать ничего хорошаго о комитетѣ. Личное мое мнѣніе я имѣлъ случай выразить вамъ словесно. Убѣждаясь въ немъ, къ сожалѣнію, со всякимъ днемъ болѣе, я считаю долгомъ повторить его еще разъ".

У меня сохранилось темное представленіе о пререканіяхъ въ ярославскомъ комитетѣ; подробностей того, въ чемъ онѣ состояли, я не припомню, но, кажется, вслѣдствіе этихъ пререканій было предположено исключить изъ комитета двухъ членовъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, то исключеніе это не послѣдовало по поводу испрошенной черезъ губернатора отмѣны этой мѣры,—по крайней мѣрѣ въ спискѣ членовъ ярославскаго комитета не показаны уволенными тѣ два члена, о которыхъ я говорю и которые потомъ были выбраны депутатами въ редакціонныя коммисіи отъ ярославскаго комитета.

Калужскій губернаторъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 25-го января, т. е. черезъ полтора мѣсяца по открытіи комитета, слѣдующимъ образомъ описывалъ составъ калужскаго комитета:

„Хотя большинство членовъ калужскаго комитета желаетъ освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ надѣломъ полевой земли въ ихъ собственность; но въ составѣ комитета находятся также люди, во 1-хъ, заботящіеся исключительно объ угожденіи сословнымъ предразсудкамъ дворянъ и поддерживающіе злоупотребленія крѣпостнаго права, подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія дворянскихъ привилегій; во 2-хъ, члены, дѣйствующіе по указаніямъ и правиламъ винныхъ откупщиковъ и, наконецъ, въ 3-хъ, люди или безъ твердыхъ убѣжденій, или съ бюрократическимъ на этотъ жизненный вопросъ воззрѣніемъ. Благомыслящіе же члены, большею частію, люди молодые съ университетскимъ образованіемъ; они единодушно соединились около губернскаго предводителя дворянства и вице-предсѣдателя комитета, — представителей честныхъ и уважаемыхъ въ губерніи. Не смотря на сильную оппозицію и борьбу со стороны явныхъ и скрытыхъ защитниковъ крѣпостнаго порядка, полагающихъ надежду на опору въ Петербургѣ, просвѣщенные члены комитета имѣютъ до сихъ поръ преобладающее вліяніе и направляютъ вопросъ къ безобидному рѣшенію его для обоихъ сословій“.

У меня сохранились краткія свѣдѣнія о дѣятельности вятскаго комитета. Тогдашній вятскій губернаторъ писалъ ко мнѣ отъ 26-го марта 1859 г.: „Обязательное письмо ваше, въ которомъ вы такъ снисходительно отозвались о двухъ первыхъ главахъ вятскаго положенія, даетъ мнѣ поводъ надѣяться, что остальныя главы правительство найдетъ удовлетворительными, ибо онѣ, касаясь болѣе существенныхъ предметовъ, обработаны болѣе тщательно, чѣмъ двѣ первыя главы“. Въ вятской губерніи не могло быть такого разгара страстей: тамъ числилось всего 24 т. душъ крѣпостнаго населенія, не было и нѣтъ дворянскихъ собраній и самый комитетъ состоялъ только изъ пяти членовъ.

Изъ этихъ свѣдѣній о ходѣ работъ въ нѣсколькихъ комитетахъ можно видѣть какъ сильно было раздраженіе оппозиціоннаго

большинства и какъ трудно было небольшому числу прогрессивныхъ членовъ комитетовъ свободно высказывать свои мнѣнія въ пользу дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ той неравной борьбы, которая завязалась между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ губернскихъ комитетовъ. Министерство рядомъ административныхъ распоряженій и испрошенныхъ высочайшихъ повелѣній, о которыхъ подробно будетъ сказано ниже, старалось оградить отъ посягательствъ оппозиціоннаго большинства независимое положеніе либеральныхъ членовъ и свободу выраженія мнѣній, согласныхъ съ высочайше утвержденными началами, а также, и въ тѣхъ же видахъ, установить внѣшній порядокъ комитетскихъ разсужденій. Но, къ несчастію, всѣ принятыя министерствомъ мѣры оказались недостаточными для предупрежденія крайняго фанатическаго проявленія страстей, взволнованныхъ и сословными интересами, и личными матеріальными разсчетами, и затронутымъ самолюбіемъ. Все это въ большей части случаевъ основывалось на ложномъ понятіи о значеніи дворянскаго сословія и о дворянской чести, сопровождаемомъ закоренѣлыми предразсудками, противъ которыхъ были безсильны всякіе логическіе доводы.

Такое крайнее раздраженіе съ особенной силой обнаружилось одновременно въ двухъ комитетахъ: въ тульскомъ и рязанскомъ противъ членовъ отъ правительства: тульскаго комитета—В. А. Черкасскаго, и рязанскаго—А. И. Кошелева. И тотъ, и другой изъ этихъ двухъ лицъ своими мнѣніями постоянно возбуждали негодованіе въ большинствѣ, защищавшемъ дворянскіе интересы. Непосредственнымъ поводомъ къ крайнему проявленію этого негодованія послужила статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", написанная ихъ пріятелемъ И. С. Аксаковымъ въ защиту ихъ комитетской дѣятельности. Въ этой статьѣ Аксаковъ выразился довольно рѣзко о сопротивленіи, которое они встрѣчали по крестьянскому дѣлу въ комитетахъ, въ которыхъ засѣдали.

Вражда противъ князя Черкасскаго, возникшая въ комитетѣ, была перенесена въ открывшееся во время дѣйствій комитета очередное губернское дворянское собраніе. Большинство комитета, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ его членовъ П., жалова-

лось на Черкасскаго дворянскому собранію и просило объ исключеніи его изъ собранія. Просьба подписана эта была не только членами комитетскаго большинства, но къ нимъ присоединились и другіе дворяне, такъ что всѣхъ подписавшихся, сколько я помню, было до 60 человѣкъ. Дѣйствія нѣкоторыхъ дворянъ Тульской губерніи не ограничились попыткою подвергнуть суду дворянства дѣйствія одного изъ членовъ отъ правительства губернскаго комитета. Во время тѣхъ же выборовъ, тотъ же членъ комитетскаго большинства внесъ на обсужденіе дворянскаго собранія свое мнѣніе о передачѣ проекта положенія, который будетъ составленъ комитетомъ, на разсмотрѣніе дворянскаго собранія.

Члены большинства Рязанской губерніи требовали отъ Кошелева: или печатнаго неодобренія статьи Аксакова, или выхода изъ комитета. Кошелевъ не согласился ни на то, ни на другое. При такихъ враждебныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ дальнѣйшее продолженіе занятій какъ въ тульскомъ, такъ и въ рязанскомъ комитетахъ дѣлалось невозможнымъ. Въ подобномъ же положеніи находились два другіе комитета: владимірскій и тамбовскій. Подробностей о тамбовскомъ комитетѣ у меня не сохранилось, но если вспомнить, что тамъ въ числѣ дворянскихъ членовъ были два брата Бланки, которые до сихъ поръ не могутъ помириться съ освобожденіемъ крестьянъ, то тамъ дѣло не могло обойтись безъ самыхъ сильныхъ пререканій. Я выше привелъ свѣдѣнія о владимірскомъ происшествіи, но думаю, какъ я уже замѣтилъ, что онѣ были не совсѣмъ безпристрастны. Несомнѣнно только то, что виновники этого столкновенія были крайніе крѣпостники и притомъ люди весьма рѣзкихъ формъ; одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ особенно надменный и заносчивый, горячо защищавшій дѣло и, можетъ быть, не удержавшійся отъ неосторожныхъ выраженій. По существу онъ былъ правъ, потому что изъ свѣдѣній того же владимірскаго корреспондента видно, что крѣпостная партія не была слишкомъ разборчива на средства для достиженія своихъ цѣлей.

Министерству внутреннихъ дѣлъ предстояла трудная задача: выйдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое ставили его столкновенія въ четырехъ комитетахъ. Правда, у него былъ

уже примѣръ въ прошедшемъ—увольненіе, по высочайшему повелѣнію, члена нижегородскаго комитета П.; но министерству не хотѣлось прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ, между тѣмъ нельзя было оставить безъ защиты тѣхъ немногихъ союзниковъ, которыхъ министерство имѣло въ составѣ губернскихъ комитетовъ. Имѣлась въ виду другая комбинація, о которой мнѣ писалъ К. изъ Рязани. Онъ предлагалъ распустить рязанскій комитетъ и образовать новый, составивъ его изъ членовъ и кандидатовъ къ нимъ стараго комитета по одному (вмѣсто двухъ) отъ каждаго уѣзда, по соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ.

Подобная комбинація была еще менѣе удобна, потому что если за исключеніе одного или двухъ членовъ упрекали правительство, что оно исключаетъ членовъ за несогласныя съ правительствомъ мнѣнія, то предлагаемая комбинація могла повести за собой упрекъ болѣе основательный, что правительство само, помимо избирателей, составляетъ для себя большинство въ комитетахъ. Кромѣ того, всѣ неназначенные въ новый комитетъ прежніе члены оказались бы самыми яростными врагами дѣла и правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ агитаторами мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Распустить комитеты и произвести новые выборы было также не удобно. Это значило взволнованныя страсти и оскорбленныя самолюбія перенесть изъ комитетовъ въ многолюдныя дворянскія собранія, и при томъ было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что при новыхъ выборахъ избиратели не только оставили бы оппонирующихъ правительству членовъ, но замѣнили бы болѣе покойныхъ членовъ новыми, отличавшимися крайнимъ антиправительственнымъ направленіемъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній министерство рѣшилось ходатайствовать о примѣненіи къ четыремъ поименованнымъ комитетамъ того же способа, который былъ употребленъ для возстановленія порядка въ нижегородскомъ комитетѣ, при чемъ на мѣсто удаленныхъ членовъ поступили ихъ кандидаты.

Такимъ образомъ мѣра увольненія членовъ изъ комитетовъ была примѣнена, кромѣ нижегородскаго, еще къ четыремъ комитетамъ, всего 8 членовъ, хотя и неодновременно, но въ теченіи весьма короткаго времени,—зимой 1858 и 1859 годовъ.

Послѣдствія показали, что принятый правительствомъ способъ прекращенія комитетскихъ столкновеній имѣлъ желанный успѣхъ; безпорядки прекратились; правильныя занятія комитетовъ были возстановлены; члены сами обращались къ правительству съ просьбой о возвращеніи ихъ въ комитетъ.

Я. А. Соловьевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ.]

УКАЗЪ ПЕТРА I О БЕЗЧЕСТНЫХЪ СЛОВАХЪ.

1700 г.

Въ Указѣ Петра I-го о безчестныхъ словахъ, найденномъ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ между бумагами Желтухина и помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ" 1871 г. изд. 1. т. IV, стр. 682, вкрались явныя описки. Вотъ точный списокъ 1703 года, напечатанный въ IV-мъ томѣ Дворцовыхъ Разрядовъ, Спб. 1855 г., стр. 1132, и заимствованный издателями изъ 2-й части Россійскаго магазина Туманскаго, Спб. 1793, стр. 317. Н. В.

1700-го года, мая въ 11-й день, Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ. По сему вышеписанному челобитью Сенофанту Алымову на Григорья Батурина въ безчестьѣ, что онъ, Григорей, говорилъ ему, что онъ смотритъ на него звѣрообразно,—отказать; да и впредь буде кто на кого въ такихъ или въ иныхъ къ тому принятыхъ не дѣльныхъ итѣхъ (sic; т. е. истѣхъ, искахъ) учнутъ великому государю бить челомъ въ приказѣхъ судьямъ отказать и челобитья не принимать и никого не допрашивать. А Ксенофонту Алымову за такое ево не дѣльное челобитье доправить петдесятъ рублевъ; а взявъ съ него тѣ денги, раздать изъ разряду на милостыню въ богадѣльни нищимъ, чтобъ впредь инымъ въ такихъ не дѣльныхъ итехъ (sic; см. выше), бить челомъ было неповадно. И сей его великаго государя указъ въ разрядѣ закрѣпилъ думной дьякъ Протасей Никифоровъ.

А нынѣ въ Судномъ Московскомъ Приказѣ бить челомъ великому государю многіе челобитчики стали на отвѣтчиковъ въ разныхъ бесчестіяхъ своихъ, что называли исцовъ они, отвѣтчики, на словахъ:

1) волно-де тебѣ лаять; 2) называть шпынкомъ турецкимъ; 3) изъ подъ бочки тебя тащили; 4) не Воротынской-де ты лаешь; 5) робенкомъ; 6) сынчишкомъ боярскимъ; 7) мартынушкомъ мартышкомъ; 8) черти тебѣ сказываютъ; 9) трусомъ; 10) отецъ твой лаптемъ шти хлебалъ и отецъ твой лапотникъ, и сулилъ сыромятную кожу и яло-

вичьи сапоги; 11) подговаривалъ; 12) злодѣемъ; 13) подскорбою; 14) поди только въ допросъ, а что соберешь и то очищу, и вчерась было меня на площади удавилъ; 15) разоренье-де мнѣ отъ тебя; 16) мучилъ-де ты меня; 17) пріѣхалъ-де ты на чужую землю грабителемъ.

И того-жъ 1700 году, мая въ 24-й день, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, сей выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили: челобитчикамъ всякихъ чиновъ людемъ, которые (учнутъ) бить челомъ ему, великому государю, на отвѣтчиковъ въ разныхъ безчестіяхъ своихъ, что называли ихъ истцовъ они, отвѣтчики, на словахъ, противъ всѣхъ вышеписанныхъ статей, въ тѣхъ ихъ бесчестіяхъ— отказать, и взявъ у нихъ сказки за руками съ подкрѣпленіемъ и доправить на нихъ, съ тѣхъ истцовъ, великаго государя, пошлинныя деньги вдвое, за то, что они, истцы, били челомъ на нихъ отвѣтчиковъ, прилічая тѣ слова къ бесчестію приметками своими, и чтобъ въ такихъ словахъ оныхъ, подобнымъ тому, впредь бить челомъ великому государю имъ челобитчикамъ было неповадно.

Сообщ. въ 1871 г. Н. П. Барсуковъ.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

столѣтняя годовщина его открытія.

1782—1882.

7 августа 1882-го года исполнилось сто лѣтъ со дня открытія памятника Петру Великому императрицею Екатериною II; открытіе это совпадало съ 100-мъ днемъ его восшествія на престолъ, такимъ образомъ день 7 августа представляетъ день двойнаго торжества, соединеннаго съ воспоминаніемъ о великомъ преобразователѣ Россіи и великой государынѣ, воздвигшей ему памятникъ, который, по ея собственнымъ словамъ, „вполнѣ долженъ былъ выразить чрезвычайную предпріимчивость и смѣлость великаго царя, давшаго огромному государству Россійскому организацію и просвѣщеніе".

По этому поводу мы въ краткихъ словахъ напомнимъ исторію сооруженія памятника Петру I.

Еще Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ (1724 году) говоритъ, что „графъ Растрелли подарилъ герцогу Голштинскому бюстъ своей работы Петра В.," сдѣланный изъ особаго рода гипса и окрашенный металлическою краскою, за что 19 февр. Берхгольцъ, въ благодарность отъ герцога, свезъ въ подарокъ гр. Растрелли 100 руб., при чемъ графъ показывалъ ему три модели, именно: „конной статуи императора, которая будетъ имѣть 54 фута вышины, пѣшей—вышиной въ 64 фута, и колонны, на которой будутъ обозначены всѣ побѣды Его В." Поэтому надо полагать, что уже тогда птенцы Петра уговорили его сдѣлать себѣ памятникъ.

Затѣмъ въ 1743 г. 22 іюля императрица Елисавета Петровна приказала сдѣлать два мѣдныхъ портрета (статуи) Петра Великаго. Одинъ изъ нихъ былъ отлитъ итальянцемъ, штукатурныхъ дѣлъ мастеромъ, Александромъ Мартелліемъ, и по этому поводу, 19 августа 1764 г., канцелярія отъ строеній донесла сенату, что статуя, сидящая на конѣ [1]), сдѣлана Мартелліемъ и что онъ требуетъ 40.937 рубл. на окончательную отдѣлку памятника и

---

[1]) Бакмейстеръ въ „Историческомъ извѣстіи" о изваянномъ конномъ изображеніи Петра В. (1786) свидѣтельствуетъ, что статуя эта была отлита въ 1747 году. И. В.

на выдачу жалованья рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно будетъ ли угодно Е. И. В—ству приказать окончить эту статую, то пусть генералъ-поручикъ Бецкій доложитъ объ этомъ императрицѣ. 16 октября Бецкій донесъ, что „вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго государыня апробовать не соизволила въ разсужденіе того, что не сдѣланъ искуствомъ такимъ, каково-бъ должно представить великаго монарха и служить къ украшенію столичнаго города“ (журналъ Сената отъ названнаго числа). Впослѣдствіи этотъ памятникъ былъ поставленъ императоромъ Павломъ Петровичемъ передъ своимъ дворцомъ, нынѣ инженернымъ замкомъ.

Въ слѣдующемъ 1765 г. императрица Екатерина II въ письмѣ своемъ къ Вольтеру, благодаря за присланную имъ исторію Петра Великаго, говоритъ [1]): „Естьли-бы въ то время, какъ вы начали сіе твореніе, была я то, что теперь, то бы я доставила вамъ и многія другія записки. По истиннѣ не можно довольно надивиться уму сего великаго человѣка. Я приказала собирать отовсюду оригинальныя его письма, и хочу ихъ напечатать. Онъ себя въ нихъ живо изображаетъ. Превосходнѣе всего въ его характерѣ было то, что сколько онъ ни былъ горячъ, но истина всегда брала надъ нимъ верхъ, и одно сіе заслуживаетъ, думаю, чтобъ ему воздвигнуть статую“.

Въ 1766 г. для составленія проэкта былъ вызванъ французскій скульпторъ Фальконетъ, ученикъ профессора Парижской академіи Лемуана; такъ какъ о Фальконетѣ біографическія свѣдѣнія помѣщены на страницахъ „Русской Старины“ за 1872 г., то мы объ нихъ не будемъ распространяться, напомнимъ только, что голова статуи памятника Петра Великаго вылѣплена сожительницею Фальконета, сдѣлавшеюся впослѣдствіи его женою, Каллотъ [2]).

Первоначальный проэктъ памятника Петру Великому былъ сдѣланъ Фальконетомъ безъ коня, и рисунокъ его помѣщенъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ за 1862 г. [3]).

---

[1]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, переводъ съ французскаго, Москва, 1802 г., стр. 3.

[2]) XVII томъ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“ посвященъ перепискѣ Екатерины II съ Фальконетомъ.

[3]) № 28, 10 октября. И. В.

Вторичный проэктъ памятника Петру Великому, въ которомъ Фальконетъ представилъ его скачущимъ на мощномъ конѣ на громадную скалу, удовлетворилъ желанію императрицы. Но при этомъ представился вопросъ: какъ найти такой камень и какъ его доставить на мѣсто? Первоначальная мысль Фальконета была составить скалу изъ нѣсколькихъ камней, соединенныхъ желѣзными или мѣдными скобами, но бывшій въ то время оберъ-полиціймейстеромъ въ С.-Петербургѣ графъ Карбурій[1]) доказалъ ненадежность такого пьедестала, котораго скобы отъ времени будутъ ржавѣть, ломаться, отчего и связь скалы можетъ, наконецъ, рушиться. Императрица признала мнѣніе графа Карбурія заслуживающимъ вниманія и нашла необходимымъ, согласно этому мнѣнію, высочайше повелѣть представить проэктъ постройки памятника на разсмотрѣніе въ сенатъ, который, не смотря на значительныя издержки и затрудненія, утвердилъ заманчивую мысль Карбурія составить подножіе изъ одной скалы. Но такъ какъ нигдѣ не могли найти такого огромнаго камня, то снова готовы были отказаться отъ мысли Карбурія и опять возвратиться къ модели Фальконета, но когда хотѣли приступить къ работѣ—явились новыя препятствія, которыхъ прежде не предвидѣли. Такъ отдѣльные камни, изъ которыхъ предполагалось составить подножіе, для цѣльности впечатлѣнія должны были быть одноцвѣтные и вѣсъ каждаго изъ нихъ долженъ былъ равняться 25.000 пуд. Все лѣто 1768 г. прошло въ поискѣ этихъ камней и лучшій изъ найденныхъ находился близь Кронштадта; величина его была равна половинѣ предназначеннаго основанія и его хотѣли соединить съ другими кусками гранита, которые надѣялись отыскать или вывезти изъ Финляндіи. Было дано адмиралтейству приказаніе перевезти этотъ камень, но оно отказалось по невозможности исполненія. Императрица, недовольная медленностію поисковъ и нераспорядительностію адмиралтейства, назначила самаго графа Карбурія распорядителемъ работъ, въ полной надеждѣ на его энергическія мѣры къ осуществленію проэкта, имъ же самимъ представленнаго. Несмотря на все старапіе Карбурія, онъ не могъ

---

[1]) Графъ Карбурій сначала служилъ при Бецкомъ подъ именемъ кавалера Ласкари, какъ о томъ онъ самъ говоритъ въ изданномъ имъ описаніи, in folio, въ Парижѣ: „Monument élevé à la gloire de Pierre le grand ou relation des travaux et des moyens mechaniques", 1777 г., съ 12 листами гравюръ, изображающими всѣ машины и способы перевозки и обдѣлки камня. И. Б.

оправдать довѣрія императрицы, такъ какъ не находилъ подходящей величины камней.

Во время такого неопредѣленнаго положенія дѣла о прiисканіи нужнаго камня, къ Карбурію явился казенный крестьянинъ Семенъ Вешняковъ съ радостною для него вѣстію, что въ болотистомъ лѣсу, близь деревни Лахты, въ Кареліи, лежитъ огромный камень, на которомъ, по преданію, нѣкогда стоялъ Петръ Великій, обозрѣвая мѣсто сраженія, при началѣ шведской войны. Скала находилась въ 21 верстѣ отъ Петербурга, лежала въ глубинѣ 15 фут. въ болотѣ, изъ котораго возвышалась только на 6 фут. и имѣла 12 саж. длины, 3 ширины и 3 вышины и вѣсила до 100 т. пуд.

Не станемъ распространяться о подробностяхъ перевозки этого камня, скажемъ только, что даже жестокая зима 1770 г. не остановила императрицу со всѣмъ дворомъ пріѣхать посмотрѣть на странствующую гору [1]). Главнымъ распорядителемъ при поднятіи и перевозкѣ камня былъ Страсбургскій механикъ Фигнеръ, а для устраненія встрѣчавшихся затрудненій г. Ласкари придумалъ особый удобный механическій способъ и модель его перевозки камня хранится въ императорской академіи наукъ [2]).

Наконецъ 22 сентября, въ день коронованія императрицы, скала, совершивъ 12 верстъ плаванія, проплывъ мимо Зимняго дворца, прибыла благополучно къ тому мѣсту, противъ котораго на площади предположено было воздвигнуть памятникъ. Вечеромъ блестящая иллюминація освѣтила городъ, и исполинскій камень, столь давно желанный гость, былъ всеобщимъ предметомъ для разговора жителей столицы.

Насталъ, наконецъ, день выгрузки. Пологій скатъ на берегъ оконченъ; всѣ люди поставлены по своимъ мѣстамъ. Данъ былъ знакъ, подпоры отняли, и камень вдругъ, отъ собственной своей тяжести, скатился на берегъ. Шесть мачтовыхъ деревьевъ превратились въ щепы, какъ тонкія жерди; работники при шпиляхъ сваливались, не бывъ въ состояніи удержать быстроту камня. Пазы судна раскрылись, и въ продолженіе минуты времени впустили въ трюмъ до 3-хъ фут. воды. Но скала легла на берегу

---

[1]) Миніатюристъ Фанъ-Бларембергъ срисовалъ и сохранилъ для потомства картину этого посѣщенія.

[2]) „Славянанъ“ за 1826 г., статья: Россійскіе памятники, стр. 15.

И. В.

столицы, совершенно цѣлая. Никакого несчастія съ работниками не было. Дальнѣйшій путь скалы былъ истинно торжественный и совершился въ присутствіи многихъ тысячъ зрителей, въ числѣ которыхъ находился принцъ Генрихъ, братъ Фридриха Великаго.

Въ память доставленія въ Петербургъ скалы, императрица приказала вычеканить медаль, на одной сторонѣ которой изображена императрица, а на другой самъ камень съ надписью: „Дерзновенію подобно". Исторія перевозки камня изображена въ трехъ гравюрахъ на мѣди, которыя хранятся въ залахъ императорской публичной библіотеки.

Модель самаго памятника была окончена Фальконетомъ въ іюлѣ 1769 г., и онъ по этому случаю написалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующее: „Совершилъ я свою работу! О, если бы приведенный мною къ концу памятникъ достоинъ былъ и монархини, оный воздвигнувшей, и великаго мужа, имъ изображаемаго; благоугоденъ былъ той части народа, коего чувствительное сердце и высокій духъ обрѣтаетъ оную въ изящныхъ художествахъ; если бы оный не постыдилъ ни художества, ни моего отечества, тогда бы я могъ съ Гораціемъ сказать: „не весь умру" [1]).

Отливка памятника, которую сперва не бралъ на себя Фальконетъ, принявши только главный надзоръ за работами, поручена была литейному мастеру Эрсману, прибывшему изъ-за границы въ 1772 г. Для опыта Эрсманъ отлилъ прежде Фальконетову фигурку, изображающую мальчика, вынимающаго занозу изъ ноги, и вслѣдъ затѣмъ приступилъ къ устройству плавильной печи въ домѣ, который нарочно для того былъ построенъ возлѣ самаго монумента. Эрсманъ взялся совершить всю работу за 140 т. ливровъ, но въ это время между обоими художниками возникли несогласія, окончившіяся тѣмъ, что Эрсманъ былъ удаленъ [2]), а Фальконетъ, до того времени не довѣрявшій себѣ въ новомъ для него дѣлѣ, сдѣлался полнымъ распорядителемъ отливки; въ 1774 году онъ приступилъ къ дѣлу, выговоривъ себѣ гонораръ въ 80,000 ливровъ за отливку и 15,000 ливровъ своимъ помощникамъ; въ

---

[1]) Бесѣда о Петрѣ Великомъ, Ивановскаго. Спб. 1872 г., стр. 31.
[2]) „Библіотека для чтенія" за 1857 г. № 9, смѣсь, стр. 156.

помощь себѣ онъ вызвалъ изъ Франціи литейщиковъ Гастклу [1]) и Помеля оба эти француза едва не заплатили жизнью за опрометчивость. Къ счастію, надзоръ за плавильною печью порученъ былъ русскому пушечному мастеру Хайлову. Это было 7-го августа 1775 г. Разсказываютъ, что во время отливки лопнула одна изъ трубокъ; металлъ началъ разливаться; загорѣлся тесъ; испуганные работники и самъ Фальконетъ спѣшили изъ мастерской; еще нѣсколько минутъ и девятилѣтній трудъ художника погибъ бы невозвратно, если бы не мастеръ Хайловъ; онъ одинъ остался въ литейной и неустрашимостію своею и смѣтливостію остановилъ угрожавшее несчастіе; заткнувъ глиною щель трещины, онъ остановилъ металлъ и успѣлъ потушить пламя.

Обстоятельство это было однако причиною, что верхняя часть всадника отъ колѣнъ, также грудь и голова коня, остались не отлитыми и самое изваяніе было окончено не ранѣе 1777 г.

Стеченіе различныхъ обстоятельствъ, въ особенности несчастный случай во время отливки изваянія и самовольное уменьшеніе камня, который, по его приказанію, въ началѣ на самомъ мѣстѣ его нахожденія былъ отбитъ отъ верха на 2½ фут. и потомъ вторично убавленъ въ длину на 5 фут., послѣ чего Фальконету запрещено было убавлять его, но несмотря на то, когда камень поставленъ былъ уже на мѣсто, то Фальконетъ еще заставилъ отбить отъ него кусокъ въ два фута, причемъ оправдывался тѣмъ, что не изваяніе дѣлается для подножія, но подножіе для изваянія. Эти причины заставили Фальконета, послѣ 12-ти лѣтняго пребыванія въ Россіи, въ сентябрѣ 1778 г., оставить Петербургъ [2]).

По отъѣздѣ Фальконета окончательныя работы надъ памятникомъ поручены были находившемуся при его обработкѣ извѣстному архитектору, ученику графа Растрелли, Юрію Матвѣевичу Фельтену (1730—1801 гг.), бывшему впослѣдствіи директоромъ академическаго училища.

Модель змѣи, находящійся подъ ногами лошади, служащая опорою всей статуи, сдѣлана русскимъ извѣстнымъ скульпторомъ Гордѣевымъ (1744—1812 гг.).

---

[1]) Подъ руководствомъ его образовался знаменитый литейщикъ И. А. Х. Вас. Петр. Екимовъ (1758 † 1837).

[2]) Энциклопедическій словарь Крайя, т. XI стр. 10. И. Н.

Сооруженіе всего памятника обошлось казнѣ въ 424.610 руб. ассиг., изъ которыхъ на Фальконета употреблено 92.296 руб. Высота статуи съ конемъ отъ поверхности подножія 17½ фут., а одного всадника 11 фут.; вѣсъ всей статуи 1100 пуд., для удержанія же равновѣсія въ задней части лошади положено 250 пуд. желѣза; скачь коня возвышенъ отъ горизонтальной линіи на 10°.

Описаніе торжества открытія памятника напечатано въ № 79 Спб. Вѣдомостей за 1782 г. Оно начинается такъ: „Открытіе монумента государя Петра Перваго былъ такой случай, который въ памяти всѣхъ здѣшнихъ жителей останется навсегда незабвеннымъ", и далѣе: „въ 2 часа начали собираться полки и заняли мѣсто, первымъ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, имѣя передъ собою своего подполковника (полковникомъ была, какъ извѣстно, сама императрица), князя Гр. Алекс. Потемкина; послѣ онаго предводительствуемые своими командирами, измайловскій, бомбардирскій, 2 й артиллерійскій, пѣхотный кіевскій и ново-троицкій кирасирскій, наконецъ, лейбъ-гвардіи конный и семеновскій полки заключали строй войска, простиравшагося до 15,000 человѣкъ, которымъ командовалъ фельдмаршалъ князь Голицынъ. Посреди площади, названной Петра I, на мѣстѣ памятника взорамъ народа представлялась дикая каменная гора, вышиною 5, а въ окружности 32 сажени; когда монархиня явилась (въ 4-мъ часу), сигналъ данъ ракетою, и вдругъ невидѣннымъ дѣйствіемъ, къ удивленію зрителей, изображенная каменная гора унижаясь, мечтала видѣнію всѣхъ изъ нея возвышающагося героя; и, наконецъ изчезнувъ со всѣхъ сторонъ безъ остатка, такъ что не малаго слѣда не осталось, показала изумленнымъ очамъ зрителей Петра на конѣ, какъ будто бы изъ нѣдръ оной внезапно выѣхавшаго на поверхность огромнаго камня, съ распростертою повелительною десницею".

„Все войско едва увидѣло зиждителя своего, отдало ему честь ружьемъ и уклоненіемъ знаменъ, а суда поднятіемъ флаговъ и пальбою, начавшеюся съ обѣихъ крѣпостей (въ то время адмиралтейство, обнесенное валомъ и рвомъ, представляло крѣпость), судовъ и бѣглымъ огнемъ полковъ".

„Въ то же время д. с. с. Ив. Ив. Бецкой поднесъ Е. И. В. разныя медали, на сей случай сдѣланныя. Напротивъ чего Е. И. В. соизволила оказать ему Высочайшее благоволеніе собственноручнымъ врученіемъ большой золотой медали, приказавъ подать себѣ оную его превосходительству г. оберъ-церемонійместеру Матв. Ѳед. Капталпискому, которому послѣ препоручона раздача по чинамъ золотыхъ и серебряныхъ медалей и жетоновъ для унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и прочихъ того-же званія".

Кромѣ Бецкаго, получить большую золотую медаль, выбитую въ память открытія монумента, удостоился престарѣлый морякъ Матвѣй Дерезинъ, вступившій на службу при жизни государя Петра В., въ 1715 г., а уволенный отъ службы въ 1763 г., съ чиномъ капитанъ-командора, съ пожалованіемъ отъ Ея И. В. пенсіона по смерть его; отъ роду ему было 98 лѣтъ. Объ этомъ событіи разсказано въ № 74 тѣхъ же Вѣдомостей, при чемъ сообщеніе заключено такъ:

„Сколь счастливы дожившіе и живущіе въ блаженныя и златыя времена безпримѣрныя въ человѣколюбіи Великія и Премудрыя Екатерины! Нѣтъ трудовъ, нѣтъ службы, когда либо показанныхъ, кои бы оставались въ забвеніи. Таковъ есть благополучный нашъ жребій".

11*

„До открытія памятника, говоритъ С. Н. Глинка, туманъ застилалъ дневное сіяніе; но едва явился Петръ, сидящій на конѣ, солнце явилось въ полномъ блескѣ и раздались радостныя восклицанія жителей, изъ которыхъ нѣкоторые еще помнили черты лица того, „кѣмъ всегда увеселялись ихъ очи“ [1]).

Выбитая медаль съ одной стороны изображала августѣйшую соорудительницу памятника, а съ другой—самый памятникъ; въ этотъ же день высочайшимъ манифестомъ прекращены всѣ 10-тилѣтнія тяжбы; всѣ должники, просидѣвшіе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ, освобождены, и всѣ государственные долги, простиравшіеся не свыше 600 рубл., прощены.

Благодаря этому манифесту былъ освобожденъ изъ тюрьмы извѣстный Голиковъ (1735—1801 гг.), который спустя шесть лѣтъ, именно въ 1788 году, началъ издавать свой обширный сборникъ: „Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи“.

Событіе открытія памятника послужило, какъ говорятъ, сюжетомъ драмы, написанной на нѣмецкомъ языкѣ, которая, по словамъ лѣтописца русскаго театра, Пимена Николаевича Арапова, была дана на русской сценѣ. Именно на стр. 175 своей лѣтописи онъ говоритъ, что „въ 1806 г. 15 сентября давали замѣчательную драму „Монументъ Петра Великаго“ въ 1 дѣйств., переводъ съ нѣмецкаго Краснопольскаго. Преданіе повѣствуетъ, что сюжетъ этой пьесы взятъ изъ происшествія, случившагося въ Петербургѣ, во время открытія монумента; очень жаль, заключаетъ авторъ, что нѣтъ слѣдовъ къ отысканію этой піесы“.

Въ заключеніе скажемъ, что во всѣ послѣдующія царствованія были сооружаемы памятники Петру Великому: такъ при Павлѣ I на площади Михайловскаго (нынѣ Инженернаго) замка въ Петербургѣ; при Александрѣ I въ 1809 г., ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ Полтавскаго сраженія, въ г. Полтавѣ; при томъ же императорѣ въ Петрозаводскѣ и у верхнихъ воротъ петровскаго шлюза на Маріинской системѣ; при Николаѣ I во Владимірской губ. въ селѣ Веськовѣ на берегу Плещеева озера, открытъ 17 августа 1852 г.; при Александрѣ II въ г. Кронштадтѣ, новый памятникъ въ г. Петрозаводскѣ и обелискъ въ Нарвѣ.

7-го августа 1882 г. И. Н. Божеряновъ.

---

[1]) Русская исторія Сергѣя Глинки, ч. IX стр. 192.

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БАЛАКИРЕВЪ.

1699—1763 гг.

Съ изданіемъ сборника Голикова „Дѣянія Петра Великаго" сложился полуфантастическій образъ юркаго, остроумнаго дальновиднаго, почти всезамѣчающаго и, при первомъ удобномъ случаѣ, высказывающаго кстати, не обращая вниманія ни на какое лицо, рѣзкія истины въ формѣ анекдота или побасенки—шута царскаго изъ русскихъ, съ прозваніемъ Балакиревъ. Въ его фантастическомъ лицѣ,—такъ какъ иначе нельзя назвать типъ не просто прикрашеннаго, но совмѣщающаго въ себѣ отдѣльныя качества многихъ остроумцевъ разныхъ временъ, пріурочивая всесвѣтныя остроты къ лицу преобразователя,—нисколько не съумѣли воплотить эпохи преобразованій (не зная ее достаточно) позднѣйшіе сочинители „анекдотовъ Балакирева". Въ анекдотахъ этихъ нѣтъ ничего настолько характернаго, чтобы мы чувствовали вѣяніе извѣстныхъ идей, присущихъ обществу живому и несущему на себѣ гнетъ ненормальнаго порядка вещей,—какъ бываетъ въ ту пору, когда ломка стараго совершается съ быстротою, захватывающею духъ, а новыя формы условій общественныхъ для самыхъ зоркихъ наблюдателей оказываются чѣмъ-то неуловимымъ, получающимъ краски или черезъ чуръ яркія, или грязно тяжелые оттѣнки знакомыхъ уже тоновъ, возбуждая безотчетный страхъ за будущее, у большинства, и у немногихъ — блестящее представленіе добра и блага. Въ такую эпоху острота бываетъ жестка и сатирична, но характерна и пропитана особенностями бытовыми, живо представляя дѣйствительность съ анормальностями ея, высказавшимися ощутительно на личностяхъ, возбуждавшихъ сатирическія выходки. Есть ли что-либо подобное, хоть въ одномъ анекдотѣ, приписываемомъ Балакиреву?—можно смѣло отвѣтить — нѣтъ. Не говоря уже о безпрестанныхъ анахронизмахъ и отсутствіи типичности рѣчи, будто бы несохранившейся въ памяти, когда вся и сущность остроты заключается въ ея характерной формѣ живаго слова, внушеннаго извѣстными обстоятельствами, и внѣ этой обстановки не имѣющаго смысла. Только одно незнаніе прошлаго и желаніе слышать о славной эпохѣ Петра I, перевернувшаго верхъ дномъ всѣ поня-

тія старой, чинной Москвы, могло раскупать подносимыя подъ именемъ анекдотовъ измышленія невѣждъ и не трудившихся даже прикрывать свое недалекое исканье мнимой старины. Все шло за чистую монету—кулаки московскіе, издатели народныхъ книгъ не дороже трехъ—четырехъ алтынъ, успѣли семьдесятъ изданій „анекдотовъ Балакирева" напечатать и сбыть своей довѣрчивой публикѣ, и ни одинъ изыскатель, понимающій нелѣпость и бездарность такъ называемыхъ „анекдотовъ Балакирева", не подалъ голоса сомнѣнія въ подлинности ихъ, не заподозривъ ни одной выходки, прямо докладывающей о своей новизнѣ и невозможности принадлежать къ Петровской эпохѣ.

Издатели „анекдотовъ", якобы взятыхъ изъ Петровской эпохи и времени Анны Іоанновны, продолжаютъ до нашихъ дней именовать Балакирева — шутомъ Петра Великаго; между тѣмъ уже изъ процесса камергера Монса [1]), извѣстно, что Балакиревъ не занималъ при первомъ нашемъ императорѣ шутовской должности, а былъ только смышленый камеръ-лакей Екатерины I Алексѣевны, за свою ловкость въ передаваніи ея посланій Монсу подвергшійся наказанію. Не благовидно со стороны издателей якобы анекдотовъ Балакирева, знающихъ, что уже такъ называемые анекдоты Балакирева окрещены его именемъ въ недавнее время, а именно въ 1831 году, все еще утверждать, что анекдоты будто бы ему принадлежали, тогда какъ въ 1831 году вставлена фамилія мнимаго шута въ собраніе анекдотовъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго А. Даниловымъ еще въ концѣ XVIII вѣка. А до того времени объ анекдотахъ Балакирева не было слышно, и первый Голиковъ назвалъ его шутомъ Петра Великаго.

Подлинная исторія представляетъ Балакирева, позднѣйшими пускателями въ свѣтъ небылицъ пожалованнаго въ шуты Петра Великаго вовсе не шутомъ и не назначавшимъ себя для той роли, которая выпала на его долю въ дни Анны.

Иванъ Алексѣевичъ Балакиревъ былъ дворянинъ Костромской губерніи, родился въ 1699 году и въ 1715 году представленный на смотръ государю, въ Петербургѣ, попалъ въ солдаты

---

[1]) Подробно изложенъ въ монографіи М. И. Семевскаго: „Семейство Монсовъ", Спб., 1861 г.

въ Преображенскій полкъ и взятъ царемъ въ прислугу, во дворецъ, не ранѣе 1719 года. Тамъ попалъ онъ въ ѣздовые къ государынѣ; какъ расторопный человѣкъ, онъ скоро выдѣлился изъ ряда собратій и принятъ Монсомъ подъ особенное покровительство. Доносъ, погубившій Монса, привлекъ къ аресту и допросу, знавшаго эти сношенія съ камергеромъ государыни, Балакирева; его приговорили къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Рогервикъ. Процессъ и наказаніе совершились въ ноябрѣ 1724 г., а 28 января 1725 г. воцарилась, по смерти Петра В., Екатерина I и воротила изъ ссылки, преданнаго ея интересамъ, Балакирева, задолго до погребенія императора и его малолѣтней дочери (10 марта 1725 г.) Екатерина I пожаловала Балакирева въ прапорщики Преображенскаго полка, повелѣвъ ему находиться при ея дворѣ, безъ всякаго особаго назначенія. На него смотрѣли какъ на человѣка въ милости, но никто не заботился, ни онъ самъ, о должности, дававшей бы право на повышеніе. Прапорщикомъ Преображенскимъ торчалъ онъ при дворѣ Екатерины I всѣми любимый, и, благодаря умѣнью со всѣми ладить, остался и съ воцареніемъ Петра II, привыкшаго его видѣть при своей особѣ. Уже императрица Анна, кромѣ сановниковъ при дворѣ желавшая имѣть штатъ шутовъ, обратила Балакирева въ одного изъ своихъ „дураковъ“—какъ величали остряковъ, тѣшившихъ скучавшую монархиню. При Аннѣ нашлись завистники значенія Балакирева, хотя и значившагося въ средѣ шутовъ, не имѣвшихъ никакого вѣса. На остроумнаго слугу Екатерины I сдѣланъ былъ доносъ въ произнесеніи словъ, оскорблявшихъ величество Анны, и Андрей Ивановичъ Ушаковъ пригласилъ шута въ тайную канцелярію къ допросу. Заключеніе его или исчезновеніе изъ дворца возбудило говоръ въ высшихъ кругахъ столицы и Анна приказала воротить его на прежнее мѣсто, сдѣлавъ внушеніе: не говорить лишняго. Вообще же къ нему императрица, для всѣхъ грозная, была особенно внимательна и милостива, какъ доказываютъ приведенные нижеслѣдующіе ея указы о подачкахъ Балакиреву, сохранившіеся въ дѣлахъ придворной е. и. в. конторы.

———

Указы Анны Іоанновны.

1.

16-го апрѣля 1732 года

Ея императорское величество указала имяннымъ своимъ, императорскаго величества, указомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полку отставному прапорщику Ивану Балакиреву выдать въ приказъ, не въ зачетъ опредѣленнаго ему жалованья, денегъ двѣсти рублевъ изъ пріему подключника Николая Пырскаго, записавъ въ расходъ съ роспискою. И о томъ къ нему Пырскому послать указъ и сей е. и. в. имянной указъ записать въ книгу.

2.

24-го апрѣля 1732 года.

Ея императорское величество указала имяннымъ своего и. в. указомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полку отставному прапорщику Ивану Балакиреву выдать на прошлый 731-й годъ, своего императорскаго величества жалованье двѣсти рублей, изъ пріему подключника Николая Пырскаго, вычтя на гофшпиталь по указу, записавъ въ расходъ съ роспискою, и о томъ къ нему Пырскому послать указъ. И сей Е. И. В. указъ въ придворной конторѣ записать въ книгу. G. K. E Löwenwolde.

3.

19-го августа 1732 года.

Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего и. вел. указомъ, отставному лейбъ-гвардіи преображенскаго полка прапорщику Ивану Балакиреву отпускать изъ пріему келлермейстера Ивана Стеллиха къ прежнему отпуску, въ каждый день вина по бутылкѣ, одинъ день краснаго, а на другой день рентвейну по бутылкѣ, пива три бутылки, квасу и кислыхъ штей по полуведру, свѣчь налѣповъ жолтыхъ по одной, сальныхъ маканыхъ двѣ. Да людемъ ево, двумъ человѣкамъ, отпускать же отъ кухеншрейбера, Юрана Вундерлиха въ каждый день, по одному хлѣбу ситному. Да отпускать же отъ келермейстера Афанасья Полунина сахару кенарскаго въ недѣлю по одной головѣ, вѣсомъ; да въ полгода чаю зеленаго по одному фунту; и отдавать означенному Балакиреву, записывая въ расходъ, съ роспискою.

4.

11-го сентября 1732 года

Ея императорское величество, имяннымъ своего имп. велич. указомъ всемилостивѣйше соизволила указать, за сдѣланное строевое платье, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка отставному прапорщику Ивану Алексѣеву сыну Балакиреву, издержанныя его деньги за сукно, за позументъ и за прочій къ тому прикладъ семьдесять рублей выдать ему, Балакиреву, изъ пріема за-

подключника отъ Никиты Коломина, записавъ въ расходъ съ роспискою. И о томъ къ нему Коломину послать указъ. И сей Е. И. В. пмянной указъ въ придворной конторѣ записать въ книгу. Дм. Шепелевъ.

5.

7-го сентября 1733 года.

Ея императорское величество указала имяннымъ своего императорскаго величества указомъ прапорщику Ивану Балакиреву отпустить для имянинъ ево, изъ приходу келлермейстера Стеллиха, бургонскаго пантаку по 6-ти бутылокъ, рейнвейну 8 бутылокъ, бѣлаго и краснаго по 12-ти бутылокъ, пива 20 ведеръ, меду вареннаго и сладкаго по 5-ти ведеръ; водки поддѣльной изъ французскаго штофъ, боярской 2 штофа, вина простаго 3 ведра,—записавъ въ расходъ съ роспискою. И сей ея императорскаго величества имянной указъ записать въ придворной конторѣ въ книгу; и о томъ къ нему Стеллиху послать указъ. Дмитрій Шепелевъ.

6.

25-го декабря 1733 года.

Ея императорское величество указала имяннымъ своего императ. велич. указомъ объ отпускѣ прапорщику Ивану Балакиреву припасовъ отъ дворцовой конторы: муки недомѣрочной три пуда, пшеничной 3 четверти, ржаной 10 четвертей, крупъ гречневыхъ и овсяныхъ по одной четверти, соли 5 пудъ, говядины 10 пудъ, гусей 5, утокъ 8, куръ русскихъ 10, поросенковъ 5, масла коровья русскаго 3 пуда, рябцевъ и тетеревей по 4 пары; пива 30 ведеръ, меду вареннаго 10 ведеръ, водки боярской 3 ведра, вина простаго 5 ведеръ. Да отъ придворной конторы отпустить же: бургонскаго 6 бутылокъ, клерету 2 анкирка, краснаго и бѣлаго по 1 анкирку, и съ посудою. И отдать помянутому Балакиреву, записавъ въ расходъ съ роспискою.

Въ 1740 году, весною, Балакиревъ отпросился у императрицы Анны въ свои деревни до осени, и по случаю кончины государыни, ко двору больше не воротился, а остался жить въ тиши, хотя въ Петербургѣ имѣлъ домъ въ нынѣшней Литейной части, въ приходѣ Воскресенія Христова за Литейнымъ дворомъ. Онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ и дожилъ до дней Екатерины II.

Сообщ. П. Н. Петровъ.

Императрица Анна Іоанновна.

Ея указы камеръ-цалмейстеру [1]) о расходахъ изъ комнатной суммы.

1.

«Указали мы выдать в' Троецкой Александроневской монастырь, на поминовеніе блаженныя памяти матери нашей и сестеръ денегъ триста рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«Октября 11-го, 1733».

2.

«Указали мы выдать италіанскому музыканту Петрилло [2]) денегъ сто рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«Сентября 25-го, 1733».

3.

«Указали мы выдать Троецкова Сергіева монастыря архимандриту Варлааму [3]) на покупку приморскаго мѣста [4]), денегъ четыреста рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«Ук. полученъ 29-го августа 1733».

4.

«Указали мы выдать камедианту курляндцу Ягану Христофу Сигизмунду з' женою ево, которые играли в' комнате нашей куколную комедію [5]), денегъ сто рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«Получен' іюля 7-го дня 1733».

---

[1]) Камеръ-цалмейстеромъ былъ, во время состоянія настоящихъ указовъ, Александръ Ивановичъ Кайсаровъ, въ 1734 году уличенный въ присвоиваніи въ свою пользу и употребленіи на свои надобности денегъ, требованныхъ на собственное употребленіе ея величества. За такое присвоеніе неподлежащаго Кайсаровъ былъ наказанъ кнутомъ и посланъ въ ссылку, а семейству его оставлена часть деревень его на пропитаніе. Онъ былъ камердинеромъ Екатерины I въ чинѣ полковника.

[2]) По занятіямъ при Дворѣ извѣстному шуту.

[3]) Духовнику ея величества.

[4]) Гдѣ Варлаамъ положилъ основаніе теперешней Сергіевской пустынѣ близь Стрѣльны и гдѣ онъ погребенъ.

[5]) Эти артисты, какъ можно полагать, извѣстны были ея величеству ранѣе и выписаны сюда. П. П.

5.

«Указали мы, выдать тебѣ гуслисту Киріаку Кондратовичу, сто рублевъ, записавъ въ расходъ съ росписскою». «Анна».
«5-го мая 1733».

Прим. Кондратовичъ былъ потомъ переводчикомъ при Академіи наукъ, а образованіе получилъ въ Кіевской Духовной Академіи. Онъ незадолго до того прибылъ въ Петербургъ.

6.

«Указали мы выдать князь Михайлу княжь Алексѣеву сыну Голицыну [1]) двѣсте рублевъ». «Анна».
«25-го апрѣля 1733 г.».

Прим. Сіятельный шутъ былъ не послѣднимъ попрошайкой и выпросилъ еще 300 рублей въ этомъ году 24-го февраля, такъ что шутовство Михайлы Алексѣевича было частію изъ корыстныхъ видовъ, какъ и подвиги княгини Настасьи Петровны Голицыной, не смотря на старость и дородство на брюхѣ ползавшей по полу, подбирая червонцы, для потѣхи бросаемые ей Екатериною I. П. П.

7.

«Указали мы, выдать персицкимъ камедиантамъ, которые отпущены отъ двора нашева, по прежнему въ Персію, въ награжденіе триста рублевъ».
«25-го апрѣля 1733».

8.

«Указали мы, выдать тебѣ, Выгорѣцкимъ пустынно жителямъ [2]) за пригонъ ко двору нашему живыхъ оленей, а имянно: Стахею Осипову съ товарищи, шести человѣкамъ, сто рублевъ». «Анна».
«9-го февраля 1733».

9.

«Указали мы, выдать живописному мастеру Кароваку, для выписыванія ко двору нашему нѣкоторыхъ уборовъ, шестьсотъ рублевъ».
«Генваря 16-го, 1733».

Прим. Каровакъ, переселясь въ Россію, поддерживалъ переписку съ родными во Франціи, и поручалъ имъ разнаго рода покупки, между прочимъ

---

[1]) Бывшему въ должности оффиціальнаго шута при дворѣ. Для шутовской свадьбы его былъ построенъ ледяной домъ зимою 1740 г. Подачка на праздникъ коронаціи.

[2]) Это были раскольники изъ Олонецкой губерніи, изъ «Киновіи» извѣстнаго Андрея Денисова, ересіарха, нашедшаго для себя и своихъ, усерднаго благопріятеля въ лицѣ генерала Геннина, черезъ посредство его, герцога Бирона, охотно за подарки оказывавшаго всякаго рода покровительство.

кружевъ и парчей, безъ которыхъ Анна не являлась въ публику въ торжественные выходы. Вѣроятно эта ассигновка была за кружева къ платью, въ которомъ писалъ въ ростъ императрицу Каровакъ. Тщательность выполненія кружевъ дѣлаетъ особенно цѣнною и гравюру большаго портрета Анны.

П. П.

10.

«Указали мы, взнесенные въ комнату нашу, деньги, сто рублевъ, которыми осыпалъ Лакостъ во время ево аудиенцыи самоядей, оные записать тебѣ въ расходъ». «Анна».

Прим. Шутъ Лакоста разыгрывалъ роль важной особы при представленіи самоѣдскихъ выборныхъ и, выслушавъ ихъ привѣтствіе, въ старинной одеждѣ московскаго двора, на отпускѣ, вмѣсто одѣлянья по рукамъ мелкими деньгами, сыпалъ серебро пригоршнями, изъ мѣшка, съ тѣмъ чтобы, для большей потѣхи государыни, смотрѣвшей на шутовскую церемонію, самоѣды, бросившись подбирать деньги, потолкались и подрались между собою.

П. П.

11.

«Указали мы, взять тебѣ на мелочные расходы и на покупку уборовъ въ новый домъ, четыре тысячи рублевъ, и держать оныя записывая въ расходъ съ росписками». «Анна».

«Дан' въ С.-Петербургѣ марта 27».

12.

«Указали мы, выдать тебѣ въ Невской монастырь на соборный молебенъ пятьдесятъ рублевъ, да на соборную же панихиду пятьдесятъ же рублевъ, записавъ в' расходъ съ роспискою». «Анна».

«Дан' въ С.-Петербургѣ іюля 1-го дня».

13.

«Указали мы выдать живописцу иноземцу Ягану Гиндрику Вейдикинту, за писаніе фамиліи нашей четырехъ патретовъ сто рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«23-го Декабря 1732.

Примѣч. Вейдикинтъ писалъ портреты въ Нарвѣ еще по заказу Петра I въ 1715 году и въ 1720-хъ годахъ мы находимъ этого художника работавшаго уже въ Петербургѣ. Имъ выполнена цѣлая серія портретовъ государей русскихъ до Елизаветы Петровны, гравированныхъ при Академіи Наукъ, черными манеромъ, извѣстнымъ Штенгливымъ. Въ числѣ портретовъ этой коллекціи есть и царь Иванъ Алексѣевичъ. Можно предполагать, судя по манерѣ писанья одного изъ портретовъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, что и ея изображеніе вышло изъ подъ кисти Вейдекинта, также какъ и царевенъ Прасковьи и Катерины Ивановны. Вѣроятно ассигновка эта и назначалась за эти четыре портрета особъ изъ фамиліи императрицы Анны. Позволяемъ себѣ замѣтить, что Вейдекинтъ былъ копистъ съ готовыхъ оригиналовъ.

П. П.

14.

«Указали мы выдать тебѣ племянницы нашей принцессы Анны учителю Ненингеру, на нынѣшній 1732 годъ жалованье 600 рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою». «Анна».

«28-го декабря 1732».

Примѣч. Этотъ указъ даетъ любопытную справку объ учителѣ будущей правительницы Россіи, о дѣтствѣ которой вообще имѣемъ мы недостаточныя свѣдѣнія. Въ фамиліи Ненингеръ ближе всего видѣть описку писца, принявшаго латинскую букву H за русское Н, потому что Геннингеръ (Henninger) былъ при Аннѣ Леопольдовнѣ опредѣленъ по дипломатической части и при Елизаветѣ состоялъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Это былъ сынъ учителя Академической гимназіи, свояка Даніила Шумахера. И Геннингеръ, и Шумахеръ, и Крафтъ женаты были на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ трактирщика Фельтена.

Сообщ. **П. Н. Петровъ.**

Фабула о шутѣ-плутѣ.

Читатели припомнятъ тотъ анекдотъ будто-бы о Балакиревѣ, по которому Петръ Великій, разсердившись однажды на этого будто-бы шута за его дерзкія рѣчи объ императрицѣ, воспретилъ ему дальнѣйшее пребываніе на русской землѣ. Балакиревъ скрылся и долго гдѣ-то пропадалъ. Но вотъ царь, проѣзжая въ Петербургѣ по улицѣ, снова встрѣчаетъ Балакирева.... ѣдущимъ въ телѣгѣ. „Какъ, ты опять здѣсь?“ спрашиваетъ царь, „вѣдь ты лишенъ права ходить по русской землѣ? Какъ ты осмѣлился не исполнять указа твоего государя?“ — „Ваше Величество! не извольте гнѣваться: я нисколько не трогаю русской земли, я на своей землѣ, нерусской, которой теперь состою гражданиномъ“. — „Какъ такъ?“ — „А такъ, что я теперь польскій помѣщикъ, вотъ и документъ на то, и находясь въ предѣлахъ Вашего Величества, имѣю, подъ ногами моими, добрую частицу польской земли“. Когда царь взглянулъ затѣмъ въ телѣгу Балакирева, то дѣйствительно увидѣлъ тамъ кусокъ дерева съ землей.

Анекдотъ этотъ въ принадлежащей мнѣ стихотворной повѣсти 1-й половины XVIII вѣка, имѣющей приведенное заглавіе, разсказанъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ имена всѣ выпущены и государь названъ королемъ, чѣмъ доказывается, что этотъ старинный анекдотъ только приписанъ Балакиреву, происхожденіе же его, весьма вѣроятно, гораздо древнѣе.

Послѣ того великой у короля балъ былъ.
Приказано шуту, чтобъ всѣхъ веселилъ.
Въ то время господъ было великое собраніе,
Огромная музыка, тожъ и танцованіе.
Шутъ же въ шутствѣ строилъ шутки дивны,
Многимъ при балѣ казались противны.
Пачежъ дѣлалъ великое неостерегательство,
Но и самой королевѣ ругательство.

По окончаніи бала, королева просила,
На того шута жалобу приносила:
„Чтобъ учинить отмщеніе,
„Великое мнѣ и другимъ строитъ поношеніе“.
Король, призвавъ его, бранилъ:
Для чего онъ такіе шутки творилъ?
Шутъ говоритъ: „милостивый король, не буду я оттого отлученъ,
Чему я отъ природы своей обученъ.
Я человѣкъ слыву у васъ шутливый.
Неизвольте на меня никто быть гнѣвливы.
Вы сами меня на тотъ балъ призвали.
Я по вашему приказу все прошутилъ,
Которые шутки въ моей школѣ обучилъ“.
Король сказалъ: „я хотя того и не видалъ,
Какъ ты королеву мою обругалъ“,
Шутъ говоритъ: „знаю, сударь, сіе давно.
По моимъ шуткамъ все равно.
Я отъ васъ великую милость получаю,
Въ своихъ шуткахъ мало хово выключаю.
Нынѣ произношу тѣже вѣсти,
Что и королева попалась съ протчими вмѣстѣ.
Ктомужъ на таковыхъ людей гнѣвливыхъ
Не имѣю въ моихъ книгахъ шутокъ особливыхъ“.
Королева сказала: „ежели сему шуту здѣсь жить,
Ничѣмъ не буду себя веселить.
Повели его въ другую землю прогнать:
Я не хочу предъ моими очами ево видать“.
Король сказалъ: «отсель ни часа у меня не живи.
Поѣзжай куда хощешь, тамъ и служи.
Я тебя любилъ и хотѣлъ любить.
Ты же не такъ у меня сталъ жить“.
Шутъ говоритъ: «добро, господинъ король, отойду
Я в другую землю себѣ найду».
И купилъ земли дерну въ Польшѣ.
У когожъ ту землю купилъ,
Для виду своеручное письмо получилъ.
Купя ту землю и, положа въ телегу, сѣлъ,
Опять къ королю везть себя велѣлъ.
Пріѣхавъ, по всему граду разъѣзжаетъ.
Безъ короля ѣздить ему никто не запрещаетъ.
Дивятся, какую шутъ смѣлость возымѣлъ,
А король ему здѣсь жить не велѣлъ,
Шутъ же нарошно мимо короля разъѣзжалъ,
Дабы, видя то, король къ себѣ призвать приказалъ.
Увидя король осердился, приказалъ нагнать,
Немедленно шута къ себѣ позвать.
Когда привели, свирѣпо король закричалъ:
«Я ли тебѣ здѣсь жить не запрещалъ?
Тыжъ слово мое пренебрегаешь,

По се время вонъ отсюда не выѣзжаешь.
Хощешь ли, что я учиню надъ тобою,
Какъ ты противенъ являешься предо мною?»
Шутъ говоритъ королю: «прошу въ томъ не прогнѣвитца,
А на меня напрасно не надлежитъ вамъ сердитца.
Я вашею милостію прежде былъ доволенъ.
А теперь гдѣ хочу я жить воленъ,
Здѣсь буду пребывать,
И вы не прикажите меня напрасно изгонять.
Я нынѣ, и кромѣ вашей, свою землю имѣю,
И на оной жить не опасно смѣю.
Извольте смотрѣть: нечего разсуждать больше,
Сію землю нарошно купилъ въ Польшѣ.
Теперь въ телегѣ на ней сижу:
Моя земля, ни на ково не гляжу.
Объявлю, милостивый король, чести вашей:
Нѣтъ вамъ дѣла до земли нашей.
Чиста та земля въ Польшѣ продана.
Извольте смотрѣть: мнѣ и крѣпость дана».
Король, прочтя письмо, дивовался,
О вымышлени шутовѣ разсмѣялся.
Нельзя того никакъ отмѣнить:
Велѣлъ ему паки при дворѣ быть.

Сообщ. 1-го апр. 1874 г. В. И. Лѣстницынъ.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

1704—1767 гг.

Въ Московскомъ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ, обращенномъ послѣ 1812 года въ приходскую церковь, внутри Георгіевской церкви, на сѣверной стѣнѣ, находится мѣдная доска съ слѣдующею надписью:

«Зерцало непоколебимыя вѣры и многоименитыя добродѣтели».

«Человѣкъ, не исключай изъ памяти твоей человѣчество! Что нынѣ другому, то завтра тебѣ; что родится, тому должно и умирать. Тѣло ты имѣешь отъ земли, оно въ землю возвратится: земля еси и въ землю паки пойдеши. Душу имѣешь ты вліянную отъ Бога: она, по смерти, пойдетъ къ началу своему. Смерть есть дверь къ вѣчности! Поучайся, чтобы и па-

мять жены твоей осталась безсмертна и душа твоя пришла къ вѣчному блаженному преупокоенію. Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ: отъ нынѣ Ей! Глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ. Апокал. гл. 14 ст. 13. Такою блаженною кончиною въ Бозѣ опочилъ погребенный на семъ мѣстѣ высокопочтеннѣйшій и многими титлами прославленный мужъ, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камеръ-геръ, орденовъ св. Апостола Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго кавалеръ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, который достохвальными своими дѣлами въ самомъ теченіи своей жизни заслужилъ себѣ безсмертіе. Его достоинство, труды и вѣрность государямъ и отечеству пріобрѣли ему толь отмѣнныя преимущества; непоколебимое благочестіе, вѣра и любовь къ Богу и ближнему, его кротость, милосердіе и благоснисхожденіе ко всѣмъ, его высокія христіанскія добродѣтели—отворили ему врата къ небесной славѣ. Какъ благій и вѣрный рабъ вошелъ онъ нынѣ въ вѣчную радость Господа своего».

«Родъ сего преславнаго и приснопамятнаго мужа влечетъ свое начало отъ знатной и древней фамиліи Славянской, отъ знаменитаго мужа именемъ Ратчіи, который родился въ Семиградской землѣ и выѣхалъ въ Россію при владѣніи благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ лѣто отъ созданія міра 6706, прочіе предки его продолжали вѣрную и безпорочную службу всероссійскимъ великимъ князьямъ, царямъ и императорамъ, которые почтены были различными достоинствами; были изъ нихъ многіе намѣстниками, многіе боярами и окольничими, многіе воеводами, по тогдашнимъ государственнымъ чинамъ знатными и почтенными людьми. Дѣдъ сего велико-знаменитаго мужа Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ служилъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, и въ лѣто отъ созданія міра 7165 поставленъ былъ воеводою въ Могилевѣ, потомъ ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ Суздальскимъ, а въ лѣто 7187 почтенъ былъ достоинствомъ полномочнаго посла: сіе высокое званіе съ знатною похвалою исправлялъ въ Польшѣ и Цесаріи при цесарѣ Леопольдѣ. Родитель здѣсь въ Бозѣ опочивающаго высокопочтеннаго мужа Борисъ Ивановичъ Бутурлинъ продолжалъ вѣрную и безпорочную службу свою блаженную и вѣчныя славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, былъ гвардіи его императорскаго величества капитаномъ и во время бывшей тогда между Шведскою и Россійскою короною войны на Левенгаубской баталіи тяжкую получилъ рану, въ вѣрности скончалъ блаженную свою жизнь».

«Сколь знаменитъ корень! Сколь славны были предки, отъ которыхъ произошолъ сей презнаменитый, здѣсь въ Бозѣ опочивающій мужъ. Но не одна знатная природа его прославляетъ, паче жъ онъ природу и всю свою

фамилію прославилъ своимъ достоинствомъ, заслугами и отмѣнными преимуществами! Родился сей великій и приснопамятный мужъ лѣта Господня 1704, мѣсяца іюня въ 18 день, началъ вѣрную и безпорочную свою службу всероссійскимъ монархамъ продолжать въ лѣто 1716, гдѣ во первыхъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій имяннымъ своимъ высочайшимъ повелѣніемъ указалъ проходить ему свои науки къ пріобрѣтенію искуства въ мореплаваніи, потомъ въ лѣто 1720 взятъ ко двору его императорскаго величества и находился при семъ великомъ, премудромъ и неусыпномъ государѣ деньщикомъ ближайшимъ и неотступной должности при высокомъ его величества лицѣ,—былъ при семъ великомъ государѣ до самой его величества блаженной кончины не отлучно: былъ при семъ великомъ государѣ во всѣхъ тогдашнихъ сухопутныхъ и морскихъ походахъ, былъ и на случившихся тогда баталіяхъ; сверхъ того, препоручаемы были ему собственно отъ его императорскаго величества секретнѣйшія коммисіи, употребляемъ былъ во многія нужнѣйшія отъ его величества посылки: великій государь усмотрѣлъ въ немъ отмѣнныя качества, вѣрность и прилежное попеченіе во исполненіи отъ его величества препоручаемыхъ довѣренностей, удостоилъ его особливаго высокомонаршаго благоволенія и щедротъ. Въ лѣто 1725, по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, при державѣ ея императорскаго величества I-я Екатерины, государыни императрицы всероссійскія, пожалованъ гофъ-юнкеромъ къ императорскому двору; въ лѣто 1726 отъ ея жъ величества пожалованъ каммеръ-юнгеромъ; въ лѣто 1727 блаженныя памяти императоромъ Петромъ II, пожалованъ камеръ-героомъ къ императорскому жъ двору; въ лѣто 1728 отъ его жъ величества пожалованъ генералъ-маіоромъ, почтенъ орденомъ св. Александра Невскаго и учиненъ кавалергардскаго корпуса унтеръ-лейтенантомъ; при державѣ блаженныя и высокославныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, въ лѣто 1730, 1731, 1732, 1733, въ Персіи въ армейскихъ походахъ находился дѣйствительно при командѣ; въ лѣто 1735 опредѣленъ губернаторомъ въ Смоленскъ, гдѣ поручены были ему и пограничныя дѣла, всѣ исправлялъ со особливою высокомонаршею апробаціею; въ лѣто 1738 въ бывшую войну со Отоманскою портою, по имянному высокомонаршему указу, отозванъ былъ изъ Смоленска въ армію и находился въ корпусѣ фельдмаршала графа Миниха, гдѣ находясь дежурнымъ, имѣя отдѣльную себѣ команду, какъ въ отвращеніи непріятельскихъ намѣреній, такъ и прочихъ военныхъ дѣйствіяхъ, довольно оказалъ свою вѣрность, храбрость, искуство и благоразуміе.—Въ лѣто 1739 имяннымъ высокомонаршимъ указомъ, по нѣкоторой секретной коммиссіи отозванъ въ Смоленскъ, гдѣ и оставленъ пока губернаторомъ; въ лѣто 1740 въ бывшее тогда правительство пожалованъ кригсъ-комисаромъ и генералъ-лейтенантомъ; въ 1741,

по возшествіи на Всероссійскій престолъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны, при тогдашнихъ нужныхъ и полезныхъ государственныхъ распоряженіяхъ, ея величество за благоизобрѣсть изволили послать сего прехвальнаго мужа главнымъ командиромъ въ Малую Россію, гдѣ препорученныя ему коммисіи окончилъ съ пользою государственною и съ высокомонаршею апробаціею; въ лѣто 1742 пожалованъ полнымъ генераломъ, и во время продолжающейся тогда между Россійскою и Шведскою короною войны, поручена ему была надъ всѣми, состоящими въ Лифляндіи, Эстляндіи и около Великихъ Лукъ войсками и тамошними гарнизонами главная команда, гдѣ чрезъ благоразуміе и неусыпное его попеченіе, у Шведовъ два шкота и одно судно ихъ съ людьми и деньгами взяты, съ коихъ снятые шесть флаговъ ко двору императорскому отъ него представлены: чѣмъ заслужилъ высокомонаршее благоволеніе. Тогожъ 1742 лѣта пожалованъ сенаторомъ и при тогдашнемъ изъ Москвы въ Санкт-петербургъ высокомонаршемъ отбытіи оставленъ въ Москвѣ главнымъ командиромъ; въ лѣто 1747 пожалованъ генералъ-адъютантомъ; въ лѣто 1749 пожалованъ лейбъ гвардіи въ Преображенскій полкъ подполковникомъ; въ лѣто 1751 почтенъ отъ высокомонаршаго благоволенія орденомъ св. Андрея; въ лѣто 1756 пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ въ арміи и повелѣно ему присутствовать въ учрежденной при императорскомъ дворѣ конференціи;. тогожъ лѣта ея императорское величество, принявъ въ уваженіе сего великаго мужа достоинство, знатные, вѣрные и полезные отечеству труды, въ знакъ императорскаго особливаго къ нему благоволенія, который бы остался къ будущему по немъ его потомству, соизволили пожаловать его Россійскимъ графомъ въ вѣчное по немъ потомство обоего пола. Въ лѣто 1760 въ Пруссіи, какъ надъ Россійскою заграничною всею, такъ и надъ Цесарскою арміею былъ главнымъ командиромъ. Въ лѣто 1762 нынѣ благополучно владѣющая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, при восшествіи своемъ на Всероссійскій престолъ, высочайшимъ своимъ благоволеніемъ, уваживъ всѣ прежнія вѣрныя сего великоименитаго мужа заслуги, оказанныя предкамъ ея величества и отечеству, чины и достоинства, сопряженныя со властію и повѣренностію, подтвердить и собственною своею рукою подписать соизволила; тогожъ лѣта при высочайшей коронаціи своей ея императорское величество въ знакъ особливаго благоволенія пожаловать соизволила ему шпагу, богато убранную драгоцѣнными каменьями».

«Великоревностенъ, вѣренъ и неусыпенъ былъ, какъ истинный патріотъ, во исполненіи высокихъ должностей государямъ своимъ и отечеству, сей великоименитый и приснопамятный мужъ толико мужественъ, готовъ и неустрашимъ, какъ достойный христіанинъ оказался и въ самое то время, когда слѣдовало отдавать послѣдній долгъ человѣчеству, когда должно было уже ему разлучиться съ тѣми, съ которыми сердце его связано было любо-

вію на землѣ, когда призываемъ уже былъ къ небесному отечеству, къ сожитію со святыми, для принятія отъ Царя Царствующихъ по заслугамъ своимъ неувядаемаго вѣчныя славы вѣнца; въ лѣто 1767 въ мѣсяцѣ маіѣ, во время пребыванія своего въ царствующемъ градѣ семъ Москвѣ, къ сердечному сожалѣнію своей фамиліи и всѣхъ любящихъ его, почувствовалъ въ себѣ болѣзнь, которая время отъ времени стала приводить въ слабость его силы; какъ скоро было донесено о томъ ея императорскому величеству премилосердой монархинѣ, которая матерински соболѣзнуя о томъ, всѣхъ двора ея величества лейбъ-медиковъ и докторовъ прислать соизволила къ болящему, подтверждая имъ, дабы все свое употребили искуство о возстановленіи здравія сего великоименитаго мужа какъ ея императорскому величеству, такъ и всему россійскому отечеству много полезнаго и вѣрнаго; но сей вѣры и благочестія преисполненный мужъ, хотя и не отвергалъ въ той болѣзни своей употреблять и отъ человѣческаго искуства, какъ даннаго отъ Вышняго, помощь, однако опредѣлилъ въ себѣ ожидать паче отъ Самаго Врача душъ и тѣлесъ исцѣленія: чего ради, какъ самъ молилъ о томъ благость Его съ отличнымъ благоговѣніемъ и слезами, такъ, по его требованію, приносима была о томъ и другими соборно усердная молитва; но какъ въ большую стали приходить силы его слабость и чтобъ не нанесть тѣмъ горести любезной своей супругѣ и дражайшимъ дѣтямъ, приказалъ тайно позвать ея величества духовника, который былъ и ему духовный отецъ и другихъ знатнѣйшихъ духовныхъ особъ, особливо любящихъ ему, бывшихъ тогда здѣсь въ Москвѣ, сгнодальнаго члена, преосвященнаго Иннокентія, епископа, и его императорскаго высочества учителя Свято-Троицкія Сергіевы лавры отца архимандрита Платона, съ которыми веселымъ лицемъ, какъ бы не чувствуя никакой въ себѣ болѣзни, бесѣдовалъ о временной и вѣчной жизни, о страданіи Спасителя и о искупленія человѣческаго рода, и вѣчномъ воздаяніи праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ и о прочемъ, что служило къ подкрѣпленію и утѣшенію благочестивыя его души, просилъ тогдажъ духовнаго отца, что, по желанію его, исполнено, дабы ему очистить совѣсть свою и примириться съ Богомъ покаяніемъ, съ надлежащимъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ; во утріе же, по совершеніи нарочно для того божественной литургіи и по отнесеніи въ домъ божественныхъ къ причащенію Тайнъ, самъ, усиливщися, встрѣтилъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ другомъ покоѣ и съ несумнѣнною вѣрою и при изліяніи теплыхъ слезъ пріобщился тѣла и крови Спасителя своего съ несказаннымъ благодареніемъ; по святомъ причащеніи, болѣзнь утихла, болящій сномъ преповоился, потомъ веселымъ лицомъ бесѣдовалъ со всѣми; но наутріе наступилъ тотъ для всѣхъ любящихъ его плачевный часъ; болѣзнь несказанно усилилась: то есть 31-го августа, приказалъ пока совершить божественную службу, просилъ преосвященнаго Псковскаго, чтобы онъ самъ его божественныхъ Таинъ

пріобщилъ: что все, по его желанію, тогда же было исполнено, гдѣ паки, по причащеніи святыхъ Таинъ и по пренесеніи великаго благодаренія Господу, принималъ отъ того преосвященнаго наставленіе о вѣчности и несумненномъ упованіи на смерть и страданія Спасителя, и блаженномъ обѣтованіи праведныхъ; потомъ призвалъ любезную супругу и дѣтей и имѣлъ съ ними послѣднее прощаніе въ совершенной памяти и въ произношеніи начувствительныхъ словъ, любовь и усердіе къ нимъ изображающихъ, благословилъ дѣтей св. иконами, вручая ихъ Всевышняго покровительству, завѣщалъ имъ отечески, представляя самаго себя въ томъ примѣромъ, чтобъ непоколебимы были въ благочестіи, непремѣнны на всегда въ вѣрности къ монархинѣ своей, любили-бы и почитали и во всемъ повиновались родившей ихъ, утѣшали бы и подкрѣпляли ее въ наступающемъ его съ нею разлученіи, сказалъ имъ сіе послѣднее слово: «прощайте, буди милость Божія съ вами и мое истинное благословеніе». При чемъ просилъ предстоящихъ ему друговъ, чтобы въ томъ тяжкомъ и преогорченномъ случаѣ не оставилибъ подкрѣплять любезную его супругу и дѣтей. Потомъ сей великодушный и истиннаго благочестія исполненный мужъ, для укрѣпленія и совершеннаго очищенія своей души, приказалъ начать елеосвященіе, гдѣ во время продолжающейся духовной церемоніи теплое воссылалъ ко Всевышнему моленіе, повторяя при томъ сколько могъ чтенное отъ пресвитеровъ священное Евангеліе; по окончаніи же сей духовной церемоніи, какъ бы не чувствуя никакой въ себѣ тягости, поднятъ отъ державшаго его тогда ближняго своего служителя, который и въ блаженной жизни его былъ при немъ неотлучно, чрезъ долгое время сказалъ сіе: «ты свидѣтель о несумнѣнной вѣрѣ и о не поколебимомъ, которое я всегда имѣлъ, благочестіи; я чувствую, что уже конецъ жизни моей приближается!» Тогда самъ приказалъ читать молитвы на исходъ души; при окончаніи всего, поднявъ руки, говорилъ: вѣрую Господи и исповѣдую, вѣрую Господи, помози моему невѣрію! Къ Тебѣ же идетъ душа моя, Боже!» И такъ при пролитіи слезъ закрылъ очи къ несказанной горести и сердечному сокрушенію своей фамиліи и къ наичувствительнѣйшему сожалѣнію великаго множества истинную къ нему любовь имѣющихъ, предалъ въ руцѣ Бога живаго блаженную душу свою, при начатіи 63 лѣта отъ рожденія своего, 31 дня августа передъ полуднемъ въ 11-мъ часу въ 20 минутъ, въ царствующемъ градѣ семъ Москвѣ въ собственномъ домѣ своемъ, состоящемъ близъ Соленаго двора. Родился, какъ выше показано, въ лѣто Господне 1704, мѣсяца іюля въ 18 день, тезоименитства праздновалъ день 30-го августа».

По родословной книгѣ князя Долгорукова предокъ Бутурлиныхъ Радша прибылъ изъ Германіи въ Новгородъ въ концѣ XII-го вѣка. Отецъ графа Александра Борисовича—Борисъ Ивановичъ Бутурлинъ, гвардіи капитанъ,

убитъ въ сраженіи подъ Лѣснымъ, въ 1708 г. Самъ Александръ Борисовичъ, фельдмаршалъ, Преображенскаго полка полковникъ, сенаторъ, конференцъ-министръ и главнокомандующій въ Москвѣ, возведенъ былъ императрицею Елисаветою Петровною, 17-го февраля 1760 г., въ графское Россійской имперіи достоинство. Сынъ его, графъ Петръ Александровичъ, служилъ тайнымъ совѣтникомъ, и внукъ—Дмитрій Петровичъ—сенаторомъ, и собралъ обширную библіотеку, сгорѣвшую въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Соляной дворъ, при которомъ стоялъ домъ Бутурлиныхъ, находился въ приходѣ церкви Рождества Богородицы, что на Стрѣлкѣ, въ улицѣ, донынѣ отъ Солянаго двора называемой Солянкой.

Сообщ. **Н. П. Розановъ**

10-го ноября 1878 г.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ

въ 1812—1834 гг.

„Русская Старина“, въ теченіе тринадцати лѣтъ изданія,—представила на своихъ страницахъ массу данныхъ для воспроизведенія всего нравственнаго облика графа Аракчеева и какъ государственнаго дѣятеля, и какъ человѣка.

Помѣщаемая нынѣ серія документовъ,—за исключеніемъ первыхъ двухъ, ставитъ предъ нами Аракчеева во время послѣдняго періода его жизни, когда кончина Александра I сокрушила все значеніе временщика и ниспровергла его съ того пьедестала, на которомъ воля самодержца его поставила.

Ред.

I.

Графъ Аракчеевъ—графу Ростопчину.

Смоленскъ, 9-го іюля 1812 г.

Милостивый государь графъ Федоръ Васильевичъ. Е. И. В. высочайше повелѣлъ мнѣ отправить къ в. с. адъютанта моего барона Тизенгаузена и увѣдомить в. сіятельство о нижеслѣдующемъ:

1) Сего числа Государь императоръ изволилъ получить ратификацію турецкаго султана, слѣдовательно теперь уже миръ съ турками совершенно оконченъ.

2) Завтра по утру Г. И. изволитъ выѣзжать отсюда въ Москву, и проситъ в. с., дабы вы 11 числа сего мѣсяца т. е. въ четвергъ по полудни, выѣхали сами однѣ на встрѣчу Государя на послѣднюю станцію.

Увѣдомя в. с. и пр.

Молебствіе же объ мирѣ государь сдѣлаетъ при себѣ, по пріѣздѣ въ Москву.

Письмо графа Аракчеева статсъ-секретарю Муравьеву.

Одновременно съ извѣстнымъ письмомъ Аракчеева къ императору Александру, въ которомъ онъ извѣщалъ государя „о потерѣ вѣрнаго друга, жившаго у него въ домѣ 25 лѣтъ [1])", осиротѣвшій графъ написалъ еще нижеслѣдующее письмо ст. секр. Муравьеву, касательно вступленія послѣдняго въ управленіе дѣлами.

11-го сентября 1825 года.

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ, почему и благоволите в. пр. всѣми дѣлами бывшими въ моемъ завѣдываніи какъ по канцеляріи, такъ и по комитету управлять, и получаемые отъ государя императора конверты распечатывать, какъ равномѣрно и всѣ письма на мое имя, а ко мнѣ ничего не присылать, о чемъ я донесъ и Государю Императору».

Письмо такого же точно содержанія графъ Аракчеевъ отправилъ на имя г.-м. Эйлера, предписавъ ему, до возвращенія начальника штаба, вступить, яко старшему, въ командованіе корпусомъ поселенныхъ войскъ и его штабомъ

II.

Защитникъ графа Аракчеева и доносчикъ на Г. С. Батенкова.

(Записка, присланная генералу П. А. Клейнмихелю).

1825 г.

Записка о истинномъ и достовѣрномъ.

Когда о злодѣйственномъ и звѣрскомъ поступкѣ, произведеннаго въ Грузино человѣкоубійства, продолжался разговоръ по городу нѣсколько недѣль: то мнѣ представлялся случай много разъ слышать его въ разныхъ кругахъ людей и въ разныхъ видахъ сужденій.

Люди лучшихъ познаній и судящіе всегда о вещахъ съ основаніемъ и безъ пристрастія, изъявляли отъ истиннаго сердца сожалѣніе, что сіе превышающее всякую мѣру злодѣяніе, бывъ учинено въ самомъ домѣ графа Алексѣя Андреевича, и въ то время, когда онъ жилъ въ немъ, тѣмъ болѣе могло поразить его столь сильно, и опа-

[1]) Извѣстная Настасья Өедоровна, зарѣзанная въ Грузинѣ 10-го сентября 1825 г. дворовыми людьми графа Аракчеева. Ред.

сались, чтобы обстоятельство сіе неподѣйствовало надъ мѣру на здоровье и душевныя силы графа, и чтобы отреченіе его отъ управленія дѣлами непродолжилось на долгое время. Они судили доказательно, что естьли сіе безчеловѣчное произшествіе до той степени распространитъ дѣйствіе свое на графа Алексѣя Андреевича, что дѣла имъ завѣдываемыя поступятъ въ другія руки, то дѣйствительно вредъ будетъ чувствителенъ вездѣ. Ибо, такъ говорили они, твердость графа Алексѣя Андреевича на службѣ государственной, есть въ настоящее время единственное явленіе въ своемъ родѣ. Быть заняту одною службою безпрерывно; дѣйствовать въ службѣ, не смотря ни на лица, ни на связи; искать по дѣламъ одной справедливости и истинны съ полнымъ безпристрастіемъ и съ совершеннымъ безкорыстіемъ; поставлять съ успѣхомъ преграды стремленію людскихъ затѣйливостей и пронырству утонченнѣйшихъ интригъ; удерживать и блюсти одну пользу службы и порядокъ—есть дѣло одному графу Алексѣю Андреевичу свойственное по превосходству, и, можно сказать, для одного его изъ множества людей возможное, чѣмъ онъ справедливо обратилъ къ себѣ Монаршее вниманіе и честныхъ и благомыслящихъ людей почтеніе и уваженіе. При сихъ изъясненіяхъ пересказаны были многіе случаи, въ которыхъ графъ оказалъ отличную твердость и благородство души, заступленіемъ своимъ за слабыхъ и страдавшихъ безвинно отъ сильнаго утѣсненія, что прославляли и превозносили, желая графу поправленія въ здоровьи и всего для него добра.

Другаго сорта люди, непостигающіе въ истинномъ видѣ ни дѣлъ, ни связи ихъ, говорили и дѣлали толки о семъ произшествіи разнообразно: однако по своимъ пристрастіямъ и ничтожеству мыслей и сужденій совершенно пустые и ничего незначущіе.

Но меня удивили въ семъ случаѣ сужденіе и образъ мыслей служащаго при графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ инженеръ-подполковника путей сообщенія Батенкова. Тогда, какъ всѣ почти изумлялись и считали произшествіе сіе ужаснымъ поступкомъ, Батенковъ изъяснялся объ немъ въ разныхъ шуткахъ, въ разныхъ насмѣшкахъ и всегда въ веселомъ духѣ. Правда, что сіе дѣлалъ онъ неоткрыто, а только при одномъ изъ Сибири съ нимъ живущемъ задушевномъ его пріятелѣ и при мнѣ, почтивъ и меня своею откровенностію. Но сіе-то и показываетъ настоящее свойство его души и прямыя его качества. На сожалѣніе и удивленіе по сему страшному произшествію изъявляемое, говорилъ онъ: «ненужно жалѣть! вещи идутъ своимъ ходомъ. Несчастіе невелико; въ прочемъ, несчастіе однихъ, есть счастіе для другихъ», и оборотясь къ сибиряку, своему преданному,

сказалъ: «неправда ли, что мы здѣлались счастливы отъ того, что многіе въ Сибири подверглись несчастію, иначе же,—мы бы неподнялись въ верхъ. Стояніе вещей въ одномъ положеніи невыгодно— въ обществѣ и вредно. Что за бѣда, что Настасіи нестало, и есть ли о чемъ жалѣть»? Въ семъ мѣстѣ его разговора изъяснялъ онъ о покойной Настасіи Ѳедоровнѣ разныя нелѣпости, и столько распространялся въ самыхъ язвительныхъ насмѣшкахъ, что человѣку благородно мыслящему невозможно слышать безъ досады, которая и во мнѣ произошла къ Батенкову, видя его въ столь развратныхъ, подлыхъ и безсовѣстныхъ мысляхъ. Потомъ обратя разговоръ о графѣ говорилъ: «не безпокойтесь! Есть ли случай сей разстроилъ графское здоровье и силы; то въ мѣсто графа Алексѣя Андреевича найдется другой графъ Сидоръ Карповичъ, и при немъ можетъ быть и намъ еще лучше будетъ. Напримѣръ, сказалъ онъ, есть ли таковой случай приблизить по прежнему къ государю нашего хозяина (хозяиномъ разумѣлъ Сперанскаго, у котораго живетъ онъ, Батенковъ, и съ нимъ привезенные изъ Сибири); то мы безъ сомнѣнія не проиграли бы, а были бы весьма рады».

При сихъ и многихъ подобныхъ изъясненіяхъ Батенкова, обмеръ я отъ удивленія и до сего времени не могу выттти изъ поразившаго меня изумленія, въ понятіи моемъ вмѣститься не могло и не можетъ, что человѣкъ, благодѣтельствуемый графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ, смотритъ съ веселымъ чувствомъ на его чрезмѣрно встревоженную и страждущую душу. Есть ли въ городѣ можетъ быть не было человѣка и изъ постороннихъ, кто неслушалъ бы съ великимъ страхомъ, о столь звѣрскомъ и безчеловѣчномъ содѣяніи въ Грузино, и ненаполнялся бы къ человѣкоубійцамъ отвращеніемъ и ненавистію: то все удивленіе мое превышало то единственно, что Батенковъ чувствовалъ противное тому и внушалъ, что это небѣда, увѣряя, что сильныя душевныя потрясенія графа Алексѣя Андреевича могутъ служить для нихъ, находящихся при Сперанскомъ, къ большому щастію.

Хотя я, обращаясь съ давняго времени съ Батенковымъ, замѣтилъ и узналъ за нимъ многія подлости и пакости, а особенно, что онъ съ помѣщенія себя при Сперанскомъ, и нынѣ находясь по Сибирскому комитету, собиралъ и собираетъ съ Сибирскихъ губерній большія для себя наживы, за чины, за мѣста, ордена и за всякія другія награды и случаи, устроивъ съ нѣкоторыми тамошними своими пріятелями связи весьма искусно, которые увѣряютъ тамъ кого нужно, что въ Сибирскомъ комитетѣ дѣйствуетъ рѣшительно онъ Батенковъ, будучи силенъ у графа Алексѣя Андреевича, которому

Сибирь неизвѣстна обстоятельно, а съ Сперанскимъ находятся въ тѣснѣйшихъ связяхъ: однако на сіе смотрѣлъ я, какъ на страсть его къ корыстолюбію, которая имъ владѣетъ сильно и поселяетъ въ немъ мысль, оставя службу по военнымъ поселеніямъ, вмѣститься при министрѣ финансовъ, гдѣ, кромѣ Сибирскаго комитета, ласкается онъ также хорошею наживою и поборами отъ питейной части. Но что бы онъ имѣлъ чувства отъ людскихъ столь далекія, сего въ немъ я не предполагалъ; считая, что онъ правила своего масонства. послѣ высочайшаго воспрещенія и въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, оставилъ; а нынѣ удостовѣряясь совершенно, о самомъ злодѣйственномъ и опасномъ свойствѣ души его, и его безбожной нравственности, содрогаюсь, и считаю долгомъ честнаго человѣка, сказать объ немъ все это, слѣдуя правилу Римлянъ: amicus, sed usque ad aram.

Ваше превосходительство Петръ Андреевичъ! Вы пользуетесь довѣріемъ графа Алексѣя Андреевича. Вы истинно привержены къ его особѣ и къ его дому. Неупустите безъ замѣчанія, что качества Батенкова, который увѣряетъ всѣхъ о приближенности своей къ графу Алексѣю Андреевичу, и каковымъ его другіе и считаютъ, недолжны быть оставлены графу безызвѣстными. Батенковъ весьма нечистъ и весьма постыдно ведетъ себя по Сибирскому комитету, нещадя имени графа. Онъ дѣйствуетъ по чудовищнымъ правиламъ самаго злѣйшаго масонства, и имѣетъ одну главнѣйшую цѣль, чтобы при имени графа, когда думаютъ, что онъ къ нему близокъ, составить для себя достатокъ, и въ теченіи семи лѣтъ весьма хитрыя дѣйствія его по Сибири, здѣлали рыльцо его въ порядочномъ уже пушку, въ чемъ не безъ грѣха, по потворству ему, и г. Сперанскій.

Полученъ въ Новгородѣ 14-го ноября 1825.

III.

Графъ В. П. Кочубей—графу Аракчееву.

Вюрцбургъ, 15 (27) декабря 1825 г.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Андреевичъ.

Давно не писалъ я къ в. с., слѣдуя постоянно правилу моему, не безпокоить людей, дѣлами занимающихся. Теперь предсталъ несчастнѣйшій случай, который вѣрно сблизилъ чрезмѣрно общія наши чувства. Вы должны находиться въ сильномъ огорченіи. Я не могу описать в. с. скорби моей и всего моего семейства. Никогда не могу я забыть чувствительнаго и милостиваго участія покойнаго Г. И. въ самыхъ тяжкихъ семейныхъ обстоятельствахъ моихъ. Благодарность моя никогда не изгладится изъ памяти сердца моего. Отдавъ

сію должную дань человѣку, я не могу не сокрушаться и о потерѣ, Россіи сдѣланной. Она долго будетъ ее чувствовать. Неожиданная кончина Е. В. произвела сильное впечатлѣніе въ Германіи. Всѣ отдаютъ справедливость величности души его и заслугъ его предъ свѣтомъ. Всѣ сожалѣютъ о немъ. Нѣтъ ни одной газеты, въ какомъ бы она духѣ не издавалась, которая бы не была наполнена довлѣсными ему похвалами.

Я надѣюсь, что вы, м. г-рь мой, здоровы и искренно сего желаю. Мнѣ издали, при немощахъ моихъ, и тягостно и безпокойно. Дай Богъ, чтобы хотя извѣстіями изъ Россіи былъ я въ послѣдствіи нѣсколько утѣшенъ, и въ семъ отношеніи полагаю надежду мою на вышній Промыселъ. Предопредѣленія Его конечно всегда положительны, но не можно ли было ласкаться, что не оплакивали бы мы потерю нашу, если бы государь, пользуясь глубокимъ разсудкомъ своимъ, не пренебрегалъ всѣмъ тѣмъ, что могло сохранить его?

Мысли мои, письмо мое, имѣютъ столь печальную оттѣнку, что я не хочу долѣе обременять васъ оными и спѣшу окончить возобновленіемъ вамъ, м. г. мой, свидѣтельства совершеннаго почтенія и преданности къ вамъ, я честь имѣю быть в. с. покорнѣйшій слуга графъ В. Кочубей.

IV.

Особы, назначенныя къ несенію россійскихъ императорскихъ регалій и орденовъ при погребеніи императора Александра I.

1) Императорскую корону. .	Адмиралъ Мордвиновъ.
2) Государственный скипетръ. .	Д. т. с. Сергѣй Петровичъ Хитровъ.
3) Государственную державу.	Оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ.
4) Корону Казанскую .	Генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ.
5) Корону Астраханскую .	Г. отъ инф. князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій.
6) Корону Сибирскую .	Оберъ-гофмейстеръ графъ Литта.
7) Корону Таврическую. .	Д. т. с. князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
8) Св. Апостола Андрея. .	Д. т. с. Василій Сергѣевичъ Ланской.
9) Св. Александра Невскаго.	Оберъ-егермейстеръ Пашковъ.
10) Св. Побѣдоносца Георгія .	Д. т. с. Иванъ Васильевичъ Тутолминъ.
11) Св. Кн. Владиміра .	Адмиралъ Карцовъ.
12) Св. Анны	Александръ Ивановичъ Татищевъ.
13) Серебр. медаль	Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.
14) Бѣлаго Орла .	Графъ Нессельроде.
15) Св. Станислава	Адмиралъ Шишковъ.

V.

Черновой собственноручный рескриптъ Императора Николая, писанный карандашомъ, безъ подписи Его Величества и безъ означенія времени. Относится, вѣроятно, къ декабрю 1825 г.

«Графъ Алексѣй Андреевичъ! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужнаго для докончанія предпринятаго вами устройства военныхъ поселеній, памятника благодѣтельныхъ намѣреній покойнаго Государя, отца нашего, вамъ къ исполненію ввѣренному, нашелъ я удобнымъ перевести собственную мою канцелярію въ непосредственное мое завѣдываніе, канцелярію же комитета министровъ вручить управленію директора оной ...... Гежелинскому.

Съ истиннымъ уваженіемъ есмь навсегда вашъ искренно доброжелательный».

Примѣчаніе. Рескриптъ этотъ написанъ по поводу проэкта рескрипта, писаннаго рукою графа Аракчеева объ увольненіи его отъ занятій по собственной Е. И. В. канцеляріи и по канцеляріи комитета министровъ, представленнаго при всеподданнѣйшемъ письмѣ его 20-го декабря 1825 года.

VI.

Продажа гр. Аракчеевымъ принадлежащихъ ему драгоцѣнностей.

Какъ извѣстно, графъ Аракчеевъ обратился 9-го апрѣля 1826 г. со всеподданнѣйшимъ письмомъ къ императору Николаю, въ которомъ онъ, «по разстроенному здоровью, не зная ни днемъ ни ночью покоя», просилъ о заграничномъ отпускѣ [1]), съ сохраненіемъ содержанія: «не позволилъ бы я себѣ утруждать В. И. В. просьбою о послѣднемъ, ежели бы могъ безъ того обойтиться въ приготовленіи себя къ отъѣзду и въ содержаніи себя за границею; но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ серебряныхъ вещей, что должно быть извѣстно и вамъ, всемилостивѣйшій государь, по докладу вашего гофмаршала и управляющаго кабинетомъ». Помѣщаемъ ниже нѣкоторыя данныя объ этой знаменитой продажѣ, совершившейся одновременно съ представленіемъ графомъ Аракчеевымъ по военнымъ поселеніямъ болѣе 32-хъ милліоновъ рублей наличными деньгами, присовокупляя, что «Всемірный Судія, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ».

---

[1]) Письмо это напечатано въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1871 г., книга 4-я.

Графъ Аракчеевъ — князю А. Н. Голицыну.

С.-Петербургъ, 22-го марта 1826 г.

Милостивый государь! князь Александръ Николаевичъ! Судьбы человѣческія неисповѣдимы! Я всегда располагалъ себя такъ, чтобъ мнѣ никогда в. с. не безпокоить моими просьбами; но нынѣ долженъ по необходимости преступить сіе правило, и адресоваться къ в. с. съ моею слѣдующею просьбою.

Служа съ офицерскаго чина 39 лѣтъ, четвертому Россійскому Государю, во все оное время накопились у меня жалованныя вещи. Но какъ я по болѣзни моей долженъ буду просить себѣ увольненія къ водамъ, а для сего нужно деньги, то я и рѣшился всѣ имѣющіяся жалованныя вещи продать.

Прилагаю о сихъ вещахъ подробную опись, прошу васъ, м. г., приказать купить оныя въ кабинетъ Е. В., гдѣ я полагаю, по нынѣшнему приближающемуся торжественному коронованію, подобныя вещи будутъ нужны.

Если в. с. прикажете оныя мои вещи, накопленныя въ 39 лѣтъ моей службы, оцѣнить по христіански, то я за оное буду вамъ, м. г., весьма благодаренъ, ибо симъ самымъ увеличится моя сумма, потребная мнѣ на приготовленіе къ моему отъѣзду.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Князь А. Н. Голицынъ — графу Аракчееву.

23-го марта 1826 г.

Получивъ отношеніе в. с. о желаніи вашемъ продать въ кабинетъ Е. В. одну табакерку и одинъ перстень, покорнѣйше прошу прислать оныя ко мнѣ. Будьте увѣрены в. с., что оцѣнка будетъ сдѣлана по всей справедливости и я не премину увѣдомить васъ объ ней, чтобъ испросить ваше согласіе, послѣ чего немедленно доставлю и деньги.

Продажа состоялась на слѣдующихъ условіяхъ:

Табакерка черепаховая, оправленная въ золото и украшенная брилліантами, подаренную въ 1812 году наслѣднымъ принцемъ шведскимъ	8,400 р.
Перстень брилліантовый съ вензелемъ императора Павла	2,100 р.
Серебреная посуда, десертное вызолоченное серебро и фарфоровыя десертныя тарелки . .	28,391 р.
	38,890 р.

На счетахъ, рукою графа Аракчеева, написано: «всего денегъ получено 38,890 рублей, которыя всѣ отданы въ коммерческій банкъ 7-го апрѣля 1826 года, и взяты на расходы графомъ за границу 1-го мая 1826 года».

Штабсъ-капитанъ Серковъ — графу Аракчееву.

С.-Петербургъ, 26-го марта 1826 г.

Письмо в. с., на имя Кириллы Александровича Нарышкина, я вчерась отдалъ лично; онъ поручилъ мнѣ свидѣтельствовать в. с. свое искреннее почтеніе, назначилъ изъ придворной конторы чиновника, принять отъ меня завтрашній день серебро и фарфоръ, а въ среду явиться въ придворную контору для полученія за оной денегъ, по исполненію сего я буду имѣть честь донести в. с.—оригинальное же письмо Кириллы Александровича, при семъ представить честь имѣю.

Брилліантовую табакерку съ портретомъ и перстень съ вензелемъ покойнаго императора Павла I-го, я вчерась же отдалъ лично князю Александру Николаевичу Голицыну; онъ также свидѣтельствуя в. с. свое почтеніе, приказалъ мнѣ завтрашній день пріѣхать за отвѣтомъ, по полученіи коего доставлю в. с.

Вѣнскую коляску изъ Грузина привезли вчера вечеромъ, и по осмотрѣ ее мастеромъ Іохимомъ донесу в. с.

Питербургскую корову съ присланною изъ Грузина женщиною, завтра по утру при своемъ унтеръ-офицерѣ отправляю, который посылается къ Александру Ивановичу Минуту для размѣру казенной аммуниціи мастеровыхъ по сроку 1825 года.

Ящикъ зеленаго сафьяну съ книгами при пакетѣ в. с., вчерась отданъ г. Ольденборгеру лично.

3,050 штукъ горностаевыхъ хвостовъ я получилъ, буду стараться ихъ продать, а полученныя за оные деньги отошлю къ г. Минуту.

Въ с.-петербургскомъ домѣ в. с. слава Богу все благополучно, люди, равно и лошади, здоровы.

Управленіе дома графа Аракчеева въ С.-Петербургѣ велось на строго бюрократическихъ началахъ, что можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ рапортовъ, отправлявшихся 1-го числа каждаго мѣсяца:

Е. с. графу А. А. Аракчееву

Степана Васильева

Рапѳртъ.

В. с. счастіе имѣю донести, что находящаяся у меня въ буфетѣ разная посуда, какъ-то: серебро, фарфоръ, хрусталь, фаянсъ, мѣдь и прочія вещи къ 1-му числу мая мѣсяца состоятъ благополучно, и никакого въ теченіи апрѣля мѣсяца прихода и расхода не было.

Степанъ Васильевъ.

1-го мая 1826 г.

VII.

Графъ Аракчеевъ — ген.-ад. бар. Дибичу.

Кіевъ, 5-го декабря 1826 г.

Не осмѣливаясь безпокоить моимъ донесеніемъ Е. И. В. всемилостивѣйшему моему государю императору, о полученномъ мною 2-го декабря, послѣдовавшемъ на мое имя прошлаго октября 23-го числа указѣ, о присоединеніи военныхъ поселеній въ главный штабъ Е. И. В., я по званію вашему увѣдомляю объ ономъ васъ, милостивый государь, для доклада Г. И.

Покорно прошу в. высокопрев., при докладѣ вашемъ Е. И. В., изъяснить мою вѣрноподданную благодарность за увольненіе меня отъ занятіевъ по военному поселенію, что дѣйствительно мнѣ нужно для поправленія совершенно разстроеннаго моего здоровья, которое необходимо требуетъ единственной мнѣ уединенно-спокойной жизни.

Ген.-ад. Дибичъ—гр. Аракчееву.

24-го декабря 1826 г.

Содержаніе почтеннѣйшаго письма в. с. ко мнѣ отъ 5-го сего декабря, я доводилъ до свѣдѣнія Г. И. и по высочайшему повелѣнію въ отвѣтъ на оное имѣю честь увѣдомить, что Е. В. искренно желаетъ, дабы отдохновеніе отъ долговременныхъ трудовъ, на пользу службы вами понесенныхъ, могло способствовать къ совершенному возстановленію разстроеннаго вашего здоровья.

VIII.

Графъ Дибичъ — графу Аракчееву.

С.-Петербургъ. (?) января 1827 г.

Милостивый государь гр. Алексѣй Андреевичъ.

До свѣдѣнія Г. И. дошло, что здѣсь въ С.-Петербургѣ появились печатныя книги, въ коихъ содержатся письма и записки, будто бы писанныя покойнымъ Г. И. къ ваш. сіят.—Е. В. полагаетъ, что таковыя письма и записки напечатаны безъ вѣдома в. с. кѣмъ либо недоброжелательствующимъ вамъ, будучи увѣренъ въ собственномъ вашемъ убѣжденіи сколь неприлично бы было напечатать то, что покойный Г. И. по особенной къ вамъ довѣренности могъ писать къ вамъ партикулярно и по секрету. А потому Е. В. желаетъ знать: неизвѣстно-ли в. с., изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки, и кѣмъ выданы въ печать? Буде же сіе вамъ неизвѣстно, то для предупрежденія всякихъ толковъ въ публикѣ, Е. В. полагалъ бы лучшимъ средствомъ, напечатать в. с. отъ себя объявленіе, что всѣ таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

Прося покорнѣйше в. с. почтить меня на сіе увѣдомленіемъ вашимъ для доклада Г. И., имѣю честь быть и проч. [1]).

---

[1]) Весьма интересное собраніе писемъ императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича, изданныя Аракчеевымъ въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ и составляющія чрезвычайную рѣдкость, были перепечатаны въ „Русской Старинѣ“. Ред.

IX.

Графъ Аракчеевъ какъ докторъ и ветеринаръ.

Г.-ад. бар. Дибичъ — графу Аракчееву.

Царское Село, 24-го іюня 1827 г.

Г. И. получивъ донесеніе, что Тихвинскаго уѣзда въ погостахъ Никольскомъ и Петровскомъ Пшевскомъ открылась смертность въ людяхъ, коихъ померло уже 12 человѣкъ и находится больныхъ 15, равномѣрно и зараза въ скотѣ, отъ коей пало разнаго сорта до 400 штукъ, и что зараза сія появилась въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ имѣніи В. С., гдѣ также померло 2 человѣка и пало 32 лошади, — поручить мнѣ соизволилъ. чрезъ нарочнаго фельдъегеря, покорнѣйше просить увѣдомленія в. с.: какого рода болѣзнь на людяхъ и скотѣ существуетъ и не изволите-ли вы, милостивый государь, признать нужными принять какія либо мѣры къ прекращенію возникшихъ болѣзней. Отзывъ о семъ не благоугодно-ли будетъ в. с. доставить ко мнѣ съ симъ же посылаемымъ фельдъегеремъ.

Графъ Аракчеевъ—ген.-ад. барону Дибичу.

25-го іюня 1827 г.

Падежъ скота, а особливо лошадей въ здѣшнихъ краяхъ бываетъ ежегодно одинъ годъ болѣе, а другой менѣе. и я имѣя Грузинскую волость 40 лѣтъ, бывали къ несчастію прежде сего такіе годы, что крестьяне мои теряли въ теченіи двухъ мѣсяцевъ до 400 лошадей, и при всѣхъ моихъ стараніяхъ и наблюденіяхъ, я не нашелъ другаго способа уменьшить падежъ, какъ только содержать лошадей іюнь и іюль мѣсяцы въ конюшняхъ, чѣмъ самымъ послѣдніе годы избавлялся въ моей вотчинѣ отъ сей заразы. Нынѣшнее же лѣто, по раннимъ бывшимъ жарамъ, я приказалъ запереть лошадей 21-го мая, но видно и сіе было уже поздно мною сдѣлано, ибо въ самый тотъ же день открылся у меня падежъ, какъ должно полагать перешедшій ко мнѣ изъ Тихвинскаго уѣзда, гдѣ сказываютъ, что онъ открылся гораздо ранѣе означеннаго числа, и гдѣ онъ въ сильномъ градусѣ происходилъ.

Я первый который увидя своего новгородскаго исправника сказалъ ему о семъ тихвинскомъ падежѣ, и куда я слышалъ послѣ

оваго посланъ былъ отъ гражданскаго вѣдомства инспекторъ врачебной управы. Касательно смертности людей, то дѣйствительно я потерялъ двухъ человѣкъ отъ сей болѣзни, которая дѣлается отъ неизвѣстной причины, но бываетъ она обыкновенно въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ усилился конскій падежъ. Открывается оная слѣдующимъ образомъ: здоровый человѣкъ почувствуетъ слабость и въ теченіи сутокъ, если не будетъ пущена ему кровь при самомъ началѣ его болѣзни, то дѣлается у него Антоновъ огонь во всей крови и онъ непремѣнно умираетъ. У меня въ вотчинѣ, слава Богу, больныхъ людей болѣе не было, да и падежъ лошадиный остановился. Касательно-же смертности въ Тихвинскомъ уѣздѣ и падежа лошадей, то мнѣ подробности оныхъ въ точности неизвѣстны, а должно быть извѣстно гражданскому вѣдомству, которое, какъ я выше упомянулъ, посылали уже туда и врача. Я слышалъ, что одинъ инвалидъ умеръ и въ поселенномъ полку отъ оной же болѣзни, и будто даже одинъ человѣкъ и у корпуснаго командира кн. Шаховскаго былъ зараженъ оною же болѣзнію.

А въ прошедшемъ лѣтѣ у сосѣда моего, живущаго отъ меня въ 9-ти верстахъ Путятина было несчастіе, что онъ лишился сею болѣзнію болѣе десяти человѣкъ людей.

Помощь при сей болѣзни, какъ я и выше сказалъ, состоитъ въ строгомъ наблюденіи начала оной и въ самое сіе время пустить кровь, единственный способъ леченія; и хотя, по милости Божіей, сія болѣзнь явнымъ образомъ не переходитъ отъ больнаго къ здоровому, но все нужно послѣ смерти таковаго больнаго, для лучшей предосторожности, сожигать платье, имъ употреблявшееся. Милосердіе Божіе кажется облегчаетъ сію болѣзнь, ибо продолжающееся нынѣ холодное время прекращаетъ обыкновенно оную.

Изложивъ все, что я знаю в. впр—ву, симъ самымъ исполнилъ высочайшую Е. И. В. волю.

X.

Графъ Дибичъ—графу Аракчееву.

С.-Петербургъ, 9-го октября 1827 г.

Вдова поручика Кузнецова, испрашивая нынѣ у Г. И-ра всемилостивѣйшаго пособія, изъясняетъ, что мужъ ея предъ смертію своею желая сообщить нѣкоторыя полезныя для отечества мысли, оставилъ на Высочайшее имя блаженныя памяти г. и. Александра Павловича пакетъ, представленный ею чрезъ меня въ 1824 году.

Пакетъ сей дѣйствительно былъ полученъ мною отъ г-жи Кузнецовой, который я въ то же время докладывалъ покойному г. и., и, сколько мнѣ извѣстно, бумаги, въ ономъ заключавшiяся, по волѣ Е. В-ва, переданы в. с. При семъ случаѣ, я имѣлъ счастiе слышать отъ Е. В., что поручикъ Кузнецовъ и прежде того представлялъ разныя предположенiя и проэкты, которыя, вѣроятно, также поступили къ в. с., ибо между бумагами, въ кабинетѣ покойнаго Государя Императора оставшимися, никакихъ проэктовъ Кузнецова найдено не было.

По сему я покорнѣйше прошу в. с. почтить меня увѣдомленiемъ для доклада Е. В.: неизвѣстно ли вамъ содержанiе означенныхъ бумагъ и гдѣ оныя находятся? также не изволите ли в. с. сдѣлать свое заключенiе на счетъ услугъ поручика Кузнецова и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ они уваженiе?

Графъ Аракчеевъ—графу Дибичу.

13-го октября 1827 г.

Дѣйствительно поручикъ Кузнецовъ, я помню, писалъ передъ поѣздкой блаженныя памяти г. и. Александру Благословенному и сколько я могъ знать, то кажется его бумаги содержали всегда два предмета: первое явное и можно сказать грубое возраженiе противъ заводимаго военнаго поселенiя и второй по финансовымъ доходамъ,—грубою ее считалъ, потому что изъ тѣхъ бумагъ, которыя Е. В. изволилъ мнѣ показывать, помнится мнѣ въ одной помѣщено было подобное сему смыслу: «для чего же вы государь кавалергардскихъ и конногвардейскихъ своихъ строевыхъ лошадей не запрягаете въ упряжѣ и не посылаете на работу, то когда оное вы жалѣете дѣлать, а военныхъ людей не жалѣете употреблять въ работы такiя, которыя они прежде никогда не работали». Изъ сего в. с. можете замѣчать, что въ его бумагахъ навѣрное было много брани на мое лице, дѣйствующее въ ономъ поселенiи, то благодѣтель мой Г. И. кажется потому мнѣ и не отдавалъ его бумагъ, а иногда только объ нихъ разговаривалъ со мной; а если какiя бумаги были полезныя для поселенiй, чего я однакоже не могу помнить, то нѣтъ ли ихъ въ дѣлахъ штаба военныхъ поселенiй?

Вотъ в. с. сколько я могу помнить о бумагахъ г. Кузнецова мое свѣдѣнiе; касательно же моего заключенiя, то я за его обо мнѣ невыгодное со всѣмъ другимъ заключенiе, конечно желалъ бы супругѣ его самаго выгоднаго для ея уваженiя.

XI.

Всеподданнѣйшая жалоба графа Аракчеева въ 1831 году.

Во время мятежа въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году, графъ Аракчеевъ, въ іюлѣ того года, обратился къ императору Николаю съ жалобою, что, по причинѣ буйства военныхъ поселянъ, онъ вынужденъ для безопасности своей переѣхать изъ с. Грузино въ Новгородъ, но въ семъ городѣ мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждаетъ его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

По поводу этого письма послѣдовала нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая, на имя ген.-адъют. А. И. Чернышева:

«Изъ прилагаемаго письма г. Аракчеева увидите сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностію г. Аракчеева во время его пребыванія въ Новѣгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, коихъ удостоиваю носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ временному коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому г. Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось».

«Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ».

Приведемъ для примѣра приказаніе, съ которымъ графъ Чернышевъ, 1-го августа 1831 г., обратился къ Новгородскому коменданту г.-м. Люце въ „сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ“:

«До Высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности отъ буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но что вопреки сего ожиданія, мѣстное начальство не только не озаботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, напротивъ того, совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его своими поступками, показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

«Въ чувствахъ негодованія на столь не приличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ Е. В., Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: немедленно предписать

в. пр., что Е. В. изволитъ возлагать на личную вашу и г. Новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностію графа Аракчеева, во все время пребыванія его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя притомъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему своему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностію ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждаго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ военнаго генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности в. пр., какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ, и вообще употребить къ охраненію его всѣ способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая либо опасность, что однако же Г. И. изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Таковую Высочайшую волю объявляя в. пр. къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. Новгородскому гражданскому губернатору».

ИВАНЪ СКОБЕЛЕВЪ И ГЕНЕРАЛЪ ТЕШЕНЪ.

ЛЕГЕНДЫ.

Въ 1853-мъ году, познакомился я съ отставнымъ пѣхотнымъ маіоромъ Гр...., проживавшимъ въ маленькомъ своемъ имѣньицѣ Лохвицкаго уѣзда, который, въ числѣ многихъ разсказовъ изъ своей военной службы, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя событія изъ жизни генераловъ Ивана Скобелева и Тешена, видѣнныя имъ самимъ, или слышанныя отъ очевидцевъ, показавшіяся мнѣ до того замѣчательными, что я тогда же записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ. Генералъ Скобелевъ—лице историческое и внукъ его, генералъ-адъютантъ Мих. Дм. Скобелевъ, сдѣлался однимъ изъ героевъ послѣдней турецкой войны, на подвиги котораго вся Россія и Европа смотрѣла съ изумленіемъ, и поэтому думаю, что всякое свѣдѣніе о славномъ дѣдѣ доблестнаго героя въ настоящее время прочтется съ большимъ любопытствомъ. Генералъ же Тешенъ замѣчателенъ тѣмъ, что одно важное событіе въ его жизни подало поводъ покойному нашему писателю Квиткѣ-Основьяненкѣ написать знаменитую свою малороссійскую комедію: Писарь Шельменко—въ прежнее время такъ часто игранную на провинціальныхъ театрахъ. Разсказы эти имѣютъ лишь легендарное, а отнюдь не историческое значеніе: въ нихъ народная фантазія, очевидно, сильно разукрасила то, что было въ дѣйствительности.

Я. К.

Иванъ Скобелевъ.

I.

Генералъ Скобелевъ, разсказывалъ маіоръ Гр...., былъ происхожденія простого, какъ говорилось тогда, изъ сдаточныхъ, но человѣкъ самой добрѣйшей души, большаго природнаго ума, веселаго характера и любилъ жить роскошно. Будучи командиромъ Рязанскаго пѣхотнаго полка, онъ часто дѣлалъ обѣды, вечера, гдѣ танцы подъ хорошую полковую музыку и другія увеселенія доставляли всѣмъ удовольствіе. За это, и вообще за свой умъ и прекрасный характеръ, онъ былъ любимъ, какъ всѣми подчиненными ему, такъ и начальниками, и обществомъ.

Квартируя съ полкомъ во Владимірѣ, однажды послѣ обѣда сидѣлъ онъ на балконѣ своей квартиры, выходящемъ на улицу, во второмъ этажѣ, и курилъ изъ маленькой своей трубочки. Вдругъ онъ видитъ, что какая-то простая женщина, въ лаптяхъ и какомъ-то странномъ головномъ нарядѣ, подошла къ ходившему у воротъ дома часовому и спрашиваетъ его: здѣсь ли квартируетъ полковникъ Скобелевъ?—Скобелевъ опрометью пустился бѣжать внизъ на улицу и, увидѣвъ эту женщину, закричалъ: «матушка моя!» и бросился обнимать и цѣловать старушку. Потомъ схватилъ ее на руки и понесъ по лѣстницѣ во второй этажъ своей квартиры... «Э! полно Ваня! оставь, оставь, я сама взойду», кричала старушка, но Скобелевъ, въ порывѣ радости, не слушался и внесъ ее, какъ дитя, на рукахъ своихъ въ комнаты.

Послѣ такой встрѣчи начались самыя нѣжныя ласки и рѣчи между матерью и сыномъ. Сынъ не могъ нарадоваться, глядя на свою мать, которой онъ, со дня отдачи его въ рекруты, (будто бы) еще не видѣлъ, а мать не могла налюбоваться своимъ сыномъ, который изъ простаго крестьянина сдѣлался теперь полковникомъ. Послѣ первыхъ изліяній радости, мать отведена была въ особую покойную комнату и ей доставлены были всевозможныя удобства, въ которыхъ простая женщина мало имѣла и надобности. Такъ прошло нѣсколько дней и Скобелевъ объ этомъ никому ничего не говорилъ. Черезъ три дня онъ дѣлаетъ балъ и приглашаетъ корпуснаго командира, всѣхъ другихъ начальниковъ, полковыхъ командировъ и множество офицеровъ и постороннихъ знакомыхъ съ ихъ семействами. Гостей съѣхалось множество къ обѣду, ихъ принималъ адъютантъ его (Скобелевъ еще не былъ тогда женатъ), а самъ онъ не показывался. Недоставало еще одного гостя—корпуснаго командира, наконецъ и тотъ пріѣхалъ. Его встрѣтили музыкой трехъ полковыхъ оркестровъ: одинъ на улицѣ, другой на лѣстницѣ, а третій въ залѣ. Корпусный командиръ, генералъ Олсуфьевъ, вошелъ радостнымъ въ зало съ своей женой и началъ раскланиваться съ гостями, но хозяина еще

не было. Наконецъ отворяется дверь кабинета и Скобелевъ является предъ многолюднымъ собраніемъ, ведя подъ руку какую-то старушку, одѣтую просто, по крестьянски, но вмѣсто лаптей—въ котахъ, и вмѣсто страннаго головнаго убора—въ ситцевомъ платкѣ. Она ни за что не согласилась измѣнить болѣе свой нарядъ, или сдѣлать его богаче. Все собраніе, ничего не знавшее, было изумлено такимъ появленіемъ. Скобелевъ съ старушкой прямо подходитъ къ корпусному командиру и говоритъ:

— Ваше высокопревосходительство! Если я сколько нибудь достоинъ вашего вниманія и расположенія, то позвольте мнѣ представить вамъ самаго дорогаго моего гостя—это моя матушка!

Генералъ, любившій Скобелева, обнялъ старушку, тотчасъ подвелъ ее къ своей женѣ, которая ее поцѣловала; тутъ подбѣжали къ ней всѣ другія дамы и тоже начали цѣловать ее. Скобелевъ благодарилъ всѣхъ, разсказывалъ всѣмъ про свое счастіе увидѣть свою мать, и эта сцена, говоритъ очевидецъ, такъ всѣхъ растрогала, что рѣдко кто не плакалъ, не только дамы, но даже и офицеры, тоже вспомнившіе при этомъ матерей своихъ.

Обѣдъ былъ роскошный и веселый, а послѣ обѣда начались танцы. Старушку постоянно окружали дамы и разговаривали съ ней, и она, нисколько не конфузясь, говорила такъ умно, что всѣ удивлялись ея отвѣтамъ. Потомъ она ушла въ свою комнату. Балъ продолжался за полночь, въ два часа подали ужинъ. Хотѣли уже садиться за столъ, но не было старушки и Скобелевъ пошелъ за ней. Онъ нигдѣ въ комнатахъ не могъ найти ее, наконецъ отыскалъ ее въ кухнѣ, гдѣ она, забравшись на печку, отдыхала. Скобелевъ началъ просить ее за столъ.

— Э, полно Ваня, отвѣчала она. Я человѣкъ старый, утомилась, хочу отдохнуть. Ступай, веселись съ гостями, а мнѣ и здѣсь будетъ весело, думая какъ тебя всѣ любятъ и какъ ты меня любишь!

И не смотря на всѣ просьбы сына, осталась на печкѣ, и Скобелевъ долженъ былъ возвратиться въ залъ одинъ.

— Извините, ваше высокопревосходительство! сказалъ онъ, вошедши, корпусному командиру. Матушка моя уже спитъ на печкѣ!

Сѣли за столъ, поужинали, дамы разъѣхались, а мущины веселились и кутили до самаго утра.

II.

Когда Скобелевъ былъ произведенъ въ генералы, ему поручено было выбрать людей изъ армейскихъ полковъ въ гвардію. Производя такой выборъ людей въ ..... полку, вдругъ онъ остановилъ глаза на одномъ солдатѣ.

— Кажется Бруновъ, спросилъ онъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ солдатъ.

— Ишь.... (крѣпкое слово)! А помнишь, какъ ты, бывало, поставишь меня подъ палки, а я кричу: «ваше благородіе, помилуйте! ваше благородіе, помилуйте!».. продолжалъ Скобелевъ, подергивая плечами и представляя какъ онъ тогда ломался. Этотъ Бруновъ былъ прежде офицеромъ и ротнымъ командиромъ Скобелева. Однажды онъ, квартируя въ Польшѣ, въ пьяномъ видѣ собралъ роту, надѣлалъ съ нею много буйства въ имѣніи одного помѣщика и даже высѣкъ его, но Скобелевъ, будучи фельдфебелемъ роты, не захотѣлъ участвовать въ такомъ буйствѣ ротнаго командира, за что потомъ онъ былъ жестоко имъ наказанъ. За этотъ поступокъ Брунова предали суду и онъ былъ разжалованъ въ солдаты..... и вотъ теперь Скобелевъ узналъ его. По выборѣ людей въ гвардію, онъ началъ разспрашивать начальниковъ о поведеніи Брунова. Бруновъ, по прежнему, былъ горчайшій пьяница, но командиры, изъ жалости, отозвались объ немъ хорошо. «Я вамъ дамъ предписаніе, сказалъ Скобелевъ обращаясь къ полковому командиру, что бы вы мнѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, еженедѣльно доносили о поведеніи Брунова».

Послѣ этого Скобелевъ уѣхалъ въ Петербургъ и еженедѣльно получалъ отъ полковаго командира самые хорошіе отзывы о поведеніи Брунова, которымъ, однакожъ, онъ не вполнѣ вѣрилъ. Мѣсяца черезъ два, проѣздомъ чрезъ штабъ-квартиру этого полка, онъ заѣзжаетъ къ полковому командиру и спрашиваетъ у него, гдѣ квартируетъ такая-то рота, и, получивъ отвѣтъ, ѣдетъ въ ту роту, входитъ къ ротному командиру и велитъ ему итти вмѣстѣ съ нимъ на квартиру рядоваго Брунова. Прійдя въ квартиру Брунова, въ простую и грязную хату, онъ нашелъ его мертвецки пьянымъ.—Здорово, Бруновъ! сказалъ ему Скобелевъ, но Бруновъ едва могъ стоять на ногахъ и говорилъ ему несвязныя рѣчи...

— Боже мой! воскликнулъ Скобелевъ, такъ вотъ ты каковъ!—Ну, Богъ же съ тобой! А я хотѣлъ было сдѣлать тебѣ добро и просить государя о помилованіи тебя, но теперь вижу, что ты этого не стоишь и я ни за что не стану обманывать государя.

Послѣ этого онъ вышелъ отъ Брунова и написалъ его полковому командиру выговоръ за несправедливыя его донесенія о поведеніи Брунова, которые могли ввести его въ заблужденіе и невольно заставить обмануть государя.

Генералъ Тешенъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, разсказывалъ тоже маіоръ Гр..., въ 1853 году, былъ начальникомъ Чугуевскаго военнаго поселенія нѣкто генералъ-маіоръ Тешенъ, человѣкъ суровый, грубый, капризный и вспыльчивый, котораго происхожденіе очень интересно.

Онъ былъ сынъ казака Харьковской губерніи, по фамиліи Ищенко, зналъ грамоту, читать и писать, и поэтому въ молодости служилъ волостнымъ

писаремъ и былъ большой руки мошенникъ и взяточникъ. Какой-то богатый казакъ, желая освободить своего сына отъ поступленія въ рекруты, далъ писарю Ищенкѣ большую взятку и за это писарь, вмѣсто сына этого казака, назначилъ въ рекруты единственнаго сына одной бѣдной и старой казачки, которому вовсе не слѣдовало итти въ рекруты. Когда узнала объ этомъ несчастная старуха, то бросилась къ всемогущему писарю съ просьбой объ освобожденіи отъ рекрутства ея сына, а писарь, видя случай и отъ нея попользоваться чѣмъ либо, обѣщалъ ей похлопотать за ея сына, если только она дастъ ему благодарность. Бѣдная старуха принесла ему сначала единственную свою овцу, но когда писарь былъ этимъ недоволенъ и требовалъ бо́льшаго подарка, то она привела ему и единственную свою корову. Тогда писарь, желая ее только обмануть, притворно сказалъ ей:—Ну, ба́бо, теперъ до́бре, я все зроблю для те́бе, и хочь твого сына и повеземъ въ рекрутске присутствіе, то ты небійсь. Я вже тамъ похлопочу и ёго не пріймуть!

Повезли рекрутъ къ сдачѣ, взяли старухина сына и за нимъ пошла въ городъ и мать его, успокоенная обѣщаніемъ писаря. Но каковъ былъ для нея ударъ, когда сына ея поставили въ станокъ и закричали—лобъ! Старуха не вытерпѣла. Съ отчаяніемъ и въ слезахъ вбѣжала она въ присутствіе и закричала на членовъ:

— Такъ, якъ же се, пано́ве! и овечку взялй, и корову взялй, да ще й сына берете́!

— Кто такой взялъ у тебя овечку и корову? спросили ее члены.

— А, ось, вонй!—указала старуха на поблѣднѣвшаго писаря.

Присутствіе разобрало дѣло, допросило писаря, который съ испугу во всемъ сознался. Тогда старухѣ возвратили ея сына, а писарю Ищенкѣ забрили лобъ. И это тотъ самый волостной писарь, котораго Основьяненко изобразилъ въ своей комедіи: Шельменко.

Ищенко, будучи грамотнымъ, умнымъ и ловкимъ молодымъ человѣкомъ, служилъ хорошо, перемѣнилъ свою фамилію на Тешенъ, былъ полковымъ писаремъ, дослужился до офицерскаго чина, былъ полковымъ адъютантомъ, сыскалъ случай понравиться графу Аракчееву, хорошо шелъ по службѣ, и дослужась до генеральскаго чина, былъ назначенъ начальникомъ Чугуевскаго военнаго поселенія.

Когда онъ жилъ уже въ Чугуевѣ, однажды, вошла въ переднюю комнату его квартиры какая-то простая, бѣдная женщина, старушка, и спрашиваетъ у ординарца,—здѣсь ли живетъ генералъ Тешенъ, и когда ординарецъ отвѣтилъ—здѣсь, то она сказала ему:

— Голубчикъ мій! Я маты вашего генерала. Скажи ёму, що я пришла до ёго!

Ординарецъ пошелъ и доложилъ объ этомъ генералу.

Какая тамъ мать! закричалъ вспыльчиво генералъ. У меня нѣтъ матери. Пошелъ вонъ!

Ординарецъ вышелъ и сталъ прогонять старуху. Въ это время проходилъ черезъ переднюю адъютантъ генерала съ докладомъ къ нему. Старушка обратилась съ просьбой къ нему и адъютантъ пошелъ въ кабинетъ къ генералу, а старушка прошла за нимъ въ залъ, и сказалъ генералу: ваше превосходительство! Здѣсь какая-то старушка проситъ видѣться съ вами и называетъ себя вашей матерью!

Генералъ еще болѣе вспылилъ и началъ кричать адъютанту, что у него нѣтъ матери и чтобы онъ прогналъ старуху. Старуха все это слышала и залилась горькими слезами! Адъютантъ вышелъ въ залъ и передалъ ей слова генерала. Тогда оскорбленная старуха начала громко говорить и такъ, что слышалъ генералъ.

— Такъ немà у ёго матери?.. Се правда! Скажите ёму, що у ёго, отъ сёго часу нема матери и вже бильше не буде! И у меня теперъ нема такого сына!

И съ этими словами вышла изъ дому и удалилась.

Генералъ, слышавшій все это, долго сидѣлъ молча въ кабинетѣ, наконецъ позвалъ ординарца.

— Возьми этотъ пакетъ, сказалъ онъ ординарцу, въ немъ пятьсотъ рублей денегъ. Отыщи ту старуху, которая приходила сюда и отдай ихъ ей непремѣнно.

Ординарецъ былъ уланъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ отыскивать старуху, которую и догналъ уже верстъ за пять отъ Чугуева.

— Вотъ тебѣ, матушка, пакетъ отъ генерала, котораго ты называешь своимъ сыномъ, сказалъ ей ординарецъ, въ немъ пятьсотъ рублей денегъ, возьми его!

— На що мини грôши, отвѣчала старуха, я шукала своего сына, да и не знайшла ёго. Не трѐба, не трѐба!—Скажи генералу, що винъ не мій сынъ и що у ёго теперъ немá матери и не буде!

И какъ ординарецъ ни старался уговорить ее взять деньги, даже насильно совалъ ей пакетъ за пазуху, она ихъ не приняла, бросила пакетъ на землю, и ординарецъ, поднявши его, привезъ обратно генералу.

Этотъ генералъ Тешенъ былъ давно уже боленъ чахоткой, долго лѣчился у самыхъ искусныхъ медиковъ, но болѣзнь его одолѣла, и наконецъ, онъ сдѣлался такъ слабъ, что едва могъ перейти съ кровати на диванъ. Во время этой его болѣзни, говорилъ очевидецъ, мы неоднократно слышали самыя ужасныя сцены. Раздражительность его доходила до самой высшей степени и въ такомъ состояніи онъ, бывало, сядетъ возлѣ стола и начнетъ колотить по немъ кулаками что есть силы и приговариваетъ, раздирающимъ душу голосомъ: А, генералъ Тешенъ! Проклятый Тешенъ! Вотъ тебѣ

и генеральство!—А лучше бы ты былъ казакомъ Ищенкой, и у тебя была бы мать, была бы жена и дѣтки!—Проклятый Тешенъ! Нѣтъ теперь у тебя ни жены, ни дѣтей, ни матери!..

Скоро онъ умеръ, не оплаканный, не только родными, но даже подчиненными, съ которыми онъ всегда былъ грубъ невыносимо.

1877 года октября 16-го.
Усадьба Липки.

Я. И. Костенецкій.

СКОБЕЛЕВЫ

въ преданіяхъ духовенства Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ.

Изъ соборнаго духовенства былъ особенно близокъ къ семейству Скобелевыхъ покойный ключарь, впослѣдствіи настоятель покровско-коломенской церкви, Григорій Алексѣевичъ Добротворскій. Многіе, конечно, помнятъ эту замѣчательную личность, которая рѣзко выдавалась въ средѣ современнаго Петербургскаго духовенства и своею оригинальною внѣшностью, остроуміемъ, и знаніемъ народной жизни и народнаго языка. Эти качества сблизили Григорія Алексѣевича съ комендантомъ Петропавловской крѣпости Иваномъ Никитичемъ Скобелевымъ, который самъ вышелъ изъ народа и занимался народною литературою, и, въ знакъ своего особеннаго расположенія къ о. Добротворскому, подарилъ ему лошадь. Разсказы, анекдоты и народныя поговорки, слышанныя отъ о. Добротворскаго, были такъ любопытны, что Скобелевъ передавалъ нѣкоторыя изъ нихъ великому князю Михаилу Павловичу и весьма его заинтересовалъ. Послѣ какихъ-то весьма интересныхъ разсказовъ Скобелева, великій князь спросилъ его: „да откуда ты это все знаешь?“

— У меня есть отличный учитель, отвѣчалъ Скобелевъ,—ключарь Петропавловскаго собора.

— Ключарь? съ удивленіемъ воскликнулъ великій князь,—покажи мнѣ его. Вотъ что: завтра я пріѣду на панихиду по братѣ Константинѣ, пусть служитъ ключарь съ однимъ псаломщикомъ. Буду я, да ты, и чтобы больше никого.

Такъ было и сдѣлано. О. Добротворскій служилъ панихиду съ псаломщикомъ Пятницкимъ. Великій князь, взглянувъ на клю-

чаря, пришелъ въ веселое настроенiе, остался доволенъ этимъ свиданiемъ и впослѣдствiи нерѣдко спрашивалъ о ключарѣ у коменданта.

Иванъ Никитичъ отличался хлѣбосольствомъ. На его обѣдахъ въ Преполовенiе и въ Петровъ день непремѣнно являлись громадные осетры на деревянныхъ лоткахъ. Четверо лакеевъ не безъ усилiя обносили многочисленныхъ гостей лакомымъ блюдомъ. Осетры эти составляли характеристическую особенность комендантскихъ обѣдовъ и имѣютъ историческое происхожденiе. По преданiю, Петръ Великiй, предоставивъ коменданту рыбныя ловли около крѣпости, завѣщалъ ему за обѣденнымъ столомъ въ мѣстные праздники крѣпости подавать цѣлаго осетра и притомъ изловленнаго не въ другой рѣкѣ, а непремѣнно въ Невѣ или Ладожскомъ озерѣ. Такое завѣщанiе великаго монарха соблюдалось до послѣдняго времени, хотя его исполненiе нерѣдко представляло для гг. комендантовъ немалыя затрудненiя. Прiобрѣсти живаго осетра къ извѣстному сроку, особливо ко дню Преполовенiя, когда Пасха приходилась рано, было дѣло нелегкое. Комендантское управленiе было крайне озабочено этимъ дѣломъ, посылало заказы на всѣ тони Невы и Ладожскаго озера, и прiобрѣтенiе осетра считалось радостнымъ событiемъ для крѣпости. Иногда желаннаго гостя приводили въ крѣпость дня за два до праздника и любопытные приходили любоваться великолѣпнымъ представителемъ воднаго царства. Пишущiй эти строки самъ видѣлъ у невской крѣпостной пристани такого осетра. За два дня до Преполовенiя, въ особомъ суднѣ, укрѣпленномъ канатомъ, весело плескался громадный осетръ, не предчувствуя своей близкой участи. На обѣдахъ коменданта Манденштерна осетры еще подавались и при немъ было два оффицiальныхъ обѣда въ крѣпости: въ Преполовенiе и въ Петровъ день, какъ и при прежнихъ комендантахъ. Со времени же коменданта Сорокина оффицiальный обѣдъ въ крѣпости дѣлается только въ Преполовенiе. Во второй годъ управленiя Сорокина, осетра, при всѣхъ старанiяхъ, не достали, и съ тѣхъ поръ осетры in totum на комендантскихъ обѣдахъ не появлялись. Но традицiя объ осетрахъ еще долго сохранялась въ крѣпости. Не подавая осетра у себя въ день Преполовенiя, Сорокинъ на праздничный обѣдъ въ день Петра и Павла всегда присылалъ конвертъ въ сто рублей съ надписью „на осетра“.

Послѣ обѣдовъ И. Н. Скобелевъ призывалъ дворецкаго и спрашивалъ его: „довольно-ли духовенство, а особенно дьяконы?“ и, когда слышалъ отъ дворецкаго утвердительный отвѣтъ, оставался чрезвычайно доволенъ.

И. Н. Скобелевъ пожертвовалъ серебрянныя ризы на запрестольный крестъ и на двѣ иконы св. Петра и Павла надъ правымъ и лѣвымъ клиросами. За церковную службу въ своей домовой церкви онъ ассигновалъ причту по 300 р. въ годъ, но служба совершалась лишь однажды въ году—въ храмовый праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери. При богослуженіи же любилъ бывать въ соборѣ и стоялъ въ алтарѣ у южнаго окна, противъ котораго и завѣщалъ похоронить себя. И теперь смотритъ въ это окно черный мраморный крестъ его памятника, напоминая объ Иванѣ Никитичѣ. Къ духовенству комендантъ былъ въ высшей степени почтителенъ. Когда приходилъ къ нему въ домъ митрополитъ, старый инвалидъ становился на колѣно, на свою единственную ногу, и съ величайшимъ благоговѣніемъ принималъ архипастырское благословеніе. Но за то въ бесѣдахъ со владыками Иванъ Никитичъ не стѣснялся и свою рѣчь щедро пересыпалъ солью, только не аттическою, а чисто русскою непечатною. Владыки снисходительно слушали такую рѣчь. До какой степени Иванъ Никитичъ уважалъ духовенство—служитъ слѣдующій фактъ. У Скобелева вечеромъ разъ была игра въ карты. Игралъ онъ съ генераломъ Сухозанетомъ, тоже безногимъ. О. Добротворскій сидѣлъ около коменданта и посовѣтовалъ ему удачный ходъ, вслѣдствіе котораго Сухозанетъ обремизился. Сухозанетъ разсердился и закричалъ на о. Добротворскаго: „попы мѣшаются не въ свое дѣло“. Но вдругъ всталъ изъ-за стола Иванъ Никитичъ Скобелевъ и, обратясь къ Сухозанету, тоже закричалъ: „что ты сказалъ? Какъ ты смѣешь оскорблять попа? Развѣ не знаешь, что попъ первый и лучшій гость въ моемъ домѣ? Проси сейчасъ извиненія у попа,—иначе, честное солдатское слово, я дамъ тебѣ пощечину“. Сухозанетъ смирился и просилъ у о. Добротворскаго извиненія.

—„Вотъ, батенька, какихъ страстей я набрался—разсказывалъ пишущему виновникъ событія—оба генерала, оба безногіе, а другъ на друга замахиваются, точно два пѣтуха. Ахъ, братъ мой, какъ мнѣ было тяжело и за свою неосторожность, и за дорогого ко-

менданта. Но когда все успокоилось, я поспѣшилъ унести свои двѣ здоровыя ноги".

Комендантъ померъ въ 1849 году. Сынъ его Димитрій Ивановичъ пріѣзжалъ служить по немъ панихиды и просилъ для этого сначала о. Добротворскаго, а потомъ меня.

Въ 1853-мъ году я былъ посвященъ во священника къ Петропавловскому собору. Въ день Св. Пасхи мнѣ пришлось славить вмѣстѣ съ о. Добротворскимъ. Это было мое первое славленіе и всѣ его подробности крѣпко запечатлѣлись въ моей памяти. Пріѣхали къ Д. И. Скобелеву. Только что вошли въ залъ, какъ проворно выбѣжалъ десятилѣтній мальчикъ, стройный и по лѣтамъ довольно высокій. „Христосъ воскресе, Гр. Ал.!" закричалъ онъ и хотѣлъ съ нимъ похристосоваться. Гр. Ал. расчесываетъ свою громадную бороду и отвѣчаетъ мальчику: „погодь, Мишка, развѣ не видишь, что я чешу бороду". Но мальчикъ снова потянулся къ Гр. Ал. и ущипнулъ его за бороду. „Экой неугомонъ, сказалъ о. Добротворскій, подь сюда". И когда мальчикъ подошелъ къ нему, онъ взялъ его за оба уха, приподнялъ въ уровень съ собою и медленно трижды поцѣловалъ его, приговаривая „Христосъ воскресе!" „Больно", раздался крикъ мальчика и на глазахъ его навернулись слезы. Но онъ продолжалъ смѣяться. Опустивъ мальчика на полъ, Гр. Ал. далъ ему легкій подзатыльникъ и такое наставленіе: „больно было тебѣ, Мишка; терпи, казакъ, атаманъ будешь". А Мишка, какъ ни въ чемъ не бывало, весело начинаетъ бесѣду.

— „Знаете-ли, Гр. Ал., папа вчера только пріѣхалъ съ Кавказа и получилъ награду, больше которой въ его чинѣ (онъ былъ полковникъ) получить нельзя: Владиміра на шею".

Такъ еще въ дѣтской головкѣ радужно рисовались знаки отличія, которыхъ потомъ онъ такъ много имѣлъ. Пришелъ Д. И.; прославили Христа и часа два провели въ самой пріятной и веселой бесѣдѣ.

Послѣ Ахалъ-текинскаго похода Михаилъ Дмитріевичъ съ желѣзной дороги проѣхалъ прямо въ Петропавловскій соборъ. Была панихида по императорѣ Александрѣ II; служилъ архимандритъ соборнѣ. Въ началѣ панихиды является въ соборъ молодой генералъ съ двумя георгіевскими крестами: въ петлицѣ и на шеѣ, въ сопровожденіи двухъ дамъ, одной — графини Адлер-

бергъ и другой высокой — ея имя мнѣ неизвѣстно. Сдѣлавъ земной поклонъ передъ гробницами императора и императрицы, Михаилъ Дмитріевичъ все время панихиды стоялъ печальный и слеза за слезой катились изъ его глазъ. Графиня часто говорила ему что-то на ухо; но онъ ничего не отвѣчалъ, и только кивалъ головою. Послѣ панихиды я поднесъ ему просфору отъ имени собора, при которомъ почіетъ прахъ его знаменитаго дѣда.

Въ метрической книгѣ Петропавловскаго собора за 1843-й годъ подъ № 15 имѣется слѣдующая запись:

Мѣсяцъ и день: рожденія—17 сентября, крещенія—14 октября 1843 г.; имя родившагося: Михаилъ.

Званіе, имя, отчество и фамилія родителей и какого вѣроисповѣданія: кавалергардскаго ея величества полка поручикъ Димитрій Ивановъ сынъ Скобелевъ и законная жена его Ольга Николаева, оба первобрачные и православные.

Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ: С.-Петербургской Петропавловской крѣпости г. комендантъ, генералъ отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеръ Иванъ Никитичъ Скобелевъ и адъютанта Его Императорскаго Высочества государя наслѣдника Цесаревича штабсъ-капитана Александра Владиміровича Адлербергъ жена Екатерина Николаева.

Кто совершалъ таинство крещенія: Петропавловскаго каѳедральнаго собора ключарь, священникъ Григорій Алексѣевъ Добротворскій съ дьячкомъ Стефаномъ Петровымъ Мысловскимъ.

Сообщ. П. Д. Ф.

ПОРОШИНЫ

СЕМЕЙНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

[Переводъ съ французскаго].

Въ 1881-мъ году въ приложеніи къ „Русской Старинѣ" мы издали, по рукописи дворцовой библіотеки гор. Павловска, съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго его владѣльца Е. И. В. Великаго князя Константина Николаевича „Записки воспитателя цесаревича Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина", со многими приложеніями.—Этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ, впервые воспроизведенный нами вполнѣ, безъ пропусковъ, между прочимъ ярко освѣтилъ весьма симпатичную личность С. А. Порошина—типическаго представителя наилучшихъ людей русскаго общества начала екатерининской эпохи (1762—1766 гг.).

Настоящая статья является не болѣе какъ семейными воспоминаніями одного изъ внуковъ Семена Андреевича. Удерживая еще разъ вниманіе читателей „Русской Старины" на достойной фамиліи Порошиныхъ, она представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что являетъ цѣпь несчастій обрушившихся на составителя статьи. Какъ ни часто выпадаетъ горе на долю почти каждаго человѣка, но такого терноваго вѣнка злоключеній, какой вынесъ и продолжаетъ нести Сергій Степановичъ Порошинъ—трудно себѣ представить! И, между тѣмъ, въ лицѣ его страдаетъ человѣкъ весьма образованный (питомецъ Царское. лицея). высоко симпатичный.... Мы можемъ это засвидѣтельствовать, такъ какъ въ бытность нашу въ Ниццѣ въ 1881 и 1882 гг. имѣли случай познакомиться съ С. С. Порошинымъ и видѣть къ нему чувства уваженія и симпатіи всѣхъ, кто только его знаетъ, начиная съ достойнѣйшаго настоятеля мѣстной русской церкви о. М. В. Протопопова.

Нѣтъ сомнѣнія, что настоящая статья особенно заинтересуетъ многочисленную колонію нашихъ соотечественниковъ въ Ниццѣ, среди которой живетъ С. С. Порошинъ, — если только можно назвать жизнью тяжкія страданія и лишенія разбитаго параличемъ и крайне бѣднаго 66 л. старца.

Ред.

I.

Родъ Порошиныхъ начинается съ XVI столѣтія; происходитъ изъ Новгорода и записанъ въ 6 большой дворянской книгѣ.

Согласно семейному родословному дереву представитель одной изъ отраслей его назывался:

Андрей Ивановъ, имѣвшій двухъ сыновей:

1) Семена Андреевича, автора записокъ о дѣтствѣ императора Павла.

2) Ивана Андреевича, у котораго было два сына:

1) Степанъ и 2) Семенъ.

Степанъ Ивановичъ (мой отецъ), скончавшійся въ 1834 г., 52 лѣтъ отъ роду, имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей:

1) Виктора (скончался въ 1868 г., 59 лѣтъ отъ роду).

2) Софью, родившуюся въ 1810 г. и живущую въ Петербургѣ.

3) Поликсену, родившуюся въ 1812 г. и скончавшуюся въ 1860 г., 48 лѣтъ отъ роду. Вышла замужъ за полковника О-Бирна и имѣла сына Николая, родившагося въ 1843 г.

4) Елизавету, родившуюся въ 1814 г. и скончавшуюся въ 1843 г., 29 лѣтъ отъ роду. Была замужемъ за капитаномъ Плавскимъ, убитымъ на охотѣ въ 1841 г., 40 лѣтъ отъ роду.

5) Сергѣя, родившагося въ 1816 г. 30 лѣтъ отъ роду у него отнялись ноги и онъ поселился въ Ниццѣ.

6) Валерія, родившагося въ 1818 г. и скончавшагося въ 1833 г., 55-ти лѣтъ отъ роду. Воспитанникъ 1-й гимназіи.

Второй сынъ Ивана Андреевича, Семенъ Ивановичъ, имѣлъ пять человѣкъ дѣтей:

1) Вячеслава, 2) Аркадія. Оба женаты и отцы семейства, живутъ въ деревнѣ и имѣютъ помѣстья въ Вологдѣ и Симбирскѣ. Я видалъ ихъ въ Петербургѣ въ 1842 г.; старшій, почти ровесникъ мнѣ, былъ въ то время студентомъ университета; младшій былъ армейскимъ подпрапорщикомъ; впослѣдствіи я потерялъ ихъ изъ вида. Три сестры ихъ: 1) Антонина; 2) Аделаида и 3)Градислава всѣ были замужемъ и умерли нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

II.

Изложивъ выше генеалогическій перечень членовъ семьи, жившихъ въ послѣднія триста лѣтъ, я постараюсь припомнить все, что мнѣ извѣстно о моихъ ближайшихъ родственникахъ, ибо жизнь моего дѣда, а тѣмъ болѣе моихъ предковъ, совершенно неизвѣстна мнѣ. И такъ начинаю свой разсказъ съ нѣкоторыхъ подробностей касательно моего отца Степана Ивановича.

Онъ воспитывался въ Москвѣ, въ благородномъ пансіонѣ, затѣмъ поступилъ въ Преображенскій полкъ и служилъ до капитанскаго чина, исполняя нѣкоторое время должность полковаго казначея; онъ оставилъ службу нѣсколько времени спустя послѣ своего брака съ дѣвицею Анною Николаевною, дочерью генерала Ланскаго, бывшаго долгое время губернаторомъ въ Гродно. Отецъ мой, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, дѣятельно занялся своими дѣлами; между прочимъ онъ выстроилъ въ Петербургѣ, въ Коломенской части, большой домъ, долгое время носившій его фамилію; можетъ быть и до сихъ поръ нѣкоторые старики называютъ домъ человѣколюбиваго общества Порошинымъ домомъ.

Политическія событія, предшествовавшія 1812 г., вынудили отца моего продать этотъ домъ и поступить вновь на службу. Онъ командовалъ баталіономъ ополченцевъ, совершивъ такимъ образомъ всю кампанію 1812 г.

По заключеніи мира, мои родители, имѣвшіе въ то время уже четверыхъ дѣтей, поселились въ своемъ помѣстьѣ, въ Симбирской губерніи.

Въ 1821 г. бабушка моя, Анна Петровна Ланская, дочь графа Тормасова, предложила моей матери переселиться въ большое имѣнье, которое она назначала ей въ приданое, и принять его въ свое управленіе. Имѣнье это находилось близь Брестъ-Литовска. Путь изъ Симбирска предстоялъ длинный; насъ было въ то время уже шестеро дѣтей. Вслѣдствіе первобытнаго состоянія дорогъ, всякое путешествіе большой семьи совершалось въ то время весьма оригинально и было сопряжено съ большими неудобствами. Переѣзжая изъ одной деревни въ другую, мы везли, разумѣется, съ собой нашихъ лошадей и много прислуги. Болѣе пятидесяти лошадей тащили экипажи и телѣги съ поклажей. Останавливаясь на каждой станціи, мы употребили на этотъ путь болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ настоящее время развѣ циркъ можетъ переѣзжать съ подобнымъ обозомъ. Проживъ два года въ деревнѣ въ Польшѣ, мы переселились въ Петербургъ.

Бабушка Ланская дала намъ квартиру въ своемъ домѣ. Пора было помѣстить старшихъ дѣтей для окончанія ихъ образованія въ какое нибудь учебное заведеніе. Братъ мой Викторъ Степановичъ поступилъ приходящимъ ученикомъ во вторую гимназію, носившую тогда названіе высшаго училища, откуда онъ вышелъ первымъ ученикомъ съ чиномъ четырнадцатаго класса. Затѣмъ онъ провелъ три года въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ экзамены блестящимъ образомъ, такъ что правительство, въ знакъ отличія, послало его для усовершенствованія на свой счетъ за границу.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ, въ 1836 г., профессоромъ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ онъ занялъ двѣ каѳедры: политической экономіи и статистики. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и былъ весьма любимъ студентами. Неожиданная отставка его въ 1844 г. была встрѣчена съ большимъ сожалѣніемъ. Это случилось въ бытность кураторомъ Мусина-Пушкина; однажды братъ мой, опоздавъ нѣсколько минутъ на лекцію, получилъ выговоръ отъ его превосходительства, который, бывъ случайно въ аудиторіи, замѣтилъ ему рѣзко: «Вы опоздали», на что профессоръ, вынувъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ, отвѣчалъ: «да, дѣйствительно»,—и съ этими словами вошелъ на каѳедру. Тогда Юпитеръ, обратясь къ ректору университета, приказалъ ему оштрафовать запоздавшаго профессора, сдѣлавъ вычетъ изъ его жалованья, но ректоръ отвѣчалъ, что наказаніе это трудно привести въ исполненіе, въ виду того, что профессоръ Порошинъ жертвуетъ свое жалованье въ пользу университетской библіотеки. На слѣдующій день братъ подалъ въ отставку.

Неутомимо занимаясь своими любимыми науками и предаваясь имъ съ

увлеченіемъ, мой братъ находилъ однако время вести процессъ, начатый еще отцомъ моимъ въ 1820 г. Тяжба завязалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одна изъ сестеръ моей матери, дѣвица Александра Ланская, вышла замужъ за полковника гвардіи Григорія Потулова, бывшаго въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моими родителями. Онъ былъ уже въ то время вдовцомъ и имѣлъ четырехъ-лѣтняго сына. Во время нашего пребыванія въ деревнѣ, въ Польшѣ, (1821) онъ былъ нашимъ сосѣдомъ, управлялъ другою частью имѣнья моей бабушки Ланской и часто посѣщалъ насъ. Не знаю хорошенько какая ничтожная причина была поводомъ къ недоразумѣнію, возникшему между свояками. Тѣмъ временемъ родители мои поѣхали по дѣламъ на нѣсколько недѣль въ Варшаву; воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, мой дядя Потуловъ взялъ съ собою съ десятокъ телѣгъ отъ своихъ крестьянъ и, явившись къ намъ, заставилъ управляющаго открыть кладовыя, въ которыхъ стояли сундуки съ одеждою, бѣльемъ и пр. покойнаго моего дѣда Ланскаго; не теряя времени, онъ забралъ все, что ему пришлось по вкусу и, нагрузивъ добычей свои телѣги, отправился во-свояси. Вслѣдствіе этого, по возвращеніи моихъ родителей изъ Варшавы, была подана надлежащимъ властямъ жалоба и затѣялся форменный процессъ.

Совершивъ этотъ маленькій дневной грабежъ, дядя Потуловъ представилъ своевременно въ судъ векселя на 300 тысячъ рублей, выданныя ему, по его словамъ, покойной невѣсткой его, дѣвицею Ланской.

Дѣло завязалось нешуточное и, благодаря родственнымъ связямъ нашего противника съ нѣкоторыми изъ служащихъ при генералѣ Дубельтѣ, а также по причинѣ большихъ средствъ, которыми располагали Потуловы, нашъ процессъ тянулся 25 лѣтъ. Половина доходовъ, получаемыхъ моими родителями, шла на смазку административныхъ колесъ и на покупку гербовой бумаги, но такъ какъ противникъ былъ гораздо богаче насъ и платилъ больше, да къ тому же голубой мундиръ имѣлъ въ то время большое обаяніе въ глазахъ провинціальнаго общества; словомъ наше дѣло было проиграно въ судебныхъ мѣстахъ первой инстанціи и сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ. При этихъ-то печальныхъ обстоятельствахъ взялся за дѣло мой братъ, изучилъ его серьезно въ малѣйшихъ подробностяхъ и убѣдился изъ него, между прочимъ, въ томъ, что дѣвица Ланская, живя съ матерью, вовсе не имѣла надобности занимать у своего зятя Потулова 300 тысячъ рублей и что, сверхъ того, согласно литовскому статуту, дѣвица не имѣетъ права подписать какого-либо документа безъ вѣдома ея родителей; тогда братъ мой, не падая духомъ, написалъ краткое изложеніе всего процесса, представилъ все это дѣло въ видѣ научнаго вопроса, приложивъ къ нему, въ качествѣ документовъ, статьи вышеупомянутаго статута, перевелъ все это на французскій языкъ и отправился въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы посовѣты-

ваться съ извѣстнѣйшими законовѣдами того времени и узнать ихъ мнѣніе объ этомъ тяжебномъ дѣлѣ. Ученые доктора правъ, заинтересованные оригинальностью тяжбы, приняли предложеніе русскаго профессора и, послѣ многихъ весьма оживленныхъ преній, единодушно высказались въ нашу пользу. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, братъ мой изложилъ обстоятельно всѣ эти подробности дѣла въ брошюрѣ, которую онъ напечаталъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ ея, и съ этой драгоцѣнной ношей возвратился въ Петербургъ какъ разъ во-время, чтобы раздать парижскія брошюры членамъ государственнаго совѣта, которые въ свою очередь, заинтересовавшись его оригинальнымъ поступкомъ, просмотрѣли изъ любопытства брошюру и, въ концѣ концовъ, большинствомъ голосовъ высказались въ нашу пользу, подобно парижскимъ законовѣдамъ. Такимъ образомъ процессъ былъ выигранъ нами окончательно и безъапелляціонно. Мы сидѣли всѣ за столомъ, когда братъ пришелъ сообщить намъ эту радостную вѣсть; отъ этой неожиданной радости съ моей матерью сдѣлался ударъ, отъ котораго она вскорѣ умерла. Побѣда стоила намъ слишкомъ дорого.

III.

Въ томъ домѣ, который мы занимали, живя у бабушки, находилась довольно большая библіотека, принадлежавшая нѣкогда моему дѣду, генералу Ланскому. Она была составлена, по большей части, изъ произведеній лучшихъ французскихъ писателей. Обширные шкапы, стоя на мѣстѣ, никому не мѣшали, но когда домъ былъ проданъ (на покрытіе расходовъ по процессу) и намъ пришлось переѣзжать, то мнѣ было поручено упаковать книги въ мѣшки и ящики, и надобно сознаться, что это занятіе не особенно интересовало меня. Когда въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ намъ пришлось не разъ переѣзжать, то я выпросилъ, наконецъ, въ 1841 г. у матери моей позволеніе отдѣлаться отъ этой обузы.

Ничего не сказавъ брату, я призвалъ букиниста, съ которымъ мы, наконецъ, сошлись послѣ довольно продолжительныхъ преній и онъ купилъ всю библіотеку гуртомъ за довольно ничтожную сумму. Часть книгъ была уже уложена въ мѣшокъ, когда пришелъ неожиданно братъ и, узнавъ отъ меня о происшедшей продажѣ, былъ чрезвычайно возмущенъ этимъ, назвалъ варварскимъ мой способъ добывать деньги и, къ величайшему неудовольствію букиниста, успѣлъ разстроить нашъ торгъ. Въ этой библіотекѣ, спасшейся отъ продажи столь чудеснымъ образомъ, были также книги, принадлежавшія моему отцу и въ числѣ ихъ находились двѣ большія тетради въ темномъ бумажномъ переплетѣ (reliés en papier foncé) съ слѣдующимъ заглавіемъ

на первой страницѣ: Семена Порошина записки; почеркъ этой рукописи напоминалъ собою почеркъ сельскаго дьячка. Развернувъ одну изъ этихъ тетрадей, букинистъ прочелъ вслухъ: Сѣмена Порошина, и объявилъ, что можетъ быть записки эти могли пригодиться въ хозяйствѣ, но что для него онѣ не имѣли никакой цѣны, такъ какъ онъ покупаетъ однѣ лишь печатныя книги.

Однако это равнодушіе ко всему не прошедшему черезъ типографію не помѣшало ему запрятать въ мѣшокъ рукопись вмѣстѣ съ книгами. Насъ чрезвычайно насмѣшила столь быстрая оцѣнка записокъ нашего дѣда, сдѣланная этимъ купцомъ, и братъ унесъ ихъ, сказавъ: «я брошу эти сѣмена въ общество, чтобы пожать съ нихъ плоды». Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ препирательствахъ съ цензурою, въ которой пришлось оставить нѣсколько отрывковъ рукописи. Наконецъ книга была напечатана и благосклонно принята публикою. Имя Порошина стало извѣстно всѣмъ, интересующимся отечественной исторіей. Нѣсколько лѣтъ спустя, будучи уже за границею, мнѣ часто случалось знакомиться съ моими соотечественниками и всякій разъ, какъ я произносилъ свою фамилію, меня спрашивали: «Не вашъ ли родственникъ написалъ записки объ императорѣ Павлѣ?», и вслѣдъ за моимъ утвердительнымъ отвѣтомъ слѣдовали обычныя похвалы и вопросы о степени моего родства съ моимъ дѣдомъ Семеномъ Андреевичемъ.

IV.

Сообщу еще нѣкоторыя подробности объ образѣ жизни моего брата Виктора. Бывши студентомъ въ Дерптѣ, онъ жилъ особнякомъ и товарищи видѣли его лишь на скамьяхъ университета. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ жилъ какъ студентъ, занимая одну лишь комнату, которая походила скорѣе на комнату, находящуюся за лавкою какого нибудь книгопродавца, такъ какъ въ ней были нагромождены груды книгъ и, напротивъ, было весьма немного мебели. У него не было кровати и онъ постоянно спалъ на кушеткѣ, не посѣщалъ театра, не бывалъ въ обществѣ, появляясь лишь время отъ времени у Плетнева и у князя Владиміра Одоевскаго, который очень любилъ его и былъ съ нами въ родствѣ, женившись на Ланской, двоюродной сестрѣ моей матери и сестрѣ министра Ланскаго, получившаго графскій титулъ. Какая бы ни была погода, братъ мой всегда ходилъ пѣшкомъ, не курилъ, никогда не пилъ вина, не имѣлъ понятія о картахъ и бѣгалъ отъ прекраснаго пола, какъ чортъ отъ ладона. Онъ одѣвался очень

скромно и не носилъ перчатокъ даже зимою. Когда я однажды посмѣялся надъ этимъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я не носилъ перчатокъ и въ Лондонѣ, гдѣ онѣ считаются столь же необходимой принадлежностью, какъ штаны». У него были серебряные часы, которые онъ постоянно носилъ на черной тесьмѣ. Часы эти были подарены ему матерью въ то время, когда онъ былъ еще гимназистомъ.

Сидя цѣлый день за книгою, онъ позволялъ себѣ единственное развлеченіе, отправляясь ежедневно часа на четыре съ Васильевскаго Острова, гдѣ онъ жилъ, въ конецъ Знаменской на обѣдъ къ нашей матери; вставъ изъ за стола, онъ возвращался пѣшкомъ къ своимъ книгамъ, не обращая никакого вниманія на дурную погоду. Когда онъ зналъ, что у насъ будутъ въ гостяхъ дамы, то старался поскорѣе исчезнуть тайкомъ и здѣсь было бы слишкомъ долго разсказывать всѣ мои продѣлки надъ нимъ въ подобномъ случаѣ.

Зная всѣ особенности его характера, мы зачастую задавали себѣ вопросъ: какимъ чудомъ этотъ философъ надумалъ жениться?

Только парижанка могла опутать его брачными узами. Дѣйствительно, живя въ Парижѣ для изданія той брошюры, о которой я говорилъ выше, онъ увлекся дѣвицей Гюе (Huet), на которой и женился въ 1845 г. Вступая въ бракъ, онъ и тутъ остался въ области науки, ибо жена его была племянницею академика. Какъ бы то ни было, онъ не былъ особенно несчастливъ со своею парижанкой. У нихъ не было дѣтей и я думаю, что она не обманывала его. Въ этомъ случаѣ ему посчастливилось! Въ 1852 г. братъ мой уѣхалъ изъ Петербурга, увезя съ собою жену и книги въ деревню, избранную имъ на свою долю изъ наслѣдства, которое семьѣ нашей пришлось такъ долго и такъ храбро отстаивать у всемогущаго блаженной памяти 3-го отдѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, по смерти сына Потулова, адъютантъ Дубельта Кохановъ, въ качествѣ родственника, взялся за это дѣло и дѣятельно трудился pro domo sua.

Трудно было вести свои дѣла, владѣя большимъ имѣньемъ въ 16 тысячъ десятинъ земли съ 1000 крестьянъ, около Бреста, въ мѣстности, гдѣ вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ и гдѣ сосѣдъ полякъ посматривалъ искоса на пріѣзжаго москаля. Помѣщикъ-профессоръ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и поплатился своимъ доходомъ за уроки, данные ему управляющимъ.

Послѣ трехлѣтнихъ мученій и всевозможныхъ непріятностей, ему посчастливилось однако продать свое имѣнье весьма выгодно. Этотъ разъ онъ поступилъ умнѣе; забравъ вмѣстѣ съ женою и книгами свой капиталъ, онъ эмигрировалъ въ Парижъ. Впослѣдствіи, купивъ домъ въ Сенъ-Жерменѣ, (à Saint-Germain en Laye), въ окрестностяхъ Парижа, онъ окончательно поселился тамъ, устроившись весьма комфортабельно. Онъ скончался въ

1868 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, оставивъ по завѣщанію все свое состояніе женѣ, которая пережила его двумя годами.

Я не могъ узнать какая участь постигла рукопись (автографъ) моего дѣда. Сѣмена Порошина посѣяны на чужой землѣ, онѣ попали, можетъ быть, въ руки какого нибудь невѣжды, въ родѣ вышеупомянутаго букиниста.

V.

Я говорилъ уже, что мои родители отправились въ Петербургъ для того, чтобы окончить наше образованіе. По опредѣленіи брата моего Виктора во 2-ю гимназію, моя сестра Софья была принята въ Екатерининскій институтъ на казенный счетъ, въ награду за службу ея отца. Она была такъ хорошо подготовлена дома, что поступила прямо въ старшій классъ и кончила курсъ одною изъ первыхъ съ золотымъ шифромъ покойной императрицы Маріи Ѳедоровны. Сестра моя Поликсена была также отдана въ пансіонъ, содержавшійся одной англичанкой.

Мы же, младшіе дѣти, обучались дома, сначала подъ руководствомъ гувернантки нѣмки, а затѣмъ у сестры Софьи по выходѣ ея изъ института. Само собою разумѣется, мы были связаны всѣ трое самой тѣсной дружбой и я думаю, что никогда братья не могли жить болѣе согласно. Поэтому тяжкія испытанія, ниспосланныя намъ судьбою, еще сильнѣе поразили наши юныя сердца, связанныя двойными узами братства и дружбы! Надъ нами разразилось страшное несчастіе!

Я былъ настолько подготовленъ, что поступилъ прямо въ 4-й классъ 1-ой гимназіи, откуда на слѣдующій годъ, избранный вмѣстѣ съ шестью прочими воспитанниками нашего класса, былъ переведенъ въ Царско-Сельскій лицей для окончанія курса на казенный счетъ.

Годъ спустя, настаьъ чередъ моего брата Валеріана для поступленія въ 1-ю гимназію. Лѣтомъ моя мать нанимала дачу въ Павловскѣ, гдѣ мы съ братомъ проводили каникулы въ обществѣ сестеръ. Отецъ мой въ то время уже скончался, а старшій братъ нашъ путешествовалъ за границею.

Это было въ концѣ іюля 1833 г.: по утру мы съ братомъ сидѣли въ нашей комнатѣ, готовя уроки, когда къ намъ вошла наша сестра Лиза. Говоря о томъ о семъ, она подошла къ комоду, на которомъ, вмѣстѣ съ книгами, тетрадями и другими вещами, лежали два весьма старинные карманные пистолеты, служившіе теперь игрушкою. Надобно сказать, что наканунѣ братъ мой ходилъ въ гости къ одному изъ своихъ товарищей, жившему въ Царскомъ Селѣ, и, желая показать ему пистолетъ, взялъ одинъ изъ нихъ съ собою. Тамъ они рѣшили, что такъ какъ брату придется возвращаться въ

Павловскъ вечеромъ, то ему не мѣшало бы быть вооруженнымъ на случай какой нибудь непріятной встрѣчи, и тогда же, не теряя времени, они сдѣлали пулю, достали пороху и зарядили оружіе, которое должно было служить защитою отъ воображаемыхъ враговъ; братъ мой, возвратясь домой, положилъ пистолетъ возлѣ другаго на комодъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Я узналъ впослѣдствіи всѣ эти подробности отъ самаго товарища, зарядившаго оружіе.

И такъ я говорилъ, что сестра моя взяла пистолетъ и взвела курокъ, какъ она дѣлала это не разъ. Братъ не препятствовалъ ей; не знаю позабылъ ли онъ, что одинъ изъ пистолетовъ былъ заряженъ, или не видалъ что̀ дѣлала сестра, но дѣло въ томъ, что неожиданно раздался выстрѣлъ и мой несчастный братъ упалъ лицемъ на землю. Сквозь густое облако дыма я разглядѣлъ блѣдное лицо несчастнаго брата, который твердилъ: «Что я сдѣлалъ, Боже мой, что я сдѣлалъ?» У меня хватило еще присутствія духа вытолкнуть изъ комнаты сестру, заперевъ за нею дверь. Я подымалъ раненаго, лежавшаго въ цѣлой лужи крови, когда дверь неожиданно отворилась и моя мать вошла, вскричавъ: «Что это за шумъ здѣсь?» Ничего мамаша, отвѣчалъ я, обнимая ее, чтобы скрыть отъ нее страшное зрѣлище. Догоните скорѣе Лизу, которая испугалась и убѣжала. Мать моя тотчасъ же вышла, а я поднялъ раненаго и положилъ его на постель; тогда я увидалъ, что пуля засѣла въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ, но онъ еще дышалъ.

Докторъ, приглашенный немедленно, внимательно осмотрѣлъ больнаго и сказалъ, что нужно испробовать всѣ средства, чтобы спасти моего брата. Видя наше отчаяніе, онъ хотѣлъ, вѣроятно, смягчить роковой ударъ.

Мать моя, узнавъ истину, отнеслась съ нѣжной заботливостью къ моей сестрѣ Лизѣ, которую застали на дворѣ у колодца, глубину котораго она измѣряла взоромъ. Ее свиданіе съ матерью было сценой раздирающей; къ вечеру у нея сдѣлалось воспаленіе въ мозгу и въ теченіи десяти дней она была между жизнью и смертью. Мы боялись, что она сойдетъ съ ума.

Дядя мой, генералъ Ланской, командовавшій въ то время образцовымъ кавалерійскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Павловскѣ, поспѣшилъ раздѣлить съ нами горе и предложить свои услуги моей матери. Онъ привезъ изъ Царскаго Села лейбъ-медика Тарасова, который посовѣтывалъ пригласить Аренда, знаменитаго хирурга и врача императора. Чтобы разсѣять мою печаль, меня послали за Арендомъ въ каретѣ, которую весьма обязательно предложилъ намъ дядя. Онъ далъ мнѣ пригласительное письмо къ этой знаменитости медицинскаго міра, который находился въ то время съ императоромъ въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ; не смотря на дальнее разстояніе, великолѣпныя лошади дяди быстро примчали меня къ мѣсту назначенія. Въѣхавъ во дворъ маленькаго Красносельскаго дворца, я узналъ, что Арендъ обѣдалъ у императора. Пришлось ждать. Наконецъ я увидалъ сѣдаго старика въ мундирѣ

военнаго врача, который направлялся въ мою сторону. Выслушавъ мой разсказъ о печальномъ событіи, онъ отправился къ императору, чтобы испросить его позволеніе отлучиться и, получивъ согласіе государя, отправился со мною; мы пріѣхали домой уже къ вечеру, братъ мой дышалъ еще, но все еще былъ безъ памяти. Этотъ разъ наука оказалась безсильною и смерть не выпустила своей добычи; братъ испустилъ дыханіе въ ту же ночь. Онъ прожилъ всего 15 лѣтъ, но воспоминаніе о его смерти никогда не покидаетъ меня.

VI.

Выздоровленіе моей сестры шло быстро, благодаря ея молодости и заботливому уходу всѣхъ окружающихъ, но страшное потрясеніе, надломившее ее нравственно, оставило печальные слѣды на многія лѣта. Она предалась религіи, хотѣла во чтобы то ни стало поступить въ монастырь и запиралась въ своей комнатѣ лишь только къ намъ приходилъ кто нибудь чужой. Не разъ говорила она мнѣ: я думаю, ты никогда не простишь мнѣ смерти нашего Валерія.

Фраза эта, какъ мы увидимъ далѣе, получила роковое значеніе, нѣсколько лѣтъ спустя.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Мать моя неоднократно предпринимала небольшія поѣздки, навѣщая родныхъ, жившихъ въ Москвѣ, для того, чтобы развлечь мою несчастную сестру, которая по своему собственному желанію провела даже цѣлый годъ у одной изъ нашихъ тетокъ въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Тулы.

Между тѣмъ я вышелъ изъ лицея и, предпочитая военную службу, не безъ труда добился поступленія въ гвардію. Въ литовскомъ полку, въ который я поступилъ, я всрѣтилъ капитана О'Бирна, который оказалъ мнѣ большое расположеніе въ память того, что отцы наши были сосѣдями по имѣнью и жили въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Онъ всегда относился ко мнѣ чрезвычайно благосклонно и впослѣдствіи женился на моей сестрѣ Поликсенѣ.

Дослужившись до полковничьяго чина, онъ былъ назначенъ командиромъ одного армейскаго полка. Мнѣ очень понравился другой капитанъ нашего полка: Александръ Плавскій, и мы съ нимъ чрезвычайно подружились; онъ часто бывалъ у насъ; своимъ откровеннымъ, веселымъ характеромъ ему удалось развеселить мою сестру Лизу, которая все еще постоянно была скучна и задумчива.

Когда другъ мой сдѣлалъ сестрѣ предложеніе, на которое она отвѣчала согласіемъ, то мы всѣ были очень обрадованы этимъ, надѣясь, что счастье воскреситъ ее и, дѣйствительно, счастіе ихъ было полное.

Мой другъ и шуринъ былъ страстный любитель охоты. Въ концѣ февраля онъ устроилъ большую охоту на зайцевъ и волковъ въ муринскомъ лѣсѣ, въ окрестностяхъ Парголова, гдѣ стояла въ то время его рота. Кромѣ трехъ офицеровъ нашего полка, онъ пригласилъ еще нѣкоторыхъ любителей изъ своихъ знакомыхъ; само собою разумѣется, я былъ въ числѣ приглашенныхъ и насъ собралось всего человѣкъ десять охотниковъ. Было рѣшено собраться наканунѣ въ деревнѣ Мурино и на слѣдующій день мы отправились на разсвѣтѣ въ лѣсъ, до котораго отъ деревни было ходьбы не болѣе получаса. Всѣ собрались въ Мурино къ назначенному времени.

Рано утромъ мой шуринъ Александръ разбудилъ меня, сказавъ: «смотри, осторожнѣе съ ружьемъ, я зарядилъ его, какъ свое, крупной дробью и насадилъ капсюлю; говорятъ, что намъ придется имѣть дѣло съ волками». Прійдя на мѣсто, охотникъ изъ крестьянъ, знавшій хорошо мѣстность, поставилъ насъ въ нѣкоторомъ разстояніи на лужайкѣ, лицомъ къ лѣсу; вдали было поставлено нѣсколько солдатъ съ палками и барабанщикомъ; по данному сигналу они должны были идти къ намъ по лѣсу съ барабаннымъ боемъ, крича и ударяя палками по деревьямъ, для того чтобы этимъ адскимъ шумомъ выгнать изъ чащи всѣхъ лѣсныхъ обитателей.

Черезъ нѣсколько минутъ началась охота; мимо насъ пробѣжало нѣсколько зайцевъ, и одинъ изъ нихъ, юркнувъ въ сторону, хотѣлъ миновать цѣпь, образованную охотниками. Тогда мой шуринъ Александръ оставилъ свое мѣсто и побѣжалъ, съ тѣмъ чтобы пересѣчь путь зайцу; тотъ, видя опасность, бросился въ мою сторону, я же, желая зайти ему сбоку, побѣжалъ, но поскользнувшись на нѣсколько засохшихъ листьевъ, лежавшихъ подъ глубокимъ снѣгомъ, упалъ; въ эту минуту изъ моего ружья раздался выстрѣлъ и мнѣ послышался въ то же время пронзительный крикъ; поднявшись на ноги, я увидалъ Александра, лежавшаго въ снѣгу; весь зарядъ дроби изъ моего ружья попалъ ему въ лѣвый бокъ; смерть была моментальная..... Нѣтъ словъ, чтобы выразить отчаяніе, охватившее мною.... .

Я не помню какъ мы вернулись въ городъ, кто взялъ у меня ружье и охотничій ножъ и проводилъ домой. Настала ночь, а вмѣстѣ съ нею мною овладѣлъ тотъ ужасъ, который чувствуетъ, вѣроятно, каждый убійца.....

Я послалъ къ моей сестрѣ Софьѣ, прося ее прійти ко мнѣ, чтобы сообщить ей объ ужасномъ событіи и посовѣтываться о томъ, какимъ образомъ извѣстить вдову о нашемъ несчастіи; я же чувствовалъ, что положительно начинаю сходить съ ума. Послѣ продолжительнаго и грустнаго совѣщанія, мы рѣшили, что я по утру самъ отправлюсь къ Лизѣ и, въ ис-

купленія моего невольнаго преступленія, разскажу ей все, подготовивъ ее предварительно къ роковому удару.

Мы поплакали вмѣстѣ и она не замедлила простить меня, но мое собственное отчаяніе увеличивалось всякій разъ, какъ я вспоминалъ слова, сказанныя мнѣ сестрою нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

— «Я думаю, ты никогда не простишь мнѣ смерти нашего Валерія».

Не отомстило ли ружье за пистолетъ?

Эта мысль не оставляла мнѣ покоя и я часто задавалъ себѣ Шекспировскій вопросъ: To be or not to be.....

40 лѣтъ, протекшіе послѣ этой ужасной сцены, не могли ослабить моего горькаго раскаянія. [1])

VII.

Сдѣлавшись вдовою столь роковымъ образомъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ счастливой супружеской жизни, сестра моя рѣшилась провести нѣкоторое время у своей престарѣлой свекрови, жившей близь Варшавы со своей дочерью и сыномъ. Путешествіе, перемѣна мѣста и образа жизни оказали благотворное вліяніе на ея здоровье, которое замѣтно пошатнулось. Такимъ образомъ она провела годъ въ Польшѣ, въ семьѣ Александра. Мало по малу я также принялся за исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей и совершенно неожиданно для себя получилъ отъ брата покойнаго письмо, которымъ онъ извѣщалъ меня, что Лиза находится при смерти. Я взялъ отпускъ и, пріѣхавъ въ Варшаву, засталъ сестру въ постелѣ; она была чрезвычайно слаба и жаловалась на боль въ груди; ранѣе она скрывала отъ насъ плохое

---

[1]) Современники были глубоко потрясены только что разсказанными трагическими событіями; свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ памятныхъ замѣткахъ Н. М. Смирнова. Подъ 1842 г. мы у него прочли слѣдующія строки:

„Нынчѣ я слышалъ печальную исторію показывающую, сколько иногда, безъ видимой причины, несчастія ни сходятъ на иныя семейства и гнетутъ ихъ незаслуженнымъ бременемъ. Одинъ офицеръ г. Павскій (sic) отправился на охоту съ другимъ офицеромъ г. Порошинымъ, братомъ его жены. Стрѣляя на одного звѣря, онъ попалъ въ своего шурина и убилъ его. Сіе несчастіе тѣмъ поразительнѣе, что жена Павскаго нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сама убила другаго брата своего, играя съ ружьемъ, котораго не считала заряженнымъ. Послѣ перваго несчастія бѣдная женщина сходила съ ума, и нынче къ ней приносятъ втораго брата, сдѣлавшагося также жертвою неосторожности близкаго къ ея сердцу человѣка“. [См. „Р. Арх.“ 1882 г. книга 2, стр. 241]. Ред.

состояніе своего здоровья. Болѣзнь развивалась быстро, такъ что мать моя, пріѣхавшая нѣсколько дней спустя съ моей сестрой Софьей, застала бѣдную больную въ послѣднемъ періодѣ чахотки. Она угасла на нашихъ глазахъ безъ особенныхъ страданій, погибнувъ подъ бременемъ слишкомъ тяжкихъ несчастій.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я имѣлъ несчастіе лишиться матери, которая не перенесла, какъ я уже говорилъ выше, радостной вѣсти о выигранномъ нами процессѣ.

Всѣ эти несчастія, поразившія меня одно за другимъ, такъ разстроили мое здоровье, что доктора признали во мнѣ серьезную болѣзнь и предписали мнѣ оставить Петербургъ.

Я взялъ годовой отпускъ и отправился на югъ Россіи, проѣхавъ черезъ Варшаву съ тѣмъ, чтобы еще разъ поклониться праху моей сестры, въ преждевременной кончинѣ коей я все еще обвинялъ себя. Тоска и уныніе не покидали меня во время моей поѣздки въ Одессу и въ Крымъ; напрасно старался я разсѣять свою грусть, любуясь красотами природы и наслаждаясь осенью прелестнымъ климатомъ прибрежья Чернаго моря. На зиму я отправился въ Москву и, желая забыться, старался какъ можно болѣе выѣзжать. Но подобный образъ жизни вызвалъ во мнѣ лишь чувство утомленія и недовольства. Отсутствіе всякой привязанности, пустота, оставленная вокругъ меня смертью, подали мнѣ мысль жениться. Я женился по любви на хорошенькой дѣвушкѣ безъ приданаго, и по окончаніи моего отпуска поступилъ вновь въ полкъ. Жизнь въ Петербургѣ все болѣе и болѣе дорожала; это было то время, когда по уничтоженіи ассигнацій за все приходилось платить серебряными рублями. Мнѣ пришлось оставить службу въ гвардіи и я перешелъ въ военное министерство; меня назначили членомъ коммисаріатской коммисіи въ Брестѣ, что давало мнѣ возможность управлять нашимъ большимъ имѣньемъ, находившимся въ окрестностяхъ этого города. Когда настало время раздѣлить имѣнье, то возникли разныя препятствія и, какъ часто бываетъ между наслѣдниками, между нами возникли нѣкоторыя печальныя недоразумѣнія, чрезвычайно огорчившія меня; наконецъ мнѣ надоѣли эти распри и я уступилъ брату имѣнье, которымъ я управлялъ четыре года, съ условіемъ, что онъ уплатитъ мнѣ 45 тысячъ рублей, заложивъ имѣнье въ банкъ. Этой уплаты мнѣ пришлось ждать три года. Все это время я былъ совершенно безъ средствъ, и мнѣ пришлось должать, чтобы прожить мало мальски сносно. Наконецъ я возвратился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы пріискать болѣе выгодную должность. Въ это время наша супружеская жизнь начинала омрачаться маленькими непріятностями. Эти новыя огорченія, въ связи съ тѣми ударами, которыми меня постигла уже судьба, вызвали болѣзнь, посѣянную во мнѣ ужасными несчастіями. Я видимо сталъ чахнуть,

паралычное состояніе мое все болѣе и болѣе усиливалось, такъ что наконецъ я не могъ совсѣмъ ходить одинъ. Всѣ средства, употребленныя мною, оказались безполезными. Всѣ медицинскія знаменитости того времени, доктора Міановскій, Карловъ и другіе рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ искать исцѣленія въ Германіи. Въ концѣ октября мѣсяца 1853 г. я отправился съ женою за границу. Я все еще не получилъ тогда капитала, ожидаемаго мною отъ брата, и я долженъ былъ занять денегъ на поѣздку.

Мы поселились на зиму въ Ниццѣ, а весною отправлялись обыкновенно на воды въ Германію. Доктора продолжали обнадеживать меня, ссылаясь на мою молодость (мнѣ было 36 лѣтъ), но параличъ мой упорно развивался.

Много горя испыталъ я еще въ семейной жизни въ первые годы моего пребыванія въ Ниццѣ, но объ этомъ лучше умолчать.

Наконецъ я получилъ свой капиталъ и, по уплатѣ всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ мною въ эти пять лѣтъ, у меня осталось всего 30 тысячъ рублей наличными деньгами.

Всѣ мои деньги были помѣщены въ Россіи и я акуратно получалъ въ теченіи 18 лѣтъ слѣдуемые мнѣ проценты съ моего капитала; но судьбѣ угодно было поразить меня еще однимъ несчастіемъ. Банкротство того дома, гдѣ были помѣщены мои деньги, совершенно раззорило меня, и съ тѣхъ поръ, живя лишь на пенсію въ 225 р., получаемую мною ежегодно отъ правительства, я вынужденъ терпѣть крайнюю нужду, а между тѣмъ, доживъ до 66 лѣтъ, трудно привыкать къ лишеніямъ. Не владѣя ногами, одною рукою и глазомъ, я не имѣю возможности чѣмъ либо заработать деньги. Прошенія о вспомоществованіи, поданныя мною въ военное министерство, не были удовлетворены, а общественная благотворительность скоро истощается.

Меня поддерживаетъ теперь только слабая надежда на то, что судьба утомится наконецъ преслѣдовать меня, и что лишивъ меня столь безжалостно всего, она не замедлитъ соединить меня съ тѣми, кого я такъ любилъ!

С. С. Порошинъ.

Ницца.
16-го мая 1882 г.

поддержкою періодической печати; наконецъ появленіе подобныхъ сборниковъ всегда напоминало бы про забытую статью или просто указало бы, что у насъ самихъ есть, а и это не лишнее въ наукѣ, когда дѣло идетъ не объ однихъ присяжныхъ ученыхъ, имѣющихъ возможность пользоваться и малодоступными изданіями. Въ особенности же подобные сборники полезны были бы для университетскихъ слушателей.

Въ сборникѣ, заглавіе котораго мы выписали выше, помѣщены слѣдующіе труды почтеннаго историка: 1) В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка. Къ тому, что написано было объ этомъ лицѣ прежде, авторъ добавилъ извлеченіе изъ «Разговора о пользѣ наукъ», остававшагося неизвѣстнымъ до появленія этой монографіи въ «Древн. и Новой Россіи». Монографія эта занимаетъ половину всего сборника (173 стр.). Затѣмъ слѣдуютъ статьи: 2) Августъ-Людвигъ Шлецеръ (изъ «Истор. Вѣст.») (177 и 203); 3) Карамзинъ какъ историкъ—рѣчь, читанная въ торж. собраніи Спб. университета, 3 дек. 1866 г. (205—230); 4) М. П. Погодинъ (231—254), статья, написанная по случаю кончины маститаго историка, (изъ «Древн. и Нов. Рос.» 1876, т. I); 5) Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, лекція, прочитанная въ Спб. университетѣ 3 ноября 1879 года (255—272); 6) Степанъ Васильевичъ Ешевскій, біографическій очеркъ съ оцѣнкою его трудовъ, помѣщенный прежде въ I томѣ собранія сочиненій Ешевскаго (273—330); наконецъ 7) Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ—рѣчь, произнесенная въ засѣданіи петерб. отдѣла славянскаго комитета, 14 февр. 1873 года (331—336).

Въ нашей исторической литературѣ вообще мало монографій, посвященныхъ оцѣнкѣ научной дѣятельности ея представителей — и нѣкоторые изъ названныхъ очерковъ и характеристикъ могутъ восполнить такой недостатокъ; другіе представляютъ лишь поминку по томъ или другомъ дѣятелѣ и потому естественно отличаются краткостью. Вотъ почему, относясь съ должнымъ вниманіемъ къ «очеркамъ», недавно изданнымъ въ свѣтъ, мы не можемъ не высказать настоятельнаго желанія, чтобы авторъ ихъ перепечаталъ также рядъ своихъ статей объ исторіи Соловьева, о славянофилахъ и т. п.

Разысканія о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. **Д. И. Иловайскаго.** Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1882. 557. Ц. 3 р.

Еще въ 1876 г. уважаемый историкъ выпустилъ въ свѣтъ первое изданіе этой книги, и вотъ понадобилось уже новое изданіе ея — знакъ, что хотя многіе не соглашаются съ нѣкоторыми изъ мнѣній почтеннаго изслѣдователя, но многіе читаютъ его трудъ. Въ свое время («Рус. Стар.» 1877 г., т. XVIII-й, стр. 165—170) на страницахъ «Рус. Старины» былъ сдѣланъ отчетъ о первомъ изданіи этой книги. Напомнимъ читателямъ ея содержаніе. Въ ней помѣщены слѣдующія статьи: 1) О мнимомъ призваніи Варяговъ; 2) Еще о норманизмѣ, въ отвѣтъ Погодину; 3) о славянскомъ происхожденіи дунайскихъ Болгаръ; 4) Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ; 5) Отвѣты и замѣтки (В. Ѳ. Миллеру В. Г. Васильевскому, А. А. Кунику, г. Ламбину); 6) Дальнѣйшая борьба о Руси и болгарахъ. (Здѣсь имѣются въ виду мнѣнія Гедеонова, Костомарова, Макушева, Куника, Соловьева, Томсена, Голубинскаго, Полеваго, кн. Голицына, Бестужева-Рюмина, М. Соколова) и 7) Гунскій вопросъ (авторъ стоитъ за славянское происхожденіе гунновъ). Послѣднія двѣ статьи внесены въ новое изданіе, а вопросъ о Гуннахъ служилъ предметомъ реферата автора на V Археолог. съѣздѣ въ Тифлисѣ и диспута въ Москвѣ, происходившаго 30 декабря 1881 года, изложеннаго также въ книгѣ «Розысканія». За то въ новомъ изданіи исключено изслѣдованіе объ эллинско-скиѳскомъ мірѣ на берегахъ Понта, которое авторъ имѣетъ въ виду помѣстить въ другомъ предпринятомъ имъ изданіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 12. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12 портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. НОЯБРЬ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ генералъ-адъютанта графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова гравировалъ на мѣди Академикъ И. П. Пожалостинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерингофскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами № 90—1
1882.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія **В. И. Немировича-Данченко**, съ 4-мя гравюрами и снимкомъ съ письма М. Д. Скобелева. Спб. 1882 г., въ 8 д., стр. [illegible]. Ц. 2 р.

Въ живомъ, мѣстами весьма интересномъ, разсказѣ, передано довольно много чертъ, обрисовывающихъ славнаго воина-вождя и народнаго героя, тяжкую потерю котораго Россія еще долго, долго будетъ оплакивать. Книга однако много бы выиграла въ своемъ значеніи, еслибы авторъ не вводилъ многія въ ней страницы излишними описаніями и собственными измышленіями, которыя, быть можетъ, умѣстны въ романѣ г. Немировича-Данченко, откуда онѣ и взяты, но не въ книгѣ, посвященной столь историческому лицу, какимъ былъ и останется М. Д. Скобелевъ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать о немъ труда серьезнаго, основаннаго на данныхъ несомнѣнныхъ и обставленнаго письмами и записками Скобелева, въ которыхъ,—какъ мы уже имѣли случай показать на стр. «Русской Старины» (см. кн. VII, изд. 1882 г.),—ясно отпечатлѣлся геній этого полководца и вполнѣ русскаго человѣка. **Z.**

Сибирь какъ колонія, Н. М. Ядринцева. Спб. 1882. 471. Ц. 3 р.

Въ послѣднее время много толковали въ нашей печати о 300-лѣтнемъ юбилеѣ Сибири. Въ виду предстоящаго торжества были напечатаны нѣкоторые памятники и матеріалы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ исторіи Сибири. Такъ появилась въ свѣтъ «Краткая сибирская (кунгурская) лѣтопись» (Спб. 1880), съ весьма интересными и многочисленными рисунками; «Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Москов. Главн. Арх. Министерства Иностран. дѣлъ» (М. 1879 г.) и др. Конечно, русскій историкъ въ правѣ пожелать, чтобы хоть въ память этого событія Археогр. коммиссія ускорила свое изданіе сибирскихъ лѣтописей, уже приготовленное къ печати, чтобы разными нашими хранилищами рукописей, государственными и частными, были обнародованы наиболѣе интересные изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Сибири, въ видѣ такого напр. собранія какое было недавно сдѣлано по поводу столѣтія Вятской губерніи; наконецъ, чтобы кѣмъ либо изъ мѣстныхъ дѣятелей литературы былъ предпринятъ трудъ по исторіи Сибири; такъ какъ книга Словцова давно сдѣлалась библіографическою рѣдкостью (она цѣнится до 100 руб.) и устарѣла, а за послѣднее время вышло не мало весьма цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи этого обширнаго, но все еще мало изслѣдованнаго края.

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали выше, принадлежитъ къ тонкимъ знатокамъ мѣстной исторіи и жизни. Его статьи еще прежде появлялись въ періодическихъ изданіяхъ (Вѣстн. Европы и др.); но въ своей книгѣ онъ имѣлъ въ виду преимущественно «современное положеніе Сибири; ея нужды и потребности». Во всякомъ случаѣ, въ своемъ прекрасномъ популярномъ изложеніи, онъ знакомитъ съ различными сторонами прошлой и настоящей жизни этого края. Вотъ содержаніе его труда: 1) русская народность на Востокѣ; 2) областной типъ русской народности на Востокѣ; 3) инородцы и инородческій вопросъ Сибири; 4) условія разрѣшенія инородческаго вопроса; 5) колонизація Сибири и современныя переселенія; 6) ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; 7) исторія эксплуатація богатствъ на Востокѣ; 8) экономическое положеніе Сибири; 9) управленіе Сибирью и реформа Сперанскаго; 10) потребность знанія на Востокѣ и образованіе въ Сибири; 11) будущность страны и условія ея преуспѣянія. Въ приложеніи сообщены статистическія свѣдѣнія о современномъ состояніи Сибири.

Эпиграфомъ къ своему труду авторъ взялъ извѣстныя слова Адама Смита «Колонія просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ безлюдной и малонаселенной странѣ, скорѣе всякаго другаго человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію». Авторъ не имѣлъ «въ виду разсѣять предубѣжденіе и ложное понятіе о нашемъ Востокѣ, сложившееся по его печальному прошлому, а показать, что этотъ край могъ бы, при луч-

КАТАЛОГЪ АНТИКВАРНЫХЪ КНИГЪ

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ПРОДАЮЩИХСЯ

Въ Книжномъ Складѣ М. НИКОЛАЕВА.

Въ Спб. Невскій пр., противъ Имп. Публич. Библіотеки, д. № 52.

Исторія церковная, политическая, гражданская, военная. Археологія. Нумизматика.

1 **Аввакумъ, Протопопъ.** Житіе его, имъ самимъ писанное. Изд. п. ред. Н. С. Тихонравова. 12°. Спб. 1862. (—75) —50

2 **Авсѣенко, В. Г.** Малороссія въ 1767 году. Эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія. Составлено по неизданнымъ источникамъ. 12°. Кіевъ. 1864. —50

3 **Аделунгъ, Ѳ.** Корсунскія врата находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Пер. съ нѣм. П. Артемова. Съ 9 лист. гравирован. рис. 4°. М. 1834. (3.—) 2.—

4 **Андреевъ, Н.** Родословная Царствующаго дома въ Россіи отъ Рюрика до нынѣ благополучно Царствующаго Императора Александра II Николаевича, съ подробной хронологіей Россіи. 8°. М. 1874. (3.—) 1. 50

5 **Антонинъ, Архимандритъ.** О древнихъ Христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Съ рисунками и снимками надписей. 4°. Спб. 1874. (печ. 300) 1. 50

6* **Анучинъ, Д.** Первые успѣхи Пугачева и Экспедиція Кара. (Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта). 8°. 1.—

7 **Арсеній, Іеромонахъ.** Доклады, грамоты и другіе акты о службахъ Троицкаго Сергіева Монастыря. 8°. М. 1868. (печ. 300) 1.—

8* **Арсеньевъ, К. И.** Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи. 8°. —40

9 **Астафьевъ, Н.** Македонская игемонія и ея приверженцы. 8°. Спб. 1856. —60

10* **Банзаровъ, Д.** О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. 8°. —50

11 **Бантышъ-Каменскій, Д.** Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генералъ—Фельдмаршаловъ. Съ 48 портретами. 4 ч. 8°. Спб. 1840—41. 7.—

12 Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 3 части. Съ 3 портретами. 8°. Спб. 1847. пер. 10.—

13 **Баснинъ, В. Н.** Историческая записка о Китайской границѣ, сост. совѣтникомъ Троицко-Савскаго пограничнаго правленія Сычевскимъ въ 1846 г. 8°. М. 1875. 1. 50

14 **Бауеръ, В.** Эпоха древней тираннів въ Греціи. 8°. Спб. 1863. —75

15 **Безсоновъ, П.** О промыслѣ. 8°. М. 1860. (1.—) —75

16 **Безъ-Корниловичъ, М. О.** Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній къ ней же относящихся. 8°. Спб. 1855. (2.—) 1.—

17 **Бекетовъ, П.** Изображенія людей знаменитыхъ, или чѣмъ нибудь замѣчательныхъ, принадлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи. 42 портрета гравированныхъ Ѳ. Алексѣевымъ, М. Воробьевымъ, Г. А. Афонасьевымъ, Ф. Касаткинымъ, И. Розоновымъ, Н. Соколовымъ, А. Осиповымъ, Е. Кудрековымъ. И. Шошкинымъ, И. Куликовымъ и др. 4°. М. 1844. бр. 8.—
Тоже, въ 8°. М. 1844. 6.—

Березинъ, И. 1) Дипломатическія сношенія Турціи съ европейскими державами. 2) Современная Турція. 3) Восточные реформаторы. 8°. —75

Берхгольцъ, Камеръ-Юнкеръ. Дневникъ его, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721 по 1725 г. Перев. съ нѣм. И. Аммона. 4 ч. 8°. М. 1863. 12. —

21 **Берхъ, В.** Хронологическая исторія открытія Алеутскихъ острововъ или подвиги Россійскаго Купечества. 8°. Спб. 1823. пер. — 75
22 — Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Съ 1 л. снимковъ. 2 ч. 8°. Спб. 1831. Пер. (3. 50) 2. —
23 — Царствованіе Царя Михаила Өеодоровича и взглядъ на междуцарствіе. Съ 5 рис. и план. 2 ч. 8°. Спб. 1832. Пер. (3. 50) 2. —
24 **Бестужевъ-Рюминъ, К.** О составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. I Повѣсть временныхъ лѣтъ. II Лѣтописи южно-русскія. 8°. Спб. 1868. пер. 1. —
25 **Бильбасовъ, В.** Крестовый походъ императора Фридриха Втораго. 8°. Спб. 1863. 1. —
26 **Бисмаркъ** Русскій Главноначальствующій Южною (Украинскою) арміею въ 1747 году. 8°. М. 1871. (печ. 300) — 75
27* **Богдановичъ, М.** Народныя вооруженія въ Пруссіи въ 1813 году. 8°. — 30
28 **Бодянскій, О. М.** Изображенія славянскихъ первоучителей, Св. Кирилла и Меѳодія, на иконѣ Св. Николая въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ. Съ изображеніемъ. 8°. М. 1868. — 40
29 — О времени происхожденія Славянскихъ письменъ. 8°. Съ 19 снимками. 4°. М. 1855. 2. 75
30 **Бородинское** сраженіе. 8°. М. 1872. (печ. 300) 1. —
31 **Бриннеръ, А.** Мѣдныя деньги въ Россіи 1656- -1663 и денежные знаки въ Швеціи, 1716—1719. 8°. Спб. 1864. 1. —
32 — Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. 8°. Спб. 1878. (1. 50) — 50
33 Письма Игнатія **Брянчанинова**, епископа Кавказскаго и Черноморскаго къ Антонію Бочкову игумену Черноморскому. 8°. М. 1875. — 75
34 **Бычковъ, А. Ѳ.** Бумаги Императора Петра I. 8°. Спб. 1873. 1. 75
35 — Въ память Графа Михаила Михайловича Сперанскаго 1772—1872. Съ портретомъ Сперанскаго. 8°. 1872. (печ. 600) 3. —
36 — Письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Съ пятью снимками съ собственноручныхъ писемъ Императрицы Екатерины II и съ фотографическимъ портретомъ Ея, снятымъ съ портрета находящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ. 4°. Спб. 1873. На веленевой бумагѣ. *Въ продажу не поступало.* 15. —
37 —Тоже, на простой бумагѣ, съ фотографич. портретомъ. *Это изданіе поступало въ продажу только безъ портрета.* (печ. 250 экз.) 10. —
38 **Бѣликовъ, А. Е.** Историческія записки и свѣдѣнія о Покровскомъ и святаго Василія Блаженнаго соборѣ, въ столичномъ градѣ Москвѣ. Съ 2 картинами. 8°. М. 1847. — 75
39 **Варлаамъ, Архимандритъ.** Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ. 8°. М. 1859. 1. 50
40 **Васильевскій, В. Г.** Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка. 8°. Спб. 1869. (печ. 200) 1. 25
41 **Васильевъ, А.** О древнѣйшей исторіи Сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги. 8°. Спб. 1858. 1. 75
42* **Васильевъ, В.** О движеніи магометанства въ Китаѣ. Съ приложеніемъ арабскаго подлинника въ формѣ китайскихъ іероглифовъ. 8°. — 50
43* — Свѣдѣнія о Маньчжурахъ во время династій Юань и Минъ. 8°. — 50
44 **Вельтманъ, А.** Индо-Германы или Сайване. Опытъ свода и повѣрки сказаній о первобытныхъ населенцахъ Германіи. Съ картою. 8°. М. 1856. 3. —
45 **Вельяминовъ-Зерновъ, В. В.** Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. 3 ч. съ 6 лист. рис. 8°. Спб. 1863—1866. 15. —
46 **Венелинъ, Ю.** О соляномъ озерѣ Halmiris, и о древнихъ жилищахъ Русскаго народа. 8°. М. 1847. 1. —
47 — I О Готахъ. II Объ Обрахъ. III О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россизма. 8°. М. 1848. (печ. 300) 1. —
48 — О нашествіи Завислянскихъ славянъ на Русь, до Рюриковыхъ временъ. 8°. М. 1848. (печ. 300) 1. —
49 — О словѣ Боляринъ. 8°. М. 1847. (печ. 300) 1. —
50 — Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Письмо 1. Разселеніе Славянъ за Дунаемъ. 12°. 1. 50

51 **Вешняковъ, В.** О причинахъ возвышенія Московскаго княжества. Съ родословною таблицею и картою. 8°. Спб. 1851. (4 —) 3. —
52 **Висковатовъ.** Краткая исторія Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка. 8°. Спб. 1832. пер. 10. —
53 **Вистицкій 2-й.** Подробное описаніе расположеній, дѣйствій и движеній Корпуса Императорскихъ Россійскихъ войскъ, подъ командою Генерала Римскаго—Корсакова въ Швейцаріи. 8°. М. 1846. (печ. 300) 1.—
54 **Волоцкій, А. А.** Генералъ Фрейтагъ и его боевые товарищи. Три эпизода изъ исторіи завоеванія Кавказа. 1843. 8°. Спб. 1873. — 50
55 **Ганкъ, В.** Сазаво—Эммаузское Св. благовѣствованіе нынѣ Реймское. Съ прибавленіемъ того-же чтенія латинскими буквами и сличеніемъ Остромирова евангелія и Острожскаго чтенія. Съ рисункомъ и двумя листами снимковъ. 8°. Прага. 1846. (3.—) 2. 50
56 **Hansen, H. I.** Geschichte der Stadt Narva. Mit Bildes und Plane. 8°. Dorpat. 1858. 1. 75
57 **Гербель, Н.** Изюмскій Слободской Казачій полкъ. 8°. Спб. 1852. (1. 50) — 50
58 **Herberstein, S.** Moscouiter wunderbare Historien: Jn welcher dess treffenlichen Grossenland Reüssen, sampt der hauptstatt Moscauw, und anderer nammhafftigen umligenden Furstenhumb unb stetten gelegenheit, Religion, und seltsame gebreüch: Auch dess erschrockenlichen Grossfürsten zu Moscauw härkomen, mannliche thaten, gewalt, und lands ordnung, auff das fleyssigest ordenlichen begriffen: so alles biss här bey uns in Teütscher nation unbekandt gewesen.

Erstlich durch den wolgebornen herren Sigmunden Freyherren zu Herberstein, Neyperg, und Gutenhag, welcher zu etlichen malen Röm. Kay. und Künig. May. in selbigen landen Legat gewesen, fleyssig zu latein beschriben: Jetz zu malen aber durch den ehrwürdigen herren Heinrich Pantaleon der Freyen Künsten und Artzney doctorn zu Basel, auff das vteüwlichest verteütschet und in truck verfertiget.

Mit sampt H. Pauli Jouy Moscouitischer landen: Und h. Heinrich Pantaleon Littauwischen, Polnischen, Schwedischen, Leyfflendischen, Nordwegischen, Ungarischen, Türckischen, und Tartarischen völckeren, so zu ringharum an die Moscouiter stossend: Demnach H. Georgen Wernhern Ungarischer wunderbaren wasseren beschreibung, auch etlichen schönen Figuren und Landstaflen, darzu einem vollkommenen Register bezieret: alles gantz wunderbar, nutzlich, und kurtzweylig zulesen. 4° Basel. 1857. 25. —

Экземпляръ этотъ есть Contrefaçon Базельскаго, изд. 1567 г. и напечатанный въ Спб. въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ него вклеены двѣ черныя и пять хорошо отъ руки раскрашенныя и не принадлежащія къ этому сочин. гравюры, взятыя изъ другихъ соч. Герберштейна тогоже времени. 123, 124, 129 и 130 страницы этого экз. автографированы.

59 **Гильфердингъ, А.** За что борются Русскіе съ поляками. 8°. Спб. 1863. — 20
60 **Главиничъ Севастіанъ.** О происшествіяхъ Московскихъ. Пер. съ лат. А. Н. Шемякина. 8°. М. 1875. — 40
61 **Глинка, Михаилъ Ивановичъ.** Записки его 1804—1854. Съ прилож. снимка съ письма его и рисунка, исполнен. академ. М. О. Микѣшинымъ. 8°. Спб. 1871. (Печ. 50) пер. 6. —
62 **Градовскій, Г. К.** Война въ Малой Азіи въ 1877 г. 8°. Спб. 1878. (1.—) — 65
63 **Григорій, Архимандритъ.** Списки настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря и его же надгробные памятники. 8°. М. 1874. (печ. 300) — 60
64* **Гроберъ, I.** О ложности мнѣнія, будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи. 8°.— 50
65 **Громека, С. С.** Кіевскія волненія въ 1855 году. 8°. Спб. 1858. — 25
66 **Гротъ, Я.** Литва или Скандинавія. 8°. — 40
67 **Gurowski, A.** La civilisation et la Russie. 8°. St.Pb. 1840. — 75
68 **Даскаловъ, Х. С.** Открытія въ древней столицѣ Болгарской, Терновѣ. Съ планами. 8°. М. 1859. (печ. 300) — 75
69 **Два Сватовства** иноземныхъ принцевъ къ Русскимъ Великимъ Княжнамъ въ XVII столѣтіи. Перев. съ нѣм. А. Н. Шемякина. 8°. М. 1868. 1. —

70 **Дворцовое** село Островъ. Историческое описаніе. Соч. Д. Д. Б....во. 8°. М. 1875. — 50
71 **Доброхотовъ, В.** Древній Боголюбовъ городъ и Монастырь съ его окрестностями. Съ 7 картинами. 4°. М. 1852. (3.—) 2. 50
72 **Документы** о старообрядцахъ нашего времени. 8°. М. 1869. 1. 25
73*Домбровскій, Профес. Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка. 8°.— 40
74 **Донесеніе** слѣдственной Коммиссіи (о Декабристахъ). 8°. Спб. 1826. Печатано въ типографіи Гл. Штаба. *Въ продажу не поступало.* — 75
75*Дубровинъ, Н. Наполеонъ I и Поляки въ 1812 году. Историческій Эскизъ. 8°. — 40
76 **Дубровскій, Н.** Патріаршие выходы. 8°. М. 1869. — 75
77 **Дѣло** Гадяцкаго полковника Михаила Милорадовича съ генеральнымъ судьею Иваномъ Чернышомъ въ 1716 г. 8°. М. 1870. — 50
78 **Дѣло** о Верещагинѣ и Мѣшковѣ, съ разборомъ извѣстій и дополненіями о казни перваго изъ нихъ 2-го Сент. 1812 г. 8°. М. 1867. — 50
79 **Слѣдственное дѣло** о Совѣтникѣ Академіи Наукъ Шумахерѣ. 8°. М. 1860. — 75
80*Есиповъ, Г. Березка и корабликъ. 8°. — 30
81 — Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. 2 т. 8°. Спб. 1861—1863. (4. 50) 3. —
82 **Жизнь**, Анекдоты, военныя и политическія дѣянія Россійскаго Генералъ-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, любимца Петра Великаго и храбраго полководца. 8°. Спб. 1808. пер. 1. 25
83 **Забѣлинъ, И.** Троицкіе походы Русскихъ Царей. 8°. М. 1847. 1. —
84 **Записка** для обозрѣнія Русскихъ древностей. 8°. Спб. 1851. — 40
85 **Зеленецкій, И.** Исторія Красной Площади. 12°. М. 1851. пер. (2. —) 1. 50
86*Зеринъ, А. О самозванцахъ. По поводу сочиненія Проспера Мериме. 8°. Харьковъ. 1857. — 50
87 **Ивановъ, В.** Записки, веденныя во время путешествія Императрицы Елисаветы Алексѣевны по Германіи въ 1813, 14 и 15 годахъ. 2 ч. Съ рисункомъ. 8°. Спб. 1833. пер. (1. 50) — 50
88 **Ивановъ, Н.** Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ. 8°. Казань. 1843. — 75
89 **Ивановъ, П.** Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. Съ 25 снимками съ древн. рукописей. 8°. М. 1850. 3. —
90 — Путеводитель по государственнымъ архивамъ, состоящимъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ. Съ рисункомъ и планомъ. 8°. М. 1845. (3. —) 2. 50
91*Извѣстія и указанія о русскихъ древностяхъ. Статьи: А. И. Войцеховича, Г. С. Кузьмина, А. И. Пискарева, М. С. Пѣшехонова, П. С. Савельева, И. П. Сахарова и И. Т. Яковлева. 8°. — 40
92*Изслѣдованія о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію. Сочин. А. Р. 12°. — 40
93 **Иловайскій, Д.** Исторія Рязанскаго княжества. 8°. М. 1858. 2. 50
94*— Новгородская губернія сто лѣтъ тому назадъ. Изъ біографіи Гр. Сиверса. 8°. — 25
95 **Императрица Марія Александровна.** 1824—1880. 8°. Спб. 1881. — 50
96 **Письма** преосвященнаго **Иннокентія,** Епископа Пензенскаго и Саратовскаго, къ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской 1817—1819 г. 8°. М. 1875. — 75
97 **Исторія** и достопримѣчательности Исаакіевскаго Собора. 8°. Спб. 1858. — 50
98 **Краткая Исторія** о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ Татарами, Шведами и Уграми въ царствованіе Владислава и Казиміра, въ продолженіи 12 лѣтъ, начиная съ 1647 г. Перев. съ Польск. 8°. М. 1847. (печ. 300) — 75
99*Источники Русской Археологіи. Статьи: іеромонаха Макарія, П. И. Савваитова и И. П. Сахарова. 8°. 1. 25
100*Каземъ—Бекъ, А. Мюридизмъ и Шамиль. Съ 1 лист. рис. 8°. — 50
101 **Каптеревъ, Н.** Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. 8°. М. 1874. (1. 50) 1.—
102 **Карамзинъ, Н. М.** Исторія Государства Россійскаго. Съ полными примѣчаніями 12 т., въ 3 книгахъ, съ гравиров. на стали портретомъ автора, алфав. указателемъ сост. П. М. Строевымъ и 24 таблицами, составляющими родос-

ловную Князей Россійскихъ. Изд. 5-е И. Эйнерлинга. 8°. Спб. 1842—1844. (12. —) 10. —

103 **Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ.** Записки его 1805 — 1879. 8°. Спб. 1880. (2. 50) 1. 50

104 **Карповъ, Г.** Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся за время: 8 января 1654 — 30 мая 1672 г. 8°. М. 1870. (1. 25) 1. —

105 — Очерки изъ Исторіи Россійской Церковной Іерархіи. 8°. М. 1865. (1. —) — 50

106 **Касторскій, М. И.** Начертаніе славянской миѳологіи. 8°. Спб. 1841. 1. 50

107 **Кашнинъ-Самаринъ, Н.** По поводу Любецкаго синодика. 8°. М. 1874. — 40

108 **Квинтъ—Курцій.** Исторія о Александрѣ Македонскомъ. Пер. А. Мартоса. 2 т. Съ раскраш. картою. 8°. Спб. 1819. пер. 3. —

109* **Киосель, Ѳ.** Разореніе города Углича въ 1611 году. 8°. — 40

110 **Кичеевъ, П. Г.** Воспоминанія о пребываніи непріятеля въ Москвѣ въ 1812 году. 8°. М. 1859. (1. —) — 60

111 **Клаосенъ, Е.** Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи славянъ вообще и славяно-руссовъ до Рюриковскаго времени въ особенности, съ легкимъ очеркомъ исторіи Руссовъ до Рождества Христова. 3 вып. Съ 10 лист. снимковъ. 8°. М. 1854—1861. (3.—) 2. 50

112 **Клевановъ, А.** О значеніи Русской лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа. 8°. (печ. 300) — 60

113* **Корбъ, І. Г.** Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 г. 8°. — 30

114* **Костомаровъ, Н.** Борьба Украинскихъ казаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка, до Богдана Хмельницкаго. 8°. — 75

115 — Гетманство Выговскаго. 8°. Спб. 1862. 1. 50

116* — Костюшко и революція 1794 года. пер. 2. —

117* — Изъ могильныхъ преданій. Легенда о кровосмѣстителѣ. 8°. — 40

118* — Начало Руси. 8°. — 50

119* — О жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей. 8°. — 20

120 — О значеніи Великаго Новгорода въ Русской исторіи. 8°. 1861. — 40

121* — О козачествѣ. 8°. — 20

122 — Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 8°. Спб. 1860. 2. 50

123 — Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 8°. Спб. 1862. 2. 50

124 **Котляревскій, А.** Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ: сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи Славянской исторіи и древности. 8°. Прага. 1874. 2. —

125 **Коцебу, Августъ.** Достопамятный годъ моей жизни. 2 ч. 12°. Спб. 1879. (1. 50) — 75

126 **Кочубинскій, А.** Сношенія Россіи при Петрѣ Первомъ съ Южными Славянами и Румынами. 8°. М. 1872. (печ. 150) 1. 25

127 **Кояловичъ, М.** Лекціи по исторіи Западной Россіи. 12°. М. 1864. 1. —

128 — Люблинская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго Княжества съ Польскимъ Королевствомъ на Люблинскомъ Сеймѣ въ 1569 году. 8°. Спб. 1863. — 75

129 **Красовъ, С.** О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Съ планомъ. 8°. 1851. Новгородъ. пер. 1. 25

130 **Кречетниковъ, М. І.** Журналъ реляцій къ Ея Императорскому Величеству Калужскаго, Тульскаго и Рязанскаго Генералъ-Губернатора Михаила Никитича Кречетникова въ 1782—1787 годахъ. 8°. М. 1863. (печ. 300) 1. —

131* **Крузе, Ф. Профес.** Объ отношеніяхъ Руссовъ, вторгнувшихся въ 844 году въ Испанію и опустошавшихъ Севиллу, и о связяхъ ихъ съ Россіею. 8°. — 30

132 **Кулжинскій, Н.** Исторія Польши (очеркъ). 8°. Кіевъ. 1864. 1. —

133 **Кулишъ, П.** Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. 12°. Спб. 1857. 2. —

134 **Куторга, М.** Колѣна и сословія Аттическія. 8°. Спб. 1838. 2. —

135 — О поэтической и философской сторонѣ Аѳинской образованности. 8°. Спб. 1843. — 75

136 — Политическое устройство германцев до шестаго столѣтія. 8°. Спб. 1837. 2. —

137 **Лавровскій, П. А.** Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. 8°. Спб. 1855. (— 75) пер. — 40

138 **Лебедевъ, П.** Графъ Радецкій и его походы въ Италіи въ 1848 и 1849 г. Съ портр. Радецкаго и 2 картами. 8°. Спб. 1850. (3. —) 1. —

139 **Левшинъ, А.** Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи Храма Московскаго большаго Успенскаго Собора и о возобновленіи первыхъ трехъ Московскихъ соборовъ Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Съ 2 гравюрами. 8°. М. 1783. пер. 2. 50

140 **Леонидъ, Архимандритъ.** Историческое описаніе Борисовской Тихвинской дѣвичей пустыни, составленное по монастырскимъ документамъ. Съ четырьмя литографированными изображеніями: видомъ пустыни, двумя портретами графа Б. П. Шереметева и видомъ домика Петра I въ Борисовкѣ. 8°. М. 1872. (печ. 300) 2. —

141 — Историческое описаніе Сербской Царской Лавры Хиландаря и ея отношенія къ царствамъ Сербскому и Русскому. 8°. М. 1868. (печ. 300) 1. —

142 **Леонидъ Архимандритъ и Голохвастовъ, Д. П.** Благовѣщенскій Іерей Сильвестръ и его писанія. Съ 2 листами снимковъ. 8°. М. 1874. 2. —

143 **Липранди, И. П.** Восточный вопросъ и Болгарія. 8°. М. 1868. 1. —

144 — Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Съ картою. 8°. М. 1873. (печ. 300) (1. 50) 1. —

145 —Разъясненіе донесеній правительству о переходѣ въ 1845 году Латышей и Чухонъ Ливонскихъ въ православіе. 8°. М. 1869. — 40

146 **Лопухинъ, И. В.** Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы его. 8°. М. 1860. 1. —

147 **Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ.** Воспоминанія его 1777—1834. 12°. М. 1872. (1. —) — 30

148* **Лѣтопись** Великихъ Князей Литовскихъ. 8°. — 50

149 **Лѣтопись** о первомъ зачалiи и созданiи Густынскаго монастыря 1600 г. Съ гравированн. видомъ монастыря. 8°. М. 1848. (печ. 300) — 75

150 **Лѣтопись** самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. 8°. М. 1846. (печ. 300) 1. 50

151 **Любецкій, С. М.** Старина Москвы и русскаго народа въ историческомъ отношеніи съ бытовою жизнью русскихъ. Съ описаніемъ русскаго народнаго быта въ прошедшемъ и началѣ нынѣшняго столѣтій, нравовъ, обычаевъ, преданій, гульбищъ, увеселеній и проч. 8°. М. 1872. (1. 50) 1. —

152 **Любомудровъ, Н.** Изслѣдованіе о происхожденіи и значеніи имени Рязань. 8°. М. 1874. (печ. 300) — 75

153 **Любопытный, П.** Историческій словарь старовѣрческой церкви. 8°. М. 1863. 1. —

154 **Люперсольскій, П.** Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполона Пиѳійскаго въ древней Греціи. Съ планомъ. 8°. Спб. 1869. (1. —) — 75

155* **Макарій, Архим.** Письма Русскихъ Государей, Великихъ Князей и другихъ особъ къ Новгородскимъ архіереямъ, хранящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. 8°. — 30

156 **Максимовичъ, М.** Откуда идетъ Русская земля, по сказанію несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ. 8°. Кіевъ. 1837. (1. 25) — 75

157 **Максимовъ, С.** Разсказы изъ исторіи старообрядства, по раскольничьимъ рукописямъ; съ портретомъ инока Корнилія. 12°. Спб. 1861. (— 75) — 50

158 **Макушевъ, В.** Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской республикой. Съ приложеніемъ двухъ плановъ Рагузы XI вѣка, и военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 году. 8°. М. 1865. 1. —

159 **Малиновскій, А.** Біографическія свѣдѣнія о князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Съ родословною таблицею. 8°. М. 1817. пер. 1. —

160* **Марковичъ, Н.** Горкуша, украинскій разбойникъ. 8°. 1. —

161* **Мельниковъ, П.** Княжна Тараканова и принцеса Владимірская. 8°. 1. 50

162 **Мельниковъ, С.** Акты историческіе и юридическіе, древнія царскія грамоты Казанской и другихъ губерній. 8°. Казань. 1859. (2.—) 1. —

163 **Мельхиседекъ**. Краткое историческое описаніе Рыхловской пустыни или Пустынно—Рыхловскаго Николаевскаго общежительнаго мужскаго монастыря. Съ 2 гравир. рис. 8°. М. 1844. (1. —) пер. — 50
164 **Милорадовичъ, Г. А.** Любечъ, Черниговской губерніи, Городицкаго уѣзда, родина преподобнаго Антонія Печерскаго. 8°. М. 1871. (Печ. 300) 1. —
165 — Матеріалы для исторіи Южной Руси. 12°. Черниговъ. 1858. 1. —
166* **Мордовцевъ, Д. Л.** Изъ добраго стараго времени. Разбойничій атаманъ Беркутъ. 8°. 1. —
167* — Пугачевскій полковникъ Ивановъ. Эпизодъ изъ исторіи Пугачевщины. 8°. 1. 50
168* — Пугачевщина. 8°. пер. — 50
169 **Морошкинъ, М.** Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II-й и до нашего времени. 2 ч. 8°. Спб. 1867—1870. 7. —
170* **Муразкевичъ, Н.** Достопримѣчательности города Смоленска. 8°. — 50
171 **Мухановъ, П.** Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши преимущественно во время самозванцевъ. Съ 8 лист. снимковъ съ автографовъ. 8°. М. 1834. (3. —) 2. —
172 **Надхинъ, Г. П.** Память о Запорожьѣ и о послѣднихъ дняхъ Запорожской Сѣчи. 8°. М. 1877. (Печ. 300) — 75
173* **Несторъ**. Житіе препод. отца нашего Игумена Печерскаго Ѳеодосія. Переводъ Филарета, Епископа Харьковскаго. 8°. — 50
174 **Никитенко, А.** Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ Спб. Университета. 8°. Спб. 1869. — 75
175 **Никитинъ, П.** Исторія города Смоленска. Съ планомъ и гербомъ города. 8°. М. 1847. 2. —
176 **Никодимъ, Епископъ Дмитровскій**. Описаніе Московскаго Богоявленскаго монастыря. 8°. М. 1877. 1. —
177 **Огородниковъ, С.** Исторія Архангельскаго порта. Съ 3 планами. 8°. Спб. 1875. На веленевой бумагѣ. (2.—) 1. —
178 Историческое **Описаніе** Святотроицкія Сергіевы Лавры. Съ видомъ и планомъ лавры. 8°. М. 1842. — 50
179 — Тоже. 8°. изд. 1873. — 50
180 Краткое историческое **описаніе** Свято-Троицкія Сергіевы Лавры и Спасо-Вифанскаго училищнаго монастыря, съ приложеніемъ знатныхъ происшествій, случившихся въ оной. 12°. М. 1809. — 50
181 Подробное и достовѣрное **описаніе** жизни и всѣхъ путешествій славнѣйшаго англійскаго мореходца капитана Кука. Съ грав. портретомъ Кука. 2 ч. 8°. Спб. 1790. пер. 4. —
182 **Павловъ, А.** Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей Греко-Русской полемики противъ Латинянъ. 8°. Спб. 1878. 1. 50
183* **Павловъ, П.** Тысячилѣтіе Россіи и описаніе Памятника Тысячилѣтія Россіи. 8°. — 50
184 **Палаузовъ, С.** Венгрія въ современныхъ ея отношеніяхъ къ Австріи. 8°. Спб. 1861. (1. —) — 70
185 — Ростиславъ Михаиловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ въ XIII вѣкѣ. Съ таблицей, показывающей родственную связь славянскихъ владѣтельныхъ домовъ XIII вѣка. 8°. Спб. 1851. 1. 50
186* — Юго-Востокъ Европы въ XIV столѣтіи. 8°. 1. —
187 **Палацкій, Ф.** Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ. Перев. О. Бодянскаго. 8°. М. 1846. (Печ. 300) 1. —
188 **Панинъ, В. Н. Графъ**. О самозванкѣ, выдававшей себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Сост. по архивнымъ источникамъ, съ документами. 8°. М. 1867. (Печ. 300) 2. —
189 **Паралипоменъ Зонаринъ**. 8°. М. 1847. — 50
190 **Парфеній, Игуменъ**. Опроверженіе записки о русскомъ расколѣ. 8°. М. 1864. (— 75) — 40
191 **Пассекъ, В.** Изслѣдованія въ области Русской исторіи. *Содержаніе: Общій очеркъ періода удѣловъ. Новгородъ самъ въ себѣ. Княжеская и до княжеская Русь*. 8°. М. 1870. (Печ. 300) 2. —

192 **Патканов, К. П.** О мнимомъ походѣ Таклатъ—Паласара къ берегамъ Инда. Съ картою. 8°. Спб. 1879. *Въ продажу не поступало.* 1. —
193 **Первольфъ, І.** Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. 8°. Спб. 1874. пер. 8. —
194 **Пермскій сборникъ.** Повременное изданіе. Съ 7 лист. рис., планомъ и политипажами въ т. 2 кн. 8°. М. 1859—60. (4. 50) 1. 50
195 **Петръ Великій** на берегахъ Прута. Соч. Н. Г. 8°. 1. —
196 **Пискаревъ, А.** Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. 8°. Спб. 1854. (1. 50) — 75
197* **Письма Императора Александра І-го,** и другихъ особъ Царственнаго дома къ Ф. У. Лагарпу. 8°. пер. — 60
198 **Плетневъ, П. А.** Памяти Графа Сергія Семеновича Уварова, президента И. Академіи Наукъ. 8°. Спб. 1855. (1. 50) — 50
199 **Краткая повѣсть** о злополучіи и счастіи Димитрія, нынѣшняго князя Московскаго. Перев. съ лат. А. Н. Шемякина. 8°. М. 1876. — 40
200 **Погодинъ, М.** Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. 8°. М. 1863. (2—) 1. —
201 — Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига. 2 т. 8°. М. 1872. (5.—) 4. —
202 — Тоже. Съ атласомъ рисунковъ. 4°. М. (25. —) 14. —
203 — Историко-критическія отрывки. 8°. М. 1846. (1. 50) 1. —
204 — Историко-политическія письма и записки впродолженіи Крымской Войны 1853—1856. 8°. М. 1874. (2. —) 1. 25
205 — Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. 8°. М. 1850. (1.—) — 75
206 — Свѣдѣнія о жизни и смерти Царевича Алексѣя Петровича. 8°. — 50
207 **Полежаевъ, П. В.** Московское княжество въ І-й половинѣ XIV вѣка. Истор. этюдъ. 8°. Спб. 1878. (1. —) — 60
208 **Полозовъ, Н.** Очеркъ историческаго изслѣдованія о Царѣ Борисѣ Годуновѣ. 12°. М. 1858. (1. 50) 1. —
209* **Полѣновъ, Д. В.** Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго. 8°. — 50
210 **Попка, И.** Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. 17 разсказовъ съ эпилогомъ, картою и 4 рисунками въ текстѣ. 2 ч. 8°. Спб. 1858. (3 —) — 75
211 **Поповъ, А.** Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. 8°. М. 1857. (1 —) — 75
212 — Обзоръ хронографовъ Русской редакціи. 2 в. 8°. М. 1866—69. Съ Изборникомъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. 8°. 1869. пер. 8. —
213 **Посѣщеніе Государемъ Императоромъ** въ 1871 году Житнаго рыболовнаго промысла на Каспійскомъ морѣ, принадлежащаго Ком. Сов. Сапожниковымъ. Съ 2 рис. 8°. Спб. 1872. — 75
214 **Потоцкій, І. Графъ.** Древняя исторія Волынской губерніи, служащая продолженіемъ первобытной исторіи народовъ государства Россійскаго. Перев. съ польск. 16°. Спб. 1829. 2. —
215 **Потто, В.** Историческій очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища. Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ 1823—1873. Съ 6 фотограф. портретами и заглавною виньеткою. На велен. бум. 8°. Спб. 1873. *Въ продажу не поступало.* 5. —
216 **Принцъ, Д., изъ Бухова.** Начало и возвышеніе Московіи. 8°. М. 1877. (Печ. 300) 1. —
217 **Пуквиль, Г.** Жизнь Али паши Янинскаго, со времени его дѣтства до 1821 года, съ прилож. его портрета. Перев. В. Озерова. 2 ч. 8°. М. 1822. пер. 2. —
218 **Пшеничниковъ, А.** Церковь Иліи Обыденнаго на Остроженкѣ въ Москвѣ. 8°. М. 1874. — 30
219 **Rapport** adressé a sa majesté L'Empereur Nicolas I-er, par la haute—cour de justice, et jugement rendu contre les criminels d'etat, a la suite des troubles du 14 Décembre 1825, et détails sur les crimes des accusés. 8°. St. Petersb. 1826. — 75
220 **Ратчъ, В.** Свѣдѣнія о Графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ. 8°. Спб. 1864. 2. —

221 **Ратшинъ, А.** Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. 8°. М. 1852. 5. —
222 **Рачинскій, А. В.** Нилова пустынь въ первыя полутораста лѣтъ ея существованія. Историческій очеркъ по стариннымъ монастырскимъ бумагамъ. 8°. М. 1876. — 75
223 **Реестра** всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ Королемъ Польскимъ Яномъ Казиміромъ, составленные 1649 года, окт. 16 дня, и издан. по подлиннику О. М. Бодянскимъ. Съ 2 лист. списковъ. 8°. М. 1875. (Печ. 300) 1. 50
224 Высочайшіе **Рескрипты** Императрицы Екатерины II и министерская переписка по дѣламъ Крымскимъ. Изъ семейнаго архива Гр. В. Н. Панина. 8°. М. 1872. (Печ. 300) 1. 50
225 **Реутскій, Н. В.** Люди божьи и скопцы. Истор. изслѣдованіе изъ достовѣрныхъ источниковъ и подлинныхъ бумагъ. 8°. М. 1872. (2 —) 1. —
226 **Родословная** книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, которая извѣстна подъ названіемъ бархатной книги. 2 ч. 8°. М. въ тип. Н. Новикова. 1787. пер. 12.—
227 **Рождественскій, В. А.** Историческое описаніе Серпуховскаго Владычнаго общежительнаго дѣвичьяго монастыря. Съ прилож. рисунковъ на 10 лист. 8°. М. 1866. пер. (1. 25) — 85
228 **Розановъ, Н. П.** Описаніе Московскихъ церквей, учиненное Московскою консисторіею въ 1817 г., съ показаніемъ, когда церкви построены и отъ чего имѣютъ названіе своей мѣстности. 8°. М. 1875. 1. —
229 — О татіанинской церкви Импер. Московскаго Университета. Съ планомъ. 8°. М. 1869. 1. —
230 — Саввинское подворье въ Москвѣ и Московскіе преосвященные викаріи. 8°. М. 1869. — 50
231* **Романовъ, Д.** Присоединеніе Амура къ Россіи. 8°. 1. 50
232 **Руссовъ, С.** О древностяхъ Россіи, новые толки и разборъ ихъ. 8°. Спб. 1836. 1. —
233 **Савельевъ, А.** Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Съ рис. и планами на 10 листахъ. 8°. Спб. 1853. 1. 50
234 **Савельевъ, Н. В.** Исторія Сѣверо—Восточной Европы и мнимаго переселенія народовъ. 2 ч. 8°. Спб. 1841—42. 2. —
235 **Савельевъ, П. С.** Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII—XI в., въ Россіи и при-Балтійскихъ странахъ, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ Сѣверо—Востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія русскаго государства. Съ картою. 8°. Спб. 1847. 10. —
236* — О жизни и трудахъ Дарджи Банзарова, съ портретомъ его. 8°. Спб. 1855. — 75
237* — О жизни и ученыхъ трудахъ Френа. Съ портрет. Френа. 8°. Спб. 1855. — 75
238 — О жизни и трудахъ Ф. Ф. Шармуа. 8°. Спб. 1845. —40
239* **Сахаровъ, И.** Деньги Московскихъ удѣльныхъ княженій. 8°. 1. 25
240 — Записки русскихъ людей. Событія временъ Петра Великаго. 8°. Спб. 1841. пер. 5.—
241* — Памятники тульской губерніи. 8°. — 75
242 **Сборникъ** военныхъ разсказовъ, составленныхъ офицерами—участниками войны 1877—1878 г. Изданіе князя В. Мещерскаго. 6 т. съ алфавитнымъ указателемъ въ 8° и съ 6 альбомами рисунковъ въ 4°. Съ приложеніями: двухъ альбомовъ портретовъ, альбома Бендеро-Галацкой жел. дороги, альбома 17 сепій Соколова и трехъ акварельныхъ картинъ. Спб. 1878—1880. (40. —) 30. —
243 — тоже, въ англійскомъ переплетѣ. (50 —) 33. —
244 Петровскій **Сборникъ**, изданный „Русскою Стариною“ 30 Мая 1872 года. 8°. Спб. 1872. (печ. 300) — 75
245 **Симбирскій Сборникъ**. Часть историческая. Съ видомъ и гербомъ города. Изд. П. и А. Языковыхъ, А. Хомякова и Д. Валуева. 8°. М. 1844. 3. —

246 **Святославскій**, I. Лѣтопись Московской Георгіевской церкви, что на Всполье, Никитскаго Сорока. 8°. М. 1875. (печ. 300) 1. 50
247 **Сѣдельниковъ**, Н. Турецкая Компанія 1877—78. Сост. преимущественно по офиціальнымъ документамъ. Съ приложеніемъ картъ и схематическихъ чертежей. 2 т. 8°. М. 1878—79. (4. 50) 3. —
248 **Семантовскій**, Н. Потемкинъ какъ козакъ Войска запорожскаго. 2 ч. Съ картинами. 12°. Спб. 1851. 1. 50
249*Семевскій, М. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) 1797—1837. 8°. 1. 50
250*—Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. 1770—1825 г. (Матеріалы для его біографіи). 8°. — 50
251*—Наталья Өедоровна Лопухина 1699—1763. Эпизодъ изъ ея жизни. 8°. 1. —
252*—Партизанъ Сеславинъ. 8°. — 50
253*—Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ. (Очеркъ изъ русско-прусской войны 1756—1762 г. 8°. (— 75) — 20
254*—Слово и дѣло! Разсказы изъ времень Петра Великаго. 12°. 1.—
255*—Современные портреты Софіи Алексѣевны и В. В. Голицына. 1689. Съ 2 гравюрами. 8°. 1. 50
256 **Семеновъ**, А. Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ. 3 т. 8°. Спб. 1859. (4. 50) 4. —
257*Сербиновичъ, К. С. Николай Михайловичъ Карамзинъ. Воспоминанія. 8°.— 50
258*Симоновскій, П. Краткое описаніе о Казацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. 8°. М. 1847. (печ. 300) 1. 50
259 **Сказаніе**, и страсть, и похвала святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу. По харатейному списку Московскаго большаго Успенскаго Собора XII вѣка. Съ 2 литогр. снимками. 8°. М. 1870. 1. 50
260*Скальковскій, А. Занятіе Крыма въ 1783 году. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края. 8°. — 50
261*—Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ. 8°. — 50
262 Написаніе вдоваго попа, **Георгія Скрипицы**, изъ Ростова града, о вдовствующихъ попѣхъ. 8°. М. 1848. — 50
263 **Славянскій съѣздъ** въ Прагѣ въ 1848 году. Соч. М. И. К. ина 8°. Спб. 1860. — 50
264*Снегиревъ, И. О мѣстѣ погребенія Авраамія Палицына. 8°. — 40
265 **Соловьевъ**, С. Императоръ Александръ I. Политика—дипломатія. 8°. Спб. 1877. (2. —) 1. 50
266*—Обзоръ дипломатическихъ сношеній Московскаго Двора съ Литовскимъ во второй половинѣ XV вѣка. 8°. — 50
267 — Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ. Истор. Изслѣдованіе. 8°. М. 1845. 5.—
268 **Срезневскій**, В. Древній славянскій переводъ псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV вв. Съ 7 лист. снимковъ. 2 ч. 4°. Спб. 1877. (печ. 610) 4. —
269— Сѣверный рѣзной календарь. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Съ знаками въ т. и 16 лист. рисунковъ. 4°. Спб. 1874. (печ. 210) 7. —
270 **Станкевичъ**, А. Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. (Біографическій очеркъ). 8°. М. 1869. 1. —
271 **Стасюлевичъ**, М. Защита Кимонова мира. Критико—историческое разсужденіе. 8°. Спб. 1852. 1. 50
272 **Степановъ**, В. **и Григоровичъ**, Н. Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго Военнаго ордена Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія (1769—1869). 8°. Спб. 1869. (1. 25) — 75
273 **Строминовъ**, Н. С. Цесаревна Елисавета Петровна въ Александровской слободѣ и Успенскій Дѣвичій монастырь въ тоже время. 8°. М. 1874. (печ. 300) — 75
274 **Сумъ**, П. Ф. Историческія разсужденія о происхожденіи народовъ, населявшихъ въ средніе вѣка Польшу, Россію и земли между Каспійскимъ и Чернымъ морями, также Европейскую Турцію на сѣверъ отъ Дуная. 8°. М. 1846. 1. 50

275 **Суровецкий, Л.** Изслѣдованіе начала народовъ Славянскихъ. 8°. М. 1846. (печ. 300) 1. —
276* **Сухомлиновъ, М. И.** Русскіе университеты, учрежденные въ началѣ царствованія Императора Александра I. 8°. — 50
277 **Терещенко, А.** Бытъ русскаго народа, народность, жилище, домоводство, народъ, образъ жизни, музыка, свадьбы, время счисленія, крещеніе, похороны, поминки, Дмитріева суббота, игры, хороводы, простонародные обряды, повѣрья, обрядные праздники, святки и масляница. 7 т. 8°. Спб. 1848. 30. —
278* **Тихонравовъ, К.** Археологическія замѣтки о городахъ Суздалѣ и Шуѣ. 8°.— 40
279 **Толстой, Д. Гр.** Объ Іезуитахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Истор. отрывокъ. 8°. Спб. 1859. — 40
280 — Римскій католицизмъ въ Россіи. Истор. изслѣдованіе. 2 т. 8°. Спб. 1877. *На веленевой бумагѣ.* (10. —) 8. —
281 **Tolstoy, le Comte.** Guide des étrangers à Novgorod. Avec une vignette colorée 3 planches et 1 plan topographique. 8°. Moscou. 1862. — 50
282 **Толстой, Ю. В.** Московія Джона Мильтона, съ статьею и примѣчаніями. 8° М. 1875. 1. —
283 **Толь, К. Ө. Графъ.** Краткій дневникъ пребыванія моего въ дѣйствующей арміи въ Польскую войну 1831 года съ прибытія къ оной Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванскаго. 8°. М. 1867. — 75
284 **Томилинъ, А.** Шлиссельбургъ. Истор. обозр. шведскихъ войнъ, въ котор. участвовала Шлиссельбургская крѣпость, съ подробн. опис. осады ея при Петрѣ Великомъ, и современное положеніе города Шлиссельбурга. 8°. Спб. 1847. 1. —
285 **Трачевскій, А.** Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II. 1780—1790. 8°. Спб. 1877. (2.—) 1. 50
286 **Три** челобитныя справщика Савватія Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. (Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства). 12°. Спб. 1862. (— 75) — 50
287 **Тромонинъ, К.** Легчайшее руководство для узнанія въ каждомъ изъ прошедшихъ и будущихъ годовъ числа Пасхи Христовой и переходящихъ праздниковъ и постовъ и пр. 12°. М. 1842. 1. —
288* **Тургеневъ, А. И.** Обозрѣніе современныхъ извѣстій о замѣчательнѣйшихъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины I. 8°. 1. —
289 **Туркестановъ, Н. Кн.** Губернскій служебникъ или списокъ генераль губернаторамъ, правителямъ, поручикамъ правителя, предсѣдателямъ уголовной и гражданской палатъ и дворянскимъ предводителямъ въ 47 губерніяхъ. 1777—1796 гг. 4°. Спб. 1869. 1. —
290 **Туруновъ, Я.** Генералъ и адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ. 8°. Спб. 1871. 1. —
291 **Турчиновичъ, О.** Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. 12°. Спб. 1857. (1. —) — 75
292 **Указатель** къ актамъ историческимъ, изданнымъ Археографическою коммиссіею. 4°. Спб. 1843. пер. 1. 50
293 **Устряловъ, Н.** Именитые люди Строгановы. Съ рис. и картою. 8°. Спб. 1843. (1. 50) — 75
294 — Историческое обозрѣніе Царствованія Государя Императора Николая I. 8°. Спб. 1847. (2—) 1. 50
295 — Исторія царствованія Петра Великаго. Съ портретами, видами, снимками, картами и планами. Т. I—IV и VI (*Т. V не выходилъ*). 8°. Спб. 1858—1863. 30. —
296 — Лефортъ и потѣхи Петра Великаго до 1689 года. 8°. Спб. 1851. 1. 25
297 — О Литовскомъ княжествѣ. Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ Русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское. 8°. Спб. 1839. 1. 50
298* — Петръ Великій въ Вѣнѣ въ 1698 году. 8°. — 40
299* — Русское войско до Петра Великаго. 8°. — 40
300* — Сооруженіе флота на Воронежѣ. 8°. — 50
301* **Фалмерайеръ.** Славянскій элементъ въ Греціи. 8°. — 50

802*Федоровъ, Б. О формѣ присяги въ Россіи, со временъ язычества до Царствованія Петра Великаго. 12°. — 50
803 Фельнеръ, А. Славянская борьба 1875—76. Историческій очеркъ возстанія Балканскихъ славянъ, Черногорско-Сербско-Турецкой войны и дипломатическихъ сношеній съ Іюля 1875 по Январь 1877. 12°. Спб. 1877. (1. —) — 40
804 Письма Московскаго и Коломенскаго митрополита Филарета къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому и Зарайскому. 8°. М. 1868. — 75
805 Филипповъ, И. Исторія Выговской старообрядческой пустыни. Съ соблюденіемъ правописанія автора, 11 портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и 2 видами Выговскихъ мужскаго и женскаго общежительныхъ монастырей. 8°. Спб. 1862. (3. —) 2. —
806 Фоккеродтъ, У. и Плейеръ, О. Россія при Петрѣ Великомъ. Пер. С. Шемякина. 8°. М. 1874. 1. —
807 Хавскій, П. Предки и потомство рода Романовыхъ. I. Великіе князья. II. Цари. III. Императоры. Съ генеалогическою таблицею. 8°. М. 1865. — 50
808 —Указатель источниковъ исторіи и географіи Москвы съ древнимъ ея уѣздомъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ по Княженіямъ и Царствованіямъ Рос. Государей. 8°. М. 1839. пер. 3. —
809 Хмыровъ, М. Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время. (1701—1791 г.). 8°. Спб. 1867. 2. —
810 — Марина Мнишекъ. 8°. Спб. 1862. — 50
811 Храповицкій, А. В. Памятныя записки. Съ примѣчаніями Г. Н. Геннади. 8°. М. 1862. 2. 25
812 Чертковъ, А. О языкѣ Пелазговъ населившихъ Италію и сравненіе его съ древне—словенскимъ. Съ 2 л. рис. 8°. М. 1855. (2. —) 1. 50
813 — Пелазго - Ѳракійскія племена, населившія Италію. 8°. М. 1853. (1. 50) 1. —
814 — Ѳракійскія племена жившія въ Малой Азіи. Съ 1 л. рис. 8°. М. 1852. 1. —
815 — Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Приб. 1-е. Съ 5 табл. рисунковъ. 8°. М. 1837. 1. —
816*Чистовичъ, И. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, бывшемъ митрополитѣ Ростовскомъ. 8°. — 25
817 —Дѣло Салникѣева. 8°. Спб. 1869. — 50
818 — Новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла и для исторіи первой половины XVIII столѣтія. 8°. М. 1862. — 30
819 — Письма къ полковнику Запорожскаго войска Иліи Новицкому. 8°. — 25
820 — Рѣшиловское дѣло. Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Матеріалы д. исторіи первой половины XVIII стол. 8°. Спб. 1861. (—75) — 25
821 Чичаговъ, Н. Жизнь Князя Пожарскаго, келаря Палицына и гражданина Минина. 8°. Спб. 1848. 1. —
822 Чубинскій, В. Историческое обозрѣніе устройства управленія Морскимъ Вѣдомствомъ въ Россіи. 8°. Спб. 1869. (1. 25) — 75
823 Шайнохи, К. Славяне въ Андалузіи. Пер. съ польск. Б. П. Шостаковича. 8°. М. 1874. — 50
824*Шафарикъ, П. І. О Сварогѣ, богѣ языческихъ славянъ. 8°. — 30
825 Шевыревъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. Московскаго Университета, за истекающее столѣтіе, со дня учрежденія января 12-го 1755 года, по день столѣтняго юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоровъ и преподавателей, занимавшихъ каѳедры въ 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. 2 ч. 8°. М. 1855. (6. —) 3. 50
826 Шишковъ, Александръ Семеновичъ, адмиралъ. Записки его. 8°. М. 1869 1. 25
827 Шмиттъ, Г. Исторія Польскаго Народа. Перев. Ю. Шрейера. 3 т. 8°. Спб. 1864. (5. 25) 4. —
828*Шопенъ, И. Опытъ археологическаго взгляда на часть Арменіи, составляющую нынѣшнюю Армянскую область. 8°. — 50
829*Штукенбергъ, А. Иванъ Федоровичъ Штукенбергъ. Біографія. 8°. — 30

330 **Шуазель-Гуфье, Графиня.** Воспоминанія ея объ Императорѣ Александрѣ I и Императорѣ Наполеонѣ I. 12°. Спб. 1879. (1. —) — 50
331* **Шубинскій, С. Н.** Графъ К. Г. Разумовскій. 1724—1803. 8°. — 50
332* — Придворные шуты и шутовскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго и Анны Ивановны. 8°. — 50
333 — Разсказы о Русской Старинѣ. 12°. Спб. 1871. (1. 25) — 50
334 **Шульцъ, В.** Подвиги Русскихъ моряковъ. 12°. Спб. 1853. — 75
335 **Щаповъ, А.** Русскій расколъ старообрядчества, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Опытъ истор. изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. 8°. Казань. 1859. (3—) 2. 50
336* **Щебальскій, П.** Вступленіе на престолъ Императрицы Анны. 8°. 1. —
337* — Князь Меньшиковъ и Графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи 1726—1727. 8°. 1. —
338* **Щегловъ, Д.** Кто были Варяги—Русь, то-есть, что мы такое? 8°. — 75
339 **Щербининъ, М. П.** Біографія Генералъ-Фельдмаршала Князя Михаила Семеновича Воронцова. Съ портретомъ его. 8°. Спб. 1858. (3. —) 1. 75
340 **Яблочковъ, М.** Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. 8°. Спб. 1876. (4. —) 3. —
341 **Янишъ, Н. Н.** Новгородская лѣтопись и ея Московскія передѣлки. 8°. М. 1874. (Печ. 300) 1. —
342* **Ѳеоктистовъ, Е.** Борьба Греціи за независимость. 8°. 2. —
343* — Фридрихъ Великій во внутреннемъ управленіи своего государства. 8°. — 50

Исторія русскаго права.

344 **Андреевскій, И.** О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году. 8°. Спб. 1855. (1. —) — 75
345 — О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго. 8°. Спб. 1854. (1. 25) 1. —
346 **Власьевъ, Н.** О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго рускаго права. 8°. М. 1860. 1. —
347 **Горчаковъ, М.** О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. 988—1738 годовъ. 8°. Спб. 1871. (Печ. 500) (3.—) 2. —
348 **Деянъ, Ф.** О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича. 8°. Спб. 1849. 1. —
349* **Ивановскій, И.** О правахъ Даніи на зундскій и бельтскій проливы, преимущественно въ отношеніи собиранія пошлинъ. 8°. — 40
350 **Лазаревскій, И. и Утинъ, Я.** Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. 8°. Спб. 1859. 5. —
351 **Лохвицкій, А.** О плѣнныхъ по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII вѣка). 8°. М. 1855. (1. 50) 1. —
352 **Михайловъ.** Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до уложенія 1649 г. 8°. Спб. 1848. (1. 50) 1. —
353 **Мурзакевичъ, Н.** Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Издана по списку, хранящемуся въ библіотекѣ Князя Михаила Семеновича Воронцова. Съ снимкомъ почерка. 4°. Одесса. 1847. 1. 50
354 **Никольскій, В.** О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. 8°. М. 1859. (1. 25) — 75
355 Сокращенный **Памятникъ** Россійскаго законодательства. Сост. Н. И. Х. 12°. Спб. 1829. 1. —
356 **Розенкампфъ, Г. А. Баронъ.** Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ. Второе тисненіе съ многими перемѣнами и прибавленіями. Начатое сочини-

телемъ, а по кончинѣ его изданное В. А. Съ 4 лист. снимковъ. 4°. Спб. 1839. пер. 45. —

857 **Спасовичъ, В.** О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза. 8°. Спб. 1851. 2. —

858 **Турчаниновъ, Н.** О Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до царствованія Іоанна IV Васильевича. 8°. Спб. 1829. пер. 2. 50

359 **Чебышевъ-Дмитріевъ, А.** О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. 8°. Казань. 1862. пер. 2. —

360 **Шалфѣевъ, Н.** Объ уставной книгѣ разбойнаго приказа. 8°. Спб. 1868. — 40

361 **Юзефовичъ, Т.** Договоры Россіи съ Востокомъ политическіе и торговые. 8°. Спб. 1869. (1. 50) — 75

Географія. Статистика. Этнографія.

362 **Антоній, Игуменъ.** Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. 8°. М. 1875. (печ. 300) 1. 25

363 **Анучинъ, Е. Н.** Изслѣдованія о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь въ періодъ 1827—1846 годовъ. Матеріалы для уголовной статистики Россіи. Съ 6 раскр. картами. 8°. Спб. 1873. (2. 50) 1. —

364* **Априловъ, В.** Новѣйшія свѣдѣнія о Болгарахъ. 8°. — 25

365 **Арсеньевъ, К.** Начертаніе статистики Россійскаго Государства, 2 ч. 8°. Спб. 1818—19. пер. 1. 50

366 — Статистическіе очерки Россіи. 8°. Спб. 1848. пер. (2. —) 1. —

367* **Березинъ, И. Профес.** Посѣщеніе Цареградскихъ достопримѣчательностей, вовремя пребыванія въ Константинополѣ Его Импер. Выс. В. Кн. Константина Николаевича въ 1845 г. 8°. 1. —

368* — Поѣздка на Апшеронскій полуостровъ. 8°. — 30

369 — Путешествіе по Востоку. 2 т. Т. I. Путешествіе по Дагестану и Закавказью. Т. II. Путешествіе по Сѣверной Персіи. Съ портретомъ, картами, планами и видами замѣчательныхъ мѣстъ. 8°. Казань. 1850—52. 10. —

370 **Берхъ, В.** Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, для изысканія историческихъ древностей. 8°. Спб. 1821. пер. 1. —

371 **Библіотека путешествій** Изд. Плюшара. 8 т. Съ картинами и картами. Т. I—III. Путешествіе въ Японію, Зибольдта; т. IV—V. Два года изъ жизни русскаго моряка, Блока; т. VI и VII. Разсказы о кораблекрушеніяхъ; т. VIII. Эпизоды путешествія Бурчеля во внутренность Африки. 12°. Спб. 1854 г. (12.—) 5. —

372 **Блiохъ, И.** Русскія желѣзныя дороги относительно доходовъ и расходовъ эксплоатаціи, стоимости провоза и движенія грузовъ. 8°. съ атласомъ 30 раскраш. графическ. таблицъ, въ ½ листа. Спб. 1875. 15. —

373 **Булычевъ, И.** Путешествіе по Восточной Сибири. Ч. I. Якутская область, Охотскій край. 8°. Съ альбомомъ раскрашен. рисунковъ на 55 листахъ. Въ листъ. Спб. 1856. (*Больше не выходило*). (65. —) 45. —

374 **Бурьяновъ, В.** Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу и его окрестностямъ. 3 ч. 12°. Спб. 1838. (3.—) 1. 50

375 **Венюковъ, М.** Опытъ военнаго обозрѣнія Русскихъ границъ въ Азіи. Съ 2 картами. 8°. Спб. 1873. (3. —) 2. 50

376* **Гилюевъ, Н.** Объяснительная записка къ этнографической картѣ Царства Польскаго. Съ картою. 8°. — 50

377 **Географическіе** и статистическіе очерки Царства Польскаго. Съ картою. 8°. Спб. 1863. 1. —

378 **Гидрографическій** атласъ Россійской Имперіи. Сост. при Гл. Управ. Путей Сообщенія. На 58 лист. Въ листъ. Спб. 1882. пер. 5. —

379 **Головацкій, Я. Ѳ.** О костюмахъ или народномъ убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и Сѣверовосточной Венгріи. 8°. Петроградъ. 1868. 1. —

380 **Горловъ, И.** Статистическіе очерки Сѣверо-Американскаго союза. 8°. Казань. 1841. — 50
381 **Гротъ, Я.** Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео. Путевыя записки. 12°. Спб. 1847. Съ картинами. (1. 50) — 60
—Тоже, безъ картинъ. (1. —) — 40
382 **Даль, Х.** Описаніе двухъ экспедицій въ рѣку Обь, снаряженныхъ членами И. Общества для содѣйствія Русскому торговому мореходству Графомъ А. Е. Комаровскимъ, А. К. Трапезниковымъ, А. М. Сибиряковымъ, В. Н. Сабашниковымъ и И. В. Чернядевымъ, въ 1876 и 1877 годахъ. Съ картою. 8°. М. 1877. — 75
383 **Долгорукій, И. М. Князь.** Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній 1813 года. 8°. М. 1870. 1. —
384 — Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. 8°. М. 1870. (печ. 350) 1. —
385 — Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года. 8°. М. 1870. (печ. 300) 1. —
386 **Донесеніе** о поѣздкѣ въ Москву придворнаго Римскаго Императора Михаила Шиля въ 1598 г. Пер. съ нѣм. А. Н. Шемякина. 8°. М. 1875. — 50
387 **Загоскинъ, Л.** Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ. Произведенная въ 1842—44 годахъ. Съ меркаторскою картою. 2 ч. 8°. Спб. 1848. (2. 50) 1. 50
388***Казанковъ.** Описаніе Ладожскаго канала въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. 8°. — 50
389***Киттары, М.** Ледяная пещера въ окрестностяхъ Кунгура. Съ планомъ. 8°. — 50
390 **Клочаревъ.** Атласъ рѣки Дона отъ гор. Ростова по землѣ Войска Донскаго до затона Калачевскаго, на протяженіи 534 версты 231 сажень, сост. по изысканіямъ въ 1859 году. Состоитъ изъ: I. Плана рѣки Дона, Машт. 6 верстъ въ дюймѣ. II. Нивелировка и продольные промѣры рѣки Дона, горизонт. машт. 200 саженъ въ англ. дюймѣ и вертикальн. машт. 20 фут. въ англ. д. III. Поперечные промѣры въ перекатахъ рѣки Дона разстояніемъ черезъ 25 саженъ. Горизонт. машт. 50 саж. въ англ. д. и вертик. машт. 5 фут. въ англ. д. Въ листъ, рисован. отъ руки и раскр. аквар. 1860. *Въ продажу не поступалъ.* 10 —
391 **Костенко, Л.** Путешествіе въ Бухару Русской Миссіи въ 1870 году. Съ картою. 12°. Спб. 1871. (— 75) — 50
392***Ламанскій, В.** Изъ записокъ о славянскихъ земляхъ. Сербія и южно—славянскія провинціи Австріи. 8°. — 50
393 **Леонидъ, Архимандритъ.** Паломники-писатели Петровскаго времени или путники во Св. Градъ Іерусалимъ. 8°. М. 1874. (печ. 300) 1. 25
394 **Маевъ, Н. А.** Ежегодникъ для статистики Туркестанскаго края. Вып. I и II. Съ портр. Кокандскаго Хана и 2 картами. 8°. Спб. 1872—73 гг. (4. 50) 2. —
395 **Макушевъ, В.** Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. Очерки статистическіе, этнографическіе и историческіе. 8°. Спб. 1867. (1. 50) 1. —
396***Маслаковецъ, Н.** Кавказскіе перевалы. 8°. — 30
397***Матвѣевъ, П.** Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. 8°. — 40
398***Мациевичъ, Д.** Путевыя замѣтки. Грузино, Новгородъ, Боровичи, Устюжна. 8°. — 40
399 **Меркель, Г.** Латыши, особливо въ Ливоніи въ исходѣ философскаго столѣтія. Дополненіе къ народовѣдѣнію и человѣкознанію. Пер. А. Шемякина. 8°. М. 1870. (печ. 300) 1. —
400 **Милюковъ, А.** Аѳины и Константинополь. 8°. Спб. 1859. (1. 25) — 50
401 **Молчановъ, Н.** Описаніе Архангельской губ., ея городовъ и достопримѣчательныхъ мѣстъ со многими древними историческими извѣстіями и замѣчаніями, къ дополненію Россійской Исторіи. 3 ч. Съ двумя видами, 2 планами и 2 картами. 4°. Спб. 1813. пер. 4. —
402***Мордвиновъ, А.** Записки о Туруханскомъ краѣ. 8°. — 50
403 **Небольсинъ, П.** Очеркъ быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса. Съ картою и 1 л. изображеній тамогъ. 8°. Спб. 1852. 2. —

404 **Неверовскій.** Краткій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. 8°. Спб. 1847. — 35
405 **Нейманнъ, К.** Афганистанъ и Англичане въ 1841 и 1842 годахъ. Пер. П. В. Голубкова. 12°. М. 1848. пер. — 75
406* **Новосильскій, П.** Экспедиція въ полярныя моря въ 1851—52 годахъ, для отысканія Сира Джона Франклина, снаряженная иждивеніемъ леди Франклинъ. Съ картою. 8°. — 50
407 **Норовъ, А.** Путешествіе по Египту и Нубіи, въ 1834—1835 г. Съ 20 гравюрами и картою. 2 ч. 8°. Спб. 1840. (5. 75) 3. —
408 **Описаніе** Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи, пер. Іакинфа. Съ 4 раскр. картинами. 8°. Спб. 1829. 3. —
409 **Описаніе** путешествія въ Москву посла Римскаго Императора, Николая Варкоча, съ 22 іюля, 1593 г. 8°. М. 1875. — 75
410 **Павловскій, И.** Пространная географія Россійской Имперіи. Изд. 2-е исправлен. и дополн. 2 ч. 8°. Спб. 1846. 2. —
411 **Полонскій, А.** Курилы. 8°. Спб. 1871. — 50
412* **Поповъ, А. Ѳ.** Путевыя замѣтки о Хань-Коу и русскихъ чайныхъ фабрикахъ. 8°. — 40
413 **Похилевичъ, Л.** Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи или статистическія, историческія и церковныя замѣтки о всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, въ предѣлахъ губерніи находящихся. 4°. Кіевъ. 1864. (3. —) 2. 50
414 **Путешествіе** Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича въ Нижній—Новгородъ, Казань и Москву въ 1861 году. 12°. Спб. 1862. — 40
415 **Пушкаревъ, И.** Историко-Географическое описаніе городовъ Симбирской губерніи. 12°. Спб. 1837. — 75
416 — Путеводитель по С.-Петербургу и окрестностямъ его. 8°. Спб. 1843. пер. 2. 50
417 **Пѣтуховъ, Д.** Горный городъ Дедюхинъ и окольныя мѣстности. 8°. Спб. 1864. — 50
418* **Сабуровъ, Я.** Поѣздка въ Саратовъ, Астрахань и на Кавказъ. 8°. — 30
419 **Сахаровъ, И.** Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Съ снимкомъ съ рукописи. ч. I. Спб. 1837. пер. 2. —
420 **Сбоевъ, В.** Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ, ихъ происхожденіе, языкъ, обряды, повѣрья, преданія и пр. 8°. М. 1865. — 75
421 **Семевскій, М.** Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ. Историко — этнографическія замѣтки. 12°. Спб. 1857. 1. —
422 — Торопецъ уѣздный городъ Псковской губерніи. 1016—1864 г. 8°. Спб. 1864. 1. —
423* **Сементовскій, А.** Почаевская Лавра. 8°. — 30
424 — Сборникъ въ память перваго Русскаго Статистическаго съѣзда 1870 г. Съ рис. и этнограф. картою Витебской губ. 8°. Спб. 1872. (4. 50) 3. 50
425 **Сементовскій, Н.** Путешественникъ. (Южный берегъ Крыма). 12°. Спб. 1847. пер. — 75
426 **Соловьевъ, Профес.** Жители и просвѣщеніе въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи. 8°. — 50
427 **Сосѣди** славянъ. Соч. Фр. Б. К. Переводъ съ Чешскаго П. П. Дубровскаго. 8°. М. 1874. (печ. 300) — 75
428 **Калмыцкая степь** Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи. Съ 13 картинами и 4 картами и планами. 8°. Спб. 1868. пер. (5.—) 4. —
429 **Тарасовъ, С.** Статистическое обозрѣніе промышленности Московской губерніи. Съ картою и 3 видами. 4°. М. 1856. пер. 1. 50
430 **Фуксъ, К.** Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. 8°. Казань. 1844. 2. —
431 **Ханацкій, Н. В.** Памятная книга Таврической губерніи. Съ 6 рис. Вып. I. 8°. Симферополь. 1867. 3. —
432 **Цыловъ, Н.** Атласъ тринадцати частей С.-Петербурга, съ подробнымъ изобра-

женіемъ набережныхъ, улицъ, переулковъ, казенныхъ и обывательскихъ домовъ, съ алфавитнымъ указателемъ. 4°. Спб. 1849. (10. —) 3. —
433 **Шевыревъ, С. Профес.** Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь, въ вакаціонные дни 1847 г. 2 ч. Съ 25 лит. рис. 8°. М. 1850. 3. —
434* **Шпиро, П. А.** Волжскіе татары. 8°. — 60

Словесность.

435 **Анненковъ, П. В.** А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. Съ прилож. рисунковъ: модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерковъ и рисунковъ поэта. Изд. 2-е. 8°. Спб. 1873. (2. 50) 1. 50
436 — Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, съ портретомъ. 8°. М. 1858. 5. —
437 **Априловъ, В.** Денница Ново-Болгарскаго образованія. Съ 3 лист. гравюръ. 8°. Одесса. 1841. (3. —) 1. —
438 **Блудовъ, Д. Н. Графъ.** Мысли и замѣчанія его. Съ приложеніями. 2 кн. 8°. Спб. 1866. 1. —
439 **Боричевскій, И.** Народные славянскіе разсказы. 12°. Спб. 1844. 1. 50
440 **Боровиковскій, А.** Женская доля по Малороссійскимъ пѣснямъ. Очеркъ изъ малороссійской поэзіи. 8°. М. 1868. — 75
441 **Буличъ, Н.** Сумароковъ и современная ему критика. 8°. Спб. 1854. 2. 50
442* **Буслаевъ, Ѳ.** Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до конца XVI вѣка. Съ 11 лист. рис. 8°. — 50
443 **Бѣлинскій, В.** Николай Алексѣевичъ Полевой. 8°. Спб. 1846. — 50
444 **Венелинъ, Ю.** О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ Задунайскихъ. I. Сербскія. 8°. М. 1835. 1. 50
445 **Вовчокъ, М.** Украинскіе народные разсказы. Перев. И. С. Тургенева. 12°. 1859. пер. 1. —
446 **Гомеръ.** Одиссея. Пер. В. Жуковскаго. съ 2 рис. 2 т. Изъ полн. собр. соч. В. Жуковскаго, изд. 5-е. (т. 8 и 9). 12°. Спб. 1849. пер. 2. —
447 **Грибоѣдовъ, А. С.** и его сочиненія. Съ портретомъ автора, изображеніемъ памятника надъ его могилою, автографа, герба Грибоѣдовыхъ, сценъ изъ ком. Горе отъ ума: балъ и разъѣздъ. Изд. Е. Серчевскаго. 8°. Спб. 1858. пер. 6. —
448 **Дріянскій, Е. Э.** Записки Мелкотравчатаго. 8°. Спб. 1859. 1. 50
449 **Евгеній, Митрополитъ.** Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. 2 т. 8°. М. 1845. 3. —
450 **Екатерина II, Императрица.** Собраніе ея сочиненій. 3 т. 12°. Спб. 1849—1851. 3. —
451 **Ефименко, П.** Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. 8°. М. 1874. (Печ. 300) 1. —
452* **Зеленецкій, К.** О художественно-національномъ значеніи произведеній Пушкина. 8°. — 75
453 **Зиновьевъ, Н.** Эпическія сказанія Ирана. 8°. Спб. 1855. (2. —) — 75
454 **Караджичъ, С.** Народные сербскіе пословицы и другіе различные обычаи и рѣчи. 8°. Цетиньи. 1836. На сербскомъ языкѣ. 7. —
455 — Сербскіе народные пословицы и другіе различные обычаи и рѣчи. 8°. Бечу. 1849. На сербскомъ языкѣ. 5. —
456 **Карамзинъ, Н. М.** Полное собраніе его сочиненій. 3 т. 12°. Спб. 1848. 4. —
457 **Кашинъ, Д.** Русскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортепіано. Изд. 2-е, съ прибавл. вновь нѣкоторыхъ пѣсенъ. 3 кн. (съ нотами). 4°. М. 1841. *Съ автографомъ И. Снегирева.* 10. —
458 **Княжевичъ, Д.** Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку. Съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ, для удобнѣйшаго ихъ пріисканія. 8°. Спб. 1872. пер. 2. —
459* **Костомаровъ, Н.** О мифическомъ значеніи Горя-Злосчастія. 8°. — 35
460 **Котляревскій, И.** Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная. Съ словаремъ малороссійскихъ словъ съ русскимъ переводомъ. 6 ч. 8°. Харьковъ. 1842. 4. —

461 **Лавровскій, П. А.** Разборъ изслѣдованія А. А. Потебни о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ. 8°. М. 1866. (Печ. 300) 1. 50
462 **Ламанскій, В. И.** Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его 1765—1865 г. Апрѣля 4 дня. 8°. М. 1865. — 60
463* **Лонгиновъ, М. Н.** Новиковъ и Шварцъ. Матеріалы для исторіи рус. литературы въ концѣ XVIII вѣка. Съ замѣчаніями С. Ешевскаго. 8°. — 75
464 — Письма Карамзина къ Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому и письма Грибоѣдова къ Степану Никитичу Бѣгичеву. 8°. М. 1860. — 50
465 **Максимовъ, С.** Ссыльные и тюрьмы. Т. I. Несчастные. 8°. Спб. 1862. (*Напечатано секретно, по распоряженію Правительства*). — 75
466 **Малороссійскія** и Червонно-русскія народныя думы и пѣсни. 8°. Спб. 1836. (1. 50) 1. —
467 **Миллеръ, О.** Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, съ хрестоматіею, расположенною по эпохамъ. Ч. I. в. 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Изд. 2-е, испр. и доп. 8°. Спб. 1865. пер. 4. —
468 — Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. 8°. Спб. 1869. 6. —
469 — Шиллеръ и его время. Пять публичныхъ лекцій. 8°. 1861. 1. —
470 **Minsloff, R.** Die Altdeutschen handschriften der kaiserlichen öffentlichen bibliothek zu St.- Petersburg. Mit 1 Lithochrom. Taf. 8°. S.—Pb. 1853. 1. 50
471 **Михайловъ, М. Л.** Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ. (1768.) 8°. М. 1862. (Печ. 333) — 60
472* **Мордовцевъ, Д.** Новые Русскіе люди. (Матеріалы д. исторіи современнаго русскаго общества). 8°. 2. 50
473 **Мусинъ-Пушкинъ, А. И. Графъ.** Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Съ хронологической таблицей. 4°. М. 1800. пер. 10. —
474 **Некрасовъ, И. С.** Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго домостроя. 8°. М. 1873. (1. 50) 1. —
475 **Никитинъ, И.** Кулакъ. Поэма. 8°. М. 1858. 1. 50
476* **Орбинскій.** Еврипидъ и его значеніе въ исторіи греческой трагедіи. 8°. — 75
477* **Пекарскій, П.** Баронъ Гюйссенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія. 8°. — 40
478* — Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи. 8°. — 40
479* — Поѣздка Графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году. 8°. — 40
480* **Пыпинъ, А.** Вячеславъ Ганка. 8°. — 50
481* — Народныя русскія легенды. 8°. — 35
482 **Снегиревъ, И.** Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговоркахъ. 4 кн. 12°. М. 1831—34. 7. —
483 — Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. 4 вып. 8°. М. 1837—39. пер. 7. —
484 **Соколовъ, А.** Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ сербовъ. 8°. Казань. 1854. бр. — 75
485* **Срезневскій, И. И.** Повѣсть о Цареградѣ. 8°. — 50
486* — Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг. 8°. 1. 25
487* **Уваровъ, С.** Марло, одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. Очеркъ изъ исторіи англійской драмы. 8°. — 75
488 **Фурманъ, П.** Усачъ. Повѣсть. 12°. Спб. 1846. (1. —) — 75
489 **Чудиновъ, А. Н.** Очеркъ исторіи русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публичныя лекціи. Изд. 2-е испр. и дополн. 8°. Спб. 1873. (1. —) — 65
490 **Шевыревъ, С.** Исторія поэзіи. т. I. 8°. М. 1836. 3. —
491 **Ширинскій-Шахматовъ, П. Князь.** Похвальное слово Императору Александру Благословенному. Съ 2 гравюрами въ т. 8°. Спб. 1831. пер. 1. —
492* **Щуровъ, И.** Календарь народныхъ примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси. 8°. — 50

Театральныя пьесы.

493*Аверкіевъ, Д. Мамаево побоище. Лѣтописное сказаніе. (Картины русской жизни XIV вѣка). Въ стихахъ. 8°. — 60

494 Байронъ, Лордъ. Манфредъ. Драматич. поэма въ 3 дѣйствіяхъ. Перев. М. Вронченко. 8°. Спб. 1828. — 50

495*Бахтуринъ, Н. Я. Козьма Рощинъ, Рязанскій разбойникъ. Др. въ 3 д., въ стихахъ. 8°. — 40

496 Бестужевъ-Рюминъ, М. А. Мавра Власьевна Томская и Фролъ Савичъ Калугинъ. Анекдотич. сцена въ стихахъ. 16°. Спб. 1828. 1. —

497 Бицынъ, Н. Смута. (1608—1612 г.) Народная быль въ 5 д. 8°. М. 1867. (1. 50) — 40

498 Вольтеръ. Магометъ. Трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Пер. Н. Остолопова. 8°. Спб. 1828. 1. —

499 Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4 д., въ стихахъ. 8°. М. 1833. (*Первое изданіе*). 3. —

500 — Тоже.— Съ портретомъ автора, гравир. академикомъ Н. Уткинымъ. 12°. Спб. 1854. — 50

501 — Тоже. — Съ портретомъ и факсимиле автора и біографіею его, написанною Ѳ. Булгаринымъ. 12°. Спб. 1854. (1. —) — 50

502 Загоскинъ, М. Н. Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ. Комедія въ 4 д. 8°. М. 1826. 1. —

503 — Деревенскій философъ. Комедія-водевиль въ 1 д. 8°. М. 1823. — 75

504 Минерскій. Мистерія. 8°. Спб. 1895. 1. —

505 Кукольникъ, Н. Генералъ-Поручикъ Паткуль. Трагедія въ 5 актахъ, въ стихахъ. 8°. Спб. 1846. (1. 50) — 50

506 — Морской Праздникъ въ Севастополѣ. Драмат. представленіе въ 5 карт. 12°. Спб. 1854. (1. —) — 40

507 Настоящій ревизоръ. Комедія въ 3 д., служащая продолженіемъ комедіи „Ревизоръ“ соч. Гоголя. 8°. Спб. 1836. 1. 50

508 Озеровъ, В. Димитрій Донской. Трагедія въ 5 д. 8°. Спб. 1827. — 75

509 Полевой, Н. А. Ермакъ Тимоѳеичъ или Волга и Сибирь. Драмат. представленіе въ 5 д. 8°. Спб. 1845. 1. —

510*— Иголкинъ, купецъ Новгородскій. Истор. быль въ 1 д., съ эпилогомъ. 8°. — 50

511 Прокопій Ляпуновъ. Драма въ 5 д. 8°. Спб. 1836. 1. —

512 Розенъ, Баронъ. Князья Курбскіе. Трагедія въ 5 д. 8°. Спб. 1857. (1. 50) — 75

513 — Россія и Баторій. Историч. драма въ 5 д., въ стихахъ. 8°. Спб. 1833. (2. —) 1. 50

514*Самаринъ, Ю. Самозванецъ Луба. Истор. драма въ 4 д., съ прологомъ. 8°. — 75

515 Сандуновъ, С. Н. Митюха Валдайской. Трагедія въ 3 д., въ стихахъ. 8°. М. 1861. (Печ. 99 экз.) — 75

516 Скобелевъ, И. Кремневъ, Русскій солдатъ. Драмат. представл., въ 3 д. 8°. Спб. 1839. — 75

517 Суховъ, А. Князь Шуйскій. Драма въ 5 д., въ стихахъ. 12°. М. 1858. 1. —

518 Сухонинъ, П. Русская свадьба въ исходѣ XVI вѣка. Драмат. представленіе изъ частной жизни нашихъ предковъ. Въ 3 д. 8°. Спб. 1854. пер. 1. —

519*Чаевъ, Н. Князь Александръ Михайловичъ Тверской. 1327—1340 г. 8°. — 50

520 Шаховской, А. А. Князь. Урокъ кокеткамъ или липецкія воды. Ком. въ 5 д. въ стихахъ. 8°. Спб. 1815. 1. —

521 — Ссора или два сосѣда. Ком. въ 1 д. 8°. Спб. 1821. — 40

522 Ярославцевъ, А. Князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій. Трагедія въ 5 д. 8°. Спб. 1858. (1. —) — 75

Искусства.

523*Буслаевъ, Ѳ. Замѣтки изъ Исторіи Чешской живописи. 8°. М. 1864. — 40
524 Гёрцъ, К. О состояніи Живописи въ Сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи. (IX и X стол). По неописаннымъ и неизданнымъ миніатюрамъ въ рукописяхъ, хранящихся въ церковныхъ, публичныхъ и частныхъ библіотекахъ въ Бельгіи и Германіи. Съ 4 лист. рис. 8°. М. 1873. (Печ. 300) 1. 50
525 Григоровичъ, Д. Картины Англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 года въ Лондонѣ. 8°. М. 1863. 1. —
526*Желѣзновъ, М. Значеніе Брюлова въ искусствѣ. 8°. — 40
527 Ивановскій, А. Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная Русская Галлерея. 12°. Спб. 1870. (1. 50) 1. —
528 Картины русской живописи. Изд. подъ ред. Н. В. Кукольника. Съ 12 гравюрами. 8°. Спб. 1843. (5. —) 2. 50
529 Мацкевичъ, Д. Живопись во Франціи. 8°. Спб. 1860. (1. 50) — 65
530 Обзоръ графическихъ искусствъ. Журналъ печатнаго дѣла. Годъ Первый 1878. Съ рис. и прилож. 4°. Спб. 1878. пер. 4. —
531 Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни Императорской Академіи Наукъ, въ которомъ заключается молитва „Отче Нашъ“ на 356 языкахъ и нарѣчіяхъ. Съ Фронтисписомъ типографіи, 2-мя выпуклыми изображеніями медали, выпуклымъ шрифтомъ для слѣпыхъ и образцомъ (полихромія) самотисненія древесныхъ листьевъ. 4°. Спб. 1870. (печ. 100) 25. —
532 Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Съ 6 лист. рис. и плановъ. Соч. М. К. 8°. М. 1849. 3. —
533 Петровъ, П. Н. Каталогъ выставки русскихъ портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ, устроенной Обществомъ поощренія художниковъ. 12°. Спб. 1870. — 75
534 Розбергъ, М. О развитіи изящнаго въ искусствахъ и, особенно, въ Словесности. Изд. 2-е. Дерптъ. 1839. (—80) — 40
535 Скамони, Г. Руководство къ геліографіи съ практическими указаніями относительно гравировальнаго искусства, металлотравленія и золоченія, гальванопластики, фотоскульптуры и т. д. Съ гравюр. 8°. Спб. 1872. (3. —) 2. —
536 — Handbuch der Heliographie nebst praktischem Wegweiser im Gebiete der bezüglichen Gravirkunst, Metall Aetzung und Vergoldung, Galvanoplastik, Photosculptur etc. Mit grav. 8°. S—Pb. 1872. (3.—) 1. 75
537 Сомовъ, А. Каталогъ оригинальныхъ произведеній Русской живописи. 8°. Спб. 1872. (— 80) — 50
538 — Каталогъ произведеній иностранной живописи (оригиналовъ и копій). 8°. Спб. 1874. (—80) — 50
539*Стасовъ, В. О голландской живописи. 8°. — 20
540* — О значеніи Брюлова и Иванова въ Русскомъ Искусствѣ. I. Карлъ Брюловъ. 8°. — 40
541 Тонъ, К. Архитектура церквей. На 19 листахъ, въ листъ. Спб. 18** 4. —
542 Указатель собранію картинъ и рѣдкихъ произведеній художества, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ Петербурга. 8°. Спб. 1861. — 50
543 Шевыревъ, С. Очеркъ исторіи живописи италіянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. Четыре публичныя лекціи, читанныя въ 1851 году. 8°. М. 1852. — 50

Библіографія.

544 Амфилохій, Архимандритъ. Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118-28 г. Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки съ приложеніемъ оттиснутыхъ рѣзныхъ на пальмѣ буквъ и заставицъ и словаря изъ него, сличеннаго съ Евангеліями XI и XII в. и 1270 года. 4°. М. 1877. 2. 50
545 Библіографъ. Критико-библіографическій журналъ. 1869. №№ 1—3. (Болѣе не выходило). 8°. Спб. 1869. 1. —
546 Бодянскій, О. М. Объ одномъ прологѣ библіотеки Московской Духовной типо-

графіи и тождествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Даждьбога. 8°. М. 1876. — 75
547 — По поводу описанія славяно-русскихъ рукописей Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. 8°. М. 1870. — 40
548 — Славяно-Русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго. Съ 2 листами снимковъ. 8°. М. 1848. 1. 50
549 ***Броссе**. О Китайской библіотекѣ Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ. 8°. — 40
550 ***Васильевъ, В.** Записка о Восточныхъ книгахъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. 8°. — 40
551 **Wattenbach**. Anleitung zur griechischen Palaeographie, Mit zwölf schrifttafeln. 4°. Leipzig. 1867. Пер. 1. —
552 **Викторовъ, А. Е.** Каталогъ славяно-русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Московскимъ Публичн. и Румянцовскимъ музеями, въ 1868 г., послѣ Д. В. Пискарева. 8°. М. 1871. — 50
553 **Всеволедовъ, В.** Алфавитный указатель статей, напечатанныхъ въ Трудахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ И. Вольнаго-Экономическаго Общества. 8°. Спб. 1849. — 75
554 ***Геннади, Г.** Списокъ сочиненій Гоголя. 8°. — 30
555 *— Указатель историческихъ статей и матеріаловъ помѣщенныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ 1855 года. 8°. — 75
556 ***Гербель, Н. В.** Списокъ періодическ. изданіямъ русскимъ и иностраннымъ, прекратившимся въ 1858 и 1859 гг. 8°. . . . . . — 20
557 **Головачевъ, А. Ф.** Библіографич. Указатель по естеств. наукамъ въ Россіи съ 1856 по 1869 г. 4°. М. 1870. 1. 50
558 **Греческія книгохранилища** Востока и ихъ рукописи, осмотрѣнныя однимъ англійскимъ путешественникомъ въ 1858 г. 8°. М. 1871. — 75
559 ***Историческое розысканіе** о сожженіи Александрійской библіотеки. 8°. — 30
560 **Іосифъ, Іеромонахъ**. Московская патріаршая или синодальная библіотека. 8°. М. 1869. — 30
561 **Каратаевъ, И.** Библіографическія замѣтки о старо-славянскихъ печатныхъ изданіяхъ 1491—1730. 12°. Спб. 1872. (Печ. 300) 1. —
562 — Осмигласникъ 1491 года, напечатанный въ Краковѣ кирилловскими буквами. Съ приложеніемъ снимка. 8°. Спб. 1876. (Печ. 100) 2. —
563 **Каталогъ** желѣзнодорожной коллекціи библіотеки Института Инженеровъ Путей Сообщенія. 8°. Спб. 1871. — 75
564 **Каталогъ** Пушкинской библіотеки. 8°. Спб. 1880. — 40
565 **Каталогъ** славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ московскому первой гильдіи купцу и общества исторіи и древностей россійскихъ благотворителю Ивану Никитичу Царскому. 8°. М. 1836. 2. —
566 **Книжный Вѣстникъ**. Журналъ русской литературной дѣятельности, книжной торговли, книгопечатанія и т. п., издаваемый подъ редакціею: П. А. Ефремова, А. Я. Ростовцева и Н. Сеньковскаго. 1860—1866. (7 лѣтъ, за все время его существованія). ч. I 4°. ч. II—VI 8°. Спб. 1860—1867. пер. 15. —
567 **Ламанскій, В.** Типографская библіотека въ Москвѣ. 12°. Спб. 1859. — 40
568 **Леонидъ, архимандритъ**. Славяно-сербскія книгохранилища, на Св. Афонской горѣ, въ монастыряхъ Хиландари и Св. Павла. 8°. М. 1875. (Печ. 300) 1. —
569 **Липранди, И. П.** Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 г. объ отечественной войнѣ 1812 г. 8°. М. 1876. (Печ. 300) — 50
570 **Межовъ, В.** Библіографическій указатель русской этнографической литературы (книгъ и статей) за 1860 и 1861 года. 8°. Спб. 1864. 1. 25
571 — Литература русской исторіи за 1859—1864 г. вкл. Т. 1. 8°. Спб. 1866. 3. —
572 — Труды центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Библіографическій указатель книгъ и заключающихся въ нихъ статей, обнимающій дѣятельность статистическихъ комитетовъ съ самаго начала ихъ учрежденій много до 1873 г. 8°. Спб. 1873. 1. —
573 **Міансаровъ**. Bibliographia Caucasica et Transcaucasica. Опытъ справочн. систематич. каталога печатнымъ сочиненіямъ о Кавказѣ, Закавказьи и племенахъ, эти края населяющихъ. Т. 1. Отд. 1 и 2. 8°. Спб. 1874—1876. (10. —) 6. —
574 **Ольхинъ, М. Д.** Систематическій реэстръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846

г. Съ алфавитнымъ указателемъ авторовъ и переводчиковъ и реэстромъ книгамъ по алфавитному порядку. 8°. Спб. 1846. пер. 5. —
575 **Отчетъ** Императорской Публичной Библіотеки за 1851—1852 гг. (2 года). 8°. Спб. 1852—53. 5. —
576 **Полуденскій, М.** Указатель къ „Вѣстнику Европы" 1802—1830. 8°. М. 1861. 1. —
577* **Пыпинъ, А. Н.** Матеріалы для Славянской Палеографіи изъ „Описанія Румянцовскаго Музея". Описаніе рукописей А. Х. Востокова. Съ предисловіемъ И. И. Срезневскаго. 8°. 1. 50
578 **Смирдинъ, А.** Реэстръ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Александра Смирдина, 8°. въ Спб. 1833. 1. —
579 **Собко, Н.** Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцесловы за 100 лѣтъ (1725—1825). 12°. Берлинъ. 1880. — 25
580* **Собольщиковъ, В.** Обзоръ большихъ библіотекъ Европы въ началѣ 1859 г. 8°. 1. —
581 Библіографическій **списокъ** сочиненій и изданій академика И. И. Срезневскаго. 4°. Спб. 1879. — 50
582 **Строевъ, П. и Калайдовичъ, К.** Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ, въ библіотекѣ Графа Ѳедора Андреевича Толстова. Съ 2 прибавленіями 8°. и палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ. 4°. М. 1825—1827. 13. —
583 **Строевъ, П.** Палеографическіе снимки шрифтовъ къ описанію старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ И. Н. Царскаго. 4°. М. 1836. 4. —
584 — Палеографическія таблицы почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ, (числомъ 12), принадлежащія къ обстоятельному описанію славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Графа Федора Андреевича Толстова. 4°. Спб. 1825. 4. —
585 **Строевъ, С.** Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи. Съ 5 снимками изъ рукописей. 8°. М. 1841. 2. 50
586 **Алфавитный указатель** къ „Отечественнымъ Запискамъ" 1854—1858 гг. 8°. Спб. 1860. 1. 25
587 **Указатель** къ повременнымъ изданіямъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" съ 1803 по Іюнь 1864 года. ч. II Неоффиціальная. 8°. Спб. 1865. 2. 50
588 **Ундольскій, В.** Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, библіотеки А. И. Кастерина. 16°. М. 1848. 1. 50
589* **Шевыревъ, С.** О Словенскихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки. 8°. — 50

Языкознаніе.

590* **Бодянскій.** О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій. 8°. — 50
591 **Ганкъ, В.** Начала священнаго языка словянъ. Съ 2 табл. 12°. Прага. 1846. 1. —
592 **Зеленецкій, К.** О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. 4°. Одесса. 1846. 1. 50
593 **Крижаничъ.** Грамматично изказаніе объ русскомъ языку. 8°. М. 1859. 1. 50
594* **Лавровскій?, М.** Очеркъ умозрительно-сравнительной грамматики. 8°. —75
595 **Ломоносовъ, М.** Россійская Грамматика. 12°. Спб. 1755. пер. 2. 50
596 **Новиковъ, Е.** О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. 8°. М. 1849. 2. —
597 **Перевлѣсскій, П.** Памятники Старословенскаго языка. Съ 2 лист. снимковъ. 12°. Спб. 1854. 1. 50
598 **Рейфъ, Ф.** Русско-Французскій словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхожденію или этимологическій лексиконъ Русскаго языка, удостоенный Императорскою Академіею Наукъ полной преміи Демидова. Съ сравненіемъ Славянскихъ корней съ корнями Санскритскими, Зендскими, Греческими, Латинскими, Германскими, Арабскими и Еврейскими и пр. и пр. 2 т. 8°. Спб. 1835—36. (8. 60) пер. 5. —

599*Сухомлиновъ, М. И. О языкознаніи въ древней Россіи. 8°. — 80
600*Хавскій, П. Истинное значеніе ключа границъ. 8°. — 80
601 Шимкевичъ, Ѳ. Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками. 2 ч. 8°. Спб. 1842. пер. 10. —
602 Яновскій, Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. 8°. Спб. 1803—1806. (29. —) пер. 3. —

Дополненіе.

605 Гагемейстеръ, Ю. Розысканія о финансахъ древней Россіи. Съ таблицами. 8°. Спб. 1833. 3. —
606 Глотовъ, А. Изъясненіе принадлежностей къ вооруженію корабля. Съ 16 листами рис. и чертежей и 7 политип. въ т. 4°. Спб. 1816. пер. 5. —
608 Журьенъ-де-ла-Гравьеръ. Морскія войны временъ французской республики и имперіи. 1793—1805. Съ 9 лист. плановъ. 2 ч. 8°. Спб. 1851. пер. 3. —
609 *Зейдлицъ, Н. Очеркъ Южно-Каспійскихъ портовъ и торговли. 8°. — 40
611 Кавказскій Календарь за 1852, 1853, 1854, 1856, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1869 г. =13 лѣтъ. Съ портретами, картинами, виньетками и картами. 8°. Тифлисъ. пер. 15. —
616 Небольсинъ, Г. Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. 2 ч. 8°. Спб. 1850. 3. —
617 Виды внѣшней торговли Россіи по Европейской и Азіятской границамъ за 1866, 1867, 1868 и 1869 г., и Обзоръ внѣшней торговли Россіи по Европейской и Азіятской границамъ за 1871, 1872, 1873, 1874, 1876 и 1877г.= 10 лѣтъ. Съ раскрашен. картами и графическими таблицами. 4°. Спб. (53.—) 20. —
618 О дуэляхъ. Соч. Г. З. 12°. Спб. 1837. — 50
619 Окуневъ, Н. Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 г. Изд. 2-е. 8°. Спб. 1841. пер. 1. —
621 Очеркъ преобразованій въ артиллеріи въ періодъ управленія генералъ-адъютанта Баранцова 1863—1877. Съ 2 изображеніями медали. 8°. Спб. 1877. Роскошное изд. *Въ продажу не поступало.* 5. —
623 Потанинъ, Г. Н. О караванной торговлѣ съ Джунгарской Бухаріей въ XVIII столѣтіи. 8°. М. 1868. 1. —
625*Радловъ, В. Торговыя сношенія Россіи съ Западной Монголіей и ихъ будущность. 8°. — 50
627 Сидоровъ, М. Сѣверъ Россіи. О горныхъ его богатствахъ и препятствіяхъ къ ихъ разработкѣ. 2 ч. 8°. Спб. 1870—1881. *Ч. II въ продажу не поступала.* 5.—
628 Сперанскій, М. М. Графъ. О монетномъ обращеніи. 8°. М. 1873. — 50
629 Челѣевъ, Ѳ. Полное и подробное наставленіе о составленіи увеселительныхъ огней, фейерверками именуемыхъ, съ присовокупленіемъ приуготовленія военныхъ огнестрѣльныхъ и зажигательныхъ вещей въ пользу артиллерійстовъ и любителей сего упражненія. 5 ч. Съ 238 фигурами. 4°. Спб. 1824. пер. 6. —
603 Бантышъ-Каменскій, Н. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, съ показаніемъ начала и важнѣйшихъ, въ продолженіе оной чрезъ два вѣка, приключеній, паче-же о бывшемъ отъ римлянъ и уніатовъ на благочестивыхъ тамошнихъ жителей гоненіи. 8°. М. 1805. пер. 2. 50
604 Веневитиновъ, Д. В. Сочиненія его. 2 ч. 8°. М. 1829—31 (4.—) пер. — 50
607 Досуги Марса. Литературные труды офицеровъ. (Альманахъ). Съ виньеткою и 2 видами гор. Стараго Оскола. 16°. Спб. 1834. (1. 50) пер. — 40
610 Ивановъ, П. Историческія свѣдѣнія о большомъ колоколѣ, лежащемъ въ Московскомъ Кремлѣ, близъ Ивановской колокольни. 8°. М. 1835. — 75
612 Калачовъ, Н. Артели въ древней и нынѣшней Россіи. 8°. Спб. 1864. 1. 50
613*Костомаровъ, Н. Куликовская битва. 8°. — 40
614 На Новый годъ. Альманахъ въ подарокъ читателямъ Москвитянина. 12°. М. 1850. (1. 50) пер. — 40
615 Наши, списанные съ натуры русскими. Иллюстрированное роскошное изданіе

съ фигурами и виньетками, рѣзанными на деревѣ бар. Клодтомъ, Неденгорстомъ и Дерикеромъ по рис. Тимма, Щодровскаго и Шевченко. 14 вып. 4°. Спб. 1841. (6. —) 2. —
620 **О торговыхъ** сношеніяхъ Сибири морскимъ путемъ, съ иностранными портами. Съ 2 планами. 8°. Спб. 1879. *Въ продажу не поступало.* 1. 50
622***Пекарскій, П.** Петербургская старина. 8°. 4. —
624 **Путиловъ, Н.** Сборникъ извѣстій относящихся до настоящей (Крымской) войны. Съ портретами, картинами, картами и планами. (Серія II). № 13—24. 8°. Спб. 1855—56. (7. 50) 5. —
Серія II имѣетъ самостоятельныя статьи отъ первой.
626 **Сердце** человѣческое есть или храмъ Божій или жилище сатаны. Съ 10 картинами. 12°. М. 1852. 2. 50
630 **Шаховской, А. А. Князь.** Козакъ-стихотворецъ, анекдотическая опера—водевиль въ 1 д. Изд. 2-е. 16°. Спб. 1817. 1. —
631 **Кулишъ, П.** Досвітки. Думи и поэми. 16°. Спб. 1862. пер. 1. 50
632 **Cooper, F.** History of the navy of the United States of America. From the author's manuscripts, and other authentic sources. 3 vol. 8°. New-York. 1856. (9. 50) пер. 3. —
635 **Бантышъ-Каменскій, Д.** Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Съ 19 портрет., 5 рис., 26 раскрашен. изображеніями одеждъ, планомъ, снимками подписей и картою. 3 т. 8° М. Т. I. 1830, т. II и III. 1842. пер. 20. —
636 **Берхъ, В.** Жизнеописаніе адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева. 8° Спб. 1831. пер. — 75
637 **Бопланъ.** Описаніе Украйны. Перев. съ франц. Съ 6 лист. рис. 8° Спб. 1832. пер. 3. —
638 **Вроцкій, Н. А.** Іезуиты въ Литвѣ. Истор. драма въ 5 д. съ прологомъ, въ стихахъ. 8° — 50
639 — Крещеніе Литвы. Истор. драма въ 5 д. 8° — 50
640 **Межовъ, В. И.** Повременныя изданія въ Россіи въ 1860—61 г. Матеріалы для исторіи рус. журналистики. 8° СПБ. 1861. 2. 50
641 **Ростопчина, Графиня.** Полное собраніе стихотвореній ея. 4 т. 8° Лейпцигъ. 1857—60. пер. 15. —
642 **Сахаровъ, И.** Путешествія русскихъ людей по Святой Землѣ. 2 ч. Съ 2 снимками съ рукописей. 8° Сбп. 1839. пер. 4. —
643 **Юрьевъ, Д.** Топографическое описаніе Сѣвернаго Урала, изслѣдованнаго уральскою экспедиціею въ 1847 — 48 г. Съ картою и планомъ. 4° Спб. 1852. 1. 50

Примѣчаніе. * звѣздочкою обозначены статьи изъ журналовъ.

Журналы. (Полные года).

644 **Библіотека для чтенія** за 1836, 1839 и 1841 гг. 8°. Спб. пер. 10. —
645 **Вѣстникъ Европы** за 1866 и 1867 г. по 4 кн. 8°. Спб. 10. —
646 — — за 1871 и 1874 г. по 12 кн. 8°. Спб. 10. —
647 **Репертуаръ** русскаго театра, издаваемый И. Песоцкимъ за 1839, 1840 и 1841 г. пер. 15. —
648 **Русскій Вѣстникъ** за 1863 г. 8°. М.
649 **Филологическія Записки** за 1877 г. 8°. Воронежъ. (6. —) 2. 75

Дозволено цензурою Спб. 27 Августа. 1882 г.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12

[*См. на оборотъ*].

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" изд. 1880 г.

Изданіе второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ" 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**;—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**;—императора **Петра II**;—**А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго**,—**И. С. Тургенева**;—**И. А. Гончарова**;—гр. **Л. Н. Толстаго**;—**А. Н. Островскаго**;—**Д. В. Григоровича**;—**А. В. Дружинина**;—поэта Тараса **Шевченко**;—графа **П. Д. Киселева**,—фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго**;—**С. Р. Лепарскаго** и **А. Н. Сѣрова**.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1880-го года, [одиннадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ).—Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.—Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника**;—Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **Я. А. Петровой**, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго**.—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова**.—Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**.—Рѣчь **Императора Александра II** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ" 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ");—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова);—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины".

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"
изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора **Іоанна Антоновича**; митрополита Ростовскаго **Арсенія Мацѣевича** (въ темницѣ); **Иннокентія**—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; **Иринея Нестеровича**—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); **Н. В. Гоголя**—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; **Н. А. Некрасова**; статсъ-секретаря **С. М. Жуковскаго** (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича **Бодянскаго**; персидскаго принца **Хосров-Мирзы**.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ **Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.**

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины", за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. **Б. И. Куракина**;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. **П. И. Панина**, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія **А. И. Веригина, И. Л. Варунъ-Секрета, Л. И. Рикордъ, М. С. Валевскаго** и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога **И. А. Голышева** (1838—1878 гг.);—Очерки и разсказы **Э. И. Стогова**.—Дневникъ **А. И. Храповицкаго**—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки **П. А. Каратыгина**: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг. — Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена **фонъ-Энзе** (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ **Я. И. Ростовцевымъ** — воспоминанія **А. Д. Галахова** (1850—1858 гг.);—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Воспоминанія **М. И. Венюкова** о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.— Записки **Н. В. Берга**.—Историческія изслѣдованія: **Д. Д. Иловайскаго**;—**В. И. Семевскаго**;—**Н. Мизко**;—**г. Тальберга**;—**г. Лисенко**;— **г. Подвысоцкаго**;—проф. **В. С. Иконникова**: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ **Іоаннъ Антоновичъ**—по вновь открытымъ матеріаламъ;—**Н. М. Востокова**: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. **Иннокентія** къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. **Н. С. Голицынъ**: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. **Н. А. Поповъ**: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ **М. Я. Ольшевскаго**;—**А. С. Пушкинъ**—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка **М. Ю. Лермонтова** въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа **Иринея** въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и разсказы изъ его жизни.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ собранія **Богуславскаго** и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, разсказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,—8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины".

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: **Александръ I**; пасторъ **Зейдеръ**; казненные въ 1739 г. князья **Долгорукіе**—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. **Новицкій**. Хромолитографированный (отпечатанный красками) портретъ **Н. В. Гоголя** (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. **Крылова**.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ **В. Н. Зиновьева**.—Записки акад. **Тьебо**.—Записки пастора **Зейдера**: его страданія, казнь и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Θеодоровны — Записки **кн. З. А. Волконской** и **Н. Чернышевой**.—**Кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій**—очеркъ его государственной дѣятельности. Записки артистки **Л. П. Никулиной-Косицкой**.—Записки доктора **Генрици**: война 1853—1855 гг.—Записки **А. Е. Попова**—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія **Т. П. Паосенъ**. — **Шамиль въ Калугѣ**. — Записки пристава.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность **И. К. Айвазовскаго** (автобіографія).—Записки солдата-монаха **Назарова**, 1792—1839 гг.—Записки протоіерея **І. Виноградова**, 1800—1836 гг.—Дневникъ **пастора Губера**: холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата **Бутkевича**: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки **И. С. Жиркевича**: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и разсказы **Э. И. Стогова**: ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальные романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника **Варнгагена фонъ-Энзе**, 1845—1849 гг.—**Иннокентій**, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—**К. В. Чевкинъ** и управленіе имъ путями сообщеній.—Братья **Грузиновы**: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—**Венеціановъ**—первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Разсказы лейбъ-казака **И. И. Шамшева**.—„Вѣчный Жидъ“—поэма въ стихахъ **В. К. Кюхельбекера** (декабриста).—Родословная царствующаго дома **Романовыхъ**.—Баязедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—разсказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—„Митюха Валдайскій“, зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. **Филарета**, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1877 г.

съ портретами: кн. **Е. Дашкова**, графъ **А. Мамоновъ**, кн. **Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій**, московскій митрополитъ **Филаретъ**, **М. Ѳ. Орловъ**, княгиня **Жаннета Ловичъ**—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ **Шамиль**, **Н. Н. Муравьевъ** (Карскій), **К. В. Чевкинъ**, **И. А. Яковлевъ**.—Рисунки: галера императрицы **Екатерины II** и памятникъ **Архипу Осипову**. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: **Турецкая неволя**—историческій очеркъ.—**Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II.**—**Сельскій священникъ**—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—**Россія сто лѣтъ назадъ**—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика **Тьебо** о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.—Герцогиня **Кингстонъ** въ Россіи.—Бракоразводное дѣло **Евдокіи Ганнибалъ.**—**Екатерина II и Густавъ III.**—**Невѣсты** цесаревича **Павла Петровича.**—**Русское войско** въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ **Константинъ Павловичъ**—историко-біографическій очеркъ.—**Отечественная война 1812 года**—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—**Посольство Ермолова** въ Персію въ 1817 году.—Записки **Шуазель-Гуфье**—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—**Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи**—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки **П. А. Каратыгина.**—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ.**—Дневникъ барона **А. П. Николаи**: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—**Кн. Меншиковъ** въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта **А. А. Панаева.**—Воспоминаніе о **Т. Н. Грановскомъ**—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—**Россія и Турція** въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—**Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ**, біографическій очеркъ и переписка.—**Воспоминанія о Восточной войнѣ** 1853—1855 гг., доктора **А. Генрици.**—**Шамиль и его семья въ Калугѣ**, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго.—**К. В. Чевкинъ**: первыя главы его біографіи и проч.—Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія „Русской Старины“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. **Н. П. Барсова**, **Ад. П. Берже**, **М. И. Богдановича**, проф. **М. И. Горчакова**, акад. **Я. К. Грота**, **И. Е. Забѣлина**, профес. **В. С. Иконникова**, **Д. И. Иловайскаго**, **Е. П. Карновича**, **Н. И. Костомарова**, **П. А. Кулиша**, **П. С. Лебедева**, **И. И. Ореуса**, **А. Н. Попова**, **Д. Д. Рябинина**, **В. И. Семевскаго**, проф. **В. И. Сергѣевича**, акад. **С. М. Соловьева**, **В. В. Стасова**, **А. Н. Сѣрова**, **И. И. Шамшева**, **Н. К. Шильдера** и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава шестая [1]).

Губернскіе дворянскіе комитеты по устройству быта крестьянъ.

III.

Запрещеніе обсуждать вопросы по крестьянскому дѣлу въ дворянскихъ собраніяхъ и превращеніе засѣданій комитетовъ во время дворянскихъ выборовъ.—Исполненіе обязанностей предсѣдателя въ комитетахъ въ случаѣ отсутствія губернскаго предводителя или выбора новаго.—О способѣ подачи голосовъ и счетѣ большинства голосовъ.—Напоминовеніе о срокѣ окончанія комитетскихъ занятій.—О недопущеніи публичности засѣданій.—Запрещеніе печатать и литографировать постановленія комитетовъ и помѣщать отчеты о засѣданіяхъ въ газетахъ.—Разрѣшеніе печатать постановленія.—Опредѣленіе круга занятій комитетовъ.—Кассированіе постановленій комитетовъ, несогласныхъ съ коренными основаніями.—Заслуга выраженія: «улучшеніе быта крестьянъ».—Изданіе „сборника правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу“.—Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Увольненіе изъ двухъ комитетовъ по одному, а изъ трехъ по два члена сдѣлало возможнымъ дальнѣйшее продолженіе и окончаніе занятій упомянутыхъ комитетовъ; распоряженіе это не могло имѣть вліянія на предупрежденіе безпорядковъ въ другихъ губерніяхъ. Но изъ случая въ Тульской губерніи правительство усмотрѣло, что между дворянами существовала мысль не ограни-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февр., стр. 319—362; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; т. XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., т. XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426; т. XXXVI, октябрь, стр. 131—154.

чивать своего участія въ крестьянскомъ дѣлѣ предѣлами, указанными правительствомъ; въ упомянутомъ случаѣ обнаружилось стремленіе дворянъ присвоить право дворянскимъ собраніямъ обсуждать проекты положеній, которые будутъ составлены комитетами. Это доказательство контроля надъ дѣйствіями комитетовъ выразилось въ одной изъ другихъ губерній (названія губерніи нѣтъ въ составленномъ по сему предмету циркулярѣ) въ иномъ видѣ, именно: заявлено было требованіе, чтобы члены комитетовъ, при обсужденіи мѣръ, относившихся къ устройству крестьянскаго быта, держались мнѣній, выраженныхъ избравшими ихъ дворянами на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Правительство, допустивъ составленіе первыхъ предположеній по устройству крестьянскаго быта комитетами, составленными почти исключительно изъ членовъ, избранныхъ дворянами-помѣщиками, далѣе этого не могло идти. Оно не могло стѣснить себя такимъ широкимъ участіемъ въ крестьянскомъ дѣлѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, котораго домогались дворяне, безъ опасенія ущерба для другой стороны,—крестьянъ, которые не были и не могли быть призваны къ участію въ дѣлѣ.

Въ виду этихъ соображеній всякое поползновеніе дворянъ-помѣщиковъ къ контролированію дѣйствій губернскихъ комитетовъ было устранено. На основаніи высочайше утвержденнаго положенія главнаго комитета 17-го января 1859 года [1]), было объявлено „по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ зимой этого года созывались очередныя губернскія собранія, что дворянство въ собраніяхъ, имѣющихъ быть для выборовъ, не должно входить въ какія либо сужденія по предметамъ, до крестьянскаго дѣла не касающимся". Это высочайшее повелѣніе было сообщено въ губерніи: Виленскую, Витебскую, Воронежскую, Курскую, Могилевскую и Псковскую—и было исполнено безпрекословно; никакихъ протестовъ, волненій и безпорядковъ не было. Кромѣ поименованныхъ губерній, въ послѣдніе мѣсяцы предъидущаго года, слѣдовательно прежде приведеннаго распоряженія

---

[1]) Въ этомъ случаѣ я привелъ число, мѣсяцъ и годъ послѣдовавшаго распоряженія, потому что его нѣтъ въ Сбор. Прав. Расп. по крест. дѣлу. Излагая остальныя постановленія и распоряженія, въ большей части случаевъ, я не привожу чиселъ и мѣсяцевъ, чтобы не пестрить записокъ ссылками, но все, что приведено безъ ссылокъ, находится въ «Сборникѣ». Я. С.

правительства, производились дворянскіе выборы въ Смоленской и въ одной изъ югозападныхъ губерній, и также прошли спокойно.

Циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ было объяснено значеніе въ крестьянскомъ дѣлѣ дворянскихъ уѣздныхъ совѣщаній. Въ циркулярѣ этомъ было сказано, что „согласно программѣ“, „мнѣнія уѣздныхъ собраній, изложенныя въ особомъ сводѣ, прилагаются къ проекту положенія“. „Но мнѣнія сіи не могутъ и не должны быть обязательны для членовъ губернскихъ комитетовъ. При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ въономъ, члены естественно могутъ получить на предметъ устройства крестьянъ новое воззрѣніе; иначе, стѣсняясь мнѣніями, выраженными на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, они будутъ лишены возможности давать отзывы, согласно своимъ убѣжденіямъ“.

Кромѣ того, для устраненія повода къ возбужденію страстей, нѣсколько прежде двухъ предъидущихъ распоряженій (въ первыхъ числахъ декабря 1858 г.), состоялось распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи засѣданій комитетовъ во время дворянскихъ выборовъ, со дня открытія по день закрытія дворянскихъ собраній. Это распоряженіе своевременно было сообщено, кромѣ выше упомянутыхъ—въ губерніи Тульскую и Смоленскую.

Приведенныя мной мѣры, принятыя правительствомъ, касались болѣе крупныхъ затрудненій, которыя противная освобожденію крестьянъ многочисленная партія хотѣла возбудить въ самыхъ, образованныхъ для этого дѣла, губернскихъ комитетахъ. Другія затрудненія, менѣе крупныя и отчасти своевременно устраненныя на мѣстѣ, были видны изъ свѣдѣній, изложенныхъ выше о ходѣ занятій въ нѣсколькихъ комитетахъ. Но кромѣ того, въ разныхъ комитетахъ и въ разное время обнаруживались то тѣ, то другія попытки къ затрудненію правильнаго хода дѣла. Мѣры правительства къ устраненію этихъ препятствій, а равно и тѣхъ, о которыхъ уже было упомянуто, но которыя не были устранены на мѣстѣ,—составятъ предметъ послѣдующаго, по возможности систематическаго, изложенія.

Кромѣ случая, возникшаго по поводу оставленія засѣданія Нижегородскаго комитета губернскимъ предводителемъ дворянства, вопросъ о предсѣдательствѣ повторился въ другомъ комитетѣ. Поводомъ къ этому послужилъ частный случай въ Тульской губерніи и во

время тѣхъ же дворянскихъ выборовъ, о которыхъ было сказано выше. Дворянство, признавая губернскаго предводителя дворянства не достаточно стойкимъ въ защитѣ дворянскихъ правъ, избрало на его мѣсто одного изъ тѣхъ фанатиковъ крѣпостнаго права, котораго имя въ исторіи освобожденія крестьянъ станетъ въ первомъ ряду защитниковъ стараго порядка вещей,—члена комитета отъ Чернскаго уѣзда В. П. М*.—М*. успѣлъ уже заявить себя крайними мнѣніями въ засѣданіяхъ комитета. Правительство не могло признать право председательства за вновь избраннымъ предводителемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что всѣ предводители въ губерніяхъ, въ которыхъ предстояли выборы, не были бы свободны въ своихъ дѣйствіяхъ; во-вторыхъ, потому, что предводители, избранные въ виду ихъ крайнихъ мнѣній, были бы весьма неудобными предсѣдателями. По первому вопросу было испрошено постановленіе [1]) предоставить членамъ каждаго комитета выбрать изъ среды своей, одинъ разъ на все время комитетскихъ занятій, то лицо, которое во время отсутствія или болѣзни губернскаго предводителя должно занимать мѣсто предсѣдателя. Второй вопросъ по представленію министерства былъ разрѣшенъ [2]) тѣмъ „что если во время занятій комитета будетъ избранъ и утвержденъ правительствомъ новый предводитель, то предсѣдательствуетъ въ комитетѣ: или прежній предводитель, или то лицо, которое заступаетъ мѣсто предсѣдателя по избранію членовъ комитета. Такимъ образомъ Тульское дворянство не достигало цѣли замѣнить слабаго, по его мнѣнію, предсѣдателя, болѣе энергическимъ; въ другихъ губерніяхъ не повторялось этого случая, между прочимъ вѣроятно потому, что попытка по Тульской губерніи была своевременно устранена, а сдѣланное распоряженіе было сообщено во всѣ губерніи, гдѣ производились выборы, въ формѣ общаго правила.

Изъ частнаго случая въ симбирскомъ комитетѣ было видно, что предсѣдатель комитета не давалъ никакого хода отдѣльнымъ мнѣніямъ, съ которыми не было согласно большинство. Это было замѣчено и въ другихъ комитетахъ. По этому поводу министръ

---

[1]) 21 іюля 1858 г.

[2]) 17 января 1859 г., и рѣшеніе сообщено, 2) и 21 января, въ губерніи, которыхъ это касалось. Я. С.

внутреннихъ дѣлъ, циркулярно по земскому отдѣлу, предложилъ губернаторамъ охранять права какъ меньшинства, такъ и отдѣльныхъ членовъ. „До свѣдѣнія моего дошло",—писалъ министръ губернаторамъ,—„что предсѣдатели нѣкоторыхъ дворянскихъ комитетовъ мнѣнія меньшинства членовъ, непринятыя большинствомъ, оставляютъ безъ всякаго движенія, чѣмъ не рѣдко возбуждаютъ справедливыя неудовольствія и жалобы. Между тѣмъ по существующимъ узаконеніямъ, во всѣхъ государственныхъ и губернскихъ установленіяхъ, имѣющихъ коллегіальный составъ, въ случаѣ разногласія, каждый, даже отдѣльный членъ, а тѣмъ болѣе нѣсколько, имѣютъ право требовать внесенія своего мнѣнія въ журналъ"....

Далѣе слѣдуютъ ссылки и выписки изъ законовъ. Циркуляръ заканчивался слѣдующимъ образомъ: „Посему, примѣняясь къ общему духу нашихъ законовъ о порядкѣ производства дѣлъ въ коллегіальныхъ установленіяхъ дворянскихъ комитетовъ, слѣдуетъ принять за правило, чтобы особыя мнѣнія, по желанію членовъ, каждый разъ записывались въ комитетскіе журналы или присоединены были въ видѣ особыхъ приложеній при представленіи журналовъ начальникамъ губерній".

Безостановочный ходъ дѣла встрѣчалъ препятствія: то въ той, то въ другой формѣ, то въ томъ, то въ другомъ комитетѣ, то одновременно, то въ разное время. Въ однѣхъ губерніяхъ: или самовольно выбирали предсѣдателя, или забаллотировывали губернскаго предводителя, не угодившаго дворянству; въ другихъ требовали выхода изъ комитетовъ членовъ, несогласныхъ съ большинствомъ во взглядѣ на крестьянское дѣло; въ третьихъ дѣлали выговоры членамъ за ихъ понятіе о дѣлѣ и отнимали право заявленія отдѣльныхъ мнѣній; въ четвертыхъ требовали, чтобы члены при подачѣ голосовъ держались постановленій, состоявшихся въ уѣздныхъ собраніяхъ во время предварительныхъ совѣщаній. Противъ всѣхъ этихъ попытокъ избавиться отъ либеральныхъ членовъ комитетовъ и стѣснить свободу выраженія мнѣній, по почину министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство приняло надлежащія мѣры. Но возникновенія затрудненій къ успѣшному ходу комитетскихъ работъ не исчерпывались.

Въ нѣсколькихъ губерніяхъ возбуждены были вопросы о способѣ подачи голосовъ, и о томъ: какое большинство слѣдуетъ

считать рѣшительнымъ при обсужденіи подлежащихъ разсмотрѣнію комитетскихъ вопросовъ.

Въ Костромскомъ, Тульскомъ и еще въ двухъ или трехъ комитетахъ нѣкоторые члены, ссылаясь на правила дворянскихъ собраній, требовали, чтобы каждый вопросъ, подлежащій обсужденію комитетовъ, рѣшался закрытой баллотировкой шарами.

По докладу земскаго отдѣла, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ начальниковъ губерній, въ которыхъ заявлено было подобное требованіе, „что способъ выраженія мнѣній посредствомъ баллотированія признается удобнымъ только въ многочисленныхъ собраніяхъ; вообще же нельзя не отдать предпочтенія: или объявленію мнѣній посредствомъ записокъ, что употребляется при избраніи лицъ, или гласной подачѣ голосовъ“. По Костромской губерніи министру оставалось только утвердить мнѣніе большинства комитета, которое высказалось противъ требованія баллотированія каждаго вопроса. Но въ одномъ изъ комитетовъ, въ какомъ—теперь [1]) не помню, состоялось постановленіе большинства въ противоположномъ смыслѣ. Этотъ послѣдній случай доходилъ до Главнаго Комитета, по которому состоялось высочайшее повелѣніе: „способъ закрытой баллотировки отвергнуть, какъ несогласной съ существующими узаконеніями о подачѣ голосовъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ и съ разъясненіями по сему предмету, сдѣланными министромъ внутреннихъ дѣлъ“.

О большинствѣ голосовъ, министръ,—по земскому отдѣлу, циркулярно, писалъ губернаторамъ: „Изъ представленныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ вѣдомостей о ходѣ занятій, я неоднократно усматривалъ, что комитеты входятъ въ обсужденія: какое большинство голосовъ должно считать рѣшительнымъ при разсмотрѣніи подлежащихъ комитету вопросовъ. Для производства дѣлъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ существуетъ (ссылка на законъ) общее правило, что дѣло, въ случаѣ разногласія, рѣшается большинствомъ голосовъ; когда же число оныхъ раздѣляется поровну, то голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ“. Въ заключеніе министръ прибавилъ, что онъ „не находитъ основанія дѣлать изъятія изъ этого правила для губернскихъ комитетовъ“.

---

[1]) Писано въ 1876 году. Ред.

Подобное разрѣшеніе недоразумѣній по обоимъ случаямъ было законно и полезно для успѣха комитетскихъ занятій. Оно устранило напрасную трату времени на споры о внѣшнемъ порядкѣ засѣданій. Кромѣ того оно было полезно и по существу дѣла. Въ то время много было людей, которые явно выдавали себя за эмансипаторовъ, а втайнѣ старались вредить задуманному преобразованію; такіе люди не рѣшились бы, гласно, заявить одобреніе предложенію, какъ тогда выражались „плантаторскаго характера", между тѣмъ очень охотно, при закрытой баллотировкѣ, положили бы неодобрительный шаръ. Точно также требованіе не абсолютнаго, а большинства: или двухъ третей голосовъ, или представителей извѣстнаго числа уѣздовъ, шло отъ ретроградной партіи, и конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣе либеральнымъ членамъ удавалось склонить на свою сторону абсолютное большинство по тому или другому вопросу.

Есть дѣла, которыя не только отъ медленнаго производства, но даже отъ совершенной остановки на нѣкоторое время выигрываютъ, дождавшись чрезъ это болѣе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ. Крестьянская реформа не принадлежала къ числу такихъ дѣлъ; для нея необходимы были энергія въ распоряженіяхъ и быстрота въ производствѣ. Безъ этого она могла погибнуть; враги преобразованія очень хорошо это понимали; поэтому необходимо было отнять у нихъ всѣ средства тянуть дѣло. Я былъ того убѣжденія, и потому не только давалъ немедленный ходъ всѣмъ возникшимъ въ губернскихъ комитетахъ вопросамъ, но сверхъ того, внимательно слѣдилъ, по отчетнымъ вѣдомостямъ, за ходомъ комитетскихъ работъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда, который вполнѣ одобрялъ С. С. Ланской, было замѣчено начальникамъ двухъ губерній, (какихъ, свѣдѣній у меня не сохранилось) что, не смотря на истеченіе болѣе половины назначеннаго для комитетскихъ занятій 6-ти мѣсячнаго срока, комитеты этихъ губерній, „не только еще не приступили къ составленію проектовъ положеній, но еще не собрали предварительныхъ свѣдѣній по всѣмъ мнѣніямъ". При этомъ случаѣ указаны губернаторамъ тѣ обязанности, которыя возложены были на нихъ высочайшими рескриптами. По одному изъ тѣхъ пяти комитетовъ, въ которыхъ произошли безпорядки, дѣлавшіе невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе работъ, безъ принятія особыхъ мѣръ, въ составленномъ

высочайшемъ повелѣніи, между прочимъ, было сказано, что „государь императоръ соизволилъ повелѣть внушить губернскому комитету, чтобы онъ обратилъ особое вниманіе на исполненіе прямыхъ своихъ обязанностей, не вдаваясь въ мелочныя и крайне неумѣстныя пренія“. Министръ увѣдомилъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи (начальника губерніи): „для соображенія и, въ случаѣ надобности, для сообщенія комитету“. Начальнику другой губерніи, изъ донесенія котораго былъ усмотрѣнъ медленный ходъ комитетскихъ занятій, „вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ членовъ затрудняютъ работы безпрестанными и многочисленными письменными мнѣніями, требуя разбора ихъ“ [1]).

Къ разряду распоряженій, относящихся до доставленія внѣшняго порядка въ работахъ комитетовъ, принадлежали мѣры противъ публичности засѣданій комитетовъ и гласности ихъ трудовъ. При особенной щекотливости дворянскаго сословія въ крестьянскомъ дѣлѣ, при общемъ раздраженіи умовъ, при борьбѣ двухъ партій, иногда весьма ожесточенной, при существованіи еще крѣпостнаго сословія, объ уничтоженіи котораго шла только рѣчь, едва ли помогла бы дѣлу публичность засѣданій; проба, сдѣланная въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, оказалась неудобной. Министерство внутреннихъ дѣлъ принуждено было напомнить, что дополнительными къ рескриптамъ отношеніями министра дозволено комитетамъ приглашать, съ разрѣшенія начальниковъ губерній, въ свои засѣданія, для необходимыхъ совѣщаній, тѣхъ только помѣщиковъ губерніи, кои могутъ доставить комитетамъ полезныя для него свѣдѣнія и объясненія“.

Если при публичныхъ засѣданіяхъ комитетовъ могли возникнуть со стороны публики попытки къ одобренію или неодобренію того или другаго взгляда на крестьянское дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ произойти безпорядки и скандалы, то нѣкоторая гласность о трудахъ комитетовъ посредствомъ печати могла возбудить соревнованіе между губерніями и устраненіе особенно крайнихъ мнѣній не въ пользу крестьянъ. Не такъ думалъ Главный

---

[1]) Здѣсь въ копіи, съ которой мы печатаемъ эту главу, что то не дописано, подлинника же мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукой. Ред.

Комитетъ [1]); вслѣдствіе его постановленія, министръ внутреннихъ дѣлъ, по поводу возбужденныхъ вопросовъ, циркулярно сообщилъ губернаторамъ, что „ни постановленія комитетовъ, ни извлеченія изъ нихъ не только не могутъ и не должны быть помѣщаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ, или въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, но, согласно постановленію главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, не должны быть ни печатаемы, ни литографируемы, даже для самихъ губернскихъ комитетовъ.“ Циркуляръ этотъ состоялся 21 января 1859 г. и возбудилъ представленія изъ губерній о тѣхъ неудобствахъ, которые возникли отъ такой мѣры. Какъ вслѣдствіе представленій изъ губерній, такъ и по необходимости имѣть достаточное число экземпляровъ для открывавшихся редакціонныхъ коммисій, безусловное запрещеніе относительно печатанія комитетскихъ постановленій было замѣнено разрѣшеніемъ, послѣдовавшимъ 3-го марта 1859 г., печатать или литографировать постановленія комитетовъ и составленные ими проекты положеній со всѣми приложеніями, но единственно только для употребленія членовъ комитетовъ и для представленія извѣстнаго числа экземпляровъ въ министерство.

Кромѣ организацій комитетовъ, установленія внѣшняго порядка засѣданій и огражденія ихъ отъ случайныхъ затрудненій, въ тѣхъ же видахъ наиболѣе успѣшнаго хода работъ, требовалось точнѣе опредѣлить кругъ комитетскихъ занятій: указать комитетамъ чего они не должны были и что̀ обязаны были дѣлать.

---

[1]) Разъ навсегда напомнимъ, что упоминаемый въ Запискахъ Я. А. Соловьева „Главный Комитетъ“ не должно смѣшивать съ его преемникомъ, учрежденнымъ 19 февраля 1861 г. Первый назывался „Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу“, второй —„Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія“. Первый существовалъ съ января 1858 по 19-е февраля 1861 г., возникши изъ „Секретнаго Комитета“ (3 янв. 1857 г. по янв. 1858 г.), онъ въ началѣ своей дѣятельности, именно въ 1858 г., до вступленія въ его составъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича и до упроченія въ немъ его вліянія, а также до перемѣны въ направленіи Я. И. Ростовцева, дѣйствовалъ вяло, нерѣшительно, тормозя въ извѣстной степени осуществленіе великой идеи Государя;—другой же комитетъ, т. е. Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, съ великаго дня его учрежденія (19 февр. 1861 г.) руководимый Августѣйшимъ его Предсѣдателемъ, братомъ Царя-Освободителя, былъ энергическимъ выразителемъ воли и мысли Александра II, направленной къ упроченію и огражденію правъ много мильоннаго сельскаго населенія, освобожденнаго изъ вѣковаго рабства. Ред.

Еще до изданія программы, комитеты поставлены были въ извѣстность, что „правительство приступило къ соображенію объ устройствѣ мѣстнаго управленія и полиціи въ уѣздахъ, а также о составѣ и порядкѣ дѣйствій“ будущихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Посему въ циркулярѣ, составленномъ въ главномъ комитетѣ, было сказано, что комитеты изъ дворянъ помѣщиковъ могутъ не входить въ сужденіе о сихъ предметахъ. Этимъ же циркуляромъ было сообщено, что вопросы о спеціальномъ размежеваніи и регулированіи помѣщичьихъ земель будутъ подвергнуты тщательному, въ свое время, обсужденію, а „нынѣ могли бы только замедлить ходъ главнаго дѣла“. Предположенія объ устройствѣ быта заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ возложено было на министра финансовъ; поэтому губернаторы циркулярно были увѣдомлены, что устройство этого рода крѣпостныхъ людей не относится до предметовъ занятій губернскихъ комитетовъ. Впослѣдствіи изъ этого правила сдѣлано было исключеніе: графу Строгонову и другимъ уральскимъ заводовладѣльцамъ разрѣшено было составить особый проектъ, который они обязаны были сообщить Пермскому губернскому комитету, а сей послѣдній представить съ своими заключеніями правительству.

Что касается до точнаго опредѣленія: чѣмъ комитеты должны были заниматься, то для этой цѣли была составлена программа. Но тѣмъ не менѣе потребовалось особое распоряженіе по сему предмету: частію потому, что нѣкоторые комитеты приступили къ своимъ занятіямъ до изданія программы, частію потому, что сама программа потребовала нѣкоторыхъ дополненій. Прежде всего необходимо было пополнить пробѣлъ, сдѣланный въ дополнительномъ отношеніи къ петербургскому рескрипту,—о дворовыхъ людяхъ, о чемъ было уже упомянуто въ одной изъ предыдущихъ главъ. Затѣмъ было пояснено, что обнародованныя начала устройства крестьянскаго быта относятся: 1) къ маіоратнымъ или заповѣднымъ имѣніямъ и 2) къ имѣніямъ, принадлежащимъ разнымъ учрежденіямъ и не переданнымъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, а управляемымъ на помѣщичьемъ правѣ. Наконецъ повелѣно обратить особенное вниманіе комитетовъ на положеніе тѣхъ мелкопомѣстныхъ имѣній, въ которыхъ существованіе крестьянъ не обезпечивается ни количествомъ земли, ни промышленными выгодами. Комитетамъ вмѣ-

нялось въ обязанность представить особыя по этому предмету соображенія, съ приложеніемъ численныхъ данныхъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, принимая всѣ мѣры къ устраненію препятствій для успѣшнаго хода работъ въ комитетахъ, и напоминая имъ при всякомъ случаѣ, что правительство особенно заботится объ окончаніи комитетскихъ занятій въ назначенный рескриптами срокъ, не вмѣшивалось въ подробности комитетскихъ постановленій по существу дѣла. Оно слѣдило только за тѣмъ, чтобы комитеты не допускали отступленій отъ коренныхъ началъ устройства крестьянскаго быта, установленныхъ правительствомъ. Въ этомъ отношеніи министерство по первому представившемуся случаю подкрѣпило себя испрошеніемъ высочайшаго повелѣнія, и затѣмъ уже, при повторившихся случаяхъ въ другихъ комитетахъ, кассировало постановленія комитетовъ собственной властію, ссылаясь на послѣдовавшія высочайшія повелѣнія, которыя затѣмъ, для руководства, сообщались во всѣ комитеты. Попытки комитетовъ къ нарушенію установленныхъ началъ особенно касались двухъ предметовъ: выкупа личности и усадебной осѣдлости.

Кромѣ нижегородскаго комитета, который первый возбудилъ вопросъ о выкупѣ личности, вопросъ этотъ возбуждался еще въ нѣсколькихъ комитетахъ. По каждому частному случаю, министръ писалъ губернатору: „изъ представленной вашимъ превосходительствомъ отчетной вѣдомости о занятіяхъ комитета по устройству быта крестьянъ оказывается, что комитетъ опредѣлилъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о личномъ выкупѣ. Посему считаю долгомъ просить васъ обратить вниманіе комитета, что нѣкоторые члены одного губернскаго комитета (Нижегородскаго) подали особое мнѣніе о выкупѣ личности крѣпостныхъ людей; но Его Императорское Величество соизволилъ повелѣть: „это мнѣніе отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта крестьянъ“.

Приведенное разъясненіе дано было въ ноябрѣ и декабрѣ 1858 г. Въ это же время обнаружилась въ одномъ изъ комитетовъ [1]) попытка большинства членовъ: „къ выкупу усадебной

[1]) Какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущихъ случаяхъ, у меня не сохранились свѣдѣнія—въ какихъ именно комитетахъ. Я. С.

осѣдлости присоединить выкупъ крѣпостнаго права". Объявлено было, съ утвержденія главнаго комитета и государя, что такое рѣшеніе, устанавливавшее личный выкупъ, не можетъ быть допущено, какъ отвергнутое въ другихъ комитетахъ.

Опредѣленіе выраженія „усадебная осѣдлость", сдѣланное въ дополнительномъ къ петербургскому рескрипту отношеніи, было подтверждено самимъ государемъ, въ рѣчи, сказанной имъ членамъ московскаго комитета. По поводу одного постановленія Тверскаго комитета, о которомъ подробно будетъ сказано нѣсколько ниже, сдѣлано то же самое опредѣленіе усадебной осѣдлости въ высочайше утвержденномъ постановленіи главнаго комитета. Эти два объясненія послужили министерству основаніемъ къ устраненію всѣхъ произвольныхъ толкованій выраженія: „усадебная осѣдлость". Объ этомъ дѣлѣ сообщено всѣмъ комитетамъ. Было отвергнуто также постановленіе Пензенскаго комитета объ оставленіи въ собственности помѣщиковъ улицъ, находившихся среди крестьянскихъ усадьбъ. Комитету этому было сообщено, что „по смыслу нашихъ законовъ, всѣ пути сообщенія, а слѣдовательно и улицы, составляютъ общее достояніе. Посему улицы не могутъ составить отдѣльной отъ усадьбъ собственности помѣщика".

Ретроградная партія (какъ извѣстно) настояла, чтобы выраженія „освобожденіе крестьянъ", „уничтоженіе крѣпостной зависимости", употребленныя въ дополнительномъ къ виленскому рескрипту отношеніи, были замѣнены въ послѣдующихъ правительственныхъ актахъ другими выраженіями и между прочимъ: „улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ". Вопреки своей цѣли, партія, не желавшая освобожденія, оказала этимъ большую услугу крестьянскому дѣлу. По почину Я. И. Ростовцова, возвратившагося изъ заграницы и начавшаго съ того времени столь полезное содѣйствіе разрѣшенію крестьянскаго вопроса, выраженіе: „улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ" подало правительству поводъ потребовать отъ дворянскихъ комитетовъ, чтобы они „при представленіи составленныхъ ими проектовъ положенія, непремѣнно объяснили со всей возможною подробностію: въ чемъ именно будетъ состоять предположенное ими улучшеніе настоящаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ отношеніи какъ личныхъ правъ, такъ и хозяйственнаго ихъ быта". Это требованіе

правительства было сообщено въ губерніи циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 ноября 1858 года.

Здѣсь кстати упомянуть, что министерство внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу сообщало какъ свои собственныя распоряженія, такъ и состоявшіяся по крестьянскому дѣлу высочайшія повелѣнія: или циркулярами всѣмъ губернаторамъ, если публикуемая мѣра касалась всѣхъ губерній, или предложеніемъ начальнику той губерніи, къ которой относилось министерское распоряженіе или высочайшее повелѣніе.

Эти отдѣльныя распоряженія, если совершенно подобные случаи повторялись въ другихъ губерніяхъ, сообщались для руководства и начальникамъ сихъ послѣднихъ губерній. Для удобства справокъ, а также для того, чтобы разрѣшенія и распоряженія, послѣдовавшія (по) отдѣльнымъ губерніямъ, дѣлались извѣстными всѣмъ комитетамъ „для соображенія и руководства“ въ подобныхъ же случаяхъ, земскій отдѣлъ началъ издавать: „Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ“, до сихъ поръ выходящій особыми выпусками. Первый выпускъ былъ разосланъ при циркулярѣ министра отъ 29 сентября 1858 года, и заключалъ въ себѣ всѣ распоряженія съ начала дѣла до 1 сентября 1858 года. Затѣмъ выпуски выходили каждую треть года, такъ что второй выпускъ содержалъ въ себѣ распоряженія до 1 января послѣдующаго года, третій—съ 1 января по 1 мая 1859 года и т. д. Впослѣдствіи, по обнародованіи положеній о крестьянахъ, „сборникъ“ началъ выходить выпусками по полугодіямъ, и кромѣ оффиціальной разсылки поступилъ въ частную продажу. Это было, если я не ошибаюсь, первое подобное изданіе; были сборники циркуляровъ за продолжительный періодъ времени, а сборниковъ по текущимъ, такъ сказать, распоряженіямъ, я не видѣлъ, и потому не могъ заимствовать этой мысли у другихъ. Теперь много подобныхъ изданій; система распредѣленія предметовъ и вообще внѣшняя форма сборниковъ та же самая, которая употреблялась и употребляется до сихъ поръ земскимъ отдѣломъ.

Еще до открытія редакціонныхъ коммисій были по земскому отдѣлу потребованы свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя, по „программѣ занятій“, комитеты обязаны были собрать и составить изъ нихъ своды. Въ земскомъ отдѣлѣ была составлена

форма для доставленія данныхъ, которыя онъ признавалъ необходимыми для дальнѣйшаго хода крестьянскаго дѣла. Свѣдѣнія эти начали поступать съ значительными отступленіями отъ данной формы; кромѣ того онѣ вообще оказались неполными, неясными и во многомъ совершенно невѣрными.

Въ числѣ другихъ ошибочныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній, между прочимъ во многихъ вѣдомостяхъ были показаны крестьянскіе надѣлы земли ниже дѣйствительно существующихъ; напротивъ, продажныя и наемныя цѣны на угодья чрезмѣрно высокія. Министерство возвратило всѣ невѣрныя вѣдомости къ губернаторамъ, и просило объ исправленіи ихъ, а если исправленіе невозможно, то о сообщеніи заключенія относительно помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній. Независимо отъ этихъ сводныхъ вѣдомостей—истребованы были для редакціонныхъ коммисій подлинныя свѣдѣнія, собранныя комитетомъ. Но вслѣдствіе значительнаго несовершенства и этихъ послѣднихъ свѣдѣній, которыя представлялись помѣщиками въ виду предстоящаго надѣленія крестьянъ землею, я вспомнилъ, что въ комитетахъ земскихъ повинностей имѣются возможно вѣрныя свѣдѣнія объ общемъ количествѣ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потому были вытребованы эти свѣдѣнія, которыя особенно были полезны мнѣ при составленіи доклада въ редакціонныхъ коммиссіяхъ о надѣлахъ крестьянъ землею.

IV.

Распоряженія по западнымъ губерніямъ.—Назначеніе членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ виленскую и кіевскую общія коммисіи.—Инструкція означеннымъ членамъ.—Ходъ комитетскихъ занятій въ западныхъ губерніяхъ.— Отсутствіе большинства и меньшинства, а также личныхъ пререканій между членами.—Усадебная осѣдлость, договорныя соглашенія и вѣчный чиншъ.

Кромѣ этихъ общихъ распоряженій, надо было сдѣлать особое распоряженіе по западнымъ губерніямъ. На основаніи рескриптовъ, данныхъ генералъ-губернаторамъ этихъ губерній, тамъ, по окончаніи занятій губернскихъ комитетовъ, должны были образоваться общія коммисіи: виленская—для трехъ сѣверо-западныхъ, и кіевская—для трехъ юго-западныхъ губерній. Въ эти коммисіи должно было назначить по одному члену отъ министерства вну-

тренних дѣлъ, которые замѣнили въ этихъ коммисіяхъ членовъ отъ правительства, находившихся въ составѣ губернскихъ комитетовъ. По моему представленію были назначены членами отъ министерства дѣлопроизводители земскаго отдѣла: въ виленскую— Н. Н. Колошинъ (впослѣдствіи мой помощникъ по должности управляющаго земскимъ отдѣломъ, а нынѣ (въ 1876 г.) членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ), а въ кіевскую—П. А. Шульцъ (нынѣ членъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ [1]). Имъ дана была короткая инструкція; я изложу сущность ея содержанія, чтобы еще болѣе разъяснить взглядъ министерства внутреннихъ дѣлъ на обязанности правительственныхъ членовъ въ учрежденіяхъ по устройству крестьянскаго быта. Въ означенной инструкціи, между прочимъ, было сказано:

1) „вы примете въ соображеніе, что главнѣйшая цѣль занятій коммисій.... есть, вмѣстѣ съ прекращеніемъ крѣпостнаго права, улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ"....

2) исполняя обязанности члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вы должны заслужить довѣріе членовъ коммисіи, съ тѣмъ, чтобы нравственнымъ вліяніемъ и миролюбивымъ образомъ содѣйствовать къ составленію положенія въ видахъ правительства:

3)„ если будетъ предложено мнѣніе, не согласное съ высочайше утвержденными началами и указанной цѣлію, то вы имѣете объяснить объ этомъ прочимъ членамъ. Если же, не смотря на сіе, подобное мнѣніе будетъ одобрено большинствомъ и внесено въ журналъ, то вы представите свои замѣчанія для присоединенія къ журналу и, доведя объ этомъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, вы будете просить его наставленій"... и

4) ....„въ случаѣ особенной важности вы будете доносить мнѣ" (т. е. министру внутреннихъ дѣлъ).

Все, что мной сказано о дѣятельности дворянскихъ комитетовъ, относилось до комитетовъ коренныхъ русскихъ губерній. Комитетскія занятія въ западныхъ губерніяхъ происходили въ полной тишинѣ и спокойствіи; тамъ не было ни пререканій, ни борьбы большинства съ меньшинствомъ, которыхъ тамъ и не существовало. Изъ этого однако не слѣдовало, что тамъ дѣло шло

[1]) Съ 25-го мая 1882 г. сенаторъ, членъ особаго въ Сенатѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Ред.

хорошо, напротивъ, кромѣ одного комитета, тамъ крестьянскій вопросъ предполагалось разрѣшить крайне неблагопріятно, съ явными отступленіями отъ началъ, установленныхъ правительствомъ. Я приведу извлеченія и выписки изъ писемъ ко мнѣ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ виленской и кіевской общихъ коммисіяхъ. Одинъ изъ нихъ характеризовалъ дѣятельность губернскихъ комитетовъ сѣверо-западнаго края тѣмъ, что они „болѣе или менѣе занимались не разрѣшеніемъ основныхъ вопросовъ, а увертками". Этимъ же характеромъ отличалась дѣятельность виленской общей коммисіи. Въ западныхъ губерніяхъ особенное противодѣйствіе встрѣтили, какъ и слѣдовало ожидать, усадебная осѣдлость, надѣлъ крестьянъ землей и повинности. Предметы противодѣйствія тѣ же, какъ и въ остальныхъ губерніяхъ, но форма другая. Личныхъ пререканій, доходившихъ до правительства, вовсе не было. О выкупѣ личности ни въ губернскихъ комитетахъ, ни въ виленской общей коммисіи не было и помину; но спорили о срокѣ переходнаго времени: большинство членовъ было за продолжительный срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ; только три: Колошинъ, Порошинъ, (бывшій въ мое время профессоръ политической экономіи въ Петербургскомъ университетѣ,—нынѣ умершій, единственный русскій членъ изъ мѣстныхъ дворянъ), и Оржеско, гродненскій предводитель, полагали срокъ переходнаго времени на 3 года. Но этотъ послѣдній держался мнѣнія договорныхъ соглашеній, слѣдовательно безземельнаго освобожденія, и сталъ во главѣ защитниковъ этого мнѣнія, проводя его съ умомъ и послѣдовательностію. Одинъ только Колошинъ въ виленской общей коммисіи стоялъ безусловно за вѣчный чиншъ; Порошинъ допускалъ договоры для опустѣвшихъ крестьянскихъ участковъ. Съ началомъ усадебной осѣдлости, какъ ея понимало правительство, западные комитеты никакъ не могли помириться, и потому ковенскій комитетъ, какъ уже замѣчено было выше, ходатайствовалъ о выкупѣ не одной усадебной земли, но вообще всѣхъ угодій. Ему было отказано, но его члены въ общей коммисіи, такъ какъ и двухъ другихъ комитетахъ, не возобновляли своего ходатайства и не пытались составить положеніе о выкупѣ, когда это было уже разрѣшено и какъ это сдѣлали многіе изъ чисто русскихъ комитетовъ. Въ этихъ же видахъ противодѣйствія началу выкупа усадьбъ, нѣкоторые члены изъ западныхъ

комитетовъ соглашались на постоянный надѣлъ и вѣчный чиншъ. Въ одномъ изъ писемъ Колошинъ писалъ ко мнѣ, что „каждый изъ членовъ сѣверо-западныхъ комитетовъ разсматривалъ крестьянскій вопросъ съ помѣщичьей точки зрѣнія".

Изъ юго-западныхъ комитетовъ кіевскій отличался либеральнымъ своимъ направленіемъ; онъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ тверскимъ и харьковскимъ, къ числу трехъ комитетовъ, въ которыхъ проекты положенія большинства соотвѣтствовали взгляду правительства на дѣло освобожденія крестьянъ. Два остальные: подольскій и волынскій комитеты, равно какъ комитетъ минской губерніи, не принадлежавшій ни къ одному изъ западныхъ генералъ-губернаторствъ, во всемъ походили на комитеты виленскаго генералъ-губернаторства. Шульцъ сообщалъ мнѣ изъ Кіева: „здѣсь (въ кіевскомъ комитетѣ) глава либеральной партіи—Головинскій, человѣкъ очень умный и дѣльный. У него изъ членовъ комитета было восемь горячихъ сподвижниковъ... Подольскій и волынскій комитеты составлены гораздо хуже, за то и проекты ихъ плохи. Письменнаго проекта я еще не читалъ, но слышалъ, что онъ никуда не годится. Крѣпостное состояніе продолжается на 12 лѣтъ. Повинности увеличиваются, а надѣлъ уменьшается: члены отъ правительства тамъ рѣшительно не удались [1])".

V.

Возрожденіе и развитіе мысли, о выкупѣ крестьянами всей земли. Ходатайство нижегородскаго и ковенскаго комитетовъ.—Проэкты о выкупѣ: Френкеля, Гинсбурга и графа Бобринскаго.—Распространеніе мысли о выкупѣ въ губернскихъ комитетахъ. — Ходатайство Тверскаго комитета.—Извѣстіе о выкупѣ изъ новгородскаго комитета.—Постановленіе о выкупѣ въ комитетахъ: самарскомъ и владимірскомъ.—Заявленія о выкупѣ въ комитетахъ: костромскомъ, ярославскомъ, рязанскомъ, саратовскомъ, пензенскомъ, кіевскомъ и новороссійскаго края. — Ходатайство калужскаго комитета о правительственномъ содѣйствіи выкупу.—Подобное же ходатайство со стороны ставропольскаго комитета.—Рѣшимость правительства въ дѣлѣ выкупа.

Говоря о дѣятельности губернскихъ комитетовъ, я почти не касался заявленій многихъ изъ нихъ о выкупѣ не однѣхъ усадьбъ,

[1]) Причина такой неудачи едва ли не заключалась въ томъ, что волынскимъ губернаторомъ въ то время былъ защитникъ крѣпостнаго права въ предыдущее царствованіе, бывшій смоленскій губернскій предводитель дворянства князь Друцкой-Соколинскій. Я. С.

но вообще всей земли; я дѣлалъ это съ цѣлію, чтобы не разбрасывая отрывочныя свѣдѣнія, изложить въ одномъ мѣстѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, все развитіе важнаго вопроса о выкупѣ. Немедленно по обнародованіи рескриптовъ, пробудилась, уже извѣстная русской образованной публикѣ, мысль о выкупѣ крестьянами всей земли, которая будетъ предоставлена имъ въ надѣлъ.

Мысль эта начала было развиваться и въ литературѣ, и въ коммерческомъ мірѣ, и среди самаго дворянства. Нижегородское дворянство, ходатайствуя объ открытіи губернскаго комитета, первый разъ въ своемъ адресѣ формулировало свое желаніе о выкупѣ. Нижегородское дворянство было первое, которое, безъ побужденія сверху, присоединилось къ правительству въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; первое же оно выразило желаніе о выкупѣ, которое въ скоромъ времени сдѣлалось желаніемъ огромнаго большинства русскихъ дворянъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ съ самаго начала сочувствовало этой мысли; оно было убѣждено, что безземельное освобожденіе не только вредно, но даже совершенно невозможно; а избѣжать безземельнаго освобожденія представлялось одно средство: сдѣлать крестьянъ поземельными собственниками, чего нельзя было допустить никакими другими способами, кромѣ выкупа. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ скорбѣло вмѣстѣ со всѣми истинными защитниками освобожденія, видя противоположное направленіе Главнаго Комитета, который началъ съ отказа нижегородскому дворянству въ выкупѣ, предписалъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи развитія мысли о выкупѣ какъ въ литературѣ, такъ и въ губернскихъ комитетахъ по устройству быта крестьянъ. Послѣ этого не удивительно, что министерство пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы напомнить правительству о выкупѣ, какъ о единственно возможномъ исходѣ крестьянскаго дѣла.

Первый къ тому случай представился при полученіи ходатайства ковенскаго губернскаго комитета, поддержаннаго настоятельнымъ представленіемъ ковенскаго губернатора Хоминскаго и нарочнымъ личнымъ его присутствіемъ для этого предмета въ Петербургѣ. Виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ также поддерживалъ ковенское представленіе. Послѣ неоднократныхъ личныхъ объясненій съ Хоминскимъ, я доложилъ все дѣло

министру, который рѣшился возобновить вопросъ о выкупѣ, зная противное этому вопросу настроеніе умовъ въ главномъ комитетѣ. Послѣдовалъ отказъ. Даже А. И. Левшинъ, который въ это время ѣздилъ въ губерніи, въ отвѣтъ на мое письмо о нашей неудачѣ, выразилъ искреннее сожалѣніе, прибавивъ при этомъ: „Нижегородцы просятъ того же, и, по моему, дѣльно".

Такимъ образомъ видно, что нижегородскій комитетъ не оставлялъ мысли о выкупѣ, не смотря на отказъ, послѣдовавшій по этому предмету въ отвѣтѣ на адресъ нижегородскаго дворянства объ открытіи комитета. Отзывъ Левшина, котораго никакъ нельзя назвать горячимъ эмансипаторомъ, служилъ доказательствомъ какой популярностію вопросъ о выкупѣ въ то время пользовался между помѣщиками, въ особенности благоразумными и добросовѣстными, отголоскомъ которыхъ служилъ А. И. Левшинъ,—человѣкъ, можетъ быть, отчасти зараженный помѣщичьими преданіями, но вполнѣ честный и искренно желающій добра своему отечеству.

Что же касается до ковенскаго ходатайства, то мимоходомъ не могу не сказать, что, судя по послѣдующимъ дѣйствіямъ поляковъ-помѣщиковъ, едва ли это ходатайство было чистосердечно. Если бы оно было таково, то оно могло бы возобновиться въ виленской общей коммисіи, тѣмъ болѣе, что изъ моей переписки съ Колошинымъ видно, что на ходъ дѣлъ виленской коммисіи имѣлъ вліяніе Хоминскій, какъ достаточный виленскій помѣщикъ.

Послѣ ковенскаго представленія о выкупѣ, въ земскій отдѣлъ почти одновременно поступило два частныхъ предположенія по тому же предмету: одно банкировъ: варшавскаго—Френкеля и иностраннаго—Гомберга, другое—флигель-адъютанта графа А. П. Бобринскаго (потомъ на короткое время члена земскаго отдѣла, затѣмъ яростнаго противника совершившагося освобожденія крестьянъ и недавно потерявшаго мѣсто министра путей сообщенія). Послѣдній проектъ въ публикѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ флигель-адъютантскаго. Въ проектѣ двухъ банкировъ была развита полная выкупная операція, съ знаніемъ финансовой стороны дѣла; въ флигель-адъютантскомъ проектѣ предлагалось сдѣлать помѣщичьихъ крестьянъ поземельными собственниками, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за уступленную ими крестьянамъ землю изъ казенныхъ земель и лѣсовъ. Министерство очень хорошо пони-

мало, что ни одинъ изъ этихъ проектовъ не могъ быть принятъ, потому что въ банкирскомъ проектѣ преслѣдовалась мысль о барышахъ, которые могли получить капиталисты отъ подобной операціи; барыши эти увеличили бы ежегодные платежи крестьянъ; притомъ такую операцію, какъ выкупъ, нельзя было предоставлять ни частнымъ лицамъ, ни акціонерному обществу. Флигель-адъютантскій проектъ не могъ быть принятъ, потому что въ немъ на первомъ планѣ стояли выгоды помѣщиковъ, а у крестьянъ, не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ, отбиралась часть земель, которыми они пользовались. Весь проектъ основывался на томъ, что всѣхъ вообще крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ, надѣлить по $2^{1}/_{2}$ десятины на душу, а всѣ свободныя казенныя земли и тѣ, которыя отберутся у государственныхъ крестьянъ, обратить на вознагражденіе помѣщиковъ. Несмотря на очевидные недостатки обоихъ проектовъ, министерство, указавъ на эти недостатки, по возможности въ мягкой формѣ, отозвалось, что оба эти проекта заслуживаютъ полнаго вниманія правительства: первый, какъ доказывающій возможность выкупной операціи съ финансовой точки зрѣнія, а второй, съ необходимыми исправленіями, могъ бы служить вспомогательнымъ средствомъ для выкупной операціи.

Въ моемъ докладѣ, писанномъ вчернѣ моей рукой [1]) министру по проекту графа Бобринскаго, было сказано, что въ основаніе его предположеній положено три вполнѣ справедливыя начала:

„1-е) увольненіе крестьянъ съ землей",

„2-е) вознагражденіе, по возможности полное, помѣщиковъ за землю, которой надѣлены будутъ крестьяне, и

„3-е) необходимость кредитной мѣры, для достиженія этихъ двухъ цѣлей".

„Мысль воспользоваться при этомъ свободными казенными землями также заслуживаетъ особеннаго вниманія; но цифры, которыя приведены въ проектѣ, требуютъ тщательной повѣрки и соображеній, основанныхъ на положительныхъ данныхъ".

---

[1]) Не помню этотъ ли самый докладъ былъ обращенъ во всеподданнѣйшій докладъ министра государю, или, на основаніи, его составленъ былъ другой.
Я. С.

Противъ предположенія объ отобраніи у государственныхъ крестьянъ почти двѣ трети ихъ надѣла [1]), въ докладѣ приведены слѣдующія соображенія: „измѣнить настоящіе законы о надѣлѣ землей государственныхъ крестьянъ до такой степени, до какой предполагаетъ графъ Бобринскій, т. е. оставить у крестьянъ только по 2½ десятины на душу, — совершенно невозможно. Можно положительно сказать, что если бы былъ изданъ такой законъ, то правительство принуждено было бы оставить его безъ исполненія по общему сопротивленію всего народонаселенія казенныхъ селеній. Затѣмъ нечего уже говорить объ обѣдненіи государственныхъ крестьянъ, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи приведенія въ исполненіе подобнаго закона, если бы онъ былъ приведенъ въ дѣйствіе".

О надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ по 2½ десятины на душу, въ докладѣ, между прочимъ, послѣ ряда примѣровъ изъ разныхъ губерній и цифръ, было сказано: „Все это приводитъ къ одному заключенію, что если у помѣщичьихъ крестьянъ оставить настоящій надѣлъ, какъ предполагается по проекту графа Бобринскаго, то надо разсчитывать не по 2½, а по крайней мѣрѣ по 4 десят. на душу...."

„Отбирать же у помѣщичьихъ крестьянъ тѣ земли, которыми они пользуются въ настоящее время, точно также невозможно, какъ и у государственныхъ. Возможно только уменьшеніе чрезмѣрныхъ надѣловъ—порядкомъ, принятымъ у государственныхъ крестьянъ [2])". Здѣсь въ первый разъ оффиціально и письменно было формулировано понятіе о сохраненіи за крестьянами „настоящаго ихъ надѣла" и объ основаніяхъ, которыя должны служить для ихъ исключенія изъ этого общаго правила. Въ заключеніе, я докладывалъ министру, что проектъ графа Бобринскаго получилъ бы еще большее значеніе, если бы онъ принялъ въ соображеніе, что значительная часть крестьянскихъ земель можетъ быть вы-

---

[1]) По сдѣланнымъ въ докладѣ указаніямъ размѣръ надѣла выходилъ среднимъ числомъ въ 6½ дес., а графъ Бобринскій хотѣлъ оставить государственнымъ крестьянамъ только по 2½ дес. на душу.

[2]) У государственныхъ крестьянъ казна оставляла за собой право отбирать излишнее сверхъ 15 десят. въ многоземельныхъ и сверхъ 8 дес. въ малоземельныхъ губерніяхъ. Я. С.

куплена самими крестьянами. Можно безошибочно сказать, что если допустить выкупъ не одними только обществами, но и отдѣльными домохозяевами, то часть эта, безъ особенной финансовой мѣры, въ непродолжительномъ времени, дойдетъ до 1/4 части всѣхъ крестьянскихъ земель.

Если же будетъ принята кредитная мѣра, подобная той, какая предполагается банкирами Френкелемъ и Гомбергомъ, то бо̀льшая часть помѣщиковъ и крестьянъ обратятся къ взаимнымъ соглашеніямъ о выкупѣ съ помощію этой мѣры. Затѣмъ всѣ предположенія графа Бобринскаго могутъ быть примѣнены къ тѣмъ только имѣніямъ, относительно которыхъ не послѣдуетъ этого соглашенія, или крестьяне которыхъ до того бѣдны, что неудобно было бы возложить на нихъ обязательство, которое они не въ состояніи исполнить.

Сколько я помню, на основаніи этихъ соображеній и личнаго моего доклада по проекту Френкеля и Гомберга, составленъ былъ мной общій всеподданнѣйшій докладъ, переданный потомъ въ главный комитетъ. Проектъ графа Бобринскаго былъ важенъ по основной его мысли о пользѣ сдѣлать крестьянъ собственниками: это было противуядіе другому направленію, господствующему въ высшихъ придворныхъ сферахъ нашихъ землевладѣльцевъ, — направленію англійскому или феодальному. Люди этого направленія домогались всю землю оставить у помѣщиковъ, а избранныхъ изъ крестьянскаго сословія сдѣлать арендаторами этихъ земель; вся же остальная масса предназначалась для образованія контингента безземельныхъ и бездомныхъ сельскихъ работниковъ. Проектъ графа Бобринскаго раздѣлилъ придворныя сферы на два лагеря, слѣдовательно сила оппозиціи правительственному направленію уменьшалась. Проектъ этотъ былъ переданъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по высочайшему повелѣнію, что довало министерству не только право, но даже обязанность высказать свое мнѣніе о выкупѣ, о чемъ прежде и думать нельзя было. Главное, что государь до тѣхъ поръ отклонялъ всякій разговоръ о выкупѣ, когда С. С. Ланской, время отъ времени, отваживался заговорить объ этомъ при своихъ докладахъ; а теперь, по его приказанію, министръ внутреннихъ дѣлъ обязывался представить свое мнѣніе. Проектъ графа Бобринскаго, какъ и слѣдовало ожидать, очень не понравился партіи кн. Орлова, что видно изъ

разсказа, ходившаго тогда по городу о разговорѣ графа Бобринскаго съ (М. Н.) Муравьевымъ по поводу флигель-адъютантской записки. Передаю этотъ разговоръ такъ, какъ онъ разсказанъ авторомъ изданныхъ въ Берлинѣ матеріаловъ [1]) по крестьянскому дѣлу.

„Государь, по прочтеніи записки, приказалъ графу Бобринскому переговорить о его предположеніи съ министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ.

Выслушавъ молодаго флигель-адъютанта, Муравьевъ усмѣхнулся и сказалъ: „знаете что графъ, бросьте вы это дѣло, а если вамъ и вашимъ пріятелямъ нужны деньги для эмансипаціи, то мы, пожалуй, найдемъ для васъ милліончикъ". Пораженный такимъ предложеніемъ, графъ Бобринскій разсказалъ объ этомъ при дворѣ. Въ этомъ заключалась новая услуга крестьянскому дѣлу со стороны графа Бобринскаго, какія бы ни были его побужденія. Переданный разговоръ съ Муравьевымъ не могъ не подѣйствовать на уменьшеніе довѣрія государя къ той партіи, которая домогалась захватить крестьянское дѣло въ свои руки, хотя, впрочемъ, лично къ Муравьеву государь, кажется, никогда не питалъ ни довѣрія, ни уваженія.

Между тѣмъ мысль о выкупѣ между дворянами-помѣщиками все болѣе и болѣе зрѣла, и начала проявляться съ большой силой въ комитетахъ, которые были открыты послѣ нижегородскаго и ковенскаго, и потому, частію дѣйствительно не знали, частію не хотѣли знать полученныхъ этими двумя комитетами отказовъ. Успѣшному развитію мысли о выкупѣ всей земли способствовало много самыхъ разнообразныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время. Люди, сочувствующіе крестьянскому дѣлу, желали освобожденія крестьянъ съ землей, и при томъ предоставленной имъ не въ пользованіе, а въ собственность; другаго способа для этого не было, кромѣ выкупа. Люди, хладнокровно относящіеся къ дѣлу, даже не сочувствующіе ему, но не имѣющіе заднихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей обезземеленія крестьянъ, разумѣется, первые замѣтили все неудобство обнародованія правительствомъ начала усадебнаго устройства, и возстали противъ этого начала съ тѣмъ ожесточеніемъ, о которомъ

[1]) Стр. 359—360, т. II.

я неоднократно упоминалъ. Убѣдившись, затѣмъ, что правительство не согласится на безземельное освобожденіе крестьянъ, они также наравнѣ съ защитниками освобожденія стали требовать выкупа. Наконецъ, бо̀льшая часть имѣній была заложена; кромѣ того многіе помѣщики были обременены долгами и вообще нуждались въ деньгахъ, а при такомъ положеніи матеріальное потрясеніе отъ предстоящей реформы могло быть роковымъ для весьма многимъ дворянскихъ семействъ. Единственнымъ лекарствомъ противъ этого былъ выкупъ.

Первый комитетъ, который, не смотря на предъидущее запрещеніе, вновь оффиціально заявилъ желаніе предоставить крестьянамъ на выкупъ не однѣ усадьбы, но и полевыя угодья,— былъ комитетъ Тверской губерніи; изъ этой же губерніи, вмѣстѣ съ Нижегородской и нѣсколькими другими, было заявлено требованіе выкупа, въ отзывахъ на первые рескрипты. Средствомъ для этого Тверской комитетъ избралъ расширеніе понятія „усадебная осѣдлость". Для достиженія своей цѣли большинство комитетовъ положило, что „подъ усадебной осѣдлостью" слѣдуетъ разумѣть не однѣ усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ". Слѣдовательно тверской комитетъ принялъ тотъ же способъ невѣрнаго толкованія выраженія „усадебная осѣдлость", какой былъ употребленъ московскимъ комитетомъ, для его совершенно противуположной цѣли. Министерство внутреннихъ дѣлъ, не смотря на все свое сочувствіе къ выкупу, не могло допустить такого толкованія, во первыхъ потому, что оно было бы черезъ чуръ пристрастно, во вторыхъ потому, что главный комитетъ не допустилъ бы такого толкованія; въ третьихъ, наконецъ, потому, что вслѣдъ затѣмъ, слѣдовало бы опредѣлить какое количество подлежитъ считать „необходимымъ для обезпеченія быта крестьянъ". Этимъ подрывалась мысль министерства, которой оно твердо держалось, предоставить крестьянамъ всю землю, которою они пользовались. Министерство написало тверскому губернатору, что оно не можетъ допустить такого толкованія выраженія: „усадебная осѣдлость". Тверской комитетъ постановилъ: просить министерство внести дѣло въ главный комитетъ. Съ этимъ постановленіемъ пріѣхалъ предсѣдатель комитета, губернскій предводитель

дворянства, Унковскій [1]) и съ нимъ одинъ или два члена комитета. Вся эта депутація, не смотря на то, что пріѣхала жаловаться на министерство, была принята имъ самымъ радушнымъ образомъ и нашла въ немъ горячаго защитника предположенія о выкупѣ. Дѣло состояло не въ сущности, а въ фоммѣ, въ которой мы скоро согласились съ тверскими депутатами. Послѣ сего министерство представило въ главный комитетъ слѣдующее свое соображеніе:

„Означенное толкованіе тверскимъ комитетомъ выраженія „усадебная осѣдлость“ принято имъ только, какъ средство къ осуществленію мысли о предоставленіи крестьянамъ всѣхъ угодій въ собственность. Слѣдовательно въ предстоящемъ вопросѣ надобно различать двѣ стороны: самую цѣль тверскаго комитета.... и путь, который онъ избралъ для достиженія ея“......

„Относительно послѣдняго вопроса надлежитъ замѣтить, что въ настоящее время.... значеніе слова „усадебная осѣдлость“ получило вполнѣ опредѣленный смыслъ, неподлежащій никакимъ произвольнымъ толкованіямъ“....

„Что же касается до цѣли тверскаго комитета замѣнить выкупъ вообще крестьянскихъ угодій, то, хотя въ ней нѣтъ вѣрности буквѣ высочайшаго рескрипта, но есть согласіе съ его духомъ и цѣлію: улучшить бытъ крестьянъ. Подобныя постановленія состоялись не въ одномъ тверскомъ, но и въ другихъ дворянскихъ комитетахъ по устройству быта крестьянъ“.

На основаніи этихъ соображеній министерство полагало: „не стѣснять тверскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность, но обязать означенный комитетъ составить постановленія объ усадьбахъ и полевыхъ угодіяхъ по каждому предмету особо“.

Главный комитетъ утвердилъ внесенное министромъ внутреннихъ дѣлъ заключеніе по тверскому дѣлу, о чемъ и было сообщено этому комитету 5-го ноября 1858 года, который успокоился и помирился вполнѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ми-

[1]) Алексѣй Михайловичъ Унковскій — нынѣ, въ 1882 г., извѣстный и уважаемый присяжный повѣренный С.-Петербургскаго судебнаго округа.
Ред.

нистру было уже въ то время извѣстно, что вопросъ о выкупѣ всѣхъ крестьянскихъ угодій поднятъ не въ одномъ тверскомъ, но и въ другихъ комитетахъ.

Такъ, членъ отъ правительства новгородскаго комитета академикъ Н. И. Желѣзновъ писалъ ко мнѣ: „14-го октября состоялось у насъ постановленіе: комитетъ признаетъ полезнымъ для государства и выгоднымъ для дворянства и крестьянъ предоставленіе послѣднимъ, въ будущемъ, въ собственность за выкупъ не только усадьбъ, но и опредѣленнаго количества пашень и покосовъ,—11 голосовъ за это, 9 противъ.

„Разъяренное меньшинство приписываетъ свое пораженіе недобросовѣстности, особенно моей; говорятъ, что мы не имѣли права разсуждать объ уступкѣ крестьянамъ земель въ собственность, что предметъ не довольно обсужденъ и проч. Но прошу васъ вѣрить, что все было сдѣлано какъ слѣдуетъ и если въ Петербургѣ разнесутся неблагопріятные слухи на нашъ счетъ, то защищайте насъ. Слышно даже о протестѣ въ главный комитетъ. но я думаю, что это только слухи, потому что наши противники острамили бы себя. Впрочемъ, я не совершенно увѣренъ, что на уступку крестьянамъ земли на выкупъ смотрятъ въ Петербургѣ очень благосклонно.... Постараемся управиться своими средствами, но, признаюсь, было бы крайне хорошо, если бы правительство сдѣлало шагъ впередъ — и гарантировало бы губернскіе банки наравнѣ съ предпріятіемъ желѣзныхъ дорогъ. Потрудитесь написать два слова объ уступкѣ крестьянамъ всей земли въ собственность за выкупъ“....

Въ самарскомъ и владимірскомъ комитетахъ также были постановленія о выкупѣ. Въ началѣ 1859 г., изъ владимірскаго комитета Д. П. Гавриловъ прислалъ мнѣ основныя начала проекта о выкупѣ того меньшинства владимірскаго комитета, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Основная мысль этого проекта заключалась въ совершенномъ прекращеніи обязательныхъ отношеній по истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ по утвержденіи положенія; затѣмъ постепенная уплата помѣщикамъ выкупной суммы, въ срокъ отъ 35 до 50 лѣтъ, самимъ правительствомъ, изъ ежегодныхъ крестьянскихъ платежей.

Въ то же время, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1858 года, мысль о выкупѣ заявлялась въ комитетахъ: костромскомъ, яро-

славскомъ, рязанскомъ, саратовскомъ, пензенскомъ, въ одномъ или двухъ комитетахъ новороссійскаго края, а также въ кіевскомъ комитетѣ. Нижегородское дворянство и ковенскій комитетъ предъявили ходатайство о выкупѣ еще прежде. Изъ этого перечня губернскихъ комитетовъ, принадлежавшихъ и къ сѣвернымъ неплодороднымъ и непромышленнымъ губерніямъ, какова новгородская, и къ промышленнымъ, каковы: Владимірская, Ярославская и Костромская, и къ черноземнымъ земледѣльческимъ, каковы: Пензенская, Саратовская и частію Нижегородская, и къ степнымъ, каковы губерніи: Самарская и Новороссійскаго края, и наконецъ, къ западнымъ, каковы: Ковенская и Кіевская,—видно, что мысль о выкупѣ распространилась и пустила корни во всѣхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ противникамъ нельзя было возражать, что выкупъ не можетъ быть общей мѣрой, что это разрѣшеніе крестьянскаго вопроса можетъ быть допущено для той или другой мѣстности. Но министерство, радуясь этому явленію, не позволило себѣ увлечься имъ вполнѣ. Во первыхъ потому, что въ то время (также какъ и теперь относительно коренныхъ русскихъ губерній) нечего было и думать объ общемъ обязательномъ выкупѣ, слѣдовательно должно было быть написано положеніе объ освобожденіи крестьянъ безъ выкупа; во вторыхъ потому, что къ нѣкоторымъ заявленіямъ надо было относиться съ особенной осторожностію, ибо въ то время, по малому развитію финансовыхъ понятій, многіе были убѣждены, даже присяжные наши финансисты и государственные люди, (заявятъ) о невозможности такой громадной финансовой операціи [1]).

Поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторыя ходатайства о выкупѣ дѣлались въ надеждѣ, что правительство откажется отъ начала усадебной осѣдлости. А такъ какъ общее постановленіе о выкупѣ могло быть признано невозможнымъ, то затѣмъ: или остановился бы дальнѣйшій ходъ крестьянскаго вопроса, или совершилось бы безземельное освобожденіе. Даже и

[1]) Изъ всѣхъ людей, занимавшихся оффиціально въ то время кредитной частію, едва-ли не одинъ Н. А. Милютинъ признавалъ возможность выкупа въ видѣ государственной операціи и собиралъ для этого нужныя свѣдѣнія, но онъ въ то время не принималъ никакого участія въ крестьянскомъ дѣлѣ.
Я. С.

теперь (въ 1876 г.) при благопріятномъ ходѣ дѣла, и не смотря на обязательный выкупъ въ западныхъ губерніяхъ, болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ не приступили еще къ выкупу, но ихъ спасаетъ отъ безземеленія „усадебная осѣдлость“, которая была, если не главной, то одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ какъ къ распространенію общей мысли о выкупѣ, такъ и къ успѣшному совершенію выкупныхъ сдѣлокъ въ частныхъ случаяхъ. Поэтому министерство держалось за начало усадебной осѣдлости, какъ за якорь спасенія всего крестьянскаго дѣла. По мѣрѣ возникавшихъ въ разныхъ мѣстахъ вопросовъ о выкупѣ, оно сообщало мѣстнымъ комитетамъ тѣ же соображенія и тѣ же заключенія, которыя оно представляло въ главный комитетъ по тверскому дѣлу, и по утвержденіи имъ этого представленія сообщило его вполнѣ тверскому комитету. Министерство спѣшило сообщеніемъ взгляда правительства на выкупъ во всѣ губернскіе комитеты: сначала оно сообщало объ этомъ въ тѣ только комитеты, въ которыхъ возникали вопросы о выкупѣ, а затѣмъ и во всѣ остальные, такъ что циркуляръ министра обошелъ всѣ комитеты въ теченіи времени отъ 5-го ноября до 29-го декабря 1858 г.

Въ началѣ слѣдующаго 1859 г. калужскій комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ о содѣйствіи выкупу со стороны правительства. Губернаторъ, представляя объ этомъ, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ: „отступленія, допущенныя комитетомъ отъ буквы программы, вполнѣ согласны и съ моими личными убѣжденіями; ибо не сомнѣваюсь, что срочнообязанная система, какъ полу-мѣра, неудобна, затрудняетъ управленіе и даетъ возможность усилить притѣсненія, дѣланныя владѣльцами крестьянамъ, и даже во многихъ отношеніяхъ ухудшить положеніе сихъ послѣднихъ...

....„Вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу обратить благосклонное вниманіе.... на представленіе мое о снабженіи калужскаго комитета указаніями и выработанными уже проектами на счетъ финансовыхъ операцій, для выкупа усадьбъ и полевыхъ угодій въ собственность крестьянъ“.

По представленію министра внутреннихъ дѣлъ, калужскому комитету разрѣшено было (11-го марта 1859 г.), „составить и представить въ Петербургъ, установленнымъ порядкомъ, проектъ особаго положенія о выкупѣ крестьянами полевыхъ земель и угодій, имѣя однако въ виду, что правительство не пришло еще къ окон-

чательному рѣшенію: можетъ-ли оно, и въ какой степени, дать съ своей стороны гарантіи для выкупа". Но тутъ же прибавлено, что „проектъ общаго положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Калужской губерніи долженъ быть составленъ тамошнимъ комитетомъ, на тѣхъ же главныхъ началахъ, которыя указаны прочимъ комитетамъ".

Эта система, которую усвоило себѣ правительство въ разрѣшеніи вопросовъ о выкупѣ, тѣмъ болѣе была удобна, что она не увеличивала, а уменьшала какъ число недовольныхъ, такъ и степень неудовольствія на правительство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Она удовлетворила требованіе защитниковъ выкупа и въ то же время не раздражала противниковъ этого начала, потому что выкупъ допускался только условно. Министерство не замедлило сообщить о разрѣшеніи, послѣдовавшемъ по калужскому комитету, и другимъ комитетамъ, которые не были еще закрыты и въ которыхъ вырабатывались особые проекты о выкупѣ. Оказалось, что вопросомъ о выкупѣ, кромѣ названныхъ по поводу тверского дѣла комитетовъ, занимались въ комитетахъ: вологодскомъ, орловскомъ, смоленскомъ и тульскомъ.

Послѣ калужскаго комитета послѣдовало, 15-го мая 1859 г., высочайшее повелѣніе о выкупѣ по ставропольскому комитету, который предполагалъ: „для исправленія неудобствъ, съ кототорыми сопряженъ для помѣщиковъ выкупъ крестьянами одной усадебной осѣдлости, безъ всякаго вознагражденія за потерю обязательнаго труда, уступить крестьянамъ, вмѣстѣ съ усадьбами, по 10 десятинъ полевой земли на душу, съ тѣмъ, чтобы правительство выдало помѣщикамъ на каждую ревизскую душу по 300 р. с., которые могутъ быть уплочены правительству самими крестьянами въ теченіи 65 лѣтъ, ежегоднымъ платежемъ по 10 р. 50 к. съ души". На это представленіе было сообщено комитету черезъ намѣстника кавказскаго края (князя Барятинскаго), что комитетъ можетъ составить проектъ о выкупѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ составить и проектъ положенія на указанныхъ началахъ; при этомъ постановлено на видъ комитету, что „личность крестьянъ и рабочія ихъ силы" отнюдь не могутъ подлежать выкупу. Относительно правительственной гарантіи сказано было то же, что калужскому комитету; но замѣчается нѣкоторый оттѣнокъ, свидѣтельствующій, что мысль

о правительственномъ выкупѣ съ 11 марта до 15 мая еще нѣсколько подвинулась впередъ въ своемъ развитіи. Въ высочайшемъ повелѣніи къ ставропольскому комитету допускается уже участіе правительства въ выкупѣ, хотя оговорено еще, что „участіе въ семъ дѣлѣ правительства должно ограничиваться единственно посредничествомъ для облегченія крестьянамъ выкупа".

Такое положеніе дѣла о выкупѣ заставило главный комитетъ, по почину возвратившагося изъ заграницы Я. И. Ростовцева, въ высочайше утвержденномъ 26-го октября 1858 года журналѣ, между прочимъ постановить:.... „приступить къ разсмотрѣнію, въ главныхъ началахъ, предположеній, относящихся до способовъ пріобрѣтенія крестьянами земли".

VI.

Окончаніе комитетскихъ занятій и закрытіе комитетовъ.—Высочайшій рескриптъ съ изъявленіемъ высочайшей благодарности предсѣдателямъ и членамъ губернскихъ комитетовъ

Мѣры, принятыя министерствомъ, благопріятное измѣненіе въ направленіи главнаго комитета, послѣдовавшее въ концѣ 1858 г., сила общественнаго мнѣнія и наконецъ, главнѣйше, слова государя, сказанныя имъ лично дворянамъ нѣсколькихъ губерній, были причинами, что всякая мысль не только объ остановленіи, но даже о замедленіи хода крестьянскаго дѣла была оставлена и комитеты начали представлять составленные ими проекты положенія, послѣ чего непосредственно происходило закрытіе комитетовъ. Первый комитетъ, окончившій свои занятія, былъ нижегородскій, представившій свои труды 25-го октября 1858 года; второй—петербургскій, 3-го ноября; въ теченіи ноября и декабря были закрыты четыре западные комитета: гродненскій, ковенскій, виленскій и подольскій. Затѣмъ всѣ остальные окончили свои работы въ теченіи 1859 года, и притомъ бо́льшая часть въ первой половинѣ этого года, кромѣ ставропольскаго комитета, который былъ послѣднимъ и былъ закрытъ въ январѣ 1860 года.

Представленіемъ проектовъ положеній оканчивался, согласно, „программѣ", первый періодъ занятій комитетовъ; затѣмъ, по утвержденіи положеній, долженъ былъ начаться второй періодъ коми-

тетскихъ занятій для приведенія этихъ положеній въ исполненіе. Время сдѣлало свое: правительство уразумѣло всю несообразность порученія дворянскимъ комитетамъ приведенія въ исполненіе крестьянскихъ положеній и притомъ порядкомъ, указаннымъ въ „программѣ“: впрочемъ не одно правительство, но и общественное мнѣніе, кажется, совершенно забыло, что по программѣ долженъ былъ наступить второй періодъ занятій комитетовъ. По крайней мѣрѣ, это лишеніе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ дальнѣйшей ихъ дѣятельности совершилось безъ всякой тѣни борьбы, оставивъ по себѣ слѣдъ въ нѣсколькихъ только предписаніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ. Такъ, въ декабрѣ 1858 г., онъ писалъ виленскому генералъ-губернатору, что начальникъ виленской губерніи донесъ ему о представленіи комитетомъ проекта положенія, что въ донесеніи этомъ не находится извѣщенія о закрытіи комитета, и что посему онъ проситъ сдѣлать распряженіе по сему предмету. По одной губерніи возникъ вопросъ: должны-ли быть члены комитета, изъ служащихъ дворянъ-помѣщиковъ, увольняемы окончательно отъ обязанностей членовъ по составленіи проекта положеній. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ губернаторовъ, что служащіе члены комитетовъ должны возвратиться къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Въ концѣ циркуляра было прибавлено: „что же касается до призванія членовъ комитета вновь для занятій во второй періодъ, то по сему предмету, въ свое время, послѣдуетъ особое распоряженіе“. Вслѣдъ засимъ земскій отдѣлъ замѣтилъ, изъ донесеній нѣкоторыхъ губернаторовъ, что они, не смотря на закрытіе дворянскихъ комитетовъ, продолжаютъ дѣлать особыя распоряженія объ увольненіи нѣкоторыхъ членовъ, по ходатайству сихъ послѣднихъ. По докладѣ о семъ министру, было циркулярно сообщено, что „по закрытіи комитетовъ не настоитъ надобности дѣлать какія либо особыя распоряженія объ увольненіи членовъ какъ состоящихъ въ государственной службѣ, такъ и несостоящихъ“.

Это послѣднее предписаніе было дано въ концѣ іюня 1859 года и затѣмъ уже нигдѣ и никѣмъ не упоминалось ни о второмъ, ни о третьемъ періодѣ дѣятельности комитетовъ. Такимъ образомъ Позенская „программа“, появившаяся на свѣтъ съ такимъ громомъ и шумомъ, скромно и тихо всѣми оставленная и забытая, перешла въ вѣчность.

Въ день утвержденія государемъ положенія о крестьянахъ былъ подписанъ также высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о невозобновленіи дѣйствій губернскихъ комитетовъ, который оканчивался слѣдующими словами: „утвердивъ въ сей день (19 февраля 1861 г.) положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, я принялъ во вниманіе, что, въ замѣнъ губернскихъ комитетовъ, утверждены губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и я, съ особеннымъ удовольствіемъ, поручаю вамъ объявить мою искреннюю благодарность предсѣдателямъ и всѣмъ членамъ дворянскихъ комитетовъ и коммиссій за усердное ихъ содѣйствіе къ успѣшному окончанію столь важнаго для государства подвига. Да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ мнѣ сподвижниковъ".

Я. А. Соловьевъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

1855—1857.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1854 года, когда бо́льшая часть нашихъ военныхъ силъ, на Кавказѣ расположенныхъ, была сосредоточена на турецкой границѣ, и оставленныя для охраны Закавказской территоріи, отъ нашествій горцевъ, части войскъ были значительно уменьшены, Шамиль, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, поручилъ сыну своему, Кази-Магома, совершить набѣгъ на Кахетію, послѣдствіемъ котораго было разореніе расположенной на правомъ берегу рѣки Алазани, богатой деревни Цинондалы, и плѣненіе всего семейства главнаго владѣльца оной князя Давида Александровича Чавчавадзе; семейство это, состоявшее изъ супруги князя, княгини Анны Ильинишны, ея сестры, княгини Варвары Ильинишны Орбельяни, внучки послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XIII, а также пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей княгини Чавчавадзе и малолѣтняго сына княгини Орбельяни, было увлечено хищниками въ горы и до марта 1855 года томилось въ заключеніи, въ домѣ Шамиля, въ мѣстечкѣ Ведено. Надежда на богатый выкупъ и на возвращеніе изъ Россіи старшаго его сына, Джемалъ-Эддина, взятаго ребенкомъ въ плѣнъ при штурмѣ Ахульго въ 1839 г., имѣли послѣдствіемъ, что Шамиль обращался съ плѣнницами и ихъ дѣтьми весьма гуманно, и дозволилъ установленіе довольно частыхъ сношеній для переговоровъ объ условіяхъ для ихъ освобожденія. Переговоры эти производились командовавшимъ въ то время на Кумыкской плоскости командиромъ егерскаго кабардинскаго полка, барономъ Леонтіемъ Павловичемъ Николаи, при посредствѣ довѣреннаго его служителя Николая Амтелова, неоднократно отправлявшагося въ Ведено. Покойный Императоръ Николай I, принявшій самое теплое, милостивое участіе въ судьбѣ пораженнаго столь тяжкими несчастіями семей-

ства, независимо денежной суммы, отпущенной на выкупъ плѣнницъ, дозволилъ сыну Шамиля, Джемалъ-Эддину, по изъявленіи имъ самимъ на то согласія, возвратиться къ отцу своему, въ горы. По случаю нѣсколько замедлившихся окончательныхъ переговоровъ, Джемалъ-Эддинъ, въ ожиданіи обмѣна своего на плѣнницъ, пробылъ около трехъ недѣль, въ Хасавъ-Юртѣ, въ домѣ барона Николаи, въ каковое время установились весьма дружескія отношенія между хозяиномъ и гостемъ. Въ день окончательнаго освобожденія плѣнныхъ семействъ, совершившагося на рѣкѣ Мичикѣ, въ присутствіи, съ одной стороны—Шамиля, окруженнаго значительнымъ сборищемъ, а съ другой—командира кабардинскаго полка, во главѣ особо собраннаго для того отряда, баронъ Николаи, отпуская молодаго Джемалъ-Эддина, дозволилъ нѣкоторымъ изъ болѣе съ нимъ подружившихся офицеровъ кабардинскаго полка сопровождать его до ставки Шамиля, и присутствовать при первомъ свиданіи отца съ сыномъ. Такой знакъ вниманія къ его сыну, и довѣрія, оказаннаго ему самому, произвели на дикаго, но не чуждаго возвышенныхъ чувствъ горца, сильное впечатлѣніе; онъ оказалъ особенное вниманіе сопровождавшимъ его сына офицерамъ, поручивъ имъ благодарить ихъ начальника за его къ нему довѣріе и за ласки, оказанныя его сыну.

Этотъ случайный эпизодъ послужилъ къ установленію дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ сношеній между Шамилемъ и нашими военными властями, на Кумыкской плоскости; сношенія эти въ особенности поддерживались перепискою между Джемалъ-Эддиномъ и барономъ Николаи, продолжавшейся до отъѣзда послѣдняго изъ Хасавъ-Юрта въ 1857 г. Не смотря на всю любовь, выказанную ему родителемъ, бѣдный юноша не могъ свыкнуться съ суровою, непривѣтливою жизнью горца; его влекло къ усвоеннымъ съ дѣтства потребностямъ болѣе образованной жизни; онъ старался поддерживать сношенія съ умственнымъ міромъ черезъ чтеніе книгъ, посылавшихся ему, съ дозволенія Шамиля, барономъ Николаи, но онъ чахнулъ и преждевременно умѣръ на своей природной родинѣ, отъ тоски по родинѣ, его усыновившей.

Въ то время, когда происходили и уже доходили къ концу переговоры объ освобожденіи Цинондальскихъ узницъ, на Кавказъ прибылъ, въ февралѣ 1855 г., въ званіи намѣстника и главнокомандующаго, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ; восточная война была въ полномъ разгарѣ; она поглощала бо́льшую часть нашихъ военныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба съ Шамилемъ и необходимость охранять обширную нашу военную линію, обнимавшую Чечню и Дагестанъ, на протяженіи сотенъ верстъ, отвлекали не малую часть лучшихъ силъ кавказской арміи, ослабляя численность

войскъ, которыя могли быть противупоставлены турецкой арміи въ Малой Азіи. Весьма естественно должно было возникнуть предположеніе: не окажется-ли возможнымъ покончить войну кавказскую или, по крайней мѣрѣ, пріостановить ее через установленіе переговоровъ съ Шамилемъ, въ видахъ побужденія его къ покорности, на условіяхъ, для его самолюбія выгодныхъ. Для достиженія подобной цѣли необходимо было дѣйствовать съ большою осторожностію; а для сего желательно было создать, на первый разъ, сколько нибудь дружественныя сношенія, которыя могли бы въ удобный моментъ послужить исходною точкою для болѣе серьезныхъ предложеній. Первая нить для такихъ сношеній была создана событіями на Кумыкской плоскости, и генералъ Муравьевъ вознамѣрился этимъ воспользоваться. Таковыя свои намѣренія онъ поручилъ начальнику главнаго штаба своего, генералъ-адъютанту князю Александру Ивановичу Барятинскому, въ конфиденціальномъ частномъ письмѣ, сообщить для исполненія барону Николаи. Отъ 17-го марта 1855 г. князь Барятинскій писалъ барону Леонтію Павловичу слѣдующее письмо:

«Любезный баронъ, посылаю вамъ это письмо съ нарочнымъ и прошу васъ отвѣтить мнѣ съ нимъ же. Послѣднее ваше письмо меня очень заинтересовало, во первыхъ, подробностями, которыя оно содержитъ объ освобожденіи нашихъ княгинь, и затѣмъ описаніемъ отношеній, какъ бы дружественныхъ, которыя установились между вами и имамомъ. Сообщите мнѣ довѣрительно какую вы питаете возможность извлечь пользу изъ этихъ сношеній? Не скрою отъ васъ, что это письмо ваше я прочиталъ начальству, и что оно возбудило живой интересъ. Когда будете опять ко мнѣ писать, то пишите такъ, чтобы я могъ ваше письмо доложить. Прилагаю при семъ письмо, которое главнокомандующій мнѣ передалъ для отправленія, черезъ посредство ваше, къ сыну Шамиля; не должно сдѣлаться извѣстнымъ откуда оно къ вамъ дошло; пошлите его, если думаете, что оно можетъ послужить вамъ для поддержанія добрыхъ отношеній къ имаму. Вамъ предоставляется полная свобода дѣйствовать такъ, какъ признаете за лучшее, для пользы дѣлъ нашихъ и самаго Джемалъ-Эддина. Отвѣтьте мнѣ возможно скорѣе; я не думаю, чтобы прилагаемое письмо могло чему-либо повредить; оно содержитъ нѣкоторыя лестныя для отца выраженія и доказательства добраго расположенія, которымъ пользовался его сынъ. Обсудите и поступите какъ признаете за лучшее».

Затѣмъ отъ 18-го апрѣля 1855 г. князь Барятинскій вновь писалъ барону Николаи:

«Прошу васъ, любезный баронъ, сообщить мнѣ свѣдѣнія о вашихъ

дѣйствіяхъ, касательно важнаго дѣла, о которомъ я вамъ писалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, на которое вы мнѣ доставили столь интересный отвѣтъ; пишите каждый разъ, когда вы это найдете нужнымъ; ваши письма я докладываю главнокомандующему, который читаетъ ихъ съ большимъ любопытствомъ, и посылаетъ копіи съ нихъ военному министру для представленія на высочайшее воззрѣніе. На письмѣ вашемъ отъ 24-го [1]) главнокомандующій положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: «не безъ основанія я выражалъ сожалѣніе о томъ, что не познакомился съ барономъ Николаи въ проѣздъ мой по лѣвому флангу».

Баронъ Николаи писалъ князю Барятинскому, изъ Хасавъ-Юрта отъ 27-го апрѣля 1855 года:

«М. Г. кн. А. И. Не имѣю ничего новаго вамъ сообщить по дѣлу, порученному вами моему особенному вниманію и попеченію. Не могу сказать, чтобы я успѣлъ сдѣлать шагъ впередъ къ цѣли, которую преслѣдую, и полагаю, что извѣстная личность [2]) и не подозрѣваетъ еще, что я преслѣдую опредѣленную цѣль. Пока я ограничиваюсь поддержаніемъ дружескихъ отношеній съ сыномъ, оказывая ему нѣкоторыя небольшія услуги, и слѣжу затѣмъ какъ таковыя принимаются отцемъ. Полагаю, что это единственный путь, которому нужно слѣдовать, и что такой обмѣнъ добрыхъ отношеній самъ собою поведетъ къ чему либо болѣе существенному, если дѣйствительно таковое можетъ быть достигнуто. По убѣжденію и по обдуманному расчету, я руководствуюсь наибольшею простотой и откровенностью въ отношеніи къ отцу, какъ для того, чтобы онъ пріучился къ полному ко мнѣ довѣрію, такъ и для того, чтобы установить хотя бы не прямыя съ нимъ самимъ отношенія. Таковъ смыслъ выраженной въ послѣднемъ моемъ письмѣ просьбы о данныхъ мнѣ полномочіяхъ; я хотѣлъ выразить, что считаю себя уполномоченнымъ вами уклоняться, когда сочту это нужнымъ, отъ существующаго формальнаго запрещенія входить въ какія-либо сношенія съ нашими врагами. Мнѣ представились нѣкоторые случаи оказать Шамилю небольшую любезность: одинъ разъ я дозволилъ его лейбъ-купцу купить въ Хасавъ-Юртѣ на 1,500 руб. товара (само собою разумѣется, что товаръ этотъ былъ подвергнутъ осмотру воинскаго начальника); два раза я разрѣшилъ двумъ старымъ мюридамъ свиданіе съ женами ихъ, взятыми въ плѣнъ въ Ахульго, и съ того времени вступившими во второй бракъ у насъ, и т. п. Полагаю, что такимъ спо-

---

[1]) Письмо это, къ сожалѣнію, не отыскано.

[2]) Шамиль. Бар. А. Н.

собомъ можетъ установиться нѣчто въ родѣ сердечнаго согласія (entente cordiale), сперва личнаго между имъ и мною, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ привесть къ чему либо болѣе прочному, когда придетъ время для созрѣнія плода. Въ этихъ видахъ я обращаюсь къ вамъ сегодня съ просьбою объ оказаніи мнѣ вашего содѣйствія по слѣдующему дѣлу: когда состоялось освобожденіе княгинь, то было постановлено одно условіе, которымъ Шамиль очень дорожитъ, а именно, чтобы, кромѣ его сына, и нѣкоторые другіе водворенные въ Россіи плѣнные горцы получили разрѣшеніе возвратиться въ горы, въ обмѣнъ на находящихся въ плѣну у горцевъ грузинъ. Шамиль согласился повременить исполненіемъ этого условія, дабы не задерживать самый вымѣнъ княгинь на его сына; но съ того времени онъ мнѣ нѣсколько разъ напоминалъ объ этомъ нашемъ обѣщаніи, и вы легко поймете насколько для меня важно, чтобы онъ не могъ заподозрить меня въ невѣрности данному обѣщанію. Дабы доказать ему полную мою добросовѣстность, я предложилъ ему прислать мнѣ списокъ тѣхъ лицъ, освобожденія которыхъ онъ желаетъ, дабы я могъ представить таковой своему начальству, которое сдѣлало бы изъ этого списка выборъ лицъ, могущихъ получить свободу. Списокъ этотъ онъ мнѣ на дняхъ прислалъ, и я его при семъ прилагаю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень учтиво присовокупилъ, что не расчитываетъ на освобожденіе всѣхъ поименованныхъ въ спискѣ лицъ, но надѣется, что хоть части изъ нихъ будетъ дарована свобода. Убѣдительно прошу васъ, князь, дѣло это поддержать и сообщить мнѣ, въ отвѣтъ на настоящее мое письмо, чего можно ожидать, и когда приблизительно можетъ послѣдовать разрѣшеніе, дабы я могъ успокоить Шамиля, а въ особенности устранить всякое подозрѣніе въ криводушіи съ нашей стороны; дикари эти слишкомъ расположены насъ въ ономъ обвинять. Шамиль особенно дорожитъ этимъ дѣломъ, дабы устранить отъ себя упреки, которые могли бы сдѣлать ему окружающіе его, что онъ въ дѣлѣ обмѣна позаботился только о своихъ личныхъ интересахъ; и если онъ усмотритъ, что мы уклоняемся отъ удовлетворенія такой его просьбы, онъ обратитъ на насъ все неудовольствіе своихъ подвластныхъ, обвиняя насъ въ двуличности. Еще разъ повторяю свое убѣжденіе, что единственная политика, которая можетъ подготовить какой-нибудь благопріятный результатъ, есть политика откровенности и прямоты во всѣхъ нашихъ сношеніяхъ съ горцами. Если даже такой образъ дѣйствія и не приведетъ къ непосредственнымъ результатамъ, то онъ послужитъ добрымъ сѣменемъ, которое рано или поздно принесетъ плоды, и устранитъ то невыгодное мнѣніе, которое, неизвѣстно по

какому поводу, Шамиль и его сподвижники сочли нужнымъ составить себѣ о нашей честности, и которое они внушаютъ всему народу, какъ нѣчто въ родѣ религіознаго вѣрованія. Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ при довольно частыхъ сношеніяхъ, которыя были вызваны переговорами объ освобожденіи плѣнныхъ княгинь.

«По извѣстіямъ, которыя я имѣю изъ Ведено, Джемалъ-Эддинъ все еще страдаетъ послѣдствіями обряда обрѣзанія, которому онъ былъ подвергнутъ. Повидимому это болѣзненное состояніе, а быть можетъ и трудность, съ которою онъ привыкаетъ къ грубому варварству, которымъ онъ окруженъ, имѣли послѣдствіемъ полное затворничество, въ которомъ онъ проживаетъ въ домѣ отца своего; сей послѣдній, какъ кажется, даже нѣсколько озабоченъ этой тоской, которую проявляетъ его сынъ и которая иногда обнаруживается въ рѣзкихъ выходкахъ противъ лицъ окружающихъ. Я написалъ Джемалъ-Эддину дружеское письмо, безъ всякаго впрочемъ политическаго характера, препровождая ему письмо, вами мнѣ присланное; письмо это было предварительно распечатано Шамилемъ, чего я и ожидалъ; повидимому этотъ знакъ недовѣрія очень оскорбилъ и огорчилъ Джемалъ-Эддина. Отецъ сообщилъ моему посланцу, Магомету, насколько это дурное расположеніе духа его сына его огорчило, и какъ бы извинялся въ распечатаніи письма, увѣряя, что оно не было вызвано никакою недовѣрчивостью, но было вынуждено неловкостью лица, которому письмо было ввѣрено, подавшаго оное при многочисленныхъ свидѣтеляхъ. Такая потребность въ оправданіи своего образа дѣйствія имѣетъ, въ моихъ глазахъ, хорошее значеніе, указывая на то, что Шамиль опасается однихъ только толковъ, не возражая, по существу, противъ сношеній его сына съ нами.

«Все это суть пока только мелочи; привожу ихъ лишь въ удостовѣреніе того, что я стараюсь не выпускать изъ рукъ слабую пока нить, которая завязалась до того времени, пока она обстоятельствами не будетъ разорвана».

Въ половинѣ мая мѣсяца 1855 года князь Барятинскій временно оставилъ Кавказъ, куда возвратился лишь въ августѣ слѣдующаго 1856 года, уже въ званіи намѣстника кавказскаго и командующаго кавказскою арміею. Вслѣдствіе этого ген. Муравьевъ избралъ брата барона Леонтія Павловича Николаи, тогда попечителя кавказскаго учебнаго округа, барона Александра Павловича Николаи, посредникомъ для конфиденціальной переписки по дѣлу о сношеніяхъ съ Шамилемъ. Извѣщая объ этомъ брата своего, баронъ Александръ Павловичъ, въ письмѣ отъ 20-го мая, сообщалъ, что главнокомандующій, при свиданіи съ нимъ въ крѣпости Александрополѣ, поручилъ ему предоставить

Леонтію Павловичу право присылать записки съ изложеніемъ хода дѣла, когда онъ это признаетъ полезнымъ, для представленія ихъ въ подлинникѣ въ собственныя руки генерала Муравьева; что главнокомандующій весьма доволенъ направленіемъ, даннымъ этому дѣлу, которое удостоилось одобренія его величества; что особыхъ инструкцій въ подобномъ дѣлѣ давать онъ почитаетъ неудобнымъ, полагаясь вполнѣ на благоразуміе и осторожность барона Леонтія Павловича; что первая забота должна состоять въ томъ, чтобы горскаго сосѣда удерживать отъ враждебныхъ дѣйствій до того времени, пока онъ рѣшится сдѣлать какія либо предложенія, что̀, по мнѣнію генерала Муравьева, можетъ случиться, если военныя наши дѣйствія на турецкой границѣ и въ Крыму примутъ благопріятный оборотъ.

Вслѣдствіе такого приказанія баронъ Леонтій Павловичъ разновременно присылаетъ, черезъ посредство брата своего, требовавшіяся записки; болѣе существенное содержаніе ихъ было слѣдующее:

Записка № 2. Отъ 2 іюня. «Повторяю то, что писалъ кн. Барятинскому: мои отношенія къ Шамилю имѣютъ пока только характеръ личный; онѣ возникли во время обмѣна плѣнныхъ и основаны на добромъ мнѣніи, которое онъ, повидимому, имѣетъ обо мнѣ. Этотъ обмѣнъ плѣнныхъ и нѣкоторыя взаимно оказанныя небольшія услуги поддерживаютъ сношенія, облегчающія мою задачу. Самое важное есть выборъ надежнаго повѣреннаго. Кумыкскій житель Магометъ и братъ его Абдурахманъ-Гаджи, которыхъ я сначала употреблялъ для такихъ сношеній, полезны какъ ключи, отпирающія дверь, ибо пользуются большимъ расположеніемъ въ Ведено; но это самое расположеніе доказываетъ, что они болѣе сочувствуютъ интересамъ Шамиля, нежели нашимъ, что̀ лишаетъ меня возможности быть съ ними откровеннымъ. Два уже раза я посылалъ въ горы имеретина Николая Амтелова, состоящаго у меня въ услуженіи; онъ каждый разъ успѣшно исполнялъ возложенное на него порученіе; онъ человѣкъ вполнѣ благонадежный и съумѣлъ въ Ведено пріобрѣсти расположеніе Шамиля и лицъ, его окружающихъ, а Джемалъ-Эддинъ принимаетъ его съ особенною ласкою. Намѣреваюсь исподволь постараться создать изъ него полезнаго посредника; на дняхъ отправлю его вновь съ нѣкоторыми порученіями. Такимъ образомъ, незамѣтно подвигаясь впередъ, какъ бы лотомъ вымѣряя глубину, и не дѣлая пока рѣшительнаго шага, надѣюсь сколько нибудь успѣть, если успѣхъ вообще возможенъ; но теперь еще ничего положительнаго обѣщать не могу.

Нѣтъ сомнѣнія, что личные интересы Шамиля должны бы побуждать его воспользоваться настоящими обстоятельствами для принесенія покорности, на условіяхъ, для него выгодныхъ; думаю, что онъ

обладаетъ достаточною прозорливостью, чтобы это понять; но онъ, тѣмъ не менѣе, тотъ-же дикій горецъ, какъ и всѣ его послѣдователи, и нужно много усилія, чтобы проникнуть черезъ твердую оболочку невѣжества и фанатическихъ предразсудковъ, которая затемняетъ его природный умъ. Притомъ онъ испытанный актеръ: пока онъ не будетъ увѣренъ въ возможности вступить на путь примиренія, безъ опасности для вліянія своего на горское населеніе, онъ будетъ скрывать свои намѣренія, не говоря уже о томъ, что, какъ истый мусульманинъ, онъ не отказывается отъ надежды, что могущественная коалиція, съ которой Россія ведетъ борьбу, восторжествуетъ на славу ислама. Поэтому онъ постарается протянуть дѣло, не дѣлая никакого рѣшительнаго шага, (ибо знаетъ, что таковой скрытымъ отъ его приверженцевъ остаться не можетъ), и не откажется, до удобнаго времени, отъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ подтвержденіе этого, всѣ извѣстія изъ горъ сообщаютъ единогласно, что Шамиль намѣревается, послѣ байрама, предпринять движеніе въ большихъ размѣрахъ: трудно предположить, чтобы онъ остался въ совершенномъ бездѣйствіи, хотя бы только для вида, ибо онъ недавно получилъ отъ Магометъ-Амина [1]) и отъ какого-то турецкаго паши убѣдительное приглашеніе произвести, сильнымъ нападеніемъ, диверсію въ пользу предпринимаемаго, будто-бы, наступательнаго противъ насъ движенія на правое наше крыло. Едва ли Шамилю возможно будетъ остаться въ совершенномъ бездѣйствіи, но неизвѣстно насколько онъ полагаетъ рискнуть.

По всему этому я полагаю, что, не упуская изъ рукъ завязавшейся слабой нити сношеній, не слѣдуетъ показывать вида, что измѣняется нашъ образъ дѣйствій; ограничить-же и наши непріязненныя противъ горцевъ дѣйствія будетъ лишь тогда время, когда пріобрѣтется увѣренность, что можно достигнуть прочнаго результата инымъ путемъ».

Записка № 4. «Отъ 10-го октября 1855 г. «Хотя я не имѣю указать на осязательные факты, свидѣтельствующіе объ успѣхѣ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе существуютъ нѣкоторые благопріятные признаки, которые дозволяютъ надѣяться, что дѣло это подвигается впередъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ такихъ признаковъ я считаю облегченія, допускаемыя въ моихъ сношеніяхъ съ Джемалъ-Эддиномъ; къ сно-

---

[1]) Магометъ-Аминъ уже нѣсколько лѣтъ находился на правомъ крылѣ Кавказской линіи у черкесскихъ племенъ для возбужденія ихъ къ совокупному противъ насъ дѣйствію. Бар. А. Н.

шеніямъ этимъ, очевидно, относятся съ меньшимъ недовѣріемъ, и мой молодой другъ имѣлъ возможность написать мнѣ, въ послѣднее время, нѣсколько писемъ, которыя очевидно не были подвергнуты цензурѣ. Не могу пока опредѣлить чему слѣдуетъ приписать такую благопріятную перемѣну, благодатному ли вліянію самаго Джемалъ-Эддина на его отца, или иной причинѣ? во всякомъ случаѣ это есть успѣхъ. До сего времени я одинъ велъ переписку; отвѣты же получалъ большею частью словесные; достовѣрность же ихъ я долженъ былъ измѣрять степенью довѣрія, которое могъ имѣть къ моимъ посланцамъ, Магомету и брату его Абдурахману. Самъ Джемалъ-Эддинъ писалъ мнѣ только изрѣдка, и то только коротенькія письма, при коихъ прилагались списки разныхъ предметовъ, о высылкѣ которыхъ онъ меня просилъ; и даже такія письма подвергались просмотру, наравнѣ съ получавшимися отъ меня. Непосредственнаго обмѣна мыслей между имъ и мною не существовало.

Въ настоящее время Джемалъ-Эддинъ избралъ, и то совершенно открыто, другаго посредника для сношеній со мною,—Муссу—лейбъ купца Шамиля. Пользуясь полномочіями, данными мнѣ главнокомандующимъ, я дозволилъ этому лицу, въ пріѣздъ его въ Хасавъ-Юртъ, закупать, подъ контролемъ воинскаго начальника, нѣкоторые товары; закупки эти служили приманкой или предлогомъ для пріѣздовъ; я надѣялся, что онѣ со временемъ послужатъ въ пользу; во всякомъ же случаѣ даваемое мною дозволеніе есть вниманіе, оказываемое Шамилю, который лично заинтересованъ въ коммерческихъ оборотахъ Муссы... Этотъ образъ дѣйствій принесъ уже свои плоды. Мусса сдѣлался моимъ пріятелемъ; онъ умѣетъ задѣвать чувствительныя струны въ сердцѣ своего повелителя, и сдѣлался новымъ моимъ агентомъ, освобождая меня отъ исключительной зависимости отъ Магомета и его брата. Первыя, довольно незначительныя, торговыя операціи, предпринятыя Муссою, вызвали, повидимому, пожеланія, могущія впослѣдствіи имѣть серіозное значеніе, создавая постепенно то сближеніе между горцами и нами, которое необходимо должно предшествовать умиротворенію. Если плотина, замыкающая горцевъ отъ насъ, будетъ прорвана, то и Шамиль не будетъ въ силѣ остановить потока.

Издавна извѣстно, что съ самаго начала своего владычества въ горахъ, Шамиль старался противудѣйствовать всякому сближенію между горцами и нами; средствомъ для этого служило противудѣйствіе всякому смягченію ихъ суровыхъ нравовъ и возникновенію у нихъ потребностей болѣе образованной жизни, удовлетвореніе коихъ необходимо поставило бы ихъ въ зависимость отъ насъ. Для достиженія

этой цѣли, онъ строжайше воспретилъ всякія съ нами сношенія. Съ своей стороны мы отвѣтили такою-же системою запретительною. Последствіемъ этого было все бо́льшее возбужденіе взаимной непріязненности и полное отчужденіе. Пока упорство горцевъ имѣли въ виду побѣдить одною лишь матеріальною силою, система эта могла почитаться необходимою. Шамиль хотѣлъ закалить горцевъ, лишая ихъ предметовъ роскоши; мы-же надѣялись привести ихъ къ покорности, пресѣкая имъ возможность къ пріобрѣтенію предметовъ первой потребности. Нѣсколько попытокъ для смягченія суровости этой системы были дѣлаемы, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ, преимущественно, думаю я, по той причинѣ, что онѣ исходили отъ насъ, и тѣмъ самымъ возбуждали подозрительность Шамиля. Провидѣнію, повидимому, благоугодно было дозволить, чтобы плѣненіе нѣкоторыхъ несчастныхъ женщинъ послужило исходною точкою для новаго періода въ нашихъ сношеніяхъ съ горцами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что переговоры о выкупѣ плѣнныхъ княгинь, а въ особенности проистекшее изъ оныхъ возвращеніе Джемалъ-Эддина пробили брешь въ стѣнѣ, отдѣлявшей насъ отъ горцевъ таинственностію и ненавистію. Хотя успѣхи на пути смягченія этихъ отношеній медленны; хотя они, быть можетъ, болѣе чувствуются, нежели осязаются, тѣмъ не менѣе они не подлежатъ никакому сомнѣнію; извлечь изъ нихъ пользу указывало простое благоразуміе. Съ этого времени система безусловной блокады горъ теряетъ свое значеніе, и слѣдовало бы желать, чтобы она постепенно замѣнялась созданіемъ болѣе близкихъ сношеній. Но и тутъ можно все дѣло испортить, выказывая съ нашей стороны слишкомъ много готовности въ допущеніи такой перемѣны. Къ счастью нынѣ иниціатива возникла съ непріятельской стороны, а именно: сосѣднему намъ наибу Ауховскому поручено было негласно узнать: дозволю-ли я установленіе нѣкоторой мѣновой торговли; ясно было, что этого они желали и ожидали отъ меня какъ милости, предоставляя вполнѣ мнѣ опредѣлить способъ для такихъ сношеній. Наибъ присовокуплялъ, что Шамиль уже далъ на это свое предварительное согласіе, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы мѣстомъ для обмѣна товаровъ было избрано исключительно Хасавъ-Юртъ. Мнѣ предоставляется выборъ лица, которое содержало бы сообщеніе между Хасавъ-Юртомъ и Андіею или другими промышленными мѣстностями въ горахъ, каковое лицо служило бы посредникомъ для сношеній между обѣими сторонами. Я отвѣтилъ, что не уполномоченъ дать подобное дозволеніе; но что я готовъ ходатайствовать передъ своимъ начальствомъ для полученія необходимаго разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, дабы не отбить у просителей охоту

къ дѣлу, которое я признавалъ первостепенной важности, и предвидя, что замедленіе въ разрѣшеніи могло охладить къ оному непріятеля, я принялъ на свою отвѣтственность допущеніе нѣкоторыхъ небольшихъ опытовъ подобныхъ сношеній, въ видѣ исключеній и частныхъ милостей. Первая эта попытка мнѣ представляется весьма драгоцѣннымъ признакомъ; но она, конечно, не могла удовлетворить меня вполнѣ; ибо торговля, ограниченная въ рукахъ одной личности, не отвѣчаетъ достаточно той цѣли, которую я преслѣдую.

Къ счастью, съ того времени непріятель принялъ на себя сдѣлать новый шагъ; на этотъ разъ посредникомъ явился Джемалъ-Эддинъ. Въ письмѣ, недавно мнѣ доставленномъ Муссою, онъ уже далѣе развиваетъ предположеніе о торговыхъ сношеніяхъ; вотъ точныя выраженія его письма:

«Мусса былъ задержанъ здѣсь дурной погодой и вышло къ лучшему. Давно твержу я имъ о выгодахъ торговли и успѣлъ въ этомъ увѣрить. Теперь остается вашему превосходительству позволить привозить въ Хасавъ-Юртъ сбытъ (товаръ). Намѣстникъ также не будетъ препятствовать: я знаю вѣрно. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего разрѣшенія».

Полагаю, что могу безошибочно считать этотъ предметъ заслуживающимъ особеннаго вниманія и могущимъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Считаю долгомъ упомянуть и о словесномъ заявленіи Джемалъ-Эддина, переданномъ мнѣ Муссою; оно даетъ еще бо́льшую цѣну его письменному сообщенію. Онъ поручилъ конфиденціально мнѣ передать, что онъ надѣется, что я разрѣшу эти торговыя сношенія; ибо видитъ въ нихъ средство мало по малу «задобрить старика» (т. е. его отца). Это первый разъ, что подобное выраженіе употреблено Джемалъ-Эддиномъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ насъ; оно имѣетъ глубокое значеніе, которое меня весьма обрадовало. Мусса мнѣ это простодушно подтвердилъ и онъ заслуживаетъ довѣрія.

Весьма для меня важно, въ возможно непродолжительномъ времени, узнать мнѣніе главнокомандующаго относительно того, какъ мнѣ слѣдуетъ отнестись къ такому предложенію и какой я имѣю дать на оный отвѣтъ. Дозволяю себѣ особенно настаивать на томъ, что слишкомъ большое замедленіе въ разрѣшеніи этого вопроса могло бы охладить это выгодное расположеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить добровольную готовность Джемалъ-Эддина служить нашимъ интересамъ.

Не можетъ, конечно, входить въ мои намѣренія предлагать введеніе теперь-же новой измѣненной общей системы дѣйствія, основанной на свободѣ торговыхъ сношеній; вопросъ этотъ слишкомъ важный и требуетъ всесторонняго обсужденія, отъ котораго естественно

не могло бы быть устранено непосредственное мое начальство; но при полной для меня невозможности дать дѣлаемымъ мнѣ предложеніямъ офиціальный ходъ, который черезъ преждевременное оглашеніе могъ бы повредить успѣху тѣхъ конфиденціальныхъ сношеній, которыя установились между мною и Ведено, я желалъ бы только получить разрѣшеніе на дозволеніе опыта торговыхъ сношеній, основанныхъ на мѣновомъ торгѣ, подчиненномъ моему наблюденію и контролю. Само собою разумѣется, что изъ этого торга будутъ изъяты всѣ предметы жизненнаго потребленія, а также всѣ подходящіе подъ названіе военной контрабанды. Полномочіе, мнѣ данное, послужило бы мнѣ средствомъ удостовѣриться въ какой степени подобныя сношенія могутъ быть полезны и заслуживали бы развитія въ будущемъ. Нынѣ дѣло идетъ лишь о снисхожденіи, которое доказало бы Джемалъ-Эддину мое расположеніе; лишь въ такомъ смыслѣ я испрашиваю разрѣшеніе».

На записку это послѣдовало слѣдующее письмо на имя барона А. П. Николаи, отъ начальника военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, Константина Петровича фонъ-Кауфмана:

«На письмо отъ 13-го октября, изъ Екатеринограда, его высокопревосходительство Николай Николаевичъ, будучи очень занятъ, поручилъ мнѣ отвѣчать вамъ. Записка брата вашего до того интересна, что г. главнокомандующій посылаетъ ее всю, какъ она есть, къ г. военному министру, для доклада его величеству. Прежде чѣмъ дочиталъ ее, Николай Николаевичъ собирался уже сдѣлать резолюцію того же содержанія, какъ это изложено барономъ Леонтіемъ Павловичемъ въ концѣ его записки, а именно: «уполномочить его допустить попытки торговыхъ сношеній съ горцами, на основаніи мѣноваго торга, подъ наблюденіемъ и контролемъ вашего брата, и съ исключеніемъ изъ онаго всѣхъ предметовъ, подходящихъ подъ наименованіе военной контрабанды». Слова эти въ точности опредѣляютъ тѣ правила, которыя, по желанію г. главнокомандующаго, должны быть братомъ вашимъ приняты въ основаніе для дѣйствій въ настоящемъ дѣлѣ».

Записка № 5. Отъ 12-го декабря 1855 г. «По полученіи письма отъ 23-го октября, которымъ полковникъ фонъ-Кауфманъ, по приказанію г. главнокомандующаго, сообщилъ мнѣ, черезъ посредство брата моего, полномочіе на установленіе торговыхъ сношеній съ горцами, согласно предпринятому мною по сему предмету ходатайству, я не замедлилъ воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ расположеніемъ, которое мнѣ было выражено со стороны горцевъ.

Къ счастью, въ то самое время, когда я получилъ упомянутое письмо, въ Хасавъ-Юртѣ пребывалъ Мусса, купецъ изъ Ведено, которому былъ дозволенъ мною свободный пріѣздъ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, моимъ пріятелемъ, и оказавшись неоднократно благонадежнымъ моимъ агентомъ, онъ, какъ уже было мною упоминаемо въ прежнихъ моихъ сообщеніяхъ, пользуется большимъ довѣріемъ Джемалъ-Эддина.

Я поручилъ ему письмо къ Джемалъ-Эддину, въ которомъ сообщалъ сему послѣднему, что мною получены желанныя полномочія, и что намъ остается только согласиться въ способахъ къ выполненію предположеннаго нами. Кромѣ того я далъ Муссѣ еще нѣкоторыя словесныя наставленія, насколько я считалъ возможнымъ ему таковыя довѣрить. Но дабы придать этому сообщенію бо̀льшую полноту, я послалъ, вмѣстѣ съ Муссою, находящагося при мнѣ имеретина Николая Амтелова, человѣка ловкаго, вполнѣ преданнаго и неоднократно бывшаго въ Ведено, какъ мнѣ случалось объ этомъ упоминать. Онъ лично знакомъ съ вліятельными лицами, окружающими Шамиля. пользуясь ихъ благорасположеніемъ, Джемалъ-Эддинъ же знаетъ его коротко съ того времени, какъ онъ проживаетъ въ моемъ домѣ. Я свабдилъ Амтелова самыми конфиденціальными наставленіями, поручивъ ему въ особенности наблюдать за впечатлѣніемъ, которое будетъ произведено вѣстями, привозимыми Муссою. Независимо этого, я далъ одному изъ знатнѣйшихъ торговцевъ, проживающихъ на Кумыкской плоскости, еврею изъ аула Ташъ-Кигу, дозволеніе сопутствовать Муссѣ и Амтелову, какъ первому посреднику для установленія торговыхъ сношеній.

Нѣсколько дней тому назадъ эти три лица возвратились изъ Ведено, и я могу сказать, что результатъ ихъ поѣздки вполнѣ удовлетворителенъ, какъ первое начало.

Шамиль написалъ мнѣ письмо на русскомъ языкѣ, очевидно сочиненное его сыномъ, въ которомъ онъ изъявляетъ согласіе на установленіе торговыхъ сношеній; онъ ограничиваетъ право торговли двумя или тремя личностями изъ нашихъ торговцевъ-евреевъ, которымъ дозволяется свободно торговать въ горахъ; это ограниченіе не имѣетъ серіознаго значенія въ виду того, что рѣчь идетъ о первой попыткѣ, и что дозволеніе этимъ торговцамъ бывать въ горахъ подразумѣваетъ разрѣшеніе такому же числу горцевъ бывать въ Хасавъ-Юртѣ.

Въ этомъ заключается официальное, какъ-бы, сообщеніе; но чему я придаю гораздо болѣе цѣны, это словесное донесеніе Амтелова объ исполненіи даннаго ему порученія; не могу не сказать, что человѣкъ

этотъ выказалъ въ настоящемъ случаѣ рѣдкіе тактъ и ловкость, которые превзошли даже мои ожиданія. Болѣе всего я придавалъ значенія тому впечатлѣнію, которое установленіе новыхъ отношеній произведетъ на массу населенія, или, такъ сказать, на общественное мнѣніе въ горахъ. Впечатлѣніе это самое удовлетворительное. Антеловъ повсюду на пути, начиная съ Ауха, былъ принимаемъ съ предупредительностію и съ видимымъ удовольствіемъ; вездѣ его угощали; наибъ мѣстный принялъ его съ отличіемъ; вездѣ на пути своемъ онъ удостовѣрялся, что мысль о сближеніи встрѣчается сочувственно какъ людьми вліятельными, такъ и массою населенія; не одинъ голосъ благословлялъ меня, почитая, въ простодушіи своемъ, меня главнымъ источникомъ этой перемѣны въ отношеніяхъ. Въ Ведено Антеловъ нашелъ наилучшій пріемъ со стороны главныхъ тамошнихъ лицъ, начиная съ старца, Джемалъ-Эддина, воспитателя Шамиля; многіе искали случая съ нимъ бесѣдовать и выказать ему свое сочувствіе.

Какой замѣчательный контрастъ съ тѣмъ пріемомъ, который ему былъ сдѣланъ болѣе года тому назадъ, когда онъ въ первый разъ явился въ Ведено для отысканія плѣнныхъ княгинь! Нельзя не придать этому большое значеніе; оно оправдываетъ наилучшія надежды. Молодой Джемалъ-Эддинъ въ особенности привѣтливо принялъ моего посланца, открыто выказывая свою радость; въ продолжительныхъ, довѣренныхъ съ нимъ разговорахъ онъ откровенно высказывалъ свои чувства. Разныя мелкія подробности оправдываютъ предположеніе, что и самъ имамъ былъ доволенъ происходившимъ.

Джемалъ-Эддинъ высказывалъ всю свою благодарность главнокомандующему за столь милостивое разрѣшеніе его ходатайства; сперва онъ даже подавалъ надежду, что горцамъ, безразлично, будетъ разрѣшено, въ опредѣленные дни, приходить въ Хасавъ-Юртъ на базаръ. Но затѣмъ, повидимому, Шамиль объ этомъ раздумалъ, говоря, что послѣдствіемъ такого разрѣшенія могло бы быть, что половина его подвластныхъ намъ покорится. Онъ ограничился разрѣшеніемъ, выше мною упомянутымъ.

Такое измѣненіе вызвало на первыхъ порахъ неудовольствіе Джемалъ-Эддина; но онъ скоро успокоился, говоря, съ веселостью, Антелову: «это ничего не значитъ; я ручаюсь за то, что весьма скоро они сами будутъ просить меня, чтобы я исходатайствовалъ бо̀льшую свободу сношеній». Къ этому онъ довѣрительно прибавлялъ, что нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ при его отцѣ лицъ (имена ихъ онъ умолчалъ) просили его, чтобы онъ постарался о сближеніи съ русскими; что онъ пока ихъ выслушиваетъ, воздерживаясь отъ отвѣта. Вообще у Джемалъ-Эддина надежды, повидимому, существуютъ; но,

прибавлялъ онъ: «пока будетъ продолжаться война съ Турціею, глаза горцевъ будутъ обращаться въ ту сторону».

Изъ всего сказаннаго можно вывести то заключеніе, что сдѣланъ еще одинъ шагъ впередъ къ цѣли, которую мы желаемъ достигнуть; общее впечатлѣніе, произведенное послѣднею посылкою въ Ведено, благорасположеніе, которое тамъ высказывается, и довѣріе, которое оказывается мнѣ;—а еще болѣе положительный результатъ, уже достигнутый для установленія сношеній, подкрѣпляютъ мои надежды. Не подлежитъ сомнѣнію, что остается еще много пройти пути, и что нить, которая завязывается, еще слаба; но важно то, что есть прогрессъ.

Съ удовольствіемъ узналъ я, что вліяніе Джемалъ-Эддина возрастаетъ; отецъ его любитъ и высказываетъ ему большое уваженіе; отношеніе его къ двумъ его братьямъ дружественное. Когда Шамиль, по пятницамъ, отправляется въ мечеть, то первымъ за нимъ слѣдуетъ Джемалъ-Эддинъ, затѣмъ братъ его, Кази-Магома, а послѣ него уже остальные. Разговоръ между отцемъ и сыномъ уже свободно производится на лезгинскомъ языкѣ, а жена Джемалъ-Эддина учитъ его чеченскому нарѣчію. Надобно желать, чтобы вліяніе его все росло въ средѣ его соплеменниковъ; ибо главную надежду на умиротвореніе нужно возлагать на него; я же увѣренъ, что его благородныя чувства не измѣнятся.

Сегодня Мусса отправился обратно въ Ведено съ письмомъ отъ меня, въ которомъ я изъявляю свое согласіе на открытіе торговыхъ сношеній на началахъ, предложенныхъ Шамилемъ. Черезъ двѣ недѣли онъ долженъ вернуться, и до того три еврея-купца, которые предложили свои услуги, успѣютъ приготовить товары, съ которыми они предпримутъ первый свой коммерческій походъ въ горы. Только первый шагъ труденъ».

Въ январѣ 1856 года барону Леонтію Павловичу была прислана копія съ слѣдующаго письма военнаго министра къ главнокомандующему кавказскою арміею:

«М. г. Николай Николаевичъ, Государь Императоръ изволилъ читать съ особеннымъ вниманіемъ доставленную вашимъ высокопревосходительствомъ отъ 26 октября № 39 записку генералъ-маіора барона Николаи. На предложенную имъ и одобренную вами мѣру относительно торговыхъ сношеній съ горцами его величество совершенно согласенъ и вполнѣ изволитъ надѣяться, что этотъ опытъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и бдительнымъ надзоромъ самаго барона Николаи, будетъ произведенъ столь же осторожно и благоразумно, какъ и всѣ другія доселѣ имъ предпринятыя попытки сбли-

женія съ Шамилемъ. Съ этою цѣлью могутъ быть разрѣшены означенныя торговыя сношенія, не какъ мѣра общая, измѣняющая нашу систему дѣйствій на Кавказѣ, но какъ исключеніе, допускаемое въ видѣ личнаго снисхожденія къ Шамилю за его образъ дѣйствій, въ послѣднее время, и въ уваженіе къ ходатайству сына его, Джемаль-Эддина. Смотря по тому, какой результатъ произведутъ эти первоначальныя торговыя сношенія, можно будетъ впослѣдствіи дать имъ бо́льшее развитіе, сообразно общимъ нашимъ видамъ, которые, конечно, должны клониться къ успокоенію народовъ, упорствующихъ донынѣ въ своей фанатической къ намъ враждѣ».

По сообщеніи военному министру записки отъ 12 декабря послѣдовало отъ него отъ 23 января 1856 г. слѣдующее письмо къ генералу Муравьеву, сообщенное въ копіи барону Николаи:

«Государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ удовольствіемъ письмо вашего высокопревосходительства, отъ 11 января, № 5, а равно и приложенную къ оному записку свиты его величества генералъ-маіора барона Николаи объ открытіи торговыхъ сношеній съ горцами и одобривъ принятыя имъ мѣры къ упроченію сихъ отношеній впредь, соизволилъ выразить надежду, что дѣло это будетъ имѣть, со временемъ, желаемый успѣхъ и поведетъ къ результатамъ, вполнѣ удовлетворительнымъ».

Записка № 6. Отъ 7 февраля 1856. «Въ послѣдней моей запискѣ отъ 12 декабря я упоминалъ, что черезъ двѣ недѣли ожидалось возвращеніе изъ Ведено купца Муссы, который имѣлъ сопровождать нашихъ купцовъ-евреевъ, въ первомъ ихъ коммерческомъ походѣ въ горы, и служить имъ вожакомъ.

Однако время проходило и Мусса не появлялся; въ это самое время мнѣ пришлось отправиться въ отрядъ, который подъ моимъ начальствомъ имѣлъ произвести рубку лѣса въ большой Чечнѣ, и занятія эти задержали меня до конца генваря. По возвращеніи въ Хасавъ-Юртъ, я, къ немалому неудовольствію, узналъ, что во время моего отсутствія никто не являлся. Мнѣ это показалось подозрительнымъ; я ждалъ еще нѣкоторое время, но безъуспѣшно. Невольно у меня возникло опасеніе: не нарушило-ли какое нибудь неожиданное обстоятельство тѣ добрыя отношенія, которыя начинали устанавливаться? При непрочности еще тѣхъ нитей, которыя съ такимъ трудомъ я успѣлъ связать, подобныя опасенія были тѣмъ болѣе естественны, что подозрительность составляетъ отличительную черту горцевъ, и недовѣріе къ намъ тѣмъ легче возбуждается, что и между покорными намъ туземцами есть много личностей, расположенныхъ ко всякаго рода интригамъ. Я допускалъ предположеніе, что моя экспедиція въ

большую Чечню, и тотъ вредъ, который, по необходимости, я долженъ былъ принести непріятелю, возбудили неудовольствіе въ Ведено и имѣли послѣдствіемъ воспрещеніе Муссѣ возвратиться къ намъ. Затѣмъ и самое отсутствіе мое изъ Хасавъ-Юрта или другая неизвѣстная мнѣ случайность, какъ-то поѣздка Джемалъ-Эддина къ брату своему, въ Карату, о которой мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, могло пріостановить наши сношенія. Такъ или иначе я нетерпѣливо желалъ разъясненія моихъ недоумѣній, для устраненія новыхъ затрудненій, если дѣйствительно они возникли.

Для достиженія этой цѣли, я опять обратился къ своему повѣренному, Николаю Антелову, который даже предложилъ мнѣ для этого свои услуги по собственному побужденію, тѣмъ болѣе похвальному, что и самая безопасность поѣздки могла подлежать сомнѣнію; я придалъ ему, въ качествѣ переводчика, урядника Кизлярскаго полка, Кислова, молодаго человѣка вполнѣ благонадежнаго и добропорядочнаго. Выборъ мой остановился на немъ предпочтительно передъ туземцемъ, потому что я опытомъ убѣдился, что сіи послѣдніе не вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, и что горцы недовѣрчиво относятся къ нашимъ мирнымъ единородцамъ своимъ, предпочитая имѣть дѣло съ русскими. Я предъупредилъ наиба Ауховскаго объ отъѣздѣ моихъ посланцевъ, дабы онъ выслалъ имъ необходимый конвой.

Вчера вечеромъ, къ большому моему успокоенію, посланцы мои благополучно возвратились, послѣ недѣльнаго отсутствія, и, къ немалой моей радости, я узналъ отъ нихъ, что мои опасенія не оправдывались. Пріемъ, сдѣланный Николаю Антелову какъ въ Ведено, такъ и вездѣ на пути его слѣдованія, былъ болѣе сердеченъ и дружелюбенъ, чѣмъ когда-либо; его встрѣчали вездѣ съ непритворною радостью; можно сказать, что благопріятные признаки скорѣе усилились; присутствіе же переводчика русскаго способствовало къ болѣе откровенному выраженію мыслей.

Причиною пріостановленія сношеній оказывается тяжкая болѣзнь Муссы; Антеловъ засталъ его, впрочемъ, уже въ періодѣ выздоровленія, которое подаетъ ему надежду скораго прибытія въ Хасавъ-Юртъ для вознагражденія потеряннаго времени. Нельзя, впрочемъ, не приписать и нѣкоторую долю вины въ происшедшемъ замедленіи дурной погодѣ, которая въ послѣднее время преобладала, вслѣдствіе которой дороги въ горахъ до того испортились, что сдѣлались почти непроходимыми; на Андійскомъ перевалѣ, кромѣ того, сообщеніе пріостановлено выпавшими снѣжными завалами, которые задержали Джамалъ-Эддина у брата его, въ Карата. Это обстоятельство имѣло по-

слѣдствіемъ, что Амтеловъ не видѣлъ, въ сей разъ, нашего друга, возвращенія котораго, впрочемъ, ожидали въ скоромъ времени; и такъ какъ у меня, въ настоящее время, имѣются разныя вещи для отправленія къ Джамалъ-Эддину, то я воспользуюсь этимъ предлогомъ, чтобы вскорѣ опять отправить моего вѣрнаго посланца.

Мусса высказалъ непритворную радость при видѣ Амтелова; ее раздѣлили и вліятельные друзья, которыхъ онъ пріобрѣлъ между ближайшими къ Шамилю лицами, какъ-то: армянинъ Шахъ-Аббасъ, казначей Хаджіевъ и другіе; всѣ они посѣтили его, высказывая ему большое довѣріе (есть однако одна личность изъ окружающихъ Шамиля, которая намъ очень непріязненна; это писецъ Амиръ-Ханъ).

Упоминаю я о столь наглядныхъ доказательствахъ расположенія къ моему посланцу потому въ особенности, что они довольно ясно указываютъ на образъ мыслей мѣстнаго властелина. Въ этомъ отношеніи самое отсутствіе, на сей разъ, Джамалъ-Эддина было полезно, доказавъ, что не одному его присутствію нужно было приписать дружественное расположеніе, которое высказывалось.

Въ продолженіи двухъ дней, проведенныхъ Амтеловымъ въ Ведено, онъ имѣлъ случай вести довольно частыя и обстоятельныя бесѣды съ своими пріятелями; отъ нихъ онъ, между прочимъ, узналъ, что, по возвращеніи Муссы изъ послѣдней его поѣздки въ Хасавъ-Юртъ, наибы Андійскій и другихъ сосѣдственныхъ округовъ прибыли въ Ведено и ходатайствовали передъ Шамилемъ о дозволеніи открыть съ нами торговыя сношенія; что имамъ отнесся благосклонно къ этой просьбѣ, говоря, что разрѣшеніе такое уже дано обоюдное (имъ и русскими властями) и что онъ, съ своей стороны, не откажется отъ своего слова. Болѣзнь Муссы замедлила открытіе этихъ сношеній, началу коихъ онъ долженъ служить необходимымъ посредникомъ, до того времени пока они правильно установятся и взаимная недовѣрчивость лицъ торгующихъ будетъ устранена: наши евреи на первыхъ порахъ не рѣшатся отправиться въ горы иначе, какъ въ сопровожденіи Муссы. Небольшія подобныя затрудненія неизбѣжны на первыхъ порахъ; но я убѣжденъ, что по единожды проложенному пути сношенія постепенно упростятся, тѣмъ болѣе, что потребность въ торговыхъ сношеніяхъ проявляется преимущественно со стороны горцевъ. Я убѣжденъ, что въ весьма непродолжительномъ времени горцы оцѣнятъ милостивое разрѣшеніе, данное Государемъ Императоромъ, и чувство это постепенно смягчитъ ихъ суровую природу, изглаживая слѣды многолѣтней ненависти.

Подобный успѣхъ, очевидно, можетъ быть только постепенный; въ

настоящее время довѣріе и расположеніе ихъ имѣетъ, такъ сказать, только характеръ личный, относясь ко мнѣ и къ моимъ повѣреннымъ; но мало по малу кругъ этотъ расширится. Существуетъ въ ихъ средѣ какъ-бы безсознательное чаяніе лучшей будущности; Антеловъ передавалъ мнѣ, что не разъ на пути своемъ, въ разговорахъ съ вліятельными людьми, такія надежды высказывались, хотя и сдержанно, выражаясь въ восклицаніяхъ такого рода: «Богъ дастъ скоро все будетъ хорошо», или въ вопросѣ: «долго-ли я еще останусь при настоящей должности?» и т. п.

Шахъ-Аббасъ сообщилъ, что въ разговорѣ съ нимъ, по поводу пріѣзда Антелова, Шамиль выразился обо мнѣ съ сочувствіемъ и уваженіемъ. Я не рѣшился бы упоминать о подобныхъ подробностяхъ, еслибы не видѣлъ въ нихъ благопріятнаго для порученнаго мнѣ дѣла признака; не скрываю, что довѣріе, мнѣ выказываемое, я цѣню; но въ особенности потому, что оно облегчаетъ разрѣшеніе возложенной на меня задачи. Первый шагъ самый трудный; съ Божіею помощію остальное достигнется легче.

Въ половинѣ февраля 1856 года вступилъ въ командованіе лѣвымъ флангомъ кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ. Давно уже стѣсняясь необходимостью вести столь важное ему порученное дѣло помимо вѣдома непосредственнаго своего начальника, баронъ Леонтій Павловичъ Николаи, излагая это въ частномъ письмѣ къ брату своему, испросилъ, этимъ путемъ, разрѣшеніе главнокомандующаго поставить вновь назначеннаго начальника своего въ извѣстность о происходящихъ между имъ и Шамилемъ сношеніяхъ, и впредь представляемыя имъ разновременно записки препровождать черезъ посредство генерала Евдокимова; брату же своему онъ продолжалъ сообщать частныя свѣдѣнія въ еженедѣльныхъ письмахъ, которыми оба брата постоянно обмѣнивались. Нѣкоторыя выдержки изъ такихъ писемъ могутъ дать понятіе о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Такъ въ письмѣ отъ 9 марта 1856 г. сообщалось:

«Опять прошло нѣкоторое время съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ послѣднія извѣстія изъ Ведено; Мусса, котораго я давно ожидаю, еще не прибылъ; приписываю это дурной и измѣнчивой погодѣ, а также непроѣзднымъ дорогамъ; притомъ бѣднякъ только что оправлялся отъ тяжелой болѣзни. Какъ бы то ни было, я считаю необходимымъ придерживаться своего основнаго начала: терпѣнія и постоянства; нужно выжидать, не унывать, когда являются болѣе или менѣе продолжительныя пріостановки въ сношеніяхъ, а главное отнюдь

не давать вида будто мы нетерпѣливо желаемъ сближенія. Быть можетъ не намъ суждено собрать плоды отъ брошенныхъ нами сѣмянъ; но не для себя мы и трудимся, а служимъ дѣлу общему. Впрочемъ отъ времени до времени прибываютъ лица, хотя и менѣе значущія, дабы воспользоваться дозволеніемъ торговать; тѣмъ лучше! — Я поощряю это, негласно, но продолжаю давать разрѣшеніямъ моимъ видъ особой милости, мною оказываемой. Пріятель мой Джамалъ-Эддинъ еще не возвратился изъ Караты, гдѣ гоститъ у брата: вѣроятно и его дурныя дороги задерживаютъ. Пока не получу извѣстія о его прибытіи въ Ведено, я не намѣреваюсь отправить туда опять Амтелова. Не могу не повторить еще разъ насколько я сожалѣю о замедленіи, которое происходитъ въ возвращеніи изъ Россіи плѣнныхъ горцевъ, о которыхъ ходатайствовалъ Шамиль; оно тѣмъ болѣе прискорбно, что при всегдашнемъ расположеніи горцевъ къ недовѣрчивости и при крайней трудности ихъ убѣдить въ неизбѣжности такого замедленія, медленность эта ложно истолковывается».

Между тѣмъ восточная война близилась къ окончанію, и наконецъ окончилась Парижскимъ трактатомъ; военныя силы, которыя были сосредоточены на турецко-азіятской границѣ, увеличенныя не малымъ числомъ войскъ, присланныхъ въ подкрѣпленіе Кавказской арміи изъ внутреннихъ губерній, сдѣлались свободными, и весьма естественно возникала мысль объ употребленіи такихъ значительныхъ наличныхъ силъ для нанесенія рѣшительнаго удара Шамилю. Останавливаться передъ слабыми начатками и пока еще весьма не прочными надеждами на мирную развязку Кавказской войны было бы крайне неосторожно, а потому и весьма понятно, что, съ заключеніемъ мира съ Турціею, военныя дѣйствія противъ горцевъ приняли болѣе обширные размѣры, и вниманіе правительства преимущественно сосредоточилось на нихъ. Мысль эту и баронъ Леонтій Павловичъ высказывалъ въ письмѣ изъ Хасавъ-Юрта отъ 30 марта 1856 года.

«Теперь, когда заключенъ миръ, главная задача заключается въ томъ, чтобы обѣими руками взяться за кавказскій вопросъ, дабы съ нимъ покончить, пока есть время и возможность; подобный удобный для того случай можетъ не повториться; числительность войскъ и средствъ въ настоящее время почти удвоена; надобно этимъ воспользоваться, чтобы нанести такіе удары, отъ которыхъ бы горцы не оправились. Когда вспомнишь объ этой въ теченіи 56 лѣтъ открытой раны, стоившей Россіи столько крови и денегъ, то казалось бы, что слѣдовало бы не останавливаться хотя бы и передъ новой жертвой,

единожды принесенной, для того чтобы разъ навсегда освободить здѣшній край отъ этого постояннаго хроническаго недуга. Стоитъ только захотѣть; нужно приняться, дѣло будетъ сдѣлано. Можно возразить: а что-же переговоры, начатые съ Шамилемъ?—На это отвѣчу: не слѣдуетъ пренебрегать и этимъ средствомъ: если непріятель захочетъ послушаться голоса разума, тѣмъ лучше; но выгода уже та, что можно теперь говорить съ нимъ голосомъ болѣе рѣшительнымъ; если онъ согласится протянуть руку, то слѣдуетъ ее принять, и принять откровенно, безъ двуличной политики; но слѣдуетъ требовать такихъ гарантій, которыя обезпечили бы намъ вѣрность даннаго слова, а тамъ въ горахъ пусть себѣ Шамиль будетъ владѣтелемъ; тѣмъ лучше для насъ. Я всегда высказывалъ убѣжденіе, что до окончанія той большой борьбы, которую вела Россія, а въ особенности до окончанія войны съ султаномъ, не возможно ожидать чего либо рѣшительнаго отъ Шамиля; онъ не можетъ сдѣлать такого положительнаго шага, который былъ бы въ противурѣчіи со всею его предшествующею дѣятельностью; онъ не былъ бы въ силахъ остановить фанатическаго потока; ибо религіозный фанатизмъ есть основаніе природы мусульманина; искра эта можетъ по временамъ тлѣть подъ пепломъ; но она никогда не погасаетъ, пока не погаснетъ послѣдняя искра жизненности. Это есть глубокое мое убѣжденіе, которое уже ничто потрясти не можетъ. Мы, въ настоящее время, достигли критическаго момента; какъ только миръ будетъ формально провозглашенъ, а въ особенности когда убѣжденіе въ его дѣйствительности проникнетъ въ умы мусульманъ,—ибо они долго будутъ упорствовать въ отрицаніи его, — надобно будетъ слѣдить за впечатлѣніемъ, которое этимъ будетъ произведено; оно не разомъ обозначится, но скоро. Въ настоящую минуту повидимому барометръ моихъ сношеній съ Ведено опустился; (удивляться такому явленію не слѣдуетъ, ибо въ такомъ дѣлѣ медленной, можно сказать, инфильтраціи надобно готовиться на колебенія) — я это замѣчаю изъ слѣдующаго: въ послѣднемъ моемъ письмѣ я упоминалъ о томъ, что мнѣ придется послать Николая Амтелова въ Ведено съ вещами, о которыхъ просилъ меня Джамалъ-Эддинъ въ письмѣ отъ 10-го марта. Обыкновенно мнѣ, въ подобныхъ случаяхъ, достаточно было дать знать наибу Ауховскому (тайному моему другу), чтобы онъ выслалъ нѣсколько человѣкъ и вьючныхъ лошадей для Амтелова, и такое требованіе немедленно и безпрепятственно исполнялось. На этотъ разъ отвѣтъ замедлился, и затѣмъ наибъ извѣстилъ меня, что онъ обязанъ испросить разрѣшеніе изъ Ведено и ожидать онаго. Такъ какъ онъ самъ всегда расположенъ

мнѣ служить, то надобно предполагать, что произошла какая нибудь перемѣна въ Ведено. Предположеніе это подтверждается доставленнымъ мнѣ недавно моими лазутчиками свѣдѣніемъ, что въ Ведено была произведена пушечная пальба, по поводу полученнаго Шамилемъ письма отъ Омеръ-паши, изъ Кутаиса, которымъ сей послѣдній назначалъ ему свиданіе черезъ два мѣсяца. Народъ этой сказкѣ повѣрилъ, по крайней мѣрѣ для вида, ибо я сомнѣваюсь, чтобы многіе дѣйствительно въ нее увѣровали. Любопытно было бы знать повѣрилъ ли этому самъ Шамиль; сомнѣваюсь въ этомъ и допускаю даже, что это письмо, быть можетъ, старое, въ которомъ онъ измѣнилъ число [1]). Во всякомъ же случаѣ онъ далъ видъ будто бы придаетъ вѣру. Послѣдовала общая радость, пушечные выстрѣлы, и приказаніе всѣмъ достойно готовиться къ ожидаемой встрѣчѣ, запасаться лошадьми, оружіемъ и т. и. (то-же самое было уже продѣлываемо въ 1854 г. передъ нашествіемъ въ Кахетію). Любопытно прослѣдить эту временную вспышку. Нужно впрочемъ сказать, что подобная комедія разъигривается ежегодно, весною, въ то время, когда наши сосѣди, чеченцы, болѣе всѣхъ утомленные войною, истощивъ свои запасы хлѣба и сѣна, и не засѣявъ еще свои поля, выказываютъ наибольшее расположеніе къ переселенію въ наши предѣлы. Въ это время года Шамилю труднѣе всего ихъ удерживать, и поэтому онъ каждый разъ изобрѣтаетъ какую нибудь эфектную штуку, дабы повліять на воображеніе этого легкомысленнаго и легковѣрнаго народа; онъ держитъ его въ такомъ напряженномъ состояніи до того времени, пока чеченцы вынуждены распахать и засѣять свои поля; затѣмъ наступаетъ время покоса, а потомъ и жатвы, и населеніе этимъ способомъ опять приковывается къ своимъ жилищамъ до слѣдующаго года, или по крайней мѣрѣ до сбора своего урожая. Эта хитрость удается ему ежегодно, и весьма естественно, что имя султана употребляется съ успѣхомъ для этой цѣли. Весьма вѣроятно, что и въ настоящій разъ тоже самое повторяется; такой моментъ очевидно самый неблагопріятный для успѣха того дѣла, которое я преслѣдую.

. . . .

Довольно любопытенъ однако тотъ фактъ, что торговцы не перестаютъ пріѣзжать въ Хасавъ-Юртъ и закупать товары, которые увозятъ въ горы. Настоящій моментъ есть, очевидно, моментъ какой-то неурядицы; не слѣдуетъ этимъ смущаться и надобно дать ему пройти,

[1]) Извѣстно, что Омеръ-паша произвелъ осенью 1855 года высадку въ Сухумъ-Кале и дошелъ до рѣчки Цхенисъ-схале, въ 50 верстахъ отъ Кутаиса, откуда долженъ былъ отступить къ Редутъ-Кале. Бар. А. Н.

ожидая впечатлѣнія, которое будетъ произведено положительнымъ извѣстіемъ о заключеніи мира, и когда эти люди вполнѣ убѣдятся, что чтимый ими Хункаръ [1]) имъ измѣнилъ и что они были имъ обмануты. Для Шамиля это будетъ минута горькаго разочарованія; но она можетъ оказаться благодѣтельною для дѣла; если онъ тогда не одумается, нужно будетъ осенью приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Ожидаю сегодня или завтра отвѣта изъ Ведено относительно поѣздки Амтелова; весьма желалъ бы, чтобы она могла осуществиться, дабы пріобрѣсти ключъ къ настоящей сумятицѣ. Если же въ пріѣздѣ его будетъ отказано, я буду ожидать пока они опомнятся и сами будутъ просить, чтобы я предалъ забвенію ихъ минутную вспышку. Слѣдуетъ помнить, что съ этимъ народомъ нужно обходиться какъ съ дѣтьми, и не терять преждевременно терпѣнія въ сношеніяхъ съ ними».

Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1856 г. баронъ Леонтій Павловичъ извѣщалъ, что поѣздка Амтелова въ Ведено состоялась и что она его убѣдила въ неосновательности его подозрѣнія, будто расположеніе умовъ у Шамиля и окружающихъ его измѣнилось; онъ писалъ: «все подвигается по немногу».

Лѣтомъ 1856 года, баронъ Леонтій Павловичъ былъ вызванъ въ Тифлисъ главнокомандующимъ для словеснаго объясненія и затѣмъ провелъ нѣсколько недѣль въ Петровскомъ, принимая морскія ванны. Обстоятельство это, по необходимости, повліяло на правильность сношеній съ Шамилемъ. Въ августѣ того года князь А. И. Барятинскій былъ назначенъ командующимъ кавказскою арміею и исправляющимъ должность намѣстника, на мѣсто генерала Муравьева. Съ пріѣздомъ новаго главнаго начальника было приступлено къ осуществленію составленнаго имъ плана военныхъ дѣйствій. Пользуясь значительнымъ сосредоточеніемъ войскъ на Кавказѣ вслѣдствіе исходатайствованнаго кн. Барятинскимъ разрѣшенія на оставленіе въ его распоряженіи частей войскъ, прибывшихъ изъ внутреннихъ губерній, во время войны, рѣшено было нанести рѣшительный ударъ владычеству Шамиля въ горахъ. Военныя дѣйствія эти начались зимою съ 1856 на 1857 годъ и окончились блистательнымъ походомъ 1859 года и покореніемъ восточнаго Кавказа. Очевидно, что въ такое время начатые мирные переговоры отступили на задній планъ. При томъ осенью 1857 года баронъ Леонтій Павловичъ оставилъ Хасавъ-Юртъ, сдавъ командованіе кабардинскимъ полкомъ полковнику князю Д. И. Святополку-Мирскому, и уѣхалъ въ годовой отпускъ.

---

[1]) Султанъ турецкій.

Въ дополненіе изложеннымъ здѣсь, не лишеннымъ историческаго интереса, свѣдѣніямъ о сношеніяхъ нашихъ съ горцами и Шамилемъ, и для болѣе нагляднаго доказательства насколько распространявшіяся въ горахъ свѣдѣнія о ходѣ восточной войны были ложныя, дѣйствуя на легковѣрные умы горцевъ, и насколько трудно проникало къ нимъ сознаніе объ окончаніи войны съ Турціею, считается не излишнимъ привести нѣкоторыя выдержки изъ разновременно полученныхъ барономъ Л. П. Николаи отъ сына Шамиля, Джамалъ-Эддина, писемъ. Выдержки эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужатъ къ характеристикѣ этого несчастнаго, но достойнаго всякаго сочувствія и уваженія юноши, такъ рано окончившаго свое земное поприще.

Отъ 7 сентября 1855 г. «Еще случай написать вамъ нѣсколько словъ; но едва ли не послѣдній.

. . . .

Еслибы вы знали, Леонтій Павловичъ, до чего глупъ этотъ народъ: между ними распространился слухъ, что меня нарочно прислали сюда, чтобы ихъ подчинить русскимъ. По извѣстіямъ здѣшнимъ союзники раздѣлились на три арміи; англійская на дняхъ должна взять Варшаву; французская взяла Крымъ, идетъ въ Москву; турецкая же двумя колоннами, одна взяла Александрополь, а другая идетъ по горамъ на присоединеніе съ нами, что произойдетъ въ Владикавказѣ, а оттуда совокупно двинется къ Тифлису, въ тылъ русской арміи, и такимъ образомъ всю ее заставятъ положить оружіе. Болѣе новостей нѣтъ...

Прощайте, прощайте, Леонтій Павловичъ, весь вашъ Джамалъ-Эддинъ».

Въ ночь съ 5 на 6 октября 1855 г. «Въ пятницу 30 сентября, я запечаталъ письмо къ турецкому султану. Очень хотѣлось приписать къ нему нѣсколько словъ, что при слѣдующемъ случаѣ непремѣнно и сдѣлаю, чтобы онъ пересталъ морочить горцевъ. Въ маѣ Абдулъ-Меджидъ прислалъ брату, Кази-Магома, знамя съ изображеніемъ (звѣзды надъ луной) и вокругъ сіяніе; луна со звѣздой и сіяніе бѣлая, а остальная часть знамени свѣтлозеленая. Такъ какъ оно оказалось менѣе здѣшнихъ значковъ, то обшили съ трехъ сторонъ широкой красной полосой. Медаль овальной формы около 2 вершковъ длины и 1½ ширины, серебрянная вызолоченная, на срединѣ луна со звѣздой алмазной, также и ободочекъ съ бантомъ. Сверхъ сего еще чинъ паши.

Отцу же обѣщано, по взятіи Тифлиса, короля Закавказскаго.

Въ недавно полученныхъ изъ Азіятской Турціи письмахъ ничего

особеннаго нѣтъ; оттуда обѣщаютъ прислать людей свѣдущихъ въ горной части.

Книги, полученныя мною: всемiрная исторiя Беккера въ 7 частяхъ; ихъ, какъ мнѣ кажется, должно быть больше; всеобщая исторiя Лоренца—двѣ части и первое отдѣленiе третьей (ее вовсе не выписывалъ, не ошибкой ли ко мнѣ прислана?); географiя, безъ атласа. Къ грамматикѣ Греча слѣдуетъ книжка съ рѣшенiемъ вопросовъ. Французско-русскаго словаря нѣтъ. Шахматъ тоже нѣтъ. Къ математикѣ Перевощикова слѣдуетъ прямолинейная тригонометрiя и коническiя сѣченiя. Мнѣ бы хотѣлось еще имѣть: политическую и военную жизнь Наполеона, сочиненiе Жомини съ планами; математическую географiю, химiю, геодезiю, минералогiю, физику, Восемь мѣсяцевъ въ плѣну у горцевъ кн. Чавчавадзе и друг. Въ заключенiе: поварное искуство; микроскопъ, въ 100 разъ увеличивающiй; двѣ табакерки съ музыкой; венецiанскаго бархату малиноваго, синяго, зеленаго по 4 аршина; послѣднiе планы Севастополя съ расположенiемъ войскъ.

Ради Бога, Леонтiй Павловичъ, простите и не взыщите, что такъ безсовѣстно пользуюсь вашей добротой.

У Муссы потрудитесь взять сколько будетъ стоить все съ пересылкою.

Завтра ѣду къ тестю; возвратившись оттуда на другой день, поѣду къ шутнику Хасану, и буду ночевать неподалеко отъ васъ у Азу Ауховскаго. Если бы не отецъ право самъ чертъ не удержалъ бы меня здѣсь. Душою преданъ вамъ Дж.-Эд.».

Отъ 4 мая 1856 г. «Какъ ни желаютъ прекратить сношенiя мои съ вами, и вообще съ русскими, но сама судьба препятствуетъ тому.

Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ отецъ, и сказалъ, что надо послать Муссу въ Хасавъ-Юртъ, а такъ какъ ваше превосходительство дали знать Хату, чтобы онъ ни по какой надобности людей въ укрѣпленiе не посылалъ, а ежели пошлетъ—будутъ тамъ задержаны, то необходимо, чтобы я просилъ васъ о дозволенiи Муссѣ закупить нѣкоторыя нужныя вещи. Могу надѣяться, Леонтiй Павловичъ, что не откажете въ этомъ. Покупка же, какъ мнѣ кажется, собственно для меня; ибо, по окончанiи поста нашего, на другой день будетъ свадьба моя; если чего нельзя найти въ укрѣпленiи, будьте такъ добры, пошлите его куда нибудь въ другое мѣсто.

Вчера прiѣхало нѣсколько человѣкъ отъ Магометъ-Амина съ письмами Омеръ-паши; пишетъ, что въ этомъ мѣсяцѣ онъ двинется на Тифлисъ, о мирныхъ же переговорахъ нѣтъ ни слова. Прiѣхавшiе же

черкесы говорятъ, что дѣйствительно идутъ переговоры, но миръ не заключатъ, если русскіе не согласятся оставить Закавказье и Кавказъ. Судя по газетамъ миръ уже долженъ быть заключенъ; желалъ бы знать условія онаго. Вѣроятно съ каждымъ письмомъ моимъ вы ожидаете что нибудь любопытнаго въ описаніи жизни моей, но она такъ обыкновенна, что считаю совершенно излишнимъ писать что нибудь о ней. Въ проѣздахъ же также нѣтъ ничего замѣчательнаго. Кромѣ лести, самохвальства и сплетни я ничего еще не видалъ...

Отъ 12 августа 1856 г. «Всегда горю нетерпѣніемъ написать къ вамъ хотя нѣсколько словъ; къ несчастію полудикое племя дикихъ нашихъ горъ есть преграда, трудно одолимая.

Вслѣдствіе письма вашего, въ которомъ объяснили предстоящую бурю несчастнымъ горцамъ, прочелъ отцу, чѣмъ и увѣрилъ, что миръ заключенъ между воюющими державами, и что все вниманіе русскихъ обратится на горцевъ. Но приходящія постоянно вздорныя извѣстія, что Омеръ-паша въ Кутансѣ, Александрополь также взятъ и вообще лжи за лжами ввели снова въ сомнѣніе».

Отъ 12-го сентября 1856 г. «Желаю съ вами посовѣтоваться. Дѣло вотъ въ чемъ: отецъ никакимъ образомъ не склоняется къ миру; онъ говоритъ: «что нѣсколько разъ его обманули русскіе и теперь сдѣлаютъ тоже. Но если султанъ Абдулъ-Меджидъ заключилъ миръ и предложитъ намъ сдѣлать тоже, тогда я не вправѣ буду отказаться отъ этого; ибо турецкій султанъ есть глава магометанъ и желаніе его есть свято для каждаго бусурманина (sic)». Я думаю воспользоваться послѣднимъ; здѣсь находится одинъ гератовецъ, Хайрулла, который предлагаетъ свои услуги въ случаѣ одобренія плана дѣйствій съ вашей стороны. Онъ будетъ проситься у отца въ Мекку, въ чемъ ему не откажутъ. Съ нимъ я напишу султану о настоящемъ положеніи Дагестана, и пользу, какую онъ можетъ принести этой горсти несчастныхъ, даруя имъ миръ. Можно дѣйствовать по этому плану или нѣтъ?

Здѣсь распространенъ слухъ, что Турція, Англія и Австрія объявили войну Россіи и Франціи; можно-ли этому вѣрить?»

Въ заключеніе и въ подтвержденіе того недовѣрія, съ которымъ Шамиль относился къ дѣйствіямъ русскихъ властей, подозрѣвая ихъ въ намѣреніи не быть вѣрными данному обѣщанію, приводится два

письма Шамиля къ барону Л. П. Николаи и письмо сего послѣдняго къ имаму.

Переводъ съ арабскаго:

«Отъ князя мусульманъ Шамиля къ начальнику русскихъ генералу барону.

Мы слышали, что вы собрали бѣдныя семейства, которыя вышли изъ Джара для пропитанія своихъ семействъ; это неприлично съ вашей стороны.—И также мы слышали, что вы посылаете нашихъ абрековъ, которые находятся у васъ въ рукахъ, въ Сибирь.

По этому дѣлу вы не обманываете меня, а обманываете сами себя, и съ этимъ вы пошлете вашихъ плѣнныхъ въ гробъ; у васъ есть Сибирь, а у насъ гробъ.

Послѣднее слово мое: если вы передадите всѣхъ плѣнныхъ абрековъ, начиная отъ Башира, въ такомъ случаѣ вы получите своихъ плѣнныхъ, и я буду ожидать отъ васъ отвѣта, имѣете-ли вы намѣреніе отдать нашихъ и взять своихъ, и прошу васъ выбирать изъ двухъ одно: возьмете-ли вашихъ плѣнныхъ или же оставите здѣсь, на что жду отъ васъ скораго отвѣта.

Рамазана 8-го дня 1271 года. [10-го мая 1855 года]».

На это письмо баронъ Л. П. Николаи отвѣчалъ отъ 15-го мая:

«Хасавъ-Юртъ.—Высокостепенному имаму Шамилю.

Я только что возвратился изъ поѣздки и мнѣ вашъ посланный вручилъ ваше письмо. Признаюсь, что оно меня очень удивило и могло бы даже оскорбить. Я очень знаю, что стыдно и очень стыдно обманывать; поэтому я до сихъ поръ никогда не обманывалъ и надѣюсь, что и впредь этого не будетъ. У насъ это считается грѣшнымъ, а для благороднаго человѣка унизительнымъ. Не моя вина, если вы вѣрите коварнымъ языкамъ такихъ людей, которые, по ненависти или невѣжеству, готовы всегда насъ оклеветать; они близки вамъ, я же далекъ; поэтому они остаются правыми. — Когда дѣло шло о размѣнѣ сына вашего, Джемалъ-Эддина, они также пользовались тѣмъ, что, по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ моей воли, переговоры длились, чтобы на каждомъ шагу внушать вамъ, что русскіе васъ обманываютъ; однако на дѣлѣ оказалось, что они лгали. Они только что успѣли стереть съ лица стыдъ, и вотъ они опять начинаютъ свою старую пѣснь; но я ихъ презираю. Жалѣю только, что вы меня еще такъ мало знаете или такъ скоро измѣняете ваше мнѣніе.

Вы, имамъ, полновластны въ вашихъ владѣніяхъ и я знаю, что вамъ только нужно сказать одно слово, чтобы плѣнниковъ освободить

или послать въ гробъ. Но я подобной власти не имѣю; у меня есть начальники, и противъ закона я не могу поступить. Поэтому я не могу такъ скоро дѣйствовать, какъ вы. Я у васъ просилъ списка плѣнныхъ вашихъ, которыхъ вы желаете освобожденія, и по полученіи его сейчасъ послалъ его въ Грозную и въ Тифлисъ, и не обѣщалъ даже вамъ отвѣта къ сроку: сынъ вашъ скажетъ вамъ какъ далеко до тѣхъ мѣстъ, и онъ можетъ вамъ объяснить порядки наши.

Баширъ же самъ абрекъ и скрытно приходилъ подъучать нашихъ мирныхъ кумыкъ къ измѣнѣ; я его давно стерегъ и наконецъ онъ попался; я его наказалъ такъ, какъ и вы, вѣроятно, наказали бы у васъ подобный проступокъ.

То, что я обѣщалъ, то я сдержу, – но я никогда не обѣщалъ, что не буду впредь наказывать тѣхъ, которые будутъ оказываться виновными противъ нашего правительства.

На счетъ же Джарцевъ я удивляюсь вашему обвиненію; не мною они взяты, не мною арестованы; я даже не знаю по какой причинѣ они взяты или они выбѣжали; держу я ихъ только по просьбѣ князя Орбельяни [1]), который пишетъ мнѣ, чтобы я задержалъ ихъ до полученія отъ васъ отвѣта на счетъ ихъ размѣна.

Вотъ сущая правда; не могу заставить васъ мнѣ вѣрить; но совѣсть моя чиста, и какія бы ни были послѣдствія, о которыхъ вы упоминаете, грѣха не будетъ лежать на моей душѣ».

Отъ 8-го іюля того же 1855 года баронъ Л. П. Николаи писалъ Шамилю слѣдующее письмо:

«Высокопочтенному, высокостепенному имаму Шамилю.

Съ удивленіемъ узналъ я, что посланный мой, Николай, посаженъ былъ вами подъ арестъ. Я бы не повѣрилъ этому, еслибы не слышалъ отъ столь вѣрнаго мнѣ человѣка. Я только могу одно сказать, что я не такъ бы поступилъ съ вашимъ посланнымъ; впрочемъ вы это хорошо знаете.

Я сколько разъ васъ просилъ, чтобы вы меня предупредили, если вамъ непріятно, что мой посланный къ вамъ ѣздитъ; то что я дѣ-

---

[1]) Князь Григорій Дмитріевичъ Орбельяни, нынѣ членъ государственнаго совѣта, въ то время командовалъ въ Дагестанѣ. Бар. А. Н.

лаю, я дѣлаю открыто; я ожидалъ, что и вы со мною такъ будете поступать. Если мой человѣкъ былъ въ чемъ либо виновенъ, то вы могли меня о томъ увѣдомить; я самъ бы его наказалъ; но такъ это обстоятельство остается для меня непонятнымъ; ибо не могу думать, чтобы имамъ хотѣлъ измѣнить своему слову.—Я ожидалъ, что ко мнѣ пріѣдетъ Хассанъ и объяснитъ мнѣ это дѣло; но до сихъ поръ я его не видалъ.

Чтобы доказать, что я, съ своей стороны, умѣю сдержать свое слово, то могу вамъ сообщить, что я получилъ отъ нашего главнокомандующаго увѣдомленіе, что онъ самъ написалъ Государю Императору и просилъ о высылкѣ сюда тѣхъ плѣнныхъ горцевъ, которые помѣщены въ присланномъ вами спискѣ. Поэтому можно полагать, что дѣло это сдѣлано; надобно только дать время имъ прибыть, а вы знаете, что туда далеко».

Отвѣтъ Шамиля отъ іюля—безъ означенія числа. Онъ написанъ по русски, и къ нему приложена, въ концѣ, печать имама; списывается дословно:

«Ваше превосходительство.

На письмо ваше отъ 8-го іюля отвѣтствую, что если удостовѣрились вы, что человѣкъ вашъ, Николай, посаженъ мною подъ арестъ, то это дѣйствительно, потому что былъ заслуженъ этому онъ собственно своею грубостью; что же касается до требуемыхъ мною арестантовъ, о которыхъ вы получили (какъ говорите) отъ главнокомандующаго увѣдомленіе, то я, съ крайнимъ сожалѣніемъ васъ увѣдомляю, г. генералъ, что я никакъ не могу дать этому вѣры, ибо видя неоднократныхъ таковыхъ предметовъ, которые опровергали своихъ словъ. Поэтому повторяю симъ просьбу свою и прошу о возвратѣ арестантовъ, назначенныхъ въ спискѣ, сдѣлать распоряженіе. Имамъ всѣхъ горскихъ народовъ Шамиль».

Когда требовалось задобрить для того, чтобы была уважена просьба, то тонъ письма измѣнялся; такъ въ числѣ оставшихся бумагъ находится письмо, также по русски писанное, въ Дарго, съ приложеніемъ печати Шамиля, слѣдующаго содержанія:

«Честнѣйшій баронъ.

Освѣдомился я, что взятые изъ Ахульго—изъ плѣнныхъ нѣкоторые находятся въ Кизлярѣ и въ укрѣпленіи Капчугай, именно жительки сел. Балахи жена Магома Гази-Чакаръ съ двумя дочерьми, того же селенія дочь Магома Алія, Зурга, находятся въ Кизлярѣ, и двое женщинъ, именно: мать съ дочерью изъ сел. Бетлитлы нахо-

дятся въ укрѣп. Капчугай. Почему прошу ваше превосходительство о доставленіи ихъ въ Хасавъ-Юртъ сдѣлать свое распоряженіе для вымѣна ихъ за грузинъ, здѣсь находящихся.

Остаюсь имамъ всѣхъ горскихъ народовъ. Шамиль».

(Печать имама).

6 числа мѣсяца Магарамъ. Дарго.
(Года не обозначено).

Сообщ. Баронъ А. П. Николаи.

ЗАПИСКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II О КАВКАЗѢ.

1860 г.

Въ ряду сподвижниковъ въ Бозѣ почившаго Государя Александра II одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ кн. А. И. Барятинскому. Читателямъ „Русской Старины" достаточно извѣстны отзывы о заслугахъ покойнаго фельдмаршала († 26-го февраля 1879 г.) нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ боевой его дѣятельности, всецѣло посвященной Кавказу (см. т. XXVII, стр. 289—318; т. XXIX, стр. 97—108; т. XXX, стр. 247—318). Но какъ бы основательны и безпристрастны ни были эти отзывы, будущему историку минувшаго царствованія крайне важно мнѣніе усопшаго Государя о кн. Барятинскомъ, управленію котораго онъ ввѣрилъ одну изъ важнѣйшихъ окраинъ государства. Съ этою именно цѣлью мы печатаемъ здѣсь записку Императора Александра, собственноручно написанную Его Величествомъ въ 1860 году. Но документъ этотъ знаменателенъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ немъ державный Монархъ высказалъ свой взглядъ на Кавказъ и на то затруднительное положеніе, въ какое Россія была поставлена по содержанію дѣйствующей на немъ арміи. Извѣстно, что въ эпоху сокрушенія власти Шамиля (въ 1859 г.) Кавказская армія считала въ своихъ рядахъ 308,699 чел., и что содержаніе ея всею тяжестью лежало на Россіи, такъ какъ мѣстные доходы Кавказа съ трудомъ могли покрывать расходы по гражданской администраціи края.

Ад. П. Берже.

О постепенномъ уменьшеніи войскъ Кавказской арміи.

Сознавая всю важность военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, предпринятыхъ со времени назначенія кн. Барятинскаго главнокомандующимъ Кавказскою арміею, Я не щадилъ ни расходовъ, ни

средствъ къ усиленію тамошнихъ войскъ. Блистательные результаты, достигнутые съ Божіею помощью и благодаря дѣльнымъ распоряженіямъ кн. Барятинскаго, въ особенности въ 1859 году, вполнѣ оправдали и, могу по совѣсти сказать, превзошли Мои надежды.

Власть Шамиля сокрушена; онъ самъ въ нашихъ рукахъ, и война, стоившая намъ столько крови на восточномъ Кавказѣ, кончена, надѣюсь, навсегда.

Магомедъ-Аминъ, съ самымъ многолюднымъ населеніемъ праваго крыла Кавказской линіи, призналъ также наше владычество. Есть слухи, что Натухайцы послѣдовали его примѣру. Можно надѣяться, что съ появленіемъ сильнаго отряда ген. Филипсона въ землѣ Абадзеховъ, и Шапсуги и Убыхи принесутъ также намъ покорность, если не въ нынѣшнемъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ будущемъ 1861 году. Тогда намъ останется лишь упрочить наше владычество: 1) введеніемъ сколько возможно правильной и справедливой администраціи во вновь покоренныхъ племенахъ, 2) прочнымъ укрѣпленіемъ важнѣйшихъ пунктовъ стратегическихъ и 3) проложеніемъ надежныхъ и во всякое время года удобныхъ путей сообщенія, къ чему уже, какъ Мнѣ извѣстно, приступлено съ полнымъ успѣхомъ, какъ въ Чечнѣ, такъ и въ Дагестанѣ и по бывшей Лезгинской линіи.

Для достиженія сихъ важныхъ и необходимыхъ мирныхъ результатовъ нужны также средства и денежныя и матеріальныя, т. е. руки. Вотъ почему я согласенъ оставить на 1860 годъ на Кавказѣ всѣ войска, временно туда командированныя.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Я желаю и требую, чтобы кн. Барятинскій не терялъ изъ вида, что далѣе нынѣшняго года войска сіи тамъ оставаться не могутъ, а должны быть возвращены на постоянныя свои квартиры.

Кромѣ сего, имѣя въ виду Мое непремѣнное желаніе, чтобы дѣйствующіе пѣхотные полки Кавказской арміи были мало по малу приводимы въ 3-хъ баталіонный 2-хъ шереножный составъ, Я желаю, чтобы сему было положено хотя начало въ нынѣшнемъ году, тѣмъ, чтобы 5-е баталіоны были теперь же расформированы и влиты въ составъ 4-хъ баталіоновъ своихъ же полковъ. Этою мѣрою число людей не уменьшится, но значительно сократится число штабъ и оберъ-офицеровъ, которыхъ, не увольняя отъ

службы, переводить въ Россію. 3,500 чел., нужные для усиленія инвалидныхъ и образованія новыхъ этапныхъ командъ, могутъ быть теперь же взяты изъ полковъ 18-й пѣхотной дивизіи, которые привести теперь же въ 3-хъ баталіонный составъ.

За симъ на сформированіе новыхъ отдѣльныхъ частей Я рѣшительно не согласенъ.

Желаю также, чтобы въ нынѣшнемъ же году было уменьшено число Донскихъ полковъ сколько возможно, о чемъ кн. Барятинскому представить свои соображенія.

Вмѣсто назначенія, на каждую пѣхотную дивизію Кавказской арміи, по одному лишнему помощнику дивизіоннаго начальника, какъ о семъ представлялъ кн. Барятинскій, разрѣшаю, пока пѣхотные полки не будутъ приведены въ 3-хъ баталіонный составъ, имѣть по одному полковому командиру въ каждой дивизіи въ чинѣ генералъ-маіора.

На счетъ артилеріи представить соображеніе, нельзя ли теперь же уменьшить составъ полевыхъ бригадъ.

Отдавая полную справедливость кн. Барятинскому за дѣльныя его распоряженія, какъ по военной части, такъ и по гражданскому управленію Кавказскаго края, Я увѣренъ, что съ свѣтлымъ и государственнымъ умомъ его онъ не будетъ терять изъ виду, что Кавказъ есть часть Россіи и что Россія вправѣ отъ него требовать, что бы, при теперешнемъ затруднительномъ нашемъ финансовомъ положеніи, онъ съ своей стороны помогалъ ей уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ расходовъ.

Виды его на будущее, лично имъ мнѣ сообщенные, обѣщаютъ важные результаты, но дѣло идетъ о теперешнемъ затруднительномъ положеніи государства, слѣдовательно, хотя Я и сознаю всю ихъ пользу, но необходимо ихъ отложить до времени, если средства Кавказскаго края недостаточны для покрытія нужныхъ для сего расходовъ, ибо государственное казначейство рѣшительно не можетъ ничего для этого удѣлить.

Александръ.

Сообщ. Ад. П. Верже.

Л. А. МЕЙ.

Помѣщаемъ, доселѣ не напечатанный, переводъ чешской пѣсни, сдѣланный покойнымъ Львомъ Александровичемъ Меемъ.

Переводъ этотъ исполненъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ 1860 г. умеръ В. Ганка, такъ много потрудившійся на поприщѣ славянской науки и литературы, оставивъ семью въ безъисходно-бѣдственномъ положеніи. Ганка пользовался благоволеніемъ покойнаго императора Николая и имѣлъ отъ него орденъ св. Анны, которымъ чрезвычайно гордился. Нашъ профессоръ и деканъ филологическаго факультета И. И. Срезневскій, (нынѣ также умершій), обратился ко мнѣ, своему любимому слушателю, съ просьбой помочь ему въ устройствѣ концерта, сборъ съ котораго могъ бы быть посланъ крайне нуждающейся семьѣ Ганки. Я, конечно, принялъ его просьбу съ большимъ удовольствіемъ и, при весьма дѣятельномъ участіи г. Воячка (профессора консерваторіи), товарища моего студента Кривцова и еще нѣкоторыхъ лицъ, работа у насъ закипѣла. Намъ хотѣлось наполнить программу концерта преимущественно произведеніями Ганки, положенными на музыку, но при этомъ нужно было текстъ Ганки (чешскій) перевести на русскій языкъ. Нѣкоторыя пѣсни были переведены нами, но одну высокопатріотическую пѣснь, хотя краткую, но полную могучей поэтической силы, мы переводить не рѣшились. Я поѣхалъ къ А. Н. Майкову, прося его сдѣлать переводъ. Аполлонъ Николаевичъ послалъ меня къ Л. А. Мею, какъ къ болѣе могучему переводчику подобныхъ произведеній. Л. А. Мей взялся съ полною готовностью сдѣлать переводъ, и черезъ два дня я получилъ отъ него нижепапечатанныя строки.

Деньги, вырученныя отъ концерта (сколько мнѣ помнится, 600 гульденовъ) были тотчасъ же посланы въ Прагу для доставленія семьѣ Ганки.

Помѣщаю и текстъ подлинника, но не ручаюсь за его ореографію; что же касается до перевода, то онъ безошибочно вѣренъ.

Текстъ.

Narody ne hasnou
Dokutᶜ jazik žije,
Maji bydnost jasno;
Ala jako zmjzi
Cizota se viji
Kde proně žiti hasné
Dŭch i slavá hnije.

В. Ганка.

Переводъ.

Не сгубить народа,
Не сгубить и края
Тамъ, гдѣ въ родъ изъ рода
Рѣчь звучитъ родная.
Гдѣ жъ шипитъ чужая,
Что змѣя лихая—
Гаснетъ слава края!

1860 г. Л. А. Мей.

Сообщ. А. И. Старкъ.

6-ое НОЯБРЯ.

„Русская Старина“ въ теченіи тринадцати лѣтъ своего изданія многократно останавливала вниманіе читателей на годовщинахъ достопамятныхъ, славныхъ событій въ новѣйшей Отечественной исторіи.

Спустя пять дней по выходѣ этой книги—6-го ноября—истекаетъ первое пятилѣтіе со дня, озареннаго незабвеннымъ подвигомъ русскаго воинства, предводимаго, подъ высшимъ главенствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, однимъ изъ доблестнѣйшихъ вождей Кавказа генер. адъютантомъ Михаиломъ Таріеловичемъ Лорисъ-Меликовымъ.

Помѣщая при настоящей книгѣ превосходный портретъ этого полководца, исполненный рѣзцомъ лучшаго въ наше время гравера на мѣди академика И. П. Пожалостина, мы долгомъ считаемъ вспомнить тотъ славный день, когда предъ военнымъ геніемъ, доблестью, самоотверженіемъ русскаго человѣка—пали твердыни неприступнѣйшей крѣпости, грознаго Карса.

8-го ноября 1877 г. на полѣ, обагренномъ кровью храбрыхъ, побѣдители впервые праздновали свою изумительную, полную героизма, побѣду.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ [1]) этотъ незабвенный день:

„Великій князь Михаилъ Николаевичъ, при звукахъ „Боже,

---

[1]) Кн. В. Мещерскій: „Кавказскій путевой дневникъ“ 1877—1878 гг. стр. 301—304.

Царя храни", объѣзжалъ войска. Подъѣдетъ къ полку. П
салюта онъ дѣлаетъ знакъ рукою. Музыка стихаетъ. Наст
торжественная тишина.

Тогда раздается его звучный и громкій голосъ.

— Государь Императоръ,—говоритъ Великій Князь,—кото
вы обрадовали новою побѣдою, поручилъ мнѣ объявить вамъ
царское сердечное „спасибо".

„Ура" гремитъ, какъ раскатъ грома.

Прострѣленныя знамена заколыхались, сіяютъ всѣ солда
лица. На душѣ весело и легко.

Послѣ объѣзда всѣхъ войскъ Великій Князь скомандовал
молитву, потомъ сошелъ съ коня, подозвалъ всѣхъ офицеро
отправился къ мѣсту служенія молебна.

Во время молебна были чудныя минуты.

Давно уже бѣдные солдаты не слыхали стройнаго и торж
веннаго богослуженія. На столѣ иконы, въ числѣ иконъ
поднесенный Великому Князю складень отъ артиллерійскаго
домства; возлѣ иконъ стояла кружка. Солдатики поочередно
ходили изъ рядовъ, подходили къ столу, клали земной пок
и затѣмъ свои копѣечки вносили въ кружку.

Благодарственная молитва была прочитана съ колѣнопр
неніемъ. Послѣ молебствія провозглашено было многолѣтіе
дарю императору.

Въ эту минуту ракета взлетѣла наверхъ, и мигъ спуст
грознаго Карадага послышался первый выстрѣлъ. Затѣмъ в
лилъ Арабъ, потомъ Тахмасъ и затѣмъ всѣ 101 выстрѣлъ;
ляли поочередно всѣ форты грознаго и столь долго непобѣди
Карса. Невольно всѣ взоры устремились къ этимъ гигантамъ-
тамъ и еще разъ мы всѣ почувствовали потребность поблагода
Бога за это чудо, содѣянное Имъ во славу Его имени. К
стали замирать въ воздухѣ послѣдніе звуки громкаго много
за государя императора, діаконъ спустилъ голосъ октавою
и минорнымъ тономъ, но ясно и съ глубокимъ чувствомъ ска
„во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи,
столюбивымъ воинамъ, на семъ полѣ брани за вѣру, Ца
отечество животъ свой положившимъ, и сотвори имъ вѣ
память"!

Великій Князь, при первыхъ звукахъ этой молитвы, пр

нилъ колѣна и съ благоговѣйнымъ, глубокимъ чувствомъ, отражавшимся на его лицѣ, сотворилъ молитву.

Всѣ на полѣ битвы преклонили за нимъ колѣна. Пушечная пальба продолжалась, воздухъ дрожалъ, пѣвчіе пѣли: „вѣчная память!“ и невольно, при видѣ этого чуднаго зрѣлища и слушая это сліяніе молитвы съ трескомъ грозныхъ орудій, душа испытывала какъ все праздновавшее въ эти минуты, подъ голубымъ и яснымъ небомъ, двойное торжество, сливалось и объединялось съ душами храбрыхъ воиновъ, купившихъ своею смертью этотъ праздникъ. Потомъ, послѣ многолѣтія храброму воинству, знамена, стоявшія передъ иконами, были подняты и при салютѣ всѣхъ войскъ отнесены по полкамъ. Тогда старшій священникъ, съ крестомъ и святою водою, въ сопровожденіи одного Великаго Князя, отправился по рядамъ войскъ и, обойдя всѣхъ, окропилъ ихъ и осѣнилъ крестомъ.

Послѣ этого начался парадъ.

Войска стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Куда дѣвались усталыя и скучныя лица двухъ дней назадъ, куда дѣвались холодъ и зябкость, куда дѣвались дырявые сапоги, изношенныя платья, запачканныя кепи,—все блистало съ иголочки, все точно помолодѣло, солдаты, точно засидѣвшись, промяться захотѣли, шагали они точно въ мирную годину на парадѣ и глядѣли такъ, какъ-будто весь вѣкъ свой и тепло имъ было, и сыты были, и объ усталости понятія не имѣли.

Послѣ церемоніальнаго марша произошла глубоко-впечатлѣвшая всѣхъ и поразившая неожиданностью сцена.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ передъ всѣмъ фронтомъ войскъ выѣхалъ, поднялъ саблю и, отсалютовавъ корпусному командиру М. Т. Лорисъ-Меликову, крикнулъ ему „ура!“

Лорисъ-Меликовъ снялъ каску, бросился къ Великому Князю, который его горячо обнялъ, и затѣмъ поклонился съ глубокимъ волненіемъ кричавшему отъ всего сердца „ура“ возлюбленному своему кавказскому войску.

Всѣ были рады этому торжеству въ честь М. Т. Лорисъ-Меликова.

—„Каково, вотъ честь! Ай-да Великій Князь! А заслужилъ“,—вотъ слова, которыя я слышалъ кругомъ въ толпѣ генераловъ и офицеровъ; всѣ были рады“.

Прошло еще два мѣсяца неустанныхъ боевыхъ трудовъ, шеній, два мѣсяца войны, и вотъ 19-го февраля 1878 г. С Стефанскій миръ покрылъ лаврами побѣдителей.

Прекрасенъ приказъ ген.-ад. М. Т. Лорисъ-Меликова, от ный имъ въ тѣ достопамятные дни по войскамъ дѣйствую корпуса на кавказско-турецкой границѣ, отъ 28-го февраля 187 года, въ городѣ Эрзерумѣ [1]):

— „По волѣ великаго нашего Государя, война съ Тур окончена—и 19-го сего февраля заключенъ миръ.

„Боевые сподвижники мои! Съ 12-го апрѣля прошлаго много оказано вами отличій, много вынесено неимовѣрныхъ довъ, но за то вы достигли сердца малой Азіи, и почти вся боя взятая вами земля, присоединена къ россійской державѣ

„Поздравляю васъ съ окончаніемъ славной войны и съ стящимъ миромъ. Вы честно и геройски выполнили слова, которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ ствій; подъ знаменами вашихъ отцовъ и дѣдовъ вы снова за пили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и в міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская к которая не разъ являла чудеса храбрости. До пятисотъ взя вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ жатъ тому доказательствомъ.

„Овладѣніе штурмомъ крѣпости Ардагана, дѣйствія эри скаго отряда и двадцати-трехдневная оборона осажденнаго зета, разгромъ анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ непрія ской крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухта Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля, трудностямъ, с жестокой зимы, въ безлѣсной мѣстности и на высотѣ семи сячъ футъ, строгая блокада Эрзерума и другіе ваши подвиг дутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной ист

„Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблесте десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій не разъ за жили вы дорогое царское спасибо, благодарность нашего Авгу

[1]) Необходимо замѣтить, что приказъ этотъ былъ изданъ до Берлин конгресса, котораго тогда никто не могъ ожидать.

Ред.

шаго Главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей. Относясь съ высокимъ и неизгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю Провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастье—съ начала и до конца войны быть во главѣ дѣйствующаго корпуса, достойнаго преемника старыхъ кавказскихъ бойцевъ.

„Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты славнаго мира; воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, осиротѣвшимъ послѣ войны, а когда судьба вернетъ насъ къ родному очагу, будемъ наставлять дѣтей нашихъ, внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ очередь, по первому слову Царя шли умирать за Отечество съ такою же беззавѣтною готовностью, какою были преисполнены во все время войны всѣ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса, отъ перваго и до послѣдняго.

„Командующій дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Михаилъ Лорисъ-Меликовъ“ [1]).

Въ Апрѣлѣ 1878 г. генералъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ сдалъ командованіе дѣйствующимъ корпусомъ и, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ отпускъ.

Вотъ какими напутственными словами сопровождалъ Августѣйшій Главнокомандующій это увольненіе въ приказѣ, отданномъ 12-го апрѣля 1878 г., въ С.-Петербургѣ, по кавказской арміи и по кавказскому военному округу [2]).

„Высочайшимъ приказомъ отъ сего числа, командующій дѣйствующимъ корпусомъ кавказской арміи, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ уволенъ въ отпускъ для излеченія болѣзни.

„Я увѣренъ, что вся кавказская армія раздѣлитъ со мною глубокое сожалѣніе объ оставленіи генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, хотя и временно, рядовъ ея, среди которыхъ имя его останется навсегда связаннымъ со всѣми доблестными подвигами войскъ дѣйствующаго корпуса въ минувшую кампанію.

---

[1]) См. «Описаніе боевой жизни въ войну 1877—1878 гг. Эриванскаго полка», приложенія.

[2]) „Правительственный Вѣстникъ“, 17 апрѣля 1878 г, № 86.

„Не одна новая блестящая страница внесена имъ въ сла военныя лѣтописи войскъ, ему ввѣренныхъ, съ которыми в ченіи восемнадцати мѣсяцевъ дѣлилъ онъ геройскіе труды і желыя лишенія, выпавшіе на ихъ долю; а взятіе Ардагана на высотахъ Аладжи, сраженіе на Деве-Бойну и безпримѣ въ исторіи штурмъ Карса—составятъ навсегда гордость ру арміи.

„Глубокая, душевная признательность Моя, любовь и у ніе боевыхъ товарищей и искреннее русское спасибо сол привыкшихъ видѣть своего корпуснаго командира въ неустан попеченіяхъ и заботахъ о нихъ, да послужатъ генералъ-а танту Лорисъ-Меликову залогомъ тѣхъ чувствъ, съ кото встрѣтитъ его кавказская армія, когда возстановленное здо дозволитъ ему вернуться вновь въ ряды ея.

„Главнокомандующій, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ".

Привѣтъ—въ день пятой годовщины взятія Карса — воа доблестной Кавказской арміи, привѣтъ храбрымъ воинамъ, солдата до генерала,—предъ мужествомъ которыхъ пали твер одной изъ неприступнѣйшихъ въ мірѣ крѣпостей и вѣчная, сл память тѣмъ, кто сложилъ свою голову подъ Карсомъ въ на 6-е ноября 1877-го года. Ред.

ОПИСАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГА И КРОНШЛОТА

въ 1710-мъ и 1711-мъ гг.[1]).

[Перев. нѣмецкой книжки, изд. H. G въ 1713 г. въ Лейпцигѣ].

[Окончаніе].

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ВЫСОКОЙ ОСОБѢ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Родословная его царскаго величества уже находится въ другихъ книгахъ, почему я и не коснусь ея здѣсь. Царь Петръ Алексѣевичъ высокаго и статнаго роста, лицомъ смугловатъ, черты имѣетъ правильныя и живыя, придающія ему величественный и мужественный видъ; свои кудрявые волосы онъ не любитъ прикрывать парикомъ и носитъ усы, которые ему очень къ лицу. Обыкновенная одежда царя такъ проста, что не знающему его никакъ не придетъ въ голову, чтобы подъ нею могъ скрываться столь великій монархъ. Онъ не охотникъ ни до внѣшняго блеска, ни до многочисленной прислуги, и мнѣ часто случалось встрѣчать его въ сопровожденіи слуги, много двухъ, а порою и совсѣмъ одного. Кромѣ русскаго языка, царь изрядно разумѣетъ по нѣмецки и еще лучше по голландски. Онъ имѣетъ особенную наклонность ко всѣмъ умозрительнымъ наукамъ, болѣе же всего къ математикѣ и механикѣ, и часто проводитъ досужные часы за точеніемъ разныхъ вещей изъ слоновой кости. Болѣе всего онъ употребляетъ времени и усердія на судоходство и судостроеніе, въ чемъ и достигъ немалаго искусства. Мнѣ зачастую самому случалось видѣть какъ онъ лично распоряжался на корабляхъ и ко всѣмъ работамъ прилагалъ собственную руку. Его Величество столько же набоженъ, сколько отъ природы благоду-

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1882 г., томъ XXXVI, октября, стр. 33—60.

шенъ и милостивъ. Носится слухъ, что ему весьма желат
было бы ввести нѣкоторыя полезныя преобразованія и улу
нія въ русской вѣрѣ; такъ, имъ уже отмѣнено, напримѣръ,
ричное, для переходящихъ въ эту вѣру изъ другихъ хрис
скихъ исповѣданій, крещеніе погруженіемъ въ воду, а его
разрѣшена отъ соблюденія продолжительныхъ и строгихъ
стовъ, въ которые запрещается употребленіе всякаго мяса.
рятъ также, что Его Величество хочетъ, чтобы въ русскихъ
квахъ, вмѣсто одного теперешняго чтенія и пѣнія молитвъ
стоянно проповѣдывалось, по примѣру другихъ христіанс
народовъ, слово Божіе на природномъ языкѣ и чтобы свящ
писаніе, распространенное только въ славянскомъ переводѣ,
весьма посредственномъ, было переведено на общенародный
скій языкъ и стало понятнымъ всякому, даже простолюдину.
конецъ Его Величество намѣренъ заставить архимандрит
священниковъ болѣе прилежать къ ученію и наукамъ, иб
перь, для посвященія въ духовный санъ, достаточно быт
множко грамотнымъ. Но какъ Его Величество занятъ въ на
щее время большою войною, да и народъ русскій такъ п
занъ къ старымъ обычаямъ, что введеніе новыхъ, хотя бы
мыхъ полезныхъ, легко произвело бы мятежъ, то всѣ эти б
намѣренія царя еще не могутъ, до времени, быть вполнѣ ос
ствлены. Его Величество нельзя упрекнуть ни въ высоком
ни въ надменности, потому что онъ милостиво и охотно
пaетъ въ разговоръ даже съ самымъ послѣднимъ матросомъ.
разсказывали, что когда однажды король Шведскій гласно
зилъ свое намѣреніе свергнуть Русскаго Монарха съ прес
то послѣдній, услышавъ о томъ, отозвался: „кичливость обы
венно предшествуетъ паденію", и эти слова оправдались, вс
за тѣмъ, Полтавскою битвою. Извѣстно также, что царь лю
и уважаетъ достойныхъ генераловъ, офицеровъ и вообще л
свѣдущихъ, и это онъ явно доказалъ при кончинѣ генерала
форта и генералъ-маіоровъ Шлунда и фонъ Кирхена. Во
неоспоримо, что Его Величество одаренъ отъ природы в
здравымъ и острымъ умомъ; если же онъ во всѣхъ своихъ
лахъ и предпріятіяхъ быстръ и неутомимъ, то въ дальновид
планахъ очень осмотрителенъ и остороженъ и, обдумывая
сперва со всѣхъ сторонъ, никогда не уклоняется отъ совѣт

мъ съ своими министрами и генералами, для чего соби-
ихъ у себя, или ѣздитъ къ нимъ, или же видится съ ними
етьемъ мѣстѣ. День свой онъ проводитъ, избѣгая всякой
ности, въ безпрестанномъ трудѣ. Утромъ Его Величество
ъ очень рано и я, не однажды, встрѣчалъ его въ самую
ю пору на набережной, идущимъ къ князю Меншикову,
ъ адмираламъ, или въ адмиралтейство и на канатный дворъ.
етъ онъ около полудня, все равно гдѣ и у кого, но охот-
сего у министровъ, генераловъ или посланниковъ. Въ числѣ
хъ учрежденныхъ имъ ассамблей и собраній, назначено
между прочимъ, сходиться у царскаго мундкоха, родомъ
[1]), къ которому каждую пятницу собирались всѣ знатнѣй-
ельможи и офицеры, русскіе и нѣмцы, платя за угощеніе
рвонцу, и изъ этого взноса нерѣдко составлялась сумма въ
0 и болѣе червонцовъ. Послѣ обѣда, отдохнувъ, по рус-
обычаю, съ часъ времени, царь снова принимается за ра-
и уже поздно ночью отходитъ къ покою. Карточной игры,
и тому подобнаго онъ не жалуетъ и единственную его по-
которою онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ монар-
составляетъ плаваніе по водѣ. Вода, кажется, настоящая
тихія и онъ нерѣдко катается по цѣлымъ днямъ на буерѣ
шлюпкѣ, упражняясь въ управленіи парусами, въ чемъ пере-
жетъ его развѣ только одинъ господинъ вице-адмиралъ Кор-
ь Крюйсъ. Эта страсть доходитъ въ царѣ до того, что его
прогулокъ по рѣкѣ не удерживаетъ никакая погода: ни
, ни снѣгъ, ни вѣтеръ. Однажды, когда рѣка Нева уже
и только передъ дворцемъ оставалась еще полынья, окруж-
) не болѣе сотни шаговъ, онъ и по ней катался взадъ и
дъ на крошечной гичкѣ. Послѣ изданія указа, дозволявшаго
ъ плыть по рѣкѣ не иначе какъ подъ парусами, онъ разъ
забралъ подъ арестъ не малое число нарушившихъ это
новленіе шлюпокъ, вмѣстѣ съ находившимися на нихъ людьми,
качествѣ шаубенахта, подчиненнаго господину генералъ-
алу Апраксину, привелъ ихъ къ послѣднему, гдѣ каждая
латилась отъ 20-ти до 30-ти рублей. Когда рѣка уже по-

---

[1]) У Ивана Фельтена, опредѣленнаго въ 1704 году царскимъ мундкохомъ.

крылась крѣпкимъ льдомъ, царь приказалъ расчистить на ней, вдоль набережной, пространство шаговъ во сто въ длину и въ тридцать въ ширину и ежедневно сметать съ него снѣгъ, и я самъ видѣлъ какъ онъ катался по этой площадкѣ, вдоль и поперегъ, подъ парусами, на небольшихъ красивыхъ шлюпкахъ или буерахъ, поставленныхъ на полозья и коньки и особеннымъ способомъ скрѣпленныхъ желѣзомъ и сталью, и такимъ образомъ даже на гладкомъ льду упражнялся въ любимой своей забавѣ [1]).

Въ военномъ дѣлѣ и въ маневрахъ, какъ на сухомъ пути такъ и на морѣ (честь хорошаго имъ обученія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, иностранцамъ и наиболѣе нѣмцамъ и голландцамъ), царь очень опытенъ, ибо, ради добраго примѣра своему народу, самъ прошелъ всѣ низшія степени, начавъ отъ мушкатера, барабанщика и матроса; въ мое время онъ уже имѣлъ чины: въ сухопутномъ войскѣ генералъ-лейтенанта, а во флотѣ шаубенахта, по которымъ и производилось ему изъ казны обыкновенное жалованье [2]). Замѣтилъ я также, что когда флотскіе чины имѣли до него какое нибудь дѣло, то должны были называть его не царскимъ величествомъ, а господиномъ шаубенахтомъ, и только въ такомъ случаѣ онъ выслушивалъ подаваемыя ему просьбы и жалобы, которыя отсылалъ потомъ къ адмираламъ.

Какъ царь занимается внутренними и внѣшними дѣлами, какъ онъ принимаетъ ихъ близко къ сердцу, какъ все важнѣйшее самъ устроиваетъ и распоряжаетъ, какъ стремится къ улучшенію своей державы и къ просвѣщенію своего народа, какъ имѣетъ теперь своихъ посланниковъ и агентовъ при всѣхъ дворахъ и на всѣхъ концахъ земли, и какъ, наконецъ, печется о томъ, чтобы знатнѣйшіе изъ его подданныхъ ѣздили въ чужіе краи и обучались тамъ всему полезному для ихъ родины,—все это было бы

[1]) Деньщикъ Нартовъ, описывая такое зимнее лавированіе, разсказываетъ, что царь при этомъ нерѣдко говаривалъ: „мы плаваемъ по льду, чтобы зимою не забыть морскихъ экзерцицій". Приглашенныхъ на подобныя катанья гостей потчивали горячимъ пуншемъ.

[2]) Чинъ шаубенахта царь принялъ послѣ Полтавской битвы. О жалованьѣ, производившемся ему по заслуженнымъ чинамъ, онъ (по словамъ Нартова) говорилъ: „сіи деньги собственныя мои, я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно, объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу". Щуб. Библ.

:омъ долго описывать. Объ одномъ только я упомяну, именно го Величество намѣревается проложить, черезъ пустыни, лѣса, болота и рѣки, новую широкую и, по возможности, ю и ровную дорогу отъ Москвы до С.-Петербурга, на проін слишкомъ 200 миль, съ устройствомъ на ней, для удобпроѣзжихъ, отъ станціи до станціи постоялыхъ дворовъ и інь. Если это ему удастся, то будетъ, конечно, дѣломъ веъ.

э излишне здѣсь сказать еще о томъ чтó значитъ такъ намая верста. Она равняется почти четверти нѣмецкой мили ютъ составляютъ одну милю) [1]) и всѣ разстоянія въ Рос:числяются этою мѣрою. При переѣздѣ изъ одного города угой, на каждой верстѣ встрѣчаешь столбъ, на которомъ ухъ сторонъ написано или вырублено сколько между тѣми ми верстъ, такъ что тотчасъ можно знать какое пространпроѣхалъ и сколько еще остается ѣхать. Такъ, напримѣръ, С.-Петербургомъ и Нарвою считаютъ 164 версты и слѣльно на этой дорогѣ стоитъ 164 столба; если на одномъ ихъ, положимъ со стороны Нарвы, показано 23, то къ стоС.-Петербурга значится 141 и т. д.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ МИНИСТРОВЪ.

оежде всего упомяну о князѣ Меншиковѣ, какъ о знатнѣйизъ министровъ и первомъ издавна любимцѣ царскомъ. ысокъ ростомъ и статенъ и по истинѣ можетъ хвалиться

Бернулли еще въ 1778 году писалъ (IV, 274 и 275), что вёрсты въ Россіи величины, не столько по правиламъ закона, сколько по большему льшему расположенію землемѣровъ къ почтосодержателямъ, такъ что общей мѣры по 7-ми верстъ на нѣмецкую милю, или, еще точнѣе, версты на 15 миль, есть мѣстности, гдѣ миля равняется только 5-ти ъ, а иногда нѣсколько болѣе, но постоянно менѣе 7-ми. Размѣръ дѣйствительно очень долго оставался неопредѣлительнымъ и особенно ь не быть такимъ въ новопріобрѣтенномъ краѣ, гдѣ русскія установтолько что еще начинали водворяться. Уложеніемъ царя Алексѣя овича (гл. XIX, ст. 6) велѣно было дѣлать новыя сажени въ 3 арь въ верстѣ учинить по 1000 саженъ. Опредѣлительное приказаніе чтобы верстовые столбы ставить на каждыхъ 500 саженяхъ, послѣтолько въ 1744 году (указъ 11 сентября, Полн. Собр. Зак. № 9031).

Публ. Библ.

рѣдкимъ и необыкновеннымъ счастіемъ, достигнувъ княжескаго сана изъ самой низкой доли. У него, какъ у нѣмецкихъ вельможъ, довольно значительный домашній штатъ, который и состоитъ большею частію изъ нѣмцевъ. Титулъ его слѣдующій: генералъ-фельдмаршалъ царской арміи и губернаторъ Псковской, Ингерманландской, Лифляндской, а теперь и Курляндской. Князь имѣетъ и разные ордена; такъ въ Маріенвердерѣ онъ получилъ прусскій крестъ [1]), а въ 1710 году—датскую голубую ленту: послѣднюю онъ носитъ черезъ плечо, а первый въ петлицѣ. Сверхъ того фортуна надѣлила его огромнымъ богатствомъ. Меншиковъ вполнѣ владѣетъ сердцемъ царя, послѣ котораго является первымъ лицомъ въ Россіи, и хотя у него нѣтъ недостатка въ тайныхъ завистникахъ, но всѣ они его боятся. Онъ живетъ пышнѣе всѣхъ вельможъ и, въ случаѣ какого нибудь празднества, долженъ его справлять, какъ было, напримѣръ, при бракосочетаніи покойнаго герцога Курляндскаго и при торжествахъ и банкетныхъ столахъ по случаю празднованія разныхъ побѣдъ. Не могу перечислить сколько происходило такихъ празднествъ въ мое пребываніе въ С.-Петербургѣ и какое невѣроятное количество разстрѣляно на нихъ пороха, потому что при питіи каждаго здоровья палятъ обыкновенно по одиннадцати разъ, и такая пальба зачастую не перерывается отъ обѣда до поздняго вечера, или даже до полуночи. Все проходитъ черезъ руки князя, онъ—царскій фактотумъ и у кого есть какая негоціація, тотъ долженъ непремѣнно дѣйствовать черезъ него. По истинѣ, въ наше время нѣтъ и не было ни одного примѣра, чтобы кто нибудь былъ такъ вознесенъ счастіемъ съ низшей степени, можно сказать изъ праха; но поддержитъ ли его фортуна на этой высотѣ до конца его дней, не знаю. Было у меня въ мысли описать его жизнь и возвышеніе, но года два тому назадъ мнѣ попалась въ руки напечатанная въ Парижѣ брошюра (она потомъ передана вкратцѣ и на нѣмецкомъ языкѣ), въ которой, подъ названіемъ „князь Кушименъ" (читай на оборотъ: Мен-ши-ку, или ковъ) и подъ дру-

---

[1]) Прусскій орденъ Чернаго Орла Меншиковъ получилъ 19 октября 1709 года. Русскій Св. Андрея былъ ему пожалованъ еще 10 мая 1703 года, за взятіе двухъ шведскихъ судовъ у устья Невы. Публ. Библ.

гими вымышленными именами, уже довольно подробно изложена его біографія [1]).

Великій канцлеръ его превосходительство графъ Головкинъ, изъ древняго и знатнаго русскаго рода, вельможа большаго роста и важной осанки, украшенный русскимъ орденомъ св. Андрея, завѣдываетъ внѣшними государственными дѣлами. Нѣмецкаго языка онъ, правда, не знаетъ, но имѣющіе до него дѣло могутъ объясняться съ нимъ посредствомъ переводчиковъ, которыхъ при немъ состоитъ нѣсколько. Говорятъ, что графъ искусный государственный человѣкъ, и я, дѣйствительно, не могу не засвидѣтельствовать, что онъ, по уму своему и привѣтливости, пользуется вообще доброю славою, какъ между русскими, такъ и между иноземцами. Онъ отличается набожностію и по ночамъ, когда всѣ его люди уже спятъ, нерѣдко встаетъ съ постели, чтобы молиться передъ иконами. Въ добавокъ его хвалятъ еще за справедливость и щедрость. Онъ живетъ также довольно пышно, хотя

[1]) Упоминаемая нашимъ авторомъ книга дѣйствительно вышла въ Парижѣ, въ 1710 году, подъ заглавіемъ: „Le Prince Kouchimen. Histoire Tartare. Et Dom Alvar del Sol. Histoire Napolitaine" (въ 12-ю д. л., 150 стр. и 2 ненум. предувѣдомленія). Это — полуисторія и полусказка, въ которой всѣ имена лицъ и названія мѣстностей переиначены, начиная съ самой Россіи, называемой Grande-Tartarie, и съ ея Монарха, являющагося подъ титуломъ Grand-Kam (стрѣльцы — Brinlits, бояре — Goyards, Лефортъ—Dubord и т. д.). Составленіе этой книжки французскіе библіографы Барбье и Кераръ приписываютъ аббату Шуази (Choisy); но гораздо правдоподобнѣе свидѣтельство нашего исторіографа Миллера, считающаго ея сочинителемъ извѣстнаго пройдоху Ламбера (Lambert), бывшаго у насъ инженеромъ и бѣжавшаго изъ русской арміи въ 1706 году. Въ императорской публичной библіотекѣ эта книжка находится въ четырехъ изданіяхъ: въ упомянутомъ парижскомъ 1710 года; въ другомъ, гдѣ перепечатанъ только заглавный листъ, съ указаніемъ у кого она продается въ Амстердамѣ; въ третьемъ, амстердамскомъ, того же 1710 года, и въ четвертомъ, амстердамскомъ же, 1723 года, хотя и подъ другимъ заглавіемъ: „Histoire de l'origine du Prince Menzikow et de Dom Alvar del Sol", но совершенно тождественнаго содержанія. Нѣмецкій переводъ отдѣльно не былъ изданъ, а напечатанъ (съ сокращеніями) въ выходившемъ безсрочно, въ Кельнѣ и Франкфуртѣ, сборникѣ: „Curieuses Bücher-Cabinet" (1711 г., Erster Eingang, стр. 192—203). „Кушименъ" былъ, впрочемъ, извѣстенъ въ Россіи и другимъ, кромѣ Миллера. Ссылку на эту книжку мы находимъ въ „Картинѣ жизни и военныхъ дѣяній генералиссима князя А. Д. Меншикова" (2-е изд., Москва, 1809 г., стр. 1) и еще прежде въ „Дѣяніяхъ" Голикова (2-е изд., Москва, 1837 г., т. I, стр. 49 въ примѣч.), гдѣ «Kouchimen» переиначенъ въ «Kouchmen». Публ. Библ.

далеко не такъ какъ Меншиковъ, и вообще пользуется у царя и въ народѣ большимъ уваженіемъ.

Вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, коренастый и дородный, помощникъ великаго канцлера, знающій языки нѣмецкій и польскій, занятъ наиболѣе иностранною перепиской. Нѣмцы преимущественно къ нему обращаются по своимъ дѣламъ. Этотъ Шафировъ находился нѣкоторое время съ сыномъ фельдмаршала Шереметева въ Константинополѣ [1]).

Генералъ-адмиралъ, его превосходительство графъ Апраксинъ, изъ древняго знатнаго русскаго рода, кавалеръ русскаго Андреевскаго ордена, небольшаго роста, но плотный, пользуется репутаціею добраго и правдиваго человѣка. Ему поручено главное завѣдываніе флотомъ и всею морской частію. Онъ живетъ, по своему сану, довольно открыто и всѣми любимъ.

Вице-адмиралъ его превосходительство господинъ Корнелисъ Крюйсъ, высокаго роста и видный мужчина, съ большимъ багровымъ родимымъ пятномъ подъ глазомъ, очень искусный морякъ, участвуетъ въ управленіи морскою частію, гдѣ едва ли не большая часть работы приходится на его долю. Господинъ вице-адмиралъ есть олицетвореніе честности, правдивости, щедрости и справедливости. Чрезвычайно точный въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ, онъ очень вѣжливъ, гостепріименъ и готовъ на всякое добро, а по отличному знанію морской части пользуется особеннымъ расположеніемъ его царскаго величества. Сверхъ своей должности, онъ также главный старшина всѣхъ евангелическихъ и реформатскихъ церквей и школъ въ Россіи и прирожденный покровитель и патронъ всѣхъ нѣмцевъ и голландцевъ.

Господинъ адмиралтействъ-совѣтникъ Кикинъ, родомъ русскій и человѣкъ тонкаго обращенія, любитъ художниковъ и просвѣщенныхъ иноземцевъ, въ особенности нѣмцевъ. На него возложено все по вооруженію судовъ.

Комендантъ С.-Петербургской крѣпости, нѣмецъ по происхожденію и евангелическаго исповѣданія, но московскій уроженецъ, генералъ-лейтенантъ Брюсъ, братъ генералъ-фельдцейхмейстера, разумный и честный человѣкъ.

---

[1]) Дѣйствительно, баронъ Шафировъ и графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ находились два года въ Царѣградѣ, послѣ прусскаго договора.

Публ. Библ.

Затѣмъ, въ мое время, изъ знатныхъ министровъ и иностранныхъ посланниковъ были еще нижеслѣдующіе:

Его свѣтлость герцогъ Курляндскій, котораго преждевременная смерть вызвала общее сожалѣніе.

Цесарскаго Величества чрезвычайный посланникъ, его превосходительство графъ Вильчекъ [1]).

Короля Польскаго и курфирста Саксонскаго чрезвычайный посланникъ, его превосходительство графъ Фицтумъ.

Короля Датскаго чрезвычайный посланникъ, его превосходительство господинъ вице-адмиралъ Юэль.

Короля Прусскаго чрезвычайный посланникъ, его превосходительство господинъ маршалъ фонъ Биберштейнъ, а прежде былъ тайный совѣтникъ Кейзерлингъ, нынѣ уже умершій [2]).

Господинъ совѣтникъ Лау изъ Кенигсберга, депутаты изъ Курляндіи и нѣкоторые другіе. Отъ князя Рагоцци также находился кто-то, но я позабылъ его имя [3]). Изъ генераловъ были тутъ: Ронне, Энцбергъ, Биркгольцъ, и множество офицеровъ низшихъ степеней. Сверхъ того проживалъ еще въ С.-Петербургѣ фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ фон-деръ-Гольцъ, впадшій въ немилость, надъ которымъ былъ наряженъ, по нѣмецкому обычаю, формальный военный судъ [4]).

Наконецъ пребывали еще тутъ военно-плѣнные шведскіе генералы, между прочимъ графъ Пиперъ, фельдмаршалъ Рейн-

---

[1]) Графъ Генрихъ Вильгельмъ фонъ Вельчекъ прибылъ въ Россію въ мартѣ 1711 года для принятія проекта оборонительнаго союза противъ Турокъ, который и получилъ отъ Петра Великаго въ Карлсбадѣ, въ октябрѣ того же года.

[2]) Георгъ Іоганнъ фонъ Кейзерлингъ уѣхалъ изъ Россіи въ августѣ 1712 года.

[3]) Въ октябрѣ 1709 года прибылъ въ Россію отъ Ракоція министръ Бреннеръ.

[4]) Гольцъ, уроженецъ бранденбургскій, былъ принятъ въ нашу службу изъ польской въ 1707 году и получилъ старшинство надъ всѣми полными генералами русской арміи. Когда Меншиковъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и Петръ ввѣрилъ ему начальство надъ войсками въ Польшѣ, Гольцъ, поступивъ подъ его команду, счелъ себя обиженнымъ и осмѣлился ослушаться своего начальника. За такое нарушеніе дисциплины онъ былъ отданъ подъ военный судъ и осужденъ на смерть, но государь его помиловалъ и приказалъ выслать за границу (въ 1711 году). Публ. Библ.

шильдъ, графъ Левенгауптъ и статсъ-секретарь Цедергіельмъ [1]). Бывшій рижскій генералъ-губернаторъ графъ Штромбергъ сперва тоже находился между ними, но потомъ былъ вымѣненъ на русскаго военноплѣннаго генерала Вейде и отправленъ въ Стокгольмъ. По начатіи турецкой войны, всѣ вышеупомянутые господа были высланы изъ С.-Петербурга во внутрь Россіи.

Былъ тутъ еще одинъ мальтійскій кавалеръ изъ французовъ, который очень старался попасть въ командиры корабля, но, не успѣвъ въ томъ, удалился во свояси.

Обо всемъ вышесказанномъ я могъ бы поразсказать еще немало замѣчательныхъ подробностей; но имѣю свои причины о томъ умолчать. Въ заключеніе же еще опишу три любопытныя празднества.

ТОЧНОЕ ОПИСАНІЕ БРАКОСОЧЕТАНІЯ ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКАГО СЪ РУССКОЮ ПРИНЦЕССОЮ [2]).

По назначеніи для совершенія этого бракосочетанія въ С.-Петербургѣ 11-го ноября (31-го октября) 1710 года, за два дня до того четыре царскіе камергера ѣздили, въ каретахъ шестеркою, два по сю и два по ту сторону Невы, по своимъ и чужестраннымъ министрамъ, приглашать ихъ на сказанную церемонію, а въ самое то число его царское величество, въ качествѣ оберъ-маршала, съ 24-мя маршалами и другими знатными кава-

---

[1]) Рейншильдъ, Пиперъ и Цедергіельмъ были привезены изъ Москвы въ Петербургъ собственно для присутствованія при бракосочетаніи царевны Анны Іоанновны.

[2]) Здѣсь разумѣется бракъ молодаго герцога Курляндскаго Фридриха Вильгельма, племянника Прусскаго короля, съ дочерью царя Іоанна Алексѣевича, Анною Іоанновною (впослѣдствіи императрицею), о которомъ договоръ заключенъ былъ $^{10}/_{21}$ іюня 1710 года. Герцогъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ октября и бракосочетаніе его совершилось какъ здѣсь разсказано; но выѣхавъ обратно уже нездоровый, онъ, почти тотчасъ за воротами Петербурга, впалъ въ жестокую болѣзнь и умеръ $^{10}/_{21}$ января 1711 года, или, по русскимъ источникамъ, $^{9}/_{20}$ января въ мызѣ Кипень, такъ что супружество его продолжалось всего съ небольшимъ два мѣсяца. О бракосочетаніи его, равно какъ о болѣзни и смерти, есть въ императорской публичной библіотекѣ нѣсколько любопытныхъ современныхъ брошюръ. Публ. Библ.

лерами, отправился утромъ около 9-ти часовъ, въ нѣсколькихъ шлюпкахъ, къ вдовствующей царицѣ, жившей по ту сторону Невы. Впереди ѣхалъ нѣмецкій хоръ изъ 12-ти трубачей и литаврщиковъ, а царская баржа слѣдовала въ серединѣ другихъ шлюпокъ, въ которыхъ сидѣла свита. Гребцы были одѣты въ матросскія рубашки изъ алаго бархата съ золотыми галунами и съ большими серебряными щитами на груди, на которыхъ былъ изображенъ царскій гербъ. На самомъ царѣ были алый кафтанъ съ собольими отворотами, серебряная шпага на серебряной портупеѣ и орденъ св. Андрея на голубой лентѣ; на головѣ, вмѣсто шляпы, напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, у котораго висѣла, на пестрыхъ лентахъ, украшенная золотомъ и серебромъ кисть.

Между тѣмъ августѣйшая невѣста и сестры ея, тетки и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядномъ нѣмецкомъ платьѣ, собрались у вдовствующей царицы. По прибытіи туда царя и встрѣчѣ его нѣсколькими кавалерами, спустя полчаса всѣ вмѣстѣ отправились къ шлюпкамъ. Впереди шелъ царь съ жезломъ, а за нимъ слѣдовали невѣста съ принцессами и вдовствующею царицею, которыя и сѣли въ царскую баржу; вся же свита обоего пола размѣстилась по прочимъ шлюпкамъ. Отсюда его царское величество отправился къ герцогу Курляндскому, у котораго ожидали иностранные министры и разные другіе знатные кавалеры и офицеры. Выйдя на берегъ, онъ пошелъ, имѣя жезлъ въ рукѣ, въ предшествіи музыкантовъ и въ сопровожденіи свиты, къ дому герцога, который, по встрѣчѣ, провелъ его въ большую залу. Тѣмъ временемъ невѣста и прочія дамы оставались въ баржѣ и шлюпкахъ, къ которымъ и царь, откушавъ поднесенныхъ ему конфектъ и холоднаго кушанья, возвратился со всѣми обратно отъ герцога. Тогда шлюпки, всего числомъ до 50-ти, поплыли внизъ по рѣкѣ, къ палатамъ князя Меншикова, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Трубачи и литаврщики.

2) Его царское величество въ качествѣ оберъ-маршала, съ маршалами и нѣсколькими министрами и знатными кавалерами.

3) Августѣйшая невѣста, вдовствующая царица, прочія принцессы и многочисленная свита дамъ.

4) Чужестранные и свои министры, генералы и офиц многіе русскіе князья, бояре и другія почетныя лица [1]).

По прибытіи къ упомянутымъ палатамъ, шествіе устр такимъ образомъ, что впереди шли знатные кавалеры и стры, потомъ царь, заступавшій въ тоже время и мѣсто по наго отца, и князь Меншиковъ, имѣя между себя герцога; стѣйшая невѣста, которую вели генералъ-адмиралъ графъ А синъ и великій канцлеръ графъ Головкинъ; вдовствующая ц съ принцессами; русскія и прочія дамы, а въ заключеніе численная свита кавалеровъ, офицеровъ, придворныхъ служ и пр., нѣмцовъ и русскихъ. Всѣ были одѣты въ очень бо нѣмецкія платья. Невѣста, въ бѣлой бархатной робѣ съ зол городками и длинной мантіи изъ краснаго бархата, подбито ностаемъ (за столомъ она ее сняла), имѣла на головѣ бо осыпанную драгоцѣнными каменьями королевскую корону цогъ же былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

На дворѣ, во время вступленія шествія, стояла рота Пр женскаго полка, которая отдала честь при звукахъ музык слѣ чего всѣ вошли въ особую комнату, гдѣ и совершенъ брачный обрядъ русскимъ архимандритомъ [2]). Посереди это наты, къ одной ея сторонѣ, стоялъ балдахинъ изъ алаго ба на полу лежалъ турецкій коверъ, а въ углу устроена бы шелковою занавѣсью, небольшая походная церковь [3]). Сп у входа въ нее, написаны были на той ткани [4]), по рус обычаю, изображенія нѣсколькихъ святыхъ, съ русскими сями, а внутри возвышался небольшой столъ, или алтарь

[1]) Съ кѣмъ помѣщался женихъ, то есть герцогъ, авторъ нашъ минаетъ.

[2]) Бракосочетаніе совершалъ Ѳеодосій Яновскій. первый архима Александро-Невской Лавры, назначенный въ нее еще въ 1706 году, ствительно опредѣленный въ 1710-мъ изъ Хутынскихъ архимандрито 1720-мъ году онъ былъ хиротонисанъ во епископа Новгородскаго, а 11 1725-го лишенъ сана и сосланъ въ заточеніе въ Николаевской Кор Архангельскій монастырь.

[3]) Въ «Юрналѣ» 1710 года написано: «Оной бракъ былъ въ дом лѣйшаго князя Меншикова и вѣнчалъ ихъ Хутынскій архимандритъ сій въ полотняной церкви, которая поставлена была тутъ же, въ дом лѣйшаго князя, въ хоромахъ.

[4]) Т. е. вѣроятно на иконостасѣ.

[5]) Т. е. престолъ

которомъ стояли серебряный ящикъ съ русскимъ богомъ [1]), окованная серебромъ большая книга, горящая свѣча и два красные царскіе вѣнца. Вѣнчальный обрядъ архимандритъ совершалъ на русскомъ языкѣ, а потомъ повторилъ на латинскомъ [2]). Въ продолженіе церемоніи вышеупомянутые вѣнцы держали: одинъ надъ невѣстою, князь Меншиковъ, другой, надъ женихомъ, флотскій капитанъ; пушечной пальбы не было; что послѣ приписали недосмотру. По окончаніи духовной церемоніи тотчасъ пошли къ обѣду, для котораго столы были накрыты въ двухъ большихъ залахъ.

Въ первой [3]), какъ главной, стоялъ у стѣны, подъ балдахиномъ изъ алаго бархата, большой свадебный столъ, овальной формы, къ которому его величество самъ подвелъ новобрачныхъ, держа принцессу правою, а герцога лѣвою рукою. Насупротивъ ихъ сидѣли сестры принцессы, вдовствующая царица, сестры царя и нѣсколько дамъ. Надъ новобрачными и принцессами висѣли сплетенные изъ лавровыхъ вѣтвей вѣнцы, изъ которыхъ спускавшійся надъ герцогомъ имѣлъ форму древнихъ римскихъ. По обѣ стороны этого стола, перпендикулярно къ нему, стояли еще два другіе, тоже овальные: одинъ для русскихъ княгинь, боярынь и придворныхъ дамъ, другой для нѣкоторыхъ изъ русскихъ и нѣмецкихъ кавалеровъ и офицеровъ. За тѣмъ, при входѣ въ залу, у стѣны, противуположной свадебному столу, былъ еще четвертый, равномѣрно овальный, за которымъ сидѣлъ князь Меншиковъ и съ нимъ знатнѣйшіе русскіе министры и нѣсколько генераловъ.

Во второй залѣ находились два длинные и узкіе стола, со скамьями, для остальныхъ бояръ, а также для нѣкоторыхъ изъ

---

[1]) Т. е. дароносица.

[2]) Въ современной брошюрѣ: „Die freudige und andächtige Vollführung der Hochfürstlich Curländischen Trauung“ (въ заглавіи она значится „переведенною съ русскаго“) сказано: „бракосочетаніе было совершено русскимъ архимандритомъ, который изъяснилъ герцогу сущность обряда на латинскомъ языкѣ и на томъ же языкѣ спросилъ его о его согласіи; но при этомъ были опущены нѣкоторыя церемоніи, какъ то процессія съ кадиломъ (?) и совокупное питье изъ чаши“ (стр. 5).

[3]) Въ этой залѣ помѣщается теперь церковь 1-го Кадетскаго Корпуса.

русскихъ и нѣмецкихъ кавалеровъ, офицеровъ и другихъ чиновныхъ лицъ [1]).

Гостей угощалъ лично его царское величество, въ качествѣ оберъ-маршала, вмѣстѣ съ 24-мя маршалами (или, какъ ихъ называли, шаферами), которые всѣ, равно какъ и самъ онъ, ходили вокругъ столовъ, имѣя навязанную на правой рукѣ, въ знакъ своего званія, кокарду изъ брабантскаго кружева съ разноцвѣтными лентами. Царь провозглашалъ тосты за здоровье стоя и былъ, какъ казалось, въ очень веселомъ расположеніи духа; кубки съ виномъ подносили гостямъ, по русскому обычаю, шаферы (частію изъ флотскихъ капитановъ), а за свадебнымъ столомъ кушанье подавалъ первый камергеръ его величества. При питіи каждаго здоровья стрѣляли или изъ разставленныхъ на плацѣ передъ Меншиковскими палатами 15-ти чугунныхъ шести фунтовыхъ и 15-ти же мѣдныхъ пушекъ, залпомъ изъ 11-ти, или 14-тью выстрѣлами съ царской шаубенахтской яхты Лизеты, стоявшей тутъ же на рѣкѣ и разцвѣченной снизу до верха пестрыми флагами и вымпелами.

Послѣ стола до глубокой ночи продолжались польскіе и французскіе танцы; около же 2-хъ часовъ по полуночи [2]), его царское величество съ знатнѣйшими изъ гостей отвелъ новобрачныхъ въ спальный покой, гдѣ они, съ кавалерами и дамами, сѣли за столъ, на которомъ стояли конфекты, и выпили по нѣскольку кубковъ вина. Спустя четверть часа всѣ встали; новобрачные удалились въ особо приготовленныя для ихъ раздѣванія комнаты, прочее же общество разъѣхалось по домамъ, послѣ чего привели къ брачному ложу сперва молодую вдовствующая царица съ принцессами, а потомъ и молодаго самъ царь.

На другой день происходилъ опять пиръ въ палатахъ князя

[1]) Вотъ какъ по „Юрналу" 1710 года были размѣщены гости за столами: „За первымъ сидѣли новобрачные герцогъ и герцогиня, тутъ же царская фамилія, царицы и царевны, и прочія знатныя дамы; за другимъ столомъ, насупротивъ того къ другой стѣнѣ, всѣ посланники, также министры россійскіе, адмиралъ и свѣтлѣйшій князь, генералы и прочія знатныя персоны; за третьимъ полковники, офицеры морскіе и лейбъ-гвардіи Преображенской (т. е. офицеры этого полка); за четвертымъ господа санктпетербургскіе жители"

[2]) Въ приведенной выше нѣмецкой брошюрѣ сказано: около 3-хъ часовъ утра.

шикова, при чемъ, передъ обѣдомъ, царь, сорвавъ висѣвшій
;унѣ надъ герцогомъ вѣнецъ, пригласилъ его сорвать та-
же образомъ, по русскому обычаю, находившійся надъ мо-
; но какъ послѣдній былъ слишкомъ крѣпко привязанъ, то
гъ отрѣзалъ его ножемъ; висѣвшіе же надъ незамужними
цессами вѣнцы были оставлены на своихъ мѣстахъ.
ь числѣ разныхъ угощеній на двухъ главныхъ столахъ сто-
ва огромные пирога, величиною четвертей въ пять. Когда
е кушанье было снято, царь вскрылъ ихъ и изъ каждаго
чило по разряженной карлицѣ. Находившуюся на столѣ
Меншикова царь взялъ на руки и отнесъ на свадебный
, на которомъ, она, вмѣстѣ съ другою, проплясала неболь-
менуетъ. Въ продолженіе обѣда пито было много здоровій
ичная изъ 11-ти пушекъ пальба, при звукахъ трубъ и ли-
, производилась гораздо чаще, чѣмъ наканунѣ. Потомъ не-
танцовали и наконецъ былъ сожженъ фейерверкъ, который
я часа съ полтора, но худо удался, а его величеству, при
аніи его, чуть не приключилось несчастія. На рѣкѣ были
влены, на особо устроенныхъ для того плотахъ, три глав-
цита. На одномъ были, между прочимъ, изображены обоихъ
рачныхъ вензели, а надъ ними ихъ гербы, которые парящій
здухѣ купидонъ связывалъ цѣпью, съ слѣдующею латин-
надписью, означавшею вмѣстѣ и годъ: prJnCJpes aMorJs
re JVnCtJ [1]).
)угой щитъ представлялъ купидона, сковывавшаго на нако-
ѣ два сердца, съ русскою надписью: „два во едино сое-
)".
о сожженіи фейерверка и послѣ новыхъ танцевъ, продол-
ихся около часа, его герцогская свѣтлость съ августѣйшею
супругою, въ сопровожденіи нѣсколькихъ министровъ и
ныхъ особъ, отъѣхалъ въ свой домъ, гдѣ былъ накрытъ
, установленный конфектами и холоднымъ кушаньемъ; осталь-
же чужестранныхъ министровъ и прочихъ гостей, которые
хотѣли проводить герцога, онъ за позднимъ временемъ,
му не допустилъ.

Т. е. „принцы соединенные узами любви". Годъ (1710), римскими циф-
выходитъ изъ сложенія буквъ, напечатанныхъ здѣсь прописью. П. Библ.

На третій день, то есть 13 (2) ноября, придворный пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью на стихи 5-й и 6-й изъ 12-го псалма.

Въ слѣдующее воскресенье герцогъ угощалъ у себя его царское величество, все царское семейство и знатнѣйшихъ министровъ и другихъ кавалеровъ; и здѣсь царь, съ бывшими при немъ во время бракосочетанія 24-мя маршалами, занималъ особый столъ; за другимъ же сидѣли однѣ дамы, а за третьимъ князь Меншиковъ съ герцогомъ, иностранными послами и кавалерами [1].

Вышеизложенное содержитъ въ себѣ лучшее и обстоятельнѣйшее описаніе этого событія, точную копію съ той о немъ реляціи, которая была разослана во всѣмъ чужестраннымъ дворамъ.

I. Г. [2].

ДОСТОПАМЯТНАЯ СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ.

По изволенію его царскаго величества разсуждено было устроить свадьбу карликовъ, которая и назначена на 24 (13) ноября [3]), слѣдственно вскорѣ послѣ бракосочетанія герцога [4]. Наканунѣ два статные, богато наряженные карлика въ маленькой одноколкѣ о трехъ колесахъ, запряженной добрoю, убранною пестрыми лентами лошадкою, разъѣзжали по городу, въ предшествіи двухъ вершниковъ, съ свадебными приглашеніями. Въ на-

---

[1]) Странно, что у Богданова, у котораго есть особый отдѣлъ „о бракахъ императорскихъ", совершенныхъ въ Петербургѣ, ни однимъ словомъ не упомянуто объ описанномъ здѣсь, хотя онъ и говоритъ о бракѣ великой княжны Анны Петровны съ герцогомъ голстинскимъ.

[2]) Въ подлинникѣ латинскія буквы: I. G., тогда какъ на заглавномъ листѣ книги: H. G.

[3]) Въ „Юрналѣ" 1710 года записано: „въ 14-й день (ноября) свадьба была карла Екима Волкова публичная.... и для той свадьбы карлы всѣ съ Москвы были привезены мужеска и женска полу, которыхъ числомъ было всѣхъ близко ста".

[4]) Сочинитель исторіи Курляндіи (Curland unter den Herzögen, Mitau 1833) Крузе видитъ въ этой свадьбѣ, совершенной вслѣдъ за бракомъ незначительнаго принца съ принцессою одного изъ могущественнѣйшихъ дворовъ, какъ бы родъ сарказма (I, 236); но едва ли можно предположить. чтобы царь при этомъ имѣлъ подобную тайную мысль. Публ. Библ.

значенный день, утромъ, опредѣленная пара была обвѣнчана въ русской крѣпостной церкви по русскому обряду. Впереди шелъ нарядно одѣтый карликъ, въ качествѣ маршала, съ жезломъ, на которомъ висѣла длинная, по соразмѣрности, кисть изъ пестрыхъ лентъ. За нимъ слѣдовали: женихъ съ невѣстою, тоже въ особенномъ нарядѣ, его царское величество съ нѣсколькими министрами, князьями, боярами, офицерами и пр., и наконецъ 72 карлика обоего пола, проживающіе у царя, вдовствующей царицы, князя и княгини Меншиковыхъ и другихъ господъ, но бо̀льшею частію нарочно выписанные, для настоящей церемоніи, изъ разныхъ краевъ Россіи, иные миль за двѣсти и болѣе. Шествіе заключалось множествомъ стороннихъ зрителей. Всѣ эти карлики заняли середину церкви и женихъ на вопросъ священника: хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко произнесъ по русски: „на ней и ни на какой другой“; невѣста же, на вопросъ: хочетъ ли она выдти за своего жениха и не обѣщала ли уже руки другому, отвѣчала: „вотъ была бы штука!“ но ея „да“ чуть можно было разслышать, что̀ возбудило единодушный смѣхъ. Вѣнецъ надъ невѣстою держалъ самъ царь, въ знакъ особой своей милости. Послѣ вѣнчанія, всѣ поѣхали водою къ князю Меншикову и сѣли тамъ за столъ, накрытый въ той же большой залѣ, гдѣ происходило пиршество по случаю бракосочетанія герцога курляндскаго. Молодые и вся прочая компанія карликовъ, щегольски и богато одѣтыхъ по нѣмецки, заняли нѣсколько маленькихъ столовъ по серединѣ залы. Надъ женихомъ и невѣстою, сидѣвшими за разными столами, возвышались два небольшіе шелковые балдахина и сверхъ того надъ ними, какъ и надъ обѣми невѣстиными подружками, висѣли лавровые вѣнки. Угощали, какъ и при бракосочетаніи герцога, маршалъ и восемь шаферовъ, имѣвшихъ кокарды изъ кружевъ и пестрыхъ лентъ на правой рукѣ, и всѣ они такъ заботливо и важно расхаживали вокругъ столовъ, потчуя гостей, какъ будто бы кромѣ нихъ никого тутъ не было. Невѣстины подружки подарили сидѣвшему между ними крохотному форшнейдеру кокарду, за что онъ отплатилъ каждой поцѣлуемъ. По четыремъ сторонамъ залы тянулись длинные узкіе столы, за которыми сидѣли царь съ герцогомъ курляндскимъ, русскіе и чужестранные министры, генералы, герцогиня курляндская съ своими сестрами и знатнѣйшими русскими дамами, а потомъ

остальные князья, бояре и русскіе и нѣмецкіе офицеры, но всѣ спиною къ стѣнѣ, для того чтобы имъ можно было удобнѣе видѣть суетню карликовъ [1]).

Первое здоровье провозгласилъ маленькой маршалъ, который, подойдя, вмѣстѣ съ восьмью дружками, къ столу его величества, поклонился ему до земли; при чемъ всѣ они, подъ звуки трубъ и литавръ, къ общему удивленію, осушили свои кубки до дна, какъ бы самые великорослые люди.

Позади дома поставлено было нѣсколько небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ однако же не палили, потому что молодой сынъ князя Меншикова лежалъ въ тяжкой болѣзни, отъ которой въ тотъ самый день и умеръ. Послѣ стола всѣ карлики очень весело танцовали по русски, часовъ до 11-ти. Какіе были тутъ прыжки, кривлянья и гримасы, вообразить себѣ нельзя! Всѣ гости, въ особенности же царь, не могли довольно тѣмъ навеселиться и, смотря на коверканье и ужимки этихъ 72-хъ уродцовъ, хохотали до упада. У инаго были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другаго—большое брюхо, у третьяго—ноги кривыя и вывернутыя какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинные уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лице и т. д.

Вечеромъ молодыхъ отвезли въ царскія палаты, гдѣ постель для нихъ была приготовлена въ опочевальной его величества; прочихъ же гостей распустили по домамъ. Такимъ образомъ окончилась эта миніатюрная свадьба, представившая, на общую потѣху, рѣдкій примѣръ соединенія въ одномъ мѣстѣ болѣе 70-ти карликовъ [2]).

---

[1]) Здѣсь, въ подлинникѣ, помѣщенъ планъ размѣщенія столовъ при этомъ пиршествѣ, очень грубо вырѣзанный, но совершенно вѣрный, какъ оказалось по сличеніи съ находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ рѣдкимъ современнымъ эстампомъ, работы Алексѣя Зубова, съ подписью. «Бракъ и веселіе Его Царскаго Величества карлы бывшее въ Санктъ пітербурхе на которое собрано было множество карлъ въ домѣ Его Свѣтлости Князь Александра Даниловича Меншикова, Ноября въ 14-й день 1710».

[2]) Изъ этой четы жена умерла, осенью 1711 года, въ мучительныхъ родахъ, вслѣдствіе чего были запрещены браки между карлами; мужъ же впалъ въ распутство и умеръ гораздо позднѣе. Публ. Библ.

ОПИСАНІЕ ИСПОКОННАГО РУССКАГО ОБРЯДА ВОДОСВЯТІЯ.

Этотъ обрядъ ведетъ свое начало отъ древнѣйшей греческой церкви, а можетъ статься, еще и ранѣе, вслѣдствіе испоконнаго повѣрья, что текучею водою очищаются грѣхи, основываясь на чемъ первые христіане всегда крестились въ проточныхъ рѣкахъ, еще же болѣе вслѣдствіе того, что при крещеніи дѣтей, равно какъ и при переходѣ взрослыхъ изъ язычества въ христіанство, ихъ обычаемъ требовалось троекратное погруженіе въ воду. Обычай этотъ донынѣ сохраняется между русскими, вообще очень любящими купаться и мыться въ рѣчной водѣ. А для приданія ей благотворнѣйшаго дѣйствія, у нихъ, въ извѣстный день года, сколько мнѣ помнится, въ праздникъ трехъ волхвовъ [1]), совершается ея освященіе, и въ прошломъ 1711 году я былъ свидѣтелемъ отправляемой при этомъ церемоніи. Въ сказанный праздникъ въ ихъ церквахъ съ ранняго утра начался учащенный благовѣстъ и божественная служба была совершена съ особеннымъ благолѣпіемъ. Между тѣмъ на Невѣ рѣкѣ, покрытой толстымъ слоемъ льда, былъ поставленъ, насупротивъ крѣпости, полкъ пѣхоты въ видѣ большаго каре, а по серединѣ занятаго имъ пространства было вырублено во льду, еще наканунѣ, большое четвероугольное отверстіе, окруженное рѣшеткою на возвышенномъ рундукѣ. Надъ этимъ рундукомъ, который былъ обтянутъ алымъ сукномъ, возвышалась досчатая, крестообразной формы сѣнь, а подъ нею висѣлъ на лентѣ деревянный голубь, изображавшій, по всему вѣроятію, Св. Духа; внизу же у проруби стоялъ столъ, или алтарь, для предстоявшей церемоніи. По окончаніи богослуженія въ крѣпостной церкви, все духовенство вышло оттуда въ полномъ облаченіи и, въ сопровожденіи царя, министровъ и нѣсколько тысячъ человѣкъ свиты и простонародія, направилось къ упомянутому рундуку, гдѣ, по пропѣтіи нѣсколькихъ молитвъ, первенствующій архимандритъ совершилъ водосвятіе, послѣ чего окропилъ предстоявшихъ, которымъ также подавалась

[1]) Такъ, дѣйствительно, именуется въ католической и протестантской церквахъ нашъ праздникъ Богоявленія (6-го января). Публ. Библ.

вода, въ особыхъ сосудахъ, и для испитія; въ продолженіе
моніи палили изъ пушекъ съ крѣпости и бывшее въ строю
ско стрѣляло изъ ружей. По удаленіи за тѣмъ царя съ зна
шими изъ вельможъ, стоявшая толпа, мущины и женщины,
мительно бросилась къ проруби и стала черпать изъ нея
какъ кому удавалось посереди страшной давки; пока одни
сили воду съ собою, чтобы подѣлиться съ его домашними, други
зумѣется одни мущины, раздѣвшись до нага, бросались въ
рубь и, оставаясь въ ней нѣсколько времени, обмывали себ
однако же нисколько не мѣшало прочимъ наполнять тою ж
дою свои сосуды и кружки. И даже послѣ того, какъ войск
ушло и толпа разсѣялась, цѣлый день продолжались окуны
и зачерпываніе, послѣднее частію для питья той воды, а ч
для доставленія женщинамъ возможности обмыться ею дома.
скіе вѣруютъ, что такая вода сохраняетъ свою благодѣтельн
очистительную силу не только на тотъ день, но и въ прод
ніе цѣлаго года. Въ этотъ разъ была жестокая стужа, но к
шіеся ни мало о томъ не заботились. Мнѣ впрочемъ часто
чалось видѣть какъ и мущины и женщины, выбѣгая изъ
кой бани совершенно нагіе, бросались въ холодную воду
валялись и остужались въ снѣгу, каковъ бы ни былъ моро
увѣренности, что этимъ укрѣпляются силы и здоровье. Отъ
они и парятся такъ часто, и нѣтъ почти домика или изб
даже самой бѣдной, при которыхъ не было бы бани. З
объясняется отъ чего русскіе такъ любятъ селиться при р
и вообще у проточной воды. Ходить въ баню они считают
наково нужнымъ и необходимымъ и зимою и лѣтомъ, з
почти еще болѣе, чѣмъ въ другое время года, потому что
они скорѣе и удобнѣе могутъ освѣжаться. Но другимъ на
живущимъ въ умѣреннѣйшемъ климатѣ и не привыкшимъ к
кого рода освѣженію, вѣроятно плохо пришлось бы, если б
вздумали подражать въ томъ господамъ русскимъ. И этим
шему описанію конецъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

1754—1796 гг.

Помѣщаемый далѣе планъ воспитанія великаго князя Павла Петровича, по замѣчанію князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, напечатанъ былъ до сихъ поръ только въ извлеченіи, именно Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ въ его „Словарѣ достопамятныхъ людей“ изд. 1836 г. часть IV, стр. 98—99, въ помѣщенной тамъ біографіи Н. И. Панина [1]). Документъ этотъ напечатанъ, какъ обыкновенно поступали лѣтъ 40 тому назадъ, съ округленіемъ слога. Въ виду этого представляется совершенно необходимымъ напечатать интересный планъ воспитанія 1760 г. по оригинальному тексту, что здѣсь и исполняется.

Рукопись, съ которой мы печатаемъ,—несомнѣнно современная составителю плана, едва-ли даже не подносный экземпляръ, такъ какъ написана очень старательно, на золотообрѣзной лучшей того времени бумагѣ. На верху помѣта руки в. к. Павла Петровича карандашомъ: „отъ гр. Никиты Ивановича Панина“. Рукопись сохранилась въ бумагахъ Ѳ. В. Булгарина вмѣстѣ съ копіей, которую издатель „Сѣверной Пчелы“ предполагалъ напечатать, для чего испрашивалъ разрѣшенія, но таковаго не послѣдовало, какъ видно изъ надписи на копіи:—„Графъ Бенкендорфъ не дозволяетъ печатать, 25 окт. 1843 г., ген.-маіоръ Дубельтъ“.

Изъ напечатаннаго ниже документа лишь нѣсколько строкъ, и то по тексту Лебедева, приведено въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“. Кстати замѣтимъ, что вышедшая въ свѣтъ послѣ появленія на страницахъ „Русской Старины“ Записокъ С. А. Порошина, книга г. Кобеко является дополнительнымъ, крупнымъ вкладомъ въ литературу отечественной исторіи, именно для воспроизведенія нравственнаго образа наслѣдника Великой Екатерины, столь долго остававшагося въ тѣни; жизнь и характеристика Павла Петровича до сихъ поръ менѣе всего изъ Русской исторіи XVIII в. изслѣдованы. Въ виду этого трудъ г. Кобеко, соединившій въ себѣ множество извѣстій о цесаревичѣ Павлѣ изъ русскихъ повременныхъ историческихъ изданій, каковы: „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“ и другіе, а также и изъ иностранныхъ печатныхъ источниковъ, очень полезенъ. Недостатки его—почти полное отсутствіе данныхъ къ исторіи воспитанія цесаревича за время, послѣдовавшее за увольненіемъ отъ должности его воспитателя Порошина (т. е. съ 1766 г.), неразъясненность многихъ подробностей изъ эпохи перваго брака великаго князя, а главное—сильная односторонность въ подборѣ фактовъ къ полному и рѣзкому осужденію Екатерины II,—пріемъ избитый и чуждый трезвой, безпристрастной исторической критики, которая должна руководить составителя серьезнаго историко-біографическаго изслѣдованія; — достоинства же книги — сжатость изложенія и обстоятельность свода множества фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые впервые являются въ русской печати.

Справедливость нашего замѣчанія о томъ, что перомъ г. Кобеко руководила предвзятая мысль осудить во всемъ Екатерину II по отношеніямъ ея къ наслѣднику престола, всего лучше подтверждается тѣмъ пріемомъ, кото-

---

[1]) П. С. Лебедевъ въ извѣстной своей книгѣ «Графы Н. И. и П. И. Панины» заимствуетъ изъ «Словаря» Бантышъ-Каменскаго отрывокъ плана 1760 г.

рый онъ пускаетъ въ ходъ при подборѣ выписокъ изъ дневника Порошина. Этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ хорошо извѣстенъ читателямъ „Русской Старины". Они еще недавно прочитали его въ приложеніи къ нашему изданію 1881 г. и конечно согласятся съ нами, что общее впечатлѣніе говоритъ въ пользу того положенія, что въ 1760—1766 гг. мы застаемъ царственнаго отрока, волею своей державной матери, поставленнымъ въ условія весьма благопріятныя для его образованія и воспитанія. То и другое было ввѣрено гр. Н. И. Панину—одному изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени; въ числѣ наставниковъ цесаревича видимъ людей, стяжавшихъ славу на ученомъ поприщѣ; его духовникъ и законоучитель—знаменитый Платонъ; вокругъ наслѣдника престола, въ особенности за ежедневнымъ обѣдомъ, Панинъ соединяетъ. въ большинствѣ случаевъ, лучшихъ сподвижниковъ Екатерины II на различныхъ поприщахъ ея дѣятельности.... Сколько ума, сколько нравственныхъ правилъ разсѣяно въ бесѣдахъ, къ коимъ прислушивается цесаревичъ.... Но г. Кобеко подбираетъ только то, что слышитъ скабрезнаго и неумѣстнаго въ разговорахъ, происходившихъ въ покояхъ его героя. Эти неловкости дѣйствительно были, но онѣ бываютъ всегда тамъ, гдѣ является жизнь цѣлаго общества, людей самаго разнороднаго нравственнаго развитія. Панину невозможно было процѣживать весь дворъ его времени, дабы не обронить сквозь эти рѣшета какого либо легкомысленнаго петиметра въ покои его воспитанника, и ужъ, во всякомъ случаѣ, при чемъ же тутъ Екатерина II?

Она была холодна къ сыну. Но въ той же книгѣ г. Кобеко читатель найдетъ объясненіе этого явленія: съ самаго момента рожденія сына мать была съ нимъ разлучена волею императрицы Елисаветы. Да притомъ—не въ нынѣшнемъ ли только столѣтіи, со времени въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, всю душу свою влагавшей въ нѣжныя заботы объ образованіи ея августѣйшихъ дѣтей,—мы видимъ прямое, непосредственное участіе государыни въ наблюденіи за воспитаніемъ своихъ дѣтей?

Какъ сводъ только печатныхъ извѣстій, трудъ г. Кобеко, при всемъ обиліи фактовъ, представляетъ однако множество пробѣловъ, которые въ его положеніи было бы крайне легко восполнить, обратившись къ двумъ-тремъ архивамъ. Въ виду этого его книга требуетъ полной переработки и всего лучше, если онъ самъ за нее примется. Не перечисляя здѣсь всего того, на что особенно слѣдовало бы обратить вниманіе почтенному изслѣдователю, скажемъ, что онъ долженъ, между прочимъ, остановиться на документахъ, относящихся къ описанію серьезныхъ болѣзней, поражавшихъ цесаревича Павла Петровича,—они тѣмъ особенно важны, что именно не гадательно, а положительно выясняютъ причины того душевнаго, вполнѣ ненормальнаго, состоянія, въ которомъ находился Павелъ Петровичъ уже въ 1780—1790 годахъ, т. е. задолго до восшествія своего на престолъ. Автору при этомъ должно будетъ значительно полнѣе и обстоятельнѣе (нежели какъ онъ сдѣлалъ это въ настоящемъ своемъ трудѣ) изложить жизнь цесаревича именно за послѣдній періодъ до 6-го ноября 1796 г.

За всѣмъ тѣмъ мы вполнѣ благодарны г. Кобеко за настоящій его опытъ. При всей его неполнотѣ и бьющей въ глаза односторонности, онъ самымъ появленіемъ своимъ расширяетъ поле историческихъ изслѣдованій въ области новѣйшей отечественной исторіи; книга вполнѣ свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ, какой возбуждаетъ въ современномъ обществѣ изученіе послѣд-

нихъ двухъ вѣковъ, и указываетъ на то, что настало время обобщать тѣ драгоцѣнныя данныя, тѣ историческіе матеріалы, которые „Русская Старина" и другія повременныя историческія изданія и сборники въ такой массѣ обнародовали по отношенію къ XVIII и первой половинѣ XIX-го вѣковъ.

Въ внѣшнемъ отношеніи книга Д. Ѳ. Кобеко не оставляетъ ничего желать: изданіе роскошно, выполнено съ любовью и вкусомъ. Напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (всего 600), она конечно скоро потребуетъ втораго изданія—прекрасный случай исправить и дополнить ея содержаніе.

Ред.

Мерекюль.
23-го іюля 1882 г.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПРЕДЪЯВЛЕНІЕ СЛАБАГО ПОНЯТІЯ И МНѢНІЯ О ВОСПИТАНІИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Записка графа Н. И. Панина.

1760 г.

Еслибъ благоразуміе позволяло, или бы по крайней мѣрѣ снести могло, принять единымъ общимъ правиломъ, не всегда и рѣдко случающіяся въ свѣтѣ происшествія, тобъ совершенно излишнимъ было всякое дальнѣйшее уваженіе о семъ драгоцѣнномъ воспитаніи: ибо нигдѣ и никогда, заимство освященной крови, и примѣры великихъ предковъ, надежнѣйшаго къ общему благополучію плода обѣщать не могутъ, каковъ теперь ожидаютъ своимъ потомкамъ россійскія дѣти и съ ними соединенное множество разныхъ народовъ.

Отъ самаго рожденія его императорскаго высочества, продолжаемое материнское объ немъ попеченіе нашей мудрой монархини, доказываетъ собственное монаршеское признаніе долга ея природнаго милосердія къ Отечеству, чтобъ благостояніе нашихъ потомковъ просто не отважить прямое разумѣніе на ученіи самаго Спасителя нашего о человѣческихъ стараніяхъ точно исполнить, и такъ ежели возможно сказать, быть органомъ посредства тому благополучію, которое Онъ Всемогущій восхотѣлъ утвердить и обнадежить Россійскимъ потомкамъ подъ правосуднымъ скипетромъ ея императорскаго величества, при возобновленіи освященнаго племени Россійскаго отца и возстановителя.

Изъ сего монаршескаго намѣренія видится заключить возможно, что при безпрестанныхъ къ Богу молитвахъ отъ вѣрныхъ подданныхъ, о произведеніи того, еже ея императорское величество насаждать соизволяетъ для общаго блага, теперь наиглавнѣйше потребно, чтобъ

человѣческимъ стараніемъ, пріуготовить нѣжную душу и сердц императорскаго высочества, ко времени созрѣнія его разсудка: тѣмъ съ бо́льшею чувствительностію изображаться будутъ въ ванномъ ему отъ Бога понятіи, какъ примѣры великихъ дѣл освященныхъ предковъ, такъ и тѣ безпосредственныя обученія, і онъ всечасно научаться будетъ въ царствованіе нашей всемилост шей государыни, какое сердце, нравъ и чувствительность б монархъ имѣетъ, какія средства онъ употребляетъ къ воздви: себѣ престола на сердцахъ своихъ подданныхъ! А изъ такихъ мѣровъ и обученій, онъ самъ въ своемъ чувствіи откроетъ дух и естественной законъ, которой Богъ безпосредственно предп откровеніемъ священнаго писанія, и въ здравой совѣсти Своим браннымъ помазаннымъ, яко Его во плоти намѣстникамъ, о попе народнаго благосостоянія въ сей времянной жизни. Изъ че знаетъ его императорское высочество, что нѣтъ народу наивя: отъ Бога милости, какъ поданіемъ ему государя боголюбиваго, г суднаго и милосердаго, слѣдовательно онъ такъ, какъ любезн отечеству его предки, самъ же признаетъ обязуемой его предъ ‹ ствомъ долгъ и то, что онъ вышнимъ промысломъ произведе свѣтъ въ радость своей человѣколюбивой государыни, и къ об живанію насаждаемаго ея материнскою рукою благополучія, до отдаленнѣйшихъ временъ Россійской имперіи.

Однимъ словомъ сказать, ничто достаточнѣе изобразить н жетъ въ чувствительности воспитываемаго какъ монаршескія ципіи, правила и дѣла ея императорскаго величества: что д государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, истинной славы раздѣленными отъ пользы и благосостояні Божескимъ призрѣніемъ подданныхъ народовъ, которые устр ему жертвенники въ сердцахъ своихъ.

Но дабы здѣсь представленныя, и столь много отечеству об щіе способы, произвели полное свое дѣйство, я къ тому достато шее предъоставляя мнѣніямъ искуснѣйшихъ, самъ думаю по нимъ силамъ моего малаго смысла, что тотъ, кому ея величест драгоцѣнное воспитаніе поручить всевысочайше соизволяетъ, дол съ крайнѣйшимъ прилежаніемъ, и такъ сказать, равно съ попече о сохраненіи здоровья его императорскаго высочества, неусыпнс раться, предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами н такого, ежебъ хотя мало могло развратить тѣ душевныя способ къ добродѣтелямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходи напротивъ пристойными къ тому средствами, оныя такъ распрс нять, чтобъ еще въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у его императорскаго

чества, нечувствительно произросла склонность и желаніе подражать добру и честности, претительность же къ дѣламъ худымъ, и честность повреждающимъ. Можно достигнуть до сего намѣренія, порядочными по состоянію лѣтъ обученіями, наставленіями и исправленіемъ, когда только дневное время, да и самыя забавы его высочества такъ обращены будутъ, чтобъ изъ каждой вещи ему происходило, или что къ добру наставляющее, или хотябъ единственно что отъ худа отвращало.

Три главныя и начальныя человѣческія добродѣтели, о которыхъ здѣсь упомянуть должно, суть: чувствительное познаніе своего Творца; Его святое намѣреніе въ созданіи насъ, и нашей за то Ему посвященной должности. Первое происходитъ тогда, когда уже наполнится сердце любовію и повиновеніемъ къ Нему и ко власти, отъ Него постановленной; второе—отъ сердечнаго желанія о точномъ исполненіи своего званія, для которыхъ на свѣтъ производимся; третіе отъ ревности и попеченія—учинить себя способнымъ къ исполненію долга того званія. Простое человѣческое бытіе воображаетъ понятію первыя начертанія сихъ трехъ правилъ жизни; наше же православное христіанство просвѣщаетъ оныя, и отворяетъ въ сердцѣ къ добру дорогу. Почему обученія закона, есть несумнѣнно наиважнѣйшій пунктъ добраго воспитанія,—слѣдовательно избранной къ тому наставникъ—долженъ имѣть рѣчь внятную и ласковую, душу прямую и безкорыстную, разсудокъ здравой, и былъ бы чуждъ всякаго предувѣренія и суевѣрства, вещь, свойственная однимъ ложнымъ законамъ, разорительная же нашему благочестію, гдѣ вѣра съ добрыми дѣлами не разрывно сопряжена. И такъ по моему слабому понятію въ настоящемъ нѣжномъ дѣтствѣ его императорскаго высочества, должно наипаче поспѣшествовать плодамъ наученія закона, огражденіемъ его добрыми нравами, нравоучительнымъ просвѣщеніемъ въ немъ произрастающихъ мыслей и разсужденій, къ чему особливо математическія понятія полезны: ибо они, очищая разсудокъ, больше пріучаютъ къ основанію правды, нежели всѣ другія основанія разума. Но дабы не уважаемою поспѣшностію не изнурить, или и не отяготить нѣжные органы его императорскаго высочества: то надлежитъ все умѣривать его лѣтами, и оказывающимися сорожденными способностями, такъ чтобъ въ началѣ всѣ обученія не прямою наукою, но больше наставленіями производимы были. Тоже разумѣется и о всѣхъ другихъ, какъ о нужныхъ, такъ и о украшающихъ разумъ любопытныхъ наукахъ и знаніяхъ. Между первыми, гдѣ гисторія будучи по справедливости почитаема лучшимъ руководствомъ для тѣхъ, кои рождены къ общему благополучію, и потому она достойна особливаго мѣста въ семъ вос-

питаніи и начаться должна безъ упущенія времени нарочными краткими и внятными сочиненіями—предпочтительно о своемъ отечествѣ.

Что касается о добромъ наученіи собственнаго нашего языка, хотябъ Россія еще и не имѣла Ломоносовыхъ и Сумароковыхъ, тобъ при обученіи закона, чтеніе и одной древняго писанія псалтири, уже отчасти оное исполнило. Притомъ сначала малыя и легкія письменныя экзерциціи мыслей и разсужденій его императорскаго высочества тому же поспѣшествовать будутъ; а имѣющіе честь быть къ нему приставленными, должны прилежно наблюдать, чтобъ его высочество не привыкалъ къ употребленію подлыхъ нарѣченій и словъ, нижебъ поносныя и язвительныя изъ устъ его выходили.

Нашего времени обычай и множество изрядныхъ книгъ, учинили въ Европѣ общимъ французской языкъ; нѣмецкой же въ Россіи надобенъ въ разсужденіи сосѣдства и завоеванныхъ провинцій; но и тому и другому, яко живымъ языкамъ, возможно въ дѣтствѣ обучать больше наслышкою разговоровъ, дабы безъ нужды не тратить дорогое время воспитанія. А когда лѣта дойдутъ до той зрѣлости, гдѣ безъ отягощенія понятія наученіе грамматическихъ правилъ способны будутъ, тогда его высочество найдется въ состояніи самъ себя поправлять въ тѣхъ погрѣшностяхъ, кои почти завсегда въ разговорахъ попадаются.

Кавалерскія экзерциціи также по мѣрѣ возраста употребляемы быть должны, по натуральной же веселаго дитяти склонности къ невиннымъ забавамъ, танцамъ и рисовальному художеству надо дать первенство.

Во время, когда его императорское высочество достигнетъ помощію Божіею тѣхъ лѣтъ, въ которыя всѣмъ пристойнымъ наукамъ самъ обучаться изволитъ въ обыкновенномъ порядкѣ, тогда будетъ весьма полезно учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, то есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ, и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства его, силу и славу монаршу.

Между тѣмъ къ достиженію сего совершенства добраго воспитанія, нужно есть особливое стараніе возбуждать всякими мѣрами въ его императорскомъ высочествѣ полезныя къ тому склонности и вкусъ, къ чему, между прочими средствами, мнится быть и то не безполезно, когдабъ опредѣлена была нѣкоторая годовая малая сумма, на собственное его высочеству собраніе книгъ, математическихъ и физическихъ инструментовъ, ружья, кунферштиховъ, картинъ и прочихъ кабинетовъ, еже все собирая помаленьку предъ его очами, можетъ

нечувствительно подать ему охоту, любовь и любопытство вообще ко всѣмъ наукамъ и художествамъ. Изъ той же суммы не худо платить и тѣмъ учителямъ, кои по часамъ для подаңія уроковъ призываны будутъ; сего званія люди, отъ своего искусства имѣютъ промыселъ, а достаточная и добровольная заплата поощряетъ болѣе, нежели другіе способы, ихъ смыслъ и прилежаніе, отъ чего будетъ большая польза его императорскому высочеству.

Всеподданнѣйшая ревность и усердіе не дозволяютъ ничего оставить на совѣсти, и преодолѣвъ рабскую несмѣлость, заставляютъ при заключеніи сего росписанія, всенижайше представить, какъ малое мое понятіе мнѣ воображаетъ, что сходственнѣе быть можетъ съ мудрымъ ея императорскаго величества намѣреніемъ о воспитаніи государя великаго князя, если всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость, отъ него отдалены, и неинако ему представляться будутъ, какъ надеждою будущаго награжденія въ тѣхъ лѣтахъ, когда воспитаніе окончится за усердное соотвѣтствованіе въ томъ всевысочайшей воли и желанію ея императорскаго величества; комнату же его высочества, или дворъ сочинить такъ, чтобъ сравненно съ его природнымъ достоинствомъ, чинъ, благопристойность и добронравіе были всему украшеніемъ. Время ласкателямъ довольно впередъ остается; но нѣтъ ничего излишняго въ лѣтахъ воспитанія для тѣхъ, кои вѣрою и должностію обязаны будутъ пещись о добродѣтеляхъ, и предъ-остерегать пороки. Въ разсужденіи чего главнѣйшая надобность въ томъ состоитъ, чтобъ опредѣляемые въ услугу его императорскаго высочества кавалеры были всѣ благородныхъ сентиментовъ, добрыхъ нравовъ и обычаевъ; но какъ сіи два послѣднія качества рѣдко прямо открыты въ общемъ обращеніи службъ и знакомствъ: ибо ихъ дѣйство больше въ своихъ семьяхъ и между домашними, нежели на общемъ театрѣ, того ради полезнѣе бъ было для его высочества, если бы на первое время ни какихъ ранговъ къ тѣмъ должностямъ присвоено не было, но довольно опредѣлить достаточное къ тому жалованье; а избранные къ сей службѣ могутъ сохранить тѣ мѣста, изъ которыхъ возмутся, и тѣмъ не меньше получать отличность входа въ кавалерскіе покои ея императорскаго величества, когда они и просто называться станутъ кавалерами его высочества.

Существо такого важнаго и деликатнаго дѣла требовало бъ и особливаго плана съ точнымъ содержаніемъ персоны его императорскаго высочества, съ росписаніемъ при немъ службъ, съ распоряженіемъ по часамъ его времени, ученія и забавъ, съ избраніемъ наукъ, и для нихъ учителей. Но сему основаніемъ должно быть всевысочай-

шее о всемъ намѣреніе ея императорскаго величества въ той инструкціи, коя дана будетъ опредѣленному главнымъ къ воспитанію. Причемъ и то достойно уваженія, что разность сложеній воспитываемыхъ, и происходимая почти безпрестанно по дѣтскимъ склонностямъ и лѣтамъ въ нихъ перемѣна едва-ли когда ни есть могутъ дозволить точное исполненіе такова единожды предписаннаго плана, хотя бъ оной и такимъ человѣкомъ сочиненъ былъ, которой бы уже и прежде самъ зналъ сложеніе воспитываемаго и весь тотъ порядокъ, въ которомъ онъ воспитывается. И такъ для исправнаго исполненія всевысочайшаго материнскаго намѣренія ея императорскаго величества лутчій и кратчайшій способъ есть, всемилостивѣйшее дозволеніе къ себѣ доступи со всеподданнѣйшими докладами и представленіями, ежели по обстоятельствамъ времени и случаевъ, когда что по силѣ инструкціи исправить или перемѣнить должно. Я же, приступая къ такой великой вещи, объятъ вѣрнаго раба ревностію, усердіемъ и трепетомъ, къ недостаткамъ натуральной способности и искусства, симъ больше испытываю себя собственно, нежели съ надежностію о себѣ исполняю мнѣ высокое повелѣніе. Повиновеніе воли монаршей есть мой первой законъ и счастливъ буду, если бъ не только труды, вѣрность, раченіе и прилежаніе, но хотя бъ и животъ могъ то замѣнить и наградить, чего исполнить не найдусь въ состояніи.

Сообщ. изъ бумагъ В. Ѳ. и Б. Ѳ. Булгариныхъ въ 1871 г.

Т. А. Сосновскій.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ВО ФРАНЦІИ

въ 1782 г.

Записки Башомона (de Bachaumont).

Настоящій отрывокъ изъ записокъ Башомона есть переводъ французской рукописи [1]), хранящейся, въ числѣ прочихъ историческихъ матеріаловъ, въ дворцовой библіотекѣ города Павловска; копіи съ этихъ матеріаловъ, переводы или извлеченія изъ оныхъ исполнены нами въ 1874—1877 гг., съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣльца города Павловска, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, и многія изъ нихъ, какъ напр., записки Манштейна, Герарда-Миллера (дворъ Анны Іоанновны), переписка Екатерины II, в. к. Павла Петровича и в. к. Маріи Θеодоровны—напечатаны въ „Русской Старинѣ" 1873—1880 гг. Ред.

5-го января 1782 г. Всѣ наши глюкисты затрепетали отъ радости, когда пришло извѣстіе изъ Вѣны, что графъ и графиня дю Норъ (du Nord, Сѣверные) удостоили Глюка своимъ посѣщеніемъ. Да и наши поэты не менѣе гордятся тѣмъ, что такой-же чести удостоился Метастазъ. Послѣдній только что подымался на лѣстницу къ ихъ высочествамъ, (великому князю Павлу Петровичу и великой княгинѣ Маріи Θеодоровны), какъ они выходили отъ себя. Они сказали ему, что намѣрены сами побывать у него, а графиня (т. е. великая княгиня Марія Θеодоровна) прибавила, что она считаетъ обязанностью оказать почтеніе поэту, драмами котораго она часто восхищалась.

4-го февраля 1782 г. Говорятъ, что король такъ остался доволенъ праздникомъ, даннымъ господами его конвоя, что намѣренъ дать подобный въ честь графа и графини дю Норъ, по пріѣздѣ ихъ во Францію.

18 мая 1782 г. Выписка изъ письма, полученнаго изъ Ліона, отъ 13-го того-же мая....... Ихъ сіятельства графъ и графиня дю Норъ только что выѣхали отсюда, пробывъ здѣсь цѣлую недѣлю и раз-

[1]) Рукопись руки Лаферміера, секретаря цесаревича Павла Петровича; это не болѣе, какъ извлеченіе помянутаго лица изъ записокъ Башомона.

Ред.

давъ большое количество не серебра, а золота. Вотъ черта, кото дастъ вамъ объ этомъ понятіе. Для охраны ихъ нарядили не б шую стражу, которая должна была не допускать къ нимъ слишк близко народъ. Въ благодарность за эти услуги, графъ подар сержанту стражи золотые часы съ эмалью и брильянтами. Ме солдатами стражи оказался одинъ русскій; графъ выпросилъ для го увольненіе, приказалъ ему представиться въ Петербургѣ, и на рогу далъ ему 50 луидоровъ. Щедрость свою онъ распростран не только на здѣшнія фабрики, на которыхъ много работаютъ по казамъ русской императрицы, но также и на больницы города, да привлекло его человѣколюбіе. Но повѣрятъ-ли? Въ благодарн за все это, грубая наша чернь заставила его испытать однѣ оскорбле На каждомъ шагу до слуха его доходили отзывы, въ родѣ эт «ахъ! какой дурнышка!» Все это онъ сносилъ спокойно и по фило ски. Однако, разъ, обратясь къ кому-то изъ свиты, онъ замѣтилъ вольно громко, но весьма сдержанно: „конечно, если бы я ра не былъ убѣжденъ, что я дуренъ собою, то узналъ бы это отъ эт народа“. Расчитываютъ, что онъ въ бытность свою въ Ліонѣ издерж едва-ли не милліонъ франковъ. Отсюда онъ отправляется въ Дижо

21-го мая 1782 г. 18-го числа прибыли въ Парижъ русскіе ликій князь и великая княгиня, подъ именемъ графа и графини Норъ, и остановились въ домѣ русскаго посольства, такъ назы момъ отелѣ Леви, что въ улицѣ Грамонъ, по близости бульвар Съ тѣхъ поръ народъ постоянно окружаетъ отель. Графа дѣйст тельно находятъ некрасивымъ, за то графиня великолѣпна; по нотѣ, она истая нѣмка и напоминаетъ герцогиню де Мазари Говорятъ, будто здѣсь у нихъ будетъ расходовъ на три милліон

23-го мая 1782 г. На этихъ дняхъ графъ и графиня дю Н исполнили въ Версали церемоніальный обрядъ представленія ко д ру. Въ тотъ день, когда графиня посѣтила принцессу Елиза ту, пустое обстоятельство вызвало ее на одно возраженіе. По вы дѣ отъ принцессы, въ сопровожденіи придворной дамы графини Д ны де Полиньякъ, графиня дю Норъ, идучи съ нею до выхо говорила ей, какъ плѣнила ее принцесса своею наружностью и в ще всею особою своею, такъ точно какъ и сестра ея, пьэмонтская прин са, на что графиня Полиньякъ отвѣтила: «Да, обѣ принце очень схожи между собою въ миловидности и любезномъ обхожде одно только вредитъ имъ, это излишняя полнота».—«По мнѣ, с возразила иностранная принцесса, тоже отличающаяся полното не замѣтила въ нихъ этого излишка; на мои глаза, она совсѣмъ к слѣдуетъ быть».—И, сказавъ это, она оставила госпожу Полинья

та поняла неумѣстность своего замѣчанія, хотя сдѣланнаго и безъ дурнаго намѣренія, и это послужитъ ей впередъ урокомъ.

24-го мая 1782 г. Ихъ сіятельства графъ и графиня дю Норъ съ самаго начала имѣли здѣсь успѣхъ. Народъ, извѣщенный о днѣ ихъ прибытія, собрался толпами встрѣчать ихъ у отеля, такъ что они не могли уклониться отъ всеобщаго любопытства. Лишь только ихъ завидѣли, какъ стали кричать: Vivent Monsieur le comte et Madame la comtesse du Nord! (Да здравствуютъ графъ и графиня дю Норъ). Великій князь тотчасъ-же спустилъ стекла въ каретѣ, приказалъ ѣхать тише и, высунувшись въ окно, сказалъ съ выраженіемъ искренней признательности: «Braves français, je suis pénétré de l'accueil obligeant, que vous me faites, et je n'en perdrai jamais la mémoire!» (Добрые французы, я тронутъ вашимъ ласковымъ пріемомъ какъ нельзя болѣе, и никогда его не забуду.) Затѣмъ восклицанія повторились еще громче.

Преждевременный слухъ о некрасивой наружности графа послужилъ ему въ пользу; его нашли далеко не столь дурнымъ, какъ было разгласили. Впрочемъ, все некрасивое сглаживается выраженіемъ доброты на царскомъ лицѣ; графиня же положительно всѣмъ понравилась. Не только черты лица ея прекрасны, но и высокій станъ значительно скрадываетъ ея полноту; она держится съ достоинствомъ и благородною важностью, а въ физіономіи ея много пріятности.

25-го мая 1782 г. Вчера ихъ сіятельства графъ и графиня дю Норъ посѣтили соборъ Нотръ-Дамъ, не предваривъ о томъ никого и съ небольшою свитою, какъ бы втихомолку. Однако вскорѣ о томъ провѣдали, и нѣсколько канониковъ вышли встрѣчать ихъ. При входѣ въ соборъ, графиня вскричала: «Вотъ великолѣпный готическій памятникъ; конечно, не могутъ существовать на свѣтѣ два римскихъ Св. Петра, но и этотъ храмъ въ своемъ родѣ величественъ». Такого рода размышленіями, доказывавшими ея умъ и свѣдѣнія, сопровождала графиня обозрѣніе церкви. Особливо много вкуса выказала ея сіятельство при осмотрѣ картинъ. Тутъ же вспомнила она о кардиналѣ Рецъ, что доказываетъ ея свѣдѣнія въ нашей исторіи. Послѣ осмотра во всѣхъ подробностяхъ какъ церкви, такъ и сокровищницы, аббатъ Делафажъ сказалъ графу: «Ваше высочество, въ бытность свою здѣсь, царь Петръ пожелалъ видѣть капитулъ и садъ церковный». «Охотно», отвѣчалъ великій князь, «я пойду всюду, куда только вамъ угодно будетъ меня повести».—Когда они пришли въ садъ, назначенный для прогулки канониковъ и жителей монастыря, ихъ увидалъ архіепископъ, который и послалъ своего служку спросить, когда ему позволено будетъ представиться ихъ высочествамъ. Великій

князь отвѣчалъ: «Попросите его не трудиться; мы здѣсь инкогнито, иначе мы первые пришли-бы его навѣстить; но мы придемъ его послушать, когда онъ будетъ совершать богослуженіе; говорятъ, онъ служитъ съ большимъ достоинствомъ и назиданіемъ». При этомъ графъ, вообще болѣе молчаливый и застѣнчивый, замѣтилъ г. Делафажу: «Сколько мнѣ помнится, настоящій архіепископъ еще недавно находится здѣсь; его предшественнику приходилось очень жутко». «Ваше высочество», отвѣчалъ Делафажъ въ замѣшательствѣ, «у архіепископа были непріятности съ свѣтскими властями». «Нѣтъ, не объ этомъ только рѣчь; самъ король прижималъ его».—«Напротивъ. Людовикъ XV любилъ его, а выслалъ онъ его только за тѣмъ, чтобы удалить его отъ преслѣдованій парламента». Графъ только пожалъ плечами, какъ-бы изъ чувства жалости, которое доказываетъ, какъ мало онъ уважаетъ такого государя. Вообще, блистала великая княгиня, которую находили прелестною и ангельски-доброю. Августѣйшій супругъ ея отличался сдержанностью, но все, что онъ говорилъ, было весьма основательно.

30-го мая 1782 г. Выписка изъ письма отъ 20-го мая, полученнаго изъ Ліона...... Остается прибавить нѣсколько новыхъ подробностей о пребываніи въ нашемъ городѣ графа и графини дю Норъ.

Въ день своего пріѣзда въ городъ, 7-го мая, они поѣхали встрѣчать герцога и герцогиню виртембергскихъ, которые, подъ именемъ графа и графини де Жюстéнь, направлялись изъ Монбильяра въ Ліонъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими, съ тѣмъ, чтобы оставаться въ кругу своихъ, во все время пребыванія своего въ Ліонѣ. Графъ дю Норъ на другой-же день обошелъ городъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного только придворнаго изъ свиты. Онъ навѣстилъ старшину мѣстнаго купечества. При посѣщеніи госпиталей, великій князь такъ выразился, въ отвѣтъ на попытки не допускать его до посѣщенія такихъ жилищъ, которыхъ высокопоставленныя лица столь тщательно сами избѣгаютъ. «Чѣмъ болѣе государи удалены отъ зрѣлища людскихъ золъ, тѣмъ болѣе должны они приближаться къ нимъ, чтобы быть въ состояніи помогать несчастнымъ». Всего болѣе поразилъ графа видъ фехтовальной залы, служащей складомъ оружія, изготовляемаго на сентъ-этіенской фабрикѣ, и котораго было на лицо до 60,000 штукъ. Знаменитые путешественники отплатили старшинѣ купечества, за его личное вниманіе къ нимъ, табакеркою, и еще болѣе драгоцѣнными милостивыми словами, прося его сохранить добрую память о графѣ и графинѣ дю Норъ.

Говорятъ, что члены августѣйшей фамиліи разстались въ Дижонѣ.

31-го мая 1782 г. Продолжая слѣдить за обстоятельствами путе-

шествія графа и графини дю Норъ, приходится обращаться къ тому, что уже предшествовало, чтобы не упускать ни одной черты изъ такого любопытнаго дневника.

20-го числа графъ и графиня представлялись ихъ величествамъ и королевской фамиліи, причемъ ихъ сопровождалъ русскій посолъ, князь Барятинскій. Графъ говорилъ послѣднему, что въ церемонное его посѣщеніе, король показался ему холоднымъ, за то во внутреннихъ покояхъ графъ былъ вполнѣ вознагражденъ радушнымъ обхожденіемъ короля. Графиня точно также осталась довольна королевою. Въ первое ея посѣщеніе, ея величество сказала ей: «Мнѣ кажется, княгиня, что у насъ съ вами одинаковый недостатокъ, близорукость; противъ него у меня вдѣлана въ вѣеръ лорнетка; поглядите, по глазамъ-ли она вамъ будетъ?» Тотчасъ-же приносятъ богатѣйшій вѣеръ, украшенный брильянтами. Августѣйшая гостья примѣряетъ лорнетку къ своимъ глазамъ и находитъ ее превосходною. «Это очень меня радуетъ», говоритъ королева; «такъ я васъ прошу оставить ее у себя».—«Охотно принимаю ее», отвѣчаетъ графиня: «такимъ образомъ я еще лучше увижу ваше величество».

Когда графъ дю Норъ посѣтилъ дофина, онъ поцѣловалъ его, и просилъ княгиню Гемене напоминать ребенку почаще, какъ онъ, графъ, его любитъ.

Кромѣ даннаго королевою этимъ знаменитымъ путешественникамъ концерта, съ участіемъ пѣвицы Марà, при дворѣ происходили еще два спектакля. Въ среду, 22-го, давали: «La reine de Golconde» («Голкондская королева»), а 29-го «Ифигенію въ Авлидѣ» и балетъ: «Нинета при дворѣ». Въ послѣднемъ участвовалъ уже уволенный танцовщикъ Вестрисъ-отецъ, и госпожа Гейнель, оставившая монастырь для содѣйствія въ удовольствіяхъ двора. Графъ и графиня уже три раза посѣтили французскую комедію, представленія которой, повидимому, сильно имъ нравятся.

31-го мая 1782 г. Надобно замѣтить, что, согласно съ этикетомъ, графъ дю Норъ былъ офиціально представленъ только королю при посредствѣ г. де ла Ливъ, котораго должность вводить посланниковъ. Впереди его шелъ домашній секретарь короля, г. де Секвилъ. Король принималъ графа въ своемъ большомъ кабинетѣ. Графъ вручилъ ему два письма, одно изъ Неаполя, другое изъ Пармы, и сказалъ, что главная цѣль его путешествія было свиданіе съ его величествомъ. Король съ своей стороны выразилъ удовольствіе видѣть его. Графиня-же дю Норъ не представлялась королю, а только королевѣ и принцессамъ королевскаго дома, и ввела ее къ нимъ графиня де Верженъ, супруга министра иностранныхъ дѣлъ.

Того-же 20-го мая, августѣйшіе супруги обѣдали со всѣмъ к левскимъ семействомъ; въ то-же утро, они принимали у себя, м прочимъ, гвардейскихъ офицеровъ, представленныхъ имъ марша Бирономъ.

1-го іюня 1782 г. Священнику св. Сульпиціи, котораго вѣ но приглашали сообщить русской императрицѣ, какія онъ учре заведенія, выдана отъ имени ея въ благодарность золотая ме Г. Седѣнь, сочинившій для ея императорскаго величества двѣ сы въ 5 дѣйствій, награжденъ 20,000 червонцевъ. Не забыты же: госпожа д' Эпине, авторъ Бесѣдъ Эмиліи (Conversa d'Emilie), и внучка ея, графиня де Бельзёнсь. Послѣдней данъ ш императрицы.

Уже говорено о медаляхъ, доставленныхъ Бюфону; надобно этому прибавить еще богатѣйшіе мѣха. Монаршими щедротами восп зовались также г. Губертъ, изъ Лейпцига, за французскій пере творенія Винкельмана объ искуствѣ у древнихъ, аббатъ Галь и др. Наконецъ знаменитой импровизаторшѣ флорентинской, и стной подъ именемъ Кориллы Олимпики (Corilla Olympica), начена пенсія въ сто червонцевъ. И такъ, по примѣру Людовика безсмертная Екатерина цѣнитъ и награждаетъ заслуги чужестранцевъ.

2-го іюня 1782 г. Графъ дю Норъ, который не пропускает одного замѣчательнаго памятника, навѣстилъ въ Сорбонѣ могил вѣстнаго кардинала Ришелье. Ученый, сопровождавшій графа обозрѣніи церкви, напомнилъ ему у этой гробницы замѣчател слова, нѣкогда сказанныя тутъ царемъ Петромъ 1-мъ: «Вел человѣкъ!» воскликнулъ онъ: «Какъ жаль, что тебя нѣтъ въ выхъ! Я отдалъ-бы тебѣ половину моего царства, только-бы ты чилъ меня, какъ управлять другою!», на что молодой великій к живо возразилъ: «Ахъ, сударь, да потомъ онъ же отнялъ-бы у васъ и

3-го іюня 1782 г. Вчера, въ новой оперной залѣ давали въ ч графа и графини публичный чрезвычайный балъ. Они были на н Любопытство привлекло сюда несмѣтныя толпы посѣтителей, но дежды ихъ были обмануты, потому что августѣйшіе иностранцы снимали съ себя масокъ. На балъ пріѣхала и королева, незнак еще съ оперною залою, обращенной въ бальную. Королева также въ маскѣ, и шла подъ руку съ принцемъ Орлеанскимъ. Знакомыя съ кетомъ лица узнали о присутствіи ея величества на балѣ по значку торый она и королевская фамилія всегда носятъ въ подобныхъ случа чтобы стража ихъ, свита и всякій, кто только долженъ быть на го къ ихъ услугамъ, въ случаѣ какого столкновенія, могли узнать

Ея величество все почти время провела въ ложѣ, не снимая маски, а когда ей надо было съ кѣмъ нибудь поговорить, она посылала за нимъ герцога де Коаньи. На балѣ не произошло нечего необыкновеннаго, кромѣ случая съ герцогомъ Шартрскимъ. Этотъ принцъ не былъ замаскированъ и даже безъ домино. Пока онъ разговаривалъ съ одной изъ придворныхъ фрейлинъ, какая-то черная маска вздумала вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Находя эту фамильярность дерзкою, принцъ спросилъ маску: «Развѣ вы меня не знаете?» — «Какъ же», отвѣчала маска, «съ васъ уже снята личина». Не смотря на это оскорбленіе, принцъ сдержалъ свое негодованіе, потому что не зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ воображалъ, что это кто нибудь изъ высшей знати. Принцъ нѣсколько времени слѣдилъ глазами за маскою, которая смѣло продолжала глядѣть на него, что̀ еще болѣе смутило принца. Наконецъ незнакомецъ, человѣкъ незначущій, какъ увѣряютъ, скрылся въ толпѣ и перемѣнилъ маску. На балѣ былъ также г. Анселo; графиня дю Норъ шла съ нимъ подъ руку. Всѣ удивлялись присутствію министра на балѣ; но дѣло въ томъ, что онъ обязанъ находиться въ подобныхъ собраніяхъ при особѣ короля и королевы.

6-го іюня 1782 г. Графъ и графиня дю Норъ третьяго дня пріѣхали къ госпожѣ де Монтесонъ на ея спектакль. До начала, по приглашенію герцога Орлеанскаго, явился Комю (Comus), занимать покуда ихъ сіятельства. Между тѣмъ, нѣсколько лицъ принцева двора вздумали занять приготовленныя мѣста, за ними другія, еще въ бо̀льшемъ числѣ, такъ что доложили принцу, что вскорѣ ему не куда будетъ посадить своихъ высокихъ гостей. Герцогъ, взбѣшенный, выходитъ на сцену и сквозь занавѣсъ говоритъ: — «Я удивляюсь этому безцеремонному захвату мѣстъ, до того, что не достанетъ ихъ графу и графинѣ дю Норъ. Выходите всѣ, я видѣть васъ не хочу». На эту выходку стали роптать, однако повиновались; нѣсколько несговорчивыхъ дамъ обидѣлись и ушли, но бо̀льшая часть гостей осталась. Ужинъ, данный герцогомъ, былъ роскошнѣйшій; между прочимъ, одной земляники было подано на 850 червонцевъ. Однако графъ дю Норъ отказался отъ ужина, извиняясь нездоровьемъ, а графиня тѣмъ, что ей нельзя оставить мужа. Герцогъ Орлеанскій очень былъ оскорбленъ этимъ. Говорятъ, что ихъ сіятельства, узнавъ, что они въ гостяхъ не у герцога, а у госпожи Монтесонъ, не захотѣли поэтому и кушать у ней.

Графъ и графиня дю Норъ посѣтили домъ инвалидовъ, и при этомъ осмотрѣ выказали большія свѣдѣнія, особенно графиня. Она же не скрыла своего мнѣнія, что пища инвалидовъ неудовлетворительна. Надобно сказать, что они застали домъ врасплохъ, и что за

полчаса до ихъ пріѣзда никто не былъ предваренъ о томъ. Графъ изъявилъ было желаніе оказать инвалидамъ нѣкоторое пособіе, на что г. д'Эспаньякь объявилъ, что такъ какъ домъ инвалидовъ состоитъ подъ королевскимъ покровительствомъ, то въ семъ учрежденіи никому не дозволяется принимать подарки отъ постороннихъ лицъ. Графъ полагалъ, что сдѣлаютъ исключеніе для больныхъ дома, но и на это получилъ отказъ. Въ церкви дома графиня восхищалась куполомъ; живопись въ часовняхъ вызывала ее на весьма основательную критику. Вглядываясь въ куполъ, она спросила г. д'Эспаньякъ, что значитъ изображенное въ немъ? Но ни онъ, ни другія чиновныя лица не съумѣли дать объясненіе; призвали старика инвалида, который и исполнилъ порученіе.

10-го іюня 1782 г. Г. де Лагарпъ предложилъ было для представленія свою піесу La reine Jeanne de Naples (королева Іоанна неаполитанская); онъ надѣялся, что ее повторятъ нѣсколько разъ, и что графъ и графиня дю Норъ пожелаютъ ее послушать. Однако умный глава полиціи, вопреки автору и актерамъ, запретилъ играть эту піесу, покуда августѣйшіе гости находятся въ Парижѣ, потому что она могла подать поводъ къ злостнымъ намекамъ. Вмѣсто того, поставили піесу: Гастонъ и Баяръ, которая вызвала страшный шумъ изъ за четырехъ стиховъ, въ которыхъ восхваляется одно дѣйствующее лице, именно графъ д' Эстѐнъ (d'Ectaing), и которые немедленно были отнесены къ современному д'Эстенъ.

12-го іюня 1782 г. Дня не проходитъ безъ какого нибудь празднества въ честь графа и графини дю Норъ. Въ прошлую субботу, въ Версали былъ парадный балъ, освѣщеніемъ превосходившій балъ королевскаго конвоя и также хорошо устроенный. Знаменитые гости восхищали публику своимъ любезнымъ и непринужденнымъ обхожденіемъ, такъ что многіе изъ нашей знати казались неловкими въ сравненіи съ ними.

Съ понедѣльника они находятся въ Шантильи, мѣстность котораго такъ ихъ очаровала, что они увѣрены, что ни у котораго изъ европейскихъ государей нѣтъ такого удобнаго для празднествъ помѣщенія.

Г. Ложу постарался и поставилъ приличную случаю піесу, въ которой отличили хорошенькіе куплеты; остальное-же не слишкомъ понравилось.

14-го іюня 1782 г. Въ промежуткахъ празднествъ, графъ и графиня дю Норъ постоянно посѣщаютъ который либо изъ нашихъ памятниковъ, или кого нибудь изъ нашихъ великихъ людей. Прежде всѣхъ собраній, хотѣлось имъ побывать во французской академіи. Они присутствовали на одномъ изъ частныхъ ея засѣданій, въ понедѣль-

никъ 27-го мая. Г. де Лагарпъ прочелъ стихотвореніе въ честь графа дю Нора, въ которомъ онъ довольно не точно сравниваетъ графа съ царемъ Петромъ, потому что между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ путешествія. Потомъ аббатъ Арно прочелъ изображеніе Юлія Цесаря, въ которомъ графъ дю Норъ еще менѣе узнавалъ себя. За тѣмъ снова г. де Лагарпъ сталъ читать посланіе свое къ графу Шувалову объ описательной поэзіи, вещь уже извѣстная, но измѣненная и поправленная; ее нашли нѣсколько педантской для настоящаго случая. Оба путешественника съ большимъ удовольствіемъ разсматривали портреты различныхъ академиковъ. Академія, пользуясь случаемъ, выпросила портреты ихъ сіятельствъ, и они были обѣщаны. Эти портреты будутъ присоединены къ находящимся уже въ академіи портретамъ королевы Христины и королей шведскаго и датскаго. Всего замѣчательнѣе въ этомъ засѣданіи было то, что знаменитые путешественники, особенно графиня, болѣе сообщительная и лучше владѣющая нашимъ языкомъ, расхваливали почти каждаго академика, приводя тутъ же мѣста изъ ихъ сочиненій.

Учитель математики королевской военной школы разсказываетъ, что во время посѣщенія ихъ сіятельствъ этого училища, графиня задавала ему вопросы, которые удивляли его и приводили въ замѣшательство.

Сегодня на лирическомъ театрѣ поставили оперу «Касторъ и Поллуксъ» съ цѣлью познакомить ихъ сіятельства съ произведеніемъ безсмертнаго Рамо̀, составляющимъ образецъ французской музыки.

15-го іюня 1782 г. Ихъ сіятельства собираются уѣзжать, и въ воскресенье намѣрены проститься. Говорятъ, король готовитъ имъ два подарка: первый состоитъ изъ гобеленовыхъ обоевъ, изображающихъ исторію царя Петра 1-го; второй—весь туалетный сервизъ изъ севрскаго фарфора. Сегодня графъ и графиня, при посѣщеніи завода, были пріятно удивлены: графиня, увидѣвъ свой гербъ на туалетномъ приборѣ, а графъ свой-же гербъ на великолѣпномъ сервизѣ, которымъ онъ много любовался [1]). Графъ, кромѣ того, накупилъ фарфору на 400 т. рф.

19-го іюня 1782 г. Сегодня утромъ, позавтракавъ у короля въ Шуази, ихъ сіятельства выѣхали на орлеанскую дорогу. Въ Орлеанѣ, какъ всюду, гдѣ они проѣзжали, они были не менѣе щедры, и нѣсколькимъ лицамъ оставили значительные подарки. Не забытъ и

[1]) Драгоцѣнный подарокъ французскаго короля хранится во дворцѣ въ г. Павловскѣ. См. нашъ трудъ: „Очеркъ исторіи и описаніе Павловска". Спб., изд. 1877 г. стр. 406—407. Ред.

г. де Лагарпъ. Этотъ академикъ, въ качествѣ корреспондента великаго князя ближе ему знакомый, имѣлъ честь часто бывать у него и сопровождать его въ разныхъ случаяхъ, между прочимъ, какъ сказано, привѣтствовать его во французской академіи посланіемъ въ стихахъ, которое потомъ было напечатано и поражало своимъ безвкусіемъ. Тѣмъ не менѣе графъ подарилъ ему на память золотую табакерку тонкой работы съ изображеніемъ разныхъ атрибутовъ музъ и украшенную брильянтами. Эту вещицу оцѣниваютъ въ 6000 фр. [1]).

21-го іюня 1782 г. Графъ и графиня дю Норъ уѣзжаютъ изъ Парижа, оставляя въ парижанахъ дорогую память о себѣ. Графъ возбудилъ живѣйшее участіе въ каждомъ, кто только имѣлъ счастіе приблизиться къ нему и говорить съ нимъ. Онъ милостивъ, предупредителенъ съ достоинствомъ, по качествамъ своимъ онъ обнаруживаетъ самый счастливый характеръ, и нельзя было ему не успѣть въ странѣ, гдѣ прежде всего цѣнятъ любезность. Онъ говоритъ мало, но рѣчь его всегда умѣстна, проста, и все, что онъ скажетъ лестнаго, не отзывается чѣмъ нибудь придуманнымъ. Однажды, когда графъ дю Норъ навѣстилъ графа д'Артуа въ ту минуту, когда оружейникъ показывалъ послѣднему новаго фасона шпаги, графъ д'Артуа воспользовался случаемъ поднести въ подарокъ высокому гостю только что выбранную имъ для себя шпагу. «Позвольте мнѣ не принимать ее», сказалъ графъ, «а дать въ залогъ ту, которою вы завоюете Гибралтаръ». Во время параднаго бала, когда толпа была такъ велика, что хлынула въ сторону короля, который еще не садился, его величество сказалъ: «Однако насъ начинаютъ тѣснить». При этихъ словахъ окружавшіе короля отступили въ сторону, и графъ дю Норъ также, говоря: «Извините в. в., я въ эту минуту считалъ себя за одного изъ подданныхъ вашихъ, и подобно имъ находилъ, что чѣмъ ближе къ вамъ, тѣмъ лучше». Король протянулъ ему руку и поставилъ его подлѣ себя. Все это оправдываетъ удачный по характеристикѣ стихъ Лагарпа изъ его піесы:

Aux courtisans jaloux il apprend l'art de plaire.
(Завистливыхъ царедворцевъ онъ учитъ; какъ должно нравиться).

22-го іюня 1782 г. Въ субботнемъ листкѣ «Меркурія» напечатана рецензія Исторіи Россіи, Левека. Говорятъ, что въ этой книгѣ отецъ графа дю Нора изображенъ самыми черными красками, и что

---

[1]) Огромное собраніе писемъ Лагарпа къ великому князю Павлу Петровичу, съ 1774 по 1791 г., хранится въ дворцовой библіотекѣ города Павловска, изъ нихъ лишь только часть была издана въ 1810—1811 гг. Ред.

даже мать его, русскую императрицу, не пощадили разными скандалезными анекдотами. Находятъ крайне неприличнымъ и даже неосторожнымъ разбирать эту книгу печатно во время самаго пребыванія графа въ здѣшней столицѣ. Придрались къ цензору Санси, котораго и вычеркнули изъ списка, отнявъ у него цензуру «Меркурія» и «Парижскаго журнала». Его замѣнилъ для перваго изъ этихъ изданій г. Гиди. Санси, обыкновенно очень осторожный, протестуетъ противъ этого распоряженія и увѣряетъ, что ему подставили ловушку, хотѣли уличить его въ недобросовѣстности.

23-го іюня 1782 г. Графъ дю Норъ, будучи въ Шантильи, въ восхищеніи отъ мѣстности, говорилъ, что онъ охотно промѣнялъ-бы свои владѣнія на это. «Вы слишкомъ много потеряли-бы отъ этого», возразилъ принцъ, «особенно-же вашихъ подданныхъ».—«Напротивъ, я выигралъ бы, я былъ-бы Бурбономъ, да еще лучше—Конде».

24-го іюня 1782 г. Въ среду, 5-го іюня, ихъ сіятельства графъ и графиня дю Норъ присутствовали на засѣданіи академіи наукъ. Кондорсѐ читалъ рѣчь, которая была болѣе умѣстна и интересна для высокихъ слушателей, нежели сухія записки, полныя всякихъ вычисленій. Онъ говорилъ, какъ для нѣкоторыхъ отраслей наукъ необходимо покровительство государей.

26-го іюня 1782 г. Въ субботнемъ листкѣ «Меркурія», отъ 8-го сего мѣсяца, напечатана реценвія исторіи Россіи Левѐка, принадлежащая, какъ полагаютъ, перу аббата Реми. А затѣмъ 10-го ч. Санси получилъ отъ канцлера письмо съ объявленіемъ, что по жалобѣ министра Анселѐ (государственнаго секретаря парижскаго департамента и слѣдовательно вѣдающаго все, что̀ касается литературныхъ дѣлъ) на означенную реценвію, онъ, канцлеръ, вынужденъ уволить его отъ цензуры «Меркурія» и «Парижскаго журнала», и даже совершенно исключить его изъ списка цензоровъ. Прочитавъ снова реценвію, Санси удостовѣрился въ своей ошибкѣ, хотя и невольной, и рѣшился обратиться къ посредничеству русскаго посла, прося взять на себя ходатайствовать за него у великаго князя и просить его снисхожденія, такъ какъ князь, вѣроятно, не желалъ бы, чтобы Санси одинъ пострадалъ отъ его путешествія во Францію. Однако канцлеръ отказалъ въ этой просьбѣ, потому что такимъ образомъ великій князь узналъ бы то, что̀ оставалось ему еще неизвѣстнымъ. Дѣйствительно, говорятъ, что онъ подписался на 50 экземпляровъ книги.

Какъ бы ни было, можно только пожалѣть о Санси; промахъ его тѣмъ извинительнѣе, что нужно было ему только попристальнѣе прочесть въ реценвіи мѣста, приведенныя изъ сочиненія, которое было уже ранѣе одобрено и вышло въ нѣсколькихъ томахъ. Быстрота, съ

какою послѣдовали одно за другимъ: жалоба и взысканіе, заставляютъ предполагать интригу противъ Санси, котораго не долюбливали за суровость. По настоящему только графъ дю Норъ или русскій посланникъ имѣлъ право преслѣдовать цензора.

27-го іюня 1782 г. Изданъ историческій водевиль, содержащій въ себѣ болѣе обыкновеннаго соли на тему новѣйшихъ событій, какъ-то: на путешествіе Лафаета въ Америку, на смѣшную прическу женщинъ, на ломаніе нашихъ щеголей, на новую залу французской комедіи, на воздушную лодку, на секретъ Лингѐ, на открывателя источниковъ Блетона, на пріѣздъ графа дю Нора. Музыка на слова: «А мнѣ какое дѣло»?

„Воинъ пусть спѣшитъ на битву въ равнины американскія; пусть онъ мѣшается въ дѣла британской имперіи, а мнѣ какое дѣло? Я смирный человѣкъ, пою себѣ да пью".

„Пускай наши дамы, помѣшавшись на прическѣ, выдумываютъ каждый день новое средство уродовать себя,—такъ мнѣ какое дѣло? Моя Лиза хороша и безъ убора".

„Пусть разряженный чиновникъ спѣшитъ въ Лаѐ подать совѣтъ на счетъ модной прически и моднаго платья,—а мнѣ какое дѣло? я не хожу по такимъ дѣламъ".

„Пускай труппа Мольера съ большими издержками переѣзжаетъ изъ Лувра, чтобы послушать нашихъ свистковъ въ новой громадной бонбоньеркѣ. А мнѣ какое дѣло? Я сижу себѣ въ партерѣ".

„Пускай весь Парижъ поощряетъ изобрѣтателя воздушной лодки, въ которой онъ обѣщаетъ умчать насъ къ небу. А мнѣ какое дѣло? Я съ нимъ не поѣду".

„Пускай Лингѐ изъ кабинета своего льститъ нашей гордости, увѣряя, что въ одно мгновеніе насъ могутъ услыхать въ Китаѣ; а мнѣ какое дѣло? Меня слышать и изъ кухни моей".

„Пускай бѣдняга силится съ помощью бичевки вычерпнуть для насъ воды, не то изъ колодезя, не то изъ рѣки. А мнѣ какое дѣло? Я въ свой стаканъ не подливаю воды. Блетонъ прутомъ своимъ откроетъ-ли, нѣтъ-ли источникъ, пускай себѣ кричитъ, когда покажется вода,—а мнѣ какое дѣло? На что мнѣ его выдумка"?

„Пускай московскій великій князь путешествуетъ и ослѣпляетъ пышностью своею, межъ тѣмъ какъ святой отецъ скромно возвращается въ Италію, а мнѣ какое дѣло? Я къ дурачествамъ не склоненъ".

30-го іюня 1782 г. Хотя графъ дю Норъ съ графинею уже уѣхали, однако все еще идетъ о нихъ разговоръ, и при этомъ припоминаютъ нѣкоторыя мало извѣстныя, или не точно разсказанныя обстоятельства ихъ пребыванія у насъ. Замѣтили, что изъ всѣхъ принцевъ крови, одинъ принцъ Конти не далъ въ честь ихъ праздника, и невниманіе это приписываютъ тому, что ихъ сіятельства, зная о

существованіи принцессы Конти, запоздали посѣщеніемъ ея, что однако неправдоподобно. Говорятъ, что на время пребыванія у насъ графа и графини дю Норъ (Сѣверныхъ) въ отель ихъ былъ отряженъ полицейскій чиновникъ, который обязанъ былъ облегчать имъ доступъ въ различныя учрежденія и принимать для этого ихъ приказанія.

Во вторникъ, 17-го числа, ихъ сіятельства были въ парламентѣ. Для пріема ихъ были назначены двое господъ. Въ этотъ день предсѣдательствовалъ д'Ормесонъ, замѣняющій г. д'Алигра. Первая камера палаты была въ красныхъ мантіяхъ. Графу и графинѣ дю Норъ отведены были мѣста въ ложѣ. Потребовали къ слушанію какое-то дѣло. Стряпчіе, гг. Мартинô и Гардуэнъ привѣтствовали августѣйшихъ посѣтителей; послѣдній удачнѣе перваго; а главный адвокатъ, г. Сегьэ перещеголялъ обоихъ. По окончаніи засѣданія, г. д'Ормесонъ и парламентскіе президенты приблизились къ трибунѣ и привѣтствовали ихъ сіятельства. Графъ и графиня пожелали обозрѣть всю палату, въ особенности часовню, а аббатъ Бексонъ, регентъ хора, имѣлъ честь привѣтствовать ихъ экспромптомъ.

Говорятъ, что графъ дю Норъ навѣстилъ г. Неккера, и сказалъ ему, что пришелъ заплатить ему дань удивленія своего и всей Европы.

4-го іюня, г. Матье, ліонскій негоціантъ, и г. Прати, музыкальный композиторъ изъ Парижа, поднесли высокимъ гостямъ ихъ вензеля, искусное и оригинальное произведеніе печати. Между линіями вензеля графа, П. П., внесены четкимъ, хотя и разнообразнымъ шрифтомъ, слѣдующіе стихи: «Петръ, законодатель сѣвера и покоритель Азіи, изъ пространныхъ степей образовалъ государство, основалъ Россію, къ удивленію Европы. Его молодой преемникъ, изъ любознательности путешествуя вдали отъ отечества, возвѣщаетъ міру, что, наслѣдуя престолъ дѣда, онъ наслѣдуетъ и геній его».—Въ вензелѣ графини, М. Ѳ., помѣщено слѣдующее четверостишіе: «Подобно цвѣтамъ, распускающимся у ногъ, Марія плѣняетъ взоры наши. По благородной осанкѣ и прелестной наружности, она равняется граціямъ».—Въ медальонахъ противъ каждаго вензеля помѣщены, въ одномъ, рондо для фортепіано, въ другомъ романсъ, соч. Прати.

2-го іюля 1782 г. Въ 1779 г. говорили, между прочимъ, о томъ, какою щедрою цѣною русская императрица купила собраніе эстамповъ живописца Клерисô, извѣстнаго своими архитектурными планами. Императрица дала ему званіе главнаго архитектора двора, а петербургская академія художествъ приняла его почетнымъ вольнымъ общникомъ своимъ. Всѣ эти милости обязывали этого художника явиться съ поклономъ къ графу дю Норъ. Отъ излишняго-же тщеславія Клерисô

показалось, что его не довольно хорошо приняли, и онъ разобидѣ Когда ихъ сіятельства пожелали осмотрѣть домъ г. де ла Ренье одного изъ богатѣйшихъ парижскихъ капиталистовъ, хозяинъ при силъ архитектора Клерисо̀ быть при этомъ; а Клерисо̀ восп зовался случаемъ и сталъ выговаривать графу его мнимое неув ніе къ нему. Говорятъ, будто онъ де̊рзость свою довелъ до того, жаловался даже родительницѣ графа на то, что тотъ не оказалъ Клерисо̀, всей той ласки, которую онъ имѣлъ право ожидать графа. Тщетно графъ старался его успокоить самыми вѣжливыми реніями; грубіянъ продолжалъ изрыгать самыя неприличныя р Эта сцена, происходившая въ присутствіи хозяина дома и его о ства, крайне огорчила ихъ сіятельства.

12-го іюля 1782 г. Въ среду, 5-гоіюня, графъ и графиня д ю Н (Сѣверные) посѣтили академію наукъ. Кромѣ уже помянутаго выше сіятельства выслушали нѣсколько рѣчей: 1) Макѐръ прочелъ з ску о существенныхъ свойствахъ запаха, и о способѣ уничтож зловонія. 2) Лавуазье производилъ опыты усиленія огня, пос ствомъ лишенія воздуха горючаго начала (дефлогистація); и на э огнѣ онъ въ короткое время взорвалъ желѣзо и расплавилъ плат 3) Порталь читалъ дисертацію о производимой болѣзнію пере въ голосѣ и о причинахъ этой перемѣны. 4) Добантòнъ чита травахъ, находимыхъ внутри нѣкоторой породы камней. 5) Ро разницѣ въ теплотѣ такихъ лучей, которые отражены различно Фонтанье выточилъ на токарномъ портретномъ станкѣ своего брѣтенія—медальонъ короля. При этомъ случаѣ ихъ сіятельствамъ несли кусокъ слоновой кости, выточенной Петромъ I-мъ, въ 171 во время его пребыванія во Франціи, и хранящейся въ кабинетѣ деміи. Послѣ засѣданія, ихъ сіятельства осматривали залы акад

ІОСИФЪ СЕМАШКО

МИТРОПОЛИТЪ ЛИТОВСКІЙ И ВИЛЕНСКІЙ.

ь небольшомъ разсказѣ моемъ (изъ семейной хроники), помѣ-
)мъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 496—
[упомянулъ о покойномъ митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ
ѣ, извѣстномъ болѣе подъ фамиліей Семашко. Это навело меня на
› собрать въ одно цѣлое разрозненныя воспоминанія, сохранившіяся
эй памяти, объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ православной цер-
и занести ихъ на страницы уважаемаго журнала, въ которомъ,
ко мнѣ помнится, мало было отведено мѣста, какъ и вообще во
ашей печати, памяти заслуживающаго обстоятельнаго изслѣдованія
ка [1]). Я лично знавалъ въ ранней молодости своей покойнаго ми-
лита, бывалъ у него не разъ въ домѣ, и хотя съ тѣхъ поръ про-
5езъ малаго четверть вѣка, но производимое на меня личностью
)гда впечатлѣніе не изгладилось и по сіе время... Представи-
ая фигура его, съ лицемъ строгимъ и выразительнымъ, отчетли-
слегка пришепетывающій голосъ, совершаемое имъ богослуже-
инность и строгій порядокъ, котораго мнѣ нигдѣ и никогда болѣе
рѣчалось видѣть—живо выдѣляются въ памяти моей изъ довольно
энняго прошедшаго и представляются, какъ въ настоящемъ...
ісокопреосвященный Іосифъ, сколько мнѣ извѣстно, родился въ
ъ глухомъ мѣстечкѣ Кіевской губерніи. Родители его были
л и принадлежали къ сельскому сословію. Въ ихъ родномъ селѣ
илась православная церковь, въ которую родители молодаго
шко не ходили, но мать его, по разсказамъ его самаго, вставая
рамъ и выходя въ огородъ, всегда молилась на эту церковь и
со слезами на глазахъ, что заставило его пожелать побывать
й и посмотрѣть—что̀ тамъ въ ней дѣлается. На спросъ его од-

Русская историческая литература уже имѣетъ таковое изслѣдованіе
ирной и превосходной монографіи объ І. Семашко, составленной графомъ
Толстымъ, и первоначально напечатанной имъ въ „Журналѣ Ми-
стства Народнаго Просвѣщенія“, а затѣмъ выпущенной отдѣльными
ами. Ред.

22*

нажды—почему они туда не ходятъ молиться?—ему отвѣчали, что то-де русская церковь, а у нихъ есть свой уніатскій костелъ. Не умѣя самъ себѣ объяснить почему, но его влекло въ эту запретную церковь и онъ сталъ украдкой ходить туда, а впослѣдствіи становился даже на клиросъ и помогалъ пѣть. Высшее образованіе свое онъ получилъ въ Виленской главной римско-уніатской школѣ, гдѣ кончилъ съ успѣхомъ науки и былъ назначенъ состоять, уже будучи уніатскимъ священникомъ, при бывшей тогда въ Петербургѣ римско-уніатской коллегіи. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ, однажды, проходя мимо Андреевской церкви, что на Васильевскомъ острову, зашелъ въ нее и вышелъ уже оттуда съ твердо-задуманнымъ намѣреніемъ принять со временемъ православіе. Его впечатлительную натуру поразила та случайность, что когда онъ вошелъ въ церковь, въ ней пѣли именно тотъ самый стихъ, который онъ впервые услышалъ, будучи еще ребенкомъ, въ православной деревенской церкви. Въ этомъ неожиданномъ совпаденіи онъ узрѣлъ какъ бы указаніе свыше и предначертаніе своей судьбы. Но принятіемъ лично православія онъ не могъ довольствоваться и говаривалъ: «что изъ того, что я приму православіе? надо, чтобы и все уніатство въ Литвѣ приняло православіе, и я достигну этого», и, какъ извѣстно, достигъ, будучи посвященъ въ православные епископы изъ уніатскихъ и увлекши за собой въ православіе всю свою паству, въ 1839 году, актомъ, подписаннымъ въ недѣлю православія, на которомъ, при поднесеніи его императору Николаю, рукой послѣдняго были начертаны слова: «благодарю Бога и пріемлю».

Довѣріе къ нему и благорасположеніе императора Николая были безграничны, не взирая на всѣ происки и доносы на него со стороны католическаго духовенства и поляковъ. Не разъ получалъ онъ письма съ угрозами на его жизнь, на что не обращалъ никакого вниманія, говоря: «что изъ того, что я буду убитъ, лишь бы мои православные уніаты не были уничтожены, я же этимъ хорошо завершилъ бы свою карьеру». Угрозы эти не всегда однако оставались пустыми, но иногда приводились и въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, во время перечисленія города Ковно изъ уѣзднаго въ губернскій и учрежденія Ковенской губерніи, въ Іосифа, во время совершенія имъ по этому случаю торжественнаго богослуженія въ соборѣ, въ моментъ большаго выхода, когда онъ принималъ отъ священника св. дары, неизвѣстно кѣмъ и откуда была пущена ядовитая стрѣла, вонзившаяся у самыхъ ногъ его. Нисколько не смутившись этимъ и, держа въ рукахъ чашу съ причастіемъ, онъ только указалъ глазами на стрѣлу протодіакону, который подобралъ ее и унесъ въ алтарь. Произведенное по этому поводу строгое слѣдствіе не открыло виновни-

ка и случай этотъ такъ и остался неразъясненнымъ. Интриги противъ него дошли наконецъ до того, что самъ папа Григорій XVI жаловался на него Николаю Павловичу, когда послѣдній былъ въ Римѣ въ 1845 г. Жалоба состояла въ томъ, что онъ, Іосифъ, принуждаетъ даже католиковъ къ насильному переходу въ православіе и что онъ велѣлъ держать какую-то монахиню въ кандалахъ и мучить, пока она наконецъ не согласилась принять православіе. Императоръ Николай обѣщалъ папѣ велѣть произвести слѣдствіе по этому поводу и о результатѣ его сообщить. Произведенное слѣдствіе привело однако къ неожиданному открытію. Оказалось, что въ лицѣ этой мученицы-монахини фигурировала какая-то французская кокотка, подкупленная ксендзами и эксплуатировавшая довѣрчивыхъ поляковъ, при помощи и пособничествѣ своего возлюбленнаго доктора поляка, разсказами о своихъ небывалыхъ мученіяхъ за вѣру и папу. Николай велѣлъ передать Григорію XVI о результатѣ слѣдствія и съ тѣхъ поръ уже ничто не могло поколебать его довѣрія къ Семашкѣ.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ, архіепископъ Іосифъ получилъ бѣлый клобукъ и былъ возведенъ въ санъ митрополита Литовскаго и Виленскаго. Хотя такой митрополіи не значится въ россійской іерархіи, но императоръ Николай сдѣлалъ Іосифа митрополитомъ безъ митрополіи, въ ознаменованіе личныхъ заслугъ его для православной церкви. Это, сколько извѣстно, былъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ такого рода возведенія со времени учрежденія трехъ митрополій: Кіевской, Московской и Петербургской. Такимъ образомъ Семашко достигъ въ православной іерархіи высшаго сана, который не миновалъ бы его, безъ сомнѣнія, и въ томъ случаѣ, еслибы онъ оставался и въ уніатствѣ, будучи преданъ правительству и выдѣляясь своими превосходными качествами отъ остальныхъ своихъ единовѣрцевъ.

Какъ уже сказано, Семашко увлекъ за собой въ православіе всю свою уніатскую паству, насчитывавшую болѣе 2-хъ милліоновъ адептовъ. Ксендзы и поляки, само собой разумѣется, никогда не могли простить ему такого отступничества отъ папизма, называли его ренегатомъ и протрубили на всю Европу о жестокихъ мѣрахъ, употребленныхъ имъ при переводѣ уніатовъ, о насиліяхъ его надъ ними, при чемъ конечно не были забыты казаки, кнутъ, жандармы и прочіе употребляемые въ подобныхъ случаяхъ въ иностранной журналистикѣ по отношеніи къ Россіи аргументы и избитые пріемы. Не стану доподлинно утверждать, чтобы при тогдашнемъ режимѣ не были употреблены въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и крутыя мѣры со стороны мѣстной власти и по иниціативѣ тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода графа Протасова, но, во всякомъ случаѣ, Семашко былъ тутъ не причемъ и дѣйствія его ограничивались лишь мисcі-

нерскою ролью. Не взирая на всю его привязанность и доказ
имъ предпочтеніе православію, онъ всегда отдавалъ должное у
ніе всякому религіозному убѣжденію и относился безпристрастно к
гимъ вѣроисповѣданіямъ, въ подтвержденіе чего можно привест
сколько примѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ дни церковныхъ х
на Іордань, на рѣку Вилію, когда ему приходилось проходит
предшествіи всего своего православнаго духовенства, мимо кат
скаго собора св. Станислава, митрополитъ Іосифъ, какъ тепе
жу, не останавливая хода, самъ всегда останавливался передъ дв
этого храма и торжественно, при всемъ народѣ, крестился на ко
три раза, что всегда производило на всѣхъ, безъ различія ис
данія, большое впечатлѣніе. Съ митрополитомъ всѣхъ католиче
церквей въ Россіи Жилинскимъ и съ лютеранскимъ суперъ-и
дентомъ Эвартомъ, онъ находился въ самыхъ лучшихъ отнош
и они посѣщали другъ друга. Но что всего страннѣе было—э
что духовникомъ его, до самой смерти послѣдняго, оставался уні
священникъ, фамилію котораго, къ сожалѣнію, не припомню.

Патеръ этотъ—о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько от
ныхъ словъ—составлялъ въ нѣкоторомъ родѣ феноменальное яв
Одинъ онъ изъ числа всего послѣдовавшаго за Семашкой
скаго духовенства не перешелъ въ православіе и, сочувствуя в
православной вѣрѣ и своему духовному сыну, ни за что не
шался измѣнить по принципу присягѣ своей папѣ. Оставшись
уніатскимъ священникомъ безъ паствы, онъ не примкнулъ одна
католикамъ, а пристроился въ Троицкомъ монастырѣ въ Ви
бывшемъ уніатскимъ, и многіе годы потомъ можно было видѣ
стоящимъ при богослуженіяхъ отдѣльно, на лѣвомъ клиросѣ, в
ной сутанѣ, бритымъ по образцу католическихъ ксендзовъ и
молящимся въ свой латинскій молитвенникъ. Всѣмъ было х
извѣстно, что этотъ уніатскій ксендзъ—исповѣдникъ правосла
митрополита Іосифа и всѣ относились къ нему съ должнымъ
ніемъ. . . . .

Патеръ этотъ скончался въ Вильнѣ и похороненъ въ оградѣ Тр
го монастыря, въ которомъ провелъ столько лѣтъ своей странной ж

Отличительными чертами характера покойнаго митрополит
дѣлающими его въ нѣкоторой степени далеко передъ остал
духовенствомъ, были: необыкновенная энергія въ преслѣдованіи и
ной цѣли, прозорливость, мѣткость въ опредѣленіи людей и,
сказать, честолюбіе. Энергію свою онъ доказалъ на дѣлѣ при
неніемъ уніатовъ на Литвѣ къ православной церкви. Что же к
до ума его, то безошибочно можно сказать, что еслибы онъ п
по иной дорогѣ, а не по духовной, то, напримѣръ, въ диплом

карьерѣ, могъ бы достигнуть еще болѣе виднаго положенія, въ духовной іерархіи. Онъ былъ по призванію политикъ и администраторъ и это отражалось не только во всѣхъ его дѣйствіяхъ по влѣнію эпархіей и въ частныхъ сношеніяхъ, но и въ проповѣ, которыя, не отличаясь глубокой богословской эрудиціей, всегда ли въ себѣ отпечатокъ политической тенденціи, приноровленной, ино, только къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Этимъ ктеромъ обратили на себя вниманіе особенно двѣ проповѣди, ынныя имъ одна по поводу перехода уніатовъ въ православіе, ая на тему о происхожденіи иконы Остробрамской Божіей Ма, глубоко почитаемой во всей Литвѣ и находящейся на городь виленскихъ воротахъ. Въ послѣдней, сказанной имъ въ табельдень, когда, кромѣ чиновничества, присутствовали на молебнѣ ршалки (предводители дворянства), онъ исторически доказалъ кона эта православнаго происхожденія, и эту сенсаціонную проповою онъ, обращаясь прямо къ гг. маршалкамъ, заключилъ словами: Молитесь православной иконѣ—она теперь ваша, и да вразумитъ васъ на добрыя дѣла въ пользу Государя и Россіи».

ъ генералъ-губернаторами и прочими мѣстными властями у него постоянная пикировка и всѣ они боялись его, не исключая и льнаго въ свое время Бибикова. . . . .

. . . . Этотъ надмѣнный генералъ, узнавъ кды, что митрополитъ прислалъ соборнаго благочиннаго, проея Гомилицкаго (тоже изъ уніатовъ; былъ женатъ на сестрѣ шки) обревизовать «дворцовую» церковь, не велѣлъ выдать ему ей и приказалъ сказать, что онъ, генералъ-губернаторъ, у себя ворцѣ самъ благочинный. Іосифъ не подалъ виду, что обидѣлся, огда супруга этого генерала, возвратясь изъ поѣздки въ Петерь, привезла великолѣпныя четки и поднесла ихъ владыкѣ, онъ ь ихъ въ руку, полюбовался ими и, положивъ обратно въ фут, сказалъ, возвращая ихъ ей:

— «Отдайте эти прекрасныя четки вашему мужу—онѣ ему прися, онъ вѣдь у меня благочинный»...

амѣтивъ однажды во время богослуженія, что нѣкоторые изъ утствующихъ генераловъ громко разговариваютъ и хохочатъ, онъ валъ чтеніе Евангелія до наступленія полной тишины, а по оконı службы, когда всѣ стали подходить ко кресту, не допустилъ го изъ нихъ приложиться и отнялъ крестъ отъ него подъ са носомъ, сказавъ, что онъ не достоинъ приложиться къ нему. ругой разъ еще раньше, а именно въ Ковнѣ, послѣ описаннаго э случая покушенія на его жизнь въ соборѣ, онъ, явясь по приіенію гражданъ этого вновь учрежденнаго губернскаго города на

торжественный по этому случаю обѣдъ, обратился къ тремъ главнымъ представителямъ власти въ краѣ, а именно: къ генералъ-губернатору, попечителю учебнаго округа и жандармскому генералу, съ внушительнымъ замѣчаніемъ по поводу неумѣнія ихъ держать себя въ церкви и громкаго между собой разговора. Генералъ-губернаторъ Мирковичъ промолчалъ; попечитель Груберъ извинился; но жандармскій генералъ, графъ Буксгевденъ, отнесся къ дѣлу иначе и, почтя подобное замѣчаніе обиднымъ для себя, съ запальчивостью спросилъ:

«Какъ прикажете понимать ваше замѣчаніе, ваше высокопреосвященство, и долженъ-ли я объ немъ донести?»

— «Относительно донесенія, сказалъ спокойно Семашко, не безпокойтесь: оно будетъ извѣстно раньше, чѣмъ вы соберетесь этосдѣлать».

Послѣ возведенія его въ санъ митрополита, онъ окружилъ себя еще большимъ почетомъ и обставилъ совершаемыя имъ богослуженія особенною обрядностью, по установленію и примѣру кіевской каѳедры. Онъ, можно сказать, билъ на эфектъ, считая его необходимымъ для престижа православія въ сѣверо-западномъ краѣ, но въ сущности поддаваясь не мало и природному честолюбію своему. Хоръ его пѣвчихъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, духовенство отборное, а протодіаконъ такой, что о немъ, какъ о прекрасномъ протодіаконѣ, было доведено до свѣдѣнія государя, для перевода его въ Петербургъ въ придворные. Николай приказалъ было перевести его, но узнавъ, что Іосифъ дорожитъ своимъ протодіакономъ и не желаетъ его уступить, сказалъ:

—«Оставьте ему его протодіакона: у прекраснаго Іосифа долженъ быть и прекрасный протодіаконъ.»

Протодіаконъ этотъ былъ, однако, переведенъ впослѣдствіи въ Аничковскій дворецъ.

Пристрастіе къ эфектамъ заставляло его иногда дѣйствовать въ ущербъ даже честолюбію. Такъ въ Крымскую кампанію, во время прохожденія гвардіи черезъ Вильну, онъ, по прибытіи преображенскаго полка, пригласилъ всѣхъ офицеровъ этого полка съ командиромъ, гр. Барановымъ во главѣ, къ себѣ на чашку чаю. Въ серединѣ вечера, на которомъ были многія дамы и другія лица, къ нему подошелъ послушникъ и шепнулъ что-то на ухо. Тотчасъ-же, поднявшись съ мѣста и направляясь къ дверямъ, высокопреосвященный, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— «Извините,—ко мнѣ пріѣхала мать и я долженъ ее встрѣтить».

Всѣ встали и послѣдовали за нимъ. Спустившись съ лѣстницы, онъ встрѣтилъ у подъѣзда свою старушку мать, простую деревенскую женщину съ подвязаннымъ платкомъ на головѣ, поцѣловалъ ей руку и, поддерживая по лѣстницѣ, провелъ мимо всѣхъ въ свой ка-

бинетъ, откуда вскорѣ возвратился и продолжалъ прерванную бесѣду. Была-ли эта эфектная сцена случайною, или желалъ этимъ митрополитъ Іосифъ показать передъ цвѣтомъ петербургской молодежи свое пастырское смиреніе—остается неизвѣстнымъ.

Кстати. Родители его приняли впослѣдствіи также православіе, а отецъ былъ даже священникомъ въ Лидскомъ уѣздѣ и императоръ Николай, во вниманіе къ заслугамъ сына, наградилъ престарѣлаго отца рѣдкой въ то время для простаго священника наградой. Въ спискѣ священниковъ, представленныхъ Іосифомъ къ наградѣ по эпархіи, противъ имени отца своего имъ было оставлено пустое мѣсто, безъ обозначенія награды, на которомъ рукой государя было написано:

— «Наперстный крестъ, драгоцѣнными каменьями украшенный».

Мнѣ не разъ случалось присутствовать при архіерейскомъ служеніи, на которомъ старикъ этотъ участвовалъ наравнѣ съ прочими священниками и видѣть, какъ онъ, согласно уставу, цѣловалъ руку у сына-владыки и какъ тотъ, въ свою очередь, отвѣчалъ ему всегда тѣмъ-же.

Эпизодъ встрѣчи митрополита Іосифа съ императоромъ Николаемъ, когда послѣдній проѣзжалъ черезъ Вильну, мнѣ также памятенъ. Семашко во главѣ всего своего духовенства встрѣтилъ царя съ крестомъ въ рукахъ на паперти соборной церкви Св. Николая. Императоръ приложился ко кресту, поцѣловалъ руку митрополита и вошелъ въ церковь. По окончаніи молебна, Іосифъ вышелъ изъ алтаря, подошелъ къ императору и, поддерживая его подъ локоть правой руки, подвелъ къ выстроеннымъ по обѣ стороны близь клиросовъ воспитанникамъ семинаріи духовнаго училища и, указавъ на нихъ рукой, представилъ Государю этихъ юношей какъ будущихъ православныхъ пастырей въ Литвѣ.

Относительно мѣткости его въ опредѣленіи людей, находчивости и пониманія ксендзовскихъ и иныхъ всякихъ происковъ, которыми постоянно его окружали и желали захватить какъ въ сѣти, но всегда безуспѣшно, можно сказать, онъ не имѣлъ соперниковъ, и эта черта его характера ставила его высоко и составляла его особенность. Какъ доказательство его знанія людей и умѣнія опредѣлять ихъ безошибочно, достаточно привести слѣдующій случай, заимствованный мной отъ преосвященнаго Платона, нынѣ архіепископа одесскаго и херсонскаго, бывшаго въ ту пору архимандритомъ Свято-духовскаго монастыря въ Вильнѣ. Когда, для пополненія братіи ввѣреннаго ему монастыря, были выписаны изъ Костромы нѣсколько человѣкъ монаховъ, то послѣ литургіи, совершенной Іосифомъ въ монастырѣ, Платонъ представилъ ихъ ему въ своей кельѣ. Семашко поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ, а на другой денъ потребовалъ къ себѣ архимандрита и сталъ подробно разспрашивать о нихъ. Платонъ, насколько

успѣлъ узнать ихъ въ столь короткое время, сдѣлалъ ихъ характеристику. Іосифъ слушалъ его, большею частью соглашался съ нимъ въ опредѣленіи этихъ личностей, но на счетъ одного изъ нихъ заспорилъ и высказалъ о немъ діаметрально противуположное мнѣніе. Архимандритъ не могъ не выразить удивленія своего по этому поводу, но по прошествіи нѣкотораго времени убѣдился, что преосвященный былъ правъ. Когда впослѣдствіи онъ, при случаѣ, спросилъ его, какъ это онъ могъ такъ вѣрно опредѣлить этихъ монаховъ и въ особенности того одного, котораго такъ мѣтко охарактеризовалъ, видя ихъ всѣхъ въ первый разъ и мало поговоривъ съ ними, Семашко улыбнулся и сказалъ:

— «Поживи-ка съ-мое, да пройди чрезъ тѣ трубы, чрезъ которыя я прошелъ, такъ узнаешь людей не хуже меня».

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, митрополитъ Іосифъ приказалъ перестроить пещеру, въ которой почиваютъ въ Святодуховскомъ монастырѣ въ Вильнѣ первые литовскіе мученики: Антоній, Іоаннъ и Ефстафій, и подъ ихъ ракой, въ землѣ, приготовилъ себѣ гробницу, гдѣ и похороненъ. Въ этой пещерной церкви онъ имѣлъ обыкновеніе совершать по воскресеніямъ раннюю обѣдню, безъ той однако торжественности, которою сопровождалась его служба вообще, особенно отличавшаяся этимъ въ великій четвергъ при исполненіи обряда омовенія ногъ и вечеромъ во время чтенія двѣнадцати Евангелій. Тутъ онъ совершалъ литургію въ сослуженіи только двухъ монаховъ и при пѣніи четырехъ лучшихъ голосовъ своей пѣвческой капеллы.

По завѣщанію покойнаго митрополита, скончавшагося въ Вильнѣ въ 1869 г., на 72-мъ году отъ рожденія, всѣ имѣющіяся у него вещи были розданы на память о немъ всѣмъ его знакомымъ, а бриллiантовый крестъ на клобукѣ, такая же панагія и алмазные знаки Андрея Первозваннаго обращены въ капиталъ и отданы на стипендіи въ духовныя училища.

Не претендуя на строго біографическую точность настоящаго наброска, составленнаго по сохранившимся въ памяти отрывочнымъ воспоминаніямъ [1]), считаю умѣстнымъ дополнить его указаніемъ на появленіе въ скоромъ времени въ свѣтъ изданія академіи наукъ собственныхъ, автобіографическихъ, записокъ достопамятнаго архипастыря, изъ которыхъ интересная личность этого выдающагося дѣятеля царствованія императора Николая I-го выяснится ярче и по которымъ провѣрка всякихъ противорѣчивыхъ свѣдѣній о его миссіонерской и святительской дѣятельности окажется доступной и возможной.

Одесса. Анатолій Евг. Е—въ.

[1]) По свидѣтельству лица, близко знавшаго Іосифа Семашко, въ напечатанномъ здѣсь разсказѣ А. Е. Е—ва „личность митрополита охарактеризована весьма вѣрно“. Ред.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Изъ семейныхъ воспоминаній.

Предстоящее освященіе храма Спасителя въ Москвѣ, воздвигнутаго въ воспоминаніе освобожденія Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ, вызывая на память величайшее событіе въ исторіи нашего отечества, обязываетъ въ то же время каждаго, у кого что либо сохранилось въ семейной хроникѣ о славномъ 1812 годѣ, подѣлиться имъ съ соотечественниками. Въ памяти отца моего уцѣлѣло не лишенное интереса живое воспоминаніе о той незабвенной эпохѣ, которое, какъ разсказъ очевидца, имѣетъ право на вниманіе и, со словъ его, представляется мною на страницахъ уважаемой «Русской Старины». А. Е.

Въ роковой годъ нашествія французовъ на Москву, семейство дѣда моего, состоявшее въ ту пору изъ жены его, моей бабушки и троихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, отцу моему, было тогда девять лѣтъ отъ роду, жило въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, въ извѣстномъ селѣ Царицынѣ, гдѣ дѣдушка состоялъ на службѣ въ должности управляющаго этого и прочихъ, находящихся въ окрестностяхъ села Царицына, такъ называемыхъ, царскихъ и дворцовыхъ имѣній. Не задолго до вступленія Наполеона въ Москву, прадѣдушка мой, о которомъ придется еще говорить ниже, имѣвшій собственный домъ въ Грузинахъ и страстно любившій своего старшаго внука, отца моего, взялъ его къ себѣ погостить изъ Царицына въ Москву и не разставался съ нимъ до той поры, пока наконецъ непріятельская армія не подступила подъ самыя стѣны бѣлокаменной. Тогда только, родители отца моего, обезпокоенные продолжительнымъ отсутствіемъ

его и неимѣніемъ извѣстій о немъ, прислали за нимъ и потребовали отъ прадѣдушки отпустить къ нимъ сына обратно въ Царицыно, гдѣ было безопаснѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Находясь у дѣда своего и слѣдуя за нимъ, во время побывки своей въ Москвѣ, повсюду, отецъ мой отчетливо припоминаетъ картину общей суматохи, постепенно увеличивавшейся съ каждымъ днемъ и часомъ при приближеніи непріятеля, разговоры о воззваніяхъ графа Ростопчина къ жителямъ столицы и видъ Новинскаго и Смоленскаго бульваровъ, заставленныхъ телѣгами съ ранеными подъ Бородиномъ солдатами, а далѣе — воспоминанія переносятъ его уже на окрестности Москвы.

Въ Царицынѣ, дѣдъ мой, посовѣтовавшись съ священникомъ, рѣшилъ, по прибытіи сына, отправить семью свою къ отцу этого священника въ с. Родинки, въ 40 верстахъ отъ Москвы, по Калужской дорогѣ, имѣніи помѣщицы Кобылиной. Извѣстно, что вся Москва бѣжала по Владимірской дорогѣ, на Владиміръ и Нижній, считая это направленіе болѣе безопаснымъ и обезпеченнымъ отъ непріятельскаго преслѣдованія; по Калужскому-же тракту мало кто спасался; поэтому и въ подводахъ на этомъ трактѣ не было недостатку и Царицынскіе бѣглецы скоро и благополучно добрались до мѣста назначенія, гдѣ старикъ священникъ, отецъ Царицынскаго, принялъ ихъ весьма радушно и кое-какъ размѣстилъ въ своемъ домѣ. Отсюда, отецъ мой, вскорѣ по прибытіи въ это село, увидѣлъ пожаръ Москвы и живо припоминаетъ поразительную картину этого зрѣлища.

Въ концѣ села, на возвышенномъ мѣстѣ, у самой околицы, стоялъ старый сарай, къ которому всѣ жители Родинокъ собирались смотрѣть на пожаръ. Картина была полна страшнаго эфекта, особенно ночью, и навсегда запечатлѣлась въ памяти отца моего. Огромное пространство небосклона было облито ярко-пурпуровымъ цвѣтомъ, составлявшимъ какъ-бы фонъ этой картины; по немъ крутились и извивавались какія-то змѣевидныя струи свѣтло-бѣлаго цвѣта; горящія головни различной величины и причудливыя формы и раскаленные предметы страннаго и фантастическаго вида подымались массами вверхъ, и, падая обратно, разсыпались огненными брызгами. Казалось—цѣлое поле необъятной величины усѣялось внезапно рядомъ непрерывныхъ вулкановъ, извергавшихъ потоки пламени и различныя горючія вещества. Самый искусный пиротехникъ не могъ-бы придумать болѣе прихотливаго фейерверка, какъ Москва—это сердце Россіи—объятая пламенемъ. Все это было видно изъ Родинокъ, за 40 верстъ разстоянія, какъ вблизи: стоило, повидимому, пройти нѣсколько сотъ саженъ—и очутиться на мѣстѣ пожарища.

Впечатлѣніе, производимое на сельчанъ этою картиною, увѣнчанною къ тому-же серебристымъ отблескомъ зловѣщей кометы съ ея длиннымъ хвостомъ, было необычайное: женщины плакали на взрыдъ, мущины бранили всѣхъ: и Бонапарта (такъ называлъ народъ Наполеона), и русскихъ вождей, говоря:

«Какъ можно было допустить до этого матушку-Москву бѣлокаменную! Зачѣмъ наши не дрались на Поклонной горѣ, не задержали его... не хватило войска—позови народъ; развѣ насъ мало на Руси?! Всѣ бы пошли: у кого нѣтъ ружья, такъ съ топоромъ да съ вилами, съ чѣмъ попало—и грянули бы тучею на злодѣевъ со всѣхъ сторонъ! Солдаты дѣлай свое, а мы свое и пошла бы тогда настоящая потѣха—живо выпроводили бы супостата!»...

Такъ выражалъ свои чувства и разсуждалъ, въ горести своей, этотъ, задѣтый за живое при видѣ гибели Москвы и ея святынь, простой народъ русскій, и глубоко врѣзались въ памяти отца моего, еще ребенка, эти горячія разсужденія, это неподдѣльное народное негодованіе и онъ прислушивался къ нимъ съ дѣтскимъ разумѣніемъ, мало что понимая, но вѣря имъ отъ всей души и инстинктивно угадывая их внутреннюю, могучую силу и значеніе.

Оставаться однако долго въ Родинкахъ не приходилось, въ виду близкаго расположенія села этого отъ почтовой дороги. Старикъ священникъ предложилъ бабушкѣ перебраться къ его зятю, имѣвшему свой приходъ всего въ 5-ти верстахъ отъ с. Родинокъ, въ лѣсу, въ небольшой деревенькѣ. Зять—тоже священникъ—принялъ бабушку и дѣтей съ одинаковымъ радушіемъ, какъ и тесть, но не могъ помѣстить въ своемъ домѣ, такъ какъ имѣлъ большую семью, изъ которой, кстати сказать, старшая дочь, дѣвушка лѣтъ 16-ти, была писанная красавица,—и предложилъ поселиться въ крестьянскомъ домѣ, напротивъ своего. Въ отведенномъ ей помѣщеніи, бабушка устроилась какъ съумѣла, но не оставалась въ немъ постоянно и возвращалась обыкновенно домой только къ ночи, проводя весь день съ дѣтьми, для большей безопасности, въ окружающемъ деревню лѣсу. Тамъ, въ лѣсной чащѣ, былъ устроенъ шалашъ, варился обѣдъ, собирались грибы и ягоды и жилось относительно покойно, хотя не безъ опаски насчетъ мародеровъ, рыскавшихъ по всѣмъ направленіямъ въ окрестностяхъ Москвы и далѣе.

Такъ проходили дни въ боязливомъ ожиданіи врага, безъ всякихъ приключеній. Но вотъ однажды, отецъ мой, сидя у окна и глядя на просѣку, находящуюся какъ разъ передъ домомъ, увидѣлъ вдали какихъ-то подозрительныхъ всадниковъ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ со-

общить о своемъ открытіи бабушкѣ. Въ мигъ всѣ засуетились: въ домѣ и деревнѣ все остававшееся не спрятаннымъ было попрятано, а священническую дочь-красавицу, бабушка уложила въ постель, запачкала ей сажей лицо, покрыла одѣяломъ и велѣла лежать смирно и притворяться больною. Не успѣли оглядѣться, какъ всадники эти, оказавшіеся настоящими французскими кирасирами въ каскахъ съ черными конскими волосами, висѣвшими позади, ниже шеи,—очутились посреди деревни. Прискакавши, они слѣзли съ лошадей и, разсыпавшись по дворамъ, стали обшаривать всѣ клѣти и закоулки. Не вытерпѣлъ отецъ и, улучшивъ удобную минуту, когда бабушка отвернулась отъ него, выпрыгнулъ за ворота, чтобы посмотрѣть на этихъ странныхъ людей, къ великому ужасу бабушки, дѣлавшей ему выразительные знаки—вернуться въ домъ. Увидѣвъ бабушку въ окнѣ съ меньшимъ ребенкомъ, дѣвочкой, на рукахъ, одинъ изъ этихъ воиновъ, повидимому старшій между ними, вошелъ къ ней въ домъ, въ каскѣ, и громкимъ, повелительнымъ голосомъ сказалъ: «клеба»! Бабушка (она была урожденная Князева) была по тогдашнему времени хорошо образована и что важнѣй всего — прекрасно владѣла французскимъ языкомъ. Воспользовавшись своимъ знаніемъ, она тотчасъ заговорила съ французомъ на его родномъ языкѣ, видимо обрадовавши его такимъ сюрпризомъ. Она объяснила ему, что въ домѣ нѣтъ ничего кромѣ больной, что ей самой съ дѣтьми и прислугой ѣсть нечего и что она, будучи якобы французскаго происхожденія, проситъ защитить ее отъ всякихъ непріятностей со стороны его солдатъ. Французъ, снявъ тогда каску, пустился въ разговоръ съ бабушкой, успокоилъ ее и поставилъ часоваго у дверей дома, наказавъ ему недопускать никого, что и было исполнено имъ въ точности.

Такимъ образомъ бабушка избавилась отъ разграбленія; но за то у крестьянъ и священника французы забрали все, что не успѣли еще спрятать отъ нихъ и что только попадалось имъ подъ руки. Они лазили въ погреба, сараи и на чердаки и вытаскивали оттуда все, что находили, навьючивая похищеннымъ лошадей своихъ. Отецъ мой слѣдовалъ за ними по пятамъ и его дѣтскую натуру занимала вся эта возня. Въ одномъ переулкѣ, гдѣ они стали загонять и ловить куръ, одинъ изъ солдатъ, увидя мальчика, крикнулъ ему: attrapez! attrapez! и велѣлъ стать у противуположнаго конца переулка и не пропускать куръ. Отецъ съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе и весело хохоталъ, когда куры, громко кудахтая, перелетали черезъ его голову.

Нахозяйничавшись вдосталь въ домахъ, французы направились

къ церкви. Въ церкви все заблаговременно было припрятано, утварь же зарыта въ землю, какъ и вообще все болѣе цѣнное у крестьянъ и деньги. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, не снимая касокъ, вошли въ церковь, а одинъ, подойдя къ царскимъ вратамъ и, толкнувъ ихъ ногой, вошелъ въ алтарь. Заглянувъ подъ престолъ и въ пустые шкафы, представитель de la grande armée остался видимо недоволенъ своимъ обзоромъ, о чемъ и заявилъ своимъ товарищамъ, послѣ чего всѣ они отправились на колокольню. Обзоромъ послѣдней они остались также недовольны, такъ какъ и на ней нечѣмъ было поживиться, и, сойдя внизъ, собирались было удалиться, какъ стоявшій въ сторонѣ какой-то мужичёкъ указалъ имъ на веревку, висѣвшую—какъ это всегда водится въ деревенскихъ церквахъ—отъ колоколовъ въ притворѣ, и предложилъ показать какъ ею звонять. Идея эта понравилась французамъ и они заставили смѣтливаго мужичка звонить во всѣ колокола, забавляясь его движеніями и не подозрѣвая какую бѣду сами себѣ накликають этимъ трезвономъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдали послышался конскій топотъ и показались мчавшіеся во весь опоръ къ деревнѣ казаки. Дѣло въ томъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого сельца стоялъ казацкій пикетъ и между нимъ и крестьянами было условлено, что если появится французъ, то чтобы они дали знать объ этомъ звономъ во всѣ церковные колокола... Картина моментально измѣнилась: французы, побросавъ все, вскочили на лошадей и задали тягу, а за ними въ догонку, преслѣдуя ихъ, промчались какъ вихрь казаки на своихъ быстроногихъ лошадкахъ.

Отправивши семью свою въ безопасное мѣсто, дѣдушка, между тѣмъ, на которомъ лежала отвѣтственность за ввѣренное ему казенное имущество, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по экономіи, зарылъ въ землю дѣла и бумаги, а казенныя деньги запряталъ въ мѣшокъ и, повѣсивъ себѣ его на шею подъ жилетъ, сталъ ожидать французовъ, спрятавшись на чердакъ одной изъ Царицынскихъ оранжерей. Тамъ, въ этомъ секретномъ убѣжищѣ, случилось съ нимъ никакъ непредвидѣнное несчастіе. Въ одномъ мѣстѣ полъ чердака оказался до того ветхимъ, что провалился подъ его тяжестью и дѣдушка, полетѣвъ съ значительной высоты во внутрь оранжереи, на горшки съ цвѣтами, сильно расшибъ себѣ ногу, такъ что долженъ былъ тутъ же, въ оранжереѣ, залечь въ наскоро импровизированную постель.

Извѣстіе о такомъ неожиданномъ salto mortale дѣдушки дошло вскорѣ чрезъ посланца до прадѣдушки и тотъ рѣшился навѣстить сына, пробравшись къ нему во что бы то ни стало изъ Москвы въ

Царицыно. Предпринять такую экскурсію въ ту пору было дѣломъ крайне рискованнымъ, да при томъ ее нельзя было сдѣлать иначе, какъ пѣшкомъ, такъ какъ въ Москвѣ не оставалось болѣе ни одной подводы. Въ Кремлѣ находился уже Наполеонъ съ своимъ штабомъ и маршалами; въ Москвѣ стояли непріятельскія войска, а по окрестностямъ ея повсюду шныряли мародёры и обирали встрѣченныхъ. Все это не могло однако остановить смѣлаго и еще бодраго восьмидесятилѣтняго старика и онъ, не долго думая, взялъ въ руку завѣтную трость свою и отправился въ путь.

Черезъ Москву онъ пробрался благополучно, но выйдя за Серпуховскую заставу, онъ какъ разъ наткнулся на французскихъ мародёровъ. Въ ту пору прадѣдушка былъ уже въ отставкѣ, но носилъ черную гусарку и длинные кавалерійскіе сапоги [1]). Эти-то сапоги и соблазнили французовъ и они знаками потребовали, чтобы онъ ихъ

[1]) Прадѣдушка, насколько можно судить по семейнымъ разсказамъ, былъ чудакъ большой руки, какихъ въ прошломъ столѣтіи было не мало на Руси, и представлялъ изъ себя характерный типъ. Будучи по происхожденію грузиномъ и нося по рожденію фамилію князя Конспарова, онъ прибылъ въ числѣ прочихъ соотечественниковъ своихъ съ царевичемъ грузинскимъ въ Москву изъ Грузіи, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. При императрицѣ Екатеринѣ Великой, онъ, явясь къ шефу стоявшаго тогда въ Москвѣ гусарскаго полка, извѣстному генералу Архарову, заявилъ о желаніи своемъ поступить на службу царицы и просилъ о зачисленіи его въ полкъ. Генералъ Архаровъ, увидя передъ собой высокаго, стройнаго и красиваго молодца грузина, охотно согласился принять его въ свой полкъ и приказалъ внести въ списки. Когда затѣмъ въ канцеляріи полка спросили прадѣдушку о томъ, какъ его записать,—онъ назвалъ себя только по имени и отчеству, не упомянувъ ни единымъ словомъ ни о титулѣ своемъ, ни о фамиліи, безъ которыхъ такъ и былъ занесенъ въ полковой списокъ. Предполагать въ этомъ упущеніи простую оплошность съ его стороны—трудно, иначе онъ исправилъ бы ее впослѣдствіи, при производствѣ въ офицеры 8-го марта 1795 г., но и тогда, какъ видно изъ сохранившагося патента его, онъ умолчалъ о своемъ титулѣ и фамиліи и допустилъ повтореніе прежней ошибки. Странность такого преднамѣреннаго, двукратнаго отреченія отъ родовой фамиліи и титула, лишившая потомковъ его навсегда того и другаго, объясняется, по семейнымъ преданіямъ, обуявшимъ прадѣда въ Москвѣ руссо-фильствомъ, благоговѣніемъ передъ дѣяніями Великой Императрицы и желаніемъ его, грузина, понравиться этимъ русскому правительству. Вѣрнѣй, однако, что это было ни что иное какъ одно изъ чудачествъ, отличавшихъ его нравъ и не измѣнившихъ ему до самой смерти. Такая выходка была бы, конечно, немыслима въ наше время, но въ то патріархальное время, когда личность не констатировалась письменными документами, она оказалась возможной.

А. Е.

немедленно снялъ, грозя въ противномъ случаѣ расправиться съ нимъ. Какъ не ворчалъ и не бранился старикъ, а дѣлать было нечего—пришлось ему лишиться своихъ сапогъ, взамѣнъ которыхъ одинъ изъ народёровъ кинулъ ему свои обтрёпанные башмаки.

Дальнѣйшій путь прадѣдушка совершилъ безъ приключеній и, благополучно добравшись до Царицына, не отходилъ все время отъ постели больнаго сына. Но тутъ чуть было опять не случилась съ нимъ напасть. Стоя однажды у дверей оранжереи, онъ увидѣлъ внезапно появившихся непріятельскихъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ тутъ же, на его глазахъ, принялся за грабежъ и сталъ снимать развѣшанное для сушки чье-то дѣтское бѣлье, но найдя его неудобнымъ для себя, принялся рѣзать его палашемъ и разбрасывать. Не выдержалъ старикъ, закипѣла въ немъ южная кровь; онъ подбѣжалъ къ этому грабителю и, размахнувшись, свиснулъ ему въ ухо! Неизвѣстно какія были бы послѣдствія его опрометчиваго поступка, если бы на его счастіе въ ту самую минуту не показался взводъ французской кавалеріи съ полковникомъ во главѣ. Замѣтивъ драку, полковникъ остановилъ лошадь и, узнавъ отъ своихъ соотечественниковъ въ чемъ дѣло, приказалъ немедленно возвратить бѣлье, а прадѣдушкѣ велѣлъ вести себя въ домъ, гдѣ и поселился съ своимъ штабомъ.

Полковникъ этотъ жилъ долго въ Царицынѣ въ домѣ дѣда, навѣщалъ его въ оранжереѣ, бесѣдовалъ съ нимъ, запретилъ солдатамъ грабить и вообще оставилъ по себѣ самую пріятную память. Онъ объяснялся съ своими хозяевами черезъ переводчика-поляка, которыхъ было много во французской арміи, разсказывалъ про свою семью и, вспоминая о дѣтяхъ, со слезами на глазахъ говорилъ, что ему, видно, не суждено болѣе увидѣть ихъ. По разсказамъ, это былъ человѣкъ весьма мягкаго нрава, сердечный и меланхолическій, и Богъ вѣсть — вернулся ли онъ невредимъ къ себѣ на родину изъ негостепріимной Россіи и не сбылось ли его роковое предчувствіе!..

Бѣглыя воспоминанія эти были бы не вполнѣ закончены, если бы я позабылъ дополнить ихъ еще и слѣдующими выдающимися особенностями того времени, врѣзавшимися въ памяти отца моего. Отецъ мой очень хорошо помнитъ, что во время нахожденія Наполеона въ Москвѣ и долго послѣ того, очень много народу ходило въ костюмахъ изъ краснаго сукна, разграбленнаго, какъ сказывали, въ интендантскихъ складахъ; а также появилась въ большомъ количествѣ патока, которую употребляли вмѣсто сахару съ чаемъ и ѣли съ хлѣ-

бомъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что францув чтожили сахарные заводы около Москвы и народъ бралъ вё сколько могъ, оставшуюся во множествѣ патоку въ чанахъ, та послѣ бѣгства французовъ, въ Москвѣ долго не было возмо добыть сахару.

Анатолій Евг. Ег...въ

Одесса.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА МИХАЙЛЫ ФИЛОСОФОВА [1]).

[1797 г.]

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Моего, Генералъ отъ инфантеріи Смоленской военной губернаторъ, командующій Смоленскою дивизіею и инспекторъ оной, Московскаго гранодерскаго [2]) полку шефъ, управляющей Псковскою и Смоленскою губерніями, и орденовъ Святаго Александра Нѣвскаго и Святыя Анны Кавалеръ, Михайла Философовъ, чрезъ сіе объявляю, что нѣкоторые изъ обитающихъ въ сей [3]) губерніи крестьянъ, естли не забывъ совсѣмъ должную имъ всеподданническую обязанность, то по крайнѣй мѣрѣ небрегши исполнительнымъ соблюдѣніемъ оной, безразсудно прельщаемы ложными слухами, разсѣваемыми отъ злокозненныхъ людей, возбуждаемы къ тому крайнимъ невѣжествомъ производящимъ въ нихъ кичение, впали въ нѣустройство.

При самомъ вступленіи на всероссійскій Императорскій престолъ благополучно царствующаго Великаго Государя Императора Павла Петровича возмнили, что будутъ имѣть какую то вольность освобождающую ихъ отъ тѣхъ обязанностей и платежа податей, какія выполнить онѣ должны по установленіямъ со времянъ дрѣвнихъ, для общей и взаимной пользы отечества, отъ высокихъ Его Императорскаго Величества предковъ, въ Бозѣ почивающихъ Государей узаконенныхъ; вымышляя ложно, что есть о томъ и указы, но отъ нихъ оные таятся, дѣлаютъ между собою нелѣпые толки, переговоры, соглашеніи и даже сходясь въ зборищи и скопы, утверждая таковые заговоры общею

---

1) Подлинникъ найденъ былъ въ архивѣ Псковскаго окружнаго суда и переданъ въ Императорскую публичную библіотеку.

2) Сохранено правописаніе подлинника.

3) Пс̆ковской.

Г. Р.

присягою предъ Богомъ, забывая о истинномъ правѣ и положен
своему быту, оказали явное неповиновеніе своимъ помѣщикамъ
ченіемъ платить оброкъ и сохранять должное послушаніе, от
власть помѣщиковъ собою и положность законную ихъ власти
занія имъ за вины производить; дѣлаютъ между собою большіе
нежные зборы, раззоряя себя по напрасну, на подмогу отправляе
ими повѣреннымъ тайно отъ властѣй и помѣщиковъ, къ самом
сударю съ ложными и выдуманными жалобами, оскорбляя тѣмъ
ловѣколюбивые чувствованіи Его Императорскаго Величества и
мущая Его спокойствіе, и хотя къ конечному прѣсеченію сихъ
нованій, происходящихъ болѣе отъ нѣвѣжества, недоразуменія и
вѣрности, нѣжели отъ дальнѣйшихъ и дѣятельныхъ къ против
ству власти замысловъ тѣхъ крестьянъ, и отъ приложенія себ
жетъ по нѣсмыслію, въ безразсудное послушаніе, дерзскихъ и
мутительныхъ водителей ихъ къ тому, и почему къ таковымъ зло
цамъ употреблены были со стороны правительства всѣ нужные
и нѣкоторые изъ сихъ преступниковъ не повинующихся своимъ
мѣщикамъ, а потому и самодержавной Его Императорскаго Ве
ства власти, воспріяли въ разныхъ мѣстахъ и селѣніяхъ сего
стничества должное по законамъ возмѣздіе наказаніемъ, несора
но ихъ преступленію заслуживающему смертную казнь, но прил
кроткимъ мыслямъ Его Величества, кои питаютъ любовь и ми
діе къ народу, въ благотворительной Его душѣ пекущейся о благѣ

Таковіе противные общему порядку и тишинѣ произшестві
шедши вѣрными свѣдѣніями до Его Императорскаго Величеств
милостивѣйшаго моего и всей Россіи Государя, причинили толь
лѣзнѣнное Его Величеству прискорбіе; почему я, такъ какъ о
ный прилагать всѣ мое тщаніе о сохраненіи спокойствія своег
сударя и благосостоянія въ вѣрѣнныхъ мнѣ отъ Его Император
Величества губерній, симъ открыто объявляю: что всѣ тѣ узако
какія отъ высокихъ Его Императорскаго Величества предковъ
сательно до повиновѣнія и послушанія крестьянъ своимъ помѣщ
изданы, по сіе время ни чемъ не отмѣнены, а естлибъ какая въ
перемѣна или пополнѣніе по высочайшей Его Императорскаго
чества Самодержца всея Россіи воли и власти послѣдовала,
семъ тотъ же бы часъ повсемѣстно объявлено было; и потом
прекращенія подобныхъ неустройствъ необходимымъ нахожу
государственнымъ, дворцовымъ, экономическимъ, особливо же
щичьимъ крестьянамъ, утвердительно дать знать: что всѣ та
слухи о вольности, объ отложеніи экономическихъ и дворцовыхъ к
янъ отъ законной и настоящѣй власти, а помѣщичьимъ отъ по

повиновѣнія своимъ господамъ согласно съ установленными законами, и отъ платежа имъ оброковъ, податей и послушанія въ повѣленныхъ отъ нихъ работахъ, суть ложные и затѣянно вымышленные или вообраafженные отъ нѣвѣжества и заблужденія, и не токмо какую правду къ благополучію народа содержащіе, но напротивъ метежъ воздвигающіе. Во отвращеніе таковыхъ бѣдствъ строжайше приказываю, чтобы всѣ посѣлянѣ согласно своему и предковъ своихъ состоянію, безъ отмѣны онаго пребывали въ совершенномъ повиновѣніи и покорности, экономическіе и дворцовые установленнымъ отъ Его Императорскаго Величества властямъ, а господскіе своимъ помѣщикамъ, и отнюдь не ввѣряли себя ложнымъ слухамъ, ниже покорялись безразсуднымъ вымысламъ къ возмущенію клонящимся, и токмо нарушающимъ ихъ спокойствіе и то блаженство, коимъ онѣ подъ осѣненіемъ священныхъ Его Величества узаконеній, и при усердномъ послушаніи своимъ властямъ и помѣщикамъ наслаждаются. О тѣхъ же неблагомыслящихъ людяхъ изъ ихъ собратій, или же изъ проѣзжающихъ другаго состоянія людей, кои разносятъ толь вредные и возмутительныя слухи и ихъ къ тому соглашаютъ, подговорами или и безъ умыслу, безразсудно, по глупости возмущаютъ, давали бы знать тотъ же часъ своимъ помѣщикамъ, старостамъ и даже городничнымъ и земскимъ исправникамъ, для строжайшаго съ такими по законамъ поступленія; что̀ наблюдать и всѣмъ приходскимъ священникамъ и церковникамъ, которымъ отнюдь не токмо не налагать на себя бремя раздоровъ и возмущеній, въ противность общей тишинѣ, но и отнюдь не споручать себя ни въ чемъ къ тому, какъ подписками такихъ мірскихъ приговоровъ, такъ руководствомъ таковыхъ безъ власти законной присягъ, и другими средствы, но напротиву пастырское свое тщаніе устремлять согласно съ постановленіемъ восточной церкви къ содержанію народа и всякаго чина въ безмолвномъ и неропотномъ послушаніи самодержавной власти законнаго своего Государя Его Императорскаго Величества Павла Петровича и придержащимъ отъ него властямъ.

Таковое снисходительное увещеваніе ослушнымъ и возмущающимъ себя посѣлянамъ и крестьянамъ и ктобъ онѣ не были, не могутъ онѣ инако почитать какъ охраненіемъ отъ строгаго истезанія, ибо не слѣдуя сему, избѣгнуть онаго никакъ не могутъ, а естли и засимъ кроткимъ увѣщеваніемъ окажется кто либо изъ посѣлянъ непокорнымъ и неплатящимъ казенныхъ и помѣщичьихъ оброковъ и упорствующимъ въ противность ихъ власти, не тщась и самое тягостное бремя облегчать себѣ испрошеніемъ милости съ покорностію и подобострастіемъ, къ каковымъ крестьянамъ несумнѣнно, что и господа

помѣщики, не забывая своего въ дворянскомъ званіи перваго достоинства, милосердія, наблюдать будутъ онсе и всякую льготу, пребывая въ томъ спокойствіи и состояніи, которое предки ихъ отъ древнихъ времянъ имѣли, и въ настоящей жизни всѣ мірные изъ нихъ поселянъ имѣютъ.

Я съ своей стороны, яко блюститель высокомонаршихъ Его Императорскаго Величества узаконѣній, предписываю: сіе мое объявленіе во всѣхъ городахъ и ихъ округахъ, на торговыхъ площадяхъ при погостахъ на площадяхъ, и другихъ публичныхъ мѣстахъ, при собраніи посѣлянъ, церковниковъ и крестьянъ, со вниманіемъ по нѣскольку разъ прочесть и наиубѣдительнѣйшимъ образомъ дать имъ выразумѣть, что общѣе благосостояніе и твердость государственная ничемъ инымъ столько не подкрѣпляется какъ совершенною подчиненностью и повиновѣніемъ во первыхъ своему Государю, предержащей отъ Его Величества власти и установленному отъ нѣя начальству и помѣщикамъ, и что никакой подчинъ не имѣетъ никакого права и отнюдь не долженъ ни судить, ни разсуждать о предъдержавствѣ надъ собой; въ протчемъ же не относится сіе до тѣхъ мірныхъ и добрыхъ посѣлянъ, кои, повинуясь установленнымъ властямъ и помѣщикамъ, провождаютъ жизнь свою столь благонравно и тихо, что и правительство, со удовольствіемъ на сіе взирая, почитаетъ ихъ всегда верными подданными и полезными отечеству сынами; слѣдственно не могутъ онѣ отъносить сего объявленія касающимся до нихъ, и да удалятся онѣ въ нѣдрахъ спокойной и мірной жизни отъ пагубныхъ заблужденій къ тому спутныхъ людей, навлѣкающихъ строгость недремлющей уже о томъ и бдящѣй надъ ними законной власти. Генералъ Міхаіло Философовъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Примѣчаніе. Михайло Михайловичъ Философовъ — генер. отъ инфантеріи, военный губернаторъ въ Смоленскѣ въ 1797 г., тогда же былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. При учрежденіи Государственнаго Совѣта сдѣланъ его членомъ, умеръ 27 сент. 1811 г.

Ред.

ПОМИНАНІЕ О МОСКОВСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ

1824—1829 гг. [1]).

Іо перемѣщеніи кадетскаго корпуса изъ Костромы въ Мо- въ отведенный для того громадный Головинскій дворецъ, я двѣ трети котораго предоставлялись въ распоряженіе кор- аго начальства, просторъ для всякаго отдѣла оказывался ши- ѣ, (хотя нѣкоторыя части дворца оставались еще въ зану- іи). Кромѣ того въ корпусное вѣдѣніе тогда же отошла до- ю значительная часть отъ такъ называемыхъ красныхъ казармъ. [съ двумя моими братьями прибыли въ корпусъ въ Москвѣ ми изъ первыхъ москвичей; старшій братъ, потерявшій пра- э возрасту (ему было за 13 лѣтъ) на пріемъ въ комплектъ ескій, былъ зачисленъ слушающимъ курсъ пенсіонеромъ по- аго великаго князя Константина Павловича. Родители на- ı устроили его въ семействѣ корпуснаго полковника Пяти- ;аго; а съ нами, двумя меньшими, простились они вечеромъ ıдетскихъ спальняхъ.

[робудясь на утро, насъ поразило все, вокругъ происхо- ее. По раздавшемуся барабанному бою, всѣ подымались съ ›мъ и гамомъ, и сталпливались около умывальницъ, къ ко- мъ и мы направились, а потомъ и одѣлись въ домашнее еще ›е. Участіе къ новому нашему положенію оказалъ лишь та- же новичекъ, какъ и мы, а прочіе, или косились на насъ, начинали подтрунивать, а иные заставляли сторониться. Изъ

Это воспоминаніе, вслѣдствіе заявленій отъ 1-й Москов. военной ги- г, было препровождено, по принадлежности, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1878-го но чаяніе, что къ празднеству 100 лѣтняго юбилея корпуса стародав- ›споминанія найдутъ для себя мѣсто въ печатномъ изданіи на сей слу- гъ современнаго начальства, оказалось напраснымъ; поэтому, препро- я не такъ давно возвращенный къ себѣ свой очеркъ въ редакцію мно- каемой „Русской Старины", авторъ надѣется, что и эта относительная на найдетъ мѣсто въ этомъ интересномъ журналѣ. П. А. С.

спаленъ спустились всѣ въ залъ къ осмотру себя офицерами; послѣ чего раздавалось на каждаго по пшеничной булкѣ.

Офицеры ушли; шумная толпа осталась на свободѣ и появились забіяки, посягавшіе на нашу, новичковъ, свободу; хватались за наши курточки, добивались обоихъ братьевъ за носы схватить. Еще боязливые и помня слышанные даже наканунѣ родительскія намъ наставленія, мы молча оборонялись и отходили. Но потомъ мало по малу, и день ото дня, освоиваясь съ окружавшею насъ средою, становились посмѣлѣе, порѣшительнѣе. Костромичъ Кобикскій не переставалъ надокучать намъ своею назойливостію, приставая особенно къ смиреннику меньшаку моему брату и однажды довелъ его до слезъ. Тогда я воспламенился до рѣшимости вступить съ неотвязнымъ обидчикомъ въ единоборство и, несмотря на то, что противникъ былъ и постарше и подороднѣе меня, одолѣлъ его, чѣмъ, пристыдивъ наглеца, заслужилъ общее одобреніе, а главное установилъ за собою репутацію ловкаго, послужившею впредь къ прекращенію обидъ, дѣлаемыхъ намъ какъ новичкамъ.

Тогдашнее корпусное начальство составляли: директоръ корпуса генералъ маіоръ Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ, подъ нимъ командиръ роты полковникъ Григорій Петровичъ Пятигорскій (какъ слышно было тогда въ своемъ чинѣ старшій по всѣмъ войскамъ россійскимъ), инспекторъ классовъ полковникъ Данило Екимовичъ Кобылецкій, весьма памятный всѣмъ желавшимъ учиться—общій ихъ протекторъ и покровитель. Офицеры были: капитанъ Райковичъ, Степанъ Максимовичъ, личность замѣчательная. Изъ подъ руководства его, еще въ Смоленскѣ, вышелъ на военное свое поприще извѣстный графъ Закревскій. Райковичъ преданъ былъ своимъ обязанностямъ, такъ сказать, до мозга костей; при небольшомъ ростѣ, толстенькій и что называется коренастый, онъ, старый холостякъ, насколько самъ любилъ кадетъ, какъ бы дѣтей своихъ, настолько и нашею привязанностію пользовался. Предметами его въ класныхъ преподаваніяхъ были: географія, статистика и воинскій уставъ [1]). Достойный штабсъ-капитанъ Грамматинъ преподавалъ фортификацію; артиллерію и черченіе плановъ—подпоручики Пташкинъ, Матюшкинъ, да сухой нѣмецъ

[1]) Не рѣдко бывало въ классѣ произносилъ нашъ капитанъ: „Гдѣ въ народѣ добры нравы, тамъ хранятся и уставы; злыя жъ нравы—портятъ правы“.
П. С.

нбергъ, весьма кадетами нелюбимый. Священникомъ и пре-
вателемъ Закона Божія у насъ состоялъ отецъ Александръ Ша-
ь, добрый, разумный и всѣми уважаемый. У него рѣдко кто
вался незнайкою своего урока изъ катихизиса; а вслѣдствіе
и выступаешь бывало смѣло и самоувѣренно на публичныхъ
кенахъ, даже предъ лицемъ незабвеннаго митрополита Мо-
скаго Филарета, почти ежегодно посѣщавшаго наши акты;
уснымъ экономомъ былъ маіоръ Добрышинъ, баловникъ нашъ,
ившій кадетъ прекрасно. Корпуснымъ полицеймейстеромъ
маіоръ Деконскій. Старшіе дѣти обоихъ маіоровъ были мо-
сотоварищами. Лазаретомъ завѣдывалъ докторъ Дубецкій,
кій, внимательный, добрѣйшій. Изъ учителей нашихъ памят-
мена: прибывшаго съ корпусомъ изъ Костромы преподавате-
ловесныхъ наукъ Петра Андреевича Юрьева, а изъ пригла-
ыхъ въ Москвѣ: учителя ариѳметики и геометріи—Василь-
французскаго языка—Арольса, нѣмецкаго—Шеффера [1]),
занія—Каракалпакова; преподавателя исторіи фамилія не
оминается. Еще позднѣе были приглашены къ преподаванію
кей математики и механики профессоръ Мягковъ, для фран-
каго языка — Пельтъ, лекторъ московскаго университета.
ку и химію, въ сопровожденіи не рѣдко употребляемыхъ опы-
читалъ докторъ медицины и писатель, оставившій свое поч-
ое имя въ литературѣ русской, Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ,
ость во всѣхъ отношеніяхъ достойная памяти.

Изъ офицеровъ, при мнѣ въ корпусѣ поступившихъ, не забу-
когда еще свитскаго капитана, Ивана Ивановича Астафь-
начавшаго упражнять кадетъ въ мензульныхъ съемкахъ мѣ-
стей и въ ситуаціонныхъ работахъ, человѣка весьма рели-
аго, добрѣйшаго, благороднѣйшаго и правдиваго, штабъ-ка-
на Дубасова и корпуснаго адъютанта подпоручика Львова.

Изъ событій по корпусу удерживается въ памяти поднявшая-
насъ тревога по случаю ожиданій посѣщенія корпуса по-
ымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

---

[1] Какъ сей часъ смотрю на этого добраго старика нѣмца, старательно
ывавшаго свою лысину прядьми волосъ съ затылка и съ боковъ въ пучекъ
мени и убѣждавшаго къ тремъ стамъ первымъ нѣмецкимъ словамъ выу-
три шта пошлѣднихъ, обѣщая, что тогда всѣ заговорятъ по нѣмеч-
о въ томъ то и бѣда, что для большинства его учениковъ три шта по-
днихъ оставались камнями преткновенія. П. С.

Все корпусное начальство всполошилось. Начались усил подготовленія кадетъ по строевой части; роту превратили і таліонъ; ветхому Пятигорскому предстояло имъ командоват учебнаго карабинернаго полка вызвали дòку офицера и нѣ ко унтеръ-офицеровъ; ротныя, а затѣмъ и баталіонныя у учащались, но полковникъ Пятигорскій срѣзался чуть ни с ваго же баталіоннаго. Карабинерный дока находился при неотступно, однако и затѣмъ картавый старикъ только по все дѣло. Дока напр. тихо подсказываетъ: командуйте: ров старикъ повторяетъ: равняйша, или вмѣсто смирно—шмир когда дѣло дошло до построенія колоннъ, то полковникъ превзошелъ всякія неожиданности, вслѣдствіе чего и случ штука прекурьезная. Дòка подсказываетъ ему тихо: батал стройся въ каре. Безраздѣльно произнесенная полковн команда смутила офицеровъ, едва подавлявшихъ расположе смѣху, а кадетамъ послышалось, что командуется: каты штройша пошкарѣй!—строй потерялся; всѣ скучились кр стараго бича кадетскаго. Виновниковъ безпорядка однако отыскалось. Но со слѣдующаго ученья баталіономъ коман уже полковникъ Кобылецкій. Въ то время и пріятель наш питанъ Райковичъ тоже прилагалъ заботу подготовить каде случай, буде-бы государю заблагоразсудилось посѣтить в въ классахъ.—Слушайте, дѣти!—обратился капитанъ къ съ рѣчью,—ежели государю будетъ благоугодно поздоров съ вами, то отвѣчайте громко, но не очень, и отчетливо: вія желаемъ Вашему Императорскому Величеству. l ли?—„Поняли, Степанъ Максимычъ," дружно отвѣтили всѣ.- я удаляюсь; когда же войду къ вамъ, то на привѣтствіе такъ и отвѣчайте, какъ я сказалъ.—Капитанъ вышелъ. М всѣ согласились какъ отвѣчать, а для болѣе парадной вст лишь послышалось поскрипованіе капитанскихъ всегда от отполированныхъ сапожковъ, два асистента у дверей (такая тливость видимо Райковичу была пò сердцу) ловко предъ нихъ растворили, и онъ взойдя и окинувъ взглядомъ весь к или вѣрнѣе нѣсколько классовъ, скученныхъ вмѣстѣ, торжес но произнесъ: Здравствуйте господа!—на что послѣдовалъ (дружный отвѣтъ: „здравія желаемъ, Степанъ Максимычъ!"- нѣтъ,—сказалъ онъ,—вы забудьте на время, что я Степ. М а отвѣчайте мнѣ, какъ бы самому государю: здравія же.

и пр.—Но и въ повторенiе церемонiала произошло тоже самое. Тогда капитанъ очень осердился и въ сердцахъ такъ выразился: —„Разбойники вы, чортъ вашу душу возьми; посадилъ бы здѣсь на карнизахъ родителей вашихъ, что бы они насмотрѣлись на мои съ вами мученiя“.—Съ большимъ гнѣвомъ разобиженный старикъ ушелъ отъ насъ. Въ конецъ концовъ однако всѣмъ тогдашнимъ корпуснымъ тревогамъ не суждено было осуществиться; а въ слѣдующемъ году довелось намъ участвовать въ печальной уже церемонiи, когда тѣло Александра I-го было везено чрезъ Москву для погребенiя въ Петербургъ.

Въ теченiи двухъ лѣтъ комплектъ кадетъ чуть не удвоился, что и было поводомъ къ образованiю изъ одной двухъ ротъ. Первая по старшинству оставалась за полковникомъ Пятигорскимъ, не упускавшимъ случаевъ лишь для экзекуцiй появляться, а въ сущности командовалъ нами капитанъ Райковичъ, второю—полковникъ Кобылецкiй.

Проявленiя нѣкоторыхъ костромскихъ кадетскихъ рѣзкостей постепенно начинали стушевываться, какъ напр. какая-то надменность въ обращенiи стараго кадета съ новичкомъ, или намѣренная перваго около себя неряшливость, или упражненiя въ выкармливанiи птенцовъ голубиныхъ и воробьиныхъ, носимыхъ съ собою и въ классы въ такъ называвшихся капшукахъ, т. е. въ кордонныхъ ящикахъ, устроивавшихся для помѣщенiя классныхъ тетрадокъ и книгъ, или торговля булками, весьма накладная для лакомыхъ удвоить свой завтракъ. „Козелло, прогальнуй булку“, и барышникъ намъ охотно выдаетъ изъ всегда изрядныхъ своихъ запасовъ, за условную плату: завтра и послѣ завтра по булкѣ, и свищи себѣ два дня голоднымъ, или продолжай должать до расплаты, конечно уже деньгами. Но не умолчу, что изъ среды прибывшихъ изъ Костромы же кадетъ были личности предостойныя.

Въ кадетской средѣ прiятныя и дѣльныя упражненiя начинали размножаться. Такъ: сами собою у насъ составлялись хоры духовнаго пѣнiя, подъ регентствомъ особенно къ тому склонныхъ братьевъ Корсаковыхъ. Распредѣлялись роли и произносились монологи изъ отдѣловъ комедiй: Горе отъ ума и иныхъ, какъ напр. изъ комедiи: Волшебные зàмки. Затѣялось изданiе корпусной газеты, вмѣщавшей на двухъ, трехъ листикахъ писчей бумаги: внутреннiя извѣстiя, т. е. то, что въ стѣнахъ корпуса происхо-

дило, извѣстія внѣшнія, т. е. вообще московскія, а въ третьемъ отдѣлѣ предоставлялся просторъ фантазіямъ литераторовъ-издателей и сотрудниковъ ихъ, съ условіемъ ни чьей личности не касаться.—Въ заголовкѣ каждаго номерка газетки красовалась не плохой пунктирной работы перомъ—корзина, наполненная цвѣтами съ сидящею на ободкѣ совою, какъ символомъ мудрости. Желавшіе пользоваться правомъ чтенія газетки вносили въ редакцію по два листа почтовой бумаги.

Съ другомъ кадетскимъ Степаномъ Максимовичемъ, по случаю появленія газетки, не обошлось безъ анекдота. На бѣду тяготѣло на немъ прозвище сыча, хотя очень рѣдко употреблявшееся въ ходъ, развѣ изъ подъ-тишка отъ кого-либо имъ разогорченнаго и наказаніемъ взысканнаго (кадеты не обошли проименованіями и нѣкоторыхъ иныхъ, и довольно мѣтко, но всѣ таковыя по времени тоже стушевывались). Увидѣвъ нашу газетку, Райковичъ любопытно ее прослѣдилъ, подхваливая новую такую затѣю, и устремилъ вниманіе на виньетку. Кадеты между тѣмъ обступили его; изъ нихъ явились вѣжливые толкователи, что это, Степанъ Максимычъ, цвѣты, корзина, а надъ корзиною сидитъ сычъ, Степанъ Максимычъ; позади повторялось уже—Степанъ Максимычъ—сычъ, и больше, и дальше на разные голоса; Райковичъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, плюнулъ, бросилъ листокъ и ушелъ, обругавъ всѣхъ закоснѣлыми школьниками [1]).

Зимою мы прогуливались и устроивали игры на нашихъ дворахъ, а лѣтомъ первоначально водили насъ гулять въ Головин-

[1]) Надо бы и окончить объ обильныхъ въ памяти моей кадетскихъ продѣлкахъ съ другомъ начальникомъ нашимъ, но упомяну еще одинъ анекдотъ, рисующій капитанскія отношенія къ намъ и къ своей собственности, съ бережью имъ употребляемой. Подмѣтивъ однажды у пришедшаго въ классъ капитана всунутыя въ шляпу новенькія съ иголочки перчатки, школьничество кадетъ незамѣтнымъ образомъ перемѣстило ихъ изъ шляпы въ мундирный капитанскій карманъ. Предъ окончаніемъ класса, одобривъ всѣхъ за переписки предметовъ его въ тетрадки-съ полями—Райковичъ пошелъ было къ шляпѣ, а перчатокъ-то въ ней нѣтъ.—„Дѣти! кто пошутилъ изъ васъ? я знаю, что вы благородныя дѣти, ежели стыдно положить при мнѣ, я уйду и ожидать буду, что найду мои перчатки въ шляпѣ".—Такъ и сдѣлалъ; но и по возвращеніи треуголка лежала на прежнемъ мѣстѣ безъ перчатокъ. Тѣмъ временемъ классы окончились, но Райковичъ, сердитый, не выпускалъ никого, пока случайно не потребовался ему платокъ; вынимаетъ, а тамъ и перчатки. И какимъ же онъ добренькимъ шествовалъ со всѣми нами до предѣловъ своей дежурной комнаты. П. С.

скій садъ, потомъ устроились прогулки въ рощу, что предъ фасадомъ дворца. Отправляли также и караульную службу отъ утренней до вечерней зари, съ соблюденіемъ правилъ устава какъ на домашней гауптвахтѣ, такъ и на намѣченныхъ постахъ для часовыхъ

Въ годъ коронаціи покойнаго императора Николая Павловича, изъ нашихъ спаленъ, занятыхъ по преимуществу публикой, и съ обширнаго балкона кадеты любовались великолѣпнымъ фейерверкомъ, задолго въ нашихъ же мѣстахъ приготовлявшимся и имѣвшимъ для склада готовыхъ матеріаловъ—такъ называемую тронную залу [1]), но за ненастною погодою не вполнѣ удавшимся.

Въ послѣдующіе годы считались самыми интересными наши пѣшеходныя экскурсіи съ мензулой для съёмокъ на планшедку окрестныхъ мѣстностей подъ наблюденіемъ Ивана Ивановича Астафьева, всегда готоваго не только къ бесѣдамъ нравственнымъ, но съ нами и побогословствовать, конечно въ мѣру развитости слушателей, почитывавшихъ однако съ Экарсгаузеномъ и мистика Юнга-Штилинга. Практическія наши упражненія бывали вообще занимательны, а въ классахъ ревностно трудились и надъ ситуаціонными работами, которыя, можетъ быть, и до нынѣ сохранились въ корпусныхъ архивахъ вмѣстѣ съ тогдашними чертежами и рисованьями, приготовлявшимися къ годовымъ выпускнымъ экзаменамъ. Между работами этими найдутся, быть можетъ, и принадлежащія труду пишущаго эти строки.

Занятія математикою вообще и военными науками шли хорошо. Ревнители по первой, еще и со среднихъ класовъ, задавались разными проблемами, какъ напримѣръ, дѣленіе угла на 3 равныя части. Особенная въ семъ настойчивость оставалась за Васекинымъ. Но занятія словесными науками и изученіе современной намъ литературы, такъ сказать, царили надъ прочими. Личность Ломоносова, особенно по сравненію съ его антагонистомъ Третьяковскимъ, мы чуть не боготворили. Благоговѣли и предъ полетомъ Державина. За чтеніемъ Карамзина и Пушкина, когда удавалось добыть новое въ печати, то бывало не до ужина и не до сна. Изъ Пушкина, Грибоѣдова, Рылѣева, Козлова, Баратын-

[1]) Этотъ громадный квадратный пустырь съ нижняго землянаго своего пола, до особенно надъ нимъ возвышающеюся кровлею, въ мое время былъ совершенно необитаемъ и оказался тогда пригоднымъ лишь для размѣщенія изготовлявшихся къ коронаціи фейерверочныхъ издѣлій, на которые бѣгивали мы тишкомъ смотрѣть сквозь щели задѣланныхъ дверей. П. С.

скаго знали на память по цѣлымъ пьесамъ. Марлинскимъ
стужевымъ) увлекались не менѣе какъ Карамзинымъ, ч
Гнѣдича, а историческіе романы Загоскина и Полевого, в
шили было кадетское рвеніе попробовать компаніею силы і
добнаго рода сочиненіямъ; уже придумана была и кличка
Гайдамаки; но затѣя не совершилась. Въ верхнихъ кла
отъ полковника Кобылецкаго намъ задавались по временам
чиненія на какую-либо тему, какъ напримѣръ, данное
держать должно, и иныя. Къ этого рода требованіямъ
скому честолюбію предлежало относиться съ осмотрительн
а то какъ разъ умный и ѣдкій Юрьевъ, на предварительно
классахъ пересмотрѣ сочиненій, оконфузитъ сочинителя.

Время начинало приближаться къ выпуску кадетъ въ 1
Я на 16-мъ году возраста произведенный въ унтеръ-оф
со старшимъ братомъ были въ верхнемъ выпускномъ к
Экзаменъ окончился для насъ успѣшно. Но составленіе с
выпускнымъ все же было прикрыто отъ всѣхъ неодолимо
ною, и лишь за недѣлю до отправленія счастливцевъ въ I
бургъ, поразило меня свѣдѣніе, что я за молодостію лѣтъ не
включенъ въ представленіе. Безотчетная грусть съ задумчи
замѣнили во мнѣ разбитыя надежды. Покойный мой дѣдъ кн. У
скій, дядя нашему директору, вникая въ мою безутѣшност
жется, сожалѣлъ о своемъ, по совѣщаніи съ Петромъ С
вичемъ, рѣшеніи удержать меня еще на годъ. Въ непрод
тельномъ времени, по отъѣздѣ нашихъ выпускныхъ, нача
появляться со мною нервные припадки усиливались болѣе
лѣе, и однажды случился такой, что изъ дома родны
нашихъ я былъ привезенъ въ положеніи почти безсознате
прямо въ корпусный лазаретъ, откуда, при опытномъ и нѣ
прилежаніи доктора Дубецкаго, не скоро однако, былъ по
ленъ на выписку. Болѣзненные эти припадки случалис
слѣдствіи, при сильныхъ огорченіяхъ, почти до предрѣче
мнѣ достиженія 25-ти лѣтняго возраста.

Въ остальной годъ пребыванія моего въ корпусѣ, я н
въ сверсникѣ своемъ Игнатьевѣ, потерпѣвшаго одинаково
шеніе надеждъ, и съ одновременнаго со мною опредѣлен
корпусъ, рядомъ переходившаго изъ класса въ классъ, жел
сердцемъ друга, съ которымъ искреннѣйшія отношенія и п
жались до постигшей его впослѣдствіи кончины. Начались

тѣмъ приготовленія къ настававшему уже въ дѣйствительности послѣднему экзамену; за нѣсколько недѣль мы вставали по ночамъ, прочитывая все, что казалось запущеннымъ, одолѣли даже и курсъ артиллеріи Маркевича; но труды были вознаграждены. Инспекторъ нашъ полковникъ Кобылецкій, въ теченіе испытаній старшаго класса, постоянно былъ веселъ, постоянно ко всѣмъ привѣтливъ. Надѣленіе баллами было намъ показано: по нѣкоторымъ предметамъ первенствовалъ Игнатьевъ, по другимъ я. Весело и намъ стало готовиться къ выпуску и отъѣзду. Передъ парадныимъ крыльцомъ, наконецъ, увидѣли мы свои одноконныя повозочки; груды овчинныхъ тулупчиковъ, валенокъ, шапокъ лежало въ комнатѣ передъ церковью. Óтслуженъ былъ напутственный молебенъ; уважаемый священникъ произнесъ прощальное къ намъ слово, начинавшееся такъ: Благословенъ грядый во имя Господне!—благословляемъ васъ изъ дома Господня!... слово это сохраняется у меня и поднесь.

Напутствуемые благожеланіями начальства и порученные попеченію штабсъ-капитана Дубасова, мы усѣлись по двое въ повозки... и вотъ всѣ событія за 5-ти лѣтнее въ корпусѣ пребываніе всплывали въ памяти подобно видѣнной коллекціи картинъ, которыхъ увидать вторично уже невозможно. Путешествіе наше „съ почтеннѣйшимъ"—(это его поговорка) Дубасовымъ совершилось весело. Напоминалъ о себѣ и заботливый о насъ экономъ Добрышинъ заготовленными и отпущенными для довольствія нашего отличнѣйшими замороженными щами, любимой кадетами гречневой кашей и проч. По прибытіи въ Петербургъ мы поступили подъ команду начальства Дворянскаго полка, еще не имѣвшаго введенныхъ впослѣдствіи Пущинскихъ преобразованій.

Старшій мой братъ, съ которымъ, конечно, тотчасъ же мы обнялись, въ непродолжительномъ уже времени надѣлъ офицерскіе піонерные эполеты. А я, дождавшись своей очереди [1]) вмѣстѣ съ Игнатьевымъ, были зачислены въ гренадерскую артиллерію, даже въ одну батарею. Съ окончаніемъ польской войны, меня, произведеннаго уже въ подпоручики, перевели тѣмъ же чиномъ въ

---

[1]) Въ юбилейномъ изданіи историческаго очерка 1-го московс корпуса нашъ выпускъ ошибочно отнесенъ къ 1831 году. Онъ-то и былъ настоящимъ выпускомъ 1829 года, а лица, къ оному отнесенныя, составляли часть же моихъ сотоварищей-одновыпущенниковъ. П. С.

батарею его высочества 1-й гвардейской артиллерійской бригады, куда вскорѣ, и въ списокъ моего взвода, поступилъ юнкеръ Дмитрій Милютинъ, впослѣдствіи военный министръ и графъ. Меньшой мой братъ, выпущенный спустя два года, служилъ въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку. Судьба повела и Игнатьева опять же въ мое сотоварищество по гвардіи и въ недалекое сосѣдство: онъ былъ принятъ адъютантомъ въ штабъ гренадерскаго корпуса, и жилъ въ Новгородѣ, вскорѣ зачисленный состоять по гвардейской артиллеріи.

Воспользовавшись первымъ изъ Петербурга отпускомъ и по прибытіи въ Москву, понятно первое стремленіе мое было посѣтить мѣсто, колыбель своего образованія. Но многое въ корпусѣ уже измѣнилось и многихъ не стало. И Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ, когда-то родственно насъ приласкивавшій, и полковникъ Пятигорскій, и капитанъ Райковичъ, и дѣльный Граммотинъ— всѣхъ унесла смерть. Полковникъ Кобылецкій смиренно жилъ въ отставкѣ. Я однако же розыскалъ пріобрѣтенный имъ въ собственность маленькій домикъ и представился болѣзненному Данилѣ Екимовичу, открывшему мнѣ свои объятія. Какъ съумѣлъ, я выразилъ передъ нимъ глубокую свою благодарность за все добро, которымъ подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ досталo во мнѣ свободной воли воспользоваться,—и старикъ, котораго не видѣлъ плачущимъ, уронилъ слезу, вторично меня обнимая.

Павелъ Александр. Семеновъ,

по оставленіи служебныхъ обязанностей въ званіи начальника артиллеріи западно-сибирскаго военнаго округа, отставной генералъ-маіоръ.

19-го февраля 1879 г.
Сергіевъ Посадъ.

ОСИПЪ АФАНАСЬЕВИЧЪ ПЕТРОВЪ.

ГОДЫ ЕГО ДѢТСТВА И ЮНОСТИ.

1805—1838 гг.

ымымъ неблагодарнымъ поприщемъ художественной дѣятель- должна считаться, повидимому, сцена. Въ самомъ дѣлѣ, никто бывается такъ скоро и безповоротно, какъ актеръ и пѣвецъ, даже отмѣченъ онъ печатью высокаго дарованія; умеръ - и кончено все: съ собой въ могилу уноситъ онъ и слезы, юсти—высшую и благороднѣйшую награду современниковъ, а цивилизующая сила его генія на завтра же скрывается въ дня, замираетъ въ шумѣ новостей. Писатель оставляетъ де- томовъ сочиненій, древняя картина иногда покупается на вѣсъ ь, между тѣмъ какъ актеръ, представитель искусства на- е популярнаго изъ всѣхъ — и популярнаго не по случай- причинамъ — что же онъ оставляетъ по себѣ, кромѣ тѣс- кружка сознательныхъ почитателей?... Умрутъ они—и самое ртиста отходитъ въ сторону, уступчиво давая дорогу болѣе ымъ, но столь же мало долговѣчнымъ знаменитостямъ. Между должно помнить, что драматическое произведеніе, преслѣ- адачи наиболѣе широкія, чѣмъ какая-либо изъ отраслей аснаго, — какъ произведеніе литературное, располагаетъ, о, средствами сравнительно скромными и актеръ по спра- зости можетъ быть названъ вторымъ авторомъ театральной : двѣ самостоятельныя и великія области изящнаго—пластику ыку—вноситъ онъ на сцену, и тогда драматическое прои- іе соединяетъ въ себѣ всѣ отдѣльные роды искусства, а этимъ и объясняется богатое преимущество и широкая по- ность театра. Не даромъ Гоголь такъ тревожился поста- й „Ревизора“ и умеръ, не дождавшись удовлетворительнаго ненія своей комедіи.

Мы убѣждены, что имена такихъ художниковъ сцены, какимъ слѣдуетъ считать Ос. Аѳ. Петрова, для русскаго общества не менѣе почтенны и дороги именъ Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго и Мусоргскаго и считаемъ поэтому, что предлагаемыя свѣдѣнія о ранней порѣ развитія нашего знаменитаго пѣвца не будутъ найдены излишними.

Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ родился въ гор. Елисаветградѣ, въ 1805 г. Въ ревизскихъ сказкахъ 1811-го года ему показано 6 лѣтъ; эта запись подтверждается однимъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, товарищемъ дѣтства покойнаго артиста, Ив. Андр. Сорокинымъ: Сорокину теперь 79 лѣтъ, слѣдовательно родился онъ въ 1803 г., и онъ на два года старше Петрова.

Родственники Осипа Аѳанасьевича съ материнской стороны, по фамиліи Петровы, были елисаветградскіе 3-й гильдіи купцы, „породы греческой", по выраженію ревизскихъ сказокъ, но значительно обрусѣвшіе. Мать его, Авдотья Савельевна, отлично говорила по малороссійски; не высокаго роста, полнаго тѣлосложенія, она выдавала свою „греческую породу" черными волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица. Большая по женской линіи родня Петрова для судьбы его не осталась безслѣдною, какъ увидимъ ниже; за то о родственникахъ его съ отцовской стороны мы ничего не знаемъ и даже о самомъ отцѣ его врядъ-ли можно сказать что либо безспорное. Въ ревизскихъ сказкахъ Осипъ Петровъ записанъ безъ упоминанія отца: у Семена (Петрова)—племянникъ, рожденный отъ родной сестры, Авдотьи, Осипъ" — и только всего. Никто изъ старожиловъ, извѣстныхъ намъ, не зналъ лично и не слыхалъ ничего объ отцѣ Осипа Аѳанасьевича, извѣстнаго въ дѣтствѣ по уличной кличкѣ „Іонка" (сокращенное Іосифъ, по объясненію стариковъ).

Такъ какъ Петровъ былъ родомъ грекъ, и при этомъ родня его жила въ приходѣ греческой церкви, почти даже рядомъ съ нею, то естественно, мы обратились къ метрикамъ этой церкви, ожидая найти тамъ записи его рожденія, бракосочетанія его родителей и т. д. И дѣйствительно, противъ 2-го ноября 1805 г. мы прочитали слѣдующія строки: „крестилъ іерей Стефанъ Грецкій младенца Іосифа, незаконнорожденнаго вдовствующею Евдокіею, елисаветградскою жителькою". По именамъ Іосифа и Евдокіи и

по хронологическимъ даннымъ, запись подходитъ къ Петрову. Другихъ подобныхъ записей нѣтъ, ни въ греческой церкви, ни въ соборѣ. Мы видѣли, что въ ревизскихъ сказкахъ записанъ онъ безъ отца, именно такъ, какъ пишутся незаконнорожденные. Общее молчаніе объ отцѣ его соотвѣтствуетъ тоже сущности дѣла. Сверхъ того, въ греческой же церкви мы отыскали еще одно указаніе, опредѣлительно подтверждающее, что Евдокія — мать незаконнорожденнаго Іосифа — дѣйствительно была никто другая, какъ Евдокія Петрова; а именно, въ метрической книгѣ 1788 г. (февраля 13-го) записано: „обвѣнчалъ іерей Григорій Сарафиновичъ по троекратному обыску молодика Аѳанасія Иванова сына Лебедева съ дѣвицею Евдокіею, дочерью вдовы Маріи, жительки елисаветградской, первымъ бракомъ". Судя по ревизскимъ сказкамъ, Евдокіи Петровой въ 1788 году должно было считаться 13 лѣтъ (въ 1815 г. показано ей 40 лѣтъ), слѣдовательно, по старымъ порядкамъ она безпрепятственно могла вступить въ бракъ въ этомъ году. Мать Евдокіи Петровой дѣйствительно именовалась Маріей и пишется вдовою въ ревизскихъ сказкахъ 1811 и 1815 гг., сохранившихся въ архивѣ елисаветградской думы; въ 1815 г. Марьѣ Петровой показано 70 лѣтъ, слѣдовательно, легко можетъ быть, что она успѣла овдовѣть еще до 1788 г. Въ ревизской сказкѣ 1811 г. о семействѣ Петровыхъ находимъ ссылку на ревизію 1795 г.: „по ревизіи 1795 г.—породы греческой",— слѣдовательно, они поселились въ Елисаветградѣ въ прошломъ столѣтіи.

Мы видѣли, что Евдокія—мать Іосифа—записана въ 1805 г. вдовою; запись 1788 г. удостовѣрила, что Евдокія, по всѣмъ признакамъ—Петрова, была въ замужествѣ; намъ оставалось найти указаніе о смерти Аѳанасія Лебедева, мужа Евдокіи, но, къ сожалѣнію, мы не нашли такого указанія, хотя должны замѣтить, что въ метрикахъ греческой церкви не достаетъ записей за цѣлыя 15 лѣтъ, имено 1791—1805 гг.

Наконецъ, обращаемъ вниманіе на слѣдующее—странное, на первый взглядъ—обстоятельство: Евдокія Петрова по мужу должна бы именоваться Лебедевой, между тѣмъ, незаконный сынъ ея назывался впослѣдствіи Петровъ и имѣлъ отчество Аѳанасьевичъ. Однако, если и теперь предоставляется свобода въ назначеніи отчества и фамиліи незаконнымъ дѣтямъ, то въ старину и по-

давно господствовалъ произволъ относительно именъ. Въ самомъ дѣлѣ, мать Осипа Аѳанасьевича писалась „вдова Петрова" (а не Лебедева) еще въ 1813 г., хотя и нѣтъ указаній на бракосочетаніе ея съ какимъ либо Петровымъ [1]); слѣдовательно, легко могла она сообщить и сыну свою родовую фамилію, не утраченную въ замужествѣ; что же касается отческаго имени его, то оно могло быть взято отъ ея мужа, Лебедева, который, какъ мы видѣли, назывался Аѳанасіемъ.

Годы дѣтства и отрочества провелъ Осипъ Аѳанасьевичъ въ домѣ бабушки, гдѣ жила также и вся его родня. Домъ этотъ находился на углу Большой Быковской и Владимірскаго переулка [2]). Отсюда ходилъ онъ въ частную школу Шахова, гдѣ и свелъ знакомство съ нимъ упомянутый выше Ив. А. Сорокинъ, учившійся вмѣстѣ съ нимъ и, къ счастію, не забывшій его. По указанію Сорокина, школа эта помѣщалась не далеко отъ дома Петровыхъ, въ Васильевскомъ переулкѣ, а насупротивъ ея стоялъ домъ Сорокиныхъ [3]). О Шаховѣ и школѣ его разсказываетъ и другое лицо, А. Е Чистогановъ, также учившійся у него, но нѣсколько позже Петрова. Такимъ образомъ, мы можемъ пользоваться двумя показаніями, другъ друга контролирующими и дополняющими.

Семенъ Шаховъ былъ отставной капитанъ артиллеріи екатерининскихъ и павловскихъ временъ, и, въ воспоминаніе объ этомъ, даже въ учительскомъ званіи не покидалъ форменной косички. Службу свою окончилъ онъ не совсѣмъ счастливо и побѣдоносно: ходилъ слухъ, будто онъ проигралъ въ карты тысячъ шестнадцать казенныхъ денегъ и потому былъ разжалованъ. Прежнія привычки разгульной военной среды выдавали себя и послѣ, когда старый служака обратился въ педагога: частенько онъ запивалъ, хотя былъ и старъ, и не богатъ, и руки тряслись; писалъ онъ, однако, не только четко, но каллиграфически-красиво. Требо-

---

[1]) Въ метрикахъ греческой церкви съ 1813 г. снова пробѣлъ. Но въ 1817 г. записанъ умершимъ отъ чахотки какой-то Аѳанасій Петровъ, рядовой, 62 лѣтъ, а воспріемникомъ „не законнорожденнаго Іосифа" значится тоже солдатъ—Михаилъ Сомделинъ. Впрочемъ, мы не рѣшаемся строить на этомъ предположенія, если не окажется впослѣдствіи болѣе опредѣленныхъ данныхъ.

[2]) Теперь на этомъ мѣстѣ другой домъ, принадлежащій еврею Златопольскому.

[3]) Мѣсто, гдѣ была школа,—нынѣ въ чертѣ ограды греческой церкви.

ванія порядка въ школѣ Шахова были очень строгія. Вѣроятно, въ видахъ пріученія къ дисциплинѣ и послушанію, а быть можетъ, для физическаго воспитанія, онъ училъ своихъ питомцевъ маршировкѣ и военнымъ упражненіямъ, для чего имѣлись даже деревянныя ружья и сабли. Случай такого рода разсказывалъ намъ о немъ А. Е. Чистогановъ: уходя за чѣмъ-то изъ школы (вѣроятно, выпить), учитель приказалъ воспитанникамъ сдать выученные уроки назначенному имъ старшему; по возвращеніи учителя, одинъ изъ нихъ, не успѣвшій отвѣтить только-что передъ тѣмъ выученнаго урока, обращается за этимъ къ самому Шахову. Кажется,—правильно, а между тѣмъ, Шаховъ внѣ себя: „говорилъ я вамъ, чтобы сдавать урокъ старшему, а не мнѣ? говорилъ или нѣтъ? Въ субботу оставайся!“ А по субботамъ, надобно сказать, сѣкли за цѣлую недѣлю, и невинный мальчикъ навѣрно подвергся бы неумолимому наказанію, не вступись родня и не вымоли прощенія. Школа Шахова занимала комнату сажени $1^1/_2$ куб.; помѣщалось въ ней 10 — 12 человѣкъ, при чемъ мальчики и дѣвочки учились вмѣстѣ; ходили къ Шахову купеческія дѣти, но отдавали ему дѣтей и дворяне; плата бралась по условію, за весь курсъ, который для иныхъ продолжался года три; за выучку полагалось рублей пять, но платили и больше, если желали расширить курсъ обученія; краеугольными же камнями наукъ служили стародавніе: часословъ, псалтырь и счетъ. По отзыву А. Е. Чистоганова, Шаховъ одаренъ былъ природнымъ умомъ и не лишенъ образованія. По этому поводу, Чистогановъ разсказывалъ намъ слѣдующій эпизодъ изъ своей школьной жизни. Однажды, въ свободное время, лежалъ онъ на лавкѣ, въ школѣ, когда неожиданно вошелъ учитель. Сдѣлавъ выговоръ за лѣнь и невѣжливость, онъ обратился къ ученику съ такими словами: „вотъ, ты лежишь, ничего не дѣлая и ни объ чемъ не думая, а между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ предметы, достойные внимательнаго изученія; возьмемъ, напримѣръ, травку; ты ее топчешь ногой, а разсмотри ее хорошенько, разбери ее по частямъ,— и ты убѣдишься, какъ разумно она устроена, откроешь въ ней присутствіе жизни, почувствуешь Божье дыханіе“... и затѣмъ слѣдовала популярная и увлекательная лекція ботаники, до сихъ поръ памятная для старика Чистоганова, который и въ настоящее время съ большой любовью занимается садоводствомъ.

Вотъ тѣ условія школьнаго воспитанія Петрова, которыя сохранились въ памяти двухъ елисаветградскихъ старожиловъ. Что касается того, каковы были условія его домашней жизни въ годы дѣтства, объ этомъ почти не имѣется свѣдѣній. Извѣстно, впрочемъ, что мать его долгое время занималась мелочной торговлей крамарными товарами [1]). Раннее указаніе на это находится въ дѣлѣ о чумѣ 1813 г., хранящемся въ архивѣ елисаветградской думы: лавочка Петровой, въ числѣ другихъ, дезинфектировалась, въ предупрежденіе заразы. Затѣмъ, въ журналахъ елисаветградской думы за 1818 г. записано интересное прошеніе мелочныхъ торговцевъ, въ числѣ ихъ — и Петровой. Заслуживаетъ вниманіе причина, вызвавшая коллективную челобитную базарныхъ торговцевъ. Слѣдуя приказанію высшаго начальства, городничій Стратимировичъ затѣялъ въ 1818 г. распланировку гор. Елисаветграда. Для украшенія его, почелъ онъ цѣлесообразнымъ расширить базарную площадь. Но являлось затрудненіе въ томъ, какъ поступить съ лавченками крамарей, издавна торговавшихъ здѣсь, людей бѣдныхъ, въ большинствѣ—не выходившихъ изъ долговъ, и, къ тому же, впередъ уплатившихъ думѣ аренду за мѣсто? Однако, городничій Стратимировичъ оказался человѣкомъ догадливымъ и расторопнымъ: не медля ни мало, онъ приказалъ крамарямъ, безъ дальнихъ проволочекъ, убрать безобразныя лавчонки. И вотъ, они прибѣгаютъ къ городской думѣ; заявляя, что ослушиваться приказаній начальства они не смѣютъ, но замѣчая при этомъ, что съ кредиторами расплатиться все-таки неизбѣжно надо, они просятъ,—если ужъ нельзя оставить ихъ на старомъ мѣстѣ, отвести новое. Заслушавъ эту просьбу, дума, по разнымъ причинамъ, нашла не возможнымъ удовлетворить ее, но губернское правленіе вступилось за крамарей и оставило ихъ на прежнихъ мѣстахъ, пока не укажутъ другихъ для сооруженія новыхъ, приличныхъ лавокъ. Крамари успокоиваются, успокоивается и городничій, но дѣло не ладится почему-то. Черезъ два года терпѣніе его лопнуло и онъ снова приказалъ крамарямъ уходить съ пло-

[1]) Опредѣленіе слова **крамарный** товаръ находимъ въ прошеніи торговцевъ 13-го марта 1820 г.: „торговля, называющаяся по здѣшнему краю крамарной, состоитъ въ собственномъ ихъ (торговцевъ) рукодѣльи, какъ-то: очипкахъ, рубахахъ, штанахъ, свитахъ, чекменяхъ, халатахъ, холстяныхъ набойкахъ, тесьмахъ, шнуркахъ, поясахъ,ниткахъ, трубкахъ, курительныхъ чубукахъ и друг. мелочей“. В. Я.

щади и торговать по домамъ. Тогда у нихъ рождается замѣчательная мысль: просятъ думу позволить имъ торговать на старомъ мѣстѣ, но въ такъ называемыхъ подташкахъ, т. е. баракахъ; положимъ, что это не особенно красиво, но за то удобнѣе въ томъ отношеніи, что въ случаѣ высочайшаго проѣзда подташки можно убрать въ одинъ мигъ. Однако, дума не приняла этого оригинальнаго предложенія, а разрѣшила просителямъ строиться по казеннымъ планамъ и фасадамъ, на той самой площади, гды были.

И такъ, мы видимъ, что мать Осипа Аѳанасьевича весьма продолжительное время торговала трудами рукъ своихъ, и поэтому весьма вѣроятно, находилась въ большой нуждѣ. Въ 1820-мъ году, для найма ярмарочнаго мѣста, цѣною въ 5 руб., она вступала въ компанію съ какою-то Марьей Довбенковой... Время было тогда тяжелое: неурожаи и война 1812-го года произвели денежный кризисъ и дороговизну, многіе разорились и потому переходили изъ купцовъ въ мѣщане. Разстраивались дѣла и въ семьѣ Петровыхъ: въ 1813 г. умеръ старшій мущина въ семьѣ — Семенъ; въ 1817 г. они записаны уже въ мѣщанахъ; вѣроятно, не получая поддержки отъ родныхъ и не имѣя средствъ для постройки новой лавки, Авдотья Савельевна около 1820-го года оставила торговлю; въ прошеніи крамарей этого года подписи ея нѣтъ, такъ что послѣдній разъ имя ея, какъ базарной торговки, упоминается въ 1818 г. Съ этимъ согласуется показаніе О. Д. Мирной, елисаветградской жительницы, помнящей Петрова съ матерью. Бабушка Мирной, Е. Ю. Саранда, была крестной матерью Осипа Аѳанасьевича; „Іонкѣ“ было лѣтъ 13 или 14, когда съ своею матерью онъ поселился у „Сарандихи“, по имени которой его называли также: „Саранденокъ“. Авдотья Савельевна слыла отличной стряпухой, а „Сарандиха“ не имѣла недостатка въ тѣхъ праздничныхъ дняхъ, когда подавался на столъ обѣдъ, приготовленный съ извѣстнаго рода роскошью: изготовленіе такихъ-то обѣдовъ и лежало на обязанности матери Петрова. О. Д. Мирная, тогда—маленькая дѣвочка, жила съ матерью, особо отъ бабушки; „Іонка“ частенько приходилъ въ гости къ брату ея, Григорію, своему однолѣтку; Григорій игралъ на гитарѣ, а Петровъ любилъ слушать музыку. Чаще всего проводили они время внѣ дома, въ какой-то игрѣ „на пряники“ (вѣроятно, въ „орла и рѣшетку“) и случалось, Григорій приносилъ по цѣлому ящику

домой. Петровъ слылъ большимъ проказникомъ и сорви-головой; всякое дебоширство, въ городѣ-ли, въ казенномъ-ли саду, валили на него, такихъ казусовъ случалось не мало. Дома онъ порядочно надоѣлъ, особенно — своей крестной: то посуду разобьетъ, то разольетъ молоко... Авдотья же Савельевна, женщина снисходительная и добрая, не имѣла большаго вліянія на шалуна. Истощивъ терпѣніе, Екатерина Юрьевна посовѣтовала ей отдать мальчика куда нибудь, лишь бы съ рукъ сбыть. Такимъ-то образомъ Осипъ Аѳанасьевичъ поступилъ въ услуженіе къ своему дядѣ. Константину Савичу Петрову, державшему погребокъ.

Время поступленія Петрова къ дядѣ опредѣляется приблизительно Н. П. Новицкимъ: по словамъ его, переѣхавъ въ 1820-мъ году на жительство въ Елисаветградъ, онъ засталъ „Іонку" уже въ погребкѣ. Здѣсь, за прилавкомъ, протекла юность Осипа Аѳанасьевича, здѣсь зародилась въ немъ любовь къ музыкѣ и театру, здѣсь, наконецъ, сложилось рѣшеніе поступить на сцену. Погребокъ этотъ цѣлъ и принадлежитъ въ настоящее время А. Н. Пашутину,—тогда же составлялъ онъ собственность купчихи Турчаниновой; входъ въ него былъ съ Большой улицы, а не съ проулка, какъ теперь, и въ сторону проулка онъ расширенъ. Торговля велась не только на выносъ, но и распивочно, и для послѣдней цѣли имѣлась комната особо отъ склада. Всѣми этими подробностями обязаны мы И. А. Сорокину, но многіе старики вспоминаютъ объ этой порѣ жизни Петрова. Впрочемъ, разсказы ихъ относятся преимущественно къ тому времени, когда Осипъ Аѳанасьевичъ сталъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Однако, слѣдуетъ полагать, что Петровъ еще въ первое время своей службы въ погребкѣ выучился игрѣ на гитарѣ. Дѣйствительно, братья Иванъ Никитичъ и Николай Никитичъ Макаровы говорятъ, что Петровъ заходилъ къ нимъ въ лавку подросткомъ, игралъ на гитарѣ и пѣлъ дѣтскимъ голосомъ. Гитара пользовалась тогда общей любовью городскаго населенія и только около 1830-го года уступила мѣсто гармоникѣ. Иные гитаристы доходили до замѣчательнаго совершенства и пріобрѣтали знаменитость на нѣсколько губерній; къ такимъ извѣстнымъ игрокамъ принадлежалъ и Кладовщиковъ, купецъ, привозившій въ Елисаветградъ вина съ Дона; самъ онъ познакомился съ этимъ искусствомъ въ Москвѣ, у какого-то мѣстнаго виртуоза, а отъ него, въ своемъ погребкѣ,

научился Петровъ, и научился такъ хорошо, что на цѣлый городъ не было лучшаго гитариста: „пальцы у него бѣгали по струнамъ, какъ живые“, по выраженію одного елисаветградскаго знакомаго Осипа Аѳанасьевича. Кромѣ гитары, Петровъ выучился играть еще на кларнетѣ и на флейтѣ; впослѣдствіи онъ игралъ и на скрипкѣ, но научился этому, вѣроятно, уже по выѣздѣ изъ Елисаветграда.

Такимъ образомъ, въ началѣ юношескаго возраста обозначаются въ Петровѣ музыкальныя наклонности и дарованія. Позднѣе въ немъ родилась любовь къ сценѣ. Въ Елисаветградъ являлись актеры на время, заѣздомъ изъ большихъ городовъ и чаще другихъ пріѣзжала труппа Жураховскаго: она-то, вѣроятно, и положила начало знакомства Петрова съ театромъ. Обыкновенно, представленія давались на базарѣ, вблизи отъ погреба Петрова и для нихъ сколачивался тамъ на живую руку балаганъ. По сосѣдству, актеры заходили въ погребокъ и кучивали тамъ, а Осипъ Петровъ любилъ веселую компанію. Самъ онъ не пилъ и никто не помнитъ его въ нетрезвомъ видѣ, но за то доставляло ему живѣйшее удовольствіе угощать и спаивать другихъ; кто-то хвалился умѣньемъ пить такъ, чтобы носъ не заглядывалъ въ рюмку и объяснялъ, что искусствомъ этимъ обязанъ Петрову: „но много выпито было для того, чтобы научиться этому!“ замѣчалъ кутила. Весьма вѣроятно, что отъ знакомства съ актерами и отъ угощенія ихъ Осипъ Аѳанасьевичъ перешелъ къ знакомству съ театромъ; именно такъ передаетъ это обстоятельство по слухамъ А. Е. Чистогановъ.

Около середины 1820-хъ годовъ дядя Петрова выѣхалъ изъ города; по словамъ гг. Макѣевыхъ, онъ отправился въ Родосъ, и пробылъ тамъ что-то долго, года полтора, или два. Не знаемъ, въ его отсутствіе или раньше, сталъ посѣщать театръ Осипъ Аѳанасьевичъ, но несомнѣнно то, что выѣздъ дяди оказалъ рѣшающее, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вліяніе на поступленіе его въ актеры. Уѣзжая изъ Елисаветграда, Константинъ Савичъ оставилъ погребокъ на отвѣтственности племянника. Между тѣмъ послѣдній оказался не во всѣхъ отношеніяхъ надежнымъ сидѣльцемъ. Прежній мальчикъ „Іонка“ къ этому времени превратился въ статнаго, красиваго молодаго человѣка и не одна Елисаветградская красавица вздыхала по немъ и грезила имъ. Любилъ женское общество и Осипъ Аѳанасьевичъ, который, при всѣхъ своихъ преимуще-

ствахъ, слылъ, къ тому же, ловкимъ танцоромъ. Положимъ, это еще грѣхъ не особенно тяжкій и вполнѣ извинительный для молодаго красавца, тѣмъ болѣе, что работы своей онъ не упускалъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ, и безъ сомнѣнія все это окончилось бы благополучно, если бы въ дѣло не вмѣшалась его широкая натура. Посѣщая всѣ вечеринки, свадьбы и всѣ праздничныя собранія, случавшіяся въ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ, живой по натурѣ Петровъ дѣлалъ всевозможное для того, чтобы было весело всѣмъ. Услышитъ, что гдѣ нибудь свадьба, и тотчасъ является за переговорами: проситъ позвать интересующихъ его дѣвушекъ, а самъ добровольно беретъ на себя хлопоты по найму музыки и по доставкѣ напитковъ. Не рѣдко случалось, что хозяева разсчитывали устроить праздество поскромнѣе — и тогда Петровъ ставилъ угощеніе даромъ, изъ погребка дяди. Такимъ-то образомъ, торговыя дѣла его пришли въ состояніе, далеко не блестящее, когда вернулся въ Елисаветградъ Константинъ Савичъ. А надобно сказать, что Константинъ Савичъ, по единодушнымъ отзывамъ знавшихъ его лицъ, человѣкъ былъ желчный, придирчивый, прямо — злой. Житье „Іонки" у него и прежде было, видно, не сладкое и посѣтители погреба не рѣдко становились свидѣтелями побоевъ, достававшихся юношѣ въ изобиліи, — а тутъ дядя рѣшительно ужъ вышелъ изъ себя. Подробности встрѣчи его съ племянникомъ не извѣстны, но разсказываютъ, что онъ собирался отдать его въ солдаты, а кончилъ тѣмъ, что удалилъ его изъ погребка.

Не знаемъ, гдѣ и у кого проживалъ Петровъ съ матерью во время службы въ погребкѣ, но всего вѣроятнѣе, что у Константина Савича, имѣвшаго собственный домъ [1]). По крайней мѣрѣ, Ив. А. Сорокинъ говоритъ, что мать Петрова начала посѣщать ихъ домъ и заниматься стряпней для его семьи съ того именно времени, какъ сынъ былъ уволенъ изъ погребка: должно быть, это послѣднее обстоятельство оказалось роковымъ и для Авдотьи Савельевны. Съ этого же времени и Осипъ Аөанасьевичъ частенько сталъ заходить къ молодому Сорокину, у котораго имѣ-

[1]) Домъ этотъ, сохранившійся до сихъ поръ, находится на углу улицъ Петровской и Невской и принадлежитъ теперь еврею Бортнику. Когда поселился здѣсь Петровъ, здѣсь былъ пустырь, и очень можетъ быть, что Петровская улица отъ него получила свое наименованіе. В. Я.

лись двѣ собственныя гитары; при этомъ, Сорокинъ любилъ театръ, бывалъ въ Харьковѣ и видалъ тамъ хорошихъ актеровъ. Любовь къ музыкѣ и театру, недостатокъ средствъ для жизни и отсутствіе занятій, наконецъ,—посредничество Сорокина рѣшили дальнѣйшую судьбу Петрова.

Поступленіе Петрова на сцену Сорокинъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ. Пріѣхалъ на ту пору въ Елисаветградъ крупный харьковскій антрепренеръ, Штейнъ, съ труппою въ 92 человѣка, считая хоръ и балетъ. Представленія новой труппы произвели на Петрова очень сильное впечатлѣніе и вскорѣ онъ входитъ въ личное знакомство съ театральнымъ міромъ, при посредствѣ Сорокина. Однажды сидѣли они въ квартирѣ одного актера, знакомаго Сорокину по Харькову, когда вошелъ самъ Штейнъ, также извѣстный Сорокину лично. Петровъ съигралъ что-то на флейтѣ и возбудилъ вниманіе опытнаго антрепренера.

— Кто это такой? — спросилъ онъ Сорокина.

— Онъ не имѣетъ занятій — отвѣчалъ тотъ — человѣкъ свободный; хорошій музыкантъ на нѣсколькихъ инструментахъ, не дурно танцуетъ и могъ бы быть полезенъ вамъ.

Такъ завязалось знакомство Петрова со Штейномъ, къ которому вскорѣ и поступилъ онъ на службу, какъ передаетъ это Сорокинъ. Но въ этомъ пунктѣ въ показаніяхъ старожиловъ натнулись мы на два противорѣчія. Во первыхъ, нѣкоторые изъ нихъ, а именно Н. Н. Макѣевъ и Н П. Новицкій, утверждаютъ, что Петровъ началъ служить не у Штейна, а у Жураховскаго; первый изъ нихъ, г. Макѣевъ, увѣряетъ, сверхъ того, что Штейнъ никогда и не бывалъ въ Елисаветградѣ, а что Петровъ самъ отправился къ нему, въ Харьковъ, прослуживши нѣкоторое время въ труппѣ Жураховскаго и отойдя отъ него; но съ другой стороны, Ив. Н. Макѣевъ и А. Е. Чистогановъ поддерживаютъ показаніе Сорокина, что Петровъ поступилъ не къ Жураховскому, а къ Штейну и не въ Харьковѣ, а въ Елисаветградѣ, въ Харьковъ же выѣхалъ съ его труппой послѣ дебюта. Другое противорѣчіе касается мѣстоположенія театра, въ которомъ дебютировалъ Петровъ: Чистогановъ и Сорокинъ говорятъ, что театръ находился на Большой улицѣ, противъ бульвара, на пустопорожнемъ дворѣ; тамъ и теперь устраиваются балаганы, когда пріѣжаетъ циркъ или звѣринецъ; дворъ этотъ, по словамъ Сорокина, съ того вре-

мени никогда не застраивался (теперь онъ принадлежитъ Штейну); тамъ же, во дворѣ, квартировалъ и тотъ актеръ, у котораго произошла описанная сцена; наоборотъ, Н. Н. Макѣевъ настаиваетъ на томъ, что театра здѣсь не было, а дебютировалъ Петровъ на старомъ мѣстѣ, на базарѣ. Мы полагаемъ, что сомнѣваться въ правдивости разсказа Сорокина нѣтъ основаній. Съ однѣми и тѣми же подробностями онъ повторилъ его дважды, указалъ самолично дворъ, гдѣ находился театръ Штейна; всѣ остальныя показанія его подтверждаются другими источниками, даже въ частностяхъ; съ антрепренеромъ онъ знакомъ былъ лично и твердо помнитъ его фамилію, тогда какъ прямо говоритъ, что забылъ фамилію актера, у котораго состоялось знакомство Петрова со Штейномъ. Сверхъ того, Чистогановъ удостовѣряетъ также, что Петровъ выступилъ въ труппѣ Штейна и разсказываетъ о представленіи двухъ пьесъ: „Козакъ-стихотворецъ“ и „Русалка“, помнитъ до сихъ поръ даже афишу первой, съ именемъ Петрова. Наконецъ, тоже подтверждаетъ и Ив. Никитичъ Макѣевъ, младшій братъ Николая Никитича. Съ другой стороны, Новицкій говоритъ по слухамъ, а самъ представленій Петрова не посѣщалъ, и съ нимъ, а равно и съ антрепренеромъ, знакомъ не былъ, точно такъ же и Ник. Ник. Макѣевъ, съ тою только разницею, что онъ видѣлъ представленіе одной пьесы, съ участіемъ Петрова. Что театръ противъ бульвара дѣйствительно былъ, это тоже не подлежитъ сомнѣнію, въ виду согласныхъ показаній Сорокина и Чистоганова. Остается предположить одно: не участвовалъ-ли Петровъ раньше, въ качествѣ любителя, въ спектакляхъ какой-нибудь труппы на базарѣ? Очень можетъ быть, что небольшая заѣзжая труппа и воспользовалась временными услугами любителя-мѣщанина, особенно въ то время, когда Петровъ угощалъ актеровъ въ дядиномъ погребкѣ. Ник. Никит. Макѣевъ говоритъ, что онъ видѣлъ Осипа Аѳанасьевича въ пьесѣ „Козакъ-стихотворецъ“ въ томъ театрѣ, который былъ на базарѣ, и что Петровъ исполнялъ роль отставнаго вахмистра (деньщика Демьяна, какъ передаетъ Чистогановъ, помнящій афишу). Не выступалъ-ли Петровъ два раза въ этой роли: разъ — на базарномъ театрѣ, быть можетъ даже—въ труппѣ Жураховскаго, другой — у Штейна, на Большой улицѣ?

И такъ, съ увѣренностью нельзя сказать, въ какомъ театрѣ

дебютировалъ Осипъ Аѳанасьевичъ. За то мы имѣемъ возможность возстановить впечатлѣнія елисаветградской публики отъ игры Петрова въ труппѣ Штейна. Вотъ что разсказываетъ о ней А. Е. Чистогановъ. На представленіе пьесы „Козакъ-стихотворецъ" попалъ онъ случайно: въ семействѣ купца, у котораго онъ жилъ тогда, оказался билетъ въ театръ, вѣроятно,—привезенный и всученный актерами; но такъ какъ спектакль приходился наканунѣ Троицы, то никто изъ семейства, кромѣ Чистоганова, не захотѣлъ итти на представленіе; въ этотъ уже спектакль Петровъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе — какъ счастливой наружностью и хорошимъ голосомъ, такъ и удивительной для новичка смѣлостью и ловкостью: „точно на сценѣ родился", по выраженію разсказчика. Не зналъ Чистогановъ и о назначеніи Петрову второй роли, въ „Русалкѣ", и совсѣмъ не собирался въ театръ, потому что было жарко, когда неожиданно пришли къ нему товарищи съ извѣстіемъ, что „Іонка" опять будетъ играть, и увлекли его въ раекъ. Жара тамъ, дѣйствительно, стояла порядочная, но зрители были вознаграждены прекрасной игрой своего знакомца. На этотъ разъ Петровъ исполнялъ роль Тарабара и исполнялъ ее съ самымъ непринужденнымъ и заразительнымъ смѣхотворствомъ; особенно памятна Чистоганову забавная сцена съ мѣшками, танцующими вокругъ Тарабара: комическое недоумѣніе и испугъ его при видѣ такой неожиданности заставляли смѣяться всю публику. Но еще большее впечатлѣніе производило пѣніе молодаго дебютанта. Когда Петровъ пропѣлъ:

„Кто бѣднымъ милости творитъ
И странникамъ даетъ покой,
Того и Богъ благословитъ
Невидимой рукой" —

весь театръ разразился единодушными рукоплесканіями.

Вслѣдъ за дебютомъ, Петровъ скрывается изъ Елисаветграда, и только въ 1830 г. напоминаетъ о немъ Елисаветграду контора имп. Спб. театровъ. Въ концѣ этого года контора увѣдомила елисаветградскую думу о томъ, что Петровъ допущенъ къ испытанію на званіе актера императорскихъ театровъ. Спустя два года послѣ того, въ 1832 г., контора сообщила, что „Петровъ, по оказываемой имъ совершенной къ искусству сему (сценическому) способности, содѣлывается для театра весьма полезнымъ". Затѣмъ,

до конца 1833 г., когда Петровъ уволенъ былъ изъ мѣщанскаго общества, контора высылаетъ слѣдуемые съ него платежи, за двѣ ревизскія души, а также обезпеченіе въ исправности уплатъ на будущее время. При дѣлѣ сохранилась выкладка, на которой значится: „съ Осипа и Петра“; на основаніи ревизскихъ сказокъ 1811 и 1815 гг. слѣдуетъ полагать, что это—двоюродный братъ пѣвца, Петръ Семеновичъ Петровъ. Сорокинъ знаетъ по слухамъ двоюроднаго брата Осипа Аѳанасьевича, но имени его не помнитъ, говоритъ только, что онъ жилъ въ Николаевѣ. Въ его пользу Осипъ Аѳанасьевичъ отказался отъ дома, оставленнаго Константиномъ Савичемъ, который умеръ, когда племянникъ жилъ уже въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ поступленія на столичную сцену, Петровъ выписалъ къ себѣ мать свою и она заняла какую-то должность въ театрѣ.

Въ 1838 г. посѣтилъ его въ Петербургѣ Сорокинъ. Осипъ Аѳанасьевичъ былъ уже женатъ и имѣлъ трехмѣсячнаго первенца. О себѣ сказывалъ, что получаетъ 3,500 руб. асс., при одномъ бенефисѣ.

Кулинарные таланты Авдотьи Савельевны не пропали даромъ и въ столицѣ, напротивъ, они нашли здѣсь для себя болѣе широкое поприще и заслуженное вниманіе. Она повела Сорокина на кухню и показала многое-множество посуды, на полкахъ, съ верху до низу стѣнъ.

— На что вамъ, матушка, столько посуды?—спросилъ озадаченный провинціалъ.

— Нельзя иначе — отвѣчала Авдотья Савельевна: въ бенефисный вечеръ, на ужинъ приходитъ иной годъ человѣкъ 300, ну, а занимать посуду намъ — не ловко, тоже...

Счастливая мать...

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
2-го августа, 1882 г.

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

Изъ Записокъ П. В. Алабина.

Великія ли событія послѣдняго двадцатипятилѣтія заслонили собою картину Севастопольской обороны, или перемерло большинство нашихъ боевыхъ товарищей, слѣдовательно, мало осталось свидѣтелей Севастопольскаго сидѣнья и почти некому уже разсказывать о немъ,—какъ бы тамъ ни было, но слишкомъ рѣдко стали появляться въ печати воспоминанія Севастопольцевъ о дняхъ безсмертной обороны многострадальнаго города, чтобы намъ, старымъ Севастопольцамъ, не порадоваться появленію въ „Русской Старинѣ" весьма интересныхъ и вполнѣ обстоятельныхъ «Воспоминаній» А. А. Вязмитинова [1]. И чѣмъ рѣже стали появляться подобные очерки, тѣмъ съ бóльшею мы ихъ встрѣчаемъ любовью, какъ встрѣчаютъ давно невиданныхъ друзей; тѣмъ внимательнѣе вслушиваемся въ эти разсказы, заставляющіе насъ переживать наше незабвенное прошлое,—провѣряемъ своими воспоминаніями каждую малѣйшую подробность разсказа,—невольно останавливаемся на каждой неточности, если таковая въ него вкрадывается. Намъ простятъ эту щепетильность тѣ, кто повѣритъ, что къ своему Севастопольскому прошлому мы хранимъ въ памяти своихъ сердецъ то же чуство, съ какимъ относится человѣкъ къ памяти существа, имъ на вѣки утраченнаго, которое онъ глубоко и истинно любилъ всѣми силами первой любви своей.

Вотъ чѣмъ объясняется появленіе настоящей замѣтки, имѣющей предметомъ указать на одну неточность, вкравшуюся въ весьма интересныя «Воспоминанія» А. А. Вязмитинова.

---

[1]) «Севастополь съ 21 марта по 28 августа 1855 года». Р. С. Апрѣль. 1832 г.

Авторъ названной статьи говоритъ: «У меня какъ-то осталось въ памяти, что именно въ библіотекѣ (Морская офицерская библіотека, въ Севастополѣ), прочелъ я, что пушки Hôtel des Invalides возвѣстили Парижу о рожденіи императорскаго принца, того самаго злополучнаго Лулу, который потомъ наткнулся на зулусскіе ассагаи, ввязавшись въ вовсе его не касавшееся дѣло».

Извѣстія о рожденіи императорскаго принца г. Вязмитиновъ не могъ прочесть въ Севастопольской морской библіотекѣ, какъ извѣстно, зданіе которой погибло въ общемъ разрушеніи Севастополя въ ночь на 27 августа 1855 года, такъ какъ у императора Наполеона родился сынъ по выходѣ нашемъ изъ Севастополя, а именно 4 марта 1856 г., о чемъ сдѣлалось оффиціально извѣстнымъ французской арміи 11 марта 1856 года.

Мнѣ особенно памятно это событіе по слѣдующему случаю.

Въ это время наша, 11-я пѣхотная, дивизія стояла на Мекензіевой горѣ, занимая аванпосты противъ французовъ корпуса Макъ-Магона и частію противъ сардинцевъ Ла-Марморы. Нашею дивизіею и отрядомъ командовалъ генер.-лейтен. С. Г. Веселитскій[1]),—дивизіоннымъ квартирмейстеромъ нашимъ былъ М. Г. Черняевъ, впослѣдствіи стяжавшій такую громкую извѣстность,—я былъ старшимъ адъютантомъ дивизія. Подробности эти привожу для уясненія дальнѣйшаго разсказа.

Съ разсвѣтомъ 11 марта загремѣла чрезвычайно сильная, очевидно салютаціонная, пальба на французскихъ батареяхъ.

Такъ какъ генералъ Веселитскій никогда не довольствовался ролью простаго исполнителя, а претендовалъ на болѣе высокую роль государственнаго человѣка и самостоятельнаго дѣятеля, находчиваго, предпріимчиваго, со свѣтлымъ взглядомъ на военное и политическое дѣло, то онъ и въ данномъ случаѣ не могъ оставить безъ вниманія происходившаго у французовъ и тотчасъ послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ на французскіе аванпосты, узнать причину необыкновенной пальбы. Таковая посылка была возможна, такъ какъ мы состояли въ перемиріи съ союзниками со 2 марта 1856 г.

---

[1]) Настоящая фамилія Сергія Гавриловича была Веселитскій, но онъ съ Венгерской кампаніи, во время которой былъ начальникомъ штаба 4 пѣхотнаго корпуса при генералѣ Чеодаевѣ, сталъ подписываться Веселитской и впослѣдствіи всякій разъ не на шутку сердился, когда даже на конвертѣ, ему адресованномъ, фамилія его не такъ была написана, какъ ему вздумалось ее писать.

Воротившійся ординарецъ привезъ извѣстіе о рожденіи императорскаго принца, возвѣщенномъ салютаціонною пальбою всего французскаго флота и сухопутныхъ батарей [1]), при чемъ въ каждомъ корпусѣ французской арміи отслуженъ молебенъ.

Услышавъ это извѣстіе, генералъ Веселитскій почему-то призналъ необходимымъ принять живое участіе въ радостномъ для французовъ событіи и участіе это выразить видимымъ образомъ. На этомъ основаніи генералъ тотчасъ потребовалъ меня и приказалъ сдѣлать немедленное распоряженіе по отряду, чтобы съ наступленіемъ вечера, по всей линіи нашихъ аванпостовъ, въ его командованіи состоявшихъ, преимущественно на скатахъ горъ, обращенныхъ къ непріятелю, на гребняхъ высотъ, а равно на всѣхъ батареяхъ, видимыхъ союзниками, были разложены возможно бо́льшіе и въ возможно бо́льшемъ числѣ—костры, а съ батарей, чтобъ пускали сигнальныя ракеты. Затѣмъ генералъ написалъ собственноручно и передалъ мнѣ, для немедленной отправки, письмо къ начальнику штаба арміи генералу Тимашеву [2]), прося доложить главнокомандующему просьбу его: разрѣшить завтра привести всю дивизію къ р. Черной, въ мундирахъ, съ музыкой и пѣснями, чтобы сказать французамъ, что мы пришли поздравить ихъ съ радостью, по случаю рожденія наслѣдника у ихъ государя.

Меня поразило полученное приказаніе. Я попытался было доложить генералу: не вызоветъ-ли такое распоряженіе неудовольствія главнокомандующаго (тогда—генерала Лидерса), такъ какъ оно не останется для него безъизвѣстнымъ?—но получилъ такой репримандъ за свое, какъ мнѣ сказано, неумѣстное разсужденіе, что поспѣшилъ откланяться, чтобы исполнить данное мнѣ приказаніе. Но выйдя изъ домика генерала, я все еще не рѣшался приступить къ исполненію его приказанія, понимая его несообразность и не видя причины, которая побуждала бы насъ радоваться радости проходимца, столько бѣдъ накликавшаго на наше отечество, и потому пошелъ къ Черняеву передать о случившемся. Черняевъ сначала вѣрить не хотѣлъ моему разсказу, но когда я убѣдилъ его, что говорю безъ шутокъ, онъ сейчасъ же рѣшился идти къ генералу и постараться убѣдить его отмѣнить свое приказаніе. Условясь, что до возвращенія Черняе-

---

[1]) Въ полдень 80 англійскихъ орудій выѣхало на Сапунъ-Гору и произвело 101 выстрѣлъ.

[2]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта. П. А.

ва я не разошлю приказаній по войскамъ, мы разошлись: я — въ свою землянку строчить нелѣпое приказаніе, онъ, на этотъ разъ накинувъ шашку, чтобы придать своему появленію вполнѣ служебный, офиціальный характеръ, (тогда какъ обыкновенно, мы, штабные, по нѣскольку разъ въ день ходили къ генералу безъ оружія),—пошелъ къ генералу.

Около получасу Черняевъ пробылъ у генерала Веселитскаго, но успѣлъ убѣдить его отмѣнить только одну часть приказанія, а именно пусканіе ракетъ съ батарей—и то доказавъ ему, что ракеты эти могутъ сдѣлаться причиною какихъ либо недоразумѣній въ сосѣднихъ отрядахъ, непредувѣдомленныхъ о настоящей причинѣ ихъ спуска. Нечего было больше дѣлать и распоряженіе о кострахъ полетѣло во всѣ стороны нашего отряда и едва смерклось какъ повсюду запылали костры, по счастію бывшіе не особенно блистательными вслѣдствіе сильнаго тумана.

Результаты этой затѣи генерала Веселитскаго были слѣдующіе.

На просьбу разрѣшить привести дивизію къ Черной рѣчкѣ, генералъ Тимашевъ отвѣчалъ: «не знаю, можно ли, но спрошу; впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, генералъ Лидерсъ, на приглашеніе Кондригтона посмотрѣть на скачку, отвѣчалъ, что наши офицеры воспользуются этимъ зрѣлищемъ со своихъ позицій». Разумѣется послѣ такого извѣщенія намъ уже не ловко было по примѣру ежедневныхъ съѣздовъ нашихъ офицеровъ съ французскими на берегу Черной, происходившихъ со дня перемирія, поѣхать теперь на берегъ смотрѣть на скачку, проэктированную англичанами въ долинѣ Черной, 12 марта. Поэтому мы, съ досадою, должны были удовольствоваться тѣмъ, что послѣдовали за генераломъ на нашу элеваціонную батарею, что на «Сахарной головкѣ», прозванную французами „Grand Coucou", состоявшую изъ врытыхъ въ землю единороговъ, съ цѣлію придать дальнѣйшій полетъ снарядамъ, изъ нихъ бросаемымъ [1]). Съ этой-то батареи мы и наблюдали скачку въ бинокль. Арена, на которую ввели лошадей для скачки, была обозначена елками и зеленью; надъ нею господствовало возвышеніе, на которомъ была устроена эстрада, роскошно убранная множествомъ флаговъ, елками и гирляндами зелени. На этой эстрадѣ помѣщались союзные главнокоман-

[1]) Едва показывался дымокъ выстрѣла на этой батареѣ, французскій часовой того укрѣпленія, по которому она дѣйствовала, кричалъ: «Coucou»! предваряя своихъ о полетѣ бомбы. П. А.

дующіе съ ихъ многочисленными свитами; тысячь двадцать военнаго люда было зрителями любимаго увеселенія англичанъ, ими и устроеннаго; много амазонокъ, исключительно англичанокъ, съ ихъ кавалерами, составляли живописныя группы [1]); — нѣсколько полныхъ хоровъ кавалерійской музыки, верхомъ, играли не переставая; очевидно, что массы были очень веселы, потому что видно было множество повсюду толкавшихся пьяныхъ (да и мудрено имъ было не быть когда кантиньерки и маркитанты, повидимому со всей арміи, судя по ихъ мундирамъ, въѣхали сюда со своими запасами на маленькихъ двуколкахъ, запряженныхъ мулами или просто вьючнымъ муломъ со съѣстными и питейными припасами). Между тѣмъ пока приготовлялась скачка, пришелъ на нашу батарею смотрѣть интересное зрѣлище чуть не весь Камчатскій полкъ, занимавшій ближайшую позицію и наѣхало множество офицеровъ изъ главной квартиры. Стали приставать къ Веселитскому съ просьбою позволить приблизиться къ мѣсту скачки, генералъ не выдержалъ и позволилъ неофиціально. Разумѣется, всѣ спустились внизъ кромѣ генерала Веселитскаго и насъ, составлявшихъ его штабъ, и подошли къ рѣкѣ. Сейчасъ же на нашу сторону переѣхало въ бродъ много французскихъ офицеровъ, (оправдывавшихъ свой поступокъ тѣмъ, что имъ было начальствомъ воспрещено переѣзжать мостъ на р. Черной а переходить ее въ бродъ никто не запрещалъ), даже генералъ Еспинасъ, адъютантъ императора Наполеона, переѣхалъ къ намъ и именемъ Пелисье приглашалъ нашихъ отправиться на тотъ берегъ Черной смотрѣть скачку; но наши отказывались, ссылаясь на запрещеніе своего начальства. Еспинасъ говорилъ, что Пелисье нарочно такъ устроилъ, что съ началомъ скачки замедлили, въ убѣжденіи, что мы пріѣдемъ смотрѣть ее. Въ этотъ моментъ совершенный фуроръ произвелъ у союзниковъ, покрывавшихъ лѣвый берегъ Черной, пріѣздъ подполковника Салова [2]), въ тележкѣ, на тройкѣ лихихъ коней, съ иноходцемъ вкорню, съ пристяжными—головы кольцемъ, съ блестящей наборной, ямской сбруѣ, съ бубенцами и колокольчикомъ подъ росписной дугой, съ кучеромъ, заломившимъ на бекрень шапочку, съ павлиными перьями...... Со-

[1]) Замѣчательно, что изъ французскихъ дамъ только двѣ присутствовали на этой скачкѣ, составляя отдѣльную кавалькаду; изъ этихъ дамъ одна была жена столь печальную себѣ составившаго впослѣдствіи славу—генерала Базена.

[2]) Владиміръ Николаевичъ, нынѣ генералъ лейтенантъ и начальникъ дивизіи. П. А.

юзники, особенно французы, толпами бѣжали по тому берегу Черной въ ту сторону, въ которую направлялся Саловъ на своей тройкѣ и на время какъ бы забыли о скачкѣ, готовой начаться. Въ тотъ же вечеръ, встрѣтясь съ Саловымъ, я пророчилъ ему, что онъ на своей чубарой тройкѣ вкатилъ прямехонько въ парижскую иллюстрацію! Не знаю—сбылось ли это пророчество мое относительно иллюстраціи, но за афиши Саловъ попалъ дѣйствительно. У меня доселѣ хранится такая литографированная афиша театра, устроеннаго французскими солдатами въ Камышѣ, на которой, изящной виньеткой, изображены случаи скачки, и Саловъ на своей тройкѣ. Когда началась скачка, многіе изъ нашихъ офицеровъ уступили настойчивымъ просьбамъ французовъ и перебрались на тотъ берегъ Черной къ самой аренѣ, превосходно устроенной со всевозможными препятствіями для скакавшихъ и, какъ мы сказали выше, разукрашенной. Тамъ наши были встрѣчены самымъ любезнымъ образомъ и осушили не одинъ стаканъ съ недавними врагами.

Тутъ-то, при этомъ свиданіи и генералы, и офицеры французскіе разсыпались передъ нашими въ изъявленіяхъ самой живой благодарности за вниманіе, оказанное ихъ націи нашею вчерашнею иллюминацію. Они говорили, что эта любезность наша отзовется въ сердцахъ всего французскаго народа!...... Таковое заявленіе французовъ, разумѣется, поспѣшили передать генералу Веселитскому, что привело его въ такой восторгъ, что онъ поспѣшилъ свѣдѣніе объ этомъ включить въ записку, которую онъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно (по собственной инціативѣ) посылать главнокомандующему, съ подробными свѣдѣніями о всѣхъ случаяхъ дня.

Признаться, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ Черняевъ, не раздѣляли этого восторга нашего генерала и думали, что Веселитскому не пройдетъ даромъ его выходка, но нѣкоторое время случай этотъ остался какъ бы незамѣченнымъ нашимъ высшимъ начальствомъ, до слѣдующаго новаго обстоятельства.

О любезности нашей, выразившейся иллюминаціею мекензіевскихъ высотъ [1]), французскій главнокомандующій поспѣшилъ извѣстить свое правительство, по телеграфу. Вслѣдствіе этого нашему чрезвычайному послу князю Орлову, императоръ Наполеонъ лично на-

[1]) Но отнюдь не иллюминаціею всѣхъ нашихъ линій, какъ потомъ печатно увѣряли французы, начиная отъ Телеграфной горы до форта Константиновскаго, самаго форта этого и всей Байдарской долины, такъ какъ подобной иллюминаціи вовсе не было. П. А.

говорилъ множество любезностей и выразилъ самую живую благодарность. Князь Орловъ, удивленный этимъ случаемъ, разумѣется, сообщилъ о немъ кому слѣдовало, въ Петербургъ, прося разъясненія. Конечно изъ Петербурга тотчасъ таковаго же объясненія потребовали отъ генерала Лидерса, который хотя и могъ имѣть въ виду ежедневное донесеніе Веселитскаго, въ которомъ, какъ выше сказано, онъ хвастался своимъ подвигомъ и его результатами, но генералъ Лидерсъ предпочелъ потребовать отъ генерала Веселитскаго категорическаго объясненія: дѣйствительно ли нашими войсками передоваго отряда, въ день полученія извѣстія о рожденіи императорскаго принца, была произведена иллюминація занимаемыхъ ими высотъ и съ чьего разрѣшенія?

Запросъ этотъ генералъ Веселитскій въ дивизіонное дежурство не передалъ, а собственноручно отвѣтилъ на него генералу Лидерсу, что никакой иллюминаціи нашимъ отрядомъ производимо не было, а за иллюминацію, вѣроятно, приняты были французами костры, разложенные войсками передоваго отряда, по случаю холодной и сырой погоды въ ночь на 12 марта.

Интересно, какъ бы генералъ Веселитскій объяснилъ главнокомандующему пусканіе сигнальныхъ ракетъ, по всей линіи нашихъ передовыхъ батарей, если бы онъ, благодаря убѣжденіямъ Черняева, не отмѣнилъ своего приказанія по этому предмету!

На вышеизложенномъ дѣло и остановилось;—не знаемъ что́ и какъ донесъ генералъ Лидерсъ въ Петербургъ, но знаемъ, что послѣ, еще неоднократно, генералъ Веселитскій повторялъ, что его распоряженіе объ иллюминаціи нашихъ позицій на Мекензіевыхъ высотахъ, при извѣстіи о рожденіи императорскаго принца, способствовало ускоренію Парижскаго мира, такъ какъ съ момента этой дружественной съ нашей стороны манифестаціи, сердце императора Наполеона заговорило въ нашу пользу!!!...

1 августа 1882 г.
Г. Самара.

П. В. Алабинъ.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

1795—1799.

I.

Существующую по сей день въ Гатчинѣ Военную Коммисію уничтожая симъ, препоручаю всѣ оной дѣла, въ силу учрежденія, статскому совѣтнику барону Борку; а начальникамъ частей по дѣламъ до оныхъ касающимся вступать и относиться къ нему, въ силу устава, кому какъ слѣдуетъ; внѣшную же переписку производить кому слѣдуетъ. А гг. подполковникамъ Баратынскому и Пузыревскому исполнять что симъ приказывается или предоставляется избирать что имъ угодно. Санктпетербургъ генваря 18, 1795 года.

Павелъ.

(Собственноручно): «а всего больше рекомендуется исполнѣніе должности и удаленіе отъ сплѣтенъ».

II.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Обольяниновъ. Гатчинскаго уѣзда деревни Парицы крестьянина Карла Юрданова съ женою его, тремя сыновьями и дочерью повелѣваемъ изъ оклада подушнаго исключить, отъ платежа податей уволить, а когда похочетъ самъ особой родъ жизни избрать, то предоставить сіе въ его волю, пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

(Собственноручно): «а участокъ его отдается ему въ собственность. П.».

Гатчина, октября 10 дня 1799 года.

(Гатч. арх. дворцов. правленія, кн. I, л. 93).

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

Записки его объ управлении Северо-западнымъ краемъ и объ усмирении въ немъ мятежа,

1863—1866 гг.

Графъ М. Н. Муравьевъ—довольно часто является на страницахъ «Русской Старины». Въ течении тринадцати лѣтъ нашего издания мы встрѣчали его то въ Запискахъ декабристовъ, упоминавшихъ о немъ, какъ объ участникѣ и если не прямомъ заговорщикѣ, то весьма близкомъ къ заговору, по сочувствию къ дѣятельности членовъ тайныхъ обществъ,—то видѣли его какъ министра государственныхъ имуществъ и упорнаго борца противъ освобожденія крестьянъ съ землею, пылкаго и энергическаго противника великой реформы Александра II Освободителя, то, наконецъ, типическій образъ Михаила Николаевича Муравьева-Виленскаго обрисовывался войска донскаго генер.-лейтенантомъ Яковомъ Петровымъ Баклановымъ, профессоромъ Николаевской Военной Академіи П. С. Лебедевымъ, писателемъ и профессоромъ Варшав. Университета Н. В. Бергомъ и другими лицами, помѣстившими на страницахъ «Русской Старины» очерки и воспоминанія о послѣдней Польской смутѣ [1]).

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. т. IV, 154—161; изд. 1872 г. т. V, 454; 781; изд. 1873 г. т. VII, 18;—т. VIII, 114—118;—изд. 1874 г. т. XI, 99, 123, 124, 468, 539;—изд. 1875 г. т. XII, 606; т. XIII, 176;—изд. 1876 г. т. XVI, 301, 302;—изд. 1877 г. т. XX, 143;—изд. 1878 г. т. XXI, 535—537; изд. 1879 г. т. XXV, 517—520; 555; 562; 564; 714, 715, 723; томъ XXVI, 260, 267, 282, 283, 740;—изд. 1880 г. томъ XXVII, 323—334; 372, 374, 379, 433, изд. 1881 г. томъ XXX, 73, 74, 226—245; 729—738; 841; т. XXXI, 10, 539; т. XXXII, 118—134 840—847;—изд. 1882 г. т. XXXIII, 227—258; 537, 549, 562—568; 572—576; томъ XXXIV, 106—120, 130, 146, 392—411 и проч.

Но этотъ крупный дѣятель минувшаго царствованія былъ бы все-таки не ярко и не полно освѣщенъ, еслибы мы не сообщили нашимъ читателямъ собственныя Записки гр. М. Н. Муравьева, изъ которыхъ только не большія выдержки приведены въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г.

Записки эти продиктованы графомъ Михаиломъ Николаевичемъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, именно съ 3-го января по 4-ое апрѣля 1866 г., одному изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ А. М—ву, и нѣсколько лѣтъ спустя разошлись по рукамъ, въ С.-Петербургѣ, въ нѣсколькихъ спискахъ. Нашъ списокъ полученъ изъ первыхъ рукъ, и 7-го декабря 1881 г. мы получили отъ старшаго достопочтеннаго внука покойнаго графа весьма любезно выраженное согласіе на то, чтобы подѣлиться съ читателями «Русской Старины» этимъ историко-біографическимъ памятникомъ.

Приведенное нами, вполнѣ точно, указаніе на время, когда гр. Михаилъ Николаевичъ продиктовалъ свои Записки «Объ управленіи Сѣверо-западнымъ краемъ и объ усмиреніи въ немъ мятежа», весьма важно въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, оно свидѣтельствуетъ, что все, что разсказываетъ Муравьевъ, было въ высшей степени свѣжо въ его памяти, да и не могло быть иначе, такъ какъ разсказывалось почти тотчасъ послѣ оставленія имъ поста генералъ-губернатора Сѣверо-западнаго края; во вторыхъ, это-же обстоятельство выясняетъ ту рѣзкость и желчность въ отзывахъ разсказщика о нѣкоторыхъ современныхъ ему министрахъ, которые по своимъ убѣжденіямъ не считали возможнымъ вполнѣ соглашаться съ Муравьевымъ относительно принятой имъ системы умиротворенія взволнованнаго края. Понятно, что почти на другой день по своемъ удаленіи изъ Вильны, Муравьевъ былъ еще подъ живымъ впечатлѣніемъ борьбы съ своими противниками на поприщѣ государственной дѣятельности, и этотъ пылъ борьбы, пылъ раздраженія и, прямо сказать, злобы внесъ въ отзывы о тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелахъ, ему современныхъ, и иногда являвшихся его политическими противниками.

Необходимо, впрочемъ, и то сказать, что безпристрастіе въ оцѣнкѣ людей, ихъ нравственныхъ качествъ и значенія ихъ общественной дѣятельности, никогда не было достояніемъ ума гр. М. Н. Муравьева.

Печатая его Записки, едва ли нужно напоминать, что «Русская Старина» и въ этомъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, даетъ лишь матеріалъ, а отнюдь не историческую монографію писателя, спокойно, безстрастно, критически изучившаго источники, рисующіе тотъ или другой историческій образъ, ту или другую эпоху. Будущій историкъ послѣдней польской смуты взвѣситъ, въ ряду прочихъ источниковъ, и свидѣтельство гр. М. Н. Муравьева, критически разсмотритъ его и воздастъ каждому по дѣламъ его, а если приговоръ его будетъ справедливъ, то и войдетъ въ сознаніе потомства и пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Многіе изъ лицъ, упоминаемыхъ гр. Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, вслѣдъ за нимъ самимъ, сошли въ могилу. Прошло почти четверть вѣка со времени последней Польской смуты. Но вѣковой вопросъ борьбы и усобицы двухъ соплеменныхъ народовъ все еще живъ; эта рана все еще отзывается болью, и не отвертываться отъ нея, а внимательно изучать, продолжать изслѣдованіе ея—вотъ задача, которая еще надолго будетъ вызывать труды многихъ публицистовъ, историковъ и государственныхъ людей нашего Отечества.

Наше скромное изданіе вноситъ, по мѣрѣ силъ и возможности, матеріалъ для таковаго изученія и, въ данномъ случаѣ, помѣщая на своихъ страницахъ «Записки гр. М. Н. Муравьева», съ величайшею готовностью, какъ и всегда, открываетъ свои страницы всѣмъ на нихъ возраженіямъ, поясненіямъ и опроверженіямъ.

Да будетъ на скрижаляхъ исторіи только правда, одна правда......

Ред.

I.

. . . . . Я оставилъ въ исходѣ 1861 г. министерство (государственныхъ имуществъ) и въ мартѣ 1862 г. отправился за границу для леченія.

Возвратившись изъ-за границы осенью 1862 г. и находя необходимымъ въ слѣдующемъ году вновь ѣхать за границу для леченія, я испросилъ себѣ увольненіе отъ управленія департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, сохранивши званіе члена государственнаго совѣта и присутствующаго въ комитетѣ финансовъ.

Въ 1863 г., начавшіяся еще съ 1861 г., волненія въ Западномъ краѣ приняли характеръ вооруженнаго возстанія. Правительство наше, до того времени послаблявшее всѣмъ польскимъ проискамъ и революціоннымъ манифестаціямъ, коимъ сочувствовала и въ Россіи вся демократическая партія, устрашилось неминуемыхъ бѣдственныхъ для Россіи отъ того послѣдствій.

Маркизъ Веліопольскій, поставленный еще въ іюнѣ 1862 г. во главѣ (гражданскаго) управленія Царства Польскаго, началъ уже терять свое вліяніе во мнѣніи Государя и вообще Петербургскаго общества, устрашеннаго быстрымъ развитіемъ вооруженнаго мятежа какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ въ особенности въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ.

Польская революціонная партія была покровительствуема За-

падными европейскими державами, которыя, видя слабость нашу и значительное сочувствіе высшаго общества и вообще демократической русской партіи польскому дѣлу, признали возможнымъ настойчиво требовать возстановленія Польши.

Правительство наше, устрашенное совершающимися въ Царствѣ и въ Западныхъ губерніяхъ событіями, угрожаемое опасностію отъ европейскихъ державъ, долго еще колебалось предпринимать рѣшительныя мѣры къ укрощенію мятежа. Въ Царствѣ Польскомъ мятежъ возрасталъ ежедневно. Въ Литовскихъ губерніяхъ генер.-губернаторъ Назимовъ, человѣкъ (недалекій) и слабый, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя и личною даже привязанностію его, при всей своей добросовѣстности, не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа. Впрочемъ, надо въ оправданіе его сказать, что направленіе, даваемое изъ Петербурга, преимущественно министромъ внутреннихъ дѣлъ, также шефомъ жандармовъ княземъ Долгоруковымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, не давало ему возможности дѣйствовать твердо и рѣшительно, ибо первые два заботились только о томъ, какъ примириться съ поляками и склонить ихъ къ снисхожденію къ Россіи разными уступками, которыя, какъ извѣстно, еще болѣе возрождали въ нихъ самоувѣренность въ успѣхѣ, а послѣдній, кн. Горчаковъ, раздѣляя систему дѣйствій Валуева, кн. Долгорукова и Веліопольскаго, (который овладѣлъ почти всѣми правительственными умами въ Петербургѣ, въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ), страшился еще угрозъ Западныхъ державъ, которыя настойчиво требовали признанія независимости Польши въ предѣлахъ 1772 г. Государь колебался, хотя и чувствовалъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ. Изъ Варшавы прибыла депутація (?!) Замойскаго, который на аудіенціи у Государя настойчиво требовалъ автономіи Польши и возстановленія ея въ предѣлахъ 1772 года.

Страхъ правительства (!?) нашего былъ такъ великъ, что Замойскаго приняли и выслушали весьма милостиво, хотя не согласились на его предложенія; но и не смѣли (!?) подвергнуть его отвѣтственности и отпустили съ обязательствомъ лишь ѣхать за границу и не возвращаться въ Царство.

Замойскій, по прибытіи въ Парижъ, огласилъ слабость (?) и колеблемость нашего правительства.

Въ Петербургѣ, въ началѣ марта мѣсяца 1863 г., князь Горчаковъ склонилъ Государя къ изданію манифеста объ амнистіи всѣхъ поляковъ, которые положатъ оружіе къ 1-му маю. Мѣра эта послужила къ вящшему поощренію ихъ къ мятежу. Они увидѣли изъ нея страхъ, обуявшій наше правительство, и западныя державы еще болѣе стали настаивать на исполненіи прежнихъ ихъ требованій на счетъ Польши. Дѣла въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ болѣе и болѣе запутывались и усложнялись: насилія, грабежи, неистовства, производимыя мятежными шайками надъ русскими, захваченными вездѣ въ расплохъ, увеличивали обуявшій наши правительственныя лица страхъ.

Они боялись уже не за Литву, а за Петербургъ и за себя, они страшились всеобщаго развитія демократическихъ началъ: въ Петербургѣ во второй половинѣ апрѣля 1863 г. между главными правительственными дѣятелями была общая паника (?!). Событія подъ Динабургомъ, т. е. разграбленіе графомъ Плятеромъ транспорта съ оружіемъ, до того устрашили Петербургъ, что по желѣзной дорогѣ былъ посланъ уланскій полкъ для усмиренія ничтожной этой шайки, съ которой не могли справиться мѣстныя власти, потому что само высшее правительство не принимало на мѣстѣ никакихъ мѣръ; министерство внутреннихъ дѣлъ и жандармская часть вполнѣ бездѣйствовали.

Надо замѣтить, что возстаніе Динабургское было перетолковано поляками, имѣвшими большое вліяніе на Петербургскія власти, совсѣмъ иначе, чѣмъ было. Жандармерія увѣряла, что это есть бунтъ раскольниковъ противъ помѣщиковъ, что это предвѣщаетъ рѣзню, бывшую въ Галиціи въ 1848 г., что Плятеры, Моли и прочіе помѣщики совершенно покойны и нѣтъ никакого заговора противъ правительства. Виленскій окружной жандармскій генералъ Гильдебрандъ, въ душѣ полякъ, и имѣвшій много родныхъ въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ, всѣми средствами старался увѣрить, что въ краѣ нѣтъ мятежа и что надобно смирить старообрядцевъ, которые грабятъ мызы помѣщичьи. Князь Долгоруковъ увѣрилъ въ этомъ Государя и 16-го числа испросилъ высочайшее повелѣніе отправить туда войско и генерала для усмиренія старообрядцевъ, которые управлялись министерствомъ государственныхъ имуществъ, и извѣстилъ о томъ министра Зеленаго.

Ген.-адъют. Зеленый, знавши превратное толкованіе этого дѣла со стороны жандармовъ, ввечеру 16-го апрѣля отправился къ Государю, объяснилъ ему настоящее положеніе дѣла и испросилъ отмѣну посылки особаго генерала отъ шефа жандармовъ и разрѣшеніе о предоставленіи ему, министру государственныхъ имуществъ, прекратить тамошніе безпорядки, безъ вмѣшательства жандармовъ, для чего и посланъ былъ имъ, служившій въ министерствѣ, ген.-лейтен. Длотовскій, съ предоставленіемъ ему правъ военнаго начальника той мѣстности. Генер. Длотовскій, по прибытіи въ Динабургъ, обнаружилъ настоящее положеніе дѣлъ, весь заговоръ тамошнихъ помѣщиковъ и развивавшійся мятежъ во всѣхъ сосѣднихъ уѣздахъ, какъ въ Витебской, такъ и въ Виленской губерніяхъ, при чемъ принялъ мѣры къ охраненію крѣпости Динабурга, въ которой все управленіе было въ рукахъ польскихъ чиновниковъ и почти не было для охраненія оной войскъ, кромѣ одного резервнаго баталіона и прибывающихъ для комплектованія его рекрутовъ. Динабургъ не былъ взятъ мятежниками по собственному ихъ безсмыслію, ибо не дождавшись предназначеннаго ими дня для взятія его (что было сдѣлать весьма легко), гр. Плятеръ, съ своими собщниками, семью днями ранѣе кинулся на транспортъ и тѣмъ обнаружился ихъ замыселъ и вооруженный мятежъ. Старообрядцы, ненавидящіе поляковъ, давно видѣли ихъ приготовленія къ возстанію и при первомъ покушеніи Плятера всѣ вооружились, отбили транспортъ, разсѣяли шайку и взяли самаго Плятера. Не ограничиваясь симъ, старообрядцы отправились по Динабургскому и Рѣжицкому уѣздамъ укрощать мятежъ и тѣмъ самымъ отняли возможность сформироваться собиравшимся мятежнымъ бандамъ. Поляки испугались, въ особенности помѣщики, ибо увидѣли, что всѣ ихъ замыслы уничтожены одними старообрядцами, которые, за неимѣніемъ войскъ, сами усмирили мятежъ въ Динабургскомъ уѣздѣ. Вотъ причина всѣхъ возгласовъ, бывшихъ въ Петербургѣ, противъ старообрядцевъ, которые подверглись бы страшному гоненію отъ нашего правительства за исполненіе ими вѣрноподданнической присяги. Таково было настроеніе Петербургскаго управленія. Генералъ Зеленый первый показалъ необходимость принять рѣшительныя мѣры противъ мятежа и противодѣйствовать петербургскимъ дѣятелямъ.

По причинѣ возгоравшагося мятежа, я не признавалъ возможнымъ оставлять Россію и потому отложилъ предположеніе о поѣздкѣ за границу.

17-го апрѣля 1863 г., въ день рожденія Государя, я былъ на маломъ выходѣ въ церкви; тамъ только и говорили о Динабургскомъ происшествіи. Государь подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— „Слышали-ли вы, что случилось въ Динабургѣ?" Я отвѣчалъ его величеству, что слышалъ и что этого ожидать надо было не только въ Динабургѣ, но и вездѣ въ Западныхъ губерніяхъ, и въ особенности въ Ковенской (надо замѣтить, что до апрѣля мѣсяца Ковенскій губернаторъ и Виленскій генералъ-губернаторъ увѣряли, что въ Самогитіи все спокойно и никакихъ нѣтъ приготовленій къ мятежу, тогда какъ тамъ было все его основаніе). Государь отвѣчалъ мнѣ, что „послалъ туда полкъ и надѣется, что все это будетъ прекращено". Я же старался его увѣрить въ противномъ, прибавивъ, что уже болѣе 30-ти лѣтъ знаю тотъ край и что тѣ фамиліи, которыя замѣшаны въ Динабургскомъ дѣлѣ, участвовали и въ мятежѣ 1831 года. Тѣмъ и превратился разговоръ мой съ Государемъ.

Между тѣмъ возстаніе европейскихъ державъ противъ насъ увеличилось; повидимому готовились грозныя силы и въ особенности во Франціи, гдѣ польскіе революціонеры съ необыкновеннымъ успѣхомъ вооружали общее мнѣніе противъ насъ. Правительство наше готовилось къ отпору.

Войска наши были въ самомъ неустроенномъ положеніи и только что формировались изъ кадровъ. Баталіоны, квартировавшіе въ Западномъ краѣ, наполнялись рекрутами, которые въ апрѣлѣ мѣсяцѣ едва прибывали въ оные и не были ни вооружены, ни одѣты. Въ Литвѣ стояли одни только: 1-я пѣхотная и 1-я кавалерійская дивизіи, съ которыми можно было предпринять войну; остальныя же [1]) едва только могли бороться съ мятежными бандами. Правительство вынуждено было отправить въ Литву 2-ю

[1]) Въ Гродненской губерніи—2-я пѣхотн. дивизія, въ Минской губерніи 3-я пѣхотн. дивизія; впрочемъ 2-я дивизія скоро была отправлена въ Царство Польское, по настоятельнымъ требованіямъ тамошней власти. Гр. М. М.

гвардейскую пѣхотную дивизію, потому что тамъ не было войскъ, и на случай войны съ Европой нельзя было дать отпора [1])

Въ виду европейскаго напора и могущихъ быть военныхъ дѣйствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г., вызванъ былъ сюда (въ Петербургъ) братъ мой ген.-адъют. Николай Николаевичъ для совѣщанія о защитѣ всего прибрежья отъ Свеаборга, въ Финляндіи, до границъ Пруссіи.

II.

25-го апрѣля 1863 г. братъ мой былъ у Государя, и, какъ я послѣ узналъ, Государь былъ очень разстроенъ полученными изъ Литвы свѣдѣніями. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія брата отъ государя, чтобъ узнать о ходѣ дѣлъ на Западѣ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ отъ Государя фельдъегерь съ приглашеніемъ меня къ нему. Я немедленно отправился во дворецъ и нашелъ въ аванзалѣ Государя одного министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчакова, очень смущеннаго. Я у него спросилъ, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ Государь меня потребовалъ и кто теперь у государя? Онъ отвѣчалъ, что у его величества еще мой братъ и что государю угодно со мной поговорить о дѣлахъ Западныхъ губерній. Не прошло пяти минутъ, братъ вышелъ отъ государя и сказалъ, что Государь меня требуетъ (ему Государь объявилъ о своемъ намѣреніи на счетъ меня).

Взойдя къ Государю, я его нашелъ весьма смущеннымъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о положеніи Литвы и Царства Польскаго, обо всѣхъ своихъ опасеніяхъ относительно возможности удержать за нами Литву, въ особенности при европейской войнѣ, которую должно ожидать послѣ сдѣланныхъ намъ угрозъ Франціею и Англіею. При этомъ его величество сказалъ, что имѣетъ до меня просьбу, чтобы я принялъ на себя управленіе Сѣверозападнымъ краемъ, съ командованіемъ всѣми войсками, въ немъ расположен-

---

[1]) Чтобъ судить до какой степени правительство наше было непредусмотрительно и не подозрѣвало даже мятежа въ Царствѣ Польскомъ и Западныхъ губерніяхъ, тогда какъ явные признаки онаго были видны въ 1860 и 1861 гг., можно замѣтить то, что оно съ 1862 г. распустило бо̀льшую часть войскъ, такъ что мятежъ засталъ армію въ кадровомъ составѣ и не вооруженную, кромѣ нѣкоторыхъ дивизій. Графъ М. М.

ными, и съ присоединеніемъ къ четыремъ губерніямъ Виленскаго генералъ-губернаторства, двухъ Бѣлорусскихъ; онъ надѣется, что я прекращу мятежъ и приведу тамъ все въ надлежащій порядокъ; что онъ даетъ мнѣ всѣ полныя права дѣйствовать по усмотрѣнію надобности и что отъ меня будетъ зависѣть, по укрощеніи мятежа, ежели пожелаю, или оставаться тамъ генералъ-губернаторомъ, или возвратиться.

Предложеніе Государя было для меня совершенно неожиданно. Мнѣ и въ мысль не приходило, что я буду посланъ въ Литву, а въ особенности когда, оставляя министерство, я видѣлъ нерасположеніе Государя . . . . На предложеніе Государя я отвѣчалъ, что, какъ русскому, было бы безчестно мнѣ отказываться отъ исполненія возлагаемой нынѣ на меня его величествомъ обязанности: всякій русскій долженъ жертвовать собою для пользы отечества, и потому я безпрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генералъ-губернатора въ томъ краю; что отъ его величества будетъ зависѣть приказать мнѣ оставаться тамъ столько времени, сколько онъ найдетъ это нужнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ прошу полнаго со стороны его величества довѣрія, ибо въ противномъ случаѣ не можетъ быть никакого успѣха. Я съ удовольствіемъ готовъ собою жертвовать для пользы и блага Россіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ желаю, чтобы мнѣ были даны и всѣ средства къ выполненію возлагаемой на меня обязанности, и, главнѣе всего, условиться предварительно въ системѣ дѣйствій; при чемъ я сказалъ его величеству, что нахожу дѣйствія по управленію Царствомъ Польскимъ вовсе несоотвѣтственными настоящимъ обстоятельствамъ; необходимо, чтобы какъ въ Западныхъ губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ, была одна система, т. е. строгое преслѣдованіе крамолы и мятежа, возвышеніе достоинства русской національности и самаго духа въ войскѣ, которое теперь негодуетъ отъ того, что оно, будучи постоянно оскорбляемо поляками, не имѣло даже права противодѣйствовать ихъ буйству; что необходимо дать рѣшительный отпоръ иностраннымъ державамъ, которыя будутъ всѣми средствами опорочивать предлагаемую мною систему строгаго преслѣдованія мятежа и польскаго революціоннаго духа; что необходимо, дабы и министры его величества были проникнуты тою же системою и тѣми же мыслями, ибо, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть успѣха въ дѣйствіяхъ на мѣ-

стахъ. Все это, совокупно взятое, заставляетъ меня просить его величество еще разъ обсудить, не найдетъ ли онъ другое лицо для выполненія возлагаемаго теперь на меня порученія, система дѣйствій котораго привлекала бы къ себѣ болѣе расположенія Европы и петербургскихъ правительственныхъ лицъ. Я впередъ знаю, что система моихъ дѣйствій не будетъ нравиться; но я отъ нея отступить не могу и заявляю впередъ, ибо знаю довольно народъ польскій и увѣренъ, что уступчивостію и послабленіями мы только ухудшимъ дѣло, а единственно мѣрами строгой справедливости и преслѣдованія крамолы мы можемъ возстановить спокойствіе въ краѣ. При этомъ я выразилъ его величеству мое убѣжденіе, что край тотъ искони русскій, что мы сами его ополячили, и что опытъ 1831 г. намъ не послужилъ въ пользу и что теперь надо рѣшительно подавить мятежъ и уничтожить крамолу и возстановить русскую народность и православіе въ краѣ. Говоря о политическомъ и нравственномъ положеніи края, я ссылался его величеству на пріобрѣтенный мною опытъ въ распознаніи польскаго характера и враждебныхъ его противъ Россіи направленій; что въ бытность мою въ томъ краѣ, т. е. въ Витебскѣ—вице-губернаторомъ, въ Могилевѣ и въ Гроднѣ—губернаторомъ, и находившись во время всего похода 1831 года въ Литвѣ при главнокомандующемъ, графѣ Толстомъ, который ввѣрилъ мнѣ всѣ распоряженія по гражданской части во время мятежа, я могъ узнать, какъ тотъ край, такъ и революціонные замыслы и польскія крамолы.

На все это Государь мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня благодаритъ за самоотверженіе и готовность принять эту трудную обузу, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мой образъ мыслей, предлагаемую систему и отъ оной не отступитъ.

Весь этотъ разговоръ съ Государемъ былъ такъ неожиданъ, что когда мнѣ Государь сказалъ, что поэтому можно отдать въ приказахъ о назначеніи меня генералъ-губернаторомъ, я просилъ его еще повременить и приказать своимъ министрамъ со мною объясниться по дѣламъ Западныхъ губерній, дабы я могъ разъяснить имъ мой взглядъ на управленіе тамошнимъ краемъ, ибо я долженъ быть увѣренъ, что и министры будутъ мнѣ во всемъ содѣйствовать. Государь на это согласился и сказалъ:

— „Я поручаю вамъ объясниться по этому дѣлу, въ видѣ

комитета, съ кн. Долгоруковымъ, военнымъ министромъ Милютинымъ, министромъ государственныхъ имуществъ Зеленымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ; но прошу васъ только ускорить этимъ, ибо время не терпитъ; по окончаніи съ ними соглашенія, вы мнѣ напишите, и я васъ тотчасъ призову для окончательныхъ мѣроположеній".

Во исполненіе высочайшей воли, 27-го числа апрѣля 1863 г. мы окончили совѣщаніе. Министры всѣ были со мною согласны на словахъ, хотя видимо было, что кн. Долгоруковъ и Валуевъ колебались; но видя трудность положенія дѣлъ, вынуждены были согласиться, ибо, какъ я выше сказалъ, страхъ (?) обуялъ ихъ всѣхъ.

28-го числа апрѣля я былъ уже у Государя, объявилъ ему соглашеніе съ министрами и представилъ его величеству нѣкоторые вопросы по управленію съ расширеніемъ правъ дѣйствія; на всѣ мои предположенія Государь изволилъ согласиться. Но вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ уже возраждавшееся противодѣйствіе со стороны Валуева и Долгорукова. Имъ не нравились испрошенныя мною права по управленію.

30-го апрѣля я опять былъ у Государя и замѣтилъ уже въ немъ нѣкоторую холодность, такъ что я вынужденъ былъ повторить ему, что не лучше ли послать другаго въ Западныя губерніи.

Государь прогнѣвался и сказалъ:

— „Я однажды высказалъ свои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять".

А когда я ему сказалъ, что его министры не совсѣмъ раздѣляютъ его убѣжденія, то онъ мнѣ съ нѣкоторою грубостью отвѣчалъ: „это неправда".—Тогда я всталъ и сказалъ его величеству: „найдите другаго вмѣсто меня".

Государь взялъ меня тогда за руку и просилъ извиненія въ неправильномъ выраженіи, которое вырвалось, какъ онъ говорилъ, невольнымъ образомъ. Я сказалъ Государю, что „неправды не говорю и еще разъ повторилъ: найдите другаго, который вашему величеству будетъ говорить правду".

Тогда Государь меня обнялъ, просилъ еще разъ извиненія и чтобы я навсегда это забылъ, что такой у него „дурной характеръ, иногда высказываетъ противъ его желанія не должное слово". Мы примирились и Государь спросилъ только: „и такъ я могу отдать въ приказахъ о вашемъ назначеніи?"

Я отвѣчалъ, что „когда и какъ будетъ угодно вашему величеству. Я согласенъ и сдѣлаю все, что могу для исполненія этого важнаго возлагаемаго на меня порученія. Я служу Россіи и готовъ жертвовать собою для нея и для вашего величества. Прошу только не оставлять жены и дочери“.

Мы обнялись съ Государемъ и разстались очень дружелюбно; но можетъ быть на сердцѣ у него что и осталось. При семъ Государь мнѣ повторилъ, что онъ желалъ бы, чтобы я скоро ѣхалъ, что дѣла въ Литвѣ очень плохи, что Назимовъ проситъ поскорѣе его смѣнить. Я просилъ у Государя, по крайней мѣрѣ, недѣлю времени, чтобы приготовиться, собрать людей и вообще русскихъ дѣятелей, ибо мнѣ одному дѣлать тамъ нечего, а въ особенности желалъ я устроить лучшее управленіе въ Бѣлоруссіи прежде, чѣмъ прибуду въ Вильну, откуда было бы уже трудно распоряжаться, по случаю прекращенія всѣхъ внутреннихъ сообщеній мятежными шайками.

1-го мая 1863 г. отдано было въ приказѣ о назначеніи меня генералъ-губернаторомъ шести сѣверозападныхъ губерній. До 12-го мая я оставался въ Петербургѣ, пріискивая людей на службу, входилъ въ сношенія съ министрами на счетъ различныхъ мѣроположеній, кои я признавалъ необходимыми, какъ въ отношеніи гражданскаго, такъ и военнаго устройства; былъ нѣсколько разъ у Государя въ Царскомъ Селѣ съ докладами.

Передъ отъѣздомъ представился и императрицѣ, которая была въ большомъ смущеніи о положеніи дѣлъ въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ. Она благодарила меня за рѣшимость и самоотверженіе и, между прочимъ, объясняя трудность положенія дѣлъ и о напорѣ противу насъ западныхъ державъ, сказала: „если бы мы могли удержать за собою хотя Литву“, а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи,—вотъ въ какомъ расположеніи были тогда сами царственныя лица.

12-го мая, помолившись въ Казанскомъ Соборѣ, въ 10 часовъ вечера, я отправился по желѣзной дорогѣ въ гор. Вильну. Грустна была разлука съ женою и съ дѣтьми. Меня провожали братъ Николай Николаевичъ (Муравьевъ-Карскій), Зеленой и многіе другіе.

III.

Я, скрѣпя сердце, разстался со всѣми, полагая одну надежду на помощь Божію, ибо я видѣлъ, что въ Петербургѣ не будетъ мнѣ никакой (?) опоры; въ краѣ я также не могъ ожидать ничего благопріятнаго, ибо всѣ шесть губерній были охвачены пламенемъ мятежа; правительственной власти нигдѣ уже не существовало; войска наши сосредоточивались только въ городахъ, откуда дѣлались экспедиціи, какъ на Кавказѣ въ горы; всѣ же деревни, села и лѣса были въ рукахъ мятежниковъ. Русскихъ людей почти нигдѣ не было, ибо всѣ гражданскія должности были заняты поляками. Вездѣ кипѣлъ мятежъ и ненависть и презрѣніе къ намъ, къ русской власти и правительству; надъ распоряженіями генералъ-губернатора смѣялись и никто ихъ не исполнялъ. У мятежниковъ были вездѣ, и даже въ самой Вильнѣ, революціонные начальники; въ уѣздныхъ городахъ окружные и парафіальные; въ губернскихъ городахъ цѣлыя полныя гражданскія управленія, министры, военные революціонные трибуналы, полиція и жандармы, словомъ цѣлая организація, которая безпрепятственно, но вездѣ дѣйствовала, собирала шайки, образовывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятежъ, и все это дѣлалось гласно для всего польскаго населенія и оставалось тайною только для одного нашего правительства. Надо было со всѣмъ этимъ бороться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уничтожать вооруженный мятежъ, который болѣе всего занималъ правительство. Генералъ-губернаторъ ничего этого не видалъ; русскія власти чувствовали только свое безсиліе и вообще презрѣніе къ нимъ поляковъ, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и неуваженіемъ даже къ самому войску, которому приказано было все терпѣть и переносить съ самоотверженіемъ; такъ все это переносили русскіе и даже само семейство генералъ-губернатора было почти оплевано поляками.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи находился край, когда я прибылъ въ Вильну 14-го мая 1863 г., къ 3 часамъ пополудни.

Дорогою я остановился ночевать въ Динабургѣ съ 13-го на 14-е число мая. Я былъ боленъ и притомъ крѣпко усталъ. Мнѣ необходимо было видѣть также власти динабургскія, чтобъ узнать о поло-

женія края, ибо въ Петербургѣ ничего не знали. Генералъ Длотовскій мнѣ подробно изложилъ все бѣдственное положеніе гражданскаго и военнаго управленія. Я здѣсь еще болѣе удостовѣрился въ необходимости принять строгія и рѣшительныя мѣры, ибо мятежъ разгорался, поляки были увѣрены въ успѣхѣ, и увѣрили въ томъ все населеніе, такъ что даже русскіе старожилы въ томъ краѣ считали дѣло потеряннымъ и убѣждены были, что мы будемъ вынуждены уступить требованіямъ поляковъ, желавшихъ присоединенія къ независимой Польшѣ нашихъ западныхъ губерній. Никто не вѣрилъ, что правительство рѣшится на какія либо мѣры, не согласныя съ намѣреніями западныхъ державъ, и что оно уступитъ необходимости, т. е., что оно признаетъ законность польскихъ притязаній о возстановленіи Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Мнѣ было надо на первыхъ порахъ разсѣять польскую дурь и возродить въ русскихъ и въ войскѣ увѣренность въ непоколебимости предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ. Словомъ, надобно было возстановить правительственную власть и довѣріе къ оной — безъ этого ничего нельзя было дѣлать. Задача трудная, но я, рѣшившись на всѣ самопожертвованія, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, съ полнымъ упованіемъ на Бога, взялся за дѣло.

Въ Динабургѣ я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для охраненія его отъ мятежныхъ покушеній и призвавъ предводителя дворянства и бывшихъ въ городѣ дворянъ, громогласно, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высказалъ имъ свой взглядъ на дѣло и ту систему, которой буду руководиться въ моихъ дѣйствіяхъ. Чтобы выказать свою рѣшимость дѣйствовать не на словахъ, а на дѣлѣ, я тутъ же приказалъ отдать подъ строгій надзоръ полиціи предводителя дворянства, который явнымъ образомъ показывалъ увѣренность, что польское дѣло останется торжествующимъ. Это былъ двоюродный братъ того Плятера, который напалъ на транспортъ съ оружіемъ и впослѣдствіи былъ разстрѣлянъ. Но моимъ словамъ еще мало вѣрили, ибо въ продолженіе почти десяти лѣтъ не было никакого управленія и власти въ краѣ, и поляки вездѣ господствовали, такъ что даже войска были наполнены офицерами польскаго происхожденія, бывшими по большей части въ заговорѣ и многіе изъ нихъ ушли въ лѣсъ для формированія шаекъ. Римско-като-

лическое духовенство было вездѣ во главѣ польской пропаганды, раздувало мятежъ и внушало это всѣмъ отъ мала до велика, даже и на исповѣди. Усмотрѣвъ въ Динабургѣ, что главнѣйшія силы мятежниковъ совокупляются въ лѣсахъ за Двиною, въ Новоалександровскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, я присоединилъ эти два уѣзда къ раіону дѣйствій генерала Длотовскаго.

Въ Вильнѣ я былъ принятъ генералъ-губернаторомъ очень радушно, онъ угостилъ обѣдомъ меня со всѣмъ штабомъ (прибывшими изъ Петербурга военными и гражданскими чиновниками). Назимовъ, повидимому, былъ доволенъ моимъ пріѣздомъ, ибо дѣйствительно находился въ безвыходномъ положеніи; онъ не зналъ и не понималъ ни края, ни обстоятельствъ, среди которыхъ находился, и видѣлъ только, что все идетъ очень дурно; былъ крайне недоволенъ петербургскими властями и въ особенности министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому онъ неоднократно писалъ о необходимости измѣнить систему уступчивости и, такъ называемой, легальности, которыми . . . . хотѣла побороть мятежъ. Назимовъ не могъ мнѣ ничего разсказать о положеніи края и, послѣ обѣда, провожая меня на верхъ въ мой кабинетъ, пригласилъ только зайти въ церковь посмотрѣть изготовленныя имъ ризницы, разложенныя нарочно для показа на столахъ и потомъ объяснилъ только, что около дома всѣ посадки кустарниковъ сдѣланы его женою. Въ отношеніи края онъ ничего не могъ указать, кромѣ реляцій, получаемыхъ ежедневно отъ военныхъ начальниковъ о встрѣчѣ съ мятежниками, въ которыхъ они выставляли блистательныя побѣды надъ огромными будто бы бандами мятежниковъ, тогда какъ бо̀льшею частію шайки эти были самыя ничтожныя и рѣдко превосходили 300—500 человѣкъ. Объ секретной же организаціи мятежа, Назимовъ и понятія не имѣлъ; когда же я у него спросилъ какія онъ имѣетъ средства для секретныхъ дознаній о мятежѣ, то онъ объяснилъ мнѣ, что поручаетъ ихъ своему племяннику Мясоѣдову, котораго и рекомендовалъ для этого и еще одного извѣстнаго......... еврея, подрядчика Алпатова.

Я былъ весьма затрудненъ пребываніемъ Назимова въ Вильнѣ, тѣмъ болѣе, что отъ него узнать ничего не могъ и былъ очень доволенъ, узнавъ, что онъ чрезъ два дня уѣдетъ, ибо онъ только мнѣ мѣшалъ пустыми разсказами и просьбами протекцій разнымъ чиновникамъ.

[illegible] рю о томъ, что всту- [illegible] щій пріемъ чиновниковъ, [illegible] въ Вильнѣ; но передъ этимъ [illegible]), вмѣстѣ съ Назимовымъ, [illegible] Николаевскій соборъ, гдѣ нашелъ убитаго [illegible] товарищами своими, ожидав- [illegible] для панихиды; — это первое явленіе [illegible] грустное впечатлѣніе. Возвратившись [illegible] залы дворца наполненными. [illegible] встрѣтили меня съ большимъ радушіемъ и радостію, [illegible] генералы 2-й пѣхотной дивизіи, ибо они увѣрены бы- [illegible] что съ моимъ прибытіемъ измѣнится система управленія [illegible] и поляки, которые горделивые и дозволявшіе себѣ всевозмож- [illegible] грубости и невѣжливости при встрѣчѣ съ русскими, скоро смирятся.

Гражданскіе чины, кромѣ русскихъ, бывшихъ въ небольшомъ числѣ, встрѣтили меня съ видимымъ неудовольствіемъ, а въ особенности предводители дворянства и городское общество, преимущественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль и высказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они вездѣ тайно содѣйствовали мятежу и даже помогали оному деньгами. Римско-католическое духовенство было принято мною въ особой залѣ, и на лицахъ, и изъ разговоровъ ихъ, въ особенности же епископа Красинскаго, замѣтна была полная увѣренность, что я не успѣю подавить мятежъ. Я всѣмъ представлявшимся высказалъ предназначенную себѣ систему дѣйствій, т. е. строгое и справедливое преслѣдованіе мятежа и крамолы, не взирая ни на какія лица, и потому выражалъ надежду найти въ нихъ самыхъ усердныхъ помощниковъ, причемъ совѣтовалъ тѣмъ, которые не раздѣляютъ этихъ убѣжденій, оставить службу: ибо въ противномъ случаѣ я самъ немедленно ихъ отъ оной уволю и предамъ законной отвѣтственности. Всѣ они болѣе молчали, вѣроятно желая убѣдиться на опытѣ въ твердости моихъ намѣреній и не буду-ли я вынужденъ уступить и подчиниться (другой) системѣ . . . .

Епископъ Красинскій такъ былъ убѣжденъ въ неисполнимости моихъ предположеній, что онъ мнѣ съ улыбкою отвѣчалъ: —„Какой здѣсь мятежъ? Здѣсь просто погоня за нѣсколькими не-

чи повстанцами; за ними гоняется войско въ лѣсахъ, какъ
·и".

чѣчательнѣй былъ разговоръ жандармскаго окружнаго
ильдебрандта, который во всеуслышаніе обвинялъ
Длотовскаго въ потачкѣ старообрядцевъ, уничтожив-
шайку графа Плятера. Онъ старался доказать въ присут-
ліи поляковъ, всѣхъ чиновниковъ и римско-католическаго духовенства, что тамъ мятежа не было, а что это чистый грабежъ и разбой старообрядцевъ и вообще русскихъ мужиковъ.

Я заставилъ его молчать и когда всѣ уже разошлись, высказалъ генералу Гильдебрандту, что я подобныхъ ему лицъ, во ввѣренномъ мнѣ краѣ, оставлять не могу, что жандармерія должна мнѣ помогать, а не противодѣйствовать и, еще менѣе, ободрять поляковъ и обвинять русскихъ за то, что они исполнили обязанности вѣрноподданыхъ; что засимъ я съ нимъ служить не буду и прошу отправиться въ Петербургъ къ шефу жандармовъ, которому напишу о немъ для доклада Государю, съ просьбою о замѣнѣ его другимъ. Гильдебрандтъ былъ удивленъ моею рѣшимостью, ибо онъ привыкъ по своему произволу распоряжать дѣйствіями главнаго мѣстнаго начальства. Чрезъ недѣлю Гильдебрандта уже не было въ Вильнѣ и Долгоруковъ, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ, вынужденъ былъ его уволить отъ занимаемой должности.

16-го мая выбрался изъ Вильны и генералъ-адъютантъ Назимовъ, — я только тогда могъ свободно распоряжаться чиновниками, которые болѣе или менѣе, при малой благонадежности, состояли подъ особымъ покровительствомъ или самаго Назимова, или его семейства.

IV.

Первое время пребыванія моего въ Вильнѣ было крайне затруднительно. Я долженъ былъ потерять по крайней мѣрѣ недѣлю, чтобы ознакомиться какъ съ разными личностями, коимъ поручено было управленіе, такъ и вообще съ ходомъ дѣлъ, т. е. съ политическимъ положеніемъ края. Меня особенно заботило положеніе войскъ и правильное ихъ распредѣленіе на огромномъ

протяженіи ввѣреннаго мнѣ края, для преграды бродившимъ вездѣ шайкамъ.

Всему успѣху дѣла я обязанъ гвардейцамъ. Я въ нихъ нашелъ самыхъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ сотрудниковъ. Они съ радушіемъ принимали всѣ возлагаемыя на нихъ обязанности, какъ военныя такъ и гражданскія, и исполняли ихъ отлично; даже въ солдатахъ было замѣчено особое стремленіе къ подавленію мятежа: они на все шли съ самоотверженіемъ, ихъ много ободрило данное мною приказаніе, чтобы нигдѣ не давали спуска полякамъ, которые бы осмѣлились быть дерзкими въ отношеніи къ нимъ; я приказалъ всѣхъ таковыхъ немедленно брать подъ арестъ и отправлять къ коменданту; эта повидимому маловажная мѣра значительно однако же подѣйствовала на упадокъ духа поляковъ: они увидали, что возстановляется значеніе правительства и должное уваженіе къ русскимъ.

Для обузданія мятежа необходимо было, кромѣ возвышенія духа въ войскѣ и вообще въ русскихъ дѣятеляхъ, преподать правила для управленія на мѣстахъ, т. е. инструкцію съ подробнымъ изложеніемъ обязанностей военныхъ начальниковъ и другихъ лицъ, коимъ ввѣрялись участки. Главное состояло въ раздѣленіи всего края и всѣхъ уѣздовъ на соотвѣтственные, соображаясь съ обстоятельствами и ходомъ мятежа, военные отдѣлы, съ подраздѣленіемъ оныхъ на участки, которые, съ полными правами главнаго распорядителя, ввѣрялись особо назначеннымъ для сего лицамъ, съ полнымъ подчиненіемъ имъ всего населенія въ тѣхъ отдѣлахъ. Написавъ подробную инструкцію военнаго полицейскаго управленія и обозначивъ въ оной ту систему, которой я предположилъ руководствоваться при управленіи краемъ, съ обозначеніемъ обязанностей каждаго военнаго начальника къ прочимъ властямъ и лицамъ, равно съ полною отвѣтственностію тѣхъ и другихъ, я разослалъ ее повсемѣстно, къ точному и непремѣнному исполненію, сдѣлавъ распредѣленіе участковъ и постепенно назначая въ оные благонадежныхъ, по возможности, начальниковъ, съ подчиненіемъ имъ всѣхъ войскъ, въ участкѣ находящихся.

Инструкція эта приведена въ исполненіе съ 24-го мая 1863 г., и послужила краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженій по укрощенію мятежа и устройству края.

Къ этому времени я получилъ первое утѣшительное сочув-

ственное заявленіе къ моимъ дѣйствіямъ, изъ Москвы, отъ митрополита Филарета, который прислалъ мнѣ икону св. Архистратига Михаила при письмѣ, съ выраженіемъ всей важности возложенной на меня обязанности, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе церкви и Россіи и сильно поддержалъ меня нравственно на этомъ трудномъ поприщѣ. Знаменательное письмо его слѣдующаго содержанія [1]).

„Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе Отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству.

„Вѣрные сыны Царя и Отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою: ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда.

„Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира.

„Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго Архистратига, да идетъ предъ вами съ мечомъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ, вмѣстѣ съ симъ, въ благословеніе икону святаго Архистратига Михаила".

На это письмо я отвѣчалъ слѣдующимъ:

„Глубоко коснулось сердца моего милостивое посланіе ваше и архипастырское благословеніе иконою святаго Архистратига Михаила. Пути Всевышняго неисповѣдимы;—я неожиданно призванъ волею Государя отъ жизни мирной на поприще брани, для подавленія крамолы и мятежа Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворять край, карать клятвопреступниковъ мѣрами казни и крови. Человѣческій взоръ не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущность этого дѣла.

„Исполняя долгъ вѣрноподданнаго и русскаго, въ полномъ упованіи на Бога, я духомъ покоенъ и иду смѣло по пути, мнѣ свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего, въ успѣхѣ сомнѣваться не смѣю.

„Повергая себя и порученное мнѣ дѣло умиротворенія литовскаго края архипастырскому благословенію и святой молитвѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.".

Между тѣмъ я занялся устройствомъ самаго города Вильны и учрежденіемъ въономъ полиціи, которой не существовало, такъ что начальники шаекъ, окружавшихъ городъ и вообще всѣ пов-

---

[1]) Письмо это напечатано въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Любителей Духовн. Просвѣщенія" 1871 г. сент. стр. 34. Ред.

станцы получали все нужное изъ Вильны и сами проживали въ оной по нѣскольку дней—словомъ Вильна была арсеналъ и плацдарма мятежниковъ, снабжавшая ихъ ежедневно и значительнымъ числомъ новобранцевъ. Всякій день полиціймейстеръ представлялъ мнѣ свѣдѣнія объ ушедшихъ въ мятежъ обывателяхъ, среднимъ числомъ отъ 40—50 человѣкъ въ сутки; останавливать ихъ войсками не было возможности, ибо городъ открытый.

Я прибѣгнулъ къ мѣрѣ обложенія штрафами, которая въ результатѣ оказалась очень удачною. Приказано было домохозяевъ, а также мастеровъ, трактирщиковъ и другихъ облагать штрафомъ отъ 10—25 рублей за каждаго ушедшаго отъ нихъ человѣка въ мятежъ и взыскивать штрафъ неукоснительно, продавая послѣднее имущество. Такимъ образомъ были обложены монастыри и приходское римско-католическое духовенство за всякаго уходившаго изъ ихъ среды въ мятежъ по 100 рублей, а при возобновленіи побѣговъ—штрафъ велѣно было удвоивать. За ношеніе траура также приказано было взыскивать 25 р. штрафу и удвоивать при повтореніи. Мѣрами этими, приводимыми строго и немедленно въ исполненіе, прекратились всѣ упомянутыя неустройства и изъ города уже рѣдко стали уходить кой какія безпріютныя лица въ мятежъ. Ксендзы же и монахи, заплативши нѣсколько сотъ рублей штрафу, перестали уходить въ шайки; но тѣмъ не менѣе, оставаясь въ Вильнѣ, они тайно и явно содѣйствовали и раздували пламя мятежа. Самъ епископъ Красинскій былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей онаго. Всѣ эти мѣры и многія другія, о которыхъ не упоминаю, ибо одно перечисленіе ихъ было бы затруднительно, а многія изъ нихъ напечатаны и достаточно извѣстны, принесли видимую пользу и утишили польскія революціонныя манифестаціи; но этого было слишкомъ мало, надо было приступить къ болѣе важнымъ мѣроположеніямъ и строгому преслѣдованію крамолы. Много было взято лицъ подъ стражу въ разное время за участіе въ мятежѣ; ими наполнены были всѣ тюрьмы, но, къ сожалѣнію, по большей части, ихъ дѣла не были окончены, даже не начаты. О тѣхъ же личностяхъ, кои были приговорены военными судами, не было постановлено конфирмацій. ибо опасались строгостью раздражить мятежниковъ.

Желая, напротивъ того, показать полякамъ, что правительство наше ихъ не страшится, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ приго-

воровъ о болѣе важныхъ преступникахъ; конфирмовалъ ихъ и немедленно приказалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ на торговой площади, въ самый полдень и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ. Я началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей мятежа: разстрѣляны были два ксендза въ теченіи недѣли. Поляки не вѣрили, что я рѣшусь на это; но когда увидѣли исполненіе сего на дѣлѣ, а не на словахъ, всѣхъ ихъ обуялъ страхъ. Воплю и крику было много въ городѣ и многіе даже уѣзжали изъ него. Епископъ Красинскій болѣе другихъ испугался казни ксендзовъ. Онъ боялся за себя и за свой капитулъ, и когда я потребовалъ, чтобы онъ циркулярно предписалъ римско-католическому духовенству противодѣйствовать мятежу, то онъ притворно сказался больнымъ и передалъ другому распоряженіе консисторіею. Для примѣра другимъ я отправилъ его съ жандармомъ въ Вятку [1]). Въ числѣ лицъ, находившихся подъ стражею, былъ раненый, бывшій капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій, командовавшій самою большою шайкою въ Самогитіи, уничтоженною командиромъ финляндскаго полка генер. Ганецкимъ; также дворянинъ Колышко, начальникъ другой значительной шайки.

Я приказалъ ускорить производимыя о нихъ дѣла и также конфирмовалъ—обоихъ повѣсить.

Эти четыре примѣра сильно подѣйствовали на поляковъ и они стали удостовѣряться, что съ ними шутить не будутъ, и потому, по обычному польскому характеру, многіе искали уже у насъ покровительства, тѣ, которые наканунѣ съ гордостію называли себя возстановителями польской отчизны и гонителями москалей и монголовъ!

V.

Принимая мѣры къ уничтоженію повсюду скитавшихся мятежныхъ шаекъ, получавшихъ продовольствіе и вооруженіе отъ самихъ владѣльцевъ, которые тайно и явно содѣйствовали и покровительствовали мятежу, я скоро убѣдился, что однимъ оружіемъ не предстоитъ возможности подавить мятежъ, ибо весь

[1]) Гдѣ онъ и понынѣ (1866 г.) находится. М. М.

край былъ зараженъ мятежнымъ духомъ, поддерживаемымъ ксендзами, дворянствомъ и шляхтою, и потому необходимо было принять самыя рѣшительныя мѣры противъ владѣльцевъ, дающихъ пріютъ мятежникамъ, и къ открытію тайной организаціи, покрывавшей весь край.

Съ учрежденіемъ, какъ выше сказано, военно-полицейскаго управленія въ уѣздахъ и съ сосредоточіемъ власти въ рукахъ военныхъ начальниковъ, при распространеніи на всѣ шесть губерній военнаго положенія, я получилъ возможность учредить во всѣхъ уѣздахъ, болѣе участвовавшихъ въ мятежѣ, военно-слѣдственныя коммисіи, независимо отъ таковыхъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, поручивъ дѣятельно заняться изслѣдованіями поступковъ всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ мятежѣ, подвергая отвѣтственности и тѣхъ владѣльцевъ, которые давали пріютъ мятежникамъ и снабжали ихъ хлѣбомъ, оружіемъ, деньгами, не исключая и тѣхъ, которые, для прикрытія своей вины, утверждали, что они были вынуждены угрозами давать пособія мятежникамъ. А дабы болѣе поставить помѣщиковъ въ отвѣтственность за участіе въ мятежѣ, я распорядился, чтобы всѣ, которые жили по городамъ (будто бы для безопасности, но въ сущности для прикрытія только тайныхъ сношеній съ шайками, кои снабжались ими на мѣстахъ чрезъ управителей всѣмъ необходимымъ), отправиться немедленно въ свои деревни и тамъ отвѣтствовать за спокойствіе въ лѣсахъ и принадлежавшихъ имъ земляхъ, подъ опасеніемъ военнаго суда, въ случаѣ недонесенія ближайшей командѣ о прибытіи мятежниковъ. Совокупность этой и иныхъ принятыхъ мною мѣръ поставили мѣстное управленіе въ возможность захватить въ скоромъ времени главныхъ дѣятелей мятежа, тайно содѣйствовавшихъ развитію шаекъ, которыя сами собою начали уничтожаться, не имѣя опоры въ населеніи. Тогда и крестьяне, видѣвшіе возстановленную силу правительства нашего, бывшіе столь долгое время подъ страхомъ истязанія и мучительныхъ казней, производимыхъ надъ ними мятежниками, съ содѣйствіемъ ксендзовъ, за преданность ихъ правительству, начали по немногу освобождаться отъ обуявшаго ихъ страха и содѣйствовать правительству къ открытію скитающихся еще въ лѣсахъ мятежныхъ скопищъ, такъ что въ скоромъ времени можно было образовать изъ самихъ крестьянъ сель-

скую вооруженную стражу, которая повсюду содѣйствовала войскамъ къ окончательному истребленію мятежниковъ.

Нельзя не удивляться, какимъ образомъ главное мѣстное управленіе въ краѣ могло быть такъ недальновидно и безпечно, что попустило полное уничтоженіе правительственной власти и уваженія къ ней, такъ что никто уже не вѣрилъ, чтобы въ краѣ томъ могло быть возстановлено русское правительство; даже и крестьяне въ этомъ были убѣждены.

Манифестъ 19-го февраля 1861 г. о прекращеніи крѣпостнаго права, по слабости и безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе. Крестьяне еще въ началѣ 1863 года во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность, или платили неимовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники были всѣ избраны изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и бо̀льшею частію были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями онаго; въ уѣздахъ и въ городахъ учреждены были съѣзды помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ для общихъ сговоровъ по устройству мятежа и увлеченію въ оный самихъ крестьянъ. Въ Вильну были вызваны всѣ почти помѣщики и мировые посредники въ февралѣ 1863 г. будто бы для обсужденій по крестьянскому дѣлу; но на этомъ и на подобномъ же съѣздѣ въ Ковно были положены начала для дѣйствій по мятежу и соединились обѣ партіи, такъ называемыхъ, бѣлыхъ и красныхъ, при чемъ избраны для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ по два делегата, которые бы наблюдали за дѣйствіями предводителей дворянства и самаго правительства—и все это дѣлалось явно въ глазахъ того же правительства; генералъ-губернаторъ не имѣлъ рѣшимости прекратить эти мятежныя манифестаціи. Я уже не говорю о тѣхъ манифестаціяхъ, которыя продолжались съ 1860-го по 1863-й годъ въ разныхъ видахъ повсемѣстно, въ костелахъ, на улицахъ, народныхъ гульбищахъ и вообще вездѣ, гдѣ только было можно; собирались сотни и тысячи народу и пѣли гимны объ освобожденіи Польши отъ ига москалей со всевозможными ругательствами. Учрежденные, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, полицейскіе суды, составленные изъ тѣхъ же дворянъ, служили только посмѣшищемъ надъ безсиліемъ нашего правительства. Полицейскихъ чиновниковъ, которые рѣшались доводить до свѣдѣнія начальства о сихъ сборищахъ, толпы били и съ ругательствами

вытаскивали изъ костеловъ и тому подобныхъ мѣстъ. Когда однажды генералъ-губернаторъ рѣшился взять подъ стражу нѣсколькихъ гимназистовъ, пѣвшихъ въ костелѣ гимны, то толпы женщинъ всѣхъ сословій пришли къ нему во дворецъ на выручку ихъ; генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ удалиться во внутренніе покои, и, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, арестованные были выпущены, а женщины удалились, узнавъ, что приказано было привезти пожарныя трубы. Описывать всѣ дерзкіе поступки обывателей въ Вильнѣ было бы излишне—они довольно всѣмъ извѣстны.

Положеніе 19-го февраля было превратно истолковано крестьянамъ, при составленіи же уставныхъ грамотъ отняты у нихъ лучшія земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими ихъ средства; крестьянамъ объявили, что въ этомъ заключается дарованная Государемъ милость и свобода, и что ежели они пойдутъ въ мятежъ и будутъ помогать польскому правительству, то отдастся имъ вся земля даромъ и они не будутъ платить никакихъ податей; между тѣмъ, тѣхъ крестьянъ, которые не платили возвышенныхъ оброковъ, подвергали строгимъ наказаніямъ, заключали въ тюрьмы, и малосмысленное мѣстное главное начальство, по ходатайству тѣхъ мировыхъ посредниковъ и помѣщиковъ, посылало войско для усмиренія мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ.

Въ началѣ мая мѣсяца 1863 г. бо̀льшая часть мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, и нѣкоторые изъ польскихъ чиновниковъ (еще при бывшемъ генералъ-губернаторѣ) прислали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службы: въ просьбахъ сихъ употреблялись самыя дерзкія на счетъ правительства выраженія, въ томъ смыслѣ, что будто бы оно возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и готовитъ Галиційскую рѣзню; что посему мировые посредники и предводители дворянства, въ томъ числѣ и губернскіе: Гродненскій—Старжинскій и Минскій—Лаппа, признавали неприличнымъ служить такому правительству; цѣль же ихъ существенно заключалась въ томъ, чтобы возбудить общее негодованіе помѣщиковъ противъ правительства и склонить ихъ къ болѣе усердному содѣйствію мятежу, во главѣ коего они сами находились.

Генералъ-адъютантъ Назимовъ былъ испуганъ этимъ общимъ заговоромъ чиновниковъ, оставлявшихъ службу, какъ видно, по

приказанію революціоннаго жонда; нѣкоторыхъ онъ уговаривалъ остаться на службѣ, а бо̀льшую часть просьбъ оставилъ безъ разрѣшенія, ожидая, вѣроятно, моего прибытія.

Полагая, что на эту дерзкую манифестацію слѣдуетъ отвѣтствовать рѣшительной мѣрой, я распорядился немедленно отрѣшить отъ должностей всѣхъ просившихъ объ увольненіи; а тѣхъ изъ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, которые въ просьбахъ своихъ употребили дерзкія выраженія, или замѣчены были въ тайныхъ съѣздахъ и заговорахъ противъ правительства, приказалъ, арестовавъ, доставить въ губернскіе города, подъ строгій надзоръ полиціи; болѣе виновныхъ содержать подъ строгимъ карауломъ, предавъ ихъ на мѣстѣ военному суду; мировыя же учрежденія во всѣхъ четырехъ, такъ называемыхъ, Литовскихъ губерніяхъ, какъ дѣйствовавшія во вреду правительства и къ угнетенію крестьянъ, окончательно закрыть, поручивъ огражденіе крестьянъ отъ притѣсненія владѣльцевъ военнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи, которую постепенно наполнялъ русскими чиновниками.

Принятая противъ лицъ, подавшихъ заговоромъ въ отставку, мѣра произвела всеобщій страхъ; многіе изъ неблагонадежныхъ мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства были отправлены на житье въ отдаленныя губерніи, съ секвестромъ ихъ имуществъ, другіе же содержались подъ стражею до окончанія о нихъ военно-судныхъ дѣлъ; затѣмъ не только прекратилась подача просьбъ объ увольненіи, но многіе стали просить о помилованіи и возвращеніи къ должностямъ; симъ послѣднимъ было, конечно, отказано; но польскій чиновничій міръ, хотя наружно, смирился. Оставались еще изъ губернскихъ предводителей два главные дѣятеля мятежа: минскій—Лаппа и исправляющій должность гродненскаго—гр. Старжинскій. Лаппа, какъ одинъ изъ руководителей дѣла, былъ привезенъ арестованнымъ въ Вильну и отправленъ въ Пермскую губернію; графа же Старжинскаго я приказалъ привезти въ Вильну, гдѣ, содержа его подъ арестомъ, произвести надъ нимъ военный судъ.

Старжинскій былъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ польской пропаганды и мятежа. (Онъ уже прежде сего былъ за участіе въ политическихъ заговорахъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ и служилъ рядовымъ). Въ 1856 году былъ прощенъ и, вмѣстѣ съ прочими,

возвращенъ на родину, избранъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и исправлялъ съ 1861 года должность губернскаго. Онъ умѣлъ вкрасться въ ближайшее знакомство съ главными нашими властями въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ тайныя сношенія со всѣми заграничными революціонными агентами и особенно съ варшавскими; тамъ ему покровительствовалъ Веліопольскій. Будучи протежированъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ,онъ представлялъ ему проэкты о возстановленіи Литвы, отдѣльной отъ Россіи, но соединенной съ Польшей, увѣряя, что этимъ однимъ можно усмирить продолжающееся болѣе трехъ лѣтъ революціонное волненіе въ краѣ; покровительствуемый такимъ образомъ Валуевымъ, кн. Долгоруковымъ и иными лицами, которые, по несчастію, тогда признавали, какъ и нынѣ еще, (1866 г.), весь Западный край не русскимъ, но искони будто бы польскимъ, Старжинскій былъ представленъ Государю, ему даже отведена была квартира во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ и онъ не однажды удостоивался быть у Государя, прочитывая ему свои проэкты; зимою же 1862 г. онъ даже былъ приглашенъ сопровождать Государя въ Москву, гдѣ находился все время пребыванія тамъ Его Величества, стараясь всѣми мѣрами доказать, что надо смирить поляковъ кротостію, милостію и возстановленіемъ границъ 1772-го года.

Такъ велико было заблужденіе въ высшихъ сферахъ правительства нашего, что Старжинскому вѣрили какъ оракулу и тайно разрѣшено ему было сообщить министру внутреннихъ дѣлъ свой взглядъ на дѣло для будущаго успокоенія края. Старжинскій, по возвращеніи въ 1862 г. въ Гродно, не хотѣлъ уже и знать генералъ-губернатора и показывалъ ему полное пренебреженіе, разсказывая всѣмъ о блистательномъ пріемѣ Государемъ и о покровительствѣ петербургскихъ властей; подъ симъ обаяніемъ онъ овладѣлъ всѣми умами безумной польской интеллигенціи въ краѣ; всѣ поляки смотрѣли на него, какъ на будущаго избавителя, смѣло уже пренебрегавшаго мѣстную правительственную власть.

......Въ февралѣ 1863 г., когда вспыхнулъ мятежъ, Старжинскій рѣшился дѣйствовать уже самостоятельно, написалъ дерзкія письма Государю и министру внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ обвинялъ правительство въ допущеніи будто бы демократическихъ началъ и въ возстановленіи крестьянъ противъ владѣльцевъ, также

въ принятіи строгихъ мѣръ къ гоненію польскаго начала въ краѣ и въ употребленіи вооруженной силы противъ онаго (тогда какъ, напротивъ того, правительство безнаказанно допускало распространеніе революціонныхъ началъ и только принимало полумѣры для прекращенія манифестацій и начавшейся рѣзни отдѣльныхъ русскихъ командъ), объявляя, что засимъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ служить правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя это званіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о томъ всѣмъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителямъ, дабы и они послѣдовали его примѣру, что̀ и было ими исполнено. Министръ внутреннихъ дѣлъ, не сознавая (?) въ этомъ поступкѣ ничего противнаго чести поляка и обязанности вѣрноподданнаго, исходатайствовалъ всемилостивѣйшее увольненіе его отъ должности по прошенію, съ тѣмъ только, чтобъ онъ оставался на жительствѣ въ Гроднѣ.

Генералъ-губернаторъ Назимовъ, находя пребываніе Старжинскаго въ Гроднѣ, по связямъ его съ революціонерами, вреднымъ и опаснымъ для края, поступокъ же въ высшей степени дерзкимъ и противозаконнымъ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы подвергнуть его законной отвѣтственности, но министръ внутреннихъ дѣлъ, подъ разными предлогами, оттягивая дѣло, не давалъ никакого отвѣта. По прибытіи въ Вильну и удостовѣрившись въ вредѣ, приносимомъ Старжинскимъ въ Гроднѣ, я приказалъ доставить его арестованнымъ въ Вильну, гдѣ и предалъ его военному суду, извѣстивъ о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы онъ доставилъ всю бывшую съ нимъ и о немъ переписку. Само собою разумѣется, что министръ не смѣлъ противорѣчить, но доставилъ мнѣ кое-какія неполныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Старжинскаго въ Петербургѣ.

Все то, что выше сказано было, найдено въ собственныхъ бумагахъ Старжинскаго. Военный судъ, на точномъ основаніи законовъ, приговорилъ его къ каторжной работѣ; но и здѣсь петербургская интрига старалась вредить этому дѣлу: постоянно требовались, по высочайшему повелѣнію, свѣдѣнія о ходѣ онаго, видимо съ цѣлію прикрыть нелѣпыя дѣйствія и сношенія съ Старжинскимъ министра внутреннихъ дѣлъ, и такъ какъ Старжинскій, въ оправданіе своихъ поступковъ, ссылался на петербургское правительство, а потому и необходимо было смягчить

приговоръ ссылкою Старжинскаго на жительство въ отдаленныя губерніи, съ выдержаніемъ въ крѣпости одного года; но и этотъ приговоръ былъ въ Петербургѣ ослабленъ: крѣпостное содержаніе ему назначено въ Бобруйскѣ, т. е. въ краю, гдѣ польская пропаганда еще сильно дѣйствовала, и потомъ онъ выславъ въ Воронежскую губернію. Вотъ примѣръ тенденцій высшихъ петербургскихъ правительственныхъ лицъ [1]), которыя, конечно, были болѣе виновны въ совершившихся въ краѣ событіяхъ, нежели тѣ жертвы польскаго сумасбродства и безумія, которыя рѣшились поднять оружіе противъ правительства нашего, потому лишь, что они были увѣрены въ его слѣпотѣ и безсиліи, а частію въ надеждѣ даже на покровительство нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Петербургѣ .

VI.

Я разсказываю эпизодъ о Старжинскомъ во всей подробности единственно для того, чтобы ознакомить съ положеніемъ, въ которомъ находилось правительство при началѣ мятежа и съ чѣмъ мнѣ предстояло бороться; очевидно, что изъ трехъ враговъ: мятежа, Петербургскаго правительства и варшавскаго, самая трудная борьба была съ двумя послѣдними, ибо вся сила мятежа была въ этихъ двухъ пунктахъ и на мѣстахъ онъ поддерживался не столько собственною силою (въ полякахъ нѣтъ достаточно постоянства, чтобы долго преслѣдовать одну цѣль), а въ надеждѣ только на (особое) покровительство (?). . . . . Послѣднее доходило до того, что когда мятежъ въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ значительно началъ утихать послѣ принятыхъ мною мѣръ, то для огражденія спокойствія въ краѣ, я вынужденъ былъ посылать отряды войскъ въ сосѣдственныя губерніи Царства Польскаго, чтобы уничтожить тамъ мятежныя скопища, предоставленныя тамъ своему произволу, безъ всякаго преслѣдованія, и безпрестанно вторгавшіяся въ Гродненскую губернію, гдѣ и производили грабежи и разныя неистовства. Въ Августовской же губерніи формировалось и регулярное войско.

---

[1]) Писано въ янв.—апрѣлѣ 1866 г. Ред.

Слабость управленія въ Царствѣ доходила до того, что повелѣно было въ уѣздныхъ казначействахъ принимать на счетъ казны всѣ выдаваемыя мятежниками квитанціи за взимаемую ими контрибуцію. Раненыхъ же мятежниковъ приказано было оставлять на попеченіе владѣльцевъ, не считая ихъ плѣнными [1]).

Безначаліе и поблажка польскому возстанію въ Царствѣ Польскомъ доходили до того, что нѣсколько волостей Августовской губерніи прислали мнѣ, 6-го августа, съ депутаціею, адресъ за подписью нѣсколькихъ тысячъ съ просьбою принять ихъ въ мое управленіе и оградить отъ неистовствъ мятежниковъ. Вслѣдствіе этого и видя усиливающееся неустройство и развитіе мятежа въ Царствѣ, Государь повелѣлъ принять мнѣ въ свое управленіе Августовскую губернію. . . . .

Управленіе Царствомъ послѣ сентября 1863 г. было ввѣрено графу Бергу.

Изъ губернскихъ предводителей виленскій—Домейко умѣлъ скрыть свои польскія тенденціи предъ бывшимъ ген.-губернаторомъ; съ одной стороны онъ потворствовалъ революціонному направленію владѣльцевъ, а съ другой онъ заискивалъ расположеніе правительства, такъ что къ пасхѣ 1863 года, когда мятежъ уже былъ въ значительномъ развитіи, онъ получилъ въ награду за свое двусмысленное поведеніе орденъ Станислава 1-й ст.; но вслѣдъ за тѣмъ, получивъ общее приказаніе жонда оставить службу и выраженіе негодованія онаго за полученную награду, а еще болѣе испугавшись слуховъ о моемъ назначеніи генералъ-губернаторомъ, Домейко исходатайствовалъ себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, дабы избавиться, какъ онъ говорилъ, отъ преслѣдованія мятежниковъ. Дѣйствительно, Домейко человѣкъ не дурной, но слабый и хитрый; онъ хотѣлъ плавать между двухъ водъ и, явившись ко мнѣ въ Петербургѣ, просилъ объ увольненіи его за границу на воды. Само собою разумѣется, что я ему въ этомъ отказалъ и потребовалъ немедленно отправиться въ Вильну, ибо теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, каждому слѣдуетъ

---

[1]) Все, что сказано здѣсь о дѣйствіяхъ русскаго управленія въ Царствѣ, за время 1863—1864 гг., не подтверждается, по крайней мѣрѣ въ той силѣ, какъ то утверждаетъ Муравьевъ, изслѣдованіями прочихъ русскихъ людей, писавшихъ о послѣдней польской смутѣ. Ред.

быть на своемъ мѣстѣ, не взирая ни на какія опасности; онъ прикинулся больнымъ и только черезъ нѣсколько недѣль послѣ прибытія моего въ Вильну ко мнѣ явился. Я заставилъ его вступить въ должность и дѣйствовать рѣшительно, т. е. показать себя или преданнымъ правительству, или врагомъ онаго. Въ то время начали уже убѣждаться въ томъ, что сила правительства будетъ возстановлена въ Литвѣ, и Домейко рѣшился, хотя по наружности, показывать себя противодѣйствующимъ мятежу—и дѣйствительно, около него образовался кружокъ изъ нѣсколькихъ польскихъ помѣщиковъ, признавшихъ болѣе выгоднымъ устранить себя въ настоящее время (1863 г.) отъ мятежныхъ заявленій.

Пользуясь симъ начинающимся благопріятнымъ направленіемъ, я старался внушить мысль о ходатайствѣ (со стороны) дворянства о помилованіи. Такъ какъ мятежъ видимо уже ослабѣвалъ въ исходѣ іюня, бо́льшая часть тайныхъ и явныхъ вожаковъ мятежа были открыты и арестованы, другіе, страха ради, бѣжали за границу, и сами крестьяне и вообще простолюдины, бывшіе въ мятежѣ, увидѣли безсиліе шаекъ, безпрестанно уничтожаемыхъ войсками и притомъ, по причинѣ полевыхъ работъ, безъ чего хозяйства ихъ значительно бы потерпѣли, начали расходиться, то дворяне Виленской губерніи (стали) приставать къ тому кружку, который намѣревался просить о помилованіи.

Для усиленія сего движенія, я въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. обратился съ воззваніемъ вообще къ народу, объясняя поселянамъ всю безсмысленность мятежа и бѣдственныя онаго послѣдствія, при чемъ обѣщалъ помилованіе всѣмъ простолюдинамъ, которые возвратятся во-свояси съ отдачею оружія, и независимо отъ сего, поручилъ всѣмъ сельскимъ обществамъ имѣть ближайшее наблюденіе за помѣщиками и управителями, и объ участвующихъ въ мятежѣ немедленно доводить до свѣдѣнія начальства; съ тѣмъ вмѣстѣ приказано было заняться составленіемъ обывательскихъ книгъ и переписью всѣхъ сословій, принявъ строгія мѣры къ прекращенію безпаспортныхъ отлучекъ лицъ всѣхъ сословій — и особенно ксендзовъ, облагая нарушающихъ преподанныя для сего правила значительнымъ штрафомъ; равнымъ образомъ подвергая контрибуціямъ тѣхъ владѣльцевъ и вообще селенія, которые давали пріютъ мятежникамъ.

Мѣра эта имѣла самый благопріятный успѣхъ. Въ концѣ іюля

мѣсяца уже многія тысячи народа оставили шайки и водворились на прежнемъ мѣстѣ жительства; при этомъ начальники бандъ, не будучи въ состояніи противиться сему движенію и распуская шайки, требовали, чтобы послѣ покоса и уборки хлѣба они вновь возвращались въ оныя, для чего зарывали бы оружіе въ лѣсахъ для будущаго вооруженія; вмѣстѣ съ тѣмъ мятежныя банды, по распоряженію жонда, раздѣлились на мелкія шайки отъ 20—25 человѣкъ, расположились по всѣмъ уѣздамъ и лѣсамъ, гдѣ только было можно, и держали терроромъ въ страхѣ все населеніе, учреждая во всѣхъ мѣстахъ полиціантовъ, такъ называемыхъ жандармовъ - вѣшателей, которые слѣдили за направленіемъ народнаго мнѣнія и тѣхъ, которые выказывали преданность правительству, увлекали въ лѣса и вѣшали, подвергая предварительно всякаго рода истязаніямъ, производимымъ даже надъ женщинами и дѣтьми.

Этотъ новый способъ дѣйствій мятежниковъ представлялъ немаловажныя затрудненія для военныхъ распоряженій, ибо мелкія шайки въ лѣсахъ были неуловимы: между тѣмъ алармъ и терроръ вездѣ увеличивались, всюду только и было слышно объ изувѣченныхъ, убитыхъ, повѣшенныхъ мятежниками разныхъ лицахъ; въ томъ числѣ было и нѣсколько нашихъ священниковъ. Надо было принять выходящія изъ обыкновеннаго разряда мѣры къ уничтоженію сего страшнаго для края дѣйствія мятежниковъ — надо было уничтожить жандармовъ-вѣшателей и мелкія бродячія шайки, которыя находили еще пріютъ у помѣщиковъ и ксендзовъ и получали продовольствіе также изъ шляхетскихъ околицъ.

Оставалось мнѣ одно послѣднее средство: приказать уничтожать до тла помѣщичьи мызы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены мятежниками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ-вѣшателей; тѣ же селенія, которыя наиболѣе участвовали въ мятежѣ, по надлежащемъ изслѣдованіи, переселять въ Сибирскія губерніи; тѣхъ лицъ, которыя составляли бродячія неистовыя шайки, при взятіи, судить на мѣстѣ военнымъ судомъ и тутъ же разстрѣливать; самыя же селенія облагать огромными контрибуціями и на 10—15 верстъ весь околотокъ, допускавшій завѣдомо пребываніе разбойниковъ, и не донесшій о семъ ближайшимъ командамъ. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положили преграду помянутымъ неистовствамъ мятежниковъ, ибо

они, какъ и всѣ содѣйствующіе имъ обыватели, увидѣли, что правительство не шутитъ и сильнѣе мятежа.

Все это, вмѣстѣ исполненное, скоро побудило и дворянство во всѣхъ губерніяхъ писать адресы о помилованіи, ибо оно полагало, что симъ способомъ подписавшіеся, хотя бы и замѣшанные въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, будутъ помилованы. Первый примѣръ адреса подало Виленское дворянство 27-го іюля 1863 г.: адресъ былъ представленъ мнѣ губернскимъ предводителемъ, при нѣсколькихъ депутатахъ, и былъ подписанъ болѣе 200 лицами.

Я былъ обрадованъ этимъ движеніемъ умовъ или, лучше сказать, страхомъ помѣщиковъ: оно доказало, что принятыя мною мѣры достигали цѣли. Адресъ этотъ я сдѣлалъ гласнымъ по всѣмъ губерніямъ, дабы возродить вездѣ подобное же движеніе. Въ Гроднѣ и Ковнѣ начали также помышлять о составленіи подобныхъ адресовъ.

Революціонный жондъ былъ устрашенъ этимъ успѣхомъ и рѣшился принять отчаянныя мѣры къ остановкѣ дѣйствій главнаго мѣстнаго начальства.

VII.

Варшавское революціонное правленіе, видѣвши ослабленіе мятежа въ Литвѣ, еще съ іюля мѣсяца 1863 г. начало присылать своихъ агентовъ въ Вильну для поддержанія упадающаго революціоннаго движенія, но всѣ эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиціи, были захвачены въ Вильнѣ; но они успѣли однакоже въ половинѣ іюля мѣсяца сформировать команду тайныхъ кинжальщиковъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность убить генералъ-губернатора, губернскаго предводителя дворянства и тѣхъ, которые наиболѣе противодѣйствовали мятежу; но кинжальщики эти, страха ради, ни на что не рѣшились; между тѣмъ начальство уже получило о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія и приняло мѣры къ ихъ обнаруженію.

Для рѣшительнаго дѣйствія былъ, наконецъ, присланъ изъ Варшавы извѣстный полиціантъ-вѣшатель Беньковскій, съ обязанностію убить Домейко и меня.

27-го іюля (въ день рожденія императрицы) Беньковскій пробирался на паперть собора, чтобы меня убить, но не могъ близко

подойти по огромному стеченію служащихъ и вообще народа.

29-го іюля (черезъ два дня послѣ представленія адреса) онъ, въ 9 часовъ утра, вошелъ въ квартиру Домейки и нанесъ ему семь ранъ кинжаломъ, равнымъ образомъ изранилъ и человѣка, пришедшаго на помощь, а самъ скрылся. Раны Домейки были сильны, но не опасны. Жондъ публиковалъ по городу, что Домейко убитъ и наказанъ за измѣну польскому дѣлу; а въ особенности за составленіе адреса. Надо замѣтить, что адресъ, по поднесеніи, былъ посланъ мною Государю при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, съ испрошеніемъ награды Домейкѣ, а 29-го я телеграфировалъ Государю о сказанномъ событіи. Между тѣмъ приняты были всевозможныя мѣры къ отысканію убійцы: сдѣланы были повсемѣстно обыски, опубликованы примѣты убійцы, поставлены въ сомнительныхъ мѣстахъ караулы, а въ особенности усиленъ надзоръ на желѣзной дорогѣ и на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ ней. Одинъ изъ Виленскихъ кинжальщиковъ (къ стыду,—русскій православный, сынъ отставнаго солдата, женатаго на полькѣ), Мирошниковъ, проговорился въ хвастовствѣ о кинжальщикахъ; онъ былъ спрошенъ, уличенъ и въ угрызеніи совѣсти открылъ бо̀льшую часть полиціантовъ и названіе самаго убійцы—Беньковскаго.

Послѣдній былъ взятъ 6-го августа 1863 г. на желѣзной дорогѣ. готовясь къ отъѣзду въ Варшаву, переряженный, съ окрашенными волосами, въ сопровожденіи Варшавскаго своего товарища Чаплинскаго. Уже до того, въ короткій промежутокъ времени, было взято 10 кинжальщиковъ, изъ Виленскихъ обывателей, которые признали запиравшагося Беньковскаго: онъ былъ родомъ изъ Варшавы, цирюльникъ, учинившій уже тамъ многія преступленія и извѣстный своимъ отчаяннымъ характеромъ. Беньковскій, Чаплинскій и прочіе были немедленно судимы военнымъ судомъ: семеро повѣшены въ Вильнѣ, а остальнымъ смягчены приговоры и они отправлены въ каторгу, (въ томъ числѣ и Мирошниковъ, въ уваженіе его признанія).

Это послѣднее покушеніе Варшавскихъ революціонеровъ къ возбужденію мятежа въ Литвѣ окончательно было разрушено скорымъ и успѣшнымъ отысканіемъ присланныхъ въ Вильно злодѣевъ и казнью ихъ, такъ что главные революціонные дѣятели скрылись или бѣжали, ибо всѣ они были обнаружены или скрывались, подъ разными фальшивыми именами, появляясь только

по временамъ въ Вильнѣ; но страхъ и ихъ обуялъ; ибо вслѣдъ за кинжальщиками, были взяты въ Вильнѣ прочіе революціонные дѣятели, какъ-то: Далевскій, Гажичъ, Дормаловскій (прибывшій изъ Познани) и Здановичъ, которые, по приговору военнаго суда, всѣ (кромѣ Гажича) были казнены. Начальникъ самаго города Вильны—Малаховскій (офицеръ путей сообщенія, служившій при желѣзной дорогѣ) скрылся въ Петербургъ, а оттуда бѣжалъ за границу. Другой же важный дѣятель мятежа—Дюлоранъ (служившій тоже при желѣзной дорогѣ) скрылся въ Варшавѣ.

Оставался въ Вильнѣ одинъ бодрствующій, нѣкто Калиновскій, въ качествѣ главнаго начальника жонда Литовскаго, но скрывавшагося подъ фальшивымъ именемъ Витольда Витоженца, и съ нимъ еще нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которыя тоже были взяты по обнаруженнымъ сношеніямъ ихъ съ минскими и ковенскими революціонерами, такъ что уже въ концѣ августа мѣсяца главные дѣятели мятежа были обнаружены и взяты кромѣ Калиновскаго. Въ Ковнѣ и Гроднѣ также успѣшно подвигалось открытіе мятежной организаціи, всѣ тюрьмы были наполнены арестантами и обнаружена была связь между губерніями и Царствомъ Польскимъ, при чемъ открывались мятежныя связи и съ польскими агентами въ Россіи. Одна оставалась Минская губернія, какъ будто въ затишьи, т. е. не было въ ней обнаружено тайной организаціи.

Находя нужнымъ еще болѣе ослабить мятежныя дѣйствія Ковенской губерніи, населенной фанатическими католиками, состоящими подъ ближайшимъ вліяніемъ епископа Волончевскаго, я долженъ былъ принять мѣры, чтобы заставить его склонить, посредствомъ увѣщанія, народъ къ положенію оружія. Мѣра эта принесла успѣхъ и мятежъ, самый упорный, въ Ковенской губерніи уменьшился; оставался тамъ одинъ главный дѣятель, ксендзъ Мацкевичъ, человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный и фанатикъ; онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ и безпрестанно формировалъ шайки и появлялся въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи. Хотя шайки его неоднократно были разбиваемы нашими отрядами, но онъ умѣлъ самъ ускользать отъ преслѣдованія и формировать новыя. Такимъ образомъ послѣ пораженія его въ Зеленковскомъ лѣсу и въ другихъ мѣстностяхъ Поневѣжскаго уѣзда, въ августѣ и сентябрѣ 1863 г. онъ скитался по Ковенской

губерніи и возбуждалъ вездѣ къ мятежу. Въ исходѣ же ноября, не находя болѣе средствъ къ продолженію и къ поддержанію крамолы, онъ рѣшился уйти за границу, но былъ захваченъ, почти надъ самымъ Нѣманомъ, отрядомъ нашихъ войскъ, привезенъ въ Ковно съ своимъ адъютантомъ и казначеемъ, и по приговору военнаго суда повѣшенъ въ Ковнѣ. Съ казнію ксендза Мацкевича въ Ковенской губерніи почти повсемѣстно прекратился мятежъ, остались только незначительныя бродячія шайки, которыя и были въ скоромъ времени уничтожены. Въ Гродненской губерніи также все затихло и мятежъ въ концѣ 1863 г. былъ прекращенъ. Въ Минской, хотя и не было новыхъ наружныхъ проявленій мятежа, но зародышъ онаго оставался не тронутымъ, по безсмысленности тамошняго управленія, а въ особенности губернатора. Хотя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 г. тамошнее дворянство составило также адресъ, и сильнѣе, нежели другіе, выражало свои вѣрноподданническія чувства и раскаяніе, но всѣ тайные мятежные дѣятели оставались на мѣстахъ и, безъ сомнѣнія, при первомъ удобномъ случаѣ возобновили бы покушеніе на крамолу.

Надо замѣтить, что Минское дворянство отличалось бо̀льшимъ нерасположеніемъ къ русскому правительству, чѣмъ дворянство прочихъ губерній; оно постоянно было въ сношеніяхъ съ дворянствомъ юго-западныхъ губерній, и въ октябрѣ 1862 г. на дворянскихъ выборахъ составило протоколъ для представленія всеподданнѣйшаго адреса, по примѣру Подольской губерніи, о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому; ихъ дерзость была такъ велика, что когда имъ было тогда же объявлено высочайшее повелѣніе о противозаконности подобныхъ дѣйствій, то они, не отмѣняя своего постановленія, записали только оное въ журналъ, съ отмѣткою, что они не привели его въ исполненіе вслѣдствіе воспрещенія высшаго правительства.

Крамольный этотъ духъ Минскаго дворянства еще болѣе развился во время вооруженнаго мятежа въ 1863 г.; но они не могли вооружить столько шаекъ, какъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ меньшаго числа шляхетскихъ околицъ и потому что бо̀льшая часть населенія губерніи—православнаго исповѣданія; но тѣмъ не менѣе во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ только было возможно, а особенно въ Борисовскомъ и въ Игуменскомъ уѣздахъ, были значительныя

шайки. Шайки же Новогрудскаго и Слуцкаго уѣздовъ соединились съ таковыми же Гродненской губерніи.

Справившись съ открытіемъ тайной крамолы въ Литовскихъ губерніяхъ, я послалъ особую слѣдственную коммисію въ Минскъ для обнаруженія секретной администраціи; въ скоромъ времени председатель оной, жандармскій полковникъ Лосевъ, обнаружилъ главныхъ дѣятелей мятежа въ Минской губерніи и ихъ сношенія съ прочими губеніями, преимущественно съ Виленской; такимъ образомъ окончательно были взяты оставшіеся Виленскіе революціонеры и въ томъ числѣ Калиновскій, главный распорядитель мятежа въ Литвѣ. Съ уничтоженіемъ ихъ прекратились и всѣ мятежныя покушенія. Минскіе же революціонеры были судимы въ Вильнѣ; такимъ образомъ окончены были главнѣйшіе мятежные заговоры, въ томъ числѣ и Могилевскіе, имѣвшіе непосредственныя сношенія съ Минскими, а Витебскіе—съ Виленской губерніей и Динабургскимъ уѣздомъ.

О Могилевскомъ вооруженномъ возстаніи здѣсь въ подробности не говорю, ибо оно было въ высшей степени безсмысленно и, начавшись 17-го апрѣля 1863 г., окончено было въ первыхъ числахъ мая (того же года), почти безъ содѣйствія войскъ одними православными крестьянами: они перехватали въ лѣсахъ и на мызахъ почти всѣхъ пановъ, гимназистовъ и шляхту, которые образовали шайки, изъ коихъ часть только, подъ предводительствомъ извѣстнаго То̀пора (подполковникъ генеральнаго штаба Звирждовскій) ограбили городъ Горки и бѣжали въ Минскую губернію; самъ же То̀поръ бѣжалъ въ Царство Польское, гдѣ впослѣдствіи былъ взятъ и повѣшенъ. Замѣчательно, что Могилевское возстаніе произведено было подъ видомъ охоты на лося и, въ извѣстный назначенный день, бо̀льшая часть молодежи, а также руководителей мятежа, собрались въ охотничьей одеждѣ, съ запасомъ, продовольствія въ указанныя мѣста и тамъ были постепенно обезоруживаемы и взяты крестьянами. Могилевскіе революціонеры были до такой степени увѣрены въ безсиліи и послабленіи правительства нашего, что они смѣло, въ отвѣтахъ своихъ слѣдственнымъ коммисіямъ, увѣряли, что не имѣли никакихъ мятежныхъ замысловъ, но дѣйствительно повсемѣстно сговаривались идти на охоту; остальное польское населеніе Могилевской губерніи старалось поддерживать это нелѣпое оправданіе, такъ что даже многіе рус-

скіе, а въ особенности въ Петербургѣ, старались этимъ оправдать покушенія къ мятежу въ Могилевской губерніи. Тамошній губернскій предводитель, князь Любомирскій, былъ однимъ изъ главныхъ секретныхъ дѣятелей и руководителей онаго; но онъ такъ себя осторожно велъ, что его трудно было юридически въ томъ уличить; впрочемъ онъ былъ уволенъ отъ должности и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что Бѣлорусскія губерніи: Могилевская и Витебская, которыя 37 лѣтъ тому назадъ, когда я тамъ былъ — въ первой губернаторомъ, во второй — вице-губернаторомъ, почти были совершенно русскими, за малыми исключеніями, и когда въ 1830 г., по моему ходатайству, высочайше повелѣно было уничтожить въ нихъ производство дѣлъ по Литовскому статуту, повсемѣстно ввести русскій языкъ, какъ въ судопроизводствѣ, такъ и во всемъ управленіи, то это было принято не только безпрекословно, но составленъ былъ благодарственный государю адресъ за дарованіе имъ общихъ съ Россіею правъ, и это все было въ 1831 г., во время самаго разгара польскаго мятежа въ Варшавѣ и въ Литовскихъ губерніяхъ.

Надо замѣтить, что и въ 1831 г. мятежъ преимущественно распространенъ былъ въ Ковенской и Виленской губерніяхъ и только кое-гдѣ появлялись шайки въ Минской и весьма немного въ Гродненской; въ Бѣлорруских же губерніяхъ въ одной Витебской — и именно въ Лепельскомъ уѣздѣ были проявленія мятежныхъ покушеній. Но вообще противуправительственное направленіе наиболѣе высказывалось въ Полоцкомъ, Дриссенскомъ и Динабургскомъ уѣздахъ, т. е. тамъ, гдѣ была прежде іезуитская коллегія (до 1817 года) и вообще отъ нея утвердился католическій фанатизмъ.

Въ 1863 г. всѣ эти губерніи были объяты пламенемъ мятежа и ежели не вездѣ проявлялись вооруженныя шайки по недостатку средствъ вооруженія и противодѣйствію православнаго сельскаго населенія, то тѣмъ не менѣе все дворянство, шляхетство и ксендзы повсемѣстно явно и безбоязненно провозглашали владычество Польши, старались въ томъ увѣрить крестьянъ и тѣмъ самымъ, при малѣйшемъ успѣхѣ мятежа въ Литовскихъ губерніяхъ, Бѣлоруссія безъ всякаго затрудненія вошла бы въ со-

ставъ, предполагаемой революціонерами, Польши въ границахъ 1772 года.

Политическое и нравственное положеніе губерніи въ 1831 г., когда мятежники имѣли отличное регулярное войско и вели даже войну съ нами, иногда даже съ значительнымъ успѣхомъ, (было удовлетворительно), и когда вездѣ все было тихо (кромѣ Ковенской губерніи, всегда фанатизированной католицизмомъ); въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1863 г., ясно доказываетъ, что правительство, въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, не только не принимало мѣръ къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему неразумѣнію мѣстныхъ и главныхъ правителей, давало всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши русскаго начала. Я не стану въ подробности упоминать о дѣствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя съ 1831 г. были главными на мѣстахъ распорядителями, о ихъ безсмысленности и неразумѣніи положенія края, польскихъ тенденцій; о незнаніи исторіи сей искони русской страны и постоянномъ ихъ увлеченіи призраками польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося предъ ними и выказывавшаго преданность правительству; но не только тайно, а явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего русскаго; но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ, а въ особенности женскій полъ, жертвовавшій честью и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей. Для исторіи нельзя однако-жъ умолчать о тѣхъ начальникахъ того края, которые наиболѣе ознаменовали себя подобными тенденціями и нанесли огромный вредъ могуществу Россіи въ той странѣ, это были: въ Бѣлоруссіи—кн. Хованскій, генералъ-адъютантъ Дьяковъ и кн. Голицынъ; въ Вильнѣ—кн. Долгоруковъ, Илья Гавриловичъ Бибиковъ и генералъ-адъютантъ Назимовъ; вотъ рядъ людей, которые при содѣйствіи подобныхъ же дѣятелей въ Петербургѣ, въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ краѣ твердое начало польской пропагандѣ и впослѣдствіи развитію мятежа, стоившаго такъ дорого Россіи!

Теперь (1866 г.), благодаря Бога, все обнаружено, мятежъ подавленъ, крамола и заговоры противъ правительства открыты во всѣхъ отрасляхъ и направленіяхъ, не исключая и петербургскаго польскаго жонда подъ руководствомъ Огрызко, Юндзилла

Сѣраковскаго и иныхъ. Теперь остается правительству воспользоваться тяжкимъ урокомъ и положить конецъ польской крамолѣ въ Западномъ краѣ, признавъ его окончательно русскимъ, не силою оружія, но моральнымъ возрожденіемъ въ немъ долго подавляемыхъ исконныхъ русскихъ началъ!

VIII.

Во время принимаемыхъ мною мѣръ къ прекращенію въ 1863 г. мятежа во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ, Государю угодно было поручить моему завѣдыванію, какъ выше сказано, Августовскую губернію, которою мятежники распоряжались по произволу и въ которой войска наши (почти цѣлая дивизія) расположены были по городамъ, не будучи въ силахъ, безъ содѣйствія гражданскаго начальства, принимать какія нибудь благоразумныя мѣры къ прекращенію мятежа. Варшавское же правительство, какъ объяснено выше, не только бездѣйствовало (?!), но подъ управленіемъ Веліопольскаго, равнодушно (?!) смотрѣло на всѣ неистовства, производимыя мятежниками въ краѣ.

Въ сентябрѣ 1863 г., получивъ высочайшее повелѣніе объ Августовской губерніи, я отправилъ туда войско подъ начальствомъ генерала Бакланова и поручилъ ему немедленно ввести военно-гражданское управленіе на основаніи данной мною 24-го мая для Сѣверозападныхъ губерній инструкціи. Преображенскій полкъ, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, занялъ главные мятежные пункты губерніи и не прошло трехъ недѣль, какъ со введеніемъ сказаннаго управленія мятежъ почти совершенно тамъ утихъ; оставались только въ Ломженскомъ уѣздѣ нѣкоторыя бродячія шайки, преимущественно наполненныя шляхетскимъ населеніемъ, а также туда вторгались мятежныя банды изъ другихъ губерній Царства Польскаго, такъ что, для огражденія этого уѣзда, я вынужденъ былъ распорядиться о занятіи нѣсколькихъ пунктовъ въ сосѣднемъ Остроленскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи.

По мѣрѣ подавленія мятежа въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ, я принималъ мѣры къ прочному обезпеченію сельскаго населенія и къ огражденію онаго отъ насилія пановъ. Трудно было до этого достигнуть, по неимѣнію лицъ достаточно благонадежныхъ, чтобы пору-

чить имъ на мѣстахъ это важное дѣло: всѣ чиновники, какъ выше сказано, были польскаго происхожденія, также и мировые посредники; бо̀льшая часть ихъ были взяты подъ стражу за участіе въ мятежѣ, или по неблагонадежности уволены отъ должности; надо было спѣшить скорѣй занять русскими людьми всѣ полицейскія должности и вообще имѣющія прикосновеніе къ народу, который составлялъ главную нашу опору. Трудно было вдругъ наполнить край русскими чиновниками: я еще при выѣздѣ изъ Петербурга отнесся ко всѣмъ начальникамъ губерній, прося ихъ присылать ко мнѣ лицъ болѣе благонадежныхъ, для чего и исходатайствовалъ для нихъ у Государя особыя льготы и пособія, просилъ о томъ же и министра внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, чиновники начали прибывать, но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ, особенно присланные министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что я вынужденъ былъ многихъ возвращать обратно и медлить занятіемъ вакантныхъ мѣстъ.

Имѣя въ виду, что главное дѣло въ краѣ состояло въ упроченіи быта сельскаго населенія, уничтоженіи надъ нимъ власти мятежныхъ пановъ и привлеченіи народа къ правительству, я преимущественно обратилъ вниманіе на вызовъ изъ Россіи дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Съ августа 1863 г. въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ былъ подавленъ мятежъ, постепенно назначались русскіе мировые посредники и члены повѣрочныхъ коммисій, такъ что къ концу года въ бо̀льшей части уѣздовъ были русскіе дѣятели по крестьянскому дѣлу, которые и обнаружили всю бездну злоупотребленій и угнетеній, которымъ подвергался несчастный народъ русскій отъ польскихъ пановъ и избранныхъ изъ среды ихъ посредниковъ.

Зло было такъ велико, что нельзя было оставлять его безъ радикальнаго излеченія и даже исправленія тѣхъ правилъ, которыя были установлены по крестьянскому дѣлу для западныхъ губерній, ибо они составлены (были) въ Петербургѣ, теоретично, безъ знанія мѣстнаго хозяйственнаго быта крестьянъ, по указанію лицъ, вызванныхъ изъ тамошняго края, въ видѣ экспертовъ, которые употребили всѣ усилія, чтобы обмануть правительство и еще болѣе поработить крестьянъ владѣльцамъ.

Скоро можно было убѣдиться, что утвержденіе уставныхъ грамотъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были составлены, послужило бы къ

вящшему раззоренію крестьянъ и къ возбужденію сихъ послѣднихъ противу правительства; въ этомъ и заключалась цѣль бывшихъ польскихъ дѣятелей и всего шляхетскаго управленія краемъ. Я рѣшился воспользоваться моментомъ (съ одной стороны—боязни (?) правительства нашего отъ распространившагося мятежа, съ другой—устрашенія самихъ владѣльцевъ сильными мѣрами противу мятежа и всеобщимъ почти участіемъ ихъ въономъ), чтобы разсѣчь гордіевъ узелъ пагубнаго вліянія пановъ на сельское населеніе. Я пригласилъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и иныхъ дѣятелей, болѣе другихъ изучившихъ положеніе крестьянъ и отношенія ихъ къ владѣльцамъ, и въ августѣ 1863 г. издалъ инструкцію для дѣйствія повѣрочныхъ коммисій, предоставивъ имъ право передѣлывать уставныя грамоты, составленныя въ противность закону, возвращать крестьянамъ отобранныя отъ нихъ въ послѣднее время (съ 1857 г.) земли, обезпечивать обезземеленныхъ крестьянъ и батраковъ, назначать имъ безобидные покосы и выгоны, не лишать ихъ права пользоваться общимъ съ владѣльцемъ топливомъ и пастбищемъ скота, причемъ приказано было опредѣлить оцѣнки оброковъ сообразно дѣйствительной цѣнности участковъ, отнюдь не стѣсняясь прежними высокими платежами. Мѣры эти, взятыя въ совокупности, были немедленно приведены въ дѣйствіе; паны, какъ всѣ виновные въ мятежѣ, безпрекословно подчинились онымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, сочувствуя мятежу, объявляли крестьянамъ въ началѣ 1863 года, что имъ отдадутъ земли безвозмездно, если они пойдутъ въ мятежъ, и потому опасались, что правительство отберетъ землю всю даромъ.

Владѣльцы упали духомъ, а крестьяне воспрянули и почувствовали новую жизнь; причемъ приняты были мѣры къ возстановленію православныхъ церквей и къ возвышенію духовенства съ распространеніемъ повсюду русскихъ школъ. Для довершенія уничтоженія возможности формироваться вновь къ веснѣ мятежнымъ шайкамъ среди огромныхъ лѣсовъ, покрывающихъ еще Сѣверозападныя губерніи, приказано было подѣлать просѣки къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ могли удобно укрываться шайки и въ случаѣ, ежели помѣщики сего не исполнятъ, то предоставить это, по указанію начальства, самимъ крестьянамъ. Бо̀льшая часть просѣкъ была исполнена сими послѣдними и сею мѣрою въ одно время былъ обезпеченъ край отъ могущихъ вновь появиться мятежниковъ, а

крестьяне получили за труды большое количество лѣсу и въ слѣдующемъ году бо̀льшая часть отлично обстроилась вмѣсто бывшихъ ихъ убогихъ хатъ.

Помѣщики на мѣстахъ вполнѣ смирились и тайно роптали; но въ Петербургѣ подняли большой вопль и нашли сочувствіе (?) въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ и у иныхъ правительственныхъ лицъ. Не взирая на все это, я рѣшился привести до конца начатыя мѣры, ибо этимъ единственно способомъ можно было упрочить наше тамъ владычество и подавить польскую преобладавшую интеллигенцію, противъ которой уже крестьяне въ улучшенномъ своемъ состояніи, при содѣйствіи правительства, могли бы бороться.

Къ этому возстанію въ Петербургѣ противъ принятыхъ мною мѣръ сильно присоединилась нѣмецкая партія, владѣющая значительными имѣніями въ Инфляндскихъ уѣздахъ Витебской, а также въ Сѣверозападныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи: нѣмцы теряли едва-ли не болѣе поляковъ, такъ какъ еще болѣе угнетали крестьянъ и вводили батрачество въ своихъ имѣніяхъ, т. е. полное обеземеленіе крестьянъ. Тѣ же самыя мѣры по устройству быта крестьянъ были примѣнены мною еще въ 1863 г. въ Августовской губерніи, причемъ приказано было постепенно уничтожать гминное управленіе владѣльцевъ и назначать на мѣсто ихъ гминными войтами крестьянъ по собственному ихъ выбору; равнымъ образомъ введены были, независимые отъ помѣщиковъ, крестьянскіе суды, съ правомъ рѣшать дѣла до 100 руб. сер.

Всѣмъ этимъ мѣрамъ подчинились безропотно владѣльцы Августовской губерніи и, въ скоромъ времени, крестьяне до такой степени ожили, что начали сами ловить мятежниковъ и представлять правительству. Тоже самое было въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ; отовсюду я получалъ отъ крестьянъ депутаціи съ благодарственными адресами; вездѣ крестьяне молились торжественно за Государя, даровавшаго имъ свободу, присылали адресы и устраивали часовни и образа во имя Александра Невскаго,— словомъ всеобщее было торжество крестьянъ, которые вполнѣ передались на сторону правительства и нелицемѣрно благодарили Государя за всѣ оказанныя милости. Въ краѣ такъ ожило русское начало, что вездѣ заговорили по русски и православные священники, бывшіе въ угнетеніи и въ рабскомъ почти порабощеніи

у ксендзовъ и пановъ, стали пренебрегать прежними своими властелинами; помѣщики же явно упали духомъ, въ особенности же когда въ половинѣ 1863 г. были обложены 10% сборомъ съ доходовъ ихъ имѣній, каковой однако-жъ былъ безпрекословно и въ кратчайшее время внесенъ и послужилъ къ поддержанію русскихъ чиновниковъ, прибывающихъ въ край, на устройство церквей и иныхъ предметовъ, о коихъ будетъ упомянуто далѣе.

Противу правильности обложенія помѣщиковъ 10% сборомъ было много возгласовъ, особенно въ Петербургѣ. Обвиняли меня въ неуравнительности и возвышенности раскладки и никто не хотѣлъ понять, что во время самаго разгара мятежа, т. е. въ іюнѣ и іюлѣ 1863 года, нельзя было въ нѣсколько недѣль составить правильную раскладку и оцѣнку доходовъ помѣщичьихъ имѣній; но таково было увлеченіе высшей петербургской сферы, что они, подстрекаемые польскою партіею, хватались за всѣ самыя нелѣпыя идеи, чтобъ только обвинить и обезсилить принятыя мною необходимыя мѣры къ укрощенію мятежа; они не хотѣли понять, что у поляковъ нѣтъ настоящаго патріотизма, но лишь влеченіе къ своеволію и угнетенію низшихъ классовъ, что имъ хотѣлось возстановленія древнихъ правъ польской аристократіи во время Рѣчи Посполитой, что имъ нужно было до невозможности поработить народъ и выжимать изъ него сокъ, превращая его въ „bydło" (по польски значитъ: скотина, такъ обыкновенно называли паны простой народъ); по сей-то причинѣ паны и вообще польская интеллигенція не столько возставали противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ къ укрощенію мятежа, сколько во всеуслышаніе вопіяли противу огражденія крестьянъ отъ панскаго гнета и возрожденія въ нихъ нравственной силы; они называли дѣйствія управленія въ семъ отношеніи разрушительными для общественнаго порядка и послѣдствіемъ системы соціалистовъ.

Въ Петербургѣ тоже твердили, ибо не понимали ни положенія края, ни необходимости утвердить въ ономъ русскую народность. Министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ (кн. Василій Андреев. Долгоруковъ) преимущественно противодѣйствовали (?), сколько могли, принятымъ къ устройству быта крестьянъ мѣрамъ, и старались (?) поколебать довѣріе Государя къ мѣстному управленію; причемъ они старались распространить мысль, что мѣры эти приведутъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ въ самой

Россіи и потому министръ внутреннихъ дѣлъ долго не допускалъ обязательнаго выкупа крестьянами земель въ Западныхъ губерніяхъ.

10% сборъ они считали и называли грабежемъ и явнымъ раззореніемъ владѣльцевъ, не принимая въ соображеніе, что тѣ же самые владѣльцы платили дань мятежникамъ, далеко превосходившую 10% сборъ; они не хотѣли понять, что раскладка сдѣлана была по указаніямъ самихъ помѣщиковъ, т. е., что взята въ основаніе оцѣнка десятины, объявленная помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ; такимъ образомъ владѣльцы, стараясь, увеличить свои доходы угнетеніемъ крестьянъ, сами поплатились при обложеніи 10% сборомъ тѣхъ доходовъ.

10% сборъ, кромѣ справедливости мѣры и способа разложенія, представлялъ ту главную выгоду правительству, что онъ лишалъ помѣщиковъ возможности удѣлять доходы свои на поддержаніе мятежа. Мѣра эта, съ присоединеніемъ къ ней взиманія штрафовъ за трауръ и другія революціонныя манифестаціи, а также контрибуціи за пособіе мятежникамъ, произвели самое благодѣтельное вліяніе въ краѣ, ибо польскіе паны, шляхта и ксендзы вынуждены были дорого платить за всѣ безсмысленныя ихъ покушенія; поляка же ничѣмъ нельзя остановить въ его безуміи, какъ деньгами; его надобно, какъ говоритъ пословица, бить по карману; болѣе благоразумные поляки въ этомъ сами сознаются. Съ уменьшеніемъ доходовъ уменьшились и революціонныя затѣи, всякій занялся поддержаніемъ своего хозяйства и опасался только, чтобы не попасть подъ новые штрафы и взысканія и засимъ все въ скоромъ времени смирилось въ краѣ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ мною для окончательнаго подавленія мятежа и переловленія скрывающихся одиночныхъ мятежниковъ, я испросилъ высочайшее соизволеніе на утвержденіе, во ввѣренномъ мнѣ краѣ, жандармскихъ командъ изъ 30 человѣкъ въ каждомъ уѣздѣ, подъ начальствомъ одного офицера. Команды эти снабжены были подробною инструкціею и размѣщались въ уѣздахъ, на опредѣленныхъ пунктахъ, для наблюденія за дѣйствіями обывателей, гдѣ съ содѣйствіемъ войскъ и казачьихъ командъ, размѣщенныхъ также по уѣздамъ, въ скоромъ времени были уничтожены послѣдніе остатки бродячихъ шаекъ.

Жандармскія эти команды до такой степени очистили край отъ послѣднихъ остатковъ мятежа, что уже въ 1864 году можно было безопасно вездѣ ѣздить и всѣ мирные обыватели вполнѣ по-

чувствовали столь необходимыя для нихъ и ихъ благосостоянія силу и покровительство нашихъ властей.

Инструкція, данная жандармскимъ командамъ, выходила изъ разряда обыкновенныхъ, принятыхъ у насъ, началъ для жандармеріи: онѣ поставлены были въ непосредственную зависимость мѣстнаго начальства, которое ими распоряжалось по своему усмотрѣнію, какъ высшею административною полиціею; команды составляли тоже, что во Франціи „maréchaussés“. Высшее жандармское управленіе стремилось къ тому, чтобъ ихъ обратить въ безотвѣтственныхъ доносчиковъ, чѣмъ уничтожилась бы полезная ихъ административная отвѣтственная дѣятельность, но я этого не допускалъ во время управленія моего краемъ и команды эти были дѣйствительно весьма полезны, подчиненныя главному мѣстному начальству. Независимо отъ сего, во всѣхъ уѣздахъ была учреждаема, съ половины іюля мѣсяца 1863 г., постепенно сельская вооруженная стража подъ начальствомъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, ее формировавшихъ. Стража эта доходила въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1,000 и 2,000 человѣкъ, охраняла селенія, очищала лѣса, совокупно съ войсками, отъ мятежниковъ, и держала въ страхѣ мятежныхъ пановъ, которые были обложены особымъ сборомъ на содержаніе оной; каждый стражникъ получалъ въ сутки 10 коп. деньгами, кромѣ продовольствія; въ сложности содержаніе стражи обошлось польскому дворянству шести Сѣверозападныхъ губерній болѣе 800,000 р. с. Дворянство также заплатило за всѣ убытки, которые учинены мятежниками, какъ въ казенномъ, такъ и въ частномъ имуществѣ, т. е. священниковъ, крестьянъ и т. п. Эти мѣры, совокупно съ 10% сборомъ, имѣли самые благопріятные результаты. На счетъ помѣщиковъ же было ограждено все протяженіе желѣзной дороги, расчищены окрестные лѣса, устроены бараки для войскъ по всей линіи,—словомъ они вполнѣ заплатили деньгами за свое безуміе, не говоря уже о частныхъ штрафахъ.

IX.

Въ ноябрѣ 1863 г. военныя дѣйствія почти повсемѣстно прекратились, такъ что въ декабрѣ можно было возвратить въ Петербургъ 1-ю гвардейскую дивизію, оказавшую такъ много услугъ правительству (равно какъ и прежде бывшая 2-я дивизія) при укрощеніи мятежа; къ тому времени уменьшились повсемѣстно и аресты и усиленно только дѣйствовали на мѣстахъ военносудныя

и слѣдственныя коммисіи, для скорѣйшаго очищенія тюремъ, наполненныхъ лицами, учавствовавшими въ мятежѣ. Такъ какъ онъ былъ повсемѣстно прекращенъ, то я призналъ возможнымъ облегчить и мѣру наказаній, дозволивъ простолюдиновъ, участвовавшихъ въ шайкахъ, но принесшихъ чистосердечное раскаяніе, вовсе освободить въ взысканія, съ отдачею на поручительство обществъ; такимъ образомъ въ теченіе 1863 и 1864 гг. болѣе 4,000 человѣкъ разнаго званія лицъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, отданы были на поручительство, съ учрежденіемъ за ними полицейскаго надзора, кромѣ таковаго же количества добровольно возвратившихся изъ шаекъ, также водворенныхъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; количество же лицъ, присужденныхъ къ разнымъ тяжкимъ наказаніямъ, высланныхъ и оставленныхъ въ краѣ, въ подробности (было) указано въ вѣдомости, сообщенной мною военному министру для доклада Государю.

Изъ вѣдомости этой ясно видно, какъ преувеличены были всѣ толки и возгласы объ огромномъ будто бы числѣ лицъ, сдѣлавшихся жертвою жестокости управленія сѣверозападнымъ краемъ. Едва-ли когда либо мятежъ, столь сильно охватившій всѣ шесть Сѣверозападныхъ губерній (съ населеніемъ болѣе 6.000,000), могъ быть оконченъ съ меньшимъ числомъ жертвъ; всѣ бывшія революціи въ Европѣ и возстанія въ Англійскихъ колоніяхъ стоили нѣсколько кратъ болѣе жертвъ, чѣмъ бывшее въ Западныхъ губерніяхъ возстаніе—ибо главное начальство сего края заботилось о томъ только, чтобы введеніемъ строго отвѣтственной и правильной администраціи возстановить достоинство правительства и только нѣкоторыми болѣе разительными примѣрами смертной казни главныхъ руководителей мятежа и въ особенности лицъ, учредившихъ правильныя неистовства и злодѣянія надъ безоружнымъ народомъ, надо было остановить тотъ терроръ, который они повсюду распространяли. Здѣсь дѣло заключалось не въ однѣхъ строгихъ наказаніяхъ, ибо ихъ было весьма не много, но въ совокупности всѣхъ принятыхъ мѣръ къ подавленію мятежа и къ предупрежденію всѣхъ безпрестанно измѣняющихся способовъ дѣйствія мятежнаго жонда; въ этомъ собственно и заключалось достоинство управленія и успѣхъ его дѣйствій; мятежъ самъ собою погасъ и все смирилось, потому только, что во всѣхъ покушеніяхъ своихъ онъ находилъ своевременное правительственное противодѣйствіе; безсмысленные польскіе умы отрезвились и все затихло въ краѣ, когда убѣдились, что правительственная власть возстановлена и идетъ непреоборимо къ предначертанной цѣли, не останавливаясь ни передъ какими препонами, повсюду поставляемыми.

Мятежъ превратился, когда самые происки петербургскихъ и варшавскихъ революціонеровъ не могли побороть и ниспровергнуть систему дѣйствій главнаго начальства Западнаго края.

4-го апрѣля 1866 г. Графъ Михаилъ Муравьевъ.
С.-Петербургъ.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г., помѣщена легенда о Скобелевѣ; поэтому я думаю будетъ кстати, ежели я сообщу нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній объ Ив. Ник. Скобелевѣ. Онъ былъ уроженецъ села Новиковки, нынѣ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда. Новиковка населена была частію однодворцами, частію же крѣпостными, и мой родной прадѣдъ, Даніилъ Филиповичъ Новиковъ, былъ тамошнимъ помѣщикомъ; дочь его, Василиса Даниловна, по мужу Слѣпцова, знала лично мать Ив. Ник. и его самаго, во время его пріѣздовъ въ Новиковку къ своей матери, и много мнѣ разсказывала; но моя бабка умерла еще въ 1867 году и многія подробности мною забыты: не припомню кому принадлежало имя Капитолина, кажется первой женѣ Ив. Ник., съ которой впослѣдствіи, по ея же желанію, онъ развелся. Иванъ Никитичъ отданъ былъ въ солдаты женатымъ и, пріѣзжая уже офицеромъ, жилъ съ женой, которая оставалась при его матери, но ѣхать къ нему не хотѣла; послѣ развода она спилась и умерла чахоткой. Ив. Ник., дѣйствительно, выписывалъ свою мать къ себѣ и она, забравъ весь скарбъ, ѣздила къ нему и, не смотря на всю любовь и заботливость сына своего, пріѣхала обратно въ Новиковку, гдѣ и умерла. Ив. же Ник., до самой смерти ея, о ней заботился. Старуха была характерная и разыгривала въ Новиковкѣ роль «Марфы Посадницы»: подъ удары церковнаго колокола собирала сходы, рѣшенія которыхъ иногда были компетентнѣе судовъ и касались уголовщины. Выше я сказалъ, что часть Новиковки заселена однодворцами, среди коихъ сохранилось преданіе, переданное мнѣ изъ ихъ среды (Сергѣемъ Трофимовымъ), что они тутъ поселены царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ изъ подъ Смоленска за какую-то провинность, а прежде были изъ польской шляхты. Иванъ Никитичъ и былъ сдаточнымъ солдатомъ изъ числа сихъ однодворцевъ, которые тогда выдѣлялись въ правахъ отъ простыхъ крестьянъ и были достаточнѣе. За достовѣрность вышеписаннаго ручаюсь, сожалѣя, что многое забылъ, ибо слышалъ все это еще тогда, когда позднѣйшаго героя Мих. Дм. еще драли за уши.

Аркадій Слѣпцовъ.

Москва.
7-го октября 1882 г.

Приглашенія въ III-е Отдѣленіе В. Г. Бѣлинскаго

въ 1848 г.

Изъ біографіи знаменитаго нашего писателя В. Г. Бѣлинскаго извѣстно, что незадолго до его кончины онъ былъ крайне потрясенъ и встревоженъ настойчивымъ желаніемъ начальника штаба шефа жандармовъ—Леонтія Васильевича Дубельта видѣть его у себя, въ III-мъ Отдѣленіи и лично съ нимъ познакомиться.

Приводимъ два документа, къ этому эпизоду относящіеся. Подлинники сохранились у М. В. Бѣлинской, вдовы Виссаріона Григорьевича и подарены ею высокоуважаемому Н. Х. Кетчеру, съ весьма обязательнаго дозволенія котораго мы ихъ печатаемъ:

Ред.

Москва.
29-го сентября 1882 г.

I.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ желалъ бы познакомиться съ вами и проситъ васъ, милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ, пожаловать къ нему утромъ, въ свободный для васъ день, отъ 12 до 2 часовъ, въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Мнѣ тѣмъ пріятнѣе исполнить порученіе моего начальника, что при этомъ и я буду имѣть удовольствіе повидаться съ вами. М. Поповъ.

20-го февраля 1848 г.

II.

Слышалъ я, что прежняя записка моя нѣсколько напугала васъ, милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ.

Въ приглашеніи васъ нѣтъ другой причины, кромѣ того, что Леонтій Васильевичъ желаетъ познакомиться съ вами.

Вы, какъ литераторъ, пользуетесь извѣстностію; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III-мъ Отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично и даже сблизиться съ вами.

Теперь, по его же порученію, покорнѣйше прошу васъ, не пожалуете ли къ нему въ III-е Отдѣленіе, въ понедѣльникъ или въ другой присутственный день. Повѣрьте что вы встрѣтите самый ласковый и радушный пріемъ.

Еще прошу васъ увѣдомить меня, поправилось ли ваше здоровье и прибавить, когда вы можете быть въ III-е отдѣленіе. Мнѣ нужно предварить объ этомъ Л. В.

Если не успѣете записки вашей передать посланному, то адресъ мой: въ Семеновской улицѣ въ домѣ Тура.

М. Поповъ.

27-го марта 1848 г.

На конвертѣ: «Его Высокоблагородію Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому. Узнать о квартирѣ въ конторѣ «Современника» въ домѣ Лопатина, у Аничкина моста. Отъ дѣйствит. ст. сов. Попова».

Другой рукой написанъ на конвертѣ адресъ Бѣлинскаго: «Въ Ямской, противъ Кузнечной улицы, въ домѣ Галченкова».

Эти настойчивыя приглашенія нашли Бѣлинскаго на одрѣ весьма тяжкой болѣзни. Онъ умеръ 26-го мая 1848 года. См. „Бѣлинскій“ соч. А. Н. Пыпина, 1876 г. т. II, стр. 332.

Примѣчаніе. Михаилъ Максимовичъ Поповъ преподаватель естественной исторіи, а также и словесности въ Пензенской гимназіи въ то время, когда тамъ воспитывался В. Г. Бѣлинскій,—служилъ впослѣдствіи времени въ канцеляріи III-го Отдѣленія и былъ чиновникомъ однимъ изъ самыхъ довѣреннѣйшихъ у Л. В. Дубельта, а впослѣдствіи у кн. Вас. Андреев. Долгорукаго. Сравнительно онъ былъ добръ и обязателенъ, въ особенности къ писателямъ и журналистамъ.

Нѣсколько интересныхъ сообщеній изъ бумагъ М. М. Попова, какъ напр. статья его о Пушкинѣ и объ отношеніяхъ великаго поэта къ III-му Отдѣленію, напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд 1874 г., томъ X.

М. М. Поповъ умеръ въ 1872 году, въ С.-Петербургѣ, въ отставкѣ, слѣпой.

Ред.

Плачъ Ярославны.

Чутно голосъ Ярославны:
Якъ зозулька на зорѣ,
Зарыдала, загукала,
У Путивлѣ на стѣнѣ.
«Я зозулею далеко
По Дунаю полечу;
И бобровый я рукавъ мôй
У Каялѣ умочу;
И крôвавы, тяжки раны,
Князю другу моему.
На могучôмъ ёго тѣлѣ,
Я промыю и утру».
То княгиня Ярославна,
У Путивлѣ на стѣнѣ,
И рыдае, и гукае,
Якъ зозулька на зорѣ.
«Вѣтре буйный! Чогô вѣешъ
Противъ княжихъ ты бойцêвъ,
И на легкихъ твоихъ крильяхъ
Мчишъ имъ стрѣлы Половцêвъ?
Чи тожъ мало тобѣ вѣять
Зъ облаками у горѣ,
И на синёму на морѣ
Колыхати кораблѣ?
Нáщожъ ты, мôй господине,
Нащо радôсть всю мою,
Ты розвѣявъ у пустынѣ,
По сухому ковылю?»
То княгиня Ярославна,
У Путивлѣ на стѣнѣ,
И рыдае, и гукае,
Якъ зозулька на зорѣ.
«Любый Днѣпре, Словутицю!
Ты, въ просторъ собѣ, пробивъ
Круты горы каменныи
Черезъ землю Половцêвъ;
И до войська Кобякова,
Ради славнои войны,
Ты носивъ на собѣ быстро
Святославовы човны.
Принеси жъ, мôй господине,
Менѣ друга ты мого,
Щобъ я слёзъ моихъ не слала
Все на море до ёго!»

То княгиня Ярославна,
У Путивлѣ на стѣнѣ,
И рыдае, и гукае,
Якъ зозулька на зорѣ.
„Солнце ясне и прекрасне!
Всѣмъ тепло и свѣтъ даешъ,
Нащо-жъ ты на княжи вои
Лучъ горячій твôй ильешъ?
Нащо имъ, въ безводнôмъ полѣ,
Луки смагою спекло:
Нащо тугою-тоскою
Ты имъ тулы затягло?"

Перев. въ 1869 г. **М. А. Максимовичъ.**
Сообщ. 24-го іюня 1872 г. **Н. П. Вароуновъ.**

О сооруженіи въ Москвѣ Храма Христа Спасителя

1812 г.

Въ виду того что въ предстоящемъ 1883 году, храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ будетъ освященъ и открытъ русскому народу, напоминаемъ манифестъ императора Александра I-го, въ свое время обнародованный, о сооруженіи сего памятника освобожденія нашего Отечества отъ дванадесяти языковъ. А. В.

Божіею милостію Мы Александръ Первый императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всенародно:

Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцовъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы Наши, есть явно изліянная на Россію благость Божія, есть по истиннѣ достопамятное произшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ Вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности Нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ Первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Хріста, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ Святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ.

Въ Вильнѣ. Декабря 25 дня 1812 года.

Александръ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. Декабря 31 дня 1812 года.

Сообщ. **А. А. Вязмитиновъ.**

Академикъ-граверъ Л. А. Сѣряковъ.

Къ перечню его произведеній.

Въ дополненіе къ перечню произведеній Л. А. Сѣрякова, составленному Н. П. Собко („Русская Старина“ томъ XXXI стр. 309) и къ замѣткамъ къ этому перечню Городецкаго („Русская Старина“, томъ XXXII стр. 920) и моей („Русская Старина“ томъ XXXIII, стр. 364) считаю необходимымъ сообщить уважаемой редакціи „Русской Старины“ о существованіи еще нѣсколькихъ произведеній нашего талантливаго гравера, не упомянутыхъ въ вышесказанномъ спискѣ и найденныхъ мною при тщательномъ пересмотрѣ произведеній академика Л. А. Сѣрякова, находящихся въ моей библіотекѣ, въ разныхъ ея отдѣлахъ.

I. Отдѣльно. Подвигъ купца Иголкина, съ картины ректора исторической живописи В. К. Шебуева, рис. П. Черкасовъ, грав. Л. Сѣряковъ.

II. Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія Н. Путиловымъ. Спб. 1854—55 гг. въ тип. Э. Веймара.

12 книжекъ, раздѣленныхъ на 6 отдѣловъ, съ приложеніемъ 12 литографированныхъ портретовъ и 19 политипажей и плановъ, грав. на деревѣ. Изъ числа политипажей 5 съ подписью Л. Сѣрякова, а именно:

1. Видъ города Ахалцыха—13 стр. III отд.

2. Видъ парохода Колхида, при укрѣпленіи Св. Николая, въ октябрѣ 1853 г.—207 стр. IV отд.

3. Видъ, изображающій геройскій подвигъ прапорщика Щеголева и его батарею на Одесскомъ практическомъ молѣ, въ страстную пятницу 1854 г.—93 стр. IV отд.

4. Видъ пожара Англійскаго парохода-фрегата Тигръ близь Одессы, 30 апрѣля 1854 г.—183 стр. IV отд.

5. Охотникъ морскаго ополченія, съ рис. К. Пиротскаго, къ 13-й (неизданной) книжкѣ.

III. Новая Скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ, соч. Веніамина, архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, въ четырехъ частяхъ, съ рисунками, гравированными на деревѣ Л. Сѣряковымъ. Изданіе Кораблева и Сирякова. Спб. въ тип. Э. Веймара 1857 г.

Въ текстѣ этой книги находится 73 рисунка, изображающихъ церковную утварь, одежды священнослужителей и т. п.

IV. Иллюстрированный охотничій календарь на 1873 годъ съ рисунками. Москва 1872 г.

Въ текстѣ этой книжки около 20 прелестныхъ виньетокъ, изображающихъ охотничьи трофеи, птицъ, звѣрей и т. п. Всѣ онѣ съ извѣстною автографическою подписью Л. А. Сѣрякова извилистыми буквами. Рисунки эти перепечатаны при второмъ и послѣднемъ изданіи Иллюстрированнаго охотничьяго календаря на 1874 годъ.

Такъ какъ гравюры, помѣщенныя въ „Сборникѣ извѣстій“, представляютъ большой интересъ по художественности исполненія; изображенія же, помѣ-

щенныя въ „Новой Скрижали“, имѣютъ несомнѣнное значеніе для полноты списка произведеній Л. Сѣрякова, въ виду ихъ многочисленности и особенности предмета, то я позволяю себѣ надѣяться, что редакція „Русской Старины“ не откажетъ помѣстить мою дополнительную замѣтку на страницы своего уважаемаго изданія.

В. В. Голубцовъ.

18 марта 1882 г. Голубцовскій заводъ Пермской губерніи.

Къ статьѣ «графъ Растрелли».

Въ 1744 г. Императрица Елисавета Петровна собственноручно заложила въ Кіевѣ на сѣверномъ бастіонѣ крѣпости, гдѣ по преданію былъ водруженъ крестъ руками апостола Андрея Первозваннаго, Андреевскую церковь, сооружавшуюся по проэкту графа Растрелли 23 года и освященную въ 1767 г. Екатериною II, приславшею тогда-же въ эту церковь запрестольный образъ Тайной Вечери, кисти, какъ полагаютъ, Леонардо да-Винчи. Храмъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что за высотою (42 саж. надъ Днѣпромъ) и тѣснотою мѣста не имѣетъ колокольни и находится вовсе безъ колоколовъ.

И. Н. Божеряновъ.

Основаніе театра въ Харьковѣ,

1780 г.

Г. Редакторъ! Помѣщенная въ августовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г. Ѳ. А. Каменнымъ замѣтка: «Основаніе театра въ Харьковѣ», представляетъ почти дословный пересказъ статьи, напечатанной въ 12-й книжкѣ журнала «Репертуаръ русскаго и пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ», изд. И. Песоцкимъ за 1842 годъ. (Отдѣлъ: «II. Матеріалы для исторіи театра и словесности», стр. 15—20, «Начало театра въ Харьковѣ»). Въ «Репертуарѣ» указанная статья, въ свою очередь, является перепечаткой изъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», что тамъ и указано въ концѣ, на стр. 20-й. Между тѣмъ, въ вступленіи къ своей замѣткѣ, г. Каменный объясняетъ, что онъ «собралъ не безъинтересныя свѣдѣнія объ основаніи Харьковскаго театра», что наводитъ на предположеніе, не есть-ли статья—воспроизведеніе статьи Харьк. Губ. Вѣд., съ которыхъ сперва перепечаталъ Репертуаръ, а затѣмъ г. Каменный. Иначе трудно объяснить ту поразительную близость, которая связываетъ всѣ три статьи объ одномъ и томъ же предметѣ другъ съ другомъ. Желательно (и къ этому желанію присоединяется и редакція), дабы г. Каменный объяснилъ это недоразумѣніе и призналъ свою перепечатку, ибо легкое переиначиваніе нельзя считать за оригинальное собраніе «не безъинтересныхъ свѣдѣній», съ чѣмъ вѣроятно и онъ согласится, сравнивъ статью „Репертуара“ съ своею статьею объ основаніи Харьковскаго театра.

Примите увѣренія въ глубокомъ уваженіи

Читателя «Русской Старины».

Спб. 2-го октября
1882 г.

Замѣтки къ статьѣ П. Н. Петрова: «Балакиревъ».

Въ статьѣ П. Н. Петрова, помѣщенной въ октябрской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г. вкрались нѣкоторыя неточности.

Тамъ сказано (на стр. 173), что и Геннингеръ, и Шумахеръ, и Крафтъ женаты были на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ трактирщика Фельтена.

Это невѣрно.

Правда, Шумахеръ былъ женатъ на старшей дочери оберъ-кухмистера Іоганна Фельтена, Аннѣ-Доротеѣ, но Крафтъ былъ женатъ на дочери академическаго эконома Матіаса Фельтена (внучатнаго брата оберъ-кухмистера) отъ брака его со вдовою Таубертъ. Что же касается до Геннингера, то онъ былъ женатъ на сестрѣ Шумахера, и онъ самъ (а не его сынъ) былъ преподавателемъ Анны Леопольдовны. Ссылаюсь на Пекарскаго «Исторію акад. наукъ», гдѣ о Геннингерѣ находится пространная замѣтка.

Петръ I назначилъ Іоганна Фельтена своимъ кухмистеромъ въ 1704 году. Въ 1727 г., декабря 25, Фельтену пожалована Лапалинская мыза, въ Копорскомъ уѣздѣ, а въ 1733 г., янв. 15, ему же пожалована (въ пожизненное владѣніе) мыза Унапихтъ, въ Дерптскомъ уѣздѣ. Онъ умеръ въ С.-Пб. въ 1737 г. Жена пережила его.

Кромѣ дочери, бывшей за Шумахеромъ, у Іоганна Фельтена была еще дочь за деньщикомъ Петра Вел., Андреемъ Древникомъ. Въ «Юрналѣ» за 1724 годъ значится: 1 августа его имп. вел. были на свадьбѣ у деньщика Андрея Древника; на слѣдующій день, 2 авг., были на родинахъ, а на третій день, 3 авг. были на крестинахъ у Древника. Андрей Древникъ пожалованъ былъ, 25 ноября 1726 г., изъ гофъ-юнкеровъ въ камеръ-юнкеры, а 14 апр. 1743 г., при увольненіи отъ службы, въ дѣйствительные камергеры. Его братъ, Иванъ Древникъ, утонулъ 13 іюня 1723 г.

Сообщ. Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна.
10 (22) октября 1882.

П. И. Фаленбергъ.

Въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г. выражено желаніе имѣть свѣдѣнія о годѣ рожденія П. И. Фаленберга. Въ виду этого считаю не лишнимъ сообщить, что въ Харьковѣ у доктора Филиппа Ивановича Ланге, пользовавшаго и хорошо знавшаго П. И. Фаленберга, имѣется подаренная ему послѣднимъ фотографическая его карточка, на оборотѣ коей Петръ Ивановичъ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись:

«Петръ Ивановичъ Фаленбергъ, родился 20 мая 1791 г. Фотографія снята въ Харьковѣ въ 1869 г. На память доброму Филипу Ивановичу Ланге 1870 г. 4 мая».

Сообщ. **А. Н. Щербачевъ.**

Замѣтки и поправки:

На случай, если бы Записки Я. А. Соловьева имѣли выйти новымъ изданіемъ, указываю на слѣдующія, вѣроятно, описки копіи, съ которой напечатаны его записки въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г.:

Стран. 146 строка 5 „Губернскій“, а не „Губернаторскій“.
„ 147 „ 3 „послѣдствіямъ“, невѣрно.
„ — „ 18 „обязаннаго“ ли?
„ — „ 23 „у насъ“, а не „у васъ“.

По поводу той-же октябрьской книги „Русской Старины“ отмѣчу:

Стран. 158, послѣднія три строки текста и 3-я выноска. Развѣ въ текстѣ Художественнаго Листка, котораго подъ рукою не имѣю? На рисункѣ № 28-й, отъ 10-го октября 1862 г., представлено посѣщеніе императрицею Екатериною II работъ по привозѣ скалы изъ Лахты въ С.-Петербургъ.—Барабанщикъ на скалѣ есть сигналистъ.

Стран. 199, первыя 3 строки. По преданіямъ Петербургской крѣпости то же изреченіе И. Н. Скобелева обращено было къ плацъ-адъютанту, но въ формѣ благодарственной. Разсказывали (31 годъ тому назадъ) будто Иванъ Никитичъ благодарилъ этого офицера за обильное надѣленіе его палочными ударами, и приписывалъ его стараніямъ по этой части свой выходъ въ люди.

Стран. 203, строка 11 снизу. Не Манденштернъ, а Мандерштернъ.—Фамилія Карла Егоровича шведскаго происхожденія, и выговаривается у шведовъ Мандершерна. Впрочемъ солдаты постоянно звали Мандерштерна Мардерштѐйномъ, подобно тому, какъ графа Ребиндера звали графомъ Ребердинымъ, а Коцебу—Коцыбо̀й (Коцыба̀;—Ре́бердинъ).

Кстати мое воспоминаніе о дочери Ивана Никитича Вѣрѣ, вышедшей впослѣдствіи за мужъ за Константина Ѳеодоровича Опочинина.—Бывши воспитанницей въ училищѣ Ордена Св. Екатерины, она, подобно своимъ товаркамъ, написала въ классѣ сочиненіе для учителя русской словесности, впослѣдствіи академика, Александра Васильевича Никитенко.—Сочиненіе было такъ хорошо, что поразило учителя и побудило его спросить объ имени

авторши; узнавъ, что она Скобелева, Никитенко сказалъ: „вѣрно дочь Ивана Никитича: по батюшкѣ мысли и слогъ"!

Стран. 207 и слѣд. Душевное спасибо за помѣщеніе извѣстій о Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ, хотя статья имѣетъ фонъ мрачный, ипохондрическій и едва ли не мизантропный. Я говорю спасибо, потому что воспоминаніе о личности Виктора Степановича есть одно изъ самыхъ свѣтлыхъ по моему университетскому времени. Душа человѣкъ былъ Викторъ Степановичъ! Но о стѣсненномъ его положеніи мы и не воображали. Онъ всегда держался изящно, не исключая и мундирнаго фрака, который былъ отлично сшитъ, всегда безукоризненно свѣжъ, и отличался отъ другихъ вицъ-мундировъ болѣе длинными фалдами. Когда я говорю, что воспоминаніе о профессорѣ Порошинѣ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ, то это значитъ не мало, потому что моими профессорами были въ то же время такія личности, какъ П. А. Плетневъ, И. Я. Ивановскій, Фрейтагъ, Грефе и др.; попечителемъ же былъ князь Григорій Петровичъ Волконскій. И о многихъ изъ тогдашнихъ товарищей вспомнить безъ отраднаго чувства не могу. Со мною были студентами: Комаровскій, Лобановъ, Дондуковъ, Дудышкинъ, Аполлонъ Майковъ, Лемоніусъ, Альфредъ Гротъ, Іосифъ Ропсъ (Joseph Ropes—вскорѣ послѣ выхода изъ университета переселившійся въ Нью-Іоркъ), Фивегеръ (отличный классикъ, изъ Царства Польскаго,—вскорѣ совершенно потерявшійся изъ вида) и мн. др. Не могу не вспомнить и о добрѣйшемъ инспекторѣ и горячемъ музыкантѣ Александрѣ Ивановичѣ Фицтумѣ фонъ Экстешъ.

К. Рудницкій.

ОПЕЧАТКА.

Въ отрывкѣ изъ моихъ Венгерскихъ записокъ поручикъ Д. Θ. Кроновичъ нѣсколько разъ ошибочно названъ: Кроковичъ.

П. В. Алабинъ.

ныхъ условіяхъ, быть «базой довольства, богатства и счастія».

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ XXXV. Спб. 1882. 869+88. Ц. 3 р.

Настоящій томъ Сборника составляетъ 1-ю часть «памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ польско-литовскимъ» и обнимаетъ время ихъ съ 1487—1533 годъ. Только со временъ Ивана III становятся извѣстными записи дипломатическихъ документовъ о сношеніяхъ вел. князей московскихъ съ иностранными государствами. Посольскія книги о сношеніяхъ съ Польшею были въ смутное время захвачены и увезены поляками и только постепенно, въ теченіи XVII и XVIII столѣтій, были возвращены въ Россію. Часть матеріаловъ объ этихъ сношеніяхъ вошла еще прежде въ изданія протоіерея Григоровича (Акты Зап. Россіи) и Муханова (Сборникъ). Всѣ бывшіе пробѣлы и пропуски въ посольскихъ книгахъ въ настоящемъ изданіи, по возможности, пополнены изъ другихъ имѣющихся на лицо матеріаловъ («приказныхъ выписокъ»). Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи возобновляется давно предпринятое изданіе дипломатическихъ матеріаловъ о сношеніяхъ Россіи съ иностранными державами, часть которыхъ была издана II отдѣл. собств. Его Величества канцеляріи (съ римской импер., папскимъ дворомъ, италіанск. государями). Изданіе сношеній съ литовско-польскимъ государствомъ предпринято подъ ред. Г. Ѳ. Карпова и снабжено весьма обстоятельнымъ именнымъ и географическимъ указателями. Вообще редакція этого тома превосходна, но мы въ правѣ поставить вопросъ: отчего не ограничиться бы Обществу изданіемъ матеріаловъ со времени Петра В. и не предоставить памятники Древней Россіи въ распоряженіе Археографической коммиссіи?

Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ (до XIX вѣка). Соч. Х. Трусевича. М. 1882. 304. Ц. 2 р. 50 к.

Торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ давно обратили на себя вниманіе въ нашей литературѣ. Не говоря о сочиненіяхъ XVIII вѣка, посвященныхъ исторіи Сибири, о сборникахъ разныхъ матеріаловъ и путешествіяхъ, касающихся часто этого вопроса, о многотомной исторіи рус. коммерціи Чулкова, мы имѣемъ и спеціальныя сочиненія, относящіяся къ этому предмету, какъ извѣстное сочиненіе г. Корсака: «Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ». (Учен. Зап. Казан. Унив. 1856 и 1857 гг. и отдѣльно), трудъ по своему времени весьма добросовѣстный (авторъ упоминаетъ о немъ какъ-то мелькомъ, стр. 252). Въ извѣстномъ сочиненіи г. Семенова (Историч. свѣд. о рос. внѣшней торговлѣ) также собрано не мало данныхъ по этой части. Авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали выше, воспользовался обширнымъ матеріаломъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ русской и иностранной литературѣ, но, что особенно важно, дополнилъ ихъ по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностр. дѣлъ (китайскія и монгольскія дѣла, портфели Миллера и Васкина). Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ своей книгѣ, онъ помѣстилъ рядъ статистическихъ таблицъ, относящихся къ торговлѣ съ Китаемъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Вотъ перечень содержанія его труда: 1) начало посольскихъ сношеній съ Китаемъ; 2) исторія посольскихъ сношеній съ Китаемъ; 3) дороги въ Китай; ихъ состояніе и стоимость провоза; 4) казенная торговля, ея предметы; 5) устройство казенныхъ каравановъ, выгоды и невыгоды; 6) частная торговля; движеніе общаго оборота; 7) исторія предметовъ торговли; 8) исторія цѣнъ; 9) выгоды русско-китайскаго торга; 10) препятствія къ развитію его. Приведемъ еще нѣкоторыя изъ положеній автора, вытекающія изъ его диссертаціи: 1) казенная торговля, замѣнившая частную почти въ колыбели ея и основанная на предметахъ роскоши, была вредна, какъ для казны, такъ особенно для народа и его богатства; 2) характеры двухъ торгующихъ народовъ и образъ ихъ поведенія были причиною нетвердости торговыхъ между ними сношеній; 3) для китайцевъ торгъ былъ болѣе выгоденъ, чѣмъ для русскихъ.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины", Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 12. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина", на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала.

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина" 1882 г., 12 книгъ, съ 12 портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. **ДЕКАБРЬ.** 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Натальи Николаевны Гончаровой,** невѣсты А. С. Пушкина, въ 1830 г. Рисов. съ соврем. акварели П. Ѳ. Бореля, гравировалъ въ Парижѣ г. Панненмакеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерингофскій проспектъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 60—1.
1882.

Сборникъ русскаго историч. общества, т XXXVI. Спб. 1882. г. 435 Ц. 2 р.

Здѣсь напечатано окончаніе дневныхъ записокъ большаго собранія Екатерининской коммисіи. Засѣданія его открылись преніями о «проектѣ правъ благородныхъ». Къ голосованію мнѣній однако не обращались, а проектъ съ примѣчаніями на него былъ отправленъ въ дирекціонную коммисію; затѣмъ происходило чтеніе законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. На 18 декабря 1768 г. состоялся указъ о распущеніи этого собранія, и работы по уложенію должны были продолжаться уже въ частныхъ коммисіяхъ. Остальные матеріалы вышедшаго тома заняты избраніемъ членовъ въ эти коммисіи (1768—69 гг.). Только спустя $1^{1}/_{2}$ года (8 іюля 1770 г.) было собрано общее собраніе ихъ для объявленія о сдачѣ нѣкоторыми депутатами своихъ полномочій. Наконецъ, въ приложеніяхъ напечатаны: 1) подлинныя мнѣнія депутатовъ по поводу законовъ, читанныхъ въ большомъ собраніи; 2) подлинные проекты правъ разныхъ сословій съ замѣчаніями на нихъ нѣкоторыхъ членовъ коммисіи о государственныхъ родахъ и съ отзывами на нихъ разныхъ учрежденій (о мѣщанахъ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ ученыхъ, художниковъ, купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, разночинцевъ; о правахъ казачьихъ войскъ; о разныхъ родахъ крестьянства и правахъ этихъ крестьянъ; о правахъ кочующихъ народовъ); 3) приложеніе къ XXXII тому—это подлинныя мнѣнія депутатовъ (числомъ 40) на проектъ правамъ благородныхъ.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга II. Спб. 1882 г. 530 стр. съ 4 прилож. Ц. 4 р.

Намъ приходилось уже упоминать о первой книгѣ этого роскошнаго изданія. Новый томъ его обнимаетъ время отъ смерти Ивана Грознаго, до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича — время наибольшаго проявленія значенія боярства, заявившаго себя внутренними, тайными интригами и явными измѣнами. Поэтому и фамильная исторія лицъ, игравшихъ видную роль въ этомъ періодѣ, получаетъ особенный интересъ для историка. Помимо массы печатныхъ матеріаловъ, авторъ пользовался рукописями семейнаго и ихъ гр. графа Шереметева и рукописями археографической коммисіи. Книга автора еще болѣе подтверждаетъ въ необходимости разработки нашихъ семейныхъ архивовъ, указывающихъ и новыя данныя, и новыя точки зрѣнія на лица и событія. Отмѣтимъ при этомъ одинъ существенный фактъ, исправленный авторомъ. Извѣстно, что Н. И. Костомаровъ, въ своей исторіи смутнаго времени (III, 294) приводитъ выдержку изъ письма Ѳ. И. Шереметева къ князю В. В. Голицыну, по поводу избранія на престолъ, со словъ извѣстнаго писателя П. И. Мельникова, въ которой объ этомъ сказано такъ: «Выберемъ де Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ». Г. Мельниковъ сообщаетъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ то письмо у Погодина и говорилъ о немъ Н. И. Костомарову, но что послѣдній неточно передалъ его содержаніе. Пропущено очень важное слово: еще, стоящее передъ молодъ, а вмѣсто глупъ напечатано, сколько помнится г. Мельникову: «разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ». Впрочемъ авторъ книги сомнѣвается и въ этой исправленной редакціи, признавая самое письмо подложнымъ, хотя и не приводитъ основаній для этого. Между тѣмъ онъ же признаетъ письмо Филарета къ Шереметеву (на основаніи сообщенія Стралленберга), въ которомъ тотъ настаивалъ, чтобы непремѣннымъ условіемъ избранія было ограниченіе самодержавной власти, полагая, что выборъ падетъ на кого либо другаго, но не на его сына-Михаила.

Сборникъ Археологическаго института. Книги 4-я и 5-я.

Настоящее изданіе продолжаетъ служить органомъ свѣдѣній о русскихъ архивахъ и археологическихъ матеріалахъ, касающихся Россіи. Такъ, въ двухъ послѣднихъ книжкахъ помѣщены статьи объ архивахъ витебскомъ и кіевскомъ, объяснительная записка къ картѣ Польскаго государства 2-й половины XVI в., историко-археологическое описаніе Бѣлогостицкаго монастыря, чертежи, относящіеся до г. Архангельска въ XVII вѣкѣ; о нужныхъ цѣнностяхъ, ихъ значеніи и собираніи древнихъ русскихъ юридическихъ терминовъ; о свайныхъ постройкахъ; о самоцвѣтовыхъ вещахъ, находимыхъ въ древнихъ могилахъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ГОНЧАРОВА,

НЕВѢСТА А. С. ПУШКИНА,

1830 Г

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг. [1]).

I.

Предисловіе по большей части бываетъ ничтожное, надоѣло всѣмъ и рѣдко кѣмъ читается. Оно знакомитъ читателя съ авторомъ, а этотъ старается приманить къ себѣ вниманіе публики, что̀ тоже случается рѣдко. Я, безъ рекомендаціи, приступаю прямо къ дѣлу.

Почитаю также нужнымъ вкратцѣ познакомить читателя съ фамиліей моей. Фамилія дѣда моего, со стороны отца моего, была de St. Glin, женатый на дѣвицѣ de Lortal. Оба проживали въ помѣстьѣ своемъ, приписанномъ къ эпархіи Эръ (Diocèse d'Air), городкѣ на берегахъ Адура. По родству съ маркизами De Seguin, старшій сынъ дѣда моего поступилъ въ военную службу и былъ, въ началѣ революціи, бригаднымъ генераломъ въ арміи короля французскаго, а младшій сынъ, отецъ мой, назначался въ духовное званіе, по тогдашнему постановленію, и потому поступилъ въ монастырь, которому дана была небольшая дача (мыза), но

---

[1]) Записки Я. И. де-Санглена (давно уже покойнаго), писаны имъ въ 1860 году и доведены только до 1831 года. Рукопись передана въ нашу собственность генералъ-лейтенантомъ Модестомъ Ивановичемъ Богдановичемъ, 7-го іюля 1882 г., въ Ораніенбаумѣ. Высокоуважаемый историкъ, уже лежа на смертномъ одрѣ, пригласилъ насъ посѣтить его и, сказавъ намъ много добраго и хорошаго о нашемъ изданіи „Русская Старина", передалъ этотъ манускриптъ. Нѣсколько дней спустя, М. И. Богдановича не стало.

Ред.

вѣроятно монашеская жизнь отцу не понравилась; онъ бѣжалъ изъ монастыря и чрезъ Испанію и Англію прибылъ въ Парижъ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ chevalier de la Payre. Отецъ мой желалъ тотчасъ вступить въ военную службу, встрѣтились затрудненія, и онъ явился капитаномъ въ королевскихъ мушкатерахъ. Здѣсь поссорился онъ съ какимъ-то знатной фамиліи офицеромъ, который упрекалъ ему бѣгствомъ его изъ монастыря. Слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой секундантъ былъ тотъ-же chevalier de la Payre. Отецъ мой убилъ своего соперника и вынужденъ былъ, оставя отечество, перемѣнить свою фамилію; это и есть теперешняя моя. Онъ и chevalier прибыли оба въ гостепріимную Россію. Отецъ мой, чрезъ нѣсколько времени, получилъ изъ отечества своего тридцать тысячъ рублей и въ 1775 году женился въ Москвѣ на дѣвицѣ de Brocas.

Плодъ сего брака въ 1776 г. былъ я.

Къ крайнему моему сожалѣнію, всѣ документы, которые я читалъ у матери моей, сгорѣли въ 1812 году, съ прочими вещами, въ домѣ зятя моего Якова Ивановича Роста, вмѣстѣ съ домомъ его. Прочія извѣстія получилъ я отъ самаго chevalier de la Payre, который пережилъ отца моего, послѣ котораго я остался четырехъ лѣтъ. Мать моя осталась вдовою 19-ти лѣтъ, была собою прекрасная, съ возвышеннымъ характеромъ и необычайною твердостію духа. Она держала меня строго и не помню, чтобы она выказала мнѣ хоть малѣйшую ласку. Теперь, по истеченіи болѣе 50-ти лѣтъ, сынъ ее вспоминаетъ съ слезою благодарности; она врѣзала въ мое юное сердце понятіе о чести и презрѣніе ко всему низкому, была первою моею наставницею. На восьмомъ году отдала она меня въ пансіонъ къ г. Келлеру, у котораго были уже два пансіонера: Алексѣй Майковъ и Николай Өедоровичъ Хитрово. Матушка моя, недовольная малыми моими успѣхами, рѣшилась отправить меня во Францію. Началась переписка съ моими родственниками въ 1787 году. Дядя мой и тетка, сестра его, приглашали меня къ себѣ и брали совершенно подъ свою опеку. Пока переписывались, вспыхнула революція. Дядя мой, равно и другіе приверженцы законной власти, положили голову свою на плахѣ. Мать моя, устрашенная буйными порывами революціи, отмѣнила первый планъ и отправила меня въ Ревель, гдѣ славилась тамошняя гимназія. Тогда еще Ревель

былъ городомъ нѣмецкимъ, и я, не зная ни слова на нѣмецкомъ языкѣ, въ первый годъ моего ученія, былъ въ крайнемъ затрудненіи. Профессора отчаявались, могу-ли я чему нибудь порядочно выучиться. Странный случай развилъ мои способности. Я, двѣнадцати-лѣтній мальчикъ, страшно влюбился въ 25-ти-лѣтнюю дочь моего профессора. Она была довольно умна, объявивъ мнѣ, что тогда только будетъ мнѣ платить взаимностію, когда я буду хорошо учиться. Это подстрекнуло меня и возбудило желаніе прилежать болѣе и болѣе. Въ 4 года прошелъ я всѣ классы съ похвалою, и наконецъ въ послѣднемъ, высшемъ, получилъ за блистательные успѣхи серебряную шпагу. Весь Ревель обратилъ свое вниманіе на это маленькое чудо; князь Николай Васильевичъ Репнинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Ревель. Онъ посѣтилъ гимназію, и я имѣлъ честь поднесть ему на бѣломъ атласѣ печатные стихи моего сочиненія. Это первое произведеніе музы моей утрачено, кажется, невозвратно, ибо и самъ авторъ не можетъ вспомнить ни одного стиха изъ этой оды, которая доставила ему честь обѣдать у князя, въ Екатеринентале, со всею Ревельскою знатью того времени. Маіору Энгелю, адъютанту князя, поручено было меня угощать. По окончаніи стола, князь приказалъ позвать меня къ себѣ. Онъ вторично благодарилъ меня за поднесенную ему оду и отпустилъ съ сими словами, которыя врѣзались въ память мою: „Надѣюсь, что поощреніе, котораго вы были удостоены, будетъ причиною усовершенствоваться въ наукахъ".

Комендантъ Кохіусъ, губернаторъ баронъ Врангель и прочіе, всѣ приглашали меня на обѣды, даваемые князю. Я вездѣ являлся во фракѣ, со шпагой на боку, и едва ли кто былъ счастливѣе меня! Между тѣмъ та, которая была виновница моей славы, вышла замужъ, и не знаю, съ отчаянія-ли, я написалъ сатиру на всѣхъ профессоровъ, полагая себя умнѣе и гораздо важнѣе ихъ, или изъ желанія носить мундиръ, не помню, но подалъ прошеніе въ службу, не испрося на это согласія матери моей; такъ ослѣпила меня слава, и я исполненъ былъ самонадѣянности.

II.

Въ 1793 году, въ декабрѣ, я принятъ былъ въ службу прапорщикомъ и опредѣленъ переводчикомъ въ штатъ вице-адмирала Спиридова. Здѣсь останавливаюсь я, и только о тѣхъ моментахъ писать буду, которые имѣли вліяніе на будущую судьбу мою.

Сперва опишу молодаго прапорщика, который, съ малыми оттѣнками, по мѣрѣ лѣтъ и опытности, остался неизмѣненъ въ характерѣ восемъ. Я всегда былъ здоровья слабаго, темперамента пылкаго, воображенія пламеннаго. Въ бездѣлицахъ суетливъ, въ важныхъ случаяхъ холоденъ, покоенъ. Страстно всегда любилъ науки и никогда не переставалъ учиться. Въ душѣ всегда былъ христіаниномъ, однако же не покорялся слѣпо многимъ обычаямъ, но всегда былъ жаркимъ антагонистомъ противниковъ религіи. Любилъ новое свое отечество Россію, чтилъ государыню высоко, всѣмъ людямъ безъ изъятія желалъ добра, но всякое добро, мною сдѣланное, обращалось мнѣ во вредъ, можетъ быть отъ того, что каждый поступокъ мой былъ съ примѣсью тщеславія и себялюбія. Былъ обходителенъ, не всегда скроменъ, дѣлилъ послѣднее съ ближнимъ, рѣдко съ кѣмъ ужиться могъ, надоѣдалъ часто и семейству своему, и (бывало) увижу только малѣйшее неблагородство, вспыхну, выхожу изъ себя. Подобный характеръ сдѣлалъ изъ меня какое-то существо, противорѣчащее всѣмъ и самому себѣ. Съ начальниками, кромѣ адмирала Спиридова, былъ вѣчно въ ссорѣ. Только что увижу темную сторону, человѣкъ, какъ-бы онъ высоко не стоялъ, мнѣ огадится, и я въ подобныхъ случаяхъ не умѣлъ даже въ предѣлахъ должнаго приличія оставаться. Величайшее мое искуство было всегда быть безъ денегъ и казаться богатымъ. Отчего? Петля на шеѣ, подавляю свое горе, не сообщаю никому, что нѣтъ ни гроша, но только появилась копѣйка—обѣдъ или вечеринка, а потомъ сажаю всѣхъ и себя на Антоніевскую пищу до появленія новой копѣйки. Никогда не былъ такъ здоровъ, бодръ духомъ и свѣжъ умомъ, какъ въ несчастіяхъ, въ преслѣдованіяхъ всякаго рода, и проч. Такъ что пріятели мои, въ числѣ которыхъ былъ и Николай Алексѣевичъ Полевой, желали мнѣ бѣдъ, утверждая, что только въ подобныхъ случаяхъ виденъ духъ мой. Въ мирномъ положеніи я скученъ, недоволенъ собою и другими, въ свалкѣ

съ судьбою все хорошо. Враговъ своихъ любилъ, почитая ихъ лучшими своими пріятелями, стражею у воротъ моей добродѣтели, ибо исправлялъ себя, видя свои недостатки. Величайшая вина моя состояла въ томъ, что я до позднихъ лѣтъ не вникалъ въ жизнь, принималъ каждаго человѣка за таковаго-же прямодушнаго, каковъ былъ самъ, и шелъ впередъ, основываясь на правотѣ своей, безъ оглядки. Искренно вѣрилъ добру и нигдѣ не подозрѣвалъ зла. Предпочиталъ честь, даже страданіе, за истину святую, всѣмъ благамъ міра. За обиженныхъ, невинныхъ, стоялъ я грудью, но защищая ихъ слишкомъ не скромно, пятналъ гг. утѣснителей, великихъ земли сей. Эти недостатки изолировали меня отъ прочихъ людей, навлекли кучу враговъ, подвергли ужаснѣйшей клеветѣ; но не могли поколебать желѣзной воли моей.

Я любилъ женщинъ до обожанія и не смѣю о нихъ умолчать. Онѣ слишкомъ великую роль играютъ въ жизни моей до самыхъ позднихъ лѣтъ. Находясь съ-молоду на землѣ рыцарской, былъ я рыцаремъ и трубадуромъ, а женщины возвышали духъ мой. Въ то время, онѣ поистинѣ были нашими образовательницами; рекомендація ихъ чтилась высоко. Какъ принятъ онъ въ обществѣ дамъ? былъ столь-же важный вопросъ, какъ нынѣ—богатъ-ли онъ? Дамы получали эти вѣжливости, возжигали въ душѣ стремленіе перещеголять другихъ людей не чинами, не скопленіемъ неправедныхъ богатствъ, а возвышенностію духа. Увидимъ: соотвѣтствовалъ-ли молодой прапорщикъ урокамъ своихъ милыхъ наставницъ?

Начальникъ мой былъ сынъ того славнаго адмирала Спиридова, который сжегъ турецкій флотъ подъ Чесмой. Огорченный предпочтеніемъ, оказаннымъ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову наименованіемъ его графомъ Чесменскимъ, недовольствуясь собственнымъ сознаніемъ великаго дѣла, дерзнулъ онъ повергнуть къ стопамъ Великой Екатерины сдѣланную ему обиду и просился въ отставку. Симъ проступкомъ руководило чувство благородное, но онъ былъ не скроменъ и не великодушенъ. Императрица не могла перемѣнить разъ уже сдѣланнаго, тѣмъ болѣе, что графъ Орловъ, зналъ-ли морское дѣло, или нѣтъ, однако былъ назначенъ главнымъ начальникомъ флота, а у насъ обыкновенно люди награждаются не по знанію, не по достоинству, а по назначенію и старшинству. Императрица оскорбилась этимъ поступ

комъ и по желанію отставила его отъ службы. Спиридовъ умеръ, томимый честолюбіемъ, въ Москвѣ, съ убѣжденіемъ, что поступилъ какъ должно благородному человѣку.

Тогда малѣйшее предпочтеніе, оказанное другому не за истинныя заслуги, а по фавёру, заставляло обиженнаго немедленно подать въ отставку. Благородное это упрямство цѣнилось высоко въ царствованіе Великой Екатерины, и даже въ первый годъ восшествія на престолъ Павла. Впослѣдствіи времени этотъ и всякій point d'honneur исчезъ почти навсегда, или по крайней мѣрѣ сдѣлался очень рѣдокъ.

Начальникъ мой, Алексѣй Григорьевичъ Спиридовъ, былъ человѣкъ, одаренный всѣми доблестями мирнаго гражданина.—Образованъ, скроменъ, безкорыстенъ, готовый на услугу, на добро, былъ отличный сынъ, мужъ, отецъ, и до такой степени дорожилъ честью, что едвали она ему не дороже была самой жизни. Безкорыстіе его доходило до того, что проживая въ казенномъ домѣ, на такъ называемомъ шведскомъ рынкѣ, онъ, при умноженіи семейства, находя квартиру свою слишкомъ тѣсною, вздумалъ воспользоваться пустымъ мѣстомъ, выходящимъ на самый рынокъ. Онъ имъ воспользовался, отстроилъ три комнаты на собственный счетъ, и даже отапливалъ ихъ собственными дровами, чтобы не быть казнѣ въ тягость. При входѣ въ военную гавань, отдѣленную отъ купеческой, и пройдя мимо караульнаго дома, усмотрѣлъ онъ, что лежавшіе наканунѣ кирпичи, глина, известка и проч. исчезли. Начальникъ мой, обратясь къ караульному офицеру, спросилъ: «куда употреблены матеріалы, которые я вчера здѣсь видѣлъ?“ Офицеръ, немного смѣшавшись, отвѣчалъ: „я отпустилъ ихъ капитану NN, который строится“.—„А это была собственность ваша?“—Офицеръ молчалъ. „Я увѣренъ—продолжалъ мой начальникъ—что капитанъ NN не успѣлъ вамъ возвратить взятаго. Завтра я буду здѣсь и найду вѣрно всѣ матеріалы сполна, но вы видите, какъ мало можно полагаться на исправность пріятелей. Въ другой разъ, не совѣтую вамъ располагать тѣмъ, что вы беречь, а не раздавать обязаны“. Этотъ вѣжливый и деликатный выговоръ былъ въ то время ужаснѣе нынѣшняго ареста, который считали посрамленіемъ мундира, и заслужившій оный долженъ былъ, по настоянію товарищей, неминуемо выходить въ отставку.

Служба моя была легка; что̀ поручалъ мнѣ адмиралъ, то исполнялось по возможности со всѣмъ рвеніемъ молодыхъ лѣтъ. Остальное время, имѣя, по кредиту начальника, входъ во всѣ лучшіе дома въ Ревелѣ, я танцовалъ, влюблялся и вообще il dolce far niente было девизомъ моимъ. Карты не были тогда въ такомъ сильномъ употребленіи, какъ нынѣ: это была принадлежность стариковъ, пожилыхъ дамъ и людей въ высшихъ чинахъ. Молодому офицеру играть въ карты было также предосудительно, какъ посѣщать бесѣды не аристократическія, или выпить въ компаніи лишнее. И то, и другое затворяло входъ въ лучшее общество. Но жизнь въ большомъ кругу требовала большихъ издержекъ; я задолжалъ. Адмиралъ, узнавъ это, призвалъ меня къ себѣ. „Брать въ долгъ и не платить есть утонченное воровство—сказалъ онъ; поѣзжайте въ Москву къ вашей матушкѣ, повинитесь и просите милости“. Въ тѣ времена отпуски были легки, зависѣли единственно отъ начальника. Я получилъ курьерскую подорожную; адмиралъ снабдилъ меня письмами къ матери своей, къ дядѣ, къ братьямъ, и я отправился чрезъ Псковъ для поспѣшнаго пріѣзда на родину, которую еще порядочно не зналъ. Сборы небогатаго офицера не хлопотливы: чемоданъ, безъ малаго въ полтора аршина длины и аршинъ ширины, бѣлье, шляпа, въ лубочномъ коробѣ, были главными предметами укладки, старый мундиръ на плечахъ офицера, по новѣе въ чемоданѣ и шпага на боку, овчинный тулупъ, покрытый толстымъ сукномъ, не отягощали перекладныхъ саней и не обременяли лошадей. Но какъ дорога была довольно продолжительна и скучна, и ничего замѣчательнаго не случилось, то я приступаю къ своему разсказу.

III.

Въ первыхъ числахъ генваря 1795 года, я ввалился въ Москву и подъѣхалъ къ крыльцу дома матери моей [1]), на Тверской, надѣясь самолюбиво на радушный пріемъ и радость матери, послѣ продолжительной разлуки, видѣть сына молодаго, и, какъ говорили, хорошенькаго прапорщика.

Съ тѣмъ вмѣстѣ восхищался поближе узнать родину мою

---

[1]) Мать моя, во время отсутствія моего, вторично вышла замужъ за полковника Шефера и была въ перепискѣ съ однимъ торговымъ домомъ въ Ревелѣ, отъ котораго знала все то, что творилъ сынокъ ея.

Москву; но едвали не была главная цѣль поѣздки исправить мои финансы и установить годовой мой бюджетъ.

Доложили, заставили ждать съ полчаса, которые показались мнѣ сутками, наконецъ впустили. Я побѣжалъ къ рукѣ матери моей, но она меня остановила, сказавъ: „Ты не къ матери пріѣхалъ, а къ шкатулкѣ моей. Не стыдно-ли офицеру имѣть такъ мало амбиціи? Онъ долженъ предпочесть смерть всякому унизительному поступку“. Слова эти такъ меня поразили, что невольно слеза выкатилась изъ глазъ. „Вотъ слѣдствіе, продолжала она, легкомысленныхъ твоихъ поступковъ; теперь пробудилось оскорбленное самолюбіе и офицеръ плачетъ. Не хочу тебя видѣть; поѣзжай куда хочешь; я безъ позволенія мужа моего не могу тебя принять“, и вышла изъ комнаты. Боже мой! Какой урокъ! И свидѣтелями были наши крѣпостные люди. Я сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ опять въ перекладныя сани и велѣлъ ѣхать въ Нѣмецкую Слободу, думая, можетъ быть, найти пріютъ у матери моего адмирала. Закутавшись въ тулупъ, предался я горькимъ размышленіямъ. Признаюсь, сперва оскорбился я жестосердіемъ матери, которая, не видавъ нѣсколько лѣтъ сына, отказала ему въ пріютѣ, и еще какъ! Жестоко страдало самолюбіе; но дорога съ Тверской въ Нѣмецкую Слободу довольно пространна, особенно на усталыхъ лошадяхъ, я имѣлъ слѣдовательно время все обдумать похладнокровнѣе, и къ стыду моему долженъ былъ сознаться, что прискакалъ болѣе изъ желанія получить денегъ, нежели по чувству сыновней любви. Нынѣ, когда мать моя слишкомъ 50 лѣтъ покоится въ землѣ, благодаренъ я за урокъ, который возвысилъ духъ мой и отстранилъ отъ меня малѣйшую низость. Правда, часто пересаливалъ я самое благородство, но за то не унижался, не ласкалъ порока, не искалъ такъ называемаго внѣшняго счастія, которое могло лишить меня того внутренняго спокойствія, которое, утративъ разъ, возстановить трудно. Сердечно благодарю тебя, незабвенная мать моя, за этотъ практическій урокъ, который подѣйствовалъ сильнѣе всѣхъ теоретическихъ преподаваній тогдашнихъ профессоровъ.

Доѣхавъ до такъ называемаго Разгуляя, я велѣлъ остановиться и спросилъ перваго проходящаго человѣка: не знаетъ-ли онъ гдѣ домъ Нестерова? Это былъ дядя моего начальника. „Я, сударь, отвѣчалъ онъ, ихъ человѣкъ; если угодно будетъ, я васъ провожу“,

и сѣлъ на облучекъ. Почему я спросилъ домъ Нестерова, а не Спиридова, куда намѣревался ѣхать? Кто мнѣ скажетъ? Что за неизъяснимый міръ заключается въ человѣческомъ сердцѣ! Есть, кажется, въ человѣкѣ какой-то внутренній голосъ, который нашептываетъ ему благое. Если послушаемся его, все пойдетъ ладно; но когда умствованіе, самолюбіе, заставятъ его поступить вопреки этому предостерегательному голосу, то все пойдетъ на-перекоръ. По крайней мѣрѣ, я часто испытывалъ это на себѣ и слышалъ отъ другихъ: „вѣдь крайне не хотѣлось, виноватъ, не послушался тайнаго голоса, сожалѣю". Ямщикъ, по указанію человѣка, своротилъ съ большой Нѣмецкой улицы налѣво, и сани подкатили къ подъѣзду большаго барскаго дома. „Мы пріѣхали", сказалъ тотъ-же человѣкъ, соскочивъ съ облучка.

Провели меня чрезъ большую залу, двѣ гостинныя и наконецъ въ диванную, гдѣ все семейство сидѣло около чайнаго стола. Это было около 10 часовъ утра. Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ физіономіей, внушающей почтеніе, всталъ съ креселъ и спросилъ меня, кого вамъ угодно? — Его превосходительство Александра Матвѣевича Нестерова. — Это я! отвѣчалъ онъ. Я вручилъ ему письмо моего начальника. — Прошу садиться, сказалъ онъ, и пошелъ въ кабинетъ. Почтенная старушка, супруга г. Нестерова, на лицѣ которой сохранились еще остатки бывшей красоты, привѣтствовала меня ласково и посадила подлѣ себя. Всѣ распрашивали меня о моемъ начальникѣ, о Ревельскомъ житьѣ. Все дышало здѣсь спокойствіемъ, счастьемъ, древнею патріархальною жизнью, которую нынѣ напрасно искать будемъ. Меня подчивали, разговоръ оживлялся болѣе и болѣе, и чрезъ нѣсколько времени я уже сдѣлался какъ будто давнишнимъ знакомымъ. Теперь возвратился и хозяинъ, который, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „вашъ начальникъ относится объ васъ такъ лестно, что отзывъ его такому молодому человѣку, какъ вы, дѣлаетъ много чести. Но гдѣ остановились вы?" Я сперва не зналъ что отвѣчать; наконецъ, ободрясь, признался откровенно, что еще не знаю. „Остановитесь у насъ; дѣти! прибавилъ онъ, у васъ комнатъ много, уступите ему одну". Не дождавшись моего отвѣта, новые мои знакомые повели меня къ себѣ и предоставили выборъ комнаты. Я былъ такъ тронутъ этимъ обязательнымъ привѣтствіемъ, что когда сказали: выберите любую комнату, я едва отвѣчать могъ: „какъ и

гдѣ вамъ угодно“. Они дѣйствовали за меня, велѣли принести мои пожитки, и увидя одинъ чемоданъ, въ сопровожденіи котораго не было даже подушки,—„вы вѣрно пріѣхали курьеромъ?“ спросилъ улыбаясь старшій сынъ. „Точно такъ“, отвѣчалъ я, и показалъ подорожную. „Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, мы найдемъ для васъ нужное“; и на ухо отдалъ приказаніе своему камердинеру.

Едва успѣли мы кое-что уладить, установить, какъ позвали насъ къ батюшкѣ. „У васъ вѣрно есть письмо къ сестрѣ моей, матери вашего адмирала, поторопитесь его доставить“, и обратясь къ старшему сыну, сказалъ: „Афанасій! свези его къ теткѣ Аннѣ Матвѣевнѣ“. Ея домъ тоже находился въ Нѣмецкой Слободѣ и не далеко отъ дома г. Нестерова.

Я облекся во всю форму и вытянулся предъ матерью моего начальника; она была дама роста не высокаго, съ лицомъ еще свѣжимъ, съ привѣтливой улыбкой; глаза ея горѣли какъ огонь, обнаруживая умъ и проницательность. Начальникъ мой былъ очень похожъ на мать свою: тотъ же ростъ, тѣ же глаза, та же физіономія, та же привѣтливая улыбка, и еслибъ я встрѣтился съ ней случайно, то немедленно принялъ-бы ее за сестру или за мать его. „Что дѣлаетъ мой Алексѣй?“ спросила она, и я вынужденъ былъ до самой мелочи разсказывать про житье-бытье и семейство моего начальника. Побраня меня, что я не прямо къ ней пріѣхалъ, прибавила: „но тебѣ у брата будетъ веселѣе; тамъ молодыхъ людей много, а мы здѣсь все старики. Чтобъ намъ видѣться почаще, экипажъ мой будетъ всякій день съ утра у крыльца брата моего“. Проводникъ мой, Аѳанасій Александровичъ, подхватилъ было: „и у насъ за экипажемъ дѣло не станетъ“.—„Пустяки, прервала она его; вы начнете его разваживать по Москвѣ, а я его не увижу. Ко мнѣ пріѣзжай во всякое время, хоть каждый день, обѣдать, прибавила она, а въ воскресенье непремѣнно; если-же тебѣ что нужно будетъ, смотри, погрозила она, меня не обѣгать“.

Семейство г. Нестерова состояло изъ четырехъ сыновей и столькихъ-же дочерей и одной дальней племянницы. Старшій сынъ, Аѳанасій, служилъ въ гвардіи, теперь былъ въ отставкѣ подполковникомъ; второй, Матвѣй, состоялъ на службѣ гвардіи капитаномъ; третій, Михайло, служилъ тоже въ гвардіи прапорщикомъ; младшій состоялъ въ кирасирскомъ полку графа Салтыкова

корнетомъ. Всѣ въ пріѣздъ мой были на лицо. Изъ дочерей ни одна еще въ замужество не вступала. Старшіе два брата путешествовали почти по всей Европѣ, шли съ образованіемъ своего вѣка; остальные братья и сестры не далеко отставали отъ нихъ. Если присовокупить къ тому привѣтливость, простодушіе стариковъ (отца и матери), любезность сыновей, кротость дѣвицъ, тѣснѣйшую дружбу, соединявшую всѣхъ между собою, непритворное почтеніе дѣтей, любовь отца и матери къ дѣтямъ, доброе расположеніе къ людямъ вообще, то едва-ли теперь найдется что-либо похожее на древнюю патріархальную русскую жизнь въ Москвѣ. Тогда всѣ полагали, что на семейномъ союзѣ и домашнемъ воспитаніи основаны силы и спокойствіе государства, и что правила, чувства, примѣры отцовъ усугубляютъ любовь къ Царю и Отечеству, переходятъ какъ наслѣдственное достояніе отъ одного поколѣнія къ другому, служатъ даже образцомъ и для другихъ сословій. Дѣйствительно, жизнь тогда была болѣе практическая; идей въ обращеніи было менѣе, чѣмъ нынѣ, и самое это малое число безъ фактовъ ставилось ни во что. Молодые люди, носящіе мундиръ военный, сближаются легко, и наша дружеская связь росла со дня на день, или лучше, съ часу на часъ. Мудрено-ли, что съ такихъ людей, каковы были Нестеровы, старался я перенимать все то, чего, мнѣ казалось, еще недоставало. Какъ не согласиться съ тѣмъ авторомъ, котораго имя запамятовалъ, утверждавшимъ, что мы по перенмчивости находимся въ близкомъ родствѣ съ обезьянами, но съ тѣмъ различіемъ, что перенимаемъ не все, какъ обезьяны, а только то, что намъ нравится. Встрѣтя въ моихъ товарищахъ нѣчто возвышеннѣе того, чего не находилъ въ себѣ, я принялъ ихъ образъ мыслей и манеры, даже вкрался въ ихъ духъ богатаго барина и такъ ловко, что часто въ продолженіи жизни, не имѣя въ карманѣ рубля, казался всегда если не богатымъ, то по крайней мѣрѣ человѣкомъ достаточнымъ. Сильно, тоже, подѣйствовало на меня то, что, сближаясь болѣе и болѣе съ моими товарищами, я замѣтилъ ихъ безденежность, среди полнаго довольства въ домѣ; а вели (они) себя, какъ будто карманы ихъ наполнены червонцами. Причина денежнаго недостатка у дѣтей была слѣдующая: тогда дѣти довольствовались опредѣленнымъ родителями ежегоднымъ содержаніемъ, докучать родителямъ просьбами почиталось унизительнымъ. Самый незначительный пода-

рокъ, сдѣланный родителями дѣтямъ, принимался съ живѣйшимъ чувствомъ. Помню, какъ въ день рожденія, отецъ подарилъ сыну, гвардіи капитану, 25 рубл. асс., и онъ принялъ оные съ непритворнымъ чувствомъ благодарности. Не дорогъ подарокъ, говорили тогда, а дорого родительское вниманіе. Теперь понялъ я, почему мать моя такъ оскорбилась пріѣздомъ моимъ, предпринятымъ единственно изъ желанія получить денегъ.

Меня возили по роднымъ, знакомымъ и по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ; словомъ—знакомили съ Москвою, ея достопамятностями, обычаями, нравами. Ничто меня такъ не поразило, какъ первый мой въѣздъ въ благородное собраніе: все показалось мнѣ волшебствомъ, а я самъ обвороженнымъ. Блескъ золота, серебра, бриліантовъ, удивительное освѣщеніе, кавалеры въ мундирахъ, шелковыхъ чулкахъ, grande tenue; дамы въ брилліантовыхъ діадемахъ, цвѣтахъ, въ самыхъ богатыхъ нарядахъ, до двухъ тысячъ людей въ собраніи; все это должно было поразить провинціала, видѣвшаго это въ первый разъ. Присовокупите къ тому самую утонченную вѣжливость, улыбку удовольствія на лицахъ всѣхъ, снисходительность стариковъ къ младшимъ, почтеніе послѣднихъ къ первымъ, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о благородномъ собраніи 1795 года. Чтобы описать этотъ очаровательный поэтическій міръ, эту благородную свободу въ обращеніи, оживлявшую всѣхъ, нужно перо искуснѣе моего. Я уже не говорю о томъ количествѣ большихъ заслуженныхъ баръ, которые, какъ древніе полубоги, посѣщали эти собранія, и примѣромъ своимъ научали молодыхъ вѣжливости и снисходительности.

Говоря объ этихъ временахъ, объ этой свободѣ мышленія, дѣйствій, казалось, что все общество держалось единственно общественнымъ духомъ, который основывался на уваженіи къ старшимъ, нравственности и чести. Бо́льшая часть офицеровъ отпускалась начальниками безсрочно; бралась только подписка, что по первому востребованію, они поспѣшатъ къ своимъ командамъ. Я не знаю, случалось-ли когда-либо, чтобы кто изъ насъ, хотя однимъ днемъ, запоздалъ. Такова была во всѣхъ амбиція, честь, этотъ point d'honneur, который страшился выговора, а арестъ—сохрани Боже! онъ почитался посрамленіемъ званія; и оставаться въ томъ полку или командѣ уже было невозможно. Тому способствовала, кажется, тогдашняя поговорка: пусть на мундирѣ вид-

на будетъ нитка, но чести долженъ офицеръ имѣть на нѣсколько пудовъ. Честь, амбиція, point d'honneur, были въ сердцахъ всѣхъ, но всего сильнѣе—военныхъ. Тогда ни единый дворянинъ не начиналъ службы съ коллежскаго регистратора, развѣ больной, горбатый, и проч. и переходилъ въ статскую, по крайней мѣрѣ, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, чего добиваться было не такъ легко (?). Казалось, военная кровь кипѣла во всѣхъ, и общее мнѣніе было: кто не начиналъ съ военной службы, тотъ никогда порядочнымъ человѣкомъ не будетъ, развѣ только подъячимъ.

Всякое воскресенье, мы обѣдали у матери моего начальника, гдѣ собирались всѣ родные и нѣсколько людей постороннихъ. Здѣсь соблюдался тотъ-же этикетъ, какъ въ благородномъ собраніи. Надо было видѣть это почтеніе къ старшимъ въ родѣ. Сынъ, не взирая на лѣта, на чинъ, былъ равенъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ сыномъ недорослемъ. Сенаторъ М. Г. Спиридовъ пріѣзжалъ въ воскресенье къ матери обѣдать въ мундирѣ и лентѣ черезъ плечо. Онъ любилъ послѣ обѣда выкурить трубку; матушка табачнаго запаха не жаловала; онъ послѣ обѣда уходилъ въ лакейскую, отворялъ форточку и окруженный двадцатью и болѣе лакеями, почтительно стоявшими предъ нимъ, выкуривалъ трубку. Супруга его, урожденная княжна Щербатова, дочь нашего исторіографа, никогда не пріѣзжала безъ шифра. Всѣ гости подчинялись тому-же порядку, и горе тому, который вздумалъ-бы оный нарушить. Перенимая все, перенялъ я и это: всякое утро пріѣзжалъ я къ матери моей во всей формѣ, отъ нея ѣздилъ къ матери моего начальника. Мать моя, видя ежедневную мою покорность и безропотное повиновеніе, смягчалась и уже при отъѣздѣ дневномъ говорила: „ты завтра будешь-ли, мой другъ?“ Когда я привезъ эту вѣсть моимъ товарищамъ, они бросились мнѣ на шею, цѣловали, радовались не менѣе моего. „Оборони Боже, говорили они, несть на себѣ гнѣвъ родительскій; какого тутъ счастія ожидать?“

Всѣ московскіе аристократы обѣдали тогда въ 2 часа и никого къ обѣду не поджидали; „каждый, говорили, долженъ знать часъ, въ который хозяева обѣдаютъ, опаздывать неприлично и невѣжливо“. Обѣды роскошествовали числомъ блюдъ; за стуломъ почти каждаго собесѣдника стоялъ лакей въ ливреѣ. Немудрено: тогда дворовыхъ считалось въ домѣ до ста и до двухъ сотъ человѣкъ. Говорили, что во время погребенія графа Петра Борисо-

вича Шереметева, всѣ дворовые, въ числѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, шли за гробомъ въ траурныхъ кафтанахъ и заключали церемоніалъ погребенія. При столѣ заправлялъ всѣмъ столовый дворецкій, причесанный, напудренный, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками и золотымъ широкимъ галуномъ по камзолу; кушанье разносили официанты, тоже напудренные, въ тонкихъ бумажныхъ чулкахъ, башмакахъ и съ узенькимъ по камзолу золотымъ галуномъ. Должно было удивляться порядку, тишинѣ и точности, съ которыми отправлялась служба за столомъ. Все это въ уменьшительной степени соблюдалось и въ домахъ дворянскихъ средняго состоянія. Тянуться за богатыми было всегда болячкой людей менѣе богатыхъ. На балъ собирались, въ благородное собраніе, въ 7 часовъ, а въ партикулярныхъ домахъ въ 6, и оставались до 2, 3, а у Волынскаго до утра. Въ салогахъ танцовать не позволялось, почиталось неуваженіемъ къ дамамъ. Балъ открывался минуэтомъ; особенно въ чести былъ ménuet à la Reine; потомъ торжественно выступалъ длинный польскій, въ первыхъ парахъ магнаты, а за ними слѣдовала публика. Танцовали иногда и круглый польскій, потомъ начинались англезы, среди которыхъ примѣшивалась хлопушка, потомъ кадрили съ вальсомъ, и особенно трудный своими прыжками французскій кадриль, отличавшійся своими contre-tems en avant, contre-tems en arrière, pas de pigeon, и пр. Балъ заключался шумнымъ à la Grecque, или гроссъ-фатеромъ, введеннымъ, какъ утверждали, плѣннымъ шведскимъ вице-адмираломъ графомъ Вахтмейстеромъ.

По окончаніи широкой веселой масляницы, всѣхъ маскерадовъ, публичныхъ и партикулярныхъ, безпрерывныхъ катаній по улицамъ, послѣ завтраковъ déjeuners dansants у Волынскаго, обѣдовъ, ужиновъ, гдѣ первое мѣсто занимали разнородные блины, получилъ я, на первой недѣлѣ Великаго поста, повелѣніе возвратиться въ Ревель, но чрезъ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ исполнить нѣкоторыя порученія моего начальника.

Думать было нечего; какъ ни жалко разставаться съ Москвою, а ѣхать должно.

Какъ будто въ знакъ памяти, новые мои знакомые, родственники моего начальника, особенно Нестеровы, снабдили меня разными вещами: скромный мой ревельскій чемоданчикъ замѣненъ былъ

другимъ и могъ уже дорогой служить мнѣ тюфякомъ. И съ какою деликатностію все сдѣлано было! Я не прежде узналъ о своемъ богатствѣ, какъ по возвращеніи въ Ревель.

Добрые, безцѣнные люди! Васъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Заросла, забыта хладная могила ваша; но есть еще сердце благородное, которое съ горячностію вспоминаетъ объ васъ, о ласкахъ вашихъ, которые онъ вполнѣ цѣнить и чувствовать умѣетъ, и нѣкогда, по окончаніи земнаго бытія, тамъ, какъ на этихъ страницахъ, о васъ свидѣтельствовать будетъ!

Послѣдній вечеръ въ Москвѣ провелъ я у матери моей по ея приглашенію. Никогда не была она ко мнѣ такъ милостива, ласкова, даже предупредительна, какъ въ этотъ вечеръ. Тѣмъ тяжелѣе для меня была разлука. Въ полночь, подошелъ я къ ней проститься: „а сядь-же, сказала она мнѣ, потомъ встанемъ и помолимся, чтобы Богъ далъ тебѣ счастливый путь“. Настала минута разлуки: „прощай, мой другъ“, продолжала она, и слеза навернулась на глазахъ ея; у меня катились онѣ невольно. „Можетъ быть это послѣднее свиданіе, сказала она, кто знаетъ? Обѣщай мнѣ, какъ ни была-бы тяжела судьба твоя, переносить все съ твердостію и содержать въ памяти, что Богу Сердцевѣдцу все извѣстно; мысль эта не допуститъ тебя ни до чего низкаго и возвыситъ духъ твой“. Я обѣщался свято исполнить ея приказаніе. Она прижала меня къ груди своей. „Прощай“, сказала она, слабѣющимъ голосомъ, и я едва поддержать ее могъ; она упала въ обморокъ. Пришедшія на голосъ мой женщины положили ее на канапе и просили меня скорѣе уѣхать, чтобы эта сцена не повторилась. Я поцѣловалъ съ горячностію руку матери моей и поспѣшно сѣлъ въ повозку, которую мать моя мнѣ подарила.

Почувствовала-ли она, что мы разстались навсегда? Она была такъ молода, ей минуло 38 лѣтъ, а мнѣ 19 лѣтъ. „Богъ одинъ руководитъ происшествіями въ жизни“, говорила она, а я прибавляю: „пути Его неисповѣдимы“.

Проѣхавъ заставу, простился я мысленно съ Москвою, тоже не зная, что этой пышной, богатой, гостепріимной и патріархальной Москвы я уже не увижу. Въ минуту тяжелой разлуки, человѣкъ утѣшается мыслію: увидимся! и утираетъ навернувшуюся слезу. Что было-бы, если-бы книга судебъ отверста лежала предъ

нимъ, и онъ прочелъ-бы, что все то, что ты видѣлъ, чѣмъ восхищался, что полюбилъ, ты болѣе не увидишь. Благодарю Десницу, скрывающую отъ меня будущее! Теперь страдаю однажды; тогда страдалъ-бы мыслію нѣсколько разъ. Міръ этотъ, по законамъ Предвѣчнаго, отжилъ безвозвратно.... Жаль его—кому? мнѣ, и не безъ причины. Почти всѣ тѣ, съ которыми началъ жизнь, учился, служилъ, всѣ лежатъ въ сырой землѣ. Всѣ связи, кромѣ родственныхъ, связи любви, дружбы, товарищества, благодарности, всѣ разъединены холодной рукой смерти; осталось одно скорбное воспоминаніе въ осиротѣвшемъ сердцѣ. Но кто вѣритъ въ Провидѣніе душой сильной, умомъ свѣтлымъ, тотъ легко убѣдится, что невидимая Десница все ведетъ къ лучшему, тайными, иногда и жестокими для насъ, путями.

IV.

Я думалъ пробыть въ С.-Петербургѣ не болѣе трехъ дней, но адмиралъ прислалъ мнѣ отпускъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько коммисій. Я развезъ данныя мнѣ въ Москвѣ рекомендательныя письма родственникамъ и другимъособамъ. Пріемъ былъ холодно-ласковый, и я не нашелъ здѣсь того привѣтливаго гостепріимства, того радушія, которыми отличалась Москва. Не менѣе того этимъ рекомендательнымъ письмамъ обязанъ я былъ тѣмъ, что два раза видѣлъ Великую Екатерину. Въ первый разъ, при большомъ входѣ въ церковь.

Она шла медленно, поступь ея была непринужденная, осанка величественная, главу ея украшала маленькая брилліантовая корона. Улыбаясь, кланялась она на обѣ стороны, и улыбка ея выражала милость, соединенную съ величіемъ. Всѣ придворные, шедшіе впереди и за нею, казалось вылиты были изъ золота, а дамы осыпаны брилліантами. Во время шествія ея, дыханіе мое остановилось, все существо мое, казалось, перешло въ глаза. Она прошла, а я все еще стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Мудрено-ли, думалъ я, что императрицу принимаютъ за Бога земнаго? Юпитеръ во дворцѣ своемъ, на Олимпѣ, едва-ли могъ окруженъ быть такимъ великолѣпіемъ и едва-ли внушалъ болѣе благоговѣйнаго вниманія. При видѣ ея, мысль объ осчастливленной

и прославленной ею Россіи пробуждала какое-то чувство гордости быть русскимъ и служить ей.

Во второй разъ видѣлъ я императрицу, садящуюся въ сани, чтобы прокатиться. Ее провожалъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Она шла подъ вуалемъ, но и по походкѣ можно было узнать Великую. Я слышалъ голосъ ея. Повелительнымъ, но милостивымъ тономъ, сказала она: „садитесь, князь!“ Долго отзывались звуки этого голоса въ ушахъ моихъ, думаю иногда и теперь ихъ слышать.

Петербургъ не имѣлъ тогда никакого сходства съ патріархальною простотою матушки-Москвы. Тамъ былъ тонъ русской національности, все напоминало древнюю Русь; здѣсь все походило на нѣчто иностранное, чужое; говорили въ обществахъ по французски и только съ подчиненными по русски. Даже и купеческіе домà Бахарахта и проч. подражали этому-же тону. Не оттого-ли иностранцы называли Россію очень долго Московіею? Большую часть всѣхъ разговоровъ занимала Екатерина; она была какъ будто душею всѣхъ частныхъ бесѣдъ; другъ передъ другомъ ревновали пересказывать анекдоты изъ приватной ея жизни, которые и я читателю хочу сообщить для того, чтобы они не пришли въ забвеніе, что достойны быть переданы потомству, и наконецъ потому, что они всѣ служили примѣромъ вельможамъ, отъ нихъ переходили къ подчиненнымъ, а отъ этихъ до низшихъ классовъ. Всѣ ставили въ образецъ ея великодушіе, ея взглядъ на вещи, на предметы, ея окружавшіе, и такимъ образомъ все хорошее распространялось по всей Россіи, перенималось отъ нея.

Роджерсонъ, говорили, предписалъ императрицѣ, для возбужденія аппетита, употреблять передъ обѣдомъ рюмку Гданской (Данцигской) водки. Екатерина послѣдовала совѣту врача. Леченіе это производилось съ пользою, уже нѣсколько времени. Однажды Екатерина, шутя, выхваляла пользу и дешевизну леченія.—„Не такъ-то дешево, государыня, отвѣчалъ ей графъ **Брюсъ**; по счету мундшенка выходитъ всякій день два штофа этой водки“.

—„Ахъ, онъ старичишка! говоритъ императрица; чтò подумаютъ обо мнѣ? Велите позвать“.

Явился сѣдой, согбенный старикъ, котораго имя я запамятовалъ.

—„Сколько выходитъ у тебя, спросила императрица, ежедневно

Гданской водки?"—Два штофа, государыня!—„Не грѣхъ-ли тебѣ; могу-ли я два штофа выпить?"

— Выслушайте, матушка государыня, выходитъ иногда и болѣе; ваше величество выкушаете только четверть рюмочки; но только-что выйду отъ васъ, выходитъ дежурный генералъ-адъютантъ. „Дай отвѣдать царской водочки". Я ему рюмочку. А тутъ дежурные флигель-адъютанты, камергеры, камеръ-юнкеры, глядь штофика-то и нѣтъ. Бѣгу за другимъ; тутъ и Богъ вѣсть, что̀ нахлынетъ, и докторовъ, и лекарей, и проч. Всѣ просятъ отвѣдать царской водочки! Наконецъ возвращаюсь въ буфетъ: семь-ка и я отвѣдаю царской водочки; позову помощника,—двухъ штофиковъ и нѣтъ!

—„Ну, ну, хорошо, сказала императрица, улыбаясь; смотри только, чтобы болѣе двухъ штофиковъ въ день не выходило".

Какъ снисходительна она была, а по ней и вельможи, къ неуважительнымъ предметамъ, къ малостямъ, можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Однажды, послѣ обѣда, играла императрица въ карты съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Входитъ дежурный камеръ-пажъ и докладываетъ графу, что зоветъ его стоящій въ караулѣ гвардіи капитанъ.

— Хорошо! отвѣчалъ графъ, и хотѣлъ продолжать игру.—„Что такое?" спросила императрица.—Ничего, ваше величество! Зоветъ меня караульный капитанъ.—Императрица положила карты на столъ;—„подите, сказала она графу; нѣтъ-ли чего? Караульный капитанъ напрасно не придетъ". Графъ вышелъ и немедленно возвратился.

—„Что̀ было?" спросила Екатерина.—Такъ, государыня, бездѣлица; господинъ капитанъ обидѣлся немного. На стѣнѣ, въ караульной, нарисовали его портретъ во весь ростъ, съ длинною косою и со шпагою въ рукахъ, и подписали: транъ-тараранъ, Булгаковъ храбрый капитанъ.

—„Чѣмъ-же вы рѣшили это важное дѣло?" спросила государыня.

—Я приказалъ, коли портретъ похожъ, оставить, коли нѣтъ, стереть.—Государыня расхохоталась.

Какъ уважала она службу людей, въ какомъ-бы чинѣ они не были, и тѣмъ самымъ заставляла и своихъ вельможъ поступать также, докажетъ слѣдующее: графъ Николай Ивановичъ Салты-

ковъ, по рапортамъ начальствовавшихъ лицъ, представилъ императрицѣ объ исключеніи изъ службы одного армейскаго капитана: „Это что? вѣдь онъ капитанъ, сказала императрица, возвысивъ голосъ. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ, достигъ этого чина, и вдругъ одна ошибка можетъ-ли затмить нѣсколько лѣтъ хорошей службы? Коли въ самомъ дѣлѣ онъ болѣе къ службѣ неспособенъ, такъ отставить его съ честью, а чина не марать. Если мы не будемъ дорожить чинами, такъ они упадутъ, а уронивъ разъ, никогда не поднимемъ“.

Вечернія бесѣды въ эрмитажѣ назначены были для отдыха и увеселенія послѣ трудовъ. Здѣсь строго было воспрещено малѣйшее умствованіе. Нарушитель узаконеній этого общества, которыя написаны были самою императрицею, подвергался, по мѣрѣ преступленій, наказаніямъ: выпить стаканъ холодной воды, прочитать страницу Телемахиды, а величайшимъ наказаніемъ было: выучить къ будущему собранію изъ той-же Телемахиды 10 стиховъ. Говорятъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ чаще прочихъ подвергался этому наказанію. Но подозрѣвали его въ умыслѣ; восторженная, почти бѣснующаяся его декламація производила смѣхъ и тѣмъ содѣйствовала общему увеселенію. Люди, одаренные особеннымъ талантомъ кривляться, измѣнять свою физіономію и проч. преимущественно принимаемы были въ члены этого общества. Ванджура спускалъ до бровей натуральные волосы свои, какъ будто парикъ, передвигалъ опять направо, налѣво и за это почитался капитаномъ общества. Сама Екатерина, умѣвшая спускать правое ухо къ шеѣ и опять поднимать вверхъ, признана была поручикомъ общества. Одинъ изъ нихъ умѣлъ натурально представлять косолапаго, другой картаваго, и т. д. Кто во что гораздъ! Замѣтить должно, что здѣсь не было ни чиновъ, ни титуловъ; всѣ имѣли одно только право веселиться. Ваше величество, ваше превосходительство и прочіе возгласы подвергались наказанію. Такимъ образомъ владычица обширнѣйшей имперіи въ мірѣ заставляла другихъ, хотя на нѣсколько часовъ, забывать, что она императрица, а самой ей это напоминало, и гдѣ? во дворцѣ, что она человѣкъ, имѣющій нужду въ свободномъ обращеніи съ другими людьми, чего лишена была внѣ эрмитажа, по сану самодержицы.

Представя читателю, съ какой высоты смотрѣла императрица

30*

на все ее окружающее, каждый пойметъ, какое это имѣло вліяніе на вельможъ, приближенныхъ къ великой государынѣ, и почти на всѣ сословія, особенно на дворянское.

Я оставилъ Петербургъ, не предполагая, что вскорѣ увижу его опять, но не въ томъ блескѣ, которому я удивлялся.

V.

Къ сроку явился я въ Ревель къ адмиралу своему, и прежняя жизнь уже не возобновлялась, ибо лишена была прежней своей прелести. Я смотрѣлъ на все съ новой точки зрѣнія, и мало по малу, обратилъ этотъ безполезный бытъ, по крайней мѣрѣ, въ пользу для самаго себя.

Во всѣ свободные часы отъ службы занимался я особенно изученіемъ древней литературы, Кантовой философіи, и посѣщалъ только тѣ общества, въ которыхъ могъ почерпнуть полезное и для науки, и для себя. Сверхъ того началъ я прилежно обучаться русскому языку, т. е. письменному, что весьма трудно было, ибо Ревель походилъ тогда болѣе на нѣмецкій городъ, нежели на русскій. Къ счастію, нѣкоторые изъ нашихъ морскихъ офицеровъ: Малѣевъ, Рожновъ и Акимовъ, взялись меня руководствовать, и тѣмъ облегчили мнѣ трудъ. Я переводилъ, читалъ имъ свои переводы, и наконецъ собственнымъ неутомимымъ прилежаніемъ достигъ до той степени, на которой теперь нахожусь.

Среди этихъ мирныхъ упражненій пришла въ Ревель роковая вѣсть о смерти Екатерины. Всѣ горько поражены были этимъ печальнымъ извѣстіемъ; никто не ожидалъ этого несчастія; всѣ полагали Екатерину безсмертною, чѣмъ она дѣйствительно сдѣлалась послѣ смерти ея, въ Россіи, можетъ быть во всей Европѣ, и тамъ—въ истинной ея отчизнѣ. Всѣ окружавшіе императрицу думали, что отказъ, сдѣланный шведскимъ королемъ графу Маркову, былъ главною причиною послѣдовавшаго затѣмъ удара. Но должно замѣтить, что это хотя крайне ее поразило, однакоже въ теченіи шести недѣль, она не почувствовала ни малѣйшей, перемѣны въ здоровьѣ своемъ. Наканунѣ удара, она принимала, по обыкновенію, общество свое въ опочивальнѣ, была весела, много

говорила о смерти короля Сардинскаго и стращала собственною своею смертію Л. А. Нарышкина. Не было-ли это предчувствіемъ? Смерть ея разсказывается различно. Вотъ что̀ я слышалъ позднѣе отъ г-жи Перекусихиной и камердинера покойной императрицы Захара Зотова.

По утру 7-го ноября 1796 г., проснувшись, позвонила она по обыкновенію въ 7 часовъ; вошла Марья Савишна Перекусихина. Императрица утверждала, что давно не проводила такъ покойно ночь, встала совершенно здоровою и въ веселомъ расположеніи духа.

—„Нынѣ я умру", сказала императрица.

Перекусихина старалась мысль эту изгнать; но Екатерина, указавъ на часы, прибавила:

—„Смотри! въ первый разъ они остановились".

— И, матушка, пошли за часовщикомъ и часы опять пойдутъ.

—„Ты увидишь", сказала государыня, и, вручивъ ей 20 тысячъ рубл. асс., прибавила: „это тебѣ".

Соображая это съ шуткой наканунѣ, все заставляетъ меня думать, что какое-то темное предчувствіе о близкой смерти безпокоило ея душу. Но какъ и всегда, пока здоровы, крѣпки, мы пренебрегаемъ этими намёками, и дорожимъ ими менѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Что, еслибы она повѣрила этому предчувствію и подумала объ оставляемомъ ею царствѣ?

Екатерина выкушала двѣ большія чашки крѣпкаго кофе, шутила безпрестанно съ Перекусихиной, выдавала ее замужъ, и потомъ пошла въ кабинетъ, гдѣ приступила къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ. Это было около 8 часовъ утра. Въ секретарской начали собираться докладчики и ожидали здѣсь ея повелѣній. Проходитъ часъ и никого не призывали. Это было необыкновенно. Спрашиваютъ „Захарушку". Онъ полагаетъ, что императрица пошла прогуляться въ зимній садъ. Императрицы нѣтъ. Идетъ въ кабинетъ, въ спальню, нѣтъ нигдѣ, наконецъ отворяетъ дверцы въ секретный кабинетикъ—и владычица полвселенной лежитъ распростертою на полу и смертною блѣдностію покрыто лицо ея. Онъ вскрикиваетъ отъ ужаса; подбѣгаютъ Перекусихина, камердинеръ, поднимаютъ, выносятъ и кладутъ на полъ на сафьяномъ матрацѣ. Роджерсонъ тотчасъ пріѣхалъ, пустилъ кровь, которая потекла натурально, а къ ногамъ приложилъ шпанскія мухи.

Хотя доктора увѣрены были, что ударъ былъ въ голову, и смертельный, но всѣ средства употреблены были для призванія ея къ жизни. Двумя ударами раскаленнаго желѣза по обѣимъ плечамъ пытались привести ее въ чувство. Она еще разъ, на минуту, открыла глаза и потомъ закрыла ихъ навсегда. Долго боролась еще матерія со смертію и уже никакого моральнаго признака жизни не было. Г-жа Перекусихина и доктора ежеминутно перемѣняли платки, которыми обтирали текущую изъ устъ ея сперва желтую, а потомъ черную матерію. Безпрерывное движеніе живота, который судорожно то поднимался, то опускался, возвѣщало только о жизни. Въ повѣствованіи о восшествіи на престолъ Павла I увидимъ еще нѣкоторыя подробности объ ея смерти.

Вѣкъ Екатерины конченъ. Она сошла въ гробъ, а съ нею и волшебный міръ, ею созданный. Блеску много, ибо вѣкъ ея нынѣ, въ 1860 году, почитается баснословнымъ. Россія была счастлива, богата и во все продолженіе царствованія ея не было ни одного новаго налога (?!). Она говаривала, что была преемницею Великаго Петра. Но Петръ дѣйствовалъ съ строгостію; непреклонная его воля все рѣшала, онъ вводилъ свое нововведеніе принужденно. Екатерина милостиво владѣла сердцами, возвеличила все начатое Петромъ, сдѣлалась тоже преобразовательницею Россіи, и повелѣвала какъ земной Богъ. Чѣмъ? Уважая тѣхъ, которые ей повиновались; этимъ средствомъ облагородила она повиновеніе, сдѣлавъ его нравственнымъ. Она прославила Россію побѣдами, законами, и заставила иностранцевъ не только любить, но и уважать Россію. Уничтоживъ (?) Тайную канцелярію, она оттолкнула отъ себя подозрѣніе, истребила его въ насъ и тѣмъ возвысила духъ нашъ. Громко стали осуждать дурное, хвалить хорошее, и Екатерина вслушивалась въ гласъ народный, не пренебрегая имъ. Не страхомъ, не казнію, не пыткою, а милосердіемъ владычествовала она. На мелочи взирала она съ высоты своей съ пренебреженіемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ твердою рукою правила кормиломъ государства. Дворъ ея, гвардія, армія, флотъ, гражданскіе чины, все дышало благородствомъ, честію, непритворною любовью къ отечеству — и все это внушала Екатерина. Страшились только одного — подвергнуться гнѣву ея. Одинъ французскій писатель, жившій долгое время въ Россіи, сказалъ про нее: „Catherine a constamment remplacé par le sentiment actifde l'honneur le sterile

et bas sentiment de la crainte servile". И какъ умѣла она выбирать и воспитывать людей для обширныхъ плановъ своихъ!

Утаить нельзя, подлѣ благодѣяній, излiянныхъ Екатериною на Россiю, есть и зло. Солнце не безъ пятенъ. Наказъ ея истинно либеральный, ибо за свободу мышленiя публично сожженъ былъ въ Парижѣ. Однако безсмертный этотъ наказъ въ исполненiе приведенъ не былъ. Зачѣмъ преждевременно знакомить народъ съ такими предметами, которые пустить въ обращенiе опасно? Это трудъ недовершенный. Вообще замѣтить должно, что Екатерина, желая быть единственно душею всѣхъ государственныхъ дѣйствiй, явила въ своихъ учрежденiяхъ болѣе блеску, нежели основательности. Владычествуя сильною рукою, была душею всѣхъ. И не это ли было причиною, что когда души этой не стало, то почти всѣ ея нововведенiя вскорѣ пошатнулись?

Упрекають ее въ слабостяхъ, имѣвшихъ вредное влiянiе на нравственность. Въ высшемъ классѣ развратились нравы любострастiемъ, которому самый дворъ служилъ примѣромъ; въ низшемъ питейные домà умножили пьянство, а съ нимъ размножились и пороки. Но чтобы судить объ Екатеринѣ, должно ее разсматривать, какъ владычицу полвселенной, а не какъ женщину въ приватной ея жизни. Сидя на престолѣ, взвѣшивала она судьбу какъ своихъ, такъ и другихъ народовъ съ удивительнымъ искусствомъ, твердо управляла кормиломъ государства, умѣла всегда во-время поддерживать и расторгать связи съ другими державами. Довольство, счастiе подданныхъ было единственною ея цѣлью, хотя иногда въ способахъ къ достиженiю сего могла ошибаться. Какъ женщина, въ домашнемъ кругу своемъ, она была снисходительна, любезна, и тѣломъ и душей предана любви.

Владычествовать и любить—были двѣ необходимости для ея души.

Раскроемъ исторiю: чѣмъ выше, чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе подверженъ онъ слабостямъ, и часто великiе его подвиги бываютъ слѣдствiемъ этихъ же слабостей. Екатерина не упускала изъ виду императрицы. Любимцовъ своихъ употребляла она исполнителями высокихъ своихъ предпрiятiй. Если ошибалась въ выборѣ, немедленно ихъ смѣняла, и долгое время придерживалась достойныхъ. Упрекаютъ императрицу въ щедростяхъ, распространяемыхъ ею на своихъ фаворитовъ. Правда—каждому фавориту давалось по 14 тысячъ душъ крестьянъ, но этимъ пользовались

не одни фавориты. Примѣръ тому—князь Репнинъ и проч. И не присоединялся-ли къ этому высшій взглядъ? Казенные крестьяне платили малый оброкъ, незначительныя подушныя; земли лежали не обдѣланныя и всегда были недоимки. Крестьяне утопали въ невѣжествѣ; за раздачею крестьянъ водворялась владѣльцами экономія (?!). Они заводили хлѣбопашество, хутора, фабрики, отстраивали себѣ жилища и тѣмъ распространяли въ народѣ новыя идеи, а государство обогащалось (!) изобиліемъ произведеній. Что эта мысль была въ головѣ Екатерины, доказать можетъ слѣдующее: она неоднократно желала освободить крестьянъ отъ рабства. Но какъ къ этому приступить? Съ одной стороны, удерживало ее невѣжество самихъ крестьянъ, которымъ эта свобода могла послужить болѣе во вредъ, нежели въ пользу. Не имѣя никакого понятія о благоразумной, законами ограниченной, свободѣ, крестьяне могли перейти къ своеволію, и чѣмъ удержать ихъ тогда въ предѣлахъ повиновенія? Съ другой стороны, владѣльцы были, какъ и теперь, натуральными полицеймейстерами въ своихъ имѣніяхъ, ограждающими себя, а съ тѣмъ и все государство отъ безпорядковъ. Кѣмъ могли они быть замѣнены на этомъ огромномъ пространствѣ?

—„Раздача имѣній, говорила императрица собранному на сей случай совѣту, а въ другой разъ графу Салтыкову, Панину, князю Репнину, особенно генералъ-прокурору князю Вяземскому, будетъ приготовленіемъ къ будущему освобожденію крестьянъ".

Упрекаютъ ее въ кровопролитіи невинныхъ жертвъ. Въ сихъ случаяхъ судить трудно, но сознаться должно, что она не боялась преступленія, если оно казалось ей необходимымъ. Затруднительныя обстоятельства, угрожающія какимъ-то бѣдствіемъ въ будущемъ, хотя и воображаемымъ, заставляютъ сильныхъ земли сей, забывъ кротость, даже человѣколюбіе, дѣйствовать съ энергіей и твердостію желѣзной воли. Раскроемъ опять исторію, и сколько великихъ людей запятнали страницы ея пролитіемъ невинной человѣческой крови! Вспомнимъ герцога Ангіенскаго, сію невинную жертву Наполеона!.. Справедливо дѣлаютъ Екатеринѣ упрекъ въ раздѣленіи Польши. Она излила на нее всю чашу бѣдствія на долгія времена и лишила свое государство оплота противъ другихъ державъ. Оно тѣмъ непростительнѣе, что она

всегда могла имѣть сильное вліяніе на эту незаконно и не политически раздѣленную Польшу.

Впрочемъ человѣческія дѣянія бываютъ слишкомъ сложны и не всегда можно ихъ подвесть подъ математическіе разсчеты. Нѣсколько часовъ послѣ смерти, Екатерина была забыта. „Она состарѣлась, говорили многіе, не было въ ней уже прежней энергіи, зданіе, ею воздвигнутое, распадалось еще при жизни ея". Но они не видѣли, что хотя-бы это отчасти было и справедливо, однако же выдержалось жизнію ея. Теперь помышляли только о томъ, что могло помрачить славу ея. Россія дорого заплатила за эту неблагодарность, ибо не взирая на всѣ недостатки, должно согласиться, что вѣкъ Екатерины едвали не былъ счастливѣйшимъ для всѣхъ сословій въ Россіи. Чтобы наслаждаться спокойствіемъ, уваженіемъ, приличною свободою, нужно было только не быть преступникомъ. Екатерина была и литераторъ. Она переписывалась со всѣми такъ называемыми философами XVIII вѣка и ласкала ихъ, но не слушалась. И посланника (?) новой школы Дидерота обратила скорѣе къ сообщникамъ своимъ Вольтеру и д'Аламберту. Она писала сама комедіи, выбирая предметы изъ русскихъ сказокъ, и по крайней мѣрѣ, надобно отдать ей ту справедливость, что пріѣхавъ въ Россію, она пренебрегла языкомъ своего отечества (т. е. языкомъ нѣмецкимъ). Управляя обширнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ, находила время учиться, и сдѣлавшись сама писательницею, возбудила въ русскихъ желаніе подражать ей. Явились: Херасковъ, Княжнинъ, Муравьевъ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Капнистъ, Богдановичъ, и проч. Ученье сдѣлалось при ней необходимостью. Не будь Екатерины и ученика ея Александра, былъ-ли бы у насъ Карамзинъ?

Многіе полагаютъ, что Екатерина управляла царствомъ хорошо, потому что сообразжалась съ тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ она жила. Это—обида, наносимая великимъ талантамъ, въ которыхъ ей отказать нельзя. Умъ, кротость, милосердіе, во всѣ времена, приносить будутъ равную пользу; когда всѣ громкіе отголоски о бывшей ея славѣ, прозвучатъ во времени, даже исторія не упомянетъ о царствованіи ея, и всѣ памятники того вѣка стерты будутъ съ лица земли, останется еще Наказъ. Онъ будетъ свидѣтельствовать о величіи духа ея и послужитъ руководствомъ для позднѣйшаго потомства. Не лесть сказалъ Державинъ, говоря о ней:

Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ-бы престолѣ
Была-бъ великою женой.

Но увы! кажется самое счастіе, дарованное Екатериною своимъ подданнымъ, сдѣлалось позже причиною ихъ бѣдствій. Богатство вельможъ, ихъ сила, лестное ихъ отношеніе къ престолу, благоразумная свобода, которою пользовались особенно дворяне, любовь къ службѣ, благородная амбиція, произвели какой-то духъ рыцарства, который имѣлъ корень не во внутреннемъ убѣжденіи своего достоинства, а въ одной наружности. Все пышное государственное зданіе Екатерины было потрясено, когда съ мундировъ сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы, унизили барство, словомъ сорвали съ глазъ мишуру; куда дѣвалось это мнимое рыцарство? Et presque tous les grands devinrent d'illustres nullités. Россія живетъ въ возвышенности и достоинствѣ своихъ царей—Екатерина тò доказала!

VI.

ПАВЕЛЪ I-й.

Краткое царствованіе императора Павла I-го едва ли могло произвести что либо важное въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ; но замѣчательно тѣмъ, что сорвало маску со всего прежняго фантасмагорическаго міра, произвела на свѣтъ новыя идеи и новыя понятія.

Молодой полякъ Ильинскій, служившій при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, первый поспѣшилъ въ Гатчину извѣстить своего благодѣтеля о близкой кончинѣ императрицы. Но уже скакалъ верхомъ графъ Н. А. Зубовъ съ формальнымъ извѣщеніемъ и предупредилъ Ильинскаго. Графъ посланъ былъ отъ князя П. А. Зубова и отъ другихъ знаменитыхъ особъ, но первый, предложившій это, былъ графъ А. Г. Орловъ. Изъ сего заключить должно, что они въ эту критическую минуту собрали родъ совѣта. Въ день приключившагося съ Екатериной удара, великій князь кушалъ съ семействомъ на Гатчинской мельницѣ. До обѣда разсказывалъ онъ собравшемуся у него обществу, между прочими Плещееву, Кушелеву, графу Вельегорскому, Бибикову,

видѣнный имъ прошлую ночь сонъ, „что какая-то невидимая сила поднимала его на какую-то высоту; просыпаясь часто и засыпая опять, повторялся тотъ же сонъ. Къ крайнему удивленію, и великую княгиню тревожили всю ночь подобные же сны.

По окончаніи стола подалъ Кутайсовъ кофе въ такъ называемой розовой бесѣдкѣ. Въ эту минуту великій князь увидалъ графа Н. А. Зубова, привязывавшаго лошадь къ забору, и почитая всѣхъ Зубовыхъ смертельными своими врагами, онъ поблѣднѣлъ, уронилъ чашку и, обратясь къ великой княгинѣ, прибавилъ трепещущимъ голосомъ: ma chère, nous sommes perdus!—Онъ думалъ, что графъ пріѣхалъ его арестовать и отвезть въ замокъ Лоде, о чемъ давно говорили. Зубовъ не шелъ, а бѣжалъ съ открытою головою къ бесѣдкѣ, и, вошедши въ нее, палъ на колѣна предъ Павломъ, и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь перемѣняетъ цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ, одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой, ударяя себя въ лобъ, восклицаетъ: „какое несчастіе“! и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что не скоро подаютъ, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперегъ бесѣдки, третъ судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова и спрашиваетъ самаго себя: „Застану-ли ее въ живыхъ?“ Словомъ, былъ внѣ себя, отъ печали или отъ радости—Богъ вѣсть. Думаютъ, что быстрый этотъ переходъ отъ страха къ неожиданности подѣйствовалъ сильно на его нервы и самый мозгъ. Кутайсовъ, который мнѣ это разсказывалъ, жалѣлъ, что не пустилъ великому князю немедленно кровь.

Наслѣдникъ съ супругою выѣхали изъ Гатчины въ 5 часовъ по полудни, а графъ Зубовъ скакалъ впередъ, чтобы въ Софіи приготовить лошадей. Между тѣмъ, великій князь Александръ Павловичъ, чрезмѣрно растроганный кончиною бабки своей, которой былъ любимцемъ, поѣхалъ за Растопчинымъ, котораго уважалъ отецъ его, и уговаривалъ его ѣхать въ Гатчину. Растопчинъ, пріѣхавъ въ Софію, нашелъ Зубова, заботившагося о лошадяхъ. Чрезъ нѣсколько времени явился наслѣдникъ съ супругою. Увидя Растопчина, сказалъ: „Ah! c'est vous, mon cher Rastopchine! Vous nous suivrez“, и распрашивалъ его: въ какомъ онъ положеніи засталъ императрицу? Подъѣхавъ къ Чесменскому

дворцу, Павелъ приказалъ остановиться. На слова Растопчина: „quel moment pour Vous, Mon-Seigneur!“ великій князь отвѣчалъ:

— „J'ai vécu 42 ans; Dieu m'a soutenu jusqu'à présent, et j'attends tout de Sa bonté“.

Въ 8 час. вечера въѣхалъ наслѣдникъ съ супругою въ С.-Петербургъ. Дворецъ былъ наполненъ людьми, объятыми страхомъ, любопытствомъ, ожидающими съ трепетомъ кончины Екатерины; были и такіе, которые, при перемѣнѣ правленія, ласкали себя надеждою на будущее возвышеніе. Великій князь вошелъ на минуту въ свои комнаты и потомъ пошелъ на половину императрицы. Долго говорилъ онъ съ медиками, и, въ сопровожденіи великой княгини, вошелъ въ угловой кабинетъ, куда призвалъ тѣхъ, которымъ нужно было отдать приказанія. На другое утро, чрезъ 24 часа послѣ удара, вошелъ онъ въ ея опочивальню, спросилъ у докторовъ: имѣютъ ли они хотя малѣйшую надежду? и получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ призвать митрополита Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу Св. Тайнъ, что немедленно было исполнено.

Въ 9 часовъ утра, докторъ Роджерсонъ, войдя въ кабинетъ, гдѣ были великій князь и великая княгиня, объявилъ имъ, что Екатерина кончается. Павелъ тотчасъ приказалъ великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ, съ статсъ-дамою Ливенъ, войти въ опочивальню. Всѣ расположились около умирающей въ слѣдующемъ порядкѣ. Великій князь съ великою княгинею по правую сторону, по лѣвую—доктора и вся услуга императрицы; у головы Плещеевъ и Растопчинъ, а у ногъ князь Зубовъ, графъ Зубовъ и пр. Дыханіе императрицы становилось труднѣе, рѣже, наконецъ, вздохнувъ въ послѣдній разъ, Великая окончила земное бытіе свое....

Черты лица ея, доселѣ искаженныя страданіями, приняли, тотчасъ послѣ смерти, прежнюю свою пріятность и величіе.

Во все время, царская фамилія и всѣ присутствующіе стояли, наклонивъ голову. Наконецъ, великій князь, какъ будто насильно, отрываясь отъ тѣла матери, вышелъ въ другую комнату, заливаясь слезами. Опочивальня императрицы огласилась воплями служившихъ и приверженныхъ ей. Но слезы эти и рыданія не простирались далѣе этой комнаты. Тамъ собиралъ уже

оберъ-церемонимейстеръ Валуевъ всѣхъ къ присягѣ и пришелъ съ докладомъ, что все въ придворной церкви къ тому готово.

Новый императоръ, со всею царскою фамиліею, въ сопровожденіи съѣхавшихся во дворецъ, вошелъ въ церковь и сталъ на императорскомъ мѣстѣ. Всѣ читали за духовенствомъ присягу. Императрица Марія Ѳеодоровна подошла къ императору и хотѣла броситься передъ нимъ на колѣни, но императоръ удержалъ ее, равно и всѣхъ дѣтей своихъ. Всѣ цѣловали крестъ, евангеліе, и подписавъ имя свое, подходили къ рукѣ императора. По окончаніи присяги, государь пошелъ прямо въ опочивальню покойной императрицы, которая лежала уже въ бѣломъ платьѣ на кровати. Императоръ низко ей поклонился и пошелъ въ свои комнаты. Графу Безбородкѣ поручено было написать манифестъ и пригласить въ Петербургъ князя А. Б. Куракина, проживавшаго въ Москвѣ. Графъ А. Г. Орловъ не былъ во дворцѣ и у присяги. Императоръ отправилъ къ нему Растопчина съ Н. П. Архаровымъ, чтобы привести его къ присягѣ.

—„Я не хочу, чтобы онъ забывалъ 29-е іюня"—прибавилъ императоръ.

Они застали Орлова спящаго, разбудили, привели къ присягѣ и отрапортовали его величеству.

Между тѣмъ, кн. П. А. Зубовъ, какъ дежурный генералъ-адъютантъ, спросилъ императора: кому прикажетъ онъ вручить генералъ-адъютантскій жезлъ, который былъ тогда знакомъ дежурнаго генералъ-адъютанта. Императоръ отвѣчалъ: „il est en bonnes mains, gardez le".—Князь Зубовъ спросилъ императора: не угодно-ли ему разсмотрѣть запечатанные конверты, находящіеся въ кабинетѣ покойной императрицы? Первый, попавшійся въ руки и распечатанный императоромъ, было отрѣшеніе его отъ всероссійскаго престола. Второй—распоряженіе о пребываніи его высочества въ замкѣ Лоде, куда должно было слѣдовать и войско, находившееся при немъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Императоръ, улыбаясь, изорвалъ оба пакета на мелкіе куски. Третій былъ указъ о пожалованіи графа Безбородко имѣніемъ, бывшимъ князя Орлова и Бобрика.

—„Cela appartient à mon frère, сказалъ Павелъ, oser en disposer en faveur d'un autre est un crime".

Четвертый, съ надписью самой императрицы, духовное завѣщаніе, императоръ, не распечатывая, положилъ въ карманъ.

Это я слышалъ впослѣдствіи отъ самаго князя Зубова, который выставлялъ этотъ поступокъ въ видѣ неблагодарности, со стороны Павла, за оказанныя ему услуги и какъ бы извинительною причиною (дальнѣйшаго поведенія его, т. е. кн. Зубова).

VII.

Прежняя спокойная жизнь въ Ревелѣ при Екатеринѣ — перемѣнилась. Всѣ съ любопытствомъ жаждали узнать о томъ, что̀ дѣлалось въ С.-Петербургѣ; каждое письмо изъ столицы переходило изъ рукъ въ руки; каждый пріѣзжій изъ Петербурга подробно распрашивался, страхъ сильно начиналъ овладѣвать всѣми. Немного обрадовало однакоже, милостивое повелѣніе императора объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія содержащихся въ тюрьмахъ и Ревельскихъ башняхъ. Обязанностію поставляю разсказать объ одномъ неизвѣстномъ узникѣ, котораго мы и прежде часто видѣли, съ длинною бородою, стоящаго у окна за желѣзной рѣшеткой, надъ воротами, называемыми Штрандъ-форте. Объ немъ извѣстно было только то, что онъ привезенъ былъ въ началѣ царствованія Екатерины II-й; но кто онъ, и за что заключенъ, никто, ни комендантъ, ни губернаторъ, не знали. Вслѣдъ за нимъ присланы были сундуки съ богатымъ платьемъ, бѣльемъ, серебряною посудой и на содержаніе 10 т. р. деньгами. Всего этого давно уже не было, и самъ узникъ вѣроятно не видалъ своего богатства. Когда прибыло повелѣніе освободить узниковъ, то всѣ знаменитости Ревеля пошли съ своею свитою по крѣпостной стѣнѣ къ башнѣ, гдѣ содержался неизвѣстный узникъ. Комнаты его очищены были плацъ-маіоромъ, но не взирая на куренье, которое носилось облаками по темному жилищу, все еще былъ какой-то смрадный удушливый запахъ, который крайне былъ отвратителенъ. Въ первой комнатѣ стояли у дверей двое часовыхъ и еще два солдата, вѣроятно для посылокъ, или удвоенія караула, ибо при нихъ былъ и унтеръ-офицеръ. Мы вошли въ другую довольно большую комнату, гдѣ въ самомъ отдаленномъ углу на соломѣ лежалъ человѣкъ лицомъ къ стѣнѣ, въ бѣломъ балахонѣ и покрытый въ ногахъ нагольнымъ

тулупомъ. Подлѣ этого ложа стоялъ кувшинъ, на которомъ лежалъ ломоть ржанаго хлѣба...

—„Встаньте, сказалъ комендантъ, императрица Екатерина II-я, Божіею волею, скончалась, и на прародительскій престолъ взошелъ императоръ Павелъ. Онъ даруетъ вамъ прощеніе и свободу".

Узникъ молчалъ и не трогался съ мѣста; комендантъ продолжалъ: „Государь, по неограниченному своему милосердію"....

— „Милосердію?" вскричалъ заключенный, приподнимаясь. „Видимое тобою здѣсь—милосердіе?"—Онъ всталъ. Мы увидѣли передъ собою исхудавшаго, блѣднаго, сѣдинами покрытаго человѣка; улыбка его выражала презрѣніе, онъ страшенъ былъ, какъ тѣнь, возставшая изъ гроба.

—„Успокойтесь, сказалъ мой адмиралъ, да подкрѣпитъ васъ Богъ».....

—„Богъ? Богъ? подхватилъ узникъ,—у тебя есть Богъ, и онъ позволяетъ заточить невиннаго человѣка и держать его слишкомъ 30 лѣтъ, какъ скотину въ хлѣвѣ! О, подлые рабы".

Комендантъ, желая обратить его вниманіе на другой предметъ, спросилъ: „позвольте узнать имя ваше?"

—„Спроси у той, которая лежитъ теперь мертвая въ гробу, а я посаженъ ею живой въ этотъ гробъ; развѣ ты не знаешь, тюремщикъ мой, имени моего?А!... Вонъ! Я міра вашего не знаю; куда я пойду? Эти стѣны—друзья мои, я съ ними не разстанусь. Вонъ!"...

Послѣднія слова прокричалъ онъ дико и громко. Глаза его ужасно сверкали; лицо было страшно; мы думали, что онъ съ ума сошелъ. Комендантъ сказалъ что-то на ухо плацъ-маіору, и всѣ вышли испуганные изъ комнаты. Послѣ узнали мы, что ему дали кровать, кое-какую мебель, всѣ жители посылали ему кое-что, словомъ, всѣ старались облегчить участь его. На третій день посѣтилъ его плацъ-маіоръ и нашелъ на постелѣ умершимъ. Вѣроятно, неожиданность, перемѣна воздуха, пища, явившаяся забота о будущемъ: все потрясло духъ его, и онъ палъ подъ бременемъ страданій. Удивительно, что, не взирая на всѣ вопросы, никому не сказалъ имени своего. Въ архивахъ разрыли все и нашли только...... такого-то числа привезенъ....... и велѣно посадить въ башню. Даже годъ и мѣсяцъ не означены. Какъ-бы то ни было, онъ, по крайней мѣрѣ, провелъ послѣдніе часы жизни въ сообществѣ съ людьми, отъ которыхъ столько лѣтъ былъ отчужденъ, видѣлъ себя

противъ прежняго въ какомъ-то довольствѣ, обрадованъ былъ соучастіемъ. Но кто онъ былъ, за что̀ такъ строго наказанъ и съ нѣкотораго рода отличіемъ—покрыто неизвѣстностію. Что онъ принадлежалъ къ какому-либо знатному роду, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, ибо, въ противномъ случаѣ, поступили-бы съ нимъ, кажется, иначе. Судя по выговору, онъ долженъ бы быть иностранецъ, выучившій порядочно русскій разговорный языкъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, содержащихся въ Ревелѣ, былъ еще князь **Кантемиръ**, кавалеръ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра 4-й степени; онъ по освобожденіи немедленно отправился въ Москву.

За исключеніемъ сего манифеста, всѣ извѣстія, приходящія изъ Петербурга, внушали болѣе страхъ, нежели утѣшеніе, и адмиралъ мой, противъ обыкновенія, сдѣлался пасмурнымъ. Это чрезвычайно безпокоило супругу его и она всячески домогалась узнать причину этой перемѣны. Долго онъ скрывалъ, наконецъ за чайнымъ столомъ объявилъ при мнѣ, что онъ предчувствуетъ неизбѣжное несчастіе. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ, нынѣ императоромъ Павломъ I-мъ. Оба приготовлялись къ морской службѣ, и оба влюбились въ одну и ту же особу знатной фамиліи. Адмиралъ мой, хотя росту не большаго, но былъ красивый, ловкій, образованный и пріятный мужчина; мудрено ли, что имѣлъ право болѣе нравиться, нежели великій князь, лишенный отъ природы сихъ преимуществъ. Великій князь какъ-то узналъ это, почелъ предательствомъ со стороны товарища, соученика, и объявилъ ему: „я тебѣ этого никогда не прощу!“

— Je le connais, прибавилъ адмиралъ, il est homme a tenir parole.

Съ этого дня жили мы въ безпрерывномъ страхѣ,—въ ожиданіи чего-то непріятнаго въ будущемъ. Быстрыя перемѣны во всѣхъ частяхъ управленія, особенно перемѣна мундировъ, жестоко поразила насъ, молодыхъ офицеровъ, отчасти и старыхъ. Вмѣсто прекрасныхъ, еще Петровыхъ, мундировъ, дали флоту темно-зеленые съ бѣлымъ стоячимъ воротникомъ, и по ненавистному со временъ Петра III-го прусско-гольстинскому покрою. Тупей былъ отмѣненъ. Велѣно волосы стричь подъ гребенку, носить узенькій волосяной или суконный галстукъ, длинную косу, и двѣ насаленыя пукли торчали надъ ушами; шпагу приказано было носить не на боку, а

сзади. Наградили длинными лосинными перчатками, въ родѣ древнихъ рыцарскихъ, и велѣли носить ботфорты. Трехъ-угольная низенькая шляпа довершала этотъ щегольской нарядъ. Фраки были запрещены военнымъ подъ строжайшимъ штрафомъ, а круглая шляпа всѣмъ. Въ этихъ костюмахъ мы едва другъ друга узнавали; все походило на дневной маскарадъ, и никто не могъ встрѣтить другаго безъ смѣха, а дамы хохотали, называя насъ чучелами, monstres. Но привычка все уладила, и мы начали, не взирая на нарядъ, по прежнему танцовать и нравиться прекрасному полу.

Не понятно какимъ образомъ императоръ Павелъ, умный, образованный, чувствительный, знавшій ту ненависть, которую питали къ мундирамъ отца его, рѣшился, противъ общаго мнѣнія, тотчасъ приступить къ такой ничтожной перемѣнѣ, которая поставила всѣхъ противъ него. Это ощутительнѣе было въ гвардіи. Уничтоженіе мундировъ, введенныхъ Петромъ Великимъ, казалось однимъ—пренебреженіемъ, другимъ—преступленіемъ. Обратить гвардейскихъ офицеровъ изъ царедворцевъ въ армейскихъ солдатъ, ввесть строгую дисциплину, словомъ обратить все вверхъ дномъ значило презирать общимъ мнѣніемъ и нарушить вдругъ весь существующій порядокъ, освященный временемъ. Неужели, полагалъ онъ, что настало тогда время привесть въ исполненіе то, что не удалось его родителю, и когда? послѣ блистательнаго и очаровательнаго вѣка Екатерины! Слѣдствіемъ того было, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ вышла въ отставку. Кѣмъ замѣнить ихъ? Императоръ перевелъ въ гвардію Гатчинскихъ своихъ офицеровъ, и пренебрегая прежними учрежденіями Петра, тѣми же чинами, въ которыхъ они служили въ неуважаемыхъ тогда его морскихъ баталіонахъ. Въ этомъ поступкѣ никто не хотѣлъ видѣть необходимости, и еще менѣе великодушія въ желаніи вознаградить тѣхъ, которые раздѣляли незавидную участь его въ Гатчинѣ. Всѣ полагали, что это дѣлается на зло Екатеринѣ. Къ несчастію, переведенные въ гвардію офицеры, за исключеніемъ весьма малаго числа, были недостойны этой чести и не могли замѣнить утрату первыхъ. Гатчинскіе баталіоны не могли равняться даже съ арміею, а еще менѣе съ гвардіею, гдѣ служилъ цвѣтъ русскаго дворянства. Никто не завидовалъ тому, что императоръ раздавалъ имъ щедрою рукою помѣстья, это была

награда за претерпѣнное ими въ Гатчинѣ; но въ гвардіи имъ быть не слѣдовало, ибо въ этомъ кругу Гатчинскіе офицеры не могли найтиться.

Предчувствія моего адмирала сбылись. Меня приказалъ къ себѣ просить новый комендантъ Горбунцевъ будто на вечеръ. Онъ объявилъ мнѣ, что присланъ къ нему фельдъегерь за моимъ адмираломъ. Горбунцевъ, хотя Гатчинскій, но былъ человѣкъ съ чувствомъ и отлично благородный. „Примите, сказалъ онъ мнѣ, какія нибудь мѣры для успокоенія вашего адмирала во время путешествія его въ Петербургъ, которое, по приказанію, должно быть совершено въ телѣгѣ, и объявите ему объ этомъ несчастномъ случаѣ“. Я просилъ его убѣдительно самому съѣздить къ адмиралу, ибо я не въ силахъ буду ему даже объ этомъ намекнуть. „Хорошо, отвѣчалъ комендантъ, надо усыпить фельдъегеря, онъ пріѣхалъ пьяный“, и, призвавъ офицера, отдалъ ему какое-то приказаніе. Вмѣстѣ съ комендантомъ, сѣлъ я въ карету и, съ тяжелымъ сердцемъ, вошелъ я въ тотъ мирный и счастливый домъ, который долженъ вскорѣ обратиться въ домъ скорби и печали.

—„Доложите обо мнѣ“, сказалъ комендантъ. Я вошелъ въ кабинетъ, и вѣроятно на лицѣ моемъ выражалась скорбь, ибо адмиралъ, не дождавшись отъ меня ни слова, спросилъ: „что такое?“ — и слеза навернулась на глазахъ его. Съ трудомъ могъ я выразить: „комендантъ Горбунцевъ здѣсь“.—Адмиралъ всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился, вздохнулъ, и съ этимъ вздохомъ какъ будто ободрился. „Попросите коменданта“, сказалъ онъ мнѣ обыкновеннымъ ласковымъ тономъ, „а сами подите къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ“ (супругѣ его), „но не показывайте ни малѣйшаго вида, что вамъ что нибудь извѣстно“!

Комендантъ вошелъ, а я пошелъ исполнить приказаніе адмирала. Адмиральша сидѣла окруженная дѣтьми своими.—„Что дѣлаетъ Алексѣй Григорьевичъ?“ спросила она у меня. — У него комендантъ.—„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?“ спросила она съ жаромъ.—Не знаю-съ. — Страшное безпокойство обнаружилось на лицѣ и движеніяхъ ея. Можно-ли скрыть что отъ женщины любящей! Сердце вѣщунъ.— „Вѣрно что нибудь случилось?“ прибавила она.—Кажется, ничего. Полагаю комендантъ пріѣхалъ съ визитомъ.—„Боже мой! какія времена! воскликнула она, каждую минуту ожидаешь бѣды“. — Я обрадовался, когда адми-

ралъ потребовалъ меня къ себѣ. Горбунцова уже не было. — „Мнѣ нужно, сказалъ адмиралъ, приготовить Екатерину Ѳедоровну, не уходите, я позову васъ, когда нужно будетъ“. По бѣготнѣ, посылкѣ въ аптеку, я могъ догадаться, что̀ происходило на женской половинѣ, но зная Екатерину Ѳедоровну женщину прелестную, умную, съ духомъ возвышеннымъ, одаренную необыкновенною живостью характера, я убѣжденъ былъ, что первая минута будетъ для нея нестерпимо ужасна, во вторую, она явится героинею. Чрезъ часъ адмиралъ вышелъ.—„Слава Богу, сказалъ онъ мнѣ, она успокоилась, подите къ ней, помогите меня отправить“. Адмиральша встрѣтила меня сими словами „Voila encore une jolie page dans la vie de notre Empereur. Il faut faire venir Николашка“, это былъ камердинеръ адмирала. Наскоро укладывали мы въ чемоданы все нужное и даже прихотливое и отправили Николашку впередъ на вольныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ на каждой станціи выжидалъ адмирала, но съ готовыми лошадьми, чтобы всегда находился впереди. Поздно вечеромъ явился фельдъегерь. У насъ все было готово, я велѣлъ подчивать фельдъегеря чаемъ съ ромомъ, ужиномъ, винами, и фельдъегерь, торопившійся немедленно ѣхать, уснулъ крѣпко. Но только и нужно было выиграть время, и мы сѣли ужинать. Адмиралъ съ супругою кушали, какъ обыкновенно̀, и адмиралъ былъ такъ веселъ, что казалось ѣдетъ pour une partie de plaisir. Послѣ ужина, адмиралъ упросилъ супругу свою лечь почивать, увѣряя ее, что не прежде поѣдетъ какъ утромъ, ибо ему еще нужно кончить нѣкоторыя дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, долго работалъ онъ въ кабинетѣ, въ полночь вышелъ онъ съ письмами въ рукахъ. Подойдя ко мнѣ, сказалъ: „вотъ все то, что я, въ теперешнемъ положеніи, могъ сдѣлать для васъ. Скажите, что вы видѣли меня спокойнымъ и увѣреннымъ въ справедливости моего монарха; это письмо, прибавилъ онъ, положу я въ спальню моей жены, благословлю всѣхъ“, и далѣе говорить не могъ. Слышно было, какъ голосъ его перерывался, вскорѣ онъ простился, сказавъ съ чувствомъ: „я съ ними простился, скажите женѣ, чтобы она надѣялась на Бога и на справедливость царя, а я покоенъ въ совѣсти моей. Велите позвать фельдъегеря“. Этого насилу могли добудиться. Когда онъ вошелъ, адмиралъ сказалъ ему: „Я готовъ“.—„Пора, ваше высокопревосходительство, благодарю за угощеніе“. Подали

адмиралу шубу, онъ обнялъ меня; я рыдалъ. „Partez demain, сказалъ онъ, pous Moscou et tachez d'y trouver du service, les miens vous aideront. Adieu mon cher!"—Мы пошли съ лѣстницы, люди всѣ его тутъ ожидали и лобызали его руки. „Прощайте, друзья мои, берегите Екатерину Ѳедоровну и дѣтей; пустите, пустите, пора". Я посадилъ его въ телѣгу. „Прощайте!" сказалъ онъ; но это „прощайте"—выговорено было растерзанною душею.

Мнѣ предстояла дома та же драма; я женился по любви, на благородной дѣвицѣ, и у меня уже былъ сынъ. По утру разсказалъ я женѣ все, и не далъ времени разчувствоваться. „Укладывайте скорѣе все нужное, сказалъ я женѣ, а я иду проститься съ адмиральшей и отнести ей послѣднее прости отъ адмирала". Вечеромъ въ 7 часовъ, сидѣлъ я уже въ кибиткѣ и чрезъ Псковъ, какъ мнѣ приказано было, оставилъ Ревель навсегда и отправился въ Москву.

VIII.

Москва была уже не та, какою я видѣлъ ее прежде: вкралась недовѣрчивость, всѣ объяты были страхомъ но въ родственникахъ моего адмирала нашелъ я то же радушіе, то же гостепріимство и ту же готовность помочь мнѣ своимъ кредитомъ. По новому учрежденію каждый офицеръ долженъ былъ явиться къ коменданту Гагсу. Съ трепетомъ предсталъ я предъ нимъ; обойдя всѣхъ офицеровъ, дошелъ онъ до меня, и едва успѣлъ я выговорить свое имя, какъ онъ, взявъ меня за руку, сказалъ: „Пожалуйте ко мнѣ",—я пошелъ за нимъ въ кабинетъ; „вы напрасно сюда пріѣхали, вы, батька, кажется исключенъ и вашъ адмиралъ очень худо". Добродушный тонъ коменданта меня ободрилъ. Я разсказалъ ему вкратцѣ всѣ обстоятельства и милость адмирала, который далъ мнѣ отпускъ заднимъ числомъ „хорошо, отвѣчалъ комендантъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ къ графу Ивану Петровичъ, онъ лучше знай".

Вотъ уже я съ комендантомъ передъ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ. Онъ разспросилъ меня объ адмиралѣ моемъ, изъявилъ сожалѣніе, вошелъ и въ мое положеніе, спросивъ: сколько дней мнѣ нужно пробыть въ Москвѣ?—я

объявилъ ему, что буду ожидать письма отъ брата графа Палена изъ Ревеля, и съ онымъ тотчасъ уѣду въ Петербургъ. „Такъ и быть, оставьте его здѣсь, сказалъ графъ коменданту, только, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: не показывайтесь Гертелю“. Комендантъ вышелъ со мною и, отпуская меня, сказалъ: „ко мнѣ явись утромъ, а коли нужда, вечеромъ въ 7 или 8 часовъ, а теперь скорѣе домой. Кланяйся Аннѣ Матвѣевнѣ и Григорію Григорьевичу“, (то были мать и братъ моего адмирала).

Кому я былъ обязанъ этимъ спасеніемъ, хотя и не понималъ, въ чемъ дѣло состояло?—Людямъ,—остаткамъ вѣка Екатерины,—которые еще въ тайнѣ умѣли благодѣтельствовать нашей братіи, офицерамъ, невѣдующимъ что дѣлалось вверху.

Матери моей уже не было на свѣтѣ; на 39 году смерть прекратила нить жизни ея. Она сразила ее въ подмосковной, которая послѣ была моею. Я отыскалъ ея могилу и памятникъ, бросился на землю, и со слезами просилъ прощенія, что женился безъ ея согласія и воли.

Пока я дожидался письма отъ барона Палена, пріѣхала въ Москву и жена моя съ сыномъ. Ее увѣрили мои и ея пріятели, что я лихой малой, бросилъ жену и сына. Раскупили за даромъ всѣ наши пожитки и отправили ее въ Москву—отыскивать бѣжавшаго мужа. Эта клевета такъ меня озлобила, что я рѣшился никогда въ Ревель не возвращаться. Это обстоятельство крайне разстроило финансы наши на долгое время. Наконецъ, прибыло и ожидаемое письмо отъ барона Палена. Родственники адмирала снабдили меня рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ вельможамъ и я съ семействомъ пустился въ Петербургъ.

Вечеромъ въ 9 часовъ въѣзжали мы въ столицу; на заставѣ приказано мнѣ было явиться въ 6 часовъ утра къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, графу Палену. Мы остановились въ гостинницѣ; по утру рано, пошелъ я съ письмомъ барона Палена къ брату его. Зала графа наполнена была уже просителями, которые стояли по чинамъ всѣ въ полукружкѣ. Я смиренно занялъ послѣднее мѣсто; вскорѣ вошелъ графъ и обратился къ первому стоящему во главѣ чиновнику. Окончивъ съ нимъ, говорилъ съ каждымъ по очереди, наконецъ дошло дѣло и до меня; у меня сердце было не на мѣстѣ. „Кто вы?“ спросилъ меня графъ. Я кое какъ пролепеталъ ему имя мое и званіе и

подалъ письмо отъ брата. Онъ разорвалъ печать и началъ читать. Часто, во время чтенія, разсматривалъ онъ меня съ головы до ногъ и, прочитавъ, разорвалъ съ гнѣвомъ письмо брата, вскрикнувъ: „у меня рекомендація ни почемъ, пока вы не заплатите долговъ вашихъ, до послѣдней копѣйки, я васъ не выпущу изъ С.-Петербурга". Я готовился оправдываться. „Ваше сіятельство!—„Молчать", вскричалъ графъ и, обратясь ко мнѣ спиною, сказалъ своему адъютанту: „Вольмаръ, вы мнѣ отвѣчаете за этого офицера". Графъ, распростясь со всѣми, ушелъ въ свой кабинетъ, а Вольмаръ, подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ: bleiben sie hier stehen. Черезъ ½ часа слышенъ былъ звонокъ. Мой сторожъ, маіоръ Вольмаръ, проговоря мнѣ грозно: Gehen sie nicht weg; побѣжалъ къ графу. Возвратясь оттуда, объявилъ: gehen sie zum Grafen, но такимъ тономъ, какъ будто: gehen sie zum Teufel; и указавъ мнѣ дверь, да! прибавилъ онъ.

Я съ трепетомъ вошелъ и увидалъ графа, стоящаго безъ мундира, подбоченясь, среди комнаты, и что крайне меня удивило—хохотавшаго отъ души. Я испугался и думалъ, что онъ съ ума сошелъ. „Что? сказалъ онъ мнѣ по нѣмецки, вы, чай, изрядно испугались?" Увидя печальное мое лицо, прибавилъ:—„это такъ должно быть, говорите скорѣе, что я могу для васъ сдѣлать?" Я не могъ выговорить ни слова, графъ сжалился, кажется, и улыбаясь привѣтливо сказалъ: „хотите письмо къ графу Григорію Григорьевичу Кушелеву?"—Я пришелъ немного въ себя и осмѣлился объяснить, что я имѣю письмо къ Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову.

— Хорошо, отвѣчалъ графъ, не мѣшаетъ къ обоимъ, и далъ мнѣ двѣ записки, прибавя: коли ничего не сдѣлаютъ, придите ко мнѣ. Вольмаръ! вскричалъ графъ; когда этотъ явился, онъ сказалъ ему: пригласите этого офицера завтра ко мнѣ обѣдать. Понимаете?

Я вышелъ вмѣстѣ съ Вольмаромъ, и медвѣдь этотъ очеловѣчился, сказавъ мнѣ ласково: „приходите завтра ровно въ 3 часа, но не опоздайте, а то васъ приведутъ",—и записалъ мою квартиру. Все еще существуетъ, сказалъ я, сходя съ лѣстницы, духъ Великой Екатерины. Что будетъ съ нами, бѣдными офицерами, когда и онъ будетъ стертъ съ лица земли?

Я роздалъ письма и чтобы не задержать читателя собственными обстоятельствами, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые характе-

ризуютъ вѣкъ, скажу только, что заднимъ числомъ я опредѣленъ былъ въ адмиралтействъ-коллегію и былъ при вице-президентѣ Иванѣ Логиновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ.

Сей почтенный, престарѣлый мужъ соединялъ въ себѣ остатки Петра I, Елисаветы и былъ вѣка Екатерины. Къ обширнѣйшимъ познаніямъ присовокуплялъ онъ твердость Петра, доброту Елисаветы и вельможничество Екатерины. Императору Павлу онъ давно былъ извѣстенъ, и былъ имъ любимъ и уважаемъ. Супруга его, Авдотья Ильинишна, могла служить образцомъ доброты душевной и дѣтской покорности мужу; она напоминала конецъ XVII и первую половину XVIII вѣка. И такъ я сдѣлался теперь петербургскимъ жителемъ и буду описывать не одно слышанное, но и видѣнное ежедневно.

IX.

Негодованіе въ Петербургѣ возрастало съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Императоръ ниспровергалъ все сдѣланное прежде и оскорблялъ самолюбіе каждаго, особенно прежнихъ вельможъ. Это корень всѣхъ послѣдующихъ непріятностей императора. Ничто учиненное имъ не согрѣвало сердце, все выставлялось въ черномъ свѣтѣ. Желаніе сына воздать отцу должное перетолковано было, какъ единое желаніе мщенія, чтобы ярче высказать (нерасположеніе къ) матери. Я другаго мнѣнія. Доброе и благородное сердце Павла увлечено было сперва мыслію, пробужденною чувствомъ сыновнимъ отдать праху отцовскому почести погребенія, принадлежащія императору. Въ сопровожденіи Безбородки и одного адъютанта, ѣдетъ Павелъ въ Невскую обитель и отыскиваетъ монаха. Разрыли могилу и вскрыли гробъ, который приходилъ уже въ гнилость. При видѣ печальныхъ останковъ отца, пепла, нѣсколькихъ частей лоскутковъ сукна мундира, пуговицъ, клочковъ пошвъ, Павелъ проливаетъ непритворныя слезы. Внесли гробъ въ церковь, ставятъ на парадное ложе и императоръ устанавливаетъ тѣ же почести, которыя воздавались матери его; ежедневно ѣздитъ два раза на панихиду къ отцу своему. Онъ былъ религіозенъ и продолжительныя несчастія утвердили его въ вѣрованіи. Съ воображеніемъ пылкимъ, съ неограниченною чувствительностію, переѣз-

жая съ одной панихиды къ другой, соединяя безпрерывно въ мысляхъ своихъ мать, отца, какъ легко могъ онъ подумать: „жизнь ихъ разлучила, да примиритъ ихъ смерть въ одной могилѣ!"—и мысли эти немедленно были исполнены. Торжественно привезли останки Петра III въ новомъ, прилично его сану, гробѣ изъ Невскаго монастыря во дворецъ — и Петербургъ увидѣлъ два гроба: Петра и Екатерины, стоящихъ мирно другъ противъ друга. Замѣтимъ, что перенесеніе останковъ Петра происходило не смотря на 18° мороза, и что вся императорская фамилія шла за гробомъ въ глубокомъ траурѣ. Можетъ быть императоръ, поставивъ гробъ сей подлѣ матери, думалъ: „тебѣ, отецъ мой, воздаю должное, а тебя, мать моя, примиряю съ тѣнью покойнаго супруга". Поэзія эта была ближе къ характеру Павла, нежели суетное мщеніе,—надъ кѣмъ?—надъ бездушнымъ трупомъ матери. Клеветники вообще, а особенно изъ оскорбленнаго самолюбія,—худые сердцевѣдцы.

Другой великодушный поступокъ императора былъ также ложно истолкованъ. Павелъ въ сопровожденіи великаго князя Александра Павловича и генераловъ своей свиты, поѣхалъ въ домъ графа Орлова, гдѣ жилъ знаменитый Костюшко. Здѣсь замѣтить должно, что вопреки иностраннымъ извѣстіямъ, Костюшко содержался при Екатеринѣ съ достодолжнымъ уваженіемъ къ возвышенному духу его и къ незаслуженному несчастію. Императоръ, войдя къ Костюшкѣ, сказалъ ему:

—„Доселѣ я могъ только объ васъ сожалѣть, нынѣ, удовлетворяя моему сердцу, возвращаю вамъ свободу и первый тороплюсь вамъ лично о томъ извѣстить".

Костюшко не могъ вымолвить ни слова, слезы катились изъ глазъ его; это еще болѣе тронуло императора—онъ посадилъ Костюшко подлѣ себя на канапе и ласковымъ разговоромъ старался успокоить его на счетъ будущности. Ободренный Костюшко осмѣлился спросить императора:

„Будутъ-ли освобождены и прочіе мои товарищи, взятые со мною въ плѣнъ?"

— Будутъ, отвѣчалъ Павелъ, если вы за нихъ поручитесь.

—„Позвольте, ваше величество, взять съ нихъ сперва честное слово, что они никогда не поднимутъ оружія противъ Россіи, и, получивъ оное, готовъ за нихъ ручаться".

Чрезъ нѣсколько дней Костюшко представилъ императору реестръ поляковъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ".

—„Вы ручаетесь за нихъ?" спросилъ императоръ.

—„За всѣхъ, какъ за себя", отвѣчалъ Костюшко, и немедленно были освобождены.

Государь пожаловалъ Костюшкѣ и Потоцкому каждому по 1,000 душъ, позволилъ первому отправиться, по его желанію, въ Америку, и облегчилъ всѣ средства къ отъѣзду его.

И этотъ трогательный поступокъ, столь великодушный, перетолкованъ былъ, какъ будто сдѣланъ въ уничиженіе памяти Великой Екатерины.

Въ опроверженіе этого ложнаго толкованія, приведемъ мы слова самаго императора; отпуская Потоцкаго изъ Петербурга, онъ сказалъ ему:

—„Я всегда былъ противъ раздѣла Польши: раздѣлъ этотъ несправедливъ и противенъ здравой политикѣ; но это сдѣлано; уступятъ-ли добровольно другія державы то, что у васъ насильственно отнято, чтобы возстановить отечество ваше? Императоръ австрійскій, а еще менѣе король прусскій, пожертвуютъ-ли пріобрѣтенными ими землями въ пользу Польши? Объявить имъ войну было бы, съ моей стороны, безразсудно, а успѣхъ не надеженъ, потому прошу васъ не мечтайте о томъ, чего возвратить нельзя, въ противномъ случаѣ вы подвергнете любимую вами Польшу и самихъ себя еще бо́льшимъ бѣдствіямъ".

Слова эти свидѣтельствуютъ громко, что въ освобожденіи Костюшки и его товарищей руководѣйствовался Павелъ убѣжденіемъ, правильнымъ или неправильнымъ, все равно, что раздѣлъ Польши несправедливъ, и что люди, поднявшіе оружіе для защиты отчизны,—герои, достойные его уваженія.

По окончаніи погребенія Петра III, Павелъ велѣлъ позвать графа Алексѣя Григорьевича Орлова, который по его повелѣнію дежурилъ у гроба Петра III, и во время погребальной церемоніи несъ за гробомъ императора корону. Павелъ замѣтилъ, что урокъ, данный Орлову, на него не подѣйствовалъ; напротивъ того, графъ исполнялъ возложенную на него должность съ хладнокровіемъ и равнодушіемъ почти преступнымъ. Когда Орловъ явился, императоръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ которыя пристально смотрѣлъ Орлову въ глаза, сказалъ:

„Графъ, я сынъ, и легко могу увлеченъ быть желаніемъ отмстить за—отца: я человѣкъ и за себя ручаться не могу; мы однимъ воздухомъ дышать не можемъ: пока я на престолѣ — живите внѣ Россіи. Паспорты ваши готовы, поѣзжайте, влачите за собою на чужбину неоднократно повторенныя преступленія ваши“.

Кажется, императоръ намекалъ тутъ не на одного Петра, но и на дѣвицу Тараканову и брата ея.

Приведемъ нѣсколько разсказовъ изъ жизни императора.

X.

Во время коронаціи въ Москвѣ, Брантъ, служившій въ конной гвардіи и выпущенный еще при императрицѣ въ Архаровскій полкъ премьеръ-маіоромъ, получилъ записку отъ гатчинскаго экзерцицъ-мейстера, полковника гвардіи, чтобы онъ представилъ ему полкъ на другой день, въ 8 часовъ утра, на дѣвичьемъ полѣ. Въ половинѣ 8-го часа, Брантъ съ полкомъ выжидалъ въ Зубовѣ, чтобы на Спасской башнѣ ударили 8 часовъ. Брантъ немедленно выступилъ: выстроилъ фронтъ, отдалъ честь полковнику, который, въ ожиданіи его, прохаживался по Дѣвичьему полю, и подалъ рапортъ. „Ты запоздалъ, сказалъ полковникъ, я именно приказалъ собраться въ 7 часовъ“.—Въ запискѣ вашей, отвѣчалъ Брантъ, стоитъ 8 часовъ.—„Неправда! подхватилъ полковникъ, покажите“. Брантъ представилъ записку. Полковникъ, прочитавъ, разорвалъ ее.—Ты подлецъ, вскричалъ Брантъ, зачѣмъ разорвалъ записку? Грамотѣ не знаешь и хочешь меня сдѣлать виновнымъ?— „Ага, молодецъ! вскрикнулъ полковникъ; да ты думаешь еще служить этой старой.....“.

Едва успѣлъ полковникъ вымолвить это неприличное слово, какъ на щекѣ его явилась заслуженная, здоровая пощечина. Полковникъ пошатнулся. Бранту показалось этого мало; далъ ему другую поздоровѣе и полковникъ всею тяжестью тѣла упалъ на землю. Брантъ поставилъ ему ногу на грудь, плюнулъ въ рожу, сказавъ: „уважая еще мундиръ, позволяю тебѣ вызвать меня на дуэль“. Полковникъ изъ Гатчины подобныхъ словъ не понималъ, онъ подалъ рапортъ съ прописаніемъ побоевъ

и прочаго. Брантъ немедленно былъ разжалованъ въ солдаты въ тотъ же полкъ. Онъ былъ человѣкъ отличный, образованный, съ духомъ возвышеннымъ; въ солдатскомъ мундирѣ гордился своимъ поступкомъ. Всѣ записки подписывалъ: „кавалеръ бѣлой лямки". За недѣлю предъ отъѣздомъ императора въ Петербургъ, прискакалъ фельдъегерь и потребовалъ къ государю рядоваго Бранта. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Павелъ, державшій въ рукахъ бумагу, положилъ ее на столъ, и, подойдя къ Бранту, сказалъ:

—„У Царя Небеснаго нѣтъ вѣчныхъ наказаній, а у царя земнаго онѣ быть не должны. Вы поступили противъ субординаціи, я васъ наказалъ; это справедливо. Но вы, какъ благородный человѣкъ, заступились за вашу императрицу; поцѣлуемтесь, г. подполковникъ".

Этотъ анекдотъ выказываетъ все величіе души императора Павла и тѣмъ сильнѣе, что за Бранта никто не ходатайствовалъ.

С.-Петербургскій комендантъ Котлубицкій, добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, жалѣя о числѣ сидящихъ подъ арестомъ офицеровъ за фронтовыя ошибки, окончивъ рапортъ государю о пріѣзжающихъ въ столицу и отъѣзжающихъ изъ оной, держалъ въ рукахъ длинный свертокъ бумаги.

—„Это что?" спросилъ императоръ.

— Планецъ, ваше императорское величество! нужно сдѣлать пристройку къ кордегардіи.

—„На что?"

— Такъ тѣсно, государь, что офицерамъ ни сѣсть, ни лечь нельзя.

—„Пустяки, сказалъ императоръ, вѣдь онѣ посажены не за государственное преступленіе. Нынѣ выпустить одну половину, а завтра другую и всѣмъ мѣсто будетъ, — строить не нужно и впредь повелѣваю такъ поступать.

Во время пребыванія моего въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ мы послѣ это увидимъ, былъ слѣдующій случай, достойный быть пересказаннымъ. Отправленные изъ Петербурга въ Сибирь, князь Сибирскій и генералъ Турчаниновъ, слѣдуя по тракту, остановились въ Нижнемъ-Новгородѣ на почтовомъ дворѣ. Нижегородскій полицмейстеръ Келпенъ явился къ г. гражданскому губернатору Е. Ф. Кудрявцову и объявилъ ему объ ихъ прибытіи, разсказавъ несчастное ихъ положеніе, что скованные и обтертые

желѣзомъ ноги ихъ всѣ въ ранахъ и оба они въ изнеможеніи. Сверхъ того, бывъ отправлены осенью, настигла ихъ зима, у нихъ нѣтъ ни шубъ, ни шапокъ, ни сапогъ, даже нѣтъ и денегъ.

Е. Ф. Кудрявцовъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, вручилъ полицмейстеру 1,000 руб. асс., приказавъ ему ѣхать къ князю Грузинскому, князю Трубецкому, Захарьину и Лѣнивцеву и сказать имъ, что онъ далъ 1,000 руб., чтобы и они съ своей стороны тоже оказали имъ вспомоществованіе, которые всѣ по богатству своему превзошли ожиданія губернатора. Онъ приказалъ снять съ князя Сибирскаго и Турчанинова оковы, закупить имъ все нужное, а остальные деньги имъ вручить. По выходѣ полицмейстера, призвалъ онъ своего правителя канцеляріи Солманова и продиктовалъ донесеніе его величеству, которое было, сколько упомню, слѣдующаго содержанія: „полагая, что угодно вашему величеству, дабы преступники, князь Сибирскій и Турчаниновъ, доѣхали живые до мѣста своего назначенія и тутъ раскаялись бы въ своихъ преступленіяхъ, я, при проѣздѣ ихъ чрезъ Нижній-Новгородъ убѣдясь, что они больны, ноги ихъ въ ранахъ и, не взирая на появившуюся зиму, не имѣютъ ни шубъ, ни шапокъ, ни денегъ, приказалъ снять съ нихъ оковы, снабдить всѣмъ нужнымъ, и тѣмъ думаю исполнить волю императора моего, о чемъ донести вашему величеству счастіе имѣю“.

Въ скоромъ времени полученъ былъ губернаторомъ высочайшій рескриптъ, сколько помню, вкратцѣ слѣдующаго содержанія:

„Вы меня поняли; человѣколюбивый вашъ поступокъ нашелъ отголосокъ въ сердцѣ моемъ; и въ знакъ особаго моего къ вамъ благоволенія, препровождаю при семъ знаки св. Анны 1-й степени, которые имѣете возложить и проч.“.

Сей поступокъ, доказывающій доброту сердца и великодушіе императора, даже къ преступникамъ, мнимымъ или настоящимъ— все равно, показываетъ какъ поняли государя окружающіе его.

Одинъ поручикъ подалъ императору прошеніе на капитана своего, который наградилъ его пощечиной. Государь приказалъ объявить ему истинно рыцарское свое рѣшеніе: „я далъ ему шпагу для защиты отечества и личной его чести; но онъ видно владѣть ею не умѣетъ; и потому исключить его изъ службы“. Чрезъ нѣсколько времени тотъ же исключенный офицеръ подалъ опять прошеніе объ опредѣленіи его въ службу. Вице-президентъ воен-

ной коллегіи Ламбъ, докладывалъ о томъ и спрашивалъ повелѣнія: какимъ чиномъ его принять?—„Натурально, тѣмъ же чиномъ, отвѣчалъ государь, въ которомъ служилъ; что императоръ разъ даетъ, того онъ не отнимаетъ".

На Царицыномъ лугу училъ императоръ Павелъ Преображенскій баталіонъ А. В. Запольскаго. Баталіонъ учился дурно. Императоръ прогнѣвался и прогналъ его съ плацъ-парада. Теперь, по приказанію, выходитъ изъ Садовой улицы, чрезъ бывшій тогда мостикъ, баталіонъ Семеновскаго полка графа Головкина. Едва императоръ, у котораго гнѣвъ еще не простылъ, завидѣлъ этотъ баталіонъ, какъ уже кричалъ: „дурно, дурно!" Головкинъ, обратясь къ баталіону, ободрялъ солдатъ словами: „хорошо, ребята! хорошо". Императоръ продолжалъ кричать: „дурно, дурно!" Головкинъ повторялъ: „хорошо, хорошо". А когда императоръ прибавилъ: „скверно, гадко!" Головкинъ скомандовалъ: „стой! на право кругомъ маршъ!" и ушелъ съ плацъ-парада, опять по Садовой улицѣ. Императоръ, обратившись къ Палену, сказалъ: „что онъ дѣлаетъ? Воротите его!" Графъ Паленъ нагоняетъ Головкина и приказываетъ ему, отъ имени императора, возвратиться.—„Доложите его величеству, отвѣчалъ Головкинъ, онъ прогнѣвался на Преображенскій баталіонъ, мои солдаты идутъ исправно. Императоръ кричитъ: „дурно", я: „хорошо!" люди собьются и въ самомъ дѣлѣ будетъ (не хорошо) дурно. Я нынче императору своего баталіона не покажу". Какъ ни старался графъ Паленъ его уговорить, но Головкинъ все шелъ съ своимъ баталіономъ въ казармы. Графъ Паленъ возвратился и разсказалъ отвѣтъ Головкина. „Тьфу! вскричалъ императоръ, какой сердитый нѣмецъ! Однако, онъ правъ! Да вѣдь и ты изъ нѣмцевъ, помири насъ, пригласи Головкина ко мнѣ отобѣдать".

Этотъ разсказъ можетъ служить доказательствомъ того, какъ императоръ всегда былъ готовъ сознаться въ собственной горячности своего характера, и той готовности, какую онъ оказывалъ исправить нанесенныя имъ оскорбленія.

Это не оправдываетъ тогдашняго объ немъ мнѣнія, будто онъ хотѣлъ явиться тираномъ; тиранъ, за публичное ослушаніе наказалъ бы примѣрно Головкина, а съ тѣмъ вмѣстѣ это показываетъ какъ дурно поступили тѣ, которые, изъ пустаго страха и перемѣны мундировъ, оставили службу и предали государя Кутай-

сову и прочимъ, и гатчинскимъ его офицерамъ. Рыцарскій духъ его тутъ уже пищи не имѣлъ. Мы повтореніе сему еще увидимъ въ разсказѣ о человѣкѣ: similis simili gaudet.

Вотъ еще анекдотъ, свидѣтельствующій объ удивительной горячности государя и всегдашней готовности исправлять имъ самимъ испорченное. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, по обширнымъ своимъ математическимъ свѣдѣніямъ, твердости характера и возвышенности духа, заслужилъ уже въ первыхъ чинахъ общее уваженіе флотскихъ офицеровъ, независимо отъ того, что отецъ его, Василій Яковлевичъ, въ царствованіе Екатерины съ отличіемъ командовалъ флотомъ, былъ полнымъ адмираломъ и кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 1-й степени, что въ то время цѣнилось очень высоко.

При восшествіи императора на престолъ, Павелъ Васильевичъ былъ уже нѣсколько лѣтъ капитаномъ 1-го ранга; во флотѣ строго соблюдалось старшинство и никто, развѣ за самый отличный подвигъ, не могъ опередить другаго. Императоръ призвалъ Баратынскаго и посадилъ Чичагову на голову. Можетъ быть, Чичаговъ эту обиду и перенесъ бы, ибо одинъ онъ былъ обиженъ; но когда отецъ его пріѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ, чтобы лѣчиться отъ глазной боли, и императоръ приказалъ его выслать за то, что онъ пріѣхалъ безъ особаго на то дозволенія, тогда Павелъ Васильевичъ подалъ въ отставку и, получивъ оную, отправился къ отцу въ Шкловское ихъ имѣніе, пожалованное Екатериною. При императрицѣ Екатеринѣ, русскій флотъ дѣйствовалъ на моряхъ соединенно съ англійскимъ; императоръ увидалъ пользу этого учрежденія для флота и адресовался къ англійскому двору: не пожелаетъ-ли оный принять попрежнему нашу эскадру и присоединить ее къ своему флоту. Англичане, не отвергая сего предложенія, желали прежде узнать, кто будетъ командовать эскадрою. На отвѣтъ, что, какъ и прежде, она будетъ послана подъ начальствомъ вице-адмирала Ханыкова, англійскій флотъ просилъ замѣнить его П. В. Чичаговымъ, офицеромъ ему извѣстнымъ, и который отличился взятіемъ съ однимъ своимъ фрегатомъ „Венусъ" нѣсколькихъ призовъ. Нашъ дворъ отвѣчалъ, что Чичаговъ въ отставкѣ, и что сверхъ того, онъ по своему чину не можетъ командовать эскадрою. Отвѣтъ былъ, что въ Англіи поручаютъ эскадры не по чинамъ, а по достоинству, и что если нельзя при-

слать Чичагова, то большихъ успѣховъ отъ присоединенія русскаго флота ожидать нельзя. Немедленно отправленъ въ Шкловъ фельдъегерь съ приказаніемъ Чичагову, поспѣшно пріѣхать въ Петербургъ для вступленія въ службу. Павелъ Васильевичъ дерзнулъ объяснить императору письменно, что онъ служить не можетъ. Содержаніе этого письма, сколько помню, было слѣдующее: „русскій дворянинъ служитъ единственно изъ чести, и служба его должна по справедливости обратить на себя вниманіе императора; что онъ никогда не уповаетъ достигнуть до заслуженной славы отца своего; но не взирая на всѣ заслуги старца, онъ былъ высланъ его величествомъ изъ Петербурга, гдѣ хотѣлъ получить облегченіе отъ глазной болѣзни. Долговременная усердная служба отца не уважена. Изъ чего же служить русскому дворянину? А потому, не имѣя въ виду ничего лестнаго въ будущемъ, онъ вступить въ службу не желаетъ“. Тотчасъ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Шкловъ другой фельдъегерь, съ повелѣніемъ привезти Чичагова въ Петербургъ и представить его прямо государю. Забылъ-ли императоръ о дерзкомъ письмѣ Чичагова, или, желая скрыть гнѣвъ свой изъ уваженія къ отзыву Англіи, только сперва принялъ онъ Чичагова милостиво, сообщилъ ему переписку съ англійскимъ дворомъ и предоставлялъ ему даже право носить англійскій мундиръ. „Я русскій, отвѣчалъ Чичаговъ, и кромѣ русскаго мундира никакого не надѣну; а какія причины не позволяютъ мнѣ вступить въ службу, имѣлъ я счастіе представить вашему величеству въ вѣрноподданническомъ письмѣ моемъ“.

При этомъ воспоминаніи государь вышелъ изъ себя, съ поднятою рукою пошелъ онъ грозно на Чичагова, который, отступая, сказалъ: „погодите, государь. Не унижайте того, указывая на орденъ св. Георгія, что заслужено кровью“, и снявъ съ себя ордена св. Георгія и Владиміра и золотую шпагу за храбрость, прибавилъ: „теперь можете забавляться“.—Это еще пуще взорвало государя. Онъ бросился на Чичагова, ругалъ, билъ его немилосердно, оборвалъ мундиръ, камзолъ и, уставши, старался вытолкать его въ двери. Но Чичаговъ держался за фалду императорскаго сюртука. Они оба вошли въ комнату, гдѣ стояли А. А. Нарышкинъ, гр. Кушелевъ, Обольяниновъ и Кутайсовъ. „Извините, сказалъ имъ Чичаговъ, онъ меня оборвалъ“. Государь толкнулъ его еще разъ и съ гнѣвомъ вскричалъ: „въ крѣпость его!“

Чичаговъ, обратясь къ государю, сказалъ: „прошу книжникъ мой съ деньгами поберечь, онъ остался въ боковомъ карманѣ мундира“. Нарышкинъ далъ Чичагову свой плащъ, его посадили въ карету и отвезли въ Алексѣевскій равелинъ. Императоръ Павелъ былъ только горячъ, но имѣя сердце добрѣйшее, не зналъ злости, коварства, и мщенія. Первая минута его гнѣва была страшна; во вторую слѣдовало раскаяніе. Онъ стыдился, даже сердился на собственную запальчивость. Когда онъ успокоился, то приказалъ отвести Чичагову въ крѣпости лучшую квартиру, доставлять ему все, что потребуетъ, и позволить ему имѣть при себѣ людей своихъ и вещи. На другой день, отправилъ государь рескриптъ къ старику отцу его, адмиралу, жалуясь на упорство сына, и изъявляя желаніе, чтобы онъ приказалъ ему служить. Старикъ адмиралъ отсылаетъ царскій рескриптъ сыну, подписавъ подъ онымъ: „Забудь, сынъ мой, обиды, нанесенныя отцу твоему и если служба твоя нужна отечеству, то повинуйся волѣ царя“. Павелъ Васильевичъ, получивъ этотъ рескриптъ съ подписью отца, написалъ подъ нею карандашемъ: „сынъ повинуется отцу“, и отправилъ рескриптъ императору. „Добрый сынъ не можетъ быть дурнымъ подданнымъ, сказалъ государь графу Кутайсову“, и Чичаговъ привезенъ былъ къ императору прямо изъ крѣпости. „Забудемъ старое, сказалъ Павелъ Чичагову; мы оба горячи, и оба исправимся“.—Пав. Вас. Чичаговъ пожалованъ былъ въ контръ-адмиралы со старшинствомъ, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и назначенъ въ Англію командующимъ эскадрою.

Къ симъ разсказамъ, выказывающимъ сердечную доброту, долженъ я упомянуть о тѣхъ, которые сопровождаемы были жестокостью исполнителей. Государь приказалъ возвратить изъ Англіи тѣхъ флотскихъ офицеровъ, которыхъ императрица туда отправила, для практическаго изученія морской службы. Въ числѣ ихъ былъ лейтенантъ Акимовъ, поэтъ, съ восторженнымъ воображеніемъ. Пріѣхавъ изъ Англіи и увидѣвъ всѣ перемѣны, сдѣланныя Павломъ, ему казалось, что Россія выворочена на изнанку, и, узнавъ, что мраморная Исакіевская церковь довершена кирпичемъ, въ порывѣ поэтическаго гнѣва, и еще въ духѣ англійской свободы, написалъ и прибилъ къ Исакіевской церкви слѣдующіе стихи:

Се памятникъ двухъ царствъ,
Обоимъ столь приличный:

Основа его мраморна,
А верхъ его кирпичный.

Акимовъ, въ простомъ фракѣ, прибивалъ эти стихи, вечеромъ поздно, къ Исакіевской церкви. Будочникъ схватилъ его, на крикъ блюстителя порядка подбѣжалъ квартальный, и повели Акимова подъ арестъ. Донесли объ этомъ происшествіи императору, который Обольянинову и флота генералъ-интенданту Бале, приказалъ наказать Акимова примѣрно. Обольяниновъ и Бале велѣли ему отрѣзать уши и языкъ и сослать въ Сибирь, не позволивъ проститься съ матерью, у которой онъ былъ единый сынъ и единственная подпора; это все должно приписать безчеловѣчному усердію исполнителей. Долго не знали, куда дѣвался Акимовъ, и только въ царствованіе Александра, когда всѣ ссыльные были возвращены, а съ ними и Акимовъ, узнали подробности сего приключенія.

Случались и смѣшные анекдоты. Почти всякій день императоръ предъ обѣдомъ, около 2-хъ часовъ, прогуливался верхомъ, въ сопровожденіи Кутайсова или Уварова и другихъ. Тогда повелѣно было всѣмъ статскимъ чиновникамъ, при встрѣчѣ съ императоромъ, сбрасывать шинель или шубу на землю, снимать трехъугольную шляпу, поклониться и стоять, пока императоръ проѣдетъ. Однажды, во время такой прогулки, встрѣчается императору человѣкъ въ медвѣжьей шубѣ, круглой шляпѣ, и который ни одного изъ данныхъ приказаній не исполнилъ. Возвратясь во дворецъ, Павелъ потребовалъ къ себѣ гр. Палена.

—„Я встрѣтилъ, сказалъ императоръ, человѣка, въ круглой шляпѣ, въ медвѣжьей шубѣ, покрытой зеленымъ сукномъ; онъ ни одного изъ моихъ приказаній не исполнилъ. Это долженъ быть какой нибудь статскій совѣтникъ, пріѣзжій изъ Орла. Вели его отыскать, призвать къ себѣ, растолкуй ему важность поступка, прикажи отсчитать ему 100 палокъ и отправить его обратно въ Орелъ“.

Въ подобныя минуты противорѣчить было нельзя, но должно немедленно исполнять. Гр. Паленъ приказалъ взять на прокатъ медвѣжью шубу, покрытую зеленымъ сукномъ, круглую шляпу, схватить перваго лакея, нарядить его въ шубу, шляпу и съ двумя полицейскими драгунами, сабли наголо, провесть мимо дворца и прямо къ нему. Явился, закутанный въ шубу, лакей.

—„Какъ вамъ не стыдно, г. статскій совѣтникъ, сказалъ ему гр. Паленъ, не исполнять царскихъ повелѣній? Вы несете справедливый гнѣвъ государя, велѣно вамъ дать 100 палокъ и отправить въ Орелъ. Выдать ему подорожную", прибавилъ графъ, обратясь къ Вольмару.

Это сказано публично, а въ кабинетѣ рѣшено было иначе. Мнимаго статскаго совѣтника посадили въ кибитку; на заставѣ прописали подорожную; отъѣхали съ нимъ нѣсколько верстъ, сняли съ него шубу, шляпу, дали 25-ть руб. съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ и предоставили ему удовольствіе пѣшкомъ прогуляться въ С.-Петербургъ.

За нѣкоторую неосторожность въ словахъ княгини Голицыной, которая имѣла эпитетъ la belle de nuit, приказалъ императоръ графу Палену вымыть ей голову. Паленъ пріѣхалъ къ княгинѣ, потребовалъ умывальникъ, мыло, воды, полотенце. Когда ему все это принесли, онъ подошелъ къ княгинѣ, снялъ съ нея почтительно чепчикъ и хотѣлъ начать свою операцію. Княгиня вскрикнула: „что вы, графъ, дѣлаете?"—Исполняю, отвѣчалъ графъ, волю его императорскаго величества, который мнѣ приказалъ вымыть вамъ голову.—Вымывъ ей порядочно голову, онъ поклонился и уѣхалъ доложить императору, что исполнилъ повелѣніе его.

Эти анекдоты и многіе другіе—временное жалкое разстройство ума Павла, происходящее отъ той угнетенной жизни, которую проводилъ онъ въ (уединеніи). Теперь онъ началъ подозрѣвать всѣхъ, а съ окончаніемъ строенія Михайловскаго дворца и переходомъ въ оный, до такой степени сдѣлался недовѣрчивъ, что началъ сомнѣваться въ расположеніи къ нему самой царской фамиліи. Густыя тучи скоплялись на горизонтѣ, страсти кипѣли, почва была изрыта и воздвигнутый имъ зàмокъ съ подъемными мостами, со стражею (возвышался среди Петербурга). Никто его не понималъ, и онъ, не взирая на всѣ щедроты, имъ изливаемыя, не могъ привязать къ себѣ ни одного изъ окружающихъ его и облагодѣтельствованныхъ имъ, поистинѣ пустыхъ и негодныхъ людей. Всѣ объяты были, и злые и добрые, личнымъ страхомъ, никто не былъ увѣренъ, чтобы, при первомъ гнѣвѣ, не быть отправлену въ Сибирь.

XI.

Павелъ всегда останется психологической задачей. Съ сердцемъ добрымъ, чувствительнымъ, душею возвышенною, умомъ просвѣщеннымъ, пламенною любовію къ справедливости, духомъ рыцаря временъ протекшихъ, онъ былъ предметомъ ужаса для подданныхъ своихъ. Остается неразрѣшеннымъ вопросъ: хотѣлъ ли онъ быть дѣйствительно тираномъ, или не выказали ли его такимъ обстоятельства? Во все продолженіе царствованія своей матери былъ онъ униженъ, даже во многомъ нуждался съ семействомъ своимъ. Фавориты, вельможи, чтобы нравиться Екатеринѣ, или изъ подлости, боясь гнѣва ея, не оказывали ему должнаго уваженія, а когда царедворцы узнали, что императрица намѣрена перемѣнить и назначить преемникомъ престола Александра, тогда сколько нанесено ему оскорбленій! Блистательныя учрежденія Екатерины зрѣлому уму его не нравились, казались несообразными ни съ духомъ народнымъ, ни съ степенью его просвѣщенія:

—„Императрица, говорилъ онъ въ Гатчинѣ, завела суды по европейскому образцу, но не подумала прежде приготовить судей. Наказъ императрицы, утверждалъ онъ, прелестная побрякушка: этимъ пускаетъ (она) пыль въ глаза иностранцамъ, надуваетъ своихъ вельможъ и всѣ одурѣли, но исполненія по немъ никогда не будетъ".

Весьма натурально, что претерпѣвая ежеминутныя оскорбленія, онъ все критиковалъ, находилъ вреднымъ. Услужливые царедворцы переносили это императрицѣ; доводили до него, что она говорила, можетъ быть чего и не говорила; такимъ образомъ связь между матерью и сыномъ разрушалась ежедневно болѣе и болѣе; но что всего несчастнѣе—явилось нѣсколько капель злобы въ сердцѣ той и другаго. Запальчивость его характера была извѣстна всѣмъ. Когда требовалось комплектовать офицеровъ изъ морскихъ баталіоновъ въ его Гатчинскіе, тогда ни одинъ порядочный человѣкъ къ нему не шелъ; отправлялись только тѣ, которые предпочитали данный изъ арсенала его высочества мундиръ, сапоги, перчатки, скорое производство—благородному дели-

ватному обращенію съ офицерами. Онъ это зналъ, сердился, ожесточался болѣе, но—не исправлялся.

Вдругъ и неожиданно восходитъ онъ на престолъ съ правилами, родившимися въ тѣсномъ кругу его Гатчинской жизни, гдѣ фронтъ былъ единственнымъ его упражненіемъ и увеселеніемъ. Онъ переселяетъ это въ гвардію. Маршированіями, штадтонами, смѣшной фризурою, смѣшными мундирами, обидными изреченіями, даже бранью, арестами убиваетъ тотъ благородный духъ, ту вѣжливость въ обращеніи, то уваженіе къ чинамъ, которые введены были при Екатеринѣ и производили при ней чудеса. Бóльшая часть Екатерининскихъ офицеровъ идетъ въ отставку; онъ сердится, пренебрегаетъ этимъ, отставляетъ ихъ и возводитъ на мѣсто старыхъ,—Гатчинскую, по большей части. Военачальниками Екатерины и великими въ совѣтахъ онъ не дорожитъ; окружаетъ себя бывшими при немъ камердинерами и проч., облекаетъ ихъ довѣренностію и возводитъ на высшія степени государства. Мудрено-ли, что среди сей нравственной политической бури, вѣкъ Екатерины исчезъ въ одинъ мигъ, никто не зналъ, какъ и что дѣлать! Ничего постояннаго не было и всѣ бродили какъ будто отуманенные. Всякая минута являла новое неожиданное, какъ будто противное прежнимъ понятіямъ и обычаямъ. Чины, ленты лишились своего перваго достоинства, аресты, исключенія изъ службы, прежде что-то страшное, обратились въ вещь обыкновенную. Духъ благородства, то, что французы называютъ point d'honneur и которымъ всѣ такъ дорожили, ниспровергнутъ совершенно. Еще въ первые годы царствованія Павла вырвалось что-то похожее на вельможъ Екатерины, которые имѣли довольно великодушія оставаться въ службѣ, пренебрегать обидами, униженіями, чего гвардія сдѣлать не съумѣла,—и тѣмъ хоть маломальски, поддержала бы духъ, который во времена Екатерины оживлялъ всѣ сословія. Здѣсь блистали еще, нѣкоторое время, имена Безбородки, Трощинскаго, князей Куракиныхъ, Суворова Дерфельдена, Репнина и прочихъ, которые уступали только неумолимой необходимости.

Наконецъ, въ этой суматохѣ растерялось все, явились: Кутайсовы, Обольяниновы, Аракчеевы, Линденеры и пр. пришлецы, среди которыхъ императоръ самъ растерялся и впалъ въ родъ вре-

меннаго сумашествія. Но проявлялись и среди сихъ мрачныхъ минутъ, искры ума свѣтлаго, строгой справедливости, доброты душевной и даже величія. Эти драгоцѣнныя минуты я старался довесть до свѣдѣнія потомства; по онымъ судить можно, чѣмъ былъ-бы этотъ императоръ, если бы тяжкія обстоятельства протекшей его жизни не раздражили его характера. При концѣ дней онъ видѣлъ въ порядочныхъ людяхъ, одаренныхъ умомъ, только враговъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ удержалъ при себѣ по привычкѣ, возвысилъ, наградилъ по царски и которые не съумѣли предохранить отъ угрожающей опасности. Неудовольствіе было всеобщее.

Къ сему внутреннему расположенію умовъ должно присовокупить и натискъ внѣшнихъ отношеній двора нашего съ прочими европейскими государствами. Императоръ былъ быстръ въ переходѣ отъ одного убѣжденія къ другому. Проникнутый духомъ истинно рыцарскимъ, смотрѣлъ онъ съ негодованіемъ на буйную французскую революцію и вдругъ, исполненный удивленія къ тому человѣку, который подъ скромнымъ титуломъ перваго консула, взялъ сильною рукою бразды правленія во Франціи, онъ явно перешелъ на его сторону и возненавидѣлъ Англію и Австрію. Наполеонъ мастерски воспользовался симъ расположеніемъ императора. Послѣ Австро-Англійской войны, оставалось во Франціи шесть тысячъ плѣнныхъ русскихъ. Наполеонъ написалъ (гр. Никитѣ Петровичу) Панину, что онъ предлагалъ Англіи и Австріи размѣнъ русскихъ плѣнныхъ, которые проливали кровь свою на пользу этихъ государствъ, но онѣ не приняли его предложенія. Поэтому рѣшился онъ этихъ плѣнныхъ одѣть, снабдить оружіемъ и съ ихъ офицерами, знаменами и проч. отпустить безъ выкупа въ Россію, не желая продолжать плѣна этихъ храбрыхъ и симъ поступкомъ желая засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ то почтеніе къ Россійскимъ воинамъ, которымъ французы преисполнены, узнавъ ихъ воинскія доблести на полѣ брани. Это натурально возвысило уваженіе Павла къ Наполеону и уже императоръ публично отдавалъ ему полную справедливость; приказалъ подать себѣ рюмку малаги и выпилъ за здоровье Наполеона; потомъ приказалъ принесть карту Европы, разложилъ ее на столѣ, согнулъ на двое, провелъ по лбу рукою и сказалъ:

—„Только такъ мы можемъ быть друзьями!"

Наполеонъ пошелъ далѣе, онъ схватилъ удачно характеристическую черту Павла, который былъ истинный рыцарь. Онъ предложилъ ему островъ Мальту, съ желаніемъ, чтобы Павелъ объявилъ себя гроссмейстеромъ ордена. Наполеонъ зналъ, что Англичане не уступятъ Мальты и что Павелъ, раздраженный ихъ поступкомъ, непремѣнно объявитъ имъ войну, что дѣйствительно и случилось.

Еще въ 1780 г. Екатерина, во время Американской войны, составила сѣверный нейтралитетъ. Въ 1800 г. Павелъ, по примѣру ея, учредилъ подобный-же нейтралитетъ съ Даніею, Швеціею и проч., чтобы положить преграды насиліямъ англійскихъ крейсеровъ. Павелъ, узнавъ о появленіи англійскаго флота предъ Копенгагеномъ, приказалъ наложить секвестръ на всѣ имѣнія англичанъ въ Россіи. Англія почла это объявленіемъ войны и флотъ ея угрожалъ Кронштадту, и самому Петербургу. Этимъ воспользовалась наша аристократическая партія, въ нѣдрахъ которой составили неистовый планъ свергнуть императора Павла съ престола. Петербургъ наполнили страхомъ близкаго появленія англичанъ, бомбардированія Кронштадта и предрекали Петербургу неминуемую гибель, чтобы этимъ приготовить публику, и безъ того уже недовольную....

.....Павла болѣе нѣтъ. Разсматривая въ подробности его характеръ и тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя имѣли сильное на него вліяніе, нельзя не пожалѣть объ этомъ несчастномъ императорѣ. Съ величайшими познаніями, строгою справедливостію, убылъ онъ рыцаремъ временъ прошедшихъ. Доказательствомъ тому служить можетъ великодушно данный имъ пріютъ Бурбонамъ, гонимымъ отвсюду, и безкорыстное желаніе освободить Европу отъ хищенія революціи. Онъ призвалъ къ союзу европейскихъ государей и туркамъ предложилъ помощь и дружбу. Суворовъ возстановилъ въ Италіи все то, что было завоевано и ниспровергнуто Наполеономъ, и не взирая на эти рыцарскіе подвиги, четырехъ-лѣтнее, кратковременное его царствованіе неимовѣрно потрясло Россію,—и какая странность! Онъ хотѣлъ сильнѣе укоренить самодержавіе, но поступками своими подкапывался подъ оное. Отправляя, въ первомъ гнѣвѣ, въ одной и той-же кибиткѣ,

генерала, купца, унтеръ-офицера и фельдъегеря, научилъ насъ и народъ слишкомъ рано, что различие сословій—ничтожно. Это былъ чистый подкопъ, ибо безъ этого различія самодержавіе удержаться не можетъ. Онъ намъ данъ былъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Еслибы онъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Васильевича Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе. Но онъ явился послѣ Екатерины, послѣ вѣка снисходительности, милосердія, счастія и получилъ титулъ тирана. Онъ сдѣлался жертвою горячности своего характера......

Въ заключеніе повѣствованія о императорѣ Павлѣ, долженъ я прибавить еще одинъ анекдотъ, чтобы выказать то понятіе, которое государь имѣлъ о своемъ самодержавіи. Онъ спросилъ однажды у французскаго посланника:

— Où avez-vous diné hier, M-r l'Ambassadeur?

—„J'ai diné, Votre Majesté, chez le Prince Kourakine (Александръ Борисовичъ). C'est véritablement un grand Seigneur".

— Sachez, M-r l'Ambassadeur, отвѣчалъ Павелъ, qu'il n'y a de grand Seigneur, que celui au quel je parle et pendant que je lui parle.

Опустимъ занавѣсъ, да сокроится отъ нашихъ глазъ (и перейдемъ) къ событіямъ болѣе утѣшительнымъ.

На престолѣ Россійскомъ Александръ Благословенный.

Я. И. де-Сангленъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. генер.-лейтен. М. И. Богдановичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ.]

Примѣчаніе. Не всѣ, конечно, читатели знаютъ кто такой былъ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, и почему онъ могъ знать близко передаваемыя имъ весьма важныя подробности различныхъ событій, какъ напечатанныхъ выше, такъ и имѣющихъ явиться въ «Русской Старинѣ», въ слѣдующихъ главахъ его Записокъ. Вотъ свѣдѣнія объ этой интересной личности:

Т. П. Пассекъ описывая въ своихъ, полныхъ живаго интереса, воспоминаніяхъ, московское интелегентное общество начала 1840-хъ годовъ, между прочимъ разсказываетъ, что по понедѣльникамъ собирались у ея мужа, извѣстнаго писателя Вадима Пассека — много писателей и профессоровъ, и, между прочими,—„Я. И. де-Сангленъ—бывшій начальникъ тайной полиціи

при императорѣ Александрѣ I-мъ въ 1802 году и, кажется, въ 1812-мъ году—генераломъ полиціймейстеромъ при 1-й арміи; положеніе это давало ему возможность знать пропасть событій и анекдотовъ того времени"... („Русская Старина" изд. 1877 г. томъ XIX, стр. 434).

Въ этомъ указаніи на де-Санглена вкралась только одна неточность въ опредѣленіи его служебнаго положенія при Александрѣ I-мъ. Именно, де-Сангленъ—въ 1812 году состоялъ на службѣ при министрѣ полиціи—генералѣ Балашовѣ, въ должности правителя канцеляріи министерства, а за упраздненіемъ этого министерства и образованіемъ—взамѣнъ онаго-департамента полиціи исполнительной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, де-Сангленъ вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ, гдѣ и кончилъ жизнь частнымъ человѣкомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.... („Русская Старина" изд. 1877 г., томъ XX, стр. 351).

Я. И. де-Сангленъ род. въ 1776 г. умеръ 92-хъ лѣтъ въ 1864 г.

Если г-жа Пассекъ — не точно выразила служебное положеніе при Александрѣ I-мъ Я. И. де-Санглена со стороны его, такъ сказать, титула, то въ сущности—онъ былъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она его назвала, что и доказывается свидѣтельствомъ М. П. Погодина, лично его знавшаго: „Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, пишетъ Погодинъ въ статьѣ своей о Сперанскомъ („Р. Арх." 1871 г.),—служилъ начальникомъ тайной полиціи при министрѣ Балашовѣ, былъ нѣсколько времени очень близокъ къ императору Александру I, имѣлъ отъ него важныя порученія, опечатывалъ, вмѣстѣ съ Балашовымъ, бумаги Сперанскаго въ день его ссылки.

„86-ти лѣтній старикъ, разбитый параличемъ, не смотря на свои лѣта и болѣзни, сохранилъ до конца жизни свѣжую память, теплое сердце, и принималъ живое участіе въ политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

„Я. И. де-Сангленъ казался мнѣ,—продолжаетъ Погодинъ, — человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, сколько я могъ замѣтить въ продолженіи 40 лѣтняго знакомства, не имѣя съ нимъ впрочемъ никакихъ дѣлъ, кромѣ бесѣдъ и литературныхъ сношеній Безкорыстіе его доказывается тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь почти въ бѣдности, пользуясь только какою-то ничтожною пенсіей. Жилъ онъ лѣтъ десять одинъ-одинешенекъ въ двухъ-трехъ низенькихъ комнатахъ, на дачѣ, въ Красномъ Селѣ (подъ Москвой), питаясь въ день чашкою кофе и тарелкою супа съ кускомъ жаркаго.... Заставалъ я его всегда за кучею газетъ.... Начальникъ нѣкогда тайной полиціи, онъ никакъ не могъ освободится отъ того страха, который прежде наводилъ на другихъ"....

Вторая часть Записокъ Я. И. де-Санглена значительно обширнѣйшая и еще болѣе интересная, чѣмъ напечатанная нами въ этой книгѣ, будетъ помѣщена въ январьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1883 г. Изъ нея, между прочимъ, видно, что не только въ царствованіе Александра I-го, но и въ первые годы эпохи Николая де-Сангленъ исполнялъ многія секретныя и особенно важныя, въ политическомъ отношеніи, порученія. Ред.

Рескриптъ императора Павла гр. Самойлову.

Графъ Александръ Николаевичъ! Всемилостивѣйше повелѣваемъ: находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерній, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепиской.

Павелъ.

Въ С. Петербургѣ.
Ноября 23-го дня 1796 года.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ

поэтъ конца XVIII вѣка.

С. Н. Маринъ, извѣстный своими рукописными стихотвореніями, романсами и пѣснями съ 1790 г. по 1811 г., родился въ 1775 г. генв. 18 дня, въ Воронежѣ; 13 ти лѣтъ (sic) опредѣленъ въ л.-г. Преображенскій полкъ—фельдфебелемъ во 2-ю роту.

«Тринадцатилѣтній фельдфебель всякое утро и всякій вечеръ,—такъ разсказываетъ его братъ Апполонъ,—ходилъ къ императрицѣ Екатеринѣ II-й, съ докладомъ и съ рапортичкой. Императрица называла его Сережей. Однимъ утромъ пришелъ онъ съ рапортомъ. Государыня спросила его „нѣтъ-ли чего новенькаго?"—Да вотъ, Государыня, у меня родился братъ."

—«Какъ братъ, у тебя матери нѣтъ?» [1]).

—Это отъ другой матери, Государыня; позвольте записать его въ Преображенскій полкъ.

—«Послать ему бумагу и сержантскій мундиръ».

«А при вступленіи государя Павла Петровича на престолъ онъ уже былъ прапорщикомъ въ ротѣ Его Величества».

„А когда Сергѣй Никифоровичъ былъ портупей-юнкеромъ и находился въ 1-й его величества ротѣ Преображенскаго полка, и жилъ въ казармахъ, что подлѣ зимняго дворца, государь императоръ Павелъ Петровичъ дѣлалъ вахтъ-парадъ на площади зимняго дворца, мимо его проходила эта рота, Сергѣй Никифоровичъ былъ со знаменемъ въ рукахъ и когда проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо императора, то капитанъ, ведшій взводъ, сбился съ ноги, а за нимъ и знаменьщикъ сбился; государь прогнѣвался, приказалъ разжаловать Сергѣя Никифоровича въ рядовые и посадить его на дворцовую главную гобвахту подъ арестъ; потомъ изъ подъ ареста выпустили Марина и

[1]) Она была уже покойная.

онъ находился уже на службѣ, и однимъ днемъ стоялъ онъ на часахъ у прохода императора; Императоръ увидалъ такого молодца, который отдалъ ему честь, онъ спросилъ у в. к. Александра Павловича: «что это за человѣкъ такой молодецъ?» Александръ Павловичъ доложилъ государю: это разжалованный дворянинъ Маринъ. «Поздравляю тебя прапорщикомъ», и ударилъ по плечу его, и Сергѣй Никифоровичъ остался прапорщикомъ въ 1-й ротѣ его величества Преображен. полка. Я въ это время не былъ еще въ корпусѣ, а находился при братѣ Сергѣѣ Никифоровичѣ и на гобвахтѣ, и въ казармахъ.

«Государь Павелъ Петровичъ, при рожденіи в. к. Михаила Павловича построилъ себѣ особый дворецъ, и уже не жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, а этотъ дворецъ назывался Михайловскимъ; на дворцѣ написано было: Дому твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней. И сколько здѣсь литеръ, столько лѣтъ онъ и прожилъ», т. е. 47 лѣтъ, род. 1754 ум. въ 1801 г.

Военное объясненіе.

Какъ залпъ ужасный средь сраженья
Разитъ стоящихъ предъ собой,
Такъ точно, бывъ безъ защищенья,
Твоей сраженъ я красотой.
Безъ сердца, сталъ я. какъ безъ шпаги;
Я подъ арестъ тобою взятъ:
И нѣтъ во мнѣ такой отваги,
Чтобъ штурмомъ взять его назадъ.
Твой взоръ, какъ пуля изъ винтовки,
Пробилъ мнѣ сердце, какъ мишень;
Съ тѣхъ поръ иду безъ остановки
Къ тебѣ маршъ маршемъ цѣлый день.
Приваловъ никакихъ не знаю;
Хочу тебя атаковать:
Но только гдѣ лишь повстрѣчаю,
То вдругъ начну салютовать.
Пробьетъ походъ въ груди сердечко,
Спѣшу всю честь тебѣ отдать;
И жду командное словечко,
Ученье предъ тобой начать.
Наряду ждалъ—и не дождался;
Со вздохомъ въ очередь взглянулъ:
Приказу нѣтъ, чтобъ я явился
Къ тебѣ въ безсмѣнный караулъ.
Но если чести той не стою;
Позволь ефрейторомъ ходить,
Что бы, притопнувши ногою,
Любви рапортъ тебѣ вручить.
Повѣрь, ни мало не обидно,
Мнѣ дѣлать предъ тобою фрунтъ.

Какъ счастье мнѣ того завидно,
Кто визитиръ твой будетъ рундъ!
На что ему утѣхи въ свѣтѣ?
На что ружье и барабанъ?
Онъ счастливъ въ миленькомъ предметѣ,
Какъ бы предъ ротой капитанъ.
Съ тобой онъ въ ногу вѣчно ходитъ,
Равняется всегда съ тобой,
Маневры разные заводитъ:
Вы веселитесь межъ собой.
А я, какъ часовой въ ненастье,
Тобой заставленъ вѣкъ скучать;
Во фрунтѣ видѣть лишь несчастье,
А съ фланговъ горести встрѣчать.
Прости рапортъ мнѣ этотъ смѣлый;
Любви я ордеръ получилъ.
Коль ты гнѣвна, то свѣтъ мнѣ бѣлый,
Какъ фухтель флейщику, не милъ.
Боюсь отставки безъ мундира,
И выключка меня страшитъ.
Въ тебѣ теряю командира:
Такъ съ горя скроюсь въ инвалидъ.
И тамъ, дни проводя счастливо,
Любви снабзакъ потщуся снять.—
Стой! стой! не вѣрь; донесъ фальшиво:
Мнѣ, видно, съ нимъ и умирать.

Къ портрету Екатерины II-й.

Премудры написавъ законы,
Почто ты въ горняя прешла?
Счастливыхъ сдѣлавъ милліоны,
Почто вѣкъ съ ними не жила?..

—

Ода [1]).

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ;
Внимай, что онъ тебѣ вѣщаетъ!
Онъ гласомъ вздоры прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ:
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ!

***

---

[1]) Писано, какъ кажется, къ генералу Канабиху—учителю тактики и военному штукмейстеру въ царствованіе императора Павла. Здѣсь помѣщается изъ этой оды С. Н. Марина отрывокъ. Ред.

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ,
И стой такъ прямо какъ солдатъ,
Гдѣ былъ ты, какъ въ унтерскомъ чинѣ
Завелъ въ Россіи вахт-парадъ;
Когда шаржировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть мою?
Подай-ко тактику свою.

***

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Взросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою;
А ты не видѣлъ сихъ чудесъ?
Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы винновые валеты,
Тянули фрунтъ передо мной,
А ты вкушалъ покой.

***

Кто деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ?
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

***

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ.
Когда ты прежде увязалъ,
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою
Приготовлялся-ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ,
И взялъ-ли приступомъ ты Бибъ?

***

Главы обстрижены солдатски
Ты могъ-ли пуклями снабдить,
И ихъ одѣвши по дурацки,
Въ казармы кучами набить?
И вдругъ ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать
И двухъ въ солдаты написать?

***

. . . . . хитростью Кутайсовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ;
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцовъ,
Дворянство ставитъ все ни въ грошъ?
Въ своихъ палатахъ обитая,
Россіянъ бѣдныхъ раззоряя,
Въ немъ видѣнъ точный бусурманъ—
Такой талантъ (ему) ли данъ?

С. Н. Маринъ.

Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

въ ея заботахъ о воспитаніи солдатскихъ дочерей

1819 г.

Съ именемъ незабвенной супруги императора Павла, Маріи Ѳеодоровны, не измѣнно связываться воспоминаніе о ея обширной дѣятельности на поприщѣ благотворенія и широкаго развитія средствъ для воспитанія и научнаго образованія русскихъ женщинъ. Чѣмъ болѣе знакомишься съ этою дѣятельностію императрицы, тѣмъ бóльшимъ проникаешься уваженіемъ къ ея свѣтлымъ и возвышеннымъ стремленіямъ; къ благородному употребленію тѣхъ обширныхъ средствъ, которыя отданы были въ ея распоряженіе; къ тому вниманію, съ какимъ она относилась даже къ самымъ мелочамъ въ организаціи и внутренней жизни заведеній, учрежденныхъ ею, или состоявшихъ подъ ея покровительствомъ.

На мысли эти наводитъ, между прочимъ, и печатаемый ниже документъ. Это — проектъ (въ свое время осуществленный, а потому тогда же и обнародованный, но который, какъ произведеніе, принадлежащее перу императрицы, не безъинтересно напомнить) проектъ школъ для солдатскихъ дочерей, написанный, повторяемъ, отъ начала до конца, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Печальна была судьба этихъ кантонистовъ женскаго пола, возраставшихъ среди казарменнаго воздуха, не имѣвшихъ почти никакихъ средствъ выучиться чему нибудь полезному для жизни и зачастую нравственно погибавшихъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства холостыхъ солдатъ, писарей и т. п. Столь печальная судьба этихъ дѣвочекъ и дѣвицъ не могла не обратить на себя вниманія великодушной императрицы. Какъ отнеслась она къ этому дѣлу—видно изъ нижеслѣдующаго: Ред.

PROJET D'ETABLISSEMENT D'ECOLES POUR LES FILLES DE SOLDATS.

I. But de l'établissement.

L'Empereur s'occupe avec une bonté paternelle du sort des fils des soldats; dès leur plus tendre enfance ils sont surveillés et reçus ensuite à l'école, on en forme des sujets utiles. Le sort des filles est moins

soigné jusqu'a présent. L'Institut des orphelines militaires est un grand bienfait sans doute, mais borné au nombre de 50 enfants et fondé uniquement pour des orphelines, il ne saurait être d'une influence majeure pour la quantité des filles de soldat, qui se trouvent auprès des régimens. L'éducation morale de celles-ci ne peut qu'être negligée, car la vie de caserne n'offre pas aux parens la possibilité de les surveiller. Cependant, enfans aussi de nos respectables vétérans, elles ont droit à la surveillante bonté de l'Empereur et à ce qu'on s'occupe de moyens d'influer en bien sur le sort de ces enfans, en soignant leur éducation morale. C'est ce qui est le but de cette institution, et on l'atteindra, en inculquant à leurs jeunes coeurs la connaissance de Dieu et de notre sainte Réligion, qui leur inspirera l'amour de la vertu et la haine du mal; en leur apprenant à connaitre leur devoir; en leur enseignant et leur faisant aimer le travail. Leur réunion journalière dans ces etablissemens les éloignera en outre de tout exemple vicieux.

II. Objet et organisation de l'instruction.

1.

Dans la proximité de deux où plusieurs régimens de la garnison de St. Pétersbourg on choisira un local convenable, où les filles de soldats de ces régimens puissent se réunir journellement pour participer à l'instruction qu'on propose de leur y donner; et, successivement, toute la garnison de St. Pétersbourg pourra être partagée ainsi en arrondissement, dont chacun aura son école des filles. Ce local doit contenir une chambre assez spacieuse pour servir de classe d'études et d'ouvroir pour un grand nombre d'enfans; ou bien, deux grandes pièces, dont l'une servira de classe et l'autre d'ouvroir. A l'égard de la dimension et de la salubrité de l'air qui doit en résulter, il faut prendre en considération et le nombre des enfans et la durée de nos hyvers, pendant lesquels ils seront tenu enfermés. Ce local doit en outre contenir un petit logement pour une surveillante d'un certain âge et deux jeunes aides.

2.

Cet établissement, n'étant fondé que pour l'instruction des filles de soldats, ne leur fournira que les objets nécessaires pour l'étude et le travail, et les parents continueront à soigner leur habillement, leur nourriture et leur propreté. Ce dernier objet sera surveillé aussi à l'école,

et si on remarque qu'une enfant y vient sans être lavé et peigné, et avec de fortes traces de malpropreté, les parens en seront avertis; et en cas de recidive on engagera leurs chefs à leur recommander plus de soins à cet égard.

3.

Les enfans doivent être à l'école à 7 heures précises du matin; y restent josqu'à 11 heures; vont ensuite diner chez leurs parens et retournent à l'école à 1 heure, pour la quitter enfin à 7 heures du soir et aller coucher chez leurs parens; de manière que pendant dix heures de la journée elles se trouveront sous une bonne surveillance, qui aura soin de leur inculquer les sentimens réligieux et les principes solides de morale, tout en les instruisant dans les connaissances élémentaires et les ouvrages les plus utiles à leur condition. On tiendra nôte de tous les enfans qui manqueront à l'école, ou qui viendront tard, pour en avertir les chefs des parens, afin qu'ils ayent soin de les engager à plus d'exactitude.

4.

Dès que les enfans sont assemblés et qu'on en a fait l'appel, pour noter celles qui manquent, le prêtre commence sa leçon à 7 heures, en faisant réciter de prières, composées tout exprès pour ces enfans; en uite il leur fera une courte lecture d'un passage de l'évangile dont il leur expliquera les mots et le sens; il en écrira un verset sur la planche qui se trouve dans la classe, pour être répeté pendant la journée par les enfans, jusqu'à ce qu'elles le sache par coeur, et alors il en ecrira le lendemain un autre. Il employera le reste du temps, jusqu'à 8½ h., à l'éxplication du catéchisme et, avec le temps, lorsque les enfants seront assez avancés, il pourra s'étendre jusqu'à l'explication de la lithurgie, d'après l'ouvrage du prêtre Woskressensky. Après cette leçon viendra celle de la lecture selon la méthode de Lancaster, donnée par une des aides, prises de la maison des enfants trouvés, et qui durera jusqu'à 10 heures. Alors commence les ouvrages, savoi , pour les plus avancées: tricoter des bas, coudre du linge et le marquer; carder et filer la soie et le lin, tresser des souliers chauds; pour les petits—faire de la charpie et effiler de vieux chiffons de soie ou autres; tresser de la paille, pour en faire des chapeaux; faire des petits cordons etc.— Pour ces ouvrages les enfans seront partagés par dixaines, et le tra-

vail de chaque dixaine surveillé par une des plus avancées, comme cela se pratique dans l'instruction d'après la méthode de Lancaster. Ces petites surveillantes de dixaines, ou десятницы, conserveront aussi pendant le reste du temps cette éspéce d'inspection sur leurs dix compagnes, et le matin c'est elles qui annonceront à l'appel les enfans qui manquent dans leurs dixaines. Le travail dure jusqu'à 11 h., où il se termine par une courte prière, et les enfans vont diner chez leurs parens. Il recommence après diner, à 1 h., après que les enfants ont recité de même leur petite prière, et se continue pendant deux heures. A 3 h. commence la leçon de l'écriture selon la méthode de Lancaster, donnée de même par une des aides, prises de la maison des enfans trouvés. Elle dure jusqu'à $4^1/_2$ h. et celles qui sont assez avancées, inscrivent dans leurs cahiers le verset de l'Ecriture Sainte qui se trouve sur la planche, pour le mieux conserver dans leur mémoire. Depuis $4^1/_2$ h. jusqu'à 6 h., une des aides leur apprend à chiffrer et à calculer sur les tablettes nationales (щоты). Les ouvrages ci-dessus specifiés occupent le reste de la soirée, jusqu'à 7 h., où les enfans font leur prière et retournent chez leurs parens. Pendant le travail on leur fait une lecture d'un ouvrage à leur portée, choisi pour cet effet. Dès que le nombre des enfans qui ont fait quelques progrés, est assez grand, tout le linge des regimens de l'arondissement et de leurs hopitaux peut être fait dans cette école, ainsi que les bas. Ci le local le permet, il sera avantageux pour les enfans, en été, de les occuper aux ouvrages en plein air.

5.

Le Dimanche les enfans se réunissent à l'école à une heure; une des aides leur fait lecture de l'Evangile du jour, leur fait reciter les versets qu'ils ont appris dans la semaine et, s'il est possible, on les accoutume à chanter des morceaux de la messe. A 3 h. les enfans retournent chez leurs parens.

6.

Les élèves étant reçues à l'école depuis l'age de 5 à 6 ans, continuent de la fréquenter jusqu'à l'age de 18 ans; à moins que les parens ne desirent les en retirer plustôt, pour des raisons majeures, qu'ils signeront par la surveillante au Comité d'administration, qui pésera les raison et, s'il les trouve valides, demandera pour l'exclusion de l'élève l'agrément de celui, à qui l'Empereur confiera la diréction générale de l'établissement. Celles, que les parens, par des raisons parti-

culières, jugées et trouvées valables, d'après la même marche, ne pourraient prendre, ou qui, par raison d'inconduite des parens, ne pourraient leur être confiés à l'age de 18 ans,—pour avoir soin de leur sort, seront placées convenablement, ainsi qu'il sera dit plus bas.

7.

S'il se trouve au commencement de l'etablissement des filles de soldats au dela de 18 ans, qui veulent participer à l'instruction, il leur sera permis d'assister aux leçons, et aux heures destinées pour le travail elles retourneront chez leurs parens.

III. Administration et surveillance.

8.

Pour chaque arrondissement des regimens il y aura un Comité d'administration, chargé specialement du soin de l'école des filles de soldats. Or, comme il y a dans chaque regiment des officiers supérieurs mariés, il est hors de doute que plusieurs de ces dames regarderont non seulement comme un devoir de charité chrétienne, mais se feront même un bonneur de prendre part à cette surveillance, en formant le Comité d'administration et se chargeant ainsi du soin de l'éducation des enfans du sexe féminin des regimens où servent leurs époux.

9.

Le comité d'administration sera formé par ces dames et par un Inspecteur-général de toutes les écoles des filles de soldats de la garnison (qui ne peut être choisi que parmis les généraux). Il sera...

Весь § 8-й и начало § 9-го до словъ „Il sera" зачеркнуты; а съ боку написано, рукою же императрицы Маріи Θеодоровны, слѣдующее:

Ces points sont remplaçés, d'aprés la volonté de l'Empereur, par les suivans:

8.

Toutes les écoles des filles de soldats de la garnison de Pétersbourg seront confiées aux soins d'un Comité d'administration, composé d'épouses des généraux nommées par l'Empereur, qui verront dans ce choix un témoignage de confiance dans leurs principes réligieux et charitables. A l'avenir, la nomination se fera toujours par une représentation de

celui, qui sera chargé de l'administration générale et qui demandera la confirmation à l'Empereur; de même, si une dame désire de se retirer de ce Comité, son voeu sera porté à la connaissance et à la confirmation de l'Empereur.

9.

Dans le Comité d'administration siégera de même un Inspecteur-général de toutes les écoles des filles de soldats de la garnison, que l'Empereur choisira parmis les généraux.—Il sera chargé de visiter et d'inspecter toutes ces écoles, afin de maintenir partout l'uniformité de principes et d'actions, ainsi que le même esprit;—de repandre partout les améliorations qui seraient adoptés par une des écoles; de combiner les moyens de pourvoir à leurs besoins lorsque la réunion d'une plus grande masse peut devenir utile à chaque établissement en particulier; enfin, de proposer les mesures qui peuvent être d'une utilité générale pour ces établissemens, d'après les connaissances locales qu'il aura acquise de chacun en particulier, et de l'expérience qui en sera resulté.

10.

Le comité, en général, aura l'inspection sur l'éxécution exacte du plan dans toutes ses parties, afin que les enfans soient constamment bien surveillés à l'école, qu'elles n'y voyent ni n'entendent que ce qui peut leur inculquer de bons princípes de religion et de moral et les affermir dans des sentimens honnêtes et vertueux; qu'elles soyent occupées constamment d'après l'ordre prescrit et selon l'esprit de l'institution, qui a pour but d'en former des femmes ouvrières, honnêtes, vertueuses et laborieuses, propres à toute sorte de service dans le menage. Les dames, membres du Comité, se feront un devoir en particulier de visiter à tour de role l'école de leur arrondissement, le plus souvent possible, pour y maintenir le bon esprit, qui seul peut faire prospérer ces établissemens et les rendre véritablement utiles.

11.

La surveillance particulière de l'école sera confié à une femme d'un sertain age, respectable par sa conduite, versée dans les ouvrages de femmes qu'il s'agit d'enseigner aux enfans, et qui sera secondée dans cet enseignement par deux aides, que l'on pourra choisir parmi les

élèves majeures de la Maison des enfants trouvés, exercées dans la manière d'enseigner d'après la méthode de Lancaster, distinguées par leur habileté dans les ouvrages et surtout par leur conduite. Celles-ci à leur tour seraient aidées par les élèves les plus avancées, dont chacune sera chargée de la surveillance de dix autres—comme il a été dit plus haut.

12.

La surveillante et ses aides ne peuvent être placée ni renvoyée que par celui à qui l'Empereur confiera la direction générale de ces établissemens; mais elles seront subordonnées au Comité d'administration qui, en cas de mécontentement, fera son rapport à celui, à qui la diréction générale de ces etablissemens sera confiée, qui décidera du renvoi de ces personnes.

13.

La surveillante et ses aides porteront un habit d'uniforme: les jours ouvriers—de camelot vert, et les dimanches et les fêtes—un habit blanc en mitkal, avec une ceinture verte.

14.

La surveillante exposera au Comité d'administration les besoins de l'école pour tout ce qui regarde les classes et ouvrages, comme: livres, papier, ardoise, encre, plumes et materiaux pour les différents ouvrages, et le Comité avisera aux moyens de faire les approvisionnemens, soit par contract de fourniture, soit par achat isolé, selon que l'un ou l'autre moyen offrira plus d'avantages. Or, ce qui doit se faire par contract de fourniture, l'Inspecteur général se chargera de faire faire les marchés d'adjudication à l'endroit où l'on fera ceux pour la fourniture du bois de chauffage, chandelle—dont il sera parlé plus bas. Quant aux objets qu'il sera jugé préférable d'acheter isolement—ce qui sera probablement le cas de quelques matériaux pour les ouvrages,—les dames se feront un devoir d'en prendre un soin particulier pour réunir la modicité du prix à la bonne qualité.

15.

Chaque mois le Comité d'administration présentera à celui à qui l'Empereur confiera la direction générale de ces établissemens un compte-rendu de la recette et dépense de l'école et une liste nominale des élè-

ves, avec une courte indication de la conduite et application de chacune; et à la fin de l'année il lui présentera de même un compte-rendu général, tout de la recette et de la dépense, que de la conduite et application des élèves. Cette personne, après avoir fait verifier et controler les comptes-rendus, les présentera à son tour à l'Fmpereur.

16.

Chaque fois que les parens voudront retirer une élève de l'école, avant l'âge prescrit de 18 ans, leur réclamation sera portée par la surveillante au Comité d'administration, qui examinera les raisons alleguées et, s'il les trouve valable, il demandera l'agrément de celui, à qui l'Empereur aura confié la direction de l'établissement.

17.

Lorsque une élève, ayant atteint l'age de 18 ans, ne pourra pas être reprise par les parens, vu leur impossibilité du pourvoir à son sort et sa subsistance future, et que ces raisons auront été jugés et trouvés valables,—ou si l'inconduite des parens exposerait la moralité de la jeune fille, en la leur rendant, alors le Comité aura soin de lui trouver une bonne place dans une maison de particulier ou dans un établissement public, lui decernera une gratification en argent, ou un petit trousseau, du fond destiné pour cet employ, et la munira d'un certificat, après avoir representé tout ceci à celui, à qui l'Empereur aura confié la direction générale de l'établissement, et obtenu son agrément.

18.

Les ouvrages, que feront les élèves à l'école, seront vendu au profit de l'établissement et le Comité d'administration decidera de la manière la plus avantageuse de les vendre—si c'est par un encan public, ou à la main. Il déterminera ensuite la part qui doit en revenir à l'école, pour servir de nouveau à l'achat des matériaux et celle qui doit être mise de côté et placée, pour former un fond particulier, dont on prendra les gratifications et les trousseaux à donner aux élèves, à leur sortie. Selon les renseignemens, que l'Inspecteur-general lui aura fourni, après en avoir conféré avec les chefs des régimens, le Comité fixera une taxe, d'après laquelle les regimens payeront les ouvrages en linge et bas, que l'école leur aura fourni, et cet argent sera de même ajouté au fond des gratifications et trousseaux.

19.

Chaque année il y aura un examen public à l'école, après lequel le Comité d'administration présentera à celui, à qui l'Empereur l'ordonnera, une note des élèves qui se sont fait remarquer par leur conduite, leur application et leur progrés, en indiquant les plus distinguées, pour lesquelles il sollicitera une récompense, consistant en quelques pièces d'habillement, ou livre, ou autre objet utile, à fournir du fond des gratifications et trousseaux.

20.

Les régimens qui composent l'arrondissement et participent au bienfait de l'école, fourniront, de la même source d'où ils tirent les leurs, les écrivains neçéssaires au Comité pour soigner toutes les écritures, que ses divers rapports et rélations exigeront.

IV. Entretien et comptabilité.

21.

L'entretien de l'école comprend: le loyer du local, s'il n'y en a pas d'appartenant à la Couronne ou à l'un des régimens de l'arrondissement; les réparations, le chauffage et l'éclairage, tant des classes que des logemens de la surveillante et de ses aides; les objets neçessaires pour l'étude; les materiaux pour les ouvrages; les appointemens de la surveillante, de ses aides, du prêtre, et des invalides neçessaires pour le service de la maison.

22.

Les régimens qui forment l'arrondissement et participent au bienfait de l'école, choisiront un de leurs employés, pour avoir soin du local, sous le rapport de l'entretien ci-dessus detaillé et qui, après avoir reçu les ordres de l'Inspecteur-général, conformément au décisions du Comité d'administration, fera faire à la chancellerie du régimens designé pour cela, les marchés, dans les formes et avec les soins requis, pour la fourniture de bois, de chandelles et autres objets, dont il aura été chargé, ainsi que pour les réparations.

23.

Cet employé aura soins que les objets, pour lesquels le contrat de fourniture a été conclu, soyent livrés à l'école en quantité et qualité requise et à temps, afin qu'il n'y ai jamais ni retard, ni manque,—en étant rendu personnellement résponsable. Il soignera de même le payement exacte du loyer (si on est dans le cas d'en payer) et des appointemens, à qui il appartiendra. Le Comité d'administration fera attention au réclamation ou plainte, que la surveillante aurait à lui porter à l'égard d'un de ces objets, et l'Inspecteur-général aura soin de rappeller l'employé à son devoir, ou de le faire changer, s'il le fallait.

24.

C'est encore cet employé, qui, moyennant les écrivains qui lui seront fournis pour cela, aura soin de tenir avec la plus grande exactitude les livres et comptes de la recette et dépenses, en y comprenant tant les sommes, entrées pour le payement des fournitures, appointemens, et leur employ, que l'argent entré pour les ouvrages et celui qui sera placé pour le fond des gratifications et trousseaux, ainsi que leur employ pour ces objets. Il tiendra une liste exacte des élèves, en y notant soigneusement tous les changemens survenus et conférant fréquement, à l'égard des ces objets avec la surveillante, afin d'être constamment au fait de tout.

25.

L'empoyé aura soin de composer tous les mois et de remettre au Comité d'administration les comptes et listes, que celui-ci doit présenter à qui l'Empereur l'ordonnera; ainsi que les comptes-rendus générals à la fin de l'année, en les accompagnant de toutes les pièces justificatives néçessaires.

26.

Je propose de commencer par la formation de l'école qui réunira les filles de soldats des régimens de Semenovski, des Chasseurs et de Moscou, qui forment un total de 190.

Marie.

St. Pétersbourg, ce 17 Mars 1819.

Etat de dépense d'une Ecole de filles des soldats.

Apointemens.

De la surveillante . . . . 600 roubles.
Des deux aides, à 400 r. chacune . . . . 800 »
Les trois personnes recevront en outre leurs portions de farine et de gruau, en nature.

Du prêtre, outre le traitement qu'il reçoit du régiment, auquel il appartient . . . . 300 »

Les hommes, neçessaires pour porter l'eau et le bois, pour chauffer les poêles, balayer la cour, seront pris des invalides; leur traitement sera fixé par le Comité d'administration.

Le service intérieur des chambres se fera alternativement par une des élèves les plus agées.

Luminaire.

En comptant trois livres par jour, pendant 8 mois, il faut 18 pouds de chandelles; à 23 roubles, font . . . . 414 »

Chauffage.

En comptant 8 poêles et une cuisine, il faut environ 60 toises de bois, compté à 9 roubles, font. . . . . 540 »

Loyer.

S'il n'y a pas de locale appartenant à la Couronne, mille ou. 1500 »

Achat des matériaux pour les ouvrages, de livres, papier, ardoises, plumes pour les classes et autres petites dépenses de la maison . . . . 846 »

Total . . . . 5000 roubles.

En outre il faudra, pour le premier arrangement de l'Ecole, pour des tables, bancs, planches, écritoires, livres, dévidoires, rouets à filer, aiguilles, fils—la somme de. . . . . 2000 roubles.

Nôte.

La somme de 5000 r. par an est jugée suffisante pour le commencement; mais pour pouvoir conserver des personnes d'un mérite déja reconnu dans les places des surveillantes et d'aides, il sera juste de leur accorder l'avantage dont jouissent les dames dans d'autres Instituts, savoir: de leurs ajouter tous les cinq ans la cinquième partie de leurs appointemens, de sorte qu'après cinq ans, la surveillante, au lieu de 600 r. recevra 720, et chaque aide, 480 r. au lieu de 400; après 10 ans, la surveillante 840 r. et chaque aide 560 r., et ainsi de suite, ce qui augmentera la dépense annuelle dans la même proportion. En outre, il faudra stipuler, que celle, qui, après 15 ans de service irréprochable est obligée de demander sa démission, aura la moitié de ses appointemens en pension, et après 25 années de service—les appointemens en entier.

Marie.

St. Pétersbourg, ce 17 Mars 1819.

Проектъ учрежденія школъ для солдатскихъ дочерей, 1819 г.

(переводъ).

I. Цѣль учрежденія.

Государь Императоръ съ отеческою добротою печется о судьбѣ солдатскихъ сыновей: съ самаго нѣжнаго дѣтства, они находятся подъ надзоромъ, а затѣмъ, по пріемѣ въ школу, изъ нихъ формируютъ полезныхъ людей. О судьбѣ дочерей до сихъ поръ заботились менѣе. Военно-сиротскій институтъ есть, конечно, большое благодѣяніе; но такъ какъ онъ ограниченъ комплектомъ 50-ти дѣтей и основанъ единственно для дѣвочекъ-сиротъ, то не можетъ имѣть важнаго значенія для тѣхъ солдатскихъ дочерей, которыя живутъ при полкахъ. Нравственное воспитаніе послѣднихъ не можетъ не быть въ пренебреженіи, потому что казарменная жизнь не доставляетъ родителямъ возможности наблюдать за ними. Между тѣмъ, такъ какъ онѣ тоже суть дѣти нашихъ почтенныхъ ветерановъ, то имѣютъ право на благую попечительность императора и на то, что бы подумали о средствахъ, какъ оказать доброе вліяніе на судьбу этихъ дѣтей, озаботившись ихъ нравственнымъ воспитаніемъ. Въ этомъ-то и состоитъ цѣль сего учрежденія, а ее достигнуть, ознакомляя ихъ юныя сердца съ Богомъ и съ святою религіею нашею, которая внушитъ имъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ злу;—ее достигнуть, давая имъ познать ихъ обязанности, научая ихъ труду и заставляя полюбить его. Ежедневныя собранія въ этомъ заведеніи удалятъ ихъ, сверхъ того, отъ всякаго вреднаго примѣра.

II. Цѣль и устройство заведенія

1.

По близости отъ двухъ, или болѣе, полковъ С.-Петербургскаго гарнизона будетъ избрано приличное помѣщеніе, гдѣ дочери солдатъ сихъ полковъ могли бы ежедневно собираться для принятія участія въ обученіи, которое предполагается имъ давать тамъ. Такимъ образомъ, весь С.-Петербургскій гарнизонъ можетъ быть послѣдовательно раздѣленъ на округи, изъ коихъ каждый будетъ имѣть свою дѣвичью школу. Помянутое помѣщеніе должно имѣть одну комнату, достаточно просторную, чтобы служить и учебнымъ классомъ и рукодѣльнею для значительнаго числа дѣтей; или же двѣ большія комнаты, изъ коихъ одна будетъ служить классомъ, а другая рукодѣльнею. Относительно размѣровъ помѣщенія и проистекающей отъ сего чистоты воздуха, надо принимать во вниманіе, какъ количество дѣтей, такъ и продолжительность нашихъ зимъ, когда дѣти держатся взаперти. Помѣщеніе это, кромѣ того, должно заключать въ себѣ маленькую квартиру для надзирательницы пожилыхъ лѣтъ и для двухъ помощницъ помоложе.

2.

Это заведеніе, основанное лишь для обученія солдатскихъ дочерей, будетъ доставлять имъ только тѣ предметы, которые необходимы для ученья и рукодѣлій; родители же должны продолжать заботиться о ихъ пищѣ, одеждѣ и чистоплотности. За послѣднею будутъ наблюдать и въ самомъ училищѣ, и если замѣтятъ, что которая либо изъ дѣвочекъ приходитъ туда немытою, нечесанною и съ сильными слѣдами нечистоты, то предупреждаютъ о семъ ея родителей; въ случаѣ повторенія сего, предложатъ ихъ начальству внушить имъ болѣе внимательности въ этомъ отношеніи.

3.

Дѣти должны быть въ училищѣ ровно въ 7 часовъ утра и остаются тамъ до 11 час.; затѣмъ онѣ идутъ обѣдать къ своимъ родителямъ, возвращаются въ училище въ 1 ч., а въ 7 ч. вечера возвращаются спать, къ родителямъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 10-ти часовъ въ сутки онѣ будутъ находиться подъ хорошимъ надзоромъ, который озаботится внушеніемъ имъ религіозныхъ чувствъ и твердыхъ нравственныхъ правилъ, научая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ элементарнымъ научнымъ свѣдѣніямъ и наиболѣе полезнымъ для ихъ положенія рукодѣльямъ. Отмѣчаемы будутъ всѣ дѣти, не приходящія въ училище, или являющіяся слишкомъ поздно, и предупреждаютъ о томъ начальство ихъ родителей, дабы оно внушало послѣднимъ быть болѣе исправными.

4.

Когда дѣти соберутся и сдѣлана имъ будетъ перекличка, для отмѣтки отсутствующихъ, тогда, въ 7 ч. утра, священникъ начинаетъ свой урокъ, заставляя читать молитвы, составленныя нарочно для этихъ дѣтей; затѣмъ онъ прочтетъ имъ краткій разсказъ изъ Евангелія, объясняя слова и смыслъ онаго; изъ разсказа этого онъ напишетъ одинъ стихъ на находящейся въ классѣ доскѣ, чтобы дѣти, въ теченіи дня, повторяли его, покуда не будутъ знать наизусть,—тогда, на другой день, онъ пишетъ другой стихъ. Остальное время, до $8^1/_2$ ч., онъ посвятитъ на изъясненіе катехизиса; а современемъ, когда дѣти достаточно преуспѣютъ, онъ можетъ дойти и до объясненія литургіи, по учебнику священника Воскресенскаго. Послѣ этого урока переходятъ къ уроку чтенія, преподаваемаго, по системѣ Ланкастера, одною изъ помощницъ, набираемыхъ изъ воспитательнаго дома. Это продолжается до 10 часовъ. Затѣмъ начинается рукодѣльная работа, а именно, для болѣе преуспѣвшихъ: вязаніе чулковъ, шитья и мѣтка бѣлья, сученіе шелку, разчесываніе льна, плетеніе теплыхъ башмаковъ; для маленькихъ же—дѣланіе корпіи, ощипываніе старыхъ шелковыхъ или иныхъ лоскутковъ, плетеніе соломы для шляпъ или крученіе снурочковъ и т. п. Для этихъ работъ, дѣти дѣлятся на десятки и за работою каждаго десятка будетъ наблюдать одна изъ наиболѣе преуспѣвшихъ, какъ то дѣлается по инструкціи, согласно методѣ

Ланкастера. За этими маленькими надзирательницами или десятницами сохраняется и на остальное время сей родъ надзора за ихъ десятью товарками, а по утрамъ, при перекличкѣ, онѣ же называютъ тѣхъ дѣтей, которыхъ недостаетъ въ ихъ десяткѣ. Работа продолжается до 11 ч. и завершается краткою молитвою, послѣ которой дѣти идутъ обѣдать къ ихъ родителямъ. Послѣ обѣда, въ 1 ч., по прочтеніи дѣтьми краткой молитвы, занятіе рукодѣльемъ возобновляется и продолжается въ теченіи двухъ часовъ. Въ 3 ч. начинается обученіе письму, по системѣ Ланкастера, одною изъ помощницъ, взятыхъ изъ воспитательнаго дома. Урокъ этотъ продолжается до 4½ ч., и тѣ изъ ученицъ, которыя достаточно преуспѣли, записываютъ въ свои тетради текстъ изъ Свящ. Писанія, начертанный на доскѣ, дабы лучше сохранить его въ памяти. Съ 4½ до 6 ч. одна изъ помощницъ учитъ ихъ цифрамъ и считанію на счетахъ. Остальную часть вечера занимаются вышеозначенными рукодѣльями, до 7 ч., когда дѣти совершаютъ молитву и возвращаются къ своимъ родителямъ. Во время работъ имъ читаютъ какую нибудь книгу, доступную для ихъ понятія и для сей цѣли выбранную. Какъ только число дѣтей, сдѣлавшихъ нѣкоторые успѣхи, окажется довольно большимъ, тогда все бѣлье полковъ того округа и ихъ госпиталей можетъ изготовляться въ сей школѣ, а равно и чулки. Если помѣщеніе то дозволитъ, то въ теченіи лѣта полезно будетъ занимать дѣтей работами на чистомъ воздухѣ.

5.

По воскресеньямъ, дѣти собираются въ школу въ 1 ч.; одна изъ помощницъ прочитываетъ имъ Евангеліе того дня; заставляетъ ихъ говорить тексты, заученные ими въ теченіи недѣли и, если возможно, то ихъ пріучаютъ пѣть нѣкоторые гимны, поющіеся за литургіею. Въ 3 ч. дѣти возвращаются къ своимъ родителямъ.

6.

Воспитанницы принимаются въ школу съ 5-ти и 6-ти лѣтняго возраста и продолжаютъ посѣщать ее до 18-ти лѣтъ,—если только родители не пожелаютъ взять ихъ оттуда ранѣе, по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, представляемымъ ими, черезъ начальницу, въ административный комитетъ. Послѣдній обсуждаетъ эти причины и, если находитъ ихъ основательными, то на увольненіе воспитанницы испрашиваетъ согласіе того лица, которому Государь Императоръ ввѣритъ общее управленіе заведеніемъ. Если по какимъ либо особымъ причинамъ (тѣмъ же порядкомъ обсужденнымъ и признаннымъ основательными), которыя либо изъ воспитанницъ, достигшихъ 18-ти лѣтъ, не могутъ быть взяты родителями, или не могутъ быть ввѣрены имъ вслѣдствіе дурнаго поведенія послѣднихъ,—то таковыя воспитанницы, въ виду попеченія о ихъ судьбѣ, будутъ помѣщаемы приличнымъ образомъ, какъ о томъ скажется ниже.

7.

Если, при самомъ учрежденіи училища, окажутся солдатскія дочери старѣе 18-ти лѣтъ, которыя пожелали бы принимать участіе въ ученіи, то имъ будетъ дозволено присутствовать при урокахъ; въ часы же, назначенные для рукодѣлья, онѣ будутъ возвращаться къ своимъ родителямъ.

III. Администрація и надзоръ.

8.

Для всякаго полковаго округа учрежденъ будетъ административный комитетъ, которому спеціально поручена будетъ забота о школѣ для солдатскихъ дочерей. Такъ какъ между старшими офицерами каждаго полка есть женатые, то нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ дамъ сочтутъ не только долгомъ христіанской любви, но и за честь себѣ вмѣнять участвовать въ этомъ надзорѣ, образовавъ административный комитетъ и принявъ на себя, такимъ образомъ, попеченіе о воспитаніи женскаго пола дѣтей тѣхъ полковъ, гдѣ служатъ ихъ мужья.

9.

Административный комитетъ составится изъ этихъ дамъ и изъ генералъ-инспектора всѣхъ школъ солдатскихъ дочерей (который можетъ быть избранъ лишь изъ числа генераловъ). Онъ будетъ......

Примѣч. Весь § 8-й и начало § 9-го, до словъ „онъ будетъ", зачеркнуты; а съ боку написано рукою же Императрицы Маріи Ѳеодоровны:

Пункты эти, по волѣ Государя Императора, замѣнены слѣдующими:

8.

Всѣ школы для солдатскихъ дочерей С.-Петербургскаго гарнизона будутъ ввѣрены попеченіямъ административнаго комитета, составленнаго изъ генеральскихъ женъ, которыя назначены будутъ императоромъ и которыя усмотрятъ въ этомъ выборѣ доказательство довѣрія къ ихъ религіознымъ правиламъ и милосердію. Впредь же, назначенія будутъ всегда дѣлаться по представленію того лица, кому поручено будетъ общее управленіе и который испрашивать будетъ Высочайшаго утвержденія; также, если которая либо изъ дамъ пожелаетъ выйдти изъ комитета, то желаніе ея будетъ представлено на воззрѣніе и утвержденіе Государя Императора.

9.

Въ административномъ комитетѣ будетъ также засѣдать генералъ-инспекторъ всѣхъ школъ для солдатскихъ дочерей здѣшняго гарнизона, избираемый Государемъ изъ числа генераловъ. Онъ будетъ обязанъ посѣщать и инспектировать всѣ эти школы, дабы поддерживать вездѣ одинаковость правилъ и дѣйствій, равно какъ и одинаковый духъ; — распространять повсюду тѣ улучшенія, которыя приняты будутъ въ одной изъ школъ;— соображать средства для удовлетворенія ихъ нуждъ, если бы въ томъ или другомъ училищѣ признано было полезнымъ собрать большее число воспитан-

ницъ, наконецъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ о каждомъ училищѣ и на основаніи пріобрѣтеннаго опыта, предлагать такія мѣры, которыя могутъ быть полезны для всѣхъ вообще этихъ заведеній.

10.

Комитетъ, вообще, будетъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ отдѣльныхъ правилъ, такъ чтобы дѣти, находясь въ школѣ, всегда пребывали подъ хорошимъ надзоромъ;—чтобы онѣ не видѣли и не слышали ничего иного, кромѣ того, что можетъ внушать имъ добрыя правила религіозныя и нравственныя и укрѣплять въ нихъ добрыя и честныя чувства;—чтобы онѣ были постоянно заняты сообразно предписанному порядку и согласно съ духомъ самаго заведенія, имѣющаго цѣлью образовать изъ нихъ честныхъ, добродѣтельныхъ и трудолюбивыхъ работницъ, годныхъ на всякую домашнюю послугу. Дамы, состоящія членами комитета, въ особый долгъ себѣ поставятъ, посѣщать по очередно и какъ можно чаще школу ихъ округа, для поддержанія въ ней добраго духа, который одинъ лишь можетъ содѣйствовать преуспѣянію такихъ заведеній и сдѣлать ихъ дѣйствительно полезными.

11.

Ближайшій надзоръ за школою порученъ будетъ женщинѣ пожилой, почтеннаго поведенія, знакомой съ тѣми женскими работами, которымъ слѣдуетъ обучать дѣтей; содѣйствовать ей будутъ двѣ помощницы, которыхъ можно выбрать изъ старшихъ воспитанницъ воспитательнаго дома, привыкшихъ учить по системѣ Ланкастера, отличившихся своимъ искусствомъ въ рукодѣльи и, особенно, своимъ поведеніемъ. Имъ, въ свою очередь, станутъ помогать наиболѣе преуспѣвшія изъ ученицъ, каждой изъ которыхъ будетъ порученъ надзоръ за десятью другими—какъ о томъ было сказано выше.

12.

Надзирательница и ея помощницы назначаются и смѣщаются не иначе, какъ тѣмъ лицемъ, коему Государь Императоръ поручитъ общее управленіе сими заведеніями; но подчинены онѣ будутъ административному комитету, который, въ случаѣ недовольства ими, доноситъ о семъ тому лицу, которому ввѣрено главное управленіе этими заведеніями и который уже можетъ разрѣшить смѣщеніе означенныхъ лицъ.

13.

Надзирательница и ея помощницы будутъ носить форменныя платья: въ будни изъ зеленаго камлота, а по воскресеньямъ и праздникамъ—бѣлыя миткалевыя, съ зеленымъ кушакомъ.

14.

Надзирательница докладываетъ административному комитету обо всемъ, въ чемъ школа нуждается по классной и рукодѣльной частямъ, какъ-то: о книгахъ, бумагѣ, грифельныхъ доскахъ, чернилахъ, перьяхъ и матеріалѣ для разной ручной работы; комитетъ же озабочивается средствами пріобрѣтенія этихъ запасовъ, или посредствомъ подряда, или посредствомъ частныхъ закупокъ, смотря по тому, которое средство выгоднѣе. Относительно того, что должно быть пріобрѣтено подряднымъ порядкомъ, главный инспекторъ принимаетъ на себя устройство торговъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ производятся торги на поставку дровъ и свѣчей,—о чемъ будетъ сказано ниже. Что касается предметовъ, которые пріобрѣтать сочтутъ выгоднѣе частными закупками (вѣроятно, нѣкоторые матеріалы для рукодѣлій), то дамы за долгъ себѣ поставятъ особенно заботиться о томъ, что бы умѣренность цѣнъ сихъ предметовъ соединялась съ их доброкачественностію.

15.

Каждый мѣсяцъ, административный комитетъ представляетъ лицу, которому Государь Императоръ ввѣритъ главное управленіе этими заведеніями, отчетъ о доходахъ и расходахъ школы и именной списокъ воспитанницъ, съ краткою аттестаціею поведенія и прилежанія каждой. Въ концѣ же года представляется общій отчетъ, какъ о доходахъ и расходахъ, такъ равно и о поведеніи и прилежаніи ученицъ. Лице, которому ввѣрено главное управленіе, по провѣркѣ отчетовъ, представляетъ ихъ Государю Императору.

16.

Въ каждомъ случаѣ, когда родители захотятъ взять изъ школы воспитанницу прежде достиженія ею указаннаго 18-ти лѣтняго возраста, просьба ихъ будетъ представляема надзирательницею въ административный комитетъ. Послѣдній разсматриваетъ выставляемыя родителями причины и, если находитъ ихъ основательными, испрашиваетъ согласіе того лица, которому Государь Императоръ поручитъ общее управленіе заведеніями.

17.

Если воспитанница, по достиженіи ею 18-ти лѣтняго возраста, не можетъ быть взята ея родителями, потому что имъ невозможно устроить ея судьбу и будущее существованіе, и доводы эти признаются основательными, или же, если дурное поведеніе родителей грозило бы опасностію для нравственности дѣвушки, имъ возвращаемой, то комитетъ озаботится пріисканіемъ для нея хорошаго мѣста у частныхъ лицъ, или въ какомъ либо общественномъ заведеніи; ей дано будетъ денежное вознагражденіе, или небольшое

приданое изъ суммъ, назначенныхъ для сего употребленія, и атестатъ,—по представленіи всѣхъ сихъ обстоятельствъ на воззрѣніе лица, которому Государь Императоръ ввѣрилъ общее управленіе сими заведеніями, и по полученіи его согласія на то.

18.

Издѣлія, сработанныя ученицами въ школѣ, продаются въ пользу заведенія; административный комитетъ рѣшаетъ, какъ выгоднѣе продавать ихъ: съ публичныхъ торговъ, или въ раздробь. Затѣмъ, комитетъ опредѣляетъ, какая часть изъ вырученныхъ денегъ должна быть отдана въ школу, для покупки новыхъ матеріаловъ, и какую слѣдуетъ отложить въ особый фондъ, изъ котораго берутся вознагражденія и покупается приданое воспитанницамъ, при ихъ выпускѣ. По справкамъ, доставляемымъ главнымъ инспекторомъ, (который совѣщается о семъ съ полковыми командирами), комитетъ опредѣляетъ таксу, по коей полки уплачиваютъ за бѣлье и чулки, доставляемые имъ школою; эти деньги тоже поступаютъ въ фондъ, назначенный для вознагражденій и приданаго.

19.

Ежегодно будутъ производиться въ школѣ публичные экзамены, послѣ коихъ административный комитетъ представляетъ лицу, указанному Государемъ Императоромъ, свидѣтельство о воспитанницахъ, отличившихся поведеніемъ, прилежаніемъ и оказанными успѣхами; при этомъ онъ указываетъ на особенно выдающихся ученицъ, ходатайствуя о выдачѣ имъ награжденія, состоящаго изъ какихъ либо предметовъ для одежды, или изъ книгъ, или другихъ полезныхъ вещей, покупаемыхъ изъ фонда для наградъ и приданаго.

20.

Полки, составляющіе округъ и пользующіеся благодѣяніями школы, доставляютъ комитету необходимыхъ писарей, для всѣхъ письменныхъ работъ, требуемыхъ его связями и отношеніями.

IV. Содержаніе и отчетность.

21.

Въ расходы по содержанію школы входятъ: плата за квартиру, если нѣтъ помѣщенія, принадлежащаго казнѣ или одному изъ полковъ округа; ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе, какъ классовъ, такъ и квартиръ надзирательницы и ея помощницъ; предметы, необходимые для уроковъ; матеріалы для рукодѣлій; жалованье надзирательницы, помощницъ ея, священника и инвалидовъ, необходимыхъ для домовой послуги.

22.

Полки, составляющіе округъ и пользующіеся благодѣяніями школы, избираютъ одного изъ своихъ чиновниковъ, который долженъ заботиться о содержаніи квартирнаго помѣщенія оной согласно вышеизложенному. Чиновникъ этотъ, получивъ отъ главнаго инспектора приказанія, соображённыя съ рѣшеніями административнаго комитета, приступаетъ, въ канцеляріи назначеннаго для сего полка, къ узаконеннымъ торгамъ на поставку дровъ, свѣчей и другихъ предметовъ, ему порученныхъ, а равно и на ремонтировку.

23.

Чиновникъ этотъ наблюдаетъ, что бы предметы, на поставку коихъ заключенъ контрактъ, были доставляемы въ школу въ должномъ количествѣ, должнаго качества и своевременно, такъ что бы никогда не было ни замедленія, ни недостатка. Это возлагается на его личную отвѣтственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ озабочивается аккуратною уплатою за помѣщенія (если уплата эта требуется), а равно и выдачею жалованья кому слѣдуетъ. Административный комитетъ принимаетъ представленія и жалобы, которыя надзирательница могла бы представить ему по которому либо изъ сихъ предметовъ, а главный инспекторъ напоминаетъ чиновнику объ исполненіи обязанностей и, въ случаѣ надобности, смѣняетъ его.

24.

Тотъ же чиновникъ, при помощи писарей, ему для сего доставляемыхъ, долженъ вести, съ величайшею исправностію, всѣ книги и счеты по приходу и расходу, гдѣ указываются всѣ суммы, получаемыя на уплату поставокъ и жалованья и ихъ распредѣленія; также тѣ деньги, которыя поступаютъ отъ продажи рукодѣлій и тѣ, которыя поступаютъ въ фондъ наградъ и приданаго, а равно и распредѣленіе оныхъ на эти предметы. Онъ же хранитъ точные списки учениц, аккуратно отмѣчая тамъ всѣ происшедшія перемѣны и часто входя по симъ предметамъ въ сообщеніе съ надзирательницею, дабы всегда быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ.

25.

Тотъ же чиновникъ будетъ ежемѣсячно составлять и передавать въ административный комитетъ отчеты и списки, которые послѣдній обязанъ представлять лицу, указанному Государемъ Императоромъ;—а также и общіе отчеты, въ концѣ года, съ приложеніемъ всѣхъ необходимыхъ документовъ.

26.

Я предлагаю начать съ учрежденія школы, гдѣ соберутся дочери солдатъ Семеновскаго, Егерскаго и Московскаго полковъ; ихъ общее число 190.

Марія.

С.-Петербургъ, 17 марта 1819 г.

Разсчетъ расходамъ для одной школы солдатскихъ дочерей.

Жалованье.

Надзирательницѣ . . . . 600 руб.

Двумъ помощницамъ, по 400 р. . . . . 800 »

Всѣ три получаютъ кромѣ того опредѣленную мѣру муки и крупы, натурою.

Священнику (кромѣ содержанія, получаемаго имъ отъ полка, при которомъ состоитъ) . . . . 300 »

Люди, необходимые для носки воды и дровъ, для топки печей и метенія двора, взяты будутъ изъ инвалидной команды; содержаніе ихъ будетъ опредѣлено Административнымъ Комитетомъ.

Комнатная служба будетъ исполняться, поочередно, одною изъ старшихъ ученицъ.

Освѣщеніе.

Считая по 3 фунта свѣчей на день, въ теченіи 8 мѣсяцевъ, понадобится 18 пуд. по 23 руб., что составитъ 414 »

Отопленіе.

Считая 8 печей и одну въ кухнѣ, понадобится около 60 саж. дровъ, цѣною по 9 руб., что составитъ . . 540 »

Наемъ помѣщенія.

Если не будетъ казенной квартиры, то потребуется 1000 руб. или . . . . 1500 »

Покупка рукодѣльныхъ матеріаловъ, книгъ, бумаги, аспидныхъ досокъ, перьевъ, и другіе мелкіе домашніе расходы . . . . 846 »

Итого . 5000 руб.

Кромѣ того понадобится, для первоначальнаго обзаведенія школы столами, скамейками, досками, чернильницами, книгами, прялками, мотовилами, иголками, нитками и пр. . . . . 2000 руб.

Примѣчаніе.

Сумма 5000 р. признана достаточною для начала; но для того, чтобы имѣть возможность удерживать лицъ завѣдомо достойныхъ на мѣстахъ надзирательницъ и ихъ помощницъ, справедливо было бы даровать имъ тѣ же преимущества, коими пользуются дамы въ другихъ институтахъ, а именно: черезъ каждые пять лѣтъ прибавлять имъ по 1/5 части ихъ жалованья; такъ что по прошествіи пяти лѣтъ, надзирательница будетъ получать вмѣсто 600 рублей 720, а каждая изъ помощницъ по 480 вмѣсто 400; черезъ 10 лѣтъ надзирательница получитъ 840, а помощницы по 560 рублей, и т. д.—въ этой же пропорціи возрастутъ и ежегодные расходы. Кромѣ того, надо постановить, чтобы той, которая послѣ 15-ти лѣтъ безпорочной службы принуждена будетъ просить отставки, обращалась половина ея жалованье въ пенсію, а черезъ 25 лѣтъ службы—все жалованье полностію.

С.-Петербургъ, 17 марта 1819 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ ЧЕМБАРѢ

съ 25-го августа по 8-ое сентября 1836 г.

Чембаръ, незначительный уѣздный городокъ Пензенской губерніи, всего съ 4000 жителей обоего пола, о существованіи котораго, навѣрное, многіе и не подозрѣваютъ у насъ на Руси, назадъ тому 46 лѣтъ, получилъ вдругъ извѣстность не только во всей Россіи, но и за границей, особенно въ политическомъ мірѣ; печальнымъ событіемъ, проявившимъ его существованіе, послужила внезапная болѣзнь императора Николая Павловича, встревожившая было многихъ и задержавшая его въ Чембарѣ двѣ недѣли.—Въ одномъ изъ историческихъ изданій, сколько мнѣ помнится, были помѣщены когда-то выдержки изъ записокъ бывшаго шефа жандармовъ, гр. А. Х. Бенкендорфа, гдѣ, между прочимъ, разсказано вкратцѣ и о несчастномъ происшествіи, случившемся съ Николаемъ Павловичемъ въ 1836 г., во время проѣзда его по Пензенской губерніи. Считаю нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько подробнѣе свѣдѣнія объ этомъ, добытыя мною изъ воспоминаній не многихъ оставшихся еще въ живыхъ свидѣтелей этого происшествія и извлеченныя изъ оффиціальнаго дѣла—«о путешествіи государя императора черезъ Пензенскую губернію».

Д. И.

I.

23 іюля 1836 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Блудовъ, по порученію шефа жандармовъ и командующаго главною квартирой гр. Бенкендорфа, увѣдомилъ пензенскаго губернатора Панчулидзева, что «государю императору благоугодно предпринять путешествіе по Россіи». Извѣстно, что Николай Павловичъ ежегодно совершалъ подобныя путешествія, съ цѣлью осмотра корпусовъ своей любимой арміи; и на этотъ разъ главною цѣлью его поѣздки былъ Чугуевъ—главный городъ военныхъ поселеній Харьковской губерніи, гдѣ собранъ былъ для смотра весь корпусъ, и куда направлялся онъ окружнымъ путемъ черезъ губерніи волжскаго басейна, по тракту изъ Москвы на Владиміръ, Гороховецъ, Горбатовъ, Нижній, Казань, Симбирскъ, Пензу до Тамбова и далѣе. Въ Тамбовѣ онъ на-

мѣревался съѣхаться съ императрицей Александрой Ѳеодоровной, куда она должна была прибыть къ его пріѣзду.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, препровождая пензенскому губернатору маршрутъ высочайшаго путешествія и предписывая принять мѣры къ исправленію дорогъ, гатей, мостовъ и заготовленію лошадей въ необходимомъ количествѣ, «дабы во время путешествія его величества по пензенской губерніи не могло встрѣтиться какихъ-либо остановокъ и затрудненій и чтобы путешествіе сіе совершилось со всевозможнымъ удобствомъ, спокойствіемъ и безопасностію», прибавляетъ, что государь повелѣть соизволилъ, чтобы нигдѣ къ принятію его величества со стороны дворянства, градскихъ и земскихъ полицій и другихъ начальствующихъ лицъ никакихъ встрѣчъ не приготовлялось». Въ свитѣ императора слѣдовали: ген.-адъют. Бенкендорфъ и Адлербергъ, лейбъ-медикъ Арендъ, статсъ-секретарь Позенъ и при немъ чиновникъ и два писца, флигель-адъютантъ полковникъ Львовъ и съ нимъ писарь, прусской службы полковникъ Раухъ, 3 фельдъегерскихъ офицера, 3 камердинера его величества, метръ д'отель Миллеръ съ двумя поварами и магазинъ-вахтеръ.

По распоряженію губернатора Панчулидзева закипѣла вдругъ лихорадочная дѣятельность въ губерніи къ приготовленію всего, что необходимо было для благополучнаго путешествія такого высокаго гостя, и—надо отдать справедливость административнымъ способностямъ губернатора и ближайшихъ его помощниковъ—ничто не было упущено изъ виду, чтобъ показать, что называется, товаръ лицомъ и придать этому путешествію наиболѣе удобства и безопасности. Въ распоряженіяхъ губернатора видна заботливая внимательность, доходившая, повидимому, до мелочей и вытекавшая изъ благоразумной предусмотрительности—устранить всякую случайность, которая могла бы причинить какое-либо несчастіе или безпокойство государю. Такъ, предписывая губернскому почтмейстеру и исправникамъ, чтобы на каждой станціи слѣдованія его величества было по 85-ти, а на подставѣ, на срединѣ станціи, по 79-ти почтовыхъ лошадей, онъ дѣлаетъ наставленія, «чтобы лошади не откармливались на стойкѣ, но были бы мятыя, въ гоньбѣ, кромѣ послѣднихъ сутокъ; чтобы лошадей объѣзжали въ дышлѣ, днемъ и ночью съ фонарями или пучками зажженной соломы, дабы тѣмъ пріучить ихъ не бояться огня, а народъ долженъ кричать—«ура». На каждой станціи опредѣлены были дворянскіе засѣдатели для присмотра за порядкомъ и за выѣздкой лошадей. Чиновникъ особыхъ порученій Карауловъ, посланный провѣрить, все ли исполнено по предписанію, доноситъ губернатору, что въ Городищенскомъ уѣздномъ судѣ онъ нашелъ по-

лы и стѣны грязными, раму портрета государя засиженную мухами, а вмѣсто зерцала—«какую-то китайскую бесѣдку»! и губернаторъ строго приказываетъ: «бесѣдку» уничтожить, сдѣлавъ новое зерцало, по образцу прочихъ присутственныхъ мѣстъ, полы и стѣны выкрасить и къ портрету государя сдѣлать новую раму, произведя всѣ расходы насчетъ уѣзднаго судьи. Не ограничиваясь этимъ, губернаторъ самъ лично, за три дня до прибытія государя въ Пензу, осматриваетъ все, что приготовлено къ высочайшему проѣзду на всемъ пути слѣдованія его величества, и дѣлаетъ на мѣстѣ нужныя измѣненія и распоряженія.

По маршруту отъ Пензы до Тамбова предполагалось, что въ Чембарѣ государь будетъ имѣть обѣденный столъ или ночлегъ; съ этою цѣлью приготовлено было въ городѣ лучшее для него помѣщеніе—домъ уѣзднаго училища, который, слѣдуетъ замѣтить, нуждался въ ремонтировкѣ, особенно крыша, къ чему и предполагали приступить по проѣздѣ государя, не предвидя, конечно, что пребываніе его въ этомъ домѣ продлится двѣ недѣли и потребуетъ экстренныхъ поправокъ и приспособленій. Деревянный одноэтажный домъ этотъ въ семь оконъ, по внѣшнему виду своему былъ въ то время лучшимъ въ городѣ, помѣщеніе же его было тѣсное и состояло всего изъ 4-хъ небольшихъ комнатъ и прихожей. Уѣздное училище на время выведено было въ наемное помѣщеніе, стѣны были выбѣлены, а мебель доставилъ предводитель дворянства; ея, впрочемъ, оказалось послѣ недостаточно.

Первоначально предполагали, что императоръ Николай Павловичъ пробудетъ въ Пензѣ не менѣе двухъ сутокъ, и поэтому губернскій предводитель дворянства предложилъ, черезъ губернатора, балъ отъ имени дворянства его величеству. Графъ Бенкендорфъ, къ которому губернаторъ обращался для высочайшаго доклада по сему предмету, увѣдомилъ, что «его величество съ благосклонностію изволитъ принять балъ пензенскаго дворянства, если краткое пребываніе его въ Пензѣ не воспрепятствуетъ присутствовать ему на ономъ». Балъ, однако, не состоялся почему-то.

24 августа, въ 5 часовъ пополудни, Николай Павловичъ благополучно прибылъ въ Пензу и остановился въ домѣ губернатора. Черезъ часъ потомъ, переодѣвшись, отправился въ каѳедральную соборную церковь, гдѣ встрѣченъ былъ преосвященнымъ Амвросіемъ, и прикладывался къ иконамъ. На другой день, въ 11 часовъ утра, ему представлялись служащіе чиновники, собравшееся дворянство и городское общество. По окончаніи представленія, онъ сдѣлалъ смотръ гарнизонному батаціону, посѣтилъ тюремный замокъ, приказъ общественнаго призрѣнія, гимназію и училище садоводства; былъ въ ду-

хѣ и остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Послѣ обѣда, къ которому, кромѣ свиты, удостоились приглашенія губернаторъ и губернскій предводитель дворянства, государь отправился изъ Пензы въ дальнѣйшій путь въ одной коляскѣ съ гр. Бенкендорфомъ, въ 5 часовъ пополудни, 25 августа.

II.

По пути въ Чембаръ, по Тамбовскому тракту, нужно было проѣхать станціи: Константиновку, Чернцовку, Каменку и Мачалейку, всего 125 верстъ. До послѣдней станціи государь прослѣдовалъ благополучно и выѣхалъ изъ Мачалейки въ 12 часовъ ночи; на 17-й верстѣ отъ станціи, въ с. Кевдо-Вершинѣ была смѣна лошадей. До Чембара оставалось всего 14 верстъ. Дорога отъ Кевдо-Вершины до города ровная, хорошая и только въ двухъ мѣстахъ перерѣзывается оврагами, изъ которыхъ послѣдній, на 7-й верстѣ отъ города, образуетъ гору довольно длинную, но совершенно почти отлогую. Ночь была ясная, безоблачная. Начала всходить луна. Въ коляскѣ зажжены были фонари. На козлахъ экипажа сидѣли ямщикъ и камердинеръ. Государь дремалъ. Все, казалось, было предусмотрѣно и приготовлено къ тому, чтобы высочайшій переѣздъ совершился покойно и благополучно; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, и часто несчастіе случается тамъ, гдѣ мы его менѣе всего ожидаемъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Подъѣзжая къ послѣдней горѣ, что противъ деревни Шалалейки, ямщикъ не сдержалъ лошадей и не затормозилъ экипажа, какъ требовала предосторожность, надѣясь, можетъ быть, на то, что гора не крутая и лошади легко спустятъ; но на половинѣ горы дышловыя лошади, не будучи особенно удерживаемы, понесли раскатившійся экипажъ, напиравшій на нихъ сзади своею тяжестію; форейторъ, къ несчастію, свалился, и выносныя лошади, никѣмъ не управляемыя, свернули въ сторону и наскочили на край дороги; экипажъ опрокинулся на бокъ, и государь упалъ, сильно ушибся и сломалъ себѣ при паденіи лѣвую ключицу. Къ счастію еще, что лошади въ эту минуту сами остановились! Графъ Бенкендорфъ, сидѣвшій по правую сторону государя, отдѣлался однимъ ушибомъ, то же самое испыталъ и ямщикъ, главный виновникъ случившагося. Больше всѣхъ пострадалъ несчастный камердинеръ, сидѣвшій на козлахъ, который былъ ужасно разбитъ. Первое время государь былъ безъ чувствъ нѣсколько минутъ, и когда пришелъ въ себя, то, забывая собственныя страданія, обратился къ

гр. Бенкендорфу, поддерживавшему его голову, съ вопросомъ: «не случилось ли съ людьми какого несчастія»? Узнавъ отъ Бенкендорфа, въ какомъ опасномъ положеніи были камердинеръ и ямщикъ, онъ сейчасъ же отослалъ его отъ себя, сказавъ:

—«Ступай, помогай имъ, чѣмъ можешь, а я чувствую себя еще настолько въ силахъ, что могу обойтись и безъ твоей помощи».

Разсказываютъ, что въ это время пробирался тропинкою подлѣ большой дороги солдатъ съ катомкой за плечами, отпущенный домой «въ чистую». Привлеченный свѣтомъ и суетой, онъ, ничего не подозрѣвая, подошелъ къ мѣсту катастрофы какъ разъ въ ту минуту, когда государь очнулся, и, конечно, былъ изумленъ и пораженъ какъ неожиданной встрѣчей, такъ и самымъ происшествіемъ.

—«Мнѣ вотъ и «служба» поможетъ, сказалъ Государь, завидя солдата и обращаясь къ Бенкендорфу, а ты ступай и дѣлай, что нужно».

Солдатъ, дѣйствительно, былъ при этомъ при этой катастрофѣ и оказывалъ помощь государю, пока гр. Бенкендорфъ приводилъ въ чувство камердинера. Народная память сохранила даже фамилію его—Байгузовъ, отставной унтеръ-офицеръ, уроженецъ села Кевдо-Вершины, получившій отъ самаго государя «синенькую». Онъ послѣ разсказывалъ, какъ онъ, стоя на колѣняхъ, поддерживалъ государя императора въ сидячемъ положеніи на землѣ и давалъ ему, по временамъ, пить воду изъ своей манерки.—Не трудно представить себѣ, какая, въ самомъ дѣлѣ, была эта ночная сцена, бьющая въ глаза своимъ поразительнымъ контрастомъ и вызывающая на размышленіе: въ глухую полночь, среди большой дороги, на сырой землѣ, сидитъ въ изнеможеніи могущественнѣйшій въ мірѣ государь, властелинъ половины Европы,—и ему прислуживаетъ на колѣняхъ простой солдатъ въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами! Картина, дѣйствительно, достойная кисти художника по своей обстановкѣ.

Форейторъ, какъ менѣе другихъ пострадавшій, посланъ былъ верхомъ въ Чембаръ съ извѣстіемъ о случившемся несчастіи, откуда не замедлила прибыть помощь. Предводитель дворянства, Я. А. Подладчиковъ, прислалъ свою коляску, прискакали: докторъ, исправникъ, городничій, собрался народъ. Первую медицинскую помощь государю оказалъ Цвернеръ, уѣздный врачъ Чембарскій. Лейбъ-медикъ Арендъ слѣдовалъ сзади императорскаго экипажа, отставъ на цѣлую станцію, и когда пріѣхалъ, то перевязка сломанной ключицы была уже сдѣлана, какъ нельзя лучше. При этомъ, говорятъ, случился слѣдующій эпизодъ, переданный будто-бы гр. Бенкендорфомъ. Императоръ Николай Павловичъ, услышавъ отъ графа, что изъ города ѣдетъ докторъ, и сознавая не безъ причины, что послѣдній лег-

ко можетъ сробѣть при видѣ его и сдѣлать поэтому неудачную перевязку, приказалъ закрыть себѣ лицо платкомъ, чтобъ дать возможность врачу придти въ себя и приступить къ дѣлу хладнокровно. Но Цвернеръ былъ человѣкъ не робкаго десятка. По прибытіи на мѣсто, онъ быстро подошелъ къ императору и совершенно спокойно спросилъ: «что съ вами, ваше величество»? Угадавъ, вѣроятно, по голосу, что съ такимъ человѣкомъ предосторожности излишни, Николай Павловичъ открылъ лицо и объяснилъ въ чемъ дѣло.—Какъ бы тамъ ни было, но послѣдствія своевременно и правильно оказанной помощи не замедлили обнаружиться: государь почувствовалъ себя лучше, сѣлъ сначала въ экипажъ и приказалъ ѣхать шагомъ, но усилившаяся боль отъ толчковъ заставила его выйти изъ экипажа и онъ всю остальную дорогу до города, верстъ шесть, прошелъ пѣшкомъ, поддерживаемый подъ руку. Народъ, сопровождавшій его, освѣщалъ путь фонарями. Государь шелъ молча, нахмуривъ брови, и по временамъ останавливался. Видно, что онъ страдалъ, но по лицу его нельзя было этого замѣтить. У города встрѣтилъ его начальникъ внутренней стражи, подпоручикъ Грачевъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку фельдфебелемъ. Государь узналъ его, не видавши нѣсколько лѣтъ, и назвалъ его по фамиліи.

— А, старый знакомый, Грачевъ!

— Здравія желаю, ваше величество!

— Да, братъ, теперь надо желать больше, чѣмъ когда-нибудь. Видишь, какая бѣда стряслась, и я инвалидомъ сталъ!

Извѣстно, что Николай Павловичъ обладалъ замѣчательною памятью и помнилъ фамиліи многихъ гвардейскихъ солдатъ, особенно изъ бывавшихъ у него во дворцѣ на ординарцахъ, а нѣкоторыхъ офицеровъ зналъ не только по фамиліямъ, но помнилъ обстоятельства и ходъ ихъ службы.

Скоро прибылъ въ Чембаръ и Арендъ. Осмотрѣвъ перевязку и найдя ее сдѣланною хорошо, онъ успокоился и ободрилъ всѣхъ, сказавъ, что опасности нѣтъ и осложненія болѣзни нельзя ожидать. Николай Павловичъ, по чувству тонкой деликатности, не желая обижать Цвернера, поручилъ ему дальнѣйшее лѣченіе своей болѣзни, а Арендъ долженъ былъ только наблюдать за этимъ.

Государь занялъ приготовленное ему помѣщеніе въ домѣ уѣзднаго училища, а для свиты его отведены были квартиры по близости къ училищу. Въ 5 часовъ утра уже мчались въ разныя стороны три курьера: одинъ въ Тамбовъ къ государынѣ съ собственноручнымъ письмомъ его величества, другой—въ Чугуевъ съ извѣстіемъ объ отмѣнѣ смотра и съ порученіемъ вернуть свиту императорскую, а тре-

тій—въ Пензу съ письмами къ Панчулидзеву отъ гр. Бенкендорфа и отъ предводителя дворянства Я. А. Подладчикова. Вотъ что сообщалъ по этому случаю начальнику губерніи шефъ жандармовъ:

«Имѣю честь увѣдомить в. п., что Государь Императоръ, не доѣзжая г. Чембара, въ ночное время былъ въ экипажѣ опрокинутъ и отъ ушиба лѣваго плеча, съ переломомъ ключицы, изволилъ остановиться до облегченія въ Чембарѣ. Извѣщая в. п. о семъ несчастномъ случаѣ, покорно прошу отправить сюда корпуса жандармовъ подполковника Викторова и капитана Львова и на почтовыхъ 8 человѣкъ нижнихъ чиновъ жандармской команды, которые будутъ здѣсь употреблены по пѣшему. При семъ имѣю честь присовокупить, что Его Величеству, Государю Императору, неугодно, чтобы какъ вы, такъ и кто-либо изъ лицъ, въ Пензѣ проживающихъ, пріѣзжали въ Чембаръ по сему случаю. О чемъ и прошу покорнѣйше сдѣлать надлежащее распоряженіе».

Чембарскій предводитель дворянства съ своей стороны доносилъ губернатору:

«Во время путешествія Его Величества, Государя Императора, черезъ Чембарскій уѣздъ, съ Мачелайской станціи къ Чембару, не доѣзжая 7 верстъ, на горѣ, что противъ деревни Шалалейки, запряженныя въ экипажъ лошади понесли подъ гору, отчего форейторъ свалился, а выносныя лошади наскакали на тротуаръ, экипажъ опрокинулся на бокъ и Его Величество ушибъ себѣ лѣвое плечо и переломилъ ключицу. Государю Императору угодно было потребовать коляску, и я въ ту же минуту отправилъ свою. По сему происшествію Его Величеству угодно было остановиться въ Чембарѣ. Торопясь извѣстить о семъ в. п., подробностей еще не собралъ. Черезъ городъ Государь Императоръ изволилъ пѣшкомъ идти и по комнатамъ ходить. За коляской гардероба посланъ фельдъегерь воротить ее, а также и всю свиту Государя. Въ Чугуевъ и С. Петербургъ тоже посланы гонцы. На Мачалейской станціи распоряжался Нижне-Ломовскій почтмейстеръ. О чемъ в. п. донести честь имѣю».

Въ тотъ же день посланъ былъ второй курьеръ въ Пензу съ письмами къ Панчулидзеву отъ гр. Бенкендорфа и Подладчикова. Бенкендорфъ просилъ губернатора сдѣлать распоряженіе о присылкѣ въ Чембаръ двухъ письменныхъ столовъ, нѣсколько стульевъ, одного ковра, полнаго комплекта кострюль, тарелокъ, блюдъ, приборовъ и проч., что нужно для стола; 100 бутылокъ лучшаго краснаго и бѣлаго вина, разныхъ овощей, фруктовъ, рыбы живой, говядины лучшаго сорта и проч.—Предводитель дворянства сообщалъ губернатору:

«Спѣшу извѣстить в. п., что могъ узнать. Государь Императоръ лучше себя чувствуетъ. По полуночи въ 5 часовъ отправлены 2 курьера: одинъ къ Императрицѣ, которая, какъ мнѣ сказали, не выдержитъ, чтобъ не пріѣхать сюда; полагаютъ, черезъ 10 дней она будетъ въ Чембарѣ; второй посланъ воротить полковника Рауха и гардеробъ Государя и, вѣроятно, съ извѣщеніемъ въ Чугуевъ, что Его Величество не будетъ. Лейбъ-медикъ Арендъ ска-

тѣ, что перевязка сдѣлана очень хорошо Цвернеромъ, опасности ни-
нѣтъ, и, повидимому, Императоръ чувствуетъ себя лучше, изволилъ
кушать, читалъ книгу въ слухъ при графѣ Бенкендорфѣ, а вечеромъ
ъ писать письмо, какъ говорятъ, къ Государынѣ Императрицѣ. Фельдъ-
оскакалъ сейчасъ съ письмомъ къ Ея Величеству, онъ показывалъ мнѣ
ертъ. Государь Императоръ кротокъ до чрезвычайности, винитъ стан-
о смотрителя, не отдавшаго приказанія ямщику тормозить экипажъ,
не никого. Камердинеръ, сидѣвшій на козлахъ экипажа, разбитъ ужа-
мъ образомъ и жизнь его въ опасности. Государь, забывъ себя, ни-
тся имъ и кучеромъ, который легко убитъ, однако-жъ и ему кромѣ
п. По возможности, всѣмъ и всѣхъ удовлетворяю. Въ услугахъ Госу-
Императора мои люди. Интересовался знать, что и отъ кого, одинъ от-
тъ предводителя. Сейчасъ получилъ извѣстіе отъ Чембарскаго лѣкаря
ра, который находится при Государѣ Императорѣ, что здоровье Его
ства въ отличномъ положеніи. Фельдъегеръ съ бюллетенями такого
анія посланъ въ столицы; но за всѣмъ тѣмъ, ближе мѣсяца, говорятъ,
рь Императоръ выѣхать изъ Чембара не можетъ».

мператрицу Александру Ѳедоровну, дѣйствительно, ожидали од-
мя въ Чембарѣ и приготовили для нея помѣщеніе въ зданіи
ственныхъ мѣстъ, но она не была, нужно полагать потому,
осле удачно сдѣланной государю операціи теченіе болѣзни по-
довлетворительно и опасности накакой не предвидѣлось; но сви-
ператора вся возвращена была изъ Тамбова, и въ Чембарѣ за-
а жизнь и дѣятельность, дотолѣ небывалыя. Со стороны губер-
сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи пожарной команды
ціи двойнымъ комплектомъ нижнихъ чиновъ, посланныхъ изъ
съ частнымъ приставомъ и квартальными, и вмѣстѣ съ тѣмъ
йше предписано было городничему наблюдать, чтобы въ горо-
ло спокойно, тихо, безопасно и во всемъ соблюдалась чистота
опристойность. Для государя и свиты его посланы были эки-
и лошади изъ Пензы, и на училищномъ дворѣ выстроили на
о руку кухню и навѣсъ для лошадей и экипажей. По случаю
звнаго отправленія фельдъегерей и курьеровъ въ Петербургъ
тно, увеличено было число троекъ по тракту изъ Чембара въ
у чрезъ Тамбовъ и Рязань, чтобъ проѣзжающіе не терпѣли не-
ка въ лошадяхъ.

III.

ператоръ Николай Павловичъ велъ въ Чембарѣ совершенно уеди-
жизнь, вставалъ, по своей обыкновенной привычкѣ, рано, ча-
ъ 5; утромъ, до завтрака, занимался дѣлами, а потомъ читалъ
исалъ. Первые дни, до 5-го сентября 1836 г. онъ не выходилъ

изъ комнаты и даже не одѣвался, противъ обыкновенія своего, чтобъ не повредить сращенія кости; вообще ему запрещено было всякое излишнее движеніе. Тихая и уединенная жизнь въ Чембарѣ ему, видимо, понравилась, но она въ первое время, конечно, имѣла свои неудобства и лишенія, пока все не устроилось, такъ какъ въ городѣ трудно или совсѣмъ невозможно было достать ничего, что требовалось для стола и вообще для жизни, сколько-нибудь комфортабельной. Начиная съ винъ, фруктовъ и разныхъ колоніальныхъ предметовъ и кончая говядиной, хлѣбомъ, зеленью, даже масломъ сливочнымъ—все, до малѣйшихъ мелочей, доставлялось на курьерскихъ изъ Пензы, иногда по нѣсколько разъ въ сутки. Естественно, что говядина не всегда отличалась должной свѣжестью, что видно изъ письма гр. Бенкендорфа къ Панчулидзеву, въ которомъ онъ, благодаря за доставленные 27 августа припасы и вина, сообщаетъ, что судаки и лещи оказались сонными, а говядина съ духомъ. Для устраненія подобныхъ вещей, изъ Пензы отправился въ Чембаръ торговецъ мясомъ и погналъ скотъ, чтобы убивать его на мѣстѣ; приглашены были туда и булочники. Вина въ Пензѣ оказались плохими и выписывались послѣ прямо изъ Москвы.

Помѣщеніе, которое занялъ государь, состояло изъ трехъ непроходныхъ классныхъ комнатъ, расположенныхъ въ рядъ и выходящихъ на площадь. Средняя комната, болѣе другихъ просторная (1 классъ), служила ему кабинетомъ, направо небольшая комната 3-го класса была его спальней, а на лѣво, 2-й классъ, служилъ рабочимъ кабинетомъ гр. Бенкендорфа; передъ этими тремя комнатами, со двора, были довольно просторные залъ и прихожая. На площадь выходилъ балконъ, который отъ взоровъ любопытныхъ былъ наглухо обтянутъ парусиной, съ отверстіями въ трехъ мѣстахъ, черезъ которыя императоръ Николай Павловичъ производилъ иногда наблюденія уличныхъ сценъ. Разъ онъ увидѣлъ отставнаго стараго солдата, просящаго милостыню, и сильно разгнѣвался. Сейчасъ-же послалъ узнать: кто такой, въ какомъ полку служилъ, изъ какого села и почему ходитъ по міру? Оказалось, что солдатъ имѣлъ родныхъ въ с. Мачѣ, достаточно зажиточныхъ крестьянъ, которые его содержали, но онъ привыкъ бродяжничать и просить милостыню, и отъ этого никакъ не могли его отучить. Досталось, говорятъ, порядкомъ за это какъ солдату, такъ и городничему, исправнику и инвалидному начальнику.

Пользуясь пребываніемъ государя въ Чембарѣ, къ нему, конечно, многіе обращались съ прошеніями, которыя свободно принималъ отъ всѣхъ гр. Бенкендорфъ и потомъ докладывалъ его величеству. Случилось разъ, что три какія-то солдатки, завѣдомо свободнаго пове-

денія, подали прошенія объ оставленіи при нихъ дѣтей ихъ изъ кантонистовъ. Государь разгнѣвался на такія просьбы ихъ, приказалъ разслѣдовать, по чьему наущенію это было сдѣлано и кто писалъ солдаткамъ прошенія. По слѣдствію оказалось, что ихъ надоумили просить объ этомъ коллежскій секретарь Васильевъ, губернскій секретарь Черноуховъ, коллежскій регистраторъ Исаевъ и мѣщанинъ Пономаревъ, которые сами сочиняли и переписывали имъ прошенія. Ко всему этому обнаружилось, что господа эти бабклушничали, нигдѣ не служили, ничѣмъ не занимались, а больше пьянствовали и развратничали. Николай Павловичъ приказалъ всѣхъ ихъ «за развратное поведеніе и вовлеченіе неопытныхъ людей въ незаконныя просьбы отдать въ солдаты». Высочайшее повелѣніе приведено было въ исполненіе немедленно, и злополучные ходатаи по чужимъ дѣламъ протерли солдатскую лямку три мѣсяца. Въ концѣ ноября 1836 г., какъ видно изъ дѣла, они были прощены и водворены по мѣсту жительства ихъ, по всеподданнѣйшему ходатайству генералъ-адъютанта гр. Бенкендорфа.

5-го сентября, въ 2 часа дня, государь въ первый разъ вышелъ изъ дому и сдѣлалъ небольшую прогулку по городу. На базарной площади строились въ то время Покровская церковь и тюремный замокъ, и онъ осматривалъ эти постройки. Въ бюллетенѣ этого числа было сказано:

«Государь Императоръ чувствуетъ себя весьма хорошо и сращеніе до того укрѣпилось, что Его Величество могъ одѣться и прохаживаться на открытомъ воздухѣ». Подписали: Лейбъ-медикъ Арендъ. Уѣздный врачъ Ф. Цвернеръ. Скрѣпилъ флигель-адъютантъ Львовъ».

Въ ознаменованіе этого дня, находившіеся на лицо въ городѣ дворяне и чиновники, 6-го числа служили благодарственный молебенъ и собрали 355 рублей для погорѣвшихъ 10 дворовъ однодворцевъ въ с. Полянахъ. По докладу объ этомъ государю, его величество благодарилъ жертвователей и, присоединивъ къ этимъ деньгамъ своихъ 500 р., повелѣлъ раздать пострадавшимъ отъ пожара. Съ этого дня здоровье императора Николая Павловича стало быстро поправляться, и 7-го сентября онъ чувствовалъ себя уже настолько хорошо, что на другой день рѣшился выѣхать изъ Чембара. Наканунѣ отъѣзда онъ пожелалъ отслужить благодарственный молебенъ, по случаю своего выздоровленія, и съ этою цѣлью пригласилъ къ себѣ мѣстнаго благочиннаго, протоіерея о. В. Керскаго, который и явился въ 8 ч. вечера съ причетникомъ. Облачившись, онъ началъ службу обычнымъ возгласомъ, но, вмѣсто знакомаго ему голоса причетника, услышалъ вдругъ чистый, свѣжій и пріятный басъ—запѣлъ самъ государь.—

Разсказываютъ, что о. В. Керскій первое время смутился и оробѣлъ до того, что забылъ, что дальше слѣдуетъ, и государь самъ подсказалъ ему порядокъ службы, которая пошла затѣмъ безъ перерыва и въ продолженіи которой онъ самъ пѣлъ вмѣстѣ съ причетникомъ.

На другой день, 8 сентября, въ 9 часовъ утра, императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Чембара по направленію къ Тамбову, пробывъ въ немъ ровно двѣ недѣли. Передъ отъѣздомъ къ нему явились откланяться предводитель дворянства, городской голова и нѣкоторые чиновники. Прощаясь съ ними, государь милостиво благодарилъ ихъ за тотъ покой, который они доставили ему во время болѣзни, и щедро наградилъ каждаго: предводителю дворянства пожаловалъ подарокъ въ 1000 р.; городничему—тоже подарокъ въ 1000 р. и соблаговолилъ принять старшаго сына его на казенный счетъ въ Московскій кадетскій корпусъ; уѣздному врачу Цвернеру—подарокъ въ 2000 р. и деньгами 3000 р., частному приставу и всѣмъ квартальнымъ надзирателямъ—годовой окладъ жалованья; протоіерею Керскому—500 р. и священнику Гаврилову со всѣмъ причтомъ—500 р; городскому головѣ—подарокъ въ 300 р. и исправнику—подарокъ въ 1000 р.; на уѣздное училище и на городскую больницу пожертвовалъ по 5000 р. и на постройку Покровской церкви—1000 р. Не забыты были и почтальоны, доставлявшіе провизію изъ Пензы, всѣмъ имъ приказано было выдать по 50 р.

Собравшаяся съ ранняго утра толпа народа, радостная въ сознаніи полнаго излѣченія своего любимаго монарха, съ восторженнымъ крикомъ «ура» и съ добрыми пожеланіями провожала царя черезъ весь городъ и далѣе, версты за четыре отъ города, и эти проводы представляли совершенную противоположность съ печальной встрѣчей двѣ недѣли тому назадъ. Множество экипажей слѣдовало за царской коляской. На четвертой верстѣ отъ города къ с. Поиму, гдѣ дорога перерѣзывается глубокимъ и крутымъ оврагомъ, народъ на рукахъ своихъ переправилъ черезъ оврагъ царскій экипажъ, изъ боязни, чтобъ не случилось опять какого-нибудь несчастія, и Николай Павловичъ, тронутый такимъ выраженіемъ любви и преданности, одарилъ многихъ деньгами. Здѣсь онъ разстался съ народомъ, пожелавшимъ ему благополучнаго пути, и въ 11½ часовъ по полуночи былъ уже за границей Пензенской губерніи.

Такъ кончилось пребываніе императора Николая Павловича въ Чембарѣ,—пребываніе, нарушившее тихую, однообразную и скучную жизнь уѣзднаго городка. Воспоминаніе объ этомъ событіи до сихъ поръ еще живетъ въ памяти Чембарцевъ, и дворянство Пензенской губерніи позаботилось сохранить его навсегда. Во время губернскихъ

выборовъ, бывшихъ 3 февраля 1837 г., оно составило положеніе, чтобы, въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія Пензенской губерніи въ 1836 году и для увѣковѣченія воспоминанія о выздоровленіи императора Николая послѣ несчастнаго случая, учредить, на счетъ всего дворянства, въ г. Чембарѣ, при уѣздномъ училищѣ, пансіонъ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ Пензенской губерніи, преимущественно сиротъ, а въ домѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе императоръ, устроить домовую церковь, «для отправленія въ оной — какъ сказано въ постановленіи—во всѣ торжественные и праздничные дни службы и молебствія о вожделѣнномъ здравіи всемилостивѣйшаго Государя и всего августѣйшаго дома».

14 декабря 1837 г., послѣдовало высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе постановленія дворянства. Министерство народнаго просвѣщенія уступило для этого дворянству домъ, принадлежавшій уѣздному училищу, за 12,000 р., а училище переведено было въ каменный двухъ этажный домъ, пожертвованный для него купцомъ 1-й гильдіи Хлюпинымъ, пожелавшимъ участвовать въ этомъ общеполезномъ дѣлѣ. Пансіонъ открытъ былъ въ августѣ, а церковь освящена 8 сентября 1838 года,—день совершеннаго выздоровленія императора Николая Павловича. Изъ комнаты, служившей кабинетомъ царскимъ, сдѣланъ алтарь. Воспитанники пансіона, помѣщавшагося въ отдѣльномъ флигелѣ, переведены были послѣ въ Пензенскій дворянскій институтъ, а домовая церковь существуетъ и по нынѣ при училищѣ, преобразованномъ изъ уѣзднаго въ городское трехклассное; она носитъ названіе «Царской» и содержится на счетъ дворянства.

20 іюня 1882 г.

Д. В. Ильченко.

ВАРШАВА въ 1860 и 1861 гг.

I.

Событія, происходившія въ Варшавѣ въ 1860 и 61 годахъ, были столь неожиданны, совершались такъ быстро, что трудно объяснить ихъ, не зная настоящей ихъ причины и не видавъ на мѣстѣ, какъ событія эти приготовлялись мало по малу.

И дѣйствительно, отчего Варшава, а съ нею и все Царство Польское, бывшія спокойными въ продолженіи 30 лѣтъ, не смотря на многія неблагопріятныя для насъ обстоятельства, почти внезапно, при обстоятельствахъ несравненно лучшихъ для насъ и для самихъ поляковъ, возстали, и такъ еще, что на другой же день въ демонстраціи ихъ участвовали не отдѣльныя лица, не кучки злонамѣренныхъ, а всѣ классы народа, кромѣ крестьянъ, и на улицахъ Варшавы было сто тысячъ!

Въ настоящее время весьма естественнымъ представляется вопросъ: если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра, т. е. какія причины возбудили общую вспышку и нѣтъ ли возможности отстранить ее въ будущемъ?

Напрасно было бы искать эти причины въ политическомъ положеніи Европы, въ вліяніи на Польшу дѣлъ въ Италіи и Венгріи. Стóитъ вспомнить событія послѣднихъ 30-ти лѣтъ передъ возстаніемъ, чтобы убѣдиться, что бывали обстоятельства гораздо для насъ худшія и что вліяніе ихъ на Польшу было сильнѣе и вреднѣе, но въ Царствѣ Польскомъ все было тихо и спокойно.

Въ 1831 году, по усмиреніи мятежа, половина польской арміи вышла за границу, половина магнатовъ выѣхала въ Англію, во Францію, въ Бельгію. Почти половина Европы только что вышла изъ революціи 1830 года; поляковъ всѣхъ принимали съ распростертыми объ-

ятіями: Лондонъ, Парижъ и даже Вѣна собирали для нихъ пожертвованія; образовалась организованная эмиграція, имѣвшая силу и связи; много было интригъ, но всѣ попытки къ вмѣшательству были уничтожаемы. Едва эммисары появлялись въ Царствѣ, какъ тотчасъ же принимались мѣры; ничто и нигдѣ не успѣвало разгорѣться,—только что вспыхнетъ и—потушено.

Въ 1846 году, когда во всей Германіи было волненіе, когда въ Галиціи все было въ огнѣ и въ крови,—въ Царствѣ Польскомъ все было спокойно, исключая незначительной попытки въ Сельдцахъ, но тѣмъ и кончилось [1]).

Въ 1848 году вспыхнула революція во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи; въ Познани образовались банды, а Прусскій король, съ непокрытою головою, стоялъ предъ поляками. Въ 1849 году—война въ Венгріи, безпокойства и волненія повсюду, вся Европа потрясена, а въ Царствѣ Польскомъ ненарушимый порядокъ и тишина.

Наконецъ въ 1853 и 1854 годахъ, когда почти вся Европа была противъ Россіи, когда со стороны Франціи, Англіи и Австріи было много интригъ въ Польшѣ, когда Россію готовы были постигнуть такія бѣдствія, какихъ она не испытывала съ 1812-го года, въ Царствѣ Польскомъ все было спокойно и даже во все продолженіе восточной войны не было ни одного политическаго преступленія; слѣдственная коммисія была закрыта и ея предсѣдатель получилъ другое назначеніе.

Средствами къ достиженію такихъ результатовъ были: постоянный надзоръ, ни малѣйшаго послабленія, предусмотрительность, предупредительныя мѣры осторожности, такъ что у имѣвшихъ дурные умыслы отнималась всякая надежда на успѣхъ и всякая мысль о попыткѣ къ возстанію. Чрезъ это являлась возможность средствами же страны, т. е. польскими же чиновниками, управлять краемъ. Все время чиновники-поляки вели себя какъ нельзя лучше, исполняли свои обязанности какъ нельзя усерднѣе и были истинными помощниками русскаго правительства, съ русскими чинами, которыми они дорожили. Въ самыя трудныя времена, а именно сряду послѣ мятежа 1831 года, въ 1846, 1848 и 1853 годахъ, чиновники-поляки дѣйствовали совершенно въ духѣ правительства. Никому изъ нихъ и въ голову не приходило выдти въ отставку, или отказаться отъ исполненій приказаній.

Еще сильнѣйшею опорою русской власти и опорою не по наружности, а на самомъ дѣлѣ, былъ классъ крестьянъ, не только казен-

[1]) Огорскій, Котильшевскій и Потоцкій зарѣзали унтеръ-офицера и 2-хъ солдатъ въ караулѣ. На другой же день они были повѣшены. П. К.

ныхъ, но и помѣщичьихъ. Очиншеваніе въ казенныхъ имѣніяхъ и въ особенности въ маіоратахъ, показало до какой степени благосостоянія дошли поселяне этихъ имѣній. Сравненіе быта крестьянина государственнаго или маіоратнаго съ бытомъ помѣщичьяго не только не поселяло въ крестьянахъ привязанности къ ихъ польскимъ владѣльцамъ, но въ сильной степени внушало довѣріе къ русскому правительству, которое постоянно служило имъ защитою противъ притѣсненій шляхты. Указъ 1846 года оградилъ личность и собственность крестьянина отъ незаконныхъ требованій и притѣсненій пановъ. Не надобно однако же думать, что правительство наше, подобно австрійскому, дѣлало крестьянамъ послабленія во вредъ помѣщикамъ, или возбуждало ихъ противъ владѣльцевъ. Напротивъ, когда въ Галиціи, черезъ рѣку отъ Польши, происходили убійства и крестьяне жгли и рѣзали пановъ своихъ, въ Царствѣ не было ни одного случая даже ослушанія. Все держалось твердою системою, основанною на знаніи народнаго характера, твердою волею, переходившею, гдѣ нужно, въ строгость, заставлявшею уважать, а иногда и бояться себя.

Тогдашнее управленіе Польшею считало бы для себя стыдомъ, если бы допустило хоть одинъ выстрѣлъ на улицахъ Варшавы. Можетъ быть скажутъ, что многое можно было смягчить, облегчить, исправить. Положимъ,—но мѣстному управленію не было надобности дѣлать измѣненія только для измѣненій. Не слѣдуетъ забывать, что при польскомъ характерѣ, отказывающееся отъ пріобрѣтенной власти управленіе никогда не заставитъ уважать себя; что власть, выпущенная изъ законныхъ рукъ, будетъ захвачена другими, которые захотятъ сами приказывать, и тогда придется или дѣлать постыдныя уступки, или принимать слишкомъ крутыя мѣры.

Такъ, къ несчастію, и случилось и, къ сожалѣнію, не второе, а первое.

II.

Желаніе пріобрѣсти популярность въ газетахъ и лесть въ гостиныхъ породило заискиваніе, и вотъ, со смертію князя Паскевича, началось ухаживаніе за магнатами и любезничаніе со шляхтою. Но надобно вовсе не знать исторіи Польши, что бы надѣяться чѣмъ бы то ни было привязать къ себѣ шляхту, не говорю уже найти въ ней преданность. По самой натурѣ она враждебна намъ. Ни одинъ магнатъ никогда не разстанется съ надеждою на прежнюю возможность быть королемъ; ни одинъ шляхтичъ не забудетъ вольности, или вѣрнѣе—вольницы своей анархической республики, гдѣ онъ былъ панъ,

а другіе—рабы, гдѣ было широкое поле его дикой удали, самовластію, беззаконію и безнаказанности. Примѣръ пятнадцати-лѣтія передъ 1830 годомъ ничего не доказываетъ. Тогда была какая либо узда порядка, да и ту хотѣли сбросить революціею.

Магнаты и шляхта, видя заискиваніе популярности, начавшееся съ 1858 года, были обрадованы тѣмъ, что снисхожденіе къ нимъ русскаго правительства даетъ имъ вліяніе на людей и на дѣла, даетъ средства поправить свои обстоятельства и надежду приготовить все, на случай вѣчно ожидаемыхъ перемѣнъ, не прибѣгая покуда къ крамолѣ и не рискуя ни чѣмъ. Такимъ образомъ составилось агрономическое общество; такимъ образомъ отдано было, безъ торговъ и съ ничтожными залогами, содержаніе всѣхъ шоссе въ Царствѣ, на которое въ 1861 году не употреблено ни копѣйки. Агрономическое общество въ первый же годъ своего существованія имѣло $2^1/_2$ тысячи, а черезъ годъ, при закрытіи 26 марта 1861 года, 5 тысячъ членовъ. Агрономія была только предлогомъ. Оно было ни что иное, какъ существующее съ дозволенія правительства политическое общество, гдѣ шляхта собиралась за тѣмъ, чтобы счесть свои общія силы и приготовиться къ общему, конечно воображаемому, устройству Польши. Рѣчи членовъ рѣдко касались земледѣлія. Говорилось о единствѣ, о братствѣ, о проэктахъ законовъ, о желаемыхъ измѣненіяхъ въ администраціи. При этомъ присутствовали депутаты изъ Познани и Галиціи; все это дозволялось безнадзорно. Жажда популярности удерживала власти отъ какихъ либо мѣръ, могущихъ напомнить шляхтѣ, что существуетъ однако въ Царствѣ русское правительство, которое одно и имѣетъ право управлять краемъ.

Въ это же время составлялся проэктъ объ очиншованіи помѣщичьихъ крестьянъ. Эта самая существенная для ихъ благосостоянія мѣра была, конечно, лучшимъ средствомъ еще болѣе привязать къ себѣ поселянъ, но только въ томъ случаѣ, если бы она и дарована и совершена была непосредственно правительствомъ. Между тѣмъ последнее, вовсе неожиданно, отказывается отъ этого средства и передаетъ его въ руки шляхты, которая, обѣщая и оглашая свои обѣщанія, ровно ничего не дѣлала; хотя правительство и увѣряло крестьянъ, что помѣщики о нихъ заботятся.

Результатомъ было то, что наше управленіе потеряло всякое значеніе въ глазахъ шляхты; признательности ея не пріобрѣло, а только возбудило насмѣшки.

Другой классъ городскаго населенія—чиновники, годъ назадъ ревностные помощники правительства, вдругъ дѣлаются его врагами, и вотъ почему: въ Польшѣ любятъ чины, титулы и знаки отличія.

Всѣ служившіе желали и ожидали ихъ; всѣ были усердные слуги, кто за жалованье, дававшее средства къ жизни, кто за чины, кто за мундиръ и крестикъ. Вдругъ всѣ чины въ Царствѣ уничтожены, подъ предлогомъ ихъ непримѣнимости. Это сразу уронило службу русскому правительству, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ послѣдовало запрещеніе русскому уроженцу начинать службу въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ произошло полное отдѣленіе чиновниковъ-поляковъ отъ правительства и уничтоженіе существовавшей между ними связи.

Какія же вышли послѣдствія? Русскіе массами покидали край; протекція породила множество новыхъ назначеній, возбудившихъ общее неудовольствіе; оставшіеся на службѣ роптали столько же, сколько и вышедшіе въ отставку. Многіе изъ нихъ даже дерзнули подписать впослѣдствіи извѣстный адресъ государю и почти всѣ участвовали въ демонстраціяхъ.

Такимъ образомъ были подготовлены матеріалы для возстанія. Оставалось только вывести его на улицу, чему также охотно помогло наше управленіе.

Для уличной революціи нужны были мальчишки и школьники, и въ школахъ былъ уже для этого матеріалъ вполнѣ готовый. Мы сами позаботились объ этомъ.

Изъ того же необъяснимаго исканія популярности, школы были разбалованы и распущены до невѣроятія. Безнаказанность, изъ нежеланія, вѣроятно, огорчать родственниковъ, дошла до того, что вслѣдъ за выговоромъ надзиратели и директоры извинялись передъ виновными. Ученики дѣлали все, что имъ вздумается, не ходили въ классы, шумѣли въ театрахъ, собирали сходки, били стекла, писали анонимныя письма, сочиняли пасквили. На все это приказано было смотрѣть сквозь пальцы и дабы имѣть возможность умалчивать объ этомъ въ донесеніяхъ—называли дѣтскими шалостями. Вотъ почему дошло наконецъ до того, что ученики были первыми во всѣхъ волненіяхъ, содержали вмѣсто полиціи посты на улицахъ и въ присутствіи царскаго намѣстника распоряжались въ Варшавѣ.

Такъ мало по малу подготовлено было бездѣйствіемъ власти то, что породило потомъ варшавскія событія и вооруженное возстаніе.

Первыя проявленія враждебныхъ попытокъ произошли въ половинѣ 1860 года. Въ іюнѣ начали обнаруживаться революціонныя дѣйствія воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній. При похоронахъ вдовы коменданта Воли—Савинаго, убитаго въ 1831 году при штурмѣ этого укрѣпленія, устроена была демонстрація на польскомъ кладбищѣ, гдѣ школьники публично издѣвались надъ могилами русскихъ. Не смо-

тря на настоянія генералъ-губернатора, объ этомъ происшествіи даже не произвели слѣдствія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Воспитанники школъ и разный сбродъ, пользуясь безнаказанностію и поддержкою—въ краѣ агрономическаго общества, а за границею—партіями Чарторижскаго и Мирославскаго, начали постепенно подготовлять умы къ безпорядкамъ и пріучать населеніе къ повиновенію своимъ распоряженіямъ. Даже во время пребыванія Государя, они не скрыли своихъ дѣйствій; иначе какъ объяснить облитіе царской ложи купоросомъ, отсутствіе польскихъ дамъ на балѣ князя Горчакова и извѣстную дерзость графа Потоцкаго. Онъ за годъ пригласилъ Государя на охоту въ подгородное свое имѣніе Виляново, а затѣмъ не пріѣхалъ въ Варшаву и не представился Императору, не смотря на то, что Его Величество нѣсколько разъ о немъ спрашивалъ. Спустя же двѣ недѣли по отъѣздѣ Государя, Потоцкій нѣсколько разъ охотился съ своими пріятелями. Варшавскія газеты воспользовались этою выходкою шталмейстера русскаго двора и описали великолѣпіе его празднествъ, въ присутствіи многихъ иностранцевъ.

Осенью 1860 года демонстраціи шли одна за другою: битье стеколъ, подкидываніе анонимныхъ писемъ, въ которыхъ запрещалось давать балы и вечера, ругательство русскихъ и ихъ приверженцевъ, оскорбленія офицеровъ и солдатъ,—все это повторялось почти ежедневно. Въ годовщину возстанія 1830-го года, академики и воспитанники разныхъ школъ, вмѣстѣ съ толпами народа, собрались на улицѣ Лешно, возлѣ монастыря кармелитовъ, и пѣли патріотическія и революціонныя пѣсни. Нѣсколько дней спустя, реальная гимназія, въ полномъ составѣ, отправилась въ костелъ бернардиновъ, гдѣ служили панихиды по убитымъ въ войну 1830-го года.

Все это было извѣстно, но князь Горчаковъ не любилъ и даже не слушалъ, когда ему докладывали о подобномъ. Генералъ-губернаторъ Панютинъ вновь настаивалъ на принятіи мѣръ къ прекращенію безпорядковъ и предлагалъ закрыть реальную гимназію, но представленія его остались безъ всякаго вниманія. Такой образъ дѣйствій со стороны населенія и бездѣйствіе со стороны управленія продолжались до собранія агрономическаго общества, т. е. до $^{11}/_{23}$ февраля 1861-го года.

Тогда дерзость и самонадѣянность поляковъ превзошли всякую мѣру.

III.

За нѣсколько дней до годовщины Граховскаго сраженія были разбросаны въ костелахъ, а 12 февраля наклеены на домахъ воззванія: собираться народу въ понедѣльникъ 13 февраля, на площади Стараго мѣста, а оттуда слѣдовать въ процессіею, мимо замка, къ намѣстниковскому дому, гдѣ агрономическое общество имѣло тогда засѣданіе. Хотя члены общества и не принимали видимаго участія въ шествіи, но извѣстно, что они не только знали о демонстраціи, но руководили ею и даже согласились, по прибытіи процессіи, выйти къ народу, изъ среды котораго заранѣе назначенныя личности должны были просить членовъ подать адресъ о дарованіи конституціи.

Между тѣмъ полиція арестовала ученика художественной школы Бальцера, печатавшаго воззванія. Бальцеръ сознался во всемъ. Казалось бы, что когда всѣ планы зачинщиковъ были уже извѣстны правительству, то и мѣры противъ нихъ могли бы быть приняты, а слѣдовательно и спокойствіе не могло быть нарушено. Но вышло иначе.

Въ назначенный часъ началось сильное народное движеніе къ Старому мѣсту и къ костелу паулиновъ. Оберъ-полицеймейстеръ былъ встрѣченъ криками и бранью. Полковникъ Треповъ, не смотря на грозившую ему опасность, вошелъ въ толпу, приказывая ей молчать и расходиться; мастеровые послушались, но ученики Маримонтской школы, съ палками въ рукахъ, остались на мѣстѣ. Въ это время частный приставъ далъ знать, что академики и гимназисты заставляютъ ксендза, служившаго вечерню, выйти изъ костела съ хоругвями и крестомъ, и что необходима помощь. Оберъ-полицеймейстеръ, видя, что Богослуженіе уже окончено, приказалъ запереть костелъ, что было исполнено съ большими усиліями. Не успѣлъ полковникъ Треповъ возвратиться на площадь, какъ уже показались академики и гимназисты, вмѣстѣ съ нѣсколькими личностями. У всѣхъ были въ рукахъ зажженные факела и значки съ польскими орлами. Не смотря на всѣ увѣщанія, процессія тронулась. Тогда оберъ-полицеймейстеръ, боясь поджога, приказалъ полиціи тушить факелы и отбирать значки, а прискакавшему же эскадрону жандармовъ—преградить шествію дорогу, что было исполнено безъ насильственныхъ мѣръ, не смотря на то, что академики факелами и значками били лошадей и каменьями бросали въ жандармовъ. Демонстрація окончилась рукопашной схваткой; 8 человѣкъ, несшихъ портретъ сапожника Килинскаго, были арестованы. Народное же движеніе по улицамъ продолжалось до ночи.

Слѣдующій день, 14 февраля, прошелъ спокойно, но члены агрономическаго общества и бóльшая часть публики надѣли трауръ въ честь какихъ-то мнимо убитыхъ наканунѣ. 15-го февраля, утромъ, тѣ же члены, академики, гимназисты, ученики Маримонтской школы, всѣ въ траурѣ, собрались въ костелъ кармелитовъ, на Лешно, для панихиды по тѣмъ же убитымъ. Послѣ служенія, толпа пошла по улицѣ Длугой, заставляя попадавшихся на встрѣчу выходить изъ экипажей и слѣдовать за нею и оскорбляя встрѣчавшихся офицеровъ и солдатъ. Подойдя къ запертой церкви паулиновъ, она запѣла народные гимны, а потомъ направилась къ Старому мѣсту, гдѣ была встрѣчена новыми толпами съ восторгомъ. Изъ одного дома вынесли икону, изъ всѣхъ оконъ бросали бумажные образки, которые школьники прибивали къ своимъ палкамъ. Далѣе шествіе направилось мимо замка, къ костелю бернардиновъ, съ намѣреніемъ слѣдовать къ агрономическому обществу.

На площади замка сотни казаковъ приказано было преградить процессіи дорогу; при этомъ оказалось, что ни одного ксендза не было при ней. Подвигаясь все ближе и ближе къ костелу бернардиновъ, казаки, при которыхъ былъ только одинъ сотенный командиръ, наткнулись на похороны чиновника Лемпицкаго. Кто-то закричалъ изъ толпы: «хоронятъ жертву, павшую вчера за отечество». Тогда чернь начала бросать въ казаковъ каменьями и грязью. Казаки, между которыми были уже раненые, вынуждены были отбиваться нагайками. Зачинщики же, для возбужденія народа, распустили слухъ, будто казаки ранили двухъ ксендзовъ, несшихъ впереди похоронъ крестъ, и изломали его въ дребезги.

Нынѣ достовѣрно извѣстно, что все это былъ вымыселъ, и все таки въ Варшавѣ дѣлали потомъ образа, изображающіе сломанный крестъ, дамы носили его на шеи, а мущины въ видѣ брелока.

Казаки не только не помѣшали народу войти въ костелъ, но получили приказаніе отойти къ замку. Въ это время генералъ Заблоцкій возвращался отъ намѣстника. Увидя раненыхъ казаковъ, онъ прошелъ въ примасовскій палацъ, взялъ изъ него роту солдатъ и поспѣшилъ переулкомъ выдти на краковское предмѣстье, что бы пересѣчь путь толпѣ къ агрономическому обществу. Увидя войско, толпа съ неистовыми криками начала бросать въ него камнями; изъ домовъ же полетѣли на солдатъ стулья и обливали ихъ помоями. Заблоцкій, ушибленный камнемъ, не вытерпѣлъ, приказалъ ротѣ зарядить ружья и головному полувзводу дать залпъ, которымъ убито 5 и ранено 15 человѣкъ. Толпа моментально разбѣжалась.

Залпъ этотъ произвелъ страшное смятеніе въ замкѣ, гдѣ въ это

время собрано было начальство для совѣщаній. Намѣстникъ совершенно растерялся, не зналъ что дѣлать, на что рѣшиться и ничего лучшаго не было придумано, какъ приказать, для успокоенія народа, снять войска съ замковой площади.

Видя подобное отступленіе, чернь, подстрекаемая и предводимая зачинщиками, подняла трупы пятерыхъ убитыхъ на носилки и понесла ихъ по городу. Четыре трупа положили для общаго созерцанія въ большой залъ европейской гостинницы, а пятый внесли въ засѣданіе агрономическаго общества, члены коего, съ криками: «убиваютъ нашихъ братьевъ!», кинулись въ европейскую гостинницу. Здѣсь, при огромномъ стеченіи народа, они рыдали надъ тѣлами убитыхъ и произносили возмутительныя рѣчи, понося намѣстника и все русское.

Вслѣдъ затѣмъ, въ той же гостинницѣ начали подписывать заранѣе приготовленный адресъ Государю, и тотчасъ же составилась депутація, будто бы отъ всѣхъ сословій, которая и отправилась вмѣстѣ съ адресомъ и съ разными требованіями къ намѣстнику.

Князь Горчаковъ не только что принялъ депутацію, но тотчасъ же согласился на слѣдующіе уступки: 1) Похоронить убитыхъ со всѣми почестями. 2) Учредить временное управленіе, составленное изъ сословій города (делегацій), которое въ теченіи трехъ дней, а именно до похоронъ, будетъ, безъ вмѣшательства полиціи, блюсти порядокъ и охранять спокойствіе,—однимъ словомъ, отдать городъ во власть людей, производившихъ смуты. 3) Въ день похоронъ полиція и войска не должны показываться на улицѣ. 4) Назначить оберъ-полицеймейстеромъ маркиза Паулуччи на мѣсто полковника Трепова, не умѣвшаго, по словамъ депутаціи, пріобрѣсти популярность. 5) Дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ для представленія адреса Государю Императору. 6) Освободить всѣхъ безъ исключенія арестованныхъ до 15 февраля. Подобныя уступки требуютъ объясненій. Въ тотъ же день подали въ отставку всѣ предводители дворянства и бо́льшая часть лицъ, имѣвшихъ придворныя званія. Предсѣдатель агрономическаго общества, графъ Андрей Замойскій, принялъ роль диктатора. Ничто не предпринималось безъ его согласія намѣстникомъ; всѣ его требованія исполнялись имъ безпрекословно.

Временное управленіе вступило въ исполненіе своихъ обязанностей изданіемъ прокламаціи, въ которой упрашивало жителей, именемъ отчизны, не прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ. Нельзя не согласиться, что делегаціи ловко исполняли свои обѣщанія: въ городѣ былъ сохраненъ порядокъ, учреждены патрули изъ обывателей и воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, тишина и наружное спокойствіе не были нарушены.

Но между тѣмъ агитаторы не теряли времени. На дальнихъ улицахъ, въ частныхъ домахъ и трактирахъ, въ гостинницахъ, цукерняхъ (кондитерскихъ) произносились рѣчи противъ правительства, въ которыхъ указывали на святотатство, совершенное будто бы надъ крестомъ и на небывалыя истязанія ксендзовъ. Мало этого: были посланы приглашенія къ крестьянамъ прибыть въ Варшаву на похороны жертвъ, павшихъ 15 февраля. Эта мѣра не удалась. Крестьяне, помня благодѣянія императора Николая, остались въ своихъ деревняхъ и вмѣсто ихъ появились, переодѣтые въ крестьянскія платья и въ краковскіе костюмы, разные выходцы и шляхта. Наконецъ совершено было торжественное примиреніе съ евреями, которыхъ теперь называли братьями, а въ города и мѣстечки посланы были агенты, для возбужденія народа противъ правительства, съ предложеніемъ дѣлать демонстраціи и служить панихиды.

Не приведи Богъ русскаго человѣка видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унизившее до такой степени имя русское!

Въ тотъ день, когда войскамъ и полиціи было приказано не показываться на улицахъ, все варшавское населеніе, въ глубокомъ траурѣ, католическое, реформатское и евангелическое духовенство, раввинъ съ кагаломъ и всѣ городскія цехи, съ своими значками, провожали тѣла, несомыя на рукахъ лицами того сословія, которому они принадлежали. Наши караулы, по приказанію начальства, отдавали честь процессіи.

Въ тотъ же день, во всѣхъ газетахъ появилось описаніе похоронъ, въ самомъ враждебномъ для правительства духѣ, а графъ Замойскій, сряду послѣ похоронъ, отъ имени отечества благодарилъ академиковъ и школьниковъ за сохраненіе порядка.

По возвращеніи съ кладбища, бóльшая часть членовъ агрономическаго общества разъѣхалась по деревнямъ, но для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталось до 200 членовъ. Въ награду за сохраненіе порядка намѣстникъ разрѣшилъ временному управленію наблюдать за спокойствіемъ въ городѣ еще въ день восшествія на престолъ. Затѣмъ въ помощь городскимъ властямъ была составлена новая делегація изъ гражданъ, въ числѣ 24 членовъ, подъ предсѣдательствомъ маркиза Паулуччи. Делегація сидѣла въ ратушѣ и каждый вечеръ представляла отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ чинамъ рессурса, т. е. просто клуба, гдѣ ежедневно собиралось отъ 1000 до 2000 человѣкъ. Словомъ, въ это время власти не существовало: русскія войска были спрятаны и управленіе передано въ руки людей, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ мятежниками.

Вотъ до какихъ результатовъ, послѣ трехъ-лѣтнихъ послабленій и нерѣшительности, дошли дѣла въ Царствѣ Польскомъ.

Исторія не представляетъ примѣра, что бы въ краѣ, гдѣ законная власть опирается на 4 крѣпости, на 100 тысячъ прекраснаго войска и на 4 милліона преданныхъ крестьянъ, власть эта могла бы упасть до такой степени.

IV.

Послѣ описанныхъ событій, 2-го марта 1861 г. былъ полученъ Высочайшій рескриптъ на имя князя Горчакова.

На другой день князь призвалъ къ себѣ: Андрея Замойскаго, Островскаго, банкира Кроненберга и купца Шленкера. Такъ какъ намѣстникъ съ 15 февраля принималъ депутаціи глазъ на глазъ и ни съ кѣмъ не совѣщался, а только соглашался на всѣ требованія поляковъ, то и неизвѣстно какія происходили у нихъ разговоры и пренія. Но въ тотъ же вечеръ распространены были слухи и копіи съ протокола засѣданія въ рессурсѣ, въ которомъ говорилось, что Государь, не смотря на строгость выраженій въ рискриптѣ, обѣщаетъ сдѣлать измѣненія и улучшенія въ администраціи Царства. Разсказывали также, что намѣстникъ сообщилъ депутаціи письмо статсъ-секретаря, въ которомъ сказано, что льготы, даруемыя Царству, будутъ обнародованы особымъ декретомъ.

Графъ Замойскій, выслушавъ письмо г. Тымковскаго, осмѣлился сказать князю Горчакову: «мы принимаемъ эти уступки, но онѣ для насъ не достаточны».

Намѣстникъ отвѣчалъ: «Примите ихъ на время, а тамъ увидимъ, что можно будетъ сдѣлать впослѣдствіи».

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней много было толковъ о рескриптѣ. Вообще же не понравилось слѣдующее: «J'ai lu la pétition que vous m'avez envoyée. Je devrais la considerer comme nulle et non avenue, parce que quelques individus, sous prétexte de désordres excités dans la rue, s'arrongent le droit de condamner de leur propre autorité toute la marche du gouvernement. Cependant je ne veux y voir qu'une entrainement».

Въ ресурсѣ ораторы кричали: «какъ это возможно! Здѣсь дѣло идетъ не о нѣсколькихъ лицахъ, а о всемъ народѣ, который такъ благородно и скромно выразилъ передъ всей Европой, сколь тягостно для него русское иго!»

Послѣ этого поляки только и ждали случая сдѣлать какую либо манифестацію. Они воспользовались прежде всего выѣздомъ г. Му-

ханова, что бы собраться въ числѣ 2-хъ—3-хъ тысячъ у дебаркадера Вѣнской желѣзной дороги, съ намѣреніемъ забросать его грязью[1]). Хотя Мухановъ и имѣлъ предосторожность поѣхать до первой станціи въ экипажѣ, но на прочихъ станціяхъ, до самой границы, его встрѣчали съ ругательствами, а въ Скерневицахъ разбили всѣ окна въ его вагонѣ. 13-го марта, подъ вечеръ, толпа, собравшаяся въ одно мгновеніе, по свисткамъ, разбила стекла у генерала Абрамовича, въ театрѣ, у статсъ-секретаря Эноха, въ намѣстниковскомъ палацѣ. При этомъ оказалось, что въ городѣ уже были учреждены правильные сигналы на свисткахъ: собираться, идти вправо, влѣво, расходиться и т. д.

Всѣ предполагали, что послѣ столь явнаго нарушенія спокойствія будутъ приняты мѣры положить предѣлъ дерзости; говорили будто уже составлено постановленіе объ объявленіи города на военномъ положеніи, но новая депутація остановила всѣ распоряженія и Варшава была вновь отдана въ распоряженіе делегаціи, которая тотчасъ же учредила свою полицію. Спокойствіе не было нарушено въ теченіи страстной недѣли, но нельзя себѣ представить что дѣлалось на улицахъ! Это былъ просто маскерадъ. Все населеніе то облекалось въ трауръ, то надѣвали бѣлыя, голубыя, малиновыя конфедератки, чемарки и кунтуши. Невидимая власть отдавала приказанія и всѣ исполняли ихъ: сегодня всѣхъ поваровъ и кухарокъ собирали къ бернардинамъ; завтра всѣ кучера должны были идти къ доминиканамъ; на слѣдующій день всѣ слуги и горничныя являлись у августиновъ и т. д. На всѣхъ этихъ «набоженствахъ» произносили возмутительныя проповѣди, пѣли разжигающіе патріотизмъ гимны.

Среди подобнаго хаоса и произвола, 19-го марта 1861 г. былъ обнародованъ манифестъ о дарованіи разныхъ льготъ Царству Польскому.

Но онѣ не успокоили умовъ. Хотя умѣренная партія казалась видимо довольною, но лихорадочное стостояніе общей массы было слишкомъ возбуждено. Конфедератки и чемарки, подстрекаемыя аги-

---

[1]) Павелъ Александровичъ Мухановъ — впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, извѣстный и уважаемый ревнитель Отечественной исторіи. Ему редакція «Русской Старины» обязана сообщеніемъ, между прочими историческими матеріалами, копіей съ нижеnапечатанной офиціальной переписки 1860—1861 гг., важный матеріалъ къ исторіи послѣдней польской смуты. Воспоминанія о П. А. Мухановѣ—наше и М. П. Погодина—напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 335—345. Ред.

таторами, притаившимися за углами и въ своихъ палатахъ, надѣялись, что посредствомъ безпорядковъ, можно достигнуть новыхъ уступокъ. Всѣ объявленія и прокламаціи начальства срывались со стѣнъ, гдѣ были наклеены, что возбуждало еще бóльшее волненіе.

Наконецъ раздѣлили городъ на 4 военные отдѣла, подчиненные начальникамъ войскъ. Въ этомъ видѣли сначала намѣреніе приступить къ серьезнымъ мѣрамъ, положить предѣлъ безначалію, но и это не имѣло ни малѣйшаго вліянія, потому что въ то же время начальники отдѣловъ получили приказаніе намѣстника не примѣнять никакихъ принудительныхъ средствъ.

Между тѣмъ безпорядки распространялись повсюду: въ Радомѣ, въ Люблинѣ, въ Кельцахъ, въ Серадзѣ, чернь, волнуемая подстрекателями и увѣренная въ безнаказанности, повторяла все, что дѣлалось въ Варшавѣ.

Въ Варшавѣ же съ 3-го февраля манифестаціи происходили ежедневно. У статуй Богородицы или Святыхъ, собирались толпы въ нѣсколько тысячъ и вмѣстѣ съ молитвами пѣли революціонныя пѣсни. 5-го апрѣля въ 9 часовъ утра было большое стеченіе народа у костела реформатовъ, въ которомъ принимало участіе и духовенство. Нельзя было ручаться, что бы при тогдашнемъ безначаліи, мы не лишились и единственной нашей опоры въ Польшѣ, именно крестьянъ, которые оставались еще за насъ, хотя духовенство и увѣряло ихъ, что русскіе хотятъ обратить ихъ въ православную вѣру.

Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы воспользоваться привязанностію крестьянъ, наше тогдашнее (1860—1861 гг.) управленіе само подало ей руку помощи, дозволивъ объявить крестьянамъ съ амвоновъ, что «владѣльцы, въ попеченіи о благѣ крестьянъ, усердно занимаются проэктомъ очиншеванія, что кромѣ того, значительное число помѣщиковъ изъявило желаніе предоставить крестьянамъ право выкупа». Объявленіе это имѣло ту дурную сторону, что крестьяне услышали изъ устъ своихъ священниковъ, что благосостояніемъ своимъ они обязаны будутъ не Государю, а своимъ панамъ. Кромѣ того, все дѣло очиншеванія было передано на разсмотрѣніе агрономическаго общества.

Непонятно, какъ правительство, видя, въ теченіи столькихъ лѣтъ, расположеніе къ себѣ крестьянъ, не нарушенное и при тогдашнихъ (1861 г.) безпорядкахъ, не взяло на себя обнародованіе освобожденія. Какой прекрасный случай представлялся теперь совершить это великое дѣло отъ имени Государя и Россіи. Это было бы лучшимъ средствомъ, еще болѣе привязать къ себѣ крестьянъ и, опираясь на четырехъ милліонное населеніе, обуздать навсегда бурливую шляхту.

V.

Наконецъ, 6-го апрѣля, было обнародовано постановленіе совѣта управленія о закрытіи агрономическаго общества.

Какъ бы въ отмѣстку за это, на другой же день, около 3-хъ часовъ пополудни, огромныя толпы народа начали стекаться со всѣхъ сторонъ къ зданію земскаго кредитнаго общества, гдѣ, при пѣніи революціонныхъ пѣсенъ, былъ водруженъ на балконѣ польскій орелъ и подъ нимъ образъ Богоматери. Оттуда толпы направились, черезъ Саксонскую площадь, къ дому графа Андрея Замойскаго. Не смотря на увѣщанія генералъ-губернатора, выѣхавшаго на встрѣчу, толпа не расходилась. По приближеніи къ дому Замойскаго, послѣ криковъ: ура! начали вызывать его на балконъ. Графъ показался: рукоплесканіямъ и восторженнымъ крикамъ не было конца. Отсюда всѣ направились къ замку. Тогда приказано было караульной ротѣ выдти на площадь Сигизмунда. Самъ намѣстникъ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ къ толпѣ и началъ уговаривать ее разойтись по домамъ. Дерзость дошла до того, что князя Горчакова осмѣяли и освистали. Изъ толпы кричали ему: «мы стоимъ на своей землѣ; поѣзжай самъ домой, а мы не отойдемъ, пока войска не отступятъ». Намѣстникъ возвратился въ замокъ и рота отведена съ площади во дворъ. Это отступленіе подняло самонадѣянность мятежниковъ, которые вообразили, что русскіе никогда не осмѣлятся употребить противъ нихъ силу.

Такъ называемая умѣренная партія, къ которой принадлежали высшія сословія и люди, имѣвшіе собственность, повидимому оставались въ сторонѣ, хотя не только знали дѣйствія красныхъ, но и руководили ими.

8 апрѣля 1861 г. толпы снова стали собираться на Краковскомъ предмѣстьи, у костела кармелитовъ, гдѣ отпѣвали тѣло возвращеннаго изъ Сибири политическаго преступника. По совершеніи обряда, толпа пошла за гробомъ на Повонзковское кладбище и оттуда снова возвратилась къ замку. Около 6 часовъ вечера площадь Сигизмунда была уже покрыта народомъ и рота, выходившая изъ замка, встрѣчена неистовою бранью. Ротѣ, съ жандармами по флангамъ, приказано было податься впередъ, а полицейскому чиновнику, послѣ барабаннаго боя, объявить народу, чтобы расходился. Троекратно, черезъ 5 минутъ, возобновлялось это объявленіе. Послѣ третьяго раза, когда увидѣли, что всѣ увѣщанія остаются тщетными, жандармамъ приказано было разогнать народъ. Атака была произведена рысью

и толпа отошла на тротуары. Пользуясь тѣмъ, что лошади не охотно шли на скользкія плиты, народъ, съ крикомъ и свистомъ, началъ отбиваться острыми палками и каменьями. Такъ какъ дѣйствія жандармовъ саблями плашмя не имѣли успѣха, то ихъ отвели назадъ, а взводу пѣхоты приказано разогнать толпу съ тротуаровъ. Народъ подался назадъ во дворы домовъ, но только что взводъ возвратили на свое мѣсто, какъ снова густыя массы, съ Краковскаго предмѣстья и съ Сенаторской улицы, двинулись на Замковую площадь. Тогда была произведена вторичная атака двумя взводами жандармовъ, имѣвшая тотъ же успѣхъ, какъ и первая.

На всю эту комедію князь Горчаковъ смотрѣлъ изъ окна и на всѣ представленія о необходимости дѣйствовать рѣшительно, отвѣчалъ отказомъ. Снова выдвинули противъ Сенаторской улицы взводъ пѣхоты, и снова въ него полетѣли камни и сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ угловаго дома, выходящаго съ правой стороны отъ Сенаторской улицы на площадь Сигизмунда. Наступила минутная тишина и вслѣдъ за нею послѣдовалъ первый залпъ. Толпа съ криками разбѣжалась во всѣ стороны; многіе же бросились обмакивать платки въ кровь раненыхъ. Въ это мгновеніе изъ костела бернардиновъ показалась процессія, впереди которой несли крестъ. Рота пропустила ее до угла Сенаторской, гдѣ конный взводъ преградилъ ей дорогу. Жандармскій полковникъ Талаевскій узналъ человѣка, несшаго крестъ. Это былъ только что выпущенный намѣстникомъ изъ цитадели политическій преступникъ, ученикъ художественной школы, Новаковскій. Его арестовали. Снова посыпался градъ камней. Войска должны были податься назадъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, для удержанія натиска. Въ то же время показалась другая процессія. Она съ пѣніемъ: «Спаси насъ Боже отъ поганыхъ» остановилась на углу Сенаторской, гдѣ, также какъ и на углу Подвальной, чернь, изъ нагроможденныхъ дрожекъ и мебели, успѣла сдѣлать нѣсколько баррикадъ. Видимо было, что только рѣшительныя мѣры могутъ положить конецъ безумству черни, которая со всѣхъ сторонъ, съ криками, напирала на войска. Въ это время генералу Хрулеву удалось убѣдить князя Горчакова дать письменное разрѣшеніе дѣйствовать оружіемъ. Только послѣ этого приказано было сдѣлать четыре залпа: одинъ по Сенаторской улицѣ, другой по Краковскому предмѣстью, третій по Подвальной и четвертый по Новому съѣзду. Всего выпущено 464 пули. Толпы побѣжали во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ 4 тѣла и до 20 раненыхъ; унесли же съ собою 7 тѣлъ и до 130 раненыхъ которые, какъ увидимъ ниже, были отобраны ночью на излеченіе арестовано было 70 человѣкъ. Со стороны войскъ убито 2 и ранено 12.

Послѣ залповъ данъ былъ сигналъ общей тревоги въ замкѣ и съ Саксонской площади. Смятеніе и страхъ бунтующихъ сдѣлались неописываемы. Увидя ракеты и услыша пушечные выстрѣлы, холостыми зарядами изъ цитадели, жители вообразили, что бомбардируютъ городъ. Они уже не останавливаясь, бѣжали безоглядки по всѣмъ направленіямъ, а между тѣмъ войска въ примѣрномъ порядкѣ собирались на сборные пункты.

Между тѣмъ въ замокъ явились банкиръ Кроненбергъ и каноникъ Стецкій. Но въ этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, намѣстникъ ихъ не принялъ и затѣмъ уже болѣе не являлись никакія депутаціи, съ требованіями уступокъ и льготъ.

Вслѣдъ затѣмъ были приняты слѣдующія мѣры:

1) Всѣмъ войскамъ, пришедшимъ по тревогѣ, расположиться бивуаками, на площадяхъ, впредь до особаго приказанія.

2) Ночью отобрать всѣ тѣла убитыхъ, отнесенныя въ частные дома, и отвезти въ цитадель, гдѣ и похоронить по католическому обряду, капеланомъ, состоящимъ при войскахъ.

3) Всѣхъ раненыхъ перевезти для леченія въ гражданскіе и военные госпитали.

4) Всѣхъ арестованныхъ доставить въ цитадель, откуда на другой день отправить въ Новогеоргіевскъ.

5) Обнародовать постановленіе совѣта управленія противъ сборищъ.

6) Подтверждено начальникамъ войскъ наблюдать, чтобы ни подъ какимъ видомъ на улицахъ и площадяхъ не было сборищъ; ослушниковъ приказано арестовать, а въ случаѣ сопротивленія употреблять оружіе.

7) Опубликовать временныя правила для варшавскаго муниципальнаго совѣта.

Въ этотъ совѣтъ все-таки намѣстникомъ были допущены нѣкоторые члены бывшей делегаціи. При первомъ же засѣданіи они дозволили себѣ сдѣлать разныя постановленія, превышающія власть, и напечатали ихъ въ газетахъ.

8) Посланы въ губерніи и города, гдѣ были безпорядки, военные начальники, для возстановленія спокойствія.

9) Въ Варшавѣ приказано закрыть рессурсъ, преобразовавшійся въ патріотическій клубъ.

Здѣсь рѣшались всѣ вопросы, относящіеся къ возбужденію безпорядковъ въ краѣ, отдавались приказанія о демонстраціяхъ, разсылались эмисары и составлялись прокламаціи.

10) Послѣ 10 час. вечера никому не дозволено ходить по улицамъ безъ фонаря.

11) Домовладѣльцы обязаны подписками объявлять полиціи о каждомъ лицѣ, проживающемъ безъ вида.

12) Раненымъ воспрещено показываться на улицу.

13) Всѣ шинки, кофейные дома и другія публичныя заведенія приказано закрывать, впредь до особаго распоряженія, въ 8 ч. вечера.

14) Запрещено носить трауръ и разные маскерадные костюмы.

15) Воспрещено носить разные наружные знаки, какъ-то: бѣлые орлы, кокарды, сломанные крестики, галстухи съ національными цвѣтами и проч.

16) Въ магазинахъ не вывѣшивать траурныхъ принадлежностей, что постоянно дѣлалось въ теченіи года.

17) Не носить палокъ, окованныхъ желѣзомъ и съ свинцовыми набалдашниками.

18) На похоронахъ не собираться постороннимъ лицамъ, а быть однимъ родственникамъ умершаго.

19) Отобрать у оружейныхъ мастеровъ и въ лавкахъ какъ огнестрѣльное, такъ и холодное оружіе и сдать въ цитадель.

20) Впредь до приказанія закрыть городскую почту.

21) При всѣхъ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ посылать конвой, для наблюденія за порядкомъ.

Половина этихъ мѣръ, принятая во-время, могла бы предупредить всѣ безпорядки, доказательствомъ чему служитъ то, что не смотря на развившееся, отъ безнаказанности, до безумія, остервененіе черни, въ одну минуту физіономія города совершенно измѣнилась. Исчезли маскарадные костюмы, на улицахъ, вмѣсто нахальныхъ и дерзкихъ лицъ, показывались только изумленныя физіономіи, съ отраженіемъ видимаго страха. Простой народъ понялъ, что его выставляли впередъ и употребляли какъ орудіе, ради заслона, а при первой опасности бросили на произволъ судьбы. Извѣстно, что главные зачинщики не были съ народомъ на улицахъ и площадяхъ; они оставались въ сторонѣ и выжидали обстоятельствъ, а послѣ первыхъ выстрѣловъ, нѣкоторые даже пѣшкомъ бѣжали изъ города.

Куда дѣвались Замойскіе, Островскіе, Шленкеры, Епштейны и другіе? Они въ заперти своихъ кабинетовъ выжидали исхода. Имъ нужны были жертвы, которыя дали бы имъ снова возможность воспользоваться слабостью и бездѣйствіемъ властей, чтобы потребовать для себя новыхъ уступокъ. Для достиженія этой цѣли они собирали, подъ видомъ пожертвованій для раненыхъ, деньги, которыя раздавали народу. Ремесленники и фабричные, отвыкая отъ работъ, предавались пьянству и готовы были на всякія неистовства.

Если бы заискиванія передъ шляхтою и панами и безпримѣрная слабость кн. М. Д. Горчакова не приготовили общаго разстройства дѣлъ, если бы во-время, т. е. въ первый же моментъ появленія демонстрацій, были приняты, весьма привычныя въ Варшавѣ, мѣры осторожности— народъ не былъ бы возбужденъ до безумія, войска не потерпѣли бы поруганій, намѣстникъ—осмѣянія, не было бы такихъ уступокъ, которыя, безъ Высочайшей воли, измѣнили даже форму управленія; всѣ безпорядки и безчинства были бы предупреждены и не было бы укора ни намъ, ни за насъ.

Все, что дѣлалось въ Варшавѣ послѣ смерти князя М. Д. Горчакова, при генералахъ Сухозанетѣ и Ламбертѣ, достойно еще большаго удивленія и еще болѣе поражаетъ всякаго благомыслящаго человѣка.

Сообщ. ген.-лейт. П. П. Карцовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Донесенія кн. М. Д. Горчакова и повелѣнія Александра II въ 1861 г.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

14-го февраля.

13 (25) февраля злонамѣренная шайка хотѣла сдѣлать по улицамъ демонстрацію съ моленіемъ за убитыхъ въ Гроховѣ и для сего пригласила народъ собраться на Старомъ мѣстѣ.

Въ 6 часовъ вечера собралось около 5000 человѣкъ на сей площади. Полиція, извѣщенная о семъ заблаговременно, укротила этотъ безпорядокъ безъ кровопролитія, разогнавъ конными жандармами шествіе изъ церкви Паулиновъ, вышедшее съ факелами, со значками и пѣніемъ. Нѣсколько людей арестовано. Теперь все спокойно. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

16-го февраля.

15 (27) февраля большія народныя скопища показались въ разныхъ улицахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросали каменьями въ войска, наблюдающія за оными и одну роту, вышедшую въ Краковское предмѣстіе, забросали каменьями до того, что она дала залпъ изъ передняго взвода, для открытія себѣ пути. Убито, сколько по первымъ свѣдѣніямъ извѣстно, 6 человѣкъ и ранено 6 человѣкъ.—Вскорѣ послѣ сего толпы разошлись и съ наступленіемъ ночи спокойствіе возстановилось. Напряженіе умовъ въ городѣ большое и можетъ быть сегодня послѣдуютъ опять безпорядки. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

16-го февраля.

Предводители губерній, видя, что не имѣютъ вліяніе на помѣщиковъ, подали вчера утромъ въ отставку.—Волненіе въ городѣ особенно увеличилось послѣ выстрѣловъ роты, на которую бросали каменьями. Пальбу приказалъ Заболоцкой въ противность моихъ распоряженій, ибо я приказалъ войскамъ имѣть ружья не заряженныя. Я нарядилъ по сему происшествію слѣдствіе. Трепову велѣлъ сказаться больнымъ, ненависть, противъ него развившаяся, угрожаетъ убіеніемъ его на улицѣ. Теперь все спокойно, но ожидаю весьма большихъ безпорядковъ, испрашиваю разрѣшенія въ случаѣ крайности объявить городъ въ осадномъ положеніи. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

16-го февраля.

Съ нетерпѣніемъ жду какъ пройдетъ сегодняшній день. Увѣренъ, что вы примете всѣ нужныя мѣры для возстановленія должнаго порядка. Есть ли раненые въ войскахъ и замѣтно ли оружіе въ народѣ? Смотря по обстоятельствамъ доносите мнѣ утромъ и вечеромъ. Александръ.

16-го февраля.

Считаю отставку предводителей крайне неумѣстною и доказывающею ихъ малодушіе. Распоряженіе о Треповѣ не могу одобрить. Въ теперешнемъ обстоятельствѣ каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Объявленіе осаднаго положенія Варшавы предоставляю вашему усмотрѣнію. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

16-го февраля.

Сейчасъ представили мнѣ просьбу на высочайшее имя архіепископъ Фіалковскій съ 5-ю почетными лицами, имѣющими значеніе въ краю. Она заключается въ общихъ выраженіяхъ, крайне либеральныхъ, направленныхъ къ дарованію Царству различныхъ правъ. Податели объявили мнѣ, что представленіе сей просьбы на высочайшее воззрѣніе будетъ много способствовать къ успокоенію умовъ. Я отправляю ее сегодня ночью съ подробнымъ объясненіемъ. Теперь все спокойно. Князь Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

16-го февраля.

Если просьба Фіалковскаго дѣйствительно въ томъ смыслѣ, о которомъ вы упоминаете, то не слѣдовало ее принимать. Буду ожидать вашихъ объясненій. Во всякомъ случаѣ теперь не время на уступки и я ихъ не попущу. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

17-го февраля.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Фельдъегеря не могу успѣть отправить ранѣе вечера. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

17-го февраля.

Подтверждаю все сказанное вчера. Желаю знать, что было предлогомъ къ уличнымъ безпорядкамъ 15-го числа и кто были главные дѣятели? Прошеніе остановите, если оно еще не отправлено. Прошу дѣйствовать съ должнымъ спокойствіемъ и съ твердостію. Уступокъ никакихъ я не намѣренъ допускать.

Всѣ шифрованныя депеши адресуйте военному министру. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

18-го февраля.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Военному министру. 18-го февраля.

Прошеніе на высочайшее имя государю не представляю, а посылаю вамъ копію. О явномъ предлогѣ скопищъ 15-го февраля и о главныхъ дѣятеляхъ могу сказать только то, что это было дѣйствіемъ, вызваннымъ демократическою партіею. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

18-го февраля.

Объявите по предоставленной вамъ власти, что прошеніе, поданное на мое имя, за неприличіемъ и неумѣстностію заключающихся въ немъ желаній, вами возвращается.—Дайте знать по телеграфу имена 5 лицъ, представившихъ вамъ прошеніе съ Фіалковскимъ.—Безпорядки въ Варшавѣ имѣли ли отголосокъ въ провинціи? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 18-го февраля.

Положеніе въ Царствѣ столь важно, что кромѣ меня, необходимъ человѣкъ, имѣющій полное довѣріе Государя.—Прошу о присылкѣ.

Прошу отвѣта по телеграфу. Кн. Горчаковъ.

19-го февраля.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Военному министру. 19-го февраля.

Умоляю о высочайшемъ разрѣшеніи остановиться исполненіемъ даннаго мнѣ сего числа по телеграфу повелѣнія, до прибытія въ Петербургъ Карницкаго, котораго сегодня же отправляю курьеромъ.

Имена лицъ, представившихъ мнѣ съ Фіалковскимъ прошеніе: графъ Андрей Замойскій, графъ Малаховскій, граждане: Кроненбергъ и Шленкеръ. Безпорядковъ въ провинціи не было, но отголосокъ варшавскихъ весьма значителенъ. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

19-го февраля.

Вы имѣете полное мое довѣріе и потому не вижу причины посылать вамъ кого либо.—Если же вы желаете имѣть помощника по гражданской части, то назовите кого? Разрѣшаю васъ остановить исполненіе вчерашняго приказанія до прибытія сюда Карницкаго.

Не желаете ли вы имѣть при себѣ Хрулева? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

19-го февраля.

Глубоко благодарю В. В. за милостивую депешу. — Помощникъ по гражданской части и Хрулевъ, кажется, не нужны, но полезно бы было имѣть здѣсь, по выбору В. В., лицо со свѣжимъ взглядомъ. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

20-го февраля.

Прежде посылки особаго лица подожду пріѣзда Карницкаго. Предлогаю вамъ Платонова. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 20-го февраля.

Платоновъ крайне нуженъ въ Петербургѣ.—О другомъ лицѣ позвольте подумать. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

21-го февраля.

Курьера вашего получилъ. Прошеніе нахожу совершенно неумѣстнаго содержанія. Отвѣтъ дамъ по пріѣздѣ Карницкаго. Прикажите общее обезоруженіе по всему Царству.—Военному министру приказалъ ввести въ Царство гусарскую бригаду 1-й дивизіи и всю 2-ю пѣхотную дивизію.—Съ Дона командировать въ ваше распоряженіе 4 полка. Города Варшавы не оставлять ни подъ какимъ видомъ. Въ случаѣ нужды бомбардировать изъ цитадели. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 21-го февраля.

Посланная съ Карницкимъ въ проектѣ публикація, по волѣ Государя отъ моего имени, думаю необходима, не исключая и второй части.

Имена лицъ для отправленія въ Петербургъ вѣроятно придется отчасти измѣнить. Кн. Горчаковъ.

23-го февраля.

Рѣшеніе, по пріѣздѣ Карницкаго, прошу сообщить мнѣ по телеграфу—шифромъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

23-го февраля.

Карницкій прибылъ. Отвѣтъ дамъ завтра. Александръ.

24-го февраля.

Отвѣтъ мой вы получите чрезъ отправляемаго завтра вечеромъ адъютанта вашего Мейндорфа. На присылку депутаціи я рѣшительно не согласенъ, но о семъ не объявлять пока не получите мое письмо и офиціальный рескриптъ. Александръ.

25-го февраля.

Мейндорфъ отправленъ съ письмомъ моимъ и офиціальнымъ отвѣтнымъ рескриптомъ на поданное прошеніе. По объявленіи его кому слѣдуетъ, можете его публиковать въ газетахъ, такъ какъ прошеніе напечатано уже во всѣхъ заграничныхъ газетахъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 28-го февраля.

Дошло до моего свѣдѣнія, что варшавскій адвокатъ Маевскій отправился въ Петербургъ. Онъ членъ здѣшняго сельскаго общества и опасный человѣкъ. Надо за нимъ строго наблюдать. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

Военный министръ кн. Горчакову. 1-го марта.

Прошу увѣдомить прибылъ ли въ Варшаву Мейндорфъ и когда? Государь желаетъ это знать и отчего по сіе время не доносите. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 1-го марта.

Мейндорфъ прибылъ вчера. Чрезъ два часа отправляю шифрованную депешу. Кн. Горчаковъ.

1-го марта.

Рескриптъ прочитанъ пяти лицамъ, представившимъ прошеніе, и принятъ ими безъ всякихъ возраженій.—Тѣмъ кончилось это дѣло.

Прошу дозволенія не печатать рескрипта хотя нѣсколько дней.—Въ неизвѣстности еще въ публикѣ конфиденціальныхъ внушеній, о будущихъ улучшеніяхъ, онъ могъ бы произвести на первыхъ порахъ невыгодное впечатлѣніе, которое потомъ было бы трудно изгладить. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

2-го марта.

Требую, чтобы рескриптъ былъ напечатанъ въ газетахъ не медля. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Графу Адлербергу I-му. 1-го марта.

Прошу быть немедленно вытребованнымъ въ Петербургъ по телеграфу, для объясненія Государю Императору дѣла государственной важности. Св. Е. В. ген.-м. Гечевичъ.

Военному министру. 2-го марта.

Рескриптъ сейчасъ печатается во всѣхъ газетахъ. Я вчера еще, послѣ моей депеши, рѣшился его публиковать сегодня. Кн. Горчаковъ [1]).

2-го марта.

Полное дѣйствіе полиціи возстановлено уже 8 дней назадъ.—Делегація города не имѣетъ никакой офиціальной власти.—Патрулей отъ нея не выставляется.—Она только способствуетъ спокойствію города частными внушеніями гражданамъ и тому подобное. Кн. Горчаковъ.

3-го марта.

Необходимо поручить, временно, учебный варшавскій округъ тайному совѣтнику Лащинскому. Испрашиваю разрѣшенія на это. Кн. Горчаковъ.

---

[1]) Разсказываютъ, что по прочтеніи этой телеграммы—императоръ Александръ II выразился: «Ces tergiversations sont déplorables»!

Ред.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

3-го марта.

Мейндорфъ прибылъ вчера вечеромъ.—Послѣднія распоряженія ваши одобряю.—На главные вопросы вы уже получили мои отвѣты въ письмѣ съ Мейндорфомъ.—На передвиженіе войскъ согласенъ.—Доносите по телеграфу, объ отправленіи вашихъ курьеровъ и о прибытіи моихъ.—Карницкій воротится на днихъ, съ приготовительною работою объ улучшеніяхъ. Александръ.

3-го марта.

На назначеніе Лащинскаго согласенъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 3-го марта.

На всѣхъ умѣренныхъ рескриптъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Они стараются распространять успокоительные объономъ толки. Гечевичъ выѣхалъ вчера вечеромъ. Кн. Горчаковъ.

3-го марта.

Черезъ два дни отправляю проэктъ Вьелопольскаго съ моими замѣчаніями.—Прошу не утверждать проэктовъ секретаріата до пріѣзда моего курьера. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

3-го марта.

Весьма радъ хорошему впечатлѣнію, произведенному рескриптомъ. Работа, которою занимаются въ секретаріатѣ, во всякомъ случаѣ будетъ послана, прежде утвержденія, на ваше заключеніе. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

4-го марта.

Умѣренные продолжаютъ дѣйствовать на умы и можно надѣяться на успѣхъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

5-го марта.

Радъ, что умѣренные продолжаютъ успѣшно дѣйствовать на умы.—Сегодня здѣсь и въ Москвѣ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и все обошлось совершенно спокойно. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

5-го марта.

Въ 10 часовъ вечера отправляется мною фельдъегерь къ Государю. Кн. Горчаковъ.

6-го марта

Положеніе Варшавы то же, что третьяго дня.

Поздравляю съ благополучнымъ объявленіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

6-го марта.

Гечевичъ прибылъ утромъ. Письма ваши и личныя его объясненія подтверждаютъ во мнѣ еще болѣе мои прежнія убѣжденія. — Буду отвѣчать по пріѣздѣ слѣдующаго курьера. — Окончательный замѣнъ Трепова предоставляю вашему выбору.—Предлагаю для этого вашего адъютанта Мезенцова.—Упразднена ли городская делегація? Считаю мѣру эту необходимою, такъ какъ и запрещеніе всякихъ клубовъ или другихъ подобныхъ сборищъ.—Отвѣчайте по телеграфу. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

7-го марта.

Делегацію я, съ вчерашнимъ курьеромъ, испрашивалъ разрѣшенія на нѣкоторое время не упразднять, ибо въ настоящую минуту она полезна, не допуская демонстраціи. Дозвольте пріостановиться роспускомъ ее до полученія этого курьера.

Большія сборища бывали въ Варшавскомъ Ресурсѣ. — Съ вчерашняго дня сдѣлано распоряженіе, чтобы туда пускали только членовъ-посѣтителей по билетамъ, по уставу.—О другихъ сборищахъ приму мѣры.

Мезенцова я самъ хотѣлъ назначить на мѣсто Трепова, но во всѣ дни демонстрацій, я его посылалъ во всѣ мѣста, гдѣ происходили безпорядки, и съ тѣхъ поръ его вездѣ ненавидятъ, называя палачемъ. На дняхъ пріѣдетъ Кронинскій и полиція будетъ подъ его надзоромъ. Кн. Горчаковъ.

8-го марта.

Около какого числа можно ожидать пріѣзда сюда Карницкаго съ проэктами? Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

8-го марта.

Г. М. Гечевича отправляю обратно сегодня вечеромъ съ письмомъ, коего содержаніе ему неизвѣстно и на важность котораго обращаю особое ваше вниманіе. Требую, чтобы вы непремѣнно назначили оберъ-полиціймейстера.— Возраженія ваши на счетъ Мезенцова не считаю вовсе препятствіемъ къ его назначенію.—Предлагаю въ ваше распоряженіе ген.-ад. князя Урусова въ помощь или для временнаго замѣщенія Панютина, какъ человѣка съ энергіею и вамъ извѣстнаго. По полученіи ожидаемаго курьера буду опять вамъ писать. Александръ.

8-го марта.

Карницкаго отправлю, надѣюсь, на будущей недѣли, когда вашъ проектъ будетъ полученъ и разсмотрѣнъ мною совмѣстно съ подготовленною работою въ секретаріатѣ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

9-го марта.

Проэктъ маркиза Віелопольскаго отправляю сегодня съ чиновникомъ, который можетъ объяснить дѣло. О полиціймейстерѣ донесу особо. Урусова прошу прислать. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

9-го марта.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ.—Дальнѣйшее существованіе городской делегаціи признаю рѣшительно вреднымъ, и потому требую, чтобы она была упразднена не медля.

Правда ли, что собирается подписка для монумента надъ убитыми? Таковую не допускать и особаго монумента не дѣлать.

Сожалѣю, что проэктъ Віелопольскаго вы задержали, ибо этимъ теряется только время.—Работа секретаріата будетъ разсматриваться въ совѣтѣ министровъ, въ моемъ присутствіи, въ субботу, и на будущей недѣли пришлю ее съ Карницкимъ. Платоновъ здѣсь необходимъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

9-го марта.

Делегація завтра упраздняется. Пожертвованія для памятника дѣлаются нераздѣльно отъ пособія для семействъ убитыхъ и для раненыхъ. Сооруженія памятника не допущу.

Оберъ-полицiймейстеромъ назначаю полковника Развадовскаго [1]). Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

10-го марта.

Увольненiе Муханова считаю необходимымъ, не въ видѣ уступки, но для вашей собственной пользы.—Замѣщенiе его предоставляю вамъ.— Предлагаю временно Лащинскаго, но желательно русскаго, отдѣливши учебную часть, для которой предлагаю артиллерiи ген.-м. Крыжановскаго, человѣка образованнаго и совершенно надежнаго.—На назначенiе Развадовскаго согласенъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

11-го марта.

Мухановъ уволенъ.—Кѣмъ замѣщу, донесу вслѣдъ за симъ. Кн. Горчаковъ.

11-го марта.

Делегацiя упразднена.—8 лицъ изъ нея будутъ засѣдать для пользы города въ магистратѣ.

Умоляю прислать Платонова хотя дней на 8, съ проэктами — это въ высшей степени необходимо. — Временно его мѣсто могъ бы занять секретарь Жуковскiй [2]).

Прошу по телеграфу увѣдомленiя, что будетъ рѣшаемо на счетъ проэктовъ улучшенiй и въ особенности по проэкту Вiелопольскаго.

Весьма важно не медлить съ разсмотрѣнiемъ положенiя Вiелопольскаго объ управленiи учебнаго округа и дѣлъ духовныхъ.

Генерала Крыжановскаго прошу прислать сюда, онъ во всякомъ случаѣ будетъ полезно замѣщенъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

12-го марта.

Проэктъ Вiелопольскаго полученъ сегодня и будетъ разсматриваться совокупно завтра. Вечеромъ надѣюсь дать хотя предварительный отвѣтъ.— Кого назначили вы вмѣсто Муханова? Въ посылкѣ Крыжановскаго не вижу теперь нужды. Александръ.

---

[1]) Командиръ симбирскаго пѣхотнаго полка.

[2]) Статсъ-секретарь Степанъ Михайловичъ Жуковскiй † 1877 г.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

12-го марта.

Въ соображенія мои о назначеніи на два мѣста, которыя занималъ Мухановъ, входитъ и Гечевичъ. Донесу по его пріѣздѣ. Кн. Горчаковъ.

12-го марта.

Сейчасъ прибылъ Гечевичъ. Онъ былъ задержанъ на переправѣ въ Яновѣ 26 часовъ. Кн. Горчаковъ.

13-го марта.

11-го числа я отпустилъ Муханова за границу. — Первую станцію отсюда онъ проѣхалъ въ каретѣ, а дальнѣйшія по желѣзной дорогѣ, особымъ поѣздомъ въ 9 часовъ вечера. На Варшавской станціи вдругъ сбѣжалось весьма много людей. Не находя его, много кричали, разбили нѣсколько стеколъ поѣзда и немедленно разошлись. Почти на всѣхъ другихъ станціяхъ его встрѣчали свистками. По этому происшествію наряжаю слѣдствіе. Прикажите ли Муханову пріѣхать теперь въ Петербургъ? О назначеніи лица для завѣдыванія коммиссіею внутреннихъ дѣлъ донесу вслѣдъ за симъ.

Буду дѣйствовать по смыслу письма 8-го марта. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

13-го марта.

Проэктъ Віелопольскаго не могу принять во всей его полнотѣ. Телеграма кн. Горчакова (канцлера) объяснитъ вамъ въ чемъ заключаются измѣненія.— На основаніи принятыхъ началъ будетъ составленъ указъ, который подпишу и отправлю къ вамъ завтра или въ среду съ Платоновымъ и Карницкимъ. Въ случаѣ новыхъ безпорядковъ надѣюсь на энергическія мѣры съ вашей стороны. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

14-го марта.

Вчера вечеромъ внезапно толпа собралась противъ театра, вышибла нѣсколько стеколъ въ квартирѣ у генерала Абрамовича, потомъ на квартирѣ у д. с. с. Эноха и немедленно разсѣялась.

Не представлялось надобности прибѣгать къ военной силѣ.

О назначеніи на мѣсто Муханова донесу сегодня. Кн. Горчаковъ.

14-го марта.

Необходимо завтра же публиковать отъ меня учрежденіе правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и назначеніе главнымъ директоромъ оной Віелопольскаго, а также опубликовать завтра сокращенную програму милостей. Испрашиваю на это разрѣшенія. Гечевича я назначилъ временно въ коммисію внутреннихъ дѣлъ. Лащинскій мало надеженъ. Мѣры взяты для укрощенія безпорядковъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

14-го марта.

Возобновленіе безпорядковъ, подобныхъ тому, что было въ субботу и въ понедѣльникъ, не должны быть допускаемы. Отправляю сегодня вечеромъ зятя вашего Мейндорфа съ письмомъ.—Платоновъ поѣдетъ завтра съ указомъ.—Муханову прикажите явиться сюда. Александръ.

14-го марта.

На испрашиваемыя вами публикаціи согласенъ, равно и на назначеніе Віелопольскаго и Гечевича. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

16-го марта.

Извѣщеніе о дарованныхъ милостяхъ произвело хорошее впечатлѣніе на умѣренныхъ. Какое же вліяніе оно произведетъ на прочихъ, можно будетъ видѣть не прежде, какъ чрезъ нѣсколько дней. Кн. Горчаковъ.

17-го марта.

Извѣщеніе о царскихъ милостяхъ продолжаетъ распространять самое хорошее впечатлѣніе. Вступленіе Віелопольскаго въ должность то же произведетъ хорошее дѣйствіе. Кн. Горчаковъ.

Военному министру. 17-го марта.

Генералъ-лейтенантъ Вагнеръ, состоя по запаснымъ войскамъ, находится въ вашемъ распоряженіи. Имѣю необходимость назначить его временно къ должности, гдѣ долженъ быть военный генералъ; прошу увѣдомить могу-ли распорядиться имъ? Кн. Горчаковъ.

17-го марта.

Сейчасъ прибылъ Мейендорфъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

Сухозанетъ кн. Горчакову 18-го марта.

Въ числѣ генераловъ, собственноручно Государемъ, ген.-лейт. Вагнеръ отмѣченъ: «уволить отъ службы». Это не помѣшаетъ передоложить. Но не могу не выразить моего сомнѣнія о возможности употребить его въ серьезную административную должность. Ожидаю отвѣта. Сухозанетъ.

По справкѣ за подписью ген.-ад. Герштенцвейга: г.-л. Вагнеръ офицеромъ съ 1819.—Генераломъ съ 1848 г.—въ настоящемъ чинѣ съ 20-го окт. 1855 г.—Былъ нач. 13-й пѣх. дивизіи и въ слѣдствіи просьбы его о предоставленіи ему другаго мѣста, по ходатайству главнокомандующаго кавк. арміею 26-го янв. 1860 г. отчисленъ отъ должности, въ запасныя войска.—Государь Императоръ на общемъ спискѣ о генералахъ, числящихся въ запасныхъ войскахъ, изволилъ, противу ген. Вагнера, собственноручно написать «уволить» отъ службы.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

18-го марта.

Хорошее впечатлѣніе по случаю милостей, государемъ дарованныхъ, продолжаетъ распространяться. Кн. Горчаковъ.

18-го марта.

Предполагаю, въ случаѣ надобности, испросить высочайшее разрѣшеніе возстановить на нѣкоторое время военныхъ начальниковъ въ губерніяхъ.

На занятіе подобнаго мѣста нахожу генерала Вагнера способнымъ. Кн. Горчаковъ.

18-го марта.

Сейчасъ прибыли Платоновъ и Карницкій. Кн. Горчаковъ.

19-го марта.

Высочайшія милости продолжаютъ благотворное свое дѣйствіе. Кн. Горчаковъ.

20 го марта.

Указъ прочтенъ въ совѣтѣ управленія и опубликованъ. Первое впечатлѣніе хорошо. Для подробнѣйшаго отчета отправляю курьера дня черезъ два. Кн. Горчаковъ.

21-го марта.

Хорошее впечатлѣніе указа продолжаетъ распространяться. Впрочемъ теперь еще нельзя судить о степени непосредственнаго вліянія его на умы всѣхъ классовъ въ Варшавѣ. Кн. Горчаковъ.

22-го марта.

Хорошее впечатлѣніе указа замѣчательно продолжается. Вечеромъ отправляю курьера съ отчетомъ о важныхъ распоряженіяхъ, о коихъ донесу также по телеграфу.

Мухановъ выѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ. Кн. Горчаковъ.

22-го марта.

Обывательское отдѣленіе при магистратѣ упразднено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полицейское дѣйствіе его. На счетъ ресурса публиковано, что не взирая на право его впускать постороннихъ посѣтителей, таковые, впредь до повелѣнія, не будутъ впускаемы. Кн. Горчаковъ.

Военному министру. 22-го марта.

Сейчасъ отправленъ фельдъегеръ съ донесеніемъ въ Петербургъ. Кн. Горчаковъ.

22-го марта.

Кретковскій прибылъ сегодня вечеромъ. Кн. Горчаковъ.

23-го марта.

Држевецкій при настоящихъ обстоятельствахъ слишкомъ слабъ. Необходимо энергическаго директора юстиціи. Испрашиваю разрѣшенія назначить теперь же исправляющимъ эту должность оберъ-прокурора 9-го департамента Воловскаго.

Онъ не подписалъ адреса. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

23-го марта.

На назначеніе Воловскаго согласенъ.—Необходимо обратить самое бдительное вниманіе на частную телеграфическую корреспонденцію какъ съ Россіею, такъ и съ за границею. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

25-го марта.

Постановленіемъ совѣта управленія отъ сего числа, земледѣльческое общество Царства Польскаго упразднено, о чемъ и публикуется въ газетахъ. Кн. Горчаковъ.

26 го марта.

Люблинскій губернаторъ Мацкевичъ отъѣхалъ безъ разрѣшенія въ Варшаву. Въ настоящихъ обстоятельствахъ нуженъ примѣръ. Испрашиваю дозволенія отставить его отъ службы. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

26-го марта.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ. — Всѣ послѣднія энергическія распоряженія я вполнѣ одобряю, какъ совершенно согласныя съ тѣмъ, что я всегда желалъ.—Губернатора Мацкевича для примѣра отставить отъ службы.—Кто его замѣнитъ?—Крыжановскаго отправляю къ вамъ въ концѣ недѣли, а курьера во вторникъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру, 27-го марта.

Вчера была большая манифестація въ честь упраздненнаго земледѣльческаго общества. Я вывелъ войска. Толпа долго стояла по улицамъ и разошлась. Дѣло обошлось безъ кровопролитія. Подробности съ курьеромъ, котораго отправлю завтра вечеромъ. Кн. Горчаковъ.

Е. И. В-ву. 27-го марта.

На мѣсто Мацкевича временно назначаю прокурора люблинскаго гражданскаго трибунала Бодушинскаго. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

28-го марта.

Вчера снова противъ замка собралось скопище. Оно разогнано оружіемъ и бой нѣсколько разъ возобновлялся. Жителей убито около десяти, раненыхъ столько же. Взято упорныхъ до 45 человѣкъ. Нашихъ убито 5 человѣкъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

23-го марта.

Вчерашніе безпорядки меня не удивляютъ, ибо мы ихъ ожидали. Надѣюсь, что порядокъ будетъ возстановленъ энергическими мѣрами безъ всякихъ уступокъ. Если они будутъ возобновляться, городъ объявить въ осадномъ положеніи.—Въ числѣ убитыхъ есть ли офицеры, а между арестованными кто нибудь изъ важныхъ зачинщиковъ?—Ресурсъ необходимо закрыть.—Курьера отправляю вечеромъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 28-го марта.

По сіе время въ городѣ спокойно. Народъ очень раздраженъ, и еще болѣе испуганъ. Публикую новое положеніе противъ скопищъ.—Осаднаго положенія не объявляю, держу его послѣднею угрозою, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ оно существуетъ. Курьера отправляю завтра вечеромъ. Кн. Горчаковъ.

28-го марта.

Изъ офицеровъ никто не убитъ, и между арестованными нѣтъ главныхъ зачинщиковъ, но есть нахалы. Ресурсъ самъ закрылся и останется закрытымъ. Кн. Горчаковъ.

29-го марта.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Военному министру. 29-го марта.

Фельдъегерь выѣхалъ сегодня вечеромъ. Кн. Горчаковъ.

31-го марта.

Фельдъегерь прибылъ сегодня утромъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

1-го апрѣля.

Фельдъегерь вашъ прибылъ сего утра въ 8 часовъ, успѣвъ 31-го марта къ отправленію поѣзда изъ Динабурга къ 2 ч. 20 м. по полудни.

Нужно и впредь отправлять вашихъ фельдъегерей съ такимъ разсчетомъ, дабы они могли быть обезпечены прибытіемъ своимъ въ Динабургъ прежде 2-хъ ч. по полудни. Сухозанетъ.

1-го апрѣля.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ.—Дай Богъ, чтобы урокъ, данный варшавскому населенію 27-го марта, отбилъ охоту отъ подобныхъ сборищъ.—Требую, чтобы при первомъ возобновленіи оныхъ осадное положеніе было объявлено какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціи. Присылайте подробныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходитъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ употреблено войско, доносить обстоятельно чрезъ военнаго министра.—Какимъ оружіемъ были убитые и раненые въ Варшавѣ?—Буду писать завтра съ вѣнскимъ курьеромъ.—Крыжановскій отправится во вторникъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 2-го апрѣля.

Немедленно послѣ необходимости разсыпать новое сборище оружіемъ, городъ будетъ объявленъ въ осадномъ, а край въ военномъ положеніи.—Но я сего скоро не предвижу, ибо здѣсь все замѣтно успокояется.

Съ первымъ курьеромъ пришлю описаніе происшествій въ провинціяхъ, гдѣ не доходило до необходимости прибѣгать къ оружію.

Люди въ Варшавѣ были убиты только ружьями и всего выпущено 450 патроновъ. Къ дѣйствію пушекъ не прибѣгали. Кн. Горчаковъ.

Е. И. В-ву. 3-го апрѣля.

Одинъ казакъ убитъ каменьями; одинъ солдатъ, полагавшійся убитымъ, найденъ въ госпиталѣ только сильно раненымъ каменьями. Четырнадцать солдатъ ранены каменьями и палками со свинцовыми приливами. 19 (солдатъ) легко контужены каменьями. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

4-го апрѣля.

Всѣмъ чиновникамъ въ Царствѣ, которые въ слѣдствіе теперешнихъ обстоятельствъ будутъ просить увольненія отъ службы или по неблагонадежности будутъ увольняемы отъ оной, не выдавать эмеритальной пенсіи впредь до повелѣнія; о чемъ публиковать въ видѣ предостереженія. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

[Военному министру]. 7-го апрѣля.

Сегодня нездоровъ. Курьера отправлю только завтра. Здѣсь все благополучно. Кн. Горчаковъ.

9-го апрѣля.

Прошу доложить государю, что всѣ делегаціи отъ граждан, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царства учредившіяся, уже упразднены, и охраненіе общей безопасности поручено мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, при содѣйствіи въ случаѣ надобности военной силы. Кн. Горчаковъ.

9-го апрѣля.

Крыжановскій прибылъ сегодня утромъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

11-го апрѣля.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ.
Всѣ распоряженія ваши одобряю.
Буду писать завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

15-го апрѣля.

Не можете ли мнѣ прислать весьма бойкаго аудитора, для слѣдственной коммисіи цитадели. Въ такомъ—крайняя необходимость. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

16-го апрѣля.

На дняхъ будетъ посланъ къ вамъ оберъ-аудиторъ Ахшарумовъ [1]).
Кн. Урусовъ прибылъ сегодня утромъ. Воен. министръ Сухозанетъ.

---

[1]) Колл. асс. Ахшарумовъ (Иванъ Дмитр.), по замѣткѣ военнаго министра: „женатъ, около 30 лѣтъ, православный, изъ кандидатовъ петербургскаго университета“.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

17-го апрѣля.

Долженъ ли я теперь же объявить Панютину его удаленіе и могу ли до отвѣта Ламберта поручить временно должность генералъ-губернатора—Мерхилевичу?

Урусова, Хрулева или Куцынскаго, не считаю для сего способными. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

17-го апрѣля.

Панютину можете объявить теперь же.—На временное назначеніе Мерхилевича согласенъ.

Курьеръ вашъ прибылъ вчера утромъ.—Буду отвѣчать завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

18-го апрѣля.

Здѣсь все спокойно.—Курьера отправлю вѣроятно не прежде, какъ черезъ два дня съ проэктомъ объ устройствѣ крестьянъ, надъ коимъ много работаемъ.

Панютинъ желаетъ быть при Государѣ. Временно поручу его должность Мерхилевичу.

Дай Богъ, чтобы Ламбертъ согласился, лучшаго выбора нельзя бы и желать. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

27-го апрѣля.

Курьеръ вашъ прибылъ вчера вечеромъ. Утвержденіе указа по крестьянскому дѣлу отложилъ до присылки мнѣнія Гечевича, чѣмъ прошу поспѣшить. Отвѣчать буду по полученіи отвѣта графа Ламберта, ожидаемаго черезъ два дня. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

30-го апрѣля.

Сейчасъ выѣзжаетъ фельдъегерь въ Петербургъ. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

1-го мая.

Отвѣтъ по вашимъ донесеніямъ будетъ отправленъ по прибытіи фельдъегеря, выѣхавшаго изъ Варшавы вчера. Воен. министръ Сухозанетъ.

3-го мая.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ.—Указъ по крестьянскому дѣлу будетъ окончательно утвержденъ завтра и отправленъ къ вамъ въ пятницу.—Рѣшительный отвѣтъ отъ графа Ламберта еще не полученъ, ожидаю его черезъ недѣлю. Александръ.

3-го мая ген.-ад. Сухозанетъ телеграфировалъ кн. Горчакову, что 12-го мая Государь отъѣзжаетъ въ Москву и что желательно бы было, если только возможно, чтобы Платоновъ прибылъ до отъѣзда. Вслѣдствіе сего, на вопросъ кн. Горчакова, сколько дней Государь полагаетъ быть въ Москвѣ?—Его Величество приказалъ отвѣчать: до 9 (21) іюня 1861 г.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

5-го мая.

Платоновъ выѣзжаетъ сегодня ночью.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

6-го мая.

Фельдъегерь Брешъ отправляется въ Варшаву въ 2 часа по полудни. Воен. министръ Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

7-го мая.

Прошу передать Платонову: форма присяги: я нижепоименованный обѣщаю и клянусь въ томъ, что обязанности члена...... закономъ опредѣленныя, буду исполнять добросовѣстно и такъ всегда и вездѣ поступать буду, какъ вѣрному и честному Его Императорско-Царскаго Величества Г. И. Александра II-го подданному пристойно.—Религіозныя выраженія по вѣроисповѣданію. Кн. Горчаковъ.

9-го мая.

Фельдъегерь прибылъ сегодня ночью. Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

9-го мая.

Платоновъ прибылъ.—Проекты будутъ разсматриваться въ моемъ присутствіи въ совѣтѣ министровъ.—Отложилъ для этого отъѣздъ въ Москву до 17 (29) числа. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

10-го мая.

Ермоловъ не умѣетъ вести дѣла слѣдственной коммисіи надъ злоумышленниками. Спрашиваю дозволеніе поручить председательство оной прибывшему наконецъ ко мнѣ полковнику фонъ-Чуди [1]). Кн. Горчаковъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

14-го мая.

Исправляющему должность варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Генер.-ад. Мерхилевичу.

Высочайше повелѣно по болѣзни намѣстника вступить вамъ въ управленіе гражданскою частію и предсѣдательство въ совѣтѣ управленія Царства, впредь до прибытія отправляемаго 16-го числа военнаго министра. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 14-го мая.

Фельдъегерь сейчасъ выѣзжаетъ; повелѣніе о вашемъ выѣздѣ сюда князю передать доктора не позволили. Когда и гдѣ прикажите васъ ожидать. Не прикажите ли остановить по телеграфу фельдъегеря въ Динабургѣ, для врученія вамъ важныхъ бумагъ? Крыжановскій.

---

[1]) Это было высочайше разрѣшено. Ред.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

15-го мая. Кн. М. Д. Горчакову.

Въ слѣдствіе вашего желанія, посылаю военнаго министра, для временнаго вашего замѣщенія.—Онъ отправляется 17 (29) числа.—Молю Бога о скоромъ вашемъ выздоровленіи. Александръ.

Сухозанетъ—Крыжановскому. 15-го мая.

Я дождусь здѣсь фельдъегеря вашего до 17-го числа утра и проводивъ Государя нѣсколько станцій къ Москвѣ, возвращусь въ Царское Село, и въ тотъ же день въ $2^1/_2$ часа по полудни отправлюсь въ Варшаву, куда надѣюсь прибыть 19-го въ ночь. Никакой встрѣчи мнѣ не дѣлать; передовой мой фельдъегерь пріѣдетъ за сутки впередъ. Воен. министръ Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

15-го мая.

Въ Варшавѣ замѣтно начинающееся волненіе.

На четвергъ, а можетъ быть и среду приготовляется демонстрація.

Полагаю завтра объявить съ барабаннымъ боемъ, что первый выстрѣлъ въ цитадели, означающій тревогу, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіемъ города въ военномъ положеніи.—Прошу повелѣній. Крыжановскій.

Согласно Высочайшему по сему поводу повелѣнію, военный министръ послалъ 15 мая въ 11 ч. 25 м. вечера телеграмму генералу Крыжановскому о томъ, что выс. разрѣшено г.-а. Мерхелевичу сдѣлать объявленіе согласно тому, что испрашивалось.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

16-го мая.

Умы взволнованы.—Сегодня были столкновенія съ полиціею въ Черняковѣ и на Лешнѣ.—На дняхъ можно ожидать что нибудь серіознѣе.—Прошу повелѣнія сдѣлать отъ г.-а. Мерхилевича объявленіе о томъ, что первый выстрѣлъ тревоги будетъ объявленіемъ военнаго положенія. Крыжановскій.

16-го мая.

Сегодня утромъ объявлено князю (М. Д. Горчакову) о вашемъ прибытіи, чему онъ крайне радъ. — Нельзя было сказать прежде по приказанію докторовъ. Крыжановскій.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

16-го мая. Кн. Горчакову.

Новыя положенія для Царства были разсмотрѣны въ совѣтѣ министровъ и окончательно утверждены мною вчера.—Искренно благодарю васъ за эту добросовѣстную работу.—Военный министръ отправляется завтра.—Платонова пришлю коль скоро исполнительная работа будетъ здѣсь окончена.—На заграничный вашъ отпускъ согласенъ.—Дай Богъ, чтобы онъ принесъ вамъ пользу. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

16-го мая.

Объявленіе по городу сдѣлано съ напоминаніемъ предписанныхъ мѣръ для укрощенія безпорядковъ, но безъ упоминанія объ осадномъ положеніи по уговору Віелопольскаго. День прошелъ спокойно. Крыжановскій.

II.

Болѣзнь, кончина и погребеніе тѣла главнокомандующаго 1-ю арміею ген.-ад. князя М. Д. Горчакова.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

Военному министру. 13-го мая.

Князь Горчаковъ заболѣлъ сегодня въ полдень серьезно. Медики говорятъ, что явной опасности нѣтъ. Во избѣжаніе толковъ, могущихъ быть отъ частныхъ депешъ, спѣшу объ этомъ донести; въ 10 часовъ вечера донесу опять. Крыжановскій.

14-го мая.

Князю не лучше, но и не хуже; лѣкарства не дѣйствуютъ.

Князь упалъ духомъ и говоритъ о смерти. Очень страдаетъ.—Заниматься дѣлами не можетъ. Крыжановскій.

14-го мая, 11 ч. 45 м. утра.

Князь очень слабъ и далъ мнѣ приказаніе командовать арміею. Доктора опасности не видятъ; ночь была не хороша. Крыжановскій.

14-го мая, вечеромъ.

Князю немного лучше, спокойнѣе, но очень слабъ.

Доктора написали, что для поправленія нужно отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль. Крыжановскій.

15-го мая, утромъ.

Ночь провелъ въ сильныхъ припадкахъ одышки, временемъ успокоивался въ креслахъ; силы по прежнему очень слабы. Крыжановскій.

15-го мая, 12 ч. 21 м. по полудни.

Сегодня состояніе больнаго не улучшилось, тоска увеличилась, дыханіе болѣе затруднительно и ослабленіе большое. Крыжановскій.

15-го мая, вечеръ.

Больной провелъ день спокойнѣе прошедшей ночи, дыханіе нѣсколько легче. Крыжановскій.

Ген.-ад. гр. Адлербергу 2. 17-го мая.

Ночью сильные приступы одышки съ обмороками. Крайнее истощеніе силъ. Безсонница. Крыжановскій.

17-го мая.

Кн. Горчаковъ провелъ день довольно спокойно, дыханіе менѣе затруднительно, сна по прежнему нѣтъ; въ городѣ спокойно. Крыжановскій.

18-го мая.

Безсонница продолжается, но ночь спокойнѣе. Одышка не такъ сильна; упадокъ силъ прежній.

18-го мая, 1 ч. 52 м. по полудни.

Князя Горчакова не стало. Умеръ въ полдень спокойно. Крыжановскій.

18-го мая.

Можно ли тѣло кн. Горчакова оставить въ Бельведерѣ или надобно перевезти въ замокъ? Какія почести воздавать тѣлу? Крыжановскій.

Изъ Москвы въ Варшаву.

18-го мая, 5 ч. по полудни.

По Высочайшему повелѣнію ген.-маіору Крыжановскому.

Тѣло кн. Горчакова можетъ оставаться въ Бельведерѣ. Почести до погребенія должны быть по чину, согласно уставу.

О почестяхъ же при погребеніи повелѣнія переданы лично военному министру, который выѣхалъ изъ С.-Петербурга вчера 2 ч. по полудни. Гр. Адлербергъ 2.

Изъ Варшавы въ Москву.

18-го мая.

Княгиня Горчакова проситъ перенести тѣло покойнаго князя въ церковь Лазенковскаго дворца—прошу повелѣнія. Крыжановскій.

Согласно депеши гр. Адлерберга Высочайше разрѣшено.

Г.-а. гр. Адлербергу, 18-го мая.

Сегодня вечеромъ посылаю курьера въ Москву съ письмомъ кн. Горчакова къ Государю Императору, найденнымъ послѣ смерти князя; въ письмѣ томъ князь проситъ между прочимъ разрѣшенія быть похороненнымъ на сѣверной сторонѣ Севастополя. Княгиня проситъ увѣдомить ее по телеграфу о Высочайшей волѣ по сему предмету. Крыжановскій.

Изъ Москвы въ Варшаву.

18-го мая.

Е. В. съ удовольствіемъ разрѣшаетъ погребеніе тѣла кн. Горчакова на сѣверной сторонѣ Севастополя. Военныя же почести должны быть отданы согласно переданному военному министру приказанію, въ Варшавѣ, т. е. полкъ пѣхоты, полкъ кавалеріи и батарея должны провожать отъ Бельведера до заставы и тамъ отдать послѣднюю почесть. Гр. Адлербергъ 2.

19-го мая.

Высочайше повелѣно по случаю кончины кн. Горчакова всѣмъ чинамъ 1-й арміи наложить трауръ на три дня. Гр. Адлербергъ.

Изъ Варшавы въ Москву.

Гр. Адлербергу 2 20-го мая.

По кончинѣ фельдмаршала кн. Варшавскаго Высочайшимъ повелѣніемъ опредѣленъ былъ 6-ти недѣльный трауръ полкамъ имени покойнаго. Испрашиваю повелѣній относительно траура Брянскаго полка, при чемъ осмѣливаюсь припомнить о гвардейской батареи ген.-ад. князя Горчакова. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Москвы въ Варшаву.

20-го мая. По высочайшему повелѣнію.

Для фельдмаршала кн. Варшавскаго было сдѣлано исключеніе, такъ какъ ему при жизни отдавались войсками Царскія почести. По кончинѣ другихъ фельдмаршаловъ и главнокомандующихъ, полки ихъ не носили особаго траура. Поэтому и теперь Брянскому полку особаго траура не носить. О гвардейской батареи уже отдано въ приказѣ: она не сохраняетъ имени кн. Горчакова. Гр. Адлербергъ.

21-го мая послѣдовали высочайшія повелѣнія Брянскому полку кн. Горчакова и батарейной № 2-й батареи л.-гв. 1-й арт., бригады наложить трауръ на девять дней.

Изъ Варшавы въ Москву.

23-го мая.

Вывозъ тѣла г.-а. кн. Горчакова имѣетъ послѣдовать 27-го, прибудетъ въ Вѣну 28-го, въ Галацѣ или въ устьѣ Дуная 30-го. Испрашиваю повелѣнія выслать къ сказанному мѣсту и числу пароходъ для принятія останковъ и семейства покойнаго и доставленія оныхъ въ Севастополь. Г.-а. Сухозанетъ.

«По телеграфу предписано ген.-адмиралу исполнить и увѣдомленъ о томъ г.-а. Сухозанетъ». Москва, 24 мая 1861 года.

Г.-а. гр. Адлербергу 1. 24 го мая.

Испрашиваю высочайшее разрѣшеніе дозволить сопровождать въ Севастополь тѣло покойнаго г.-а. кн. Горчакова состоявшему при немъ подполковнику Мезенцову и адъютантамъ: бар. Мейендорфу, кн. Голицыну, Ладомирскому и кн. Урусову, фельдъегерю Ланге, съ тѣмъ чтобы послѣдній сопровождалъ княгиню Горчакову до Москвы, потомъ возвратился въ Варшаву. Дозволить послѣ погребенія тѣла въ Севастополѣ отправиться въ отпускъ въ Россію и за границу Мезенцову на 11 мѣсяцевъ, съ отчисленіемъ отъ должности, барону Мейендорфу на 4 и Ладомирскому на 3 мѣсяца. Г.-а. Сухозанетъ.

25-го мая государь императоръ разрѣшилъ по телеграфу представленіе, сдѣланное военнымъ министромъ 24-го мая.

Изъ Москвы.

25-го мая.

В. Кн. Генералъ-Адмиралу.

Государю угодно, чтобы для отданія послѣдней чести покойному кн. Горчакову при погребеніи тѣла его на сѣверной сторонѣ Севастополя находились (кромѣ пѣхотнаго полка) и военныя суда въ ближайшей къ мѣсту погребенію бухтѣ. Г.-а. гр. Адлербергъ 1.

25-го мая.

Командующему 5-мъ армейскимъ корпусомъ.

Высочайше повелѣно собрать въ Севастополь ближайшій пѣхотный полкъ для отданія послѣдней чести покойному кн. Горчакову, тѣло коего на первыхъ дняхъ наступающаго іюня будетъ привезено въ Севастополь для преданія землѣ на сѣверной сторонѣ. Г.-а. гр. Адлербергъ 1.

Г.-а. гр. Адлербергу 1.

26-го мая.

Въ Севастополѣ два баталіона Брестскій и Бѣлостокскій, отправляются туда виленскія стрѣлковыя роты изъ Карасу-Базара—другія части по отдаленности не могутъ прійти во время.

Командующаго корпусомъ нѣтъ, уѣхалъ инспектировать. Почтительнѣйше испрашиваю приказанія: слѣдуетъ ли отправить отсюда пароходомъ, музыку здѣшняго полка. Нач. штаба Мещериновъ.

Примѣч. По телеграфу дано было знать объ отправленіи музыки.

Изъ Варшавы въ Москву.

Е. И. В. 27 го мая.

Тѣло кн. Горчакова съ должными воинскими почестями перенесено было сегодня изъ Лазенковской церкви на станцію вѣнской желѣзной дороги; въ часъ пополудни поѣздъ отправился; съ нимъ все семейство князя, его адъютанты, 6 линейцевъ и 40 челов. пѣхоты, все это подъ командою г.-м. Сталя ф. Гольштейна. Въ Скерневицахъ, Пеотровкѣ, Ченстоховѣ и Границѣ выставлены почетные караулы; въ этихъ мѣстахъ поѣздъ останавливается. Въ Шаковѣ Сталь сдастъ тѣло наряженному отъ австрійскаго правительства краковскому коменданту; онъ встрѣтитъ тѣло съ отрядомъ полка короля Ганноверскаго. Въ продолженіи церемоніи въ Варшавѣ все было спокойно и достойно печальному событію. Г.-а. Сухозанетъ.

25-го мая. Г. а. графу Адлербергу 2.

Ламбертъ выѣхалъ 23-го утромъ, прибудетъ въ Петербургъ не ранѣе 26-го вечера, или 27-го утра, думалъ пробыть тамъ не менѣе двухъ и даже трехъ дней. Ген.-ад. Крыжановскій.

Е. И. В. въ Москву. 26-го мая.

Вчера послѣдній день совершаемыхъ процессій Божьяго тѣла при весьма значительномъ стеченіи народа до 20,000 человѣкъ на улицѣ Лишной и до 8,000 чел. на Сольцѣ, все происходило съ желаемымъ порядкомъ, благочиніемъ и спокойствіемъ, о чемъ в. и. в. имѣю счастіе всеподданнѣйше донести. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Москвы въ Варшаву.

Г.-а. Сухозанету. 26-го мая.

Указы по новымъ учрежденiямъ для Царства подписаны третьяго дня. Платонова задержу до прибытiя гр. Ламберта. Тучковъ рѣшительно отказывается отъ Варшавы [1]) и потому нахожусь въ крайнемъ затрудненiи кого назначить. Александръ.

Изъ Варшавы въ Москву.

Е. И. В въ Москву. 27-го мая.

Имѣю счастiе донести, что вчерашнiй день по городу было спокойно, сегодня утромъ отпѣванiе и въ часъ пополудни отъѣздъ тѣла и семейства покойнаго кн. Горчакова въ Вѣну. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Е. И. В. 27-го мая, въ Москву,

Телеграмма отъ 26 числа въ 3 часа пополудни получилъ 27-го утромъ въ 9 часовъ.

Умоляю не спѣшить окончательнымъ рѣшенiемъ; продолженiе временнаго управленiя безъ вреда для дѣлъ обнаружитъ буду ли я возможенъ. Остаюсь при убѣжденiи, что въ прежнемъ мѣстѣ служенiя я былъ бы вамъ больше полезенъ, но какъ вѣрноподданный и преданный долгу, не поставлю Государя моего въ затрудненiе, если въ окончательномъ назначенiи меня вынуждены будете крайностiю. Но Государь, для успѣха необходима увѣренность всѣхъ насъ и каждаго, въ неограниченной во всѣхъ случаяхъ довѣренности вашего величества. Ламбертъ объяснитъ вамъ лично дѣйствительное положенiе края, и доложитъ о признаваемой нами единственно возможной системѣ дѣйствiя и о тѣхъ личностяхъ, кои во всякомъ случаѣ здѣсь необходимы. Ген.-ад. Сухозанетъ.

---

[1]) Весьма замѣчательное всеподданнѣйшее письмо ген.-адъют. Павла Алексѣевича Тучкова, заключающее въ себѣ—отказъ его отъ предлогавшагося ему поста намѣстника въ Варшавѣ, см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1881 г., кн ноябрь, томъ XXXII, (ноябрь), стр. 517. Ред.

Изъ Москвы въ Варшаву.

27-го мая. Г.-а. Сухозанету.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня. Слава Богу, что все спокойно. О пенсіяхъ княгини Горчаковой и ея дочерямъ вы получите увѣдомленіе. Ламберта жду послѣ завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Москву.

Е. И. В. 29-го мая.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день по городу все было спокойно. Въ Саксонскомъ саду было довольно много публики при совершенномъ сохраненіи приличнаго порядка. Въ Лазенковскомъ саду въ первый разъ играла музыка; съ наступающей недѣли полагаю начать и нерѣдко театральныя представленія.

Фельдъегерь Вейсманъ прибылъ вчера въ 4 часа и сего утра отправленъ въ Вѣну къ княгинѣ Горчаковой. Г.-а. Сухозанетъ.

30-го мая.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день по городу было спокойно. Въ костелѣ св. Креста была отслужена панихида по Лелевелю. Г.-ад. Сухозанетъ.

31-го мая.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Вчера въ Сувалкахъ произошли безпорядки, по случаю арестованія военною силою, безъ употребленія оружія, нѣсколькихъ лицъ. Отправляю ген.-ад. Рудановскаго для изслѣдованія и возстановленія порядка, учреждая и тамъ военнаго начальника. Г.-а. Сухозанетъ.

Примѣчаніе. Напечатанная выше переписка по телеграфу получена нами въ копіи изъ бумагъ кн. М. Д. Горчакова—частью отъ П. А. Муханова въ 1871 году, частью отъ генер.-адъют. А. А. Баранцова, который, независимо отъ сего, сообщилъ намъ, также изъ бумагъ кн. Мих. Дмитріевича Горчакова. копію обширной его переписки съ кн. А. С. Меншиковымъ—въ эпоху обороны

Севастополя 1854—1855 гг. (см. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII. стр. 174 и 293); копію съ громадной переписки кн. Горчакова съ фельдмаршаломъ кн. И. Θ. Паскевичемъ (1832—1852 гг.), копію съ писемъ кн. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову во время войны 1853—1855 гг. (см. „Русская Старина" изд. 1876 г., томъ XV, стр. 163, 388 и 659) и проч.

Напечатанная выше переписка императора Александра II съ кн. М. Д. Горчаковымъ—представляется не только весьма важнымъ матеріаломъ для исторіи послѣдней польской смуты, но она важна и въ томъ отношеніи, что бросаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на отношенія въ Бозѣ почившаго Государя къ мятежу Варшавскому въ 1861 году. Въ самомъ дѣлѣ, документы эти въ высшей степени краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ достоинствомъ, присущимъ Державному Вождю Россіи, Государь относился къ столь безсмысленно затѣянной поляками смутѣ, въ тѣ самые дни, когда Русскій народъ выводимъ былъ Царемъ Освободителемъ изъ крѣпостнаго, почти трехъ-вѣковаго, ига, когда и для Польши открывалась совершенно новая эра жизни, въ чемъ порукою служилъ высокій умъ Александра II и его вполнѣ гуманное сердце...

Тяжко оскорбленный дикими сценами политическаго и религіознаго фанатизма и изувѣрства, которыя столь нежданно открылись въ Варшавѣ, Государь съ величайшею твердостью требуетъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ депешъ, мѣръ рѣшительныхъ, не колеблется ни минуты, ободряетъ намѣстника... но въ намѣстническомъ креслѣ сидитъ, въ началѣ 1861 г., полудряхлый старикъ, славный своею разсѣянностью и давно уже, еще до 1853 года, подъ желѣзною рукою кн. И. Θ. Паскевича потерявшій всякую энергію почина, не имѣвшій, по собственному признанію, «ни какой вѣры въ личное свое мнѣніе» (см. „Русскую Старину", изд. 1876 г., томъ XV, стр. 164).

Государь уже готовился уволить кн. М. Д. Горчакова, но старецъ, изможденный всѣми треволненіями смуты, закипѣвшей по милости его слабости и безхарактерности, – умираетъ.... Дѣло смуты однако зашло такъ далеко, что съ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ въ Польшѣ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ—Русскому правительству и народу—пришлось тяжело считаться и умиротвореніе обезумѣвшей Польши стоило безчисленныхъ жертвъ какъ для нея, такъ и для Россіи...

Ред.

ПОБОРНИКИ НОРМАНИЗМА И ТУРАНИЗМА.

В. Г. Васильевскаго: „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“ (Жур. Мин. Нар. Пр. 1882, іюль). Г. Веселовскаго: „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи Гунновъ (ibid. сент.) В.О. Ключевскаго: „Боярская Дума древней Руси“. М. 1882 г.

I.

Выше названная полемическая статья В. Г. Васильевскаго представляетъ ничто иное, какъ полное отрицаніе моихъ «Разысканій о началѣ Руси, дополненныхъ вопросомъ о Гуннахъ». Уже не въ первый разъ авторъ статьи вступаетъ въ полемику со мною по поводу моихъ изслѣдованій: предшествующій образчикъ его полемики разобранъ мною въ тѣхъ же Разысканіяхъ. Въ настоящее время по вновь поднятому мною вопросу о Гуннахъ онъ является ревностнымъ поборникомъ туранской теоріи и пытается устранить всѣ мои доказательства, чему посвящаетъ бо́льшую часть своей статьи. Пересмотрѣвъ этотъ старый вопросъ, я старался привлечь къ его разностороннему, публичному обсужденію людей науки, и уже два раза подвергалъ ихъ критикѣ свои доводы и выводы. Въ первый разъ это было на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ въ сентябрѣ 1881 года. Но такъ какъ возраженія и мнѣнія, тамъ высказанныя, могли быть только случайныя, несистематичныя, то потомъ, по моей просьбѣ, въ ученомъ Московскомъ обществѣ естествознанія, антропологіи и этнографіи былъ устроенъ публичный диспутъ 30-го декабря того же года. (Отчетъ о немъ см. во второмъ изданіи «Разысканій»). Первое печатное мнѣ возраженіе является со стороны профессора Васильевскаго. Я очень радъ преломить полемическое копье именно съ нимъ, въ виду его репутаціи, какъ солиднаго ученаго. Это обстоятельство можетъ потомъ уволить меня отъ обязанности отвѣчать возражателямъ менѣе солиднымъ.

Пропускаю вступительное и голословное осужденіе моихъ критическихъ пріемовъ и перехожу прямо къ фактической сторонѣ.

Мой противникъ, вслѣдъ за А. А. Куникомъ, держится теорія раздѣленія народовъ на кочевыхъ и осѣдлыхъ, на конныхъ и пѣшихъ; арійцевъ эта теорія относитъ къ первымъ народамъ, а туранцевъ—ко вторымъ. Такимъ образомъ если народъ является на поприщѣ исторіи съ признаками кочеваго быта и богатъ конницей, то онъ стало быть народъ туранскій. На чемъ основалась такая странная теорія, на какихъ несомнѣнныхъ данныхъ, объ объ этомъ туранизмъ выражается какими-то туманными общими мѣстами, въ родѣ того, что славяне «достигли извѣстной степени культурнаго развитія еще до выдѣленія своего изъ общей массы арійской». Затѣмъ идетъ ссылка на Момсена. Сей послѣдній говоритъ о томъ, что въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ остались слѣды ихъ общей **пастушеской** жизни отъ той эпохи, когда они не раздѣлялись и составляли еще одноязычное племя; что уже тогда оно «достигло извѣстной относительной прочности и постоянства жилищъ»; что уже тогда оно было знакомо «съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи и соли для ея приправы. Нельзя говорить съ такою же увѣренностію объ индоевропейскомъ земледѣліи» и проч. А выводъ В. Г. Васильевскаго отсюда тотъ, что кочевой бытъ «никогда не былъ принадлежностію славянскаго племени, и что славяне никогда не были коннымъ народомъ, живущимъ въ кибиткахъ и на телѣгахъ». «Исторія и наука совсѣмъ не знаютъ кочевыхъ славянъ». «Они знали давно рожь, коноплю, овесъ; они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ, и мотыку, а также ниву и лѣху» (146—148).

Какъ видите, мой противникъ, еще ничего не доказавши, уже объявляетъ, что исторія и наука на его сторонѣ, и потомъ повторяетъ это объявленіе не одинъ разъ. Очевидно, въ этомъ голословномъ притязаніи на научную монополію слышится уже нѣкоторая неувѣренность, нѣкоторое опасеніе въ томъ, что доказательства его не будутъ говорить сами за себя, и что ихъ нужно подкрѣпить, такъ сказать, рѣшительнымъ тономъ, чтобы подѣйствовать на массу читателей. Такое притязаніе поневолѣ заставляетъ меня обратить особое вниманіе на историко-критическіе пріемы моего противника и указать, насколько они могутъ назваться научными. Во первыхъ, рѣчь идетъ о вопросахъ въ наукѣ еще спорныхъ и доселѣ весьма мало разъясненныхъ; борьба разнообразныхъ мнѣній для нихъ не только не излишня, а напротивъ можетъ послужить главнымъ двигателемъ для ихъ разъясненія: слѣдовательно притязанія туранизма на научную монополію въ данномъ случаѣ не только ни на чемъ не основаны, но и совершенно неумѣстны.

Нужно вообще замѣтить, что мой достоуважаемый противникъ удивительно неточенъ въ отношеніи къ тѣмъ авторамъ и тѣмъ источникамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чему мы увидимъ многіе примѣры. Уже самая ссылка на Момсена о томъ свидѣтельствуетъ; ибо Момсенъ тутъ привлеченъ совершенно напрасно; онъ говоритъ только о **пастушескомъ** бытѣ

общеарійскаго племени, о нѣкоторой степени осѣдлости, и очень осторожно относится къ вопросу о земледѣліи, допуская только нѣкоторыя данныя языка объ общихъ его основахъ. А то, что онъ приводитъ изъ разныхъ арійскихъ языковъ родственныя названія дома и двери въ доказательство постоянныхъ жилищъ въ «ту первобытную эпоху», подлежитъ еще провѣркѣ. Ибо всякое подобное названіе имѣетъ свою исторію, и нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы слово домъ уже съ самаго своего появленія на свѣтъ означало не передвижное, легкое жилище или простой шалашъ, а непремѣнно прочное и неподвижное. Дѣло это усложняется еще тѣмъ, что, смотря по характеру природы, эпоху подвижныхъ жилищъ сопровождала или ей предшествовала эпоха пещерная, которая также имѣетъ свои разныя ступени въ отношеніи быта и языка. Вопросъ о языкѣ въ первобытную эпоху не такъ простъ, какъ это думаетъ мой возражатель, Богъ вѣсть зачѣмъ прибѣгая къ Моисеену, изъ котораго приведенная цитата въ нашемъ спорѣ не причемъ. Повторяю, онъ говоритъ не о земледѣльческихъ и кочевыхъ народахъ, а о какомъ-то довольно неопредѣленномъ пастушескомъ бытѣ, который во всякомъ случаѣ ближе къ кочевому или скотоводному, чѣмъ къ земледѣльческому. Картина общеарійскаго быта, построенная на однихъ сравнительно филологическихъ основаніяхъ, доселѣ представляла только разныя попытки, а не какіе либо окончательные и безповоротно рѣшенные выводы, и на этомъ основаніи строить исторію народовъ по меньшей мѣрѣ рисковано. Кое-что о такихъ попыткахъ есть въ моей книгѣ «Разысканія о началѣ Руси» (стр. 445); но В. Г. Васильевскій, какъ я тоже надѣюсь доказать, весьма поверхностно ознакомился съ моею книгою, хотя и выступилъ противъ нея съ такою рѣшительностію.

И такъ, категорически заявляя, что славяне никогда не были кочевымъ и коннымъ народомъ, онъ слѣдуетъ не за Моисееномъ собственно, а за А. А. Куникомъ, который теорію конныхъ и пѣшихъ народовъ доводитъ до вопіющихъ противорѣчій съ историческими фактами. Несогласіе этой теоріи съ фактами уже было указано въ моихъ Разысканіяхъ; между прочимъ тамъ (стр. 380) я привожу въ примѣръ скиѳовъ. Извѣстно, что это былъ народъ кочевой и конный; а между тѣмъ по всѣмъ признакамъ скиѳы принадлежали къ арійцамъ, съ чѣмъ теперь начинаетъ соглашаться едва-ли не большинство ученыхъ, занимавшихся скиѳами. Я говорю тутъ о скиѳахъ не въ собирательномъ смыслѣ, а о собственныхъ или царскихъ скиѳахъ. Далѣе, восточные сосѣди этихъ скиѳовъ, сарматы, еще болѣе кочевой дикій народъ, были признаны арійцами уже во время Шафарика; въ ихъ арійствѣ теперь не можетъ быть сомнѣнія. В. Г. Васильевскій самъ соглашается съ арійствомъ и скиѳовъ, и сарматъ (стр. 160 и 184); такимъ образомъ онъ впадаетъ въ безвыходное противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ объ арійцахъ на указанныхъ выше страницахъ 146—147. Персы выступили на историче-

скую сцену конныхъ народовъ. Парояне, также извѣстный конный народъ, тоже по всѣмъ признакамъ были арійцы. Алане юговосточной Европы у Амміана Марцеллина изображаются такимъ же точно коннымъ и кочевымъ народомъ какъ и гунны; въ арійствѣ аланъ тоже не можетъ быть сомнѣнія; остатокъ ихъ подъ именемъ осетинъ живетъ доселѣ. В. Г. Васильевскій также считаетъ аланъ арійскимъ племенемъ (на стр. 184). Цыгане до нашихъ дней сохранили привычку къ кочевому состоянію и страсть къ конямъ; а по языку это племя несомнѣнно арійское. А. А. Куникъ въ качествѣ неотвѣтственнаго академика-энциклопедиста можетъ игнорировать подобные историческіе факты; но для В. Г. Васильевскаго, какъ профессора-спеціалиста, обязательно ихъ знаніе и согласованіе съ ними своихъ воззрѣній, и помимо обязательности внимательно ознакомиться съ моей книгой прежде, нежели вступать съ нею въ полемику. Слѣдовательно, на какую же исторію, на какую науку ссылается онъ, утверждая, что славяне въ качествѣ арійцевъ никогда не проходили кочевыя ступени? Это относительно арійскихъ народовъ. Съ другой стороны возьмемъ туранскіе народы, напримѣръ, киргизовъ и туркменъ. Развѣ они совершенно не знакомы съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи, съ болѣе постоянными жилищами въ видѣ зимовниковъ? и т. д. И все это развѣ мѣшаетъ имъ быть кочевыми, конными народами, по языку близкими родичами не только осѣдлыхъ хивинцевъ, но и родичами европейскихъ турокъ, давно забывшихъ о кочевомъ состояніи, и, чтобы о нихъ ни говорили, а все таки достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи. Если обратимся къ монголо-татарской исторіи, то и здѣсь найдемъ факты земледѣлія у этихъ кочевыхъ народовъ. В. Г. Васильевскому, напримѣръ, осталось неизвѣстно то мѣсто въ русскихъ лѣтописяхъ, гдѣ говорится о сборахъ Мамая въ походъ на Россію. Ханъ разослалъ по своимъ улусамъ такой наказъ: «не пашите землю и не заботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы». Или пусть В. Г. Васильевскій потрудится заглянуть въ записки Іоасафата Барбаро, именно въ VIII главу, и тамъ онъ найдетъ разсказъ очевидца о томъ, какъ кочевые татары сѣяли и собирали хлѣбъ. Наконецъ укажемъ на семитовъ. Развѣ древняя исторія не представляетъ намъ одновременно семитическихъ народовъ, однихъ еще кочующими и полудикими, а другихъ уже достигшими сравнительно высокой степени гражданственности?

В. Г. Васильевскій продолжаетъ смѣшивать всѣхъ славянъ въ первые вѣка по Р. X., сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и западныхъ, въ одно осѣдлое земледѣльческое племя, съ однимъ общимъ бытомъ, съ одною, будто бы уже ясно въ наукѣ опредѣленною и строго очерченною ступенью культуры. Въ этомъ его исходномъ пунктѣ и заключается «основная ложь», выражаясь его собственными словами (на 146 стр.). Очевидно, самъ онъ не производилъ наблюденій надъ тѣми разнообразными формами быта и культуры, которыя занимаютъ многочисленныя переходныя ступени отъ состоянія совер-

шенно дикаго и первобытнаго до состоянія гражданственнаго. Онъ просто на слово повѣрилъ А. А. Куннку, т. е. его теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ, сочиненной спеціально для того, чтобы отрицать или умалять славянство. Я сказалъ о готахъ, что и они въ эпоху, когда началось переселеніе народовъ, еще «не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта». А противникъ мой указываетъ на то, что въ IV вѣкѣ существовалъ переводъ св. Писанія на готскій языкъ, и судя по этому переводу готы уже были знакомы съ земледѣліемъ (148). Неужели это возраженіе серьезное? Если бы оно, также какъ и предыдущее разсужденіе о кочевыхъ и осѣдлыхъ народахъ, не было подписано извѣстныхъ авторомъ, то я бы сего послѣдняго заподозрѣлъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ ни исторіи, ни этнографіи. Въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ была уже довольно богатая переводная и оригинальная письменность и довольно развитая культура; а гдѣ нибудь на верхней Окѣ, слѣдовательно не особенно далеко, племя вятичей, судя по лѣтописи, еще не вышло изъ полудикаго состоянія. Можно-ли отсюда заключить, что вятичи и кіевскіе поляне не были соплеменники? А если возьмемъ вятичей за три вѣка назадъ, т. е. въ эпоху перевода св. Писанія на славянскій языкъ, то состояніе ихъ было еще болѣе дикое. Каково же оно было за восемь вѣковъ ранѣе, т. е. въ эпоху перевода св. Писанія на готскій языкъ? Вообще на переводъ св. Писанія уже потому нельзя ссылаться, что оно нерѣдко трудами миссіонеровъ переводится на языкъ дикихъ народовъ. А простой фактъ существованія письменности также не можетъ ничего рѣшать въ данныхъ вопросахъ. Монголо-татарскіе народы до позднихъ временъ сохраняли свой кочевой бытъ и дикіе нравы; а извѣстно, что уйгурская письменность очень древняя. По поводу выше сдѣланной моей ссылки на синдовъ укажу еще на извѣстіе Арріана, который говоритъ, что синды (вѣроятно какая либо ихъ часть) прежде питались хлѣбомъ, обработывали поля, имѣли постоянныя жилища и города; а потомъ вслѣдствіе обидъ отъ ираційцевъ покинули земледѣліе и перешли къ жизни номадовъ. (Skythien. Von Ukert. 292). Какъ бы мы ни разсматривали это извѣстіе, все таки нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что народы, достигшіе нѣкоторой культуры, вслѣдствіе непріятельскихъ погромовъ обращаются иногда въ полудикое или кочевое состояніе; въ исторіи можно найти не мало примѣровъ одичанія; особенно въ исторіи Средней и Передней Азіи. Не только готы, въ IV вѣкѣ обитавшіе въ степяхъ южной Россіи, но и западные германцы являются въ началѣ своей исторіи еще съ признаками кочеваго быта, чему нагляднымъ примѣромъ служитъ извѣстное нашествіе на Римскіе предѣлы тевтоновъ (и кимвровъ), двигавшихся со всѣми своими семействами и со всѣмъ имуществомъ. Полукочевое состояніе германцевъ въ первые вѣка по Р. Х. признается западноевропейскими писателями за извѣстный фактъ. (Напримѣръ, у Герб. Спенсера въ его «Развитія политическихъ учрежденій». 73 стр. русскаго перевода). И такъ ненаучно посту-

паетъ мой противникъ, опредѣляя народности по кочевому или осѣдлому состоянію, и съ его стороны совершенно излишне было приплетать Мейсена къ вопросу о гуннахъ, а въ сущности повторять пристрастныя теоріи А. А. Куника. Спеціалисту-историку не подобаетъ повторять ихъ безъ собственной провѣрки.

Теперь посмотримъ, какъ В. Г. Васильевскій разсуждаетъ о наружности гунновъ. Опять оставимъ въ сторонѣ его голословныя выходки противъ моихъ критическихъ пріемовъ, и обратимся къ фактической сторонѣ дѣла.

«Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ. Очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ гунновъ» (стр. 143). Тутъ ссылка на какихъ-то старинныхъ авторовъ невѣрная; Амміанъ Марцелинъ и Іорнандъ не говорятъ о природной безбородости гунновъ или скудной растительности волосъ на ихъ лицѣ; а ясно и положительно говорятъ объ ихъ обычаѣ уничтожать эту растительность посредствомъ глубокихъ нарѣзовъ на лицѣ младенцевъ. Мы выводимъ отсюда или стараніе предупредить растительность бороды, или просто обычай брить бороду, и въ этомъ случаѣ опираемся еще на Іорнандова современника Прокопія, который прямо и безъ всякой риторики разсказываетъ о гунской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ,—точь въ точь какъ это дѣлали знатные руссы въ древности. Очевидно, мой противникъ совсѣмъ пропустилъ безъ вниманія это важное свидѣтельство Прокопія, хотя оно приведено въ моей книгѣ (на стр. 513). Свидѣтельство Іорнанда о томъ, что у гунновъ лицо «ужасающей черноты», мы объясняемъ, если не крайнимъ его преувеличеніемъ, то искуственнымъ черненіемъ лица для приданія себѣ страшнаго вида. В. Г. Васильевскій старается противупоставить моему объясненію извѣстіе Прокопія (на сей разъ онъ вспомнилъ о Прокопіѣ) о гуннахъ-ефталитахъ, что «изъ всѣхъ гунновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобразны лицемъ» (156). Гдѣ же тутъ противорѣчіе факта съ моимъ объясненіемъ? выходитъ только, что ефталиты были бѣлѣе и красивѣе другихъ гунновъ, но можетъ быть потому, что они не безобразили себя искусственно. Такъ какъ ефталиты, по свидѣтельству того же Прокопія, не ведутъ кочевой жизни, то въ качествѣ гунновъ они противорѣчатъ помянутой теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ; поэтому мой противникъ охотно соглашается, что вопросъ о нихъ остается неразъясненнымъ.

Но любопытны его пріемы, посредствомъ которыхъ онъ пытается устранить положительныя свидѣтельства источниковъ объ искусственномъ уродованіи гуннами своихъ лицъ.

На искусственное обезображиваніе младенцевъ посредствомъ нарѣзовъ на лицѣ указываютъ Амміанъ и Іорнандъ. Аполлинарій Сидоній сообщаетъ о

томъ же предметѣ слѣдующія подробности: «Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри. Такимъ образомъ материнская любовь обезображиваетъ рожденныхъ для битвъ». Кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ рѣчь идетъ объ искусственномъ уродованіи младенцевъ посредствомъ повязокъ, стягивающихъ голову и носъ. Выше Сидоній подтверждаетъ уродованіе младенцевъ, говоря: «на самыхъ лицахъ дѣтей уже напечатлѣнъ какой-то ужасъ». А что не одинъ носъ, но и голова сдавливалась при этомъ, опять-таки подтверждается его указаніемъ на конусообразную форму этой головы, каковая форма, сколько извѣстно, чужда и арійскимъ и туранскимъ народамъ, и могла быть создаваема только искусственно. Далѣе, что такой обычай подлаживанія головы къ шлему у воинственныхъ народовъ не было явленіемъ одинокимъ или необычайнымъ, я указалъ тому примѣры, а также примѣры татуированія и разныхъ средствъ придать своей наружности внушительный, страшный видъ. Гунны, безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи доходили до крайностей; хотя и дѣйствительно достигали своей цѣли, ибо, по словамъ Іорнанда, они однимъ своимъ страшнымъ видомъ обращали въ бѣгство непріятелей. И вотъ это-то столь важное свидѣтельство источника (т. е. Сидонія), можно сказать, корень всего вопроса, В. Г. Васильевскій пытается устранить какими-то совершенно гадательными фразами о неудобствахъ вышеназванныхъ повязокъ для кормленія грудью младенцевъ и о томъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ, а будто бы только съ объясненіемъ, которое Сидоній придумалъ въ виду сплюснутыхъ гуннскихъ лицъ (163). Этими фразами впрочемъ наполнена всего одна страничка; тогда какъ о другихъ менѣе важныхъ сторонахъ онъ распространяется гораздо охотнѣе. Вотъ какъ туранисты обращаются съ источниками! Въ примѣръ неточности приведу и слѣдующія фразы: «Аполлинарій Сидоній нѣсколько иначе, чѣмъ другіе писатели, выражается о ростѣ гунновъ; прочіе называютъ ихъ малорослыми, а онъ даетъ имъ средній ростъ» (162). Оказывается, что эти другіе и прочіе совмѣщаются только въ одномъ Іорнандѣ; никто изъ извѣстныхъ источниковъ, кромѣ его, не называетъ гунновъ малорослыми. Мой противникъ усиливается доказать, что описаніе наружности Аттилы Іорнандъ вполнѣ заимствовалъ у Приска (158—159). Что Іорнандъ пользовался Прискомъ, я на это указываю въ своей книгѣ; но увѣрять, что описаніе наружности Аттилы непремѣнно заключалось въ той части его сочиненія, которая до насъ не дошла, и что это описаніе тамъ буквально было сходно съ Іорнандовымъ,—такъ далеко я не пойду за моимъ противникомъ, и тѣмъ болѣе, что та часть, гдѣ Прискъ описываетъ Аттилу, сохранилась.

Далѣе В. Г. Васильевскій оспариваетъ мое толкованіе словъ Сидонія «succincta sub ilibus alvus»—низко подпоясанный или низко подтянутый животъ—и настаиваетъ на томъ, что это значитъ «подобранный подъ брюхомъ

животъ», или въ переносномъ смыслѣ «сухопарый» (165). Мало-ли что можетъ быть въ переносномъ смыслѣ; а здѣсь я предлагаю просто держаться буквальнаго смысла. По его же собственному толкованію выходитъ, что у гунновъ только одна часть живота была впалая, именно нижняя (находящаяся подъ брюхомъ), а верхняя часть у нихъ была обыкновенная; выходитъ нѣчто неудобопонятное. Если бы французскіе переводчики Сидонія имѣли передъ глазами керченскія фрески, на которыя я ссылаюсь и которыя мой противникъ игнорируетъ, то они, можетъ быть, отнеслись бы къ этой фразѣ иначе. Но предположимъ даже спорность этой фразы; что же выиграетъ отъ того туранская теорія? Я не желаю набрасывать никакой тѣни на основательное знакомство моего противника съ классическими языками, однако это знакомство не мѣшаетъ ему иногда жестоко ошибаться. Не бѣда, конечно, сдѣлать простую ошибку въ толкованіи темнаго мѣста; но на ошибочномъ переводѣ одной фразы источника основать цѣлую систему тождества Руси съ варягами въ XI вѣкѣ въ Византіи—это уже означаетъ явное увлеченіе предвзятыми теоріями. (См. о томъ въ моихъ «Разысканіяхъ». Стр. 358—359).

Я указалъ на обиліе у насъ, великоруссовъ, такъ называемыхъ мордовскихъ физіономій. Мой противникъ находитъ такое замѣчаніе «курьезнымъ», и спрашиваетъ, не свидѣтельствуетъ-ли это о присутствіи финской крови? (155). Выходитъ, какъ будто онъ мнѣ возражаетъ; а между тѣмъ я именно, по аналогіи съ великоруссами, допускаю доисторическую подмѣсь туранской крови въ гунской народности, которая въ началѣ является крайнею восточною вѣтвію славянства и, конечно, долго жила въ сосѣдствѣ съ туранскими народами. Если бы не скрещиванія съ инородцами, то откуда же явилось бы такое разнообразіе въ типѣ различныхъ славянскихъ народовъ, т. е. въ ихъ физіономіи, цвѣтѣ волосъ, сложеніи, ростѣ, характерѣ и проч.? Я указывалъ на болгаръ. Они несомнѣнно были племя гунское. О нихъ мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства; потомки ихъ живы до сихъ поръ. Но никакихъ даже намековъ на ихъ гунское безобразіе или на черноту ихъ лица не встрѣчаемъ. Что же отсюда слѣдуетъ? А то, что когда нравы гунновъ на средне и южноевропейской почвѣ смягчились, когда они перестали искусственно себя уродовать, то и безобразія никакого не оказалось; возможно также, что и самый обычай уродованія распространялся далеко не на всѣхъ гунновъ, а только на какую нибудь вѣтвь или даже на одно военное, т. е. господствующее сословіе. Почти все это въ моей книгѣ объяснено; но, какъ я сказалъ, противникъ мой отнесся къ ней болѣе чѣмъ поверхностно. Признавая болгаръ также гуннами, онъ и не замѣчаетъ возникающаго отсюда своего противорѣчія съ фактами. Наконецъ, если, какъ онъ утверждаетъ, гунны имѣли монгольскую или калмыцкую народность, то я просилъ указать мнѣ въ исторіи аналогію съ тѣмъ страшнымъ впечатлѣніемъ, которое они производили. Позднѣе мы имѣемъ много историческихъ извѣстій о втор-

шествія въ Европу дѣйствительно туранскихъ народовъ (когда о гуннахъ уже давно забыли),—и никакого намека на то, чтобы они испугали кого либо одною своею страшною наружностію. Никакихъ историческихъ аналогій мой противникъ не указалъ. Ясно, что и гунны, если бы искусственно не придавали себѣ такой безобразный, устрашающій видъ, то ихъ наружность не поразила бы въ такой степени и не вызвала бы такихъ толковъ.

Перейдемъ къ самой скользкой сторонѣ норманистовъ и туранистовъ, къ этимологическимъ разсужденіямъ В. Г. Васильевскаго.

Извѣстны три слова, приводимыя источниками по поводу гунновъ: камосъ, медъ и страва. Въ камосѣ нѣкоторые видѣли квасъ. Я слегка упоминаю объ этомъ словѣ, отнюдь не настаивая, чтобы это былъ непремѣнно квасъ, а настаивая только, что это не былъ кумысъ. Мой противникъ пространно доказываетъ, что камъ не былъ ни квасъ, ни кумысъ (150). Въ своихъ положеніяхъ, сгруппированныхъ для диспута, я поставилъ медъ и страву, а камосъ пропустилъ. Ясно, кажется, что этому слову я не придаю никакого значенія въ системѣ своихъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе по поводу этихъ положеній мой противникъ опять ставитъ мнѣ на видъ камосъ (171). За то о медѣ онъ отзывается очень кратко, въ родѣ того, что «его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить кельтамъ», и что вмѣстѣ съ камомъ медъ «не имѣетъ никакого отношенія къ гуннамъ». Это одинъ изъ многихъ примѣровъ отношенія В. Г. Васильевскаго къ источникамъ. Историческій свидѣтель говоритъ о существованіи у гунновъ напитка, называвшагося медъ; а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это вздоръ, потому что еще прежде гунновъ въ Панноніи жили кельты; а въ кельтскомъ словарѣ Кормака встрѣчается молъ слово mid и med. (150—151). Не мѣшаетъ прибавить къ этому, что медъ, какъ напитокъ, былъ въ употребленіи еще у скиѳовъ (см. Укерта Skyt. 299); слѣдовательно отнимать его у гунновъ нельзя никакимъ образомъ. Но всѣ эти quasi научные пріемы моего противника сущіе пустяки сравнительно съ тѣмъ, что онъ говоритъ о стравѣ. Іорнандъ прямо и положительно сообщаетъ, что гунны называютъ свое погребальное пиршество страва. Простому, здравому смыслу показалось бы, что тутъ никакіе споры невозможны. Но они оказываются возможными для такихъ ученыхъ толкователей, какъ мой противникъ. Для этого онъ только приводитъ мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида, мѣсто, подтверждающее Іорнанда; но тутъ же не совсѣмъ точно его переводитъ. Лактанцій говоритъ, что для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія, и что этотъ обрядъ погребенія (ritum sepulturae) варвары на своемъ языкѣ называютъ strabas. Новѣйшій толкователь поясняетъ, что страба тутъ значитъ не обрядъ погребенія вообще, а костеръ, обрядъ сожженія. Для чего же нужно такое толкованіе? «Это — отвѣчаетъ толкователь — даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ производить stravam Іорнанда отъ готскаго гла-

тола straujan» (разстилать, распространять), т. е. слово страва считать заимствованнымъ у готовъ (151). Какъ видите, натяжка и путаница въ объясненіи выходитъ ужасная. Такимъ образомъ слово, которое при суммѣ другихъ доказательствъ, можно сказать, имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о народности гунновъ, вычеркивается произвольно и безъ всякихъ разсужденій, вопреки ясному, положительному смыслу источника. При семъ мое указаніе на все невѣроятіе того, чтобы чужимъ, заимствованнымъ словомъ назывался такой важный обрядъ, какимъ у языческихъ народовъ было погребеніе, мой противникъ, по обычаю, обходитъ молчаніемъ. Въ своихъ «Разысканіяхъ» я сказалъ это (на стр. 550) по поводу того, что г. Гротъ, ученикъ В. Г. Васильевскаго, считаетъ слово страва заимствованнымъ гуннами у славянъ. Но, какъ видите, учитель пошелъ дальше ученика (обыкновенно бываетъ на оборотъ) и признаетъ это слово уже не славянскимъ, а готскимъ. «Нужно-ли предполагать заимствованіе славянами слова страва отъ готовъ—мы не знаемъ»—кратко и скромно добавляетъ онъ. И такъ, не играющему никакой роли въ моихъ доказательствахъ камосу гораздо болѣе посчастливилось въ комментаріяхъ моего противника, нежели такому важному и основному факту, какъ свидѣтельство Іорнанда о гуннской стравѣ. Да, надобно имѣть положительную и предвзятую ненависть къ самой мысли о славянствѣ гунновъ, чтобы прибѣгать къ такимъ произвольнымъ выводамъ и къ такимъ вопіющимъ натяжкамъ, какъ отрицаніе славянскаго слова страва и его производство прямо отъ готскаго straujan.

Приведемъ еще слѣдующій образчикъ этимологическихъ возраженій моего противника.

Отвѣчая г. Макушеву по поводу болгаръ, я указалъ на то, что туранисты только голословно отрицаютъ славянство болгарскихъ именъ, а филологически, научно, ничего не доказываютъ, и, для примѣра, просилъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства доказать, что имя болгарскаго князя Кормисошъ не славянское; что въ немъ не можетъ быть такого же корня, какой заключается въ словахъ кормчій, кормилецъ и т. п. А что касается до окончанія, то я имѣлъ въ виду аналогію съ именами Милошъ, Гнѣвошъ, Длугошъ и т. п., или съ словами пустошь, вѣтошь и пр. Г. Макушевъ промолчалъ. Но за него отвѣчаетъ В. Г. Васильевскій, замѣчая, что на подобные вопросы спеціалистамъ отвѣчать совѣстно, а задавать ихъ стыдно. Затѣмъ онъ совершенно произвольно разлагаетъ данное имя на двѣ части: корми и сошъ; а такъ какъ сошъ будетъ неслыханный славянскій суффиксъ, то стало быть имя не славянское (179). Да откуда онъ взялъ, что я именно такъ разлагаю это слово? Почему же онъ не обратилъ вниманія на то, что въ греческой передачѣ это имя является Κορμεσιος, которое окончательно не допускаетъ предложеннаго имъ дѣленія, т. е. на Корме и Зіосъ. Съ своей стороны я не

бралъ и не беру на себя разъяснить этимологію этого имени, а только просилъ филологовъ-спеціалистовъ разъяснить хотя бы только отрицательно, т. е. доказать его неславянство. Если слѣдовать способу толкованія, предложенному В. Г. Васильевскимъ, то мы прійдемъ ко многимъ страннымъ выводамъ. Такъ, фамилія профессора Богишича тоже окажется неславянскою, хотя въ ней и присутствуетъ корень бог; ибо, раздѣливъ по указанному способу на боги и шичъ, получимъ опять необычный славянскій суффиксъ. Въ приведенномъ примѣрѣ этимологическаго возраженія мнѣ особенно нравится простодушная увѣренность его автора въ томъ, что онъ будто бы научнымъ образомъ доказалъ неславянство имени Кормисошъ, а меня, при семъ удобномъ случаѣ, совсѣмъ пристыдилъ. Нѣтъ, г. Макушевъ поступилъ умнѣе, промолчавъ на мой вопросъ. В. Г. Васильевскій на стр. 167 еще глумится надъ моимъ якобы производствомъ имени Аттилы отъ слова атя, батя, тятя (отецъ). Между тѣмъ вотъ что у меня сказано буквально: «какой корень этого имени, одинаковъ онъ или нѣтъ съ словомъ атя, т. е. батя или тятя, разсуждать о томъ не берусь, и вообще почитаю филологію не настолько зрѣлою, чтобы она могла давать точныя, несомнѣнно научныя объясненія личныхъ именъ, въ особенности изъ эпохи великаго переселенія народовъ». Тутъ же я привожу въ примѣръ готскія имена, по корню своему похожія: Аталь, Ата-ульфъ; а Татила похожъ и по корню, и по окончанію, такъ что можно сказать—тождественъ съ Аттилою. (То же окончаніе представляетъ готскій Ульфила). Словообразованіе даннаго имени напоминаетъ наши воротила, верзила и т. п. И я опять обращаюсь къ туранистамъ съ покорнѣйшею просьбою доказать по всѣмъ правиламъ филологической науки и искусства, что всѣ эти мои соображенія и примѣры суть не болѣе какъ этимологія шуточная, по выраженію В. Г. Васильевскаго, и что Аттила ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть славянскимъ именемъ, доказать, повторяю, дѣльно и основательно, а не такъ, какъ онъ сдѣлалъ съ именемъ Кормисошъ. Замѣчу еще мимоходомъ, что на той же 179 страницѣ мой противникъ, съ обычною своею неточностію, приписываетъ болгарамъ слово аулъ, тогда какъ въ источникахъ его нѣтъ, а есть слово авла (aula), что не одно и то же и о чемъ ясно говорится въ моихъ «Разысканіяхъ (стр. 218); при чемъ я и не думалъ «толковать» это слово вмѣстѣ съ тарханомъ и кавканомъ изъ славянскаго языка, какъ опять таки, съ обычною своею неточностью, утверждаетъ В. Г. Васильевскій. Наоборотъ, я считаю нѣкоторые титулы прямо заимствованными у другихъ народовъ; такое заимствованіе встрѣчается повсюду. Это вѣдь не названіе важнаго бытоваго обряда, въ родѣ стравы.

Въ другой своей статьѣ, посвященной новому, болѣе тщательному изданію Іорнанда, редактированному Момсеномъ, В. Г. Васильевскій сообщаетъ одну важную поправку противъ прежнихъ изданій, относящуюся къ гун-

нам».. («Ж. М. Нар. пр.» 1882. Августъ). Оказывается, что не было никакого названія страны Гунивар; а это названіе явилось слѣдствіе невѣрнаго чтенія. «Не область, а самая рѣка Днѣпръ называлась у гунновъ варъ (quam lingua sua Hunni Var appellant). Поправка эта была мнѣ пока неизвѣстна, но можно сказать почти мною предусмотрѣна (ст. 535 моихъ Разыск.). Там это названіе я уже сближалъ съ названіемъ Днѣпра Варухъ у Конст. Б. и съ именемъ порога Вару-форосъ. В. Г. Васильевскій, разумѣется, игнорируя на сей разъ мои сближенія, также сопоставляетъ это названіе Днѣпра съ Варухъ Константина Б., но, по обычаю, совершенно произвольно считаетъ Варухъ названіемъ мадьярскимъ; тогда какъ Константинъ этого не говоритъ, а говоритъ, что въ его время употреблялось это названіе. Въ своихъ «Разысканіяхъ» (стр. 137) мы ясно указали, что если такое названіе и употреблялось тогда кочевыми народами южной Россіи, то оно заимствовано у болѣе раннихъ туземцевъ; чему доказательствомъ служатъ другія, тутъ же приводимыя, весьма древнія названія и отнюдь не мадьярскія, напримѣръ, Брутосъ и Серетосъ, т. е. Прутъ и Серетъ. Но конечно для туранизма подобные факты ничего не значатъ, и употреблявшееся гуннами чисто славянское слово Варъ онъ преспокойно считаетъ мадьярскимъ безъ всякихъ научныхъ основаній. Или: на какомъ основаніи гуннское имя Мама онъ обращаетъ въ татарскаго Мамая, имя болгарскаго вождя Аспариха, въ славянской передачѣ Есперихъ, настоятельно продолжаетъ читать Аспарухъ, и т. д.?

Въ своихъ «Разысканіяхъ» я старался нѣсколько разъяснить путаницу народныхъ именъ въ разныхъ средневѣковыхъ источникахъ. В. Г. Васильевскій, наоборотъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старается эту путаницу поддержать и пріумножить, конечно въ глазахъ людей некомпетентныхъ. Такъ онъ высчитываетъ разные случаи, гдѣ Гуннами названы племена очевидно неславянскія, турки-хазары, авары, угры (168 стр.). Между тѣмъ въ моихъ «Разысканіяхъ» (въ статьѣ о болгарахъ) довольно подробно разсказано, какъ турки-хазары покорили одну часть гунновъ (утригуровъ), а авары другую часть (кутригуровъ), и какъ отсюда возникло нерѣдкое перенесеніе названія гунновъ на хазаръ и аваръ. В. Г. Васильевскій не укажетъ ни одного свидѣтельства, гдѣ бы это перенесеніе существовало ранѣе означеннаго покоренія. Западные писатели еще чаще называютъ аваровъ гуннами, чѣмъ византійскіе. Угры у византійскихъ писателей часто называются турками, а иногда гуннами. Но опять-таки пусть онъ укажетъ, гдѣ бы ихъ называли гуннами ранѣе X вѣка, т. е. ранѣе завоеванія ими паннонскихъ славянъ. Напомню ему еще, что въ то время, какъ угровъ византійскіе писатели называютъ турками (потому что они прежде зависѣли отъ турокъ-хазаръ или потому что у нихъ была примѣсь сихъ послѣднихъ), настоящихъ турокъ, т. е. турокъ сельджуковъ, они почти постоянно назы-

вают персами, и очень понятно почему: сельджуки тогда владычествовали надъ персами. То, что мой возражатель говоритъ далѣе о военныхъ пріемахъ грековъ противъ разныхъ народовъ по Маврикію, и пытается на этомъ основаніи отождествить гунновъ съ аварами и турками—эта ссылка относится къ той же эпохѣ смѣшенія народныхъ именъ и распространенія имени гунновъ на другіе народы. Кромѣ того заключать о племенномъ родствѣ по сходству или различію военныхъ пріемовъ, не принимая въ расчетъ всѣхъ обстоятельствъ, въ высшей степени произвольно и ненаучно. Тогда русскіе окажутся не родня полякамъ, чехи не родня сербамъ и т. д. Одинаковые военные пріемы могутъ быть у разныхъ по племени народовъ. Напримѣръ, по Аммiану, гунны для битвы строились клинообразно; а по Тациту также строились германцы. Далѣе, по Тациту германцы притворно обращались въ бѣгство, съ тою цѣлью, чтобы внезапно обернуться. Но такимъ именно пріемомъ сдѣлались извѣстны потомъ татары. Слѣдовательно ссылка на Маврикія не только не «въ состояніи ниспровергнуть цѣлую половину умствованій» (моихъ конечно), какъ выражается мой противникъ; но просто свидѣтельствуетъ о недостаткѣ его историко-этнографической наблюдательности и его сравнительно-критическихъ пріемовъ. Точно также никакого племеннаго тождества болгаръ съ хазарами и аварами не доказываетъ ссылка на писателей X вѣка Генесія и Льва Діакона (176). Первый говоритъ, что «племя болгаръ изъ аваръ и хазаръ»; тутъ смыслъ географическій, т. е. изъ Аваріи и Хазаріи. А второй только подтверждаетъ тождество болгаръ и котраговъ; остальная же половина текста по ея испорченности, какъ оказывается, подлежитъ разнымъ чтеніямъ и догадкамъ.

Слѣдующія за тѣмъ ссылки на тексты, различающіе болгаръ и славянъ, тоже ровно ничего не опровергаютъ изъ моихъ доводовъ. Ибо я постоянно твержу, что въ этихъ случаяхъ названіе славяне у византійскихъ писателей не означало всѣхъ славянскихъ народовъ, а означало склавиновъ, т. е. извѣстную иллирійскую вѣтвь. Иначе и анты тоже не славяне, потому что упоминаются отдѣльно отъ склавиновъ. Мой противникъ хотя бы сравнилъ эти случаи съ тѣми многочисленными примѣрами въ источникахъ, гдѣ готы упоминаются рядомъ съ германцами какъ бы особый отъ нихъ народъ, да и не одни готы. (Любопытное противорѣчіе съ самимъ собою онъ обнаруживаетъ въ своей статьѣ о кельтахъ, гдѣ говоритъ: «Очень обычное явленіе, что народныя имена имѣютъ два значенія, частное и общее». «Ж. М. Н. Пр.» сентябрь 124 стр.). Точно также совершенно не имѣетъ никакого значенія его ссылка на слова нашей начальной лѣтописи: «придоша отъ скуфъ, рекше отъ козаръ, рекоміи болгаре» и пр. Взятыя изъ византійскихъ хронографовъ, съ придачею собственнаго искаженія, слова эти только свидѣтельствуютъ о наивныхъ пріемахъ лѣтописца и его маломъ вѣдѣніи. Я говорилъ, что болѣе распространеннымъ въ древнюю эпоху для славян-

скихъ народовъ было названіе венеды. И болгаре, дѣйствительно, подъ этимъ названіемъ иногда являются у писателей. Такъ Іорнандъ въ главѣ XXIII говоритъ, что «венеты, анты и склавы, которые свирѣпствуютъ теперь по грѣхамъ нашимъ»; а ранѣе въ главѣ V онъ обозначаетъ жилища склавинъ, антовъ и болгаръ; при чемъ о послѣднихъ замѣчаетъ, что они сдѣлались слишкомъ извѣстны «по грѣхамъ нашимъ». Въ третьемъ мѣстѣ, которое цитуетъ мой противникъ, Іорнандъ говоритъ о «постоянномъ напорѣ на имперію болгаръ, антовъ и склавинъ». Сопоставляя эти мѣста, надѣюсь, имѣемъ право заключить, что болгаре тутъ соотвѣтствуютъ венедамъ. Конечно, мой оппонентъ несогласенъ. Но онъ упустилъ изъ виду еще одно свидѣтельство, на которое я тоже ссылаюсь въ своихъ Разысканіяхъ (на стр. 429). Армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій повѣствуетъ о вторженіи болгаръ въ Арменію съ высотъ Кавказа, и прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе Ванандъ. Разумѣется, мой противникъ будетъ отрицать и это прямое свидѣтельство, ибо для отрицанія источниковъ у него нѣтъ предѣловъ. Вотъ еще тому примѣры:

1) Птоломей уже во II вѣкѣ упоминаетъ о гуннахъ, какъ сосѣдяхъ роксаланъ и бастарновъ. Но такъ какъ это извѣстіе противорѣчитъ мнимому пришествію гунновъ изъ восточной Азіи въ IV вѣкѣ, то В. Г. Васильевскій не признаетъ птоломеевыхъ гунновъ за дѣйствительныхъ гунновъ; ибо у послѣдняго написано Хуни, а у позднѣйшихъ греческихъ писателей обыкновенно пишется Унни; хотя всѣ западные писатели, начиная съ Амміана, пишутъ Хунни. Птоломей, не обозначая въ точности географическаго положенія Хуновъ, помѣщаетъ ихъ гдѣ-то за Днѣпромъ около Меотиды. В. Г. Васильевскій, самъ не отличающійся точностью, видитъ въ этой недостаточной опредѣленности якобы огромное противорѣчіе съ позднѣйшими писателями, которые, какъ Іорнандъ и Прокопій, выводятъ гунновъ изъ-за Меотиды, т. е. съ Волжско-Кубанской низменности.

2) Отвергаетъ онъ ясное свидѣтельство Амміана, что гуннскій народъ былъ уже «слегка извѣстенъ по старымъ памятникамъ» (monumentis veteribus leviter nota), не совсѣмъ точно переводя его словами: «мало извѣстный древнимъ памятникамъ». При чемъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, приводитъ два, взаимно противорѣчащія, показанія Зосимы, и совсѣмъ молчитъ о помянутыхъ выше показаніяхъ Іорнанда и Прокопія.

3) Отвергаетъ голословно свидѣтельства Беды Достопочтеннаго и Кедрена о тождествѣ гунновъ съ славянами, и совсѣмъ молчитъ о таковыхъ же свидѣтельствахъ Саксона Граматика, Эдды, Вилькинга-Саги и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Конечно, всякое изъ нихъ отдѣльно взятое, и одинокое, еще могло бы подвергнуться вопросу; но, взятыя вмѣстѣ, они составляютъ силу, и не ломаются, подобно той связкѣ палочекъ, о которой говоритъ извѣстная притча.

4) Отвергает прямое и ясное свидѣтельство Гельмольда, который говорить, что «на языкѣ саксовъ славяне называются собаками». Эти слова иначе и объяснить нельзя какъ тѣмъ, что саксы бранили такъ славянъ, пользуясь созвучіемъ слова Хунъ съ нѣмецкимъ Hund. В. Г. Васильевскій по этому поводу, такъ сказать, ни къ селу, ни къ городу приводитъ рѣчь крымскаго хана изъ русской былины (весьма сомнительной редакціи): «отрекись отъ бѣлаго царя и поклонись мнѣ собакѣ крымскому хану». Надѣюсь, что ханъ и собака никакого созвучія не представляютъ, и это сравненіе можетъ представить только образчикъ nonsens'а, довольно нескладно придуманнаго.

Еще не такъ давно въ научной литературѣ можно было встрѣтить положеніе, что «гуннами въ средніе вѣка нѣмцы называли славянъ». (В. И. Ламанскій «о Слав. въ М. Азіи, Афр. и Исп.» стр. 74). Теперь же, въ виду поставленнаго мною ребромъ вопроса о гуннахъ, туранизмъ спѣшитъ отказаться отъ этого положенія. Цитованныя слова В. И. Ламанскаго находятся въ связи съ однимъ мѣстомъ изъ норманской лѣтописи какого-то анонима, въ которой упоминаются гунны, и онъ (т. е. В. И. Ламанскій) прямо толкуетъ ихъ славянами.

Представленныхъ примѣровъ, надѣюсь, слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, какъ петербургскій профессоръ трактуетъ новую постановку вопроса о гуннахъ. Образчики его разсужденій о болгарахъ мы уже приводили. То немногое, что онъ говоритъ о нихъ, написано все въ томъ же родѣ, т. е. съ тѣмъ же голословіемъ, съ тѣмъ же умолчаніемъ или отрицаніемъ фактовъ, и съ тою же невѣрностію въ передачѣ и моихъ словъ, и самыхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, по его словамъ я будто бы говорю, что болгаре нашли въ Мизіи семь славянскихъ, неболгарскихъ, племенъ, и выводитъ отсюда какое-то у меня «удвоеніе» славянства, безъ котораго я могъ обойтись даже съ своей точки зрѣнія (176). Но вотъ что́ у меня сказано: «И тѣ семь славянскихъ родовъ, которые нашелъ тамъ Аспарухъ (точнѣе Есперихъ) кромѣ сербовъ были вѣроятнѣе всего болгаре, переселеніе которыхъ за Дунай совершалось въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій до Аспаруха» (501 стр. Разыск.). Далѣе, самая орда Аспаруха является у В. Г. Васильевскаго не одною только пятою частью всего народа, какъ утверждалъ, напримѣръ, А. Ѳ. Гильфердингъ, ссылаясь на пять сыновей Куврата, а уже одною седьмою частію (183). Разумѣется, такая малая часть еще легче превратилась въ славянъ. Непонятнымъ только остается слѣдующее обстоятельство: куда же дѣвались остальные шесть седьмыхъ болгарскаго народа? Неужели и они тоже пропали безслѣдно, и на всемъ пространствѣ отъ Кавказа до Аппенинъ не оставили никакихъ образчиковъ, по которымъ мы могли бы получить хотя какое нибудь понятіе объ ихъ монголо-татарской или угро-финской народности?

Конечно, тутъ седьмая часть вмѣсто пятой является по недосмотру; однако и подобный недосмотръ подтверждаетъ мое обвиненіе въ той небрежности, съ какою противникъ составлялъ свою статью. Но, положимъ, не седьмая, а пятая часть болгарскаго народа пропала безслѣдно въ Мизіи; все таки, куда же дѣвались остальныя четыре пятыхъ?

Въ заключеніе своей полемической статьи достоуважаемый В. Г. Васильевскій кое-что говоритъ о моей Роксаланской теоріи происхожденія Руси, и, разумѣется, говоритъ въ отрицательномъ смыслѣ. При чемъ уже въ самомъ началѣ возраженія стоитъ неправда: будто бы я «не затруднился всѣхъ сарматовъ причислить къ славянамъ» (184). Нигдѣ я не говорю, что всѣ сарматы были славяне. Если бы онъ ближе былъ знакомъ съ моими трудами, то увидалъ бы, что я подъ именемъ сарматъ въ извѣстную эпоху считаю «въ особенности народы славяно-литовской семьи». («Эллино-Скиѳскій міръ» въ первомъ изд. «Разыск.» стр. 22; а во второмъ изданіи на стр. 162). Аланы также принадлежали къ сарматскимъ народамъ. Но въ томъ случаѣ, который онъ указываетъ, и который относится къ Іорнанду, слѣдовательно къ VI вѣку, подъ именемъ сарматъ едва ли можно разумѣть кого другаго, кромѣ западныхъ славянъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ западными нѣмцами.

Затѣмъ, исходнымъ пунктомъ его возраженій снова служитъ пресловутая теорія А. А. Куника на счетъ конныхъ и пѣшихъ народовъ. Для этого онъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ 46 главы Тацитовой Германіи. «Я не знаю, говоритъ Тацитъ, куда отнести певциновъ, венетовъ и финновъ: къ сарматамъ или къ германцамъ?» И затѣмъ полагаетъ, что хотя венеты заимствовали многое изъ своихъ обычаевъ у сарматъ и отличаются грабительскими привычками, но лучше отнести ихъ къ германцамъ, такъ какъ они строятъ себѣ жилища, носятъ щиты, и хорошіе пѣхотинцы; сарматы же проводятъ жизнь на коняхъ и въ повозкахъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи Тацитъ причисляетъ роксаланъ къ сарматамъ, и изображаетъ роксаланъ хорошими конниками, но плохими пѣхотинцами, и притомъ не употреблявшими щитовъ. Отсюда, по мнѣнію В. Г. Васильевскаго, возникаетъ огромное препятствіе считать роксаланъ соплеменниками венедовъ, т. е. славянъ. Съ другой стороны руссы Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, сражались пѣшіе и не умѣли ѣздить на конѣ; слѣдовательно они будто бы не могли быть потомками конниковъ роксаланъ.

Стоитъ только произвести критическій анализъ данныхъ свидѣтельствъ, чтобы убѣдиться, сколько въ этихъ поспѣшныхъ выводахъ заключается вопіющихъ противорѣчій съ фактами и съ самимъ собою и какое въ нихъ отсутствіе серьезныхъ научныхъ пріемовъ.

1) Тацитъ самъ говоритъ, что онъ не знаетъ, куда отнести венедовъ, къ сарматамъ или германцамъ, стараясь рѣшить этотъ вопросъ по образу жизни, а не по языку, котораго очевидно онъ не зналъ и не могъ сравнивать; иначе онъ не затруднялся бы, куда какой народъ отнести.

2) Тацитъ прямо говоритъ о сходствѣ грабительскихъ обычаевъ у венедовъ и сарматъ, и только потому не относитъ ихъ къ послѣднимъ, что венеды осѣдлы и ходятъ пѣшкомъ, а сарматы кочевники и конники.

3) Тацитъ тутъ же говоритъ о певцинахъ или бастарнахъ, что они языкомъ и бытомъ напоминаютъ германцевъ, а нѣкоторыми нравами сарматъ.

4) Изъ Тацита явствуетъ, что сходство венедовъ съ германцами въ бытѣ не мѣшало различію ихъ языка, а сходство певкиновъ съ германцами въ языкѣ не мѣшало различію ихъ нравовъ. Слѣдовательно сарматы хотя были несходны съ венедами въ бытѣ, могли быть родственны съ ними по языку.

5) В. Г. Васильевскій слишкомъ рѣзко и слишкомъ тенденціозно выставляетъ въ данномъ вопросѣ различіе между пѣхотою и конницею въ военномъ отношеніи. Венеды могли быть «привычны и ловки въ пѣшеходствѣ», но это не мѣшало имъ имѣть конницу. Тацитъ по осѣдлости и пѣшеходству уподобляетъ ихъ германцамъ; но выше, описывая германцевъ, онъ говоритъ объ ихъ конницѣ, и только прибавляетъ, что они болѣе сильны пѣхотою, чѣмъ конницею (гл. VI). Грабительскіе набѣги венедовъ (latrociniis pererrant) едва ли совершались только пѣшкомъ.

6) Хотя подъ словомъ венеды здѣсь у Тацита и надобно разумѣть славянъ; но слишкомъ неосновательно со стороны В. Г. Васильевскаго предполагать, что въ этихъ венедахъ, жившихъ на восточныхъ предѣлахъ Германіи, гдѣ-то между певкинами и финнами, заключался тогда весь славянскій міръ, и что тутъ подъ венедами разумѣлись всѣ славяне. Этого никогда и ничѣмъ онъ не докажетъ.

7) Судя по характеру лѣсной и горной страны, въ которой блуждали венедскіе грабители (quiquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur), рѣчь идетъ о Карпатской или Подкарпатской области. Понятно, что часть славянъ, попавъ въ эту область, перешла отъ кочеваго состоянія въ полуосѣдлое, и, покинувъ привольныя степи, уже не могла содержать многочисленныхъ конскихъ табуновъ и стадъ рогатаго скота. Межъ тѣмъ другая часть, несомнѣнно, оставалась еще въ южнорусскихъ степяхъ и продолжала вести кочевой образъ жизни. Иначе откуда бы взялась такая огромная масса восточныхъ славянъ? Не въ Карпатахъ же родились славяне и не оттуда распространились они на востокъ, какъ нѣкоторые старые слависты себѣ представляли; а наоборотъ теперь почти всѣ согласны въ томъ, что они двигались съ востока на западъ. Слѣдовательно то, что у Тацита въ данномъ случаѣ называется венедами и сарматами, мы имѣемъ полное право считать первыхъ западными славянами, а во вторыхъ видѣть по преимуществу восточныхъ славянъ.

8) Если въ первомъ вѣкѣ одна часть славянъ является осѣдлою или полуосѣдлою, а другая кочевою, то понятно, что къ VI и VII вѣкамъ еще бóльшая ихъ часть могла перейти къ осѣдлому быту. В. Г. Васильевскій,

налегая на славянъ-пѣхотинцевъ, ссылается на извѣстія писателей этихъ вѣковъ (Прокопія и Маврикія) объ антахъ и склавинахъ. Тутъ разумѣются собственно Дунайскіе и Подкарпатскіе славяне, и все-таки нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что у нихъ совсѣмъ не было конницы.

9) Роксалане у Тацита называются сарматами, у Страбона скиѳами. Въ первомъ вѣкѣ по Р. X. они еще кочевое племя; совершаютъ конные набѣги на римскіе предѣлы, и въ пѣшемъ бою не искусны. Но вѣдь надо же взять въ расчетъ, что они жили тогда въ чистыхъ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ. Кочевое состояніе отнюдь не могло служить имъ препятствіемъ быть по языку родичами склавиновъ, т. е. славянъ западныхъ. Неужели казанскіе татары или туркестанскіе узбеки перестали быть турксними народами, родственниками киргизовъ и туркменъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались осѣдлыми? При чемъ тутъ конница и пѣхота?

10) Тацитъ говоритъ, что венеды имѣли щиты, а роксалане обходились безъ щитовъ. Считать это обстоятельство существеннымъ признакомъ племеннаго различія можетъ только сильное пристрастіе, ищущее, во чтобы то ни стало, хотя бы только тѣни доказательствъ для своего отрицанія. Кто же не въ состояніи понять того, что конникъ менѣе нуждается въ щитѣ, чѣмъ пѣхотинецъ. Жаль, что мой противникъ игнорируетъ керченскія фрески. Онъ увидалъ бы тамъ слѣдующее обстоятельство. Нападающій степной конный народъ (по типу арійскаго племени) не имѣетъ щитовъ; но этого мало: пантикапейское войско, выступившее ему на встрѣчу, состоитъ изъ пѣхоты и конницы; при чемъ у конницы тоже нѣтъ щитовъ, а у пѣхоты они есть. По теоріи моего противника выходитъ, что конница и пѣхота пантикапейцевъ принадлежали двумъ разнымъ народамъ. Въ параллель съ такими выводами предположимъ, у какого либо древняго писателя говорилось, что венеды имѣютъ носовое произношеніе, а роксалане его не имѣютъ. Надѣюсь, это гораздо важнѣе щитовъ, и мой противникъ, конечно, сталъ бы всѣми силами упирать на такое различіе, какъ на нѣчто необыкновенно существенное. А между тѣмъ таково именно отношеніе русскихъ и поляковъ, что обоимъ народамъ не мѣшаетъ быть славянами. Нѣтъ, историкъ долженъ быть наблюдательнѣе и разностороннѣе въ своихъ свѣдѣніяхъ; съ подобными же произвольными выводами изъ текстовъ можно доказывать и отрицать все, что угодно.

11) Со времени Тацита и Страбона прошло девять вѣковъ. Въ теченіе этого періода роксолане-русь изъ южныхъ степей подвинулись на сѣверъ въ среднее Приднѣпровье, осѣлись, обложили данью сосѣднія племена, стали совершать по рѣкамъ военные и торговые походы и вообще заложили основы широкому государственному быту (обзавелись также и большими щитами). Въ высшей степени неисторично сравнивать ихъ бытъ въ X столѣтіи съ

бытомъ въ I столѣтіи, и, нашедши, что они уже не кочуютъ и имѣютъ пѣхоту, отвергать ихъ племенное тождество.

12) В. Г. Васильевскій, столь склонный отрицать положительныя свидѣтельства, на сей разъ буквально вѣритъ словамъ Льва Діакона, будто въ X вѣкѣ русскіе не умѣли сражаться на коняхъ. Въ своихъ «Разысканіяхъ» я указывалъ, что, кромѣ явнаго преувеличенія въ словахъ византійскаго писателя, надо имѣть въ виду, что Святославъ приплылъ въ Болгарію моремъ и на своихъ ладьяхъ не могъ взять конницу, а взялъ только пѣхоту. Потому-то въ этихъ походахъ русскіе князья и нанимали обыкновенно конницу у печенѣговъ и другихъ степняковъ. Посылать же свою конницу сухимъ путемъ оказывалось и далеко, и не безопасно по причинѣ тѣхъ же степняковъ. Я указывалъ далѣе, что по всѣмъ историческимъ даннымъ всѣ дружины княжескія (до XV вѣка включительно) были конныя. Походъ Игоря на Половцевъ, воспѣтый въ словѣ о П. Иг., былъ, какъ извѣстно, конный съ примѣсью небольшой пѣхоты. Не только дружинники, но и простые кіевскіе граждане сражались на коняхъ («дай намъ оружіе и коней, хотимъ биться съ половцами») и даже иногда собирались на вѣче на коняхъ (напр. въ 1146 г.). Какъ же можно повторять столь явную неправду, что Русь X вѣка не умѣла сражаться на коняхъ. В. Г. Васильевскій хотя бы удосужился взглянуть на изданіе извѣстной лицевой рукописи житія Бориса и Глѣба, чтобы увидать тамъ изображеніе древней русской конницы. Да не только во времена удѣльной Руси, но даже въ эпоху Московскаго государства конница въ нашемъ войскѣ преобладала надъ пѣхотою. Въ моихъ «Разысканіяхъ» я указалъ и еще на важный фактъ: всѣ богатыри русскихъ былинъ конные. Все это В. Г. Васильевскій, конечно, игнорируетъ при своемъ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ моими «Разысканіями».

Прибавлю, что мой противникъ, разсуждая о сарматахъ и славянахъ, до сихъ поръ нисколько не потрудился уяснить себѣ ихъ взаимное отношеніе, или вообще сколько нибудь сознательно отнестись къ сарматамъ. (Повторяется совершенно то же самое, что мы замѣтили объ его ученикѣ К. Гротѣ). Мы уже указывали на его противорѣчіе самому себѣ: онъ считаетъ сарматъ арійцами и въ то же время не допускаетъ, чтобы кочевой народъ принадлежалъ къ арійскому племени. Латинскіе историки начала среднихъ вѣковъ, напримѣръ Амміанъ и Іорнандъ, упоминаютъ о сарматахъ Дунайскихъ и Паннонскихъ, подъ которыми, по моему мнѣнію, разумѣются преимущественно сербо-хорваты и нѣкоторые другіе славяне; слѣдовательно мы видимъ, что названіе сарматъ не ограничивалось восточными, но въ эту эпоху примѣняется и къ западнымъ славянамъ. Мой противникъ, конечно, ни съ тѣмъ несогласенъ. А между тѣмъ никакихъ научныхъ попытокъ къ разъясненію этого вопроса не дѣлаетъ. Вѣроятно, онъ ихъ и не сдѣлаетъ,

чтобы окончательно и безвыходно не запутаться въ противорѣчіяхъ съ тѣми положеніями, которыя онъ высказалъ въ цитуемой мною статьѣ.

Кстати, по поводу паннонскихъ сарматъ. В. Г. Васильевскій, между прочимъ, дѣлаетъ поправку къ моей ссылкѣ на одно мѣсто византійца Ѳеофана объ этихъ сарматахъ; но, вмѣсто поправки, на нѣсколькихъ строкахъ надѣлалъ нѣсколько неточностей. Во-первыхъ, язвительно упрекнулъ меня, что я смерть Валентиніана I описываю по Ѳеофану, а не по первоначальному источнику, т. е. Амміану. Я и не думалъ описывать смерть Валентиніана; а привелъ Ѳеофана потому, что рѣчь шла о малорослости гунновъ по Іорнанду, тутъ же говорится о малорослости сарматъ. Словъ, которыя Ѳеофанъ влагаетъ въ уста императору, нѣтъ у Амміана, и слѣдовательно Ѳеофанъ кромѣ него пользовался еще какимъ-нибудь источникомъ. Во-вторыхъ, возражатель приписываетъ мнѣ положительную вѣру разсказу Ѳеофана, хотя я прямо указываю на его легендарность. Въ-третьихъ, онъ говоритъ, что по Амміану Валентиніанъ воевалъ съ квадами и принималъ отъ нихъ пословъ, а квады принадлежали-де къ германцамъ. Почтенный профессоръ не потрудился заглянуть въ предыдущую, четвертую главу XXIX книги Амміана. Онъ увидалъ бы, что въ этой войнѣ противъ Римлянъ квады соединились съ сарматами; тамъ описываются и битвы съ послѣдними намѣстника Мизіи Ѳеодосія, будущаго императора. Слѣдовательно для Ѳеофана было историческое основаніе говорить о сарматахъ въ его разсказѣ.

Уже судя по предыдущимъ полемическимъ статьямъ В. Г. Васильевскаго противъ меня, трудно было ожидать отъ него точнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу и на сей разъ. Но, прочитавъ его статью, я просто былъ пораженъ ея поверхностнымъ небрежнымъ составленіемъ. Изъ пятидесяти ея страницъ я затрудняюсь отыскать хотя двѣ или три свободныхъ отъ недомолвокъ, обмолвокъ, всякихъ неточностей, натяжекъ, голословія и т. д.

Возвращаюсь къ роксаланамъ. Вслѣдъ за приведеннымъ quasi доказательствомъ ихъ нетождества съ Русью идетъ рѣчь о певтингеровыхъ таблицахъ. Ссылаясь на Дежардена, я указалъ на ихъ постепенное составленіе отъ Августа до Юстиніана (380 стр. «Разысканій»). Мой противникъ возражаетъ противъ этого (187); а на слѣдующей страницѣ самъ повторяетъ выводъ Дежардена. При этомъ онъ упрекаетъ меня въ томъ, будто я отношу обозначеніе на этомъ дорожникѣ роксоланъ именно къ VI вѣку. Но нигдѣ я этого не говорю; а на страницѣ 274 своихъ «Разысканій» указываю на III—IV вѣка. Въ то же время возражатель умалчиваетъ о слѣдующей подробности: на данныхъ таблицахъ роксолане обозначены болѣе крупными буквами сравнительно съ окружающими народами. Ясный намекъ на значительность этого народа и его преобладаніе надъ сосѣдями. Я видѣлъ два раза певтингеровы таблицы: во-первыхъ, средневѣковые листы ихъ, хранящіеся въ вѣнской публичной библіотекѣ, во-вторыхъ, точную съ нихъ

копію, выставленную Дежарденомъ на географическомъ конгрессѣ 1875 года въ Парижѣ, и не могъ не обратить вниманія на указанную подробность, которая, надѣюсь, поважнѣе ссылки на извѣстіе Тацита о щитахъ.

Затѣмъ, чтобы уничтожить существованіе роксоланъ въ IV—VI вв., мой возражатель продолжаетъ свою систему отважнаго отрицанія источниковъ. Амміанъ, изволите видѣть, по словамъ Моисеева, заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ болѣе ранней компиляціи, слѣдовательно о роксаланахъ онъ лжетъ (187). Іорнандъ одинъ разъ называетъ сложное имя Роксаланъ, другой разъ употребляетъ несложное имя Рокасъ (или Рогасъ, какъ утверждаетъ возражатель; что все равно при сокращеніи дастъ Роксъ или Росъ), а третій разъ—Росоманъ (или Росомонъ, какъ увѣряетъ онъ же на основаніи рукописныхъ варьянтовъ, и что также все равно). Нѣтъ никакого серьезнаго повода предполагать, что это все разные народы. Но возражатель конечно отрицаетъ, и ссылается на мнѣніе о томъ Мюлленгофа, отнюдь ни для кого необязательное. Чтобы устранить роксаланъ съ Днѣпра, онъ ссылается на то именно мѣсто Іорнанда, гдѣ у послѣдняго выходитъ явная путаница и географическая безсмыслица, можетъ быть, просто по испорченности рукописей: Дакія, или Гепидія, или Готія «съ востока граничила съ роксаланами, съ запада съ язигами... ибо язиги отдѣляются отъ роксаланъ только рѣкою Алютою» (188). Полагаю, что даже у всякаго ученика возникнетъ при этомъ недоумѣніе: если язиги отдѣлялись отъ роксоланъ только рѣкою Алютою, то какъ же между ними могла помѣщаться обширная Дакія? Точно также совершенно произвольно В. Г. Васильевскій отрицаетъ двукратное упоминаніе роксаланъ у географа Равенскаго въ IX вѣкѣ (189). Если у него встрѣчаются при этомъ и нѣкоторыя традиціонныя имена древней географіи, то я, во-первыхъ, спрошу: много ли найдется писателей о Скиѳіи и Сарматіи, т. е. о Восточной Европѣ конца древнихъ и первой половины среднихъ вѣковъ, у которыхъ бы такія имена не встрѣчались? Іорнандъ постоянно пересыпаетъ свои географическія и историческія описанія извѣстіями древнихъ писателей, и въ главѣ о Скиѳіи у него также есть примѣсь Геродотовыхъ разсказовъ. Во-вторыхъ, у географа Равенскаго рядомъ съ роксаланами довольно именъ не древнихъ или традиціонныхъ, а средневѣковыхъ, каковы: склавины, готы, даны, гепиды и пр. Хотя онъ не даетъ намъ точныхъ предѣловъ страны роксаланъ; но его слова, что за этою страною лежитъ «великій островъ Скиѳія, которую Іорнандъ называетъ Скандза» (Скандинавія), ужъ никакъ не могли быть заимствованы изъ писателей временъ Геродота или Страбона; а намекаютъ на то время, когда владычество роксаланъ или руссовъ распространилось далеко на сѣверъ. Это едва ли могъ сказать самъ Іорнандъ, а тѣмъ менѣе Птоломей, которыхъ онъ упоминаетъ въ числѣ своихъ источниковъ. При томъ я, кажется, ясно указывалъ на то обстоятельство, что сложное названіе

роксалане было собственно литературное или книжное, въ родѣ тавроскиѳы, англосаксы и т. п., и что оно держалось долѣе у латинскихъ писателей; тогда какъ Византійцы, ознакомясь ближе съ народомъ, стали называть его такъ, какъ онъ самъ себя называлъ, т. е. односложнымъ словомъ Рось; а въ литературѣ книжное названіе держалось долго и впослѣдствіи, чему примѣръ представляютъ польскіе писатели XVI вѣка. Такъ какъ они еще не были знакомы съ норманской теоріей и ея аргументами, то имъ, конечно, и въ голову не приходило отличать Русь отъ роксаланъ.

Вотъ и всѣ возраженія В. Г. Васильевскаго противъ тождества роксаланъ и Руси. Надѣюсь, изъ нихъ ни одного не оказалось такого, которое могло бы имѣть серьезное значеніе въ глазахъ безпристрастныхъ ученыхъ. Надѣюсь также, что и самъ онъ убѣдится въ слѣдующемъ: легко отрицать мои изслѣдованія въ какой-либо аудиторіи, съ профессорской каѳедры; еще легче написать заглавіе «о мнимомъ славянствѣ гунновъ, болгаръ и роксаланъ»; но очень трудно эту мнимость доказать на дѣлѣ. Настоящимъ своимъ отвѣтомъ я, конечно, не расчитываю убѣдить собственно норманистовъ и тураннстовъ, въ томъ числѣ В. Г. Васильевскаго; въ этомъ отношеніи онъ уже безнадеженъ, и по всей вѣроятности и впредь постарается запутывать данные вопросы по мѣрѣ своего усердія и своей эрудиціи. При своемъ отвѣтѣ я имѣю въ виду просто возможно большее выясненіе научной истины для людей безпристрастныхъ, и пользуюсь для того даннымъ возраженіемъ. Достоуважаемый В. Г. Васильевскій, о чемъ я уже замѣтилъ выше, какъ бы не надѣется на силу своихъ аргументовъ и старается подкрѣпить ихъ голословными увѣреніями, что исторія и наука на его сторонѣ, и что мои критическіе пріемы никуда негодятся. Онъ постоянно пересыпаетъ свою статью направленными противъ меня ядовитыми фразами или язвительными словами въ родѣ: «самонадѣянный», «курьезный», «ложный», «фальшивый», «умствованія», «диллетантизмъ» и т. п. Если повѣрить ему на слово, то выходитъ, что я, послѣ почти двадцатипятилѣтнихъ постоянныхъ историческихъ работъ и послѣ десятилѣтнихъ занятій данными вопросами, оказываюсь не спеціалистомъ въ исторіи, а не болѣе, какъ диллетантомъ. Съ своей стороны вижу тутъ явные признаки того ожесточенія, которое я возбудилъ въ лагерѣ норманистовъ и туранистовъ, ставя данные вопросы, какъ говорится, ребромъ и приводя своихъ противниковъ къ необходимости искажать факты и отрицать источники ради спасенія ихъ теорій. Никто не упрекнетъ меня въ томъ, чтобы я въ своихъ изслѣдованіяхъ нападалъ собственно на лица; тѣмъ я нападаю на самыя теоріи, т. е. на ихъ основные аргументы. Но долженъ сознаться, что возраженія, пересыпанныя личностями, и съ моей стороны получаютъ не мягкіе отвѣты. Во всякомъ случаѣ я отнюдь не желаю набрасывать какой либо тѣни на ученую добросовѣстность В. Г. Васильевскаго вообще. Я только утверждаю и, надѣюсь, неголословно, что къ дан-

ным, вновь поднятым мною вопросам, он отнесся пристрастно и поверхностно. Вопросов этих основательно он не изучил и в них совсѣм не вдумался. Ссылки его на источники и на мои изслѣдованія отличаются неточностію и вообще небрежностію; а выводы натяжками и произволом. Очевидно под вліяніем А. А. Куника он заранѣе проникся ненавистью уже к самой мысли о славянствѣ Руси, болгар и гуннов; потому вѣроятно и не счел нужным спеціально ими заняться прежде, чѣм вступать в полемику. Вступая в эту полемику, он предпочел спеціально заняться вопросом о начальной исторіи не славян, а Кельтов, т. е. носить воду в колодезь (по отношенію к западной ученой литературѣ). Вообще мнѣ очень жаль, что именно В. Г. Васильевскій таким образом отнесся к дѣлу; при болѣе добросовѣстном отношеніи, он мог бы помочь его разъясненію, а не запутыванію.

Мой противник указывает на значительное число ученых, со мною несогласных. Раз, основанное на разностороннем изученіи предмета, убѣжденіе достигло извѣстной степени, число несогласных для меня безразлично, и тѣм болѣе, что мотивы для этих несогласій не всегда имѣют чисто научную подкладку. Рано или поздно научная истина возьмет верх. Послѣдующее, болѣе безпристрастное, поколѣніе разработает подробности; причем устранит возможные в моих изслѣдованіях недосмотры и промахи второстепеннаго значенія; но главных моих основаній и выводов не отвергнет; это я говорю смѣло и рѣшительно. Что же касается до настоящей поры, когда борьба в разгарѣ, то расчет моего противника, хотя временно, подѣйствовать на читателей помянутыми выходками и поощрить других к такой же полемикѣ, может быть и несовсѣм невѣрен. Доказательством тому служит слѣдующій возражатель, к которому мы и переходим.

II.

В своих «Разысканіях о началѣ Руси» я привел до двадцати имен, с которыми мнѣ пришлось полемизовать болѣе или менѣе. В сентябрской книжкѣ «Журнала Мин. Нар. Пр.» выступил г. Веселовскій в качествѣ возражателя № 21. В началѣ настоящей статьи я замѣтил, что отвѣт В. Г. Васильевскому может уволить меня от необходимости отвѣчать возражателям менѣе солидной репутаціи. Но в данном случаѣ считаю нужным не оставить без вниманія и небольшую статейку г. Веселовскаго, так как он, будучи оріенталистом, подходит к вопросу о гуннах с другой стороны: из Азіи. «Без Азіи — говорит он — мы тут никак не обойдемся». Если брать вопрос в самом обширном его объемѣ, то, разумѣется, никто не будет возражать против такого мнѣнія.

Г. Веселовскій идетъ отъ Дегиня и утверждаетъ, что «онъ связалъ неразрывною цѣпью Хунъ-ну китайскихъ писателей съ Гуннами европейскихъ». Положеніе не совсѣмъ справедливое. Припомнимъ ему сущность этой связи у Дегиня. Въ своей Histoire générale des Huns онъ ведетъ исторію гунновъ отъ потопа и распредѣленія племенъ по сыновьямъ Ноя. Затѣмъ онъ переплетаетъ гунновъ съ монголами и татарами, считая ихъ тождество внѣ вопроса. Доведя, по китайскимъ источникамъ, ихъ исторію до IV вѣка, онъ предполагаетъ, что въ это время они перешли въ восточную Европу, а затѣмъ ведетъ разсказъ по Амміану и Іорнанду. Критики источниковъ у него нѣтъ никакой, а, главное, азіатскихъ гунновъ онъ связалъ съ европейскими совершенно гадательно, ибо переходъ ихъ въ Европу въ IV вѣкѣ у него не основанъ ни на какихъ источникахъ. Г. Веселовскій также не считаетъ возможнымъ поддерживать такой переходъ, а, на основаніи одной китайской лѣтописи, отодвигаетъ движеніе гунновъ изъ восточной Азіи къ предѣламъ Джунгаріи въ I вѣкъ до Р. Х. Вотъ и все, что могъ г. Веселовскій сообщить намъ относительно перехода гунновъ съ востока на западъ. Затѣмъ идутъ разсужденія о томъ, какъ передвигаются кочевые народы, какъ они мѣняютъ свои имена, какъ славяне не могли двигаться въ хвостѣ другихъ народовъ. Съ этимъ мы не будемъ спорить, и тутъ никакого серьезнаго противорѣчія съ моимъ изслѣдованіемъ о европейскихъ гуннахъ мы не видимъ. Г. Веселовскій очевидно не понялъ, что я ограничилъ пока свое изслѣдованіе о гуннахъ извѣстными предѣлами времени и пространства. Я доказывалъ, что гунны не пришли въ восточную Европу только въ IV вѣкѣ, какъ это говорятъ туранисты вслѣдъ за Дегинемъ, и что мы имѣемъ положительныя извѣстія объ ихъ тузенствѣ со II вѣка по Р. Х., слѣдовательно и не въ этомъ вѣкѣ они пришли сюда, а ранѣе. Что они когда-то пришли изъ Азіи, какъ и другіе славяне, это разумѣется само собою; что въ средней Азіи могла остаться нѣкоторая часть гуннскихъ племенъ, впослѣдствіи затертая татарскими народами—это я считаю весьма вѣроятнымъ. А что имя гунновъ имѣетъ, конечно, свою особую исторію и могло быть или собственное, или чужое, заимствованное, этого вопроса я даже не касался, и пока не считаю его необходимымъ для рѣшенія спора о народности тѣхъ гунновъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Г. Веселовскій очевидно полагаетъ, что Азію я упустилъ изъ виду. Между тѣмъ, если я печатно не вдавался еще въ эту сторону, то просто потому, что еще не достаточно ее изслѣдовалъ, а не потому что бы не имѣлъ никакого запаса данныхъ и соображеній на этотъ счетъ. Г. Веселовскій въ своей статьѣ выступилъ какъ будто съ Азіей; но между тѣмъ, кромѣ приведенной выше одной ссылки на китайскую лѣтопись, ничего фактическаго изъ исторіи Азіи болѣе не указалъ для даннаго вопроса; а далѣе толкуетъ все о тѣхъ же европейскихъ гуннахъ и о тѣхъ же

европейскихъ писателяхъ, т. е. Амміанѣ, Прискѣ, Іорнандѣ, и, разумѣется, ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что сказано до него. (Что же касается до неправильнаго чтенія Хіонгну вмѣсто Хунну, то эта поправка сдѣлана гораздо ранѣе его о. Іакинѳомъ и принята другими русскими оріенталистами, напр. В. В. Григорьевымъ). По своимъ, очевидно, недостаточнымъ свѣдѣніямъ онъ еще менѣе, чѣмъ В. Г. Васильевскій можетъ пускаться въ опроверженія и дѣлать сколько нибудь существенныя поправки. Его поправки могутъ только служить образцомъ пустоты и недобросовѣстности.

Напримѣръ, онъ возстаетъ противъ термина «туранцы», который «означаетъ чистѣйшихъ арійцевъ, какъ это доказано, а не урало-алтайцевъ, какъ думаетъ г. Иловайскій. Нечего, стало быть, сочинять и туранскую расу—иначе это будетъ безсмыслица». Какъ видите, поправка совершенно неумѣстная и вздорная. Г. Веселовскій вообразилъ, будто мнѣ неизвѣстно, что древній Туранъ (нынѣ Туркестанъ) былъ населенъ арійскими народами. Если бы онъ былъ ближе знакомъ съ моими трудами, то узналъ бы, что скиѳовъ, со включеніемъ ихъ закаспійскихъ родичей, извѣстныхъ у древнихъ писателей подъ именами Масагетъ, Саковъ и пр., я считаю арійцами. Ему неизвѣстно въ то же время, что терминъ «Туранцы» чисто условный, взятый отъ позднѣйшаго Турана или Туркестана, изобрѣтенный совсѣмъ не мною, и что я пользуюсь имъ за неимѣніемъ другаго; точно также какъ имъ пользуются всѣ, въ томъ числѣ и В. Г. Васильевскій (на котораго однако упрекъ не распространяется). Даже терминъ Урало-Алтайцы оказывается неудобенъ, потому что, обнимая чудскіе и татарскіе народы, онъ не обнимаетъ монгольскихъ; тогда какъ условный терминъ «Туранцы» ихъ обнимаетъ. Замѣчательно при этомъ то, что отрицая данный терминъ, сей довольно юный оріенталистъ никакого другаго болѣе удовлетворительнаго въ замѣнъ его не предлагаетъ. Точно такой же неумѣстный упрекъ дѣлаетъ мнѣ г. Веселовскій по поводу смѣшенія татаръ съ турками; хотя на этотъ счетъ у меня приведена оговорка въ 47 примѣчаніи ко второй части моей «Исторіи Россіи» (съ которою конечно онъ незнакомъ). По поводу его ссылки на Прокопія: «Массагетовъ нынѣ называютъ Уннами», замѣчу, что я не только туранскихъ массагетовъ считаю арійцами, но и полагаю, что коренная часть ихъ названія сохранилась въ одномъ изъ славянскихъ племенъ, именно въ Мазовіи, Мазурахъ (кстати вотъ вамъ и окончаніе на уры, которое такъ затрудняетъ туранистовъ въ Утригурахъ, Кутригурахъ и т. п.).

Затѣмъ слѣдуетъ такое мнѣ возраженіе: «не прочь онъ (т. е. Иловайскій), повидимому, производить имя гунновъ отъ нѣмецкаго Hund». Тутъ ужъ явная неправда. Изъ Гельмольда, какъ извѣстно, я вывожу, что саксы, пользуясь созвучіемъ словъ Хунъ и Hund, бранили гунновъ собаками. Гдѣ же тутъ у меня производство Гунъ отъ Hund, какъ это сдѣлалъ извѣст-

ный ученый, на котораго намекаетъ мой возражатель? Далѣе, еще подобный образчикъ поправокъ. Г. Веселовскій смѣло приписываетъ мнѣ такое мнѣніе, будто царапаніе лица составляло «обычай только арійскихъ народовъ», и затѣмъ опровергаетъ ссылкою на мою же книгу, которая приводитъ примѣръ царапанія у турокъ. Неужели г. Веселовскій такъ небрежно, чтобы не сказать болѣе, читаетъ тѣ книги, съ которыми вступаетъ въ полемику? Какъ же послѣ того онъ читаетъ тѣ, съ которыми въ полемику не вступаетъ? Нужно ли мнѣ объяснять, что рѣчь шла о варварскихъ обычаяхъ гунновъ, которые туранисты выставляли признакомъ ихъ неарійской народности; а я указывалъ, что подобные обычаи, въ томъ числѣ и царапаніе лица, существовали не у однихъ туранцевъ, но также и у арійцевъ. Поправка его, что царскихъ скиѳовъ слѣдуетъ называть не царскими, а барзилійскими, если и была бы справедлива, никакого отношенія къ вопросу не имѣетъ, т. е. отъ нея ровно ничего не измѣняется изъ моихъ выводовъ.

Г. Веселовскій берется упрекать меня также въ «филологическихъ увлеченіяхъ», самъ не представляя никакихъ доказательствъ своей компетентности. Напримѣръ, я полагаю, что названіе благороднаго класса въ Золотой ордѣ уланами могло перейти туда отъ Аланъ, которыхъ часть, покоренная татарами, вошла въ составъ Золотой орды и отатарилась. Мы нерѣдко видимъ примѣры того, что имя народа дѣлается именемъ какого либо сословія. А г. Веселовскій ссылается на татарскихъ оглановъ, необъясняя толкомъ, въ какомъ отношеніи это названіе находится къ уланамъ, и еще на монгольскія четырехъ-угольныя шапки, которыя тутъ ровно не причемъ.

И такъ въ сущности г. Веселовскій въ своей статьѣ полемизуетъ болѣе съ В. Г. Васильевскимъ и его единомышленниками, чѣмъ со мною. Онъ противорѣчитъ имъ относительно времени появленія гунновъ въ Европѣ и относительно появленія славянъ въ ихъ хвостѣ. Онъ не признаетъ ихъ систему опредѣлять народность по осѣдлому или кочевому состоянію. Онъ согласенъ со мною, что бѣлые гунны могли быть названы «бѣлыми» совсѣмъ не по цвѣту кожи, и что саксы, Беда и Эдда дѣйствительно называли славянъ гуннами. Онъ только полагаетъ, что гуннами славяне назывались «временно». При этомъ очевидно онъ не взялъ въ толкъ самую суть поднятаго мною вопроса. А суть моего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что народъ, произведшій великое движеніе въ Европѣ въ IV и V вв., т. е. народъ Баламіра и Аттилы, извѣстный тогда подъ именемъ гунновъ, принадлежалъ къ славянскому племени. Моихъ доказательствъ, надѣюсь, пока никто не опровергъ; хотя г. Веселовскій и заявляетъ о выше приведенной статьѣ В. Г. Васильевскаго, что, по его мнѣнію, «разборъ этотъ совершенно разрушаетъ теорію г. Иловайскаго». Любопытно, повторяю, то обстоятельство, что это говоритъ человѣкъ, несогласный съ самыми исходными положеніями В. Г. Васильевскаго, который даже не признаетъ тождества Хуновъ

съ Уннами, который весь славянскій міръ ограничиваетъ карпатскими венедами Тацита, и не объясняетъ, откуда взялась огромная масса восточныхъ славянъ. Несогласіе съ его основными положеніями и согласіе относительно ихъ со мною не помѣшало, конечно, г. Веселовскому вострубить первому побѣду, а второму «совершенное разрушеніе»; ибо у подобныхъ возражателей, повторяю, подкладка не научная, а личная. Онъ служитъ нагляднымъ отвѣтомъ на замѣчаніе моего предыдущаго противника о количествѣ ученыхъ, несогласныхъ со мною: вотъ тоже ученый, хотя и молодой (т. е. еще незрѣлый); онъ смѣло выступаетъ противъ меня, не имѣя въ запасѣ ровно ничего фактическаго, чтобы могъ представить въ опроверженіе моихъ изслѣдованій. А изъ подобныхъ возражателей онъ, конечно, не первый и не послѣдній.

Въ концѣ концовъ г. Веселовскій, также какъ и вся туранская школа, не опредѣляетъ народности гунновъ, и «не берется рѣшить этотъ вопросъ». Отсюда непосредственно вытекаетъ другой вопросъ: какая же была цѣль его статейки? Заявить о своемъ существованіи? Впрочемъ, ради вящаго запутыванія дѣла, онъ не прочь предложить и собственный домыселъ на счетъ гуннской народности. Статейка оканчивается слѣдующимъ выводомъ: «намъ сдается, что наши башкиры являются представителями и потомками нѣкогда страшныхъ гунновъ». (Тутъ выходитъ нѣсколько непочтительное разногласіе съ А. А. Куникомъ, который въ чувашахъ открылъ ни болѣе ни менѣе какъ потомство гунно-болгаръ). А немного выше говорится: «наконецъ извѣстно, что послѣ смерти Аттилы гуннская орда отхлынула обратно за Волгу». Это «извѣстно» окончательно обнаруживаетъ незнакомство г. Веселовскаго съ источниками; ибо они ясно говорятъ, что одна часть гунновъ осталась въ придунайскихъ земляхъ, а другая отошла къ черноморскимъ степямъ, откуда она потомъ, соединяясь съ своими единоплеменниками, подъ именемъ болгаръ, завоевала Мизію. Надобно еще имѣть въ виду, что не всѣ гунны поселились съ Аттилою въ Панноніи; значительная часть гунно-болгаръ оставалась въ степяхъ между Дономъ и Волгою. Одно изъ этихъ племенъ потомъ основало Болгарское царство на Волгѣ и Камѣ. Высшій слой этого царства по всѣмъ даннымъ былъ отнюдь не башкирскій. Кромѣ того, въ Средней Азіи могли еще существовать остатки славянъ-болгаръ или гунновъ. Вѣроятно къ нимъ надобно отнести племя хоалитовъ=хвалитовъ=хвалисовъ. Извѣстно, что Каспійское море называлось у насъ прежде Хвалисское, или Хвалынское, или Валынское. По этому поводу замѣчу, что г. Веселовскій возражаетъ и противъ того, чего нѣтъ въ моихъ Разысканіяхъ или что въ нихъ выброшено, напр. сближеніе названій Валыняне и Алане, на которомъ я не остановился. Но сближать названіе Валынянъ съ Хвалисами или Хвалынами продолжаю. Точно также мое сближеніе названія Хусаръ съ народнымъ именемъ Хазаръ онъ хотя отри-

цаетъ какою-то полуфразой (на равнѣ съ словомъ богатырь, которое вѣроятно считаетъ татарскимъ), но фактически не опровергъ. Предположимъ, ему удалось бы фактически опровергнуть это сближеніе; что выиграетъ отъ того туранская теорія относительно гунновъ? Уже самое стараніе подобныхъ возражателей ловить всякое неудачное или мимоходное этимологическое сближеніе, хотя бы для сути вопроса никакого значенія не представляющее и даже давно выпущенное авторомъ (въ родѣ упомянутаго Алане и Валыняне), показываетъ, что этихъ отрицателей чужихъ изслѣдованій одушевляютъ не стремленіе выяснить темные историческіе вопросы, не жажда научныхъ истинъ, а разныя мелочныя побужденія, ничего общаго съ наукою не имѣющія. Положимъ, кто либо изъ филологовъ-спеціалистовъ совершенно невѣрно объяснилъ какое нибудь собственное имя, что бываетъ сплошь и рядомъ; но если онъ туранистъ или норманистъ, то, понятно, ошибка ему въ счетъ не ставится. (Изъ множества тому примѣровъ укажу на послѣдній мнѣ извѣстный. См. въ помянутой выше статьѣ В. Г. Васильевскаго о новомъ изданіи Іорнанда на стр. 380 о Пловдивѣ, т. е. славянскомъ названіи Филиппополя). Между тѣмъ, не выдавая себя за филолога-спеціалиста, я указалъ въ 1871 году на существованіе закона осмысленія собственныхъ именъ. Пусть мнѣ докажутъ, что кѣмъ либо было обнаружено ранѣе меня существованіе этого закона и его примѣненіе къ славянскимъ собственнымъ именамъ.

А что касается до имени гунновъ или хуновъ, то вотъ фактъ, очевидно неизвѣстный г. Веселовскому. На персепольскихъ клинообразныхъ надписяхъ въ числѣ народовъ, подвластныхъ Гистаспу, уже встрѣчается имя Хуна, народа обитавшаго повидимому въ Закавказьѣ. За подробностями отсылаемъ его къ книгѣ покойнаго Услара «Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ» (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. X. Тифл. 1881 г.). Тамъ же онъ найдетъ болѣе подробныя, чѣмъ въ его статейкѣ, разсужденія объ усуняхъ, юэтахъ-гетахъ и другихъ арійскихъ кочевникахъ древняго Турана. Относительно эрудиціи Усларъ, конечно, былъ не чета г. Веселовскому. Это обстоятельство, однако, не мѣшало покойному барону и въ наукѣ до нѣкоторой степени отдавать дань своему не русскому происхожденію, т. е., по примѣру нашихъ академиковъ-нѣмцевъ, и на Кавказѣ, и въ Средней Азіи преимущественно разыскивать слѣды нѣмцевъ и спеціально игнорировать славянъ; каковую цѣль сіи академики не мало преслѣдовали и во время своихъ экспедицій на казенныя средства. Отъ таковаго игнорированія славянъ и получались часто неудовлетворительные результаты ихъ изслѣдованій и экспедицій. Къ числу такихъ результатовъ можно отнести слѣдующій фактъ, разсказанный самимъ Усларомъ въ письмѣ къ Ад. П. Берже. «Разъ спросилъ я одного довольно образованнаго осетина: «есть-ли у васъ преданія о вашемъ происхожденіи?» «Какъ же есть. У насъ толкуютъ въ народѣ, что

мы одного происхожденія съ нѣмцами». Это сильно подстрекнуло мое любопытство. «Разскажите, пожалуйста, какъ у васъ толкуютъ объ этомъ». — «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ намъ пріѣзжалъ какой-то ученый нѣмецъ, и сказывалъ намъ это; съ тѣхъ поръ и толкуютъ объ этомъ въ народѣ». Вотъ вамъ и преданія» (ibid XX).

Въ заключеніе своего отвѣта замѣчу:

Если въ настоящей статьѣ я нѣсколько инымъ тономъ отношусь къ своему противнику № 21, чѣмъ къ предыдущему, то потому, конечно, что В. Г. Васильевскому многое можно извинить ради его ученыхъ заслугъ вообще; тогда какъ за № 21, сколько мнѣ извѣстно, особыхъ ученыхъ заслугъ еще не имѣется, эрудиція его небольшая, а потому и правъ на голословное отрицаніе чужихъ изслѣдованій у него еще менѣе. Когда онъ поболѣе поработаетъ надъ наукою, поболѣе будетъ изучать и вдумываться въ историческіе вопросы и добросовѣстнѣе относиться къ авторамъ, то убѣдится, что легко написать безсодержательную полемическую статейку, но не такъ-то легко опровергнуть аргументы и выводы, представленные въ «Пересмотрѣ вопроса о гуннахъ». Онъ убѣдится тогда, до какой степени неисторично было его предположеніе о томъ, что башкиры въ IV—V вв. потрясли почти весь европейскій континентъ, произвели столько переворотовъ въ международныхъ отношеніяхъ и устрашали непріятелей одною своею наружностію.

Къ старымъ возражателямъ, вѣроятно, присоединятся новые, и за № 21-мъ послѣдуютъ другіе номера. Я всегда къ ихъ услугамъ. Когда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Венелинъ поднялъ вопросы о гуннахъ и болгарахъ, то норманисты и туранисты, петербургскіе и заграничные, воспользовавшись тѣмъ, что было незрѣлаго и лишняго въ его изслѣдованіяхъ, отвергли и то, что было въ нихъ дѣльнаго и справедливаго. Вмѣсто спокойнаго, научнаго отношенія къ вопросу, нѣмцы и славянскіе ихъ пособники общими силами постарались его замять. Смѣю увѣрить ихъ послѣдователей, что теперь замять невозможно: постановка вопроса и условія для борьбы теперь иныя.

III.

Съ нѣкотораго времени я началъ вести нѣчто въ родѣ хроники для тѣхъ трудовъ по русской исторіи (также по болгарской и общеславянской), которые касаются ея начала, и выставлять на видъ, какъ это начало у туранистовъ и норманистовъ всегда находится въ противорѣчіи съ фактами, благодаря ихъ исходному пункту, отказывающему русской націи въ самостоятельномъ происхожденіи.

Въ настоящее время приходится занести въ ту же хронику и докторскую диссертацію московскаго профессора В. О. Ключевскаго «Боярская Дума

Древней Руси» — трудъ вообще весьма почтенный и добросовѣстный. Съ XV и XVI вѣковъ онъ представляетъ прекрасную фактическую разработку предмета. Тутъ могутъ быть споры только относительно комментарій и того освѣщенія, которое онъ даетъ тѣмъ или другимъ фактамъ. Можетъ быть, при случаѣ мы еще вернемся къ этой главной части его труда. Въ данный моментъ обратимъ вниманіе только на его начало, на первыя главы. Авторъ могъ бы вести исторію боярской думы собственно съ XIV вѣка, т. е. съ московскаго періода. Но онъ не удовольствовался этимъ періодомъ; а повелъ исторію съ призванія варяговъ, т. е. съ фиктивнаго начала Руси, и не ограничился собственно думою или княжескими совѣтниками; а предпринялъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторію всего боярскаго и почти всего служилаго сословія. Такимъ образомъ ему пришлось коснуться происхожденія самаго русскаго государства и характеризовать его начальные періоды. Вотъ тутъ-то его диссертація представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, на нашъ взглядъ не выдерживающія исторической критики, т. е. недостаточно продуманныя и провѣренныя.

Во-первыхъ, въ основу всего зданія русскаго государства онъ положилъ торговлю, и преимущественно внѣшнюю; выходитъ, будто наше государство возникло на торговыхъ основаніяхъ—оригинальный выводъ, для котораго въ исторіи нѣтъ аналогіи. Вездѣ государства возникали изъ борьбы племенъ и народовъ, т. е. силою оружія. «И древнее кіевское преданіе, и скандинавская сага представляютъ варяга на Руси прежде всего вооруженнымъ купцомъ, попавшимъ туда, чтобы пробраться въ греки» — говоритъ авторъ (28 стр.). Положеніе не совсѣмъ вѣрное. Выраженіе лѣтописи «бѣ путь изъ варягъ въ греки» сказано въ XII вѣкѣ, когда варяжскіе купцы торговали въ Новгородѣ, новгородскіе же ѣздили и за море къ варягамъ, и на югъ въ Кіевъ; а кіевскіе ѣздили въ Византію. Этотъ водный торговый путь находился подъ покровительствомъ русскихъ князей; слѣдовательно онъ сдѣлался проторенною дорогою для торговли не прежде основанія русскаго государства, а послѣ. Никакая скандинавская сага не представляетъ варяга на Руси прежде всего вооруженнымъ купцомъ, но изображаетъ его или простымъ наемникомъ, или знатнымъ выходцемъ на службѣ у кіевскаго князя. Не только въ первой половинѣ IX вѣка, даже въ первой половинѣ X-го, еще не былъ извѣстенъ торговый путь прямо изъ Скандинавіи въ Византію; былъ извѣстный путь только отъ Новгорода, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Константинъ Б. Все это мною уже не одинъ разъ указано въ «Разысканіяхъ».

«Такъ до половины IX вѣка русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ пунктомъ обширнаго

промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область; изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилась военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью» (31—32).

Построеніе, какъ видите, слишкомъ искусственное и не имѣющее строгаго, фактическаго основанія. Ранѣе (на стр. 19 и 20) авторъ говоритъ о какомъ-то военномъ союзѣ восточныхъ славянъ въ VI вѣкѣ, съ племенемъ дулѣбовъ-волынянъ во главѣ, о какомъ-то воинственномъ движеніи этихъ славянъ, о передвиженіи ихъ съ Карпатъ къ Днѣпру въ VI и VII вв. Но все это основано болѣе на соображеніяхъ и догадкахъ, чѣмъ на положительныхъ свидѣтельствахъ. А, главное, на слѣдующихъ страницахъ тѣ же воинственные славяне какимъ-то образомъ превращаются въ мирныхъ купцовъ, до того пассивныхъ, что они только и могутъ смиренно поддаваться чужому господству, ища покровительства своимъ «торговымъ оборотамъ», сначала у хазаръ, потомъ у призванныхъ варяговъ. Въ VI и VII вѣкахъ, авторъ признаетъ существованіе собственныхъ и многочисленныхъ князей у славянъ; но потомъ они куда-то пропадаютъ; а затѣмъ являются «соціальными, если не генеалогическими предками нашихъ градскихъ старцевъ X вѣка» (17). Правда, и въ X вѣкѣ у славянъ упоминаются свои князья, напримѣръ, Малъ древлянскій; но они повидимому были не болѣе какъ вождями мѣстной старшины, которая руководила мѣстной промышленностію (33). Этому необыкновенному влеченію славянъ къ торговымъ оборотамъ скоро подчинились и призванные князья, безпрепятственно овладѣвшіе всѣмъ торговымъ путемъ изъ варягъ въ греки. «Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности». «Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они (варяжскіе конунги) перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути». «Такъ, первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, дѣломъ внѣшней русской торговли» (35—36).

Вотъ къ какимъ необычайнымъ выводамъ приводитъ иногда даже наиболѣе достойныхъ изслѣдователей русской древности одна какая нибудь невѣрно истолкованная фраза лѣтописи въ родѣ «бѣ путь изъ варягъ въ греки». Совершенно аналогическій случай я указалъ (въ «Разысканіяхъ») по поводу другаго почтеннаго труда, «Исторіи Русской церкви» — Голубинскаго, который на основаніи очевидно позднѣйшей глоссы («мнози бо бѣша

варязи христіане») введеніе и распространеніе у насъ греческаго православія приписалъ никому иному, какъ скандинавамъ варягамъ, оказавшимся, какъ извѣстно, латинскаго вѣроисповѣданія.

Далѣе авторъ изображаетъ русскихъ князей, заключавшихъ договоры съ греками, не болѣе какъ купцами, а русскихъ пословъ ихъ торговыми агентами (39); хотя въ договорѣ Игоря ясно отличаются имена княжескихъ бояръ-пословъ отъ именъ купеческихъ. Это увлеченіе торговыми оборотами достоуважаемый авторъ распространяетъ на весь Кіевскій періодъ нашей исторіи. У него выходитъ, что кіевская Русь, включая и князей и бояръ, въ особенности занималась торговлею, и тѣмъ будто бы отличается отъ нея позднѣйшій періодъ, т. е. Русь суздальско-московская, которая занималась преимущественно земледѣліемъ и потому имѣла уже аристократію землевладѣльческую. Въ дѣйствительности такого рѣзкаго различія между этими періодами не было: наоборотъ, населеніе кіевской Руси занималось преимущественно земледѣліемъ, хотя отнюдь не чуждо было промышленнаго духа и имѣло значительные торговые города. Бояре уже тогда были классомъ по преимуществу землевладѣльческимъ (прибавлю: и рабовладѣльческимъ), а совсѣмъ не торговымъ. Въ суздальско-московской Руси, наряду съ земледѣліемъ, населеніе отличается замѣчательнымъ торгово-промышленнымъ духомъ.

Точно также не совсѣмъ вѣрно опредѣленъ характеръ новгородскаго боярства, которое въ книгѣ является не болѣе какъ собраніемъ «нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ домовъ», созданныхъ внѣшнею торговлею. Боярство тутъ будто бы «превратилось въ капиталистовъ-дисконтеровъ, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли ихъ, ссужая торговцевъ своими капиталами» (10). Если новгородскіе бояре давали деньги въ займы, то это обстоятельство нисколько не означаетъ, что они занимались торговыми оборотами. На такомъ основаніи и патриціевъ древняго Рима можно назвать купеческимъ классомъ, тогда какъ онъ былъ землевладѣльческій. Авторъ при этомъ не обратилъ вниманія на цѣлую группу источниковъ, по которымъ можно судить объ имущественной сторонѣ новгородскаго боярства — духовныя грамоты. Тамъ постоянно говорится о землѣ, селахъ, разныхъ угодьяхъ, деньгахъ, челяди и другихъ предметахъ; но только однажды встрѣтили мы «лавку на Хоныльскомъ ряду», и то безъ всякаго болѣе яснаго указанія на торговлю (м. б. помѣщеніе, отдаваемое въ наймы подъ лавку). По всѣмъ даннымъ, даже новгородское боярство было классомъ по преимуществу землевладѣльческимъ.

Кромѣ явнаго увлеченія предполагаемою первенствующею ролью внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ въ процессѣ зарожденія русскаго государства, другимъ болѣе важнымъ недостаткомъ первыхъ главъ книги является отсутствіе самаго племени, которое создало это государство. Любопытно, что русскій историкъ, пытаясь объяснить происхожденіе господствующаго, правительствен-

наго сословія, упустилъ изъ виду то племя, тотъ народъ, изъ котораго это сословіе выдѣлилось; однимъ словомъ, въ началѣ русской исторіи мы здѣсь почти не находимъ русскаго народа. Изъ книги очень трудно понять, откуда взялся этотъ русскій народъ, откуда взялось русское боярство. О варягахъ онъ говоритъ, а о руссахъ какъ бы молчитъ, такъ что ихъ взаимное отношеніе остается вопросомъ. Если даже возьмемъ ея норманскую исходную точку зрѣнія, то все-таки не получаемъ яснаго отвѣта на то: была-ли Русь туземное племя или Русь не существовала въ Россіи до призванія Рюрика? Гдѣ кончаются пришлые варяги и гдѣ начинается туземная Русь? Могучее русское племя, жившее на Среднемъ Днѣпрѣ и его притоках, и многочисленныя русскія дружины, основавшія обширное государство, заставившія говорить о себѣ многихъ иноземныхъ писателей и выдѣлившія изъ себя русское боярство, эти дружины и это племя почти игнорируются въ данномъ изслѣдованіи. Княжеско-дружиннаго быта, столь ярко характеризующаго кіевскій періодъ, также здѣсь не находимъ. Вмѣсто него мы видимъ гадательное сочетаніе восточнославянскихъ торговыхъ оборотовъ съ предполагаемыми «варяжскими компаніями». Очевидно, авторъ недостаточно вдумался въ процессъ образованія какъ боярскаго сословія, такъ и русскаго государства вообще; поэтому и его изложеніе въ первыхъ главахъ страдаетъ запутанностію и нѣкоторою темнотою. Отношенія боярства къ князю, отношенія племенныя и дружественно-служебныя, не только не выяснены, а скорѣе искажены разсужденіями о боярахъ, какъ о «наемныхъ сотрудникахъ» князя, съ которыми онъ совѣтовался не ради ихъ политическаго права, а ради практическаго удобства (74).

Если бы В. О. Ключевскій прямо заявилъ, что онъ принимаетъ на вѣру всю систему начала Руси, сочиненную норманской школой, и ничего не желаетъ знать о моихъ изслѣдованіяхъ по данному предмету, это было бы просто и откровенно. Но авторъ пытается какъ бы подкрѣпить свою школу нѣсколькими новыми аргументами, и тутъ косвенно полемизуетъ со мною (т. е. не называя меня). Такъ онъ ссылается на недавно обнародованные отрывки изъ еврея Ибрагима, X вѣка (34 стр.), и повторяетъ толкованія А. А. Куника, хотя у меня указано, до какой степени эти толкованія произвольны и какъ мало зналъ Ибрагимъ о Руси и восточныхъ славянахъ («Разысканія», 453 стр.). Затѣмъ авторъ «Боярской думы» самъ отыскалъ еще доказательство тождества русскаго боярина съ варягомъ, именно въ «Словѣ о смиреніи», гдѣ говорится: «отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ» (38). Здѣсь нѣтъ даже имени ни Руси, ни варяговъ. Но авторъ усматриваетъ тутъ намекъ на двухъ лѣтописныхъ варяговъ-мучениковъ 983 года, разумѣется, отвергая критику самаго лѣтописнаго текста или позднѣйшей лѣтописной редакціи и гадательно относя «Слово о смиреніи» къ «первымъ временамъ христіанства на Руси». Точно также, не представляя никакихъ данныхъ, онъ

считаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» написанною «не позже смерти Ярослава I» (28). Слѣдовательно разногласитъ съ своею школою, которая сочинителемъ ея называетъ Нестора.

В. О. Ключевскій коснулся даже и этимологіи для подкрѣпленія варяговъ. По его мнѣнію, слово витязь есть нечто иное, какъ «русская форма скандинавскаго викинга» (35); хотя корень вит весьма распространенъ въ славянскихъ языкахъ и хотя слово «витязь» принадлежитъ не однимъ русскимъ, но также и другимъ славянамъ, напримѣръ, полякамъ и сербамъ. Онъ, конечно, основывается на придуманномъ норманистами законѣ, что германское окончаніе на ing переходитъ въ русскомъ въ ягъ или язь, и что русскія слова съ такимъ окончаніемъ суть не свои, а заимствованныя. Законъ этотъ мнимый, на что я указалъ въ своихъ «Разысканіяхъ» (387). Прибавлю еще слѣдующій примѣръ: наше слово рынокъ соотвѣтствуетъ нѣмецкому Ring или староскандинавскому Hring; но не соотвѣтствуетъ теоріи норманистовъ, по которой выходило бы рягъ или рязь. (Мы вспомнили тутъ о рынкѣ потому, что почтенный авторъ кладетъ его краеугольнымъ камнемъ своего зданія).

Рядомъ съ увлеченіемъ торговыми оборотами и варяжествомъ, въ первыхъ главахъ у В. О. Ключевскаго встрѣчаются и нѣкоторыя фактическія погрѣшности. Напримѣръ, на основаніи никоновскаго, т. е. позднѣйшаго свода, миеическіе Аскольдъ и Диръ у него въ 867 года обороняютъ Кіевъ отъ печенѣговъ (23); хотя, по извѣстію болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, первый приходъ печенѣговъ на Русь отнесенъ ко времени Игоря, именно къ 915 году, и это извѣстіе согласно съ византійскими свидѣтельствами о времени появленія печенѣговъ въ южно-русскихъ степяхъ. Далѣе, у него въ Кіевѣ вмѣсто собранія «лучшихъ людей» города на княжемъ дворѣ для какого либо общаго совѣта съ боярами (на что имѣются неоднократныя и ясныя свидѣтельства), наоборотъ самъ князь, съ дружиной и боярами. «иногда являлся на городской площади среди вѣча, чтобы сообща обсудить дѣло» (45 и 73). И при этомъ ссылка на одинъ только, и то необычайный, случай, на мятежное вѣче кіевлянъ противъ Игоря II въ 1146 году; причемъ отнюдь не самъ великій князь явился среди этого вѣча, а послалъ туда для переговоровъ своего брата. Это не одинъ примѣръ того, что авторъ беретъ форму совѣщанія изъ временъ какой либо смуты или междоусобія и возводитъ ее въ общее правило. Замѣтно также нѣкоторое смѣшеніе болѣе древняго военнаго дѣленія русскаго племени на тысячи и сотни, съ позднѣйшимъ понятіемъ о тысяцкихъ, какъ городовыхъ сановникахъ; причемъ указано на отсутствіе тысяцкаго въ администраціи Пскова (30); но тутъ не принято въ расчетъ, что во Псковѣ было два степенныхъ посадника, изъ которыхъ одинъ, конечно, исполнялъ обязанности тысяцкаго. Вообще довольно темно говорится объ отношеніяхъ земства къ князю и боярамъ, и между прочимъ

земская рать изображается какъ бы исключительно «городовою» (40). При чемъ упущенъ изъ виду извѣстный отвѣтъ Владиміра Мономаха дружинникамъ, которые говорили, что не время отнимать смердовъ и коней ихъ отъ пахоты. «Удивительно мнѣ—сказалъ Мономахъ—вы жалѣете ихъ лошадей; но не подумаете о томъ, что начнетъ смердъ пахать, а половчинъ пріѣдетъ, убьетъ смерда, кобылу его возьметъ, потомъ въѣдетъ въ село, возьметъ жену его, дѣтей и все имѣніе». Эти слова, наряду съ другими свидѣтельствами, ясно указываютъ, что земская рать состояла изъ горожанъ и сельчанъ, и что кіевская Русь была не менѣе земледѣльческою, чѣмъ суздальско-московская.

Оставимъ дальнѣйшія подробности и замѣчанія, чтобы не слишкомъ расширять размѣръ своей статьи. Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы видѣть, какъ норманская теорія и преувеличенное значеніе внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ повліяли въ данной книгѣ на очеркъ русской начальной исторіи. Повторяю, книга достоуважаемаго В. О. Ключевскаго составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку по отношенію къ XV—XVII вѣкамъ нашей исторіи. Къ сожалѣнію, предыдущіе вѣка, т. е. ея первыя главы, портятъ общее впечатлѣніе.

Тѣ, которые присутствовали на докторскомъ диспутѣ В. О. Ключевскаго, 29-го сентября сего года, найдутъ въ моей статьѣ только повтореніе нѣкоторыхъ предложенныхъ мною диспутанту возраженій, обставленныхъ на сей разъ цитатами изъ его книги.

12-го октября 1882 г.
Москва.

Д. И. Иловайскій.

Примѣчаніе. Мы имѣли удовольствіе присутствовать на диспутѣ профессора В. О. Ключевскаго и подтверждаемъ, что сущность замѣчаній Д. И. Иловайскаго была та, какая изложена выше. Но не объ этомъ мы хотимъ здѣсь отмѣтить. Мы хотимъ засвидѣтельствовать о томъ полнѣйшемъ удовольствіи, какое испытали въ теченіи четырехъ часовъ, пробывъ на ученомъ состязаніи, имѣвшемъ мѣсто въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета,—29-го сентября 1882 г.

Двадцать шесть лѣтъ не довелось намъ быть въ Московскомъ Университетѣ; и какъ въ 1855—1856 гг. мы съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, тогда еще почти юношею, посѣщали и лекціи въ Университетѣ, и диспуты въ его стѣнахъ, съ тѣмъ же чувствомъ провели и теперь въ немъ время. И въ самомъ дѣлѣ: на кафедрѣ молодой ученый-профессоръ, достойный ученикъ знаменитаго историка С. М. Соловьева,—вполнѣ владѣющій своимъ предметомъ и пользующійся симпатіями массы его слушателей и слушательницъ;—четыре опонента-профессора (Н. А. Поповъ, г. Павловъ, Д. И. Иловайскій и еще одинъ юристъ) представляютъ свои замѣчанія, вполнѣ серьезныя, дѣльныя, безъ раздраженія, безъ остроумничанья, безъ болтовни... Слушатели: множество профессоровъ разныхъ факультетовъ, свѣтскія и духовныя власти—

ибо въ Москвѣ ученый диспутъ—событіе, интересующее общество, а не одинъ только факультетъ,—наконецъ вся громадная зала наполнена молодежью обоего пола, до того, что—яблоку упасть негдѣ! И если сказать, что опоненты (за исключеніемъ Н. А. Попова и Д. И. Иловайскаго)—да и самъ докторъ-профессоръ говорятъ такъ тихо, что въ десяти шагахъ почти не слышно, то просто подивишься до какой степени вся эта молодежь благоговѣйно чтитъ науку, что въ теченіи 4-хъ часовъ, не шелохнувшись, внемлетъ ученому диспуту...

Въ виду важности для отечественной исторіи труда В. О. Ключевскаго, помѣщаемъ здѣсь еще одинъ отзывъ о его книгѣ. Ред.

Боярская дума древней Руси.

В. Ключевскаго. Москва. 1882. 554 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Первый обстоятельный очеркъ, посвященный означенному вопросу, принадлежитъ Н. П. Загоскину (Казань, 1877 г.).

Настоящій трудъ есть переработка очерковъ «Боярской думы», печатавшихся въ теченіи продолжительнаго времени въ журналѣ «Русская мысль». Авторъ ведетъ свое изслѣдованіе ab ovo, т. е. не только съ IX—X вѣка, а нисходитъ въ глубь вѣковъ, когда исторія впервые застаетъ восточныхъ славянъ въ общественномъ союзѣ (VI в.) и доводитъ до начала XVIII вѣка. Онъ разсказываетъ судьбы боярской думы, въ связи съ исторіею другихъ органовъ власти и общественными явленіями, тѣсно связанными съ исторіею разсматриваемаго института, слѣдя, можно сказать, изъ вѣка въ вѣкъ за его перемѣнами на пространствѣ всей территоріи Русской земли: въ отдѣльныхъ княжествахъ, независимыхъ общинахъ и въ Московскомъ государствѣ, которому и посвящается затѣмъ вся остальная часть труда. Авторъ собралъ массу фактовъ и систематизировалъ ихъ по отдѣльнымъ мелкимъ группамъ, сообщилъ имъ видъ категорическихъ положеній, притомъ носящихъ иногда апріористическій характеръ. Въ заключительной главѣ (по счету XXVI), составляющей окончательный выводъ, авторъ развиваетъ мысль, что въ соціально-политическомъ значеніи московской боярской думы отразился основной фактъ всей исторіи Московскаго государства. Въ другомъ мѣстѣ онъ формулируетъ разсматриваемый институтъ еще такъ: «Въ періодъ наиболѣе напряженной своей дѣятельности съ половины XV и до конца XVII вѣка, это учрежденіе было творцомъ сложнаго и во многихъ отношеніяхъ величественнаго государственнаго порядка, установившагося на огромномъ пространствѣ московской Руси, того порядка, который только и сдѣлалъ возможными смѣлыя внѣшнія и внутреннія предпріятія Петра, далъ необходимыя для того средства, людей и самыя идеи: даже

идеи Петра, по крайней мѣрѣ основныя, наиболѣе плодотворныя изъ нихъ, выросли изъ московскаго государственнаго порядка и достались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ съ выдержаннымъ, удивительно дисциплинированнымъ политически, обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь». Общій характеръ Думы представляется автору въ такомъ видѣ: «Московская боярская дума по своему устройству и характеру дѣятельности была созданіемъ того же факта, который послужилъ исходной точкой исторіи самаго Московскаго государства. Это государство началось военнымъ союзомъ мѣстныхъ государей Великороссіи, подъ руководствомъ самаго центральнаго изъ нихъ, союзомъ, вызваннымъ образованіемъ великорусской народности и ея борьбой за свое бытіе и самостоятельность. Дума стала во главѣ этого союза, съ значеніемъ военно-законодательнаго совѣта мѣстныхъ союзныхъ государей съ ихъ вольными слугами боярами, собравшимися въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ своего вождя.»

Не смотря однако на массу собранныхъ фактовъ и важность разсматриваемаго института, изслѣдователь вынужденъ сознаться, что «политическая и административная исторія боярской думы темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія. Закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи; правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива (?). Такимъ образомъ изслѣдователь лишенъ возможности возстановить, на основаніи подлинныхъ документовъ, какъ политическое значеніе думы, такъ и порядокъ ея дѣлопроизводства. Въ предлагаемомъ опытѣ (?) читатель не найдетъ удовлетворительнаго отвѣта на многіе вопросы, касающіеся того и другаго, и встрѣтитъ не мало догадокъ, которыми авторъ пытался восполнить недостатокъ прямыхъ историческихъ указаній. Благодарнѣе и любопытнѣе соціальная исторія думы». Впрочемъ несуществованіе извѣстнаго рода матеріаловъ не значитъ, чтобы ихъ не было въ свое время (стр. 365), а слѣдовательно и вопросъ объ этомъ, какъ характерномъ явленіи самаго учрежденія, нѣсколько видоизмѣняется. Гораздо важнѣе было бы поэтому выяснить, почему именно сложился подобный характеръ разсматриваемаго учрежденія сравнительно съ подобными институтами въ другихъ государствахъ, т. е. желательно было бы видѣть болѣе широкое примѣненіе сравнительно историческаго изслѣдованія даннаго вопроса. Авторъ самъ сознавалъ эту необходимость (стр. 62—64, 143, 151—156), но ограничился общими замѣчаніями и не провелъ этого сравненія до конца. Въ особенности это желательно было бы по отношенію къ сосѣднему литовско-польскому государству, для чего, конечно, понадобились бы экскурсіи въ область спеціальной литературы по этимъ вопросамъ. Ав-

торъ также не коснулся вліянія литовско-польскихъ воззрѣній на политическія мнѣнія московскихъ бояръ, не разъ проявлявщагося, при частыхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и политическихъ столкновеніяхъ, въ теченіи XVI—XVII столѣтій, хотя въ нашей литературѣ этотъ вопросъ былъ въ свое время намѣченъ и отчасти формулированъ К. Д. Кавелинымъ.

Въ приложеніяхъ авторъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ по частнымъ вопросамъ, входящимъ въ его трудъ.

г. Кіевъ.
29-го сентября 1882 г.

В. С. Иконниковъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

Глава вторая [1]).

Записки его объ управлении Сѣверо-западнымъ краемъ и объ усмирении въ немъ мятежа,

1863—1866 гг.

Ретроспективный обзоръ событій 1863 г.—Моральное и политическое положеніе края.—Сношенія главнаго управленія Сѣверо-Западнаго края съ высшимъ правительствомъ.—Возраждающееся противудѣйствіе высшихъ властей и особыя болѣе или менѣе замѣчательныя въ 1863 году событія.

I.

Я изложилъ вкратцѣ общій обзоръ хода мятежа и подавленія онаго въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ и временно присоединенной къ моему управленію Августовской губерніи.

Изъ этого описанія видны всѣ мѣстныя трудности и въ особенности самое развитіе мятежной организаціи во всемъ краѣ, поддерживаемой польской эмиграціею за границей, утвердившимся революціоннымъ жондомъ въ Варшавѣ, развитіемъ всеобщаго мятежа во всемъ Царствѣ Польскомъ и агентами онаго въ Петербургѣ и Россіи.

Заграничное вліяніе революціонной партіи увлекло противу насъ главныя Европейскія державы: Францію, Англію и Австрію; дипломатическія наши сношенія шли неуспѣшно и уступчивость наша возраждала еще бо̀льшую самонадѣянность польскихъ мятежниковъ. Они имѣли полную надежду на содѣйствіе Англіи

---

[1]) Первая глава напечатана въ „Русской Старинѣ" изд. 1882 г. томъ XXXVI, ноябрь, стр. 337—432.

анціи. Всѣ успѣшно принимаемыя мѣры въ Сѣверо-Запад-
губерніяхъ получали на мѣстахъ противодѣйствіе не столь-
атеріальное, сколько моральное отъ надеждъ, что Западныя
авы принудятъ петербургское правительство согласиться на
ванія поляковъ и подчиниться необходимости возстановленія
ши.

Іадежды эти еще болѣе возрастали при видимомъ не только
ѣйствіи (?) управленія Царствомъ Польскимъ, но даже какъ
при явномъ сочувствіи мятежу партіи такъ называемыхъ
ыхъ," тайно руководимой маркизомъ Велiопольскимъ.
Революціонеры въ Западныхъ губерніяхъ ожидали высадки
цузскихъ войскъ въ Курляндіи, и на границахъ Ковенской гу-
іи. Надежды эти, при легкомысленности поляковъ, скоро обра-
сь въ несомнѣнную увѣренность и никакія убѣжденія не
и ихъ въ томъ разувѣрить; между тѣмъ петербургское пра-
ьство наше само колебалось (?) и тогда только рѣшилось гово-
самостоятельно, отстаивая интересы Россіи, когда приняты-
мною энергическими мѣрами видимо ослабился мятежъ въ
еро-Западныхъ губерніяхъ, такъ что въ половинѣ іюля 1863 г.
ь министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, видѣвшій съ
й стороны общее возбужденное въ Россіи чувство оскорблен-
народности и патріотизма, а съ другой—сильно подавляемый
мятежъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, рѣшился энерги-
ми нотами отвергнуть всѣ нахальныя требованія Западныхъ
авъ и польской заграничной эмиграціи, которая образовалась
иде польской оффиціальной власти, почти признаваемой
ранными державами.

ь изданіемъ рѣшительнаго категорическаго отзыва князя
кова Западнымъ державамъ, начали упадать и надежды
кихъ революціонеровъ, такъ что уже въ августѣ мѣсяцѣ
г., какъ мною было сказано, принятыя мѣры къ подавле-
ятежа возъимѣли полный успѣхъ.

чувствіе Россіи къ правительственнымъ мѣрамъ и къ при-
ъ мною въ Сѣв.-Западныхъ губерніяхъ довершили успѣхъ
го дѣла возрожденія русской народности въ Сѣв.-Запад-
краѣ.

ѣ польскія долголѣтнія козни, происки и враждебныя дѣй-
противъ Россіи явно обнаружились предъ Россіею.

Россія вступилась за древнее свое достояніе, столь постыдно въ теченіи десятковъ лѣтъ обращаемое въ польскія провинціи слабостью и неразумѣніемъ, какъ высшаго правительства, такъ и мѣстныхъ исполнителей. Сочувствіе Россіи къ святому дѣлу возстановленія православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ было такъ велико и всеобще, что я изъ всѣхъ краевъ великаго нашего отечества получалъ благодарственные адресы за успѣшное побореніе мятежа: отъ духовенства, дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей; кромѣ адресовъ присылаемы мнѣ были святыя иконы, и все это придавало мнѣ нравственную и, могу сказать, тѣлесную силу для преодолѣнія всѣхъ трудностей на мѣстѣ и для борьбы съ нѣкоторыми правительственными лицами, не сочувствовавшими принятымъ къ укрощенію мятежа мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то же время, т. е. въ самый разгаръ мятежа, я получалъ, почти ежедневно, анонимныя ругательныя письма изъ всѣхъ странъ Европы и на всѣхъ языкахъ; въ этихъ письмахъ, кромѣ угрозы убійства кинжаломъ и ядомъ, предвѣщали неуспѣхъ принятыхъ мною мѣръ, ибо вся Европа за поляковъ и что Россія не въ силахъ противустать требованіямъ Западныхъ державъ.

Между этими безмысленными посланіями были весьма замѣчательныя; такъ, напримѣръ, нѣкоторые увѣщевали меня именемъ религіи оставить поляковъ въ покоѣ; другіе, какъ бы по дружбѣ, просили о томъ же; нѣкоторые вызывали меня на поединокъ, угрожая смертію отъ тайныхъ агентовъ, посланныхъ въ Вильну; такихъ посланій я получилъ болѣе 100, съ разными карикатурами, ругазіями, висѣлицами, эшафотами и тому подобное.

Посланія эти были однимъ изъ средствъ для устрашенія меня, ибо революціонеры видѣли, что принимаемыми мною мѣрами мятежъ скоро началъ утихать и эти угрозы преимущественно продолжались до сентября и октября 1863 г., т. е. когда они уже увидѣли безполезность принятыхъ ими мѣръ и что мятежъ окончательно уничтожался въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Коллекцію этихъ руганій и угрозъ я сохранилъ въ видѣ историческаго документа моральнаго напора Европы, каковой производилъ на меня совершенно противное дѣйствіе: онъ возбуждалъ во мнѣ еще бо́льшую энергію и при сильномъ, почти ежедневно ознаменовы-

вавшемся сочувствіи православной нашей Россіи, съ помощію Божіей, я могъ въ короткое время смирить крамолу и дать возможность правительству нашему дѣйствовать съ бо́льшею самостоятельностію, ибо оно увѣрилось, что въ Царствѣ Польскомъ мятежъ можетъ быть скоро укрощенъ, если тамошнее начальство будетъ слѣдовать той же системѣ и мѣрамъ, которыя были приняты мною въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Уже въ половинѣ августа мѣсяца 1863 г. высочайше повелѣно было, по возможности, держаться въ управленіи Царствомъ Польскимъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты были мною въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1863 г. графъ Бергъ вступилъ въ управленіе Царствомъ; маркизъ Веліопольскій уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и поѣхалъ за границу. Со всѣми этими перемѣнами въ личномъ составѣ главнаго управленія Царствомъ Польскимъ измѣнилась и система дѣйствій; графъ Бергъ почти безусловно принялъ мою систему противъ мятежа и, по соглашенію съ нимъ и съ высочайшаго соизволенія, присоединенъ къ управленію моему Ломжинскій уѣздъ, болѣе другихъ сосредоточивавшій въ себѣ мятежныя скопища, но и сей уѣздъ, за принятыми мною строгими мѣрами, былъ въ самое короткое время усмиренъ.

Съ выѣздомъ изъ Царства Польскаго Веліопольскаго, съ принятіемъ энергическихъ мѣръ противъ мятежа, онъ постепенно и въ скоромъ времени сталъ утихать, но продолжался еще до конца 1864 г. и я вынужденъ былъ постоянно принимать мѣры, дабы не вторгались во ввѣренный мнѣ край шайки изъ Царства Польскаго.

II.

Моральное настроеніе края ясно видно изъ всего уже сказаннаго: крамола и мятежъ распространены были въ ономъ повсемѣстно дѣйствіями польской пропаганды въ теченіи десятковъ лѣтъ; урокъ 1831 г. намъ мало послужилъ въ пользу; послѣ строгихъ мѣръ, первоначально принятыхъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, вскорѣ послѣдовали исключенія изъ оныхъ, засимъ послабленія въ исполненіи, и, наконецъ, если не полная отмѣна ихъ, то совершенное неисполненіе.

Въ 1833 году явились въ Западномъ краѣ польскіе эмиссары, отправленные изъ Парижа отъ учрежденнаго тамъ Общества правъ человѣчества (société des droits de l'homme); они проникли въ Виленскую и Гродненскую губерніи, независимо отъ немалаго числа находившихся въ Царствѣ Польскомъ. Тогда въ Вильнѣ былъ генералъ-губернаторомъ кн. Николай Андреевичъ Долгоруковъ, человѣкъ преданный женщинамъ и, при запутанности своихъ домашнихъ дѣлъ, дѣлавшій много долговъ и потому бывшій подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, у которыхъ занималъ деньги [1]).

Въ числѣ эмиссаровъ этихъ были: нѣкій Шиманскій, уроженецъ Гродненской губ., прибывшій изъ Парижа и бѣжавшій изъ Самогитскаго полка поручикъ Пищатовскій и, кромѣ того, помѣщикъ Волковыскаго уѣзда, тогда же прибывшій изъ Парижа, Валловичъ. Принятыми мною тогда энергическими мѣрами, они были скоро схвачены, а вмѣстѣ съ ними и болѣе 200 человѣкъ разныхъ сословій, принимавшихъ ихъ и содѣйствовавшихъ имъ распространять повсюду мятежныя покушенія.

Въ Гродненской губерніи тогда же были устроены мною повсюду военно-полицейскія управленія, такъ что эмиссары эти, снабженные инструкціями изъ Парижа и имѣвшіе цѣлію возбудить всеобщее противу правительства возстаніе въ краѣ, убивать русскихъ начальниковъ частей, уничтожать военные запасы, магазины и все то, что могло служить къ утвержденію русскаго владычества въ краѣ, не успѣли ничего сдѣлать и были захвачены; одинъ только изъ нихъ, Валловичъ, успѣлъ собрать шайку изъ 12 челов. въ лѣсахъ Слонимскихъ и напасть на денежную почту, но не могъ однакожъ ее захватить. Вскорѣ Валловичъ со всею шайкою былъ взятъ, судимъ военнымъ судомъ и повѣшенъ въ Гроднѣ. — Пищатовскій также былъ судимъ въ Гроднѣ и разстрѣлянъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ онъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ. Надъ всѣми прочими лицами учреждены слѣдственная ком-

---

[1]) Когда кн. Долгоруковъ, женившись на полькѣ, былъ впослѣдствіи переведенъ въ Харьковъ ген.-губернаторомъ, то тѣ же польскіе магнаты смѣялись надъ его слабостями и тѣми уступками и снисхожденіями, которыя онъ имъ дѣлалъ; говорили, что руки уѣхали, а долги остались.

М. Н. М.

мисія и военный судъ; но, къ сожалѣнію, главные виновники, т. е. польскіе аристократы, будучи вполнѣ уличены въ мятежныхъ своихъ покушеніяхъ, освобождены, по распоряженію генералъ-губернатора, находившагося, какъ выше сказано, подъ вліяніемъ аристократіи и женщинъ; одни бѣдные и ничтожные шляхтичи, служившіе орудіемъ аристократіи и увлеченные ихъ льстивыми обѣщаніями, подвергнуты были наказаніямъ и сосланы во внутреннія губерніи и въ Сибирь; такъ что эти столь счастливо открытые мятежные заговоры въ краѣ не имѣли для правительства желаемаго результата; напротивъ того, польское высшее дворянство, духовенство и заграничные эмиссары убѣдились, что можно деньгами и прелестью женщинъ распоряжаться въ краѣ по усмотрѣнію и получать расположеніе правительственныхъ нашихъ лицъ.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій было общее негодованіе противъ меня, какъ сильно отстаивающаго интересы Россіи и строго преслѣдующаго крамолу и мятежъ.

Повсемѣстно польская интрига работала противъ меня; старалась затмить, сколько возможно, всѣ обнаруженные слѣды мятежныхъ дѣйствій въ краѣ; въ особенности имъ были крайне непріятны видимые успѣхи въ возстановленіи православія, такъ что въ началѣ 1835 г. я вынужденъ былъ оставить край и по волѣ Государя (Николая Павловича) переведенъ въ Курскъ военнымъ губернаторомъ, разумѣется подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ приведенія въ порядокъ Курской губерніи, которою Государь былъ недоволенъ по случаю безпорядковъ, происшедшихъ на дворянскихъ выборахъ.

Выше было упомянуто объ эмиссарѣ Шимансномъ, взятомъ мною. — Онъ былъ однимъ изъ весьма замѣчательныхъ агентовъ польской пропаганды; уроженецъ Гродны и тамъ воспитанный, онъ имѣлъ тамъ знакомства и связи почти со всѣми, особенно съ римско-католическимъ духовенствомъ и съ учениками свѣтскихъ училищъ, бывшихъ тогда при католическихъ монастыряхъ. Онъ провелъ болѣе 10 дней въ Гроднѣ, приводилъ къ присягѣ въ костелѣ по ночамъ учениковъ на общее возстаніе, собиралъ ксендзовъ и адвокатовъ бывшихъ тогда судовъ, составлялъ разные политическіе кружки и въ особенности, при участіи женщинъ,

какъ въ Гроднѣ, такъ и на мызахъ, нѣсколько разъ покушался меня убить въ городскомъ саду, но, наконецъ, былъ схваченъ, какъ съ кинжаломъ, который готовилъ для меня, такъ и съ пистолетомъ, съ которымъ онъ сторожилъ меня подъ мостомъ, когда я собирался ѣхать въ Вильну. (Шиманскій былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ содержателемъ пансіона Фижаномъ, дѣти коего въ 1863 г. были замѣшаны въ мятежныхъ заговорахъ). Сколько Шиманскій былъ самонадѣянъ во время успѣховъ своихъ дѣйствій, столько, напротивъ того, онъ сдѣлался низкимъ и искательнымъ во время производства надъ нимъ слѣдствія. Онъ былъ вытребованъ генералъ-губернаторомъ въ Вильну. Князь Долгоруковъ, желая похвалиться успѣхомъ открытія заговоровъ и взятія эмиссаровъ, предложилъ бывшему тогда военнымъ министромъ кн. Чернышеву вызвать въ Петербургъ Шиманскаго, который обѣщалъ Долгорукову открыть главныхъ агентовъ мятежа, находящихся въ Парижѣ.

Шиманскій, въ существѣ самый ничтожный, но ловкій человѣкъ, былъ привезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость. Кн. Долгорукову и Чернышеву хотѣлось придать большую важность этому плѣннику. Военный министръ отправился самъ, также какъ и шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, къ нему въ казематъ къ допросу; Шиманскій, ободренный довѣрчивостью и ласкою этихъ высшихъ сановниковъ, наговорилъ имъ всякой небылицы и далъ честное слово содѣйствовать въ Парижѣ къ открытію польскихъ революціонеровъ, для чего просилъ только дозволить ему, освободивъ его, отправиться въ Парижъ, для чего и снабдить его нѣкоторыми денежными средствами. Оба колпака-сановники испросили высочайшее соизволеніе на освобожденіе Шиманскаго и онъ, снабженный деньгами, отправился торжественно въ Парижъ, но едва переѣхалъ онъ нашу границу, какъ изъ перваго города написалъ кн. Чернышеву благодарственное ругательное письмо, въ которомъ выставлялъ низость ихъ чувствъ и глупость ихъ въ томъ, что они могли думать, что онъ, будучи полякомъ, рѣшится измѣнить присягѣ своей и передать интересы ея въ руки русскихъ.

Такимъ же образомъ въ 1839 и 1848 годахъ вновь появились въ Западномъ краѣ заграничные эмиссары и тайныя общества для польской пропаганды, независимо отъ постоянныхъ дѣй-

ствій въ польскомъ духѣ по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія краемъ. Главные правители онаго какъ бы того не замѣчали, и даже скорѣе содѣйствовали, признавая тотъ край польскимъ и не усматривая въ немъ никакихъ русскихъ началъ, ибо въ виду ихъ были только дворянство и римско-католическое духовенство. Русское же православное духовенство было въ пренебреженіи, а о народѣ и церквахъ православныхъ и не думали.

Въ 1839 г. совершилось въ краѣ великое событіе возсоединенія уніи съ православіемъ. Дѣло это было ведено съ 1828 года нынѣшнимъ (1866 г.) митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ Іосифомъ, который тогда былъ предсѣдателемъ Греко-уніатской коллегіи въ Петербургѣ. Государь Николай Павловичъ внялъ его предложеніямъ обратить унію въ православіе и съ содѣйствіемъ гр. Блудова, бывшаго тогда директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій [1]), дѣло это важное получило свое начало.

Іосифъ, по фамиліи Симашко (Семашко или Сѣмашко), былъ сдѣланъ епископомъ уніатскимъ Гродненской губерніи въ м. Журавичахъ и приступилъ къ приглашенію уніатскаго духовенства принять православіе при первомъ призывѣ правительства,—независимо отъ особыхъ мѣроположеній, принятыхъ правительствомъ для уменьшенія вліянія католическаго духовенства на греко-уніатовъ; въ дѣйствіяхъ своихъ онъ входилъ въ ближайшее со мною соглашеніе (я былъ въ Гроднѣ губернаторомъ съ 1831 по 1835 г.) и совокупными силами и преимущественно мѣрами административными возстановлялись въ уніатскихъ церквахъ Гродненской губерніи древніе иконостасы, уничтоженные поляками, вводилась православная литургія съ уничтоженіемъ католическихъ обрядовъ, такъ что уже въ 1833 и 1834 гг. въ Гродненскомъ древне-православномъ монастырѣ Коложѣ, обращенномъ въ уніатскій, служили уже по православному обряду съ діакономъ изъ нашего собора и народъ привыкалъ къ православному служенію въ уніатскихъ церквахъ.

Въ Журавичахъ, гдѣ были консисторія и семинарія греко-

---

[1]) Гр. М. Н. Муравьевъ, говоря о присоединеніи греко-уніатовъ, впадаетъ въ нѣкоторыя неточности, поэтому отсылаемъ читателей къ весьма обстоятельной монографіи гр Д. А. Толстаго: „Іосифъ Сѣмашко" въ книгѣ „Слова и Рѣчи" гр. Д. А. Толстаго, Спб. 1876 г. стр. 65—135. Ред.

уніатскія, уже съ 1834 г. не поминали папу, и Семашко съ 1835 г. уже почти отъ всѣхъ греко-уніатовъ Гродненской губ. получилъ подписки на согласіе къ переходу въ православіе. Одинъ Михаилъ Голубовичъ (теперешній, т. е. въ 1866 г., епископъ Минскій) противился этому по наущенію католиковъ. Семашко обратился ко мнѣ и вскорѣ Голубовичъ смирился, сдѣлавшись впослѣдствіи ревностнымъ православнымъ. Я не буду упоминать о всѣхъ противодѣйствіяхъ, встрѣчаемыхъ Семашкою на трудномъ поприщѣ, ему предстоявшемъ; католики сильно ему противодѣйствовали, а въ особенности уніатскіе монастыри, наполненные католиками, подъ названіемъ лишь базиліанъ.

Не однажды ко мнѣ пріѣзжалъ въ Гродно Семашко, передавая мнѣ грустное свое настроеніе о встрѣчаемыхъ повсюду препонахъ къ исполненію великаго дѣла. Правительство наше, какъ и всегда, колебалось, сообразуясь съ возгласами и противодѣйствіями Европы, а когда надо было дѣйствовать, то графъ Блудовъ отлагалъ исполненіемъ и тѣмъ самымъ въ самихъ уніатахъ, давшихъ согласіе на присоединеніе, возраждалъ недовѣріе къ самому дѣлу и многіе даже отступились отъ своихъ обѣщаній. Не однажды самъ Семашко выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ своего дѣла и хотѣлъ идти въ монахи въ одинъ изъ православныхъ монастырей; но Богъ видимо помогалъ великому и святому дѣлу; терпѣніемъ и настойчивостію Семашки преодолѣны были всѣ противодѣйствія и въ 1839 году 25-го марта торжественно было объявлено возсоединеніе уніи съ православіемъ; такимъ образомъ болѣе 2.500,000 жит. обоего пола въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ увеличили число православныхъ. Священниками остались старые уніаты, хотя и принявшіе православіе, но по привычкѣ и по обычаю болѣе католики и поляки. Трудно было Іосифу, который съ симъ вмѣстѣ былъ сдѣланъ митрополитомъ Литовскимъ, устроить новую свою православную паству. Хотя Государь и давалъ ему всевозможныя матеріальныя къ тому средства, но дѣло состояло въ моральномъ преобразованіи духовенства и освобожденіи самихъ крестьянъ отъ давленія и ига пановъ-католиковъ, которые не давали крестьянамъ своимъ свободно усвоивать православную религію.

Нравственное преобразованіе духовенства требовало много времени и матеріальной поддержки, которой оно не имѣло и оно оставалось въ той же бѣдности и зависимости отъ богатыхъ па-

новъ. При чемъ надо замѣтить, что главные правители края оказывали явное предпочтенiе католическому духовенству и не только не содѣйствовали митрополиту Iосифу, но даже противодѣйствовали во многомъ.

При такой неблагопрiятной обстановкѣ дѣла, надо удивляться, какъ митрополитъ Iосифъ удержалъ оное. Правительство обязано единственно ему въ совершенiи сего великаго дѣла, которое съ тѣмъ вмѣстѣ положило въ будущемъ твердое начало русской народности въ краѣ и дало возможность сельскому населенiю бороться съ мятежемъ.

Мятежъ 1863 г. положилъ вѣнецъ сему дѣлу, ибо крестьяне, получивъ свободу манифестомъ 19-го февраля 1861 г., только въ 1863 г. получили ее на самомъ дѣлѣ, вполнѣ ограждены отъ ига и грабежей бывшихъ пановъ и, возчувствовавъ всю важность присоединенiя ихъ къ православiю и русской народности, послужили твердымъ оплотомъ будущаго развитiя въ краѣ русскаго начала, которое должно быть нераздѣльно съ православiемъ.

Правительство должно убѣдиться въ томъ, что первый врагъ русской народности въ томъ краѣ есть полонизмъ и въ связи съ нимъ католичество, ибо католикъ и полякъ односмысленны въ понятiяхъ народа и потому ослабленiе влiянiя католицизма въ краѣ есть одна изъ главныхъ мѣръ, на которыя должно обращать вниманiе правительство.

III.

Во время мятежа 1863 г. поляки наиболѣе выказывали озлобленiя противу православной церкви и служителей ея, такъ что во многихъ мѣстностяхъ православные священники должны были скрываться отъ ихъ преслѣдованiя; нѣкоторые были умерщвлены ими при страшныхъ истязанiяхъ и мученiяхъ, не говоря уже о многихъ православныхъ крестьянахъ, а въ особенности старовѣрахъ, которые съ самоотверженiемъ служили правительству и подвергались мучительной смерти. Эти гоненiя и истязанiя нашего духовенства и вообще православныхъ обывателей вынудили меня принять самыя строгiя мѣры къ взысканiю съ тѣхъ селенiй и помѣщичьихъ мызъ, которыя въ томъ участвовали, и только уничтоженiемъ этихъ вертеповъ варварства и разбоя и выселенiемъ

жителей ихъ въ дальнія губерніи, я могъ достигнуть до преграженія всѣхъ неистовствъ мятежныхъ бандъ.

Польская пропаганда старалась выставлять съ самой невыгодной стороны принимаемыя мѣры къ укрощенію мятежа, скрывая всѣ неистовства, производимыя мятежниками; но что болѣе всего грустно для всякаго русскаго, это то, что въ самомъ Петербургѣ лица высокопоставленныя сочувствовали и отчасти даже поддерживали происки и возгласы польскихъ революціонеровъ; это сочувствіе доходило до того, что высылаемыя по приговору военныхъ судовъ въ Сибирь мятежники были останавливаемы въ Петербургѣ военнымъ генералъ-губернаторомъ кн. Суворовымъ и, подъ предлогомъ болѣзни, допускаемы были къ свиданіямъ со всѣми своими единомышленниками, какъ въ тюрьмѣ, такъ и внѣ оной; отъ нихъ принимаемы были даже разныя письменныя опроверженія и клеветы на мѣстное начальство, которыя и распространялись тѣмъ же генералъ-губернаторомъ въ петербургской публикѣ, такъ что главныхъ преступниковъ я вынужденъ былъ высылать не чрезъ Петербургъ, а окольнымъ путемъ, чрезъ Псковъ, Новгородъ и далѣе до Москвы.

Вліяніе генералъ-губернатора на общее мнѣніе въ Петербургѣ, конечно, не было принято многими изъ благомыслящихъ русскихъ, но среди нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ оно имѣло не малое сочувствіе и вредило успѣху дѣла подавленія польской пропаганды; многіе даже секретные агенты мятежа, предвидя предстоящую имъ въ Западномъ краѣ опасность, скрывались въ Петербургъ и, вопреки законамъ, получали изъ главнаго Петербургскаго управленія паспорты за границу и такимъ образомъ ускользали отъ преслѣдованія закона.

Къ чести русскаго общества въ Петербургѣ, которое постоянно всѣми силами противодѣйствовало польской пропагандѣ, прилагаются присемъ стихи Θедора Ивановича Тютчева, произведшіе шумъ и вызвавшіе сочувствіе [1]).

Переписка моя съ генералъ-губернаторомъ кн. Суворовымъ и петербургскими властями для прекращенія видимаго покрови-

[1]) Стихи эти довольно извѣстны, это тонко саркастическое посланіе къ кн. А. А. Суворову. При нашемъ спискѣ Записокъ гр. М. Н. Муравьева, стихотворенія Θ. И. Тютчева не имѣется. Ред.

тельства его польскимъ мятежникамъ ни къ чему не повела, ибо правительство было разслаблено (?) во всѣхъ отрасляхъ управленія.

Независимо отъ покровительства, оказываемаго польской пропагандѣ петербургскимъ управленіемъ, значительно воспособляло ей все управленіе Остзейскихъ губерній; польскіе мятежники, какъ явные, такъ и тайные, укрывались въ большомъ числѣ въ Ригѣ, въ Ревелѣ и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ, оставаясь подъ покровительствомъ тамошняго безсмысленнаго и слабаго управленія генералъ-губернатора барона Ливена. Не взирая на всѣ требованія, какъ мои, такъ и смежныхъ съ Прибалтійскимъ краемъ военныхъ и гражданскихъ начальствъ, съ трудомъ удавалось иногда только выхватить оттуда (нѣсколько) лицъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ. Остальные, подъ разными именами, укрывались тамъ и получали паспорты за границу. Къ сожалѣнію, я почти тоже долженъ сказать объ управленіи югозападнымъ краемъ генералъ-адъютанта Анненкова; тамъ польская пропаганда и мятежные заговоры не прекращались и служили къ поддержанію мятежа въ южныхъ уѣздахъ Гродненской и Минской губерній.

Былъ даже замѣчательный въ 1863 г. случай, что на частномъ Кіевскомъ пароходѣ, „Кумиръ", были отправлены вооруженные повстанцы въ Пинскъ; но благодаря сельской стражѣ, на границѣ Кіевской и Минской губерній, пароходъ этотъ былъ остановленъ и поспѣшилъ возвратиться обратно въ Кіевъ, не дозволивъ сдѣлать надлежащаго обыска, при чемъ три человѣка сельской стражи были потоплены быстрымъ поворотомъ парохода. Кіевскій генералъ-губернаторъ старался замять это дѣло и виновные не были обнаружены.

Всѣ эти противодѣйствія или, лучше сказать, безразсудные поступки сосѣднихъ главныхъ начальствъ, подъ видомъ филантропіи, были причиною столь дерзкихъ и настойчивыхъ дѣйствій польскихъ революціонеровъ въ Сѣверозападномъ краѣ.

При всей неудачѣ ихъ дѣйствій въономъ, при скоромъ подавленіи мятежа, главные дѣятели его не переставали по этимъ причинамъ быть увѣренными, что всѣ принимаемыя мною мѣры къ подавленію мятежа будутъ скоро, волею высшаго правительства, ослаблены и высланные изъ края мятежники возвратятся на родину. Эта увѣренность такъ была велика, что отправляемые

преступники, прощаясь съ родными, объявляли во всеуслышаніе, что они скоро возвратятся и пѣли гимны о возстановленіи Польши.

Всѣ мои сообщенія о томъ министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ, даже съ докладами о томъ Государю, не имѣли никакого результата; высланнымъ изъ края лицамъ оказываемо было полное снисхожденіе отъ мѣстныхъ начальствъ и министерство внутреннихъ дѣлъ размѣщало ихъ почти по всѣмъ городамъ центральныхъ нашихъ губерній.

Такимъ образомъ зло распространялось по всей Россіи; сосланные поляки повсюду пропагандировали свои революціонные замыслы и старались увлечь на свою сторону, по несчастію, существующій у насъ не въ маломъ количествѣ, революціонный элементъ. Моральная зараза была очевидна,—переписка сосланныхъ между собою и съ оставшимися въ краѣ родными и знакомыми о томъ достаточно свидѣтельствуетъ. Я неоднократно объ этомъ сообщалъ петербургскому начальству, и о семъ доводимо было до свѣдѣнія Государя; но всѣ эти представленія остались тщетными. Филантропическія заблужденія петербургскаго правительства были такъ велики, что польза Россіи, не взирая на положительныя повелѣнія Государя, была забываема и должна была уступить мѣсто польскимъ тенденціямъ.

Надо замѣтить, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ продолженіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, польская пропаганда успѣла пріобрѣсть не малое число сообщниковъ, какъ изъ поляковъ, высланныхъ туда на жительство, такъ и изъ русскихъ. Доказательствомъ тому служатъ покушенія къ мятежу въ Казани и приволжскихъ губерніяхъ. Распространившіяся, начиная съ Симбирска, по всему этому пространству и по всей Россіи въ 1864 и 1865 гг. пожары были, какъ извѣстно, болѣе или менѣе производимы агентами польской эмиграціи.

Многіе изъ бывшихъ въ каторжной работѣ и вообще изъ сосланныхъ въ Сибирь, за участіе въ мятежѣ 1831 и 1848 гг., были возвращены въ Западный край и въ Царство Польское [1]),

---

[1]) Въ 1856 г. въ Царство Польское возвратились изъ русскихъ губерній и изъ чужихъ краевъ болѣе 5-ти тысячъ поляковъ.

Примѣч. въ 1871 г. П. А. Муханова.

и какъ извѣстно, сдѣлались главными распорядителями мятежа 1863 г. Знакомства же ихъ и связи въ Россіи служили какъ бы этапными пунктами для сношеній и покровительства высылаемыхъ въ 1863 г. въ Сибирь мятежниковъ.

Такимъ образомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, разселены по всей Россіи агенты польскаго мятежа, грозящіе [1]) несомнѣнными въ будущемъ бѣдствіями для Россіи. Всѣ мои настоятельныя ходатайства и представленія о сосредоточеніи сосланныхъ мятежниковъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ, гдѣ бы они менѣе могли быть вредны, не имѣли никакого успѣха.

IV.

Взглядъ правительства на мятежъ въ исходѣ 1863 г.

Мною уже было объяснено, какимъ страхомъ было объято правительство наше въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1863 г., при появленіи повсемѣстно въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ вооруженныхъ шаекъ; страхъ этотъ тѣмъ болѣе увеличивался, что почти изъ всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеній: медико-хирургической академіи, университета, гимназій и изъ многихъ полковъ, а въ особенности изъ артиллеріи, инженеровъ и генеральнаго штаба, молодые люди подъ разными фальшивыми паспортами отправились въ Сѣверозападный край и вступили въ мятежныя шайки. Къ сожалѣнію, надо сказать, что въ числѣ ихъ было нѣсколько русскихъ православныхъ. Правительство въ то время еще не отрезвилось и идеи филантропіи и гуманности, въ ущербъ Россіи, имѣли перевѣсъ во всѣхъ государственныхъ обсужденіяхъ и министерствахъ; такъ въ началѣ 1863 г. было объявлено по военному вѣдомству высочайшее повелѣніе [2]), что всѣ офицеры, не желающіе участвовать въ дѣлахъ противъ мятежниковъ, могутъ просить о переводѣ ихъ въ полки, квартирующіе во внутреннихъ губерніяхъ. Мѣра эта поколебала даже и тѣхъ, которые и не дерзали думать, что они могутъ нарушить присягу и измѣнить

---

[1]) Писано въ началѣ 1866 г.

[2]) Испрошено оно было еще военнымъ министромъ Сухозанетомъ.

знамени. Скоро распоряженіе это возъимѣло свои плоды: изъ всѣхъ полковъ много поступило просьбъ на основаніи сего высочайшаго повелѣнія; многіе выходили въ отставку и вступали въ ряды мятежниковъ, независимо отъ тѣхъ, которые прямо дезертировали. Правительство само сею, такъ называемою, гуманною мѣрою возбудило въ офицерахъ польскаго происхожденія—католикахъ мысль о томъ, что они могутъ и должны устранять себя отъ службы Государю и Россіи противъ польскихъ мятежниковъ, къ чему побуждалъ ихъ и революціонерный польскій жондъ, разсылкою во всѣ полки черезъ почту и по начальству печатныхъ циркуляровъ, съ требованіемъ, чтобы всѣ лица польскаго происхожденія и католики оставляли службу и переходили въ ряды мятежныхъ бандъ.

Мысль, выраженная такимъ образомъ самимъ правительствомъ о различіи національности, въ рядахъ войскъ произвела такое сильное впечатлѣніе на русскихъ начальниковъ, что многіе изъ нихъ просили меня, по прибытіи моемъ въ Вильну, переводить солдатъ польскаго происхожденія во внутреннія губерніи.

Для прекращенія этой гибельной заразы, разрушающей достоинство и силу войскъ нашихъ, я вынужденъ былъ, тотчасъ по прибытіи въ Вильну, отдать приказъ, въ противность помянутаго распоряженія военнаго министерства, съ тѣмъ, чтобы тѣ офицеры, которые осмѣлятся разбирать національности и думать, что они смѣютъ уклоняться отъ обязанности вѣрноподданнической присягѣ, будутъ немедленно судимы по всей строгости законовъ, какъ клятвопреступники.

Распоряженіе произвело магическое дѣйствіе. Поляки, служившіе въ рядахъ войскъ, убѣдились, что съ ними шутить не будутъ, и ежели они въ душѣ остались врагами нашими, то по крайней мѣрѣ исполняли свои обязанности и не срамили достоинства русскихъ войскъ, всегда вѣрныхъ Государю и Россіи.

Надо замѣтить, что въ 1831 году почти не было примѣровъ, чтобы офицеры польскаго происхожденія переходили къ мятежникамъ и бо́льшею частію они вѣрою и правдою служили въ рядахъ нашихъ, противъ своихъ собратій, тогда какъ въ 1863 году все это измѣнилось, бо́льшею частію по волѣ самаго правительства.

Вслѣдъ за изданіемъ мною помянутаго приказа, одумалось и само правительство и военное министерство объявило, что пере-

водовъ во внутренніе полки болѣе допущено не будетъ; но не отмѣнялось право подачи въ отставку; впрочемъ за состоявшимися приказомъ моимъ уже никто не подавалъ въ отставку изъ офицеровъ и только тѣ были увольняемы отъ службы, которые признавались неблагонадежными и засимъ отдавались подъ надзоръ полиціи, а нѣкоторые даже высылались изъ края.

По мѣрѣ подавленія мятежа, петербургскія власти стали ободряться (?) и оказывать сочувствіе и покровительство будто бы угнетеннымъ мятежникамъ-полякамъ. О многихъ изъ нихъ поступали ко мнѣ изъ Петербурга ходатайства о снисхожденіи, помилованіи и т. п., словомъ первоначальный страхъ сталъ забываться и свойственные правительству нашему quasi-гуманность, потворство и угодничество европейскимъ тенденціямъ противъ Россіи (!!?) начали видимо вновь развиваться, такъ что уже во время пребыванія Государя въ Крыму, т. е. въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1863 г., я началъ получать оффиціальныя настоянія о возможномъ ослабленіи принятыхъ мѣръ къ укрощенію мятежа [1]).

---

[1]) Жестокость была противна всей доброй, высокогуманной натурѣ незабвеннаго Государя Александра II. Какъ повелитель многихъ народовъ, соединенныхъ подъ его державою, онъ видѣлъ и въ полякѣ того же подданнаго, и коль скоро въ полякѣ мятежникъ бывалъ сраженъ, мятежникъ понесъ наказаніе за свое преступленіе, то наступало возможно скорое прощеніе и забвеніе прошлаго. Вотъ почему Александръ II спѣшилъ смягчить Муравьевскій терроръ, направленный противъ многихъ сотенъ, даже тысячъ лицъ. Мы не касаемся собственно государственныхъ мѣръ и преобразованій въ Сѣверозападномъ краѣ, совершенныхъ Муравьевымъ. Мы говоримъ лишь о лютости его противъ лицъ, о той страстности и виртуозности въ дѣлѣ гоненій нерѣдко лишь подозрѣваемыхъ и зачастую нравственно истерзанныхъ лицъ долговременнымъ, по его, Муравьева, волѣ, заточеніемъ. Вспоминаемъ по этому поводу разсказъ князя В. А. Черкасскаго, который и приводимъ здѣсь дословно.

— „Въ 1864 г., проѣздомъ изъ Варшавы въ Петербургъ, я посѣтилъ въ Вильнѣ Муравьева. Диктаторъ Литвы, подобно большимъ и малымъ деспотамъ,—извѣстнымъ въ исторіи—предавался иногда нѣкоторому добродушію въ разсказахъ о своей дѣятельности. Такъ, распрашивая меня, какъ дѣйствуетъ графъ Бергъ въ Царствѣ Польскомъ, Муравьевъ, сложивъ руки на своемъ объемистомъ животѣ, сказалъ:

— „Да, графу Бергу трудно въ Царствѣ, труднѣе, чѣмъ мнѣ здѣсь, въ Литвѣ. У него сплошное населеніе, одинъ народъ. У меня же мятежники,—элементъ наносный, какъ рѣка наноситъ песокъ, это—польское дворянство въ краѣ. Мнѣ гораздо легче вырывать ихъ и сажать въ тюрьмы. Очень часто я ихъ сажаю безъ малѣйшей вины, даже подозрѣнія нѣтъ; ну, въ такомъ случаѣ, я всегда рѣ-

Такъ какъ уже къ ноябрю мѣсяцу 1863 г. во всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ, не исключая и Августовской, мятежъ былъ совершенно укрощенъ и засимъ исполнено было возложенное на меня Государемъ порученіе, а потому я, при совершенно разстроенномъ здоровьѣ, призналъ нужнымъ оставить управленіе краемъ и, на основаніи даннаго мнѣ Государемъ обѣщанія при посылкѣ меня въ Западный край, просилъ его величество освободить меня отъ управленія онымъ.

На письмо мое Государю отъ 3-го ноября 1863 г., его величество удостоилъ меня милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ положительно изъявлялъ желаніе свое, чтобы я продолжалъ управленіе краемъ, доколѣ здоровье мое это позволитъ, на что я вынужденъ былъ согласиться, хотя вполнѣ чувствовалъ, что скоро измѣнятся общіе взгляды высшихъ правительственныхъ лицъ на польскій мятежъ. Я остался, но съ твердымъ намѣреніемъ не давать правительству колебаться въ своихъ мѣроположеніяхъ и, опираясь на заявленное Государемъ желаніе, чтобы я оставался въ краѣ, приступить къ полному преобразованію внутренняго быта онаго, уничтожая польскую пропаганду и водворяя на прочныхъ началахъ русскую народность и православіе. Такимъ образомъ съ ноября мѣсяца 1863 г. начинается новый періодъ моего управленія краемъ, т. е. эпоха внутренняго преобразованія онаго.

Не лишнимъ нахожу упомянуть, что въ ознаменованіе своего благоволенія ко мнѣ, Государь изволилъ 30-го августа 1863 г., въ день тезоименитства своего, прислать мнѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ; но такъ сильно было вліяніе противодѣйствующей мнѣ партіи, что въ то же время, какъ бы съ цѣлью ослабить значеніе данной мнѣ награды, пожалованъ былъ тѣмъ же орденомъ кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Анненковъ, при рескриптѣ такого же содержанія, тогда какъ въ Югозападномъ краѣ не было не только

шаю: пусть посидитъ подъ замкомъ, да подолѣе, быть можетъ, что нибудь и отыщется. И что-жъ вы думаете? Я былъ такъ счастливъ, что всегда что нибудь за сидѣльцемъ-то моимъ и отыскивалъ. Ну, тогда и подай его сюда!"

«И говорилось это М. Н. Муравьевымъ тихимъ мягкимъ голосомъ, съ самою добродушною улыбкою и съ видимымъ душевнымъ самоуслажденіемъ».

Да, это была въ высшей степени типичная, вполнѣ своеобразная личность.

Ред.

принимаемо мѣръ къ укрощенію мятежа, но явнымъ образомъ была допускаема польская пропаганда, даже въ самомъ Кіевѣ.

Одновременная награда генералъ-адъютанта **Анненкова** произвела общій ропотъ русскихъ и возродила справедливое недовѣріе къ прочности вводимой мною системы управленія. Негодованіе это отразилось даже въ лицѣ председателя государственнаго совѣта, графа **Блудова**, который почтилъ меня поздравительнымъ письмомъ, въ коемъ онъ объясняетъ свой взглядъ на эту награду, а къ 8-му ноября 1863 г., день моего ангела, русскіе люди, во главѣ коихъ былъ графъ **Блудовъ**, желая моральнымъ сочувствіемъ поддержать вводимый мною въ краѣ порядокъ управленія и систему къ уничтоженію польской крамолы и мятежа, удостоили меня присылкою драгоцѣнной иконы св. архистратига Михаила, при многознаменательномъ письмѣ, за подписью болѣе 80-ти лицъ, въ коемъ изъявляютъ сочувствіе свое. Даръ этотъ и благословеніе русскихъ, исходящіе изъ глубокихъ чувствъ любви къ отечеству и приверженности къ православію, изгладили во мнѣ то горестное впечатлѣніе, которое произвела двусмысленная (?) награда орденомъ Андрея Первозваннаго. Въ присланной иконѣ я видѣлъ торжество русскаго дѣла и русскихъ чувствъ, смѣю сказать всей Россіи, которыхъ не въ силахъ поколебать ни польская пропаганда, ни внутренніе враги Россіи.

V.

Еще въ 1863 году, во время самаго мятежа, я дѣлалъ, сколько могъ, необходимыя распоряженія къ обезсиленію вліянія польскихъ пановъ, шляхты и ксендзовъ, всегда намъ враждебныхъ, и улучшалъ моральный и матеріальный бытъ подвластныхъ имъ крестьянъ, поддерживая вездѣ православіе, водворяя вездѣ русскія школы не только среди сельскаго населенія, но и въ городахъ, привлекая и евреевъ, дотолѣ вовсе чуждыхъ русскому дѣлу, къ обученію русской грамоты. Ксендзовъ же подчинилъ самому строгому наблюденію мѣстныхъ уѣздныхъ властей, которыя были уже почти всѣ изъ русскихъ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ мною къ обузданію католическаго духовенства, я закрылъ и вовсе упразднилъ три католическіе

общества, учрежденныя подъ видомъ благотворительности и улучшенія народной нравственности, но въ сущности имѣвшія цѣлью распространить вліяніе латинской пропаганды и подчинить оной населеніе края, преимущественно сельское.

„Общество трезвости", имѣвшее будто бы цѣлью уничтоженіе пьянства въ народѣ, было учреждено еще въ 1860 году, т. е. при началѣ развитія въ краѣ польской пропаганды. Это братство трезвости утверждено, вопреки законамъ, папскимъ благословеніемъ и передано къ исполненію католическимъ епископамъ. Главными дѣятелями онаго были: въ Ковенской губерніи епископъ Волончевскій, а въ Виленской и Гродненской—Красинскій. Волончевскій не замедлилъ распорядиться, чтобы все духовенство ввѣренной ему епархіи приняло въ ономъ дѣятельное участіе. Во всѣхъ церквахъ съ амвона провозглашаемо было открытіе братства; ксендзы внушали народу на исповѣди обязанность каждаго записаться въ братство трезвости, и, подъ видомъ сего, подчиниться безусловно распоряженіямъ духовенства, которое съ разрѣшенія епископа и съ благословенія папы разрѣшало имъ грѣхи на многіе годы впередъ; такимъ образомъ народъ сдѣлался безмолвнымъ исполнителемъ католическаго духовенства, которое направляло его противу нашего правительства, содѣйствуя всѣмъ революціоннымъ манифестаціямъ, проявлявшимся въ 1861 году во всемъ краѣ.

Бывшій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Назимовъ, видѣлъ это зло, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы оное остановить. Епископъ Волончевскій на данное ему предложеніе отвѣтствовалъ рѣзкимъ отказомъ и въ началѣ 1862 г. и въ 1863 г. старался еще болѣе усилить вліяніе духовенства на народъ, чтобы завлекать оный къ мятежу.

Въ теченіи 1863 г. и въ концѣ его приняты мною мѣры къ остановленію сего вреднаго фанатическаго вліянія римско-католическаго духовенства на народъ. Братства трезвости были рѣшительно воспрещены, и тѣ ксендзы и землевладѣльцы, которые нарушали это распоряженіе, были подвергаемы законной отвѣтственности и, сверхъ того, денежнымъ штрафамъ. Такимъ же образомъ римско-католическое духовенство подвергалось штрафу за учрежденіе школъ вопреки закона, безъ вѣдома учебнаго вѣ-

домства, единственно съ цѣлію распространять латинско-польскую пропаганду.

Строго и безъ колебанія приводимыя въ исполненіе распоряженія мои по сему предмету скоро достигли цѣли и народъ постепенно сталъ выходить изъ подъ сильнаго гнета римско-католическаго духовенства, которое съ своей стороны невольно должно было подчиниться ближайшей мѣстной военной и гражданской власти.

Не менѣе вредное, учрежденное въ Вильнѣ, въ 1861 г., „общество Винцентиновъ“ (S-t Vincent de Paul) г-жею Бучинскою, извѣстною по религіозному фанатизму, имѣло цѣлію, охватить всѣ умы, не только польскихъ, но и болѣе значительныхъ русскихъ дамъ въ Вильнѣ, даже и въ Петербургѣ, подъ предлогомъ благотворенія, собирать деньги для содѣйствія мятежу. Генералъ-адъютантъ Назимовъ, жена его, а за ними и бо̀льшая часть русскихъ дамъ записались въ члены общества, состоявшаго подъ главнымъ распоряженіемъ Виленскаго епископа Красинскаго.

Бучинская первая подала примѣръ ношенія траура и собранныя деньги она раздавала женщинамъ изъ простолюдинокъ съ обязательствомъ носить трауръ по ойчизнѣ. Въ началѣ 1863 г. самъ генералъ-губернаторъ (Назимовъ) догадался къ чему стремилось общество: Бучинскую отправилъ (онъ) на жительство въ деревню и воспрещены собранія общества. Но генерала Назимова уже никто не слушалъ: общество неоднократно собиралось въ самой Вильнѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа Красинскаго.

Мною сдѣланы были распоряженія къ преслѣдованію дѣйствій Общества. Красинскій уже прежде сего былъ мною высланъ въ Вятку; главные дѣятели общества: Бучинская, Лопацинская, графиня Платеръ и другія дамы, по разсмотрѣніи ихъ дѣйствій въ слѣдственной коммисіи, были отправлены на жительство во внутреннія губерніи имперіи и общество окончательно закрыто съ обнародованіемъ вредныхъ дѣйствій онаго.

Позднѣе, уже въ 1864 г., было упразднено общество госпожи Домбровской, учрежденное съ разрѣшенія высшаго начальства подъ названіемъ „благотворительнаго“, въ которомъ участвовали почти всѣ жители края, посредствомъ дѣлаемыхъ съ нихъ сборовъ; общество это имѣло свои дома будто бы для призрѣнія бѣдныхъ; но въ сущности цѣль его была содѣйствовать мятежу раз-

личными сборами и разсылкою агентовъ для сбора по всему краю. Агенты эти, преимущественно женщины, служили переносчицами всѣхъ политическихъ мятежныхъ сношеній и составляли родъ монашествующихъ, давшихъ обѣтъ посвятить себя благотворенію.

Домбровская завела отдѣлы этого общества въ Ковнѣ, Шавляхъ, Динабургѣ, Креславкѣ, Освеѣ, Дрогичинѣ и другихъ мѣстахъ. У нея были даже агенты въ Константинополѣ для сношенія по мятежу и въ разныхъ мѣстахъ Сѣверо-западнаго края.

Въ оставшихся, за упраздненіемъ въ прежнее время, монастыряхъ сестры милосердія, при слабости правительственнаго надзора и съ разрѣшенія епископовъ, келейно учреждали обители; таковыя были въ Креславкѣ, въ Освеѣ и Дрогичинѣ, въ Ковнѣ и иныхъ мѣстахъ. Всѣ эти обители, вмѣстѣ съ упраздненіемъ общества Домбровской, были закрыты, дома взяты въ казну и, такъ называемыя, монахини разосланы на мѣста своей родины.

Домбровская умерла въ началѣ 1864 года, и потому избѣгнула отвѣтственности.

Уничтоженіемъ сихъ трехъ главныхъ обществъ, столь дѣятельно помогавшихъ мятежу, сильно возродилось негодованіе польской пропаганды, поддерживаемой, какъ выше сказано, въ Петербургѣ, и я, конечно, не успѣлъ бы достигнуть цѣли умиротворенія края, еслибъ на всѣ эти распоряженія испрашивалъ предварительно разрѣшенія столицы. Я видѣлъ необходимость безостановочно дѣйствовать и поразить гидру мятежа, не останавливаясь ни передъ какими препонами, постоянно возраждавшимися не столько на мѣстѣ, сколько въ столицѣ.

Вслѣдъ за этими мѣрами и совокупно съ оными, а въ особенности въ 1864 г., сдѣланы распоряженія къ ограниченію вліянія латинскаго духовенства.

Всѣ сказанныя, болѣе или менѣе успѣшно примѣняемыя распоряженія, а въ особенности устройство быта крестьянъ и дѣйствія повѣрочныхъ коммисій, ограждавшія крестьянъ отъ тяжкихъ оброковъ, возбудили общее, такъ сказать, возстаніе польской пропаганды и наполнило возгласами Петербургъ; но тѣмъ не менѣе край видимо смирился и осталось только окончательное изслѣдованіе тайныхъ дѣйствій главныхъ агентовъ онаго, изъ коихъ многіе имѣли постоянную связь съ таковыми же Петербургскими. Изслѣдованія эти съ успѣхомъ продолжались и постоянно обна-

руживалась вся глубоко задуманная система мятежа и столь успѣшно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, утвердившаяся въ краѣ отъ безпечности главнаго мѣстнаго начальства и отъ неразумѣнія края и положенія въ немъ дѣлъ нашимъ правительствомъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ.

4-го апрѣля 1866 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчанія къ Запискамъ М. Н. Муравьева.

I.

Къ главѣ I, къ мѣсту о замѣнѣ мировыхъ посредниковъ изъ поляковъ русскими: если бы мѣры эти не были приняты и польскіе мировые дѣятели не были бы отстранены, то мятежъ долго бы продолжался и, вѣроятно, народъ былъ бы противъ насъ. Замѣчательно, что 28-го января (день кончины Петра Великаго) въ 1861 году, когда Государь, въ присутствіи государственнаго совѣта, обсуживалъ окончательные вопросы Положенія о крестьянахъ, а равно и мѣстное положеніе для Западныхъ губерній — въ это самое время свалилась императорская корона съ литовской погони (вся зала государственнаго совѣта обита по пунцовому бархату гербами всѣхъ губерній Россіи) и это было какъ бы предзнаменованіемъ тѣхъ событій, которыя тамъ произошли.

Гр. М. Н. М.

II.

Разсказъ Андрея Николаевича Муравьева,

брата графа М. Н. Муравьева.

Весьма любопытно иногда знать такъ называемое le dessous des cartes, чтобы выяснить себѣ, какъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ могутъ произойти великія дѣла и эта вставка послужитъ къ объясненію вышепомѣщеннаго текста.

При нерасположеніи Государя Александра II къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, довольно странно внезапное назначеніе его въ Вильну, когда до такой степени о немъ забыли, не смотря на его присутствіе въ Петербургѣ, не смотря на его прежнюю многоизвѣстную дѣятельность въ Западномъ краѣ, что прежде вызвали даже брата его,

Николая Николаевича, изъ Москвы, чтобы совѣтоваться о военныхъ дѣйствіяхъ, и то только по внушенію вице-канцлера князя Горчакова, который не зналъ куда ему броситься (à quel Saint se vouer), потому что дипломатическая петля все болѣе и болѣе стягивалась на его шеѣ отъ постепенно болѣе грозныхъ нотъ Запада — и по этой причинѣ въ эту роковую минуту это былъ самый дѣятельный совѣтникъ Государя.

За два дня до призванія брата случилось мнѣ быть въ азіатскомъ департаментѣ, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ у директора департамента генерала Н. П. Игнатьева. По давней нашей пріязни, онъ объяснялся со мной откровенно о бѣдственномъ положеніи дѣлъ и сравнивалъ обѣщанную по 1 мая 1863 г. амнистію съ тою, которая была дана бунтовщикамъ Небесной имперіи, такъ что совѣстно было рядомъ печатать ихъ въ газетахъ, какъ будто первая была заимствована отъ послѣдней.

— «Покамѣсть мой ...... родичъ Назимовъ будетъ въ Вильнѣ», говорилъ Игнатьевъ, «нечего намъ ожидать тамъ добраго».

Я возразилъ ему: «пока не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на опытѣ тотъ край, не будетъ спасена Литва»,— ибо уже шла рѣчь о томъ, что будетъ высадка 30-ти тысячъ французовъ въ Курляндію, которые двинутся на Литву.

— «Какъ же это можетъ статься?—сказалъ Игнатьевъ,—братъ твой ни зачто не согласится, особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по министерству».

— «Знаю, что онъ не согласенъ, отвѣчалъ я, ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера: если только Государь, безъ всякаго предваренія, пошлетъ за нимъ фельдъегеря и скажетъ ему: «Муравьевъ, отечество въ опасности, спасай его!», то онъ, какъ честный человѣкъ и вѣрный своему отечеству, не можетъ отказаться».

— «А что ты думаешь?» сказалъ Игнатьевъ, и въ эту минуту вошелъ курьеръ, требуя его къ вице-канцлеру съ бумагами, потому что онъ немедленно ѣхалъ съ докладомъ къ Государю.

— «Вотъ цѣнная минута», сказалъ я, «воспользуйся ею»,—и мы разстались.

Такъ и случилось. Кн. А. М. Горчаковъ тотъ же часъ подалъ съ-горяча эту мысль Государю, который однако призадумался и въ первую минуту не могъ рѣшиться, не посовѣтовавшись съ своими приближенными. Видя неминуемую опасность и не ожидая ничего добраго отъ такого посольства, кромѣ гибели и отвода моего брата, крѣпко нелюбимаго, они (т. е. министры) согласились, тѣмъ болѣе, что кн. А. М. Горчаковъ и А. А. Зеленой, бывшіе въ совѣтѣ, поддержали эту мысль,

хотя уже не съ враждебной стороны. Прямо съ совѣщанія кн. Горчаковъ призвалъ Н. П. Игнатьева и сказалъ ему съ торжествомъ:

— «Удалось! Сейчасъ ѣду предварить Муравьева».

— «Что вы дѣлаете?—возразилъ Игнатьевъ,—вы испортите все дѣло, онъ навѣрно откажется, если будетъ предваренъ вами, и вы будете отвѣчать передъ Государемъ за ваше предложеніе! Пусть Государь дѣйствуетъ самъ собою и пошлетъ за нимъ фельдъегеря. Самая неожиданность скорѣе его убѣдитъ».

Такъ все и было исполнено.

Н. П. Игнатьевъ разсказалъ мнѣ о послѣдующемъ уже по возвращеніи моемъ изъ Кіева, когда братъ совершилъ уже свои великія дѣла; узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ и, радостно обнявъ, сказалъ:

— «Какъ счастливо намъ это удалось! А никто и не знаетъ, что мы съ тобой были первыми двигателями этого назначенія».

Я самъ никогда не разсказывалъ этого покойному брату, чтобы его не оскорбить; но мнѣ такъ совѣстно было передъ его семействомъ, которое какъ бы на смерть отпустило его въ Вильну, что я оставался въ Петербургѣ до самаго его отъѣзда.

1867 г. Андрей Никол. Муравьевъ.

† 23-го ноября 1881 г.

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
ПИРОГОВА

ОЧЕРКЪ I. В. ВЕРТЕНСОНА.

1882.

ПАМЯТИ Н. И. ПИРОГОВА.

Очеркъ д-ра I. В. Бертенсона.

Читано въ соединенномъ засѣданіи Обществъ: Пироговскаго и С.-Петербургскихъ Практическихъ врачей.

I.

30-го января текущаго 1882 г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 28) отданъ былъ нижеслѣдующій приказъ: „Исключенъ изъ списковъ умершій: состоявшій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, тайный совѣтникъ Пироговъ“.

Этими обычными лаконическими словами правительственнымъ органомъ почтена была память усопшаго 23-го ноября 1881-го года, въ имѣніи своемъ Вишня, Подольской губерніи, незабвеннаго Николая Ивановича. Агонія его началась наканунѣ 22-го ноября. Предъ смертію покойный находился въ забытьи, но по временамъ какъ будто приходилъ въ себя; въ это время, со словъ очевидцевъ, ему представлялось, что онъ путешествуетъ, называлъ имена своихъ приближенныхъ и родныхъ.

За нѣсколько времени до смерти, онъ написалъ на бумагѣ собственный діагнозъ: „Ulcus oris cancrosum serpiginosum“.

Скончался онъ тихо и спокойно. Чрезъ три дня тѣло его перенесено въ сельскую церковь, въ верстѣ разстоянія отъ дому.

23-го января 1882 г., послѣ всенощной, соборный Винницкій протоіерей и мѣстный священникъ отслужили у гроба Н. И. послѣднюю панихиду. Первая депутація, собравшаяся почтить память покойнаго, была отъ студентовъ-медиковъ Московскаго университета.

Депутація эта возложила на гробъ покойнаго вѣнокъ изъ лавровъ съ бѣлыми лентами, съ надписью черными буквами: „Отъ студентовъ-медиковъ Московскаго университета незабвенному Н. И. Пирогову“.

Въ день погребенія присутствовали студенты военно-медицинской академіи, представители отъ военныхъ врачей, общества Кіевскихъ врачей, и нѣкоторые профессоры Кіевскаго университета. Церковь была полна молящимися. Въ числѣ явившихся отдать послѣдній долгъ усопшему было много русскихъ, поляковъ и евреевъ. На могилѣ были произнесены рѣчи: мѣстнымъ священникомъ, помянувшимъ покойнаго, какъ хорошаго христіанина и добраго человѣка; студентомъ медико-хирургической академіи, г. Трушениковымъ, высказавшимъ отъ имени товарищей благодарность за отношеніе Н. И. къ молодежи; представителемъ редакціи газеты „Трудъ“, почтившимъ въ покойномъ общественнаго дѣятеля, и другими.

Глубоко прочувствованное слово произнесъ д-ръ Шкляревскій, сопровождавшій покойнаго Ник. Ив. во время нашей последней турецкой войны на театръ военныхъ дѣйствій. „Знаемъ“,—сказалъ онъ между прочимъ, — „что плодотворный духъ твой, геніальныя мысли и правдивыя дѣла твои живутъ на землѣ. Они не умрутъ и будутъ жить вѣчно. Прощай, другъ правды и труда“.

„Обществу, среди котораго такъ перепутались понятія о правдѣ, что ее приходится искать, полезно имѣть передъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды“,—говорилось въ передовой статьѣ „Голоса“ отъ 24-го мая 1881-го года, по поводу юбилея покойнаго Н. И. „Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея розысканію. Правда съ вѣками и десятилѣтіями даже мѣняетъ свой обликъ; но есть одна такая сфера, въ которой правда съ 1860-хъ остается таковою-же и до 1880-хъ годовъ, эта сфера—воспитаніе. Будемъ стараться“ — говорилось далѣе въ этой статьѣ—„по завѣту сегодняшняго юбиляра дѣлать изъ дѣтей нашихъ прежде всего людей, въ чаяніи, что если они сдѣлаются хорошими людьми, людьми съ убѣжденіями, то все остальное приложится имъ“.

„Предъ нами сегодняшній юбиляръ, живой представитель другого теченія нашей общественной жизни. Не грубый эгоизмъ ру-

ководилъ помышленіями и дѣлами этого человѣка, а самопожертвованія для общаго блага, забвеніе личныхъ выгодъ для безкорыстнаго служенія родинѣ и человѣчеству".

„Такихъ людей надо Россіи, и какъ тяжело для нея, что поколѣніе, только что вступившее или вступающее еще въ жизнь, воспиталось не подъ вліяніемъ тѣхъ идей, носителями которыхъ былъ Н. И. Пироговъ. Дай Богъ, чтобы его праздникъ былъ началомъ возрожденія русскаго общества на пути шествованія его къ свѣтлымъ идеаламъ".

Такими сочувственными и многозначущими словами привѣтствовалъ Н. И. Пирогова въ день его юбилея одинъ изъ болѣе почтенныхъ органовъ нашей прессы.

Къ сожалѣнію, шесть лѣтъ до этого событія, нѣкоторые другіе органы нашей прессы не устыдились пятнать честное имя Н. И. недостойными, взводимыми на него небылицами, гостепріимно принятыми даже нѣкоторыми Петербургскими газетами большаго формата. Когда нѣкоторые изъ друзей покойнаго Н. И. обращали его вниманіе на эти недостойныя инсинуаціи, прося его опровергнуть ихъ, Н. И. въ сентябрѣ 1875 г. писалъ одному изъ близкихъ ему лицъ [1]), въ отвѣтъ на означенную просьбу, между прочимъ, слѣдующее:

—„Я съ полною готовностію откликнулся на вашъ призывъ, изъ котораго я, въ свою очередь, убѣждаюсь, что дружескій привѣтъ старыхъ товарищей обновляетъ старческія силы; ихъ доброе мнѣніе обо мнѣ, не измѣнившееся ни временемъ, ни отдаленіемъ, миритъ меня съ неизбѣжнымъ, и увѣренный, что хорошее старое еще не забыто, я равнодушно слушаю безчестныя сплетни, распространяемыя адептами шантажа и газетными трубочистами, ремесло которыхъ не разлучно съ тѣмъ, — чтобы мараться и марать".

Празднованіе 50-ти лѣтняго юбилея научно-общественной дѣятельности Н. И. Пирогова, происходившее въ прошломъ году въ Москвѣ, имѣло громадное общественное значеніе. Оно было-бы поистинѣ безпримѣрнымъ, ежелибы этому празднеству не пред-

[1]) Е. В. Пеликану.

шествовало открытіе памятника Пушкину, ко дню его рожденія 26-го мая 1880 г.

Но между Пушкинскимъ и Пироговскимъ празднествами было существенное различіе. Оно заключалось, по словамъ газеты „Порядокъ“, между прочимъ, въ томъ,

„Что мы видѣли маститаго юбиляра среди насъ, его первымъ словомъ было глубокое сожалѣніе о томъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ. онъ вынужденъ былъ стоять вдали отъ общественной дѣятельности.

„Пушкинская дѣятельность прекратилась также преждевременно, да и при жизни не принесла тѣхъ богатыхъ плодовъ, которыхъ можно было ожидать отъ геніальнаго поэта.

„Въ лицѣ Н. И. Пирогова слѣдуетъ опять признать“ —говорилось далѣе въ названномъ почтенномъ органѣ—„что и ученая, и общественная дѣятельность такихъ лицъ, которыми слѣдовало бы дорожить и пользоваться, не принесла всѣхъ своихъ плодовъ“.

Н. И. Пироговъ между тѣмъ состоялъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія до дня кончины своей и когда, по случаю его юбилея, пришлось просить его сообщить свой формуляръ, онъ, 13-го января 1881 г., въ письмѣ, адресованномъ къ намъ, указывая, что лекарскій юбилей его давно прошелъ, докторскій еще не наступилъ, служебный же дѣйствительно наступитъ 24-го мая, судя по хранившемуся у него документу отъ военнаго вѣдомства, между прочимъ, писалъ: „Послужной мой списокъ еще находится въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія или Богъ знаетъ гдѣ, но не у меня; и я не служу безъ отставки, которую не получалъ“.

Въ день юбилея Н. И. многоразличными депутаціями принесено было до 140 поздравленій. Объ этомъ знаменательномъ праздникѣ было въ свое время столько писано, что я считаю невозможнымъ въ настоящемъ сжатомъ очеркѣ остановиться на подробностяхъ этого свѣтлаго праздника.

Изъ цѣлаго сонма адресовъ, въ числѣ которыхъ былъ и адресъ Закавказскаго муфти,—намъ невольно приходятъ на память слова представителей еврейской прессы: „Не угаснетъ ваше имя среди людей“,—говорилось въ этомъ адресѣ,—„не забудется оно среди русскаго народа, но втройнѣ будутъ помнить и чтить это имя русскіе евреи, ибо вамъ они обязаны сочувствіемъ и помощію, какъ люди, какъ русскіе граждане и какъ евреи. И вѣрьте, так-

же тепло и отрадно будетъ это воспоминаніе, какъ искрененъ и радостенъ этотъ свѣтлый праздникъ просвѣтленной мысли человѣка".

„Какъ въ жизни, такъ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ взросломъ, вы",—говорилось въ адресѣ отъ Общества любителей русской словесности,—„словомъ и дѣломъ учили уважать человѣческое достоинство, свободу человѣческаго духа; съ жаромъ и энергіею возставали вы поэтому противъ сословной и національной исключительности. Студентамъ Св. Владиміра вы заявили слѣдующее: не различая вашихъ національностей предъ лицемъ науки, я никогда не мечталъ о сліяніи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе, навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ".

„Въ глубокой надеждѣ", — говорилось далѣе въ этомъ адресѣ,—„что нынѣшнее торжество этихъ идей есть ихъ окончательное торжество на русской землѣ, позвольте докончить выраженіемъ искренняго желанія, чтобы вамъ, одному изъ благороднѣйшихъ и наиболѣе сильныхъ бойцовъ за достоинство человѣческой личности и за нравственное величіе свободной науки, удалось собственными глазами увидѣть благотворныя послѣдствія вашей воспитательной системы".

Къ несчастію, жизнь Н. И. Пирогова погасла вскорѣ послѣ этого знаменательнаго торжества.....

И наше Общество Спб. практическихъ врачей спѣшило также, среди громадной врачебной семьи, собравшейся въ Москвѣ поклониться патріарху хирургіи, принести ему привѣтъ и искреннѣйшія поздравленія.

„Изъ всего того",—говорилось между прочимъ въ этомъ адресѣ,—„что геній вашъ создалъ для отечественной хирургіи, для военно-санитарнаго дѣла, для госпитальной гигіены и всего того, чему вы учили какъ профессоръ, ученый, педагогъ и общественный дѣятель, уже создался нерукотворенный памятникъ; къ нему, какъ и къ памятнику знаменитаго поэта нашего, память о которомъ недавно чествовала первопрестольная столица Россіи,—не заростетъ тропа: по ней пойдутъ поколѣнія врачей и просвѣщенныхъ людей, ищущихъ знанія, разума и свободы мысли во имя человѣческаго блага и блага родины".

Общество Спб. практическихъ врачей было первымъ возбудившимъ вопросъ о достойномъ празднованіи юбилея Н. И. Пирогова. Общество постановило: пригласить Н. И. въ нашу столицу и уполномочило меня просить его о томъ лично.

Но во время моего посѣщенія его въ деревнѣ, Н. И. чувствовалъ себя уже не совсѣмъ хорошо; первые признаки раковаго страданія, сведшаго его въ могилу, обнаружились уже въ февралѣ 1881 года, въ формѣ язвинки на твердомъ нёбѣ. Когда, затѣмъ, пр. Склифасовскому удалось убѣдить Н. И. принять приглашеніе Московскаго университета, — то покойный почтилъ меня слѣдующими строками:

—„Спѣшу васъ увѣдомить, многоуважаемый І. В., что на дняхъ ко мнѣ пріѣзжалъ проф. Склифасовскій изъ Москвы съ письмомъ и посланіемъ отъ университета и врачей для приглашенія меня на мой юбилей въ Москву,—мѣсто моего рожденія и первоначальнаго образованія. Какъ я ни отговаривался, но, наконецъ, долженъ былъ уступить повтореннымъ и усиленнымъ настояніямъ Московскаго посланника и далъ ему слово пріѣхать въ Москву на 24-е мая (1881 г.) на два дня, но не иначе какъ условно: 1) если буду къ тому времени свободенъ отъ пароксизмовъ моего стараго непріятеля,—кишечнаго катарра; 2) если сверху, со стороны предержащихъ властей, не будетъ ничего замѣчено въ этомъ предпріятіи, якобы демонстративнаго.

„Если уже нужно было покориться судьбѣ и decorum требовалъ оставить, для отпразднованія одного дня, мое уединеніе и обычный образъ жизни, то катарръ мой принужденъ былъ избрать, или вѣрнѣе, принудилъ меня выбрать изъ двухъ золъ меньшее, т. е. предпочесть сухую Москву сырому Петербургу".

Сегодня, 23-го ноября 1882 г., въ день годовщины смерти Н. И. Пирогова, въ памяти сердца невольно возстаетъ величавый обликъ его; не смотря на преклонныя лѣта, на высокое положеніе его, какъ знаменитаго хирурга, на всѣми признанныя великія заслуги его не въ одной лишь области врачебной, но и педагогической, и какъ выдающагося общественнаго дѣятеля, покойный Н. И. отличался необыкновенною простотою въ обхожденіи и обнаруживалъ, подъ часъ, необыкновенное добродушіе и откровенность.

На мою долю выпало счастье быть за послѣдніе десять лѣтъ въ довольно частой перепискѣ съ покойнымъ Н. И. Пироговымъ.

После того, какъ я сопровождалъ его на театръ военныхъ дѣйствій во время франко-германской войны, Н. И. ввѣрилъ мнѣ печатаніе его отчетовъ, какъ по поѣздкѣ въ Германію, Эльзасъ и Лотарингію, такъ за послѣднюю нашу турецкую войну; послѣдній отчетъ составляетъ, какъ извѣстно, два большихъ тома; въ качествѣ затѣмъ редактора, издававшагося при Обществѣ Россійскаго Краснаго Креста: „Вѣстника Общества“, я также нерѣдко переписывался съ Н. И.

По случаю политехнической выставки въ Москвѣ и въ интересѣ Севастопольскаго отдѣла, я обратился въ 1872 г. къ Н. И. съ просьбою сообщить мнѣ нѣкоторыя данныя о его біографіи, или же написать самому автобіографію для возобновленія въ памяти неоцѣненныхъ услугъ, оказанныхъ имъ въ памятную для русскаго общества Крымскую войну санитарному дѣлу. Въ отвѣтъ на мою просьбу Н. И. писалъ мнѣ:

—„Вы хотите“—писалъ онъ отъ 11-го марта 1872 г.—„сдѣлать меня автобіографомъ, — но для этого я, также какъ и вы, не имѣю никакихъ матеріаловъ подъ рукою и не собиралъ ихъ, потому что никогда не думалъ писать собственную біографію и, признаюсь, мало ею интересовался. Правда, я иногда мечталъ написать исторію моихъ заблужденій; но до сихъ поръ не имѣлъ достаточно досуга и не чувствовалъ себя достаточно объективнымъ для этой цѣли. Если, дастъ Богъ, проживу еще, то, можетъ быть, соберусь [1]). Но для Московской выставки такая біографія не годится. Да и вообще, кого можетъ интересовать мое жизнеописаніе? Мои друзья знаютъ меня достаточно для того, чтобы остаться друзьями, а мои непріятели увидятъ въ этомъ одно самохвальство и самопочитаніе. Если въ моей жизни и наберется кой-что, чѣмъ я могу гордиться, то я не столько самолюбивъ, или, если хотите, слишкомъ самолюбивъ, чтобы напоминать о себѣ публичнымъ изложеніемъ собственныхъ заслугъ. Лучше не знать меня вовсе, нежели знать изъ описанія самаго

¹) См. въ концѣ этой статьи наше примѣчаніе. Ред.

себя. Вѣдь тутъ идетъ дѣло объ одной внѣшней сторонѣ; вотъ если бы шло дѣло о моемъ *я*, о внутреннемъ его бытѣ, извѣстномъ только одному этому *я*, тогда, точно, понадобилась бы автобіографія; но уже, конечно, не для Московской выставки написалъ бы я ее. Для Севастопольскаго же отдѣла достаточно упомянуть, если того непремѣнно требуютъ мои доброжелатели, только о моей дѣятельности на перевязочномъ пунктѣ и въ Крымскихъ лазаретахъ, а она изложена довольно подробно въ моей военно-полевой хирургіи; сюда относятся, какъ вамъ извѣстно: 1) анестезированіе въ огромныхъ размѣрахъ, въ первый разъ испытанное у насъ въ Россіи, и именно на Кавказѣ въ 1847 году, на полѣ сраженія, а потомъ въ Крыму, въ такой степени, что ни одинъ раненый не подвергался безъ анестезированія никакой, — даже незначительной,—операціи и никакому болѣзненному изслѣдованію ранъ; сумма страданій доведена была чрезъ это до возможнаго минимума. 2) Моя гипсовая повязка для транспортовъ и для леченія была также употреблена въ первый разъ въ военно-полевой практикѣ и насколько позволяли средства (не забудьте о недостаткѣ гипса и перевязочныхъ средствъ), также въ огромныхъ размѣрахъ. Благодѣянія анестезированія и этой повязки въ военно-полевой практикѣ дознаны были нами на дѣлѣ прежде другихъ націй. 3) Сортированіе раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и при пріемахъ транспортовъ съ ранеными въ лазаретахъ было также въ первый разъ предложено и испытано мною въ Крымскую войну; но оно до сихъ поръ, и въ три послѣднія большія войны (итальянская, австро-прусская и франко-прусская) еще недостаточно оцѣнено и примѣнено; его не знаютъ и не понимаютъ хорошо даже очевидцы и дѣятели въ Крымской войнѣ, какъ это ясно доказываетъ извѣстный сочинитель брошюръ [1]). 4) Ни въ одну, предшествовавшую Крымской, войну не было предпринято столько резекцій суставовъ, даже въ англо-французской арміи, снабженной несравненно лучше нашего пособіями и хирургами; резекціи эти не были производимы въ такихъ размѣрахъ, какъ у насъ, и это я приписываю именно тому обстоятельству, что мы были хо-

[1]) Бывшій проф. университ. Св. Владиміра, покойный Гюббенетъ.

рошо знакомы съ гипсовою повязкою, сохранявшею оперированные члены неподвижными,—чего вовсе не знали врачи въ англо-французской арміи. Вы были свидѣтелемъ того, что спустя 8—9 лѣтъ послѣ Крымской войны, французскіе врачи въ Страсбургѣ показывали мнѣ же самому, какъ новость, наложеніе гипсовой повязки (д-ръ Герготъ, если помните). 5) Моя остеопластическая операція ноги въ первый разъ была испытана въ Крымскую войну, въ травматическихъ поврежденіяхъ, и съ довольно хорошимъ успѣхомъ. 6) Разсѣяніе раненыхъ, извѣстное теперь у нѣмцевъ подъ именемъ: Kranken-Zerstreuungsystem,—было въ первый разъ мною предложено въ Крымскую войну,—я видѣлъ въ немъ главное и единственное средство противъ вредоноснаго скопленія раненыхъ въ большихъ закрытыхъ пространствахъ, но, конечно, по недостатку средствъ и съ худою администраціею не могъ провести эту систему такимъ блестящимъ образомъ, какъ это сдѣлали нѣмцы въ послѣднюю войну. Этого, кажется, достаточно для выставки, если уже непремѣнно желаете выставить мои заслуги въ Севастопольскомъ отдѣлѣ“.

По поводу отчета о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г., печатавшагося по желанію Н. И. здѣсь, въ Петербургѣ, подъ моимъ надзоромъ, онъ писалъ намъ 22-го декабря 1870 г. слѣдующее:

—„Напишите мнѣ, пожалуйста, и увѣдомьте меня и объ участи моего писанія, за которымъ я просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ, — и не знаю впрокъ-ли. Я слишкомъ часто ссылаюсь въ немъ на себя; это, я знаю, съ моей стороны навязчиво, но что же дѣлать: если другіе не отдаютъ справедливости, то каждый обязанъ къ себѣ быть справедливымъ. Пусть узнаютъ, кто хочетъ знать, что я не толокъ воду 30 лѣтъ“.

II.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ названнаго отчета, я получилъ въ мартѣ 1871 г. письмо отъ Н. И., въ которомъ онъ мнѣ, между прочимъ, писалъ:

—„Зная вашу готовность дѣйствовать на общую пользу, я не извиняюсь предъ вами, что бомбардирую васъ моими письмами;

но сегодня ночью мнѣ впало вдругъ на мысль, что теперь самое удобное время для Общества Краснаго Креста хлопотать въ военномъ вѣдомствѣ объ устройствѣ самаго главнаго дѣла, — **санитарныхъ командъ**, и, вставши, тотчасъ написалъ прилагаемое предложеніе, которое прошу васъ покорнѣйше, какъ можно скорѣе, довести до свѣдѣнія Общества, заявивъ его чрезъ г. предсѣдателя, или какъ найдете удобнѣе, только предложите и постарайтесь возбудить всѣми силами предлагаемый вопросъ. Если вамъ не удастся возбудить интересъ Общества принять это предложеніе къ сердцу, предайте его какъ можно болѣе гласности, такъ чтобы заинтересовать имъ различные, всего болѣе, высшія сферы; тогда военное вѣдомство, наконецъ, должно будетъ nolens-volens заняться этимъ важнымъ дѣломъ теперь же, обсуждая проектъ всеобщей воинской повинности. И такъ, прошу и еще прошу! Просите собраться всего лучше въ экстренное засѣданіе, чтобы придать болѣе взаимности предлагаемому дѣлу, дѣйствительно чрезвычайно важному для всѣхъ насъ и нашихъ дѣтей, и прочтите или дайте прочесть мое предложеніе, а потомъ публикуйте его, — словомъ дѣйствуйте.... Подумайте какъ бы важно было въ будущемъ для всей Россіи, если бы Обществу удалось заставить заниматься дѣломъ не на бумагѣ,—образованіемъ санитарныхъ ротъ, болѣе необходимыхъ, чѣмъ врачи, на первое время для раненыхъ. Сдѣлайте одолженіе, извѣстите о послѣдующемъ; меня чрезвычайно интересуетъ это дѣло".

Для поясненія приведеннаго письма, я долженъ замѣтить, что покойный Н. И. во время поѣздки его на театръ военныхъ дѣйствій въ франко-германскую войну, нерѣдко возмущался тѣмъ, что прусское военное начальство посылало военныхъ врачей въ огонь.

Извѣстно, что только благодаря послѣднему обстоятельству военные врачи въ Пруссіи были поставлены въ нѣсколько лучшее положеніе, нежели прежде въ арміи, такъ какъ право идти въ огонь вмѣстѣ съ войсками сравнивало ихъ нѣкоторымъ образомъ съ офицерами; между тѣмъ, и въ послѣднюю франко-германскую войну, не смотря на добровольную помощь, спѣшившую повсюду за войсками, своевременная уборка раненыхъ происходила не совсѣмъ успѣшно и слѣдованіе врачей вмѣстѣ съ войсками въ огонь лишало нерѣдко помощи раненыхъ въ тылу.

Что раненые перевозились безъ перевязокъ и безъ пособій—ни для кого не оставалось тайной, и при 10-ти тысячахъ скопившихся при Гравелотѣ раненыхъ не мудрено, что не доставало рукъ; между тѣмъ, въ то время, когда покойный Н. И. былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, списокъ убитыхъ врачей уже достигалъ 90 человѣкъ.

Впечатлительному сердцу Н. И. предстала, повидимому, картина злосчастій, испытуемыхъ и ранеными, и врачами въ военное время; и вотъ онъ оставляетъ поздно ночью свою постель и пишетъ проектъ образованія санитарныхъ ротъ. Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить желаніе его, представивъ присланный имъ проектъ на благоусмотрѣніе предсѣдателя главнаго управленія Общества Краснаго Креста, покойнаго генералъ-адъютанта А. А. Зеленаго; но, къ сожалѣнію, проектъ этотъ не былъ принятъ и мнѣ не дано было даже разрѣшенія напечатать его въ „Вѣстникѣ".

Увѣдомленный объ этомъ Н. И. Пироговъ писалъ мнѣ:

—„Вчера получилъ ваше письмо, многоуважаемый I. В., отъ 23-го марта. Фіаско моего предложенія главному управленію объ адресѣ военному министерству, которымъ бы оно изъявило свою готовность содѣйствовать организаціи санитарныхъ командъ при арміи въ большихъ размѣрахъ, мнѣ было бы нисколько не удивительно; но мнѣ казалось бы, что распубликованіе моего предложенія, особенно въ такомъ спеціальномъ журналѣ, какъ вами редактируемомъ, не могло встрѣтить серьезныхъ препятствій. Это частное предложеніе, основанное на моихъ убѣжденіяхъ; его можно принять и не принять,—а общественное мнѣніе могло бы ознакомиться и его также обсудить. Въ предлагаемомъ мною адресѣ не было и помину: какъ бы должно организовать санитарныя команды, не упоминалось также и о трудностяхъ организаціи, которыя, разумѣется, велики и обнаружились бы всего болѣе со стороны военнаго вѣдомства. Главная, какъ я уже упомянулъ въ моемъ отчетѣ, состоитъ въ томъ, согласится-ли военное вѣдомство удѣлить значительный процентъ отъ силы боевой для организаціи силы санитарной? Изъ этого не слѣдуетъ, однако-жъ, чтобы эту небоевую силу должно было удерживать въ тылу арміи. Мы знаемъ, что пруссаки даже чисто интеллигентную силу, представляемую врачами, не удерживаютъ въ тылу арміи; слѣдовательно, сосредоточенія въ большихъ размѣрахъ небоевыхъ лю-

дей въ тылу арміи не должно быть, и. потому, не могло бы нисколько стѣснять главнокомандующаго; они должны быть не сосредоточены для санитарныхъ цѣлей во время битвъ, а, напротивъ, раздѣлены по всѣмъ отдѣленіямъ боевой арміи, всегда готовы идти вмѣстѣ съ арміей въ огонь не для того однако же, чтобы подъ огнемъ дѣлать операціи, а удалять изъ подъ него, какъ можно скорѣе, раненыхъ. Еще менѣе, или лучше, ничего мною не было говорено о подводахъ для перевозки раненыхъ. Это совсѣмъ другая статья. Я знаю очень хорошо, что и за 16 верстъ отъ послѣдней линіи войска нельзя сосредоточить и даже найдти разомъ нѣсколько тысячъ подводъ. Но этотъ недостатокъ въ перевозныхъ конныхъ средствахъ не долженъ служить препятствіемъ къ выноскѣ раненыхъ ручными средствами изъ-подъ огня и къ оказанію первой самой существенной помощи. Перевязочные пункты (ближайшіе) устраиваются теперь и подъ огнемъ,—гдѣ иначе ихъ помѣстить, когда заряды изъ нарѣзныхъ полевыхъ орудій хватаютъ теперь на 7 верстъ. А если ближайшіе амбулансы, назначаемые для оказанія первой безотлагательной помощи и для приготовленія раненыхъ къ дальнѣйшему транспорту (наложеніемъ повязокъ, укрѣпленіемъ силъ и т. п.) учреждаются не внѣ боевой линіи, то очевидно, что и санитарныя команды, назначенныя къ переноскѣ раненыхъ на эти пункты, должны быть также не внѣ ея и не въ тылу, и съ подводами не имѣютъ, въ первое время, никакого дѣла и ничего общаго. Пусть потребуется и болѣе 98-ми часовъ для перевозки на подводахъ 10 тысячъ раненыхъ съ поля сраженія; но это будутъ, по крайней мѣрѣ, такіе раненые, которые уже удалены изъ-подъ огня и которымъ оказана первая помощь санитарными командами. Пусть эти раненые останутся 98 часовъ и болѣе подъ открытымъ небомъ, но они будутъ все-таки лежать не подъ огнемъ, не въ опасности еще разъ быть ранеными или убитыми, а будутъ перевязаны и останутся подъ надзоромъ санитарныхъ командъ. Для чего я привелъ сраженіе подъ Гравелотомъ? Не для того-ли, чтобы доказать, что тамъ, вѣрно, въ теченіи трехъ дней раненые не только не были перевязаны, но они оставались подъ огнемъ, не были снесены на ближайшіе амбулансы и бо̀льшая часть ихъ оставалась безъ помощи. Иначе не можетъ быть, чтобы 240 врачей, имѣя въ рукахъ, въ

теченіи трехъ дней сраженія, десятки тысячъ раненыхъ, сдѣлали бы только 279 операцій; если же врачи сдѣлали тамъ 279 большихъ операцій (какъ ампутаціи), то, слѣдовательно, они ихъ дѣлали не внѣ боевой линіи, а на самомъ полѣ сраженія,— въ болѣе или менѣе безопасныхъ мѣстахъ; если такъ, то значитъ къ нимъ раненыхъ не подвозили, а подносили; а если подносили, то почему не всѣхъ поднесли?—когда бы всѣхъ, то операцій безъ сомнѣнія сдѣлано бы было больше;—значитъ, не было достаточно рукъ для переноски, т. е. не было въ достаточномъ числѣ санитарныхъ ротъ, или онѣ были не тамъ, гдѣ въ нихъ всего болѣе нуждались. И такъ, вопросъ о подводахъ для дальнѣйшей транспортировки и вопросъ о числѣ санитарныхъ командъ, назначаемыхъ для переноски раненыхъ изъ-подъ огня въ ближайшіе амбулансы, двѣ совершенно разныя вещи. Иное дѣло вынести и удалить раненаго оттуда, гдѣ онъ можетъ получить еще разъ рану или быть убитымъ и оказать ему первое пособіе,— иное же перевезти его далѣе куда нибудь—въ подвижной-ли лазаретъ, на квартиры по домамъ (въ ближайшихъ деревняхъ, мѣстечкахъ и городахъ), или и на желѣзныхъ дорогахъ.

„Нельзя обсуждать разомъ обѣ эти мѣры, когда и каждая изъ нихъ, сама по себѣ, встрѣчаетъ разныя препятствія и требуетъ тщательнаго разслѣдованія. Погнавшись разомъ за двумя зайцами, ни одного не поймаешь. Вы спрашиваете въ письмѣ, не разовью-ли я мою мысль подробнѣе для напечатанія въ „Вѣстникѣ". Но когда вы находите препятствія и для напечатанія моего одного предложенія, то какъ я могу знать, что̀ будетъ и что̀ не будетъ препятствовать ихъ напечатанію въ развитіи той же мысли? Впрочемъ, въ общихъ чертахъ я вамъ излагаю дѣло и въ этомъ письмѣ, изложилъ и въ моемъ отвѣтѣ, подробности же покуда неуловимы и будутъ зависѣть отъ соображенія военнаго вѣдомства. Поэтому, и развивать покуда нечего, нѣтъ еще ничего святаго. Если можно, то печатайте покуда, что есть подъ руками. Я знаю одно только: санитарныя роты нужнѣе, въ огнѣ, врачей; ихъ покуда вездѣ, до крайности, мало, а безъ нихъ множество раненыхъ гибнетъ до оказанія первой помощи. Наше дѣло, если мы за правду взяли на себя попеченіе о судьбѣ раненыхъ,—настаивать и толковать безъ умолку, — пока ротъ не зажали, — что нравственная обязанность

всѣхъ правительствъ и всѣхъ военныхъ вѣдомствъ не останавливаться предъ препятствіями, придумывать и обсуждать средства противъ безпомощности и гибели раненыхъ во время битвъ и на поляхъ сраженій,—что я и сдѣлалъ".

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, „Военно-врачебное дѣло и частная помощь не театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи", Н. И. снова возвращается къ этому вопросу и представляетъ убѣдительные доводы въ пользу мнѣнія его, основаннаго на многочисленности огромнаго процента убыли войска въ сраженіяхъ, встрѣчающейся въ послѣднихъ войнахъ и въ нашей послѣдней войнѣ, именно подъ Плевною.

„Самый главный признакъ совершенства въ полевомъ санитарномъ строѣ", — говоритъ онъ, — „это быстрая, тщательная и своевременная уборка раненыхъ съ поля битвы; между тѣмъ при второй битвѣ подъ Плевною, 18-го іюля 1877 г., раненые не только не могли быть убраны съ поля сраженія, но 2 тысячи ихъ, по свидѣтельству профессора Склифасовскаго, скопившихся у главнаго перевязочнаго пункта, составленнаго изъ трехъ дивизіонныхъ лазаретовъ (5, 30 и 31 дивизій), должны были въ ночной темнотѣ, въ 10 часовъ вечера, безъ сортировки и безъ оказанія имъ помощи (всѣ врачи и прислуга были до крайности утомлены въ день неусыпной работы), поспѣшно подобрать на повозки и отправить за 20 верстъ въ Булгарени. Едва ли удалось при такой обстановкѣ собрать 2 тысячи раненыхъ ночью и всѣхъ уложить на повозки, которыхъ при каждомъ дивизіонномъ лазаретѣ не много. Такъ было и подъ Шибкою; и не смотря на прибывшіе, по распоряженію главнаго полеваго инспектора, фуры и болгарскія телѣги, многіе раненые не могли быть вовремя убраны изъ рвовъ, въ горной и неприступной мѣстности. Самая уборка совершалась только ночью съ фонарями. днемъ мѣстность была обстрѣливаема съ непріятельскихъ батарей и засадъ. Подъ Плевною, 28-го ноября 1887 г., въ худое дождливое время года, въ мѣстности волнистой, привозили раненыхъ на перевязочные пункты еще на другой и третій день послѣ паденія города. Такъ было и подъ Горнымъ Дубнякомъ: наши раненые, именно въ нижнія конечности, съ переломомъ костей, не могшіе двигаться, подвергались нѣсколько часовъ сряду дѣйствію

непріятельскихъ пуль и получили болѣе или менѣе значительныя раненія".

Какъ важны были указанія въ этомъ послѣднемъ отношеніи покойнаго Н. И.—это доказывается прискорбными явленіями минувшей нашей восточной войны; такъ, напримѣръ, рядовой Болховскаго полка Тимофей Пансенкинъ, раненный, 14 іюля 1877 г., въ правое бедро, съ переломомъ кости, лежалъ забытый до 21-го іюля, на томъ полѣ, безъ помощи, утоляя свою жажду собственною мочею; доставленъ въ госпиталь (№ 56) 25-го іюля и умеръ 21-го августа. Но не только рядовые забывались на полѣ брани, но и офицеры подвергались подобной тяжелой участи; такъ, командиръ 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона, полковникъ Эбелингъ, раненный 12-го октября 1877 г. при штурмѣ редута подъ Горнымъ Дубнякомъ, пролежалъ у этого редута съ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Онъ, впереди своего баталіона, первымъ подбѣжалъ къ редуту; пуля попала ему въ ногу выше колѣна и раздробила ему кость. Полковникъ упалъ и, благодаря тому, что былъ слишкомъ близко отъ непріятеля, оставался болѣе 14 часовъ безъ всякой помощи. Впослѣдствіи онъ согласился на ампутацію ноги, но операція эта не въ состояніи уже была предупредить быстро развившейся гангрены, отъ которой и скончался полковникъ Эбелингъ.

III.

Въ нашемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ покойному Н. И. Пирогову по поводу его юбилея [1]), мы, не признавая за собою лично надлежащей компетентности для вѣрной оцѣнки его обширной учено-общественной дѣятельности,—позволили себѣ лишь вкратцѣ резюмировать все то, что сдѣлано было имъ на поприщѣ профессора, врача-хирурга, писателя и педагога.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены остановиться на великихъ заслугахъ его въ вопросѣ, намъ не чуждомъ, а именно—о госпитальной гигіенѣ.

---

[1]) «Русская Старина» томъ XXX, изд. 1881 г. кн. 3, мартъ.

„Мой идеалъ, хорошо устроенный госпиталь“,—писалъ Н. И. Пироговъ тому назадъ два десятилѣтія,—(Начало общей военно-полевой хирургіи): „1-е, собраніе отдѣльныхъ одно-этажныхъ домиковъ въ 5—6 комнатъ, не болѣе какъ съ 4 или 5 койками въ каждой, и съ отдѣльными выходами изъ каждой комнаты въ сѣни. 2-е, вентиляція посредствомъ постоянной воздушной тяги, т. е. постояннаго перемѣщенія теплыхъ слоевъ воздуха въ холодные и наоборотъ. 3-е, въ каждой комнатѣ долженъ быть каминъ съ хорошею тягою, и огонь въ каминѣ долженъ поддерживаться безпрестанно. Наконецъ, должны находиться всегда въ запасѣ нѣсколько комнатъ или же нѣсколько домовъ, смотря по обстоятельствамъ, для перемѣщенія больныхъ, по крайней мѣрѣ въ двѣ недѣли разъ, изъ одного отдѣленія въ другое. Кромѣ того, для всякаго хорошо устроеннаго госпиталя необходимо лѣтнее помѣщеніе, будетъ-ли оно состоять въ баракахъ, отдѣльныхъ домикахъ или палаткахъ. До сихъ поръ въ большихъ резиденціяхъ, только одни здоровые переселялись за городъ на вольный воздухъ; больныхъ же оставляли въ городѣ, полагая, что для нихъ полезнѣе оставаться дома“.

Указывая на необходимость изолированія больныхъ, угрожающихъ зараженіемъ, на условія провѣтриванія палатъ, на удаленіе всего того, что можетъ служить въ госпиталяхъ къ распространенію госпитальныхъ заразъ, на условія устройства ретирадныхъ мѣстъ, на такъ называемую „госпитальную конституцію“, Н. И. выражалъ еще въ то время мысль, что не много найдется защитниковъ огромныхъ госпитальныхъ зданій и помѣщеній. Въ подтвержденіе своего основнаго положенія о значеніи и важности госпитальной гигіены, покойный Н. И. съ поражающею ерудиціею описываетъ въ названномъ сочиненіи „піемію“, какъ гнойное зараженіе, представлявшееся ему въ госпиталяхъ въ различнѣйшихъ видахъ, степеняхъ и переходахъ въ другія патологическіе процессы. Въ описаніи этомъ, онъ останавливается преимущественно на второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, какъ изобиловавшемъ въ то время піемиками.

Еще въ началѣ этого столѣтія Бругманъ и Дельпешъ увѣряли, что госпитальная нечистота заражаетъ и безъ поврежденія кожи; такъ смотрѣлъ на патогенезисъ острогнойныхъ и острогангреноз-

ныхъ отековъ, развивающихся произвольно, т. е. безъ предшествовавшаго имъ нарушенія цѣлости кожи, у многихъ госпитальныхъ больныхъ, разомъ быстро переходящихъ въ антоновъ огонь,— Н. И. Пироговъ.

Необыкновенно частое появленіе острыхъ, гангренозныхъ инфильтратовъ у раненыхъ, не кахектическихъ и не изнуренныхъ, во время господствованія въ разныхъ видахъ госпитальной нечистоты и тифа, послѣ поврежденій, относительно незначительныхъ, заставляли покойнаго Н. И. искать причину ихъ происхожденія внѣ организма и именно въ госпитальной міазмѣ.

„Чтобы ни утверждали (Фишеръ, Пита и др.),—говоритъ Н. И.,—зависимость отъ эпидемическихъ вліяній ни сколько не мѣшаетъ госпитальной нечистотѣ свить себѣ и постоянное гнѣздо въ томъ или другомъ лазаретѣ и даже въ той или другой его палатѣ".

Въ одномъ мѣстѣ своей военно-полевой хирургіи, въ главѣ „о леченіи различнаго вида госпитальнаго зараженія вообще", покойный Н. И. пророчески заявляетъ:

„Отъ насъ, кажется, недалеко то время, когда тщательное изученіе травматическихъ и госпитальныхъ міазмъ дастъ хирургу другое направленіе. Самообольщеніе, мечты о всемогуществѣ искуства уже исчезли. Судьба науки уже не въ рукахъ оперативной хирургіи,—совершился огромный переворотъ во взглядахъ, и наши понятія о дѣйствіяхъ травмы на организмъ существенно измѣнились. Травма признается главнымъ источникомъ отравъ и зараженія. Но еще мало, очень мало дѣлается для кореннаго преобразованія тѣхъ огромныхъ вмѣстилищъ, которыми распространяются развитыя въ нихъ заразы на окружающія среды. Если я оглянусь на кладбище, гдѣ схоронены зараженные въ госпиталяхъ, то не знаю—чему болѣе удивляться: стоицизму-ли хирурговъ, занимающихся изобрѣтеніемъ еще новыхъ операцій, или довѣрію, которымъ продолжаютъ еще пользоваться госпитали у правительствъ и обществъ. Можно-ли же ожидать истиннаго прогресса, пока врачи и правительство не выступятъ на новый путь и не примутся общими силами уничтожать источникъ госпитальныхъ міазмъ? Совершенству науки довольно уже мѣшаетъ не одно травматическое зараженіе, успѣхомъ ея довольно уже вредятъ Повѣтрія, дискрозіи, неопытность и невѣжество; но тутъ утѣ-

шаешь себя, по крайней мѣрѣ, общимъ всему человѣчеству несовершенствомъ; знаешь, что нельзя бороться съ наслѣдственною наклонностью къ дискрозіямъ, хотя и невольно поблагодаришь Луи за призывъ врачей къ крестовому походу противъ чахотки. Но всеобщее вооруженіе противъ госпитальныхъ міазмовъ не превышаетъ человѣческихъ силъ".

„Всѣ знаютъ, или лучше, должны всѣ знать, что ихъ распространеніе зависитъ отъ плохой организаціи учрежденій, отъ переполненія закрытыхъ пространствъ больными, отъ скопленія въ одномъ мѣстѣ раненыхъ, — словомъ, отъ условій, которыя государство можетъ и должно устранять".

„Скученіе массъ въ одномъ мѣстѣ и истощеніе органическихъ силъ", говоритъ далѣе знаменитый авторъ „Началъ общей военно-полевой хирургіи",—„конечно не разлучны съ войною и повсюду неотвратимы; но прогрессивная администрація, преобразуя госпитали, могла бы сдѣлать чрезвычайно многое къ предупрежденію госпитальныхъ эпидемій. Жаль только, что и образованнѣйшіе классы общества еще мало знаютъ о вредномъ вліяніи госпиталей на болѣзни и мало интересуются этимъ. Иначе, нельзя объяснить то равнодушіе, съ которымъ и государство, и филантропія смотрятъ на эти огромныя скопища страждущихъ подъ одною кровлею. Не объяснить этого и однимъ недостаткомъ денежныхъ средствъ. Для чего бы тогда строить въ столицахъ госпитали, какъ дворцы, и тратить огромныя суммы на огромныя вмѣстилища больныхъ посреди густаго народонаселенія? Не доказываетъ-ли это, что у нашихъ современниковъ осталось то же невѣрное понятіе о больницахъ, какое имѣли о нихъ и наши предки. Они также полагали главное достоинство госпиталя въ пріютѣ и помѣщеніи множества страждущихъ, и самымъ огромнымъ разсадникомъ заразъ давали незаслуженныя имена домовъ: христіанской любви, милосердія и даже домовъ Божіихъ".

Покойному Н. И. Пирогову было посему въ высшей степени отрадно замѣтить, при посѣщеніи имъ въ 1870 г. военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ, значительный прогрессъ, который обнаружился во время франко-германской войны въ устройствѣ лазаретовъ и другихъ госпитальныхъ помѣщеній.

„Кто слѣдилъ",—говоритъ онъ въ отчетѣ своемъ,—„за исторіею развитія госпиталей, тотъ вѣрно замѣтилъ, что въ послѣднее десятилѣтіе совершился значительный переворотъ въ воззрѣніяхъ на бытъ и устройство этихъ вмѣстилищъ человѣческихъ страданій. Я, основываясь на обширномъ опытѣ, 17 лѣтъ тому назадъ, обратилъ вниманіе врачей на госпитальную конституцію, назвавъ этимъ именемъ особенность каждаго госпиталя, зависящую отъ различныхъ условій его устройства, и указалъ какъ сильно вліяетъ она на ходъ хирургическихъ болѣзней и ихъ леченіе. Я объявилъ себя тогда непримиримымъ врагомъ громадныхъ и подобныхъ дворцамъ госпитальныхъ зданій и представилъ довольно, какъ я думаю, фактовъ изъ моей практики въ пользу госпитальныхъ палатокъ, бараковъ, крестьянскихъ избъ и другихъ незатѣйливыхъ помѣщеній. Роскошная обстановка госпиталей давно уже перестала обольщать меня. Я убѣдился, что чѣмъ громаднѣе, великолѣпнѣе госпиталь, тѣмъ менѣе возможно слѣдить за его внутреннимъ, скрытымъ и не сразу обнаруживающимся состояніемъ. Эти убѣжденія не раздѣляются еще всѣми, чему доказательствомъ служатъ роскошные госпитали, воздвигаемые еще и теперь въ столицахъ; но переходное состояніе въ воззрѣніяхъ врачей и общества уже наступило".

Въ 1871 году, по поводу готовившейся къ изданію монографіи нашей о барачныхъ лазаретахъ [1]), которой мы предпослали изложеніе историческихъ судебъ госпитальнаго дѣла, Н. И. выразилъ въ предисловіи къ этому труду нижеслѣдующія, полныя глубины, мысли.

„Читая вашъ манускриптъ, мнѣ прежде всего пришло на мысль, что многіе изъ вашихъ читателей можетъ быть удивятся, почему не болѣе 300-тъ лѣтъ тому назадъ считалось весьма естественнымъ класть въ одну госпитальную кровать по нѣсколько трудно больныхъ. А я, съ моей стороны, увѣренъ, что нашимъ потомкамъ, чрезъ 300 лѣтъ, покажется также страннымъ, почему у насъ строились огромные дворцы для скучиванія больныхъ въ за-

---

[1]) „Барачные лазареты въ военное и мирное время". Спб. 1871. Изд. „Общ. Краснаго креста".

крытыхъ пространствахъ, тогда какъ бо̀льшая часть и здороваго и больнаго народонаселенія проживала въ лачугахъ. Но размысливъ хорошенько о томъ, какъ тяжело и медленно шагаетъ все истинно-прогрессивное въ человѣческомъ обществѣ,—и читатели ваши, и будущее наше поколѣніе перестанутъ удивляться. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, нужно условій, чтобы всякое дѣло, и даже такое старое, какъ милосердіе, хорошо принялось въ обществѣ? Уже никакъ не менѣе трехъ, самыхъ главныхъ. Нужно, чтобы нашлись люди, насквозь проникнутые убѣжденіемъ въ необходимости такого дѣла; нужны средства; а въ третьихъ, нужно достаточно имѣть знанія и опыта, какъ помочь горю.

„Но общественное милосердіе принадлежитъ къ убѣжденіямъ новѣйшаго времени, еще вовсе не укоренившимся;—„charitas", какъ религіозная обязанность цѣлаго общества, врядъ-ли существовала въ понятіяхъ древняго міра,—ветхозавѣтная была болѣе отрицательнаго свойства,—во всякомъ случаѣ, въ массы эта обязанность начала проникать только при распространеніи христіанства и при извѣстныхъ отношеніяхъ церкви къ государству. Поэтому, во всѣхъ новыхъ государствахъ, больницы и были прежде всего „домами божіими". И какъ бы этимъ именемъ ни пользовались всуе всѣ госпитали, съ самаго начала ихъ существованія и до сихъ поръ, оно одно освящало и укрѣпляло основаніе этихъ скопищъ человѣческихъ страданій. Средневѣковому обществу недоставало ни истинно христіанскихъ, ни истинно гуманныхъ убѣжденій въ необходимости помогать меньшей братіи,—сословная рознь и кулачное право мѣшали ихъ развитію,—церкви недоставало знанія, а государствамъ, ни убѣжденій, ни знаній, ни средствъ. Наслѣдникамъ же среднихъ вѣковъ было не до дѣлъ общественнаго милосердія; имъ, прежде всего, приходилось научаться разучиваться, отыскивая здравый смыслъ, забитый школою".

„Какъ, повидимому, ни различны между собою призванія школы и больницы, судьбы ихъ имѣютъ много общаго. Какъ ни очевидно благодѣтельное вліяніе общественнаго попеченія и науки на здоровье и умъ каждой отдѣльной личности, но когда дѣло доходитъ до физическаго и умственнаго леченія массъ, тотчасъ обнаруживаются и въ той, и въ другой сферѣ новые недуги, обязанные своимъ происхожденіемъ—госпиталю и школѣ".

„Поэтому бытъ и организація школъ и госпиталей идутъ всегда рука объ руку, и здравый смыслъ открываетъ себѣ послѣ долгой борьбы дорогу и въ тѣ, и въ другія, — почти всегда въ одно и то же время“.

„Доказательствомъ тому можетъ служить Америка; тамъ здравый смыслъ общества обнаруживается въ наше время всего яснѣе и въ народной школѣ, и въ барачномъ временномъ лазаретѣ. И тамъ, и здѣсь прогрессъ выражается переходомъ закрытаго заведенія въ открытое. Какъ скоро цѣлую массу человѣческихъ организмовъ и личностей запираютъ въ закрытыя заведенія,—съ цѣлію ли научить, исправить или вылечить,—худая сторона органической и нравственной натуры человѣка не замедлитъ проявить себя прежде хорошей. Въ закрытой школѣ—форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ и заглушаетъ его; наука отрывается отъ жизни и преждевременные пороки чувственности заражаютъ и губятъ цѣлое поколѣніе. Въ закрытомъ, по старой коррйдорной системѣ, устроенномъ госпиталѣ, развиваются губительные животные яды и міазмы,—и если госпитальныя болѣзни обращаютъ на себя теперь болѣе вниманія, то развѣ, во 1-хъ, потому, что онѣ гораздо матеріальнѣе и яснѣе школьныхъ, а во 2-хъ, оттого, что на Западѣ, изъ закрытыхъ заведеній перестали существовать однѣ только госпитальныя“.

„Если же наши, одержимыя формализмомъ и беззаботностію, общества обращаютъ мало вниманія и на тѣ, и на другія, то, по крайней мѣрѣ, мы, врачи, не должны молчать объ нихъ“.

„Конечно“,—говоритъ Н. И. въ другомъ мѣстѣ того же предисловія, — „государству легче и дешевле призрѣвать нѣсколько тысячъ больныхъ въ хоромахъ и массивныхъ зданіяхъ, нежели предупреждать развитія болѣзни въ массахъ административно-гигіеническими мѣрами. Если скученность, недостатокъ въ хорошемъ воздухѣ такъ очевидно вредны для госпитальныхъ больныхъ, то слѣдствія ихъ еще пагубнѣе обнаруживаются на здоровыхъ, увеличивая смертность цѣлаго народонаселенія, и дѣлая потомъ и пребываніе, и леченіе въ госпиталяхъ безполезнымъ“.

„Госпитали только тогда и заслужатъ по праву названія домовъ божьихъ и пріютовъ милосердія, когда перемѣнятъ свой нынѣшній монументальный характеръ на другой, болѣе современный и вспомогательный общимъ гигіеническимъ мѣрамъ. Мо-

нументальными сдѣлаются тогда не зданія,—но дѣла общественнаго милосердія, назначаемыя для предупрежденія страданій".

Великія мысли, изложенныя покойнымъ Н. И. въ вопросахъ, имѣющихъ отношенія къ госпитальной гигіенѣ, мало по малу стали разсѣевать глубокій мракъ, царившій надъ старыми заблужденіями, которыя еще и теперь, отчасти, существуютъ въ вопросѣ госпитальномъ. Кто не знаетъ, что съ понятіемъ о возникновеніи любой инфекціонной болѣзни связано понятіе о мѣстномъ ея происхожденіи; военно-врачебная наука причисляетъ къ послѣднимъ: происхожденіе травматической лихорадки, кроваваго поноса, брюшнаго тифа, а также и дифтерита зѣва. Нѣкоторыя мѣстности, равно какъ извѣстныя крѣпости, въ военной исторіи пользуются особенно дурною славою. Какъ только нѣмецкіе короли, послѣ перехода ихъ черезъ Альпы, спускались съ своими полчищами въ долины Ломбардіи, то вслѣдъ затѣмъ, говоритъ Вирховъ [1]), они наталкивались на скрытаго врага,—на лихорадку. Не одна армія гибла отъ преслѣдованія этого скрытаго врага, въ то время когда открытый врагъ былъ постоянно ими побѣждаемъ. Въ послѣднюю франко-германскую войну германская армія, подъ стѣнами Меца, потеряла 2,157 человѣкъ вслѣдствіе тифа и кроваваго поноса; въ сѣверо-американской войнѣ, въ 1-й годъ, выбыло изъ строя одержимыхъ брюшнымъ тифомъ 21,971 челов., изъ числа которыхъ умерло 5,608; въ слѣдующемъ же году число заболѣвшихъ воиновъ достигло 31,874, изъ числа которыхъ умерло отъ брюшнаго тифа 10,467 человѣкъ; кровавымъ же поносомъ было больныхъ 34,848 человѣкъ. При подобныхъ прискорбныхъ событіяхъ обыкновенно искали причинъ въ почвѣ, какъ бы въ источникѣ всѣхъ золъ. За неимѣніемъ иныхъ точекъ опоръ, всего легче было объяснить происхожденіе заразныхъ элементовъ—маляріей, т. е. почвою. Подобному вѣрованію, говоритъ Вирховъ, лежало въ основаніи, можетъ быть, скорѣе инстинктивное чувство.

Однако, лишь новѣйшія изслѣдованія доказали, что причиною загрязненія почвы первѣе всѣхъ самъ человѣкъ; разумѣется, намъ еще неизвѣстны всѣ измѣненія, происходящія въ почвѣ, въ водѣ

---

[1]) Die Fortschritte der Kriegsheilkunde besonders im Gebiete der Infectionskrankheiten. Berlin. 1874.

и въ воздухѣ, вслѣдствіе вліянія продуктовъ разложенія, отбросковъ людей и животныхъ. Вѣрно лишь то, что великія задачи общественнаго здравохраненія выражаются въ наше время въ стремленіи большихъ населенныхъ центровъ къ возможному очищенію ихъ путемъ канализаціи или другими способами.

Какъ въ обыкновенное время, такъ и во время войны, мы убѣждаемся, что загрязненіе почвы и воды не есть, такъ сказать, универсальное. Посредствомъ вѣтра могутъ, разумѣется, міазмы заноситься; тѣмъ не менѣе, не весь же воздухъ имъ пропитанъ; скорѣе въ каждой зараженной мѣстности существуютъ отдѣльные фокусы заразъ, и прежде всего такими фокусами являются наши жилища. Можно ли, затѣмъ, принять, что міазмы какъ жилищъ, такъ и госпиталей, вполнѣ тождественны съ таковыми же міазмами, развивающимися во время войны въ лагерныхъ стоянкахъ, и что одна и та же міазма, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть причиною происхожденія брюшнаго тифа, кроваваго поноса, дифтерита, рожи, госпитальной гангрены и септикеміи? На этотъ вопросъ извѣстный вѣнскій проф. хирургіи Бильротъ отвѣчаетъ утвердительно и самъ Вирховъ видимо начинаетъ склоняться на сторону этого мнѣнія.

Въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря опыту, пріобрѣтенному врачами во время колоссальныхъ войнъ послѣдняго времени, трактаты о характерѣ госпитальныхъ построекъ стали появляться довольно часто въ медицинской литературѣ. Со времени отчета королевской коммисіи о состояніи войскъ въ 1857 г. въ Англіи [1]) введенъ усовершенствованный способъ постройки госпиталей. Изложенныя въ этомъ отчетѣ основныя положенія, внѣ которыхъ невозможно имѣть чистые, здоровые госпитали, примѣнены на практикѣ въ первый разъ въ 1858 г., при возведеніи въ Англіи улучшенныхъ бараковъ и госпиталей. По принципамъ Дугласа Гальтона, госпиталь долженъ быть такое зданіе, которое предназначается для помѣщенія и пользованія больныхъ при условіяхъ, далеко болѣе благопріятныхъ для выздоровленія,

---

[1]) An Address on the general principles which should be observed in the construction of hospitals delibered to the British Medical Association at Leeds. July 29 1861. With the discussion which took place thereon. By Douglas Galton.

чѣмъ тѣ, которыя больные могли бы найдти гдѣ нибудь. Главная цѣль госпиталя, по его мнѣнію, та, чтобы больные выздоравливали въ возможно кратчайшій срокъ; атмосферическая гигіена больницы не должна значительно отличаться отъ гигіены здороваго дома. Обращая вниманіе на то, какъ мало нѣкоторыя извѣстные англійскіе госпитали удовлетворяютъ главнѣйшимъ принципамъ усовершенствованной госпитальной архитектуры, Гальтонъ останавливается подробно на госпиталяхъ павильонной системы и совѣтуетъ устраивать госпитали безъ всякихъ разсчетовъ на долговѣчность. Госпиталь, говоритъ онъ, это союзникъ врача: послѣдній лѣчитъ болѣзнь и долженъ поставить больнаго въ такія условія, при которыхъ къ нему могли бы придти на помощь природа, а не такія, которыя противны какъ природѣ, такъ и стараніямъ врача. Врачъ долженъ указать эти условія, а архитекторъ долженъ составлять по нимъ свой планъ. Трактатъ Гальтона принятъ съ большимъ одобреніемъ британскими медицинскими обществами, и выражаетъ, господствующее въ Англіи, мнѣніе о постройкѣ госпиталей, соотвѣтствующихъ требованіямъ настоящаго времени.

Въ Англіи, поборникомъ устройства госпиталей въ небольшихъ зданіяхъ былъ въ особенности знаменитый Симсонъ. Онъ, какъ и нашъ незабвенный Н. И., не допускаетъ большихъ зданій, на большое число больныхъ, т. е. такое устройство, которое въ особенности у насъ чрезвычайно излюблено. На международномъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1878 году, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Парижѣ, больничный вопросъ, на основаніи докладовъ, сдѣланныхъ конгресу Фовелемъ и Валленомъ [1]), былъ подверженъ многостороннему обсужденію. Въ особенности подробно была мотивирована на конгрессѣ необходимость изолированія больныхъ, одержимыхъ инфекціонными болѣзнями; указывалось на громадный вредъ, происходящій отъ помѣщенія госпиталей въ центрѣ городовъ, на чрезвычайную скученность больныхъ въ большихъ госпитальныхъ зданіяхъ, и о необходимости повсемѣстнаго устройства небольшихъ госпиталей внѣ городской черты, предназначен-

---

[1]) Rapport de MM. Fauvel et Vallin, comptes rendus sténographiques. Congrés international d'Hygiène. I. T. Paris. 1880.

ныхъ для различныхъ по характеру инфекціонныхъ болѣзней. Какъ на идеалъ госпитальнаго устройства указывалось на павильонную систему, принятую въ Англіи, Америкѣ и въ послѣднее время въ Германіи и Италіи. Мемуары Терніе [1]) и Лефора [2]), затрогивавшіе вопросъ объ устройствѣ родовспомогательныхъ домовъ, обратилъ на себя особенное вниманіе; и объ этомъ же вопросѣ было много говорено и на гигіеническомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1876 г.

Благодаря неопровержимымъ фактамъ, доказывающимъ, какъ нельзя лучше, вредъ, происходящій отъ помѣщенія рожениць въ сплошныхъ большихъ зданіяхъ, вполнѣ выяснилось, что въ настоящее время едва-ли могла бы быть оправдываема всякая попытка строить вновь подобное заведеніе по старой корридорной системѣ и въ много-этажныхъ зданіяхъ.

Какъ много госпитальный вопросъ занималъ умы врачей видно изъ того, что ни на одномъ бывшемъ въ послѣднее время конгрессѣ онъ не былъ забываемъ. Такъ, въ 1882-мъ году, на международномъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Женевѣ, обсуждались мѣры къ лучшему устройству больничныхъ палатъ и способѣ ихъ дезинфекціи, и женевскимъ профессоромъ хирургіи Sullien'омъ [3]) былъ представленъ интересный докладъ о госпитальныхъ баракахъ.

Нельзя не отмѣтить посему поворота въ общественномъ мнѣніи, клонящагося къ отысканію лучшихъ способовъ къ изолированію больныхъ, одержимыхъ инфекціонными болѣзнями, и вообще къ улучшенію санитарныхъ условій больницъ; нельзя также не отмѣтить весьма отраднаго факта, что въ вопросѣ крайней необходимости изолированія больныхъ не встрѣчается, повидимому, больше розни во взглядахъ врачей. Болѣзни какъ холера, сыпной тифъ, возвратная горячка, оспа, корь и скарлатина, дифтеритъ и послѣ-родовыя горячки, піемія, рожа и госпитальная гангрена,— суть такія болѣзни, для которыхъ изолированіе больныхъ обязательно, что разумѣется невыполнимо въ большихъ много-этажныхъ

---

[1]) Ternier. De l'higiène des maternités. 1864.
[2]) Le Fort. Des maternités. 1866.
[3]) Huitième Question. Baraquements hospitaliers.

зданіяхъ. Все это сдѣлалось уже аксіомой, и сомнѣвающихся еще въ томъ придется отсылать къ учебникамъ гигіены.

Но все то, что теперь кажется столь очевиднымъ каждому благомыслящему врачу, было недоступно пониманію многихъ въ въ то время, когда покойный Н. И. Пироговъ впервые высказался о санитарныхъ условіяхъ госпиталей, въ своей классической военно-полевой хирургіи.

Когда я въ 1874 г. препроводилъ отчетъ Н. И—чу о состояніи бараковъ С.-Петербургскаго Дамскаго Лазаретнаго Комитета [1]), то покойный почтилъ меня нижеслѣдующими строками:

—„Я съ большимъ любопытствомъ прочелъ вашъ „Отчетъ о барачныхъ госпиталяхъ“ и благодарю за доставленіе мнѣ удовольствія присылкою вашей книги. Результаты очевидны, въ благопріятности ихъ и превосходствѣ можетъ сомнѣваться развѣ тотъ, кто не повѣритъ ихъ справедливости; конечно, это буду не я. Одно только замѣчу вамъ и это непремѣнно выставьте на видъ въ изготовляемомъ вами французскомъ мемуарѣ [2]),—это временный характеръ госпиталя, какъ мнѣ кажется, мало вами обозначенный въ вашемъ отчетѣ, а это главное. Какіе бы счастливые результаты не давали бараки въ началѣ ихъ существованія,—даютъ въ началѣ хорошіе результаты и много-этажные госпитали,—современемъ матеріалъ бараковъ, не смотря на превосходную вентиляцію, все-таки пропитается заразительными веществами. Поэтому, повторяю, главное въ барачной системѣ составляетъ ея временный характеръ, требующій и относительно менѣе цѣнной постройки. Приблизительно она должна почти десять разъ дешевле стоить монументальныхъ построекъ, для того, чтобы въ періодѣ существованія одного монументальнаго госпиталя, можно было выстроить десять барачныхъ новыхъ“.

„Мы, конечно, еще очень далеки отъ этого. Но суть дѣла все таки это самое и техники должны именно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать временный пріютъ наиболѣе удобнымъ, наиболѣе

---

[1]) Отчетъ о состояніи бараковъ Спб. Дамск. Лазаретн. Комитета Общ. Краснаго Креста. Спб. 1874 г.

[2]) L'hopital-baraque établi par le comité des dames de St.-Pétersbourg d'ordre de S. M. l'Imperatrice „La Croix rouge“. Annales de c'olune international. Bruxelles.

дешевымъ и наиболѣе здоровымъ для замѣны имъ монументальныхъ зданій, вредъ которыхъ довольно ясенъ для каждаго безпристрастнаго наблюдателя. Приспособить такія временныя зданія къ климату, пространству и обычаямъ обывателей городовъ и цѣлыхъ странъ и составляетъ, по моему мнѣнію, задачу, которую вы, хотя и не много, разрѣшаете вашими наблюденіями".

„Вотъ все, что могу сообщить, прочитавъ вашъ интересный трудъ; дѣло слишкомъ важное. Реформы не однихъ зданій, а понятій и вѣковыхъ взглядовъ, — это вещь не шуточная! Нужно имѣть терпѣніе и терпѣніе, выдержать безропотно равнодушіе, насмѣшки, имѣя въ виду цѣль — побѣдить вѣковой вредный предразсудокъ и неумѣстную гоньбу за эффектомъ, производимымъ на толпу грандіозностью монументальныхъ зданій".

Вотъ слова, полныя глубокаго смысла, нашего безсмертнаго, къ величайшему прискорбію слишкомъ рано умершаго Н. И. Пирогова. Я ни чѣмъ инымъ не могъ выразить моего благоговѣнія предъ памятью великаго учителя, какъ лишь напомнивъ, въ день годовщины смерти его, 23-го ноября 1882 г., о великихъ заслугахъ его наукѣ, человѣчеству и родинѣ—воспроизвести великія мысли и идеальныя стремленія его, изложенныя въ классическихъ твореніяхъ его и въ дорогой для меня перепискѣ съ нимъ.

Да будетъ свято жить въ памяти сердца всѣхъ благомыслящихъ людей величавый, незабвенный образъ покойнаго Николая Ивановича Пирогова!

I. В. Бертенсонъ.

23-го ноября 1882 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе отъ Ред. Помѣщая статью уважаемаго профессора-доктора I. В. Бертенсона, посвященную памяти незабвеннаго Н. И. Пирогова, — мы, благоговѣйно чтя заслуги этого ученаго и гражданина, тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ вспоминаемъ о слѣдующемъ эпизодѣ изъ дней празднованія его юбилея.

26-го мая 1881 г., въ Москвѣ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, всѣ многочисленныя депутаціи, съѣхавшіяся на это торжество науки, и множество почитателей заслугъ Н. И. Пирогова, давали

ему обѣдъ. Когда, по окончаніи стола, Николай Ивановичъ оставилъ свое почетное мѣсто и, опираясь на руку ректора Московскаго университета, Н. С. Тихонравова, — прослѣдовалъ мимо пишущаго эти строки — редактора „Русской Старины“, Пироговъ внезапно остановился и, привѣтливо протягивая намъ руку, сказалъ:

— А мои Записки — принадлежатъ вашему журналу „Русской Старинѣ“.

Въ расплохъ захваченный столь высокимъ знакомъ вниманія знаменитаго ученаго, я едва успѣлъ поблагодарить Николая Ивановича.

Его слова весьма ясно слышалъ достоуважаемый профессоръ Н. С. Тихонравовъ, что̀ еще 29-го сентября 1882 года онъ лично мнѣ подтвердилъ въ Москвѣ.

23-го ноября 1881 г. Н. И. Пирогова не стало. Остались-ли послѣ него Записки? Слухъ прошелъ, что остались, но будто бы доведены только до 1845 или 1847 года. Если это такъ, если рукопись существуетъ, то просимъ семью покойнаго, въ особенности того сына Николая Ивановича, который нынѣ состоитъ профессоромъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ, когда дойдутъ до нихъ эти строки,—исполнить, конечно вполнѣ священный, завѣтъ Н. И. Пирогова.

Ред.

23-го ноября
1882 г.

НА РУСИ ВЪ 1612 ГОДУ.

Въ книгѣ „Описаніе Вологодскаго Намѣстничества" встрѣтился мнѣ прилагаемый документъ 1612 г.

Вологодское намѣстничество было открыто 30-го іюня 1780 г.; описаніе его, повидимому, сдѣлано около того-же времени (въ моемъ экземплярѣ нѣтъ нѣсколькихъ первыхъ листовъ), а сообщаемый документъ помѣщенъ на стран. 52—54-й.

Имѣя въ виду, что „Описаніе Вологодскаго Намѣстничества"—книга вовсе неизвѣстная, покорнѣйше прошу Редакцію не найдено ли будетъ возможнымъ, въ общемъ историческомъ интересѣ, дать мѣсто сообщаемому документу на страницахъ „Русской Старины".

А. М.

Сильвестра, архіепископа Вологодскаго и Великопермскаго, отписка московскимъ боярамъ и воеводамъ,

посланная 29-го сентября 1612 года.

«Великія Русійскія державы, государства московского боярамъ и воеводамъ.... и бояриму и воеводѣ князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому съ товарищи богомолецъ вашъ Сильвестръ, архіепискупъ вологодской и великопермьскій, и архимандриты, и игумны, и протопопы, и попы, и вологодскіе земскіе посадскіе остальные людишки челомъ бьютъ: въ нынѣшнемъ, господа, во 121 году сентября въ 22-й день, съ понедѣльника на вторникъ, на остатошномъ часу ночи, грѣхъ ради нашихъ, разорители истинные нашея православныя вѣры и креста Христова ругатели—польскіе и литовскіе люди, и черкасы, и козаки и русскіе воры пришли на Вологду безвѣстно, изгономъ... и городъ Вологду взяли, и людей всякихъ посѣкли, и церкви Божія опоругали, и городъ и посады выжгли до тла, а стольникъ и вое-

вода князь Иванъ Одоевскій ушелъ и нынѣ въ Вологодскомъ уѣздѣ, а окольничаго и воеводу Григорья Долгорукова и дьяка Истому Карташева убили, а меня грѣшного взяли въ полонъ и держали у себя четыре ночи и многожды приводили къ казнѣ, и Господь надо мною грѣшнымъ смилосердовался: едва жива отпустили. А какъ польскіе и литовскіе люди, и черкасы, и козаки и русскіе воры пришли къ Вологдѣ, грѣхъ ради нашихъ, воеводскимъ нерадѣніемъ и оплошствомъ, отъ города отъѣзжихъ кораудовъ, и на башняхъ сторожей, и на острогѣ и городовой стѣнѣ головы и сотниковъ съ стрѣльцами и у снаряду пушкарей и затинщиковъ не было, а были у воротъ на кораулѣ не многіе люди,—и тѣ не слыхали, какъ литовскіе люди въ городъ вошли... А большіе вороты были не замкнуты. А какъ, господа, польскіе и литовскіе люди, и черкасы, и козаки, и воры городъ пожгли и людей посѣкли,—пошли съ Вологды сентября 25-го числа. И нонѣ, господа, городъ Вологда—зженое мѣсто; окрѣпити для осады и снарядъ прибрати некому; а которые вологжана жилецкіе люди-утеклецы въ городъ сходиться не смѣютъ, а воевода Григорій Образцовъ съ Бѣла-озера съ своимъ полкомъ пришелъ и сѣлъ на Вологдѣ, но никто не слушаетъ: другъ друга грабятъ... И будетъ, господа, вамъ впредь для земской помочи и для приморскихъ городовъ хотѣти укрѣпити городъ Вологду и вамъ бы, господа, воеводу крѣпкого прислати и дьяка. А все, господа, дѣлалось хмѣлемъ: пропили городъ Вологду воеводы».

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Мнимое его стихотвореніе.

Въ № 12-мъ «Русской Старины», изд. 1879 г. (т. XXVI, стр. 733), я между прочимъ указалъ на одно стихотвореніе, дважды напечатанное при жизни Пушкина, съ его именемъ: въ 1828 г. съ музыкальными нотами А. Гурилёва, и въ 1831 г. въ альманахѣ «Эвтерпа». Стихотвореніе это: «Я палъ предъ алтаремъ прекрасной», а по другому тексту: «Я очарованъ былъ прекрасной», не было однако внесено ни въ одно изъ собраній сочиненій Пушкина, почему мною и былъ поставленъ вопросъ: дѣйствительно-ли оно принадлежитъ ему?

За тѣмъ, печатая Исаковское изданіе сочиненій нашего великаго поэта (1880 г.), я помѣстилъ это стихотвореніе въ примѣчаніяхъ къ II-му тому (стр. 420), какъ весьма сомнительное, и получилъ отъ г. Бартенева-Чирикова выговоръ въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г. (I, стр. 209), въ такихъ словахъ: „къ 1827 году еще отнесено стихотвореніе или романсъ, — но только въ примѣчаніи у г. Ефремова, напрасно сомнѣвающагося въ принадлежности его Пушкину: «Я очарованъ былъ прекрасной“.—На это я могъ только замѣтить въ примѣчаніяхъ къ V тому изданія (стр. 537), что въ личномъ убѣжденіи г. Чирикова-Бартенева о принадлежности романса Пушкину никто не нуждается, но что для рѣшенія вопроса надо ждать пока явится рукопись поэта или указаніе въ его перепискѣ, чтобъ напрасно не засорять изданія чужими стихами.

Руководясь этимъ, я и въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина помѣстилъ романсъ тоже въ примѣчаніяхъ (1882 г., т. 2, стр. 401), пояснивъ, что по вычурности стиха я считаю принадлежность этого стихотворенія Пушкину весьма сомнительною.

Кто же былъ правъ: я-ли, сомнѣвавшійся, или гг. Бартеневъ и Чириковъ — вполнѣ убѣжденные?

Пересматривая недавно для одной совершенно особой работы всѣ безъ исключенія повременныя изданія перваго пятилѣтія царствованія императора Николая Павловича, я въ «Дамскомъ журналѣ» 1829 года нашелъ спорное стихотвореніе. Оно напечатано тамъ въ № 7, на стр. 103—104, подъ заглавіемъ: «Дѣва любви» и не имѣетъ ни малѣйшей разницы съ текстомъ, явившимся въ «Эвтерпѣ» 1831 г. Подъ стихотвореніемъ подписано: «В. К—й» и такая же подпись, измѣненная иногда въ «В. К—ій» находится еще подъ нѣсколькими стихотвореніями этого журнала, несомнѣнно Пушкину не принадлежащими, какъ «Лампада (Е. С. Л—вой)»—въ № 6, или «Пѣснь дѣвы»—въ № 13. Подъ послѣднимъ стихотвореніемъ, кромѣ того, помѣчено, что оно написано «На берегу Тверцы».

П. А. Ефремовъ.

КЪ ПОРТРЕТУ НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ ГОНЧАРОВОЙ.

1830 г.

Супруга Пушкина—невольная причина его роковаго поединка—Наталія Николаевна Гончарова родилась въ достопамятный день Бородинской битвы—26-го августа 1812 года; сочеталась первымъ бракомъ съ А. С. Пушкинымъ 18-го февраля 1831 года; овдовѣла 29-го января 1837 г. Вторымъ ея супругомъ былъ командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка (впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ) Петръ Петровичъ Ланской. Дѣти отъ перваго брака, сыновья: 1) Александръ, 2) Григорій; дочери: 3) Марія, 4) Наталія. Отъ втораго съ П. П. Ланскимъ брака, дочери: Александра Петровна (Арапова); Софія Петровна (Шипова) и Елисавета Петровна Ланская.

Скончалась Наталья Николаевна 26-го ноября 1863 года.

Подруга шести послѣднихъ лѣтъ жизни нашего незабвеннаго поэта, жертва злословія и клеветы его враговъ и малодушныхъ, незаслуженныхъ укоровъ его друзей и восторженныхъ поклонниковъ — Наталья Николаевна должна предстать чистою и безупречною въ глазахъ потомства. Оно было-бы точно такъ-же не право, какъ были не правы и современники четы Пушкиныхъ, требуя отъ супруги великаго поэта особенныхъ дарованій и ума, пылкихъ и восторженныхъ чувствъ, какими его такъ щедро одарила природа. Но подобный идеалъ супруги поэту было несравненно легче создать, нежели найдти въ какихъ бы то ни было сферахъ русскаго общества.

Несомнѣнно, что дѣвица Гончарова, по выходѣ замужъ за Пушкина, возбудила зависть и ревность во многихъ тысячахъ женскихъ сердецъ влюбленныхъ въ ея супруга. Каждая изъ этихъ соперницъ, съ предубѣжденіемъ взирая на жену Пушкина, относилась критически къ ея внѣшнимъ и душевнымъ качествамъ, рѣшая, что Гончарова—ему не пара. Судьи, болѣе безпристрастные, обвиняли Наталію Николаевну въ непониманіи мужа, какъ поэта; въ холодности къ нему и въ излишней склонности къ суетнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ; въ томъ, что бальную залу или аристократическую гостиную она предпочитала тиши его кабинета. Но и эти обвиненія рушатся сами собою, если принять въ соображеніе возрастъ и предъидущій образъ жизни мужа и жены. Пушкину было 32 года, Гончаровой—19 лѣтъ; онъ уже отжилъ первую свою молодость, заплативъ ей щедрую дань, до половины осушивъ чашу наслажденій, отъ которой искалъ отрез-

вленія въ брачной жизни. Къ этой чашѣ новобрачная, воспитанная какъ-бы въ старинномъ теремѣ—въ домѣ родительскомъ, только что прикоснулась дѣвственными своими устами. Спутница жизни Пушкина стремилась съ свѣжими силами по той дорогѣ, на которой онъ, утомленный, желалъ, хотя-бы временно, отдохнуть, духъ перевести... Пушкинъ свѣтлымъ своимъ умомъ и нѣжнымъ любящимъ сердцемъ понималъ и сознавалъ это лучше, чѣмъ кто либо другой и не лишалъ своей супруги тѣхъ развлеченій, въ сущности пустыхъ и суетныхъ, въ которыхъ она, какъ ребенокъ, находила такъ много удовольствія. Онъ, какъ добрый отецъ ребенка, тѣшилъ свою жену и нарядными обновками, и балами, и раутами и усыпалъ путь своей жены цвѣтами, покуда подъ ними не появились ядовитыя змѣи клеветы и злорѣчія. Что-же касается до холодности темперамента жены Пушкина, діаметрально противуположнаго его пламенному характеру, то самая эта противуположность была именно главною причиною его сердечнаго сближенія съ дѣвицею Гончаровою. Крайности сходятся: примѣръ этой психической и физіологической аксіомы самъ Пушкинъ явилъ въ лицахъ «Ленскаго» и «Онѣгина»:

„Они сошлись: волна и камень,
„Стихи и проза, ледъ и пламень
„Не столь различны межъ собой".

Такъ изъ числа своихъ однокашниковъ-лицеистовъ, Пушкинъ другомъ себѣ избралъ апатичнаго флегматика—барона Дельвига.

Въ той самой холодности, въ которой большинство находило недостатокъ, Пушкинъ, пламенно любя жену свою, видѣлъ особенную прелесть и привлекательность... Онъ высказалъ это самъ въ прелестномъ стихотвореніи 1832 года [1]).

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, исступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, віясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

[1]) Пушкинымъ написано и посвящено въ честь обожаемой имъ жены нѣсколько дивныхъ стихотвореній, а именно: въ 1830 г. іюля 8-го—„Мадонна" (сонетъ); въ 1831 г.: „Красавица"—въ альбомъ Н. Н. Гончаровой;—отрывокъ: „*Когда въ объятія мои*"..; въ 1832 г.: «*Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ*»...

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

19 января 1832 г.

Но и эта снѣговая пелена, прикрывавшая чувства жены Пушкина, растаяла слезами, а тѣ душевныя муки, которыя перенесла Наталія Николаевна съ минуты пріѣзда раненаго Пушкина домой до самой его кончины, затѣмъ долгій періодъ вдовства, въ продолженіе котораго, вмѣсто словъ утѣшенія, вдова поэта слышала язвительные укоры и обвиненія... тѣ муки, замѣченныя приближенными Пушкиной, людьми правдивыми и безпристрастными — доказали всему русскому люду, какъ искренно, чистосердечно она любила своего мужа! Но толпа любитъ эффекты и мелодрамы: если-бы Наталія Николаевна «причитывала» риемованными виршами, рвала на себѣ волосы, покушалась на самоубійство, или, въ 25 лѣтъ, обрекала себя на вѣчное вдовство—тогда свѣтъ былъ-бы доволенъ, тогда онъ готовъ былъ-бы рукоплескать вдовѣ Пушкина...

Прилагаемый портретъ есть точная ксилографическая копія съ акварели академика Гау, снятой съ Наталіи Николаевны Гончаровой въ бытность ея невѣстою Пушкина въ 1830 году.

Карандашный рисунокъ на деревѣ исполнилъ для нашей гравюры талантливый художникъ г. Борель, гравюра принадлежитъ знаменитому въ Парижѣ граверу на деревѣ г. Панемакеру. Многіе изъ читателей «Русской Старины», безъ сомнѣнія, видѣли подлинникъ, акварельный, портрета на Пушкинской выставкѣ [1]) 1880 г. Нынѣ онъ составляетъ собственность дочери Наталіи Николаевны отъ перваго брака и былъ доставленъ намъ при весьма обязательномъ посредствѣ Александры Петровны Араповой, рожденной Ланской, которой долгомъ себѣ поставляемъ выразить нашу душевную признательность.

Ред.

---

[1]) См. Каталогъ Пушкинской выставки —Спб. 1880 г. 57 стр. въ м. 8 д. л. См. № 74 (стр. 11).

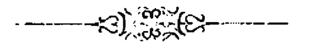
М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

ДВѢ ЕГО ПОЭМЫ

„ЛИТВИНКА" и „КАЛЛЫ".

1829—1832 гг.

Сообщилъ П. А. Ефремовъ.



1882.

Среди нѣсколькихъ, остающихся донынѣ ненапечатанными, юношескихъ произведеній Лермонтова есть двѣ поэмы, изъ которыхъ только небольшіе отрывки приведены въ изданіи его сочиненій. Представляя интересъ, такъ сказать, чисто біографическій, какъ матеріалъ для изученія развитія великаго поэтическаго таланта, онѣ, конечно, въ собраніи соч. Лермонтова увеличили бы объемъ и стоимость изданія, предназначеннаго для большинства читающей публики, но воспроизведеніе ихъ въ такомъ спеціальномъ изданіи, какъ „Русская Старина", преимущественно посвященномъ собиранію матеріаловъ для изученія русской исторіи и литературы, по нашему мнѣнію, будетъ не только не лишнимъ, но составитъ цѣнный вкладъ для болѣе полной и вѣрной характеристики поэта.

Вотъ эти поэмы, набросанныя юношею Лермонтовымъ между 1829 и 1832 годомъ.

П. Е.

ЛИТВИНКА.

Повѣсть.

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей—
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?—
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспоривать не смѣлъ
Еще никто; онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ,
Когда къ нему являлися они—
Онъ убѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя быть можетъ самъ того не зналъ,
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ—литовской сабли слѣдъ.

3.

И возвратясь домой съ полей войны
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой,
И даже для подарка не сберегъ.
Ни жемчуга, ни дорогихъ серегъ.
И возвратясь въ забытый старый домъ
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ,
И въ часъ свиданья радости слеза
Хоть озарила нѣжные глаза,
Но прежде чѣмъ упасть она могла
Страданія слезою ужъ была.
Онъ измѣнилъ ей!—Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны облака,
Свободно сердце и любовь легка....

4.

Два дня прошло и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ; далеко отъ людей
(И потому не ближе къ небесамъ),
Ихъ жизнь одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь, не имъ дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь и свѣтъ.
Онъ измѣнилъ! увы! но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?
Печаль несчастной жертвы и законъ —
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, Литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей!

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ;
И отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ,
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело

Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой, теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье;
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ Литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней
Разстроенная лютня передъ ней,
И по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя.
Устала Клара отъ душевныхъ бурь
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ ее разливъ—
Тамъ родина! Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто-бы ей
Не смѣлъ сказать: хочу любви твоей!...

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать, и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь къ волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ;
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!...

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ,
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино;
Къ его пирамъ привыкнувшій давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою!
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
И ложная улыбка, громкій смѣхъ,
Кромѣ ея, обманываютъ всѣхъ.
И вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній; и Литвинку обнялъ онъ,

И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нежнѣе шолка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
Ты любишь ли меня? «Какой вопросъ!»
Воскликнулъ онъ. «Кто жъ больше перенесъ,
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ
И—человѣкъ—я бъ могъ обнять тебя,
Но трепещи душою, не любя!
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ среди людскихъ заботъ; мой рай
У ногъ твоихъ! И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны.
Досадой дни мои отравлены!
Я непороченъ у груди твоей:
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣна голову склонивъ,
Я какъ дитя безпеченъ и счастливъ.
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!
Ты рождена. чтобы повелѣвать,
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я твой рабъ—но лишь не рабъ судьбы,
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ».

8.

—О, еслибъ точно ты любилъ меня?—
Сказала Клара, голову склоня,
—Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ мой! А что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой,
Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ—
Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ здѣсь колеблющій траву
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву.
Нѣтъ, русскій, я невѣрую любви!
Безъ милой воли, что дары твои? —
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ презрѣнья хладный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близь нее
И, кромѣ воли, отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
Стучитъ въ ворота сильною рукой,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: кто тамъ? «Впустите! ночь темна!
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тмитъ небесный сводъ;
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра, завтра мы оставимъ васъ,
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ!» Стражъ не отвѣчалъ,
Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ,
Расхлопнулись ворота—и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ; фонаремъ
Озарены, идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ,
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой—согбенный жизнью—худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ Литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы незначилъ ничего...
Но, видно, ей когда-то былъ знакомъ
Тотъ дикій взоръ съ возвышеннымъ челомъ,
Иль что нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ! Какъ знать? Не женскій страхъ
Её заставилъ вздрогнуть и вздохнуть
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза!...

11.

—Ты поблѣднѣла, Клара? —«Я больна!»
И въ комнату свою спѣшитъ она.
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ вдали, забытъ и одинокъ;

И вѣтеръ, нарушитель тишины
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ. О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ безпечный, рѣзвый умъ?
О, еслибъ кто нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь;
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ.
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль? Но гдѣ и какъ узнать?
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой.
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть, онъ странствуетъ одинъ.
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ Литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу,
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни .... Еслибъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ....
Но вотъ опять!... такъ точно... Кто-жъ поетъ?
Ты, плѣнница, узнала! Вѣрно тотъ.
Чей взоръ туманный, съ пасмурнымъ челомъ,
Тебя смутилъ. тебѣ давно знакомъ!
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ?
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней!...

13.

Минувшее дышало въ пѣсни той,
Какъ вольность вольной, какъ она простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣсни плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй.
Она схватила лютню и струна
Звенитъ, звенитъ... И вдругъ пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва! ... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
И въ чьей груди родилась—умерла.
И понялъ, кто внималъ!... Немудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано,
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто нибудь ее запомнить могъ

14.

Взошла заря—и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего-же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ? Онъ спитъ—по вѣчнымъ сномъ...
Тяжелый кинутъ на землю затворъ
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ;
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня,
И каждый состраданіемъ пылалъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ.—
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно,
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?
Гдѣ странники?... Къ воротамъ видѣнъ слѣдъ...
Понятно все!... Ихъ нѣтъ! и Клары нѣтъ!...

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но наконецъ рѣшились. Онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,

Какъ мраморный кумиръ, какъ-бы мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ.
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь изъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понялъ ничего,
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальный громъ!....

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять
Какъ прежде видѣть, слышать, понимать.
Но сердце, пораженное тоской,
Ужъ было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь,
Но—что прошло—небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначитъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела;
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести,
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ,
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже—день со днемъ!
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить
Когда бы только смерть.... Но измѣнить?...
И прежде презиралъ ужъ онъ людей:
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ,
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И какъ на зло все весело кругомъ!
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей

Приговоренный къ казни! И назадъ
Око кидаетъ безпокойный взглядъ,—
Но слѣдъ волны потерявъ въ бездиѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ!
Есть демонъ сокрушитель благъ земныхъ,
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй,
Врагъ истины, врагъ неба и людей.
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ какъ сонъ
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,
Все, что ему еще завидно въ васъ.—

18.

Противъ Литвы пошолъ великій князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва,
И клевы хищныхъ птицъ и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ, сѣрымъ днемъ,
Явился разъ одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
Боецъ извѣстный храбростью своей
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ! И зачѣмъ
Явился онъ? Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ съ бѣгущею волной
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой!
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ.
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ;
Все бой кипитъ. И гнется русскій строй
И окруженъ отчаянной толпой
Хотѣлъ бѣжать.... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?
Явился воинъ: красный плащъ на немъ,
Онъ безъ щита, онъ уронилъ шеломъ;

Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ—и врагъ валится, и другой
Съ запекшеюся кровью на устахъ
Упалъ съ нимъ рядомъ. Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрятъ! Тщетно-бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать.
Ихъ гонятъ, бьютъ, они должны бѣжать!
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровію рѣшился наконецъ
Огонь въ груди проснувшійся залить,
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье! Кучи мертвецовъ
Кругомъ него простерты безъ щитовъ,
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шолъ, опередилъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
Когда-жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ вражескихъ дружинъ,
То было поздно! «Вижу, часъ насталъ!»
Подумалъ онъ—и мечъ его искалъ
Послѣдней жертвы.... «Это онъ!»
За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ
Арсеній обернулся и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ.
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ;
И юноши тѣснилися за ней,
И словомъ, и движеніемъ очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой.
И встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: „воины! впередъ!
„Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
„Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
„Они бѣгутъ,—но мы не побѣжимъ.
„Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
„Тому моя рука, моя любовь!“

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
„И ты противъ меня!“ воскликнулъ онъ

Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащемъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло,
И наконецъ оно превозмогло.—
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ,
Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ! Но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ: онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрящей душой;
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ:
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать.
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать!..

23.

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощають въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ,
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрыпнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой.
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ:
Онѣ забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ!—Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна,
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто-бы назадъ
Тому лишь день какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна, нескромная луна.

24.

Есть монастырь—и тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честію предъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.

И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей.
Никто объ немъ не плакалъ... Лишь одна
Монахиня!... Богъ знаетъ, кто она!
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей,
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ объ ней!...
Увы! Онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ;
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ:
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ съ такимъ умомъ;
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой,
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той...
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ: молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ!
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ объ ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она!..
Но что-жъ? Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!...

М. Ю. Лермонтовъ.

———

КАЛЛЫ́ [1]).

Черкесская повѣсть.

I.

«Теперь насталъ урочный часъ
И тайну я тебѣ открою,
Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою.
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежать
Твои часы, твои мгновенья,
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ,—а жертва Акбулатъ!
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!...
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой;
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади;
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми-жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный—и поди!»
Такъ говорилъ Мулла жестокой
И кабардинецъ черноокой
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.—
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся: своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

[1]) Каллы́—убійца.

II.

Ужъ день погасъ. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли.... и давно
Въ горахъ все тихо и темно;
Луна какъ жолтое пятно
Изъ тучки въ тучку переходитъ,
И вѣтеръ свищетъ и гудётъ.
Какъ призракъ, юноша идетъ
Теперь къ завѣтному порогу;
Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
Ужъ вынимаетъ понемногу....
И вдругъ дыханье слышитъ онъ!
Аджи недолго разсуждаетъ;
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ безъ промаха вонзаетъ
И въ ней спѣшитъ перевернуть.—
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца;
Одинъ погибъ, но съ кровью сына
Смѣшать онъ долженъ кровь отца...
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые.
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахрамой!
И для молитвы сжаты руки!
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Ты мщенья слышишь звуки!
Ты слышишь!... То отецъ родной!
И съ ложа внизъ окровавленный
Свалился медленно старикъ,
И сталъ ужасенъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный.
Взглянулъ убійца молодой....
И жертвы ищетъ онъ другой!
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ.
Но не встрѣчаетъ ничего
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
Ужели всѣ погибли? Нѣтъ!
Вѣдь дочь была у Акбулата!
И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
Судьба отца и участь брата.
И вотъ луны дрожащій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ,
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала дѣвица молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
Однажды полные томленья
Открылись черные глаза,
И тайный признакъ упоенья
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи....
Увы! Ихъ радость и любовь
И слезы не откроютъ вновь!
И онъ смотрѣлъ. И въ думахъ тонетъ
Его душа. Проходитъ часъ....
Что это? стонъ? Кто такъ простонетъ
И не послѣдній въ жизни разъ?
Кто услыхавъ такіе звуки,
До гроба можетъ ихъ забыть?
О, какъ не трудно различить,
Отъ крика смерти голосъ муки!...

IV.

Сидитъ Мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво,
Вдругъ слышенъ быстрый шумъ шаговъ.
Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи вбѣгаетъ молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой....
Зачѣмъ онъ съ женскими власами
Пришелъ? И что тебѣ, Мулла,
Подарокъ съ женскаго чела?
«О, какъ вѣрны мои удары!»
Ужаснымъ голосомъ сказалъ
Аджи,—«Смотри! Узналъ-ли, старый!»
—Ну что-же?—«Вотъ что!» и кинжалъ
Въ груди безчувственной торчалъ....

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренной,
Какъ одинокій часовой
Бѣлѣетъ памятникъ простой:

Какой-то столбикъ округленной...
Чалмы подобіе на немъ;
Шиповникъ стелется кругомъ.
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ,
Свободы вѣчныя твердыни,
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ Мулла,
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другаго любитъ безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
Отъ злобной ревности она!...

VI.

И въ это время слухъ промчался
(Гласитъ преданье), что въ горахъ
Безвѣстный странникъ показался,
Опасный въ мирѣ и въ бояхъ;
Какъ дикій звѣрь, людей чуждался
И женщинъ онъ ласкать не могъ!
Быть можетъ [1]....
Въ его чертахъ....
Слѣды страданья....
Но укрывалъ...
Подъ башлы...
Онъ не гост...
И вѣрно бъ...
Ни тамъ къ...
Встрѣчалъ-ли ..
Ему открытъ былъ...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье,
И онъ лишь знаетъ, почему
Каллы́ ужасное прозванье
Въ горахъ осталося ему.

М. Ю. Лермонтовъ.
Сообщ. П. А. Ефремовъ.

---

[1]) Въ рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, окончанія десяти стиховъ оторваны. П. Е.

СОНЪ ПОПОВА

ПОЭМА

ГРАФА АЛЕКСѢЯ КОНСТАНТИНОВИЧА

Толстого.

1874.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой (род. 24-го августа 1817 г., ум. 25-го сентября 1875 г.) принадлежитъ къ числу наиболѣе любимыхъ поэтовъ и писателей послѣдняго двадцатипятилѣтія.

Независимо отъ многихъ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній и романа «Князь Серебряный», гр. А. К. Толстой оставилъ нѣсколько стихотвореній, блещущихъ остроуміемъ и полныхъ самой веселой, добродушной и безобидной шутки, которыя, при жизни автора, не предназначались имъ къ печати. Одно изъ таковыхъ произведеній—шутка-поэма—«Сонъ Попова»—написана была гр. А. К. Толстымъ въ 1874 г. и нынѣ напечатана на страницахъ «Русской Старины».

Вообще говоря, часто трудно рѣшить—насколько возможно бываетъ посмертное печатаніе такихъ произведеній, которыя для публики не предназначались самимъ авторомъ; но когда произведенія эти уже достаточно извѣстны и ходятъ по рукамъ во множествѣ списковъ, часто въ совершенно искаженномъ видѣ, тогда возстановленіе настоящаго текста не можетъ, очевидно, составить нескромности относительно памяти автора.

Графу А. К. Толстому нерѣдко приписывались не только отдѣльные стихи, но и цѣлыя стихотворенія (какъ, напр., Ѳедорушка), которыя не были и не могли быть написаны имъ. Нельзя, разумѣется, помѣшать всѣмъ искаженіямъ произведеній умершаго автора, ходящихъ въ рукописяхъ, но желательно предупредить это, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно возможно. Кн. Д. Ц.

Примѣчаніе. Со времени смерти поэта исполнилось семь лѣтъ, и въ это время собраніе его стихотвореній успѣло выйти въ свѣтъ тремя изданіями: первое, роскошное, въ двухъ томахъ, появилось вскорѣ послѣ его смерти, въ мартѣ 1876 г. и разошлось все сполна въ теченіи полугода; второе изданіе, компактное, вышло въ 1877 г., въ количествѣ 4,500 экз., и разошлось въ 1881 году; а въ 1882-мъ году появилось третье изданіе стихотвореній, составившее первые два тома „Полнаго собранія сочиненій“ гр. А. К. Толстаго (въ четырехъ томахъ). За этотъ же періодъ времени, романъ „Князь Серебряный“ имѣлъ четыре изданія — каждое по двѣ тысячи экземпляровъ.

Шутки-поэмы графа А. К. Толстого не напечатаны въ первыхъ изданіяхъ его сочиненій, не вошли и въ полное собраніе его сочиненій, вышедшее въ свѣтъ въ 1882 г. въ четырехъ томахъ. Кстати замѣтимъ, что это изданіе превосходно отпечатанное въ Типографіи М. М. Стасюлевича, безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ изданій сочиненій отечественныхъ писателей, какъ во внѣшнемъ отношеніи, вполнѣ роскошномъ (шрифтъ, бумага, отсутствіе опечатокъ — все это заслуживаетъ полной похвалы), такъ и по расположенію и тщательности воспроизведенія текста произведеній автора. Въ это собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, какъ объясняетъ въ предисловіи къ нему князь Д. Цертелевъ, вошли: драмы, лирическія стихотворенія и романъ — „Князь Серебряный“. Первые два тома заключаютъ стихотворенія, драм. поэму: „Донъ-Жуанъ“ и драму „Посадникъ;“ третій — три драмы: Іоаннъ Грозный, царь Ѳеодоръ и царь Борисъ; четвертый — „Князь Серебряный“. Все изданіе въ изящномъ переплетѣ стоитъ 9 рублей. Ред.

СОНЪ ПОПОВА.

1.

Приснился разъ, Богъ вѣсть съ какой причины,
Совѣтнику Попову странный сонъ:
Поздравить онъ министра въ именины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ;
Но впрочемъ не забыто ни единой
Регаліи; отлично выбритъ онъ;
Темлякъ на шпагѣ; все по циркуляру —
Лишь панталонъ забылъ надѣть онъ пару.

2.

И надо-же случиться на бѣду,
Что онъ тогда лишь свой замѣтилъ промахъ,
Какъ ужъ вошелъ.—Ну, думаетъ, уйду!
Не тутъ-то было! Ужъ давно въ хоромахъ
Народу тьма; стоитъ онъ на виду,
Въ почетномъ мѣстѣ; множество знакомыхъ
Его увидѣть могутъ на пути —
— Нѣтъ, онъ рѣшилъ, нѣтъ, мнѣ нельзя уйти!

3.

А вотъ я лучше что-нибудь придвину
И скрою тѣмъ досадный мой изъянъ;
Пусть верхнюю лишь видятъ половину,
За нижнюю-жъ отвѣтитъ мнѣ Иванъ!
И вотъ бочкомъ прокрался онъ къ камину
И спрятался по-поясъ за экранъ.
— Эхъ, думаетъ, не дурно вѣдь, канальство!
Теперь пусть входитъ высшее начальство!

4.

Межъ тѣмъ тѣснѣй все становился кругъ
Особъ чиновныхъ, чающихъ карьеры;
Невнятный въ залѣ раздавался звукъ;
И всѣ принять свои старались мѣры,
Чтобъ съ разу быть замѣченными. Вдругъ
Въ себя втянули животы курьеры,
И экзекуторъ рысью черезъ залъ,
Придерживая шпагу, пробѣжалъ.

5.

Вошелъ министръ. Онъ видный былъ мущина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку:—Своего-молъ чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ;
Внушается гражданствомъ дисциплина,
А не мундиромъ шитымъ серебромъ.
Все зло у насъ отъ глупыхъ формъ избытка,
Я-жъ вѣка сынъ—такъ вотъ на мнѣ визитка!

6.

Не ускользнулъ сей либеральный взглядъ
И въ самомъ снѣ отъ зоркости Попова.
Хватается, кто тонетъ, говорятъ,
За паутину и за кустъ терновый.
— А что̀, подумалъ онъ, коль мой нарядъ
Понравится? Вѣдь есть-же, право-слово,
Свободное, простое, что-то въ немъ!
Кто знаетъ? Что̀-жъ? Быть можетъ! подождемъ!

7.

Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно;
— „Всѣхъ господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ акуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю:
Мой идеалъ полнѣйшая свобода —
Мнѣ цѣль народъ—и я слуга народа!

8.

Прошло у насъ то время, господа —
Могу сказать: печальное то время —
Когда наградой пота и труда
Былъ произволъ. Его мы свергли бремя.
Народъ воскресъ—но не вполнѣ—да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

9.

Искать себѣ не будемъ идеала,
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.

Британія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ:
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье!

10.

Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ; и ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?"

11.

Раздался въ залѣ шопотъ одобренья,
Министръ поклономъ легкимъ отвѣчалъ,
И тутъ же, съ видомъ полнымъ снисхожденья,
Онъ обходить обширный началъ залъ:
— Какъ вамъ? Что вы? Здорова-ли Евгенья
Семеновна? Давно не заѣзжалъ
Я къ вамъ, любезный Сидоръ Тимофѣичъ!
Ахъ, здравствуйте, Ельпидифоръ Сергѣичъ!

12.

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ,
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.
Онъ и къ тому, и тѣмъ не пренебрёгъ;
Взялъ подъ-руку его:—Ахъ, Антипаторъ
Васильевичъ! Чтó, какъ вашъ кобелёкъ?
Здоровъ-ли онъ? . . . Вы ѣздите въ театоръ?
Чтó вы сказали? Все болитъ животъ?
Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но ничего, пройдетъ!

13.

Переходя налѣво и направо,
Свои министръ такъ перлы расточалъ;
Иному онъ подмигивалъ лукаво,
На консоме другого приглашалъ,
И ласково смотрѣлъ и величаво.
Вдругъ на Попова взоръ его упалъ,
Который, скрытъ экраномъ лишь по-поясъ,
Исхода ждалъ, немного безпокоясь.

14.

— Ба! что я вижу! Титъ Евсѣичъ здѣсь!
Такъ, такъ и есть! Его мы точность знаемъ!
Но отчего-жъ онъ видѣнъ мнѣ не весь?
И заслоненъ какимъ-то попугаемъ!
Престранная выходитъ это смѣсь!
Я любопытствомъ очень подстрекаемъ
Увидѣть ваши ноги… Да, да, да!
Я васъ прошу, пожалуйте сюда!

15.

Колеблясь межъ надежды и сомнѣнья:
Ка́къ на его посмотрятъ туалетъ, —
. Поповъ наружу вылѣзъ. Въ изумленьи
Министръ приставилъ къ глазу свой лорнетъ.
— Что́ это? Правда, или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?
И на чертахъ изящно благородныхъ
Гнѣвъ выразилъ ревнитель правъ народныхъ.

16.

— Что́ это значитъ? Гдѣ вы рождены?
Въ Шотландіи? Какъ вамъ пришла охота
Тамъ, за экраномъ, снять съ себя штаны?
Вы начитались вѣрно Вальтеръ-Скота?
Иль классицизмомъ вы заражены?
И римскаго хотите патріота
Изобразить? Иль, Боже упаси,
Собой бюджетъ представить на Руси?

17.

И былъ министръ еще во гнѣвѣ краше,
Чѣмъ въ милости. Чреватый отъ громовъ
Взоръ заблестѣлъ. Онъ продолжалъ:—Вы наше
Довѣрье обманули. Много словъ
Я тратить не люблю!…—„Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! шепталъ Поповъ:
Я не сымалъ… Свидѣтели курьеры,
Я прямо такъ пріѣхалъ изъ квартеры!“

18.

— Вы, милостивый смѣли государь,
Пріѣхать такъ? Ко мнѣ? На поздравленье?
Въ день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вонъ съ глазъ моихъ! Йль нѣту—секретарь!
Пишите къ прокурору отношенье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

19.

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра—имярекъ—
Отечество спаслось отъ заговору
И нравственность не згинула на вѣкъ.
Подъ стражей нынѣ шлется къ прокурору
Для слѣдствія сей вредный человѣкъ,
Дерзнувшій снять публично панталоны;
Да поразятъ преступника законы!

20.

Иль нѣтъ, постойте! Коль отдать подъ судъ,
По дѣлу выйти можетъ послабленье,
Присяжные-безштанники спасутъ
И оправдаютъ корень возмущенья!
Здѣсь слишкомъ громко нравы вопіютъ—
Пишите прямо въ Третье Отдѣленье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

21.

Онъ поступилъ законамъ такъ противно,
На общество такъ явно поднялъ мечъ,
Что пользу можно-бъ административно
Изъ неглиже изъ самаго извлечь.
Я жертвую агентамъ по-двѣ гривны,
Чтобы его—но скрашиваю рѣчь—
Чтобъ мысли тамъ внушить ему иныя.
Затѣмъ, ура! Да здравствуетъ Россія!

22.

Министръ кивнулъ мизинцемъ. Сторожа
Внезапно взяли подъ-руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его, отъ Невскаго, Садовой
Средь смѣха, крика, чуть не мятежа,
Къ Цѣпному мосту привели, гдѣ новый,
Стоитъ, на видъ весьма красивый, домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ.

23.

Чиновникъ по особымъ порученьямъ,
Который ихъ до мѣста проводилъ,
Съ заботливымъ Попова попеченьемъ
Сдалъ на-руки дежурному. То былъ

Во фракѣ мужъ, съ лицемъ пылавшимъ рвеньемъ,
Со львиной физьономіей, носилъ
Мальтійскій крестъ и множество медалей,
И въ душу взоръ его влѣзалъ все далѣй.

24.

Въ какомъ полку онъ нѣкогда служилъ,
Въ какихъ бояхъ отличенъ былъ какъ воинъ,
За что́ свой крестъ мальтійскій получилъ,
И гдѣ своихъ медалей удостоенъ—
Невѣдомо. Ехидно попросилъ
Попова онъ, чтобы тотъ былъ спокоенъ,
Съ улыбкой указалъ ему на стулъ
И въ комнату сосѣднюю скользнулъ.

25.

Одинъ оставшись въ небольшой гостиной,
Поповъ сталъ думать о своей судьбѣ:
—А казусъ вышелъ, кажется, причинный!
Кто-бъ это могъ вообразить себѣ?
Попался я въ огонь какъ снопъ овинный!
Вѣдь искони того еще не бѣ,
Чтобы меня кто въ этомъ видѣ встрѣтилъ,
И какъ швейцаръ проклятый не замѣтилъ!

26.

Но дверь отверзлась, и явился въ ней
Съ лицомъ почтеннымъ, грустію покрытымъ,
Лазоревый полковникъ. Изъ очей
Катились слезы по его ланитамъ.
Обильно ихъ струящійся ручей
Онъ утиралъ платкомъ, узоромъ шитымъ,
И про себя шепталъ:—Такъ! Это онъ!
Такимъ онъ былъ едва лишь изъ пелёнъ!

27.

—О, юноша! онъ продолжалъ, вздыхая
(Попову было слишкомъ сорокъ лѣтъ):
Моя душа для вашей не чужая!
Я въ тѣ года, когда мы ѣздимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!
Такихъ, увы! теперь ужъ болѣ нѣтъ!
Когда-бъ она досель была къ вамъ близко,
Вы-бъ не упали нравственно такъ низко!

28.

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья.
Откройтесь мнѣ, равно какъ на духу:
Чтó привело—васъ къ этому грѣху?

29.

Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ!
Я помню какъ, дитёй, за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ!
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же ихъ намъ!
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите,
И собственную участь облегчите!

30.

Чтó слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успѣло корни въ васъ упорство?
Тогда должны мы будемъ приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,
Сколь намъ ни больно, въ васъ искоренить!
О, юноша! Какъ сердце ваше чёрство!
Въ послѣдній разъ: хотите-ли всю рать
Завлекшихъ васъ сообщниковъ назвать?

31.

Къ нему Поповъ достойно и наивно:
—Я, господинъ полковникъ, я-бы вамъ
Ихъ радъ назвать, но мнѣ, ей-Богу, дивно....
Возможно-ли сообщничество тамъ,
Гдѣ преступленье чисто негативно?
Вѣдь панталонъ-то не надѣлъ я самъ!
И чѣмъ-бы тамъ меня вы ни пугали—
Другіе мнѣ, клянусь, не помогали!

32.

—Не мудрствуйте, надменный санкюлотъ!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщниковъ и гнусный вашъ комплотъ
Повергните къ отечества подножью!
Когда бъ вы знали чтó теперь васъ ждетъ,
Васъ проняло-бы ужасомъ и дрожью!
Но дружбу вы чтобъ вѣдали мою,
Одуматься я время вамъ даю!

33.

Здѣсь на столѣ, смотрите, вамъ готово
Достаточно бумаги и чернилъ:
Пишите же—не-то, даю вамъ слово:
Чрезъ полчаса васъ изо всѣхъ мы силъ....
Тутъ ужасъ вдругъ такой объялъ Попова,
Что страшную онъ подлость совершилъ:
Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Именъ невинныхъ многіе десятки!

34.

Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ:
Какой-то Шмидтъ, два брата Шулаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потанчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драхъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай—и множество другихъ.

35.

Поповъ строчилъ сплеча и безъ оглядки,
Попались въ списокъ лучшіе друзья.
Я повторю—какъ люди въ страхѣ гадки:
Начнутъ какъ богъ, а кончатъ какъ свинья!
Строчилъ Поповъ, строчилъ во всѣ лопатки,
Такая вышла вскорѣ ектенья,
Что, прочитавъ, и самъ онъ ужаснулся,
Вскричалъ: фуй! фуй! задрыгалъ—и проснулся.

36.

Небесный сводъ сіялъ такъ юнъ и новъ,
Весенній день глядѣлъ въ окно такъ веселъ,
Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундиромъ купно черезъ спинку креселъ;
И въ радости увѣрился Поповъ,
Что ихъ Иванъ тамъ съ вечера повѣсилъ—
Однимъ скачкомъ покинулъ онъ кровать
И началъ ихъ въ восторгѣ надѣвать.

37.

—То былъ лишь сонъ! О, счастіе! о, радость!
Моя душа какъ этотъ день ясна!
Не сдѣлалъ я Бодай-Коровѣ гадость!
Не выдалъ я агентамъ Ильина!

Не наклепалъ на Савича! О, сладость!
Мадамъ Гриневичъ мной не предана!
Страженко цѣлъ, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены въ оковы!

38.

Но ты никакъ, читатель, возстаешь
На мой разсказъ? Твое я слышу мнѣнье:
Сей анекдотъ, пожалуй, и хорошъ,
Но въ немъ сквозитъ дурное направленье.
Все выдумки, нѣтъ правды ни на грошъ!
Слыхалъ-ли кто такое обвиненье,
Что-молъ такой то—встрѣченъ безъ штановъ,
Такъ ужъ и власти свергнуть онъ готовъ?

39.

И гдѣ такіе видана министры?
Кто такъ изъ нихъ толпѣ кадить бы могъ?
Я допущу: успѣхи наши быстры,
Но гдѣ-жъ у насъ министеръ-демагогъ?
Пусть проберутъ всѣ списки и регистры,
Я пять рублей бумажныхъ дамъ въ залогъ;
Быть можетъ, ихъ во Франціи не мало,
Но на Руси ихъ нѣтъ – и не бывало!

40.

И что́ это, помилуйте, за домъ,
Куда Поповъ отправленъ въ наказанье?
Что́ за допросъ? Какимъ его судомъ
Стращаютъ тамъ? Гдѣ есть такое зданье?
Что́ за полковникъ выскочилъ? Во всемъ,
Во всемъ замѣтно полное незнанье
Своей страны обычаевъ и лицъ,
Встрѣчаемое только у дѣвицъ.

41.

А наконецъ—и самое вступленье:
Ну, есть-ли смыслъ, я спрашиваю, въ томъ,
Чтобъ въ день такой, когда на поздравленье
Къ министру всѣ съѣзжаются гуртомъ,
Съ Поповымъ вдругъ случилось помраченье,
И онъ такимъ одѣлся-бы шутомъ?
Забыться можетъ галстухъ, орденъ, пряжка—
Но пара брюкъ—нѣтъ это ужъ натяжка!

42.

И могъ-ли онъ такъ ѣхать? Могъ ли въ залъ
Войти, одѣтъ какъ древніе герои?
И гдѣ резонъ, чтобъ за экранъ онъ сталъ,
Никѣмъ не зримъ? Возможно-ли такое?...
–Ахъ, батюшка-читатель, что присталъ!?
Я не Поповъ! Оставь меня въ покоѣ!
Резонъ-ли въ этомъ, или не резонъ—
Я за чужой не отвѣчаю сонъ!

Графъ А. К. Толстой.

1874 г.

От редакціи.—Текстъ поэмы «Сонъ Попова» тщательно провѣренъ нами по рукописи, просмотрѣнной самимъ авторомъ, незадолго до смерти, и подписанъ имъ собственноручно, съ просьбой не давать вѣры никакимъ другимъ спискамъ, какіе могутъ ходить по рукамъ публики. Эта рукопись была подарена графомъ А. К. Толстымъ одному изъ его друзей, у котораго она и сохраняется по настоящее время.

М. С.

20-го ноября 1882 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1882 году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

„Русская Старина“ въ изданіи 1882 г. состояла, какъ и въ предъидущія 12-ть лѣтъ, изъ тѣхъ же отдѣловъ: записки и воспоминанія; историческія изслѣдованія и историко-біографическіе очерки; собраніе отдѣльныхъ документовъ самаго разнообразнаго содержанія, относящихся ко всѣмъ эпохамъ послѣднихъ двухъ вѣковъ; затѣмъ отдѣлъ разнообразныхъ данныхъ къ исторіи отечественной словесности; очерки, замѣтки и документы по отдѣлу исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи, и, наконецъ, библіографическій листокъ о вновь вышедшихъ книгахъ по отечественной исторіи, археологіи и археографіи.

Слѣдуя установленному нами обыкновенію въ теченіи многихъ лѣтъ изданія „Русской Старины“, отмѣтимъ здѣсь, въ концѣ годоваго нашего изданія за 1882 годъ, наиболѣе почему-либо достойныя вниманія статьи и сообщенія, явившіяся на страницахъ истекшаго тринадцатаго года „Русской Старины“.

I.

Въ отдѣлѣ „Записокъ и воспоминаній“ старшія по времени содержанія суть Записки Густава фонъ-Штрандмана, объемлющія время съ 1742-го по 1803 г. Въ настоящемъ году „Русской Старины“ помѣщено только начало перевода громадной рукописи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ и заключающей въ себѣ дневникъ служилаго нѣмца, честно прошедшаго свою долголѣтнюю службу и на ратномъ полѣ, и на постахъ, довольно высокихъ, админи-

стративной дѣятельности. Это одинъ изъ тѣхъ добросовѣстныхъ, трудолюбивыхъ и мужественныхъ русскихъ людей нѣмецкаго происхожденія, который незапятнанно прослужилъ Россіи весьма многіе годы. Въ настоящемъ изданіи 1882 г. мы сдѣлали, повторяемъ, лишь починъ въ печатаніи объемистой рукописи Штрандмана; въ переведенныя на русскій языкъ его внукомъ главы вошли подробности о первой турецкой кампаніи въ царствованіе Екатерины II-й. Какъ ни монотонны такого рода записки,— записки-дневникъ служилаго человѣка,—но онѣ драгоцѣнны уже потому, что относятся ко времени, отстоящему отъ насъ болѣе 100 лѣтъ, т. е. къ тому времени, когда людей, писавшихъ съ полнымъ сознаніемъ важности значенія Записокъ для исторіи, было весьма и весьма немного. Вотъ почему отклонить отъ себя изданіе таковыхъ мемуаровъ редакціи „Русской Старины" никакъ уже не приходится, и мы, напротивъ, всегда ими дорожили и будемъ дорожить. Подробности, которыя находятся въ Запискахъ Штрандмана о положеніи нашихъ войскъ въ эпоху многолѣтней русско-турецкой кампаніи въ 1769—1774 гг., во многомъ дополняютъ офиціальныя реляціи главнокомандующихъ и командировъ отдѣльныхъ частей войскъ, служащихъ до сихъ поръ главнѣйшимъ источникомъ къ описанію этой кампаніи [1]).

Какъ сухъ, хотя и вполнѣ точенъ, служилый русскій нѣмецъ Штрандманъ, такъ, напротивъ, живъ, говорливъ и весьма картиненъ, по изложенію своихъ Записокъ, Яковъ Ивановичъ де-Санагленъ, другой иноземецъ, но вполнѣ обрусѣлый. Морской офицеръ при Екатеринѣ II, чиновникъ въ Петербургѣ—при Павлѣ I, начальникъ тайной полиціи при императорѣ Александрѣ I, наконецъ, умершій на 93-мъ году отъ рожденія—при Александрѣ II-мъ,—Яковъ де-Сангленъ очень много видѣлъ, еще больше слышалъ—отъ непосредственныхъ участниковъ въ событіяхъ или отъ крайне близкихъ ко двору лицъ, или даже отъ самихъ государей Александра I и Николая I; исполнялъ въ высшей степени важныя порученія, какъ напр. опечатывалъ бумаги Сперанскаго и

---

[1]) Напомнимъ кстати, что именно эта война имѣетъ въ обширномъ трудѣ полковника генеральнаго штаба Андрея Николаевича Петрова весьма обстоятельное изслѣдованіе, основанное исключительно на архивномъ матеріалѣ.
Ред.

выправажвалъ его въ ссылку въ 1812 году и проч. и проч., и все это — передалъ въ своихъ Запискахъ, изъ которыхъ время Екатерины II и Павла I — явились въ разсматриваемомъ году „Русской Старины“, съ пропускомъ девяти страницъ. Рукопись сохранена и передана намъ генер.-лейтенантомъ Модестомъ Ивановичемъ Богдановичемъ—исторіографомъ царствованія Александра I-го и ряда русскихъ войнъ съ 1812-го по 1853—1856 гг. включительно.

Съ чувствомъ глубокой признательности вспомнимъ, что не одинъ М. И. Богдановичъ, но и нѣсколько другихъ русскихъ, столь же всѣми уважаемыхъ и достопамятныхъ людей — передали намъ предъ своею кончиною тѣ или другіе, но всегда важные, историческіе памятники. Особенно драгоцѣнна была передача намъ цѣлаго архива Константиномъ Владиміровичемъ Чевкинымъ—въ 1875 году, о чемъ мы когда нибудь разскажемъ на страницахъ „Русской Старины“, и вполнѣ трогательна была передача намъ М. И. Богдановичемъ объемистой рукописи Записокъ де-Санглена, составлявшей его полную собственность. Передача эта произошла 7-го іюля 1882 г., на дачѣ Анжу въ Ораніенбаумѣ, куда пригласилъ насъ предсмертнымъ своимъ письмомъ покойный исторіографъ Богдановичъ.—Модестъ Ивановичъ уже лежалъ въ постели. — „Чувствую себя очень плохо“ — сказалъ онъ намъ—„хотѣлъ васъ видѣть, чтобы передать эту рукопись на добрую память обо мнѣ и какъ знакъ моего глубокаго уваженія къ „Русской Старинѣ“ ...

25-го іюля 1882 г. М. И. Богдановича не стало. Міръ праху твоему, честный, неутомимый труженикъ, всѣми уважаемый при жизни, какъ профессоръ, какъ писатель-историкъ и какъ человѣкъ [1]).

---

[1]) Въ Альбомѣ автографовъ, имѣющемся и постоянно дополняемомъ въ редакціи «Русской Старины», въ томѣ I-мъ, на стр. 102-й, М. И. Богдановичъ такъ записалъ нѣсколько фактовъ изъ своей жизни:—„Модестъ Иван. Богдановичъ родился въ Сумахъ въ 1805 году; воспитывался въ частномъ пансіонѣ и Дворянскомъ полку, откуда вышелъ въ артиллерію прапорщикомъ въ 1823 году; находился въ польской кампаніи 1831 года; потомъ окончилъ курсъ военныхъ наукъ въ Военной Академіи (что нынѣ Академія Генеральнаго Штаба). Былъ профессоромъ военной исторіи и стратегіи въ той же Академіи съ 1837-го по 1862-й годъ.—Произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1855 г. и въ генералъ-лейтенанты въ 1863 году. Литературная дѣятельность

Въ 1882 году окончена трогательная повѣсть-записки декабриста барона Владиміра Ивановича Штейнгейля, заключающая въ себѣ сказаніе о страданіяхъ нѣкоего молодаго человѣка Василія Павловича Колесникова, совершившаго путь „на канатѣ“ отъ Оренбурга до Нерчинска въ 1827—1828 годахъ, по обвиненію въ небываломъ, въ сущности, политическомъ заговорѣ. Мы уже объясняли въ своемъ мѣстѣ, что Колесниковъ и его товарищи были жертвою гнуснаго извѣта одного, едва ли ни душевно больнаго, юноши, страдавшаго страстью къ доносамъ, а также жертвою слишкомъ поспѣшныхъ мѣръ, принятыхъ генералъ-губернаторомъ Оренбургскаго края, увлеченнаго желаніемъ создать у себя какой-нибудь скопъ заговорщиковъ, дабы отличиться разогнаніемъ сего скопа и потушеніемъ мнимаго мятежа. Интересъ этого грустнаго сказанія увеличивается тѣмъ, что въ немъ въ высшей степени ярко обрисовываются порядки гоньбы по этапу, многіе и многіе десятки лѣтъ существовавшіе въ нашемъ отечествѣ, да и до сихъ поръ не вполнѣ еще отбытые и забытые.

Записки Ильи Васильевича Селиванова, писателя талантливаго и весьма извѣстнаго живыми своими очерками, помѣщавшимися въ 1860 годахъ въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ, каковыми были: „Современникъ“ и „Русскій Вѣстникъ“, касаются одного изъ интереснѣйшихъ высшихъ административныхъ учрежденій, именно Сената, того стараго Сената, о которомъ до сихъ поръ можно слышать не мало своеобразныхъ разсказовъ и легендъ. Эти разсказы почти никогда не закрѣплялись печатью, и едва ли ни впервые Селивановъ, скончавшійся 24-го іюня 1882 г. въ Москвѣ, занесъ замѣтки о старомъ Сенатѣ на страницы своихъ воспоминаній. Остается сожалѣть, что воспоминанія его не велики, а между тѣмъ предметъ, ихъ вызвавшій, какъ стоявшій въ челѣ законодательной, а частью и распорядительно-административной дѣятельности правительства прежняго времени, заслуживаетъ, именно въ бытовомъ отношеніи, по отношенію къ его личному

его началась въ 1834 году помѣщеніемъ статей въ „Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ“.—Напечаталъ «Походъ 1796 г. Бонапарта въ Италіи»;—«Исторію Отечественной войны 1812 года»—въ 1859 году;—«Исторію войнъ 1813 и 1814 годовъ»—въ 1861-1863 годахъ.—«Исторію Александра I-го»—въ 1870 году».

(1871 г.).

составу и къ царившимъ въ немъ порядкамъ, бо́льшаго внимания и изслѣдованія.

„Русская Старина“ издавна имѣетъ въ средѣ своихъ читателей весьма много духовныхъ лицъ. Этимъ читателямъ, да и вообще всѣмъ, кто интересуется вопросомъ о нуждахъ и положеніи нашего духовенства, конечно, интересно видѣть на страницахъ нашего изданія продолженіе весьма обширныхъ посмертныхъ Записокъ бывшаго профессора Спб. Духовной Академіи Дмитрія Ивановича Ростиславова. Чтобы ни говорили и ни писали его противники, какъ бы ни клеймили они память этого труженика, но подробныя, до мелочности, Записки Д. И. Ростиславова о православномъ духовенствѣ заключаютъ въ себѣ массу данныхъ, ярко освѣщающихъ бытъ сего сословія въ началѣ текущаго столѣтія. Всѣ эти подробности имѣютъ не одинъ только историческій интересъ, но и интересъ современности, такъ какъ весьма многія стороны въ бытѣ нашего духовенства, наименѣе поддающагося измѣненіямъ, сохранились и до нашего времени. Всѣ эти подробности неумолчно взываютъ о настоятельной необходимости измѣненія въ печальномъ положеніи православнаго духовенства.

Объ этомъ еще громче, еще рѣзче и убѣдительнѣе говоритъ Сельскій Священникъ, талантливый и почтенный отецъ протоіерей въ одной изъ приволжскихъ губерній, помѣстившій у насъ рядъ полемическихъ замѣтокъ по поводу извѣстной книги, выпущенной г. Елагинымъ, подъ названіемъ „Бѣлое духовенство и его интересы“. Если эти полемическія замѣтки страдаютъ нѣкоторою растянутостію, довольно многими повтореніями, тѣмъ не менѣе, читатель, интересующійся этимъ въ высшей степени важнымъ вопросомъ, не могъ, конечно, не найдти въ статьяхъ Сельскаго Священника множества въ высшей степени искреннихъ, дѣльныхъ, вполнѣ практическихъ замѣчаній; на ряду съ ними въ этихъ же статьяхъ много указаній на дѣйствительные интересы бѣлаго духовенства, страдающаго подъ гнетомъ нужды и обветшалыхъ порядковъ, подъ сѣнію своею сохраняющихъ многое такое, что положительно препятствуетъ нашему духовенству занять подобающее мѣсто въ русскомъ народѣ и вполнѣ содѣйствовать духовно-нравственному развитію низшихъ классовъ населенія Россіи; многіе милліоны этого населенія коснѣютъ едвали ни въ томъ же

мракѣ невѣжества, который окутывалъ ихъ пять, шесть и болѣе столѣтій тому назадъ [1]).

Говоря о народѣ, невольно вспоминаешь незабвенной памяти Царя-Освободителя, который въ первые годы своего царствованія, оживленные реформами, совершилъ для своего народа болѣе, чѣмъ сдѣлано было трехсотлѣтними усиліями предшествовавшихъ ему верховныхъ вождей Русскаго государства. И какую славную лѣтопись энергической дѣятельности императора Александра II-го, въ области крестьянскаго вопроса, представляютъ продолжающіяся въ нашемъ изданіи 1882 года „Записки сенатора Якова Александровича Соловьева". Этотъ честный государственный дѣятель обладалъ не только усердіемъ и беззавѣтною преданностію своему дѣлу, но, что всего важнѣе, былъ человѣкъ съ самыми твердыми, непреклонными и вполнѣ ясно имъ сознанными убѣжденіями. Сотни тысячъ русскихъ чиновниковъ, на всѣхъ ступеняхъ, отъ высшихъ до низшихъ, и во всѣ времена, представляли и представляютъ, сравнительно, весьма немногихъ людей изъ своей среды съ непоколебимыми убѣжденіями въ томъ дѣлѣ, которому они призваны служить. Яковъ Александровичъ Соловьевъ и нѣсколько изъ наиболѣе видныхъ сподвижниковъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II представляютъ, въ этомъ отношеніи, блестящее исключеніе. Таковы были: Константинъ Чевкинъ, Николай Бахтинъ, Яковъ Ростовцевъ (по отношенію къ крестьянскому вопросу въ 1859—1860 гг.), а также, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, Николай Милютинъ, Степанъ Жуковскій, князь Владиміръ Черкасскій, Юрій Самаринъ, вполнѣ доброй памяти графъ Сергѣй Ланской — еще мало извѣстный нашимъ современникамъ, и, наконецъ, нѣсколько другихъ лицъ, къ счастію русскаго общества, еще живущихъ между нами. Имъ, этимъ почтеннымъ дѣятелямъ и вполнѣ русскимъ гражданамъ, Россія обязана осуществленіемъ великой идеи, одушевлявшей добраго, вполнѣ земскаго Государя въ великомъ трудѣ, имъ подъятомъ при освобожденіи 20 милліоновъ рабовъ. Записки Якова Соловьева, конечно,

---

[1]) Искренно пожелаемъ, дабы авторъ статей о «бытѣ и нуждахъ духовенства» нашелъ со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей въ той губерніи, гдѣ онъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ паствы, служитъ издавна, — сочувствіе и вниманіе къ его пастырской дѣятельности. Ред.

имѣютъ свои недостатки: въ нихъ слышенъ чиновникъ, стоявшій въ челѣ Земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Довольно замѣтно, быть можетъ, невольное его пристрастіе къ Сергѣю Степановичу Ланскому и нѣкоторая преувеличенная окраска въ лучшую сторону всего, что исходило со стороны тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, будущій историкъ крестьянскаго вопроса,—а время къ разработкѣ его и за новѣйшій періодъ вполнѣ уже настало,—почерпнетъ въ объемистыхъ Запискахъ Я. А. Соловьева подробности, поистинѣ драгоцѣнныя. Онъ, между прочимъ, увидитъ, чрезъ какіе фазисы проходили тѣ или другіе изъ многочисленныхъ вопросовъ, почти ежедневно возраставшихъ во время подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ съ 1856-го по 1860-й годъ. Нельзя не пожалѣть, что смерть, сразившая Якова Александровича Соловьева, не дозволила ему довести свои Записки до 19-го февраля 1861 года. Но мы еще представимъ обширныя главы его труда на страницахъ „Русской Старины" 1883-го года.

Изъ Записокъ, касающихся вопроса, издавна также живо интересующаго русское общество, можемъ отмѣтить Записки другаго сенатора, напечатанныя нами подъ заглавіемъ: „Въ Прибалтійскомъ краѣ, Записки русскаго чиновника, 1856—1866 гг.". Въ Запискахъ этихъ, написанныхъ съ полнымъ безпристрастіемъ—разсѣяно множество самыхъ вѣскихъ указаній, вытекающихъ изъ внимательнаго изученія нуждъ и потребностей населенія нашихъ прибалтійскихъ окраинъ, указаній на то, чего должно желать для нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія этого края. Автора никакъ уже нельзя заподозрить въ нѣмцофобіи, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія его Записки.—Продолженіе оныхъ находится въ нашемъ распоряженіи.

Далеко не столь глубокій вопросъ, но вопросъ, въ послѣдніе годы живо интересовавшій общество, трактуется въ „Запискахъ генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке", перваго, по времени, военно-окружнаго интенданта спб. военнаго округа.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, благодаря нѣсколькимъ процессамъ о злоупотребленіяхъ интендантскихъ чиновниковъ въ минувшую войну 1877—1878 гг., вопросы, связанные съ довольствіемъ арміи въ мирное и военное время, не могли не занимать всѣхъ, кто понимаетъ громадную важность этого дѣла по отно-

шенію въ арміи. В. Д. Кренке въ своихъ обширныхъ Запискахъ прямо вводитъ читателя въ лабиринтъ интендантскаго управленія (1861—1866 гг.)—этого совершенно особеннаго міра, сложившагося вполнѣ своеобразно, подъ главенствомъ такихъ дѣятелей, каковы были Устряловъ и его предшественники. Самая мысль В. Д. Кренке дать отчетъ въ своихъ попыткахъ честно и усердно служить на этомъ поприщѣ, съ цѣлію очистить его отъ злоупотребленій, намъ весьма нравится. Какъ много бы выиграло нравственное состояніе нашего общества, въ особенности служилаго люда, какъ много практической пользы было бы для дѣла, если бы наши администраторы на всѣхъ путяхъ и на всѣхъ болѣе или менѣе высокихъ постахъ, сходя съ своего поприща, давали-бы отчетъ обществу, въ той или другой формѣ, обо всемъ видѣнномъ, испытанномъ ими въ теченіи той или другой административной дѣятельности, ясно опредѣляли бы тѣ идеалы, къ которымъ они стремились, тѣ препятствія, которыя они встрѣтили, тѣ результаты, хорошіе или дурные, къ которымъ привела ихъ служба государству и обществу. Подобные отчеты являются сотнями во всѣхъ европейскихъ государствахъ, то въ формѣ автобіографій, то въ формѣ мемуаровъ, то въ видѣ сборниковъ документовъ, относящихся къ дѣятельности того или другаго государственнаго чиновника, то, наконецъ, въ видѣ болѣе или менѣе обширной рѣчи, нерѣдко сошедшаго уже съ своего поста, министра, командира войскъ, дипломата и проч. У насъ же это дѣло совсѣмъ вновѣ и не за обычай. Добьется человѣкъ пенсіи, опустится въ какую нибудь усыпальницу—въ тотъ или другой комитетъ,—съ крупнымъ окладомъ, и въ полудремотѣ своей мыслитъ о томъ, какъ бы ни потревожилъ его кто ни лихомъ, ни даже добромъ за его прошлую дѣятельность. Возьмемъ даже сферу чисто военную, боевую, воспоминанія о которой могли бы уже, конечно, невозбранно появляться даже въ отечественной печати;—а многіе-ли изъ главнѣйшихъ вожаковъ этого дѣла подѣлились своими записками или воспоминаніями съ согражданами, имѣвшими уже потому право выслушать отъ нихъ отчетъ, что, либо для успѣховъ сихъ военачальниковъ, либо ради ошибокъ, ими совершенныхъ, эти сограждане понесли въ свое время весьма тяжкія жертвы. Въ самомъ дѣлѣ,—вспомнимъ крымскую эпопею, вспомнимъ много-страдальный Севастополь. Гдѣ Записки князя А. С. Меншикова? гдѣ

автобіографія князя Михаила Дмитріевича Горчакова? гдѣ Воспоминанія гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, Лидерса, куда запрятаны Записки доблестнаго Васильчикова и цѣлой плеяды умѣлыхъ и не умѣлыхъ нашихъ вождей?... Многіе-ли изъ нихъ, сходя въ могилу, сознавали нравственный долгъ дать отчетъ современникамъ и потомству въ своихъ дѣяніяхъ? А гдѣ мемуары нашихъ министровъ, оставившихъ свои посты и въ свое время дѣлавшихъ малую или большую исторію своею дѣятельностью?.....

И только, такъ сказать, рядовой народъ, орошавшій—если говорить напр. о Севастополѣ—кровью своею и поля сраженій, и бастіоны героя-Севастополя, внесъ и вноситъ въ сокровищницу отечественной исторіи, въ большинствѣ, честно и правдиво написанныя Записки. Къ таковымъ, между прочимъ, принадлежатъ и воспоминанія А. А. Вязмитинова: „Севастополь съ 21-го марта по 28-е августа 1855 г.“—Какъ ни много уже писано его соратниками по оборонѣ Севастополя, но его Записки даютъ множество новыхъ и интересныхъ подробностей.

Читатели, конечно, замѣтили въ „Русской Старинѣ“ 1882 г. новыя главы изъ воспоминаній Татьяны Петровны Пассекъ: „Гарибальди въ Англіи“. Эта маститая писательница, старѣйшая изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писательницъ, навсегда останется намъ высоко симпатичною. Своимъ талантомъ, своею манерою изложенія, всѣмъ складомъ ума она живо воскрешаетъ передъ нами тотъ прекрасный кругъ русскихъ людей начала 1840-хъ годовъ, которому она принадлежитъ по своимъ родственнымъ и художественнымъ связямъ и симпатіямъ, и по всему складу своего духовнаго развитія. Въ этомъ кругу, ее окружавшемъ, ярко блещутъ имена: Вадима Пассека, А. И. Герцена, Н. И. Огарева, Т. Н. Грановскаго, Н. Х. Кетчера—также ветерана семьи современныхъ русскихъ писателей, П. Н. Кудрявцева и нѣкоторыхъ другихъ. Труды по изданію журнала для юношества, которымъ посвятила себя Татьяна Петровна, лишаютъ насъ удовольствія чаще дѣлиться съ читателями „Русской Старины“ ея воспоминаніями. И вотъ, при упоминаніи этого имени, предъ нами также выростаетъ вопросъ: почему русской женщинѣ нечего вспомнить, нечѣмъ подѣлиться изъ своего прошлаго съ современными читателями? что за причина, что мы такъ рѣдко встрѣчаемъ подъ мемуарами, сколько нибудь имѣющими значеніе и интересъ, имя русской женщины? Не

служить-ли это обстоятельство доказательствомъ того ничтожнаго участія, какое принимала русская женщина въ пережитыя эпохи въ общественной и литературной дѣятельности? Будемъ надѣяться, что, съ развитіемъ высшаго образованія, и изъ среды русскихъ женщинъ появятся дѣятели въ различныхъ сферахъ общественной нашей жизни, которымъ будетъ чѣмъ подѣлиться изъ пережитаго и передуманнаго ими во время служенія Россіи на томъ или другомъ поприщѣ.

Мы упомянули выше о томъ, что государственные люди Россіи, ея администраторы на различныхъ болѣе или менѣе высокихъ постахъ, довольно рѣдко принимаются за перо, чтобы въ формѣ мемуаровъ дать отчетъ потомству въ идеяхъ, руководившихъ ихъ дѣятельностію, и въ указаніяхъ на тѣ цѣли, къ которымъ они стремились. Но, какъ ни мало таковыхъ мемуаровъ, а все же редакція „Русской Старины" съ удовольствіемъ можетъ сказать, что большинство ихъ явилось на страницахъ именно этого изданія.

Къ числу вполнѣ историко-литературныхъ памятниковъ этого рода мы должны присоединить „Записки графа Михаила Николаевича Муравьева". Какъ ни желчно и пристрастно, по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ ему государственнымъ дѣятелямъ, онѣ написаны, но, конечно, каждый изъ нашихъ читателей согласится, что „Записки о мятежѣ въ сѣверозападной Россіи" имѣютъ весьма крупное значеніе. Главнѣйшее ихъ значеніе уже то, что онѣ исходятъ непосредственно отъ вчинателя цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ государственныхъ мѣръ, принятыхъ въ Литвѣ и смежныхъ съ нею губерніяхъ съ 1863-го по 1865 годъ. Создать оплотъ русскому государству возрожденіемъ русской народности въ глухомъ Литовскомъ краѣ, побороть ксендза и пана, дѣлавшаго въ теченіи двухъ-трехъ вѣковъ все, чтобы придавить много-милліонное русское быдло (такъ звали они литовскаго и бѣлорусскаго крестьянина); вдохнуть жизнь въ задавленное сословіе крестьянъ этого края,—такая заслуга заставляетъ, по выраженію сенатора Я. А. Соловьева, если не мириться ни съ прошлою дѣятельностію графа М. Н. Муравьева до 1863 г., ни съ его жестокостію, иногда совершенно безполезною по отношеніямъ къ тысячамъ отдѣльныхъ лицъ,—то, во всякомъ случаѣ, заставляетъ вполнѣ признать въ немъ одного изъ немногихъ русскихъ государственныхъ мужей, вполнѣ ясно и опредѣленно создавшихъ

себѣ программу дѣйствій въ 1863 г., по отношенію къ сѣверозападной Россіи, и не отступившаго ни на одну пядь при исполненіи этой программы.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій, въ ряду составителей оныхъ, подѣлившихся своими трудами съ читателями „Русской Старины“ въ 1882 г., намъ и въ истекшемъ году весьма пріятно встрѣтить имена нашихъ высокоуважаемыхъ ученыхъ-историковъ: Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова, В. С. Иконникова и нѣкоторыхъ другихъ. Первый помѣстилъ—двѣ монографіи по вопросу, многіе уже годы его занимающему и столь всесторонне имъ изученному: „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“, и критическое изслѣдованіе, вызванное статьями его ученыхъ противниковъ профес. В. Г. Васильевскаго, г. Веселовскаго и профес. В. О. Ключевскаго:—„Поборники норманизма и туранизма“.

Н. И. Костомаровъ помѣстилъ живой очеркъ изъ временъ Петра Великаго. В. С. Иконниковъ—продолжалъ сообщать свои критическо-библіографическія замѣтки о вновь вышедшихъ книгахъ въ области русской исторіи.

Наибольшее изслѣдованіе въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. принадлежитъ молодому и даровитому ученому В. Е. Якушкину. Его обширная монографія: „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ“, въ высшей степени подробно и обстоятельно, вполнѣ при томъ критически, шагъ за шагомъ, разсматриваетъ всѣ данныя, до сихъ поръ явившіяся въ печати въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, по дѣлу Александра Николаевича Радищева, 1790 г. Интересъ этого труда тѣмъ бо́льшій, что, кромѣ печатныхъ источниковъ, въ распоряженіи г. Якушкина были совершенно новыя архивныя данныя изъ дѣла, производившагося о Радищевѣ въ Спб. уголовной палатѣ.

Магистру русской исторіи В. И. Семевскому принадлежитъ очеркъ крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ II,—одинъ изъ законченныхъ отрывковъ изъ послѣдующихъ томовъ его многолѣтняго историческаго труда: „Крестьяне при Екатеринѣ II“. Настоящій очеркъ молодаго ученаго, столь блистательно защитившаго въ

1882 г., въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета, въ Москвѣ, свой трудъ на степень магистра.[1]) русской исторіи, интересенъ, между прочимъ, потому, что въ формѣ полемики, которая велась между княземъ Димитріемъ Алексѣевичемъ и вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицыными, вполнѣ вырисовываются взгляды императрицы Екатерины II-й на крестьянскій вопросъ, что и выяснено въ монографіи В. И. Семевскаго. Все, что писалъ князь Александръ Михайловичъ своему родственнику, было изложеніе замѣтокъ и указаній, по данному вопросу, самой императрицы. Личность князя Димитрія Алексѣевича Голицына не представляла особеннаго интереса Государынѣ, не представляетъ интереса и современному читателю; но великая Императрица превосходно знала, что за спиною князя Димитрія Алексѣевича стоитъ весь тотъ кругъ энциклопедистовъ и тогдашнихъ вообще либеральныхъ людей,—вожаковъ общественнаго мнѣнія Европы, въ которомъ вращался князь Д. А. Голицынъ и въ которомъ имѣлъ онъ довольно тѣсныя и долголѣтнія связи. Такимъ образомъ все, что писала Государыня, было направлено, по крестьянскому вопросу, именно въ лагерь энциклопедистовъ. Судя по этому очерку, можно съ увѣренностію сказать, что трудъ В. И. Семевскаго, и въ дальнѣйшемъ его развитіи исторіи крестьянъ XVIII вѣка, представляетъ все бо̀льшій и бо̀льшій интересъ; въ немъ читатель находитъ не одно только критическое обозрѣніе и всестороннее изслѣдованіе тѣхъ или другихъ мѣропріятій правительства по сему дѣлу; не только весьма живыя, иногда потрясающія душу, подробности о бытѣ сельскаго населенія въ прошломъ столѣтіи, но и изложеніе, самое обстоятельное, постепеннаго развитія въ обществѣ идеи о необходимости улучшенія въ положеніи низшаго класса русскаго народа, а затѣмъ и его освобожденія. Сердечно желаемъ, чтобы молодой изслѣдователь, по окончаніи труда своего въ предѣлахъ XVIII вѣка, постепенно перешелъ и къ изложенію исторіи крестьянскаго вопроса въ текущемъ столѣтіи. Мы имѣемъ многотомные труды о царствованіи Александра Павловича; самое царствованіе Николая Павловича, менѣе всего до сихъ поръ из-

---

[1]) Рѣчь, сказанная В. И. Семевскимъ на публичномъ диспутѣ въ Московскомъ университетѣ, 17-го февраля 1882 г., при защитѣ имъ диссертаціи на степень магистра русской исторіи, помѣщена въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, май, стр. 565–594.

слѣдованное, также представляетъ намъ нѣсколько официальныхъ трудовъ, въ родѣ сочиненія француза Лакруа; но крестьянскій вопросъ,—обозрѣніе положенія сельскаго населенія за первую половину текущаго вѣка, почти вовсе до сихъ поръ не было предметомъ изученія и, что всего прискорбнѣе, это не было сдѣлано въ эпоху гигантскихъ трудовъ, подъятыхъ Царемъ-Освободителемъ и его сподвижниками, при выработкѣ реформы 19-го февраля 1861 г. Оно и понятно: въ 1857—1861 гг., когда кипѣла работа по подготовкѣ положеній 19-го февраля, былъ недосугъ зарываться въ архивы и извлекать оттуда чисто историческія данныя по сему вопросу. Повторяемъ, пожелаемъ же, чтобы хотя теперь этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ былъ восполненъ трудомъ, который, какъ мы уже замѣчали въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ обозрѣній „Русской Старины“, могъ бы имѣть и, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы не только историческое, но и вполнѣ практическое значеніе, какъ воспособленіе, весьма важное, при постоянно продолжаемыхъ правительствомъ законодательныхъ работъ, преслѣдующихъ благую цѣль—упроченіе благосостоянія и дальнѣйшаго преуспѣянія многомилліоннаго сельскаго населенія Россіи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

По отношенію къ эпохѣ Петра Великаго читатели, конечно, замѣтили, первое по времени, „Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота“, составленное очевидцемъ возникновенія, на берегахъ Невы, столицы Россійской имперіи въ первые десять лѣтъ по основаніи Петербурга. Разсказъ этотъ очень живо возпроизводитъ предъ нами „Сѣверную Пальмиру“ за 172 года до нашего времени. Повторимъ здѣсь признательность уважаемому директору Императорской Публичной библіотеки, академику А. Ѳ. Бычкову, разрѣшившему намъ воспроизвести, во второмъ изданіи, это описаніе, изданное впервые въ русскомъ переводѣ Императорскою Публичною библіотекою, но въ ничтожномъ числѣ экземпляровъ, а потому давно уже сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью.

Къ отдѣлу изслѣдованій принадлежитъ нѣсколько историко-біографическихъ очерковъ жизни и дѣятельности нашихъ іерарховъ, каковы: Амвросій Протасовъ, архіепископъ ИркутскійИриней Нестеровичъ, священникъ Ѳеодосій Левицкій и другіе.

Къ эпохѣ Екатерины II въ текущемъ году относится очеркъ, составленный еще 40 лѣтъ назадъ, подъ заглавіемъ: „Пугачевцы

и Пугачевъ“, очеркъ не безъинтересный въ томъ отношеніи, что въ эпоху его составленія были живы еще люди, видавшіе пугачевцевъ или непосредственно слышавшіе о нихъ разсказы отъ современниковъ Пугачева и его „генераловъ“.

Евгеній Петровичъ Кашкинъ и Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій,—біографическіе очерки,—суть ни что иное, какъ только собраніе вполнѣ новыхъ матеріаловъ изъ ихъ фамильныхъ архивовъ, связанныхъ лишь, такъ сказать, бѣлыми нитками, въ формѣ очерковъ. Помѣщеніемъ таковыхъ трудовъ, время отъ времени, мы полагаемъ содѣйствовать появленію, въ возможно ближайшемъ времени, болѣе подробныхъ, всесторонне изложенныхъ жизнеописаній тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ государственныхъ людей, въ ряду которыхъ Трощинскій, по отношенію къ концу прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтій, безспорно занимаетъ весьма видное мѣсто.

Съ особеннымъ удовольствіемъ дали мы мѣсто въ настоящемъ году на страницахъ „Русской Старины“ обширному очерку-монографіи барона А. П. Николаи, въ которомъ, подъ скромнымъ заглавіемъ: „Эпизодъ изъ исторіи Кавказской войны, 1855—1858 гг.“, представлены весьма интересныя данныя о попыткѣ одного изъ Кавказскихъ вождей, именно ген.-адъютанта барона Л. П. Николаи, умиротворить Шамиля и его со-разбойниковъ установленіемъ такихъ отношеній, чтобы горцы сами сознали выгоды и пользу мира съ своими противниками русскими. Очень интересна, между прочимъ, въ настоящей статьѣ барона А. П. Николаи личность Джемалъ Эддина—образованнаго сына Шамиля, столь печально угасшаго среди дикарей, его не понимавшихъ и едва ли ему сочувствовавшихъ.

Обращаемся къ ряду статей нашего давняго глубоко уважаемаго сотрудника Адольфа Петровича Берже: „Выселеніе горцевъ съ Кавказа въ 1864—1869 гг.“. Желѣзные и пароходные пути вотъ уже нѣсколько лѣтъ чрезвычайно приблизили къ намъ Кавказъ. Страна эта, повидимому, всегда вызывала въ русскомъ обществѣ живой интересъ, а между тѣмъ, чѣмъ и какъ объяснить то, въ высшей степени своеобразное, чисто русское, явленіе, что почти 20 лѣтъ въ отечественной печати не появлялось добросовѣстнаго, вполнѣ серьезнаго, изложенія одного изъ крупнѣйшихъ явленій въ жизни европейскихъ народовъ. Мы говоримъ о совершившемся, такъ сказать, на глазахъ всей Европы,

переселенія цѣлаго народа. Чѣмъ оно было вызвано, какъ оно совершилось, какими явленіями сопровождалось, къ какимъ результатамъ привело, — вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы едва ли ни впервые встрѣтили отвѣты въ трудѣ почтеннаго и серьезнаго ученаго, какого мы видимъ въ предсѣдателѣ Кавказской Археографической Коммисіи Ад. П. Берже. Конечно, нѣсколькихъ статей, хотя и написанныхъ такимъ знатокомъ дѣла, какимъ является г. Берже, занимающійся исторіей Кавказа и изученіемъ его положенія съ 1851 г., рядъ даже его статей—все еще недостаточенъ для изслѣдованія вполнѣ историческаго вопроса переселенія Кавказскихъ горцевъ, по результатамъ своимъ въ высшей степени важнаго для настоящаго и будущаго Кавказа и Закавказья. Во всякомъ случаѣ почтенный трудъ Ад. П. Берже является превосходнымъ починомъ къ выясненію этого, можно сказать, міроваго явленія.

Въ текущемъ году, 1-го марта 1882 г., въ глубоко-прочувствованной замѣткѣ профессора И. Е. Андреевскаго, мы помянули первую годовщину смерти Царя-Освободителя, историческій величавый образъ котораго, какъ мы сказали это въ нашей рѣчи въ стѣнахъ С.-Петербургской городской Думы 4-го марта 1881 г., подыматься будетъ все выше и выше въ признательной памяти русскаго народа, чѣмъ дальше, по времени, мы будемъ отходить отъ него.

Къ отдѣлу изслѣдованій мы относимъ и тѣ, такъ сказать, поминки разныхъ государственныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей, потеря которыхъ, вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, оплакивается „Русскою Стариною". Правда, коса смерти сражаетъ въ послѣдніе годы столь быстро лучшихъ русскихъ людей, что если бы мы провожали всѣхъ ихъ некрологами и воспоминаніями, то совершенно заполонили бы страницы нашего изданія. Мы успѣваемъ дѣлать это только по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ.

Кончина дѣятелей прошлаго царствованія: Николая Ивановича Пирогова, кн. Александра Аркадіевича Суворова-Рымникскаго, Андрея Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго, гр. Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, Михаила Дмитріевича Скобелева, Ивана Петровича Голева (Севастопольской ветеранъ), Николая Карловича Рутцена (вполнѣ достопамятный служака земству), — вызвала на страницахъ

„Русской Старины“ 1882 г. то воспоминанія объ этихъ лицахъ, то изложеніе чертъ изъ ихъ государственной, ученой или общественной дѣятельности, то біографическіе или некрологическіе о нихъ очерки, то, наконецъ, ихъ подлинный мемуаръ по тому или другому вопросу—какова напр. весьма важная записка М. Д. Скобелева, составленная имъ 27 декабря 1878 г., о роли Россіи по отношенію къ Турціи.

Въ этомъ же году мы потщились сдѣлать приступъ къ очерку жизнеописанія великой княгини Елены Павловны († 9-го января 1873 г.), одной изъ замѣчательныхъ и высокосимпатичныхъ женщинъ текущаго столѣтія, слѣды благотворнаго вліянія которой въ высшихъ правящихъ сферахъ долго и долго еще сохранятся.

III.

Третій отдѣлъ „Русской Старины“ въ 1882 году, какъ и въ предъидущіе годы, былъ богатъ и въ количественномъ, и, смѣемъ думать, въ качественномъ отношеніи[1]). Подъ рубрикой: „Акты, указы, переписка, рескрипты, разсказы, очерки, замѣтки“ передъ нашими читателями прошли всѣ эпохи отъ Петра Великаго до Александра II включительно и прошли преимущественно, въ документахъ, если можно такъ выразиться, первѣйшей исторической важности. Не въ правѣ ли мы такъ отозваться о перепискѣ, напримѣръ, Костюшко съ императорами Павломъ и Александромъ

[1]) Не смотря на то, что книги „Русской Старины“ теперь издаются едва-ли ни вдвое толще противу первыхъ лѣтъ ея изданія, а именно, нынѣ книги наши заключаютъ въ себѣ каждая не менѣе 14 печ. листовъ, вмѣсто прежнихъ 8, а иногда доходятъ и до 20 листовъ, какъ напр. настоящій выпускъ,—тѣмъ не менѣе приливъ къ намъ статей и матеріаловъ со всѣхъ сторонъ постоянно увеличиваетъ нашъ архивъ, свидѣтельствуя о живомъ интересѣ, какой сохраняютъ наши соотечественники къ изученію новѣйшей исторіи Россіи. По поводу собранія статей и матеріаловъ въ редакціи „Русской Старины“, въ одной, весьма почтенной, газетѣ шутливо было замѣчено, что „редакторъ „Русской Старины“ приготовилъ уже на 25 лѣтъ впередъ нумера своего журнала“. Позволяемъ себѣ эту шутку поправить серьезною замѣткою: у насъ готово статей и матеріаловъ впередъ только на 12-ть лѣтъ; это нимало однако не мѣшаетъ намъ постоянно приглашать всѣхъ любителей отечественной исторіи къ дальнѣйшему сообщенію монографій, очерковъ, матеріаловъ и цѣлыхъ архивовъ, соотвѣтствующихъ программѣ и характеру нашего изданія, такъ какъ мы даемъ мѣсто, на страницахъ „Русской Старины“ статьямъ и матеріаламъ къ намъ поступающимъ, не по времени поступленія, а по степени интереса и по тому значенію, какое сообщаемое имѣетъ для отечественной исторіи. Ред.

Павловичемъ; о перепискѣ цесаревича Павла Петровича съ его другомъ и воспитателемъ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ; о цѣломъ сборникѣ подлинныхъ повелѣній, распоряженій и рескриптовъ императора Павла—въ особенности къ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ; о запискахъ и повелѣніяхъ императора Александра I, цесаревича Константина Павловича; объ обширномъ духовномъ завѣщаніи императрицы Маріи Өеодоровны, писанномъ ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1797-го по 1827 г.) и нынѣ впервые явившемся въ печати,—документъ въ высшей степени драгоцѣнный для изложенія жизнеописанія и характеристики покойной государыни-благотворительницы; наконецъ, упомянемъ о цѣломъ громадномъ сборникѣ, явившемся въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., подъ заглавіемъ: „Междуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ Читатели, конечно, согласятся съ нами, что въ этомъ собраніи документовъ, исходившихъ отъ цесаревича Константина Павловича, императора Николая I, а также въ письмахъ, перепискѣ и донесеніяхъ Дибича, Сакена, графа Витта, князя П. М. Волконскаго, генералъ-адъютантовъ: Илларіона Васильчикова, А. И. Чернышева и другихъ лицъ,—составлявшихъ правительство въ то смутное время,—всѣ событія послѣдняго „междуцарствія“ въ Россіи получили совершенно новую и въ высшей степени живую и интересную окраску.

Обширная и, вѣроятно, нѣсколько наскучившая нашимъ читателямъ переписка князя Александра Николаевича Голицына съ архимандритомъ Фотіемъ въ 1823—1826 гг. помѣщена нами съ полнымъ сознаніемъ важности такого матеріала для наиболѣе глубокаго изученія второй половины царствованія Александра Благословеннаго. Эта переписка, повидимому, совершенно частная, даже интимнаго свойства, вводитъ, однако, насъ въ дебри мистицизма и, прямо сказать, изувѣрства, которыя густою тѣнью осѣнили Александра I и едва ни привели Россію на край гибели, выразившейся открытымъ военнымъ мятежемъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи. Да, Аракчеевы, Голицыны, Фотіи, Руничи, Магницкіе—сознательные или безсознательные изувѣры, во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности,— были дѣйствительными виновниками печальнаго застоя и реакціи послѣднихъ лѣтъ въ исторіи императора Александра Павловича.

Статья о масонахъ, перев. нѣмецкой рукописи, по отзыву

уважаемаго ученаго А. Н. Пыпина: „вполнѣ заслуживала напечатанія: многія свѣдѣнія о ложахъ извѣстны, но въ статьѣ есть и неизвѣстныя подробности, любопытныя и потому, что идутъ изъ прямаго масонскаго источника".

О значеніи для новѣйшей отечественной исторіи вообще, и царствованія Николая Павловича въ особенности, переписки этого государя съ Дибичемъ въ 1828—1829 гг., продолженіе которой тянулось и въ разсматриваемомъ году—мы уже говорили въ обзорахъ „Русской Старины" 1880 и 1881 гг.

Изъ матеріаловъ къ исторіи Александра II, въ отдѣлѣ документовъ, для насъ представляется особенно важною всеподданнѣйшая записка: „о послѣдствіяхъ предполагавшагося лѣтомъ 1858 г. повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ". Записка написана свѣтлымъ умомъ, съ неотразимою силою доводовъ и искренностью убѣжденія. Этотъ документъ, какъ и нѣкоторые другіе, принадлежавшіе эпохѣ реформъ въ Россіи съ 1856 по 1865 гг., свидѣтельствуютъ о живомъ подъемѣ въ тѣ годы умственныхъ силъ русскихъ дѣятелей и о томъ, какъ для живаго, плодотворнаго дѣла въ дорогомъ нашемъ отечествѣ всегда появляются и люди съ дарованіями, энергіею, одушевленные искреннею любовью къ Россіи и ея Державному Вождю.

Довольно большая записка императора Александра II о Кавказѣ—начертанная Государемъ въ 1860 году—вноситъ еще одну свѣтлую черту въ изображеніе этого добраго Государя. Каждый съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ этомъ документѣ заботливость о томъ, чтобы Кавказъ не продолжалъ сосать изъ русскаго народа его жизненныхъ соковъ и объясняетъ, что именно въ этихъ видахъ Государь вполнѣ мудро напрягъ въ 1859 г. массу силъ, дабы однимъ ударомъ сокрушить гнѣздо горскихъ разбойниковъ.

О значеніи телеграфической переписки Императора Александра II съ его намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, кн. М. Д. Горчаковымъ, въ 1861 году, мы говоримъ въ этой же книгѣ „Русской Старины", вслѣдъ за помянутыми письмами. (См. выше стр. 584).

Небольшіе очерки—„Императоръ Николай Павловичъ въ Чембарѣ", „Императоръ Николай въ Харьковѣ" и „Іосифъ Семашко, митрополитъ Литовскій" весьма живо воскрешаютъ предъ умственнымъ взоромъ нашимъ и ту, и другую историческія личности.

IV.

Четвертый отдѣлъ—статьи и матеріалы къ исторіи русской литературы. Какъ и всегда, первымъ вкладчикомъ въ этотъ отдѣлъ является П. А. Ефремовъ, нашъ извѣстный библіографъ и, прямо сказать, одинъ изъ лучшихъ редакторовъ собраній сочиненій классическихъ русскихъ писателей (каковы: Кантемиръ, Жуковскій, Рылѣевъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе). Имъ напечатаны письма А. С. Пушкина къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву. Подъ его же редакціею помѣстили мы поэму, къ сожалѣнію, все еще мало извѣстнаго, но весьма даровитаго поэта князя Александра Ивановича Одоевскаго, поэму „Василько“; имъ же напечатаны нѣкоторыя, хотя и юношескія, но всегда интересныя поэмы безсмертнаго М. Ю. Лермонтова, и нѣкоторыя другія замѣтки по исторіи отечественной словесности.

Изъ русскихъ писателей прошлаго времени ярко охарактеризовался на страницахъ нашего изданія 1882 г. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Эта личность, и по своему всеобъемлющему образованію, и по своему трудолюбію, и по тѣснѣйшей дружбѣ, которая соединяла его съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, наконецъ, по его постоянному сочувствію къ судьбамъ русской словесности и въ особенности отечественной исторіи, по отношенію къ которой заслуги его громадны,—навсегда останется интересной и высокосимпатичной. Въ настоящемъ году мы напечатали обширный сборникъ его писемъ съ 1827 по 1845 г., обставя ихъ множествомъ примѣчаній одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ нашихъ археографовъ и „палеографовъ“ Н. П. Барсукова.

Конечно, не остался не замѣченнымъ въ обозрѣваемомъ году рядъ статей В. К. Шульца: „Критическій обзоръ стихотвореній Лермонтова въ переводахъ французскихъ писателей, 1842—1875 гг.,“ статей, печатаніе которыхъ еще не окончено нами. Какъ ни монотонны и ни тяжелы для чтенія таковые критическо-библіографическіе своды, выписки и выдержки, но они положительно необходимы въ изданіи, посвященномъ изученію не только отечественной исторіи, но и исторіи словесности. Притомъ, на этомъ пути мы все еще совершенные младенцы, по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается ежегодно въ литературахъ германской, англій-

ской, французской, даже испанской, по отношенію къ тѣмъ изъ писателей прошлаго времени, имена которыхъ составляютъ гордость этихъ народовъ; у насъ же, по отношенію, напримѣръ, къ Лермонтову, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, 20-ти лѣтъ послѣ его смерти, да и при его жизни, кажется, все было сдѣлано, чтобы, какъ можно болѣе, уничтожить матеріаловъ для правильной оцѣнки поэтическаго генія и для изложенія его столь рановременно угасшей жизни. Только съ конца 1850 годовъ начинается рядъ изслѣдованій достойныхъ и его жизни, и его поэтическаго творчества; является рядъ превосходно обдуманныхъ и исполненныхъ—подъ редакціей П. А. Ефремова—собраній сочиненій Лермонтова; является, наконецъ, вышеупомянутый добросовѣстный трудъ В. К. Шульца. Таковые труды уже потому должны быть дороги намъ, что къ совершенію ихъ подвизаются люди не иначе, какъ съ безпредѣльною любовью къ памяти геніальнаго поэта.

Замѣчены, вѣроятно, въ обозрѣваемомъ году и матеріалы къ исторіи нашей печати, именно: данныя относительно изданія сочиненій Гоголя и освобожденія ихъ въ 1853—1855 гг. отъ урѣзовъ и придирокъ цензуры—сообщенныя сенаторомъ М. Н. Похвисневымъ—начальникъ по дѣламъ печати со 2 дек. 1866 г. по 24-ое сент. 1870 г.,—4-го ноября 1882 г. скончавшійся: приглашенія отъ Л. В. Дубельта В. Г. Бѣлинскаго въ III-е Отдѣленіе—памятникъ времени наиболѣе придушеннаго состоянія русской печати;—наконецъ,—живой очеркъ-воспоминанія Г. К. Градовскаго о положеніи русской печати вообще и публицистики въ особенности въ эпоху М. Н. Лонгинова и В. В. Григорьева т. е. въ 1873—1879 гг.

V.

Отдѣлъ исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи не былъ забытъ нами и въ обозрѣваемомъ году. Предъ читателями явились на страницахъ „Русской Старины" „Иванъ Павловичъ Брюлловъ", въ біографической о немъ замѣткѣ Ѳ. Ѳ. Львова;—Иванъ Петровичъ Кёлеръ, профессоръ исторической живописи и одинъ изъ лучшихъ портретистовъ русскихъ въ настоящее время. Мы пока напечатали начало автобіографіи этого самородка-эстонца, изъ

крестьянъ, таланта сильнаго и вполнѣ справедливо уважаемаго во всѣхъ сферахъ русскаго общества.

Мы напомнили о совершенно забытомъ художникѣ-акварелистѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ Соколовѣ (1787—1848 гг.), замѣчательномъ однако не только по своему таланту, весьма крупному, но главнымъ образомъ, вполнѣ достопамятномъ какъ основатель портретной акварельной живописи въ Россіи, до сихъ поръ имѣющей лишь подражателей и болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей, но отнюдь не такихъ еще художниковъ, которые бы превзошли его на этомъ поприщѣ искусства.

Очерки и замѣтки И. Н. Божерянова о графѣ Растрелли, о памятникѣ Петру Великому и памятникахъ фельдмаршаламъ—въ Петербургѣ, о скульпторѣ Гальбергѣ и проч. даютъ намъ поводъ надѣяться, что къ небольшой группѣ лицъ, посвятившихъ себя изученію исторіи искусствъ и художествъ въ Россіи, каковы: Д. А. Ровинскій, В. В. Стасовъ, П. Н. Петровъ, Н. П. Собко, М. П. Боткинъ, А. И. Сомовъ, г. Александровъ и немногіе другіе, присоединится г. Божеряновъ—молодой писатель, съ любовію изучающій исторію художествъ въ нашемъ отечествѣ.

Добросовѣстно и кропотливо собранныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности пѣвца О. А. Петрова,—перваго по времени и до сихъ поръ трудно замѣнимаго на сценѣ русской оперы Ивана Сусанина,—заставляютъ желать, чтобы біографіи и прочихъ артистовъ, составляющихъ гордость отечественнаго искусства — были-бы столь-же тщательно изслѣдованы.

VI.

Библіографическій листокъ заключаетъ въ себѣ, подобно предыдущимъ годамъ, отзывы о различныхъ новинкахъ по отношенію къ книгамъ историческимъ и изданіямъ археографическимъ,—отзывы, почти исключительно, принадлежащіе перу профессора русской исторіи императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ, В. С. Иконникова. Какъ ни малъ этотъ отдѣлъ по объему, но мы всегда старались и стараемся въ немъ давать мѣсто рецензіямъ и замѣткамъ лицъ, спеціально изучившихъ свой предметъ и имѣющихъ полный авторитетъ въ наукѣ русской исторіи.

VII.

Каждая книга „Русской Старины“ 1882-го года украшена портретомъ. Безусловно украшеніемъ должны быть названы — портреты императрицы Маріи Өеодоровны († 1828 г.), великой княгини Елены Павловны († 1873 г.),—снимки-геліогравюры съ гравюръ 1805 и 1824 гг., мастерски исполненные г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ;—портреты генер.-аншефа Кашкина, вел. князя Михаила Павловича и рисунокъ: выѣздъ Екатерины II изъ Петергофа утромъ 28-го іюня 1762 г.—всѣ три гравюры рѣзаны на деревѣ доселѣ неподражаемымъ рѣзцомъ Академика Л. А. Сѣрякова.

Прочіе портреты, помѣщенные въ книгахъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года, суть: императрицы Анны Іоанновны и Петра III—геліогравюры Скамони; Д. П. Трощинскаго—грав. И. Н. Матюшина; декабристовъ М. А. Бестужева и кн. А. И. Одоевскаго — гравюры Г. И. Грачева, (гг. Матюшинъ и Грачевъ—сотрудники и ученики Сѣрякова); Натальи Николаевны Гончаровой (невѣсты А. С. Пушкина)—гравюра знаменитаго Парижскаго ксилографа Паннемакера; наконецъ, съ чувствомъ особеннаго удовольствія напомнимъ о превосходной гравюрѣ на мѣди—портретѣ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова,—портретѣ, исполненномъ мастерскимъ рѣзцомъ талантливаго Академика И. П. Пожалостина.

Ред.

23-го ноября 1882 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческія или историко-литературныя статьи и матеріалы въ 1870—1882 гг.

К. К. Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—В. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Аврамовъ,—Ага-бекъ-Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Н. Агафоновъ,—Адасова,—А. К. Адвицовъ,—Азанчевскій,—И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—И. И. Акутинъ,—П. В. Алабинъ,—К. Алмазовъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—Х. К. Андреевъ,—профес. И. Е. Андреевскій,—В. Андреевъ,—Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—М. А. Антоновъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиландеръ,—И. А. Аренсъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—В. И. Асташевъ, — профес. Астафьевъ,—В. А. Арцимовичъ,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Астракова,—Н. П. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—А. И. Барзецовскій, — проф. Н. И. Барсовъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ, — Е. П. Вахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ, · А. Безукладниковъ,—Н. Л. Бенуа,—профес. Н. В. Бергъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Берже,—І. Берманъ, — М. А. Берманъ, — Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бердяевъ, — М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева.—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, —Р. И. Бжостовская,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ,—А. А. Вильдерлингъ,—баронъ Бистромъ,—Д. Благово,—гр. А. А. Бобринскій,—П. О. Бобровскій,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—С. Богоявскій,—Н. К. Богушевскій.—И. Н. Божеряновъ,—В. А. Болотовъ,—М. П. Болотовъ,—А. Борзенко, — Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ, — Боричевскій,—С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. Ѳ. Бороздинъ,—А. К. Бошнякъ,—П. Ѳ. Брандтъ, — проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Брунноръ,— А. П. Брянцевъ, — Д. А. Булатовъ, — Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, — А. Булыгинъ, —

Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—М. Быковъ,—Н. Д.Быковъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,—Ѳ. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Н. А. Бѣлозерская,—А. П. Бѣляевъ, — баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель,—М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,—А. У. Вараксинскій,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василёвъ,—А. И. Васильевъ,—Н. П. Васильева,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденяпинъ, — В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—Е. Н. Вельяминовъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—А. И. Веригинъ, Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—К. А. Висковатовъ,—професс. П. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ, — Ѳ. А. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — М. Владыкинъ, — И. Влодзимірскій,—П. П. Возницынъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. П. Волховской,—Вонлярлярская,—Н. А. Воронихинъ,—П. А. Вороновъ,—П. Н. Вороновъ,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская, — баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Вріони, — Вудъ,—И. В. Вучичъ,—А. А Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій,—К. И. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Е. А. Ганъ,—Гвоздиковъ,—Э. Гебель,—баронъ В. И. Гейсмаръ,—Е. Гелингъ,—Н. В. Гербель,—А. А. Герке,—В. Ц. Герцыкъ, — Гилюсъ, — В. О. Гладкій, — А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ѳ. Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ, — Я Ѳ. Головацкій,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головнинъ, — К. Д. Головщиковъ, — К. М. Голодниковъ, — И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ,—В. А. Гольцевъ,—А. Н. Гончаровъ,—И. Гончаровъ, — И. Ѳ. Горбуновъ, — А. Гордонъ, — М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—М. Городецкій,—кн. А. М. Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—А. К. Грегоріади,—А. Е. Гренъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—Н. В. Губерти,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Данильченко,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизъ,—И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—кн. Демидовъ-санъ-Донато,—Г. Д. Демяновскій,—В. Ѳ. Де-Пуле,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—В. А. Дзюбенко,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—Н. Г. Диоховскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Ѳеоѳанъ Л. Доброленскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Док—ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ,—Домонтовичъ, — Живко-Драговичъ, — Марко Драговичъ, — А. М. Дренякинъ, — кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, —

И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ.—М. Л. Дубецкій.—А. Дубцкеій,—Н. Ѳ. Дубровинъ,—А. В. Дурново,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—от. П. П. Еланскій,—кн. Енгалычевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерошкинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—Завалишинъ,—Л. А. Загоскинъ,—В. Заенчковскій,—Т. М. Заишкевичъ,—П. Т. Залѣсскій,—А. Зандрокъ,—Зарженкій,—Я. И. Заринъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарьинъ,—профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова,—А. Зиѣевъ,—В. А. Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шипилевска,—Ц. И. Ивановъ,—А. В. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Л. С. Исарловъ,—Н. О. Истинской,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ, — М. К. Казина,—Казинъ,—А. Г. Казначеевъ,—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—А. Канаринъ,—кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—П. А. Карабьинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—П. П. Каратыгинъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,—М. А. Карпинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ, — Карповъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. П. Карцевъ, — г. Карцевъ, — Н. С. Кашкинъ, — М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—М. Кельдышъ,—проф. И. П. Келеръ,—Н. П. Кельшъ,—баронъ Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,—Т. Кибальчичъ,—А. Н. Кирилинъ,—Кирилловъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій.—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Князевичъ, — А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій —К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—ген. ад. Козляниновъ,—Козадавлевъ.—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—А. Кокосовъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—А. Л. Колянковскій.—К. П. Колваковъ, — Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—бар. М. Колычевъ,—В. А. Комаровъ. — гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Коньева,—И. П. Корниловъ,—І. А. Корозо, — бар. Н. А. Корфъ, — Корчевскій, — Ю. В. Косова,

рожденная Кюхельбекеръ,—Я. И. Костенецкій,—профес. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косяровскій,—гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Красвокутскій,—И. В. Краснопѣвцевъ,—И. И. Красовскій,—А. Я. Кременской,—В. Д. Кренке,—В. В. Крестовскій,—Н. Ѳ. Крузе,—М. Круповичъ,—И. А. Крыжановскій,—А. Д. Крыловъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—А. Кузнецовъ,—С. Е. Кулеша,—Н. И. Куликовъ,—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Купріяновъ,—В. Курдановскій,—М. Куронтевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—I. А. Лазовъ,—И. Ланинъ,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, рожден. Соловьева,—С. Лашкаровъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ, А. С. Лацинскій,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—С. Л. Левицкій,—О. И. Левицкій,—А. А. Лerминъ,—архимандр. Леонидъ,—Леоновъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—Д. Д. Лисенко,—К. Ф. Де-Ливронъ,—И. Линскій,—М. И. Лилеевъ,—В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопацкая,—Е. А. Лопушинскій,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—I. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—Лукинскій,—В. К. Луцкій,—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ,—Л. Ѳ. Львовъ,—Ѳ. Ѳ. Львовъ,—Н. С. Лыкошинъ,—В. И. Лѣстницынъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—Л. Н. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майковъ,—С. М. Макарова,—от. П. Макаровъ,—Л. С. Маковъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—И. П. Малаховскій,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ.—К. А. Маньковскій,—Б. М. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—А. А. Маринъ,—Е. Л. Марковъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—В. В. Матте,—И. И. Матюшинъ,—Ив. Матченко,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—К. П. Медоксъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—П. И. Мельниковъ,—Меншиковъ,—А. К. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—профес. художн. М. О. Микѣшинъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—А. П. Милюковъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—А. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—Г. Михельсонъ,—I. О. Мишинъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Меѳ. Мирон. Молчановъ,—А. Морганъ,—гр. А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Моriновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. Морозовъ,—Д. К. Морозъ.—Е. Т. Моросинкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Мудиковскій,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—М. А. Мусницкій,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—К. В. Назарьева,—от. А. Накропинъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохницкій,—А. С. Наставинъ,—П. И. Небольсинъ.—

Н. Б. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Нелидовъ, — Несвѣтаевъ, — А. Н. Неустроевъ,— О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—А. А. Никольскій,—проф. В. В. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ, — Д. Ниловъ, — графъ Нироддъ, — Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—М. Д. Нововъ,—С. Д. Нось.

Кн. А. А. Оболенскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—М. Я. Ольшевскій,—Н. О. Омельяненко, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ, — Орловъ, — Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—И. Т. Осининъ,—проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ, — Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ,—В. Θ. Павловъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ.—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—Н. И. Пановъ,—П. А. Панчулидзевъ,—С. Θ. Панроцкій,—Θ. Θ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—Г. Г. Перетцъ,—профес. І. Перволъфъ,—Перьфильева,—Н. А. Перьфильевъ,—Э. П. Перцовъ,—Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ, - проф. Н. И. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—от. Пирлингъ, — Н. В. Пирожковъ,—С. П. Писаревъ, В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Θ. Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—Θ. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—акад. И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Θ. Покровскій,—П. Н. Полевой,—Н. А. Полвановъ,—Поликарповъ,—В. Н. Поливановъ.—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—В. Поляковъ,—А. Полторацкій, — профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ, — Θ. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейнъ,—А. Преображенскій,—Н. М. Пржевальскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ.—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій, — А. Раменскій, — А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій, — П. С. Ревякинъ, — Р. А. Регменскій,—Н. В. Реутскій,—И. С. Ремезовъ, — графъ А. А. Ржевускій.—Людмила Ив. Рикордъ.—Н. В. Ринкъ,—А. Θ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій, — П. Роговъ,—Д. П. Родіоновъ,—от. А. Й. Розановъ, — Н. П. Розановъ, —Н. И. Розановъ, — О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ.—М. П. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Θ. Романенко-Щирый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Русловъ,—Н. И. Ростиславовъ, — графъ И. Н. де-Рошфоръ, — Д. И. Рти-

щевъ,—Д. Рубакинъ,—Рубецъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Румель, — Руничъ, — А. Ѳ. Рутценъ, — Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Саввантовъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко, — А. А. Савурскій, — Д. Садовниковъ,—Садовскій, — Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ, — В. Саитовъ,—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—В. В. Самойловъ, — Н. Самойло, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—А. Н. Сергѣевъ,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ.—А. В. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—магистръ рус. исторіи В. И. Семевскій,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—Сергѣевъ,—Серебряковъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Л. М. Сердюкова, — Серно-Соловьевичъ, — Сеславина, — Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій, — Симоновъ, — Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Р. П. Ситовскій,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—Г. Н. Скамони,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый, — Ѳ. М. Скородумовъ, —А. Слѣпцовъ,—В. Смирновъ, — В. П. Смирновъ, — И. А. Смирновъ, — Д. И. Смышляевъ, —Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій, — В. Соколовскій, —А. П. Соколовъ, — профес. Ѳ. Г. Солнцевъ, —от. П. Соловьевъ, — А. И. Сомовъ, —Р. П. Сорокинъ, —Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—И. Спреогинъ,—М. И. Ставраки.—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, — М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—В. П. Степановъ.—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромиловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулоцкій,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тинъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,-Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимощукъ, рожден. Кузнецова,—А. А. Титовъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—графъ Толстой,—графиня С. А. Толстая,—П. С. Толстой,—Томашевъ,—Н. Е. Топчіевъ,—Н. Трескинъ,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ.—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Н. П. и М. П. Тучковы.—И. И. Тѣльновъ.

М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ, — А. П. Философова,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Д. Флоринскій, — О. Е. Франкъ, — баронъ А. А. Фредериксъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ,—Н. А. Фроловъ.

А. Хань-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Г. Хомонко,—П. Ф. Хомутовъ,—от. Ѳ. Хорошуновъ,—А. Н. Хребтовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—кн. Д. Цертелевъ.

Чайковскій,—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—И. А. Чёрнавскій,—Чешихинъ,—В. Н. Чеховъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—проф Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. и П. А. Чумиковы,—Н. К. Чупинъ.

А. Экземплярскій,—Энгельгардтъ.

Е. А. Шакѣевъ,—И. И. Шамшевъ,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Н. Шеншинъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—Н. К. Штрандманъ,—С. Н. Шубинской,—В. К. Шульцъ,—Б. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ,—В. К. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій,—А. Н. Щербачевъ,—М. П. Щербининъ,—Н. Щеховскій,—Н. Н. Щукинъ,

М. Л. Юдинъ,—Н. Юнгъ,—П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ,—Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Вяч. Е. Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ,—Ястржембскій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: Л. Н. Антроповъ,—А. П. Арбузовъ,—проф. Н. Я. Аристовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Афанасьевъ,—Я. П. Баклановъ,—А. А. Баранцевъ,—князь А. И. Барятинскій,—А. П. Башуцкій,—Л. П. Батюшковъ,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—профес. М. И. Богдановичъ,—адм. Бутаковъ,—профес. О. М. Бодянскій,—профес. И. Д. Бѣляевъ,—И. П. Варнаховскій,—А. И. Васильчиковъ,—Н. В. Вергинъ,—А. Ѳ. Волковъ,—А. С. Вороновъ,—А. Н. Вульфъ,—от. И. Гагаринъ,—Г. Н. Геннади,—П. П. фонъ Гецъ,—А. Ѳ. Гильфердингъ,—Ѳ. И. Глинка,—А. К. Гриббе,—В. И. Даль,—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—Н. П. Дуровъ,—И. И. Евронеусъ,—А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—Д. Н. Замятнинъ,—К. К. Злобинъ,—И. Ѳ. Золотаревъ,—К. А. Зыбинъ,—Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожденная Колосова,—П. А. Каратыгинъ,—Е. Д. Карповъ,—О. И. Константиновъ,—Г. И. Кузьминскій,—кн. Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Княжевичъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—М. А. Марковъ,—П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—Ѳ. Н. Муратовъ,—П. А. Муха-

новъ, — Θ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—гр. Остенъ-Сакенъ,—И. Д. Павловскій —акад. П. П. Пекарскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Θ. Ратчъ,—А. В. Рачинскій,—Д. И. Романовскій,—А. И. Рыжовъ,—профес. И. И. Свіязевъ,—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—К. С. Сербиновичъ,—Д. И. Скобелевъ,—проф. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій, — Э. И. Стоговъ, — кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—акад. грав. Л. А. Сѣряковъ, — К. Н. Тихонравовъ,—В. И. Фельнеръ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ,—А. В. Фрейгангъ,—М. Д. Хмыровъ,—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ и К. В. Чевкинъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

Ред.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ,

„Русская Старина“ въ 1882 году.

Въ 1882 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	20
2. Амурской обл. .	12
3. Архангельской губ.	18
4. Астраханской .	62
5. Бакинской . .	36
. Батумской обл. .	3
. Бессарабской губ.	40
. Варшавской.	77
. Виленской . . .	51
. Витебской .	21
. Владимірской .	67
. Вологодской	29
. Волынской .	41
. Воронежской .	65
. Выборгской.	9
. Вятской . . .	57
. Гродненской. . .	34
Дагестанской обл. .	20
Донской обл. . . .	40
Екатеринославской обл. .	93
Елисаветпольской губ.	7
Енисейской.	27
23. Забайкальскомъ окр. .	45
24. Закаспійскомъ отд .	1
25. Заравшанскомъ окр. .	7
26. Иркутской губ. .	77
27. Казанской .	81
28. Калишской .	12
29. Калужской .	54
30. Карской обл. .	9
31. Кіевской губ .	149
32. Ковенской . .	24
33. Костромской. .	47
34. Кубанской обл. .	41
35. Курляндской губ.	10
36. Курской . .	85
37. Кутаисской.	10
38. Кѣлецкой .	9
39. Лифляндской .	32
40. Ломжинской	18
41. Люблинской	20
42. Минской. .	34
43. Михельской. .	»
44. Могилевской губ.	25

45. Московской. .	54
46. Нижегородской .	68
47. Новгородской .	45
48. Нюландской	»
49. Олонецкой .	13
50. Оренбургской .	33
51. Орловской .	101
52. Пензенской.	50
53. Пермской	92
54. Петроковской .	13
55. Плоцкой . .	14
56. Подольской .	23
57. Полтавской . .	114
58. Приморской обл.	16
59. Псковской губ.	50
60. Радомской	13
61. Рязанской .	50
62. Самарской . . .	49
63. С.-Петербургской.	74
64. Саратовской . .	89
65. Семипалатинской обл .	6
66. Семирѣченской обл.	16
67. Симбирской губ.	64
68. Смоленской. .	49
69. Ставропольской .	37
70. Сувалкской .	9
71. Сѣдлецкой . . .	10
72. Сыръ-Дарьинской обл..	51
73. Тавастгутской губ.	51
74. Таврической .	84
75. Тамбовской .	96
76. Тверской. .	61
77. Терской обл. .	24
78. Тифлисской губ .	81
79. Тобольской .	28
80. Томской .	33
81. Тульской. . .	70
82. Уральской обл.	7
83. Уфимской губ.	29
84. Ферганской обл. .	9
85. Харьковской губ.	120
86. Херсонской.	193
87. Черниговской . . .	71
88. Черноморскомъ окр. . .	5
89. Эриванской губ. .	10
90. Эстляндской	20
91. Якутской обл .	16
92. Ярославской	64
Итого	3848
II. Въ Москвѣ . . .	431
III. Въ С.-Петербургѣ *съ доставкою*	945
безъ доставки .	209
IV. За границею	67
Всего	5500

Завѣдывающій экспедиціей журнала „Русская Старина“. *П. А. Александровъ.*

„ПТИЦЕЛОВЪ“,

картина профес. Перова, гравюра Акад. Пожалостина.

Въ настоящее время, въ Москвѣ, открывается Художественная выставка всѣхъ произведеній нашего знаменитаго жанриста, покойнаго профессора Перова,—въ память его высокаго и незабвеннаго таланта.

Редакція «Русской Старины» считаетъ долгомъ напомнить, что изъ числа знаменитыхъ художественныхъ произведеній Перова съ одной, и притомъ прелестнѣйшей, его картины «Птицеловъ» воспроизведена въ высшей степени превосходная по достоинству гравюра на мѣди Академикомъ Ив. Пет. Пожалостинымъ. Извѣстно, что когда послѣдній представлялъ на одобреніе пробный оттискъ гравюры Перову, то онъ, обращаясь къ граверу, восторженно одобрилъ исполненіе, сказавъ:—«Ну спасибо вамъ! Извините, я думалъ что вы, какъ и большинство граверовъ, надѣлаете только чистенькіе штришки, а картину изуродуете; но въ вашей гравюрѣ я вполнѣ признаю и вашъ талантъ и себя».

Гравюра «Птицеловъ» дала г. Пожалостину извѣстность какъ отличному исполнителю гравюръ на мѣди и разошлась въ значительномъ числѣ экземпляровъ. Въ настоящее время гравюра «Птицеловъ» имѣется у Ив. Петров, Пожалостина лучшаго достоинства, на китайской бумагѣ, всего лишь въ 175 экз., которыми подписчики на журналъ «Русская Старина» могутъ воспользоваться за уменьшенную цѣну, именно за **ЧЕТЫРЕ** руб. съ упаковкою, пересылкою и доставкою на мѣсто. Въ магазинахъ же у Фельтена, Бегрова и Даціаро, гравюра «Птицеловъ» продается за пять рублей безъ пересылки.

Печатается книга: «ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ»,

Очеркъ изъ Русской исторіи М. И. Семевскаго, новое, дополненное изданіе съ портретомъ Царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками. Книга будетъ разослана тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины“, которые возобновивъ подписку до 15-го декабря 1882 г. выслали пять почтовыхъ марокъ (35 коп.).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Указы, рескрипты, разсказы, замѣтки.

До Петра I.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Анны Іоанновны.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованія Александра II и Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія художествъ и искусствъ.

Портреты и гравюры.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

ОПЕЧАТКИ.

Томъ XXXV, Іюль, стр. 191, 9-я стр. снизу—имп-ца Елисавета Петровна
читай: Елисавета Алексѣевна

Томъ XXXVI, Октябрь, стр. 46, 6-я стр. снизу—Графъ Өедоръ Андреевичъ Апраксинъ читай: Өедоръ Матвѣевичъ

» » стр. 208, 11-я стр. сверху—55-ти лѣтъ
читай: 15-ти лѣтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ГАЗЕТЫ

„НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1883 году.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Нижегородскій Биржевой Листокъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, въ размѣрѣ листа обыкновенной газетной бумаги, а во время Нижегородской ярмарки въ увеличенномъ объемѣ до полнаго газетнаго листа.

Программа газеты заключаетъ въ себѣ болѣе 15-ти отдѣловъ, изъ которыхъ главнѣйшіе слѣдующіе: 1) Телеграммы внутреннія и заграничныя политическія, а также курсовыя телеграммы съ С.-Петербургской биржи и торговыя отъ собственныхъ корреспондентовъ. 2) Дневникъ. 3) Биржевыя свѣдѣнія Нижняго-Новгорода по всѣмъ отраслямъ сосредоточенной въ Н.-Новгородѣ торговли, по пароходству, судоходству и проч. 4) Пароходныя свѣдѣнія о состояніи пароходства на Волгѣ и ея притокахъ, о горизонтѣ воды и проч. 5) Корреспонденція со всѣхъ центральныхъ рынковъ Россіи, съ хлѣбныхъ пристаней рр. Волги, Камы, Оки, Бѣлой, Суры, Вятки и другихъ. 6) Дневникъ происшествій по Н.-Новгороду, по всѣмъ уѣздамъ Нижегородской губерніи и наиболѣе выдающіяся происшествія изъ другихъ городовъ. 7) Судебныя рѣшенія;—въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются выдающіеся процессы, разсматриваемые въ Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ и его отдѣленіяхъ по уѣздамъ Нижегородской губерніи, а также болѣе интересные процессы въ столицахъ и другихъ городахъ. 8) Извѣстія, позаимствованныя изъ газетъ. 9) Иностранныя Извѣстія. 10) «Справочный отдѣлъ», заключающій въ себѣ «Мѣсяцесловъ-календарь», съ описаніемъ житія святыхъ, свѣдѣнія о времени прихода и отправленія почтъ, о движеніи поѣздовъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги, указатель дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и проч.

Литературный отдѣлъ по программѣ составляютъ отрывки изъ историческихъ и современныхъ романовъ, повѣсти и разсказы изъ народнаго быта. Сюда также входятъ еженедѣльныя обозрѣнія нижегородскихъ театровъ—городскаго и ярморочнаго. Въ газетѣ въ 1882 году, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ историческихъ очерковъ и описаній, былъ напечатанъ разсказъ изъ народнаго быта «Трудовая лямка», затѣмъ въ настоящее время печатается разсказъ „Порченная“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	6 мѣсяц.	3 мѣсяц.	1 м.
Въ Н.-Новгородѣ, съ доставк.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.	75 к.
Для иногороднихъ, съ перес.	7 руб.	4 » 50 »	2 » 25 »	90 »

Подписка принимается: въ Нижнемъ-Новгородѣ въ редакціи газеты, на Рождественской улицѣ, домъ княгини Абамалекъ-Лазаревой, № 1-й.

Издатель-Редакторъ С. Жуковъ. Редакторъ И. Жуковъ.

сти Толгскаго монастыря; островъ Явель и его древности (весьма обширное изслѣдованіе, 57—234 стр. V кн.); о значеніи в составѣ древней русской метрологіи и т. п. Не упоминаемъ о статьяхъ, имѣющихъ преимущественно теоретическій интересъ; но упомянемъ еще о двухъ изслѣдованіяхъ историческаго содержанія: 1) объ авторѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу «Сильвестровскаго сборника» библіотеки Спб. дух. академіи, Н. И. Барсова, направленномъ противъ мнѣній о принадлежности этого посланія Сильвестру, Макарію, Артемію или Максиму Греку и въ пользу авторства Вассіана Топоркова, бывшаго еписк. Ростовскаго; но доводы автора не достаточно подкрѣплены и притомъ даютъ этому памятнику слишкомъ широкое значеніе. 2) Древнія изображенія царей и ихъ посольствъ за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ, Г. П. Собко; оно представляетъ подробный библіографическій обзоръ источниковъ о древнѣйшихъ портретахъ русскихъ князей до Іоанна IV, и находится въ непосредственной связи съ недавно вышедшимъ капитальнымъ изданіемъ по этой части Д. А. Ровинскаго: «Достовѣрные портреты первыхъ московскихъ государей и изображенія посольствъ ихъ времени», состоящимъ изъ 45 прекрасно выполненныхъ снимковъ, въ видѣ атласа in fol. (цѣна 25 руб.) Изданіе это вышло въ весьма небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. II. 144+124. Тифлисъ, 1882 г. Ц. 2 р.

Немногіе изъ нашихъ учебныхъ округовъ принимаютъ участіе своими вкладами въ области историческаго и этнографическаго изслѣдованія Россіи. Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ мы должны отнестись къ каждому подобному предпріятію. Еще въ 1880 г. управленіе Кавказскаго учебнаго округа издало «Памятную книжку», въ которой кромѣ обычныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, былъ помѣщенъ историческій очеркъ о ходѣ учебнаго дѣла въ кавказскомъ краѣ съ 1802 по 1880 годъ, составленный Л. Н. Медвѣдевскимъ, съ приложеніемъ карты учебныхъ заведеній кавказскаго учебнаго округа. Въ 1881 г. появился I выпускъ названнаго выше «Сборника», въ который вошли этнографическіе и статистическіе очерки нѣкоторыхъ городовъ и селъ; сказанія о нартскихъ богатыряхъ у татаръ, горцевъ пятигорскаго округа; татарскія пословицы, поговорки и загадки, а въ концѣ приложенъ планъ Эривани.

Второй выпускъ Сборника нѣсколько полнѣе и разнообразнѣе. Кромѣ очерка отдѣльныхъ мѣстностей (Гори, гор. Нахичевань и уѣздъ), кромѣ пѣсенъ, преданій, сказокъ и пословицъ, здѣсь помѣщены: краткія извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ, учителя г. Гана, и довольно полный этнографическій очеркъ изъ быта армянъ-переселенцев изъ Персіи (1—98 стр.), составленный учителемъ г. Зелинскимъ. Къ настоящему выпуску приложено нѣсколько видовъ, плановъ и рисунковъ. Вообще, труды эти принадлежатъ мѣстнымъ педагогамъ и ведутся по извѣстной программѣ, которая была напечатана въ I выпускѣ. Во второмъ же выпускѣ напечатаны вопросы по изученію повѣрій и суевѣрій, предложенные г. Потанинымъ.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 2-й. 214. Ц. 50 к.

Въ новый выпускъ вошли слѣдующіе матеріалы: выборы 1785 г. должностныхъ лицъ согласно учрежденію о губерніяхъ Кіев. намѣстничествѣ; пожаръ 1782 г. зданія Кіев. намѣст. правленія; въ [illegible] ріи почтъ кіев. губерніи; оскорбленіе [illegible] щенника безчестіемъ и боемъ (1758 г.); жалобы обывателей на воинскія [illegible] 1795 г.; проѣздъ черезъ Кіевъ турецкаго посланника въ 1731 г.; невольное [illegible] пленіе кіевскаго магистрата 1753 г.; о [illegible] лихъ Самарскаго монастыря, приписанна[illegible] го къ Межигорскому (1776—81); къ исторіи переселеній изъ Кіевской губ. въ Екатеринославскую (1790), побѣги крестьянъ съ лѣваго берега Днѣпра въ Польшу въ XVIII в.; созывъ ополченія или земской милиціи въ Кіев. губ. въ 1806—1807 гг.; дѣло 1789 г. о бунтѣ въ с. Турбаяхъ Полтавскаго уѣзда; изъ дѣлъ о розыскѣ «подданныхъ», убѣгавшихъ отъ своихъ господъ, сопротивленіе при обращеніи въ подданство лицъ, самовольно записавшихся въ казаки и др. **В. И.**